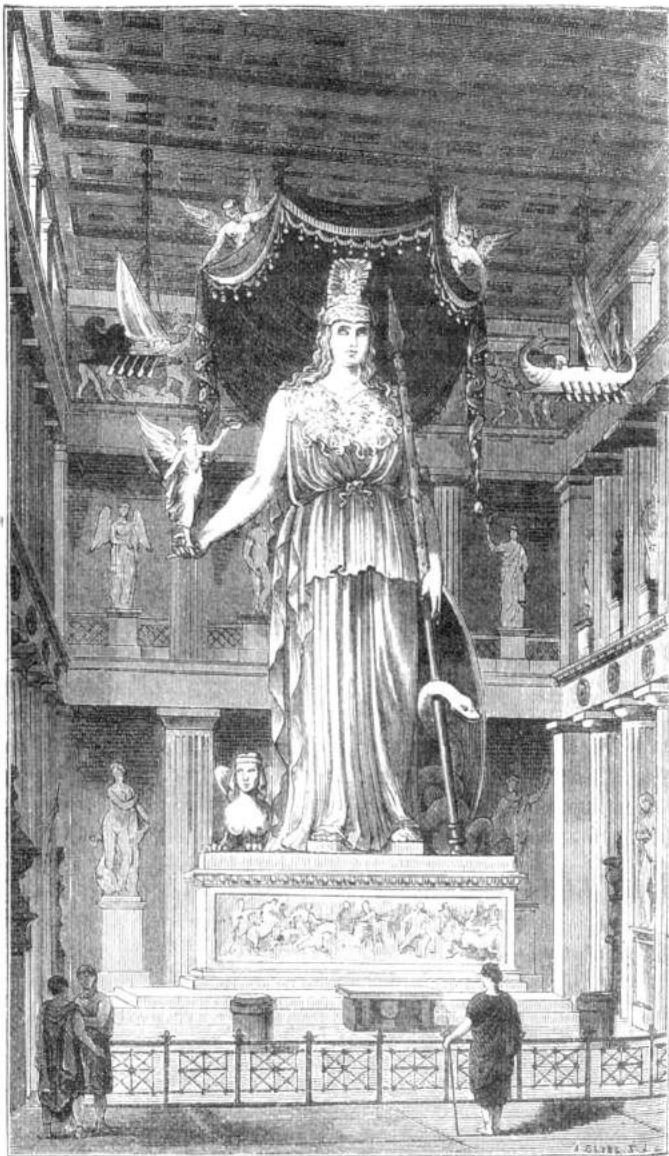

**Карл
БЕККЕР**

**ДРЕВНЯЯ
ИСТОРИЯ**

**ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ**

**Карл
БЕККЕР**

**ДРЕВНЯЯ
ИСТОРИЯ**

**ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ**

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2012

УДК 82-311.6(02)
ББК 63.3(0)3
Б42

Серия основана
в 2007 году

Печатается по изданию:
К. Ф. Беккер.
Древняя история в 3-х томах.
Издание А. С. Суворина.
СПб., 1890 г.

Беккер К. Ф.

Б42 Древняя история. Полное издание в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 947 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-1300-3

В один том полностью вошла знаменитая «Древняя история» в пяти частях немецкого историка Карла Фридриха Беккера (1777—1806).

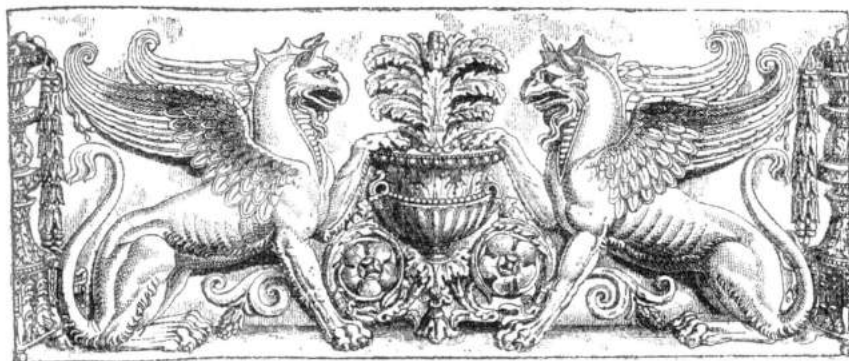
Книга охватывает огромный временной период от зарождения цивилизации до X века нашей эры. Автор в живой и увлекательной манере, лишенной академической сухости создает грандиозную панораму событий, происходивших в Древнем мире. Беккер описывает военные конфликты и широкомасштабные завоевания, находит корни зарождения религиозных верований, мифов и народных преданий, ярко и динамично повествует о жизни великих государей, культурных и политических вождей, приводит исторические анекдоты и высказывания знаменитых людей, ставших афоризмами на все последующие времена.

В книге имеются многочисленные иллюстрации и карты.

УДК 82-311.6(02)
ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-9922-1300-3

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ВВЕДЕНИЕ

Все, что человек вносит с собою в окружающую его мировую жизнь, будет ли это что-либо совершенно новое или только усовершенствование уже существующего, называется культурой или образованием. Непременным условием развития культуры является сообщество людей — государство. Сплачиваясь в государство, люди получают возможность распределять свои соединенные силы по различным направлениям, сообразно своим духовным и материальным потребностям. Вследствие такого распределения возникают различные занятия и ремесла, а благодаря общности языка и возможности взаимного обмена отдельных занятий, достигается развитие ловкости, сообразительности, искусства и образования. Но для того, чтобы подобный взаимный обмен был возможен, над всеми лицами, принадлежащими к государству, должен господствовать закон. Он связывает их, руководит, судит, заботится о несовершеннолетних, вразумляет погрязших в тьму низменных инстинктов и силой возвращает к общей государственной цели деятельность тех, кто отклоняется от нее из своекорыстных интересов. Способ установления и приведения в исполнение законов и свойства отношений между представителями власти и управляемыми составляют так называемое государственное устройство. В этом отношении между государствами существует такое же большое различие, как и между самими народами, так как эти последние преимущественно в образе правления проявляют отличительные черты своего характера.

Разнообразие характерных особенностей, происходящее от различия культуры и государственного устройства, с одной стороны, порождает множество своеобразных движений среди самих отдельных народных групп, с другой — приводит народы в многочисленные соприкосновения и устанавливает между ними то дружественные, то неприязненные отношения. В первом случае народы мирно обмениваются между собою всем тем, что каждый из них, благодаря отличительным особенностям своей

культуры и климатическим условиям страны, производит своеобразного и ценного, причем такие, широко захватывающие меновые сношения называются т о р г о в л е й. Во втором случае между народами возникают раздоры, начинаются войны, происходят завоевания. Происходит это от того, что одни народы в сознании своей силы стремятся приобретать богатства и произведения других не путем обмена, а вторжением в чужую страну и подчинением себе тех сил, которые производят необходимые им продукты, то есть самих людей; другие ищут для своей деятельности более широкого поприща и достигают этой цели тем, что лишают другие народы самостоятельного существования и вводят их в состав своего собственного государственного организма.

Бесконечные и бесчисленные движения как среди каждого отдельного народа, так и между государствами, возникающие и следующие друг за другом в потоке времени, составляют содержание и материал истории. Но ни одно из народных племен не становится предметом истории, пока не войдет в круг этих исторических движений, то есть пока не достигнет известной степени культуры, выражающейся главным образом в установлении государственной формы и образа правления.

Поэтому патриархальные времена, когда отдельные семейства под управлением своего главы, совмещавшего в себе и духовную, и светскую власть, жили особняком и соединялись, и то лишь в редких случаях, только в родственные союзы, лишенные притом внешнего и духовного развития, — можно рассматривать лишь как преддверие в историю. История, без точного обозначения какого-либо времени, начинается только тогда, когда кочевавшие сначала с одного места на другое племена рыболовов, пастухов и охотников избирают себе постоянные места жительства (преимущественно на плодородных равнинах и в речных долинах) и, ознакомившись с употреблением металла¹, а впоследствии с ремеслами, начинают заниматься з е м л е д е л и е м; для упорядочения же своих взаимных отношений издают обязательные условия — «з а к о н ы». В этом, как замечено уже выше, и заключаются первые условия, необходи-

¹ В Новейшее время принято различать вместо трех периодов первобытного человечества (каменного, бронзового и железного), только два: А) д о м е т а л л и ч е с к и й, или к а м е н н ы й век, когда оружие орудия и инструменты изготовлялись из твердого камня. К этому древнейшему периоду принадлежат также так называемые свайные постройки, впервые открытые в 1853 году в Цюрихском озере. Они воздвигались на фундаменте из подводных свай и назначались, вероятно, для защиты от врагов и диких зверей. Здесь также встречаются орудия из рога (из оленьих рогов и костей). Б) м е т а л л и ч е с к и й век, когда бронза (смесь меди, олова, цинка и свинца) и железо были в одинаковом употреблении. В новооткрытых могилах близ Галльштедта, в Верхней Австрии, нашли бронзу, железо, золото, стекло, агат, янтарь; эти могилы были вырыты приблизительно за 1000 лет до Р. X. Прежде чем люди научились извлекать железо из руды, вероятно, употреблялось м е т е о р и ч е с к о е железо, которое там и сям, и иногда в огромных массах, падало с неба в виде падающих звезд и метеоров и представляло собой составные части разрушившихся небесных тел. В Новейшее время также нередко находят метеорическое железо. Так, например, в 1751 году близ деревни Градчины, в Хорватии, упал на вспаханное поле кусок такого железа в 71 фунт весом и ушел на несколько метров в землю; в Бразилии в 1704 году найдена была глыба метеорического железа, весившая 17 300 фунтов; академик Паллас привез в Петербург из своего путешествия по Сибири такую же глыбу в 1600 фунтов.

мые для образования государства и достижения высших ступеней культуры. Затем народ с помощью выдающихся произведений в области наук и искусств может сделаться вполне «культурным» в тесном смысле этого слова и приобрести историческое значение.

Для легчайшего обозрения бесконечного исторического материала его разделяют на от д е л ы (Древнюю, Среднюю, Новую и Новейшую историю), которые, в свою очередь, распадаются на периоды, начинающиеся или оканчивающиеся какими-нибудь особенно выдающимися событиями. На этом основании Древняя и Средняя история разделяется на следующие шесть периодов.

Первый и второй периоды заключают в себе историю от начала ее до Кира. В течение этого времени являются две замечательные исторические личности: Моисей и Кир. Первый из них был основателем Иудейского государства, имевшего по своему духу и устройству весьма замечательное и важное влияние на последующий ход исторической жизни человечества. Вторым соединил своими завоеваниями всю переднюю и среднюю Азию в одно обширное и враждебное Европе государство. В этом периоде господствует исключительно азиатский дух, имевший большое влияние и на Европу (до 530 г. до Р. Х.).

Третий период доходит до другого завоевателя, вышедшего из Европы, македонского царя Александра, который, будучи проникнут духом наиболее образованной в то время страны — Греции, покорил Азию и соединил западную часть ее узлами греческой образованности с юго-восточной Европой (до 320 г. до Р. Х.).

В четвертом периоде этот европейский дух является в новой завоевательной форме — у римлян, подчиняющих своей власти не только большую часть Европы, но и переднюю Азию. Конец этого периода ознаменовывается рождением Иисуса Христа, который, исходя из страны азиатской, производит своей новой религиозной системой переворот в идеях Древнего мира и таким образом становится для Европы источником новой внутренней и внешней жизни.

Пятый период обнимает собою борьбу между древним и этим новым, христианским миром, падение римского господства на Западе, возникновение новоевропейских государств и народов и распространение христианства. В то же время Азия, благодаря проповеди Магомета, пробуждается к новой жизни и снова вступает в борьбу с Европой (до 800 г. по Р. Х.).

Шестой период изображает этот новый мир — Средние века, с двумя главными формами: иерархией и ленной системой, до времени, когда возрождение классической литературы, изобретение пороха и книгопечатания и открытие новой части света — Америки подготовляют новую жизнь (до 1500 г. по Р. Х.).

История Нового времени заключает в себе события от начала реформации до наших дней и, в свою очередь, распадается на целый ряд второстепенных отделов.

ПРЕДАНИЯ О ПЕРВОБЫТНЫХ ВРЕМЕНАХ

Хотя первобытные времена и не входят в рамки истории, но дошедшие до нас предания о них представляют большой интерес.

1. Еврейские предания

Самые древние и интересные предания о происхождении рода человеческого принадлежат иудеям, или евреям. Соединившись в отдельное государство, они жили в западной Азии и гораздо ранее греков обладали вполне сложившимся государственным устройством. В числе священных книг иудеи имели собрание сказаний или преданий о первобытных временах и об истории народа израильского со времени поселения его в Ханаане.

По свидетельству этих преданий, мир и все, в нем существующее, были сотворены волею и всемогущим словом Божиим в шесть дней. В седьмой день Бог почил от трудов своих, и евреям предписано было праздновать седьмой, священный день — «с а б б а т», что перешло от них и к христианам.

В шестой день Бог создал, по образу и подобию своему, первого человека Адама, что значит красноватый; так назван он был по цвету земли, из которой сотворено было его тело. Потом сказал Господь: «не хорошо быть человеку одному» и дал ему в помощницы Еву, что означает мать живущих. Бог дал первой человеческой чете для жительства сад Эдем, или рай, где их привлекали к себе прекраснейшие цветы и плоды. Здесь Адам и Ева вели блаженную жизнь в мире, невинности и детском послушании Богу. Этому еврейскому описанию соответствует и господствующее во всем Древнем мире и его мифах представление о «золотом веке», о котором позднейшие поколения среди своих жизненных невзгод не перестают мечтать, как о давно минувших и невозвратных временах ничем невозмутимого блаженства.

На ближайший затем вопрос, каким же образом появились в мире несчастье, труд, влечение ко злу и всеустрашающая смерть, отвечает рассказ о грехопадении. За ним, как за ослушание воли Господней, следует изгнание из рая; Божеское наказание сопровождает первых людей и за вратами рая, в жизни, исполненной скорби и труда.

По еврейским преданиям, сыновья Адама дали людям пример двоякого образа жизни: Авель был пастух (номад), а Каин — земледелец. Третий сын Адама был Сиф.

Каким образом первые люди отделились друг от друга и расселились постепенно по всей земле, предание объясняет в новом рассказе о братоубийстве Каина. Осужденный на скитальческую жизнь, Каин оставил отечество и пошел на восток; Сиф же остался дома. Таким образом первая человеческая семья разделилась на две, и с течением времени образовались два небольших народа: каиниты и сифиты.

С размножением человеческого рода возросла и нравственная его порча, за что Бог, по словам предания, положил истребить потопом весь род человеческий, кроме одного из потомков Сифа — Ноя. Вместе с Ноем спаслись три его сына: Сим, Хам и Иафет, которые и были прародителями расселившегося затем по всему земному шару человеческого рода.

Предание о большом потопе, совершенно изменившем поверхность земного шара, встречается почти у всех народов; но, отличаясь у большинства из них грубым и фантастическим характером, оно является у евреев, сумевших ясно провести связь между грехом и наказанием, в форме, имеющей глубокое нравственное значение.

Что весь земной шар был некогда затоплен водой, вполне подтверждается и геологическими исследованиями. До сих пор всюду встречаются остатки уничтоженного наводнением животного и растительного мира, скрытые под камнями и земляными наносами, большей частью в окаменелом состоянии. Нынешнее очертание некоторых островов, как например, Зондских и Полинезийского архипелага, также указывает на действие могучих водных масс в первобытные времена.

Происхождение разных языков на земном шаре в еврейском предании объясняется следующим образом: многочисленное общество людей собралось на равнине страны Сенаарской, между Тигром и Евфратом, и решило построить башню, вершина которой достигла бы самого неба. Это прогневало Бога и, чтобы положить конец пагубному предприятию, Он смешал языки строителей, и они перестали понимать друг друга. От этого начатая постройка получила название Вавилонской башни, т. е. башни смещения. Раздосадованные неудачей, люди разошлись в разные стороны, и, переселившись в новую местность, каждый из них передал своим потомкам свой новый язык.

В настоящее время насчитывают до 2000 языков, которые, находясь во взаимной родственной связи, могут быть рассматриваемы как ветви и остатки одного первобытного языка. В них различают следующие главные группы:

1. Индо-Европейская (Индо-Германская), включающую собою языки: санскритский, зендский, славянский, греческий, латинский и немецкий; от латинского (римского) языка происходят языки романские (итальянский, французский, испанский); в родстве с немецким языком состоят языки: английский, датский, шведский и голландский.

2. Семитическая, к которой принадлежат языки: еврейский, арамейский, арабский, абиссинский.

3. Североафриканская, включающая языки: египетский, коптский и древнеэфиопский.

2. Греческие предания

По представлению евреев, происхождение мира, как мы видели, является действием творческой силы Бога; иначе представляется оно у греков, изображающих его скорее как событие случайное, независимое от воли всемогущего божества. Греческий поэт Гомер (живший около 1000 лет до Р. Х.), говорит, что мир возник из Океана, то есть вселенского моря; по рассказу же поэта Гесиода (около 850 г. до Р. Х.), мир произошел из Хаоса, грубой и бесформенной массы, в которой боролись и бушевали смешанные между собою стихии. Единственными в этом мире живыми существами были тогда богиня земли Гея и бог неба Уран. Они сочетались между собою браком и произвели на свет различного рода божества-чудовища: гекатонхейров, имевших по 100 рук и по 50 голов; циклопов — с одним большим глазом посреди лба; титанов и гигантов — исполинов необычайной силы. Но вскоре Уран прогневался на циклопов и низверг их в глубины тартара (ада). Тогда Гея подговорила других своих детей отомстить за смерть их братьев, и они сообща напали на отца; Кронос (Сатурн), младший из титанов, изувечил его и воссел на престол, но из боязни не освободил своих братьев из тартара. После того он взял себе в супруги сестру свою Рею; но так как Уран и Гея предсказали ему, что он в свою очередь также будет свергнут с престола одним из своих сыновей, то стал проглатывать каждое рождавшееся у него дитя. Тогда Рея,

Кронос.

По Millin, Galerie mythologique.

опасаясь за своего будущего ребенка, скрылась от Кроноса на остров Крит и родила там, в Диктейской пещере, Зевса (Юпитера). Она приставила к нему воспитательницами двух нимф, питавших его молоком козы Амальфеи; для того же, чтобы Кронос не мог слышать с Олимпа криков мальчика, у входа в пещеру стояли на страже воинственные мужи Куреты и ударяли своими копьями в щиты. По возвращении своем Рея подала Кроносу завернутый в пеленки камень, который он и проглотил с жадностью вместо ребенка.

Когда Зевс вырос, то сочетался браком с Метиссой (мудрость) — дочерью титана Океана. Метисса поднесла Кроносу напиток, от которого он извергнул из себя камень вместе со всеми проглоченными прежде детьми; то были: Гестия (Веста), Деметра (Церера), Гера (Юнона), Гадес (Плутон) и Посейдон (Нептун). Затем Зевс объявил отцу открытую войну, но в продолжение десяти лет не мог победить его. Тогда Гея предрекла ему победу, если он призовет к себе на помощь низвергнутых в тартар. Освобожденные циклопы немедленно сковали ему молнии, Плутону шлем, а Посейдону трезубец. Пришли и могучие гекатонхейры, изгнанные еще прежде Кроносом, и тоже встали в ряды Зевса. Борьба была ужасна. Чтобы взобраться на Олимп, титаны взгромоздили в Фессалии друг на друга горы Пелиос и Осу, но Зевс поразил их своими молниями, свергнул своего отца Кроноса с неба, сбросил титанов в тартар и назначил циклопам для жительства остров Сицилию. После того он кинул жребий со своими двумя братьями о господстве над миром, причем достались: ему самому — небо, Посейдону — море, а Гадесу — преисподняя.

Символическое значение битв богов, происходивших в Фессалии, совершенно ясно: если Зевс победил наконец своего жестокого отца Кроноса и его братьев титанов, то смысл этого состоит в том, что сильные перевороты, произведенные на земле водой и огнем, предшествовавшие образованию нынешней земной поверхности, кончились. В пример многих стран, где происходили подобные перевороты, приведена Фессалия.

Под конец Гея родила еще сына, Тифона, ужаснейшего из всех чудовищ. На его плечах двигалась сотня змеиных голов, переплетававшихся между собою длинными шеями, лизавших все окружающее ядовитыми языками и извергавших пламя из бесчисленных глаз. Страшные звуки, похожие то на львиное рыкание, то на собачий вой, то на змеиное шипение, вылетали из множества разинутых пастей. Сам Гадес и обитатели тартара трепетали пред ужасным чудовищем. Наконец Зевс молниеносными стрелами низвергнул его в самую глубь земли и навалил на него Этну. С тех пор Тифон старается, но тщетно, освободиться, пыхты и стена на все стороны, и от этого, по словам поэта, происходят ветры и завывания бури.

Сыну одного титана, Прометею, удалось спастись в великой борьбе с Зевсом. После этого он стал забавляться лепкой фигур из смеси земли с водой и вдыхал в них жизнь. Так произошли первые люди, существа жалкие, беспомощные, похожие на животных и не обладавшие никаким знанием, так как они были еще лишены божественного света — разума. Тогда Прометей тайком взошел на небо, похитил немного небесного огня, спрятал в тростник и дал его людям, у которых вследствие этого явились знания и искусство. Но ревнивый к своей власти Зевс воспламенился страшной завистью. Он послал своих ужасных вестников — силу и могущество — и велел им приковать изменника-титана к одному утесу Кавказских гор, где коршун каждый день раздирает ему грудь и пожирает его

печень, которая за ночь вновь нарастала. Только после целых веков мучений, по велению рока, знаменитый Геракл (Геркулес), сын Зевса, застрелил коршуна и таким образом освободил «прикованного Прометея». Созданные Прометеем люди были истреблены страшным наводнением, залившим, по воле Зевса, горы и равнины Фессалии. Удалось спастись только родному сыну Прометея Девкалиону и его жене Пирре. Подобно Ною, они девять дней носились по волнам в деревянном ящике и после

Прометей. Статуя Pradier.

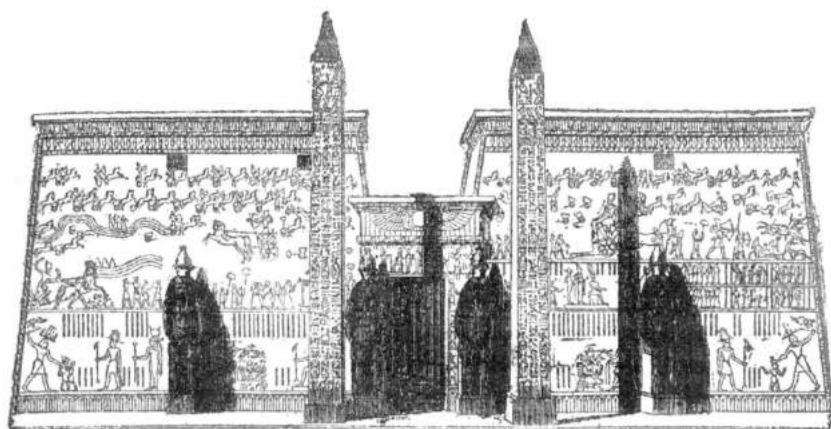
спадения вод остановились на горе Парнасе. Здесь они принесли Зевсу благодарственную жертву, и в награду за их детскую чистоту и благочестие он позволил им просить его о какой-либо милости. Они просили о возобновлении человеческого рода. Тогда Зевс приказал им бросать камни назад через плечо, и камни Девкалиона превратились в мужчин, а камни Пирры — в женщин. Сыновья и внуки Девкалиона были первыми царями в новосозданном человеческом роде, и их имена сохранились в именах греческих народов.

Вот генеалогия или родословная таблица Девкалионова семейства: у Девкалиона был сын Э л л и н; два сына Эллина назывались Д о р и Э о л, а его внуками были И о н и А х е й.

От имени Эллина и происшедший от него народ назвался эллинами, а четыре племени его: доряне, эоляне, ионяне и ахеяне своими родоначальниками считали сыновей и внуков Эллина.

Олимпийские боги с течением времени даже полюбили созданных Прометеем людей, часто сходили к ним на землю и вступали с ними в сношения. Это способствовало и развитию искусств и культуры, которых люди не могли бы создать сами по себе, при помощи одних только своих сил и дарований.

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ПЕРИОДЫ
(от начала времен до Кира)

Реставрированный фасад египетского храма в Луксоре.

I

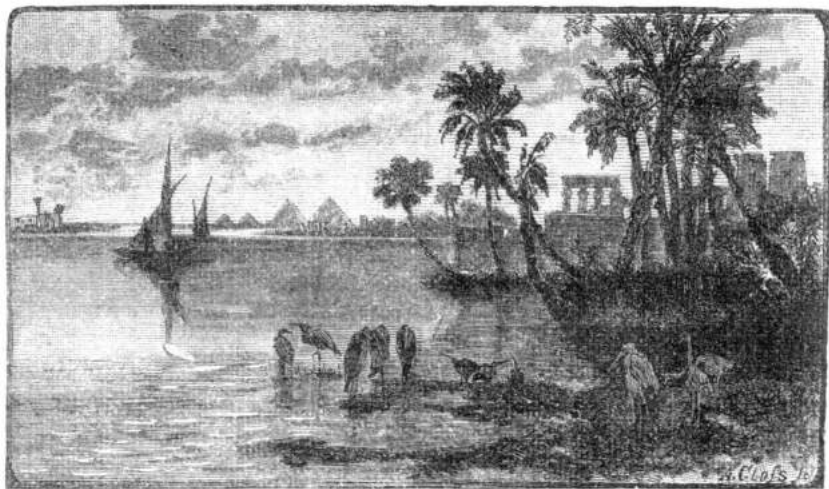
ДРЕВНИЕ ЕГИПТЯНЕ

Одной из стран, впервые выступающей перед нами из мрака истории, является Египет. Хотя мы очень мало знаем о его древнейшей истории, но все то, что дошло до нас о его устройстве и образе правления, говорит нам, сколько было странного и своеобразного в общественном строе и обычаях этого государства. Уже одни природные свойства самой страны способны были придать всему египетскому народу особый характер. Будучи в Северной Африке единственной страной, орошаемой большой рекой, Египет обязан этой реке — Нилу своим плодородием и культурой, так как без него страна была бы бесплодной, песчаной пустыней. Нил выходит из двух больших озер, или внутренних морей Африки: Виктория-Нианза и Альберт-Нианза и после соединения двух своих рукавов — Абиада и Азрека, то есть Белого и Голубого Нила, течет почти в прямом направлении с юга на север. Огромное значение его для Египта лучше всего объясняется в живом описании одного из новейших очевидцев, французского ученого и путешественника Масперо¹.

«Египет есть ни что иное, как плодородная, переброшенная через пустыню полоса земли, оазис, простирающийся по берегам реки и непрерывно снабжаемый из нее необходимой для своей растительности влагой. Надо видеть Египет во время самого низкого уровня воды, за

¹ Ж. Масперо. История восточных народов в древности.

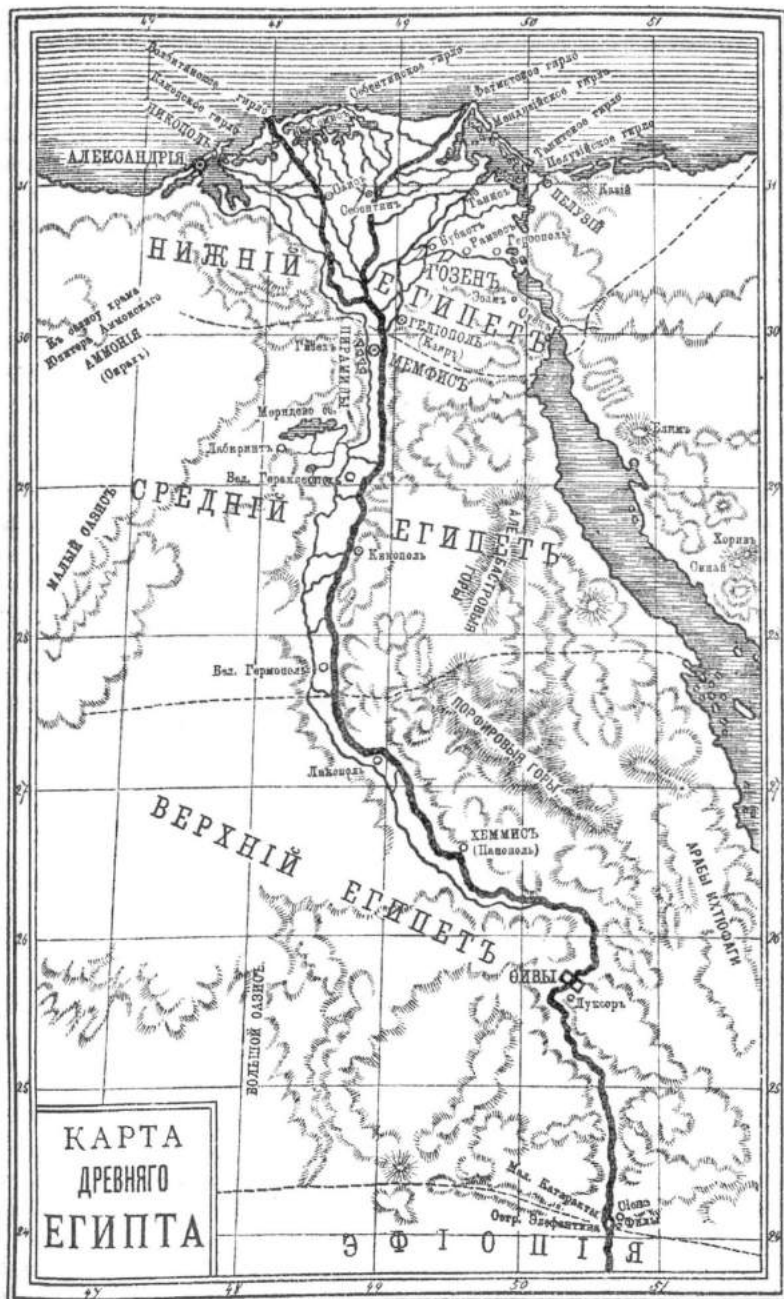
месяц до летнего поворота солнца, чтобы понять, что случилось бы с этой страной, если бы по какому-либо случаю она лишилась своей оплодотворяющей реки. Нил в эту пору до того отступает в глубь своего русла, что имеет лишь половину своей обыкновенной ширины, и его мутные, глинистые, медленно текущие воды как будто вовсе не движутся. Оба берега реки состоят из песчаных мелей или обрывистых черноватых куч ила, постоянно прожигаемых солнцем. За ними нет ничего, кроме песков и бесплодной пустыни, потому что в особенности господствующий в продолжение двух недель и наносящий с собой массы песка, южный ветер хамсин дует в это время почти непрерывно. Там и сям в

Вид Нила.

пыльном, ослепляющем глаза, раскаленном воздухе виднеются стволы и ветви деревьев, но листья их до того покрыты пылью, что издали их невозможно отличить от окружающих песков пустыни. Только с помощью тщательного орошения удастся сохранять нечто вроде зелени в садах египетских пашей. Но вот поднимается северный ветер (у греков этезиос), первый признак приближения конца этого страшного времени года, и начинает дуть по целым дням с необыкновенной силой, нередко даже с бешеной яростью. Быстро освобождает он от пыли листву кустарников, тянувшихся по всему Нижнему Египту, и возвращает ей прежний зеленый цвет. Ветер этот, дующий во всей египетской стране в течение четырех месяцев, сильно смягчает зной солнца, в эту пору всего выше стоящего на небе.

Вскоре с рекой происходит перемена. Находящийся в Каире водоизмеритель Нила показывает, что уровень воды поднялся на один или два дюйма и что вода в ней начинает терять чистоту и свежесть, делавшие ее еще накануне приятной для питья. Она принимает мутно-зеле-

Карта Древнего Египта

ный цвет стоячей воды в заводях, и до сих пор еще не придумано фильтра, который в состоянии был бы удалить из нее возбуждающие тошноту и вредные для здоровья вещества, производящие эту перемену. Утверждают, что зеленая вода в Ниле есть явление природы, происходящее от больших масс стоячей воды, остающихся после ежегодных наводнений в Южной Нубии на обширных песчаных равнинах Дарфура. Вода эта по шести и более месяцев стоит под тропическим солнцем и загнивает; потом она уносится новым наводнением и возвращается в русло реки.

Затем вода в реке начинает прибывать очень быстро. Но проходит еще от десяти до двенадцати дней, прежде чем наступает время последнего и самого необычайного из представляемых Нилом явлений. Я постараюсь описать здесь произведенное им на меня впервые впечатление. Это было под конец длинной и, как мне по крайней мере показалось, томительной ночи. Наша барка была застигнута затишьем на широте города Бени-Гассана, в Верхнем Египте. Тщетно стараясь заснуть, я вдруг увидел верхний край солнечного диска, поднимавшегося над цепью аравийских гор: я был изумлен, заметив, что как только солнечные лучи падали на воду, она тотчас принимала темно-красный цвет. Эта окраска становилась тем гуще, чем ярче делался свет, и прежде чем солнце совершенно вышло из-за холмов, Нил принял вид кровавой реки. Я подумал, что все это был простой обман зрения, наскоро оделся, нагнулся через борт, но то, что мне представилось, только подтвердило справедливость моего первого наблюдения. Вся масса воды была непрозрачна, мутна, красного цвета и похожа на кровь более чем на что-либо другое. При этом я заметил, что за ночь вода в реке прибыла на несколько дюймов; арабы же объявили мне, что это К р а с н ы й Нил. Степень красноты и мутности воды непрерывно меняется, пока длится это необыкновенное ее состояние. В те дни, когда прибыль воды в Ниле бывает не более одного или двух дюймов, вода становится опять полупрозрачной, но все-таки не теряет своего темно-красного цвета. Вредных частиц, как во время Зеленого Нила, она в себе не содержит, и вообще никогда вода Нила не бывает здоровее, приятнее на вкус и освежительнее, как во время наводнений.

Может быть, во всем царстве природы не найдется более привлекательного зрелища, чем Нил во время прибытия воды. День и ночь бегут его волны, величественно катится он по печальной песчаной глади беспредельных пустынь. Пока мы медленно поднимались вверх по реке, напутствуемые северным ветром, нам почти ежечасно слышался шум от падения какой-нибудь загорожи из ила, и, судя по тому, что все живое спешило туда, откуда слышался грохот, мы убеждались, что Нил одолел еще одну преграду и что его пенистые волны возвратили жизнь и радость еще какой-нибудь новой пустыне. Об очень немногом вспоминаю я с таким удовольствием, как о впечатлении, производимом Нилом, когда он, во время своего ежегодного разлития, в первый раз вторгается в какой-нибудь канал. Вся природа ликует от восторга.

Мужчины, дети и буйволы бродят в его освежающих волнах; стаи рыб, сверкающих своей серебристой чешуей, снуют взад и вперед в широком водном просторе; над ними, в воздухе, носятся тучи птиц с ярким и пестрым оперением. И этот праздник природы не для одних только высших ее созданий. Лишь только песок приходит в соприкосновение с оплодотворяющими водами, как буквально оживает и в нем кишат миллионы насекомых. За несколько дней до летнего поворота солнца наводнение достигает Мемфиса. Около той поры, когда у нас бывает осеннее равноденствие, вода в Ниле стоит выше всего и затем начинает спадать; ко времени же нашего зимнего солнцестояния Нил опять входит в свои берега и снова принимает светло-голубой цвет. В этот промежуток времени производится посев; когда же вода стечет, он обыкновенно бывает уже окончен. За весной непосредственно следует время жатвы, и прежде чем задует песчаный ветер хамсин, жатва уже убрана. Таким образом, египетский год, сообразно свойствам местной природы, разделяется на три времени: четыре месяца посева и всхода хлебов, соответствующие приблизительно нашим ноябрю, декабрю, январю и февралю; четыре месяца жатвы, которые, также приблизительно можно приравнять к месяцам нашего календаря от марта до июня включительно; наконец четыре месяца наводнения заключают собой египетский год.

Вся страна, известная теперь под именем Дельты, находилась некогда под водой. Волны Средиземного моря омывали подножие песчаного плоскогорья, над которым высится теперь великая пирамида, а Нил оканчивался несколько севернее того места, на котором впоследствии возник Мемфис. С веками частицы земли, уносимые Нилом с Абиссинских гор, осаждались на береговых низменностях в виде наносов ила и наполняли собой залив, отчего образовались обширные, прерываемые прудами равнины, по которым воды должны были пролагать себе путь. Морские наносы сделали эти отмели более твердыми, и из них образовалась впоследствии первая дельта, начинавшаяся несколько к югу от Мемфиса и оканчивавшаяся милях в пятнадцати далее к северу. Из всего сказанного понятно, почему Геродот, первый из путешественников, оставивший нам описание Египта, выразил произведенное на него этой страной чудес впечатление следующими немногими словами: «Египет есть дар Нила».

Что касается до происхождения древних египтян, то по новейшим исследованиям, они пришли из Азии через Суэцкий перешеек. На берегах Нила им встретилось другое, вероятно, черное, туземное племя, принужденное отступить перед ними внутрь страны. «Судя по дошедшим до нас сведениям, — говорит Дункер в своей «Истории Древнего мира», — на северном берегу Африки, также как и в долине Нила, вплоть до болотистой страны у подножия Абиссинских гор, жили народы, резко отличавшиеся от негров цветом кожи, языком и нравами. Эти племена принадлежали к белой расе, и их языки находились в ближайшем родстве с семитической группой языков».

Вначале египтяне разделялись на множество племен, составлявших во многих местах небольшие независимые государства и имевших каждое свои законы и богослужение. С течением времени эти государства слились между собой, так что под конец остались только два больших царства: **Н и ж н и й Е г и п е т**, или северное царство вместе с Дельтой и городами Мемфисом и Саисом и **В е р х н и й Е г и п е т**, или южное царство с городом Фивами, простиравшееся от вершины Дельты до первого из четырех водопадов Нила. Соединившись под одним скипетром, они составили наследственную монархию фараонов. Первоначальное разделение не уничтожилось, однако, совершенно; из маленьких государств образовались провинции, а из провинций правительственные округа, называвшиеся у греков **н о м а м и**. Эти округа состояли из одного или нескольких городов с прилегающими к ним небольшими участками земли.

1. Древнейшая история египтян

Во всех преданиях и сказаниях, в особенности в «Росписи царей» жреца Манефа, бывшего около 250 г. до Р. Х. храмовым писцом в Фивах, первым царем приводится уроженец города Фени в Верхнем Египте, по имени **М е н а** (Менес), царствовавший за 3890 лет до Р. Х. Он положил конец господству жрецов и основал египетскую монархию. Эта монархия существовала около четырех тысяч лет под управлением тридцати династий до Нектанеба (Нахт-Небефа), царствовавшего за 350 лет до Р. Х. Сообразно последовательному возвышению городов Мемфиса, Фив и Саиса, вся древняя история Египта может быть разделена на три периода:

1) **М е м ф и с с к и й** (I—X династии).

2) **Ф и в а н с к и й** (XI—XX династии), прерываемой вторжением Гиксов около 2100 л. до Р. Х.

3) **С а и с с к и й** (XXI—XXX династии). Кроме Саиса, в этот период возвышались в Дельте и другие города, как например, Бубастис и Танаис, имевших нечто вроде местных династий (например, при XXII и XXIII династиях).

Последний период прерывается в первый раз при XXIII династии вторжением эфиопов. Они господствовали до 672 года и были побеждены ассирийцами. Псаметих около 650 года изгнал ассириян и восстановил саисскую династию. Второй перерыв был произведен вторжением персов при Камбизе в 625 году.

Об основателе египетской монархии Менесе греческий историк Геродот (около 450 г. до Р. Х.), путешествовавший по Египту и лично собиравший сведения от тамошних жрецов, рассказывает, что этот царь в ста стадиях выше Мемфиса устроил на Ниле плотину и тем принудил реку, протекавшую вдоль песчаных гор Ливии, покинуть старое русло и проложить себе новое, между двумя горными цепями. Когда отде-

ленная плотиной земля окрепла и старое русло реки было засыпано и осушено, Менес построил здесь город Мемфис.

С этих пор Мемфис сделался средоточием египетской культуры, и здесь литература, науки и искусства египтян достигли своего высшего процветания. Менес начал постройку большого храма богу Фта и установил богослужение. После более чем шестидесятилетнего царствования он умер, по преданию, от укуса бегемота. О ближайших преемниках Менеса, царях двух первых династий из Фени, до нас не дошло почти никаких сколько-нибудь достоверных известий, и нам едва известны лишь их имена. Но уже и в эти древнейшие времена у египтян было в обычае с возможным тщанием предохранять от порчи мертвые

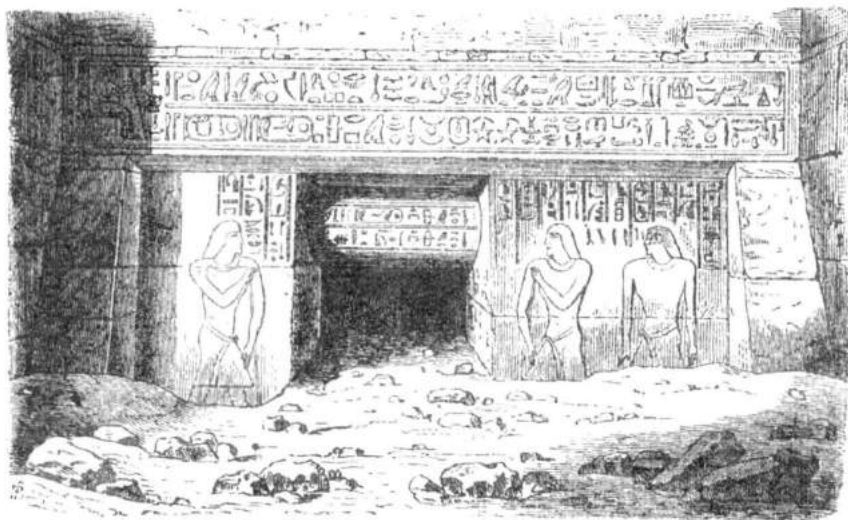

*Египетская мумия.
По Champollion-Figeac. Egipte ancienne.*

тела людей и священных животных. Грек Диодор (около 40 л. до Р. Х.) говорит об этом обычае так: египтяне называют жилища живых людей гостиницами, а могилы мертвых «вечными домами», потому что мертвые пребывают безграничное время в подземном мире. Поэтому мертвые тела для предохранения от разложения превращались в мумии. Сперва вынимали внутренности, которые и сохранялись в особых сосудах; затем тело погружали в противогнилостные жидкости, а потом завертывали, смотря по общественному положению и состоянию умершего, в дорогие или дешевые ткани и клали в соответствующее формам тела вместилище, украшенное надписями и изображениями; лицо же умершего закрывали маской. Это вместилище вставляли в несколько гробовых ящиков; люди же богатые сооружали для этой цели каменные саркофаги из гранита, известняка или базальта.

В нескольких милях к западу от Мемфиса возвышается обширное плоскогорье, тянущееся на протяжении многих миль в одном направлении с рекой. Там находился мемфисский некрополь (кладбище). Здесь тела умерших хоронили на высоте почти ста футов над уровнем нильской долины. Могильные склепы высекались в каменной стене или выкапывались в рыхлом грунте и выкладывались плитами. Бедных людей зарывали большей частью нагими и без гробов, просто в песок, на глубине одного метра; других хоронили в небольших прямоугольных усыпальницах, грубо устроенных из желтого кирпича; людям же зажиточным и богатым воздвигали монументальные гробницы. Цели-

ком сохранившиеся из них состоят из трех частей: на ружной часовни, колодца и подземелья. Часовня всегда бывает четырехугольная и имеет издали вид усеченной пирамиды, а внутри состоит обычно из одной только комнаты. Вход в нее почти всегда с восточной стороны, так как запад, где заходит солнце, принадлежит богам мрака и смерти. В верхнюю часть входных дверей вставлялась широкая доска с надписью из горизонтальных строк. В ней, после молитвы к шакалу бога Анубиса, перечисляются титулы умершего, поименовываются цари, которым он служил и которые дорожили им более, чем «всяким другим слугой». Стены часовни покрыты барельефами, подробно изображающими всю жизнь покойного. В одном углу представлены

*Кладбище Гизеха (в области древнего Мемфиса).
По Lübker. Grundriss der Kunstgeschichte.*

сцены из домашней жизни: повара, раздувающие огонь и приготовляющие обед, женщины, танцующие и играющие на флейтах и арфах; в другом — случаи на охоте и рыбной ловле, происшествия во время наводнения. Там вы видите всякого рода ремесленников, занятых своими работами: сапожников, стекольщиков, литейщиков, столяров; все они следуют в порядке друг за другом. Глава дома стоит на корме большого судна и отдает приказания матросам; море, по которому он плывет, — море запада, а гавань, в которую он держит путь, — ни что иное, как сама могила. Чтобы найти отверстие колодца, надо подняться на плоскую кровлю часовни. Колодец этот четырехугольный и выложен большими красивыми камнями до того места, где он входит в скалу. Средняя глубина его бывает от 12 до 15 метров. На дне его, в южной стене, открывается проход, которым можно идти только согнувшись;

он ведет в самую усыпальницу. Эта последняя высекается в самой скале и не имеет никаких украшений. Посреди ее стоит большой саркофаг из красивого известняка, розового гранита или черного базальта; на нем начертаны имена и титулы умершего. После того как саркофаг с телом запечатали, рабочие клали около него четверть только что убитого в верхней комнате быка и ставили несколько наполненных пеплом больших кружек из красной горшечной глины; затем они тщательно заделывали вход в коридор и наполняли все углубление до самых краев щебнем, смешанным с песком и землей.

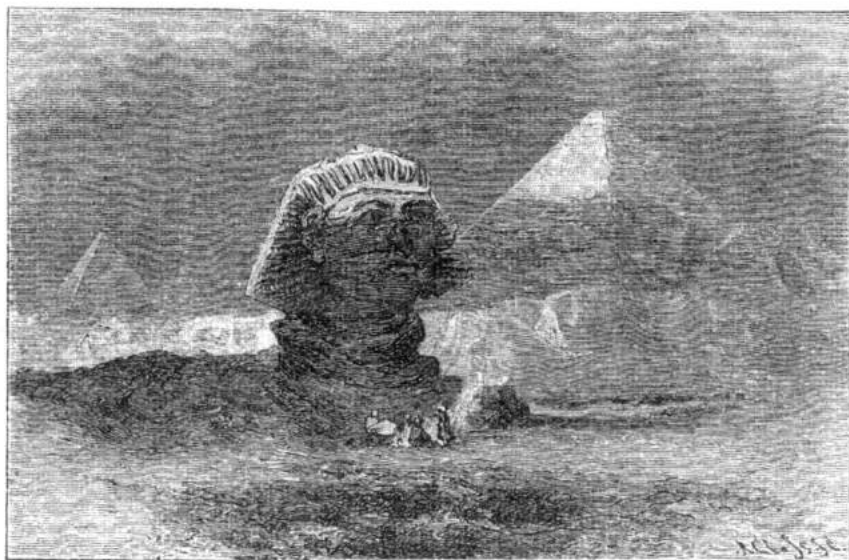
На этом защищенном от наводнений Нила плоскогорье выбирали себе места упокоения и цари. Их гробницы отличались от других уже

*Изображение рыбной ловли.
Из древней египетской гробницы.*

своей величиной. Сначала на устроенные в утесах царские могилы в знак почета наваливались, вероятно, каменные глыбы или насыпались земляные холмы. Для защиты от дувших из пустыни сильных ветров земляные холмы эти приходилось укреплять и обкладывать камнями. Таким образом они постепенно приняли известную определенную форму: то были четырехугольные каменные сооружения, широкие в основании, а кверху все более и более суживавшиеся и получавшие вследствие этого пирамидальную форму. Впоследствии сооружения эти, ради большей прочности и твердости, стали делать сплошь, и снаружи и внутри, из отесанных под прямым углом и расположенных правильными рядами камней, и, таким образом, над гробницами царей нагромождались искусственные каменные горы: «Подобно горам, — говорит римский историк Тацит, — возвышаются среди зыбучих песков п и р а м и д ы, воздвигнутые соревнованием и волей могущественных царей».

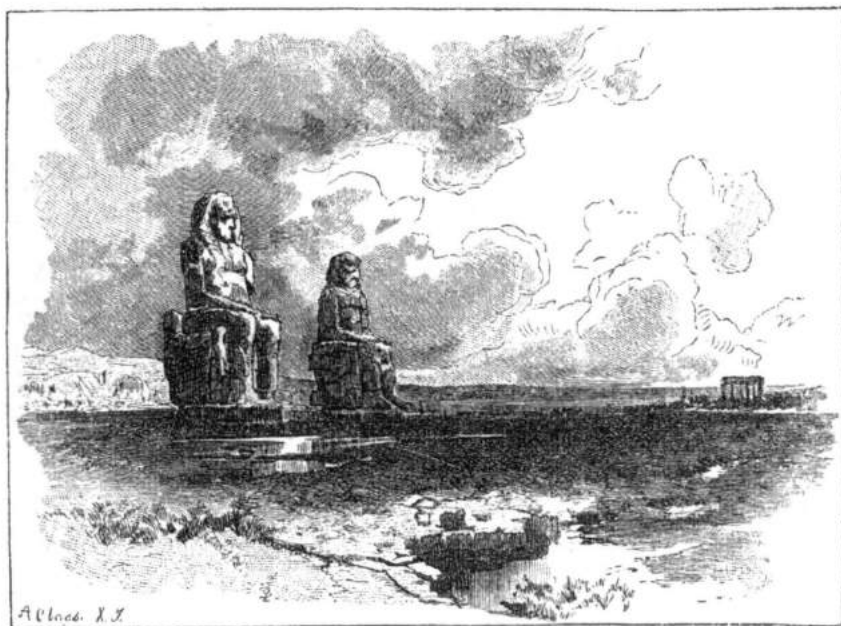
Цари III династии (из Мемфиса), хотя изображения их не встречаются на открытых до сих пор памятниках, известны нам по именам. Наиболее замечательными из них были Гун и Снефру. Но их далеко превосходят известностью три знаменитых царя IV династии: Хуфу (Хеопс), Хафра (Хефрен), и Менкара (Микерин), строители громаднейших «царских могил», трех величайших пирамид в окрестностях Гизега, по Нилу, напротив Каира, в области древнего Мемфиса. Самая огромная из них — пирамида Хуфу, имеющая 137 м вышины (высота башни Св. Стефана в Вене 138, а Страсбургского собора 143 м), каждая сторона ее основания имеет более 200 м; вся же постройка содержит в себе около 90 миллионов кубических футов камен-

*Сфинкс и пирамиды в Гизе.
По Champollion-Figeac, Egipte ancienne.*

ной кладки. По словам Геродота, 100 000 человек в продолжение 20 лет были заняты доставкой материала (известняка и гранита) для этой пирамиды и ее постройкой. «На пирамидах, — продолжает Геродот, — обозначено также египетскими буквами, сколько было израсходовано на покупку рабочим редьки, лука и чеснока и, насколько помнится, проводник сказал мне, что эта сумма простиралась до 1600 талантов серебра». Если это так, то сколько же пришлось употребить железа для рабочих орудий и сколько пошло всего на содержание и одежду рабочих? Посредине северной стороны, в 50 футах над первоначальной, теперь засыпанной песком, поверхностью земли начинается постепенно понижающийся проход менее одного метра в ширину и более одного метра в высоту, ведущий к могильному покою, находящемуся на 25 м

ниже основания пирамиды. Неизвестно, стоял ли здесь когда какой-нибудь саркофаг, но зато простой саркофаг, без надписи, был найден в одном из верхних покоев, соединенном с могильным покоем особым, поднимающимся вверх проходом. В могильном покое третьей по величине пирамиды найден прекрасно сделанный из голубого базальта саркофаг царя Менкары с его мумией. На нем оказалась надпись: «О, Озирис, царь Менкара, вечно живущий! Рожденный небом, выношенный во чреве Нуты, потомок Себа (это были духи земли и небесного свода), твоя мать Нута распростирает над тобой свои объятия во имя твое, сокровеннейший на небесах. Да сделает она тебя богом и да уничтожит врагов твоих, царь Менкара, вечно живущий!»

*Фиванская равнина с колоссами.
По Champollion-Figeac, Egipte ancienne.*

Хуфу за жестокое обременение своего народа непосильными работами был ненавидим своими подданными, и еще во времена Геродота о нем отзывались, как о тиране. По словам Диодора, тела Хуфу и его сына Хафра были вытащены озлобленным народом из саркофагов и разорваны на мелкие части. «До сих пор, — говорит Масперо, — пирамида Хеопса гордо возвышается над песками пустыни; мертвенная бледность ее каменных глыб еще озаряется палящими лучами солнца, а исполинская тень ее покрывает лежащие у ее подножия бесплодные равнины и с наступлением вечерних сумерек погружает засеянные кукурузой и маисом поля Гизеха в глубокий мрак».

В правление VI династии город Мемфис начинает утрачивать свое значение. После многих колебаний, со вступлением на престол XI династии, «стовратные» Фивы становятся столицей монархии, а Верхний Египет — господствующей страной. Из царей XII династии, кроме Узортозена III, окончившего начатое его предшественниками завоевание Нубии, заслуживает особенного внимания А мен е м х а т III (около 2200 л. до Р. X.), умевший с большим искусством осуществлять грандиозные планы. Так, например, он приказал устроить громадный водный резервуар, в котором собранный в годы сильных разливов Нила запас воды хранился на тот случай, если бы слабое разлитие реки стало угрожать стране засухой. Этот резервуар носил название Х у н т,

Сефос I.

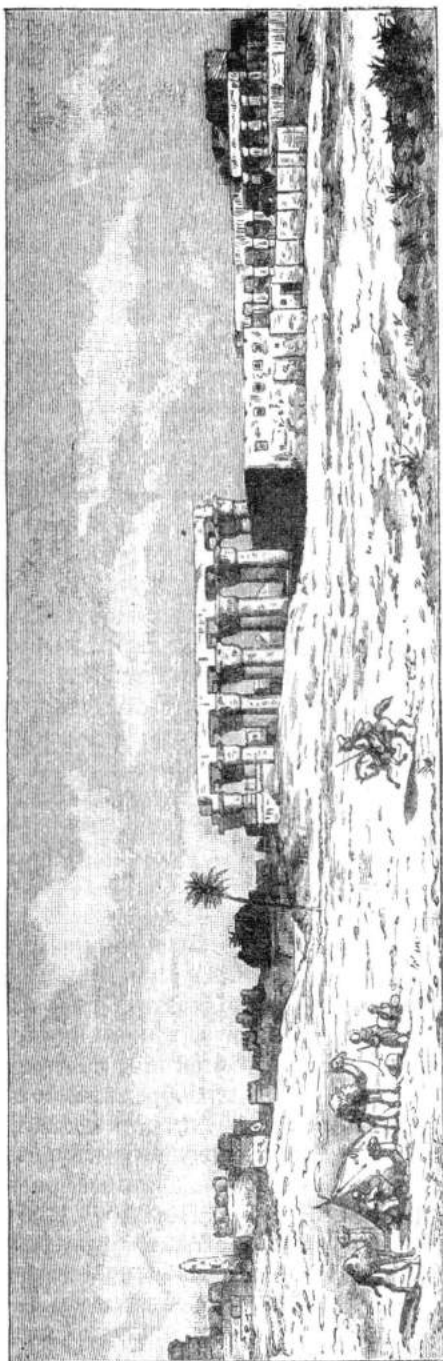
С барельефа в Карнаке.

По Lübker. Grundriss der Kunstgeschichte.

что значит наводнение, или М е р и, то есть озеро, почему греки строителем лабиринта называли царя Мёрида, тогда как настоящим строителем его был тот же Аменемхат III. Два связанных шлюзами канала соединяли этот резервуар с Нилом и регулировали в нем приток и исток воды. Неподалеку от этого Меридова озера Аменемхат III построил Л а б и р и н т (по-египетски: Lorego-hunt, то есть храм у входа в озеро) служивший дворцом и вместе усыпальницей. «Лабиринт, — говорит Геродот, — своей величиной превосходит даже пирамиды». Это было громадное четырехугольное здание, имевшее около 200 м длины и 170 м ширины, построенное частью из белого известняка, частью из гранита. В нем насчитывалось 1500 покоев над поверхностью земли и столько же под землей. «Египетские смотрители, — рассказывает Ге-

родот, — ни за что не соглашались показать мне подземные покои, потому что там стояли гробы царей, построивших лабиринт, и гробы священных крокодилов». Очень может быть, что в этих темных покоях хранились священные одежды и другие ценные предметы, вообще все принадлежности богослужения, для предохранения их от насекомых, пыли и солнца.

В правление XIV династии случилось чрезвычайно важное событие: вторжение в Египет так называемых гиксов, около 2100 л. до Р. Х. По всей вероятности, это были сирийские кочевые племена, носившие у египтян название зхус или зхазу, то есть разбойников; на языке египтян гикзхус означало «цари пастухов», и этим именем они называли предводителей вторгнувшихся племен; греки же переделали название это в «гиксов». Без сомнения «пастухи» эти, привлеченные в Египет изобилием всякого рода плодов и пастбищ для животных, вторглись в него с востока и распространились по всему Верхнему и Среднему Египту. Вторжение это можно сравнить с налетевшей тучей всепожирающей саранчи: города и храмы, все было разрушено, разграблено, сожжено. Однако неистовства разрушения, по-видимому, были непродолжительны и во вся-

Развалины Луксора. По Maxime Ducamp. *Egypte, Nubie, Palestine et Syrie.*

ком случае не во все время господства гиксов, продолжавшегося, по свидетельству Манефа, 511 лет; в противном случае от египетского народа, его языка, обычаев и нравов, от его искусства и цивилизации не осталось бы никаких следов. Между тем мы видим, что в целом все это мало пострадало и, будучи, может быть, задержано на некоторое время, в дальнейшем своем развитии, в сущности, не потеряло большого вреда.

Когда власть туземных государей снова постепенно окрепла в Фивах, то сначала удалось оттеснить пастухов к Мемфису, а затем, после целого ряда продолжительных и тяжелых войн фиванских царей, в особенности Амосиса (1680 г.), Тутмосиса III (1625—1591) и Аменофиса III (1524—1488), освободить страну от чужеземного ига. В правление XIX династии Египет достиг апогея своего могущества и материального и духовного развития. Ярко блестят имена завоевателя Сефа или Сети I (1439—1388), победившего пастушеские племена на восточной границе Египта и простершего свое оружие до Ханаана, Сирии и Месопотамии, и его сына Рамессу или Рамзеса II (1388—1322), укрепившего за Египтом завоевания отца и присоединившего к ним новые на юге (вверх по течению Нила). Военные подвиги, о которых рассказывают греки, как о совершенных царем по имени «Сезострис», судя по надписям, найденным на памятниках, должны быть приписаны также упомянутым двум царям. Наравне с ними может быть поставлен Рамзес III (1269—1244), за которым следовали еще одиннадцать государей из того же рода. Ни один из этих Рамессидов не упускал случая украсить новую столицу государства, Фивы, новыми постройками. «Этот город, — говорит Дункер, — должен был представлять удивительный вид в то время, когда в нем еще красовались здания, воздвигнутые Тутмосисом и Аменофисом, Сефом, Рамзесом I и Рамзесом II. Подобно утесам, вырастали из земли эти здания своими плотными массами по обоим берегам Нила, а над всеми ими возвышался целый каменный лес колоссов и обелисков». Но истинным царем в этом отношении является Рамзес II. В Египте и Нубии не найдется ни одной почти развалины, на которой не попадалось бы его имя. До сих пор еще свидетельствуют о нем величественные остатки храмов и портиков близ деревень Карнака, Луксора и Мединет-Абу. Еще и теперь там, между прочим, можно видеть занесенные доверху песком и изображающие его самого два колосса в сидячем положении и один обелиск из красного гранита, который, величественно поднимаясь к голубому небу, выказывает в ярком блеске неповрежденной политуры длинные ряды своих глубоко вырезанных иероглифов. В Нубии, близ Абу Симбея, сохранились до сих пор от времен Рамзеса два храма из буро-желтого песчаника, посвященные один самим Рамзесом богу Ра, а другой супругой его, Нефруари, богине Гафор. Перед вторым из этих храмов находятся шесть колоссов в сидячем положении, по три с каждой стороны от входа; средний из каждого трех изображает царицу, а два других — царя. Перед первым хра-

Вид развалин храма Аммона-Ра в Карнаке.

мом находятся четыре колосса, также в сидячем положении, с приложенными к бедрам руками; они высечены из одного куска и все изображают Рамзеса II.

Как близ Мемфиса, так и близ Фив находится тоже большое кладбище. Могилы жителей Фив тянутся непрерывной линией на расстоянии двух часов пути, занимая ливийский горный кряж, возвышающийся на 300 футов над равниной. Катакомбы и ведущие к ним проходы высечены в скалах. Могильные склепы расположены в несколько ярусов, соединенных между собой лестницами и шахтами. В нижних

рядах похоронены богатые, а в верхних — бедные люди. Бесчисленные мумии последних нередко употребляются арабами на топливо. В катакомбах людей богатых встречается множество свитков папируса¹, а на стенах и потолках — надписи и фресковая живопись, объясняющие со словие и занятие каждого умершего и передающие черты из его жизни. Во втором кряже гор находятся каменные усыпальницы фиванских царей. До сих пор открыты усыпальницы Аменофиса III, Сефа I, Рамзеса I и Рамзеса III. Четырехугольная дверь ведет во внутренность скалы, через несколько шагов проход начинает спускаться в глубину. Стены его покрыты живописью, яркие краски которой сохранились довольно хорошо, но скульптурные изображения повреждены. Высеченная в скале

Рамзес II.

Со снимка колоссальной головы в Британском музее, украшенной царским венцом. (Weisser. Bilderatlas der Weltgeschichte).

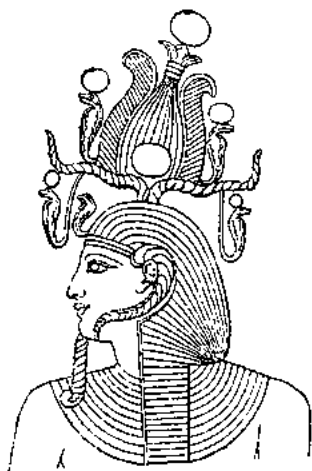
усыпальница Сефа I больше и великолепнее других. Она состоит из целого ряда проходов, покоев и часовен. Прежде всего коридор ведет к лестнице, по которой поднимаются в один из покоев; отсюда другая лестница ведет к галерее, смежной с большим залом, потолок которого подперт четырьмя колоннами. Из этого зала третья лестница ведет налево почти в такой же зал с незаконченными изваяниями, а направо — в широкую галерею, подпертую шестью колоннами и вдающуюся в глубину скалы более чем на 300 футов. Здесь покоилось тело царя в алебастровом саркофаге, покрытом скульптурными украшениями. Саркофаг этот был найден пустым и находится теперь в Британском музее.

Последним великим государем Египта был Рамзес III, второй царь из XX династии. Геродот называет его Рампсинитом и сообщает о нем

следующее сказание: Рампсинит был богатый египетский царь. Он приказал пристроить к своему дворцу каменное казнохранилище без окон и дверей так, чтобы входить в него можно было только из его собственных комнат во дворце. Но архитектор был плут; он вставил одну большую плиту так искусно, что человеку, знакомому с этим секретом постройки, было легко вынуть плиту. Ему, однако, не удалось воспользоваться плодами своей хитрости, потому что вскоре после окончания постройки он опасно заболел и умер. Но перед смертью он успел сообщить свою тайну двум своим сыновьям, которые в следующую же ночь

¹ Папирус — болотное растение; лыко его разделялось на тонкие листки, которые накладывались один на другой и употреблялись вместо бумаги.

отправились к дворцу, вынули из наружной стены казнохранилища указанный им камень и взяли оттуда столько сокровищ, сколько могли унести. С изумлением заметил царь эту пропажу при отсутствии всяких следов повреждения здания. Убедившись при следующих посещениях казнохранилища, что пропажа продолжала возрастать, он пожелал узнать как самого вора, так и употребленный им способ, для чего и приказал расставить между сосудами, в которых хранились сокровища, сети и капканы. Хитрость удалась. В одну ночь, когда братья снова пришли к казнохранилищу и один из них пролез сквозь отверстие, то в темноте он до такой степени запутался в сетях и был стиснут капканами, что уже не мог освободиться и вынужден был отказаться от всякой мысли о спасении. «Брат! — воскликнул он в отчаянии. — Для меня уже все кончено; но чтобы ты мог избавиться от гибели, отрежь мне голову и унеси ее с собой; тогда меня не узнают». Брат так и сделал, — и царь был крайне удивлен, найдя в своем запертом казнохранилище труп без головы. Однако он не отказался от надежды узнать вора и в этом отношении рассчитывал на религиозный дух своего народа, необыкновенно дорожившего погребением умерших с подобающими почестями. Поэтому он приказал повесить тело на дворцовую стену и приставить к нему стражу с тем, чтобы она задерживала и представляла ему всякого, кто будет плакать над этим трупом. Эта вторая хитрость чуть было также не удалась царю. Мать двух братьев безутешно горевала о погибшем и стала грозить его брату, если он не достанет труп, обо всем донести царю. Тогда оставшийся в живых придумал новую хитрость. Он наполнил вином мех, нагрузил ими несколько ослов и повел их мимо дворцовой стены, у которой стояли стражи. Подойдя к ним на близкое расстояние, он незаметно открыл один мех и стал выпускать из него вино на землю. Стражи бросились с своими сосудами, чтобы наполнить их вытекавшим вином. Погонщик ослов сначала прикинулся рассерженным, но когда стражи стали шутить с ним, сделал вид, что не сердится более, подсел к ним и позволил пить вино и из других мехов, так что все они опьянели и заснули. Между тем смерклось, и хитрецу не трудно уже было снять со стены труп своего брата и взвалить его на осла. В насмешку над стражами он, прежде чем удалиться, отрезал у каждого из них по половине бороды. Изумление и гнев царя возросли еще больше, а желание узнать того, кто проделывал с ним все эти штуки, было так велико, что он приказал своей дочери объявить о

Рамзес III.
Из развалин в Ибсамбуле.
(Clarac. Musée de sculpture).

готовности ее сделаться невестой и женой того, кто расскажет самое хитрое и самое постыдное дело своей жизни. Смелый вор, решившись снова перехитрить царя, явился во дворец и, когда царская дочь предложила ему условленный вопрос, ответил, что самым постыдным его делом было убийство брата, а самым хитрым то, что он напоил допьяна царскую стражу. Услышав это, царевна схватила его за руку, но в ту же минуту увидела, как он выскочил от нее в двери, и с ужасом заметила, что у нее осталась рука мертвеца, которую хитрец выставил ей из-под плаща вместо своей собственной. Тут царь вынужден был окончательно отказаться от надежды перехитрить такого мастера обманывать других и приказал объявить, что тот, кто все это сделал, освобождается от всякого наказания и получит еще большую награду, если явится к нему добровольно. Виновный не испугался прийти во дворец; царь не мог ему надивиться и выдал за него свою дочь.

2. Религия, государственное устройство, искусства и гражданская жизнь в Древнем Египте¹

Если принять во внимание массу религиозных изображений на памятниках, бесчисленное множество встречаемых на них фигур богов и священных животных и рассуждения о религиозных предметах, постоянно попадающихся в древних египетских рукописях, насколько они сохранились до нашего времени, то можно смело вывести заключение, что древние египтяне были народ благочестивый, который, следуя внутреннему влечению, старался при всяком случае выражать свою благодарность и свое благоговение к богу, как высшей неземной силе и творческому началу всего существующего, как «отцу отцов и матери матерей».

«Хотя бог этот непостижим в своем существе, един и неизменяем, однако он, — как говорится в одной египетской Книге мертвых (то есть в собрании молитв, составлявшем непрерывную принадлежность каждой мумии при ее погребении), — создает свои собственные члены, которые сами суть боги». Таких второстепенных богов было множество; одним из них поклонялись предпочтительно в одном мес-

¹ Относительно происхождения египетской культуры до новейшего времени господствовало мнение, что она проникла из древнейшего жреческого государства Мероэ, в Эфиопии, вниз по течению Нила, в Средний и Нижний Египет. В доказательство этого приводили сходство находящихся в Мероэ памятников зодчества с египетскими памятниками и жреческого образа правления с государственным устройством Египта. Новейшими исследованиями Лепсиуса доказано, что древнейшие из найденных там развалин были части храма, построенного египетским царем Рамзесом II, простершим свои владения до горы Баркала и управлявшим, судя по надписям на памятниках, Эфиопией через своих наместников. Точно также пирамиды в Мероэ были только слабыми подражаниями египетскому искусству. Вообще же такая своеобразная культура, существенно обуславливаемая природой страны, то есть нильской долины, едва ли могла возникнуть за пределами ее; напротив, можно с уверенностью утверждать, что культурные элементы пролагали себе путь вверх по Нилу. — Название «Египет» египтолог Брушш производит от ha-ka-ptah, что означает: место поклонения богу Фта.

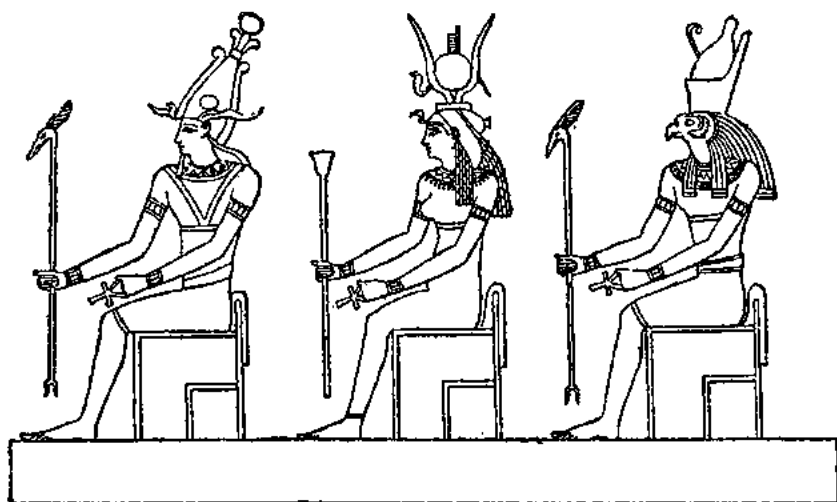
те, другим — в другом. Но все божества, переходя попеременно друг в друга, сливались в высшем божестве. Одним из главных был Фта в Мемфисе; в его храме находился священный бык Апис (H'apis). Этот последний должен был быть черного цвета, иметь на лбу белое треугольное пятно, белые пятна на спине, изображающие летящего коршуна или орла (что, впрочем, нередко существовало лишь в воображении жрецов), нарост под языком в виде священного жука бога Фта и двухцветные волосы на хвосте. Жрецы Аписа воздавали ему божеские почести. В Оне (Гелиополис) поклонялись преимущественно богу солнца Ра, в Фивах и оазисе Сиве — Амуну (Амону), с бараньей головой, в Саисе — богине Не й ф е и т. д. Между высшими богами любимейшими были О з и р и с и супруга его И з и д а. В мифе¹ о них поэтически изображена вечная борьба между добром и злом. Доброе начало (бог) — это для египтян Нил, приносящий им благодать и пищу, а злое — знойный ветер пустыни, обступавшей Египет. Таким образом Озирис является мужской силой природы, распространяющей жизнь и развивающей растительность, богом солнца и Нила; Изиды же олицетворяет силу женскую, рождающую из себя все живущее, силу природы, оплодотворяемую и плодоносную землю.

Некоторые боги по понятиям египтян являлись в образе известных животных, сообщая их телам частицу своей божественности, то есть «воплощались» в них. Так, например, бык Апис назывался «душой Озириса»; другими священными животными были цапля (Бенну), ежегодно возвещавшая своим возвращением новое оплодотворение земли и потому посвященная в Гелиополисе Озирису, затем копчик, кошка, крокодил и проч. Вера в бессмертие души у египтян была всеобщая, и они полагали, что человек, умирая телесно, тем самым преобразался в божественное существо. Но и тело, по верованию их, эту земную оболочку человека, необходимо было искусственно предохранить от тления и разрушения. Вот почему они так заботились о том, чтобы тела умерших были недоступны разложению и находили вечное успокоение в безопасных, неразрушимых усыпальницах.

Подобно животным и люди являлись воплощениями божества; понятное дело, что это в особенности относилось к царям, в которых египтяне видели божественные существа. Фараоны, как показывает

¹ Озирис и Изиды сочетались браком; у них был сын Горос. Бог зла, Тифон, убивает Озириса и рассекает его на части; Изиды отыскивает их, соединяет и хоронит. Горос мстит за своего отца, побеждает Тифона, и Озирис снова оживает в аду, где он носит название С е р а п с а. Символическое значение этого мифа Дункер объясняет следующим образом. «Когда уровень Нила начинал понижаться и знойные ветры, дувшие с юга, вытесняли прохладный северный ветер, а дневной жар палил землю, — вот время, когда Тифон убивал Озириса. В эту пору египтяне оплакивали исчезновение плодов и воссылали к богам мольбы о том, чтобы вместо исчезнувших плодов вырастали новые. Затем, когда оканчивался посев, египтяне хоронили Озириса. Когда же Египет снова оплодотворялся наводнением Нила, когда солнце сияло в новом блеске, когда начинали вырастать новые плоды, то рожденный около зимнего поворота солнца Горос вырастал и побеждал Тифона. Сын Озириса, мстящий за своего отца, изображал собой обновленную силу солнца, возродившуюся жизнь природы и новые благодеяния года».

само имя их (Ра-Фра, то есть сын Ра), считались представителями богов на земле, даже самими богами, почему им и воздавались божеские почести. Так, например, надпись на одной колонне в честь царя Хафра называет его «добрым богом» и господином. Царская власть в Египте была деспотическая, неограниченная. До какой степени египетские цари позволяли себе истощать силы своих подданных, показывает один взгляд на гигантские памятники, о которых мы говорили выше. Даже жрецы должны были преклоняться перед царем. Он, помимо жрецов, обращался к богам, приносил им жертвы, посвящал храмы; короче говоря, царь не только стоял во главе государства, но в качестве высшего духовного руководителя являлся и верховным жрецом своего

*Озирис, Изиды и Горос.
По Champollion-Figeac. Egipte ancienne.*

народа. Единственным, но зато действительно жестоким стеснением для него были церковные законы жрецов, содержавшие в себе «для царя, как для первого жреца страны», самые точные и подробные постановления относительно его частной жизни: пищи, питья, одежды, прогулок, омовений и т. д. По смерти царя по нем, как по Аписе, назначался семидесятидневный национальный траур, пока на престол не вступал сын умершего государя; впрочем, порядок престолонаследия нередко нарушался узурпацией (насильственным захватом власти).

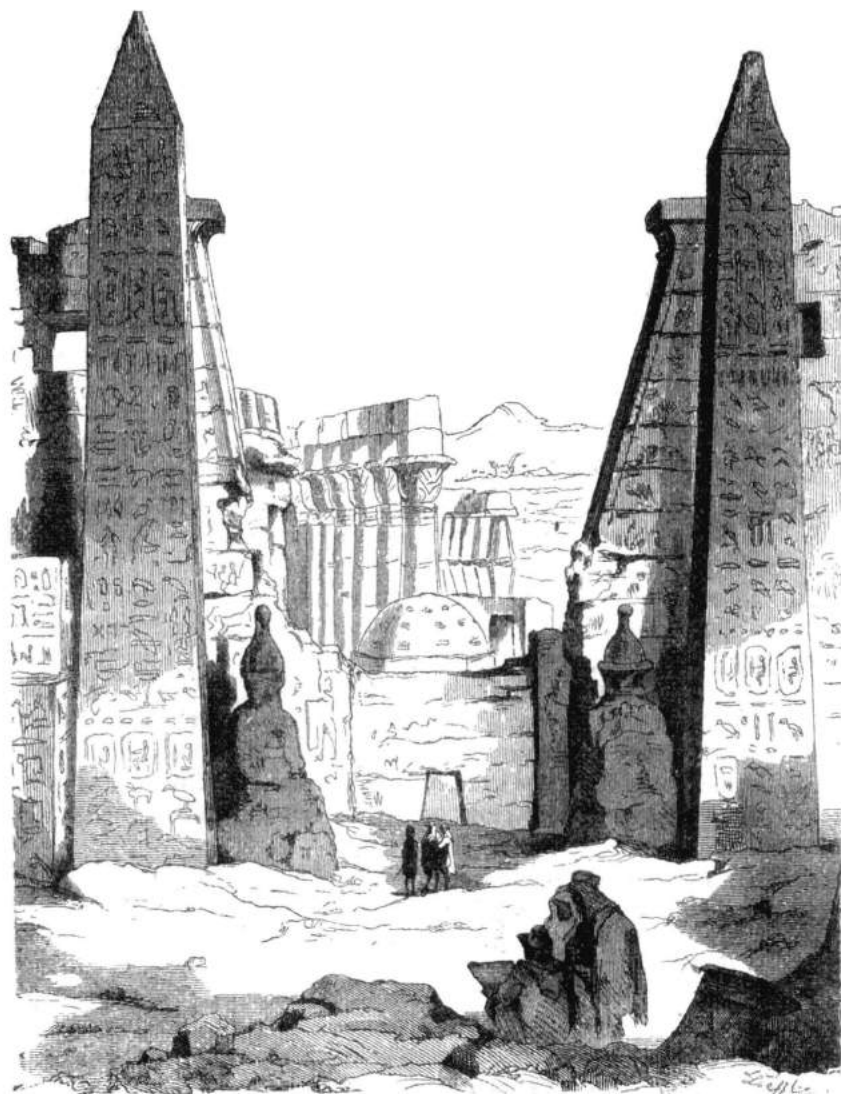
В Египте были два главных сословия (касты): жрецов и воинов и три второстепенных: земледельцев, ремесленников и пастухов (Геродот упоминает еще о кастах торговцев, толмачей и корабельщиков). Так как браки между членами второстепенных со-

словий и рабочими классами народа не были запрещены, то бывшее до сих пор в употреблении наименование трех последних сословий «кастами» не может иметь места.

Члены военной касты с своими семействами владели известными земельными участками, простиравшимися до 12 моргов, пользование которыми предоставлялось им взамен жалованья; оружие же они получали из казенных складов. Число воинов при общем призыве доходило во времена Рамзеса II до 500 000 человек, составлявших правильно обученное войско.

Каста жрецов была самой уважаемой. Для того, чтобы жрецы могли вполне посвящать себя своему священнослужительскому призванию и своей святой жизни, для которой существовали строгие постановления относительно чистоты и пищи, им назначались богатые доходы хлебом, вином и жертвенными животными. Кроме своего религиозного назначения, они являлись исключительными представителями образования. Египет обязан жрецам устройством и развитием своего богослужения и религиозных понятий, составлением и изданием законов, письменностью, науками и искусствами. В качестве людей образованных и искусных в письме, они, предпочтительно перед другими, занимали при царях разные должности как по административной, так и по судебной части. Кроме того, жрецы занимались астрономией, так как более, чем какому-либо другому народу, египтянам необходимо было наблюдать за движением небесных светил, которые, смотря по своему положению на небе, по своему появлению и исчезновению, служили верными указателями для главного занятия египтян — земледелия. По этим наблюдениям жрецы рассчитывали время приближения разлива Нила, наивысшего уровня его вод и начала убыли их.

Нельзя также не обратить внимания на участие, которое жрецы, в качестве руководителей, принимали в произведениях египетского искусства, в особенности зодчества. В самом деле можно полагать, что проекты и рисунки зданий, служивших преимущественно религиозным целям, как то: храмов, усыпальниц, пирамид и обелисков, равно как и скульптурные украшения и живопись на них принадлежали жрецам, которые одни обладали необходимыми для того познаниями. При этом, однако, следует заметить, что в трех последних искусствах египтяне оставили лишь грубые произведения, лишенные гармонии и изящности. Менее всего удавались им изображения человеческих фигур, имевшие у них неподвижный и лишенный всякой приятности вид. Что в особенности поражает по своим исполинским размерам, так это так называемые сфинксы. Они представляют львиные фигуры с человеческими, бараньими или ястребиными головами и являются символическими изображениями царей и богов, в особенности бога Ра. Заслуживают также внимания и упомянутые уже обелиски — четырехугольные, остроконечные колонны, состоявшие из одной цельной

Развалины египетского храма с обелисками.

гранитной массы и воздвигавшиеся у входов в храмы в память строителей последних или жертвователей на их украшения.

На всех этих зданиях находятся изображения и надписи, объясняющие всю жизнь египтян. Письмо у них было иероглифическое, или изобразительное; так, например: четырехугольник в этом письме означает дом, две волнистые линии — воду, четырехугольник с изображением божества — храм. Точно также разные виды деятельности или

состояния означались образно; например: даяние — протянутой с куском хлеба рукой, открывание чего-либо — дверью, путешествие — шагающей птицей, битва — вооруженной копьем и щитом рукой, жажда — знаком воды и бегущим к ней теленком, голод — направленной в рот рукой. Понятия обозначались символическими изображениями, например: могущество — поднятым бичом, правосудие — локтем (в смысле равной меры), истина — страусиным пером, которое остается неизменяемым, защита — летающим коршуном и т. д. Большим шагом вперед в этой системе письмен было присоединение к ней звуковых изображений, так называемых фонетических иероглифов. Звук А обозначался изображением орла (по-египетски *achem*) или тростника (по-египетски *ак*). Таким образом произошло смешанное письмо, состоявшее из настоящих иероглифов и простых звуковых изображений. Оно постепенно совершенствовалось, и в нем допущены были сокращения; в сокращенном виде эта письменная система носит название иератической; последняя, сокращенная в свою очередь (для ежедневного обихода), называется демотической. Несмотря на все свои усовершенствования и сокращения, письмо это долго оставалось затруднительным и неудобопонятным для чтения и до начала нашего столетия противилось всем попыткам найти ключ к нему. Только англичанину Юнгу и французцу Шамполиону-младшему удалось в 1812 году разобрать найденную французским артиллерийским офицером Буссаром близ Розетты надпись, состоящую из тройкого рода письмен (иероглифического, демотического и греческого). Немецкий ученый Лепсиус продолжал их изыскания и с этих пор в течение немногих лет изучение этих письмен сделало такие успехи, что в настоящее время надписи на египетских памятниках и остатки литературы на папирусах (из Книги мертвых и 42 священных книг жрецов, из рассуждений о геометрии, медицине и астрономии), разбираются учеными с такой же точностью и легкостью, с какими читаются, например, произведения Цицерона и Тита Ливия.

В заключение скажем еще несколько слов об общественной жизни египтян. Само собою разумеется, что они с особенным усердием занимались земледелием и скотоводством; но и охота не была у них в пре-

Обломок найденного близ Розетты камня с надписью.

небрежении. В особенности промышленность была сильно развита у египтян и их памятники свидетельствуют о существовании у них всех родов ремесленной деятельности, преимущественно же ткачества.

В древности египетские льняные и шерстяные ткани пользовались громкой известностью; равным образом египтяне славились произ-

*Древняя одежда египтян.
По Р. Hottenroth. Trachten der Völker.*

водством стекла и выделкой кожи, а также своими строительными работами. Жилища богатых людей украшались роскошной мебелью, галереями и террасами и окружались тенистыми аллеями и прекрасными цветниками. Их одежда отличалась простотой, но вместе с тем и вкусом; простой же народ носил только льняную рубаху и поверх ее шерстяной плащ. Женщины не вели, как вообще на Востоке, затворнической жизни, а могли являться свободно везде и даже торговать на рынках. Общественная жизнь была значительно развита. В могильных склепах встречаются изображения мужчин, которых вносят на носилках в общество, а также изображения женщин и мужчин, находящихся в одном зале. Умеренность в пище и питье не принадлежала, по-видимому, к числу их добродетелей. На этих изображениях не только мужчины, но и женщины извергают назад излишне съеденное и выпитое, а других слуги несут на руках домой.

Главным основанием правосудия было пресечение преступнику способов вторичного преступления. Так, например, фальшивые монетки наказывались лишением обеих рук, а виновные в выдаче государственных тайн — лишением языка. Подделывателю документов

или мер и весов отрубали одну руку. Решению дел обыкновенно предшествовало письменное производство, так как жалоба и ответ на нее, возражение на этот ответ и новое опровержение жалобы подавались письменно. Договоры и условия о купле, продаже, залоговые обязательства и т. п. излагались необыкновенно точно и подробно и скрепля-

*Позднейшая одежда египтян.
По Р. Hottenroth. Trachten der Völker.*

лись подписями многих свидетелей. Проценты не должны были превышать сумму капитала; рабства за долги, как у древних римлян, не существовало. Умерщвление раба наказывалось смертью наравне с убийством египтянина; то же наказание угрожало и клятвopреступнику. Тот, кто не запятнал себя ни одним из этих тяжких преступлений, мог спокойно ожидать приговора 32 судей мертвых, среди которых восседал на троне Озирис; соединившись с Озирисом, душа его быстро пролетала через небесные обители и на полях Аалу присутствовала при таинственном возделывании священной нивы. После этого для нее занималась зоря вечного блаженства; она присоединялась к сонму богов и вместе с ними славословила всеоrрершенное существо.

II

ЕВРЕИ (ИЗРАИЛЬТЯНЕ, ИУДЕИ)

1. Моисей

Предполагая, что древнейшая история евреев известна всем из Библии, мы представим здесь лишь краткий ее очерк.

От одного из сыновей Ноя, а именно Сима, произошел Ферах — отец родоначальника евреев, Авраама. Авраам переселился из земли Ур в Халдею, а потом в Ханаан. За ним, тщательно соблюдая чистоту рода, следовали, в звании патриархов, Исаак и сын последнего Иаков, называвшийся также Израилем — Богоборцем. Один из двенадцати сыновей его — Иосиф был продан своими братьями в рабство в Египет, где, по неисповедимому предопределению Божию, сделался первым сановником фараона. Достигнув столь высокого общественного положения, он переселил в Египет и своего отца со всем его семейством. Здесь от этой семьи мало-помалу произошел многочисленный народ, живший в области Гозен, в нильской Дельте, к востоку от нильского рукава Таниса (2 Моис., 12, 37).

По вступлении на престол нового фараона, «ничего не знавшего об Иосифе» (2 Моис., 1, 8), израильтяне были обременены тяжелыми работами, как полевыми, так и при государственных постройках (2 Моис., 1, 14). События эти несомненно следует отнести ко временам Сефа I и Рамзеса II, созидавших вдоль северо-восточной границы Египта сильные укрепления, каналы и новые города. Легко могло случиться, что фараоны под впечатлением недавних опасностей, происходивших от подобных пастушеских племен, желали только отучить израильтян от их прежнего кочевого образа жизни и полностью закрепить их к своей земле.

Избавителем от этого бедственного положения Бог послал Моисея. Он, вместе с братом своим Аароном, около 1320 г. до Р. Х., в царствование слабого сына Рамзеса II — Менепты, устроил исход израильтян из Египта, несмотря на то, что египтяне всячески препятствовали этому и преследовали их. Евреям удалось уйти от гнавшихся за ними египетских полчищ, погибших при переходе евреев через Красное море. Евреи между тем вступили на Синайский полуостров. Здесь, на горе Синае (теперь Гебель-Муза, а может быть, и Гебель-Серебаль), последовало торжественное заключение «союза» с Богом, послужившего для них основой нового законодательства.

Но беспокойному народу сорокадневное пребывание Моисея на горе Синай показалось слишком продолжительным. «Мы не знаем, что случилось с человеком, выведшим нас из земли египетской», — говорили они Аарону и потребовали, чтобы он сделал им видимых богов.

*Моисей.
Статуя Микеланджело.*

Аарон, не обладавший необыкновенной энергией своего брата, после некоторого колебания согласился, но потребовал у них все их золотые вещи для изготовления идола. Быть может, он рассчитывал, что они скорее откажутся от идола, чем от своего золота, но ошибся. Они сложили в одну кучу большое количество золота; Аарон растопил его и облил им вырезанное из дерева изображение тельца, подобного тому, которому египтяне поклонялись под именем Аписа. Едва был поставлен

телец, как народ воздвиг вокруг него алтари, зажег жертвенные огни и начал с радостными криками плясать вокруг нового бога, которому Аарон напрасно старался дать имя Иеговы.

В самый разгар праздничного ликования Моисей и Иисус Навин сошли с горы Синая. Вне себя от гнева, Моисей бросил на землю обе скрижали законов с такой силой, что они разбились, и страшно наказал непослушных. Осыпав своего испуганного брата самыми жестокими упреками, он бросил золотого тельца в огонь, а весь пепел и золото в протекавший мимо ручей. Затем он громко воскликнул: «Кто принадлежит Господу, тот да выступит вперед». Многие упрямо остались позади, но большая часть вышла вперед и в том числе все колено Левия, к которому принадлежал и сам Моисей. «Хорошо, — сказал он этим последним, — возьмите мечи, идите через весь стан и разите всех, отрекшихся от Иеговы, хотя бы то были ваши сыновья и братья. Сегодня Иегова посвящает вас этой жертвой в священнический сан и ниспосылает на вас свое благословение». И эти слова вождя, обладавшего необыкновенным даром повелевать, имели такую силу, что страшное приказание было немедленно исполнено. Три тысячи непокорных были изрублены. Зато и произведенное впечатление было так сильно, что когда после этого Моисей снова взошел на гору, чтобы, как говорил он, вымолить у Господа прощение народу за грехи и снова пробыл в отсутствии сорок дней, то на этот раз в стане никто уже не посмел выказать неповиновение.

Закон, данный Богом через Моисея разделяется на три главные части. Первая, основная, часть содержит в себе нравственный закон, изложенный с особенной точностью в десяти заповедях. Вторая часть состоит из систематически изложенных постановлений о священстве и представляет собою собрание законоположений о жертвоприношениях, о местах богослужения, о соблюдении праздников, об одежде священников, о их положении, достоинстве, правах и обетах; короче говоря — это есть ц е р к о в н ы й у с т а в. Наконец третья часть содержит в себе постановления об устройстве образа жизни отдельных колен на будущих местах их жительства, а также предписания, относящиеся к частной жизни и собственности, а затем, в тесном смысле, полицейские и санитарные постановления о соблюдении безопасности, порядка и чистоты, о воздержании от некоторых родов пищи и т. п. Главным принципом в этих законах было установлено п р а в о в о з м е з д и я (jus talionis), как это выражено в суровых словах: «Ты должен воздать жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, ногу за ногу, ожог за ожог, рану за рану». Но вместе с этим в Моисеевом законе высказывается и гуманная черта. Он особенно заботится о защите бедных, вдов, сирот, чужеземцев, о милостивом обращении с должниками и рабами и даже с животными. «Ты не должен закрывать рта волу, когда он молотит». Затем основная идея Моисеева законодательства заключалась в том, что Иегова, Бог, создавший небо и землю и освободивший своей мощной рукой от плена египетского народ Израиля, остается и на бу-

дущее время его Богом, царем и правителем; следовательно, над израильтянами будет властвовать ни кто-либо из людей, а единственно закон — само слово Божие. Поэтому Израиль сделался духовным, теократическим государством, то есть Божиим владением и выделялся между другими народами, как священники среди низших сословий. Таким образом и народ израильский, и подлежавшая завоеванию Хаанаанская земля составляли собственность самого Бога.

В силу этой основной идеи идолопоклонство считалось высшим государственным преступлением, а изгнание из занятой страны всех дру-

*Древняя еврейская одежда.
По Р. Hottenroth. Trachten der Völker.*

гих народов, имевших своих собственных богов, — неперменным долгом потому, что единство всего народа основывалось на сохранении единого и чистого поклонения Иегове. По этой же причине и земля, подлежащая завоеванию, а затем разделению поровну между всеми израильтянами, не составляла безусловной собственности отдельных лиц; никто из израильтян не имел права продавать своего владения или самовольно передавать его кому-либо в наследство, ибо земля считалась Божьей. Хотя, вследствие такого отношения к Богу, все израильтяне считались равными между собой, и у них не существовало различия между сословиями, однако посвященные непосредственному служению Иегове священники составляли как бы образованное дворянство, служившее вместе с тем и связующим звеном для всего государства. Для исполнения священнических обязанностей было из-

брано, как выше уже сказано, исключительно колено Левия; к этому колену принадлежал и Моисей.

По своему происхождению от десяти сыновей Иакова и двух сыновей Иосифа, народ израильский разделялся на двенадцать колен, составлявших каждое особое независимое целое и имевших своих вождей и старейшин. Эти начальники родов и главы принадлежащих к ним семейств составляли совет, решениям которого все обязаны были повиноваться. Так как вся завоеванная Ханаанская страна должна была быть разделена на двенадцать частей, то все левиты были устранены от участия в этом поземельном разделе.

Взамен этого им отведено было 48 городов¹, а вместо надела полями они получали от всех израильтян десятую часть дохода с их земель.

Устраненные от всякой гражданской деятельности, левиты тем лучше могли посвящать себя служению Иегове при празднествах и жертвоприношениях и исполнению лежавших на них обязанностей законодателей, судей, врачей и генеалогистов, то есть составителей родословных списков для всего народа, а также заботам об исполнении законов, как нравственных, так и церковных, и о поддержании сознания единства между отдельными коленами.

Их верховный глава или первосвященник должен был происходить из рода Аарона; звание это было пожизненное и передавалось от отца к сыну. Он представлял собой как бы верховное лицо в среде Божьего народа и действительно был первым сановником в этой теократической республике;

одной из принадлежностей его официальной одежды была головная повязка наподобие чалмы из белоснежного полотна, на которой спереди была прикреплена тонкая золотая пластинка с надписью «Свят Иегова». На наперснике своем он носил имена двенадцати колен израилевых, начертанные на двенадцати драгоценных камнях, а также «урим и туммим», символы света и правды, которая должна была жить в его груди. Раз в году, в великий день примирения, он вступал в «Святое Святых» скинии, чтобы принести примирительную жертву за грехи народа. Священная палатка скинии была устроена Моисеем немедленно по получении им закона на горе Синайской, согласно данному

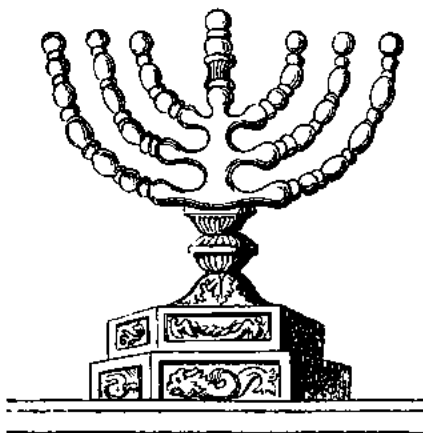
*Еврейский первосвященник.
По Р. Hottenroth.
Trachten der Völker.*

¹ В новейшее время возникли сильные сомнения относительно того, владели ли когда-либо левиты этими 48 городами или эти последние служили им исключительным и главным местом жительства.

ему повелению и с помощью искусных мастеров, которые научились еще в Египте подобным механическим работам, или, как говорит предание, «были исполнены духа Божия, так что сделались разумны, понятливы и искусны во всякой работе». Эта палатка отличалась от всех других своей красотой, великолепием и изяществом.

В скинии было место длиной в 30 футов, огороженное досками на серебряных подставках и разделенное на два отделения, из которых одно называлось «Святое», а другое «Святая Святых». В этом последнем стоял ковчег из дерева акации, так называемый Кивот завета, выложенный снаружи и внутри золотом и снабженный золотыми кольцами для того, чтобы можно было переносить его с места на место. На золотой крышке были изображены два, золотых же, херувима для обозначения места, где Богу угодно было явиться Израилю. В самом ковчеге были положены скрижали закона. Кроме ковчега, там же находилось много изготовленных еврейскими мастерами орудий, чаш, блюд, семисвечный светильник и щипцы с подносом для них. Все это было сделано из золота, для чего евреи отдали все свои золотые серьги и другие золотые вещи, принесенные ими из Египта. Точно также были принесены оттуда и другие произведения египетского искусства, как, например, прекрасные бумажные ковры с изображением херувимов, составлявшие верх палатки и ниспадавшие по боковым ее сторонам. Затем с верха же палатки спускалось покрывало из тонкого верблюжьего сукна, над ним другое из сафьяна и, наконец, сверх всего этого третье покрывало из другой кожи.

Здесь, в этой национальной святыне, первосвященник, в звание которого был посвящен Аарон со своими потомками, получал откровения непосредственно от Бога. В то же время скиния, превращенная впоследствии Соломоном в храм, была местом, в котором все колена иудеев сознавали единство своей народности. С этой последней целью Моисеем были установлены три главнейших праздника, во время которых все израильские мужи должны были собираться на месте, предназначенном для этой святыни, а именно: праздник Пасхи¹, Пятидесятницы и Кушей. В эти праздничные дни они обязаны были перед Святой Святых возлагать на алтарь, на котором горел свя-

Семисвечный светильник.

¹ Праздники Пасхи и Кушей продолжались каждый по неделе с двумя субботами. Первый из них был установлен в память пошады ангелом смерти и исхода из Египта, а второй — в воспоминание о странствовании в пустыне.

щенный огонь, жертвоприношения от своих плодов и первородных животных. Но так как на алтаре могло поместиться лишь незначительное количество этих приношений, то вся остальная часть жертвенного мяса шла на устраиваемые в эти праздничные дни пиршества, на которые евреи приглашали и своих друзей.

Последнее из этих постановлений показывает, что Моисей со свойственным всему его законодательству духом милосердия позаботился не только об устройстве праздничных собраний, служивших к установлению между евреями разнообразных связей, но также и о чужеземцах, бедных и рабах, которых также предписывалось приглашать в качестве гостей; кроме того, празднества служили большим сборным пунктом для внутренней торговли и разных сделок, неизбежно возникавших при таком многолюдном стечении народа. Установленное для жертвоприношений употребление масла и вина показывает, насколько Моисей умел приспособить богослужение к культуре подлежавшей занятию страны, в которой можно было с большим успехом возделывать эти продукты.

Постановление это вообще в связи с целями Моисея, желавшего, очевидно, чтобы будущее государство, подобно Египту, основывалось преимущественно на земледелии, а не на торговле (что подтверждается также и воспрещением роста в денежных делах), хотя будущая родина иудеев, Палестина, по-видимому, обладала всеми качествами, необходимыми для торговой деятельности. В самом деле, торговля, не говоря уже о других влияниях, без сомнения повредила бы замкнутости еврейского народа, к чему Моисей стремился в целях сохранения чистоты монотеизма (веры в единого Бога).

Целям обособления от прочих народов служили и другие, основанные отчасти на гигиенических соображениях, постановления относительно пищи и прочие обрядовые законы, касавшиеся самых мелких подробностей частной и общественной жизни и сохранившие до сих пор свою целесообразность.

В высшей степени своеобразными представляются «социально-политические» — если можно так выразиться — законы Моисея, исходящие из принципа, на который он указали выше, говоря об употреблении жертвенных приношений и который можно бы назвать ограничением права собственности. В силу этих законов через каждые семь лет наступал с у б б о т н и й г о д, а через каждые пятьдесят — т р у б н ы й, или ю б и л е й н ы й¹, в продолжение которых вся пахотная земля оставалась под паром.

В этот последний год всякое поле, отчужденное другому лицу, возвращалось без выкупа своему прежнему владельцу. Так что, собственно говоря, настоящей продажи земельной собственности не существовало, а существовала лишь продажа пользования землей, то есть пользования ее урожаями со времени покупки до юбилейного года. Точно также всякий израильтянин, не только обедневший или сделавшийся

¹ Он начинался при звуках труб и у Иезекииля называется годом освобождения.

несостоятельным должником, но даже продавший себя в рабство своему кредитору, в юбилейный год снова получал личную свободу и ему возвращалось его наследственное имущество. Этим мудрым постановлением Моисей обеспечил два основных положения, на которых зиждется благосостояние государства и народа и нарушение или изменение которых так часто вело в древние и новые времена к кровавым переворотам (революциям), а именно право собственности и право личной свободы и противопоставил действительную преграду, с одной стороны, обеднению целых масс народа в противоположность чрезмерному скоплению богатств в немногих руках, а с другой — угнетению слабых, следовательно, рабству и несправливости целых сословий наряду с надменным господством привилегированных классов. При теократическом образе правления израильтян эта мера была вдвойне необходима, ибо таким образом возможно было поддерживать между ними сознание, что они составляют народ братьев, принадлежат Иегове, следовательно, могут быть рабами только Бога, а не людей, и наконец, что они свое наследственное имущество получили как лен или как неотчуждаемое наследство от самого Бога. Конечно, относительно того, в какой степени эти требования Моисея и еврейского духовенства проводились или могли проводиться в жизнь, нельзя сказать ничего определенного, так как преграды строгому исполнению этих идеальных постановлений в действительности были весьма значительны. Несмотря на такое гуманное начало, бросается в глаза, до какой степени был жесток у евреев закон о долгах. Кредитор мог своего должника или его жену и детей продать в рабство или держать их рабами в своем собственном услужении.

Но это обособление от других народов евреи должны были еще завоевать, так как им приходилось овладеть землей, уже находившейся во владении других племен «хананеян»¹, у которых были довольно значительно развиты и культура, и взаимные сношения.

2. Ханаан и его соседи: финикийцы, сирийцы, ассирийцы и вавилоняне

Палестина (Ханаан), изобиловавшая хлебом, вином и маслом, а потому стоившая борьбы, должна была, по мысли Моисея, при соблюдении естественных ее границ составлять одну окруженную и безопас-

¹ Ханаанские племена разделялись на две главные группы. Одни из них занимали береговую полосу и были мореплавателями и торговцами; в классической древности они назывались «финикийцами» и во время Иисуса Навина находились под верховной властью Египта. Вторая группа занимала внутренность страны от Амана до южного берега Мертвого моря и распадалась на многие второстепенные племена: гиттитян, носивших у египтян название «Хета», аморитян, гифитян, гергерзонян, иеусеев и т. д. Столь часто упоминаемые филистимляне переселились с острова Крит (в Библии он называется «Кафтаро») и с дозволения Рамзеса III избрали себе местом жительства юго-западный берег Сирии.

ную от вторжения территорию. На западе она граничила с Средиземным морем, поэтому Моисей приказал овладеть всем берегом от Ака до маленькой полосы, занятой филистимлянами. На юге границей им был назначен неизвестный в наше время «Египетский ручей», далее которого евреи не должны были заходить; но в особенности Моисей воспретил им делать попытки к завоеванию лежавшей недалеко оттуда страны Гозен, принадлежавшей им в прежнее время и годной только для пастбы скота. Так как Моисей не предназначал еврейский народ для торговли, то он и не придвинул южную границу к Аравийскому заливу, а предоставил лежащую в промежутке степь кочевавшим в ней народам. На север границу нового государства должен был составлять Иордан и с моавитянами и аммонитянами, как с потомками Лота, предполагалось жить в мире; но так как эти народы напали на израильтян, то после проигранного сражения у них были отняты все их земли, которые и перешли в собственность к евреям.

При всем том оставалась еще разница между странами по эту и по ту сторону Иордана, и последняя считалась менее священной. Она простиралась до Евфрата, который должен был оставаться самой отдаленной ее границей. Между тем лежавшие далее к востоку земли состояли преимущественно из бесплодных и годных только для скотоводства пространств. Вполне плодородными и удобными для постоянного жительства были только местности, непосредственно прилегавшие к Иордану. Они принадлежали коленам Рувимову и Гадову, а впоследствии и полуколену Манассиину, занявшим эти земли после своей победы над аммонитянами и моавитянами. Таким образом, эта страна благодаря распоряжениям Моисея была совершенно замкнута, опасные соседи были от нее удалены, а с полезными она находилась в дружбе.

К числу последних в особенности принадлежали финикияне. Хотя этот народ был также из числа племен ханаанских, однако Моисей никогда не вменял в обязанность евреям истреблять его, как это он с намерением сделал по отношению к другим хананеям. Оба народа, и иудеи, и финикияне, в продолжение всей своей истории жили в мирных отношениях между собой. Это объясняется тем, что хотя евреи были народ завоевательный, но при этом исключительно земледельческий; финикияне же никогда не были народом воинственным и занимались одной торговлей, вследствие чего никогда ее могли вредить евреям, которым их учреждения не позволяли вести торговлю, а напротив были им полезны, покупая у них запасы хлеба, вина, масла и меда. Благодаря такому взаимному обмену необходимыми предметами потребления между двумя народами установилась прочная, дружественная связь.

Краткое описание финикиян¹ еще лучше объяснит эти отношения. Этот замечательный народ естественными условиями своей страны

¹ Ф о и н и к с есть только распространенная форма слова ф у н, древнего народного названия хананеян, которое они носили до своих переселений. У римлян карфагеняне назывались роепи = пунни.

был предназначен к деятельности на море. Он занимал узкую полосу земли в пятьдесят миль длины и не более пяти миль ширины, с хорошими гаванями и безопасными от ветров бухтами. Позади этой полосы земли тянулся Ливан, доставлявший финикиянам богатства своих кедровых и кипарисных лесов и превосходных рудников. Поэтому еще в самые древние времена они стали заниматься судостроением и мореплаванием и, начав с рыбной ловли у своих берегов, перешли к морской торговле и распространили свою деятельность до Индии, Атлантического океана и даже до берегов Англии и северной Франции. Они не составляли, подобно большинству других азиатских народов, одного общего государства под управлением одного главы, а разделялись на многие независимые общины, имевшие каждая своего государя, власть которого ограничивалась советом из членов старейших родов, а впоследствии главами богатых торговых домов. К самым значительным городам принадлежали: Арад, Триполи, Библ, Берит (Бейрут), Сидон, Сарепта и Тир. Между ними, в продолжение первых веков, от 1600 до 1100 года, сохранял за собою господство Сидон «первенец Ханаана»; в следующие 5—6 столетий первое место занимал Тир, которому принадлежала известного рода верховная власть над другими финикийскими городами. Из числа изобретений, приписываемых финикиянам, изготовление стекла принадлежит не им, а египтянам, в древнейших могилах которых были найдены стеклянные сосуды и кубки. Но после того как это искусство перешло из Египта к финикиянам, заводы Сидона и Сарепты стали выделывать из стекла разные украшения, сосуды и кубки, далеко превосходившие своей красотой египетские произведения. Зато финикияне были изобретателями пурпуровой краски, приготавливавшейся с особенным совершенством на фабриках в Тире. Об этих двух изобретениях предания говорят следующее.

«Финикийские моряки, выйдя однажды на берег, захотели приготовить себе обед и развели огонь на месте, покрытом прекрасным, чистым, крупным песком. За неимением треножника они взяли два куса селитры, лежавшие тут же поблизости, поставили на них свой котел и развели под ним огонь. Когда вода начала кипеть, то под котлом тоже закипело; куски селитры расплавились, смешались с золой и песком, и когда огонь потух, кипевшая масса отвердела и превратилась в прекрасные белые прозрачные камни — сделалась стеклом. Впрочем, другого употребления стекла, кроме изготовления упомянутых предметов, они не делали; им неизвестно было употребление оконных стекол и стекол для оптических инструментов; излишнее же стекло они променивали на другие, более ценные товары».

«Другой раз один финикийский пастух пас свое стадо неподалеку от морского берега. Его собака, бегавшая взад и вперед и все вокруг себя обнюхивавшая, вернулась наконец к нему с окровавленной мордой. Пастух захотел осмотреть больное место, но к удивлению заметил, что крови не было и что морда собаки вымазана соком багрянки, раковину которой она раскусила на морском берегу. Такой прекрасной краски

пастух еще никогда не видывал, и он объявил другим о своем открытии. Сначала сделана была попытка красить этим соком материи для одежды, и так как она удалась, то финикияне усовершенствовали это искусство тем более, что на их берегу было очень много таких раковин и притом превосходного качества»¹.

*Одежда знатных финикиян.
По P. Hottenroth.
Trachten der Völker.*

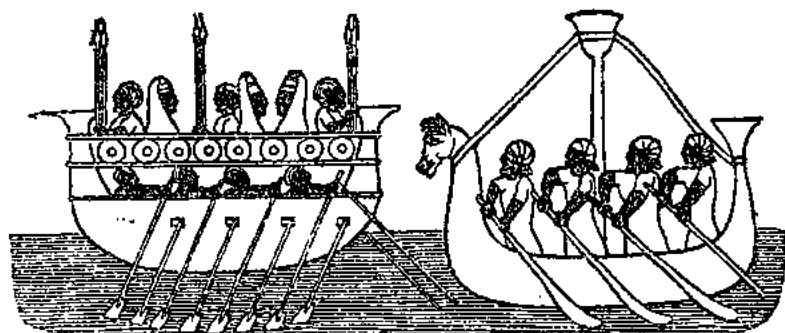
Кроме того финикияне славились своим искусством в горнозаводском и литейном деле, умели шлифовать и обделявать драгоценные камни, занимались резьбой на дереве и слоновой кости и изготовляли изящные ткани и превосходные благовонные мази. Их торговля была и сухопутная, и морская. Они посылали караваны в Аравию и Египет, к берегам Евфрата и Тигра, вступали в торговые сношения с Вавилоном и Ниневией и обменивали на вино и масло вавилонские ткани и благовония.

Первым толчком к большим мореходным предприятиям и к основанию значительных колоний послужило вторжение евреев в XIII веке в Ханаан, причем северные и западные обитатели его были оттеснены к береговой стране соплеменных им финикиян. Не будучи в состоянии содержать такое множество пришельцев в своей небольшой области,

сидоняне перевезли их на плодородный остров Кипр, распространились отсюда на Крит и Родос и завладели островами Эгейского моря вплоть до Геллеспонта. Равным образом и на берегах греческого материка они основали свои поселения. Сказание о Кадме истолковывается в том смысле, что финикияне высадились на берегу Беотии и научили местных жителей употреблению медного оружия, постройке стен, горнозаводскому делу и буквенному письму. Из Греции финикияне перешли далее на запад, заняли острова Мелиту и Гоулос (Мальту и Гоццо), основали поселения в Сицилии (Панормос, ныне Палермо) и в Сардинии (Каларис, ныне Кальяри), высаживались на берегах Средней Италии, вели торговлю с любителями искусств — этрусками и основали в Северной Африке города Гиппо, Великий Лептис, Малый Лептис, Тапс, Гадрумент и Утику. Последний из этих городов, в противоположность другим колониям, основанным по большей части сидонянами, был колонией Тира, возвысившегося с течением времени над Сидоном. Несколько

¹ Эту прекрасную улитку уже не употребляют более в красильном деле с тех пор, как познакомились с другой алой краской, приготовляемой из высушенных кошенилевых червей.

знатных семейств переселились из Сидона на лежащий напротив Старого Тира скалистый остров и основали там Новый Тир; когда же это новое поселение слилось в одну общину со старым городом, то тиряне в XI столетии почувствовали себя настолько сильными, что стали вести независимо от Сидона свою собственную торговлю. Они превзошли даже сидонян, плавали на Дальний запад, заняли группы Балеарских и Питиузских островов, высаживались на берегах Испании, завладели местностью Тарсис (Гартезус) и орошаемой Гвадалквивиром богатой Андалузией и в продолжении многих веков разрабатывали естественные богатства этой страны. Они основали там города Картею, Малаку (Малагу), Гиспалис (Севиля) и Гадес (Кадикс), причем последний из этих городов сделался средоточием

Финикийские военные и торговые суда.
По P. Hottenroth. *Trachten der Völker.*

их колоний и торговли в Испании. Точно так же и в противоположащей Мавритании (Марокко) они основали торговые поселения, переплывали на своих судах восточную часть Атлантического океана, достигали Оловянных островов (Касситериды, ныне острова Сицилии) и высаживались на южном берегу Англии и Северной Галлии. В этой последней стране они, вероятно, покупали янтарь, называвшийся у греков электроном и привозимый жителями берегов Балтийского моря сухим путем в Галлию. Большой известностью пользовалась их торговля и в противоположном направлении, именно с Ост-Индией, с которой они сначала находились в торговых связях только через посредство других народов.

При царе Хираме, бывшем в торговых сношениях с царями соседней Иудеи — Давидом и Соломоном, тиряне предприняли из одного приморского города на Красном море так называемое путешествие в Офир. Офиром они, вероятно, называли Малабарский берег или же страну, лежащую при устьях Инда. Это путешествие, из которого тиряне привезли много золота, драгоценных камней, слоновой кости, сандалового дерева, обезьян и павлинов, доставило им такие прибыли,

что участвовавший в этом предприятии царь Соломон получил на свою долю более 15 миллионов рублей¹.

Громадной торговой деятельности финикийян был нанесен жестокий удар подчинением их страны власти персов, но еще более сильным ударом для них было возвышение греческого могущества на море. Греки вытеснили финикийскую морскую торговлю со всех островов и берегов Эгейского моря, усеяли всю малую Азию своими торговыми городами и сделались соперниками финикийян в Египте, Северной Африке, Сицилии, нижней Италии, Южной Галлии и Тарсисе. Но между

Молох.

тем, как в последние столетия до Р. Х. значение финикийских городов начинало падать, главнейшая из их колоний, Карфаген, основанный тирянами (в 850 г.) в Северной Африке, явился обновленным Тиром и занял его место, так что финикийяне еще раз, в течение четырех столетий, господствовали со своими флотами на Средиземном море от берегов Сицилии до Гибралтарского пролива.

Услуги таких опытных моряков везде ценились очень высоко. Поэтому мы встречаем финикийских моряков на службе у египтян, ассириян, вавилонян и персов. Чрезвычайно замечательно сообщаемое Геродотом известие о том, что по приказанию фараона Нехао-

¹ Здесь и далее денежное исчисление в рублях соответствует году издания книги (1890 г.)

им (617—595), финикийские мореплаватели объехали вокруг Африки. «Они плыли, — говорит он, — из Красного моря по направлению к югу, вдоль африканских берегов и вступили в Южное море. Когда наступала осень, они выходили на берег и сеяли хлеб в тех местах Ливии (Африки), где это было возможно, а собрав жатву, снова садились на суда и отправлялись в дальнейший путь. На третий год они прошли через Геркулесовы столбы (Гибралтарский пролив) и возвратились в Египет. Они рассказывали также — верить чему я предоставляю другим, — что будто бы, обигая берега Ливии, они вдруг увидели солнце с правой от себя стороны». Геродот совершенно неосновательно заподозривает правдивость этого рассказа потому, что финикийцы должны были переходить через экватор, и чем далее плыли они к югу, тем севернее должно было им казаться положение солнца.

Религия финикийцев, как и религия всех восточных народов, была основана на поклонении природе. В а л, бог солнца, считался благодетельной, а М о л о х, бог огня и войны, разрушительной силой природы. Богиня луны, девственная А с т а р т а, была предана одинаково и любви, и войне. Молох требовал человеческих жертв, и ему особенно приятно было, когда в честь его сжигали детей. Так как Ваал считался также и покровителем Тира, то в этом последнем качестве носил название Мелькарта, то есть царя города, у греков — «тирского Геркулеса». Цветущей эпохой Финикии было время правления царя Х и р а м а (1001—967 до Р. Х.); затем могущество финикийцев начало клониться к упадку благодаря внутренним раздорам партий, и Финикия сделалась, наконец, добычей чужеземных завоевателей.

Итак, это государство с давних времен находилось в мирных и дружественных отношениях с израильтянами, на что несомненно рассчитывал и Моисей, и эти отношения сохранились навсегда.

Зато между израильтянами и их восточными соседями: сирийцами, ассирийцами и халдеями (вавилонянами) существовали большей частью неприязненные отношения, и Иудея, наконец, пала под ударами этих народов.

III

ДРЕВНИЕ ВАВИЛОНЯНЕ И ДРЕВНИЕ АССИРИЯНЕ

Около того же времени (280—270 гг. до Р. Х.), когда жрец Манефа составлял свою «Роспись египетских царей», в Вавилоне один из жрецов Ваала — Бероз писал на греческом языке историю своего народа. К сожалению, до нас дошли только отрывки этого сочинения, состоявшего из трех книг.

Древнейшими обитателями Вавилонии, то есть речной области в низовьях Тигра и Евфрата, Бероз называет «халдеев»; у греков же это название носят преимущественно вавилонские жрецы. Надписи дают всей этой стране название «Калди», а ее обитателям «калдиев». Народ этот принадлежал к семитической расе, а именно к восточной ее ветви. Гораздо ранее египтян, достигших своего цветущего положения лишь при Аменофисе III и Рамессадах, обитатели этих равнин успели уже выработать себе своеобразную культуру.

Подобно тому, как было на берегах Нила, и здесь физическое устройство страны принудило ее жителей к неутомимой творческой деятельности. Страна, сама по себе плодородная, страдала от разливов обеих рек. Разливы эти, вместе с необыкновенно быстрым течением Тигра и Евфрата, приносящим с собой множество мелких камней и тины, вместо того, чтобы оплодотворять страну, действовали бы разрушительно, если бы не каналы, шлюзы и плотины, разделявшие и задерживавшие течение и дававшие ему тем самым надлежащее направление. Эти искусственные гидравлические сооружения существовали еще в незапамятные времена и возбуждали изумление чужеземных путешественников.

Первобытная история халдеев полна самых невероятных преданий. То, что рассказывается о временах правления десяти халдейских царей до потопа, не может войти в рамки истории, если только не придавать этим царям, как делают новейшие историки, астрономического значения, то есть считать их олицетворением десяти знаков зодиака, разделив притом время их правления (в совокупности 432 000 лет) на десять отделов одного большого астрономического периода, обнимающих собою каждый 43 200 лет.

Всемирный потоп наступил при последнем из этих царей, Ксизутре (на клинообразных надписях он носит имя Хазизадры). Халдейское сказание о потопе, о спасении Ксизутры и о вавилонском смешении языков почти слово в слово согласуется с еврейским повествованием в Книге Бытия.

Вскоре после потопа на севере Халдеи царствовал, по преданию, Нимрод. Еще до сих пор имя его сохранилось на местах больших развалин

в верхней и нижней Халдее. О нем и его преемниках неизвестно ничего достоверного. Одним из древнейших вавилонских царей, по-видимому, был У р у х, имя которого встречается на лежащих глубоко в земле кирпичах, сохранившихся от развалин, находимых в Халдее. Его столицей был Ур, и власть его простиралась на страны, лежащие на верхнем Тигре, следовательно, и на Ассирию. Только впоследствии был построен Б а б е л ь

*Изображения ассирийских государей.
По Lübker. Grundriss der Kunstgeschichte.*

(Вавилон), сделавшийся столицей Вавилонского царства. В числе преемников Уруха упоминаются И см и да гон, Саррукин и Хаммураби (в XVIII веке до Р. Х.), называвший себя «царем Бабеля», Навуходносор I и Меродахнадинах (1100 л. до Р. Х.).

За 1500 л. до Р. Х. Ассирия¹ сделалась, по-видимому, независимой и начала управляться своими собственными государями.

Эти цари, обладавшие неограниченной властью, являвшиеся в одно и то же время и верховными судьями, и главными военачальниками, и верховными жрецами, получавшие, по их уверению, непосредственно от самих богов их повеления, умели побудить свой народ, несмотря на незначительные средства, к совершению замечательных подвигов и таким образом довести свою, небольшую сравнительно,

¹ Имена и образы Н и н а и его супруги С е м и р а м и д ы, будто бы основавших ассирийское царство, построивших столицы Ниневию и Калах и украсивших Вавилон, заимствованы из преданий и принадлежат позднему времени. Исполинские развалины Ниневии были открыты в 1846 году французским консулом Ботта близ нынешнего Моссула; неподалеку отсюда англичанин Лейярд приступил (1849—1851 г.) к раскопкам при Куянджике и Нимруде и открыл, кроме множества остатков храмов и дворцов, построенных из кирпича на фундаменте из известняка, еще некоторые скульптурные произведения и множество клинообразных надписей, значение которых объяснили в Англии Раулинсон, Гинкс и Фокс Тальбот, а во Франции де-Саси и Опперт.

страну до необыкновенного могущества. Из них в особенности прославился своими завоеваниями Тиглат-Пилезар I (Туклат-Хабал-Азар, как называется он на надписях), царствовавший в Ассирии с 1130 по 1100 г. до Р. Х. и простиравший свое победоносное оружие на север, может быть, даже до самого Черного моря и на запад до берегов Сирии. В воспоминание о своих военных подвигах он приказал начер-

*Ассирийские воины.
По Weisser. Bilderatlas der Weltgeschichte.*

тать на одной скале близ Каркара, у одного из притоков Тигра, свое изображение, а под ним следующие слова:

«По воле Ассура, Самоса и Бина, великих богов, моих повелителей, я, Туклат-Хабал-Азар, царь страны Ассур, сын Ассура-рись-изи, царя страны Ассур, сына Муттакиль-Небо, в третий раз покорил страну На-ири» (вероятно, Армению).

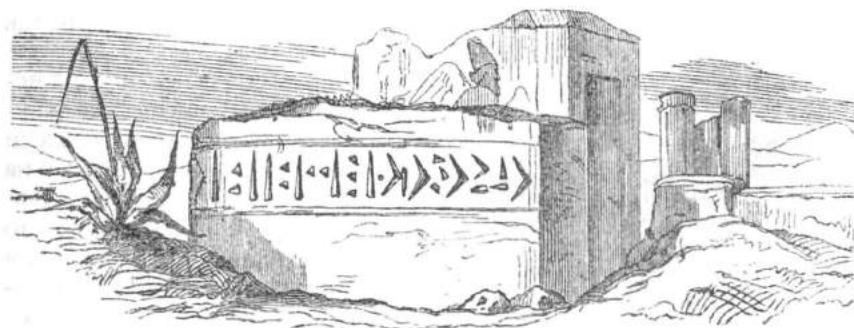
В течение IX века Ассирия после продолжительных войн приобрела даже политический перевес над Вавилонией. При всем том в культуре, религии и искусствах халдеи остались учителями ассирийцев, которые зато превосходили их своими воинскими способностями и несокрушимой энергией. (О новоассирийцах, их завоевательных походах и столкновениях с царством израильским смотри ниже, отдел о царствах Израильском и Иудейском).

Культура халдеев и ассирийцев

Можно с уверенностью сказать, что халдейская культура была совершенно своеобразная и самостоятельная, отнюдь не заимствованная у египтян¹. Они поклонялись верховному богу, называвшемуся у них

¹ Откуда произошли первые, основные элементы этой культуры, можно догадываться по сообщаемому в книге Бероза преданию о семи человеках-рыбах, вышедших из Вавилонского моря, то есть Персидского залива. Бероз рассказывает следующее: «Вначале в Вавилоне было великое множество людей из разных племен, населявших Халдею. Они жили в беспорядке, как животные. Но вот однажды из прилегающего

Эл о м (у ассириян Ассур) и в честь его дали своей столице название Б а б е л ь, то есть врата Эла. Вторым богом был А н у, а третьим В е л, то есть Господин. Грекам, по-видимому, преимущественно был известен последний. Бог луны назывался С и н, бог солнца С а м а с; кроме того, у них было пять планетных богов: А д а р — бог самой отдаленной планеты Сатурна, Н е б о — бог Меркурия, Н е р г а л — бог Марса, М е р и д а х — бог Юпитера, наконец женское божество Б и л и т (у Геродота оно названо Милитта), то есть госпожа, как богиня Венеры; на надписях она называется «царицей богов» и «матерью богов», «влады-

Клинообразное письмо.

чицей отпрысков», то есть богиней плодородия. Противоположным ей началом была богиня войны, разрушения и смерти — И с т а р, которая на надписях называется «царицей Вавилона». Таким образом религия халдеев в сущности была ни что иное, как поклонение небесным светилам. Они наблюдали, каким образом, смотря по положению солнца или другой небесной звезды, происходили важные перемены в природе, было ли то пробуждение в ней растительности или увядание ее, наводнение или засуха, или другое какое либо явление. Этим путем они пришли к убеждению, что вся жизнь природы и людей находится в зависимости от небесных тел, движущихся в чистой лазури неба по своим непреложным путям, то есть то исчезая, то снова появляясь. Это учение было развито преимущественно жрецами, составлявшими зам-

к Вавилону моря поднялось одаренное разумом существо по имени О а н н е с. У него тело было рыбы, но под рыбьей головой имело еще другую голову (человеческую), а на рыбьем хвосте его narosли человеческие ноги». Это существо в продолжение одного дня осталось между людьми, не принимая никакой пищи. Оно познакомило людей с буквенным письмом, науками и разными искусствами, учило, как следует селиться в городах и строить храмы, сообщило основные понятия о законах, о межевании земель, показало, как сеются и собираются плоды, — короче говоря, дало людям все, что требуется для правильной жизни. После заката солнца Оаннес снова погрузился в море. За ним следовали еще шесть таких же людей-рыб. Эти чудесные существа развивали то, что Оаннес объяснил лишь в общих чертах, в некоторых же вещах пошли еще дальше него. Отсюда можно, по-видимому, заключить, что первые начала правильного образа жизни, образованности и письменности занесены были к халдеям с юга, с берегов Персидского залива.

кнутую касту и носившими название магов (у греков «халдеи»), но затем переродилось в самое грубое суеверие, состоявшее в гадании по звездам (астрология). Сатурн считался зловещим светилом, Марс также, и его красный, огненный блеск был предвестником сильного, иссушающего землю зноя. Юпитер и Венера предвещали счастье, а Меркурий, Луна и Солнце занимали середину между зловещими и счастливыми светилами. По положению звезд жрецы, как они утверждали, узнавали волю богов, могли определять время, благоприятное для начатия известного дела; по расположению же небесных светил в час рождения человека они предсказывали будущую участь его, то есть составляли так называемый «гороскоп».

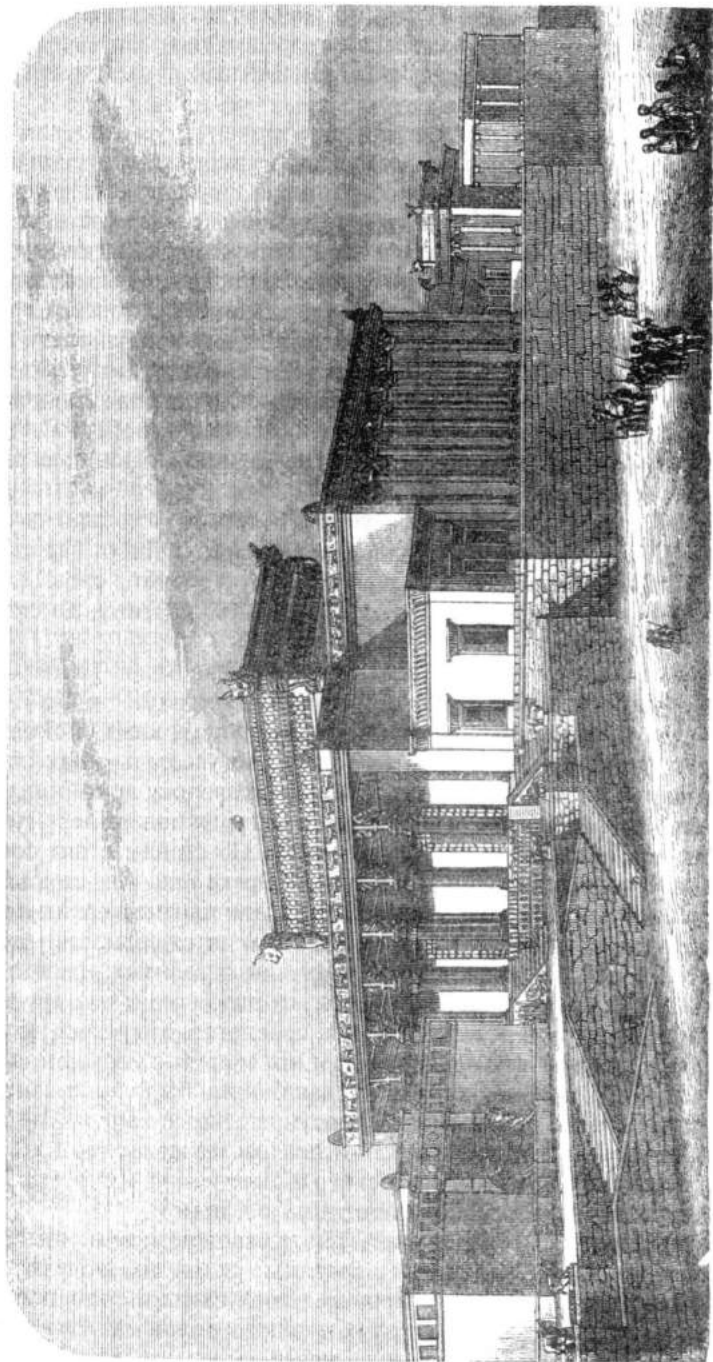

*Халдейская одежда.
По Р. Hottenroth. Trachten
der Völker.*

У халдеев, как и у египтян, науки и искусства составляли исключительное занятие одних только жрецов, которые владели и ключом к таинственному, похожему на иероглифы, клинообразному письму. Подобно иероглифам в Египте, письмо это весьма было распространено в Вавилоне и Ассирии, о чем свидетельствуют многочисленные надписи на памятниках, в особенности сообщения царей о их деяниях. Но между тем как египтяне вырезывали свои иероглифы на каменных досках, халдеи, в стране которых не было плитняка, вынуждены были употреблять для своего письма кирпичи в сыром и обожженном виде. Клинообразное письмо состоит из разнообразнейшего сопоставления одних и тех же стреловидных, отчасти горизонтальных, вертикальных и загнутых крючками знаков; подобно иероглифам, оно представляет смесь знаков, изображающих понятия

(идеограммы) и звуки (фонетические знаки) и допускает очень много сокращений. Первый разбор клинообразного письма удался в 1802 году ученому Гротезенду, которому проложили дорогу Нибур (1705), Тихсен (1798) и Мюнкер (1800). С тех пор благодаря трудам француза Бурнуфа, немца Лассена и в особенности англичанина майора Генри Раулинсона эта наука сделала большие успехи.

Ни один народ, не исключая даже египтян, этих строителей каменных громад и целой вереницы храмов на Ниле, не мог сравняться с халдеями в колоссальности размеров своих построек. И действительно, в Халдее и Ассирии встречаются кирпичные постройки, которые, не производя глубокого впечатления красотой форм, тем не менее поражают своей массивностью. Они строились частью из высушенного на солнце, частью из обожженного кирпича; связью же служил превос-

Вид реставрированного храма в Ниневии.

ходный цемент из асфальта, то есть горной смолы. Внутренние стены обделывались обыкновенно изразцами; храмы же и дворцы снаружи покрывались гипсовыми и известковыми плитами и украшались скульптурными изображениями.

Эти кирпичные постройки не могли, конечно, оказывать всесокрушающей силе времени того сопротивления, какое оказали египетские каменные сооружения, и от них сохранились лишь те части, которые возвышались над поверхностью земли не более 20—40 футов или составляли нижние их этажи. Почти все кирпичи носят на себе отгиск имени царя, в правление которого они были употреблены на постройки. Остатки таких сооружений находятся на месте городов Ура и Эреха (ныне Мунгхейр и Варка), древних столиц Халдеи, и поблизости Вавилона. Последний из них арабы называют «Бирс-Нимруд», то есть город Нимврода. Здесь, на фундаменте из кирпича, возвышается четырехугольное здание, имеющее 77,7 м длины с каждой стороны и 7,4 м высоты; над ним поднимаются еще три этажа все уменьшающихся размеров, причем общая высота всей развалины достигает 43 м. Полагают, что на этом месте был древний Борзиппа (Барцип), а только что описанные развалины — остатки большого храма бога Небо. Где следует искать остатки большого храма Бела, которого Геродот в своем описании Вавилона представил такую блистательную картину, до сих пор еще не определено.

Гораздо замечательнее развалин являются кладбища Ура и Эреха. В Уре вдоль наружных городских стен тянутся широкой полосой ряды усыпальниц, выстроенных из кирпича и имеющих каждая около 2 м длины, 1 м ширины и 1,5 м высоты. Тела в этих усыпальницах клались на пол, покрытый циновкой из тростника; под голову покойника подкладывали кирпич; правая рука покоится на груди поверх левой и концами пальцев придерживает медную чашу. По стенам стоят сосуды, предназначенные для кушанья и питья. В Эрехе тела или ставились в глиняные, овальной формы, усыпальницы, или плотно заделывались в глиняные же вместилища. Эти последние находятся обыкновенно не в земле, а в возвышающихся над нею кирпичных зданиях, плотно прижимаясь друг к другу и часто в несколько рядов одно над другим. В усыпальницах находят остатки оружия, браслетов, ожерелий, золотые и серебряные кольца для пальцев рук и ног и другие украшения.

Об искусной системе каналов у вавилонян было написано уже выше. Это те самые оросительные и осушительные каналы, на которых, как свидетельствует о том 137-й псалом, раздавались жалобные стенания евреев во время вавилонского их пленения: «На реках Вавилонских сидели мы и плакали, вспоминая о Сионе».

В промышленности халдеи выказали также необыкновенные успехи. В особенности их льняные и шерстяные ткани пользовались всемирной известностью. Вывоз произведений вавилонской промышленности, за исключением ковровых и прочих родов материй, как то: глиняной посуды, благовонных вод и мазей, обделанных камней и пр.,

производился с большим оживлением сперва в ближайшую Сирию в обмен на масло и вино, а затем в Иудею и Египет. Сырье вавилоняне получали из Армении, Аравии и Индии. Эта привозная и вывозная торговля достигла своего высшего развития тогда, когда финикийяне забрали торговлю в свои руки и стали возить морем вавилонские товары на запад, преимущественно в Грецию.

Творческий дух в произведениях искусств проявился у ассирийян с большей жизненностью и свободой, чем у египтян. Многочисленные фигуры отличаются у них законченностью и энергией и обнаруживают чрезвычайное разнообразие выражений, но в то же время грешат чрезмерной грубостью форм. Размеры быков и львов также не столь колоссальны, как размеры сфинксов. О величественных зданиях их было уже выше. По ниневийским развалинам можно судить о колоссальности дворцов и храмов с их залами и галереями; что касается сводов, строившихся у ассирийян также из кирпича, то им, кажется, были уже известны стропильчатая и круглая системы. Употребление в Ниневии сделанных с необыкновенным искусством домашней утвари, столов, стульев, чаш, ваз, посуды и предметов украшения, как то: браслетов и серег, в особенности же оружия и всевозможного рода перевязей, выделка которых достигла у них высшего развития, доказывается как памятниками, на которых встречаются изображения всех этих предметов, так и находками, сделанными в развалинах. В отношении находок можно заметить, что ввиду весьма незначительного еще числа разрытых ассирийских усыпальниц на этом пути предстоит еще богатая добыча в будущем.

IV

ИИСУС НАВИН И СУДИИ

Прошло сорок лет со времени исхода из Египта, когда народ, в котором успело уже народиться и возмужать новое, более послушное воле Божией поколение, получил позволение вступить в обетованную землю. Но бывшему до сего времени предводителю народа — Моисею не только не было дано самому вступить в нее, но и присутствовать при этом. Предчувствуя свою близкую кончину, он в торжественном собрании всего народа передал свою власть и управление в руки Иисуса Навина.

При этом последнем началось энергичное завоевание Ханаана. Иисус Навин овладел укрепленными городами: Иерихоном, Гаем, Вефилем и Сихемом. Здесь, в Сихеме, как в центральном пункте всей страны, основал он свою резиденцию; кивот же завета поставил в Силоме. Согласно воле Божией, все местные жители должны были быть «изгнаны» или истреблены, что Иисусом Навином и было большей частью приведено в исполнение.

Когда значительная часть страны была завоевана, то, согласно приказанию Моисея, было приступлено к ее разделу, и Иисус Навин распределил ее между девятью коленами: Иудиным, Вениаминовым, Симеоновым, Дановым, Иссахаровым, Ассировым, Завулоновым, Невфалимовым, Ефремовым и полуколеном Манассииным; колена же Рувимово, Гадово и остальное полуколено Манассиино были поселены по другую сторону Иордана. Иудино и Вениаминово колена после раздела заняли юго-западную часть, а остальные — юго-восточную. Само собою разумеется, что все это дело не обошлось без некоторых жалоб на не вполне равномерный раздел; при этом многие колена не хотели тотчас же приняться за правильное земледелие и поселиться в укрепленных городах и селениях.

Но главная беда заключалась в том, что после умершего в скором времени Иисуса Навина вследствие неимения общего вождя и недостатка рвения колен к дальнейшей борьбе с непобежденными еще ханаанскими племенами борьба эта велась уже не так деятельно, как прежде. Во многих местах израильтяне, вместо того чтобы совершенно изгнать ханаанитян, ограничились лишь тем, что принудили их платить себе дань. Таким образом филистимляне остались на юго-западной границе, в Иерусалиме крепко засели иевусеи; другие враждебные племена владели горными странами Ливана. Между тем умер Иисус Навин, за ним последовали и все его современники, а народившееся

затем новое поколение не знало ни своего Господа, ни чудес, совершенных им для Израиля. Народ начал уклоняться от чистого поклонения Иегове, которое собственно и составляло действительную основу народного единства, и стал совращаться в идолопоклонство.

Следствием этого было зло, предупредить которое Моисей думал повелением полного истребления ханаанитян. Оставшиеся в стране враждебные племена вместе с соседними государствами, пользуясь раздорами иудеев, покоряли то одно, то другое колено, то несколько колен сразу. Так как теократическо-республиканское государственное устройство не допускало в Иудейском государстве верховного вождя и Моисей и Иисус Навин были облечены таким исключительным саном только по случаю предстоявшего вступления в Ханаан, то и впоследствии, когда государство находилось в исключительных обстоятельствах, являлись отдельные личности в качестве верховных вождей или высших сановников; их называли софетимами, то есть судиями. Впрочем судия редко пользовался всеобщим признанием народа. Также судии эти редко являются представителями кротости и благочестия. Так, например, Гедеон назывался Иерувалом, то есть страшщимся Ваала и соорудил в своем городе идола; Авимелех был тираном худшего сорта, а Иеффай начал свое поприще разбоями на больших дорогах.

Первым судиею был Гофоноил; за ним, в числе прочих, следовали мужественная жена и пророчица Девора, победитель мадианитян — Гедеон и т. д. Замечательнейшие из деяний некоторых судей были записаны. Из них самыми интересными представляются нам лишь деяния Иеффая, Сампсона и Самуила.

1. Иеффай

Не успевший еще сплотиться и установить у себя ни общего государственного управления, ни общеобязательных законов, народ израильский скоро сделался добычей аммонитян, в особенности беспокоивших беспрестанными нападениями и грабежами колена по ту сторону Иордана. И не было в Израиле человека, который был бы в состоянии дать отпор разбойникам. Наконец такой человек нашелся; то был Иеффай — муж, полный мужества и отваги. Братя, чтобы не разделять с ним законного наследства, изгнали его из дома родительского, и Иеффай ушел в Аравию, где, став во главе одной разбойнической шайки, прославился необыкновенными подвигами. Когда бедствия отечества достигли необычайных размеров, а слава о храбрости Иеффая разнеслась во все стороны, жители Галаада послали к нему послов с просьбой быть их вождем. Он согласился и вернул на родину. Сначала он послал спросить царя аммонитян, по какому праву нападет он на землю израильскую. Царь отвечал, что земля эта принадлежала ему еще ранее, чем дети Израиля завладели ею. Иеффай в простран-

ном объяснении старался оправдать действия Моисея и Иисуса Навина, но аммонитянский царь не соглашался с его доводами. Тогда Иеффай с многочисленным войском пошел на него войной. Перед выступлением в поход он дал обет, если Иегова предаст аммонитян в его руки, принести Ему в жертву всесожжения первое, что выйдет к нему навстречу из дома его.

Нападение совершено было мужественно, и неприятель бежал. Иеффай отчаянно преследовал его и отнял у него двадцать пастушеских селений, а когда прогнал его далеко, то вернулся к себе в Массифу. Здесь навстречу к нему с радостными песнями и плясками вышла дочь его, кроме которой он не имел других детей. При виде ее безрассудный отец разорвал на себе одежды свои и воскликнул: «О, дочь моя? Как сокрушаешь и печалишь ты меня! Я дал обет Господу и не могу не исполнить его». Испуганная дочь отвечала: «Отец мой, если ты дал обет Господу, то поступи со мной по обету твоему, ибо Господь сотворил тебе отомщение над врагом твоим». Так сказала она, бедная, и все слышавшие громко рыдали. Исполненная печали, просила она позволения отправиться в горы и пробыть там два месяца, чтобы оплакать с подругами девство свое. Она пошла в горы и, исполняя слово свое, вернулась через два месяца, чтобы умереть позорной смертью на костре¹. В честь ее девицы галаадские в продолжение многих лет ежегодно справляли праздник, в который отправлялись в горы оплакивать дочь Иеффая.

2. Сампсон

В другой раз несколько колен израильских подпали под власть филистимлян, прошедших вдоль и поперек всю их страну их смотривших на имущество израильтян, как на свое собственное. Тогда спасителем явился происходивший из колена Данова знаменитый Сампсон, история жизни которого увенчана ореолом народных сказаний. «Хотя его следует рассматривать, как личность историческую, — говорит Нёльдеке², — но описание его подвигов и страданий носит на себе печать легендарного характера; сама же смерть его производит сильное впечатление своим необыкновенно глубоким трагизмом.

С самого рождения своего он был посвящен своими родителями Иегове согласно обычаю, установленному еще Моисеем. Таких людей называли «назореями», что означает — обособленный, обрученный Господу; они обязаны были не есть некоторых кушаньев, как нечистые, и ножницы не должны были касаться головы их.

¹ Некоторые стараются объяснить это жертвоприношение в том смысле, что оно со стороны Иеффая заключалось в том, что он наложил на дочь свою обет безбрачия; но объяснение это, ввиду буквального текста, является весьма натянутым.

² Нёльдеке. Untersuchungen zur Kritik des Alten Testaments (Критические исследования Ветхого Завета), стр. 173.

Когда Сампсон вырос, то получил исполинскую силу. Однажды, желая посетить свою невесту, он отправился в местечко Фамнаф; на дороге встретился ему молодой рыкающий лев. И Дух Господень снишел на Сампсона, и он, хотя не имел ничего в руках, растерзал льва, как разрывают ягненка. Затем он пришел к своей невесте, но ни ей, ни родителям своим ничего не сказал про свой геройский подвиг.

Невеста Сампсона была филистимлянка, почему брак с нею был неприятен его родителям. Они не знали, что на то была воля Господа, желавшего наказать филистимлян; Сампсон же не поддавался увещаниям их, и они должны были уступить ему. Несколько дней спустя Сампсон снова пошел в Фамнаф и проходил мимо трупа растерзанного льва. И вот видит он рой пчел в пасти львиной, с сотами, наполненными медом. Он вынул его, съел дорогой и явился в дом невесты. Брачное пиршество должно было продолжаться семь дней, причем, по восточному обычаю, филистимляне приставили к нему для почета тридцать юношей, так называемых друзей жениха. Сампсон, по обычаю же Востока, задал им загадку о своей находке и сказал: «Слушайте: если отгадаете, то дам вам тридцать пар нижнего и верхнего платья; не отгадаете, то вы должны мне дать столько же». — «Скажи нам твою загадку?» — спросили они. Сампсон сказал: «От ядущего произошло ядомое, а от сильного — сладкое. Что означает это?»

Прошло шесть дней, а тридцать филистимлян не могли разгадать загадки. Наконец, они вышли из себя и тайно сказали молодой жене Сампсона: «Уговори своего мужа, чтобы он объяснил нам свою загадку, а то мы сожжем дом твой и все, что в нем есть. Разве для этого пригласила ты нас, чтобы мы сделались нищими?»

Горько заплакала тогда жена Сампсона и стала просить своего мужа объяснить ей, в чем было дело. Долго, однако, не соглашался он, но, наконец, сказал ей. Тогда передала она это своим единоплеменникам, которые на седьмой день с восходом солнца сказали Сампсону: «Что слаще меда и сильнее льва». Но он возразил: «Если бы вы не орали юницей моею, не отгадать бы вам моей загадки».

Однако все-таки должен был он дать им тридцать пар платья. Тогда снишел на него дух Господень, и пошел он в Аскалон, убил там собственноручно тридцать филистимлян, снял с них платье и отдал его отгадавшим загадку; потом, затаив гнев в сердце своем, ушел оттуда и вернулся в дом отца своего. Тогда жена его отдалась другому.

Через некоторое время, во дни жатвы пшеницы, Сампсон вспомнил жену свою, посетил ее и принес ей козленка. Но ее отец не хотел впустить его в дом. «Мы думали, — сказал он, — что ты возненавидел ее, и потому отдали ее другому. Но у нее есть еще младшая сестра, и если желаешь, то возьми ее». Тогда сказал им Сампсон: «Я имею одно только истинное желание к филистимлянам — это причинить им зло». Он вышел из города и поймал в 300 штук стадо шакалов, или прирученных волков, которые на востоке бродят большими стаями и легко попадают в руки охотника. Он связал их попарно и привязал к хвостам

каждой пары по горящему светильнику; со страшным воем побежали звери по полям, и огонь охватил снопы и колосья; вся жатва погибла в огне, истребившем также масличные деревья и виноградники.

«Кто сделал это?» — яростно восклицали филистимляне. «Сампсон, за то, что у него отняли жену», — было ответом. Тогда собрались филистимляне и сожгли жену Сампсона и отца ее. Но Сампсон жестоко побил их и удалился. Филистимляне напали на колено Иудино и вторглись в страну их через Лехи. «Чего вы хотите от нас?» — кричали израильтяне. «Сампсона, — последовал ответ. — Где он?» — «Он ушел в горы и поселился в пещере». Туда пришли 3000 человек из колена Иудина и сказали Сампсону: «Разве ты не знаешь, что филистимляне напали на нас; зачем сделал ты это?» Он отвечал им: «Как они поступили со мной, так и я поступил с ними».

На это они возразили: «Мы пришли связать тебя и предать филистимлянам». — «Поклянись мне, что не убьете меня», — сказал Сампсон и дал им связать себя по рукам новыми веревками. Тогда вывели они его из пещеры и привели к филистимлянам, возликовавшим при виде его. Но он, подойдя к ним ближе, с такой силой разорвал веревки, что они распались, как нити, опаленные огнем. Тут нашел он челюсть от скелета осла. Он схватил ее и побил ею 1000 человек. «Вот лежат они в куче, — с торжеством произнес он. — Одной челюстью ослиной побил я тысячи человек»¹. И он бросил челюсть из рук своих и назвал место это Р а м е т - Л е х и (пещера челюсти).

Но тут он почувствовал страшную жажду и так воззвал к Иегове: «Рукою раба твоего совершил ты такое спасение; о! не дай умереть мне от жажды или впасть от утомления в руки филистимлян!» И вдруг увидел он, как разверз Иегова язву на челюсти (Лехи) и вода потекла из нее. И когда он утолил жажду, возвратился к нему дух его и он ожил. Поэтому источник этот, по словам народной песни, зовется и поныне источником «призывающего из челюсти».

В другой раз пришел он в город Газу и вошел в дом к одной женщине. Когда стемнело, филистимляне подумали: сделаем его безвредным, а себе доставим полное спокойствие; запрем для этого городские ворота, а завтра на рассвете, когда он захочет выйти из горьда, нападём на него и убьем.

Всю ночь напролет прождали они в тишине и молчании наступления следующего дня. Но Сампсон не ждал так долго; он встал в полночь, схватил своими мощными руками ворота, вырвал их с обоими столбами из земли, взвалил себе на плечи и снес на высокую гору.

Но чем чаще спасался Сампсон чудесным образом от случавшихся с ним опасностей, тем более привыкал он полагаться на одну только свою силу, стал забывать Бога и убаюкивать себя ложной самоуверенностью в своей безопасности.

¹ Здесь, судя по восточному характеру рассказа, заключается простая игра слов еврейского языка.

Он позволил себе вступить в связь с хитрой Далилой. Об этом узнали князья филистимлян и обещали ей тысячу сто серебрянников, если она просьбами и лестью выпытает от вождя, в чем заключается его необыкновенная сила. Далила согласилась и спросила Сампсона: «Милый, скажи мне, в чем заключается твоя сила и чем можно связать тебя и смирить?».

Сампсон сказал ей: «Если меня свяжут семью тетивами из сырого лыка, то я ослабею и буду как и всякий обыкновенный человек».

Тогда принесли князья филистимлянские семь тетив из сырого лыка, и Далила связала ими Сампсона. В комнате же были спрятаны люди, которые подстергали. Тогда вскричала Далила: «Сампсон! филистимляне идут на тебя!» Но он разорвал тетивы, как простые нитки, и обманутые филистимляне убежали.

«Видишь, ты обманул меня, — сказала она, — и солгал мне, но теперь, скажи мне по истине, чем можно связать тебя?».

Он отвечал ей: «Если свяжут меня веревками новыми, не бывшими еще ни разу в употреблении, то ослабею и буду, как и всякий другой человек». Она сделала это; пришли филистимляне, но он разорвал узы свои, как простые нитки.

Тогда сказала Далила: «Злой человек, еще раз ты солгал мне! О! скажи мне теперь откровенно и не обмани меня на этот раз».

«Хорошо, — сказал он, — если ты сплетешь мои волосы и пригвоздишь их колом к стене, когда буду спать, то я не в силах буду пошевелиться».

Далила сделала и это, но когда пришли филистимляне, Сампсон пробудился и исторгнул волосы свои вместе с колом.

Тогда сказала ему Далила: «Как можешь ты говорить, что любишь меня, когда ты со мною неоткровенен и неверчив. Три раза обманул ты меня; скажи же, наконец, мне правду». День и ночь преследовала она его льстивыми речами и мучила тем, что душа ее будет томиться до самой смерти. Наконец раскрыл он ей сердце свое и сказал: «Никогда ножницы не касались головы моей, ибо я с самого детства посвящен Богу. Если я преступлю волю Божию и дам обрезать себе волосы, то отступятся от меня Дух Божий и сила моя».

Вероломная запомнила это и известила филистимлян, которые тотчас пришли и принесли с собой деньги. Она усыпила его и велела остричь ему волосы, и сила отступила от него. «Сампсон! филистимляне идут на тебя!» — воскликнула она громко. Он проснулся и подумал: «Я встану как прежде и разгромлю этих негодных»; но он не знал, что Иегова отступился от него. Филистимляне схватили его, выкололи ему глаза, отвели в Газу и заковали в цепи, и должен был он в темнице вертеть ручную мельницу.

Но в темнице у него снова отросли волосы. Между тем филистимляне собрались для принесения великой жертвы богу своему и, радуясь, говорили: «Наш бог предал нам в руки величайшего врага нашего, опустошившего нашу страну и убившего многих из наших единопле-

менников; пусть теперь приведут его, чтобы мы могли насмеяться над ним».

И они привели Сампсона из темницы и заставили его плясать перед собой. Слепец сказал мальчику, ведшему его за руку: «Подведи меня к тем двум главным столбам, поддерживающим дом, в котором собрался весь народ для того, чтобы я мог прислониться к ним». Дом же был полон мужчин и женщин. И внутри, и снаружи и на гладкой крыше, все кишело филистимлянами; тут были и князья филистимлянские и издевались они над ним, как только могли. Но Сампсон в душе своей обратился к Иегове и так воззвал к нему: «Господи! вспомни обо мне, укрепи меня только на этот еще раз, чтобы я мог воздать им одним отмщением за оба глаза мои!» Потом уперся он в срединные колонны, на которых утвержен был дом, в одну правой, а в другую левой рукой и воскликнул: «Здесь хочу я умереть вместе с филистимлянами!» В одно мгновение потряс он колонны, и все здание рухнуло со всем, что было в нем и на нем. При этом филистимлян погибло больше, чем он убил их за все время своей жизни. Он был судьей Израиля в продолжение двадцати лет.

3. Самуил (1109 г. до Р. Х.).

Наступившие со смертью Моисея времена далеко не соответствовали тому, что предопределял и предрекал он своему народу; деятельность описанных вождей являлась в истории Израиля лишь быстро проносящимися блестящими метеорами, а завещанные Моисеем дух и чувства не существовали в народе уже более. Идолопоклонство постоянно одерживало верх над истинным служением Иегове; сознание единства исчезло и государство ко времени первосвященства Илии пришло в величайший упадок. У народа не было сильного правителя; сыновья Илии оскверняли Скинию завета, продолжавшую по-прежнему, со времени переселения в Ханаан, находиться в Силоме, в колоне Ефремовом¹, и предавались алчности и распутствам-так, что приходившие туда для принесения жертв благочестивые люди встречали в этом самом священнейшем месте одни лишь неприятности.

С того самого времени, когда вследствие сношения с местными племенами прекратилось религиозное единство, рушилось и единство политическое. Начались междоусобия, и народ сделался добычей ханаанитян и в особенности филистимлян. Израильтяне были разбиты во многих сражениях. Тогда для большего воодушевления войск кивот завета перенесли в стан и решено было дать еще одно сражение, но и оно было проиграно, причем сама святыня эта попала в руки неприят-

¹ Приобретенные вследствие этого коленом Ефремовым преимущества породили впоследствии между ним и коленом Иудиним вражду, имевшую весьма важное влияние на дальнейшую историю иудеев.

теля и оставалась у него до тех пор, пока филистимляне не возвратили ее сами. В это время вновь явился муж с духом и мощью Моисея — знаменитый Самуил. Он был посвящен Богу и помещен в Силоме своей благочестивой матерью, так как она родила его в преклонных уже годах и потому смотрела на его рождение как на особую милость Божию. Здесь, через божественное откровение, Самуил был призван к служению народу израильскому и к доставлению ему более счастливой жизни. Он воспользовался возвращением кивота завета, чтобы созвать израильтян на всенародное собрание и торжественным обещанием снова

Исайя.
Статуя Микеланджело.

обратить их к служению Иегове. При этом Самуил, как достойнейший, был избран народом в судьи и как теперь мужественным предводительством, так и впоследствии, во всю свою долгую жизнь, мудростью, энергией и примерным исполнением своей высокой должности не переставал доказывать, что был вполне достоин такого выбора.

Когда израильтяне соединились между собою, то старинные внешние враги их, филистимляне, поклялись составить против них грозный союз и напали на них, но Самуил нанес им такое поражение, что с тех пор они не только не отваживались переступить границы израильские, но потеряли даже один за другим все города, отнятые ими у израильтян.

Плодом этой победы был почетный мир и с другими соседними народами. Внутреннего взаимного согласия колен Самуил достиг своим правым судом, духовному же развитию народа содействовал учрежде-

нием так называемых школ пророков, которые следует рассматривать как род монастырей или семинарий. Предметами преподавания в этих школах, без всякого сомнения, прежде всего были закон Моисеев и его толкования; религиозная музыка или песнопение также входила в круг занятий. Таким образом школы эти были рассадниками способных правителей, судей, учителей и разных должностных лиц. При этом необходимо делать различие между пророками, выходящими из этих школ, и пророками в узком смысле этого слова, каковыми были Илия, Исая, Иеремия и другие. Эти последние, как непосредственно избранные самим Богом, являлись провозвестниками слова Божия, что следует понимать в том смысле, что то, что они говорили, они говорили не от себя, что их устами вещал Сам Бог. Как пророки, посланные Самим Богом, они прозревали также и будущее, в чем собственно и заключалось их непосредственное призвание в жизни. Они хранили законы, дополняли заповеди и объясняли народу их сокровенное значение; они возвещали Божественные предопределения, заключавшие в себе как благословение, так и наказание. Блюдя за священной неприкосновенностью государственных установлений, они напоминали народу о его религиозных и политических обязанностях. Речь их, как излияние вдохновенного чувства, была возвышенна, полна смелых образов и так же торжественна, как речь поэтов.

ТЕОКРАТИЧЕСКАЯ МОНАРХИЯ

Саул, Давид и Соломон
(1055—953 гг. до Р. Х.)

Когда Самуил состарился, то поставил судиями двух сыновей своих с той, вероятно, целью, чтобы достоинство это сделать наследственным в своем семействе. Но сыновья не пошли по следам отца, а «творили суд неправый». Обстоятельство это, а может быть, и зависть к колону Ефремову, было причиной, что израильтяне заставили Самуила принять на себя по-прежнему судийское достоинство. Когда же они убедились из беспрерывных примеров на соседних народах, что лучшим средством в общественных бедствиях является самодержавный властитель или царь, то обратились к Самуилу и сказали ему: «Дай нам царя, который выводил бы нас из затруднений, когда мы ведем войну и какого имеют все язычники».

Самуил неохотно соглашался на это желание, он доказывал, что установление царской власти будет равносильно отпадению от Иеговы и со всем жаром свойственного ему красноречия старался убедить народ остаться при прежнем образе правления. В доводах Самуил опирался главным образом на изложенное уже выше основное положение Моисеева Законодательства, в силу которого народ израильский, будучи избранным народом Божиим, составлял вместе с занимаемой им Ханаанской землей собственность самого Иеговы и поэтому должен был иметь царем своим только Бога, а никак не человека.

Но доводы Самуила не имели успеха; народ не отступил от своего намерения, и Самуил должен был согласиться на избрание. Выбор его, конечно, не без благоразумного умысла, пал на одного человека из слабого колена Вениаминова и притом из самой незначительной семьи этого колена. Он назывался Саул, был прекрасен собою, «целой головой выше всего народа» и необыкновенной храбрости. Посланный отцом отыскать пропавших ослиц, Саул, не найдя их, пришел к пророку Самуилу, чтобы спросить его о них. Самуил принял его дружески и помазал священным миром в цари израильские; затем он велел ему вернуться домой и сказал, что он должен будет предстать перед собранием (образованных им) пророков. Удалившись, Саул поступил так, как приказал ему Самуил. Пророки встре-

тили его и приветствовали своими вдохновенными песнопениями; Дух Божий снишел на Саула и он стал пророчествовать перед ними словами древних пророков. Тогда все, знавшие его раньше, восклицали в изумлении: «Разве Саул из числа пророков?» Но изумление это достигло высших пределов, когда Самуил в созванном им вслед за сим всенародном собрании представил этого самого Саула как их будущего царя. Вместе с радостными криками народа: «Да здравствует царь!», многие говорили: «Чем может он помочь нам?» — отнеслись к нему с пренебрежением и не принесли ему никаких даров. Однако Саул, о чем и сам прежде не имел никогда в помышлении, благодаря своим подвигам сделался дорогим для своего угнетенного отечества.

*Еврейский царь.
По P. Hottenroth.
Trachten der Völker.*

Саул вел целый ряд счастливых войн против аммонитян при царе их Наасе, против филистимлян и амалекитян, но когда он не послушал приказания Самуила — истребить амалекитянского царя Агага со всем его народом и со всеми стадами его, то Дух Божий отступил от него, он был «отвергнут» (1 Сам., 15, 26), и царем, по повелению Иеговы, был тайно помазан Давид. Однако Давиду, прежде чем он был признан царем всем народом, пришлось испытать многое: претерпеть несколько гонений и подвергнуться неоднократным покушениям на свою жизнь, а после самоубийства Саула в битве с филистимлянами вести упорную борьбу с полководцем его Авениром и старшим сыном Саула — Иевосфеем.

В правление Давида (1033—993 гг. до Р. Х.) Иудейское царство достигло своего величайшего блеска. Как храбрый полководец, Давид не только доставил своему государству многократными войнами, в которых и он и народ его выказали необыкновенное мужество, действительный, продолжительный и необходимый мир, но и вознес его, в особенности после счастливого похода против сирийян, на степень грозного величия. Он простер свою власть даже до устьев Евфрата, а князья сирийские в Эмафе, Дамаске и Низибии платили ему дань.

Давид также распространил свое государство и на юг. Моавитяне и эдомитяне, заключившие союз с князем Низивийским и поддержанные им и ассирийцами, напали на израильтян, но были также разбиты Давидом и храбрым полководцем его, Иоавом, и бесчеловечно истреблены. Государства эти подпали под власть Давида, а через за-

Карта. Палестина времен царства Израильского и Римской империи

воевание Идумеи получил он даже гавань Аилу в Аравийском заливе. Филистимляне равным образом были совершенно покорены. Наконец, Давиду удалось вырвать у иевусеев Иерусалим и крепость Сион, которыми они до тех пор владели. Последняя была укреплена так сильно, что на предложение Давида сдать ее иевусеи насмешливо отвечали: «Даже хромым и слепым для защиты ее достаточно было бы только крикнуть: не смей входить Давид!» Но Давид тем не менее взял ее, укрепил еще более и сделал Иерусалим и Сион своей резиденцией. Иерусалим стал столицей государства еще и потому, что Давид перенес туда с необыкновенной торжественностью кивот завета, причем сам плясал перед кивотом во время несения его в Сион.

Но царь хотел сделать еще больше. Так, он с помощью финикийских архитекторов, присланных ему вместе с кедровым лесом царем Тирским, построил в Иерусалиме богатейший и прекраснейший дворец. Он также желал перенести народную святыню из Скинии в прочный и роскошный храм, но привести в исполнение это последнее предприятие было запрещено ему пророком Нафаном (1 Царств, 29, 3).

Будучи лишен возможности проявить в сооружении храма влечение свое к красоте и величию, Давид тем с большей свободой мог предаться возвышению народного духа и тесно связанного с ним, по своему важному значению, богослужения. Это последнее стало отправляться с большей торжественностью и великолепием и сопровождаться музыкой и песнопением, в чем Давид сам был очень искусен и этим придал ему более просвещенную и художественную форму. Для этой цели было выбрано четыре тысячи левитов, с роскошным одеянием, распределенных на классы и хоры, с учителями пения во главе последних. Вместе с образцами искусства трех знаменитых начальников хоров, Асафа, Амана и Идифума, нам известны и нежные, полные чувства, песни самого Давида, заключающиеся в дошедшей до нас Псалтири (книге псалмов).

Эти песни Давида, как и песни других поэтов, исполнялись на общественных празднествах, на которых, собиравшийся перед Скинией завета весь народ иудейский испытывал, при совершении вновь введенного богослужения, неведомое ему до тех пор воодушевление. Но здесь же, в столице, народ поражался роскошью и великолепием, появившимися благодаря приобретенным различными войнами богатствам, собственному, просвещенному вкусу царя и образованности, возникшей вследствие увеличившихся сношений с чужеземными народами. Народ постепенно привыкал к тем переменам, которые этот достопреступный государь, сочетавший на голове своей венец лирика поэта с венцом победителя и мудрого правителя, вносил в народный дух и в государственные учреждения.

Поэтому естественно, что характер народа благодаря распространению Давидом образованию от своей патриархальной простоты и нетребовательности перешел к подвижности и изменчивости; равенство и свобода, поддерживаемые древними учреждениями, при новой

царской, почти деспотической власти существенно пострадали, а бывшее до тех пор необыкновенно чуткое чувство независимости постепенно притупилось. Азиатский дух образа правления не замедлил проявиться и здесь со всеми своими последствиями.

При дворе Давида разыгрывались всевозможного рода интриги; от них произошли смуты и раздоры, бросившие такую мрачную тень на последние годы царствования Давида. И какие еще тяжкие испытания предстояли этому отличавшемуся властолюбием государю! Об этом можно судить по преступлению над Урией из-за жены его Вирсавии (2, Сам., 11, 14—15), по восстаниям сына его Авессалома и Савая из колена Вениаминова (2, Сам., 19). Но воспоминания о слабостях и проступках Давида скоро забылись, и народ видел в нем лишь создателя израильского государства, «человека с божественным сердцем» и придавал ему, кроме политического его значения, еще и значение литературное, на которое он, по мнению даже и строгих судей, всегда будет иметь право.

Преемником на престоле израильском надлежало собственно быть четвертому сыну Давида — Адонию, но Вирсавия и пророк Нафан убедили стареющего царя назначить другого. Еще при жизни своей приказал он всенародно провозгласить царем сына своего Соломона, рожденного от Вирсавии; Адония восстал, но был убит вместе с военачальником своим, Иоавом.

То, что Давид, про которого говорили, что у него сердце льва, посеял, благодаря своей храбрости и энергии, при Соломоне возшло в полном блеске, и народ только при этом последнем мог воспользоваться и плодами того, что было приобретено при его предшественнике. «Иуда и Израиль, — как говорит Библия, — от Дана до Вирсавии жила беспечально, каждый под виноградником своим и под смоковницей своею; они были бесчисленны, как песок морской, ели, пили и веселились».

Поэтому царя Соломона украшали только мирные добродетели: мудрость, судившая право¹, поэтическое дарование, полное живых об-

*Еврейская одежда времен
Давида и Соломона.*

По P. Hottenroth. Trachten der Völker.

¹ По буквальному выражению притчей Соломоновых.

разов, влечение к красоте и великолепию, проявившееся блестящим образом в разнообразных, дорогих постройках и сооружениях, заботливость о безопасности страны, выразившаяся в укреплении городов и в заключении союзов с дружественными соседями, и, наконец, старание о благоденствии, водворившемся, благодаря мирным отношениям с остальными народами, торговле и мореплаванью. Дела эти, главным образом, наполняют историю царствования Соломона, но одновременно с ними первоначальный, установленный еще Моисеем государственный строй, изменявшийся до тех пор лишь постепенно, испытал при нем коренное и всестороннее изменение.

Одним из замечательнейших дел Соломона было сооружение храма Иерусалимского, хотя при этом он осуществил лишь волю и план Давида, собравшего для этой постройки неисчислимы сокровища. Храм этот не следует, конечно, рассматривать наравне с художественными образцами греческого зодчества, в сравнении с которыми он покажется мрачным, приземистым и неправильным по своим формам. Зато по своему великолепию и прочности постройки, он был в высшей степени замечателен. По одному, весьма скромному исчислению он стоил семьдесят пять миллионов рублей. Так как он был построен на горе Мория, то сама гора эта должна была быть, с большим трудом, частью уравнена, а частью расширена, и еще во времена римлян удивлялись огромной стене, выведенной на четыреста локтей в высоту из плотных, связанных между собою железными скреплениями камней, которой гора, для своего укрепления, была с одной стороны облицована. По образцу египетских построек храм имел множество флигелей, служивших частью для хранения десятины, частью для устройства трапезных зал во время жертвоприношений, частью для помещения священников и т. д.

При сооружении этого храма, продолжавшемся семь лет, Соломон пользовался рабочими из числа рабов, которыми большей частью были не израильтяне, а потомки неистребленных, а оставшихся в стране ханаанитянских народов: гефитян, иевусеев и других, обращенные Соломоном в податное состояние. Художниками же, в тесном смысле этого слова, руководившими всей постройкой, были, кажется, иностранцы, по большей части славившиеся в то время своим искусством и прилежанием жители могущественного города Тира. Художник, изготовивший обе громадные металлические колонны и сосуды для храма, не был единственным тиряннином, услугами которого пользовался Соломон. Друг его, тирский царь, Хирам, в силу договора и в обмен за доставляемые ему Соломоном масло и хлеб послал в распоряжение его и тех жителей Тира, которые рубили и обрабатывали на Ливане кедровые деревья и сплавляли их в Яффу.

Равным образом и золото было получено не через переливку собственной своей монеты, а было, по всем вероятностям, тирское, переделанное местными же мастерами на украшения, за которое Соломон уступил тирскому царю двадцать два незначительных города. Легко можно представить себе громадное количество золота, употребленного Соло-

моном, если принять в расчет, что храм Иерусалимский не был единственным сооружением, прославившим его царствование. Так он построил еще для себя дворец в Иерусалиме и дворец для летнего пребывания у подошвы Ливана, недалеко от города Баальбека¹, в котором вся утварь была золотая; кроме того, он построил судилище и дворец для супруги своей, дочери египетского царя, фараона Танаисского Псинаха. Знаменит был также трон его из слоновой кости, покрытый чистым золотом; к нему вели шесть ступеней, по обеим сторонам которых стояло двенадцать львов; трон этот, подобного которому не было ни в одном государстве, был, по всей вероятности, также произведением чужеземного мастера.

Из всего этого видно, что роскошь эта проистекала не из культурного состояния всего народа, но скорее была потребностью двора и царя, почему между правительством и истинным народным духом должно было обнаруживаться все большее и большее несоответствие.

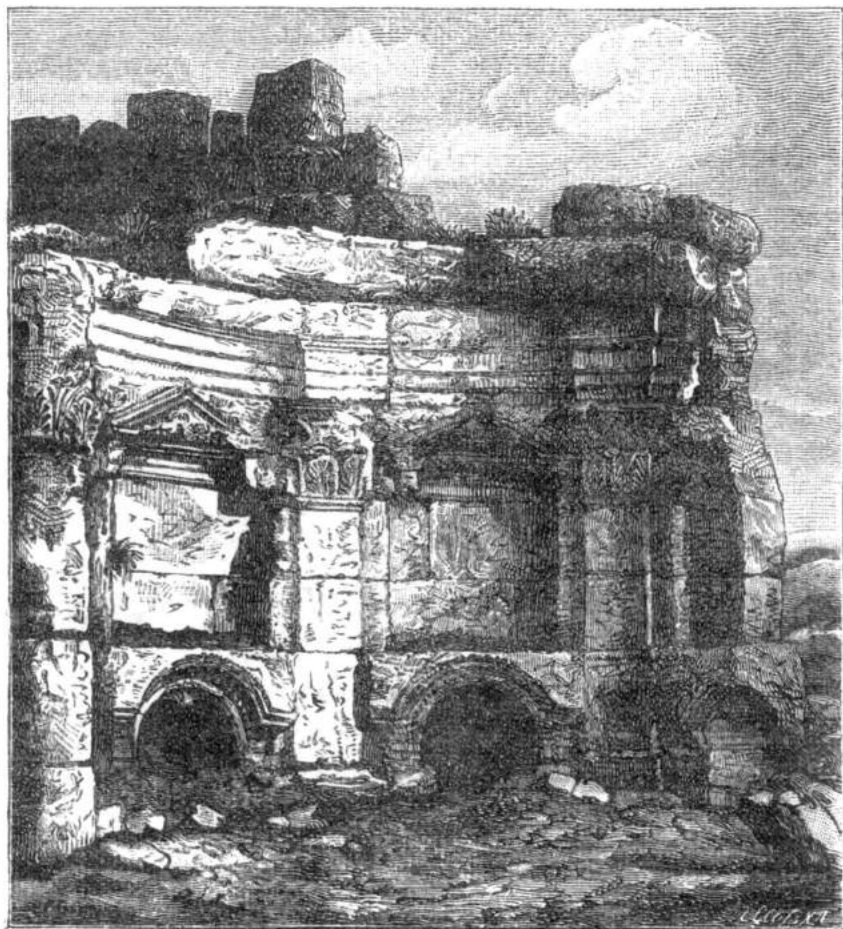
В торговле, в которой принимал участие иудейский народ, господствовало то же начало. Ее вел не народ, а царь и притом за свой собственный счет, в союзе с царем тирским при помощи финикийских моряков, в особенности из Гасион-Гаверской гавани, в Аравийском заливе. Торговля эта простиралась до Офира и Тартессуса (в Испании) и доставляла Соломону золото, серебро и другие товары. Он также вел торговлю лошадьми, что было, между прочим, одним из указанных выше пагубных нововведений царя. До этого времени лошади были чужды израильтянам потому, что для земледелия употреблялась не лошадь, а осел; на войне же израильтяне никогда не сражались конными. Это было в особенности запрещено Моисеем², допускавшим в будущем избрание царя, но

*Знатные еврейки времен Соломона.
По P. Hottenroth. Trachten der Völker.*

¹ Соломон укрепил этот город; город же Гадмор, вероятно, был им выстроен вновь.

² Причины, по которым Моисей запретил разведение лошадей, заключались частью в том, что употребление лошадей при земледелии было менее полезно, чем употребление ослов, частью же в том, что Ханаан, окруженный или пустынями, или горами, нуждался для своей защиты в бодрых выносливых пехотинцах; потребность же в коннице могла быть ощущаема только при дальних, завоевательных войнах, которых Моисей не желал. При этом следует заметить, что с введением Соломоном постоянной конницы израильтяне не сделались счастливее на войне.

Развалины храма в Баальбеке.

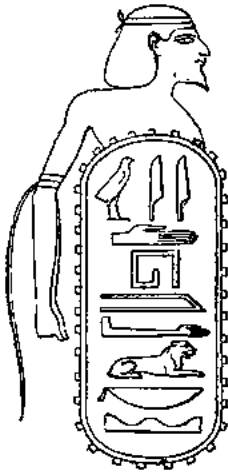
лишь с тем неперменным условием, чтобы он ни в каком случае не держал конницы.

Но Соломон и в этом отношении изменил установленное Моисеем государственное устройство и завел регулярную конницу из 12 000 всадников и 1400 военных колесниц. Конница эта, для которой Соломон содержал двойное количество лошадей, расположена была по городам, где для нее построены были конюшни (конные города), совершенно по образцу египетскому. Так как в то время в Аравии не разводили еще лошадей, то их приводили к Соломону из Египта и притом не только для него самого, но и для производства весьма выгодной перепродажи, так как он перепродавал их соседним князьям по произвольно назначаемой им самим высокой цене.

Эта сухопутная и морская торговля, вместе с данью подвластных народов и собственно коронными поместьями, распределенными между двенадцатью управителями, доставлявшими царю и его придворному штату все необходимое, составляли главный источник значительных доходов царя, про которого говорили, что он сделал кедровое дерево столь же обыкновенным, как смоковница, а серебро — как простые камни.

РАЗДЕЛЕНИЕ ЦАРСТВА ИУДЕЙСКОГО

Несмотря на весь внешний блеск, во всем государственном и общественном строе с каждым днем все больше и больше проявлялись признаки упадка. Пример самого царя, его роскошная жизнь, в особенности множество иноземных женщин, приютившихся при его дворе и настолько «располагавших» сердцем царя, что он даже позволил им воздвигнуть алтари богам своим и сам приносил им жертвы,

*Ровоам.
По Champollion-Figeac.
Egipie ancienne.*

должны были действовать разрушительно на нравственное состояние народа. Патриархальный дух, простота в жилище, одежде, пище и питье начали исчезать, развращенность нравов распространялась все более и более и имела своим последствием всеобщее расслабление. В скором времени обнаружилось еще глубоко вкоренившееся недовольство, а в довершение всего царствовала по-прежнему старинная зависть между коленами. В особенности негодовало колено Ефремово на сооружение храма в Иерусалиме, находившемся в области колена Иудина, на потерю своего значения, которым оно пользовалось, пока кивот завета находился в Силоме.

Во главе недовольных, еще при жизни Соломона, стал Иероваам из колена Ефремова. По смерти Соломона (953 г.), против сына его, Ровоама¹ вспыхнуло восстание. В прежней столице, Сихеме, собрался народ, и старейшины возложили на Иероваама поручение передать новому царю о тягостях народных. «Твой отец, — обратился он к Ровоаму, — отягчил иго наше; облегчи его нам, и мы будем тебе послушны». Советники Соломона убеждали Ровоама согласиться на это, но новый царь последовал внушениям своих молодых друзей и дал следующий высокомерный ответ: «Отец мой отягощал иго ваше, я сделаю его еще тяжелее. Он наказывал вас бичами, я буду наказывать вас скорпионами».

¹ На одном из барельефов в Карнакском храме он представлен в числе других уведенных палестинских пленников, чего в действительности не было. Этим изображением мы заимствовали для нашего портрета.

Эта угроза произвела, как и следовало ожидать, быстрое решение полного отпадения. «Какая наша часть, — говорил народ, — в наследии дома Давидова? Итак, оставь колону Иудину его избранников, а кто принадлежит Израилю, да идет с нами». И с этим народ удалился. Ровоам послал вслед за ним посла, но он был побит камнями, и сам царь с большим трудом едва успел скрыться на своей колеснице в Иерусалим. Здесь он был признан царем двумя коленами — Иудиным и Вениаминовым, остальные же десять колен, принявших название Израиля, провозгласили своим царем Иеровоама. Таким образом, государство, только что соединившееся в одно целое, снова разделилось, и обе части его оставались таковыми до тех пор, пока разделение это, повлекшее за собой непрерывные взаимные раздоры и вмешательства жаждавших завоеваний соседей, не сделалось причиной окончательного их падения.

VII

ЦАРСТВА ИЗРАИЛЬСКОЕ И ИУДЕЙСКОЕ ДО ПАДЕНИЯ ПЕРВОГО ИЗ НИХ

(953—721 гг. до Р. Х.)

Когда вследствие возмущения царство Израильское выделилось из состава общего царства Иудейского, душой и главой которого сделалось колено Иудино, то первой заботой Иеровоама было доставить своему государству независимое, самостоятельное существование. Но для этого Иеровоаму не было достаточно укрепить и провозгласить своей столицей город Сихем в области колена Ефремова, как самого могущественного из всех десяти колен, он должен был еще уничтожить значение Иерусалима как хранителя кивота завета и центрального пункта, куда стекался весь народ во время главных, торжественных праздников. Этого он достиг тем, что в Вефиле и Дане воздвиг двух золотых тельцов, долженствовавших служить символическими изображениями Иеговы, выведшего евреев из Египта. Это было необходимо еще и потому, что за отдаленностью Иерусалима следовало создать для десяти колен нового государства центральный пункт для общенародного богослужения. Для этих языческих жертвенников был воздвигнут храм, а в жрецы были поставлены лица, выбранные народом; левитов же Иеровоам исключил из числа таковых лиц, так как они, само собою разумеется, воспротивились такому богопротивному делу и находились в слишком тесной и опасной для него связи с царством иудейским.

Тогда многие из левитов и благочестивых израильтян переселились в Иудею. Хотя сам Ровоам как сын аммонитянки и сын, и преемник его Авий терпели чужих богов и позволяли для поклонения им воздвигать идолов, отводить священные дубравы и т. п., все-таки государство иудейское, благодаря своему храму и обладанию кивотом завета, всегда считалось местопребыванием истинного служения Иегове. Бесспорно, что приобретенное через это значение в общественном мнении, вместе с обладанием укрепленной столицей и сокровищами храма, много способствовало к уравниванию царства Иудейского с более обширным и более населенным царством Израильским.

Но оба государства непрерывно враждовали между собой и для достижения перевеса друг над другом прибегали к иноземной помощи. Такая печальная, завистливая политика за преобладание привела под конец к совершенному падению обоих государств и первоначально

сделалась гибельной для царства Израильского, как имевшего более опасных соседей.

Государи царства Израильского (Ефраим) были, большей частью, идолопоклонники, и про них говорили, что «они следовали по пути Иеровоама». Худшим из них был Ахав (875—833 гг. до Р. Х.) с женой своей Иезавелью, дочерью тирского царя Эфваала. По требованию последней Ахав приказал построить в Самарии храм тирскому божеству Ваалу, а другой — богине Астарте; при первом из этих храмов состояло 450, а при втором — 400 жрецов. Священников Иеговы и пророка Илию из города Фисвы, пришедшего за честь Иеговы в святое негодование, он преследовал с необыкновенной яростью и принудил бежать в пустыню и скрываться в пещерах. За это Ахава постиг суд Божий. На него напал Венадад I, царь Дамасский, поднявший Сирию на значительную степень могущества. Хотя Ахав нашел в иудейском царе Иосафате союзника, но в сражении при Рамофе был смертельно ранен. Воины его, узнав о его смерти, бежали, бежали, Иосафат спасся вместе с ними.

Сын Ахава, Иорам, также испытал нападение сириян. Венадад, между тем, был убит наперсником своим Азаилом, продолжавшим войну против царства Израильского. И на этот раз царь Иудейский Охозия пришел на помощь против дамассцев к царю Израильскому. Сражение произошло при Рамофе. Иорам был ранен и удалился для лечения в Изреель. Страж со сторожевой башни уведомил его о быстро приближающемся отряде. То был И и у й, самый уважаемый военачальник в израильском войске. Иорам подумал, что он явился с вестью о войске, и выехал к нему навстречу с гостем своим Охозией.

«Приносишь ли мир?» — закричал Иорам Ииую. «Какой может быть мир, — возразил Ииуй, — когда нечестие твоей матери, Иезавели, все увеличивается?» Тогда воскликнул Иорам: «Измена, Охозия!» И он велел повернуть колесницу и пустить коней во всю прыть в обратный путь. Но Ииуй поразил Иорама стрелой в спину так сильно, что острие стрелы пронзило ему сердце. Иорам мертвый опрокинулся в колеснице, а Охозия помчался далее. Прибыв в Изреель, Ииуй велел выбросить Иезавель из окна. Труп ее был съеден собаками, как предрек о том Илия (1 Царств, 21, 23). При Иивлееме погоня настигла и Охозию; смертельно раненый, он умер в Мегидде. Ииуй овладел бы и Иудейским царством, если бы мать Охозии, Гофолия, не захватила в свои руки бразды правления и не держала их крепко.

При Ииуе и его преемниках для израильского царства наступили лучшие времена; казалось, оно отдохнуло и начало собираться с новыми силами. При четвертом царе из рода Ииуева, Иеровоаме II (790—749), удалось даже снова отнять у дамассцев целую область к востоку от Иордана. За этими победами следовал довольно продолжительный период мира и спокойствия. Снова поднялось земледелие, оживилась торговля, а в столице Самарии воцарились по-прежнему роскошь и великолепие. Но на востоке поднимался враг еще более страшный, чем дамассцы, — н о в о а с с и р и я н е. Эти последние при

новой, могущественной династии снова возобновили дело завоевания великого Туклат-хабал-азара I. Цари ассирийские каждый год выступали на войну из новой столицы, Калаха, построенной на левом берегу Тигра. Первым из этих великих завоевателей был Ассур-назир-хабал (883—835); безжалостно все грабя и опустошая, он дошел до Средиземного моря. Оказывавших сопротивление умерщвляли, пленных распинали на кресте. Когда ассирияне пришли к Ливану, то нарубили множество кедров, сосен и кипариса, послали в Ниневию и соорудили из них храм богине Астарте. Ассур-назир-хабалу наследовал сын его,

Тиглат-Пилезар.

По Weisser. Bilderatlas der Weltgeschichte.

Салманассар III. Он покорил Кархемиш и вступил в долину Оронта, где царь Дамасский со своими вассалами должен был присягнуть ему в верности.

Если царство израильское в состоянии было защищаться против дамасцев, то это оказалось невозможным в отношении ассириян. Хотя после смерти Вин-Нирари II (810—780), при Салманассаре IV (780—770), Ассур-дан-Иле II (770—752) и окончательно при Ассур-Нирари II их могущество пало, но пало только на время. Тиглат-хабал-азар II (745—727) снова вывел ассириян из долгодетного расслабленного состояния, в которое они были погружены, благодаря мирной политике поименованных выше правителей, указал им вновь на новый путь к победам за пределами отечества и повел их еще дальше, чем кто-либо из его предшественников. В Библии он называется сокращенно Фулом, а также Тиглат-Пилезаром.

Около этого времени дамасский царь Рецин напал на царя иудейского Ахаза. Израильский царь Факей (736 г.) был настолько слаб или честолюбив, что согласился на его предложение вступить с ним против Ахаза в наступательный и оборонительный союз. Оба они выступили против Ахаза и разбили его в двух сражениях. «Тогда душа царя и душа народа его трепетали, как деревья в дубраве, колеблемые ветром» (Исайя, 7, 2). В этом бедственном положении, вопреки предостережению Исайи (7, 4), Ахаз не видел другого пути ко спасению, как только обратиться за помощью к ассириянам. Он взял из храма сокровища и послал их, в виде дани, царю Ассирийскому.

Тиглат-хабал-азар II с радостью воспользовался этим случаем, чтобы, пользуясь запутанным положением Палестины, завладеть ею изменническим образом. Северные и восточные колена, еще прежде разоренные наполовину дамасцами, в 734 году были совершенно уничтожены ассириянами, и большая часть народа была уведена в Ассирию. Затем Тиглат-хабал-азар двинулся против Дамаска. После двухлетней обороны он был также взят, Рецин умерщвлен, 8000 жителей уведено в плен, а Сирия обращена в ассирийскую провинцию (732 г.)

В числе двадцати пяти царей, вынужденных посылать дань гордому завоевателю, находился и Ахаз, который в ассирийском царе должен был почитать своего избавителя.

Едва умер в Калахе Тиглат-хабал-азар II (727 г.), как во всех только что завоеванных странах вспыхнуло всеобщее восстание. Царство израильское при царе Осии также попыталось свергнуть с себя ассирийское иго. Но когда энергичный Салманассар V (726—721) подоспел вовремя и вновь подчинил себе Финикию и Сирию, то и Осия перестал далее сопротивляться и отказываться платить дань. Но Осия, рассчитывая, что Египет должен с беспокойством смотреть на приближение ассириян к его границам, вступил с ним в тайные переговоры в надежде встретить там радушный прием. И он не ошибся. Египетский царь Сабак, или Сабакон¹ (во второй книге Царств он назван Со или Сефе) обещал ему помощь, причем дал себя убедить, что было бы полезно противопоставить полчищам ассириян оплот из маленьких государств Финикийского, Иудейского и Филистимлянского.

Но переговоры с Египтом не укрылись от зоркого взгляда Салманассара V. Он потребовал Осию к себе, приказал бросить его в темницу, где тот и умер. Затем войско ассирийское наводнило царство израильское и осадило Самарию. Сабак оставил израильтян на произвол судьбы. Только тирский царь Лулий поднялся против ассириян. Оставив у Самарии часть войска, Салманассар с остальной частью направился против него. Но город Тир, находившийся на острове, насмехал-

¹ После Рамесидов на горе Баркале, в Эфиопии, образовалось самостоятельное государство, столицей которого был Напат, близ нынешней Меровии. Государи этого эфиопского государства спустились к Нилу. Сабак, Сефехос и Тиргак управляли Напато и Египтом. В начале Тиргак был разбит ассириянами в Аскалонской битве в 672 году до Р. X. Затем Псамметих в 655 году до Р. X. прогнал ассириян.

ся над всеми его усилиями. После того как осада Тира и Самарии продолжалась почти два года, Салманассар умер. Его преемник Сарукин¹ (Саргон) лично явился с свежими войсками в стан под Самарией и скоро принудил город сдаться (721 г.). Он был разграблен, а все жители уведены в неволю в Ассирию. На их место явились новые поселенцы, пленные халдеи и сирияне. Из оставшихся там израильтян и новых переселенцев образовался смешанный народ — с а м а р и т я н е.

С падением царства израильского уничтожилась последняя преграда, разделявшая между собой великие державы того времени, Ассирию и Египет, и неизбежность кровавого столкновения между ними составляла только вопрос времени.

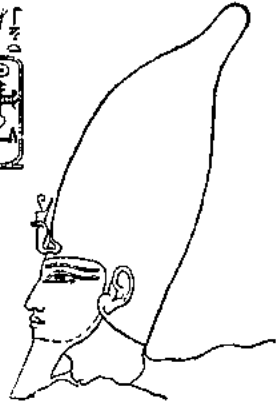
¹ В каких отношениях к Салманассару находился Сарукин, т. е. был ли он его сыном или одним из его главных сановников, еще не установлено. На клинообразных надписях нигде не упоминается, чтобы он был его сын, а значит только следующее: «В начале моего правления осаждал я и взял с помощью бога Самаса, даровавшего мне победу над моим врагом, город Самарину (т. е. Самарию). Жителей его. 27 280 человек, я вывел из него; 50 колесниц, как мою царскую долю, послал я вслед за ним; на место их пустил в их жилища жителей завоеванных стран; поставил над ними своих чиновников и наложил на них дань прежнего их царя. Я разграбил Самарину и весь дом Омри».

VIII

ПАДЕНИЕ АССИРИЙСКОГО ЦАРСТВА. ЦАРСТВА НОВО-ВАВИЛОНСКОЕ И МИДИЙСКОЕ

Гигантскими шагами достигло царство ассирийское вершины своего могущества. Сарукину наследовал сын его, могущественный Син-ахе-риб, или Санхериб (704 г.), а этому сын его Ассаргаддон (Ассур-ахе-идон), как царь Ассирии и повелитель Вавилона (681 г. до Р. Х.). Столицами его одновременно были Ниневия, Калах и Вавилон. Его военные успехи превзошли по своему значению даже успехи его предшественников. Он не только завоевал обратно потерянную Санхерибом Сирию, но и возобновил борьбу с Египтом, где

в это время в Фивах правили эфиопляне, а в Дельте (Нижнем Египте) Саисская и Танаисская династии спорили между собой за преобладание. Постоянно возрастающие успехи эфиопского царя Тиргака (по Бругшу Тарако, 693—666), подчинившего своей власти дельтские династии, беспокоили ассирийского властителя, и он решил сам начать против него наступательную войну. Тиргак, войдя в соглашение с князьями финикийскими и Иудеями, стал у Аскалона. Здесь напал на него Ассаргаддон и одержал над ним победу (673 г.). В союзе с аравитянами, обязавшимися содержать в готовности вдоль всего пути запасы воды, Ассаргаддон так же счастливо перешел Аравийскую пустыню, преследовал эфиоплян через перешеек, разбил их еще раз и вступил победителем в Мемфис. Он завладел тамошними сокровищами и направился далее к Фивам, которые также разграбил. Затем, по ассирийскому обычаю, он поставил в качестве своих вассалов двадцать второстепенных, незначительных князей и сделал царя Нехао I, из Саиса, главой этого союзного государства, обязанного платить ему дань.

Тиргак.

С изображения, находящегося во дворце в Мединет-Абу.

В воспоминание своей победы Ассаргаддон повелел вырезать на скале рядом с победоносным изображением Рамзеса II пространную

надпись. В надписи этой, насколько позволяет разобрать изувеченный вид ее, повествуется о победе его над Тиргаком и о взятии приступом Мемфиса, а самого себя он именует царем Египта, Фив и Эфиопии. По примеру предшественников своих, Саргона и Санхериба, Ассаргаддон также воздвиг в Ниневии и Калахе величественные здания. В то время как он был занят осуществлением этих сооружений, Тиргак вновь вторгнулся в Египет и отнял Мемфис. Ассаргаддон передал правление сыну своему, Ассур-бан-хабалу, немедленно выступившему против Египта (667 г.). При Карбаните Ассур-бан-хабал встретился с

*Мидийская одежда.
По P. Hottenroth.
Trachten der Völker.*

войском египетским и обратил его в бегство. Затем введенное в стране Ассаргаддоном государственное устройство снова было восстановлено и Ассур-бан-хабал вернулся в Ассирию.

Но сын Тиргака, Урд-Амен, вторично овладел Мемфисом и приказал казнить Нехао. Тогда Ассур-бан-хабал лично явился в Египет и истребительной войной положил конец завоеваниям эфиоплян. Фиванское население было уведено в рабство; золото, серебро, драгоценные ткани, как военная добыча, были увезены в Ниневию. Урд-Амен спасся бегством и бесследно пропал. Так сделался Египет вассальным государством ассириян.

Но едва только спокойствие было восстановлено в одной части государства, как оно было нарушено в других. Уртаки, вассальный правитель Елама, находившегося к востоку от Тигра, с главным городом Сузой, и собственный

родной брат Ассур-бан-хабала, Саул-массадиукин — наместник Вавилонский, восстали против него (550 г. до Р. Х.). Тотчас же поднялись и другие вассалы: князья аравитян, сириян, лидян. Царь лидийский Гигес (между 680—645), только что перед этим добровольно присягнул ассирийскому царю. «Именно этот самый Гигес, — говорит Ассур-бан-хабал в одной клинообразной надписи, — послал помощь Пизамильки (то есть Псамметиху), царю Египта, сбросившему с себя иго моей власти». Поэтому кажется, что Египет при Псамметихе также был в числе первых, примкнувших к обширному восстанию против ассирийского царя (может быть, в 655 г.). Но Ассур-бан-хабал разбил соединившихся вавилонян, еламитов и аравитян и разграбил их города. Вавилон после долгой блокады вынужден был к сдаче голодом (648 г.); жители города ели уже «мясо своих сыновей и дочерей», как свидетельствует нам об этом сам Ассур-бан-хабал. Брат его, Саул-массадиукин,

попал в руки царя и был сожжен по его приказанию. Один из вавилонских военачальников, Набу-бель-суме, чтоб не попасть живым в руки царя, приказал своему вознице умертвить себя. Но труп его был выдан ассирийскому царю. Этот последний велел его обезглавить, голову посолить и повесить на дереве в царском саду в Ниневии. На одном из барельефов, хранящихся в Лондоне, в Британском музее, можно видеть Ассур-бан-хабала, окруженного своими женами и пирующего в присутствии этого ужасного трофея.

Страна Еламская долгое время была беспощадно опустошаема ассирийцами; под конец, в 645 г. до Р. Х., сама Суза, прозванная «великим городом и местопребыванием богов», была уничтожена, изображения богов и статуи царей еламских увезены в Ассирию, а жители Елама расселены по всему государству. Так исчез с исторической сцены Елам — древнейшее государство передней Азии.

Так как Ассур-бан-хабалу, кажется, не удалось вновь завоевать Египет, то Псамметих, благодаря своей энергии, мог теперь из развалин древнего Египта воскресить новый.

В Ассур-бан-хабале отразились, как в фокусе, все хорошие и дурные качества ассирийских правителей: деятельность и мужество, с одной стороны, и жестокость — с другой; благодаря такому сочетанию ассирийское государство, вознесшись на недостижимую высоту, круто низринулось в бездну.

В 626 году умер Ассур-бан-хабал, и ему после непродолжительных беспорядков наследовал сын его, Ассур-идиль-или (Ассур-эдиль-илани). Против него восстал Киаксар (Уфакисхатра), соединивший в горной стране Иране мидийские племена и освободивший Мидию от вторгнувшихся в нее в то время скифов. Затем Киаксар соединился с вавилонским наместником Набу-баль-уссуром (Наболассаром) и заключил с ним наступательный и оборонительный союз. Вследствие такой измены ассирийский царь вернулся в Ниневию и, не видя более никакого спасения, чтобы не попасть в руки своих врагов, сжег себя в своем укрепленном замке (в 625 году до Р. Х.).

Ниневия была разрушена, и Ассирийское государство прекратило свое существование.

Киаксар взял себе собственно Ассирию, а Набу-баль-уссур Вавилон и, кроме того, Месопотамию, Сирию и Палестину. Таким образом, на развалинах Ассирии возникли одновременно два великих государства: Ново-Вавилонское и Мидийское; столицами в них были: Экбатана, Газа, Фраата и Бактра.

IX

ПАДЕНИЕ ЦАРСТВА ИУДЕЙСКОГО

Царство Иудейское было счастливее царства Израильского тем, что вообще имело более способных правителей. Вследствие этого падение Иудеи задержалось более чем на 130 лет. Между иудейскими царями выделяются: Иосафат (909—884), уничтоживший идолопоклонство, водворивший правильный и справедливый суд и отбивавшийся от нападений как со стороны моавитян и аммонитян, так и со стороны сириян, и Озия (или Азария) (810—758), современник Иеровоама II. В свое долгое правление Озия возвел царство Иудейское на такую высокую степень благоденствия, что пророки не могли приискать достаточной хвалы великолепию городов и дворцов, (Амос, 2, 5), величественным крепостям (Осия, 8, 14), изобилию золота и серебра; но в то же время они вынуждены были выражать свое негодование против роскоши в одежде, женских украшений и излишества в пище и питье, господствовавших в его время (Исайя, 2, 7; 3, 16).

Но при безбожном Ахазе (742—726), «предавшем огню», то есть принесшем в жертву Молоху своего собственного сына, началось падение Иудейского царства. Его пагубное решение призвать к себе на помощь ассириян привело к тому, что эти последние, подобно «бурному потоку» (Исайя, 8, 7) или «рою пчел», (Исайя, 7, 17) нахлынули на его страну. Он должен был радоваться, когда ему удалось данью склонить могущественного Тиклат-хабал-азара II отпустить его домой.

Его благочестивый сын Езекия равным образом воздерживался от всякой враждебности против ассириян. Он отнесся с полным равнодушием к продолжительной осаде и падению Самарии. Но едва был убит Сарукин (704 г.), как Езекия немедленно стал на сторону мятежников, восставших в Финикии и рассчитывавших и на этот раз на помощь Египта. Тогда сын Сарукина, Син-ахе-ириб (704—681), по Библии Сеннхерим, послал сильное войско против Иерусалима. Сам он с главными силами направился против египтян. Военачальник Сеннхерима, Рапсак (Раб-Шаке), представил Езекии, что, понадеявшись на Египет, он уподобился человеку, желающему опереться на надломленный ствол тростника, склоняющийся от первого к нему прикосновения. Однако Езекия по совету Исаи решил сопротивляться. «И в ту же ночь совершилось чудо: ангел Господень снисшел с неба и поразил в стане ассирийском 185 000 человек»

(4 Царств., 19, 35). По другим свидетельствам, ассирийское войско во время похода по Дельте было наполовину истреблено чумой, затем египетский царь Тиргак напал на него и обратил в бегство. Сеннехерим возвратился к себе через Иудею в Ассирию, снял осаду Иерусалима и более не показывался в Палестине. Для Иудеи, как в лучшие дни Соломона, наступили времена мира и благоденствия.

Но безбожный сын Езекии Манассия правил также дурно, как дед его Ахаз. Идолопоклонство, в особенности поклонение Ваалу и Астарте, а также человеческие жертвоприношения были повсюду в полной силе.

При Иосии (в 640 г.) началось было некоторое улучшение. К его величайшей радости, тогдашний первосвященник Хелкия и один законник по имени Сафан сделали важную находку: они нашли при обновлении храма книгу закона (4 Царств., 22, 9). Когда царь прочел в ней страшные угрозы Иеговы против тех, которые «оставили его и кадили другим богам» (4 Царств., 22, 16 и след.), то он от ужаса разорвал на себе одежды свои и принялся со всей энергией за искоренение идолопоклонства и за восстановление истинного богослужения. Но политическая роль Иудеи близилась уже к концу.

Как раз в это время на месте Ассирии при Набополассаре и сыне его Навуходоносоре начало возвышаться царство Ново-Вавилонское. В то же время Египет при Псамметихе (около 650 г. до Р. Х.) снова освободился от ассирийского ига, наложенного на него Ассаргаддоном, и достиг выдающегося положения. Поэтому положение Иудеи стало еще хуже прежнего. Находясь как раз между двумя вновь возникшими могущественными державами, она должна была страшиться быть раздавленной ими.

Сын и преемник Псамметиха фараон Нехао II (670 г.) задумал воспользоваться минутной слабостью ново-вавилонского государства при состарившемся Набополассаре и, следуя примеру великих фараонов Сефа I и Рамзесов I и II, перенес свое оружие в Сирию. Весной 608 года он оставил Мемфис и двинулся к Евфрату по старой военной дороге. Когда он проходил долину Изреельскую, то к нему вышел навстречу царь иудейский Иосия. Сражение произошло при Мегидде¹ (4 Царств., 23, 29). Иудеи не могли выдержать натиска многочисленного и хорошо обученного египетского войска. Сам Иосия пал. Но и Нехао, не заботясь более об Иудее, продолжал свой путь далее на север и овладел Сирией. Только на обратном пути посадил он вместо Иохазы, третьего сына Иосии, второго сына его Иоакима правителем иудейским.

¹ Здесь может показаться странным, что Иосия вместо того, чтобы загородить неприятельскому войску проход к югу, оказал сопротивление только в Изреельской долине; поэтому некоторые, как например Дункер, предполагают, что Нехао, во избежание трудности пути через пустыню, перевез свое войско в Сирию на кораблях и высадился на берег где-нибудь поблизости Кармеля.

Но владычество Нехао над Сирией и Палестиной продолжалось лишь до тех пор, пока не выступил против египтян Набу-кудур-уссур (Навуходоносор) (605 г.). Недалеко от Кархемиша (Цирцеиума), на берегах Евфрата, произошла решительная битва. Нехао потерпел жестокое поражение и отступил в Египет. Набу-кудур-уссур не преследовал его, а поспешно направился в Вавилон, где он, по случаю смерти отца своего Наболопассара, должен был опасаться, что там в его отсутствие могут возникнуть беспорядки и мог явиться какой-нибудь претендент. Поэтому он отложил на время подчинение себе Иоакима и других мелких владетелей.

Пять лет спустя после битвы при Кархемише Иоаким допустил Нехао, успевшего между тем снова оправиться от тяжелого поражения и таившего в себе мысль об отомщении, убедить себя отложиться от Набу-кудур-уссура. Тогда явился вавилонский царь, отбросил египтян к их границам и на обратном пути наказал иудейского царя Иехонию (Иоахин), вступившего на престол после умершего три месяца перед тем Иоакима. Иерусалим был окружен со всех сторон и должен был отворить ворота неприятелю (597 г.) На этот раз Набу-кудур-уссур пощадил Иерусалим, но находившиеся в нем еще сокровища и сосуды храма были разграблены, молодой царь со своей матерью Некустой и со знатнейшими жителями, высшие сановники, воины и разного рода мастера и рабочие, в числе семи тысяч человек, были уведены пленными в Вавилон. Царем победитель поставил четвертого сына Иосии — Седекию.

Четыре года пробыл уже Седекия на престоле иудейском, когда искушение к измене явилось к нему в лице послов царей сидонского и тирского. Явились также послы от аммонитян, моавитян и эдомитян. Ненавистное иго надеялись свергнуть соединенными силами. И на этот раз пророк Иеремия ревностно предостерегал от восстания (Иеремия, 27, 1—12). Но когда и египетский царь, фараон Ухабра (Хафра) обещал свою помощь, то иудеи восстали (589 г.). Египетская помощь пришла слишком поздно. Подобно урагану, налетел Набу-кудур-уссур на Иерусалим и осадил его. Произведенная египтянами попытка к освобождению была победоносно отбита. Иерусалим был стеснен до невозможности. Иудеи защищались с величайшим упорством и геройской храбростью. Но нужда в городе с каждым днем все увеличивалась и увеличивалась. К страшным потерям убитыми и ранеными в сражениях присоединились голод и чума.

Однако царь Седекия и его советники оставались непреклонны и, не обращая никакого внимания на благоразумные советы Иеремии (Иерем., 38, 17), решились защищаться до последней крайности. Наконец, после полуторагодовой осады, вавилонянам удалось взять приступом северную сторону города, а затем оттуда постепенно завла-

деть и остальными его частями. Седекия бежал, но близ Иерихона был настигнут преследователями.

Несчастному народу пришлось вынести ужасное наказание. В присутствии Седекии иудейские высшие сановники и собственные сыновья его были казнены; сам Седекия был ослеплен и в оковах отведен в Вавилон и заключен там в темницу. Город Иерусалим был предан начальником телохранителей, Набу-сар-аданом, огню и мечу. Первосвященник Сераия и множество именитых граждан города также были казнены.

Так свершилась судьба Иудейского царства. Все потеряли иудеи, не потеряли они только надежды: «на реках вавилонских сидели они» и ожидали времени, когда пробьет последний час и для царства Вавилонского, как возвещал уже о том Иеремия. Лишь немногие из самых бедных жителей остались в городе, чтобы возделывать виноградники и поля.

Между последними находился и пророк Иеремия. Победитель отличил его особой милостью и позволил ему самому избрать себе место пребывания, и Иеремия решил лучше оставаться с осиротевшими согражданами в отечестве своем, чем следовать за изгнанниками на чужбину. Но злая судьба его народа не дала ему

воспользоваться тем, что дозволил ему победитель. Когда неприятель удалился, то спасшиеся бегством вернулись в Иудею и умертвили в Массифе Гедалию, поставленного Набу-кудур-уссуром наместником над оставшимися жителями, и бывших при нем халдейских воинов. Это убийство повергло в ужас несчастный народ, и так как он страшился, что гнев вавилонского царя не пощадит и невинных, то бежал в Египет, несмотря на все увещания Иеремии, который, не будучи в состоянии убедить беглецов, сам последовал за ними, чтобы не оставлять своих соотечественников.

В Египте, как и в плену вавилонском, Иеремия и следовавшие за ним пророки старались удерживать иудеев от принятия чуждого им иноземного идолопоклонства и поддерживать в них сознание, что они, составляя особенный, избранный народ¹, должны живо сохра-

Иеремия.

Со статуи Микеланджело.

¹ Что пребывание иудеев на чужой стороне и под влиянием чуждой халдейской культуры не осталось бесследно для старинного национального духа их народных понятий, доказываются их писателями, как, например, Иезекиилем и Даниилом. В отношении

нять дух веры и закона Моисеевых. Только при соблюдении этих условий, возвещали пророки, Иегова не вечно будет на них гневаться, снова возвратит их из изгнания в отечество и из рода Давида, царствование которого сохранилось в воспоминании всех иудеев как высший идеал, произойдет новый блистательнейший и могущественнейший владыка мира.

Между тем как эта последняя идея, представлявшаяся в народном сознании в образе будущего Мессии, осуществилась гораздо позже и совершенно в ином смысле, надежда на возвращение на родину исполнилась гораздо раньше, чем через сто лет, благодаря переменам, испытанным Средней Азией при Кире (Кироце).

последнего удивляться нечего. Когда Навуходоносор приказал подготовить к своей службе нескольких молодых израильтян и обучить их необходимым для того наукам, то в числе их находился и Даниил, который в четыре уже года, благодаря своим талантам, возвысился до зван . . . рвого министра Навуходоносора.

Х

АРИЙЦЫ

От культурных народов семитического происхождения: египтян, евреев, ассириян и вавилонян перейдем теперь к таким же народам арийского племени. Колыбелью их можно считать середину Азии, — горную страну нынешнего Тибета¹. Отсюда арийцы (или индо-европейцы) переселились частью в Иран и далее на запад, на греческий и итальянский полуострова, и дошли до берегов Атлантического океана, Северного и Балтийского морей, частью в долины Инда и Ганга.

По своему высшему образованию, впрочем, гораздо позднему, чем египетское времен мемфисского периода, прежде других выделились племена, занявшие горную страну Иран, долину Инда, а впоследствии и равнину Ганга, именно иранские арийцы (арии), известные более под именем арийцев, или зендов, и индийские арийцы, называемые просто индусами.

1. Иранские арийцы, или Зендский народ

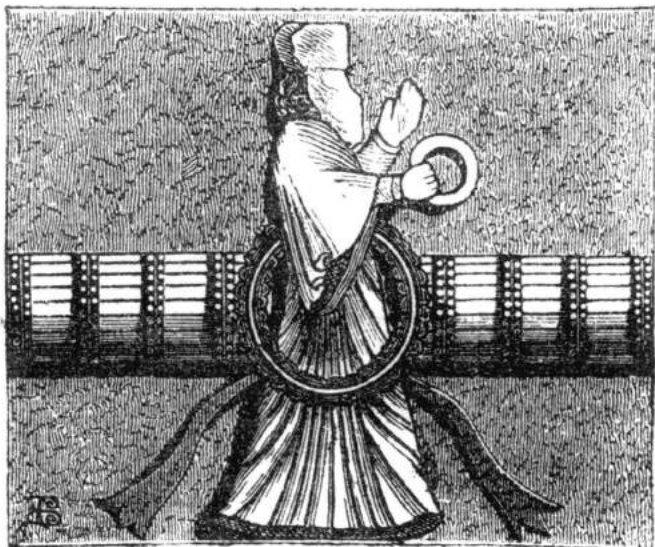
Народ этот, как уже сказано выше, переселился из Тибета в Иран — плоскогорье между Индом и Тигром, в особенности в плодороднейшую часть его, и основал там жреческое государство. О судьбах этого государства в древнейшие времена до нас почти не дошло ничего, что имело бы историческую достоверность; зато нам гораздо лучше известно его культурное состояние.

Сохранились большие отрывки из собрания священных книг, заключающего в себе всю совокупную систему религиозных, нравственных и правовых понятий; оно называется *авестой* и написано на зендском языке. Составителем авесты считается *Зороастра* (Зороастр). Учение его возникло за тысячу лет до Р. Х. в стране Бактрии, откуда постепенно и распространило свое господство. Основ-

¹ Общность происхождения этих народов, без сомнения, происходит из близкого родства языков, которыми они говорили и говорят еще теперь. Кроме множества общих корней слов, в этих языках заключается целый ряд слов с одинаковым значением, например, для членов семьи, дома, двора, сада, огорода, лошади, рогатого скота, собаки, свиньи, овцы, козы и т. д. По исследованиям Якоба Гримма, Боппа, Штейнталя, Вензе, Георга Курциуса, это родство языков может быть доказано поразительным образом даже и в отдельных случаях.

ные начала религиозных воззрений Зороастра заключаются почти в следующем.

Существуют два царства: царство света и царство тьмы. По клинообразным надписям бог света называется Аурамазда (Ормузд); он стоит во главе добрых духов, помогающих ему в управлении вселенной. Аурамазда сотворил мир словом своим; но в самый день сотворения мира против него выступил злой бог, бог тьмы — Ангромайниус (Ариман), чтобы нарушить, при помощи греха и преступления, гармонию вселенной. Ему служат злые духи. Но стоит только твердо

Ормузд.

По Bosc. Dictionnaire de l'archeologie.

противостоять этим вредным разрушительным демонам, чтобы побеждать их могущество. Происходит это через жертвоприношения, совершаемые жрецами. В конце концов могущество злого духа будет совершенно уничтожено; смерть уступит место жизни, тьма — свету, Ариман вынужден будет признать первенство Ормузда и после долгой, жестокой борьбы между двумя взаимно противодействующими силами, после дуализма духовных начал наступит гармония и во вселенной воцарится всесовершенство.

Аурамазда не имел ни статуй, ни даже таинственных святилищ или алтарей, лишь на вершинах возвышались пиреи, или храмы огня, в которых священное пламя поддерживалось из поколения в поколение жрецами (магусы, маги), обязанными не давать гаснуть огню. Главнейшим жертвенным животным был конь, но приносили в жертву также и рогатый скот, коз и овец. После того как был приготовлен и роз-

дан между присутствующими хаома — род опьяняющего напитка, заимствованный иранцами от первобытных арийских племен, — жрец убивал животное, но не клал части его в огонь, ибо подобное соприкосновение осквернило бы последний, а перед священным огнем. Затем церемония завершалась обыкновенно пиршеством, на котором вкушали жертвенное мясо.

Тела после смерти не сжигались, не погребались и не бросались в реку, так как при этом осквернялись бы или огонь, или земля, или вода. Было два различных способа освобождаться от трупов, не нарушая чистоты этих трех элементов. Можно было покрывать труп воском и затем предавать земле; при этом восковая оболочка должна была уничтожать осквернение, которое произошло бы от непосредственного соприкосновения с землей. Можно также было выставлять труп на открытый воздух и оставлять на растерзание птиц или хищных зверей, и для этой цели кладбищами служили большие круглые башни. Пробыв три дня по близости своей брэнной оболочки, душа на рассвете четвертого дня покидала ее и отправлялась на место страшного суда. Гений Расну взвешивал на непреложных весах ее добрые и дурные дела и, смотря по тому, что свидетельствовали они об ее образе жизни, объявлял ее свободной или осуждал. Из места судилища ее приводили к мосту Цинват, простиравшемуся над преисподней и ведущему в рай. Если душа была греховна, то она не могла перейти мост и низвергалась в бездну, где и доставалась в рабство Ангромайниусу; если же она оказывалась непорочна, то переходила мост без труда при помощи ангела Краосха. Здесь ее принимал Вохумано, который, как то сделано было и с душой Зороастра, ставил ее перед престолом Аурамазды и указывал ей место, где она должна была пребывать до воскресения мертвых.

От восточноиранских арийцев все эти религиозные представления и учреждения, в особенности поклонение огню и светилам небесным, перешли к соплеменным им мидянам, а от этих последних — к персам.

2. Индийские арийцы, или Индусы

При переселении арийцев на роскошные, богатые всевозможными произведениями тропического мира равнины Инда и Ганга часть первобытных жителей, называвшихся судра, отступила в южные области полуострова Декана и в дикие, неприступные горы. Другая часть покорила победителям и хотя сохранила жизнь и свободу, но должна была терпеливо переносить всякого рода унижения. Эта пощаженная часть первобытных жителей, несмотря на свое кавказское происхождение, имела темный цвет кожи, почему светлокожие пришельцы с самого начала своего переселения стали обращаться с ними не только дурно, но и с презрением. Образовавшиеся вследствие это-

го два класса народонаселения заняли в отношении друг друга строго определенное, совершенно различное положение: арии с одной стороны, а судра — с другой. В свою очередь, арии распались на три сословия: воинов, жрецов и земледельцев. Совершенно исключенными из всякого сообщества с этими тремя сословиями остались судра. Сословие жрецов (брамины) постепенно достигло первенствующего значения. Жрецам удалось убедить своих сограждан, что они ближе всех других стоят к Брамe (то есть к душе света, всесовершенному существу) и что через совершаемые ими священнодействия, жертвоприношения и молитвы они являются как бы посредниками между небом и землей. По их учению, из Брамy — безличной души света — прежде всего произошел личный Брама — высшее божество. От него уже произошли другие боги: Индра, Иама, Баруна, Агни (дух огня) и Рудра (отец ветра), затем духи воздуха, далее святые и чистые люди и местности в том порядке постепенности, в каком они находились по близкому или отдаленному отношению своему к святости Брамy. За людьми следовали животные, по различным их породам, деревья, растения, травы, камни и т. д.

Такой отвлеченный, добытый философским умозрением бог не мог, конечно, долго удовлетворять народную массу. Поэтому живое воображение индусов, старавшихся в видимости и осязаемости образа божества и в его воплощениях отыскать объяснение действующих сил природы, создало рядом с Брамой еще двух главных богов: Вишну и Шиву. Вишну почитался богом света; он появляется в солнце, молнии, огне и приносит счастье. От него зависит зарождение и размножение, так как он производит в определенное время дожди и разлитие рек. Напротив, в Шиве воплощается разрушительная сила природы. Поэтому он носится в урагане и опустошительной грозе. За его гневом следуют также оплодотворяющие ливни, снова возвращающие к жизни растения и оживляющие людей после нестерпимой засухи.

Чтобы нагляднее пояснить, что они стоят к Брамe ближе других сословий, жрецы рассказывали, что Брама сначала выпустил из уст своих жрецов; потом из рук его вышли кшатри и (воины, дворяне), из бедер — в а с и и (земледельцы) и, наконец, из ног — судра. Вследствие подобного толкования всякое сопротивление такому разделению сословий по их происхождению являлось сопротивлением божественному порядку вещей. Поэтому никакой переход из одного сословия в другое и никакое смешение между ними не были возможны. Сословия застыли и обратились в касты. Совершенно отверженными и глубоко презираемыми остались темнокожие потомки первобытных жителей — парии, найденные переселившимися арийцами в диком состоянии. От них, вероятно, происходят и наши цыгане.

Однако жрецам потребовалось много времени, чтобы утвердить свои преимущества над другими двумя кастами. Чтобы достигнуть

этой цели, они нисколько не задумывались прибегать к самым действительным угрозам. Жрецы не переставали изображать народу в самых ярких, преувеличенных красках муки, ожидающие каждого, не повиновение их предписаниям. Кроме низвержения в ад и адских мучений, самое глубокое впечатление производила угроза известного рода переселения душ и непрерывного возрождения в тела животных и людей. Так, кто совершил незначительный проступок, тот, смотря по свойству его, возрождался или в слоне, или в судре, льве, тигре, птице или в плясуне. Кто совершил страшное злодеяние, тот, по степени

Вишну, Шива и Брахма.
По Moore. *The Hindoos Pantheon.*

своей виновности, промучившись сто или тысячу лет в аду, должен был, прежде чем увидеть свет, пройти двадцать одно возрождение от разных животных. Пролитый кровь брамина осуждался на растерзание в аду хищными зверями в течение стольких лет, скольких пылинок коснется пролитая кровь. Кто совсем убивал брамина, того душа возрождалась в телах самых презренных животных: собаки, осла, козла. Фантазия жрецов выказывалась при этом безграничной. Кто бы решился предать осуждению бедную душу человеческую за то, что она предпочитала исполнять предписания жрецов, чем проходить через бесконечные адские мучения, через целый ряд бесконечных возрождений в отвратительнейших животных, в червях, насекомых или же удаляться в презреннейший класс людей — судру?

Книга законов, в которой жрецы около 1350 г. до Р. Х. собрали постановления религии, общежития и права, называется в е д а, т. е. зна-

ние (именно знание жрецов). В ней прежде всего изложены были бо-
гослужебные и жертвенные обряды. В жертву богам глав-
ным образом приносились: сома — особенно приготовленный сок
одного горного растения, которому индусы придавали особенное, та-
инственное значение, рис, молоко и масло. Всякое правильно совер-
шаемое жертвоприношение, по учению жрецов, должно было настоль-
ко производить магическое действие, насколько приносящий жертву
приобретал при этом божественной сущности. Затем следовали по-
дробнейшие предписания относительно чистоты и выбора кушаний и
напитков. Все предметы, до которых касается человек, могут быть не-
чистыми, почему перед употреблением все должно быть очищено. В
особенности были тягостны постановления о кушаньях. Так как в каж-
дом животном могла находиться душа какого-нибудь умершего, даже
друга, родственника или предка, то брамины воспрещали вообще мя-
сную пищу. Но так как они не были в состоянии вполне вкоренить это в
народном сознании, то ограничились тем, что строго запрещали упо-
требление в пищу мяса рогатого скота, так как почитали корову свя-
щенным животным и ее молоко и приготовляемое из него масло дол-
жны были приноситься в жертву богам. При этом они рекомендовали
молочную и растительную пищу, за исключением лука и чеснока, и та-
ким образом могут считаться родоначальниками вегетарианства.

Кто согрешал против постановлений о пище, осквернялся запре-
щенным кушаньем или совершал какой-либо проступок, тот,
не ожидая наказания по суду, должен был сам налагать на себя э п и
т и м и ю, соответствовавшую важности проступка и состоявшую ча-
стью в тысячекратном повторении молитв, частью в посте, в самобиче-
вании и даже в добровольной смерти. Кто, например, съел запрещен-
ное кушанье, тот обязан был налагать на себя «месячную эпитимию»,
то есть в течение тридцати дней не есть ничего, кроме риса. Кто умыш-
ленно напивался пьян, тот должен был пить столько времени кипящий
рисовый отвар, пока он не сожжет ему всех внутренностей, и тогда то-
лько грех его будет искуплен. Кто неумышленно убивал корову, тот
обязан был обрить себе голову, завернуться, как в плащ, в шкуру уби-
того животного, пойти на выгон поклониться там коровам и прислу-
живать им. Если кшатрий намеренно убивал брамина, то должен был
дать себя застрелить стрелой из лука или три раза броситься головой в
огонь, пока не умрет.

Все эти предписания и запрещения для браминов были еще усилен-
ны и их обязанности были изложены в них с такими подробностями,
что даже было определено, в каком положении они должны были при-
нимать пищу, какими частями руки и пальцев совершать омовения,
как должны были вести себя во всех случаях жизни, в дороге и т. д. для
того, чтобы не утратить своей чистоты и святости. Самым похвальным
делом для жреца было, когда он вообще удалялся из этого нечистого
мира в уединение и там суровым покаянием и самобичеванием очи-
щался от всего земного. Даже в настоящее время, спустя почти три ты-

сячи лет, брамины исполняют свои ежедневные обязанности с такой же добросовестностью. Цель такого религиозного отречения от всех чувственных наслаждений, умерщвления плоти, удаление от мира в уединение пустыни¹ — есть не только внешнее очищение, но и очищение души, так что она, освобожденная от всех оков чувственности, получает возможность возвратиться к своему божественному источнику — к Бrame — высшему духу. О том, что стоит человеческое тело, жрецы высказывали следующее мнение: «Это жилище человека, которому костяк служит вместилищем, а мускулы служат связками, этот

*Древние индийские одежды.
По Weiss. Kostumkunde.*

сосуд, наполненный мясом и кровью и покрытый кожей, есть жилище нечистое, подверженное старости, болезни и печали, всякого рода страданиям и страстям, гибель которого предопределена уже заранее, и поэтому всякий должен стараться с радостью освобождаться от него». Вследствие этого жрецы выводили такое заключение, что тело следует подчинять всеми средствами господству души, что чувствен-

¹ Аскетические эпитимии (обеты) отшельников в пустыне были разнообразны. По описанию Рамайяны, некоторые проводили жизнь стоя под открытым небом, другие — на вершинах гор, иные спали на голой земле и питались самой грубой пищей: листьями или водой; одни не ели ничего и питались одним только воздухом, лучами солнца и луны. Некоторые вечно повторяли имя одного и того же божества, другие без умолку читали веды. Большая часть носила платье из древесного лыка, другие — постоянно мокрую одежду; иные стояли по горло в воде, другие имели огни на всех четырех сторонах вокруг себя и солнце над своей головой; были такие, кто постоянно стоял на одной ноге или на концах своих больших ножных пальцев; иные стояли на голове или, зацепившись ногами за ветви деревьев, висели вниз головой и т. д.

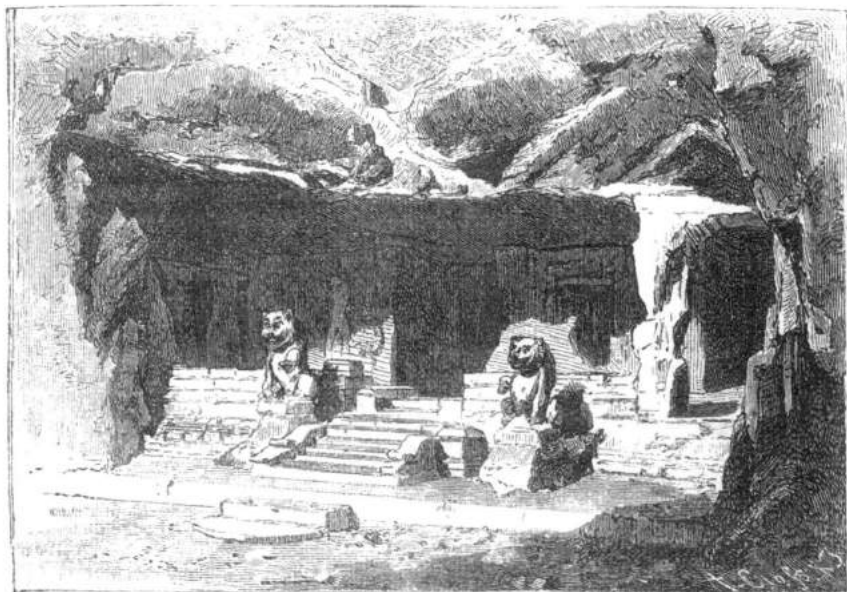
*Будда.
По Weiss. Kostumkunde.*

ная, материальная сторона человеческой сущности должна быть преодолеваема духом и, в случае необходимости, до полного уничтожения. Люди, благоговевшие перед подобными воззрениями, должны были постепенно потерять всякую самостоятельность убеждения, всякое самосознание, отважность и энергию; они, собственно говоря, жили не для этого мира, а для будущего, для загробной жизни.

Таким образом, лицам, раз захватившим власть, уже не трудно было удерживать ее и никто не был настолько смел, чтобы оспаривать ее у них. Вследствие этого в индийских государствах образ правления был вполне деспотический (неограниченный). Цари пользовались божескими почестями, ибо полагали, что в них обитает божество. Из этого можно бы было предположить, что цари происходили из касты жрецов, но на деле было не так. Брамины беспрекословно предо-

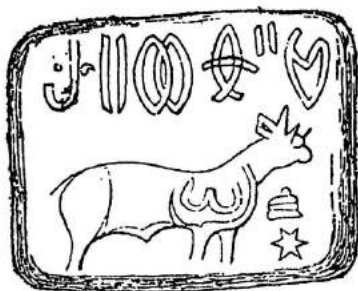
ставили царское достоинство кшатриям, обязанным покровительствовать остальным сословиям. Однако советниками царя состояли предпочтительно брамины. Царь должен был быть высшим всеобщим покровителем, справедливым судьей, награждающим добрых и наказующим злых; в особенности же он обязан был поддерживать существующий порядок строгим соблюдением его и устрашением преступников соответствующими наказаниями (в особенности увечьем и клеймением). В затруднительных обстоятельствах, когда невозможно было добраться до истины ни фактами, ни свидетельскими показаниями, ни присягой, царь прибегал к «божественному решению», то есть к Божьему суду.

Брамины, женщины и дети, старики и больные испытывались весами, кшатрии — огнем, ваисии — водой, судры — ядом. Если испытуемый при вторичном взвешивании оказывался легче, чем при первом, если раскаленное железо, после пронесения его на расстоянии семи шагов, оставляло на нем обжог, если выпитая святая вода причиняла ему вред, а от принятого яда он заболел, то это служило доказательством виновности.

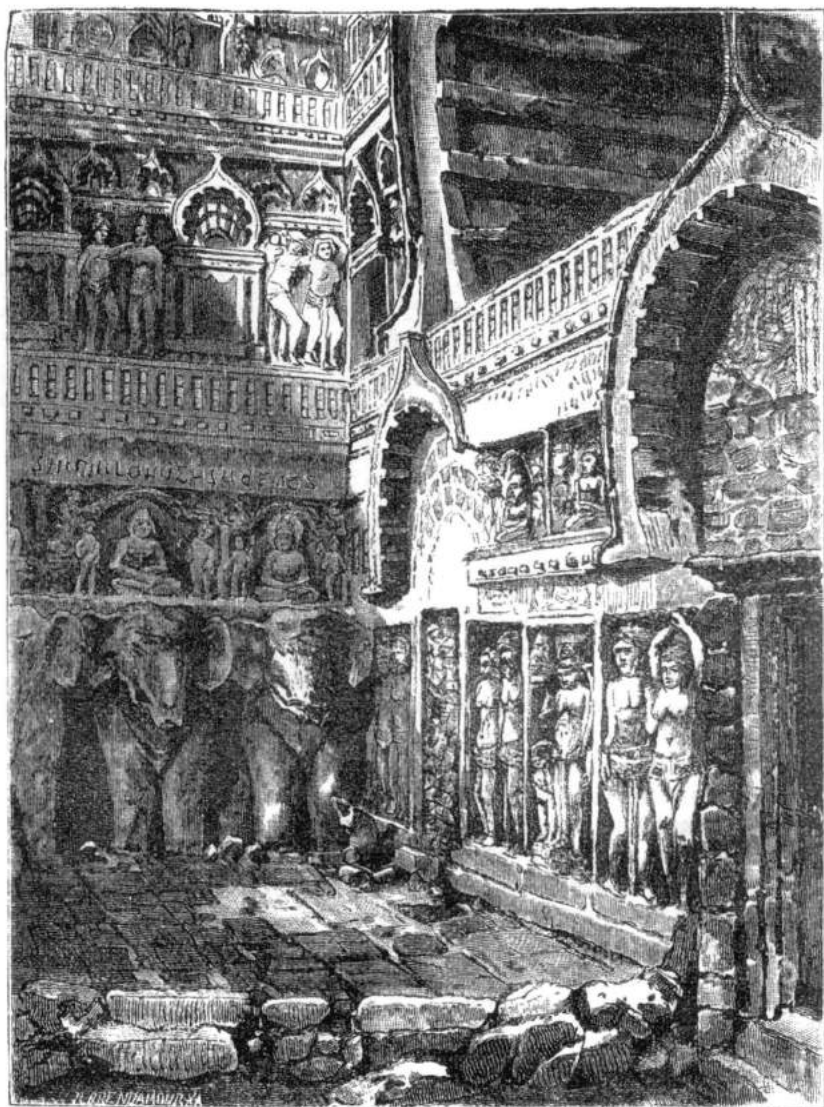

*Вход в храм, иссеченный в скале (Львиный грот) на острове Элефанте.
По Schlagintweit. Indien.*

Вследствие замкнутого устройства каст, жестокого деспотизма, тяжких наказаний и обетов, народонаселение страны Ганга жило и стонало под таким невыносимым гнетом, и земля представлялась людям ничем иным, как «юдолю плача». Такое положение вещей неминуемо должно было возбудить в глубокомыслящем человеке вопрос, может ли такая печальная судьба быть непреложным уделом человечества? Человек, возбудивший этот вопрос, был Гаутама Будда, то есть просвещенный, между VI и V веками до Р. Х. В совершенную противоположность с учением браминов он проповедывал равенство всех людей в этой юдоли плача. Обязанность этих сотоварищей страдания заключается во взаимном облегчении при перенесении неизбежного в мире зла. Это достигается сострадательной деятельной любовью, непрерывно проявляющейся в делах милосердия. В гуманности своей к людям и животным он заходит так далеко, что, по его мнению, ничто живущее не должно быть убиваемо.

*Древнейшие индийские
письменные знаки.
По Schlagintweit. Indien.*

*Преддверие храма при деревне Карли.
По Schlagintweit. Indien.*

Совершивший грех нуждался не в мучительных эпитимиях, а в чистосердечном, глубоком раскаянии. Одно древнее изречение так выражает сущность нравственного учения Будды: «Оставление всего злого, исполнение всего хорошего, укрощение собственных мыслей — таково учение Будды».

Так как Будда со своим новым учением обратился непосредственно к народу, говорил публично, на открытых площадях и притом не на священном, непонятном народу санскритском языке, то в последователях у него не могло быть недостатка. Громко выражал бедный народ свой восторг человеку, высказывавшему, в противоположность гордым браминам, так кротко и смиренно соболезнование и жалость к

*Храм, иссеченный в скале, в Эллоре.
По Lübker. Grundr. D. Kunstgeschichte.*

униженным труженикам. И не было нисколько чудом, что его почитали за одно из воплощений Вишну, то есть за вочеловечившегося Вишну. Но он не мог избежать преследования даже со стороны своих родных. Положение браминов, особенно потому, что они в угождение народу допустили низвергнуть старого Брахму и провозгласили Шиву высшим божеством, было слишком прочно, чтоб быть поколебленным буддизмом. Основы браминизма еще и поныне стоят незыблемо в Ин-

дии; учение же Будды, благодаря кровавому преследованию в VI веке по Р. Х., было вытеснено из своего отечества в Индию по ту сторону Ганга, на остров Цейлон, в Китай и Японию, стало там твердой ногой и насчитывает там еще и в настоящее время до 350 миллионов своих последователей.

В Индии, управляемой не менее деспотически, чем Египет, процветало также строительное искусство. К древнеиндийским сооружениям относятся иссеченные в скалах храмы на островах Элефанте и Сальсетте, близ Бомбея, и при деревне Карли (влево от железной дороги из

Пагода.

По Lübker. Grundr. D. Kunstgeschichte.

Бомбея в Пуну). Далее, близ Эллары, в хребте гранитных гор, на протяжении целой мили, выдолблен полукругим ряд храмов, часто в два яруса, так, что гранитные крыши нижних храмов, поддерживаемые бесчисленными столбами, служат обширным основанием для верхних построек. Наконец, заслуживают внимания пагоды — храмовые сооружения с великолепными воротами, башнями, колоннадами, галереями, с примыкающими к ним бесчисленными покоем, устроенными для удобства богомольцев. Все эти постройки выказывают необыкновенный избыток украшений, состоящих из странных, фантастических изображений браминской символики.

Индийская литература также включает в себе много выдающихся религиозных и светских произведений; из них в особенности замечательны Веда и собрание законов Ману в двенадцати книгах, религиозные эпические поэмы Магабгарата и Рамайяна, а также драма Сакунтала поэта Калидаса. Все эти сочинения написаны на мертвом уже в настоящее время санскритском языке — родоначальнике так называемых индо-европейских наречий.

Насколько богаты и обильны источники о культуре древних индусов, настолько скудны достоверные известия о древнейшей ее истории.

Около 1500 лет до Р. Х. арийцы переселились на равнины Ганга и основали там два главных государства: Куру с главным городом Гастинапуром на Ганге, а позже — Панду. Государства эти, по свидетельству Магабгараты, вели между собой истребительную борьбу; под конец «сыны Панду» победили и овладели Гастинапуром. Одновременно с ними на равнинах Ганга существовали и другие жреческие государства, как например: царство Магада, на юге царство Пандия с главным городом Мадгурой, на реке Кришне царство Карната. В Пенджабе, т. е. в области индийского Пятиречья, уже во времена Александра Великого находим два государства — Таксила и Пора. По смерти Александра, в 312 году до Р. Х., в царстве Магада (нынешний Бегор) явился могущественный государь, которого греки называют Сандракоттом, а индусы Кандрагуптой. Однако под конец он пал в борьбе с Селевкидами, то есть преемниками Селевка Никатора, захватившего себе из наследства Александра Великого все земли от берегов Сирии до реки Тигра.

МИДИЙСКОЕ ЦАРСТВО ПРИ АСТИАГЕ

Основателем мидийского государства, как упомянуто было уже выше, был Киаксар¹. Он простер свое владичество до Малой Азии и напал на царство лидийское, находившееся под властью одного из преемников Гигеса² — Алиатта (625—568). Шесть лет продолжалась война без решительного результата. Еще раз бросились войска друг на друга, как вдруг наступило солнечное затмение, нагнавшее такой ужас на сражавшихся, что они прекратили битву и пожелали заключить мир. Мир был заключен, и река Галис должна была оставаться границей между мидийским и лидийским государствами; чтобы еще более упрочить мир, Алиатт выдал дочь свою, Ариенис, за сына Киаксара — Астиага. Оба государя скрепили свою дружбу тем, что прокололи, по тогдашнему обычаю, друг у друга руку и пили вытекушую из раны кровь (610). Последние годы царствования Киаксара прошли в глубоком мире. Он умер в 596 году. Когда Астиаг (Аци-дагак) вступил на престол своего отца, Мидия простиралась от Иранской пустыни до восточного берега Галиса.

Астиаг вел чисто восточную, роскошную жизнь. Окруженный многочисленным двором, он не знал другого препровождения времени, как только охотиться в диких лесах, окружавших его замки или тянувшихся на границах пустыни. Воинственные наклонности были ему совершенно чужды и народ его также начал отвыкать от военного дела. Так как Астиаг не имел наследника, то ему из предусмотрительности, приходилось передать престол дочери своей Мандане или детям ее. Эта дочь была выдана замуж за одного из вассалов отца ее, персидского князя Камбизия (Камбиза); от этого брака родился Кир (Кирос), будущий основатель Персидской всемирной монархии.

¹ По Геродоту, основателем мидийского государства был собственно некто Деиок. Ему наследовал Фраорт (Фравортис), 655—633 гг. до Р. Х., подчинивший себе, по всем вероятностям, персов на юге. Сыном его был Киаксар. Однако то, что последний собрал и устроил мидийские войска для нанесения решительного удара Ниневии, должно считаться уже исторически достоверным.

² С него начинается династия Мермадов (689—546 гг. до Р. Х.). О том, как он свергнул с престола последнего царя из династии Гераклидов — Кандавла, греки рассказали в совершенно романтической форме. Гигес был первоначально пастухом у Кандавла. Однажды после страшной бури он заметил на земле трещину. Спустившись в нее, он нашел там огромного медного коня, а внутри коня труп великана с золотым перстнем на пальце. Скоро он заметил, что перстень, если его обернуть плоской стороной к ладони, имел свойство делать невидимым. Воспользовавшись этим, Гигес отправился ко двору царя, убил его, женился на его вдове и вступил на лидийский престол. Его сын, Ардис, завоевал многие греческие колонии, а царь Алиатт (625—568) даже могущественную Смирну; но покорить Милет ему не удалось.

КИР — ОСНОВАТЕЛЬ ПЕРСИДСКОЙ МОНАРХИИ

1. Юность Кира, конец царства Мидийского

О детских и юношеских годах Кира историк Геродот сохранил для нас предание, которым он старается доказать неизбежность судьбы, predetermined человеку и непреодолимость гения, предназначенного для великих подвигов.

В первый год супружества Камбиза с Манданой Астиагу приснился сон, что из недр дочери его вырастает виноградная лоза, осеняющая тенью своей всю Азию. Снотолкователи объяснили этот сон Астиагу в том смысле, что дитя Манданы со временем будет царствовать вместо него. Тогда царь вызвал дочь свою к себе с целью убить дитя, имеющее у нее родиться. Как только родился Кир, Астиаг приказал позвать к себе Гарпага — верного и необыкновенно дружески расположенного к нему мидянина — и сказал ему: «Дело, которое я поручаю тебе, исполни со всем усердием и не обмани меня! Возьми мальчика, которого только что родила Мандана, в дом свой и убей его. Затем похорони его, как сам пожелаешь». Гарпаг отвечал: «До сих пор ты не мог найти во мне ничего, достойного осуждения, и я остерегусь провиниться перед тобой и на будущее время; а так как ты желаешь, чтоб это совершилось, то долг мой — послужить тебе в этом со всем старанием».

Затем Гарпаг получил ребенка и с плачем отправился к себе домой, где и рассказал жене своей все, что говорил ему Астиаг. Тогда жена спросила: «Что же ты предполагаешь делать?» Гарпаг отвечал: «Не то, что приказал Астиаг. Если б даже он разгневался еще более, чем теперь, то и тогда я не исполнил бы его приказания. Я не убью ребенка как потому, что он мне сродни, так и потому, что Астиаг стар и не имеет мужского потомства. Когда, со смертью ребенка, правление должно будет достаться дочери, сына которой он хочет умертвить моими руками, то чего же останется ждать мне, как не величайшей опасности? Однако ребенок ради моей безопасности все-таки должен умереть, поэтому убийцей его должен быть кто-нибудь из людей Астиага, а не из моих».

Сказав это, Гарпаг тотчас послал за одним пастухом Астиага, который, как ему было известно, пас свое стадо в горах, изобиловавших зверями. Горы эти лежали к северу от Экбатаны, у Черного или скорее у Каспийского моря; здесь Мидия очень возвышенна и гориста, а остальные части ее ровны и плоски. Когда пастух поспешно явился, как

было приказано, Гарпаг сказал ему следующее: «Астиаг приказывает тебе взять этого мальчика и закинуть его в такое место, где горы всего более дики, для того, чтоб он как можно скорее погиб. Сверх того он приказал мне еще сказать, что если ты не убьешь его, а где-либо и каким-либо образом сохранишь, то он поступит с тобой самым жестоким образом. Я сам потом посмотрю, куда ты кинешь ребенка».

Пастух выслушал, взял дитя и возвратился с ним в свою хижину. Между тем жена его была в страшном беспокойстве, так как не знала, зачем Гарпаг посылал за ее мужем. Когда пастух вернулся, жена спросила его, зачем так поспешно призывал его к себе Гарпаг. Он отвечал:

«О жена! Прибыв в город, я увидел и услышал там такие вещи, что не желал бы, чтобы они случились с нашим господином. Весь дом Гарпага был полон горя. Испуганный вошел я туда. Войдя в дом, я увидел лежащего ребенка, барахтающегося, плачущего и раздетого в золото и разноцветное платье. Когда Гарпаг увидел меня, то приказал мне как можно скорее взять дитя, унести его и кинуть в такое место, где горы всего более полны диких зверей, прибавив, что Астиаг жестоко разгневадается, если я этого не исполню.

И я взял ребенка и унес его в уверенности, что он принадлежит кому-нибудь из домашних, так как никак не мог сообразить, откуда он родом. Однако я удивлялся, что увидел его одетым в золото и дорогое платье, и столам, бывшим в доме Гарпага. Дорогой я узнал скоро все дело от слуги, провожавшего меня из города и вручившего мне ребенка, а именно, что это было дитя Манданы, дочери Астиага и Камбиза, и что Астиаг приказал умертвить его. Вот он».

С этими словами пастух раскрыл ребенка и показал его. При виде большого и прекрасного дитяти жена пастуха начала плакать и, обнимая мужу колени, просила не губить его. Пастух возразил, что он не может его оставить, что придут шпионы Гарпага посмотреть, исполнил ли он приказание, и когда узнают, что не исполнил, то он сделается несчастным. Когда жене пастуха не удалось упросить мужа, она сказала ему следующее: «Если я не могла убедить тебя не губить его, то сделай так, чтобы действительно оказалось, будто его бросили. Видишь ли: в отсутствие твое я родила ребенка, но только мертвого. Так возьми его и брось! А мы воспитаем ребенка дочери Астиага как своего. Таким образом тебя не обвинят в непослушании твоему господину и нам самим не будет дурно. Мертвое дитя получит царское погребение, а живое не потеряет своей жизни».

Рассудив, что жена дает очень хороший совет, пастух тотчас же с ней согласился. Он отдал своей жене предназначенное к смерти дитя, одел в его платье и положил в ящик, в котором принес его, своего собственного мертвого ребенка, снес последнего в горы и оставил там в самом диком месте. На третий день, оставив сторожем вместо себя своего подпаса, пастух пошел в город и, придя к Гарпагу, сказал ему, что он готов показать труп младенца. Гарпаг послал вернейших своих телохранителей, приказав им удостовериться и похоронить ребенка

пастуха; другого же, названного впоследствии Киrom, взяла к себе жена пастуха и дала ему другое имя.

Когда мальчику исполнилось десять лет, то тайна раскрылась следующим образом. В деревне, где находились стада, он играл с мальчиками одного с ними возраста. Мальчики в своей игре выбрали его, этого мнимого пастуха, своим царем. Одним из них он приказал строить дома, другим быть его телохранителями, иным — «очами царя», другим поручил докладывать дела. Один из игравших мальчиков, сын знатного мидянина Артембара, не исполнил того, что приказал ему Кир и, по его приказанию, был схвачен и наказан. Возмущенный таким недостойным обращением, мальчик поспешил в город и пожаловался своему отцу на то, что он вытерпел от Кира. Он не говорил, однако, о Кире, так как последний не имел еще этого имени, а о сыне пастуха.

Разгневанный Артембар в сопровождении своего сына отправился к Астиагу и, пожаловавшись ему на то, что сын его вытерпел от недостойного, сказал: «О, царь! так осрамлен я сыном пастуха!» и обнажил при этом у мальчика спину. Когда царь увидал это и выслушал рассказ, он приказал дать мальчику удовлетворение, сообразное положению его отца, и позвать к себе пастуха и его сына.

Когда оба они явились, Астиаг, взглянув на Кира, сказал: «Ты, такой мальчишка! как смел ты так поступить с сыном его, моего первого сановника?» Кир отвечал: «О, государь! я поступил с ним по праву. Наши мальчики, между которыми был и он, выбрали меня в игре царем; все другие исполняли то, что им было приказано; этот же был непослушен, за что и был наказан. Если же я виноват, ну так вот я стою здесь».

Когда мальчик сказал это, Астиаг тотчас узнал его. Черты лица его показались ему похожими на его собственные, а манеры благородными. Он сообразил также возраст мальчика со временем, когда его подкинули. Пораженный этим, он долго оставался безмолвным. Придя, наконец, в себя, он отпустил Артембара, обещав ему всевозможное удовлетворение. Когда он остался один с пастухом, то спросил, кто ему дал мальчика. Пастух отвечал, что это его ребенок и что мать его живет еще при нем. Астиаг возразил, что он нехорошо делает, добровольно подвергая себя большому наказанию. С этими словами он подал знак своим телохранителям схватить его. Когда пастуха хотели уже вести наказывать, он открыл истину, рассказав все как было, и просил за это помиловать его.

Как только пастух раскрыл истину, Астиаг более уже не сердился на него. Но, вспыхнув страшным гневом против Гарпага, он приказал своим телохранителям привести его к себе. Когда Гарпаг предстал перед ним, Астиаг спросил: «Каким образом умертвил ты мальчика, ребенка моей дочери, которого я передал тебе». Гарпаг, увидя пастуха, не пошел путем лжи, на котором мог быть изобличен, а сказал: «О, царь! когда я получил ребенка, то подумал, как должен я исполнить твою волю, чтобы остаться правым перед тобой. Поэтому я так поступил. Я

позвал этого пастуха, передал ему ребенка и сказал, что ты приказал умертвить его. И, говоря это, я не лгал, ибо таково было твое приказание. Но я передал ему ребенка и приказал бросить его в самое дикое место в горах и оставить там до тех пор, пока он не умрет. При этом я всячески пригрозил ему, если он этого не исполнит. Когда во исполнение твоего приказания ребенок умер, то я послал самых верных из моих служителей удостовериться в смерти ребенка и похоронить его. Вот как происходило дело и как умер мальчик».

Хотя Гарпаг откровенно рассказал всю правду, но Астиаг все-таки остался недоволен его поступком. Затаив в себе неудовольствие, он рассказал Гарпагу все, что слышал от пастуха, и в заключение сказал, что мальчик жив и что такой оборот дела он признает совершенно справедливым. «Ибо, — продолжал он далее, — мне было очень прискорбно, что так поступили с мальчиком и, к тому же, я не мог оставаться нечувствительным к упрекам моей дочери. Так как, по счастью, все хорошо устроилось, то я желаю, чтобы ты прислал своего сына к вьюху отыскавшемуся мальчику. Затем я хочу возблагодарить богов за его спасение и желаю, чтобы ты явился к моему обеду».

Услышав такие речи, Гарпаг бросился к ногам царя, а потом пошел домой, полный восторга, что его недосмотр окончился так благополучно и что в довершение счастья он приглашен даже к царскому столу. Вернувшись к себе, он тотчас послал за своим единственным тринадцатилетним сыном и приказал ему отправиться во дворец к Астиагу и делать там все, что тот ему прикажет; сам же с радостью рассказал жене своей обо всем, что с ним случилось. Но когда сын Гарпага пришел к Астиагу, то царь приказал убить его, разрезать на куски, одни из них сварить, а другие зажарить, и, когда все было в точности исполнено, держать их наготове.

Наступило время обеда, явились приглашенные и с ними Гарпаг. Всем гостям и самому Астиагу подали баранину, а Гарпагу мясо его сына, за исключением головы, ног и рук, которые положены были в закрытую корзину. Когда Астиагу показалось, что Гарпаг насытился, то спросил его, понравилось ли ему это кушанье. Гарпаг отвечал, что оно ему очень понравилось. Тогда ему подали корзину и предложили взять из нее то, что он пожелает. Гарпаг послушался, открыл корзину и увидел в ней останки своего сына. При виде их он не содрогнулся и по возможности сдержал себя. Астиаг спросил его, знает ли он, какого животного ел он мясо. Гарпаг ответил, что знает и что, по его мнению, все, что ни делает царь, — справедливо. Затем он взял останки своего сына и отправился с ними домой, чтобы предать их погребению.

Так отомстил Астиаг Гарпагу. Относительно же Кира он обратился к совету тех же магов, которые известным уже образом объяснили ему его сон. Когда они явились, то Астиаг спросил их, как объяснили они ему сон. Они снова повторили, что мальчик, если жив, будет царствовать. Тогда он сказал им следующее: «Мальчик жив и налицо, воспитан в провинции, был выбран в цари мальчиками своей деревни и обзавел-

ся при этом телохранителями, привратниками, послами; что должно означать это?» Маги отвечали: «Если он жив и был царем неумышленно, то будь покоен и не теряй хорошего расположения духа, потому что он не будет уже вторично царствовать. Многие наши предсказания сбывались часто и в безделицах, а следствия сновидений бывают часто очень ничтожны». Астиаг отвечал магам: «Я сам того же мнения, что если мальчик был уже царем, то не может быть для меня более опасен. Однако посоветуйте мне, по зрелом обсуждении, что может быть всего безопаснее для дома моего и для вас». На это маги отвечали: «О, царь! для нас самих очень важно, чтобы власть твоя укреплялась. Ибо если она попадет к этому мальчику-персу, то перейдет в чужие руки. Мы, как мидяне, сделаемся рабами, и персы будут смотреть на нас не иначе как на чужеземцев. Если же ты останешься царем, то и мы будем господствовать вместе с тобой и пользоваться при тебе большим уважением. Поэтому мы обязаны как можно более заботиться о тебе и о твоей власти, и если бы теперь мы видели еще что-либо опасное, то обо всем этом сказали тебе. Но так как сон твой окончился ничем, то мы продолжаем надеяться и советуем и тебе делать то же, а мальчика отослать в Персию к его родителям».

Астиаг, услышав это, обрадовался, позвал к себе Кира и сказал ему: «О сын! ради одного сна я поступил с тобой несправедливо, но твое счастье сохранило тебя. Возвращайся теперь радостный в Персию! Я велю проводить тебя. Там ты найдешь отца и мать, но уже других, а не пастуха и жену его».

С этими словами Астиаг отпустил Кира. По возвращении в дом Камбиза Кира встретили его родители. Когда они слышали, что он сын их, то приветствовали его как такого, которого они почитали уже умершим. Они спросили его, каким образом он спасся. Он рассказал им, что об этом сначала сам ничего не знал и был в большом заблуждении. В первый раз он узнал всю свою историю дорогой. Он ничего другого не предполагал, как только то, что был сыном пастуха. Все дело узнал он на обратном пути от своих провожатых. Он рассказал, как воспитала его жена пастуха, и не переставал восхвалять ее. Когда его родители узнали его настоящее имя Кюно, то для того, чтобы спасение его могло показаться делом богов, они разгласили между персами, будто брошенного Кира вскормила собака, ибо Кюно по-персидски означает собака. Так возникла об этом народная молва.

Когда Кир вырос и сделался храбрейшим и любимейшим между своими товарищами, Гарпаг привлек его к себе подарками и соблазнил страстным желанием отомстить за себя Астиагу. Он очень хорошо понимал, что сам он, как частный человек, никоим образом не мог отомстить Астиагу. Но наперед он сделал еще следующее: так как Астиаг был суров к мидянам, то Гарпаг собрал вокруг себя нескольких знатнейших мидян и представил им, что следует призвать Кира, а Астиага лишить царского достоинства.

Исполнив это, Гарпаг пожелал сообщить о своем намерении Киру, проживавшему в Персии, но так как все дороги были охраняемы, то мог исполнить это благодаря лишь следующей хитрости. Он достал себе зайца, вырезал ему внутренности и, не снимая с него шкурки, вложил в него письмо, в котором было изложено то, что он задумал. Зашив снова зайца, он дал верхнейшему своему слуге тенета, как будто тот был охотник, и послал в Персию с словесным поручением — сказать Киру при поднесении зайца, чтобы он разрезал его сам и чтобы при этом никого не было.

Поручение было исполнено. Кир принял зайца и разрезал его. Затем он прочел найденное в нем письмо. Содержание его было следующее: «Сын Камбиза! тобой руководят боги, ибо в противном случае ты не был бы так счастлив. Ты жив благодаря богам и мне. Полагаю, что это тебе давно уже известно, равно как и то, что должен был я выстрадать от Астиага за то, что не убил тебя, а отдал пастуху. Если ты захочешь теперь послушаться меня, то будешь царем над всем царством, которым правит Астиаг. Призови персов к восстанию и поведи их против мидян! Когда я, как предводитель, буду послан против тебя Астиагом, то сделается так, как ты пожелаешь. То же самое произойдет и тогда, когда послан будет кто-либо другой из знатных мидян. Ибо они наперед отпадут от Астиага перейдут к тебе и будут стараться свергнуть его. Все это у нас подготовлено, и потому действуй и действуй скорее».

Прочтя это письмо, Кир задумался о том, как поступить ему, чтобы лучше уговорить персов отложиться, и скоро нашел лучшее к тому средство. Он написал письмо и затем собрал персов. Тут открыл он письмо и, прочитав его, сказал, что Астиаг назначает его предводителем персов. «В силу этого, — присовокупил он, — приказываю вам, чтобы завтра каждый из вас явился с серпом». Но персы состояли из различных родов, между которыми знатнейшими были пассаргады; к этим последним принадлежали ахамениды, и из них происходили персидские цари. Кир собрал некоторых из ахаменидов и побудил их отложиться от мидян.

Когда все, снабженные серпами, явились, Кир приказал им вспахать в один день определенный участок земли (то было пространство земли в 18—20 стадий). Когда персы исполнили заданную им работу, то он приказал им снова явиться на другой день в праздничных одеждах. В то же время Кир велел согнать в одно место стада коз, овец и рогатого скота своего отца, заколоть их и приготовить из них разные кушанья для угощения персидского войска, для чего приказал принести еще вина и другие дорогие кушанья. Когда на другой день явились персы, он пригласил их расположиться на траве и приняться за пир. Когда они кончили есть, то он спросил их, какой день кажется им лучше: вчерашний или сегодняшний? Они отвечали, что между ними чрезвычайная разница, ибо вчерашний доставил им явную заботу, а сегодняшний — очевидную радость. Тогда Кир открыл им свой план в следующих словах: «Мужи Персии! таково и ваше положение. Если

послушаетесь меня, то без рабского труда будете наслаждаться этим и другими удовольствиями; если же вы этого не желаете, то вам предсто-ят тысячи печалей, подобных вчерашним. Послушайтесь меня и будьте свободны! Я верю, что волей богов я призван к жизни для того, чтобы доставить вам свободу, и полагаю, что вы ни в чем не хуже мидян, по крайней мере в отношении воинских доблестей. Поэтому скорее отла-гайтесь от Астиага».

Персы, имея такого предводителя, охотно провозгласили себя неза-висимыми, будучи давно уже недовольны господством мидян. Когда

*Персидская одежда.
По P. Hottenroth. Trachten der Völker.*

Астиаг узнал о том, что сделал Кир, то отправил к нему посла и потре-бовал его к себе. Кир через того же посла велел ответить Астиагу, что он прибудет ранее, чем Астиаг того желает. После такого ответа Астиаг вооружил всех мидян и, как бы ослепленный богами, поставил над ними предводителем Гарпага, забыв совсем, что он ему сделал.

Когда мидяне сошлись с персами на поле битвы, то некоторые из них, ничего не зная о заговоре, вступили с ними в бой; другие же пере-шли на сторону персов; многие представились трусами и бежали.

Как только Астиаг узнал о постыдном бегстве мидянского войска, то в гневе на Кира сказал: «Кир не должен так этому радоваться». По-сле этих слов он приказал распять магов-снотолкователей, убедивших его оставить Кира в живых. Затем он вооружил остальных мидян в го-роде, молодых и старых, и вывел их в поле. Но в сражении с персами войско его было разбито, сам Астиаг взят в плен, а мидяне, которых он повел в битву, погибли.

К пленному Астиагу явился Гарпаг, ликующий и издевающийся. Между другими язвительными речами, играя тем утешением, которое

тот приготовил ему из мяса его ребенка, он спросил его, по вкусу ли ему в сравнении с царской властью рабство, являющееся последствием этого поступка? Астиаг, устремив на него взор, спросил его, приписывает ли он себе дело Кира. Гарпаг отвечал, что это он побудил к тому Кира и тем отплатил за свою обиду. Тогда Астиаг назвал его безрассуднейшим и несправедливейшим. Безрассуднейшим потому, что если бы он сам выполнил это дело, то мог сам сделаться царем, а не передавать власть другому; несправедливейшим же потому, что он обратил в рабство мидян ради своей мести, потому что, если он не может оставаться царем и им должен быть другой, то лучше было бы отдать такое предпочтение мидянину, а не персу. Таким образом ни в чем неповинные мидяне из господ должны сделаться рабами, а персы, бывшие до тех пор рабами мидян, сделаются их господами.

Так окончилось господство мидян. Но Кир не покончил на этом своих завоеваний, а выступил против Малой Азии, против процветавшего там царства Лидийского.

2. Падение царства Лидийского при Крезе (540 г. до Р. Х.).

Обширная, плодородная, богатая и прекрасная страна Азии, известная под именем Малой Азии, была населена многими народами различного происхождения. Восточную часть ее занимали к и л и к и й - ц ы и к а п п а д о к и й ц ы, принадлежавшие по языку и обычаям к сирийскому племени. Западная часть полуострова была занята ф р и г и й ц а м и, к а р и й ц а м и, л и д и й ц а м и и м и з е р и й ц а м и; из них три последних, а может быть, и весьма распространившиеся впоследствии фригийцы, по всем вероятностям, были одного происхождения. Кроме того, вдоль морского берега жило множество переселившихся народов, между которыми в особенности выделялись греческие колонии на западе и финикийцы на юге. Другие различные племена жили в горах, преимущественно в северо-восточных.

Это разнообразие различных племен породило множество отдельных государств, и между ними фригийское и лидийское прославились ранее других. Затем чуждый, завоевательный народ — к и м м е р и й - с к и й вторгнулся в переднюю Азию и на некоторое время сделался повелителем всех этих народов; однако лидийцы были настолько счастливы, что выгнали чужеземцев (около 564 г.), составили могущественное государство и скоро завладели большей частью Малой Азии. При К р е з е, завоевавшем греческие колонии после продолжительной с ними войны его предшественников, власть лидян простиралась от берегов Средиземного моря до реки Галиса и до Памфилии и Ликии. Но государство это близилось к падению в ту самую минуту, когда достигло высшего своего положения. Когда после Астиага, бывшего в свойстве с Крезом, власть перешла к Киру, а принадлежавшая мидя-

нам Каппадокия также была покорена персами, то подвигавшийся все вперед молодой завоеватель приблизился к лидийскому царству. Крезу скоро пришлось отважиться на решительный бой, в котором должна была решиться его участь и в котором лидийский царь нашел свою гибель. Но этому падению предшествовали происшествия такие необыкновенные и столь прославленные преданиями, сохраненными греком Геродотом, что мы намерены рассказать их здесь, ибо они живо изображают нравы и образ мыслей того времени.

Двор Креза как богатого, образованного и могущественного государя был сборным местом для всех людей, прославившихся в области наук и искусств, а так как он в то же время владычествовал над греками, то к нему являлись и знаменитейшие из этих последних. В числе других гостей прибыл однажды к Крезу афинянин С о л о н, который после составления своих законов, о чем будет изложено ниже, путешествовал по Египту и Малой Азии. Крез принял его весьма радушно и несколько дней спустя приказал своим слугам проводить его по своим сокровищницам и показать ему, что у него было самого лучшего и блестящего.

Когда Солон все осмотрел, Крез спросил: «Афинский пришелец! до нас дошла великая слава о твоей мудрости, о твоих путешествиях и о том, что ты, как мыслитель, объезжаешь многие страны ради знания. Поэтому я желаю спросить, видел ли ты где-либо человека счастливее меня?» Солон, не привыкший льстить, а любивший говорить только правду, отвечал: «О, государь! афинянина Телла».

Крез удивился такому ответу и спросил с любопытством: «Почему считаешь ты Телла самым счастливым?» Солон отвечал: «Этот Телл во время цветущего положения своего отечества имел, во-первых, прекрасных и добрых детей и от всех их видел внуков, и все они остались в живых. Но и эта, по нашим понятиям, счастливая жизнь заключилась блистательнейшим концом. Ибо, когда афиняне вступили в сражение с своими соседями при Элевзисе, он помог обратить неприятеля в бегство и умер с величайшей славой. Афиняне похоронили его на общественный счет на том самом месте, где он пал и почтили его великой честью».

Похвала Телла раздражила Креза, и он спросил: «Кого же ты считаешь счастливейшим после Телла?», в полном убеждении занять второе затем место. Солон отвечал: «Клеобиса и Битона. Эти родом аргивяне имели достаточное состояние и, сверх того, обладали большой физической силой. Поэтому оба они получали награды на общественных играх. Про них рассказывают следующее. Был у аргивян праздник, и мать их должна была ехать в храм. Но волы ее не вернулись вовремя с поля. А так как нельзя было терять время, то юноши сами запряглись в повозку и привезли мать в храм, проехав сорок пять стадий. Наградой за такой удививший все собрание поступок была прекраснейшая смерть. Аргивские мужи провозгласили их добродетель, а аргивские жены прославляли их мать за обладание такими сыновьями. Но мать, восхищенная поступком своих сыновей и общими похвалами, просила богиню даровать ее сыновьям, которыми она была так почтена, лучшее

благо в мире. По этой молитве, когда жертвоприношение и жертвенная трапеза кончились, юноши заснули в храме и более уже не просыпались и окончили таким образом свою жизнь. Этим боги хотели показать, что человеку лучше умереть, чем жить. Аргивяне воздвигли юношам статуи и поставили их в Дельфах, чтобы каждый мог почитать их как достойнейших».

Таким образом Солон предоставил Клеобису и Битону второе место благополучия. Недовольный Крез воскликнул: «О, афинский пришелец! неужели ты так мало ценишь мое благополучие, что сравниваешь меня с двумя простыми гражданами?» Солон отвечал: «О, Крез! меня ли, знающего, насколько боги завидуют и противодействуют счастью людей, спрашиваешь ты о делах человеческих? В жизни своей человек должен видеть и переносить многое, чего бы не желал. Жизнь человеческую я определяю в семьдесят лет; эти семьдесят лет составляют двадцать пять тысяч двести дней, не считая високосных месяцев. Ни один из этих дней в течение семидесяти лет не похож на другой по своим случаям. Поэтому, о, Крез! судьба человека подвержена превратностям. Мне известно, что ты очень богат и повелеваешь многими людьми. Но о том, о чем ты меня спрашиваешь, я могу сказать только тогда, когда услышу, что ты счастливо окончил жизнь свою, потому что самый богатый человек не счастливее последнего бедняка, обеспеченного пропитанием лишь на один день, если счастье не остается ему верным до конца его жизни. Во всяком деле, о, государь! следует смотреть на конец его. Ибо многим боги дарят сначала благополучие, а под конец жизни лишают всего».

Солон, не только не доставивший своими речами удовольствия Крезу, но и не оказавший ему никакого предпочтения, был им отпущен. Он показался весьма незнающим, так как, не придавая цены настоящему счастью, предписывал ожидать окончания каждого дела. Однако вскоре после отъезда Солона Крезу пришлось испытать жестокий гнев богов, вероятно, за то, что он почитал себя счастливейшим. Из двух сыновей своих, из которых один был немой, он потерял здорового. Он нечаянно был убит дротиком на охоте.

Многолетняя скорбь о потере этого сына заставила его еще сильнее испытать ненадежность своего счастья. Но еще тягостнейшие испытания готовила ему судьба в лице Кира. Военное счастье этого нового государя и совершенная им гибель мидийского царства вывели Креза из его печали и обратили на себя все его внимание, может быть, еще и потому, что он пожелал остановить возраставшее могущество персов.

Для этого он захотел воспользоваться советом оракула, для чего и запросил всех оракулов, находившихся в Греции и Ливии. Из них самыми знаменитыми были: в Дельфах, посвященный богу Аполлону, и в оазисе Сивахе (на западе от Египта), посвященный Юпитеру Аммонскому. Но прежде он хотел испытать оракулов, и когда они окажутся правдивыми, тогда уже намерен был послать спросить их о том, должен ли он воевать с персами или нет. Итак, он послал лидийцев, которые в двадцатый день

со времени выезда своего из Сардеса должны были спросить всех оракулов, что делал в этот день лидийский царь, записать их ответы и привезти царю. Что ответили другие оракулы — неизвестно; когда же лидийцы прибыли в Дельфийский храм и обратились к его божеству с заранее написанным вопросом, то пифия отвечала следующее:

«От меня никогда не скрыта глубь моря; все песчинки,
Немых слышу я; понимаю не меньше глухих.
Обоняю теперь запах я черепашого мяса,
С мясом ягненка варимого вместе в медном сосуде,
И медью ж покрытом».

Этот ответ пифии лидийцы записали и отправились с ним в Сардес. Когда возвратились остальные посланные с своими ответами оракулов, Крез рассмотрел написанное. Большая часть ответов не понравилась ему. Когда же он услышал ответ Дельфийского оракула, то ощутил благоговение и признал Дельфийского оракула единственным, так как тот сказал, что он делал. Ибо он, послав людей к оракулам, сделал в назначенный день то, что, по его мнению, никто не был в состоянии узнать или угадать. Он разрезал черепаху и ягненка и сварил их вместе в медном сосуде, накрытом медной же крышкой.

Желая снискать расположение божества, Крез послал в дар Дельфийскому оракулу три тысячи животных и богатые подарки; между последними были в особенности знамениты сто семнадцать золотых кирпичей, золотой лев, множество золотых и серебряных сосудов, золотая женская статуя в три локтя вышиной и, наконец, ожерелье и золотой пояс его супруги. Посланным с подарками Крез приказал спросить оракула, должен ли он начать войну против персов. Посланные получили в ответ: «Когда Крез выступит против персов, то разрушит большое государство!» Вместе с тем оракул советовал ему заключить союз с сильнейшими из эллинских государств.

Услышав это прорицание, Крез очень обрадовался потому, что несколько не сомневался, что он разрушит персидское государство. Он одарил каждого дельфийского жителя золотым статером (приблизительно 15 рублей) и велел в третий раз спросить оракула, так как с тех пор, как он убедился в его правдивости, желал узнавать все более и более. Теперь он предложил оракулу вопрос, долго ли будет продолжаться его царствование. Пифия отвечала ему следующее:

«Когда над мидянами царствовать будет лошак,
Тогда, легконогий лидянин, беги к берегам каменистого Гермоса,
Сопротивление брось и не стыдись быть робким».

Этому ответу Крез обрадовался еще более, чем предыдущим, в том предположении, что лошак никогда не будет царствовать над мидянами вместо царя и что не только он, но и его преемники не потеряют своей власти. Затем он усердно стал разузнавать, кто из греков могуще-

ственнее. Он узнал, что Спарта и Афины были важнейшими их государствами и что первая из них как раз в это время была сильнейшей. Узнав об этом, Крез отправил в Спарту послов с подарками и с предложением вступить с ним в союз.

Послы, прибыв в Спарту, сказали: «Крез, царь лидийцев и других народов, прислал нас к вам сказать следующее: О лакедемоняне! так как божество посоветовало мне заключить с греками дружбу и как я узнал, что вы стоите во главе Греции, то, во исполнение воли богов, при-

*Фригийская и лидийская одежды.
По Р. Hottenroth. Trachten der Völker.*

зываю вас сделаться моими друзьями и союзниками без обмана и коварства». Лакедемоняне, слышавшие уже о прорицании оракула Крезу и обязанные царю за оказанные им прежде услуги, обрадовались прибытию лидийцев и поклялись в союзе о взаимной помощи.

Но помощь спартанцев могла также мало принести пользы Крезу, как и помощь двух других могущественных государств того времени: вавилонского и египетского, с царями которых Набунагидом и Амесом II (Амазис), которым не менее угрожало возроставшее могущество персов и с которыми Крез также заключил наступательные и оборонительные союзы, ибо быстрота Кира уничтожила все расчеты Креза.

В надежде на ложно понятое прорицание оракула Крез повел войско свое в Каппадокию, чтобы уничтожить власть Кира и персов. В то время, когда он еще был занят приготовлениями против персов, один лидиец, славившийся еще прежде своей мудростью, а в это время имевший еще большую известность, дал Крезу следующий разумный совет: «О, царь! ты намерен вести войну против людей, которые одеваются в звериные шкуры и едят не столько, сколько хотят, а сколько

дает им их скудная земля. Сверх того, они пьют не вино, а только воду, и не имеют ни фиг, ни других каких лакомств. В случае твоей победы что можешь ты взять у них, когда они сами ничего не имеют? Напротив, если побежден будешь ты, то подумай, сколько потеряешь? Потому что, раз вкусив наших благ, персы так крепко усядутся здесь, что не дадут уже себя отсюда выгнать. Я благодарю богов за то, что они не навели персов на мысль напасть на лидийцев».

Действительно, до покорения Лидии персы не знали никакой изнеженности и удобств жизни. Однако эти речи не изменили образа мыслей Креза; у него по-прежнему осталось желание завоевать Каппадокию и отомстить за Астиага, и он торопился выступить с войском в поход. Придя к Галису, он переплыл эту реку на судах или, как гласит другое сказание, по совету прославившегося своей философией Фалеса Милетского устроил в реке в виде полукружия идущий назад канал, через что река сделалась переходимой. Затем, опустошая все на своем пути, Крез вступил в Каппадокию, между тем как Кир, тщетно стараясь склонить азиатских греков от Креза, выступил против него со своим войском. В последовавшей затем битве обе стороны сражались без решительного для себя результата, и когда ночь разделила оба войска, то ни одно из них не одержало победы.

Крез сваливал вину на недостаточное число своих войск, так как Кир превосходил его численностью. Он решил поэтому отступить к Сардесу с тем, чтобы призвать к себе туда на помощь своих египетских, вавилонских и лакедемонских союзников, а следующей весной снова напасть на Кира. До тех пор он распустил на зиму служившие ему против персов наемные войска. Между тем персидский царь, тотчас же узнавший об отступлении Креза, хотел было также распустить свое войско, но по зрелом рассуждении решил за лучшее как можно скорее идти к Сардесу, чтобы явиться туда раньше, чем соберется второе лидийское войско. Этот план был исполнен с такой быстротой, что Кир, прежде чем о том дошел слух, как бы первый дал знать Крезу о своем прибытии.

Теперь Крез убедился, к величайшему своему смущению, что дела, против его ожидания, приняли совсем иной оборот. Тем не менее он повел своих лидийцев в битву. В то время не было народа сильнее лидийского. Они сражались конные, носили длинные копья и считались лучшими всадниками. Оба войска расположились друг против друга на огромной, открытой, расстилавшейся перед Сардесом равнине, по которой протекала река Гермос. Так как Кир опасался лидийской конницы, то по совету Гарпага сделал следующее. Он приказал снять выюки со всех верблюдов, служивших для перевозки тяжестей и провианта для его войска, и посадил на них людей в виде вооруженных всадников. После этих приготовлений приказал он им идти впереди всего остального войска навстречу лидийской коннице. За верблюдами следовала пехота, а за пехотой была расположена конница.

При таком расположении Кир имел следующую цель. Лошади боятся верблюдов и не переносят не только их вида, но даже и запаха. По-

тому-то Гарпаг и придумал это, чтобы сделать для Креза его конницу, которой лидийцы в особенности гордились, бесполезной. И действительно, как только лошади почуяли и увидели верблюдов, они поворотили назад, и надежда Креза осталась неисполненной. Но лидийцы не были трусливы и потому, как только заметили хитрость, то тотчас же соскочили с коней и вступили в бой с персами пешие. Наконец, после больших потерь с обеих сторон, лидийцы были обращены в бегство, и когда они заперлись в своем городе, то персы осадили последний. Крез, надеясь, что осада затянется на долгое время, отправил послов ко всем союзникам с просьбой явиться к нему на помощь ранее договорного срока. Но при всей готовности этих последних, в особенности спартанцев, они не могли прийти с такой же быстротой, с какой гибель настигла лидийского царя.

Хотя Сардес мужественно защищался, но один солдат из войска Кира по имени Гироиад нашел на стене место, оставленное без охраны ввиду его неприступности. Он вознамерился взобраться на него. В том, что это было возможно, он убедился, увидя, как один лидиец, у которого свалился шлем, спустился оттуда и, подняв последний, снова взобрался с ним на стену. Гироиад вскарабкался наверх, и благодаря этому обстоятельству город после сорокадневной осады достался в руки персов, а вместе с ним и сам царь Крез, которого Кир приказал ни в каком случае не убивать, а непременно захватить в плен живым.

Однако он чуть-чуть не был убит. Один перс, не знавший Креза, бросился уже было на него. Когда увидал это бывший до того времени немым сын Креза, то страх возвратил ему дар слова, и он воскликнул: «Человек, не убивай Креза!»

Когда царственный пленник был приведен к персидскому царю, то последний приказал воздвигнуть большой костер и возвести на него закованного в цепи Креза и с ним четырнадцать лидийских юношей для того ли, чтоб принести их в жертву богам, как первенцев своей победы, или во исполнение своего обета, или же, наконец чтоб посмотреть, спасет ли Креза, славившегося своей набожностью, кто-либо из богов.

Стоя на костре, находясь в такой крайности, Крез должен был вспомнить Солоновы слова, что ни один человек до самой своей смерти не может считать себя счастливым. Когда воспоминание об этом проникло в его душу, он, после долгого молчания и прерывая глубокими вздохами, трижды произнес имя «Солон». Кир, услышав это, приказал через переводчиков спросить Креза, чье имя он призывает. Когда переводчики спросили, то Крез долго оставался безмолвным; наконец, вынужденный отвечать, сказал: «Имя одного человека, беседа с которым могла бы быть полезна для всех государей». В объяснение он передал разговор, который имел с Солоном. Тогда Кир подумал, что и он человек, и что он также может испытать на себе превратности судьбы человеческой, приказал потушить огонь, а Креза снять с костра.

При этом Киру пришлось убедиться, насколько Крез был добродетельный и любимый богами человек. Когда по приказанию персидско-

го царя старались потушить костер и не могли справиться с объявшим его пламенем, Крез, заливаясь слезами, обратился с мольбой к Аполлону. Тотчас же ясное небо заволочлось тучами и проливной дождь задушил огонь.

На это благодеяние сослался и оракул, когда Крез послал дельфийским богам свои цепи с вопросом, неужели греческие боги так лживы и неблагодарны. Пифия извинялась также неизбежностью судьбы, предназначавшей Крезу это несчастье и собственной беспечностью лидийского царя, так как он при первом прорицании оракула не спросил, о каком именно государстве шла речь, а при втором не догадался, что под именем лошака можно было подразумевать Кира, рожденного от родителей не только разного происхождения, но и различного состояния. Тогда Крез познал, что он должен был обвинять себя, а не богов, и стал терпеливее переносить свою судьбу, которую персидский царь облегчил ему тем, что из-за его ума и опытности сделал своим другом.

Благодаря этой дружбе и своему влиянию Крез в скором времени спас свой народ и в особенности Сардес от полного уничтожения. Лидийцы тотчас по уходе персидского царя возмутились, побуждаемые к тому одним лидийцем по имени Пактиес, которому Кир поручил надзор за захваченными в добычу сокровищами. Но Пактиес на эти сокровища собрал наемное войско и осадил им в Сардесе персидского главнокомандующего. В наказание за это Кир хотел всех лидийцев обратить в рабство.

Тогда Крез сказал ему: «О, царь! не дай гневу всецело овладеть тобой и не разрушай старинный город, нисколько не виновный ни в прошлом, ни в настоящем. В прошлом виноват я, что и искуплено мною, а в настоящем — Пактиес, за что он и должен претерпеть наказание. Лидийцев же прости! А для того, чтобы они вперед не восставали и не были опасны, обяжи их следующим. Запрети им носить оружие, прикажи им носить исподнее платье и высокие башмаки. Установи, чтобы они учили детей своих игре на цитре, пению и мелочной торговле. Тогда, о, царь! скоро увидишь, что из мужчин они превратятся в женщин, и тебе не придется более опасаться, что они отпадут от тебя».

Крез, говорит Геродот, дал такой совет потому, что считал это выгоднее для лидийцев, чем обращение в рабство. Кир одобрил совет,

*Крез на костре.
С одной греческой вазы.*

приказал привести его в исполнение и продолжал свой поход дальше. Гарпага он, однако, оставил, чтобы покорить карийцев и другие мелкие народцы, в особенности же греческие колонии, за исключением Милета, с которым Кир заключил мирный договор.

Остальные греки также желали этого, но Кир, быв ими недоволен за то, что они, когда он предлагал им это прежде, не пожелали покинуть Креза, не был к тому расположен теперь. Когда явились послы их сделать ему предложение о том, что греки желают подчиниться ему на тех же условиях, на каких только что перед тем подчинились лидийцы,

Кир.

то Кир отвечал им следующее: «Один флейтист, увидевший в море рыбу, начал играть на флейте, воображая, что она выйдет на берег. Когда же он увидел, что обманулся в своих ожиданиях, то взял сеть, поймал в нее множество рыбы и вытащил ее на берег. Когда он увидел, как заигрывали рыбы, то сказал им: «Пляшите теперь за то, что не хотели плясать тогда, когда я играл на флейте».

Кир так и поступил. Гарпаг должен был захватить в крепкую сеть его могущества всех азиатских греков. Однако Кир оставил им их учреждения. Только он поставил над ними правителей, так называемых «тиранов», то есть знатных греков, которые были преданы персам и должны были быть в некотором роде высшими чиновниками. Только два города, Фокея и Теос, избегли рабства тем, что жители их выселились из них. Фокейцы отправились сперва в Корсику,

а позднее — в Массилию; теосцы основали Абдеру. Абдера, подобно «Шильде» Средних веков, прославилась глупостью своих жителей, как и шильдские жители. Ионийцы, ко вреду своему, не последовали совету мудреца Бианта из Приены вообще оставить Ионию, но зато этим самым приобрели историческое значение. Они составили центр, где сталкивались между собой европейские греки и персы.

Угрожаемые в это время со стороны персов, азиатские греки обратились за защитой к Спарте и умоляли это государство о помощи и спасении. Спартанцы также отправили в Азию послов и велели сказать персидскому царю, чтобы он не захватывал ни одного греческого города, так как Спарта не будет смотреть на это равнодушно. Но Кир, осве-

домившийся у присутствовавших эллинов о том, кто такие были спартанцы, велел им на это ответить: «Я никогда не боялся людей, имеющих среди своего города место, где они сходятся, чтобы под видом клятв обманывать друг друга¹. Если я останусь здоров, то им придется сожалеть о страданиях не ионийцев, а о своих собственных».

3. Падение царства Ново-Вавилонского. Смерть Кира

Покорив таким образом царство Лидийское и включив его в состав Персидской монархии, Кир возвратился в Малую Азию, чтобы наказать союзников Креза и из них прежде других Набунагида, правителя и царя незадолго перед тем образовавшегося Халдейско-Вавилонского государства, который сына своего Бель-сар-уссура (Бельзацар, Валтасар) сделал своим соправителем.

Столица этого государства, Вавилон, благодаря своему великолепию, громадности, многочисленному населению и богатствам сделался целью его наступления, что, однако, было далеко нелегко, так как благодаря своим укреплениям город этот мог оказать сильное сопротивление. Крепкие, соединенные цементом из асфальта стены, настолько, должно быть, широкие, что на них могла повернуться повозка, расположены были вокруг города сплошным кругом. Протекавший через город Евфрат разделял его на две равные части; в одной из них стоял великолепный дворец царя, а в другой — роскошный храм Бела, с вершины которого халдеи производили свои астрономические наблюдения. Внутри города, по обоим берегам реки, возвышались стены, к которым сходились поперечные улицы обеих его частей. Они могли запирались медными воротами так, что обе части города могли быть совершенно разобщены между собой. Далее, за городом, между обеими реками, Тигром и Евфратом, пролегалась так называемая Мидийская стена для удержания неприятельских нападений мидян, страшных до персидского покорения. Геродот рассказывает об одной царице Нитокресе, которая, с целью затруднить мидянам путь наступления на Вавилон, изменила искусственными извилинами течение реки Евфрата.

Но явившийся теперь завоеватель из Мидии и эти новые враги, «которые не ценят ни серебра, ни золота, чьи стрелы пронзают столько юношей, которые остаются безжалостны даже к детям в утробах матерей», не позволили задержать себя в наступлении на гордый Вавилон. На пути к Вавилону Кир подошел к реке Инду. Один из белых коней, посвященных солнцу, бросился в реку, но был увлечен быстрым течением и погиб в водвороте. Кир остановил свое войско и, спустив воду в несколько прорытых каналов, настолько ослабил течение реки, что даже женщины могли

¹ Здесь он смеялся над всеми эллинами, так как они имели базарные площади, на которых они покупали и продавали, говорит Геродот; у персов же таких не было.

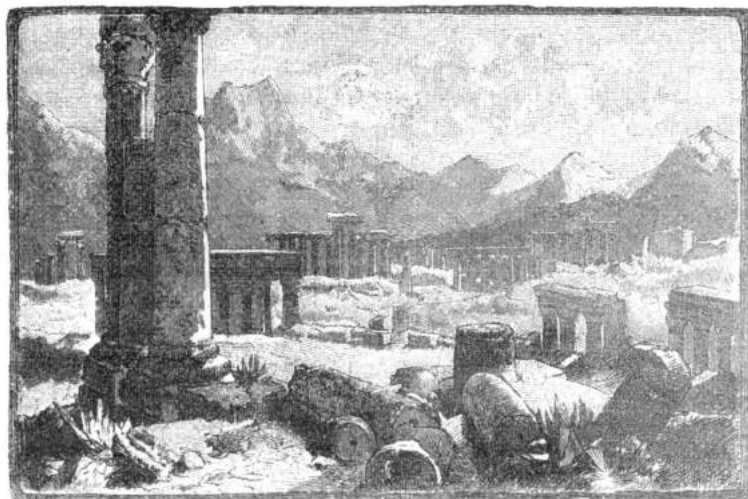
переходить ее, не замочив себе колен. Так наказал реку раздраженный царь за гибель священного коня, говорит Геродот, в чем, по понятиям его народа, выразилась надменность азиатского деспота; но при этом он мог иметь и другую цель — доставить удобства и безопасность своему войску. Такой проницательный и опытный полководец, как Кир, не провел бы для этого целого лета и тем самым не дал бы вавилонянам времени еще более увеличить свои оборонительные средства.

Таким образом вавилоняне имели достаточно времени собрать в своем городе столько съестных припасов, что, будучи разбиты Киrom в сражении, они отступили в город и могли за его стенами не обращать внимания на осадившего их Кира. Долго персидский царь стоял пред оборонительными валами города, возведенными Бель-сар-уссуром, борясь с тысячами затруднений и не достигая цели. Только благодаря одной хитрости удалось привести тщетные до тех пор попытки к счастливому окончанию.

Кир приказал лучшим своим войскам занять места по обе стороны города, а именно там, где входит и выходит из него Евфрат, с приказанием ворваться в город тогда, когда они заметят, что река настолько обмелела, что ее можно перейти вброд. Сам же он с остальными частями своего войска направился к одному озеру, лежавшему недалеко от города и устроенному известной уже царицею Нитокрисой для отвода течения реки. Этим озером воспользовался Кир и отвел посредством канала в него течение реки, через что она внезапно настолько обмелела в своем старом русле, что его можно было перейти в брод.

Войска тотчас спустились в реку и вошли в город. Вторжение это произведено было так неожиданно, что вавилоняне не успели принять никаких мер к обороне. В противном случае они могли бы, заперев ворота, поймать, как в сети, персов, вошедших в русло реки. Но последние беспрепятственно проникли в город, причем Геродот дает нам описание о пространстве его, удостоверая, что когда наружные части города были уже захвачены, то жители центральных частей ничего об этом не знали и продолжали еще долгое время беспечно торжествовать какое-то празднество, когда неприятель находился уже в городе.

Вдруг среди праздничного веселья раздался воинственный клик персов, и пораженная толпа дала изрубить себя без сопротивления. Сам Бель-сар-уссур погиб в суматохе, а царский дворец сгорел в огне (см. Даниила, глава 5). Набунагид, спасшийся бегством во время первого сражения, сдался и был помилован. Своим благоразумным поведением он приобрел даже благосклонность персов и был назначен Киrom правителем одной провинции. В 561 году до Р. Х. умер могущественный Набу-кудур-уссур — повелитель половины Азии, а уже третьему из его слабых преемников, Набунагиду, в 538 году пришлось пережить падение великого Вавилонского царства, обнимавшего собой, кроме Халдеи, Месопотамии и Ассирии, Сирию и Палестину и перешедшего теперь в руки персов.

Развалины Вавилона.

Завоевание Египта составляло насколько важную, настолько же и трудную задачу. Поэтому со стороны Кира было мерой благоразумия, когда после падения Набунагида иудеи с восторгом приветствовали Кира как своего избавителя от плена, он позволил им возвратиться в Палестину. Он желал иметь на границе Египта, столкновение с которым рано или поздно было неизбежно, преданный себе и энергичный народ. Дозволением этим воспользовалось сорок две тысячи большей частью бедных людей из колен Иудина и Вениаминова. Их предводителями были Зерувавел и первосвященник Иесуя (536 г.). Они немедленно принялись за восстановление Иерусалимского храма и, несмотря на неприязненные отношения самаритян, при Санебаллате (Неемия, 4, 17), в 515 г. окончили его.

Безопасность границ прежнего Мидо-Бактрийского государства или другие какие причины принудили Кира привести свои войска против народов, кочевавших на севере Малой Азии, по обеим сторонам Каспийского моря. По сказанию Геродота, победоносный Кир во время этого похода против массагетов и скифов потерял сражение и жизнь. Но тот же греческий историк вместе с тем уверяет, что ему передавали и другие рассказы о смерти Кира, из которых он, как достовернейший¹, приводит следующий.

¹ Почему именно этот страдающий, по новейшим изысканиям, грубыми противоречиями приводимый ниже рассказ нашел одобрение у Геродота, можно, между прочим, объяснить и тем, что он как нельзя лучше отвечает основной мысли Геродота, сквозящей во всем его историческом сочинении, а именно идее, что за заносчивостью и самообожанием (хибрис), ставившими себя наравне с богами, всегда следовало возмездие (Немезида).

Массагетами правила царица Томириса. Кир отправил к ней послов с предложением вступить с ним в брак. Но Томириса, верно угадав, что он помышляет не столько о ней самой, сколько о том, чтоб завладеть властью над массагетами, отклонила его предложение. Когда хитрость не удалась, тогда Кир пошел к Яксарту, ныне Сыр-Дарья на востоке от Каспийского моря, с целью напасть на массагетов. Он построил мосты для перехода через реку своих войск и суда для их перевозки.

Когда он был занят этими приготовлениями, Томириса отправила к нему посла и приказала сказать следующее. «О, царь мидян! не утруждай себя так, о чем ты так хлопочешь, потому что ты не можешь знать, будет ли оно тебе полезно, когда ты его исполнишь. Послушай, управляй своими народами и оставь меня спокойно владеть тем, чем я владею. Но, может быть, ты не желаешь принять этого совета и тебе приятнее что-либо другое, чем оставаться покойным. Если тебе и после этого такая охота побороться с массагетами, так хорошо же! Я не доставлю тебе никакого труда с твоими мостами! Мы отступим от реки на три дня пути, а ты между тем перейди в нашу страну. Если же ты предпочитаешь, чтобы мы пришли к тебе, то сделай то же самое со своей стороны». Получив этот ответ, Кир созвал знатнейших персов и изложил их собранию положение дела с тем, чтобы рассудить, как следовало поступить ему. Все мнения сошлись в том, что следовало Томирисе и ее войску перейти к ним.

Но присутствовавший при этом Крез порицал это мнение и противопоставил ему следующее: «О, царь! я уже часто говорил тебе, что с тех пор, как Зевс предал меня в твои руки, когда я замечаю, что в твоём доме показывается несчастье, то стараюсь всеми силами отвратить его. Вследствие моих потерь, крайне мне неприятных, я сделался благоразумен. Будь ты бессмертен и поведи ты такое же войско, мне не зачем было бы и говорить тебе моего мнения. Но если ты вникнешь в то, что ты то же человек и правишь подобными же людьми, то познай сперва, что человеческие дела вращаются в известном кругу и вследствие своей изменчивости не всегда могут быть счастливы. По предложенному вопросу я имею иное, совершенно противоположное мнение. А именно, если мы желаем дозволить неприятелю прийти в нашу страну, то последствием этого будет следующее. Если ты будешь побежден, то вместе с этим потеряешь и все государство, так как совершенно ясно, что массагеты в случае победы никогда не отступят, а завладеют твоим царством. Если же победа будет на твоей стороне, то ты не извлечешь из нее столько пользы, сколько извлечешь, победив массагетов по ту сторону реки и имея возможность преследовать их в бегстве. Поэтому я во всяком случае держусь того мнения, что если ты останешься победителем, то будешь иметь возможность отнять у Томирисы и само царство. Вдобавок ко всем этим основаниям было бы постыдно, если бы Кир, сын Камбиза, принужден был уступить женщине место в своем государстве.

Поэтому мне кажется, что мы должны теперь перейти реку и идти вперед так далеко, насколько массагеты будут отступать. Когда мы это исполним, то должны будем постараться одолеть их. Насколько я по-

Гробница Кира.

нимаю, массагеты не имеют понятия о благах персидской жизни и не способны благоразумно пользоваться ими. Поэтому следует, не соблюдая никакой экономии, собрать и убить в нашем лагере как можно больше скота, приготовить из него кушанья и ко всему этому будущему пиршеству заготовить множество чистого, неразбавленного вина. Когда это будет приготовлено, то самые негодные наши воины останутся там, остальные же обратят реку. Если я не ошибаюсь, то при виде стольких привлекательных вещей массагеты примутся за них и это послужит поводом к важным событиям».

Таковы были оба мнения. Кир отверг первое из них и, объявив себя на стороне мнения Креза, известил Томирису, что она должна отступить потому, что он желает перейти реку и прийти к ней. Согласно своему обещанию, Томириса отступила. После этого Кир передал Креза на попечение Камбизу, назначенного им своим преемником и просил его почитать и обходиться с ним хорошо в случае, если нападение его на массагетов окончится несчастливым. Затем он отослал их обоих назад в Персию, сам же он и войско его перешли реку.

Пройдя один день, Кир привел в исполнение план Креза. Для этого он с отборнейшими войсками перешел обратно реку, а худшую часть войска оставил за рекой. Третья часть массагетского войска пришла туда, разбила оставленных там Киrom и оказавших сопротивление воинов и, увидев приготовленный обед, принялась за него. Наевшись и напившись, массагеты заснули. Вернувшиеся персы убили многих из них, а еще большее число взяли в плен и в том числе сына Томирисы, предводителя массагетов, по имени Спаргаписа.

Томириса, узнав об уничтожении ее войска и сына, отправила к Киру посла со следующей речью: «Кровожадный Кир! не радуйся тому,

что ты не в жарком бою, а одурманив массагетов соком винограда, употребление которого и вас самих лишает настолько рассудка, что вы начинаете произносить непристойные речи, обманным образом одержал победу над войском моего сына. Поэтому прими от меня благой совет. Возврати мне моего сына и оставь эту страну, торжествуя безнаказанно победу над третьей частью массагетского войска. Если же ты этого не сделаешь, то клянусь тебе именем солнца, божеством массагетов, что я вполне утолю твою ненасытную кровожадность».

Когда Кир не послушался Томирисы, то она собрала все массагетское войско и вступила в сражение с Киrom. Эта битва была, должно быть, ужаснейшей из всех бывших между варварскими народами и поэтому из всех, когда-либо происходивших. Сперва они издали метали друг в друга стрелами. Когда же стрелы все вышли, они схватились врукопашную, поражая друг друга копьями и мечами. Сражение долго оставалось неопределенным, так как никто не хотел отступать; наконец массагеты победили. Значительная часть персидского войска осталась на поле сражения, и сам Кир был убит.

Томириса наполнила мех человеческой кровью и стала искать между убитыми персами труп Кира. Когда она нашла его, то положила голову его в мех и, издеваясь над мертвым, сказала: «Несмотря на то, что я жива и победила тебя, ты сделал меня несчастной, похитив хитростью у меня сына. Теперь я напою тебя кровью, как я тебе обещала и угрожала». Так окончил жизнь свою Кир после почти тридцатилетнего царствования (в 529 г.)¹.

¹ О жизни и в особенности о смерти Кира мы не имеем ни одного сколько-нибудь правдивого рассказа, потому что народ, которому он должен был представляться идеалом властителя, невольно должен был в сказаниях своих изукрасить его сказочными рассказами. По киропедии К с е н о ф о н т а, Кир умер престарелым на своей постели, окруженный своими друзьями и детьми, причем последних из них убедительно просил пребывать в согласии и благоволить к друзьям, ибо, поступая лишь таким образом, они будут иметь возможность наказывать своих врагов. По К т е з и ю (около 400 г. до Р. Х.), Кир умер от раны, полученной им на войне с дербикийцами — полудиким народом из Бактрии. Замечателен рассказ Аристовула, спутника Александра Великого, уверяющего, что он видел гробницу Кира в Пасаргаде, в провинции Персиде, в царском саду, посреди лесной рощи. Персидская надпись на гробнице гласила: «О, человек! я Кир, сын Камбиза, основавший могущество персов и повелевавший Азии; не завидуй моей гробнице». В отличие от этого следует заметить недавно открытое в городе Мургабе здание на террасовидном основании из семи высоких ступеней, состоящее из больших плотно друг с другом скрепленных квадратов из прекраснейшего белого мрамора. Снаружи стоят толстые мраморные столбы, принадлежавшие, может быть, площади, окружавшей это здание. На одном из этих столбов находится стройная фигура, высеченная в профиль. От плеч идут четыре крыла; одета она в узкое, ниспадающее до самых лодыжек одеяние, обшитое на видной стороне и по нижнему краю бахромой. Положение обнаженного предплечья указывает, по-видимому, на молитвенное состояние. Голова покрыта плотно облегающей полосатой шапкой, доходившей до самого затылка. На верху последней воздымаются два рога, расходящиеся в разные стороны и поддерживающие украшения из перьев и листьев. Лицо окаймлено густой, но короткой бородой; кончик носа умеренно закруглен, черты лица правильные и благородные; выражение спокойное и краткое. Это изображение не самого Кира, но его ф р а в р с х и, то есть преобразившегося после его смерти его гения-хранителя. Над головой клинообразной надписью вырезаны слова: «*Adam Kurus Khasajathija Hakhamanistija*», что означает: «Я Кир, царь Ахеменид» (Дункер, IV, 390).

Благодаря Киру рассказанные нами в историческом порядке разнообразные движения азиатских народов нашли под конец свое успокоение и сосредоточились во всеобъемлющем Персидском государстве. После того как к нему присоединился Египет, государство это соединило в себе всю культуру древнего исторического мира. Теперь Азия выступила против Европы, и первенствующий народ Азии — персы — столкнулся с первым и влиятельнейшим народом Европы — греками.

ХIII

ПСАММЕТИХ I И ПОСЛЕДНИЕ ФАРАОНЫ¹

(655—345 гт. до Р. X.)

Псамметих при помощи лидийского царя Гигеса, приславшего ему ионийских и карийских наемников, свергнул ассирийское иго, и Египет снова сделался самостоятельным и имел собственных своих государей. Псамметиху, однако, скоро пришлось защищать восточную границу государства. Произошло это вследствие того, что он

*Псамметих I.
С одной колонны
Карнакского дворца.
По Clarac. Musée de sculpture.*

расположил постоянным лагерем на пелузийском рукаве Нила ионийцев и карийцев, «медных людей, вышедших из моря», как описал их ему оракул в городе Бутисе. Принятие на службу чужеземных войск, без сомнения, повлекло за собой ряд затруднительных последствий.

Существовавшая до тех пор замкнутость Египта теперь кончилась. Псамметих открыл для чужеземцев гавани Египта, дозволил им свободу торговли и разрешил им селиться внутри страны. Греки поспешили воспользоваться этим как нельзя лучше. Они явились в

значительном числе. Центральным пунктом их торговых сношений был город **На в к р а т и с**. Они сумели так понравиться царю, что он заставил молодых египтян, в том числе и своего собственного сына, изучать их язык и обычаи. Негодуя на большие преимущества греческих наемников, получивших значительное количество земельных участков и пользовавшихся такой заботливостью, что пророк Иеремия сравнивал их с «упитанными тельцами», большая часть касты воинов, в числе около двухсот тысяч человек, покинула Египет и переселилась в Эфиопию, вследствие чего Псамметих понес значительную потерю в оборонительных средствах и получил соседство,

¹ Псамметихом (по надписям Нах-Ух-Аб-Псамметик I) начинается XXVI династия; она оканчивается Псамменитом, то есть Псамметихом III. XXVII—XXX династии находятся под персидской верховной властью. Последний туземный фараон (из XXX династии) Нахперка Нахтнебеф, называемый греками Нехтанебом, убежал от персидского царя Оха и предал Египет навсегда на произвол чужеземной власти в 345 г. до Р. X.

могущее при случае сделаться весьма опасным. Зато он гораздо лучше сумел поставить себя в отношении жрецов. К удовольствию их он восстановил богослужение в прежнем блеске. Он окружил священный храм Фта в Мемфисе стеной и прибавил с южной стороны ворота. Напротив их он построил для аписа окруженный колоннами двор с украшенными резьбой стенами. Его царский дворец в Саисе представлял величественное здание. Египетское искусство, в особенности при Псамметихе I, вторично пышно расцвело. Произведения его отличаются легкостью, красотой и естественностью. Иероглифическое письмо достигает высокой степени изящества; конечно, по своим размерам это обновленное искусство все-таки не может помериться с произведениями времен Гамессидов.

После Псамметиха I на египетский престол вступил сын его Нехо (в 610 до Р. Х.). О его злополучной попытке распространить господство Египта на Сирию (в 609 г. до Р. Х.), окончившейся жестоким поражением при Кархемише. Подобно отцу, он обратил свое внимание на поднятие мореплавания и торговли. С этой целью он задумал соорудить канал, долженствовавший соединить Нил с Красным морем, по предприятие это по разным причинам осталось невыполненным. Он также принял к себе на службу финикиян для путешествий с целью открытий. Кратковременное царствование его преемника, Псамметиха II (595—589 гг. до Р. Х.), не оставило почти никаких следов. Мало чем замечательнее был внук Нехо — Хофра (Ухабра, или Априс), царствовавший с 589 по 570 г. до Р. Х. Он везде и во всем был несчастлив. Навуходоносор разбил его, когда он хотел пойти на помощь к иудейскому царю Седекии. Но роковым был для него поход против греческой колонии Кирены в Ливии. Так как было бы неблагоприятно послать против киренян греческих наемников, которые при этом должны были бы сражаться со своими соотечественниками, то Хофра отправил в поход против Кирены свои египетские войска. Египтяне потерпели при местечке Иразе поражение и, обращенные в бегство, понесли такие жестокие потери, что лишь самые ничтожные остатки войска вернулись в свое отечество. Тогда в народе начались смуты, так как он полагал, что Хофра умышленно пожертвовал египетскими войсками для того, чтобы избавиться от ненадежных людей.

Хофра послал для усмирения возмущившихся бунтовщиков военачальника Амазиса (Амес), человека хотя и низкого происхождения, но пользовавшегося всеобщей любовью за ум и открытый характер. Но когда Амазис хотел обратиться к возмущившимся с речью, то один солдат надел ему наголову шлем и громогласно провозгласил его царем, что было охотно принято Амазисом. Хофра, несмотря на то, что опирался на численное превосходство своего войска против мятежников — у него было тридцать тысяч наемников — был взят при Мамефисе в плен и убит разъяренной чернью (570 г. до Р. Х.).

Едва Амазис вступил на престол, как пошел по стопам Псамметиха в отношении покровительства всему греческому, но при этом он не пренебрегал и своим египетским. Кроме двух жен гречанок: Лаодикеи и Себастии, он имел женами двух египтянок, из которых одна была дочь Псамметиха II. Сыну последней он присоединил имя Псамметих, чем желал доставить ему значение престолопреемника первого Псамметиха. Несмотря на расположение к грекам, он был любим египтянами за свою необыкновенную заботливость о их благосостоянии. Сеть каналов была улучшена и увеличена, земледелие поощряемо, а торговля распространена еще далее, так что Геродот говорит: «Египтяне в его царствование находились в счастливейшем положении, потому что на все было обращено внимание, равно как и на то, какое река на землю могла иметь влияние, а земля на человека, и при этом было двадцать тысяч населенных городов».

*Псамметих II.
Из дворца Сала-Эддина
в Каире.
По Clarac.
Musée de sculpture.*

В особенности были населены Мемфис и города в Дельте. Между последними Са и с был необыкновенно украшен. Здесь, у храма Нейты, Амазис воздвиг пропилеи (портик с колоннами), которые высотой, величиной и доброкачеством материала (они были сооружены из камня, добытого из гранитных каменоломен Мемфиса и острова Элефантины), далеко превосходили все остальное. Пропилеи эти были украшены величественными колоссальными статуями, и к ним вела длинная аллея из сфинксов. Там же находились два больших обелиска и часовня из монолита (высеченная из одного куска камня). Три тысячи лоцманов были заняты три

года перевозкой этих колоссов из Элефантины в Саис. Усыпальницу свою Амазис устроил в Саисе подле усыпальниц Псамметихидов, законным преемником которых он хотел считать себя.

В ломке старины Амазис пошел еще далее Псамметихидов, так как он не наблюдал более в отношении к своему царскому достоинству и при своем царском дворе древнего церемониала, но предавался веселому наслаждению жизнью в греческом духе и в особенности любил весело пировать со своими приближенными. Но скоро на горизонте этой блестящей жизни показалась тяжелая грозовая туча: могущественно возраставшее при Кире Персидское государство. С боязливой тревогой приходилось Амазису под конец своей жизни подумать о будущем, когда он увидел, как опасный враг все ближе и ближе придвигался к его восточным границам. Однако он умер прежде, чем сыну

Кира, Камбизу, суждено было ступить на египетскую землю в качестве победителя Псамменита — сына Амазиса.

Амазис известен также по своим дружеским отношениям к Поликрату — правителю Самоса. В то именно время, когда Хиос и Лесбос подчинились персам, Самос остался независимым под управлением Поликрата (536 г.). Поликрат построил великолепный флот из восьмидесяти тяжелых и ста легких военных кораблей и при его помощи успешно отстаивал против персов свою независимость до тех пор, пока Камбиз не призвал и не собрал у берегов Финикии для похода против египтян, кораблей малоазиатских приморских городов, финикиян и кипрян. Тогда Поликрат увидел себя также вынужденным подчиниться Камбизу и послал ему сорок хорошо вооруженных кораблей. (О дальнейшей судьбе Поликрата будет рассказано впоследствии).

XIV

ГРЕКИ

1. Начало греческих государств

Начало греческой истории скрывается во мраке сказочных преданий. Что первобытные обитатели Греции были отраслью арийского (индо-европейского) племени и переселились в Европу из Азии, это может быть с достоверностью доказано результатами новейших исследований. Двумя впервые упоминаемыми главными народами являются пеласги и эллины. Пеласги являются мирными земледельцами и скотоводами, в особенности на плодородных равнинах Фессалии и Арголиды. Их богослужение было просто, без идолов и храмов. Главным их божеством был Зевс, а главнейшим городом его поклонения — Додона с древним оракулом, жрецы которого выводили свои предсказания из шелеста листьев священного дуба или из журчания протекавшего там ручья и т. п. Этим-то первобытным жителям приписывают сооружение колоссальных построек из исполинских каменных глыб, так называемых «циклопических» построек. Сохранились еще до настоящего времени сокровищница Атрея и Львиные ворота в Микенах, в окрестностях которых Шлимманн (в 1876 и 1877 гг.) отрыл множество могил, заключавших в себе много оружия, инструментов, сосудов, золотых украшений и плит с барельефами, принадлежащих, очевидно, к доэллинскому периоду искусства.

Эллины, напротив того, отличались от пеласгов воинственной предприимчивостью и подвижностью. Благодаря этим качествам они сумели возвыситься до положения господствующего племени, и еще до окончания дорических переселений имя «эллины» вошло во всеобщее употребление как общее собирательное для всего народа. У Гомера греки, осаждавшие Трою, называются «аргивянами», «ахеянами» или «данайцами».

Эллины по наречиям и обычаям разделялись на четыре племени: эоляны, доряны, ахеяны и ионяны. Эоляне обитали преимущественно в южной Фессалии, доряне — в названной по их имени области Дориде, ахеяне — в Арголиде, Лаконии и Элиде и ионяне — в Аттике и Мегаре (до Истмийского перешейка) и на соседних островах. По преданию, указывающему на связь греческой культуры с восточной, в особенности с финикийской и египетской, к этим первобытным жителям присоединились многие переселенцы.

Так в 1550 году до Р. Х. из Саиса, в Нижнем Египте, переселился в Аттику Кекропс; он был принят тамошним царем и женился на его дочери. Кекропс привел в порядок богослужение, установил браки и судилища, между которыми находился и знаменитый впоследствии ареопаг, и построил названную по его имени крепость Кекропию. Таким

Львиные ворота в Микенах.

образом он положил первое основание гражданского устройства и безопасности будущего афинского государства, чем и заслужил название основателя его. Девятому из числа его преемников, Тезею, как о том будет рассказано ниже, удалось еще более сплотить население этого государства и тем самым возвысить его могущество.

Из Финикии в Беотию прибыл Кадм. Он принес с собой письменна, научил обработке руды и другим ремеслам, ввел новое богослуже-

ние и основал город Кадмею, на место которого четвертый из его преемников, Амфион¹, построил впоследствии город Фивы и переименовал название кадмеян в фивян. Судьбы следовавших за тем правителей Фив, послужившие впоследствии трагическим поэтам темами для самых разнообразных произведений, повели к многочисленным войнам, о чем будет изложено впоследствии.

В Аргосе поселился Данаид² из Хеммиса в Египте и положил там начало новой династии; его преемники основали впоследствии три государства: в Аргосе, Тиринфе и Микенах. Преемники позд-

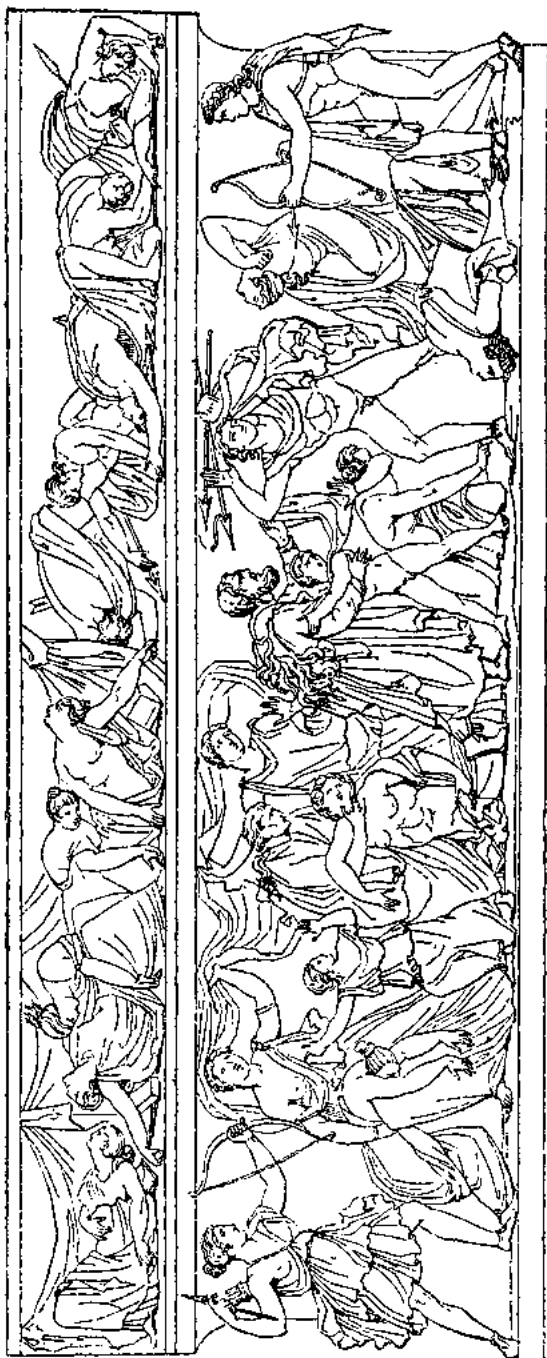
*Золотая маска из могилы в Микенах.
Schliemann. Mykenä.*

нейшего переселенца из Фригии, сына Тантала — Пелопса, давшего стране название Пелопоннеса (остров Пелопса) овладели впоследствии тремя областями последней: Элидой, Арголой и Лаконией и дали этим государствам особых правителей.

Судьба Пелопидов необыкновенно трагична. Уже между двумя сыновьями Пелопса, Атреем и Фиестом, господствовала непримиримая вражда, проявившаяся в ужасных злодеяниях. Однажды Атрей сделал вид, что желает примириться с Фиестом. Этот последний, ничего не подозревая, пришел в дом к Атрею; тогда Атрей угодил Фиеста за обедом двумя убитыми им его же собственными сыновьями. За это он был умерщвлен оставшимся у Фиеста третьим сыном, Эгисфом. Сыновья Атрея, Агамемнон и Менелай, бежали в Спарту.

¹ Он был такой искусный певец, что, по свидетельству предания, при звуках его лиры камни сами собой складывались в стены.

² Данаид выдал замуж пятьдесят своих дочерей, данаид, за сыновей своего брата Египта. Но так как оракул предсказал ему, что один из них лишит его престола и жизни, то он приказал всем своим пятидесяти дочерям умертвить мужей своих в одну ночь. Они исполнили это приказание; только одна из них, Гипермнестра, пощадила своего мужа, Динкея. За такое преступление данаиды присуждены были нести страшное наказание в подземном мире. Подобно многим другим, миф этот олицетворяет собой перемены в природе: данаиды, обязанные вечно наполнять водой бездонные бочки, суть ежегодно высыхающие реки и ручьи засушливой Аргивской области.

Аполлон и Артемиды поражают детей Ниобы. (С древнего саркофага).

*Ниобея.
С группы Уффициев
во Флоренции.*

Дочь Тантала, Ниобея, была осчастливлена многими цветущими и прекрасными детьми. Надменная, подобно отцу своему, она пожелала сравняться с одной из любимиц Зевса — Летой и требовала себе божеских почестей. Разгневанная этим Лета при помощи Аполлона поразила семь ее сыновей, а при помощи Артемиды — семь ее дочерей. Ниобея от чрезмерного огорчения обратилась в камень и не перестает проливать слез. Значение этого мифа заключается в том, что разнообразное великолепие цветов, — этих детей весны, — бледнеет и увядает от палящих лучей солнца.

2. Героический период греческой истории

Героический период включает в себе мифы о героях или о полубогах, получивших такое название от двойственности своего происхождения: божеского и человеческого.

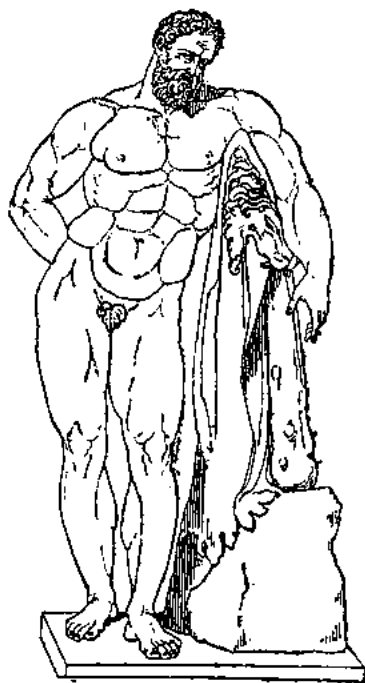
1) Главные герои и их подвиги

Г е р а к л (Геркулес), сын Зевса и Алкмены, почему его и преследовала Гера, был национальным героем дорян. Будучи еще младенцем, он задушил двух змей, положенных ему в колыбель Герой. Достигнув юношеского возраста, Геркулес в нерешительности остановился на распутье жизни. Тогда предстали ему две женщины: **А р е т а** (добродетель), скромная и простодушная, и **К а к и я** (порок), бесстыдная и сладострастная. Каждая из них старалась склонить его идти по ее дороге; он последовал за первой. Когда он вполне возмужал, то любимейшими занятиями его сделались охота и война. По приказанию микенского царя Еврисфея Геркулес совершил двенадцать подвигов. Из числа их особенно прославились: битва с немейским львом, которого он задушил, и битва с лернейским водяным змеем (гидрой), у которого на месте одной отрубленной головы вырастали две новые. Затем он в один день очистил Авгиеву конюшню (вмещавшую в себе три тысячи быков), потом завладел поясом Ипполиты, царицы «мужеподобных» амазонок, и наконец вывел из подземного мира адскую собаку Цербера. Из других походов Геркулеса можно упомянуть битву его с гигантом Антеем, получавший при каждом прикосновении к матери своей, земле, новую силу; Геркулес

приподнял его и раздавил. Далее следует комическая битва с пигмеями (карликами), напавшими на героя во время его сна; он собрал их в свой львиный плащ и отнес в Микены.

Но и Геракулес подвергся гонению рока. Он влюбился в прекрасную Иолу и возбудил этим ревность в супруге своей Деянире. Деянира послала ему пропитанную Кентавром Нессом¹ волшебной мазью праздничную одежду. Лишь только Геракулес надел ее, как яд проник в его тело. Мучимый жестокой болью, он старался сорвать с себя одежду и вместе с ней вырвал у себя кусок мяса. В отчаянии Геракулес воздвиг костер, чтобы в его пламени покончить свои страдания. Пойант, отец Филоктета, возложил его на костер и получил в подарок от него лук и стрелы. Но тут Геракулес был внезапно подхвачен облаком, на котором, управляя четверкой коней, пронеслась Паллада-Афина, воспарил на Олимп — жилище богов — и не только получил бессмертие, но благодаря Гере женился на ее дочери Гебе — богине юности.

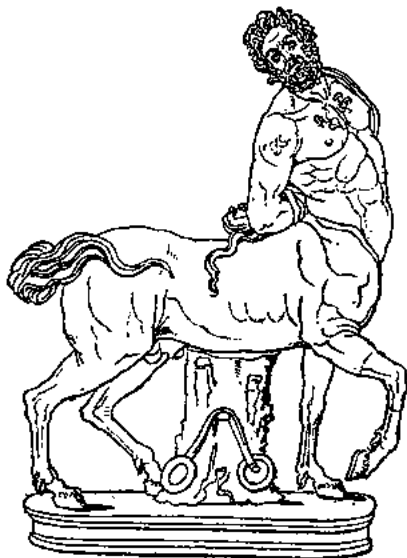
Тезей — сын царя Эгея в Аттике — был национальным героем ионян и в особенности афинян, считавших его творцом их политической самостоятельности. Уроженец Трезена, он очистил дорогу в Афины от разбойников и других чудовищ. Прежде всего Тезей убил вооруженного палицей Перифета, затем сосногибателя Синиса, который соединял две сосны вершинами, привязывал к ним ногами путешественников и таким образом разрывал этих последних на части, и наконец Прокруста-вытягивателя, названного так потому, что он малорослых вытягивал на своей длинной кровати, а высоких укладывал на короткую и обрубал им ноги. Но величайшую заслугу Тезей оказал тем, что освободил Афины от постыдной человеческой дани. Каждые семь лет по приказанию критского царя Миноса афиняне должны были посылать семь юношей и семь девиц в жертву чудовищу Минотавру, заключенному в лабиринте, построенном архитектором Дедалом.

*Геракулес (Фарнезе).
Со статуи в Mus. Borb. в Неаполе.*

¹ Кентавр — наполовину человек, наполовину лошадь.

В третий раз наступило время платить эту ненавистную дань. Отцы и матери рыдали, юноши и девушки собирались с воплями, и жребий должен был решить, кому из них суждено было отправиться в жертву. Тогда выступил вперед Тезей и предложил себя добровольно в число четырнадцати жертв, надеясь освободить при этом свою родину навсегда от этой дани. Он приказал кормчему вместе с черным парусом, поднимаемым в знак безнадежного траура, взять на корабль, предназначенный к отправлению на остров Крит и белый парус, чтобы при возвращении поднять его в знак полного освобождения. Когда Тезей

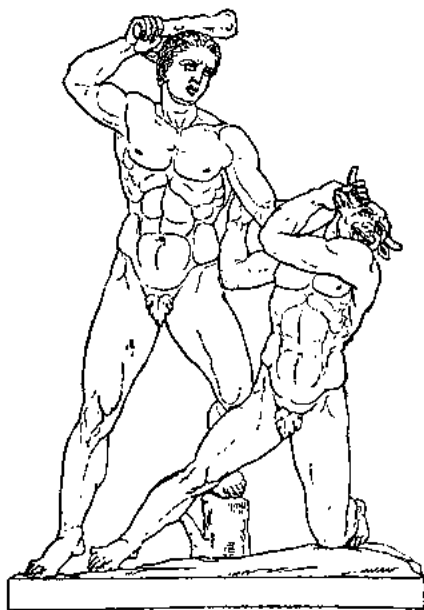
*Кентавр.
С античной статуи (Kapitol. Mus., Rom).*

прибыл на остров Крит, то дочь Миноса, Ариадна, любовь которой он приобрел, дала ему клубок, долженствовавший показать ему вход и выход лабиринта после того, как он убьет ужасного Минотавра. Тем или другим способом, но Тезей достиг своей цели и прекратил дань. Тогда он отправился домой и на обратном пути заехал на остров Делос. Здесь во исполнение данного им обета и в благодарность Аполлону за дарованную ему победу он установил танец, в котором подражали извилинам лабиринта.

Приближаясь с своим кораблем к Аттике, Тезей забыл приказать кормчему поднять белый парус. Отец его, Эгей, ожидавший с беспокойством возвращения своего сына, едва заметив издали оставшийся поднятым черный парус, бросился со скалы, на которой стоял, в море. У остальных граждан, охваченных на мгновение тем же скорбным чувством, с прибытием Тезея страх сменился восторгом. С громкими, ра-

достными восклицаниями встречен был герой и как избавитель от дани единодушно и единогласно провозглашен царем¹. Но Тезей, побуждаемый, должно быть, пользовавшимся уже с давних пор громкой славой государственным устройством Крита, задумал совершить еще более великое благодеяние — произвести в своем отечественном законодательстве важные перемены.

Уже Кекропс разделил Аттику на двенадцать небольших областей, постепенно сделавшихся независимыми и часто находившихся между собой вместо взаимных мирных и дружеских отношений в ссоре и

*Тезей, побеждающий Минотавра.
С античной статуи (Willa Albani, Rom).*

вражде, вследствие чего власть общего главы государства являлась крайне ограниченной. Для пресечения этого зла Тезей посетил все отдельные области, предложил уничтожить существовавшие в них судейские и правительственные должности и учредить один общий совет и общий для всех суд в главном городе, которым впоследствии сделались Афины. В вознаграждение же знатных и сильных, игравших в отдельных областях первенствующую роль, он предоставил им значительное участие в управлении государством, оставив на долю своей царской власти лишь предводительство на войне и наблюдение за исполнением законов.

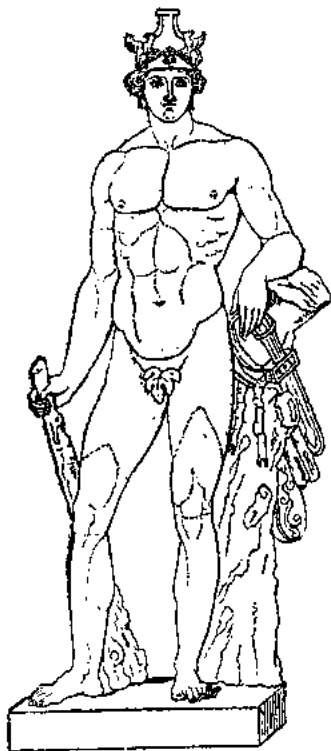
¹ Корабль, на котором он совершил свою поездку, ежегодно был украшаем по-праздничному и посылаем в Делос в честь Аполлона.

Греция, Македония, Эпир и западный берег Малой Азии

Из опасения бывшей на стороне Тезея самой ограниченной в правах своих и беднейшей части населения предложение его было всеми одобрено. Так совершилось дело объединения, воспоминание о котором праздновалось афинянами ежегодным торжественным празднеством под именем с и н е к и и (сожитие). Об этом же событии напоминал еще и другой справляемый с необыкновенным великолепием ежегодный праздник в честь богини Афины, первоначальное название которого а ф и н е й с к и й Тезей изменил в п а н а ф и н е й с к и й, то есть праздник всех афинян. Сверх того Тезей заботился об увеличении населения нового города, возвысившегося, вследствие объединения, в своем значении и получившего теперь название Афин. Для этого он старался обещанием равенства в правах гражданства привлечь чужеземцев, которые и не замедлили устремиться в Афины в значительном числе.

Тезей.

С античной статуи.

Для установления правильных взаимных отношений Тезей разделил всех граждан на три главных сословия: б л а г о р о д н ы х (эвпатридов, то есть благородных), занимавших правительственные должности, толковавших законы и наблюдавших за богослужением, з е м л е д е л ь ц е в и р е м е с л е н н и к о в, не имевших доступа к вышеозначенным должностям.

Однако такие важные перемены не могли обойтись без многократных волнений, направленных против Тезея. Знатные и богатые домогались возвращения своих прежних прав и, желая для этого еще более возбудить неудовольствие в народе, представляли ему, что Тезей ради призрачной свободы погубил свое отечество, лишил его собственных его святынь и променял многих достойных и равных с ним по своему царскому происхождению правителей на одного верховного властителя, который к тому же еще был и чужеземец. Некоторые, подобно Менесфею, завидуя славе и положению Тезея, старались обратить такое враждебное настроение партий в свою пользу.

Все это привело к тому, что Тезей настолько потерял в любви и уважении народа, что, отправившись на некоторое время из Афин для совершения военных подвигов, к прискорбию своему встретил при возвращении в родной город вместо прежней покорности всеобщее сопротивление.

Все это привело к тому, что Тезей настолько потерял в любви и уважении народа, что, отправившись на некоторое время из Афин для совершения военных подвигов, к прискорбию своему встретил при возвращении в родной город вместо прежней покорности всеобщее со-

противление. Отчаявшись в успехе своего дела, он покинул Афины и удалился на остров Скирос, где имел право на отцовское наследство и с царем которого, Ликомедом, находился в дружеских отношениях.

Но потому ли, что Ликомед считал Тезея для себя опасным или был в тайных сношениях с Менесфеем и его партией, только Тезей нашел в ней не друга, а предателя-врага. Под предлогом осмотра местности Ликомед привел Тезея на высокую скалу и предательски столкнул с нее.

Только после смерти Менесфея дети Тезея могли вступить в Афинах в наследственные свои права. Впоследствии афиняне воздали должную справедливость и самому Тезею, поместили его в число героев своей страны, воздвигли ему храмы и алтари и перенесли прах его в Афины.

Минос был царем Крита, сыном Зевса и Европы, которую Зевс похитил, приняв на себя образ быка. Дедал построил Миносу лабиринт и был заключен в него последним. Но, приделав к плечам искусственные крылья, Дедал успел улететь с сыном своим Икаром. Икар упал в море и утонул, Дедал же спасся в Сицилии. Что касается Миноса, то он за свою мудрость был сделан после смерти своей судьей в подземном мире.

Персей, сын Зевса и Данаи, совершил целый ряд подвигов; так, например, он победил трех страшных крылатых молодых дев — трех горгон. Сопровождаемый Гермесом и Афиной, он нашел их спящими. Вид горгон обращал в камень всякого смертного, поэтому Персей осторожно приблизился к ним, подступая задом, и с помощью зеркального щита

Афины и данного ему Гермесом серповидного ножа отрубил горгоне Медузе (единственной из трех смертной) голову и с быстротой молнии опустил ее в свой мешок. Победы над двумя остальными горгонами он достиг благодаря доставленной ему Гермесом же шапке-невидимке, делавшей его незримым.

Кастор и Полидевк (Поллукс), два диоскура, то есть сыновья Зевса, совершили также множество геройских подвигов сначала в качестве превосходных возничих, а впоследствии в качестве замечательных кулачных бойцов. Они остались неразлучными братьями и в загробной жизни.

Об Орфее, фракийском певце, предание рассказывает, что очарованные его пением, за ним следовали дикие лесные звери, двигались деревья и утесы, а реки останавливались в своем течении. Он хотел вывести супругу свою Эвридику из подземного мира, но за то, что нарушил приказание не оглядываться назад до тех пор, пока не достигнет земли, Эвридика была снова отнята у него Плутоном.

Голова Медузы.
Clarac. Musée de sculpture.

2) Общие предприятия героического периода

Фиванские войны, Лабдакиды,
или Сказание об Эдипе

В то время как афиняне нашли в Тезее основателя и строителя своего политического устройства, соседнее с ними Фиванское государство сделалось ареной больших волнений, начавшихся со времени вступления на престол царя Эдипа, судьба которого послужила излюбленным содержанием для греческих трагедий.

*Слепой Эдип, изгоняемый своими сыновьями.
По другим, слепой прорицатель Тиресий.
(Winkelman. Monum. ined.).*

Сущность предания об Эдипе заключается в следующем. Л а и й, сын Лабдака, узнал от оракула, что будет убит своим собственным сыном. Поэтому, когда жена его, Иокаста, родила ему сына, то он, чтобы сделать последнего для себя безвредным, бросил его с проколотыми ногами. Найденный коринфскими пастухами и принесенный к царю Поливию, ребенок был воспитан и усыновлен этим последним под именем Э д и п (что значит с опухшими ногами).

Однажды насмешки товарищей, намекавшие на таинственность его происхождения, возбудили в Эдипе сомнения по этому предмету. Спрошенный им по этому поводу оракул посоветовал ему не возвращаться в отечество потому, что в противном случае он убьет своего отца и женится на своей матери. Тогда Эдип не вернулся в Коринф, а пошел по дороге в Фивы. На пути в этот город он встре-

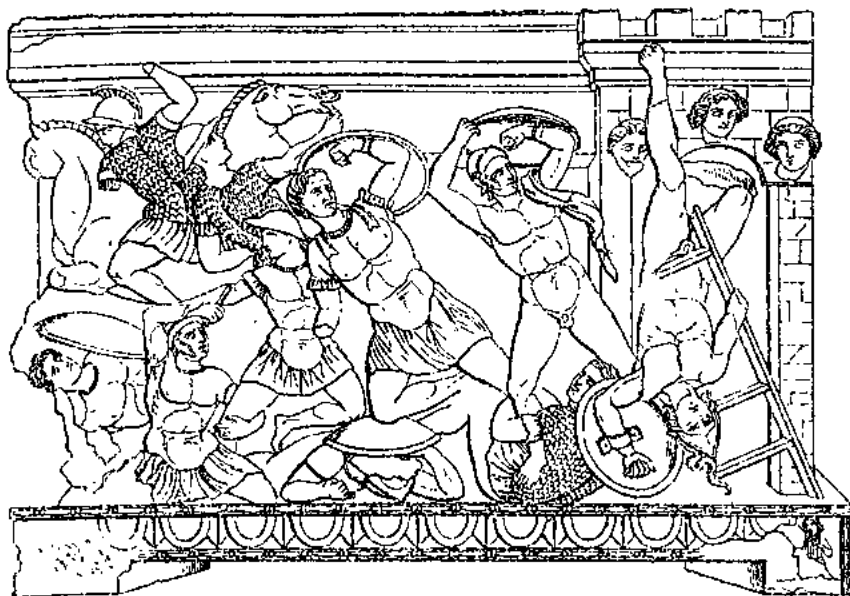
тился в одном ущелье с незнакомцем и, поспорив с ним о том, кому должен уступить дорогу, вступил с ним в ссору и убил его; то был отец его, Лайй. Затем он освободил Фивы от сфинкса — чудовища, состоявшего наполовину из льва и наполовину из женщины и сбрасывавшего с утеса каждого, кто не мог разгадать его загадки. Загадка гласила: кто утром ходит на четырех, днем на двух, а вечером на трех ногах? (Ответ: человек в детстве, в зрелом возрасте и в старости с палкой). В награду Эдип получил руку овдовевшей Иокасты и фиванский престол. От этого брака родились четверо прекрасных детей: Этеокл и Полиник, Антигона и Исмена.

*Военный совет героев против Фив.
С этрусского резного камня.*

Страшная тайна открылась благодаря слепому прорицателю Тиресию. Иокаста лишила себя жизни, а Эдип выколол себе глаза. Шурин его Креон отрекся от него, и Эдип, проклинаемый своими жестокосердыми сыновьями, покинул отечество и, сопровождаемый одной лишь Антигоной, нашел наконец успокоение в роще Эвменид (Эринний — богинь мщения), с которыми он примирился в Колоне, близ Афин.

Проклятие отца перешло на сыновей. Этеокл и Полиник условились между собой занимать фиванский престол попеременно, каждый в течение года. Этеокл занял престол первый и до такой степени пристрастился к власти, что по прошествии года не пожелал оставить трона. Обманутый Полиник удалился к аргосскому царю Адрасту, выдавшему за него дочь свою замуж, и просил у него помощи.

*Битва под стенами Фив.
С этрусской вазы.*

Семь вождей выступили со своими отрядами против сильно укрепленных Фив. То были: Полиник, Адраст, Тидей, Амфиарай, Капаней, Иппомедон и Парфенопей. Прежде чем оставить Пелопоннес, они установили в Пемейском лесу игры, оставшиеся у греков долго после того в большом почете под именем немейских игр.

Этеокл заперся со своими в Фивах, и все семь осадившие их вождей не были в состоянии выгнать его оттуда, так как они были сильны лишь в открытом бою, а не в осаде укрепленных мест. Уже много пало с обеих сторон храбрых воинов, а Капаней свалился с лестницы, которую он приставил уже к городской стене, когда

*Единоборство Этеокла и Полиника.
С саркофага Тарквиния в Римском Ватикане.*

Этеокл и Полиник положили кончить свою распрю единоборством. Время и место были определены с точностью; унылый народ в глубоком молчании присутствовал при поединке. Братья бросились друг на друга, нанесли один другому смертельные раны и оба вместе испустили дух. По обычаю греков, сжигавших своих покойников, обоих братьев положили на один костер. Чтобы яснее представить безграничность взаимной ненависти братьев, рассказывали при этом, что само пламя разделилось, как бы боясь смешать даже их пепел.

Теперь царем стал Креон, брат Иокасты. Под страхом смерти запретил он хоронить тело Полиника. Но Антигона не могла допустить, чтобы тело ее брата, оставаясь непогребенным, сделалось добычей волков и коршунов. Она похоронила его, но, застигнутая на месте преступления, как «набожная преступница», искупила свое преступление заточением в подземной тюрьме (или же была замурована?). Жених ее Эмон — сын Креона — лишил себя жизни. Это столкновение двух обязанностей — долга повиновения закону с долгом любви (благочестия) трагик Софокл изобразил самым трогательным образом в трагедии «Антигона».

Креон продолжал войну против осаждающих. Вскоре при первой совершенной им кровопролитной вылазке почти все аргосские предводители пали. Из «Семи против Фив» остался в живых один только Адраст; он с такой поспешностью обратился в бегство, что не успел даже совершить обычного жертвоприношения в честь убитых в сражении и сжечь их тела.

Фиванцы приписали себе победу, так как все «семь» были побиты. Но эти последние оставили после себя сыновей, так называемых Эпигонов, оказавшихся достойными мстителями за своих отцов. Десять лет спустя они вторгнулись в страну своих врагов. На этот раз фиванцы потерпели поражение и покинули город, который был разграблен. Сын Полиника Терсандр хотя и завладел властью в Фивах, но над фиванским государством непрерывно тяготело удручающее несчастье во все время, пока им управляли преемники Эдипа.

Язон.
С античной статуи.
(Glyptothek, München).

Поход аргонавтов

Одновременно с этими волнениями, находившимися в связи с образованием отдельных государств, появились другие движения, бывшие началом того общего враждебного стремления в Азию, которое проистекало из сознания идеи единства греческой нации. К ним принадлежит и поход аргонавтов. Поход этот должен вообще считаться событием историческим, но подробности его, подобно всем рассказанным выше происшествиям, безмерно изукрашены эпическими и трагическими поэтами, черпавшими в происшествиях этого времени содержание для своих произведений.

Пелий, царь Фессалийский, получил предостережение оракула против «обутого на одну ногу». На одно пиршество, на которое он при-

*Аргонавты.
С обломка вазы из кабинета прелата Казади.
(Flangini. Argonautica).*

гласил друзей своих, явился один, потерявший при переправе через реку обувь с одной ноги и таким образом оказавшийся действительно обутом на одну ногу. То был фессалийский княжеский сын — Язон. Чтобы сделать Язона для себя безвредным, Пелий приказал ему предпринять опасный поход в отдаленную Колхиду (нынешняя Мингрелия на Кавказе) и похитить там золотое руно у свирепых варваров. Это золотое руно была шкура золотого барана, на котором некогда Фрикс с сестрой своей Геллой, спасаясь от преследования мачехи Ино, переправлялись из Греции в Колхиду. Гелла упала в море, почему оно и было названо по ее имени Геллеспонтом, то есть морем Геллы; Фрикс же достиг Колхиды, принес в жертву богам барана, а шкуру его повесил в священной роще Ароя, где она и охранялась огнедышащим драконом, но сам был умерщвлен тамошним царем Этесом.

Поход аргонавтов, кроме того, имеет значение и в истории кораблестроения. Корабль, на котором отправился Язон, называвшийся Арго, был необыкновенной, невиданной дотоле величины, построенный одним финикийским мастером. На призыв к неслыханному еще в Греции путешествию откликнулось множество отборнейших витязей; в числе их между прочими находились: знаменитые братья Кастор и Поллукс (Полидевк) из Лакедемона, Геркулес, Тезей и бессмертный певец Орфей. Аргонавты, то есть плившие на Арго, вышли из Иолкского залива, в стране миниян в Фессалии, направились сперва к острову Лемносу, прошли оттуда Геллеспонт и далее в так называемую Пропонтиду; отсюда они отправились в новый пролив, названный Босфором Фракийским (Бычачий пролив), и вступили затем в Черное море, которое до тех пор называлось негостеприимным, а теперь было названо гостеприимным за то, что аргонавтам удалось благополучно совершить такое опасное путешествие.

В царя Этской страны, Этесе, аргонавты встретили дикого варвара, предложившего им опасные испытания: запрячь в плуг двух огнедышащих волов, вспахать ими твердое поле, посеять в борозды драконовы зубы, победить одетых в латы исполинов, которые вырастут из них, и наконец убить самого дракона, сторожившего руно. Но все это не представило Язону особых затруднений, потому что единственная дочь царя, волшебница Медея, помогала ему своими чарами. Она сделала его неуязвимым против огня и ударов, дала ему усыпляющий напиток против дракона и волшебный камень. Когда он кинул этот камень в посеянные драконовы зубы, то выросшие из них покрытые латами исполины обратили свой гнев против самих себя и растерзали друг друга.

Язон вместе со сделавшейся его женой Мееей и золотым руном, сел на корабль Арго и тайно бежал на нем. Этес пустился за ними в погоню, но Медея у устья Истера (Дуная), заметив издали парус своего отца, чтобы избегнуть его гнева, прибегла к отчаянному средству. Она убила и разрезала на куски взятого с собой маленького

Медея.

*С античной группы,
найденной при Арле.*

брата своего, Абсирта, выставила голову и руки его на высокой скале, а остальные части его тела разбросала по берегу с целью отвлечь от себя внимание отца и заставить его замешкаться собиранием членов любимого сына.

Язон вернулся с Медеей на родину. Но впоследствии, когда он захотел жениться в Коринфе на Креузе, дочери царя Креона, его постигло мщение покинутой им Медеи. Она умертвила отравленной одеждой и венцом его невесту и убила своих собственных детей, рожденных от Язона. После этого она бежала в Афины на колеснице, запряженной крылатыми драконами.

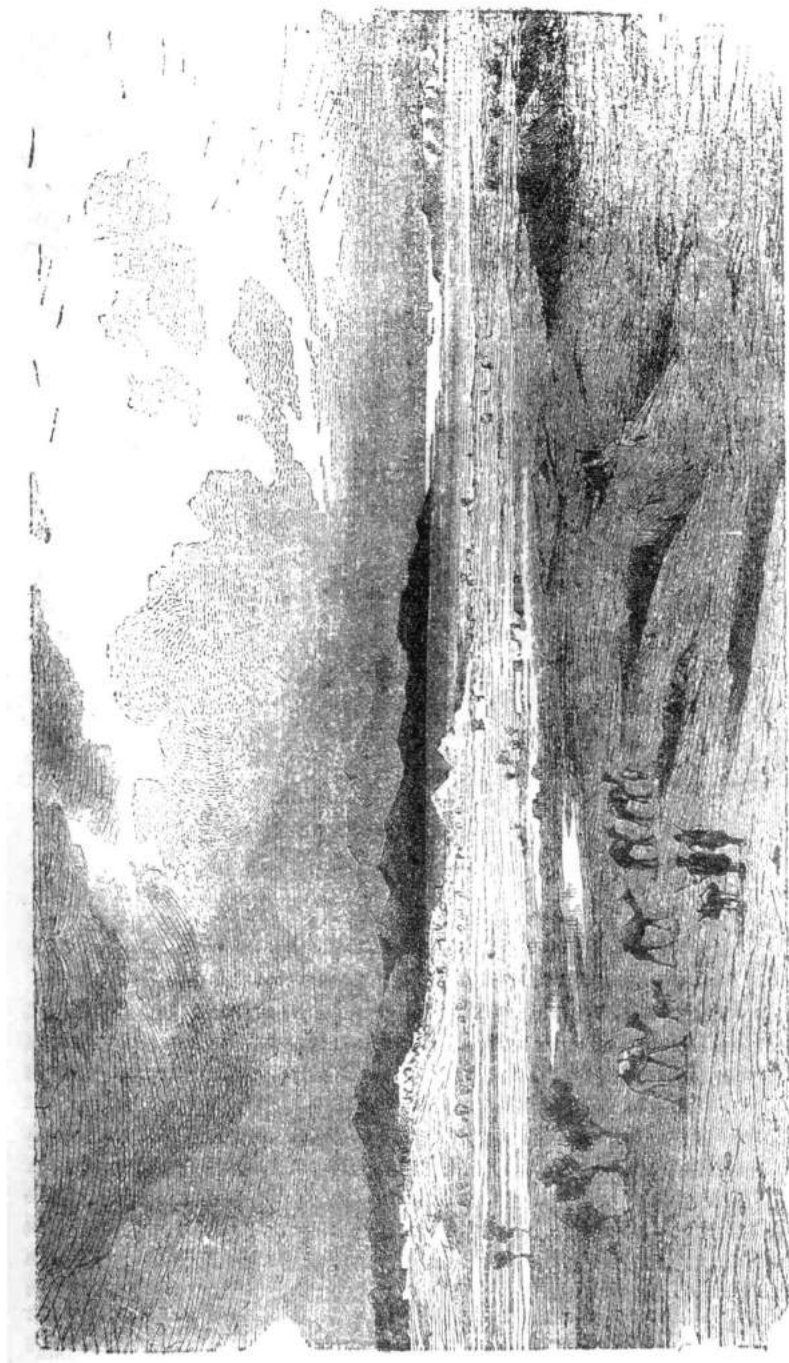
Троянская война

Еще замечательнее похода аргонавтов и еще более прославленной поэзией является Троянская война. В ней, как в общенародном предприятии, приняли участие не только отдельные герои, но и все греческие государства. Этот новый поход был вызван взаимными оскорблениями, наносимыми азиатами европейцам и европейцами азиатам. Еще до возникновения великой Персидской монархии, начавшей впоследствии в качестве представительницы Азии решительную борьбу против Греции, существовало на берегах Геллеспонта Троянское государство¹, *старавшееся не столько распространить господство свое на Европу, сколько войти с ней в союз. Уже во время похода аргонавтов Гераклес и другие герои счастливо сражались с тогдашним царем этого государства Лаомедоном. Теперь причиной новой войны благодаря дерзкому поступку стал сын троянского царя Приама (сына Лаомедона), Александр, обычно называемый Парисом.*

Парис приехал в Пелопоннес, остановился у спартанского царя Менелая и, как чужеземец, согласно тогдашнему обычаю, был принят им с необыкновенным радушием. Но Парис очень дурно отплатил за такое гостеприимство. Своей красотой он пленил супругу радужного хозяина, знаменитую Елену, и в свою очередь сам пленился ею. Однажды в отсутствие Менелая Парис, захватив большую часть сокровищ его и Елену, отправился с ней на корабль и увез ее в Трою.

Вся Греция не столько была возбуждена самим поступком, сколько связанным с ним оскорблением. Поэтому Менелая, бывшему самому по себе значительным государем, но и имевшему в лице брата Агамемнона — царя микенского — еще более влиятельного и могущественного властителя, удалось привлечь на свою сторону многих храбрых князей, согласившихся объехать всю Грецию,

¹ Город Троя, называющийся у Гомера Илионом, находился в области Трои. Недавно доктор Шлиманн близ деревни Гиффарлик произвел раскопки и сделал весьма интересные находки.

Нынешний вид Троянской равнины.

чтобы пригласить всех царей и сыновей царских к участию в общем походе на Азию. Самыми деятельными участниками этого предприятия оказались: Одиссей (Улисс) — царь острова Итаки, лежавшего между областью Акарнанией и островом Кефалонией, и Диомед Аргосский. Первый из них прославился своим хитроумием и красноречием, а второй своей неустранимостью и силой. Предприятие это сулило такую богатую добычу и такую выгоду от торговли с Понтом Эвксинским, открытым и посещенным уже аргонавтами, что собрало войско в невиданном в Греции до тех пор

Менелай.

С античного бюста (Ватикан в Риме).

числе и потребовало для перевозки его тысячу двести кораблей. Жители отдаленнейших областей впервые познакомились при этом друг с другом и научились сознавать себя членами одной великой нации.

Все корабли и войска собрались в Беотии, в Авлидской гавани. Здесь за Агамемноном, как за главнейшим участником предприятия, было добровольно признано всеми остальными князьями право главного начальствования. Но правом этим он не мог пользоваться по своему усмотрению и был весьма ограничен в отношении власти над их собственными войсками. Перед началом каждого предприятия предводители собирались на общее совещание, сидя в большом кругу, на камнях, причем всякий из них, желавший говорить, приказыв-

вал всегда присутствовавшему вестнику подать себе скипетр, который он и возвращал после произнесения своей речи. Особенным весом на этих собраниях пользовались мнения Одиссея и престарелого Нестора из Пилоса в Мессении; в битвах же отличались: Диомед, Идомей с острова Крита, Аякс и Тевкр — сыновья Теламона Саламинского, Аякс, младший сын Элея, но более всех Ахиллес, князь мирмидонян из Фтии в Фессалии, соединявший в себе силу, отвагу и мужество льва. При них находился и жрец по имени Калхас, заботившийся о необходимых жертвоприношениях,

Похищение Елены.

С этрусской глиняной вазы в парижском Лувре.

вопрошавший богов и узнававший веления их по внутренностям жертвенных животных.

Противный ветер долго задерживал выход флота, и это показалось признаком неблагоприятия богов. Тогда Калхас должен был узнать, чем можно умиловить гнев их. Он отвечал, что этого можно достигнуть, принеся в жертву дочь Агамемнона — Ифигению. Несмотря на сопротивление отца, противоестественное дело должно было совершиться; однако, по словам предания, Артемида спасла несчастную, унеся ее на облаке в Тавриду (полуостров Крым) и подменив ее самкой оленя. Наконец ветер переменился, и флот счастливо приплыл к троянским берегам.

Но и здесь дела не сразу пошли так, как желали того греки. Троя была укреплена гораздо сильнее, чем Фивы. Город, кроме стен, имел еще валы и башни. Неприятели были также многочисленны, как и греки, так как многие соседние азиатские князья пришли к ним на помощь со своими отрядами, а собравшийся народ имел в «шлемоблешу-

шем» Гекторе — старшем сыне Приама — предводителя, не уступавшего ни одному греку в силе и ловкости. Вследствие этого взятие города неожиданно замедлилось на долгое время, на десять лет, как уверяют поэты.

Кроме неприступности городских укреплений, важным затруднением являлся недостаток в съестных припасах. Для удовлетворения своих потребностей греки вынуждены были частью заниматься земле-

*Парис.
С античной статуи.
(Mus. Pio Clem., Rom).*

делием в Херсонесе Фракийском, частью добывать необходимое мечом. Так Ахиллес со своими фессалийскими воинами напал на остров Лесбос, разграбил его и увел оттуда множество женщин и девиц, которых и разделил потом между остальными предводителями. В другой раз он с такой же целью побывал на Киликийском берегу. Вообще этот герой хвалился тем, что один завоевал двенадцать приморских и одиннадцать внутренних городов.

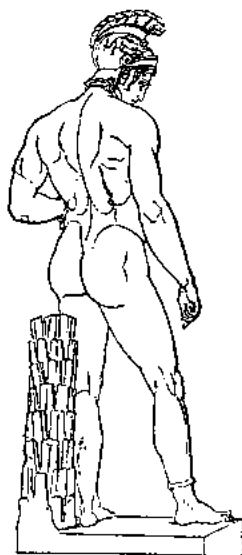
Последствием этого было то, что греческое войско было редко в полном составе, а потому и не было в состоянии вполне обложить город или предпринять против него что-либо решительное, при том же военное и осадное искусства находились в младенчестве. Оба неприятельских войска сражались между собой не в целом своем составе и не по общему плану: каждое сражение разбивалось на множество отдельных единоборств — совершенно в рыцарском духе. Сражавшиеся герои

употребляли часто боевые колесницы; на них впереди стоял возница, а из за него герой бросал свое копье. Часто вместо копья служили тяжелые камни.

Но чем менее было в этой борьбе военного искусства, тем более выказывалось в ней свободы и игры человеческих чувств и страстей. Изображение их мы находим в знаменитой эпической поэме И л и а д е, творцом которой признается Гомер¹. Героические поэмы Гомера «Илиада» и

Одиссей.
С античной статуи.
(Mus. S. Marco в Венеции).

Ахиллес.
С античной статуи
(Лувр).

«Одиссея» являются образцом эпического изображения и в этом отношении составляли для греков величайшие национальные творения, в которых они искали и находили истоки своего образования. Здесь мы представляем из них, в извлечении, некоторые сцены, изображающие как нельзя лучше дух того времени.

Сцены из «Илиады»

Сонмы греков и троян стояли друг против друга. Вдруг из ряда последних гордо выступает вперед красавец Парис, покрытый барсовой шкурой, с луком за плечами, с мечом на бедре и размахивая двумя ко-

¹ О «Гомеровом вопросе», то есть о происхождении «Илиады» и «Одиссеи», начиная с Ф.А. Вольфа и Лихманна (предложившего так называемую «теорию песен»), и по настоящее время продолжается спор и существует целая литература.

пьями. Вооруженный таким образом, громко вызывал он греков оскорбительными словами. Это услышал смертельный враг его, Менелай, находившийся на своей колеснице; радуясь, как лев, почувявший идущую к нему навстречу добычу, бросился он к нему, соскочил на землю и хотел уже вступить с ним в бой. Но при виде его испугался кудрявый юноша, и, как путник, очутившийся на пути своем в опасности наступить на ехидну, поспешно обращается вспять и старается избежать этой дороги, так и он невольно обращается в бегство и исчезает в толпе прочих троян.

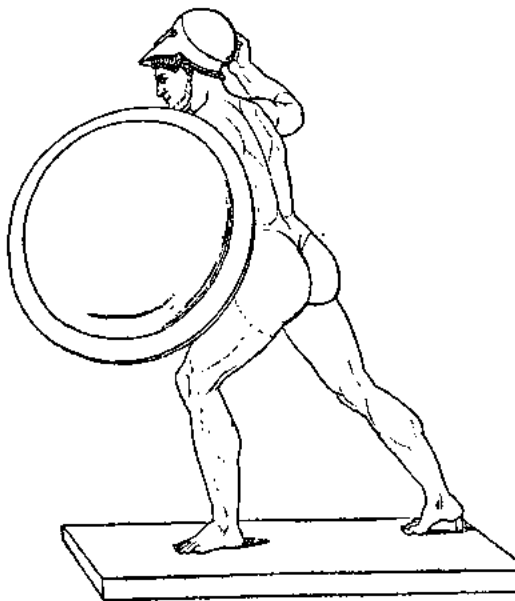
*Принесение в жертву Ифигении.
С античного стенового изображения в Помпее.*

Это увидел брат его Гектор, и недостойный вид брата приводит его в негодование. «Неженка! — кричит он ему. — Женолюбивый герой-красавец! Лучше бы ты не родился или умер, прежде чем научился обольщать женщин! Поистине это было бы лучше для тебя, чем стоять теперь здесь, к стыду всех троян, и возбуждать насмешку греков, воображающих при виде, как ты выступил вперед с такой великолепной и величавой осанкой, что ты один хочешь решить битву. Удивительно! как отважился ты отправиться на корабле в чужую землю и из среди воинственных мужей увезти прекрасную женщину на горе твоему отцу и всем нам и к вечному своему позору! Не правда ли, что Менелай в эту минуту кажется тебе совсем не тем, чем тогда? И если б он подцепил тебя, мало помогли бы тебе твоя кифа-

ра, твой стройный стан и богиня любви. Да, если б троянцы не были сонливым сбродом, то давно бы отплатили тебе, как виновнику несчастья, за все зло, причиненное им тобою».

«Брат, — отвечал Парис, — ты прав. Я стыжусь самого себя и сам не знаю, почему испугался, увидев Менелая. Со всеми другими я всегда был спокоен. Но я желаю исправить дело, хочу с ним помериться и сразиться перед всем народом в открытом, решительном единоборстве».

«Ты хочешь сделать это?» — спросил Гектор.

Гектор.

*С фронтонной группы храма Паллады в Эгине.
(Glyptothek, München).*

«Да и хочу сделать это сейчас. Прекрати бой остальных и возвести об этом грекам!»

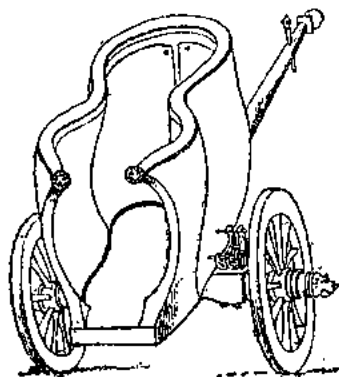
Обрадованный Гектор тотчас же поспешил в передние ряды, сражавшиеся уже с греками, простер к ним свое копьё и приказал им остановить сражение. Некоторые из неприятелей направили было на него свои стрелы, но Агамемнон, заметив его намерение, громко воскликнул: «Остановитесь, воины, и не пускайте теперь стрел, ибо он желает говорить!»

«Да, — произнес Гектор, возвышая голос, — я хочу возвестить обеим сторонам. Слушайте! Брат мой, Парис, главный виновник всех бедствий, желает положить им конец и предлагает Менелая вступить с ним за обладание Еленой и всеми сокровищами в открытое единобор-

ство. Кто победит, получит и ту и другие, и низложением побежденно-го должна окончиться война. Вы возвратитесь домой, и мы заключим с вами дружественный союз».

Менелай принял предложение, но потребовал, чтобы условие это скреплено было торжественным договором и в исполнении его поручился бы сам царь Приам. Тотчас же послали в город за Приамом и необходимыми жертвенными животными; предводители соскочили со своих колесниц, а народ расположился на земле, спокойно ожидая поединка.

Старый Приам сидел в это время с Еленой и некоторыми из своих дочерей на стене и следил издали за ходом битвы. К нему прискакал сын его, Антенор, и пригласил его сесть к нему в колесницу. Молодые люди помогли старику сойти со стены, другие привели агнцев.

Древняя боевая колесница.

Затем они быстро понеслись на поле сражения. Здесь все князья, как греческие, так и троянские, стали в круг, а вестники обошли кругом и окропили каждому из них руки водой, чтобы никто не приступил к священному действию с нечистыми руками. Затем Агамемнон извлек из ножен большой нож, обстриг головы жертвенным агнцам и подал всем князьям по пряди шерсти, потом воздел руки к небу и произнес следующую молитву:

«Зевс, достославный властитель, и ты Гелиос, всевидящий бог Солнца, и вы реки, и ты Земля, и вы в преисподней, призванные карать души умерших клят-

вопреступников, будьте свидетелями наших клятв и этого священного договора! Если Парис низложит Менелая, то удерживает за собой Елену и сокровища, а мы возвратимся домой на своих кораблях. Если же он падет, то троянцы должны возвратить ее и все сокровища и заплатить нам справедливое возмездие, которое да продолжится и на будущее поколение».

Все поклялись, что так должно быть, и тогда Агамемнон перерезал горло агнцам и положил трепещущих животных на землю, чтобы кровь их смешалась с пылью. Затем каждому была подана чаша вина, из которой первые капли были вылиты на землю в честь богов, и все пожелали, чтобы Зевс таким же образом пролил кровь того, кто первый нарушит священную клятву.

Тогда круг расширился, чтобы дать место единоборцам. Но тут добродушный Приам сказал дрожащим голосом: «Почтенные мужи! позвольте мне вернуться к себе, чтобы не быть свидетелем смертельной битвы моего возлюбленного сына. Да свершится воля Зевса. Он все устрояет к лучшему».

С этими словами Приам сел на колесницу, взял с собой убитых агнцев, и Антенор поспешно повез его назад в город. Гектор и Одиссей, как посредники обоих противников, отмерили место для битвы и бросили в шлем два жребия (камешки), один для Менелая, другой для Париса, чтобы решить, кто из них первый должен пустить в противника копьё. Гектор до тех пор потрясал шлемом, пока не выпал камешек (древний обычай бросать жребий). Жребий достался Парису.

Тогда единоборцы и зрители заняли места. Парис в блестящей броне, в медных поножах и в непроницаемом шлеме, украшенном разве-

*Бой Менелая с Парисом.
По Е. Weisser.*

вающимся конским хвостом, вооруженный мечом, щитом и копьем, выступил с одной стороны, а Менелай с другой. Они потрясли своим оружием, собрались с духом, и Парис со всей силы бросил копьё свое в противника, но оно ударилось о железную оковку щита, острие согнулось, и копьё бессильно упало на землю.

«Теперь, всемогущий Зевс! — воскликнул Менелай, — дай мне силу наказать юношу, так жестоко меня оскорбившего, дабы на будущее время никто не дерзал осквернять гостеприимство!» Сказав это, он бросил в противника копьё с такой силой, что оно пробilo щит и наверное пронзило бы сердце, если б Парис быстрым поворотом не уклонился в сторону. Но в то самое мгновение, когда смущенный юноша смотрел на свой щит, Менелай выхватил свой меч, бросился с ним на Париса и нанес ему такой сильный удар по голове, что наверное раскроил бы ему череп, если б хрупкий меч не раз-

летелся в куски, ударясь о твердый шлем. Тогда вскричал он, скрежеща зубами: «Жестокий Зевс! неужели и на этот раз лишишь ты меня заслуженной за храбрость награды!» И он в третий раз бросился на Париса, схватил рукой за развевавшийся на шлеме конский хвост и хотел повергнуть противника на землю. И ему наверное бы удалось это, если б в то время, когда он тянул его к земле, не разорвался ремень, которым шлем прикреплен был под подбородком. Пользуясь этим мгновением, Афродита похитила своего любимца Париса от угрожавшей ему неминуемой гибели, скрыв его в облаке, и Менелай остался один.

Все греки воскликнули, что Менелай победил, и Агамемнон громко потребовал исполнения договора. Но в это самое время в Менелая попала неизвестно кем пущенная стрела и слегка его ранила. Вследствие этого поднялся страшный шум, и все греки громко возопили о вероломстве троянцев; Агамемнон же поклялся до тех пор не успокоиться, пока это вероломное и коварное племя не будет истреблено, а город его не погибнет в пламени.

Однажды, когда битва была в особенности в полном разгаре, видно было, как Диомед, подобно кровожадному льву, носился на своей колеснице по полю битвы. За ним следовала его дружина, готовая снять доспехи с убитого или отвести в лагерь к кораблям колесницы и коней тех, кого он поразит. Восемь знатнейших троянских юношей пали уже от его копья. Тогда Эней, храбрейший из троянских князей, поспешил к юному Пандару, искусному стрелометателю, и сказал ему:

«Пандар! где твой лук и твои никогда не дающие промаха стрелы? Смотри, теперь должен ты поддержать свою славу, так как вон там свирепствует сильный муж, поразивший уже многих, и никто из наших не может одолеть его».

«Это сын Тидея, Диомед, — возразил Пандар. — С ним, должно быть, сам бессмертный бог, потому что стрела моя попала уже раз в него, алая кровь брызнула из раны, а он снова на поле битвы и размахивает копьем, как будто с ним ничего и не случилось. О, нет! в него я не хочу снова метить. Сражаться с богами приносит несчастье. К тому же я здесь один, у меня нет колесницы, хотя отец и советовал мне взять ее при отъезде. У нас, говорил он, стоит их одиннадцать и каждая запряжена превосходными конями. Возьми одну из них, — она тебе пригодится. Но я пожалел коней, ибо они привыкли дома к обильному корму; в Трое же, подумал я, даже люди будут терпеть недостаток в пище, так как их там много соберется. О! я желал бы лучше вернуться домой потому, что какую помощь могут мне оказать здесь мой лук и мое прославленное искусство? Я пускаю мои стрелы метко, но они никого не убивают. Я только раздражаю свирепость неприятеля. Как только вернусь домой, то тотчас же брошу в огонь все эти ничтожные доспехи!»

«Нет еще, — сказал Эней. — Испробуем прежде еще раз наше оружие против страшного убийцы! Садись со мной в мою колесницу; ты должен полюбоваться на моих коней. Возьми вожжи в руки; я же буду ждать, чтобы вступить в бой».

«О нет, Эней! — возразил Пандар. — Правь лучше уж ты сам. Известно, что всякий лучше сумеет править своими конями; когда Диомед станет преследовать нас, а кони не будут меня слушаться, то я погублю нас обоих. Когда же он будет близко, то я встречу его остроконечным копьем».

«Как хочешь», — отвечал Эней и взял его на свою колесницу. Затем он пустил коней и помчался прямо навстречу Диомеду, стоявшему как раз в это время на своей колеснице и высматривавшему себе противника. Конями его правил друг его, Сфенел. «Смотри! — воскликнул этот последний. — С какою яростью мчатся на нас эти двое; я сворочу в сторону, потому что они кажутся мне сильны, отважны и храбры; ты же утомился от продолжительной битвы, и тебя стесняет ноющая рана».

«Молчи! — воскликнул Диомед. — Не в моем обычае отступать в бою. Мне давно уже наскучило стоять здесь на колеснице без дела. Я соскочу на землю и думаю, что ни один из них не ускользнет от меня. Поезжай за мной и, когда я их поражу, проворно соскочи, привяжи вожжи к колеснице и завладей их конями. Посмотри, что за чудные кони! Они прекраснейшие на всем поле».

Подскакав на быстрых конях, Пандар пустил копьё; оно попало в щит царя, и медное острие прошло насквозь. Думая, что он поразил, Пандар с торжеством воскликнул: «Наконец-то я понял, как следует! Надеюсь, что теперь конец твой близок». Но Диомед вскричал: «Нет, я еще не поражен; ты промахнулся! Посмотрим, как-то ты избежишь смерти!» И страшное копьё Диомеда с такой силой полетело в лице Пандару, что острие его прошло насквозь, и Пандар без чувств упал на землю. Эней щитом и копьем защитил его, заботясь лишь о том, чтобы ахейцы не вырвали у него убитого друга и не предали бы тела его грабежу и позору. Тогда Диомед, не имея уже более в руках никакого копья, поднял с земли тяжелый камень и так сильно бросил им Энею в ногу, что этот последний со стоном опустился на одно колено и уперся в землю правой рукой. Он бы так и погиб, если б богиня Афродита, родившая его от Анхиза, не распростерла над ним светло-серебристой одежды своей и тем не защитила бы его от удара врага и не удалила бы его с поля битвы. Но прекрасных коней она не могла спасти; Софнел увел их, передал одному верному слуге, который и привел их в стан.

Менелай и брат его Агамемнон стояли недалеко друг от друга и следили за шумным движением, происходившим на обширной равнине. Со стороны троян мчалась к ним колесница, а на ней стоял Адраст, троянский юноша. Не будучи в состоянии сдерживать взбесившихся коней, он был внезапно сброшен ими на землю. Не успел он

еще прийти в себя от испуга, как Менелай бросился на него с копьем и готовился пронзить его. Тогда беззащитный обнял ему колени и так умолял его:

«Возьми меня в плен, сын Атрея, не убивай меня! Послушай! отец мой богат и наверно даст тебе богатый выкуп, когда услышит, что я еще жив и нахожусь у тебя в стане».

Менелай был тронут. Он уже готов был обратиться к своим спутникам в намерении передать им пленника, как к нему быстро подбежал Агамемнон и сердито закричал своему мягкосердечному брату: «Какая к ним жалость! Они такие злодеи! Подумай, какой позор нанесла Троя продолжительной войной твоему дому и всем нам! Нет, никто из этого вероломного племени не должен уйти от нас! Даже детей в утробе матери не следует шадить! Долой его! Он не должен жить!»

Менелай отвернулся, а жестокосердый брат его вонзил копье в колено преклоненного насквозь так, что Адраст, изгибаясь в предсмертных судорогах, упал навзничь. Тогда Агамемнон наступил ему на грудь и вытащил из нее копье, чтобы пустить его в кого-нибудь другого.

Между тем Диомед, жаждавший новой битвы, оглядывал обширное поле. На него устремился воин, которого он ни разу еще не видал. По великолепному вооружению, высокому росту и величественной осанке он показался ему занимающим первое место между троянцами. То был Г л а к, сын Ипполоха, только что прибывший из Ликии. Когда они приблизились друг к другу на полет стрелы, то остановили коней своих, и Диомед закричал своему противнику: «Кто ты, именитый муж? Ни разу еще не видал я тебя до настоящего времени на этом многолюдном поле сражения. Ты, наверно, искусный воин, если так отважно идешь навстречу моему мощному оружию, к которому никто еще не приближался безнаказанно. Если ты бог, то я не желаю с тобой сражаться. Если же ты человек, подобно мне, и питаешься плодами земными, то поспеши навстречу смерти!»

Главк отвечал: «Сын Тидеев! род мой достолавен. Предки мои были аргивяне и царствовали в Эфире. От Сизифа произошел Главк, а от него знаменитый Беллерофонт. Он отправился в Ликию, чтобы поддержать тамшнего царя в войне его с воинственными солимянами. Ликийцы почтили его подарками, а царь отдал за него замуж свою дочь и разделил с ним свое царство. От Беллерофонта родились два сына: Исандр и Ипполох. Первый из них умер, другой же еще жив, и я с гордостью называю его отцом своим. Он послал меня в Трою помогать стесненному царю и крепко увещевал меня всегда быть храбрейшим, впереди других и никогда не срамить рода предков. Вот почему твой грозный взор не устрасил меня и почему я желаю сразиться с тобой».

«Нет, этого не будет! — воскликнул радостно Диомед и воткнул свое копье в землю. — Ты для меня приятный гость. Дед мой Эней двадцать

дней угощал в своем доме славного Беллерофонта, и на прощанье они обменялись подарками в воспоминание своей дружбы. Эней дал ему червленый пояс, а Беллерофонт, уезжая, оставил деду золотой кубок. Я сохраняю его до сих пор и часто рассматриваю его. Итак, ты гость мой в Аргосе, а я твой, если когда-нибудь приеду в Ликию. Будем же отныне избегать кровавой между собой встречи. Довольно останется врагов: для меня — троянцев, а для тебя — греков. В знак же взаимного союза поменяемся оружием, пусть все видят, как мы гордимся дружбой наших предков».

Тут оба они соскочили с колесниц, от души пожали друг другу руку и поменялись оружием. Главк потерял при обмене, так как его оружие было золотое и, как говорит Гомер, стоило сто быков, а оружие Диомеда было медное и стоило только девять быков. Но Главк не придавал этому никакого значения и совершил обмен с радостью. Затем они еще раз поклялись в дружбе и быстро разъехались в разные стороны.

Прощание Гектора с Андромахой

Он¹ приближался уже, протекая обширную Трою,
К Скенским воротам (через них был выход из города в поле);
Там Андромаха, супруга, бегущая в встречу, предстала,
Отрасль богатого дома, прекрасная дочь Гетиона:
Сей Гетион обитал при подошвах лесистого Плака,
В Фивах Плакийских, мужей киликиан властитель державный;
Оного дочь сочеталась с Гектором медно-доспешным.
Там предстала супруга; за нею одна из прислужниц
Сына у персей держала, бессловного, вовсе младенца,
Плод их единый, прелестный, подобный звезде лучезарной.
Гектор его называл Скамандрием; граждане Трои —
Астианаксом: единый бо Гектор защитой был Трои.
Тихо отец улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
Подле него Андромаха стояла, лиющая слезы;
Руку пожала ему, и такие слова говорила:
«Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! Ни сына
Ты не жалеешь младенца, ни бедной матери; скоро
Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
Вместе нападши, убьют! а тобою покинутой, Гектор,
Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады,
Если, постигнутый роком, меня ты оставишь: удел мой —
Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной!
Старца отца моего умертвил Ахиллес быстроногий,
В день, как и град разорил киликийских народов цветущий,
Фивы высоковоротные. Сам он убил Гетиона,

¹ Гектор.

*Прощание Гектора с Андромахой.
Из «Илиады» Гомера, иллюстрированной Фр. Преллером.*

Но не смел обнажить: устрасался несчастья сердцем;
Старца он предал сожжению вместе с оружием пышным.
Создал над прахом могилу, и окрест могилы той улымы
Нимфы холмов насадили, Зевса великого дщери.
Братья мои однокровные — семь оставалось их в доме —
Все, и в единый день, преселились в обитель Аида:
Всех злополучных избил Ахиллес, быстроногий ристатель,
В стаде застигнув тяжелых тельцов и овец белорунных.
Матерь мою, при долинах дубравного Плака царицу,
Пленницей в стан свой привлек он, с другими добычами брани;
Но даровал ей свободу, приняв неисчислимый выкуп;
Феба ж и матерь мою поразила в отеческом доме!
Гектор, ты все мне теперь: и отец, и любезная матерь,
Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный!
Сжался же ты надо мною, и с нами останься на башне,
Сына не сделай ты сирым; супруги не сделай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы: там наипаче
Город приступен врагам, и восход на твердыню удобен:
Трижды туда приступая, на град покушались герои,
Оба Аякса могучие, Идомей знаменитый,
Оба Атрея сыны и Тидид, дерзновеннейший воин:
Верно, о том им сказал прорицатель какой — либо мудрый,
Или, быть может, самих устремляю их вешее сердце».
Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
«Все и меня то, супруга, не меньше тревожит; но страшный
Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой,
Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.
Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
Храбро всегда, меж троянами первым, биться на битвах,
Доброй славы отцу и себе самому добывая!
Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью, и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама.
Но не столько меня сокрушает грядущее горе
Трои, Приама родителя, матери дряхлой Гекубы,
Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих и храбрых,
Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных,
Сколько твое! как тебя аргавянин медью покрытый,
Слезы лиющую, в плен повлечет и похитит свободу!
И невольница, в Аргосе, будешь ты ткать чужеземке;
Воду носить от ключей Мессеиса или Гипперя;
С ропотом горьким в душе; но заставит жестокая нужда!
Льющую слезы тебя — кто-нибудь там увидит и скажет:
«Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах
Всех конеборцев троян, как сражались вокруг Илиона!»
Скажет, — и в сердце твоём пробудится новая горесть:

Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы от рабства!
Но, да погибну, и буду засыпан я перстью земною,
Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой услышу!»
Рек, — и сына обнять устремился блистательный Гектор.
Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
С криком припал, устрашая любезного отчего вида;
Яркою медью испуган и гривой косматого гребня,
Грозно над шлемом отца всколебавшейся конскою гривой.
Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
Шлем с головы не медля снимает божественный Гектор,
На земь кладет его пышно блестящий, и на руки взявши
Милого сына, целует, качает его, и поднявши,
Так говорит, умоляя и Зевса и прочих бессмертных:
«Зевс и бессмертные боги! о, сотворите, да будет
Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди граждан
Так же и силою крепок, и в Трое да царствует мощно.
Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего вида:
«Он и отца превосходит! И пусть он с кровавой корыстью
Входит, врагов сокрушитель, и радует матери сердце!»
Рек, и супруге возлюбленной на руки он полагает
Милого сына; дитя к благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супруг умилился душевно,
Обнял ее и, рукою ласкающий, так говорил ей:
«Добрая! сердца себе не круши неумеренной скорбью.
Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
Но судьбы, как я мню, не избеги ни один земнородный,
Муж ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится.
Шествуй, любезная, в дом; озаботься своими делами;
Тканьем, пряжей займися, приказывай женам домашним
Дело свое исправлять; а война — мужей озаботит
Всех, наиболее ж меня, в Илионе священном рожденных».
Речи окончивши, поднял с земли бронблещущий Гектор
Гривистый шлем; и пошла Андромаха безмолвная к дому,
Часто назад озираясь, слезы ручьем проливая.

Перевод Гнедича

Все еще негодуя на малодушие своего брата и желая смыть с троянцев позор, Гектор торжественно требовал у неприятеля выслать из среды его противника, с которым он от лица своего народа желал решить войну единоборством. Греки, весьма смущенные вызовом столь сильного мужа, по совету Нестора, определили назначить единоборца по жребию. Жребий пал на Аякса-старшего, с острова Саламина. Аякс хвастливо воскликнул: «Видишь Гектор! у греков есть еще люди, не боящиеся твоего вызова. Я только один из многих. Итак, в бой!»

«Не думаешь ли ты испытать меня своим упорством, сын Теламона? — возразил Гектор. — Не заблуждайся: я опытен в ратном деле; пеший и на колеснице настигаю я убегающего врага, и мои подвиги подтверждают слова мои. Теперь, храбрый воин, остерегись. Я не хочу напасть на тебя врасплох, но желаю сразиться с тобою открыто».

Сначала они бросили друга в друг дротиками, но они ударились о щиты. Потом они старались пронзить один другого копьями, но щиты снова отразили удары. Тогда они схватились за камни, но и тут щиты явились защитой. Наконец Гектор хотел испытать единоборство, в ко-

*Ахиллес вооружается к битве.
С античного барельефа на вилле Боргезе в Риме.*

тором его превосходная сила, наверное, одержала бы победу, если бы в дело не вмешались греки. «Остановитесь! — воскликнул вестник. — Бой кончен! Вы оба храбрые воины и любимы Зевсом, мы все это видели. Наступает ночь, и следует ей покориться».

Аякс, все еще зорко наблюдавший за действиями Гектора, отвечал вестнику: «Хорошо, друг мой, уговори и его остановить бой. Он начал битву, и если не желает продолжать ее, то и я на это согласен».

Гектор возразил: «Аякс, ты выказал себя в бою вполне мужественным, и только боги могли наделить тебя такой силой и осмотрительностью. Отдохнем теперь от битвы, а завтра снова возобновим ее. Смот-

ри, ночь уже наступает. Иди к кораблям и садись с твоими за трапезу. Я же возвращусь в город, где утраченные жены молят за меня в храмах богов. Но прежде почтим друг друга достойными дарами. Пусть греки и троянцы скажут: смотрите, они долго единоборствовали и расстались друзьями».

С этими словами он подал ему свой прекрасной работы меч в ножнах на красивой перевязи, а Аякс, в свою очередь, подарил ему свой червленый пояс. Так расстались они, и каждое войско сопровождало своего героя радостными восклицаниями.

Главной причиной медленного хода войны была ссора между Агамемноном и Ахиллесом из-за обладания одной захваченной в добычу рабыней — прекрасной Бризеидой. Вследствие этой ссоры Ахиллес в течение многих месяцев не принимал никакого участия в военных действиях. Только тогда, когда лучший друг его, Патрокл, был убит Гектором, воспрянул этот лев на погибель врагов. Он был ужасен в битве. Одного врага за другим пронзало медное копьё его; других он настигал своей быстротой. Он один внушал троянцам более страха, чем все остальные греки, вместе взятые. Но Ахиллес до тех пор не мог насытиться кровью убитых врагов, пока не совершил мести над убийцей своего друга. Его искал он повсюду, по всему обширному полю сражения, но Гектор уклонялся от него целый день. Только вечером, когда колесницы троянцев возвращались в город, собрался он с духом и решился ждать ужасного Ахиллеса.

Наконец показался Ахиллес и, заметив предмет своей ярости, испустил потрясающий крик восторга. Напрасно храбрый Гектор ободрял себя всем, что могли ему внушить разум и чувство чести; вид разъяренного противника заглушил в нем всякое мужество, и, не сознавая сам, как могло то случиться, он обратился в бегство. Как голубь, преследуемый ястребом, неся он вокруг городской стены, но Ахиллес, испуская радостные крики, быстро следовал по пятам его. Напрасно бросался Гектор то вправо, то влево, чтобы утомить своего преследователя. Три раза обежал за ним Ахиллес вокруг города. Наконец изнеможенный Гектор остановился и закричал своему противнику:

«Стой, сын Пелея, дальше не побегу от тебя! Я хочу здесь остановиться. Или я убью тебя, или паду сам. Но заключим прежде пред всевидящими богами условие, что победитель не надругается над телом павшего врага!»

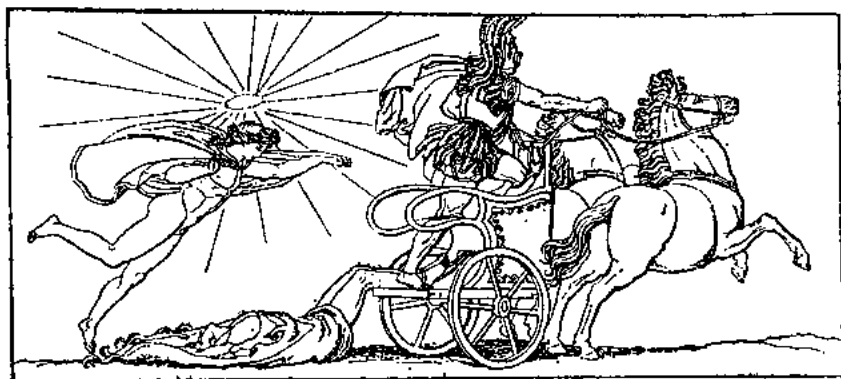
«Между нами не может быть никаких условий! — воскликнул Ахиллес. — Разве лев вступает в переговоры с людьми, а волк с агнцами? Помышляй лучше о битве. Надеюсь, что теперь ты не уйдешь от меня».

С этими словами он напал на него. Но Гектор быстро опустился на одно колено и тем избежал страшного копья, упавшего далеко позади его на песок. Вскочив на ноги, он радостно воскликнул: «Мимо, богоподобный Ахиллес! Теперь защити свою грудь, тщеславный болтун!»

С необычайным громом копьё Гектора ударило в щит Ахиллеса. Но щит этот был непроницаем, и Ахиллес, в то время как Гектор гото-

вился схватиться за свой короткий меч, быстро воспользовался копьем, как единственным оружием, и несчастный Гектор, пораженный в горло собственным своим оружием, упал без чувств к радости всех греков, стоявших кругом и следивших за ужасной битвой.

Умирая, Гектор повторил свою просьбу не надругаться над его телом. Но Ахиллес был недоступен состраданию. Он проколол Гектору ноги между пятками и лодыжками, проткнул сквозь них ремень и привязал его к задней части своей колесницы. Так поволок он тело Гектора мимо городских ворот, к невыразимой скорби старого отца его и прочих троянцев, стоявших на стенах, и понесся с ним по пням и камням в стан, где обезображенное и забрызганное кровью и пылью велел выбросить в открытое поле на съедение псам.

*Ахиллес, волокущий труп Гектора.
По Флакману (Weissers Bilderatlas).*

Только теперь решился он приступить к торжественному погребению тела своего друга Патрокла. Его он хотел так почтить, как никогда не был почтен ни один друг, для чего и пригласил всех греков на это торжество. Был воздвигнут большой костер. Посреди его положили чисто омытый труп Патрокла, а вокруг него трупы двенадцати пленных троянцев, которых Ахиллес взял в плен, связал вместе и собственноручно убил теперь на могиле своего друга. Находясь еще в гневе, он не сжег при этом тела Гектора, так как не хотел почтить его сожжением. Когда костер сгорел, кости друга были вынуты из золы, перемешаны с жиром, положены в золотую урну и закопаны под высоким могильным холмом.

Затем Ахиллес устроил в честь своего друга на его могиле воинские игры и назначил победителям дорогие награды (невольниц, коней, мулов, котлы, чаши, кубки, золотые слитки, латы и т. п.). Игры состояли из ристания на колесницах, бега, единоборства, бросания в цель, метания копья и кулачного боя. Все произошло в порядке и ко всеобщему удовольствию. Но скорбное чувство Ахиллеса нисколько не было всем

этим утишено. Не будучи в состоянии заснуть ночью, он вышел из своего стана, заложил свою колесницу и обволок труп Гектора еще три раза вокруг могилы своего друга.

Между тем дом Приама обратился в место плача и стенаний. Наконец престарелый отец не мог долее переносить мысли, что его славный сын после своей смерти, как какая-нибудь падаль, должен истлевать в поле и служить добычей птицам и псам. Уже один религиозный обычай того времени требовал почетного погребения мертвых, так как тогда веровали, что иначе душа не найдет успокоения в царстве теней.

*Приам у ног Ахиллеса.
По Генелли.*

Сновидение побудило, наконец, старца отважиться на отчаянное предприятие: отправиться самому ночью к Ахиллесу и потребовать у него возвращения тела. Он вынул из своих сундуков десять талантов золота, четыре золотых чаши, два котла с треножниками, один красивый кубок, двенадцать блестящих праздничных одежд и столько же шерстяных покрывал, сложил все это на свою колесницу и с наступлением ночи отправился вместе с верным служителем своим, Идем, в стан греков. Гермес — вестник богов — покровительствовал ему во всю дорогу тем, что ослепил врагов так, что они ничего не видали. Приам счастливо прибыл к шатрам мирмидонян. Он нашел Ахиллеса сидящим еще за столом, за вечерней трапезой, с опущенной на руку головой и погруженным в горестные размышления. Войдя, он тотчас же весь в слезах бросился к ногам героя и, рыдая, заговорил:

«Богopodobный Ахиллес! подумай о своем отце, который, подобно мне, томится у себя дома, старый и немощный. Может быть, и на него нападают теперь соседи, и нет никого, кто бы защитил его. Но он знает, что у него жив еще, хотя и далеко, любимый, знаменитый сын, с возвращением которого прекратятся все его невзгоды. Надежда эта утешает старца, и сладкую мысль о ней повторяет он себе ежечасно. Я был счастливейшим отцом; я вырастил пятьдесят сыновей, и девятнадцать из них были от одной матери. Они были моей радостью и гордостью. Но вот вы пришли сюда, и беспощадная война похитила их у меня почти всех, одного за другим. Теперь пал лучший, бывший нам единственной защитой. Ах! я не могу уже умолять о его жизни, но возврати нам тело его. Подумай, как плачут дома жена, мать и сестры его, а я, отец его, — здесь, у твоих ног. Отдай мне его, я принес тебе богатые дары! Побойся богов! Подумай, если твоему старому отцу придется также стоять на коленях перед юношей! А я — о верх злополучия! — я целую руку, поразившую моих детей!»

Против таких слез и речей не устоял Ахиллес; ласково нагнулся он к старцу, поднял его, выразил сожаление о его бедствии и похвалил мужество Гектора. Затем он вышел из шатра посмотреть дары и тайно приказал невольницам омыть тело Гектора и завернуть его в чистое полотно. Потом он сам положил его в колесницу, на разостланную подстилку, погрузился на несколь-

Перенесение тела Гектора на костер. С античного барельефа (Вилла Боргезе в Риме).

ко минут в глубокое раздумье и наконец произнес: «Не ропщи на меня, Патрокл, когда, может быть, узнаешь в жилище Аида, что я возвратил горестному отцу тело твоего убийцы! Вот он принес мне достойный выкуп, и должная часть его будет посвящена тебе».

Затем он выбрал из своей добычи жирную овцу и вернулся с нею в шатер. «Ну, радуйся, старец — сказал он, — твой сын выкуплен и лежит уже в колеснице, завернутый в мягкое полотно. Теперь подумаем о трапезе и оживим наши сердца. Я также оплакиваю в душе твоего благородного сына, ибо он достоин слез». Затем он перерезал горло овце, слуги сняли

*Диомед и Одиссей замышляют похищение Палладиума.
С мраморного барельефа во дворце Спада в Риме.*

шкуру, разрезали мясо на куски, изжарили его на копьях и положили на стол. Автомедон вынул из корзины хлеб, они принялись за трапезу и на время забыли о своем горе. Во время трапезы они старались ближе ознакомиться друг с другом. Старец любовался величественной наружностью страшного вонтеля, а Ахиллес, со своей стороны, с удовольствием и глубоким уважением глядел на благородное лицо и величественную осанку царя и внимал его разумным речам. Окончив трапезу, старец на несколько часов предался отдыху, так как почти четыре дня не смыкал глаз. Но еще прежде восхода солнца он поспешно приказал заложить своих коней для того, чтобы в греческом стане никто их не заметил. Ахиллес спросил его, сколько дней понадобится ему на погребение сына, обещаясь во все

это время не совершать нападения. «О, Ахиллес! — отвечал Приам. — Если ты хочешь почтить нас, то дай нам девять дней, чтобы оплакать умершего и подготовиться к его погребению. На десятый день мы предадим тело сожжению, на одиннадцатый соорудим гробницу, а на двенадцатый начинай снова войну, если только война неизбежна».

Ахиллес согласился на все и отпустил старца, который поспешил в город, где и был встречен радостными криками, так как троянцы, и не без основания, опасались за его жизнь. Девять дней продолжался

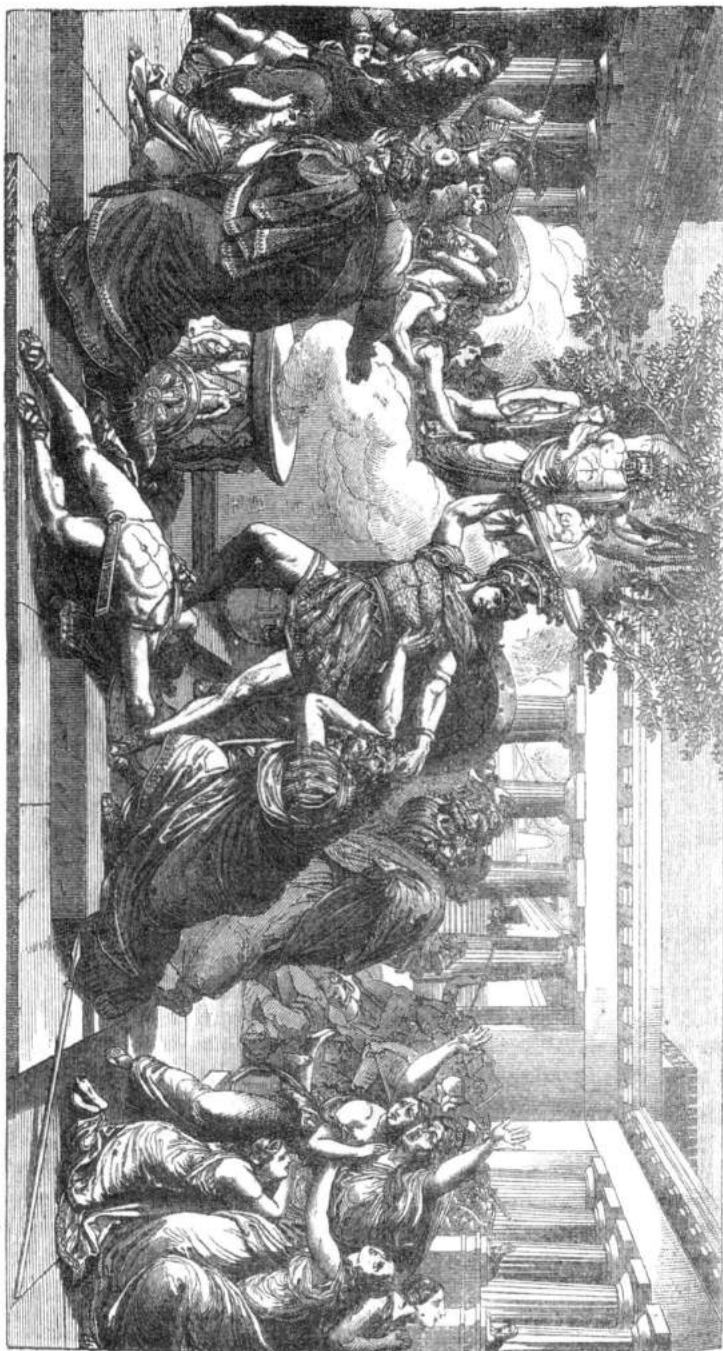

*Лаокоон и сыновья его.
С античной группы в Ватикане.*

воплъ плачущих жен, на десятый день тело Гектора было предано сожжению. Пепел и кости его собрали и положили в золотую урну и воздвигли в честь его за городом высокий могильный холм. Ни один грек не нарушил печального торжества, заключившегося пиром во дворце, причем богам были принесены установленные жертвы.

Но и мощный Ахиллес нашел свою смерть под стенами Трои. Парис поразил его стрелой¹. За вооружение Ахиллеса между Одиссеем и

¹ О неуязвимости Ахиллеса Гомер ничего не говорит, но, по сказанию преданий, мать его, Фетида, выкупала его в Стиксе, и Ахиллес в пятке, за которую она его держала, остался уязвим.

Смерть Приама. П. Бенвенути.

Аяксом Саламинским возгорелся страшный спор. Оно было присуждено Одиссею. Аякс принял это за оскорбление, сошел с ума и лишил себя жизни. Это печальное происшествие послужило содержанием трагедии Софокла, носящей название «Неистовый Аякс».

Наконец город был взят, благодаря хитрости Одиссея. Подвиг этот он совершил вместе с Диомедом. Переодетые, они пробрались в Трою и похитили Палладиум (древнюю статую богини Паллады — покровительницы города), с обладанием которой было сопряжено благоденствие города. По совету же Одиссея была сооружена деревянная лошадь. После того, как в нее спрятались тридцать героев, она была оставлена в стане, а греки сделали вид, что хотят удалиться. Троянцы, несмотря на предостережение Лаокоона, жреца бога Аполлона, ввезли «дар Данаев» в город для посвящения его богам, вполне успокоенные страшной судьбой, постигшей Лаокоона, который во время жертвоприношения на берегу моря был задушен вместе с двумя своими сыновьями двумя вышедшими из моря змеями¹. В следующую затем ночь герои вышли из лошади, отворили городские ворота и впустили греков. Началась страшная резня и грабеж. Приам пал у алтаря Зевса. Бесчисленное множество пленных было уведено в рабство, в том числе и «неутешная» Гекуба с ее дочерьми; красивейшая из них, прорицательница Кассандра, предвозвестившая окончательное падение Трои, была схвачена Аяксом Локридским у алтаря и притащена в добычу Агамемнону (См. «Кассандра» Шиллера). Главная виновница бедствия — Елена находилась в доме Дейфоба (супруга ее по смерти брата его Париса); Менелай, снова прельщенный и покоренный ее красотой, взял ее к себе. Эней вынес своего отца, Анхиза, на собственных своих плечах из пылавшего города и должен был спастись бегством в Италию.

Возвращение греков по разорении Трои

Разрушителям Трои на обратном пути пришлось перенести еще большие бедствия. Уже при самом отправлении между предводителями возник спор о возвратном пути. Вследствие этого они разделились и направились в разные стороны. Бесперывные бури уничтожили корабли, и больше половины союзного войска погибла; некоторые же были так далеко отнесены от цели путешествия, что попали в неведомые моря, даже к берегам Африки и Сицилии, блуждали многие годы и должны были вынести невыразимые бедствия. Большая часть, вместо радостной встречи, нашла у себя дома беспорядок и несчастья. Так случилось с Агамемноном. Во время его отсутствия супруга его, Клите-

¹ Сравни прекрасные, существующие еще до сих пор, «группы Лаокоона» — замечательное произведение искусства Агезандра, Атенодора и Полидора Родосских, открытое в 1506 году в одном винограднике близ Рима. Сочинение Лессинга «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии».

те м не с т р а, вышла замуж за Эгиста. Эгист не пожелал возвратить ни жены, ни государства, и нарушительнице супружеской верности из страха ничего более не оставалось делать, как принять участие в его планах. Они положили, тщательно скрыв свой замысел от Агамемнона, принять его как можно ласковее и убить в самый день его прибытия, в то время, когда он, усталый от путешествия, по обычаю греков, будет освежать себя теплой баней. Несчастный, ничего не предчувствуя, вступил в давно желанное жилище, и в ту самую минуту, когда, желая выйти из бани, попросил себе чистую одежду, Клитемнестра, как бы нечаянно, накинула ее ему на голову, а скрытый за дверьми Эгист выскочил и разрубил топором череп Агамемнону¹.

Бессмертные певцы, прославившие через несколько веков подвиги греков под стенами Трои, изобразили в увлекательных стихах и трудности обратного пути их, руководствуясь при этом, как и в первом случае, живыми народными преданиями. Стихотворения об обратном путешествии героев назывались н о с т а м и (обратный путь). Из них вполне сохранилось только одно под именем «Одиссеи», приписываемое совершенно справедливо Гомеру. Оно заключает в себе описание удивительных странствований Одиссея и, независимо от неосцененных поэтических достоинств, может быть признано верной картиной образованности, образа жизни и географических познаний того времени, почему и представляет для историка особенно важное значение.

Сперва героя прибило к африканскому берегу, на котором рос такой сладостный лотос, что очарованные им сопровождавшие Одиссея люди не хотели его покинуть. Потом бури загнали Одиссея в Сицилию, к людоедам-исполинам, называвшимся циклопами; отсюда попал он на остров, обитаемый волшебницей Ц и р ц е е й, обратившей спутников его в свиней. Потом, достигнув конца земли, он сходит в подземный мир и говорит с тенями своей матери и друзей; затем он переплывает обратно в Сицилийском проливе опасный водоворот Сциллу и Харибду, изображенный в виде ужасных чудовищ с длинными руками, которыми они хватили спутников Одиссея и бросали их в свои пасти. Потом он приплыл к острову сирен. То были чудовища, наполовину женщины, наполовину рыбы, скрывававшиеся под водой, куда они заманивали к себе проезжавших своим сладостным пением. Предупрежденный заранее, Одиссей заклеил воском уши своим спутникам, а самого себя приказал привязать к мачте. Так избежал

¹ Десять лет спустя сын убитого — Орест явился его мстителем. Умная сестра его, Электра, давно уже тайно отправила его с верным слугой в Фокиду, к дяде своему Строфию, который и воспитал его вместе с сыном своим Пиладом. Дружба этих юношей обратилась в древности в пословицу. Выросши, они отправились в Микену, вступили под вымышленными именами в дом Эгиста и убили его и жену его, Клитемнестру. Но за это, по символическому выражению поэтов, Ореста, как матерубийцу, преследовали фурии и только тогда оставили в покое, когда сама Афина на совете афинских судей, на котором оказалось одинаковое число белых и черных камешков, спасла его, подкинув один белый камешек.

он обольстительного соблазна. В другой раз Зевс раздробил его корабль молнией; все спутники Одиссея утонули в море, а сам он, уцепившись за плывущее дерево, носился без пищи девять дней, пока на десятый день после ужасной ночи не был выброшен волной на остров Огигию, где прекрасная нимфа К а л и п с о приняла его ласково, сердечно обрадовавшись, что наконец дождалась себе супруга, которого так давно желала.

Принадлежа к низшим божествам и обладая поэтому сверхъестественной силой, она обещала своему гостю бессмертие и вечную юность,

*Цирцея превращает в свиней спутников Одиссея.
По Генелли.*

если он останется с нею навсегда. Но Одиссей ежедневно с утренней зарей уходил на берег к шумящему морю, садился на землю, погружался в думы о своей верной супруге и сыне и в страшной тоске по ним проливал горькие слезы. Хотя бы издали желал он увидеть еще раз голубые горы своего родного острова, хотя бы полюбоваться дымом, вьющимся над хижинами его, и затем умереть! Семь лет продержала нимфа Одиссея в своей скалистой пещере и только по прошествии этого времени, по велению богов, отпустила его.

Тогда Одиссей построил плот из срубленных им самим сосен, поместился на нем и пустился один в неведомые моря на этом ненадежном судне. Семнадцать дней не видал он никакой земли, ничего, кроме неба и моря. Наконец на восемнадцатый день заметил он вдали остров феаков — С х е р и ю. Но прежде чем добраться до него, ему

*Одиссей и сирены.
По Гензели.*

пришлось выдержать еще одну бурю, разбившую его плот. Плывая, он боролся с неистовыми волнами и наконец счастливо достиг берега. Здесь, на ложе из сухих листьев, отдохнул он двадцать четыре часа от своих непомерных трудов. Затем он нашел добрых людей, обмывших и одевших его, представился радушно принявшему его царю феаков и, наконец, на прочном корабле с искусными гребцами отправился на родину.

Вот сухой и краткий перечень поэмы. Из нее мы приводим здесь подробнее сцены, которые ясно рисуют нравы и образ мыслей того времени.

Сцены из Одиссеи

а) Одиссей в царстве теней

Вооружась советами волшебницы Цирцеи, герой нашел край земли, где находится вход в подземный мир. Он привязал свой корабль, сошел на берег и вышел на обширную равнину. Здесь вырыл он яму, принес в жертву двух черных овец и дал крови стечь в яму. Тотчас явилась целая толпа воздушных теней, «призрачных образов», по выражению Гомера. Только один слепец Тиресий, бывший некогда мудрым прорицателем в Фивах, сохранил в награду и в подземном мире дар понимания и речи. Он первый выступил вперед со своим золотым прори-

*Одиссей в подземном мире.
По Генелли.*

цательским жезлом, выпил крови из ямы и обратился к Одиссею с предсказанием. За ним теснилось множество других теней старцев и детей, женщин и девиц, и просило также испить крови, но Одиссей, по совету Цирцеи, удалил их мечом. Вдруг заметил он между ними тень своей матери. «О, Тиресий! — воскликнул он. — Ведь это моя мать, но она, кажется, не узнает меня. Могу ли я беседовать с нею?»

Тиресий отвечал: «Если ты хочешь расспросить кого-либо из духов, то дай ему испить крови, и тогда к нему вернутся разум и дар слова. Кто же не выпьет крови, тот снова исчезнет, не произнеся ни одного слова».

Одиссей тотчас же подвел возлюбленную мать свою к крови, и она, испив ее, с радостным изумлением узнала своего сына. От нее узнал он, что отец его, супруга и сын еще живы, но что она сама, как нежная мать, умерла с горя. Тут призвал он тени друзей своих: Агамемнона, Ахиллеса, Патрокла и Аякса, дал им испить крови и заставил рассказать их о том, что с ними случилось. Они просили сообщить им о своих, но он не мог этого исполнить. Печально исчезли они после недолгой беседы.

Видел также Одиссей знаменитого героя древности — М и н о с а, который и здесь судил мертвых, и О р и о н а, продолжавшего заниматься охотой. Видел он также и страшные наказания, какие испытывались теми, которые некогда сопротивлялись богам. Данаиды наполняли водой бездонную бочку. Царь С и з и ф Коринфский был обречен втаскивать на гору огромный камень, который, лишь только дотаски-

вал он его с величайшим трудом до вершины горы, как в ту же минуту выскользнул из рук его и стремительно скатывался в самый низ. Там он стоял по горло в воде, а над головой его свешивались роскошнейшие плоды. Но когда он, мучимый вечной жаждой, наклонялся или хотел протянуть руку к плодам, вода тотчас же упала, а ветви подымались, и несчастный тщетно томился. Тут и он, непобедимый исполин, приблизившийся однажды с преступным желанием к Лете, лежал скованный на земле, и два коршуна постоянно клевали ему печень, которая, как у Прометея, ежедневно вновь вырастала. Вся эта обитель подземного мира имела мрачный и печальный вид, и Одиссей очень обрадовался, когда вышел из нее на землю и снова увидел яркий свет солнца.

б) Одиссей у феаков

Однажды, как уже рассказано было выше, плот героя был разбит, и он должен был искать спасения вплавь на одном острове. Усталый и совершенно обнаженный — ибо, чтобы легче было плыть, он бросил свою одежду в море, — вышел он на берег. Никого не видя вокруг, он направился к лесу и устроил в нем себе ложе из сорванных листьев. Он зарылся в него и покрыл свое тело до самого подбородка павшими листьями. В таком положении никто из мимоидущих не мог бы узнать в нем Одиссея — разорителя городов. «Так прячет, — говорит Гомер, — живущий одиноко на удаленном от всякого соседства поле земледелец горящую головню в куче пепла для того, чтобы на другой день, когда ему понадобится огонь, не ходить за ним далеко, а найти еще горящие уголья под золою».

На следующее утро случай привел сюда Навзикую — дочь феакского царя Алкиноя. Чтобы вымыть в реке загрязнившееся дорогое платье, упростила она царя, отца своего, позволить ей в это утро заложить колесницу и поставить в нее корзину. Когда служители все это исполнили, Навзикая положила в корзину тонкое шерстяное верхнее и нижнее платье своих братьев и длинные женские одежды, а мать дала ей еще маленькую корзинку с сладким пирожным, мех с вином и благоухающим маслом для умашения волос после купанья. Затем Навзикая села в колесницу, взяла в руки вожжи и ударила по коням; две прислужницы следовали за нею.

Они приехали к берегу светлой реки, поблизости которой находились небольшие ямки, наполнявшиеся из ручья водой. Они бросили в ямки платье, вскочили на него и стали мять ногами. Платье было вымыто и разложено для просушки на жарком солнце, на чистых камешках, по морскому берегу, между тем как отпряженные кони паслись поблизости. Девушки же выкупались, умастили себе головы и расположились на траве, чтобы приняться за легкий завтрак, привезенный в

корзинке. Потом, развеселившись, они сняли с себя покрывала и стали играть в мяч. Навзикая запела песню.

Наконец к вечеру платье высохло; его собрали, сложили в корзину и поставили в колесницу; заложили коней и начали готовиться к отъезду. Но тут Навзикае вздумалось пошутить с одной из девушек. Она бросила в нее мячом, но промахнулась; красивый же шерстяной мяч полетел далеко в воду. Тогда со стороны девушек раздался громкий крик; он был услышан недалеко лежавшим оттуда в сухих листьях Одиссеем — и разбудил его. Должно быть, здесь есть люди, подумал он. Проворно выскочил Одиссей из своего убежища, но чтобы не явиться во всей непристойности своей наготы, сорвал густую ветвь и прикрыл ею свое тело. Девушки, увидев незнакомца, покрытого приставшими к нему пожелтевшими листьями, с загрязненными морским илом руками и ногами, с криком убежали. Только одна смелая Навзикая осталась на месте и прислушалась к умоляющим речам, с которыми Одиссей обратился к ней в почтительном отдалении. Речь его показалась такой разумной, жалобы звучали столь трогательно, просьбы были так скромны и почтительны, что он, несмотря на свою странную внешность, понравился ей. Он просил ее указать ему дорогу в город и дать ему что-нибудь для прикрытия тела, хотя бы простыню, в которой завернуто было платье, и заключил свою просьбу следующими словами: «Да ниспошлют тебе боги мужа и дом по желанию твоего сердца и да благословят они вас на мир и согласие!»

Навзикая призвала испуганных девушек, долго еще звавших друг дружку, прежде чем решиться приблизиться, приказала им отвести чужеземца к месту купанья и дать ему склянку с маслом и одну из лучших одежд. Много времени употребил Одиссей, чтоб вымыться чисто-начисто, но зато, когда, выкупавшись и умастив свои волосы, он явился одетый в чистое платье, то предстал в таком преображенном виде, что молодые девушки не могли достаточно налюбоваться его благородной наружностью. Они дали ему из корзинки и меха остатки кушанья и вина, и когда он вполне подкрепил себя пищей, Навзикая села в колесницу, а ему велела следовать за собой с прислужницами. Приблизившись по цветущим, засеянным полям к городу, она посоветовала ему идти в город одному и другой дорогой для того, чтобы не привлечь внимания и не подать повода к нареканию, если бы увидели ее идущей по улицам с чужеземцем. Затем она описала ему дворец своего отца и дала всевозможные указания, как вести себя с ее родителями и двенадцатью второстепенными феакскими князьями, которых он, по всем вероятностям, там встретит. Затем она взмахнула кнутом и быстро поехала в город. Когда она въехала на двор, навстречу к ней вышли ее братья, сыновья царя, выпрягли лошадей и помогли ей внести корзину с платьем в комнаты.

Вскоре вошел в город и Одиссей. Он еще издали заметил в гавани много кораблей и тотчас догадался, что будет иметь дело с мореходным народом. Одна девица, шедшая с ведрами воды, указала ему дворец Ал-

киноя. Он вошел в него и был поражен невиданным им никогда великолепием. Зала, двери, столбы и замки, все, казалось, блистало золотом и серебром. Вокруг стен стояли сидалища, покрытые коврами; на них восседали феакские властители. Пятьдесят женщин прислуживали во дворце; одни из них вертели ручные мельницы, другие пряли и ткали. Сама царица сидела в большой зале рядом с царем у пылающего очага за пряхкой. По совету Навзикаи Одиссей обратился к ней первой. По обычаю просителей, он обнял ей колени и после краткого приветствия просил оказать ему ласковый прием и отправить его на кораб-

*Навзикая.
По Генелли.*

ле на родину. Затем в ожидании ответа он сел у очага в пепле, как следовало просителю.

Слова и осанка Одиссея понравились феакам, и так как им хорошо были известны обязанности гостеприимства и они были ревностными читателями богов, то они и приняли его с благосклонностью. Сам царь подошел к нему, протянул руку, помог встать с пепла и подвел к окованному серебром сидалищу, с которого велел встать собственному своему сыну. Затем вошла прислужница с прекрасным золотым кувшином с водой и серебряным умывальником, полила Одиссею на руки воды и поставила перед ним столик. Стеленная ключница положила на него хлеб, мясо и овощи, и прекрасный страдалец Одиссей мог вполне насытиться. Царь Алкиной приказал виночерпию смешать вино с водой (древние не пили иначе вина) и наполнить чаши присутствующих во славу Зевса — защитника просящих. Жертва была прине-

сена, то есть все вылили по нескольку капель на пол, а остальное выпили. Затем речь зашла о возвращении Одиссея на родину, и под конец двенадцать вельмож встали и отправились домой. Остались только Одиссей, царь и царица. Служительницы убрали столы и остатки кушанья.

Царица, давно уже заметившая, что тонкая шерстяная одежда на чужеземце принадлежит ей, спросила его об этом, и он рассказал ей историю своего кораблекрушения и похвалил доброту Навзикаи. Наконец царица велела прислужницам поставить в сенях кровать, положить на нее лучшие подушки, покрыть коврами, а вместо одеяла положить шерстяной плащ. Все это было исполнено. Прислужницы проводили чужеземца с факелом в сени; Алкиной же с супругой удалился в опочивальню, находившуюся во внутренности дворца.

Когда появилась Эос, «златоперстая богиня», прекрасная утренняя заря, царь повел своего гостя на площадь — место собрания феаков, — расположенную у гавани. Здесь находилось уже бесчисленное множество народа. Гость и царь сели рядом на прекрасно выглаженных камнях, и царь произнес речь, в которой предложил пятидесяти двум храбрейшим юношам снарядить большой корабль, чтобы выйти в море. При этом он обещал им угостить их перед отправлением в своем дворце и тут же пригласил к себе двенадцать вельмож, желая еще раз почтить чужеземца.

Во дворце начался шумный пир. Царь приказал заколоть двенадцать овец, восемь свиней и двух быков; виночерпий усердно исполнял свою должность. Был призван любимый певец, запевший после окончания стола под аккомпанемент арфы прежде всего и ко всеобщему удовольствию сказание о троянской войне. Часто произносилось имя Одиссея, но никто еще не подозревал, чтобы этот знаменитый муж находился так близко. Только тогда, когда герой во время пения закрыл свое лицо, царь заметил, что он, вероятно, принимал участие в опасной войне. Затем он приказал певцу замолчать и пригласил юношей устроить военные игры. Пирующие снова отправились на площадь, где сильные сыновья князей выказывали перед чужеземцем свое искусство и ловкость в кулачном бою, единоборстве, метании копий, прыганьи и беге.

В заключение Лаудамас, сын царя, вызвал героя на единоборство, но герой отклонил предложение под предлогом грусти и тоски по родине. Кто-то посмеялся над этой отговоркой и высказал мнение, что он, должно быть, не воин, а просто какой-нибудь постоянно путешествующий на корабле, некто вроде хозяина купеческого судна. Герой пристыдил его властной речью, сказал, что готов принять вызов всякого и при этом, ко всеобщему удивлению, так сильно метнул тяжелым каменным диском, что тот далеко перелетел за цель. Тогда никто уже не отважился более шутить над ним.

Игры прекратились, и певец запел веселую песню, под звуки которой некоторые юноши стали танцевать с удивительной ловкостью. Фе-

акские князья порешили между собой, что каждый из них должен подарить благородному и умному чужеземцу по платью, то есть по узкому исподнему и длинному и широкому верхнему, оба шерстяные и без рукавов. Насмешник также смиренно подошел к Одиссею и поднес ему в подарок в знак примирения свой меч с серебряной рукояткой и в ножнах из слоновой кости со следующими дружескими словами: «Не сердись, и если между нами случилась какая неприятность, то пусть буря развеет ее! О! да помогут тебе боги, после столь продолжительных бедствий, снова увидеть отечество и супругу».

Герой отвечал на такое пожелание также дружески, взял меч и опоясался им. К вечеру все воротились во дворец, где Одиссей получил все собранные подарки в дорогом ящике, который он вместо замка обвязал искусным узлом. Затем он был вызван ключницей, чтобы сходить в приготовленную для него служительницами теплую баню. Когда, умывшись и умастив себе волосы, он хотел снова идти в залу, то увидел добрую Навзикаю, стыдливо стоявшую у дверей. Так как в то время не было в обычае, чтобы молодые женщины и девицы участвовали в собраниях мужчин, то Навзикая, боясь не увидеть более понравившегося ей чужеземца, тайно сошла вниз из своей верхней комнаты, чтобы еще раз пожелать ему доброго пути. «Прощай, о чужеземец! — сказала она едва слышно. — И вспоминай иногда обо мне на своей родине». — «О Навзикая! — отвечал герой. — Ежедневно буду благословлять тебя, как богиню, в сердце моем: ты спасла мне жизнь, милая дева».

Когда он вошел в залу, то уже была роздана жареная свинина и подано вино, смешанное с водой. Чтобы еще более почтить гостя, ему подали большой жирный кусок, вырезанный из хребта. Певец снова запел о Трое, слушатели снова восхищались; один только Одиссей плакал. Царь приказал прекратить пение и только теперь спросил у гостя его имя и откуда он родом¹. Тогда герой начал рассказывать о своих приключениях, и слушатели были так изумлены, что в один голос просили его остаться у них подольше. Он согласился и получил зато в подарок от каждого вельможи, сверх прекрасного платья, еще по золотой чаше и по медному котлу с треножником. На следующее утро князья сами снесли все подарки на корабль, а Алкиной тщательно уложил их под скамьями гребцов. На прощанье во дворце был заколот еще бык, и бедро его, по тогдашнему обычаю, сожжено на алтаре в жертву Зевсу. Все присутствующие приносили жертву вином и пили его. Одиссей пожелал гостеприимцам своим всех благ и, выпив вина из чаши, передал ее благородной царице и с чувством сказал ей: «Будь всегда здорова, царица, пока не достигнут тебя старость и смерть, неизбежный удел каждого человека. Расстаюсь с тобою, преисполненный благодарности! Будь счастлива в этом дворце вместе с милыми твоими детьми, с народом и с Алкиноем, супругом твоим!»

¹ В то время с подобными вопросами были крайне осторожны, потому что предпочитали лучше угостить неузнанного врага, чем подвергать себя опасности нарушить, по обязанности родовой мести, священные права гостеприимства.

Одиссей вышел, за ним последовали три служительницы с кушаньем, вином и мягкими одеялами. Последними они покрыли подушки в кормовой части корабля и здесь же поставили кушанья. Герой лег на подушки и заснул; гребцы же, сидя на скамьях, рассекали веслами море. Была светлая ночь; корабль тихо скользил по гладкой поверхности, и спящий герой не знал, как быстро приближался он к милому отечеству.

в) Женихи Пенелопы

Милое отечество это, как сказано выше, был остров Итака, к западу от Акарнании. Здесь, как и в Схерии, господствовали многие князья, но главой их всех был Одиссей. Но так как он почти уже двадцать лет был в отсутствии, то на острове воцарился величайший беспорядок, и князья, в особенности молодые, неистовствовали с наглой дерзостью. Мать Одиссея умерла с горя, а престарелый отец, Лаэрт, жил вдали от города, в винограднике, почти сумасшедший и в совершенном расслаблении; благородная же супруга Одиссея, П е н е л о п а, проводила жизнь в слезах, оплакивая отсутствующего супруга и расхищение своего богатого дома. Беспрецедентное несчастье преследовало бедную женщину. Она была прекрасна, богата, умна и благонравна, и все это побуждало многих князей искать руки ее, так как никто уже не верил в возможность возвращения Одиссея. Князья требовали, чтобы благородная женщина вернулась к отцу своему и вышла бы замуж за того из них, кого сама выберет, остальные же уступят. Но Пенелопа продолжала все еще хранить в сердце своем образ благородного Одиссея, отвергала вступление во второй брак и тем еще более раздражала заносчивых искателей руки ее. «Хорошо же, — говорили они упрямо, — мы все-таки принудим тебя к этому. Каждый день мы будем пировать в твоём дворце, пользоваться твоими стадами и плодами и пить твое вино, пока ты не изъявишь согласия на наше желание».

И с этого дня обширный дворец Одиссея всегда был полон задорными бражниками, истреблявшими его добро и принуждавшими прислуживать себе его слуг и служанок. И когда сделалось известно, что в доме Одиссея всегда можно было найти веселое общество и свободный доступ в него, то охотников до пиров находилось все более и более; но хотя все они и величали себя «женихами», но ни один из них не походил на такого, который был бы достоин жениться на прекрасной Пенелопе. С самого острова Итаки женихов было двенадцать, с соседнего острова Дулихиона пятьдесят два, из Саме двадцать четыре и из Закинфа десять, и всех их сопровождали слуги, повара, вестники и певцы. Эта бесстыдная толпа более чем во сто человек три года хозяйничала в чужом доме и пиროвала за чужой счет. Они являлись утром; пастухи должны были пригонять быков, сви-

ней и коз, служанки приносить хлеб и кушанья, а слуги вино. Начались пир, шум и игры, а вечером женихи расходились по домам. Все это должна была переносить бедная Пенелопа и не было никого, кто бы мог заступиться за нее. Единственный сын ее, Телемак, был еще слабым юношей, да если бы он и был в полной силе, что мог сделать он один против ста?

День и ночь сидела бедная женщина в своей комнате с прислужницами и плакала; когда же она появлялась в общей зале, то не могла считать себя в безопасности среди дикого буйства бесновавшейся толпы. Чтобы избавиться от их насилия, она придумала хитрость. «Послушайте, — обратилась она к женихам, — я начну ткать полотно на саван престарелому Лаэрту; работа эта займет много времени; обещайте мне оставить меня в покое, пока я ее не кончу, и я исполню ваше желание». Женихи согласились, и Пенелопа начала ткать, но по ночам, когда никто не мог заметить, распускала всю искусную дневную работу, и таким образом рукоделие никогда не кончалось. Когда женихи узнали об этом, то стали неистовствовать еще сильнее.

г) Поездка Телемака в Пилос и Спарту

Однако верная супруга и ее сын все еще питали себя сладкой надеждой снова увидеть пропавшего. Они расспрашивали всех путешественников, не слыхал ли кто из них что-нибудь об Одиссее, но все розыски их оставались тщетны. Тогда Афина внушила юному Телемаку мысль посетить героев, бывших с отцом его под стенами Трои. От них он рассчитывал всего вернее получить сведения о том, по какой дороге отправился Одиссей, и можно ли еще надеяться на его возвращение. Он ничего не сказал матери о своем намерении, чтобы тем не огорчить ее, но открылся только старой домоправительнице, снабдившей его вином и мукой в кожаных и глиняных сосудах. Один приятель уступил ему корабль, а двенадцать ловких юношей тотчас же согласились сопутствовать ему в качестве гребцов. К вечеру все они собрались на берегу, поставили сосновую мачту, укрепили ее крепко веревками, привязали прочными ремнями парус, сели на скамьи, отвязали корабль и, принеся в жертву богам вина, радостно пустились в море.

На следующее же утро достигли они Пилосской гавани, в области Мессении, на западном берегу Пелопоннеса. Здесь жил престарелый Нестор, пользовавшийся среди троянских героев уважением в особенности за свои лета и мудрость. В это самое время он приносил со своими друзьями Посейдону великую жертву, называемую гекатомбой, то есть жертвой ста быков. Телемак сошел с корабля со своими спутниками, убравшими парус и крепко привязавшими корабль к берегу.

*Женихи Пенелопы.
По Генелли.*

Телемак нашел пилосских мужей сидевшими на морском берегу девятью длинными рядами и вкушавшими мясо принесенных в жертву быков. В каждом ряду помешалось по пятисот человек, и на каждый ряд было выдано по девять быков. Таким образом в этот день были принесены в жертву восемьдесят один бык. В честь божества были сожжены очищенные от кожи ноги, обмазанные толстым слоем жира. Остальное мясо было изжарено на колья самими присутствующими, евшими его прямо руками. Телемак также получил свою часть после того, как он приветствовал собрание. Он должен был сесть на разостланной коже, приносить жертву и пить вино.

По окончании трапезы Нестор спросил у своего гостя, кто он такой. Телемак рассказал ему свое семейное горе и что он собирает сведения об отце. Словоохотливый старец долго рассказывал ему о Трое и о своем возвратном пути, но ничего не знал об Одиссее, так как уехал раньше него. При этом он посоветовал Телемаку отправиться в Спарту, где жили Менелай и Елена, которые, может быть, могли доставить ему более верные сведения об его отце. «Если хочешь ехать туда сухим путем, то я дам тебе колесницу, коней и моих сыновей, которые для безопасности будут сопровождать тебя туда и обратно».

Между разговорами настал вечер. Гости отправились к жертвенной трапезе после того, как слуги полили каждому из них на руки воды и подали кубок вина для жертвоприношения. Придя во дворец, они сели

рядом в зале обширного дворца на великолепных седалищах. Старец еще раз приготовил вино и обнес им присутствующих. Затем Телемака отвели в сени, где ему была приготовлена постель рядом с Пизистратом, младшим сыном Нестора. Женатые же сыновья и отец спали во внутренних покоях дворца.

Утром старец сел на гладком камне, у ворот дома; на дворе, вокруг него, собрались любимые сыновья его и множество рабов. Он дал обет принести в жертву Афине корову с позлащенными рогами и теперь готовился исполнить свое обещание. Спутники Телемака также явились с корабля по приглашению Нестора. Пришел и кузнец с молотком, наковальней и щипцами и обложил золотом, данным ему Нестором, рога молодой коровы. Двое из сыновей царя повели телицу к жертвеннику, третий подошел с тазом и корзинкой, полной ячменя, четвертый держал в руках острую секиру, а пятый -- сосуд для принятия крови.

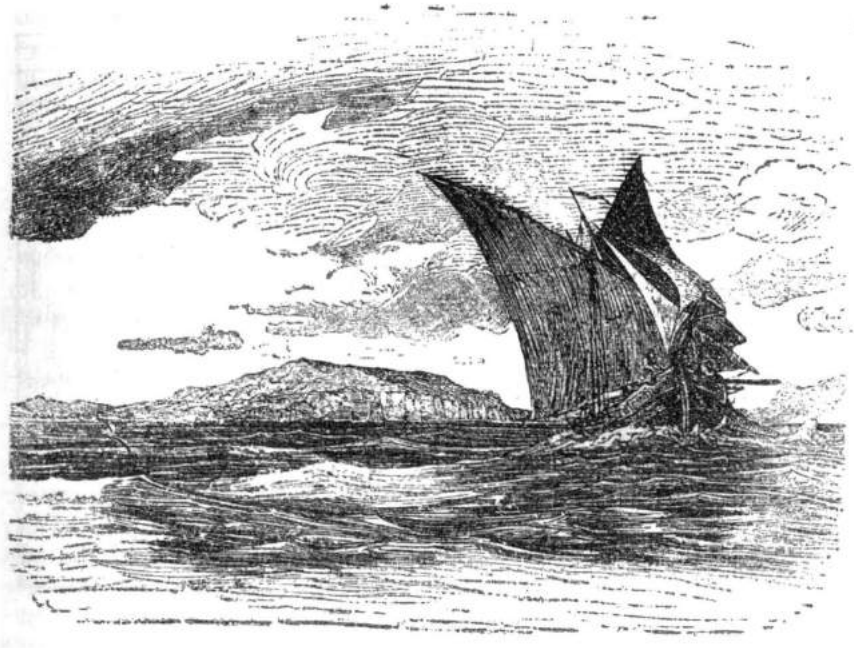
Нестор умыл руки, рассыпал освященный ячмень, обстриг телице на лбу волосы и бросил их в огонь. Затем выступил вперед четвертый сын и нанес удар. Острая секира перерезала станковую жилу, и животное повалилось. Тогда сыновья совершили жертву: они разрубили ее, поспешно отрезали ноги, обмазали их жиром и покрыли кусками окровавленных членов. Между тем как жертва горела на огне, старик окропил ее немного красным вином, а молодые люди стояли кругом с железными вилами, чтобы поворачивать ее по мере надобности.

Остальное мясо тут же было изжарено на завтрак присутствующим. Пришел и Телемак, которого между тем младшая дочь Нестора вымыла в бане, умастила и одела в тунику и плащ. В стоявшем посередине большом медном котле было налито вино с водой, и из него каждый почерпнул себе полную чашу и пил ее с обычными обрядами. Затем стали готовиться к отправлению Телемака. Была заложена колесница, ключница положила в нее съестных припасов, и затем в нее сели Телемак и младший сын Нестора, Пизистрат. Пизистрат взял в руки вожжи и пустил лошадей. Вечером прибыли они в Феры и, быв хорошо приняты Диоклом, переночевали там. На следующий день вечером они приехали в Спарту и безмолвно остановились у ворот дворца знаменитого Менелая.

Менелай в это время праздновал сразу две свадьбы: сына и дочери. Пир, пение и пляски до того наполняли зал, что прибытие колесницы было только тогда замечено, когда слуга доложил об этом Менелая. Он тотчас же приказал отпрячь лошадей и привязать их к яслям, обоим же гостей принял радушно в своем великолепном жилище. Служанки отвели их в баню и умастили; затем они вернулись в залу и сели рядом с Менелаем. Одна из прислужниц пришла с тазом и кувшином, подала им умыть руки, а потом поставила перед каждым из них маленький столик, заставленный хлебом, зеленью и мясом. Сам Менелай прибавил от себя почетный жареный кусок жирного хребта, и молодые люди

стали есть, втайне удивляясь великолепию дворца, ибо Менелай возвратился из-под стен Трои с богатейшей добычей и самыми дорогими дарами. Когда хозяин начал рассказывать о своем путешествии и упомянул об Одиссее, Телемак закрыл себе орошенное слезами лицо багряным плащом, и Менелай, не спрашивавший еще его имени, догадался, кто он такой.

В это время вошла Елена, виновница бедственной войны, и тотчас узнала по сходству лица Одиссея сына. Окруженный искренними пощениями, он должен был рассказать, что делают в его доме искате-

Итака.

ли руки Пенелопы. «Да! — вскричал Менелай. — Как львица терзает детенышей серны, которых, возвратившись к себе, находит в своем логовище, так и Одиссей растерзает нечестивцев, когда вернется в свое отечество!»

Друзья долго еще изъявляли свое сожаление о судьбе благородного героя. Менелай мог сообщить о нем Телемаку только то, что ему однажды предсказал египетский морской бог, Протей, принимавший на себя все образы, даже огня и воды: «Герой снова увидит свое отечество после десятилетних странствий и возвратится без спутников».

Юный Телемак должен был удовлетвориться этими сведениями. Оно было для него вполне достаточно, чтобы напомнить ему о матери и о необходимости возвратиться домой, несмотря на то, что Менелай и

Елена старались удержать его при себе. Обрадованный приятным посещением, богатый хозяин подарил Телемаку трех великолепных коней, колесницу и золотую чашу. Юноша отказался от коней и колесницы, так как лошади не были пригодны для гористой местности Итаки. Взамен их Менелай подарил ему прекрасный серебряный кубок с золотым ободком искусной финикийской работы. По окончании жертвенной трапезы оба чужеземных юноши легли спать в сводчатой галерее перед дворцом, в которой прислужницами были приготовлены красивые парадные постели с роскошными подушками и мягкими одеялами.

*Телемак и Пизистрат.
По Генелли.*

На другой день утром после жертвоприношения Телемак и Пизистрат сели в колесницу, а Менелай и Елена проводили их до ворот. Тут поднялся орел с гусем в когтях, и Елена истолковала это как благоприятное предзнаменование гибели женихов. Обрадованные таким предсказанием юноши пустились в путь. Они поехали через Феры в Пилос, где Телемак, не заезжая в дом Нестора, поспешил на корабль к своим спутникам, которые тотчас же поставили мачту, подняли парус и отвязали судно от берегового утеса. Так скользили они в тихую ночь по гладкой поверхности моря по направлению к Итаке, но при этом держали путь в сторону и направлялись к северному берегу, потому что поклонники Пенелопы на другом корабле подстерегали Телемака, чтобы убить его, но покровительница Телемака Афина предупредила его во сне об опасности.

д) *Одиссей на родине*

Одиссей крепко еще спал на корабле феаков, когда гребцы при утренней заре направляли путь к Итаке. Не желая тревожить его сладкого сна, они бережно снесли его на берег, положили возле него дорогие подарки и не медля отправились назад в Схерию. Проснувшись и увидя себя одного между сундуками, кубками и треножниками, Одиссей испустил жалобный стон; несчастный не узнал родины; то была самая северная оконечность острова, и густой туман скрывал окрестность. Тогда явилась к нему на помощь и совет Афина; она предстала в образе прекрасного молодого пастуха, рассказала ему о страданиях его супруги и об отсутствии сына и побудила его истребить надменных женихов сперва хитростью, а потом силой. Она помогла ему спрятать подарки в пещере и, коснувшись его своим посохом, превратила цветущего мужа в грязного старика с плешивой головой, гноящимися глазами и слабыми членами; его нарядная одежда заменилась оборванным нищенским рубищем из вытертой оленьей шкуры, в руках у него очутился посох, ветхая сумка на веревочной перевязи висела через плечо.

В таком наряде пошел «великий страдалец Одиссей» через лесистые горы и, по указанию Афины, скромно остановился наконец у жилища старого Э в м е я. Эвмея Гомер называет просто «божественным свинопасом», чтобы показать, что он был превосходный человек. Он происходил из царского рода и в детстве вместе со своей вероломной нянькой был похищен финикийскими морскими разбойниками, продан в рабство в далекие страны и наконец куплен Одиссеем и сделан им надсмотрщиком над свиными стадами. Стада эти имели свои загоны вдали от города, и возле них стояло жилище божественного свинопаса, заботливо сторожившего их по ночам, а днем сменявшегося работниками. Они жили вместе с ним, и им поручал он водить стада в лес на пастьбу. В некотором расстоянии оттуда находились подобные же хутора для стад овец, коз и рогатого скота, из чего можно составить себе понятие о богатстве Одиссея.

Свинопас был человек честный, умный и всей душой преданный своему господину, Одиссею. Всякий раз, когда ему приходилось посылать для женихов в город свиней, он сердился на такое бесчинство и оплакивал своего господина, считая его давно погибшим. В то самое время, когда он сидел на пороге хижины и вырезывал себе из бычьей кожи пару сандалий, привязывавшихся к ногам ремнями, вдруг залаяли собаки. Он поспешно бросил кожу, заставил собак замолчать и пригласил незнакомца в хижину, затем постлал на свое обыкновенное ложе из листьев козью шкуру и усадил на него гостя. Потом он заколол пару поросят, посыпал их мукой, зажарил на копье, налил в деревянную чашу вина с водой и все это радушно поставил перед гостем, который, принеся вместе с ним жертву, принялся за трапезу. Вместе с этим Эвмей повел с ним беседу описал

Итак и несчастье царского дома. Когда же по окончании трапезы Одиссею, по обычаю того времени, в свою очередь следовало рассказать что-нибудь и о себе, то он выдумал басню, выдал себя за княжеского сына с острова Крита, рассказал при этом, что он недавно видел Одиссея, который, вероятно, находится уже на возвратном пути, а может быть даже и возвратился. Но божественный свинопас не хотел этому верить.

Между тем солнце зашло, и пастухи воротились со стадами. Чтобы почтить гостя, хозяин убил откормленную жирную свинью, для чего так сильно ударил ее дубовой дубиной по голове, что она упала мертвая. Затем пастухи разрезали ее на части и опалили ей шетину. Волосы со лба, как жертва, были брошены в огонь, причем не были забыты в честь богов и ноги, обмазанные жиром.

После ужина пастухи улеглись спать. Свинопас приготовил у очага Одиссею постель из козьих шкур и покрыл его своим косматым плащом. Сам же он, вооружившись мечом и копьем, вышел из хижины и лег спать под нависшей скалой поблизости стада.

Одиссей думал войти в город в образе нищего, пробраться в свой дом к женихам, принять на себя должность слуги и таким образом ознакомиться с тем, что там происходит. Но старик не разделял его взглядов. «Поверь, такие люди, как ты, не могут быть им слугами; им прислуживают молодые люди в красивых одеждах и плащах, умощенные благовониями. Хорош ты там будешь! Нет, друг, оставайся-ка лучше здесь, пока не вернется Телемак; он, наверное, снабдит тебя платьем и отправит на своем корабле, куда просится твое сердце».

И в самом деле, в скором времени в хижину пастуха вошел цветущий Телемак. Лицо и темные волосы его блистали от умощения, красивая, широкая одежда облетала его стан, на ногах были сандалии, а в руке длинный посох. Он только что вернулся из своего путешествия; его корабль также пристал к северному берегу, и он, прежде чем войти в город, хотел побеседовать с своим верным Эвмеем. Собаки ласково бросились к нему, а свинопас обнял царского сына с радостными слезами и целовал ему ланиты, очи и руки, потому что беспокоился о нем. Как бы хотелось и отцу обнять сына! Но бедный нищий не смел выказать себя; напротив того, он почтительно встал перед своим сыном и хотел уступить ему свое место. Но юноша удержал его и ласково сказал: «Сиди, старик! мы найдем себе местечко; хозяин и меня где-нибудь пристроит».

«Что это за человек?» — спросил он свинопаса.

«Он с острова Крита, — отвечал пастух, — пришел как проситель и надеется на твое милосердие».

«Мне жаль его, — сказал юноша, — но ты знаешь, что происходит в моем доме. Я не могу приютить его у себя, потому что женихи будут над ним издеваться, а это огорчит меня. Я лучше пришлю ему платья и кушанья сюда, чтобы он не сделался тебе в тягость. А теперь, сходи к

моей матери и скажи ей потихоньку, что я благополучно вернулся из Пилоса. Я же останусь здесь, пока ты не вернешься».

Свинопас, привязав себе к ногам сандалии, взял в руки посох и отправился в путь. Дорога в город была длинная, и отец с сыном долго оставались в хижине одни. Тут Одиссей открылся; Минерва мгновенно возвратила ему настоящий его образ. Как забилося сердце восхищенного юноши на груди милого, давно ожидаемого родителя! Как нежно покоились его блиставшие радостью взоры на орошенных слезами очах героя!

*Одиссей у свинопаса Эмея.
По Генелли.*

Но теперь не время было предаваться жалобам и восторгам. Одиссей поспешно сообщил своему сыну давно задуманное им намерение собственноручно умертвить при помощи Афины всех надменных женихов. Юноша испугался столь смелого предприятия, но отец ободрил его и приказал хранить молчание; никто, кроме их двоих, не должен быть знать, кто он в действительности, когда на следующий день он явится в виде нищего.

Они обо всем уговорились, и благоразумный сын твердо запечатлел в своей памяти слова родителя. В это время возвратился свинопас; Одиссей снова преобразился в нищего, а Телемак пошел в город и предстал здоровым и невредимым перед женихами, досадовавшими, что посланный ими разбойничий корабль не захватил его. Они бы умертвили его всенародно, если бы не опасались народного мщения.

*Собака Одиссея.
По Генелли.*

На следующий день Одиссей, покрытый рубищем, в сопровождении божественного свинопаса отправился в город. Уже дорогой ему пришлось предвкусить то, что ожидало его дома. Как раз в то время, когда они проходили по гористой тропинке мимо скрывавшегося близ города в тополевой роще прекрасно устроенного колодезя, к которому девушки ежедневно приходили черпать воду, — пристал к ним козопас Меланфей, приятель женихов, и стал осыпать покрытого рубищем царя ругательствами и пинками, пока они не дошли до ворот Одиссея двора, где их встретил уже запах жареного мяса множества заколотой скотины.

Здесь произошла трогательная сцена верности. На дворе, на навозной куче, лежала старая собака Аргос, некогда вскормленная Одиссеем. Дряхлая, всеми брошенная и пожираемая паразитами, она давно уже едва волочила ноги и была теперь при последнем издыхании. Она узнала старого господина, завиляла хвостом и хотела подползти к нему; но силы ей изменили; она вдохнула в себя еще раз дух своего благодетеля и издохла. Одиссей скрытно отер слезу и вошел в дом.

Здесь вдоль длинных стен, на стульях, покрытых кожами, сидели сто женихов; ноги их покоились на деревянных скамеечках, перед каждым из них стоял столик с хлебом и жареным мясом. Тарелок у них не было. Гонцы и прочие слуги бегали взад и вперед, прислуживая пирующим, а посередине комнаты стоял огромный медный чан, наполненный вином, смешанным с водой, из которого слуги наполняли кубки.

*Смерть женихов.
По Генелли.*

Певец пел во время обеда. У столбов комнаты были поставлены стойки для копий, остальное оружие висело по стенам.

Одиссей, как просящий помощи, сел на пороге. Женихи разгневались на покрытого рубищем пришельца и осыпали ругательствами свинопаса за то, что он привел его. Злой козопас со своей стороны также не переставал издеваться над несчастным. Чужеземец стал обходить всех гостей и просить милостыни, и каждый из них клал ему в его жалкую суму кусок хлеба и мяса. Один Антиной, самый гордый из всех, не дал ему ничего. Другой со смехом кинул в него коровьим копытом; даже прислужницы издевались над ним и провожали его оскорбительными словами.

Все это переносил царь с величайшим терпением, но в душе стирал от нетерпения и ждал приближения минуты мщения. Пенелопа, решившись, наконец, предложить искателям ее руки окончательное условие, вошла однажды утром со своими прислужницами в залу и сказала: «Слушайте! в оружейной лежит еще любимый лук моего супруга, Одиссея, с колчаном, наполненным стрелами. Он без труда, пустив издали стрелу, попадал в ушки двенадцати железных игол, поставленных одна за другой. Предлагаю вам завтра испытать эту игру, и кто попадет, подарки того я принимаю и соглашусь сделаться его супругой, чтобы не расхищалось таким постыдным образом имущество моего благородного сына Телемака.

Это показалось нищему удобным предлогом для мщения. В тот же вечер, когда женихи удалились, он вместе с благородным сыном вынес из залы все оружие и запер его в одной из верхних комнат. Прислужникам было приказано, чтобы они, что бы ни случилось, никого не выпускали для того, чтоб женихи, когда начнется ссора, не избегли кровавой битвы. Только два меча, два копья и два шлема оставили они для себя и спрятали их в зале. Божественному свинопасу и одному столь же преданному пастуху, узнавшим царя по рубцу на колене, было объяснено все, и они обещали вернейшую помощь.

Когда на следующее утро женихи снова явились, Телемак вбил в пол залы двенадцать игол в ряд, одну за другой, и подал Антиною лук. Но сколь не считал себя сильным надменный, он не мог натянуть лука. Тогда взял его Эвримах, после него самый гордый, кинувший скамейкой в Одиссея в первый день его появления. Он намазал лук жиром и стал держать его над огнем, но также не был в состоянии натянуть его. Столь же безуспешно пробовали на нем свою силу и остальные. «Оставим пока! — воскликнули они, наконец. — Завтра мы снова попытаемся. Сегодня же мы хотим пировать». Совет этот понравился всем, и скоро все столы были заставлены жареным мясом.

«Подайте и мне лук», — сказал, наконец, Одиссей со своего места на пороге. Женихи засмеялись и закричали: «Не хочешь ли и ты искать руки прекрасной Пенелопы?» — «Берегитесь! — произнес нищий. — Подайте же его сюда!» Женихи сочли это неприличным и рассердились. Но Телемак сказал: «Лук мой и я могу его дать кому хочю; возьми его, старик!»

Одиссей взял издавна знакомый ему лук, легко натянул его, и стрела, звеня, полетела сквозь ушки. Все пришли в изумление. Царь дал знак свинопасу и другому пастуху и произнес, ударяя на каждом слове: «Теперь смотрите! Избираю себе цель, в какую не попадал еще ни один стрелок!» И в это самое мгновение стрела его пронзила горло Антиною; пораженный, он упал и увлек в своем падении стол, уставленный вином и яствами.

Гости вскочили и бросились к стенам, но на них не висело более оружия. Они все еще думали, что Одиссей нечаянно убил Антиною, как вдруг герой с яростным взглядом закричал на них страшным голосом: «Псы! вы воображали, что я уже не вернусь более из Троянской земли на родину и потому раскишали мое имущество, принуждали служить себе моих слуг, терзали мою верную супругу брачными предложениями, когда я еще жив! Вы не боялись ни богов, ни людей! Зато теперь настал час вашей смерти!»

Все они ужаснулись, потому что грозный герой опять натянул свой лук. Телемак, в то же время вооружившись мечом, надев шлем и взяв щит, принес такие же доспехи и отцу, а свинопас и верный скотопас, заперев все двери, вошли также вооруженные. Все женихи стояли безоружные и безмолвные. Один Эвримах произнес:

«Справедливо порицаешь ты, господин, их поступки, ибо здесь произошло много незаконного. Но тот, кто был всему виной, гордец, домогавшийся не только твоей супруги, но и власти над Итакой, лежит уже пораженный. Пощади нас, остальных; мы вознаградим тебя за все убытки и столько дадим скота, меди и золота, сколько потребуешь».

*Пенелопа с луком Одиссея.
По Генелли.*

«Нет, Эвримах, — отвечал разгневанный царь, — если бы вы принесли мне все ваше достояние, то и тогда рука моя не отдохнула бы, пока вы все не заплатите мне за вашу дерзость. Готовьтесь к битве со мной! Надеюсь, никто из вас не уйдет от меня!»

Эвримах в отчаянии бросился на него с мечом, но смертоносная стрела Одиссея пронзила ему грудь, и он упал на стол и стулья, опрокинув их вместе с собой. Тогда герой стал поражать женихов одного за другим, а когда вышли все стрелы, устремился на них с копьем. Телемах и оба преданные им пастуха мужественно поддержали его; женихи все еще стояли, пораженные внезапным ужасом. Но вот вероломному козопасу Меланфею удалось достать их оружие, и они кинулись на Одиссея со своими острыми копьями. Но Афина защитила и его и Телемака так, что удары женихов не попадали в них, между тем как сам Одиссей с быстротой молнии повергал их на землю одного за другим.

Вероломный козопас еще раз пробрался наверх, чтобы достать новое оружие. Но оба верных пастуха поспешили броситься вслед за ним,

скрутили ему руки и ноги за спину и при помощи толстой веревки втащили его на столб, и он повис на воздухе, испытывая страшные мучения. Затем они снова сошли вниз, где битва свирепствовала еще ужаснее; женихи, доведенные до крайнего отчаяния, устремили все копыта на мстителя. Один из верных пастухов убил того жениха, который несколько дней перед тем бросил в нищего коровьим копытом, а мужественный свинопас поверг другого.

Остальные женихи, чтоб избежать ударов, в ужасе, как испуганные петухи, бегали по зале и перепрыгивали через трупы и опрокинутые столы, пока не пали, пораженные копьями Одиссея и Телемака. Поцаражены были только двое; певец Фемий, певший за обедом по принуждению, и один верный гонец, по просьбе юного Телемака. Услышав ходатайство юноши, гонец, весь дрожа, выполз из-под скамьи и сбросил с себя коровью шкуру, под которой он скрывался. Одиссей выслал их обоих на двор, а Телемаку приказал позвать старую верную ключницу, державшую до тех пор под замком пятьдесят прислужниц. Старуха обрадовалась при виде залитого кровью пола и груды тел, из которых некоторые еще подергивались, хрипели и корчились от вонзившихся в них копий.

Тогда Одиссей произнес следующие прекрасные слова: «Радуйся, матушка, в душе торжеству правого дела, но остерегись выражать свою радость слишком громко, ибо грешно радоваться смерти людей».

Затем ключница должна была указать прислужниц, приставших к стороне женихов. Таких оказалось двенадцать, и Телемак с обоими пастухами приняли на себя печальную обязанность повесить их всех вместе в одной из отдаленных частей дома. Козопас был постыдно изувечен и умер мучительной смертью.

Одиссей и Телемак, властители Итаки, взяли метлы и лопаты и вместе с обоими пастухами (до такой степени в то время не было еще известно различие общественных положений), очистили окровавленную комнату, после того как из нее вытащили на двор мертвых и свалили тела их в одну кучу. Прислужницы вымыли столы и скамьи, а в заключение царь окурив все помещение серой.

Божество на все это время ниспослало на испуганную Пенелопу благодетельный крепкий сон, так что она, находясь в верхней комнате, ничего не знала о происходившем кровопролитии. Теперь ключница позвала ее вниз и все ей рассказала. Она содрогнулась при мысли, что должна обнять в образе морщинистого нищего своего супруга. Но он в это время сходил в баню, вымылся и умастил себя; Афина снова коснулась его своим посохом, и Одиссей, прекрасный как бог, с блестящими длинными локонами, в багряной одежде, предстал перед изумленными взорами супруги. Тогда узнала его верная Пенелопа и бросилась на грудь любимого супруга, двадцать лет с нею разлученного.

3. Переселение дорян. Колонии (1100 г. до Р. Х.)

Троянская война, окончившаяся уничтожением Троянского государства, после возвращения победоносных греков на родину несколько не повела к более тесному сближению Азии с Европой. Но стоило раз ознакомиться с плодородными берегами Азии, и разделявшая обе страны пропасть была перейдена. Вследствие этого в скором времени вся приморская полоса Азии покрылась греческими городами, потому что многие эллины увидели себя вынужденными покинуть свое отечество и искать там себе пристанище. Это произошло по причине великого переворота, который хотя и коснулся непосредственно только одного Пелопоннеса, но в своих последствиях распространился и на все греческие племена.

То было столь знаменитое переселение дорян, известное под именем в о з в р а щ е н и я Г е р а к л и д о в, так как во главе переселенцев стояли в качестве предводителей мнимые потомки Геркулеса. Сказание об этом событии, смешанное с мифическими преданиями, старалось доказать законность овладения Пелопоннесом дорянами и того, что они уступили право свое своим предводителям, тем, что они производили себя и права свои от Геркулеса. Именно, отец Геркулеса или Геракла, Амфитрион, за одно умышленное убийство должен был покинуть свое государство Микены. Сын его, Геркулес, воспитанный в Фивах, куда бежал Амфитрион, ничего не сделал для обратного завоевания отцовского государства, но вместо того долго служил фивскому царю Эврисфею и совершил, по его приказанию, двенадцать подвигов.

Но сыновья Геркулеса предъявили свои права к П е л о п и д а м, которые, происходя от упомянутого выше Пелопса, благодаря брачным союзам, подчинили своей власти не только микенское государство, но и весь Пелопоннес. После нескольких тщетных попыток правнукам Геркулеса: Темену, Кресфонту и Аристодему, поддержанным этолианами и другими, через восемьдесят лет после троянской войны удалось вторгнуться в Пелопоннес. В противоположность предшествовавшим вторжениям, происходившим обыкновенно из Коринфа через Истмийский перешеек, они, по совету Дельфийского оракула, переплыли залив на кораблях, высадились в Ахайи и затем направились далее. Они подчинили своей власти весь Пелопоннес, за исключением Аркадии, сохранившей независимость, благодаря гористой местности и благоразумию своего царя.

Победители разделили между собой жребием покоренную страну и образовали три новых, главных дорических государства: М е с с е н и ю получил Кресфонт, А р г о с достался Темену, а Л а к о н и я — двум братьям-близнецам, сыновьям умершего в походе Аристодема, — Эврисфену и Проклу. Э л и д у они отдали во владение своему союзнику, этолийцу Оксилу. Аргосские Гераклиды завоевали пограничные городские округа: Сикион, Флиус, Трезен, Эпидавр. Один из внуков

Геркулеса Алет с дружиной дорян завоевал Коринф. Только Пелопиду Тизамону, изгнанному из своего государства, удалось снова вытеснить ионян из Ахайи и основать здесь свое государство. Остальные коренные жители Пелопоннеса должны были в непродолжительном времени, в особенности в Спарте, подчиниться на весьма тяжелых условиях власти новых победителей — дорян, сделавших свои нравы и язык господствующими, или выселиться. К последним присоединились вытесненные из Ахайи ионяне, которые и направились в Аттику.

Вследствие такого обстоятельства это переселение народов получило еще большее значение, так как беглецы, лишенные своих жилищ, частью ради приключений, частью по неволе или же вследствие внутренних смут, покинули свое отечество и основали столь важные для греческой истории греческие колонии в Малой Азии. Колонии эти простирались от мыса Триопийского до мыса Лектонского, на берегу Малой Азии, распространились на близлежащие острова и получили важное значение не только своим столкновением с персами, в которое они втянули и свою греческую родину, но и своим деятельным, предприимчивым, торговым духом, ранним развитием научного и художественного образования, в котором преимущественно проявлялось влияние их греческого происхождения. Важнейшими колониями были: и о н ч е с к и е, основанные ионянами, переселившимися из Ахайи сперва в Афины, а отсюда в Азию: к ним принадлежали: Милет, Эфес, Смирна, Колофон, Клазомена, Фокея и острова Самос и Хиос. Не менее замечательны были колонии э о л и й с к и е: Киме и на острове Лесбосе Митилена и Метумна, основанные сыном Ореста, Пенфилом, бежавшим после своего изгнания из Микен сперва во Фракию, а оттуда в Азию. Несколько позднее появились д о р и й с к и е колонии, к которым принадлежали Галикарнас и Книд, а еще позже и остров Родос. (О греческих колониях в Южной Италии будет упомянуто впоследствии).

Различные города этих колоний, принадлежавших к одному племени, имели, по древнему обычаю, общие храмы, в которых праздновались общие годовые празднества, а в случае нужды происходили общие совещания; установления эти служили вместе с тем и сохранению между отдельными городами политической связи. Для такой цели ионянам служил П а н и о н и о н на мысе Микале, эолянам — храм в Киме, дорянам — храм Аполлона Триопийского в Книде. С отечеством своим колонии находились в дружественно-родственных отношениях, подобно тем, какие должны существовать между родителями и детьми. При отъезде переселенцы брали с собой огонь из родного города; в празднествах метропольного города принимали участие и жители основанного им колониального города. В позднейшее время как спартанцам, так и афинянам удалось приобрести род главенства над своими колониями.

В первые столетия после переселения дорян в политическом устройстве греческих государств произошла в высшей степени важная

перемена: всеобщее уничтожение царской власти и замена ее господством благородных — аристократией. Благородные, возвысившись благодаря родству с бывшими царями, военным заслугам, земельной собственности и высшему образованию, ограничили царскую власть, а под конец совсем вытеснили ее. Там, где благородные злоупотребляли своей властью и старались умалить права остальных граждан, где аристократия вырождалась в олигархию, то есть во власть нескольких привилегированных фамилий, возникали недовольство и смуты в демократии (в народе). Личность, выдававшаяся умом, становилась во главе недовольных и объявляла себя единовластителем. Подобное лицо, хорошо или дурно оно управляло, называлось тираном. Тиранами в лучшем смысле этого слова были, например: Периандр Коринфский (625 г.), Поликрат Самосский, Пизистрат Афинский, Питтак Лесбосский, Гиерон I Сиракузский; тиранами в худшем смысле были оба Дионисия Сиракузские, Старший и Младший.

Однако тирания была только переходной формой к демократии, то есть к народовластию, при совершенной полноправности граждан.

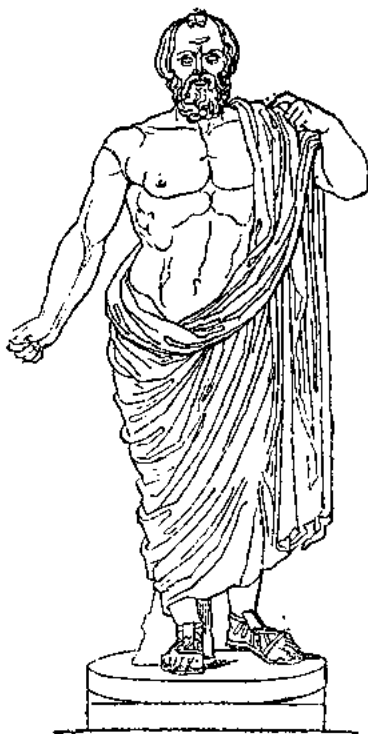
Лучшим примером такого развития государственного устройства служат нам Афины. Спарта, в которой царская власть сумела удержаться, представляет нам, напротив, пример неизменности и устойчивости первобытной формы правления.

4. Государственная реформа Ликурга в Спарте (Около 800 г. до Р. Х.)

Одна Спарта не утратила у себя царского достоинства¹. Но и она не избежала внутренних смут, господствовавших в прочих греческих государствах. Страсти возбуждены были до такой степени, что один из царей, Эвном, во время возмущения был убит на площади народом. Но как раз во время этих диких смут между спартанскими гражданами нашелся муж, оказавшийся способным найти противоядие от этого государственного недуга своего отечества. Впрочем, биография этого государственного человека основывается не на достоверных исторических данных, а на легендарных сказаниях. То был Ликург — младший сын царя Эвнома. Старший сын его, Полидект, умер после кратковременного правления, и ему теперь должен был наследовать младший брат его, Ликург. Но когда на восьмом месяце его правления вдова брата родила сына, то он торжественно объявил, что отказывается от престола. Вдова, женщина честолюбивая, велела под рукой сообщить ему, что она тайно умертвит ребенка, если он согласится жениться на ней и остаться царем. Гнушаясь подобным предложением, но желая, однако,

¹ В Аргосе царское достоинство было уничтожено в 984 году до Р. Х., в Коринфе в 584 году, в Элиде в 780 году, в Беотии в 1126 году до Р. Х. О времени уничтожения царского достоинства в Ахае точных сведений не имеется.

спасти жизнь ребенка, Ликург медлил с ответом и в то же время поручил слугам своим тайно наблюдать за матерью и, как только родится ребенок, немедленно принести его к нему. Он сидел за столом со знатными спартанцами, когда ему принесли сына умершего его брата. В радости Ликург воскликнул: «Спартанцы! у вас родился царь!» Он немедленно объявил себя опекуном новорожденного и назвал его Х а - р и л а е м (радость народа), а сам отказался от престола.

Ликург.
С античной статуи.
(Mus. Pio Clem. в Риме.)

Несмотря на такую благородную скромность и бескорыстие, Ликург не избег клеветы оскорбленной царицы и ее приверженцев. Они распустили слухи, что будто он умышляет на жизнь младенца; для устранения всяких подозрений Ликург вынужден был покинуть Спарту. Может быть, что уж тогда он возымел намерение предпринять путешествие для обогащения себя политическими сведениями и опытностью на пользу отечества. Прежде всего он отправился на остров Крит (ныне Кандия, в Средиземном море), славившийся мудростью и строгими законами Миноса.

Здесь, должно быть, впервые Ликург принял решение стать законодателем своего народа. Затем он направился в Малую Азию, объехал тамошние греческие колонии и привез оттуда с собой неизвестные до того времени в собственной Греции поэмы Гомера. По некоторым известиям он посетил и Египет.

Когда Ликург, вдали от родины, так усердно готовился стать законодателем своего отечества, лица, жаждавшие восстановления порядка и проч-

ных основ государства, с возраставшим нетерпением ожидали его возвращения. При помощи таких лиц, к которым, должно быть, принадлежал и другой царь, Архелай, Ликург мог рассчитывать, что к нему отнесутся справедливо. Он также не упустил при этом случая на возвратном пути в Спарту посвятить в свою тайну и в свои намерения расположенных в его пользу лиц; те же, которые, вследствие личных побуждений, были против нового порядка вещей, должны были поверить спрошенному Ликургом по этому делу Дельфийскому оракулу. Пифия объявила, что она почитает Ликурга более божеством, чем смертным, а составленные им законы наилучшими.

Подкрепленный божеской и человеческой помощью — для отпора противникам тридцать сторонников должны были явиться на площадь вооруженными — выступил Ликург с торжественным объявлением о своих преобразованиях, именно о взаимных отношениях властей и граждан, о частной собственности и порядке образа частной жизни. Благодаря этим преобразованиям, должна была установиться прочная власть государства над отдельными лицами, взаимная равноправность граждан и свободное слияние их в общее целое. В законодательстве своем Ликург сумел искусным образом согласить старинные обычаи с новыми узаконениями, иноземное с отечественным. При этом не следует забывать, что многие постановления Ликурга, хотя и основывались на древнедорических законах или на общем состоянии развития тогдашнего времени, но упорная привязанность спартанцев к старинным обычаям и совершенно изменившееся культурное положение остальных эллинов заставляли думать, что нововведения Ликурга нечто новое и преднамеренное.

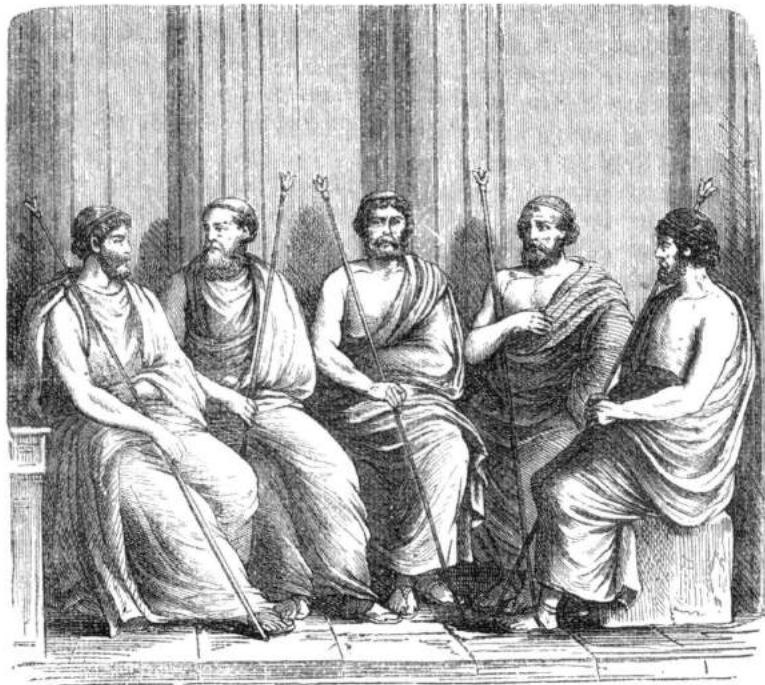
Царская одежда в Спарте.

Не совсем определенные отношения между властью наследственных царей и правами народного собрания Ликург старался упрочить учреждением герузии, то есть совета старейшин; он состоял из двадцати восьми геронтов и обоих царей. Каждый из геронтов должен был иметь шестьдесят лет от роду, то есть они должны были быть людьми рассудительными и опытными. Только безукоризненная жизнь могла доставить это достоинство. Выборы нового геронта происходили следующим образом: в день выборов кандидаты один за другим являлись перед народным собранием; особые лица, которые находились в отдельном закрытом помещении, и не только не видели, но и сами не могли быть видимы, решали, кого из кандидатов народ встречал более громкими приветствиями и кто из них таким образом оказывался более достойным занять столь почетную должность. Должность эта была пожизненная и весьма важная до тех пор, пока не приобрели выдающегося влияния введенные впоследствии эфоры¹.

¹ Пять сменяемых ежегодно эфоров имели высший надзор за отправлением правосудия; они составляли демократический противовес власти царей и геронтов; значение их достигло впоследствии такой силы, что сами цари должны были подчиняться их приговорам.

В руках геронтов находилось государственное управление. Они обсуждали также предварительно все предложения, которые обсуждало народное собрание. Это собрание состояло из всех спартиатов, достигших тридцатилетнего возраста. Голосование в нем происходило криком одобрения или неодобрения, без счета голосов. Решения народного собрания распространялись на вопросы о войне и мире, о договорах и о выборе новых должностных лиц.

За царями сохранились два чрезвычайно важных преимущества: они предводительствовали войском на войне, причем пользовались

Пять эфоров в Спарте.

почти неограниченной властью, и были первосвященниками; в этом звании они, как в мирное, так и в военное время совершали торжественные жертвоприношения от лица всего народа, вели дипломатические сношения с иностранными государствами и в известных случаях произносили окончательные приговоры по судебным делам.

Чтобы доставить этому новому государственному устройству прочное основание, Ликург постарался уничтожить главную причину недовольства — поразительно неравномерное распределение имущества между гражданами. Для этого он создал в государстве известное число лиц, равных по имуществу, наделив их с этой целью равными земельными участками. Таким образом спартанский законодатель разделил

всю Лаконскую область так, что поземельная собственность самых спартанцев (спартиатов), т.е. дорических завоевателей, состояла из девяти тысяч, а периеков (покоренных ахеян) из тридцати тысяч равных частей. Весьма вероятно, что этим распределением, к которому тогдашние чрезмерно разбогатевшие лица могли быть принуждены только с величайшим трудом, он возобновил лишь старинное разделение страны, оставленное в своей силе после вторжения и покорения ее Гераклидами; таким образом он ничего не создал произвольного или нового, но основал это разделение на старинных правах, уничтоженных силой, хитростью или случаем.

Ликург при этом позаботился обставить таким образом новое распределение поземельной собственности, чтобы возвращение к неравенству в имущественном отношении сделалось невозможным. Для этого он запретил землевладельцам продавать свои участки и определил, что наследство отца должно всегда переходить к старшему сыну, а когда, за отсутствием сыновей, наследственный участок переходил к дочери, то эта дочь могла выходить замуж только за человека, не имеющего никакой собственности.

В виду сохранения своих законов, для укоренения и укрепления их, Ликург обратил особое внимание на воспитание юношества. Он считал воспитание правом государства, а детей собственностью государства. Поэтому дети тотчас после своего рождения подвергались осмотру, здоровы, сильны и неувечны ли они. В последнем случае дети, как не могущие сделаться способными орудиями государства, обрекались на гибель, для чего и сбрасывались в пропасть с Тайгетской скалы. В первом же случае они возвращались родителям на воспитание. Но родители занимались этим делом только до шести лет. На седьмом году воспитание принимало на себя государство, и все городские мальчики разделялись на известные разряды и классы и жили вместе под наблюдением особо назначенных государством надзирателей; в свою очередь, надзиратели находились, со всеми своими подчиненными, под начальством главного надзирателя — педонома. Это достоинство занимал обыкновенно один из знатнейших и почетнейших граждан. Подобным воспитанием достигалось, что все дети были проникнуты одним общим духом и направлением.

Лишениям всякого рода, которым подвергали детей, и другими подобными способами воспитания достигались величайшая простота и умеренность в образе жизни. Пища детей была дурна и настолько недостаточна, что они должны были сами добывать себе недостающее, но при этом пойманный подвергался наказанию. Одежда детей состояла из простого плаща, и они всегда ходили босиком. Спали они на сене, соломе или тростнике, собираемом ими самими из реки Эвроты. Ежегодно в праздник в честь Артемиды мальчиков секли до крови, и некоторые из них падали мертвыми, не произнеся ни одного звука, не испустив ни одного жалобного стона. Этим думали достигнуть того,

что вышедшие из таких мальчиков мужчины не будут бояться в сражении ни ран, ни смерти.

Основная цель такого воспитания преследовалась и в узаконениях, касавшихся частного образа жизни. Ни один спартаец не имел права есть у себя дома, и все пользовались общим столом в так называемых общественных фидитиях или сситиях, обыкновенно по пятнадцати человек за одним столом. На покрытие издержек такого общего стола каждый спартаец обязан был ежемесячно доставлять известное количество съестных припасов, а имен-

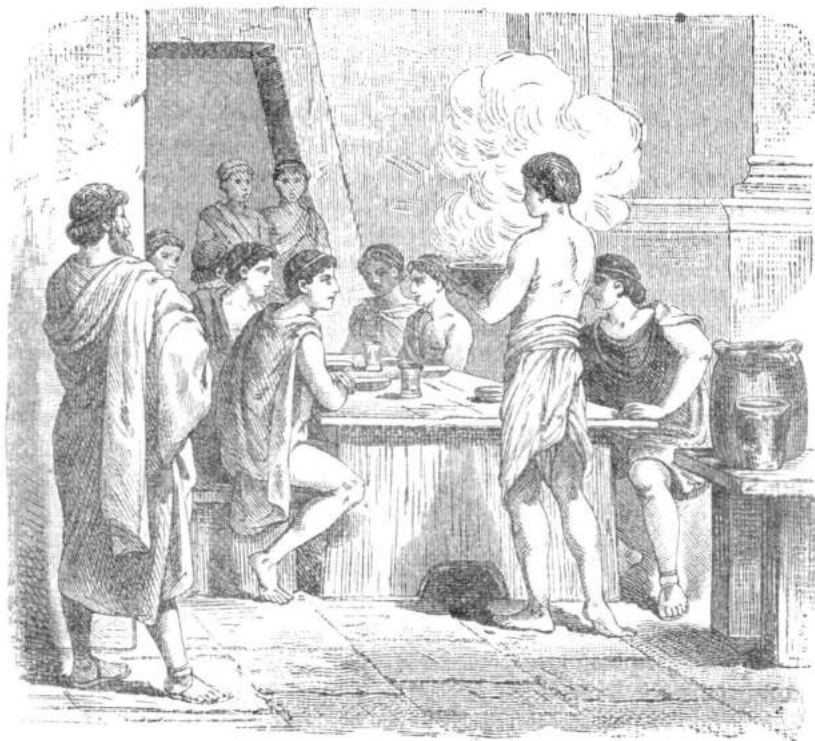
Древняя дорическая одежда.

но: ячменной муки, вина, сыра и фиг. Недостающая затем приправа приобреталась на незначительные денежные взносы, составлявшие для каждого десять оболов.

Беднейшие люди, которые не были в состоянии участвовать в этих взносах, освобождались от них, но от сисситии мог быть освобожден только тот, кто занят был жертвоприношением или чувствовал усталость после охоты; в этом случае, как бы в удостоверение своей невиновности, он должен был посылать в сисситию часть принесенного в жертву или убитого им животного. Это исполнялось так строго, что когда впоследствии царь Агис, возвратившись домой после войны с афинянами, пожелал обедать дома, то полемархи непустили ему из сисситии следовавшей ему порции. Для поддержания этих сисситий служил еще другой закон, по которому не под каким видом не позволя-

лось есть до обеда дома, а за общественным столом в сисситии показывать только вид, что ешь. К различного рода невкусным кушаньям принадлежала между прочими и знаменитая «черная похлебка». То был род супа, сваренного из крови и уксуса¹. В частных жилищах законодателем изгнан был всякий признак роскоши, для чего им было предписано не употреблять при постройке домов никаких других орудий, кроме топора и пилы.

Естественным последствием простоты таких отношений и потребностей было то, что деньги в государстве не обращались в большом ко-

Спартанский обед.

личестве и при ограниченности торговых сношений с другими государствами, в особенности в первые времена, легко обходились без золота и серебра. Хотя обстоятельство это и приписывается закону Ликурга, будто бы изгнавшему из государства все серебро и золото и

¹ Однажды тиран Дионисий попробовал этого национального спартанского кушанья. На вопрос, как оно ему понравилось, он отвечал, что оно ему пришлось вовсе не по вкусу. Тогда повар заметил: «Охотно этому верю, потому что в нем не доставало приправы, то есть ни трудов на охоте, ни испарины после кушанья в Эвроте, которые и составляют приправу, придающую вкус кушанью для спартанцев».

заменившему их железной монетой, которая своей тяжестью и количеством должна была затруднить денежные обороты, но следует заметить, что Ликургу в столь ранние времена не представлялось даже ни надобности, ни возможности отменять золотую монету: спартанцы и во времена позднейшие, а именно при Солоне, обладали столь незначительным количеством благородных металлов, что не могли даже доставить золота, потребного на позолочение головы Юпитера Амиклейского. Поэтому гораздо скорее можно предположить, что незначительность золота и серебра, принятая за последствие древнего закона Ликурга, в его время была весьма естественна и только впоследствии, когда в остальных греческих государствах золотая монета была уже в широком обращении, Спарта стала отличаться тем, что в ней было мало золота.

Таким же образом нельзя приписывать Ликургу и так называемого запрещения всякого умственного занятия в то время, когда в остальной Греции, сперва в некоторых местах, а потом и во всей эллинской нации, проявлялось уже стремление к научному образованию. При необыкновенной привязанности спартанцев к своим законам и обычаям умственное развитие их задерживалось всей системой их древних учреждений, приспособленной к их государственному устройству. Так было и впоследствии, и в то время, когда в других греческих государствах появлялись ораторы, софисты, философы, историки и драматические поэты, умственная сторона воспитания у спартанцев ограничивалась лишь обучением грамоте и письму, священным и воинственным песням, которые они пели на празднествах и начиная битву. Однако мальчиков приучали с ранних лет к кратким, ясным ответам. Такая речь называлась лаконической. Речь эта отличалась меткостью и остроумием, а в выражении чувства духовной свободы и независимости возвышалась над речью тех, которые благодаря своему прославленному образованию, по-видимому, утратили силу, ясность и душевную чистоту¹. С такими понятиями, вытекавшими из жизненной опытности, неразрывно было связано свойственное преимущественно спартанцам и прославившее их почитание старших², так как мудрость приобретает главным образом долгую жизнь.

Такая самобытность в правах и образовании, усиливавшая существовавшую и без того уже во времена Ликургова законодательства резкую противоположность между спартанцами и всеми остальными эллинами, вела к большей еще отчужденности природного характера спартанско-дорического племени. Поэтому, хотя и указывают на Ли-

¹ Так одна спартанка на замечание, что они единственные женщины, повелевающие мужами, ответила: «Мы единственные женщины, рождающие мужей». Когда один афинский оратор назвал однажды спартанцев «неучеными», то Плистоanax отвечал: «Правда, ибо мы одни из эллинов не переняли у вас ничего дурного».

² Цицерон рассказывает нам один поразительный пример. Однажды в Афинах один мудрец вошел в театр, но не нашел себе места между своими согражданами. Тогда он подошел к местам, занятым случайно находившимися в Афинах спартанскими посланцами, которые все встали, чтобы дать место мудрецу.

кургов закон, в силу которого ни один иностранец не мог оставаться в Спарте дольше необходимо нужного времени и ни один спартанец не имел права долго жить вне отечества, но очевидно, что это был просто обычай, вытекавший из самой сущности вещей. Природная суровость Спарты уже сама по себе удаляла от нее чужеземца, и если что и могло привлекать его туда, так это только одна любознательность ознакомиться с ее населением. Для спартанца же чужая сторона не могла иметь никакой заманчивости, так как там он встречал чуждые ему обычаи и условия жизни, к которым он приучался с самого детства относиться не иначе, как с презрением. А так как законодатель позаботился как можно теснее объединить всех граждан с государством, то каждый из них в отдельности тем менее мог удаляться от него и заживаться в чужих краях, за исключением лишь того случая, когда он шел туда по воле государства, то есть войной.

Кроме приведенных уже законов, имевших последствием умеренность, сохранение телесного здоровья, презрение ко всякого рода опасностям и создававшим, кроме того, хорошую военную школу, существовали еще и другие постановления, непосредственно стремившиеся к образованию из спартанцев воинов и храбрых мужей.

Пребывание в лагере считалось празднеством. Здесь строгость домашней жизни получала некоторое облегчение и жилось несколько свободнее, а отнятая у неприятеля добыча доставляла большее разнообразие и изобилие в пище и питье. Багряная одежда, носимая ими на войне, венки, которыми они украшались, вступая в сражение, звуки флейт и песен, сопровождавшие их при наступлении на врага, — все это придавало страшной прежде войне веселый, торжественный для них характер.

Храбрые воины, павшие на поле битвы, погребались, увенчанные лавровыми венками. Еще почетнее было погребение в багряной одежде, а имена надписывались только на могилах убитых в сражении. Напротив того, трус наказывался оскорбительным позором. Кто бежал с поля битвы или уходил из строя, тот лишался права участвовать в гимнастических играх, в сисситиях, не смел ни покупать, ни продавать, одним словом, во всем выставлялся на всеобщее презрение и поношение.

При таком духе военной гордости, составлявшем цель законодателя, весьма легко понять, что он запретил окружать город стенами и укреплениями и искать защиту его в чем-либо ином, как только в храбрости его граждан. С другой стороны, при таком рыцарском характере не желали сражаться с одной механической силой, почему спартанцы не любили и не умели осаждать укрепленные города и башни. Сражаться один на один — вот искусство, которое они изучали с детства, и все гимнастические упражнения и даже звериная охота, составлявшие их ежедневные занятия, основывались на правилах только одной победной войны.

Здесь, упражняясь в единоборстве, метании диска, военных плясках, плавании и т. п., приобретали они ту неустранимость, благодаря которой их короткий, изогнутый меч в единоборстве, длинное, далеко достававшее копье, тесно сплоченная фаланга при наступлении на неприятеля, — приводили к поражению противника.

Для того, чтобы никакое постороннее влияние не могло помешать этому направлению, спартанские девицы и молодые женщины должны были также участвовать в гимнастических упражнениях, причем, конечно, имели свои отдельные места для этих занятий, но при известных состязаниях и играх молодежь обоего пола присутствовала вместе. Законодатель желал, чтобы они хотя бы ценой величайшей потери, своей женской стыдливости, не только рождали стройных и сильных сыновей, но и сами делались бы способными проникаться мужественным духом, чтобы сами они желали соперничать с мужчинами в любви к отечеству в презрении к смерти за него и в перенесении всяких лишений. Поэтому, насколько похвала их была поощрением для спартанских юношей, настолько порицание было огорчением и унижением. Вследствие этого не следует удивляться тому, что спартанские женщины пользовались в государстве таким большим уважением.

Женщины в Спарте так же мало, как и мужчины, занимались механическими или другими какими ручными работами, но, подобно им, проводили жизнь свою единственно и исключительно в занятиях, всего более соответствовавших их гражданскому призванию.

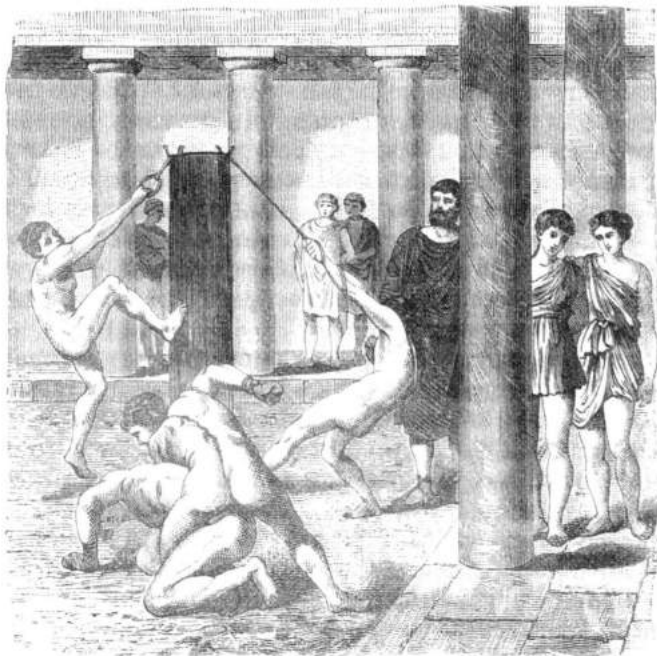
Для спартанцев это тем более было возможно, что такая свобода граждан основывалась на тяжелом рабстве слуг, подавшем повод к известной во всей Греции поговорке, что «нигде свободный человек не свободнее, а раб не подвержен большему притеснению, как в Спарте». Уже выше было сказано, что завоевание Пелопоннеса дорянами породило два совершенно противоположных по своим правам класса жителей: победителей — дорян и побежденных — ахеян. Первые из них — спартиаты одни считались действительными, полноправными гражданами; вторые же, известные под именем периеков, а также лакедемонян, жившие внутри страны и в приморских городах, занимались частью торговлей, частью ремеслами или же возделыванием оставленных им полей, из

Спартанский воин.

дохода с которых должны были отдавать часть спартамцам. Они также обязаны были нести военную службу в войсках и во флоте, но, несмотря на это, не имели никакого участия в государственном управлении и исключались из народных собраний.

Таким образом периеки составляли переходную ступень к третьему классу — и л о т а м, или общественным рабам; илоты были собственностью государства, и оно отдавало их в пользование отдельным спартамцам. Название их, по общепринятому мнению, произошло впервые при завоевании ахейского города Г е л о с а, жители которого были об-

Гимнастические упражнения спартанского юношества.

ращены в рабство. Подобная же судьба и многих других городов, по всем вероятностям, увеличила число илотов. Им, впрочем, дозволялось вступать в брак.

Илоты обязаны были возделывать государственные земли и поля спартамцев и доставлять известное количество дохода ячменем, вином и оливковым маслом, исполнять различные мелкие работы, как то: прислуживать при общественных обедах, носить тяжести во время похода, работать в военное время при укреплении лагеря и т. п., а в случае нужды сопровождать спартамцев и на войну в качестве легковооруженных. Присвоенная всем илотам одинаковая одежда — кожаная шапка и овчина — отличали их от свободных граждан. Кроме того, они часто должны были напиваться допьяна, чтобы представлять молодым

спартамцам порок пьянства в отвратительнейшем виде, петь непристойные песни и танцевать неприличные пляски; но петь песни, сочиненные Терандром и Алкманом для возбуждения благородных чувств, илотам не дозволялось: такие песни могли петь только спартамцы.

Сухова и бесчеловечна была так называемая криптейя, которую иногда считают в числе Ликурговых постановлений. То была правильно организованная система шпионства: молодые спартамцы посылались бродить по стране, подслушивать речи илотов и всех подозрительных из них убивать своими кинжалами; сильнейшие и отважнейшие илоты были тайно умерщвляемы, а относительно всех обращалось внимание на то, чтобы число их не превышало полумиллиона, так как в противном случае они могли бы быть опасны для девяти тысяч спартамских семейств. Таким образом спартамцы жили, постоянно опасаясь илотов, а илоты всегда были готовы к возмущению и к мщению или, как говорит один писатель, «подстерегали несчастье Спарты». Само собою разумеется, что эти взаимные отношения становились все враждебнее, так как, с одной стороны, гнет илотов все увеличивался и делался бесчеловечнее, а с другой, вскоре за последовавшим после Ликурга покорением Мессении, жители ее большей частью были обращены в илотов.

О смерти знаменитого законодателя существуют неверные и сомнительные повествования. По одному преданию, Ликург, написав и введя в действие свои законы, предпринял путешествие в Дельфы, чтобы спросить оракула, не следует ли изменить что-либо в его законодательстве, и что перед своим отъездом он взял с своих соотечественников клятву не предпринимать никаких изменений в законах до его возвращения. Когда же оракул ответил, что при этих законах Спарта возвысится и возвеличится, то он послал этот ответ в Спарту, а для того, чтобы лишить спартамцев возможности освободиться от данной ими клятвы, добровольно уморил себя голодом в Кирре (в Фокиде) или в Элиде. По другим же сказаниям, он умер на острове Крите и приказал сечь там же свое тело, а пепел бросить в море для того, чтобы с перенесением его останков в Спарту граждане не сочли себя освобожденными от данного ими клятвенного обещания, а, напротив того, строго исполняли бы его постановления.

Спартамцы исполняли их в течение многих веков. Благодаря духу этого законодательства они окрепли в своих силах и достигли преобладающего значения не только между дорическими племенами, в особенности в Пелопоннесе, но на некоторое время, как покажет дальнейший ход истории, возвысились даже над всеми эллинами. Прежде всего, они очень скоро получили перевес в Пелопоннесе благодаря войне с мессенцами: счастливый исход этой войны доставил им настолько же внешнюю государственную безопасность, насколько законодательство Ликурга способствовало благоприятному развитию их внутреннего, гражданского быта.

5. Первая и вторая Мессенские войны (730—710 гг. и 645—630 гг.)

Ближе других к Лаконской области лежала Мессения, то есть средняя или внутренняя страна. Уступая пространством Лаконии, она была гораздо плодороднее ее. Находясь в неприятельских руках, она могла быть угрозой, а будучи во власти спартанцев, являлась защитой Лаконии¹. Это и побудило спартанцев прежде всего вполне упрочить свое положение присоединением Мессенской области к своей территории. Взаимные притязания и опасения обоих государств и некоторые случаи, истолковываемые каждой стороной в свою пользу, привели, наконец, к открытой между ними борьбе. Вина в этом отношении была более на стороне спартанцев. В самом деле, тайно подготовившись к войне и дав торжественную клятву не слагать оружия до тех пор, пока неприятельская страна не будет завоевана, спартанцы в 730 году до Р. Х., не известив мессенцев, как то следовало по принятому обычаю, внезапно начали войну. Ими предводительствовал царь Алкамен, отец которого, Телекл, был убит мессенцами во время жертвоприношения, на котором собрались оба народа. Спартанцы вторглись в Мессенскую область, завладели пограничной крепостью Амфеей и умертвили большинство ее жителей или в их постелях, или в храмах у жертвенников, где многие, застигнутые врасплох, искали себе убежища².

Это несправедливое нападение пробудило остальных мессенцев от их безмятежного покоя. Не теряя мужества, но в то же время вполне сознавая, что не могут одержать верха над опытными и искусными в военном деле спартанцами, они удалились в свои укрепленные города, ревностно предались военным упражнениям, отбили неприятеля от своих укреплений и отплатили за грабежи лакедемонян счастливыми набегами в область последних. Так продолжалась война без решительного перевеса до пятого года, когда мессенцы в одном большом сражении бились с таким ожесточением и отвагой, что выказали себя вполне достигшими спартанского военного искусства, и ни одна из сторон не могла приписать себе победу.

Но когда военные силы мессенцев очень ослабели, то они решились покинуть свои города, удалиться на крутую гору И т о м у, укрепить ее еще более и на этом месте сосредоточить защиту своей свободы и независимости. Вместе с тем они обратились к пользовавшемуся у всех дорян величайшим уважением Дельфийскому оракулу с вопросом о своей судьбе и получили в ответ, что мессенцы победят, если будет

¹ Позднейшая история ясно доказывает это тем, что Эпаминонд для ослабления Спарты не мог найти лучшего средства, как восстановление Мессении.

² Один из позднейших греческих историков, Полибий, хотя и приписывает законам Ликурга освобождение спартанцев в их частной жизни от беспокойного честолюбия и бурных страстей, в то же время полагает, что они внушали им по отношению к остальным грекам чувства честолюбия, властолюбия и корыстолюбия, в пример чего и приводит Мессенскую войну.

принесена в жертву подземным богам непорочная девица из царского рода. Их герой Аристодем добровольно предложил свою дочь и собственноручно умертвил ее. Но спартанцы, поверившие в счастье и спасение мессенцев, ничего больше не предпринимали против них.

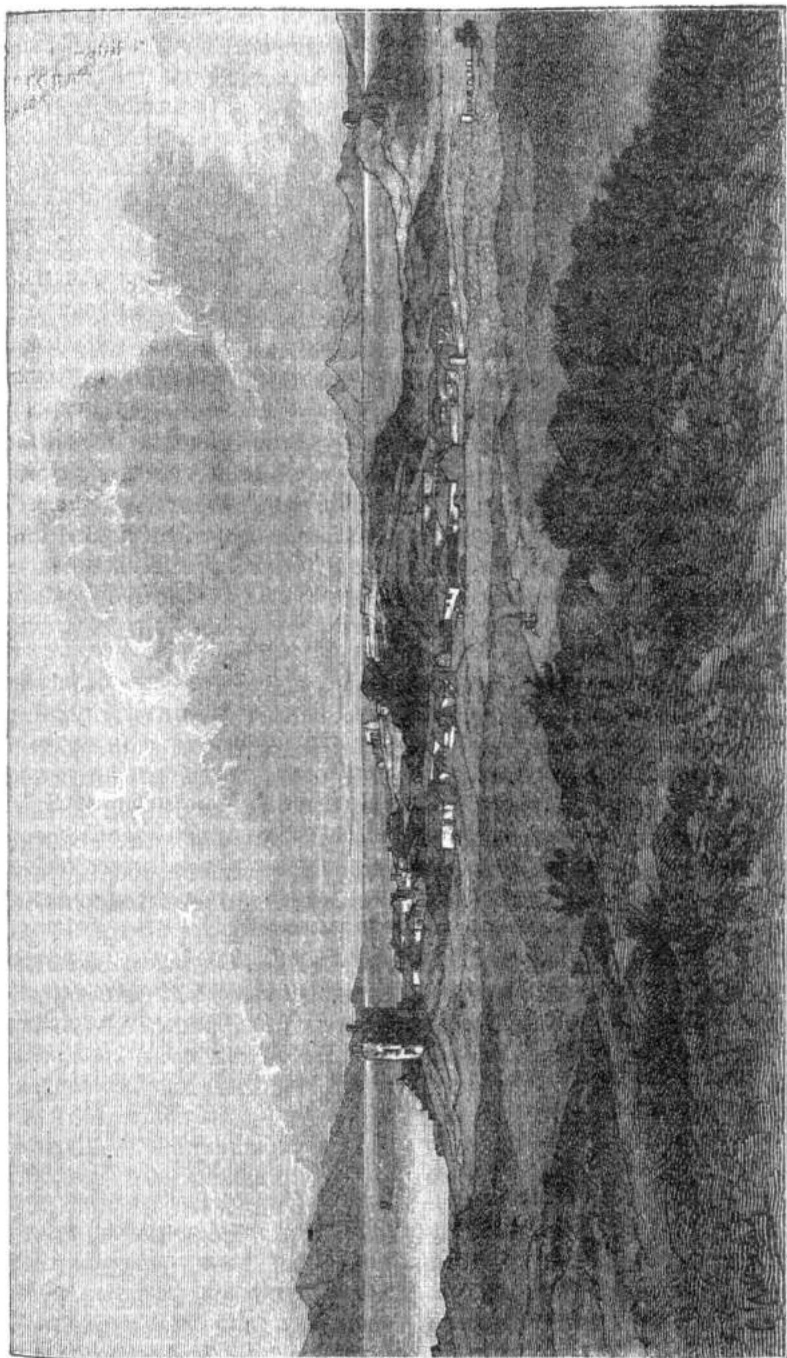
Однако спартанцы благодаря счастливым жертвоприношениям почувствовали себя, наконец, снова воодушевленными и достаточно сильными для новых предприятий. В новом, втором, большом сражении мессенцы, находясь в полном еще уповании на оракула, сражались так мужественно, что еще раз не оказалось никакого перевеса. Но в этом сражении мессенцы потеряли царя своего Эфая и провозгласили вместо него царем своим Аристодема.

Аристодем в течение шести лет причинял спартанцам большой вред своими опустошительными набегами в их область и, поддержанный аргивянами и аркадянами, нанес им в одном большом сражении такое жестокое поражение, что они на некоторое время совершенно примирели.

Но благодаря одной хитрости спартанцы все-таки кончили тем, что успели доставить себе победу, мессенцы на вопрос, кому будет принадлежать честь победы, получили в ответ от Дельфийского оракула: «Тому, кто первый поставит вокруг жертвенника Юпитера в Итоме сто треножников». Так как мессенцам всего легче было исполнить это, то они не были особенно настороже; спартанцы же, узнав о таком прорицании, опередили мессенцев. Приготовив поспешно из глины сто треножников, они пронесли их незаметно ночью к святилищу.

Эта удавшаяся хитрость и другие дурные предзнаменования породили в мессенцах твердое убеждение в их неизбежной гибели. Аристодем лишил себя жизни на могиле своей напрасно умерщвленной дочери, а прочие мессенцы после многих тщетных попыток отбить от Итомы упорного неприятеля также предались отчаянию. Принужденные голодом, они покинули Итому; часть их спаслась бегством к союзникам, аргивянам и аркадянам, посвятила себя элевзинским таинствам и переселилась в Элевзин, остальные рассеялись по всей стране. К оставшимся на родине принадлежала, по всем вероятностям, беднейшая часть народа, принужденная жить в некоторой зависимости от спартанцев. Обязанные присягой, они должны были никогда не отпадать от спартанцев, предоставлять в их пользу половину сбора с своих полей и, подобно периекам и илотам, являться в черной одежде на погребные спартанских царей.

Еще раз попытались мессенцы сбросить с себя позорное иго упорной войной. Выросло новое, сильное, молодое поколение, горевшее одним только чувством — желанием отомстить Спарте. Вся сила этой мести и стремления к свободе сосредоточилась в Аристомене — юноше из царского рода. Он сделался душой нового восстания; все мессенцы возложили свои упования на ум и мужество этого юноши, доставившего им в то же время помощь аргивян и аркадян.

Нынешний вид Элевзины.

Так началась вторая Мессенская война. В первом же сражении между мессенцами и спартамцами Аристомен проявил столько доказательств своей храбрости и способностей, что мессенцы предложили ему сперва царское достоинство, а потом, когда он отказался от него, неограниченную власть предводителя. Вскоре после этого Аристомен проник ночью в Спарту и положил в храм Минервы Халкиокийской свой щит с надписью: «Аристомен посвящает его богине после победы над Спартой!» Спартамцы должны были противопоставить такому страшному противнику самого выдающегося человека.

Они спросили Дельфийского оракула, и он посоветовал им обратиться за помощью к афинянам. Афиняне послали к спартамцам стихотворца Т и р т е я. Своими пламенными песнопениями и составленными в а н а п е с т н о м размере военными песнями он водворил мир и согласие между враждовавшими до тех пор из-за войны гражданами и вновь воодушевил и оживил их упавшее мужество. Однако мессенцы благодаря храбрости Аристомена и в открытом бою, и в набегах постоянно одерживали над спартамцами верх. Под конец спартамцы прибегли к самому постыдному средству — к предательству. Они подкупили аркадского царя А р и с т о к р а т а, приведшего к мессенцам вспомогательное войско. В самый разгар сражения он ушел с своими войсками и тем привел мессенцев в такое расстройство, что спартамцы одержали над ними победу.

Мессенцам не оставалось другого исхода, как тот, к которому они прибегли уже в первую мессенскую войну. Они оставили за собой только западный берег. Жители остальной страны, в особенности способные сражаться, заняли укрепленную гору Иру. Отсюда Аристомен предпринимал такие успешные набеги, что спартамцы решили в занятых ими местностях Мессении и близлежащих к ней округах Лаконии не обрабатывать полей, так как Аристомен уничтожал все сборы с них. Такое положение привело к голоду и к возмущению землевладельцев, которых с трудом усмирил Тиртей.

Аристомен становился все смелее и смелее. Он напал даже на Амиклы и разграбил их. Во время этого нападения он был захвачен, со своими пятьюдесятью товарищами, спартамцами и брошен в пропасть с Тайгетской скалы, откуда бросали осужденных на смерть. Отсюда, казалось, не могло быть никакого спасения, и спартамцы рассчитывали, что со смертью Аристомена будет окончена и сама война. Но к радости своих и к ужасу врага, один случай, изукрашенный вымыслом, спас Аристомена от верной гибели. Из всех брошенных в пропасть мессенцев одному только Аристомену удалось спастись. Сначала, казалось, счастье совсем покинуло его, и ему предстояла мучительнейшая смерть. Но в то самое время, когда Аристомен приготавлился уже к ней, он вдруг услышал шорох и увидел лисицу, пожиравшую труп. Появление этого животного доказало ему возможность выхода из пропасти, и он возымел надежду найти и для себя этот выход.

Незаметно и проворно схватил он одной рукой хвост лисицы, а другой при помощи своего плаща защищался от ее укусов. Следуя за лисицей, он достиг прохода, расширил его, насколько позволили ему его силы, и убежал из пропасти к своим на гору Иру. Здесь ликующие мессенцы собственными глазами убедились в спасении Аристомена, которого они считали уже умершим; спартамцам же, не хотевшим верить слухам об этом, пришлось вскоре убедиться в их справедливости вследствие поражения, понесенного шедшими к ним на помощь коринфянами. Они узнали в этом мужество, храбрость и искусство Аристомена, подстергшего коринфян.

Спартамцы не пренебрегали никаким средством, чтобы завладеть таким противником. По случаю наступления в Амиклах священного праздника Гиацинтий они заключили с мессенцами перемирие. Аристомен, полагаясь на договор, разъезжал по Мессении. Во время этих разъездов он был схвачен находившимися на жалованьи у спартамцев критскими стрелками и, связанный, был отправлен в Спарту. Но дорогой, во время остановки в доме одной мессенянки, он был снова спасен ее дочерью от неминуемой гибели.

Таким образом Аристомен и народ его казались непобедимыми. Но боги решили гибель Мессении, что и было возведено вешим оракулом. Для окончательного падения Мессении судьба воспользовалась минутой, когда полученная Аристоменом при одном набеге рана помешала обыкновенной его бдительности и заботливости об охране и защите укрепленной горы Иры. Случилось, что в одну дождливую и темную ночь в надежде, что спартамцы ничего не предпримут в такое время, мессенские часовые покинули свои посты и ушли домой.

Один спартамский беглец случайно спрятался в доме ушедшего со своего поста мессенского часового. Узнав таким образом о совершенной беззащитности крепостных стен, он поспешил в спартамский лагерь, рассчитывая за такую новость получить позволение вернуться в свое отечество. Спартамцы не замедлили этим воспользоваться и ворвались в крепость, прежде чем мессенцы успели их заметить. Но спартамцы еще долго не могли овладеть ею, так как пробужденные шумом мессенцы еще три дня и три ночи отчаянно защищались под предводительством Аристомена.

Наконец, когда превосходство сил все вновь прибывавших спартамских войск сделало сопротивление невозможным, Аристомен постарался спасти оставшихся в живых. Он собрал всех вокруг себя, стал сам во главе, свободно прошел сквозь расступившиеся ряды спартамцев, которые не пожелали купить победу над этой последней горсткой людей слишком дорогой, кровавой ценой, и направился в Аркадию. Отсюда спасшиеся бегством мессенцы, соединившись с другой толпой своих соотечественников, населявших защищаемую до тех пор горой Ирой западную часть Мессении, отправились в Сицилию, овладели там городом З а н к л е и назвали его М е с с а н о й.

Аристомен отправился к Д а м а г е т у — царю Иалисскому, на остров Родос. Дамагет, повинувшись Дельфийскому оракулу, повелевавшему ему жениться на дочери лучшего из греков, вступил в брак с дочерью Аристомена. Мессенский герой умер на этом острове, собираясь ехать сперва к мидийскому, а от него к лидийскому царю. Оставшиеся на своих местах мессенские жители были обращены спартанцами в состояние илотов, а вся земля их была разделена между спартанцами.

С победой над мессенцами Спарта получила решительный перевес над государствами Пелопоннеса, что и было ими признано. Только один Аргос выражал неудовольствие и впоследствии, завидуя г е г е м о н и и (верховенству) Спарты, держался от нее на расстоянии.

Даже и за пределами своего отечества Спарта, как сильнейшее государство в Греции, пользовалась в VI веке до Р. X. большим уважением, что доказывается, например, тем, что Крез, как о том было рассказано выше, обратился к Спарте с предложением принять участие его в войне против Кира.

6. Солон — законодатель афинский (594 г. до Р. X.)

Гораздо позднее и совсем в ином духе перешло Афинское государство к прочной форме правления. Переход этот совершился при помощи Солона, государственные способности которого, подобно способностям Ликурга в Спарте, были настоятельно необходимы, чтобы вывести государство из обуревавших его смут. Между царями и благородными родами (эвпатридами) не замедлила вспыхнуть борьба. Царское достоинство было принесено в жертву греческому духу свободы, но это совершилось при обстоятельствах, при которых ненависть к царской власти могла принять по отношению к ней вид признательности и благоговения.

Доряне, во время своего переселения овладев всем Пелопоннесом, протеснились до области Мегары. Афиняне, желая исторгнуть эту важную местность из рук чужеземного и враждебного племени, начали с дорьянами войну. В этой войне оракул обещал победу дорьянам, если только тогдашний афинский царь Кодр не будет убит ими. Но Кодр, узнав о таком прорицании, принял геройское решение доставить ценой своей жизни победу афинянам. Он переоделся крестьянином, отправился в неприятельский стан и, оскорбив одного дорянина, затеял спор и был убит в происшедшей вследствие этого ссоре. Вскоре под рубищем бедняка был признан царственный властитель, и пелопоннесцы, усомнившись в счастливом исходе войны, отступили назад, удовлетворявшись завоеванием Мегары.

Эвпатриды воспользовались этим обстоятельством, чтобы положить начало аристократии (правлению благородных). Их хитрость искусно сумела согреть чувство признательности с собственными их

государственными и гражданскими интересами. Ни один смертный, говорили они, недостоин быть преемником такого царя, как Кодра, и никто, кроме Юпитера, не должен после него царствовать в Афинах. Таким образом отменили царское достоинство, и старший сын Кодра — М е д о н т был поставлен во главе правления с скромным титулом а р х о н т а (в 1068 г. до Р. X.). Это новое достоинство, как и предшествовавшее царское, было пожизненное и наследственное и совмещало в себе те же права, не исключая прав верховного жреца и высшего надзора за религиозными обрядами.

*Древняя ионическая одежда.
По Р. Hottenroth. Trachten der Völker.*

Но достоинство архонта постепенно проникалось все более и более республиканским духом и по истечении трехсот лет, с отрешением от должности тринадцатого пожизненного харонта из рода Кодра — А л к м е о н а, перестало быть пожизненным и в течение некоторого времени было ограничено десятью годами (754 г. до Р. X.). Оно, по возможности, сохранялось в роде Кодра. Врат Алкмеона первый был избран архонтом на десять лет с обязательством отдавать отчет в своем управлении эвпатридам. Но около 683 года до Р. X. вместо одного архонта стали выбирать девять¹ и уже не на десять лет, а на один год. Многие

¹ Председательствующий из этих архонтов назывался э п о н и м о м, почему и год назывался его именем; в второй базилевс (царь, то есть жрец) заведывал религиозными обрядами; военными делами заведывал третий — п о л е м а р х. Остальные шесть назывались ф е с м о ф е т а м и и заведывали законодательной и судебной частями. Таким образом единство царской власти было раздроблено.

благородные фамилии достигали таким образом этого высшего достоинства, и в Афинах господствовала аристократия.

Однако Афины не остановились на этой перемене; она составила лишь переходную ступень в дальнейшем развитии политической и гражданской жизни, к которому Афинское государство было предназначено. Из развалин правления благородных должно было возникнуть народовластие (демократия), потому что благородные роды, полные честолюбия, враждовали между собой, оспаривая друг у друга власть над Афинами, и угнетали народ. Ряд других смут и междоусобий наполняет историю Афин за это время.

Потребность в прочном законном порядке и в составлении писанных законов против своевольного управления архонтов — Эвпатридов чувствовалась все сильнее и настоятельнее. Но первая попытка в этом роде, архонта Дракона в 620 г. до Р. Х.¹, не достигла цели, и безотрадное положение дел продолжалось. Последствием его было кровавое в о с т а н и е Килона.

Победа на Олимпийских играх увеличила прирожденную его славу как человека знатного происхождения, а брак с дочерью тирана Мегары еще более увеличил его могущественные фамильные связи. Полагаясь на такие преимущества своего положения, Килон вознамерился присвоить себе в Афинах верховную власть. И действительно, воспользовавшись раздорами Эвпатридов и склонив на свою сторону народ различными обещаниями, и в том числе обещанием передела земли, он успел овладеть крепостью Акрополем.

Но едва лишь узнали об этом государственном перевороте Эвпатриды, как они, под предводительством Мегакла, принадлежавшего к не менее могущественной фамилии Алкмеонидов, происходивших из рода афинских царей, поспешили отнять Акрополь. Находившиеся в ней сторонники Килона, вследствие недостатка в воде и съестных припасах, доведены были до бедственного положения. Самому Килону удалось спастись лишь счастливым бегством; его же приверженцам не оставалось ничего другого, как искать спасения в храмах крепости. Враги выманили их из храмов обещанием даровать им жизнь и умертвили как их, так и тех, кто искал спасения у жертвенников эвменид.

Это злодеяние, совершенное против религии, вызвало в афинском народе опасение за благосостояние города. Афиняне опасались, чтобы гнев богов не обрушился вместе с преступниками и на сам город. Прежде всех отложились Эвпатриды. После долголетних смут Эвпатриду Солону удалось, наконец, убедить Алкмеонидов подвергнуть себя третьейскому суду, составленному из граждан, принадлежавших к одному с ними сословию, и по приговору его удалиться в изгнание. Затем, по указанию Солона, защита города от поругания святынь было возложено на Эпименида с острова Крита. Жертвоприношениями и

¹ По законам Дракона за каждый проступок, даже за кражу плодов, полагалась смертная казнь, так что один из позднейших остроумных ораторов, Демад, сказал о них, что законы Дракона написаны были кровью.

различными другими умиловительными обрядами он очистил город и снова вдохнул в граждан мужество и надежду.

Но источник непрерывных смут заключался главным образом в отсутствии прочного устройства государственных и гражданских отношений и в различии желаний и стремлений политических партий. Таких партий было три, и они назывались историками по местностям Афинской области, в которых они жили: д и а к р и и или гиперакрии, педии и парали. Последние из них или береговые жители — граждане среднего сословия, торговцы и мореходцы — желали умеренных законов; педии, населявшие равнину и состоявшие из благородных землевладельцев, желали видеть управление в руках немногих (олигархию); диакрии же или жители гор — беднейшие и самые ограниченные в правах — стремились к переделу земельной собственности, а главным образом к равноправию всех граждан, то есть к демократии. К диакриям примкнула большая часть бедных, которые сильно задолжали богатым (явление, встречаемое почти во всех государствах того времени) и вынуждены были отдать им в залог свои маленькие земельные участки или самих себя; они жили под постоянным тяжелым гнетом строгих законов, охранявших права заимодавцев, и готовы были прибегнуть к самым отчаянным средствам, лишь бы уничтожить своих мучителей.

Солон.
С древнего бюста.

Умиротворить с возможной осторожностью так много страстей и удовлетворить, по возможности, столь различные требования составляло далеко не легкую задачу. Задачу эту выполнил Солон — человек, от проницательного ума которого не ускользнуло, что должно было быть истинным средством, чтобы помочь господствовавшей беде. Наделенный мягким характером, обширным умом, он обладал сверх всего этого даром привлекать к себе людей. При этом по общественному своему положению, одинаково далекому и от заносчивой гордости знатных, и от слепого отчаяния угнетенного народа, он был более других способен выступить посредствующим и примиряющим законодателем.

Различными делами, выполненными к пользе государства, Солон успел уже доказать свои способности и привлечь на свою сторону внимание народа. Ему обязаны были возвращением острова Саламина, отнятого у афинян тираном Феагеном из Мегары в отместку за неудачное предприятие зятя его, Килона. После многократных и тщетных попыток вернуть себе столь необходимый для их торговли остров афиняне, отчаявшись уже в возможности этого дела, постановили закон, формально запрещающий, под страхом смертной казни, кому бы

то ни было возбуждать государство к этому предприятию. Но закон этот не мог соблюдаться без прямого ущерба городу, и все дело сводилось только к тому, чтобы уничтожить его, не подвергая свою жизнь опасности.

Солон указал средство для исполнения всеобщего желания. Он заперся у себя дома, распустил слух, что он сошел с ума, сочинил относившееся к Саламину стихотворение и, выучив его наизусть, выскочил однажды из своего дома на площадь, произнес это стихотворение и приглашал в нем граждан к завоеванию Саламина. Сговорившиеся с ним заранее его друзья, в особенности Пизистрат, не замедлили поддержать перед собравшимся народом это предложение. Когда труднейший шаг, а именно упоминание о деле, был сделан, пошли далее и — закон был отменен. Счастливый исход похода, возвративший Саламин в руки афинян, окончательно возвысил славу и значение Солона.

Еще большее значение для него имело благоволение Дельфийского оракула. Он приобрел это расположение тем, что настоял пред Амфиктионовым судом на строгом наказании жителей фокейского города Кирры за ограбление области Дельфийского божества. То была так называемая Первая священная война (600—590). Кирра была разрушена, принадлежавшая ей земля посвящена Аполлону, а всякий, кто отважился бы снова возделывать ее, предавался проклятию. В благодарность за энергичное заступничество за честь божества оракул переслал Солону состоявшее из двух стихов изречение, которое заключало в себе формальное предложение ответить на всеобщее доверие своих сограждан и выступить в качестве законодателя. Изречение гласило:

*«Сядь посреди корабля и возьми правящее весло в свои руки
Для управления; многие афиняне, готовые помочь тебе, появляются».*

Из самой задачи удовлетворить противоположные желания вытекает посредствующий характер Солонova законодательства, и что это было действительно так, доказывается его собственными словами, что он выбрал для афинян законы, не лучшие сами по себе, а лучшие из тех, которыми они могли воспользоваться. Согласно желанию угнетенной и притесненной части народа, он мог, по примеру спартанского законодателя Ликурга, разделить земельные участки поровну между всеми гражданами. Но Солон, чтобы прийти на помощь беднейшей части народа, предпочел прибегнуть к менее радикальному средству, к так называемой с е й с а х т и и, то есть к облегчению тягостей долгов. Под этим следует понимать не полное погашение долгов, а, с одной стороны, известное уменьшение накопившихся процентов, а с другой, через введение н о в о й д е н е ж н о й с и с т е м ы, уменьшение самого капитального долга на 27%. Так, кто был должен при старой денежной системе сто драм, хотя и платил по новой системе также сто драм, но

равнявшихся семидесяти трем старым. Кто был должен старый (эгинский) талант, платил за него только новый (эвбейский), бывший дешевле первого на двадцать семь процентов. К этому Солон присоединил строгое запрещение, чтобы на будущее время никто не мог отдавать в залог свою личную свободу, и придал этому закону обратную силу, то есть, что все, кто к тому времени находился за долги в рабстве, объявлены были свободными. То обстоятельство, что он, по уверению историков, не вполне удовлетворил этими законами ни бедных, ни богатых, говорит за справедливость и беспристрастие его постановлений.

Подобным же уравнительным образом распределил он право участия в управлении государством между исключительно управлявшими до тех пор знатными родами и народом, не принимавшим в нем до того времени никакого участия, следующими постановлениями. Он разделил граждан на четыре класса, различавшиеся между собой по размеру своего имущества. Кто со своего имущества или земельного участка получал ежегодно пятьсот мер (медимнов) хлеба или соответствующее количество вина и масла, то есть обладал податным капиталом в шесть тысяч драхм, тот принадлежал к первому классу, члены которого назывались п е н т а к о с и о м е д и м н а м и, то есть получающими пятьсот мер хлеба. Принадлежавшие ко второму классу должны были получать от трехсот до пятисот мер и таким образом обладать податным капиталом не менее как в три тысячи шестьсот драхм; они назывались в с а д н и к а м и, потому что могли содержать коня, и из них выбирались конные воины. Находившиеся в третьем классе назывались з е в г т а я м и, то есть такими, которые в состоянии были содержать для обработки своего поля одну запряжку волов и получали по крайней мере от ста пятидесяти до трехсот мер ежегодного дохода, равнявшегося тысяче восьмистам драхмам капитала. Они должны были иметь полное вооружение гоплита, или тяжеловооруженного, в качестве которых и служили в войске. Ф е т ы, то есть работники, поденщики, ремесленники, торговцы, составляли четвертый и последний класс; входившие в него члены имели годового дохода менее ста пятидесяти медимнов. Они составляли в войске легковооруженных и служили матросами во флоте.

Этот последний и многочисленнейший класс был свободен от налогов, имел право голоса в народных собраниях, но был лишен права занимать государственные должности. Только члены первых трех классов имели доступ к этим должностям; достоинство же архонтов осталось исключительно за членами первого класса. Право голоса в народных собраниях имело, однако, весьма важное значение.

Изображение древней афинской серебряной монеты с лицевой и оборотной сторон.

Народное собрание решало вопросы о мире и войне, утверждало законы, выбирало должностных лиц и требовало отчета в государственных расходах. Народное собрание составлялось из всех граждан, достигших двадцатилетнего возраста, и постановляло свои решения большинством голосов (поднятием руки, черепками или камешками). В особенности строго наблюдалось, чтобы в Народном собрании принимали участие одни только афинские граждане, и Солон весьма затруднил приобретение прав гражданства. Ни один иностранец, под страхом смертной казни, не смел являться в Народное собрание.

Для того, чтобы придать этой подвижной массе Народного собрания, — способной, по легкомыслию своему, увлекаться в разные стороны, — осмотрительность и благоразумие, Солон, по собственному его выражению, установил два «якоря». Одним из них был а р е о п а г, который до Солона был уголовным судом, имевшим свои заседания в ночной темноте. Солон дал Ареопагу, вероятно, совершенно новое, соответствовавшее всему новому законодательству, устройство. Членами ареопага были назначаемы ежегодно выбывающие архонты, то есть из членов первого класса, и круг его действий, кроме решения дел об убийстве и других тяжких преступлениях, состоял в имевшем большое значение наблюдении за исполнением законов и религиозных обрядов и за правами граждан. Он также имел право подавать возражение против всякого решения совета и народного собрания, если решение это заключало в себе нарушение существующего государственного устройства или представляло опасность для благосостояния государства. Один римский писатель сравнивает поэтому влияние Ареопага на Афинское государство с божественным Провидением о вселенной. В первые времена без ареопага не могло быть предпринимаямо ничего сколько-нибудь важного.

Вторым якорем, предназначенным Солоном к укреплению Народного собрания, был с о в е т ч е т ы р е х с о т или позднее пятисот, когда число классов (фил) в Афинах увеличилось. Хотя в совет четырехсот выбирали все четыре класса, но избираемые должны были принадлежать к лицам только первых трех классов, причем прошлая жизнь их подвергалась строгому разбору (докимасия). Совет этот имел право созывать народное собрание и предварительно рассматривал все вопросы, прежде чем они предлагались народному собранию, а такие предметы, которые он не считал полезными, вовсе исключал из обсуждения народного собрания. Он имел исключительное заведывание финансами, и в нем сосредоточивалась правительственная и административная власть. Совет также заведывал вооружением войска и флота и мог задерживать и сажать в тюрьму государственных преступников; председатель же его был хранителем государственной печати, ключей от казнохранилища и крепости. Однако власть совета была ограничена, и без одобрения народного собрания никакое постановление его о войне или мире не могло иметь само по себе никакой оконча-

тельной силы. Совет имел свои заседания в особом помещении и в определенное время. В промежуточное время текущими делами управлял комитет из ста избранных его членов, называвшихся пританами.

Хотя оба эти учреждения и должны были обуздывать Народное собрание, но последующая история покажет нам, как, несмотря на это, народное собрание, ослабляя значение обоих своих противовесов, постоянно расширяло свою власть и давало все более и более простора коренившемуся в народе демократическому духу. Подобно тому, как народное собрание сделалось учреждением, поверяющим деятельность членов совета и должностных лиц, составилась и Народный суд, *гелиея*, в который архонты ежегодно назначали по жребию по тысяче граждан (*гелиастов*) из каждого из четырех классов. Сначала суд этот был апелляционный, а впоследствии высшей судебной инстанцией для уголовных преступлений и важнейших юридических вопросов.

Этим республиканским духом проникнуты и многие другие узаконения, касавшиеся частных отношений. Каждый афинский гражданин мог кому угодно завещать свое имущество. До Солона это не было позволено, и имущество должно было оставаться в семье, как общая родовая собственность; теперь же гражданин, не имевший детей, получил право отказывать имение по своему желанию. Таким образом, говорит Плутарх, имущество впервые перешло в собственность. Далее, всем гражданам было дозволено заниматься ремеслами, и сын не был обязан содержать в старости отца своего, если тот не научил его какому-нибудь мастерству.

Эти два постановления поощряли афинян к ремесленчеству и торговле, в которых так нуждалась неплодородная и в то же время столь удобная для мореплавания Аттика. Но в высшей степени замечателен выказывающий всю политическую проницательность Солона его закон, в силу которого всякий, не принимавший во время народных движений чьей-либо стороны, должен был объявляться бесчестным. Этим законом Солон желал противодействовать вредному равнодушию благомыслящих людей к общественным делам, вследствие чего часто одерживают верх дурные начала.

*Греческая женщина с детьми.
С античного барельефа.*

Воспитание юношества Солон не обратил, как Ликург, в дело государственное, а напротив, предоставил более на волю и средства частных лиц.

Гимнастика, по общему греческому обычаю, составляла в Афинах, как и в Спарте, главную тенденцию при воспитании юношества, но ею не заставляли заниматься с такой суровой строгостью. Свобода и многосторонность, предоставленная Солоном деятельности афинских граждан, вносили нравственное, умственное и художественное начала в круг их образования и в высшей степени способствовали богатству и разносторонности развития государства. Юношество должно было быть обучаемо чтению, музыке и в совершенстве знать лучшие произведения поэзии, в особенности религиозного содержания.

Затем Солон заботился об оживлении любви к отечеству. По одному из его постановлений, дети павших на поле сражения с оружием в руках воспитывались за счет государства; по другому, установленному, вероятно, уже после Солона и перешедшему в обычай, убитым в сражении воздавалось торжественное погребение, сопровождаемое похвальными речами. И действительно, оба постановления эти служили возбуждающими средствами для подъема в гражданах воинственного духа на защиту отечества.

Господствовавшая в Афинском государстве кротость происходила также от того, что Солон отменил кровавые законы Дракона, удержав их только за убийство и за другие уголовные преступления, а равно и для тех, кто обижал бедняка, ребенка, женщину или раба. По кроткому обращению с рабами Афины в особенности отличались от Спарты, почему обыкновенно и говорили, что рабы в Афинах менее стеснены, чем свободные граждане в других государствах. Особого восхваления заслужил также закон Солона, запрещающий дурно говорить об умершем.

Этими и подобными им законами Солон положил основание дальнейшему развитию отличительного афинского духа. Законы его, написанные на деревянных досках, были открыто выставлены в городе. После того как граждане поклялись в течение десяти лет не отменять и не изменять новых законов, Солон отправился путешествовать в Египет, на остров Кипр и в Малую Азию и на пути своем посетил Креза, царя Лидийского.

7. Пизистрат (560—510 гг. до Р. X.)

Но во время путешествия Солона в Афинах произошли события, показавшие, что законы его не могут удержаться сами собою, а для своего упрочения нуждаются в поддержке сильного правителя. Уже в то время, когда Солон в качестве законодательного архонта восстанавливал государство своими новыми установлениями, многие изъявляли

желание, чтобы он сделался верховным правителем Афин или тираном (в греческом смысле этого слова). Приводимые Плутархом отдельные отрывки из Солоновых стихотворений показывают, что он считал необходимым защищаться против упрека тех, кто в желании его доставить господство не себе, а своим законам, усматривал не скромность, а лишь слабость и малодушие. Находили также подобную скромность неблагоприятной. Не считая убеждения и законы достаточно сильными сами по себе для изменения государственного устройства, они охотно бы подчинились управлению столь справедливого и благогазумного человека, как Солон.

То, что отверг Солон, удалось получить одному из его родственников, Пизистрату. Он отличался духом властолюбия и воспользовался расположением умов к тирании не только ради своих личных интересов, но и к выгоде государства.

Лишь только с политической арены удалился Солон, как тотчас же выступили друг против друга три упомянутые выше партии, которые жаждали из перемены правления извлечь каждая для себя гораздо больше пользы, чем предоставлялось им уравнительным Солоновым законодательством. Во главе педиев стал Ликург, паралиев — Алкмеонид Мегакл, а диакриев — Пизистрат. Таким образом к партии Пизистрата принадлежала беднейшая часть народа, всецело покоренная его высоким умом и увлекательным красноречием. Она ожидала от своего предводителя расширения своих политических прав и распределения земельной собственности.

Пизистрату легко удалась хитрость, при помощи которой он старался создать для себя независимую власть. А именно, он сам нанес себе рану и, приказав привезти себя в таком виде на колеснице на городскую площадь, сумел уверить народ, что он пострадал от своих врагов за свои политические убеждения. В то время, когда раздраженный народ изъявил готовность сражаться за него и охранять его, один из друзей Пизистрата сделал предложение дать ему для охраны пятьдесят вооруженных телохранителей. Предложение это было одобрено советом четырехсот и утверждено Народным собранием. Пизистрат в скором времени увеличил число этих телохранителей по собственному своему усмотрению и начал единолично править Афинами.

Между тем Солон вернулся и был свидетелем всех этих происшествий. Но так как волнения партий пересилили его общественное влияние, а преклонные лета требовали покоя, то он устранил себя от общественной жизни и только старался переговорами с предводителями партий внести мир и согласие в их отношения, но старания его не имели успеха. Также тщетно старался он убедить народ не давать себя в обман и не предоставлять в распоряжение Пизистрата охранной стражи. Наконец, увидев, что одна часть граждан была введена Пизистратом в ослепление, а другая из страха не решилась сопротивляться ему, Солон удалился с городской площади и при этом сказал: «Пизистрат умнее первых и мужественнее вторых».

Достигнув власти, Пизистрат выказал себя благоразумным, продолжая уважать и пользоваться советами престарелого Солона, который не переставал в речах и стихотворениях своих упрекать граждан в их безумии и малодушии. Когда Солон умер, Пизистрат почтил его соблюдением его законов и введенных им государственных учреждений и, как рассказывают, будучи уже тираном, сам явился на суд Ареопага, когда был обвинен в убийстве. Архонты и члены совета выбирались по-прежнему, при этом заботились только о том, чтобы большинство их состояло из приверженцев Пизистрата.

Однако власть Пизистрата не была еще настолько упрочена, чтобы могла противостоять каждому случавшемуся сопротивлению. Мегакл и Ликург, бежавшие из Афин из страха за свою жизнь, с помощью своих приверженцев возвратились и изгнали Пизистрата из города (в 554 г.). Но вскоре предводители обеих торжествующих партий, Мегакл и Ликург, вступили в борьбу друг с другом, и первый из них, сильно притесняемый, чтобы поддержать себя, предложил Пизистрату вступить в брак с его дочерью, обещая за это снова доставить ему верховную власть. Пизистрат принял предложение, и они для достижения своей цели придумали хитрость, которую Геродот считает несколько грубой для эллинов, с давних пор отличавшихся от варваров своим умом и сметливостью, и в особенности для афинян, которые по уму занимали первое место между греками.

Они выбрали женщину, отличавшуюся высоким ростом и необыкновенной красотой, поставили ее во всем блеске на колесницу и въехали вместе с ней в город в предшествовании нескольких глашатаев, громко восклицавших: «Примите Пизистрата с любовью: сама богиня Афина уважает его более всех смертных и вводит в свой город!» Слух о том, что женщина — эта сама богиня, быстро распространился по городу, и афиняне, убежденные в справедливости этого слуха, хорошо приняли Пизистрата (в 550 г. до Р. Х.).

Но теперь Пизистрат, имея уже других взрослых детей и ввиду тяготившего над семьями Мегакла или Алкмеонидах упомянутого выше преступления, разошелся со своей второю женой, вследствие чего отец ее разгневался и снова соединился со своими и Пизистратовыми противниками. Узнав об этом, Пизистрат покинул Аттику, удалился в Эретрию и старался там добыть себе людей и денег из соседних государств, которые были с ним прежде в союзе.

Собравшись с силами, Пизистрат одиннадцать лет спустя снова вернулся в Аттику (в 538 г.), занял Марафон и получил здесь еще значительную поддержку из Афин и из самой Аттики. Во главе собранного войска он напал на Афины и в битве при Паллене обратил своих противников, не принявших никаких мер предосторожности, в бегство. Со свойственным ему благоразумием он тотчас послал своих сыновей за бежавшими и приказал ободрить их и уговорить вернуться домой обещанием, что им ничего дурного не сделают. Когда беглецы верну-

лись, Пизистрат прекратил дальнейшую борьбу. Многочисленные враги его или пали в сражении, или, спасая свою жизнь, тотчас бежали.

Таким образом утверждение захваченной им в третий раз власти встретило лишь небольшое число противников, чему много способствовало как его богатство, состоявшее из поместий на Стримоне, так и распоряжение, по которому он захватывал и отсылал в качестве заложников на покинутый остров Наксос детей знатных граждан, казавшихся ему подозрительными. Спасшиеся бегством Алкмеониды уже не были в состоянии поколебать власть Пизистрата, и он правил Афинами справедливо и умеренно до самой смерти своей (в 527 г.) и постоянно старался насаждать в них научное образование.

8. Дельфийский оракул. Союз Амфикионов. Общественные игры

Рядом со Спартой и Афинами, историю которых мы довели до известной степени развития и которые частью уже в это время, а частью впоследствии вступили между собой в борьбу и неприязненные отношения, в Греции существовало еще множество других государств. Но история их не настолько нам известна, чтобы мы могли также всесторонне передать их судьбу и образование их государственных учреждений. Вообще, мы знаем только то, что их государственное устройство уподоблялось или спартанскому, или афинскому, и что в одних оно подходило ближе к первому, а в других — ко второму. Что же касается до их политического значения, то они почти всегда являются лишь в качестве придаточных частей обоих главных государств.

Несмотря, однако, на то, что мир эллинских государств распался на множество отдельных, самостоятельных частей, которые с трудом соединялись в одно целое — и то лишь для отражения общего врага, угрожавшего их общему отечеству, — существовали такие учреждения и установления, в которых все эллины сознавали единство своего происхождения. Таковыми были частью их общая религия и имевшие в нем свое основание оракулы, Амфикиони и — род религиозных союзов — и священные игры, частью же их общий язык и излагавшиеся на нем произведения эллинского искусства и знания.

Свойственные всему Древнему миру убеждения, что боги непосредственно сносятся с людьми, и вера в то, что такие сношения отчасти выражаются в известных откровениях богов, породило множество учреждений, между которыми ни одно так не замечательно, как оракулы.

Оракулов в Греции было несколько, но ни один из них не приобрел такого значения и уважения, как Дельфийский, посвященный богу Аполлону. В Фокиде, в диком ущелье горы Парнаса, находится пещера с трещиной в земле. Трещина эта выпускает газообразные испарения,

которые производят опьяняющее действие. Это место и было избрано жрецами для устройства прорицалища.

Поставленный над этой дымящейся пещерой треножник служил сиделищем жрице или пифии, в звание которой выбиралась сперва молодая, а впоследствии старая женщина; поднимавшиеся испарения подвергали ее конвульсиям. В подобном состоянии, считавшемся доказательством того, что она вдохновилась богом Аполлоном, пифия

*Дельфийский
треножник.
С барельефа алтаря
в вилле Боргезе.*

произносила отрывочные и многозначительные слова. Жрецы, в руках которых такая пифия служила лишь орудием, подхватывали эти слова, слагали их в стихи гекзаметрами и составляли таким образом изречения, которые согласовались с данными обстоятельствами и часто заключали в себе двусмысленные ответы на предложенные посетителями вопросы, касавшиеся или отдельных лиц, или целых государств. Рассказанная до сих пор история включает в себе уже много примеров, а в последующей их приводится еще более, доказывающих, что в Греции, в особенности у дорических племен, у которых оракул этот пользовался величайшим почетом, не предпринималось ничего сколько-нибудь важного без предварительного вопрошения о том мнения Дельфийского оракула.

Всеобщее уважение, которым оракул этот пользовался и за пределами Греции, чему доказательством служит пример Креза, выразалось также и в богатых приношениях звонкой монетой, драгоценностями, произведениями искусства, наполнявшими во множестве храм, на котором знаменательная надпись гласила: «Учись познавать самого себя». Охранение этих священных приношений было предоставлено жрецам, состоявшим из почетнейших граждан Дельф. Стечение множества иностранцев, непрестанные празднества и процессии доставляли и занятия и выгоды всем дельфийским жителям.

Влияние Дельфийского оракула в первые времена было по большей части благотворно. Нередко сила его прорицаний, имевшая величайший авторитет, предотвращала раздоры и кровавые столкновения. Таким образом оракул этот составлял связующее звено между греческими племенами, разъединенными взаимным соперничеством. Позже, по всем вероятностям с началом Пелопоннесской войны, вследствие усилившейся алчности жрецов и возраставшего просвещения народа оракул этот пришел в упадок и сделался под конец предметом презрения и насмешек.

В тесной связи с Дельфийским оракулом находилась Дельфийская Амфикифия — союз двенадцати соседних государств, первоначально с религиозной целью общих торжественных празд-

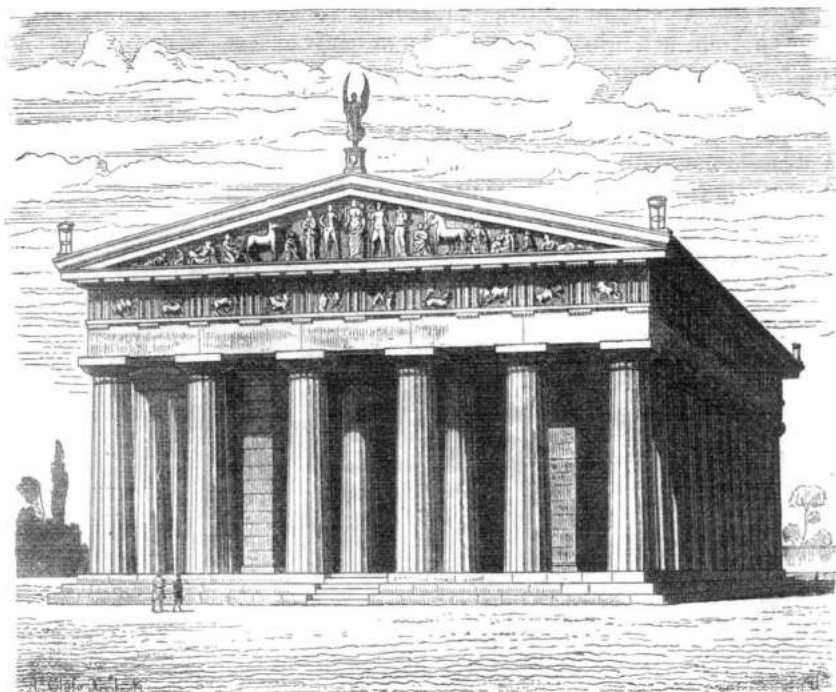
неств, а впоследствии для охраны Дельфийского храма, святилища Деметры в Анфеле и принадлежавшей к ней области и для надзора за Пифийскими праздничными играми. Скоро, однако, эта Амфикимония, состоявшая из фокеян, фессалийцев, беотийцев, а также афинян и спартанцев, получила и политическое значение. Она устанавливала международные основные правила, имевшие обязательную силу для членов союза как во время мира, так и во время войны¹.

Дельфийский оракул.

Весной Дельфы служили сборным местом, осенью же собрания происходили в Анфеле, при Фермопилах. Собрания эти состояли из послов государств, имевших право принимать участие в этом союзе. Древние писатели несогласны между собой насчет принадлежавших к союзу народов, к которым обыкновенно причисляют: ионян, дорян, беотийцев, фессалийцев, локрийцев, фокеян, перребов, ойтейцев, магнетов, феиотийцев и долопов.

¹ Афинский оратор Эсхин (389—314 гг. до Р. Х.) сохранил присягу, которой члены союза обязывались не разрушать города, принадлежавшего к союзу, и не портить протекавшую через него воду ни во время войны, ни во время мира.

Храм Зевса.

Имена этих народов указывают на то, что союз ограничивался первоначально народами Фессалии и ближайших к ней областей. Но когда некоторые из этих народов, как, например, доряне и ионяне, распространились в большей части Греции, то в союзе приняли участие все государства, основанные каким-либо из народов, принадлежавших к Амфиктионову союзу, поэтому и не сохранилось никаких указаний на участие в этом союзе аркадян, так как они являлись в Греции туземным, первобытным народом. Каким образом распределялись голоса между принадлежавшими к одному племени различными государствами — неизвестно. Послы, отправляемые членами союза, назывались пилагорами и гиеромнемонами; пилагоры, должно быть, составляли род постоянного совета, преимущественно для обсуждения политических вопросов; гиеромнемоны же назначались больше для решения религиозных дел.

Совсем другого рода, чем Амфиктионии, но также связующим всю Грецию учреждением были торжественные и общественные игры, которые доставляли повод к большим и многочисленным собраниям. Из числа этих игр П и ф и й с к и е происходили каждые восемь лет в Дельфах (Пифии) в честь бога Аполлона, И с т м и й с к и е бывали каждые два года на Истме (Коринфском перешейке) в честь Посейдона, и

Не м е й с к и е происходили также каждые два года в честь Зевса в Немее, в Арголиде. Но все эти игры далеко уступали в своем значении играм О л и м п и й с к и м; они праздновались в Олимпии, в Элиде, каждые четыре года, в июле месяце, в честь Олимпийского Зевса.

Основание Олимпийских игр приписывается Геркулесу, но возобновителем и вторичным учредителем их должен считаться Ифит, царь элидский и современник спартанского Ликурга. Дельфийский

Скаковая колесница.

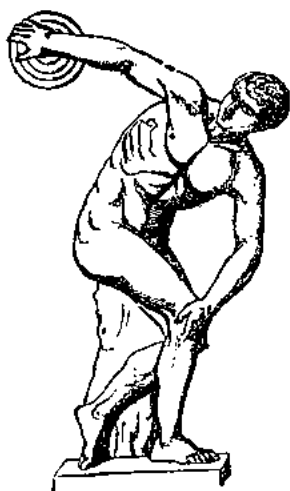
оракул на просьбу Ифита об утверждении этого возобновляемого установления не только одобрил намерение Ифита, но и предписал, чтобы все государства, которые будут принимать участие в этих играх, не нарушали провозглашаемого на время их перемирия для того, чтобы они могли происходить как можно спокойнее и чтобы на них могли стекаться все эллины в многочисленные собрания. Для того же, чтобы сама Элида, как местность, предназначенная для этих празднеств, могла указывать на мирный и братский характер их и пользоваться предпочтительно перед всеми другими непосредственными последствиями своего назначения, элидцы, на которых, по преданию, Геркулес исключительно возложил заботу об этих играх и жертвоприношениях, были объявлены посвященными служению Зевсу, не имели права вмешиваться в военные распри и были признаны неприкосновенными от всякого нападения.

Эти празднества продолжались пять дней. Начало и окончание их сопровождалось жертвоприношениями Олимпийскому Зевсу на алтаре, который возвышался на двадцать футов; священные процессии и пение гимнов служили к их прославлению и возводили на степень религиозного обряда. Представления всякого рода искусства телесного и духовного характера¹ делали праздник этот средоточием физического и умственного развития эллинского мира; а так как сюда стекалось множество народа из всей Эллады, то победа на этих состязательных играх, награждаемая оливковым венком, составляла предмет величайшей славы и счастья. Сами цари, как, например, Гиерон и Дионисий Сиракузские. Филипп Македонский и др., добивались победы в этой состязательной борьбе. Когда отдельные лица одерживали на этих играх победу, то победа эта в то же время служила к прославлению и их родины, так как

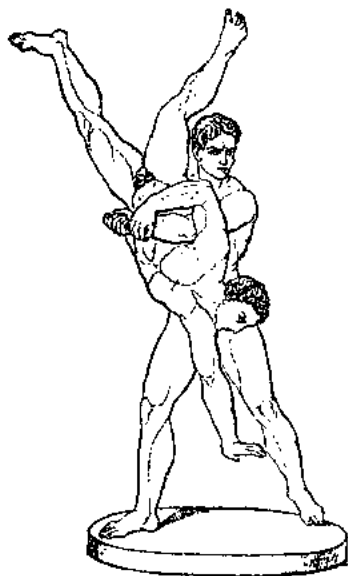
¹ Столь часто упоминаемый в приведенных уже нами рассказах Геродот также, должно быть, читал здесь вслух перед собиравшимися эллинами часть своей истории.

имя ее провозглашалось вместе с именем победителя. Сограждане победителя воздвигали поэтому в честь его статую в Олимпии¹.

При первоначальном основании и при восстановлении этих игр они были несостязательны и весьма просты. Затем, с течением времени, характер и значение этого праздника увеличились. Рассказывают также, что из гимнастических упражнений, составлявших, согласно греческому обыкновению, главный предмет состязаний, вначале имел место только бег взапуски в стадиуме, то есть в ристалище. Впоследствии к бегу взапуски постепенно присоединились конские ристания на

*Дискобол.
Со статуи Мирона (Ватикан).*

*Борцы.
С античной бронзовой группы.*

четверках, борьба, кулачный бой, прыгание и метание металлических кружков (дисков).

Игры обыкновенно начинались с восходом солнца на берегах реки Алфея. Здесь была устроена ровная, длинная, в виде шоссе, дорога, которая разделялась на две части. Левая сторона (и п подром) была предназначена для конских ристаний, правая, или с т а д и у м, в триста шагов длины, служила для бега взапуски и для борьбы. В священной роще при восторженных кликах собравшегося народа происходило венчание победителей. Кроме того, победители были прославляемы песнями поэтов, как, например, Пиндара Фиванского (522—442 гг. до Р. X.).

¹ Престарелый грек Диагор, с острова Родоса умер от радости в объятиях двух сыновей своих, одержавших победу; на его погребении за ним следовал весь собравшийся в Олимпии народ.

Для того же, чтобы слава такой победы могла доставаться одним лишь эллинам, а между этими последними только достойнейшим, было установлено, что правом участвовать в этих играх могут пользоваться только свободные лица греческого происхождения, рожденные в законном браке и безукоризненной нравственности. Почти тысячелетнее существование этих игр указывает на то, какую привязанность сохраняла к ним вся Эллада. Так как они в то же время служили объединению всех эллинов, то нельзя не признать совершенно справедливым, что впоследствии правильное повторение через каждые четыре года Олимпийских игр послужило основанием для летосчисления и хронологического определения греческой истории, которая и разделялась по олимпиадам (то есть по четырехлетним, разделявшим их, периодам)¹.

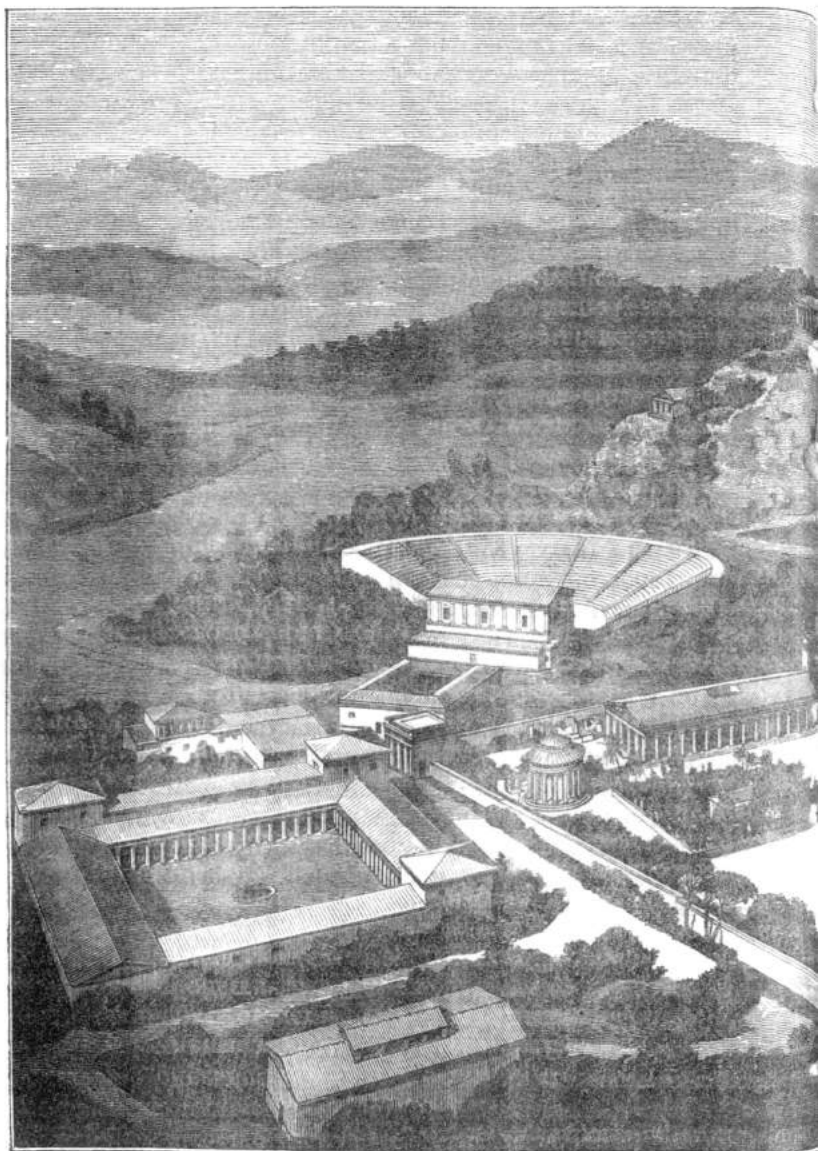
9. Духовная жизнь греков: религия, искусства и науки

Главными источниками для ознакомления с религией древних греков следует считать двух поэтов: Гомера (около 1000 л. до Р. Х.) и Гесиода (около 850 г. до Р. Х.). По краткому, но меткому выражению Геродота, «они создали эллинам родословное дерево богов», то есть привели представления задолго еще перед тем почитаемых богах и о деятельности их в не изменившуюся существенно и впоследствии систему. Согласно этой системе, народ представлял себе внешний образ, жизнь и взаимные отношения богов такими же, как и у людей. По его понятиям, боги не непорочные, нравственно возвышенные, все совершенные существа, а лишь существа, наделенные страстями в значительно большей степени, чем люди, и в то же время свободные от всех человеческих скорбей и печалей, «привольно живущие, пользующиеся в неиссякаемом избытке юношеских сил чувственными наслаждениями и вкушающие нектар и амброзию» (кравчий Ганимед). «Илиада» (песнь I, 599) говорит о них:

«Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, как с кубком Гефест по чертогу вокруг суетится».

Жилищем бессмертным богам служила гора Олимп. Немаловажный по своему значению намек на понятие о единобожии следует искать в выдающемся положении Зевса (Юпитера). Он — высшее божество, «отец богов и людей», «собиратель облаков», «громовержец», «эгидодержатель» (эгида — держатель щита с грозой и с блистающими

¹ Благодаря произведенным по распоряжению германского правительства раскопкам (1875—1881) открыты места для празднеств при Олимпии и сделано множество интересных находок, среди которых статуи Гермеса работы Праксителя и вычеканенное изображение Зевса по Фидию и т. д. На основании раскопок и показаний греческих географов, Страбона (66 г. до Р. Х. по 24 г. по Р. Х.) и Павзания (около 180 г. по Р. Х.), немецким ученым Эрнсту Курциусу, Густаву Гиршфельдеру и Адольфу Бёттихеру удалось воспроизвести почти полностью вид древней праздничной площади в Олимпии.

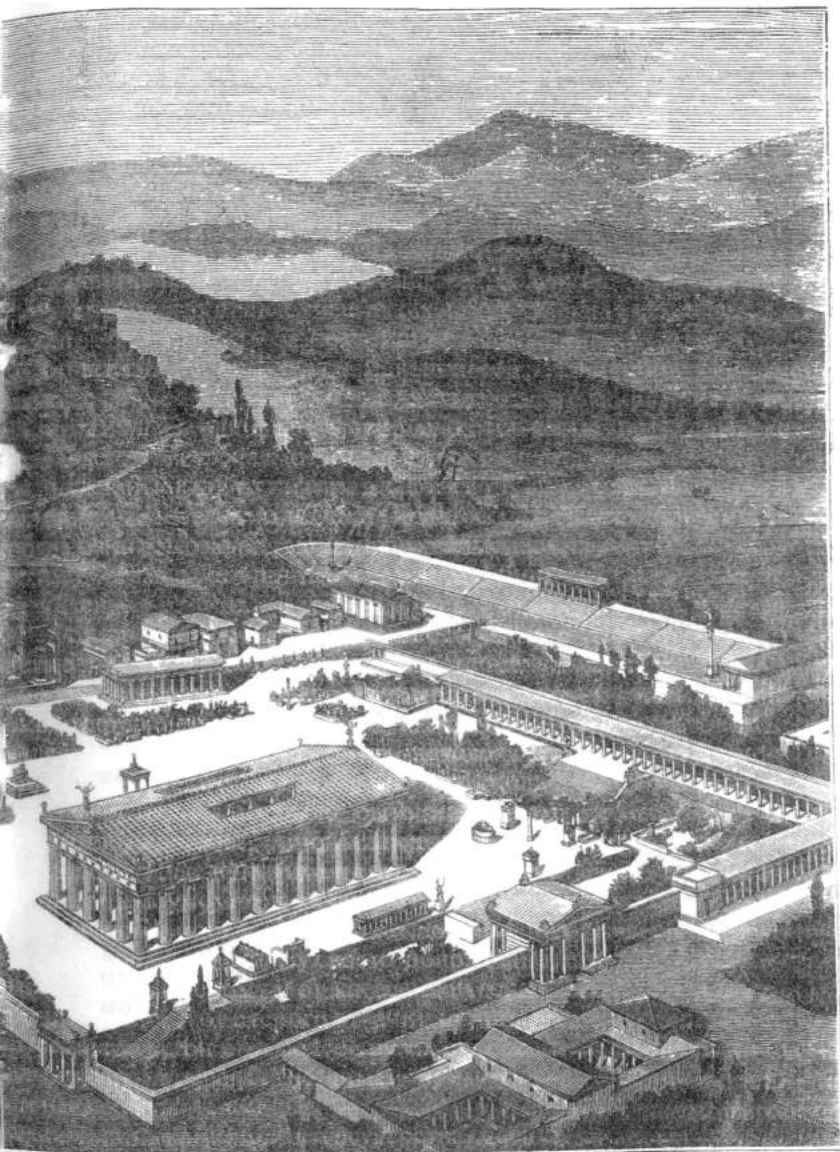
Равнина ручья Кладей
Гимназия

Театр
Филлипейон

Холм Кронийон
Герайон

(Круглый храм Филиппа Македонского)

Окруженная стеною роща — Атрий

Аркадийские горы с Олимпом и Эриманеон

Экседра Ирода Аттика

Тринадцать маленьких сокровищниц

Метроон

(Храм Матери богов)

Храм Зевса

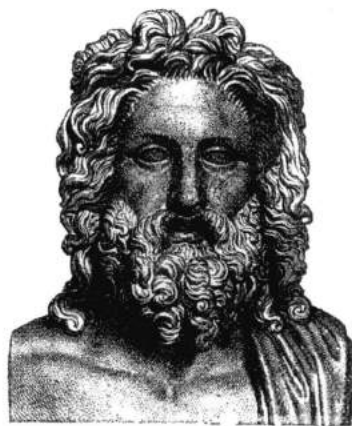
Равнина реки Алфея

Стадион

Стоя поикила

Ворота Торжественного шествия

*Праздничная площадь в Олимпии.
Реставрирована по Фр. Тишу*

Зевс.

С бюста Зевса, работы Отриколи. Ватикан.

молнией облаками). К другим небожителям принадлежат: Гера (Юнона) — «лилейнораменная», сестра и супруга Зевса. Она часто бывала ревнива и своенравна. Так, например, Гомер рассказывает нам со свойственным ему наивным простодушием («Илиада», песнь XV, 18):

Или забыла, как с неба висела? как две навязал я
 На ноги наковальни, а на руки набросил златую
 Вервь неразрывную? Ты средь эфира и облаков черных
 С неба висела...

Она покровительствует браку и любви; главным местом поклонения ей был Аргос; ей посвящены были павлин и ворон.

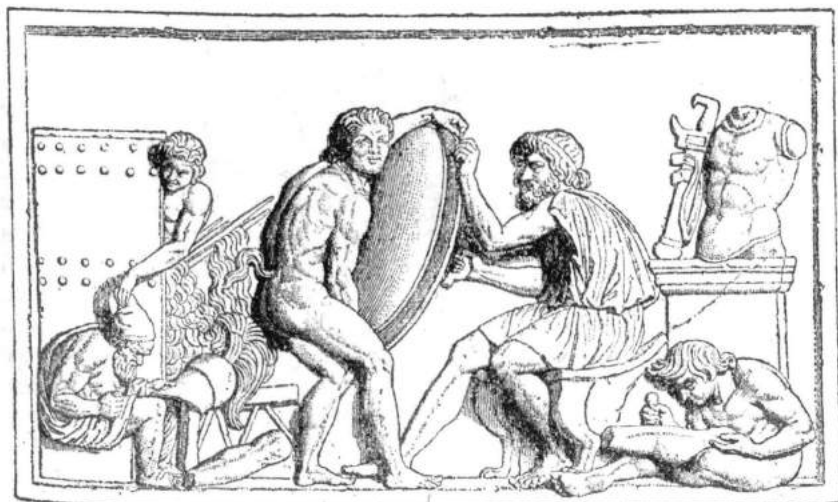
Гефест (Вулкан) — бог огня; кузница его была в Этне, а помощниками его были одноглазые циклопы. Любимейшей дочерью Зевса была Паллада - Афина (Минерва); «она вышла, вооруженная щитом, из головы Зевса». Она богиня разума, ясности и прозорливости как на войне, так и во время мира; ей посвящена сова; главным местом почитания ее были Афины, где родилось изречение: «принесите в Афины сов» (оттуда, где их много). Благороднейший сын Зевса — Аполлон был богом солнца и света, «Феб», то есть светозарный; он почитался творцом образования и вместе с тем богом прорицания, поэзии и врачевания; главным местопребыванием его были Дельфы — город знаменитого оракула. Ему сопутствовали девять муз (камени): Каллиопа (эпическая поэзия), Эвтерпа (лирическая поэзия), Мельпомена (трагедия), Эрата (поэзия любви и пантомима — «мимика»), Полигимния (хвалебные песни — «гимны»), Талия (комедия), Терпсихора (танцы), Клио (история), Урания (землеведение и астрономия). Им посвящены были гора Парнас и Кастальский источник. Сестра Аполлона — Артемида (Диана) была богиней внезапной смерти, охоты и

свободной жизни природы и почиталась покровительницей девственной и юношеской чистоты и целомудрия. Богом войны был Арей (Марс). У Гомера он называется «богом, истребителем народов, кровью покрытым, стен сокрушителем». («Илиада», V песь, 31).

Афродита (Венера), как богиня любви, напротив, сияет блеском красоты; ей посвящены мирт и голубь, а главным местом почитания ее был остров Кипр. Свиту ее составляли хариты (грации) — богини прелести и милости. Должность посланника богов исполнял Гермес (Меркурий), украшенный золотым жезлом вестника и крыльями на ногах. В то же время он был богом взаимных отношений между людьми, торговли и мены, богом — покровителем торговцев и всякого рода занятий, в которых средством достижения цели служили ловкость, хитрость и лукавство; он также сопровождает души умерших. Его прозвище «Аргусо-убийца» произошло от того, что он по приказанию Зевса умертвил Аргуса, необычайной силы человека, имевшего глаза на всем теле и приставленного ревнивой Герой сторожить прекрасную жрицу ее, Ио. Богиней домашнего очага и покровительницей всякого государственного сообщества почиталась Гестия (Веста).

*Гера (Юнона).
С бюста в вилле Людовизи
в Риме.*

Вулкан, приготовляющий оружие в своей кузнице.

*Паллада Афина.
С античной мраморной статуи, найденной при Велетри.*

Главным богом воды был брат Зевса — Посейдон (Нептун), супруг Амфитриды, «колебатель земли» с трезубцом в руках, а многочисленную свиту его составляли тритоны и nereиды (мужские и женские, насмешливые водяные духи). Ему также был подвластен морской старец Протей, отличавшийся необыкновенной способностью к превращениям.

Из подземных богов самым выдающимся был Плутон с супругой своей Персефоной (Прозерпиной). Он был богом царства теней (Гадеса), вход в которое сторожила трехглавая собака — Цербер. Перевозчик

Аполлон.

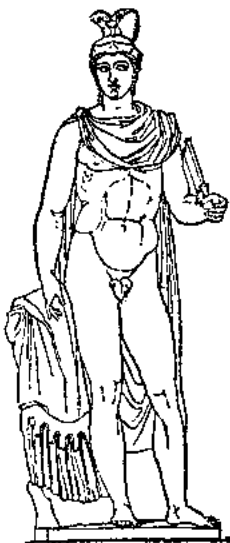
Артемида (Диана).

Харон перевозил души умерших через море Ахерон и реку Стикс — подземный мир (Гадес). Здесь из реки Леты души пьют забвение за своего бытия и вследствие этого превращаются в призрачные существа или тени. Судьями мертвых были Минос, Родомантус и Эак. По их приговору души отправлялись в Элизиум, то есть обитель блаженства, или в Тартар — место мучений. В этом последнем Сизиф, например, должен был в наказание подымать на гору камень, «но каждый раз с громовым шумом быстро скатывался вниз коварный камень»; Danaиды должны были наполнять бездонную бочку, а Тантал стоял в воде и не мог достать ее, чтобы напиться, видел над собой привлекательные плоды и не был в состоянии сорвать их, чтобы утолить свой голод.

Деметра (Церера) олицетворяла мать земли. Она была богиней растительного мира, то есть хлеба (отсюда «цереалии» — плоды полей). Поклонение ей заключалось главным образом в происходивших в Элевзине таинствах (мистериях), в основании которых скрывался глу-

бокий смысл: правильное умирание и возрождение растительного мира служило прообразом бессмертия души, потому что каждая человеческая жизнь, хотя и делается добычей смерти, но для того лишь, чтобы еще могущественнее и прекраснее выйти из царства тьмы.

Богом веселья был Д и о н и с и й (Бахус). Ему посвящена была виноградная лоза. «Чудесен дар Бахуса, — бальзам для истерзанного сердца», — говорит Шиллер. За Бахусом постоянно следует множество горных и лесных духов, имеющих наполовину человеческий, наполовину звериный образ: козлоногие или рогатые Сатиры, Паны, Силе-

Арей (Марс).

*Афродита (Венера)
Медицинская.*

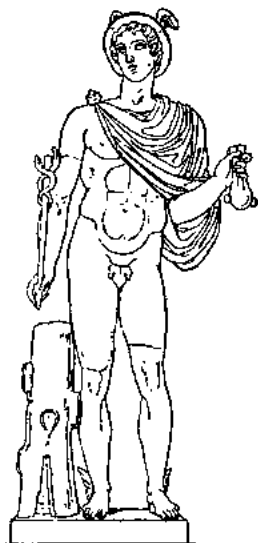
ны¹, Менады и Вакхантины — неистовые женщины, служившие воплощениями одушевленного вином, музыкой и необузданной веселостью настроения духа, Нимфы — водяные, горные и лесные женские духи (Наяды, Орсады и Дриады). Отличительными знаками Дионисия были плющ, козел (трагос) и жезл. Из Дионисиева культа с его хорами и чередовавшимися с ними песнями возникли впоследствии трагедия и комедия.

Олицетворением нравственных идей служили: Фемида (правосудие), с весами и пальмовой ветвью, Немезида (мстительница людской заносчивости), Эриннии или Эвмениды (Фурии) со змеями волосами и факелами, которые преследуют преступника, как

¹ Первоначально были один Пан и одна Силена, впоследствии их было много. Любимым занятием Пана было наводить ужас на одиноких путников странными звуками и голосами; отсюда происходит выражение «панический страх».

дикого зверя, даже в подземном мире и олицетворяют собой угрызания совести, А т э — искушение, ведущее к прегрешению, а через это к гибели. М о й р и и (Парки) — богини судьбы: первая из них (Клофо) тклет нить жизни, вторая (Лахезис) тянет ее в разные стороны, третья (Атропа) обрезает.

Эллинский язык, отражавший в своей гибкости, правильности, ясности, глубине и благозвучности отличительную особенность духа эллинского народа, был вторым главным элементом, благодаря которому эллины сознавали свое единство. Однако эллинский язык стал при-

Гермес (Меркурий).

Посейдон (Нептун).

чиной разобщения, царствовавшего между различными племенами вследствие политических причин. Благодаря разнородности государств развились и достигли собственного и самостоятельного совершенства многие наречия (диалекты). Демократические учреждения, заставлявшие людей образованных входить в сношения с людьми малообразованными, и то обстоятельство, что более говорилось, чем писалось, способствовали совершенствованию языка.

Но внешнее разобщение языка не мешало характеру его общности, так как различные наречия его были знакомы всем грекам и служили им для выражения разнообразных видов поэзии.

Древнейшие известия о возникновении греческой образованности начинаются с имен баснословных Орфея, Лина и Музея. Но это были скорее мудрецы, жрецы и учителя народа, и им и их религиозным и нравоучительным песням приписывается первоначальное просвещение эллинского народа, введение мистерий или таинств, высших

учений и т. д. Они были родом из Фракии и распространили отсюда свое учение по всей Греции. Таким образом история собственно греческой поэзии не может начинаться с них.

Греческая поэзия возникла лишь тогда, когда эллинам после завершения переселений и умиротворения внутренних смут удалось достигнуть прочных форм своего существования, а отдельные племена благодаря прекрасному климату и счастливому положению страны, способствовавшим развитию торговли, искусств и благосостоянию их, возвысились до более свободного и благоустроенного образа жизни.

Плутон.

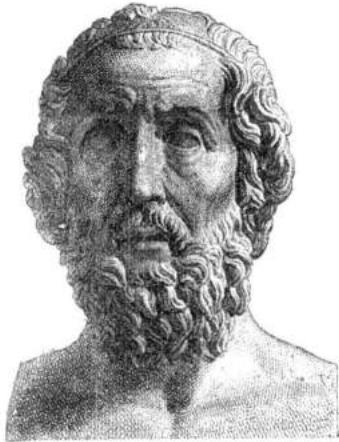
Деметра (Церера).

Такое счастливое стечение обстоятельств в особенности выпало на долю ионических колоний в Азии, и в них впервые расцвел гений, который сделался образцом для всех времен в области эпической поэзии. То был Гомер, родом ионянин; но так как место рождения его не было достоверно известно, то впоследствии семь городов оспаривали друг у друга славу именоваться его родиной. Уже выше было упомянуто, что знаменитый поход на Трою и возвращение героев отсюда составляют содержание обоих известных творений этого поэта: «Илиады» и «Одиссеи». Ради живого и всестороннего представления об эллинизме, насколько он изображен в них, мы приводили уже некоторые отрывки из этих творений. Ликург, как известно, первый принес эти песни в Элладу; Пизистрат же поручил целому обществу ученых собрать и привести в порядок сохранившиеся до него от предшествовавших рапсодов отдельные части этих поэм, и юношество в школах учило наизусть песни Гомера в этом, дошедшем до нас, виде.

Шествие Вакха. С античного барельефа в вилле Боргезе в Риме.

Еще и в настоящее время многие археологи полагают, что на Гомера, как главу многочисленной школы писавших в его духе гомеридов, следует смотреть как на первоначального слагателя приписываемых ему творений. По их мнению, песни эти распространялись благодаря пению и устной передачи в отдельных рапсодиях, причем как большие, так и незначительные отдельные части их многократно изменялись. Наиболее вероятным является мнение новейших ученых, которые полагают, что «Одиссея», изложенная по одному определенному плану, должна считаться всецело произведением одного Гомера; имеющая же меньше связи в своем изложении «Илиада» только частью сочинена самим Гомером, или же в основание ее легли более древние героические песни, связанные Гомером в одно целое.

*Гомер.
С античного бюста.
Капитолий в Риме.*

Песни Гомера были образцовыми творениями, и ни одно эпическое произведение после Гомерова века не достигало его высоты. Впоследствии появились циклические поэты, которые обнимали в своих произведениях большие или меньшие циклы, то есть периоды, из героического мира Троянской войны,

но они вместо внутреннего единства имели в виду исключительно лишь исторический ход событий. Из произведений этих писателей возникло первое в собственном смысле историческое повествование (логография), начало которому также положено в Ионии. Так самыми древними историческими писателями (логографами) были несомненно ионяне: Кадм из Милета, Дионисий, Гекатей и Гелланик. Наконец, Геродот (род. в 484 г. до Р. Х.), на которого мы не раз уже ссылались и который усовершенствовал своим произведением этот вид истории, хотя и был родом из дорического города Галикарнаса в Карии, но написал свою историю на ионическом наречии, на котором излагались эпические произведения.

Совсем в другом роде, чем циклики, является Гесиод, отец которого был родом из эолийского города Киме, в Малой Азии. Гесиод жил около 800 г. до Р. Х. в Аскре, в Беотии, и одержал победу на состязании многих певцов в Халкиде, на острове Эвбее. От него мы имеем не избегнувшее, без сомнения, многих изменений эпическо-дидактическое стихотворение о происхождении и родословной богов, так называемую «Феогонию», в которой обнаруживаются постепенное исчезновение эпического (повествовательного) характера и возникновение более дидактического (поучительного) направления.

Совсем в другом роде, чем циклики, является Гесиод, отец которого был родом из эолийского города Киме, в Малой Азии. Гесиод жил около 800 г. до Р. Х. в Аскре, в Беотии, и одержал победу на состязании многих певцов в Халкиде, на острове Эвбее. От него мы имеем не избегнувшее, без сомнения, многих изменений эпическо-дидактическое стихотворение о происхождении и родословной богов, так называемую «Феогонию», в которой обнаруживаются постепенное исчезновение эпического (повествовательного) характера и возникновение более дидактического (поучительного) направления.

Геродот.
С античного бюста.

Гесиод.
С античной камеи.

Недостаток живости и полета воображения в особенности выказывается в другом произведении Гесиода, носящем название «Работы и Дни», в котором поэт в простом и изящном, а нередко в сухом изложении предлагает разные правила благоустроенного земледелия, домашнего хозяйства и в особенности образа жизни.

Следующие два образчика служат верной характеристикой направления как самого поэта, так и его века:

«Выше всех тот, кто находит мудрый совет и его принимает,
Ибо совет тот ему же в грядущем будет полезен.
Благоразумен и тот, кто охотно слушает более мудрых.
Но безрассудный глухой к учению мудрых срамит человека
И обращает его в бесполезное бремя земли». (I, 291).

«Друга на пир своего приглашай, но врага — ни за что.
Прежде ж того пригласи, кто живет по соседству с тобой;
В горе домашнем неопоясанный сосед поспешит,
Тогда как твой кровный друг еще опоясается прежде.
Честный сосед будет столько ж полезен, на сколько злой вреден.
Тот должен считаться счастливым, у кого есть честный сосед.
Если нет злого соседа, то даже быка не лишишься.
Если сосед твой честно отмерит, то отмерь ему тою же мерой,
А если ты можешь, то воздай ему еще бóльшим,
Ибо найдешь его легче, когда в нем будешь нуждаться». (X, 340).

Впоследствии возник целый разряд поэтов, которые выражались краткими изречениями (гномами), основанными на житейской опытности и мудрости и назывались поэтому гномическими поэтами; к ним принадлежали: знаменитый Солон Афинский (прославившийся своими элегиями нравственного и политического содержания), Феогнид из Мегары (570—490 гг. до Р. Х.) и другие. В этом веке также про-

цветали и так называемые «семь греческих мудрецов», к которым, кроме Солона, принадлежали еще: Фалес, Хилон — спартанский эфор, Биант из Приены, Питтак — властитель лесбосский (сложивший с себя впоследствии добровольно это достоинство), Клеобул и Перандр; все они оставили потомству знаменитые изречения¹. Здесь также можно упомянуть и о знаменитом баснописце Эзопе

Эзоп.
С античной статуи.

ле (570 г. до Р. Х.), происходившем из Фригии или Фракии, сама история жизни которого представляется нам баснословной. Он был маленького роста, горбат и настолько беден, что вынужден был продаваться в рабство. Басни его, составленные или рассказываемые первоначально в прозе, сохранились далеко не в первоначальном своем виде; существующее же и в настоящее время собрание басен Эзопа претерпело множество изменений, в особенности благодаря поэту Бабрию, который собрал и обработал их в III веке нашей эры по древним сборникам.

Нежный и спокойный дух созерцания вселенной, выказавшийся в только что названных поэтах, достиг высшего своего развития у поэтов лирических, которые принадлежали частью к эолийскому, а частью к дорическому племенам, пользовались их энергичными и благо-

звучными наречиями для выражения сильных, суровых и нежных чувств, но не избегали при этом и ионической мягкости и изнеженности.

Архилох, с острова Пароса (730—660 гг. до Р. Х.), прославился силой и живостью своих стихотворений, в которых он первый употребил ямбы. Ссора с окружающим миром впервые зажгла в нем лирический пламень. Рассказывают, что выказанная Архилохом в одном сражении трусость возбудила к нему такое презрение, что некто Ликамб, обещавший было ему руку своей дочери, отказал ему в ней. За этот отказ поэт отомстил такими язвительными стихами, что они привели Ликамба и дочь его к отчаянному решению повеситься. Благодаря нападкам в сатирических стихотворениях и на других своих знатнейших сограждан Архилоху удалось вернуть к себе, как к поэту, страх, утраченный им в качестве воина. За это сограждане изгнали его с острова.

¹ Солон: «Укажи заблудшему дорогу», «Никогда (не делай) через меру». Питтак: «Прошение лучше мшеницы», «Не попрекай никого бедой, ибо сам в нее попасть можешь». Биант: «На пути от юности к старости запасись мудростью». Клеобул: «Не будь заносчив в счастье и малодушен в несчастье». Перандр: «Дело мастера боится» или «Без муки нет науки». Хилон: «Держи язык за зубами». Фалес: «Счастлив тот, кто здоров, богат и образован».

Но вскоре после того, как Архилох на состязании с лирическими поэтами на Олимпийских играх заслужил своим гимном в честь Геркулеса всеобщую похвалу, родной город снова принял изгнанника со славой и ликованием.

Алкей (около 610 г. до Р. Х.) происходил из города Митилены, на острове Лесбосе, главном местопребывании эолийского племени. Будучи не менее знаменитым поэтом, чем Архилох, он прославился еще более своей храбростью и как глава партии и в особенности ценился за песни, исполненные огня и пылкости против тиранов. Таким же врагом тиранов был и суровый Стесихор из Гимеры, в Сицилии (632—566 гг. до Р. Х.).

Остров Лесбос был так же родиной пламенной Сафо, стихотворения которой, выражавшие страстную любовь, пользовались в древности большой славой. Предание о том, что она, восплавав пламенной любовью к одному юноше по имени Фаону и будучи им отвергнута, бросилась с Левкадского утеса в море, есть ни что иное, как вымысел.

Сафо.
С античной медали.

Терпандр был также лесбиец. Про него рассказывают, что он водворил согласие между спартанцами, погруженными в гражданскую войну и междоусобные распри, и имел большое влияние на развитие музыки в Лакедемонии.

В Спарте же прославился своими хоровыми песнями Алкман, который происходил из лидийского города Сардеса, но жил в Спарте (около 612 г. до Р. Х.) и писал на дорическом наречии. О Тиртее и о замечательном действии его стихотворений в Спарте было рассказано уже выше. Он был родом милезиец, но жил в Афинах. В этом же городе, в доме Пизистрата, жил и Анакреон — уроженец Теоса в Ионии (559—478 гг. до Р. Х.); стихотворения его представляют дух ионян совершенно в другом направлении, выражающем влечение к веселости и чувственным наслаждениям. Подобным же содержанием, но преисполненным вместе с тем жалобами на непрочность наслаждений жизни отличаются элегии ионянина Мимнерма из Колофона (630 г. до Р. Х.); он ввел в свои стихотворения сочетание гекзаметра (шести-стопного стиха) с пентаметром (пятистопным стихом). Следует упомянуть еще об Ивике из Региума (530 г. до Р. Х.) и о Симониде с острова Кеоса (500 г. до Р. Х.).

Около этого же времени начало проявляться направление, которое составляет отличительную особенность творческого духа афинского народа. Драматическое искусство, так много обязанное афинянам, как увидим это впоследствии, начало выказывать в это время первые свои проблески. Феспис, современник Солона, разъезжая в тележке из одного города в другой, давал, должно быть, уже тогда театральные представления, причем для изменения лица употреблял белила

и румяна. Но лучшее устройство сцены и введение второго актера и хора впервые были употреблены Эсхилом.

Так выказывался частью вполне, частью в зародыше художественный гений греков и при том, сообразно различным характеристам племен, в различных и разнообразных формах.

То же находим мы и в отношении наук. Уже было упомянуто о семи мудрецах, которые высказывали первые воззрения созерцательного и объемлющего разума в особенности в отношении явлений нравственной и политической жизни. Первые мыслители, выделившие

из поэзии научные истины из мифического вымысла, явились также у ионян. Сообразно с эпическим характером, проявившимся в ионическом искусстве, направление, принятое философией, заключалось в исследовании природы и ее явлений.

Таким философом был знаменитый Фалес Милетский (636—546 гг. до Р. Х.), который прославился своими астрономическими и математическими познаниями. Греческие боги для него не существовали, и он признавал божественной сущностью только заключающееся во вселенной безличное жизненное начало (душа мира). По его стопам пошли Анаксимандр и Анаксимен, Диоген из Аполлонии,

Ферекид из Сиры и Гераклит из Эфеса. Другим глубоким мыслителем был Ксенофан из Колофона, у которого ясно выказывалось враждебное направление греческой философии против народной религии. Изгнанный из своего отечества, он жил и учил в городе Элее, в Сицилии, и в особенности в Нижней Италии, усеянной, подобно Сицилии и Малой Азии, греческими колониями.

Эти колонии были большей частью дорического происхождения, как например: Тарент, основанный в 707 году до Р. Х. лакедемонянами, Сиракузы (в 755 г. до Р. Х.) коринфянами, Агригент, Мессана и т. д. Другие колонии были обязаны своим происхождением ахейцам, как то: Кротон (основан в 710 г. до Р. Х.), Сибарис (основан в 720 г. до Р. Х.). Колонии же Катана, Леонтина, Гимера были основаны ионийскими жителями Халкиды на острове Эвбее. Все эти колонии были издавна богаты, могущественны и принимали участие в умственной деятельности греческого народа; здесь же жили последователи и сторонники Ксенофана. Нижняя Италия была также местопребыванием пифагорейцев. В своей философии, направленной больше к изучению внутренней стороны духа, пифагорейцы пользовались дорическим наречием, которое проявилось уже с такой мощью в лирической поэзии, и довели его в своих произведени-

Анакреон.
С античной камеи.

ях до высшей степени совершенства. Основатель пифагорейской школы — такой необыкновенный человек, что заслуживает более подробного о себе рассказа.

Пифагор родился в 580 году до Р. Х. на острове Самосе, главном местопребывании ионян, и отличался необыкновенными физическими и умственными способностями. На восемнадцатом году он одержал на Олимпийских играх победу, которая доказала, что он в физическом и умственном отношении достиг уже полного развития. Уже на Самосе он занимался математикой, геометрией и музыкой и, должно быть, был посвящен Ферекидом в натуральную философию. Для дальнейшего своего образования Пифагор совершил путешествия, о которых сохранилось много вымышленных рассказов. Однако достоверно, что, кроме Элеи и Крита, он посетил также и Египет. Отличительное государственное устройство и мудрость Египта привлекали к себе в это время все выдающиеся умы Греции, а цари его начали входить в многочисленные сношения с греками (как, например, Амазис с Поликратом, властителем Самоса). Многие из последующих учреждений Пифагора носят на себе следы того влияния, которое имели на него египетские жрецы.

У Пифагора родилась мысль образовать союз людей, тесно связанных между собой общим учением и образованием и стремящихся к одной общей цели — к управлению государством на началах науки. Быть может, он имел в виду осуществление идеала, выраженного впоследствии Платоном в следующем изречении: «Те государства будут счастливейшими, в которых правящие философствуют или философы управляют».

Возвратившись из своего путешествия, Пифагор убедился, что отечество его, остров Самос, который находился под властью тирана Поликрата, мало пригодно для его цели. Он покинул Самос и избрал приютом для своей деятельности греческие колонии в Нижней Италии. В первый раз Пифагор выступил публично в Кротоне в 532 году. Его телесная красота, бросающаяся в глаза, и заимствованная, по всем вероятностям, у египетских жрецов белая льняная одежда, добродетель, сохраненная им воздержанием от всего чувственного, наконец, увлекательная плавность красноречия собрали вокруг него множество слушателей и оказали ему уважение. Благодаря всем этим обстоятельствам Пифагор получил возможность осуществить идею о своем союзе.

Первые последователи Пифагора, принятые после предварительного испытания и наблюдения в этот союз, составили тесное общество. Их жизнь была подчинена известным правилам и постановлени-

*Фалес Милетский.
С античного бюста.*

ям, направленным при этом к тому, чтобы сделать тело здоровым, а дух воздержным. Для этого им предписывалась известная диета (им в особенности были запрещены бобы и мясо), и они были обязаны часто заниматься музыкой, как источником всякой гармонии, законы и содержание которой были открыты впервые Пифагором. Отдавая ежедневно отчет в своих собственных деяниях и поступках, они должны были точно соблюдать предписания своего нравственного образования.

*Греческий философ.
С античной статуи.*

Кроме того, им предписывалось заниматься науками, в особенности математикой. Последняя обязана Пифагору замечательными открытиями, как, например, названной его именем Пифагоровой теоремой, открытие которой доставило Пифагору такую радость, что он в благодарность богам принес в жертву гекатомбу (сто быков). Кроме математики, пифагорейцы занимались нравственными и политическими исследованиями.

В передаче этих познаний и в посвящении во все цели своего союза Пифагор, по всем вероятностям, соблюдал различные степени. Так, рассказывают, что принимаемые в союз в течение первого года ограничивались только испытанием, приучались к молчанию и безусловному исполнению определенных обрядов и предписаний образа жизни. После продолжительного и всестороннего испытания и выказав достаточную восприимчивость, вновь принимаемый посвящался в высшие степени. Наконец, выдержав испытание и пройдя все степени,

можно было сделаться полноправным участником общественной жизни союза и принимать участие в управлении Кротоном наравне с самим Пифагором, который хотя и не занимал никакой определенной должности, но имел в это время большое влияние на общественные дела этого города.

Пифагорейцы и за пределами Кротона сохраняли связь друг с другом. Так, рассказывают, что один пифагореец умер на чужбине, не имея возможности уплатить расход за свое содержание. Перед смертью он написал несколько иероглифов на доске и просил своего домохозяина выставить ее на большой дороге. Много времени спустя одному из собратьев покойного случилось приехать в эту местность; он узнал

знак и заплатил все расходы. Сам Пифагор пользовался в своем союзе таким уважением, что одно уверение: «он сказал это» считалось неоспоримым доказательством справедливости сказанного.

Однако, кажется, что сам союз в своей первоначальной форме, отличительными качествами которого были единство и согласие, существовал не долго. В скором времени он возбудил против себя противодействие частью со стороны тех, которым, как говорят, было отказано в приеме в него, частью со стороны народа, который не одобрял его, видя в нем тесно спланивающуюся аристократию. Так, один греческий историк говорит, что в кротонском сенате заседало триста пифагорейцев. Наконец скрытое сопротивление обратилось в явное восстание против этих пифагорейских братских союзов, причем многие из их членов погибли.

По одним сведениям, Пифагор сам лишил себя жизни при этом; по другим же, он отправился в Метапонт, где и умер в глубокой старости (в 500 году до Р. Х.). Но и после его смерти пифагорейцы продолжали свое существование; они образовали философскую школу и преимущественными предметами своих занятий избрали нравственно-политические науки и математику. Таким пифагорейцем был, между прочим, знаменитый Архит Тарентский, который прославился в своем отечестве и как полководец, и как государственный человек.

*Пифагор.
С античной медали.*

XV

РИМЛЯНЕ

1. Коренное население Италии

Италия впервые озаряется своим блеском в южной части, распространенным на нее греческим гением. Но приближалось уже время, когда она должна была заблестать собственным светом, найдя в Риме свое собственное средоточие. Римское государство, возникновение и образование которого должны составить предмет следующего повествования, выросло так быстро потому, что стало центром соприкосновения отличительных особенностей, которые составляли выдающуюся принадлежность различных народов Италии.

Ликтор с пучком прутьев.

Между коренными обитателями полуострова различают три главных племена: первым из них являются т а л и к и, которые принадлежали к индо-германской расе и были в родстве с греками. Они жили в центре и на юге полуострова и распались на две отрасли: л а т и н я н и с а б е л л о в¹. Вторым племенем, обитавшим на юго-востоке и юге, были я п и г и, но они скоро смешались с поселившимися в Нижней Италии греками и исчезли с исторической сцены. Третьим племенем, которое отличалось необыкновенно высоким образованием, являются э т р у с к и. Сами себя они называли разенами (быть может, потому, что пришли из Реции; по другим же свидетельствам, они принадлежали также к италикам). У этрусков процветали земледелие и торговля. В искусствах они были весьма сведущи. В зодчестве их следует считать изобретателями сводчатых построек, на что указывают исполненные развалины стен при Вольтеррах, в Тоскане. Они были искусные ваятели из металла и глины, и этрусские вазы, например, пользуются всемирной славой. От этрусков римляне заим-

¹ Сабеллы заключали в себе племена умбров, вольсков, сабинян, самнитян, пелигнов, марсов.

ствовали значительную часть своего богослужения, жертвоприношений, празднеств и церемоний, то есть торжественных обрядов, которые были в употреблении в Цере, одном из двенадцати древних этрусских городов. Далее римляне заимствовали от этрусков искусство гадания по различным наружным знакам (*extispicium*) и предсказания по внутренностям жертвенных животных, и наконец, знаки достоинства высших сановников, пурпуровую одежду, кресла из слоновой кости (*sella curulis*) и сопровождение сановников прислужниками (*lictoges*); эти прислужники или ликторы носили в руке пучок прутьев (*fascēs*), из середины которых выставлялся топор, что служило символом власти над жизнью и смертью.

Верхняя Италия была населена кельтами (галлами), находившимися во враждебных отношениях с италиками. О передвижениях и переселениях, происходивших на Итальянском полуострове, подобно тому, как и на Греческом, нет достоверных исторических известий. Вследствие этого приходится ограничиться предположением, что переселения эти произошли частью с севера сухим путем, частью с востока — морем.

2. Основание Рима. Ромул (753 г. до Р. X.)

По мнению новейших исследователей, как то: Нибура, Шwegлера, Момсена и Ине¹, древнейшая история Рима — о его основании, правлении семи царей, их делах и учреждениях, хотя бы в основании передаваемых нам об этом рассказов и имела часть достоверного, — должна вообще считаться баснословной. Поэтому предания эти являются частью смесью истины с поэтическими вымыслами, частью же умышленно искаженными позднейшими писателями.

Совершенно невероятным представляется рассказ о переселении троянского героя Энея в Лациум. Без сомнения, основанием к нему послужили оживленные сношения, поддерживаемые римлянами с греческими колониальными городами в Нижней Италии.

По этим сказаниям, Эней основал город Лавиниум, а сын его Асканий (Юлус) — город Альба-Лонгу.

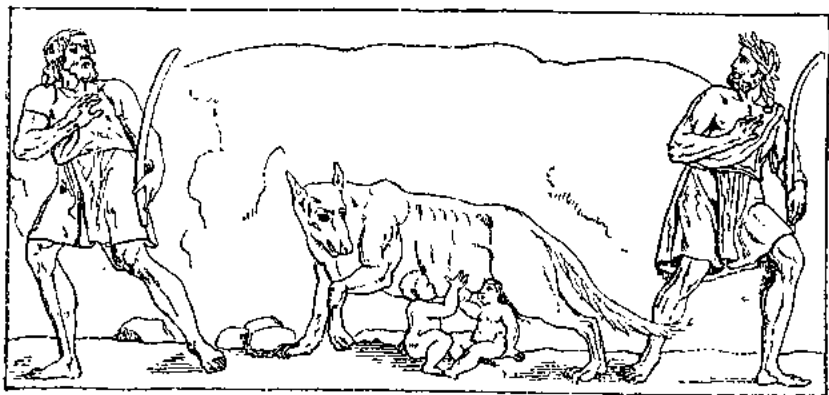
В этой Альба-Лонге, городе Лациума, около 754 г. до Р. X. правили вместе два брата из рода Аскания: Нумитор и Амулий. Но Аму-

¹ Вильгельм Ине в своей *Rom. Geschichte*, т. 1, стр. 41, говорит: «Нам совершенно следует отвыкнуть принимать так прекрасно подобранный (Ливием и Дионисием Галикарнасским) порядок событий даже во времена правления царей за что-либо иное, как только за приблизительно верное представление исторических событий. Вся историю царского периода следует провести через горнило критического исследования, причем самое большое, на что можно рассчитывать, это на получение лишь приблизительного слепок с римского народа, его государственного устройства и религии, насколько они обозначились в начале республики». При этом Ине обращает особенное внимание на то обстоятельство, что римская история периода царей носит на себе явные следы греческой окраски.

лий хотел царствовать один и вытеснил своего брата; для большей же своей безопасности, он убил его сына, а дочь его сделал весталкой, то есть жрицей богини Весты. Вследствие этого она должна была пребывать вечной девственницей.

Но дочь Нумитора (Рея Сильвия) нарушила принятый на себя обет и родила от бога Марса двух детей. Жестокосердый дядя тотчас после их рождения приказал положить их в корыто и бросить в Тибр. Мать подверглась заключению.

Но корыто зацепилось за смоковницу, и когда поднявшаяся вода Тибра снова вошла в свои берега, дети остались на твердой земле и были вскормлены волчицей. Так нашел их царский пастух Фаустул и

Волчица кормит Ромула и Рема.

С барельефного изображения в алтаре Тита Клавдия Фавентинского.

отнес домой, к жене своей, Акке - Лауренции, которая только что родила мертвого сына. Фаустул воспитал найденных детей, назвал их Ромулом и Ремом и сделал из них пастухов. Оба мальчика с ранних лет выказали физические и умственные способности и обнаружили свое высокое происхождение. Они ничем другим не занимались, только пасли царские стада и охотились в горах, на которых впоследствии был построен Рим. Они жили в выстроенных ими самими из дерева и тростника хижинах, из которых одна, как святыня, сохранялась и поддерживалась еще во времена историка Дионисия (около 30 г. до Р. X.).

Когда Ромул и Рем достигли восемнадцатилетнего возраста, одно случайное происшествие совершенно изменило их общественное положение. Однажды они поссорились из-за выгонной земли с пастухами Нумитора, который жил, несмотря на свое смещение, в Альба-Лонге, и поколотили своих противников. Пастухи, чтоб отомстить за себя, подкараулили на одном празднике обоих братьев, но схватили из них только младшего — Рема и привели его к царю. Амулий отослал Рема к

брату своему, а его деду, Нумитору, с тем, чтобы он наказал виновного по своему усмотрению. По решительным манерам и неустрашимому обращению Нумитор не замедлил признать Рема за нечто лучшее, чем он казался с виду. Сходство лица навело его на верный след, и он скоро догадался, что Рем его внук.

Между тем Фаустул открыл старшему брату Ромулу тайну его истинного рождения, и когда Ромул пришел вслед за братом своим Ремом к Нумитору, то настоящее положение дела окончательно выяснилось. Братья тотчас же приняли решение отомстить за оказанную деду их и им самим несправедливость. Они поспешили привести план свой в исполнение, так как царь Амулий, узнав о тайных волнениях и о том, что положение дел принимает новый оборот, готовился предупредить их намерение. Предприятие Ромула и Рема удалось. Подкрепленные толпой недовольных, они напали на царя, убили его и посадили на престол деда своего, Нумитора.

В благодарность за эту услугу обоим братьям было позволено основать поселение на том самом месте, где они были брошены и спасены. К ним присоединились их сторонники, окрестные пастухи. Но вскоре между обоими братьями возник спор из-за того, кому должна

Похищение сабинянок. С фрески Романолли.

принадлежать честь называться основателем города. Они положили предоставить это решению богов. Для этого Ромул и Рем сели каждый на разных местах и стали выжидать благоприятного для себя знамения. Рему первому явилось счастливое знамение в виде шести пролетевших мимо него коршунов, но затем мимо Ромула пролетело их двенадцать.

Так как решение богов являлось вследствие этого двусмысленным и каждая сторона толковала его в свою пользу, то между обоими братьями и их сторонниками возгорелась ссора, в которой Рем был убит, а Ромул остался победителем.

Тогда Ромул приступил к приостановленной было постройке нового города с соблюдением различных священных обрядов, к которым принадлежали также и следующие. Он запряг в плуг белого быка и белую корову и провел им круговую борозду, которая должна была обозначить окружность нового города и линию его будущих стен. В том месте, где должны были находиться ворота, плуг был приподнят, так как этот вход и выход не должен был быть священным. Весь город занял одну только Палатинскую гору.

Ромул.
С изображения на монете
времен Августа.

В скором времени появились первые признаки того воинственного характера, благодаря которому это маленькое поселение — Рим сделалось средоточием всего известного в древности мира. Война, победа и распространившийся вследствие этого страх были первые узы, которыми Ромул соединил новое государство

с ближайшими соседями. Повод к тому был подан Римом. К этому должно было уже вести построенное, по распоряжению Ромула, на Капитолийской горе под покровительством религии убежище (азиль) для лишенных отечества и беглецов всякого рода. Существование в Италии множества маленьких государств, частые в них раздоры партий, гнет и нужда, испытываемые многими из этих государств, обедневших вследствие тяжести государственных долгов, и другие тому подобные обстоятельства подавали надежду на большой прилив переселенцев.

Само собою разумеется, что беглецы приносили с собой ненависть к своим прежним согражданам и знание государств, из которых они приходили. Эти два качества оказались как нельзя более кстати для воинственного духа Ромула и его завоевательских замыслов, но в то же время должны были сделать Рим ненавистным соседним государствам. Другим насильственным поступком, который еще более возбудил ненависть соседей, было знаменитое похищение сабинянок.

Когда сабиняне отказались выдать дочерей своих замуж за римлян, то римляне прибегли к следующей хитрости. Ромул объявил во всеобщее сведение, что в известный день в честь бога Конза (бога жатвы и

брака), будут происходить праздничные игры, и пригласил на них жителей ближайших городов. На приглашение явилось множество мужчин, женщин и детей и веселилось на празднике. В последний день празднества обнаружился предательский замысел. В то время, когда всеобщее внимание было обращено на зрелище, по данному сигналу явилось множество римских юношей, и каждый из них завладел одной молодой женщиной; пришедшие же зрители, пораженные таким насильственным нападением, бежали, проклиная вероломство римлян.

В Риме Ромул постарался успокоить похищенных и всех их торжественно обвенчал с молодыми римлянами. Но оскорбленные народы решили отомстить. Только война представляла желанное удовлетворение и подавала надежду уничтожить угрожавший опасностью город. Но вооружение и нападение были совершены слишком поспешно, не сообщая, а потому и цель не была достигнута.

Жители Ценины первые начали нападение и были разбиты, причем царь их Акро был собственноручно убит Ромулом. Во главе своего победоносного войска, окруженный отнятой у неприятеля добычей, Ромул торжественно въехал в Рим на колеснице, запряженной четверкой лошадей, и таким образом первый удостоился триумфа. Он построил на Капитолийской горе в честь Юпитера первый храм и сложил в него военную добычу, снятую им самим с Акро (spolia opima). Затем против римлян поднялись жители городов Крус-тумериума и Антемны, но были также побеждены Ромулом.

К этим городам было впервые применено установленное Ромулом правило, которое с этих пор соблюдалось и в последующие времена и бесспорно много способствовало распространению Рима и утверждению его владычества. Вместо разрушения завоеванного города и обращения жителей его в рабство, что было в обычае в Греции и у других народов Древнего мира, часть жителей переселяли в Рим, а на место их посылались римляне. Они получали в завоеванных городах третью часть земельной собственности и способствовали таким образом образованию римских колоний.

Наконец против римлян выступили и сабиняне, собравшие большое войско под предводительством Т и т а ц и я, царя Кур, главного сабинского города, и дошли до Квиринальской горы, которая находилась напротив римской крепости Капитолия. Измена Тарпей, дочери начальника Капитолия, предала крепость в руки сабинян.

Тогда на равнине между Капитолийской и Палатинской горами завязалось жаркое сражение. Оно продолжалось до тех пор, пока похищенные сабинянки с развевающимися волосами и в разодранных

*Тит Таций.
С античной монеты.*

одеждах не бросились в ряды сражавшихся и не умолили прекратить битву.

Их мольбы достигли цели. С обеих сторон начались переговоры, и наконец был заключен мир на следующих условиях. Таций и Ромул, как цари, должны были пользоваться одинаковыми властью и почетом в Риме. Город должен был называться Римом, а граждане его — римлянами, но соединившийся народ по имени родины Тация получал название куров, к в и р т о в¹; все сабиняне получали римское гражданство. Они основали новый город на горах Капитолийской и Квиринальской.

Ромул имел свое местопребывание на Палатинской горе, а Таций — на Капитолийской. Хотя они правили сообща и по взаимному соглашению, однако ни между ними самими, ни между их народами не могло существовать истинного, внутреннего единодушия. На пятом году своего совместного правления во время жертвоприношения в Лавиниуме Таций был убит одним оскорбленным им гражданином города Лаврента и притом не без тайного участия в этом деле Ромула. Это тем более вероятно, что Ромул, который не желал терпеть при себе даже брата, без сомнения должен был стремиться к удалению чужеземного соправителя.

Прежде чем рассказать о конце правления и о смерти Ромула, нам следует упомянуть еще о некоторых приписываемых ему внутренних учреждениях, которые послужили основанием последующего государственного устройства Рима. В этом отношении самым важным представляется разделение всего римского населения на три части — т р и б ы. Оно являлось не столько произвольным установлением царя, сколько следствием различия в происхождении жителей Рима. Эти три трибы или, правильнее, народа, были р а м н ы (латины), т и ц и и (сабиняне) и л у ц е р ы (этруски). Каждая из этих триб получила свою долю в поземельных угодьях, разделенных для этой цели тоже на три части; при этом каждая из них имела, кажется, и свой особенный округ в самом городе Риме. Наконец, каждая триба была разделена по родам на десять отделов, названных к у р и я м и. Эти десять курий были связаны между собой общим богослужением и участием в управлении государством. Члены всех тридцати курий, из которых каждая в свою очередь распадалась на десять родов (gentes), составляли патрициев, то есть полноправных граждан. Образование плебса — бесправной массы народа, рядом с полноправным сословием патрициев — упоминается впервые во времена царя Анка Марция. Кроме курий, в управлении государственными делами принимал важное участие с е н а т, который состоял из ста членов-патрициев, то есть отцов; впоследствии число сенаторов возросло до трехсот.

¹ Квириды, по всем вероятностям, означали копыеносцев; в позднейшее время квириды служили для римлянок обозначением мирных граждан в противоположность солдатам.

Патриции, добиваясь свободы и самовластия, вступили в борьбу с самодержавной властью победоносного царя и искали случая отделаться от него. Ромул внезапно исчез, по одним преданиям, в то время, когда присутствовал в собрании сената, в храме Вулкана, по другим, когда однажды делал общий смотр всему войску на поле, за городом. Во время этого смотра внезапно наступило солнечное затмение и разразилась буря; народ разбежался и оставил царя одного с патрициями. Тогда, должно быть, он был убит патрициями, и они рассказывали, будто боги похитили его с земли. Народ начал сомневаться и выражать подозрение и гнев против сената, но некто Юлий Прокул, человек уважаемый и верный друг Ромула, явился к собравшемуся народу и торжественно уверил, что Ромул предстал ему на дороге в блестящем вооружении и в увеличенном виде. Устрашенный Прокул обратился к нему с словами: «Царь! за что ты своим внезапным исчезновением оставляешь нас на незаслуженные обвинения и повергаешь город в безысходную печаль?» На это Ромул будто ответил ему: «Так совершилось по воле богов; можешь сказать римлянам, что они мужеством и благоразумием достигнут высокого могущества; я же буду их гением — хранителем в образе Квирина».

Народ перестал более сомневаться в достоверности рассказанного патрициями и, охваченный священным восторгом, постановил почитать Ромула богом Квирином и соорудил ему алтарь на Квиринальской горе.

*Ромул в образе бога Квирина.
С монеты времен Августа.*

3. Нума Помпилий (715—672 гг. до Р. Х.)

Принятые сенатом по смерти Ромула меры разоблачили его намерения, связанные со смертью царя. Сенат не выбрал тотчас нового властителя и для того, чтобы самому получить возможность пользоваться царской властью, учредил на один год междуцарствие, во время которого делами управляли по очереди сенаторы, каждый в течение пяти дней. Но когда народ обнаружил в этом правлении одни лишь притеснения к себе и снова потребовал царя, то между старыми римлянами и присоединенными к ним сабинянами обнаружился разлад, так как каждая сторона желала выбрать царя из своей среды.

Наконец, порешили на том, чтобы выбрать царя из сабинян, а именно Нуму Помпилия, который отличался своей мудростью и справедливостью и проживал в то время в Курах. Но он до тех пор не хотел принять правления, пока, стоя на Капитолийском холме, окру-

женный жрецами, не получил благоприятных знамений. Затем Нума Помпилий собрал патрициев в их куриях и спросил, желают ли они добровольно повиноваться всем его приказаньям. Только тогда, когда они его в том уверили, согласился он принять царское достоинство.

То, что Нума Помпилий доставил римскому народу во время своего правления, а именно: мир, согласие, внутренний порядок и богослужение, казалось, могло произойти лишь из божественного источника. Поэтому предание уверяет, что всеми этими дарами он был обязан мудрым наставлениям нимфы Эгерии, с которою он был соединен священными узами. Нума Помпилий рассчитывал, что религия и власть ее над серд-

Нума Помпилий.

*С античного мраморного бюста
(В вилле Альбани в Риме).*

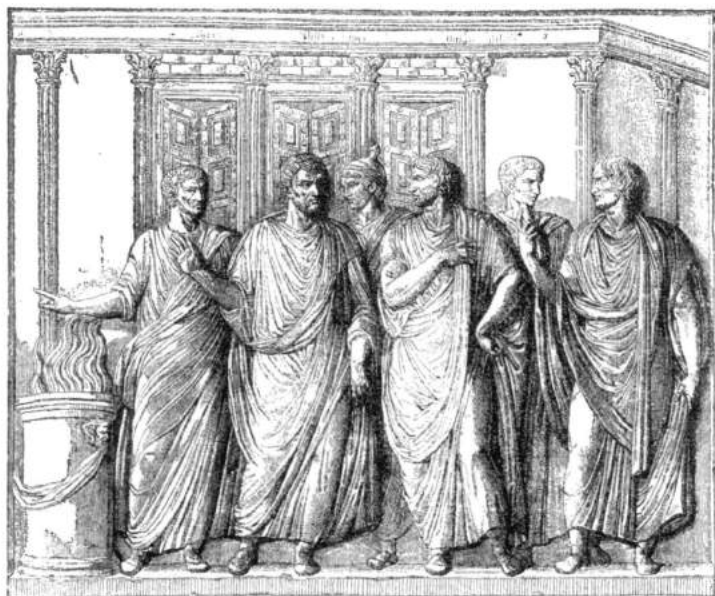
цем человеческим должны иметь благотворное влияние на одичавших от войн римлян. Для этого религия и богослужение были так обставлены, что должны были возбуждать в гражданах чувство благоговения к богам. Так во время торжественного отправления богослужения, жертвоприношений или церемоний он каждый раз приказывал глашатаям ходить по улицам и предписывать тишину и прекращение всяких частных занятий, дабы никакой шум или крик ремесленников и других рабочих не мог нарушать необходимого спокойствия.

Чтобы придать богослужению определенное и прочное устройство, Нума Помпилий рядом с обыкновенными жрецами (flamines) учредил еще жреческие коллегии, а именно: высших жрецов (pontifices), имевших общий надзор, птицегадателей (augures), на обязанности которых лежало узнавать волю богов по небесным знаменьям, по полету и крику птиц и по клеванию священных петухов, рассматривателей внутренностей (haruspices), предсказывавших по внутренностям жертвенных животных, салиев, фециалов и весталок, о которых будет говорено ниже.

Кроме того, он ввел еще новые роды богослужения. К ним причисляют учреждение весталок — молодых девиц, подобных тем, родиной которых, как это видно из истории Ромула, была Альба Лонга. Обязанность и долг этих весталок-девушек главным образом состояли в том, чтобы поддерживать священный огонь на алтаре богини Весты. Он был для всего города тем же, чем неугасаемый огонь, который горел на очаге в преддверии каждого отдельного дома и почитался священным средоточием для всех членов семьи. Таким образом и государство провозглашалось священной семьей. Если огонь угасал, это считалось за величайшее бедствие для города, и виновные в том, вследствие своей нерадивости, весталки подвергались жесточайшему нака-

занию; оно постигало и тех из них, которые нарушали даваемый ими обет вечной девственности: они заживо погребались. Но, с другой стороны, весталки пользовались величайшим почетом и уважением. Все это доказывает, как, при многих других священных таинствах, высоко уважался этот обряд.

Подобно тому, как весталки поддерживали священный огонь, так с а л и и (танцовщики) охраняли упавший с неба при Нуме Помпилии щит (ancile). Для того чтобы вернее сберечь его, чтоб он не мог быть похищен, Нума Помпилий приказал изготовить много других щитов,

*Религиозная церемония.
С античного барельефа в вилле Боргезе в Риме.*

совершенно с ним схожих. Во время известных празднеств, в особенности первого марта, жрецы, танцую и имея один из таких щитов в левой руке, а копьё в правой, проходили город при пении священных гимнов. Салиев сравнивают с критскими куретами, которые исполняли в честь богини Реи танцы под звуки музыки и стук оружия. Это было единственное бряцание оружия, введенное Нумой Помпилием, так как он старался, насколько мог, уничтожить действительный шум оружия и военной брани.

В этом отношении получили важное значение введенные им ф е - ц и а л ы. Эти священные жрецы употреблялись при объявлении войны и заключении мира. Они обязаны были стараться улаживать мирным образом всякую ссору, возникавшую между римлянами и другими народами. Когда же неприятельский народ не сдавался на убеждения,

тогда они должны были своим предварительным объявлением оправдывать начинаемую римлянами войну. Сам обряд такого объявления заключался в том, что фециалы, призвав в свидетели богов, пускали свое копьё на неприятельскую землю.

Подобной же цели — поддержанию мира — служило также божеское почитание *Т е р м и н а л а* Юпитера, или бога Терма (то есть границ), которому были посвящены все пограничные камни. Перед ними ежегодно должны были приноситься бескровные жертвы частью для того, чтобы границы при этом всегда удерживались в памя-

Гаруспиции.

С античного барельефа в вилле Боргезе в Риме.

ти, частью же для того, чтобы охранение и соблюдение их считалось делом религиозным и божественным. Таким образом эти пограничные камни служили не только к обозначению границ между владениями римского народа и областями соседних народов, но и к разделению земельных угодий отдельных граждан. Поэтому священное почитание границ не только противодействовало войнам между Римом и прочими народами, но вместе с тем служило поддержанию мира и согласия между отдельными гражданами Рима.

Достигнуть этого было одной из главных и труднейших задач Нумы Помпилия. При вступлении его в управление между старыми родами, поселившимися вместе с Ромулом, и новыми, которые присоединились вместе с Тацием, царствовало еще сильное разногласие, так как римляне старались сохранить свои прежние преимущества, а сабиняне

добивались равноправия. Нуме Помпилию удалось восстановить согласие между патрициями тем, что он даровал всем равные права.

Кроме разногласия, существовало еще и другое зло, заключавшееся в том, что между вновь присоединившимися жителями находилось много неимущих. Чтобы отвлечь их от беспокойной деятельности и от склонности к войне, от которой они ожидали богатой добычи и сокровищ, Нума Помпилий наделил их принадлежавшей государству завоеванной землей и старался приучить их к мирному и благотворному для всего государства земледелию. После образцового сорокатрехлетнего царствования Нума Помпилий умер, достигнув глубокой старости, оплакиваемый своими соотечественниками и чужеземцами как насадитель порядка и мира. Но с его смертью двери храма Януса, которые оставались во время его правления в знак мира закрытыми, были вновь растворены воинственной и мощной рукой его преемника.

*Весталка.
С античной
статуи
(во Флоренции).*

4. Тулл Гостилий (672—640 гг. до Р. Х.)

После смерти Нумы Помпилия выбор римского народа пал на храброго Тулла Гостилия. Завоеванием Альбы-Лонги он сделал большой шаг к возвышению Рима. Неприязнь, которая существовала между метрополией Альба Лонгой и быстро развивавшимся колониальным городом ее Римом по поводу совершаемых с обеих сторон набегов, теперь, когда уже не царил более примиряющий дух Нумы Помпилия, разразилась открытой войной. Уже оба вооруженных войска стояли друг против друга, когда, по древнему обычаю, бывшему в употреблении и у других народов, было постановлено решить спор единоборством отдельных лиц, выбранных из обеих войск, с тем, что та сторона, чей единоборец будет побежден, должна покориться победившей стороне.

Предложение было принято, и судьба, казалось, сама помогла тому, что для этого поединка были выбраны в римском войске три брата, отец которых назывался Го р а ц и е м, а в альбанском — тоже три брата из рода К у р и а ц и е в. Фециалы утвердили своими священными обрядами силу договора, и оба войска, полные ожидания, стали зрителями вокруг борцов.

При первом столкновении пали один римлянин и один альбанец. При втором нападении был сражен на землю второй римлянин, тогда как остальные два альбанца были только ранены. Надежда альбанцев поднялась. Но оставшийся в живых римлянин скоро пристыдил их

*Римские жрецы.
С античных статуй.
(Weiss Kostümkunde).*

хитростью. Он сделал вид, что обращается в бегство, предвидя, что оба альбанца, из которых один был ранен легко, а другой тяжело, не будут в состоянии следовать за ним с одинаковой быстротой. Как только он заметил, что они действительно удалились в преследовании друг от друга, то неожиданно повернул назад и одолел одного за другим обоих альбанцев.

Римское войско, которому должна была подчиниться Альба Лонга, приветствовало победителя Горация радостными кликами. В предшествии бранных доспехов трех Куриациев возвращался он в город во главе римского войска, приветствуемый всеобщими радостными восклицаниями городского населения. Только одна душа между всеми ликующими была опечалена — собственная сестра Горация, которая была помолвлена за одного из Куриациев. При известии о смерти жениха и при виде его одежды, приготовленной ею самой и несомой впереди в виде бранного трофея, она пришла в отчаяние и встретила бранью чествуемого всеми своего брата. Гораций был оскорблен этим единственным упреком посреди всеобщей радости. Он выхватил свой меч и, полный гнева за то, что его сестра приняла ближе к сердцу смерть своего жениха, чем счастье своего отечества, пронзил ее, произнеся сурово: «Отправляйся туда же к своему возлюбленному с твоей несвоевременной любовью! Так погибнет всякая римлянка, которая станет оплакивать врага своего отечества!»

Весь Рим пришел в смущение от поступка Горация. Наказать спасителя отечества представлялось бесчеловечным; оставить же беззнака-

занным убийцу сестры являлось безбожным. Уголовные судьи приговорили Горация к смерти, но народ, к которому он обратился, отверг приговор судей и объявил виновного свободным, основываясь на том, что следует ценить отечество выше всех семейных уз, и вполне жалея престарелого отца, Горация, который потерял в один день троих детей. Но для того, чтобы умиловать богов, разгневанных убийством сестры, и очистить город от грехов, совершены были умиловительные жертвы. Сам виновный с той же целью с покрытым лицом был проведен ликторами под некоторого рода виселицей, то есть под бревном, лежавшим на двух столбах¹. Этим думали удовлетворить божеским и человеческим законам, а затем снова предалась ликованию по случаю покорения альбанцев.

Но альбанцы весьма тяготились наложенным на них игом. Когда в скором времени в силу принятых на себя обязательств они должны были выставить римлянам вспомогательное войско для войны их с фиденатами и вейями, то, по совету своего предводителя Меттия Фуфация, решили воспользоваться этим обстоятельством, как удобным случаем для гибели римлян. Альбанцы намеревались во время сражения перейти на сторону неприятеля и при должествующем произойти при этом замешательстве уничтожить римское войско.

Но Фуфаций решился только на полумеры. Чтобы оставить себе выход, он, хотя и удалился в начале сражения от римлян, но не тотчас соединился с неприятелем, а встал в стороне и выжидал исхода боя. В худшем случае он рассчитывал представить уход своей военной хитростью, чтобы зайти в тыл неприятелю. Вследствие этого мужество и надежда неприятеля не возвысились, а римляне, действительно смущенные было вначале, скоро оправались от охватившего их замешательства. Тулл Гостилий, узнав об уходе Фуфация, с величайшим присутствием духа крикнул своим: «Это верно; я ему приказал это; они окружают фиденатов!» И римляне, сражавшиеся храбрее, победили.

Так избегли римляне предназначавшейся им участи, но не избег своей Фуфаций. Увидев, что римляне побеждают, а замысел его расстроен, Фуфаций обратился против бежавших фиденатов и храбро преследовал их. После сражения он явился к Туллу Гостилию, поздравил его с победой и рассчитывал получить от него благодарность за выказанную им преданность. Но Тулл Гостилий проник его хитрость и, сохраняя вид прежних дружеских отношений к Фуфацию, принял быстрое, сильнейшее и поэтому вернейшее средство к наказанию альбанцев и их вероломного предводителя.

Он тайно послал Горация с отборным отрядом в Альба Лонгу с поручением завладеть городом и его жителями; при этом он приказал город разрушить и сравнять с землей за исключением храмов, но запретил причинять гражданам дальнейшие бедствия. Он приказал объя-

¹ Этот способ уничтожения — проведение под ярмом (*sub jugum paittere*) — часто употреблялся впоследствии во время войн над сдававшимся в плен неприятелем.

вить альбанцам, чтобы они со всеми своими семействами отправились в Рим, в котором они должны были составить один город. В то время как это приводилось в исполнение, Тулл Гостилий призвал к себе альбанское войско, как бы желая похвалить храбрейших за оказанную ими в последнем сражении службу, и приказал своим римлянам, из которых каждый имел при себе скрытый под платьем меч, окружить собравшуюся толпу альбанцев. Затем Тулл Гостилий взшел на трибуну и объявил альбанцам, что знает о их измене и намерен наказать их.

Всякая попытка к какому-либо сопротивлению при данных обстоятельствах была бы немислима. В то же время Тулл Гостилий объявил альбанцам, что их родной город Альба Лонга уже уничтожен Горацием. Беднейшие классы привлек он на свою сторону обещанием при поселении в Риме наделить их земельными участками; некоторых же из знатнейших убедил тем, что принял их в число патрициев и в сенат и для их собраний приказал построить на площади огромное здание — Гостилийские курии. Благодаря этому переселению альбанцев, для местожительства которых была назначена Целийская гора, население Рима было удвоено. Фуфций не спасся от определенного ему жестокого наказания. Он был привязан к двум лошадям; пущенные в разные стороны, они разорвали тело его как бы в знак того, что он хотел разорвать два государства, связанные отныне навсегда. Многолетняя борьба с латинами, которые не соглашались предоставить римлянам в Латинском союзе места, занимаемого до тех пор альбанцами, наполняет последние годы правления Тулла Гостилия. Он кончил жизнь тем, что сгорел в собственном своем доме. По уверению некоторых древних историков, сами боги в наказание за то, что он во время многочисленных сражений пренебрегал религиозными обрядами и для умилоствления их гнева прибежал к незаконным средствам, поразили дом его молнией.

*Римская женщина.
С античного барельефа.*

5. Анк Марций (644—616 гт. до Р. Х.)

Избранный царем Анк Марций был внуком Нумы Помпилия и наследовал его благочестивый и миролюбивый образ мыслей. Запущенное в предшествовавшее правление богослужение было восстановлено, и господствовавшее при Нуме мирное стремление к земледелию и пчеловодству вновь возродилось. Но Рим настолько уже запутался в распрях с соседями, что невозможность перевеса миролюбивых наклонностей царя была очевидна. Сабиняне, вейи, латиняне и другие

вынуждали царя браться за оружие для доставления своему государству более обеспеченного существования. Он завоевал и уничтожил многие города и увел жителей в Рим, где назначил им местожительство на Авентинском холме.

Жители покоренных городов, силой переселенные в Рим, образовали теперь римскую общину — плебс. Плебеи были лично свободны и пользовались покровительством закона; они могли заниматься ремеслами, торговлей, приобретать собственность, но не принимали никакого участия в управлении. Одни патриции составляли собственно римский народ; они одни избирали царя, решали вопрос о войне или мире и одни сражались и получали военную славу и добычу. Равным образом плебеи не имели никакого участия в государственной религии — ни в общественном богослужении, ни в отправлении должностей жрецов и городских ауспиций (гадание по полету птиц). Так как возведение во всякий высший государственный сан нуждалось в освящении ауспициями, то патриции на всякое стремление плебеев к занятию общественных должностей смотрели как на нечто противное божественным установлениям, как на осквернение святыни; сверх того, они гордо и строго воздерживались от брачных союзов (*conubio*) с плебеями.

Для легчайшего обеспечения все более и более возрастающего населения Анк Марций старался завладеть течением Тибра и судоходством по нему. Благодаря счастливым войнам с веями он завладел устьем этой реки и основал на нем новый город Остию (что значит устье).

Той же цели служило и укрепление находившейся на противоположной стороне Тибра Яникульской горы, которое состояло из оплота, построенного в ограждение города и реки от этрусков. Для большого удобства гора эта была соединена с городом мостом на сваях (*pons sublicius*). Как древнейшее сооружение подобного рода, мост этот пользовался глубочайшим уважением даже в позднейшие времена. При необходимых время от времени исправлениях его высшими жрецами, понтифексами, совершались известные древние священные обряды. Так прославил Анк Марций и увеличил Рим в свое двадцатичетырехлетнее царствование военными подвигами и мирными делами.

*Анк Марций.
С древней монеты.*

6. Тарквиний Приск (616—578 гт. до Р. X.).

Этот царь был родом из Греции. Отец его, Демарат, был уроженец города Коринфа и происходил из рода Бакхиадов. Благодаря обширной торговле, веденной им со страной этрусков, он приобрел огром-

ные богатства. Но так как в это время в Коринфе произошел переворот и Баксиады были изгнаны тираном Кипселом, то Демарат бежал со своими сокровищами в этрусский город Тарквинии, поселился в нем и женился на этруске.

Сын Демарата, Лукумон, после смерти отца своего не долго оставался в Тарквиниях. Давно установившиеся порядки в них и старинные роды не допускали чужеземцев к почетным должностям. Поэтому Лукумон со всеми своими сокровищами и приверженцами переселился в Рим. В этом городе, где только что начинала развиваться общественная и гражданская жизнь и чужеземцам предоставлялся большой простор для их деятельности, он надеялся получить возможность занять более выдающееся положение, чем в Тарквиниях. Надежда не обманула его: царь и народ радушно приняли богатого и щедрого чужеземца, который переименовал свое имя на имя Луция Тарквиния. Не прошло и нескольких лет, как он успел во многих войнах настолько выказать свою храбрость, что занял место в ряду знатнейших и наиболее уважаемых сановников Рима. Вследствие этого Анк Марций перед смертью своей передал ему опеку над обоими своими сыновьями, а народ, убежденный представлениями Тарквиния, обойдя царских детей, избрал его своим царем.

Выбор этот оказался как нельзя более удачен. Новый царь в своих военных предприятиях выказал вполне мощь и дух римского народа; мирные же деяния и величественные сооружения его обнаружили влияние греческого и этрусского образования. Ему Рим обязан устройством достойных удивления клоак — подземных сточных каналов или водостоков, сооруженных для осушения болотистых местностей города. На осушенной долине между Капитолийским и Палатинским холмами Тарквиний устроил для рынка и народных собраний форум и окружил его лавками и другими торговыми помещениями. На осушенной таким же образом долине между Палатинским и Авентинским холмами построил он для общественных ристалищ *с i g u s t a x i m u s*. Вокруг него, постепенно поднимаясь (амфитеатром), шли скамейки, разделенные по куриям; окружность цирка была так велика, что он, как утверждают некоторые, вмещал в себе сто пятьдесят тысяч человек. Тарквиний же положил основание знаменитому храму Юпитера на Капитолийском холме.

Для покрытия огромных издержек на эти сооружения служила богатая добыча, которая досталась Тарквинию от счастливых войн, и постоянные доходы с завоеванных земель. Он также воевал с сабинянами, латинами и этрусками. Они стремились освободиться от зависимого положения, в котором давно уже находились, и воспротивиться дальнейшему напору начинавшегося их порабощения.

Сначала попытались латины, но кончили тем, что должны были признать Рим главой Латинского союза. После их попробовали отставить свою независимость сабиняне и этруски. Сабиняне вторгнулись в Римскую область и дошли до стен Рима, но были побеждены и вы-

*Бракосочетание у римлян.
С античного барельефа.*

нуждены признать над собой верховную власть Рима. Бывшие с ними в союзе этрусские города сражались не с большим успехом. После тяжелого поражения при Арециуме они кончили тем, что вследствие предложенных Тарквинием весьма умеренных условий, признали римского царя своим повелителем. Под конец они переслали ему бывшие у них в употреблении знаки царского достоинства: золотую корону, престол слоновой кости, скипетр, украшенный орлом, вышитую золотом пурпуровую тогу¹ и двенадцать пучков прутьев (fascis).

Эти знаки царского достоинства с этого времени были введены в Риме и некоторые из них служили впоследствии знаками консульской власти.

Несмотря на удачные войны против внешних врагов, Тарквинию не удалось осуществить в деле внутреннего управления свои намерения относительно изменения и расширения первоначального государственного устройства. Для увеличения своей конницы он хотел образовать еще три новых трибы из вновь прибавившегося, но не привез-

¹ Тогой у римлян называлась верхняя одежда. Она была из шерсти и, ниспадая вниз, покрывала все тело. Под этой тогой они носили еще исподнюю одежду — тунику. На войне тогу заменял сагитум — короткий кафтан без рукавов.

денного еще в порядок населения. Но намерению этому воспротивились существовавшие трибы, причем один авгур, по имени Атт Навий, объявил, что это не может совершиться без новых гаданий. Царь, опасаясь при этом коварства патрицианских родов, не согласился прибегнуть к этому средству. Он скорее рассчитывал уронить противника в общественном мнении, для чего и приказал авгуру испытать, возможно ли исполнить то, о чем он теперь думает. Когда Атт Навий дал утвердительный ответ, то царь приказал ему разрезать бритвой оселок. Предание при-
совокупляет, что Атт Навий действительно исполнил это и привел своим чудом в такой ужас царя, что он вынужден был оставить свое намерение. Однако Тарквиний, не имея возможности изменить ни числа, ни названий древних триб, удвоил в них число древних родов. Подобным же образом удвоил он центурии всадников и число сенаторов. Вместе с тем была удержана и организация триб, как она была установлена Ромулом, только в каждой курии число членов было удвоено.

*Римлянин в тоге.
С античного барельефа.*

Жизнь Тарквиния окончилась насильственной смертью. Сыновья Анка Марция, которые смотрели на престол, как на свое наследие, опасались, что царь упрочит наследование за своим любимцем и зятем Сервием Туллием. Чтобы воспрепятствовать этому и отомстить за себя, они умертвили престарелого Тарквиния следующим образом. Они подговорили двух людей войти в одежду пастухов в дом царя под предлогом представить на его разрешение возникший будто бы между ними спор, и там убить его. В ту минуту, когда царь, выйдя к ним, выслушивал одного из них, другой поразил его топором; совершив это злодеяние, убийцы убежали. Однако их схватили и казнили. Умысел же их подстрекателей, сыновей Анка Марция, не удался, благодаря хитрости жены убитого — Танаквилы.

7. Сервий Туллий (578—534 гг. до Р. Х.)

Тарквиний оставил после себя двух несовершеннолетних еще сыновей и зятя, по имени Сервия Туллия. Но те грубые и смутные времена не допускали учреждения опекунства с правительственной властью для сохранения царского престола за малолетними детьми, а требовали немедленного замещения царского престола. Танаквила

тотчас сообразила, что она и все царское семейство будут осуждены гибели, если сыновьям Анка Марция удастся завладеть верховной властью. При этом Сервий Туллий казался единственным человеком, способным отворотить такое несчастье и вместе с тем достойным обладать царской короной.

По достовернейшим преданиям, Сервий Туллий происходил из знатного рода латинского города Карникула и родился в Риме. Мать его попала пленницей и рабыней в дом престарелого Тарквиния после того, как родной город Сервия во время войны был взят римлянами, а отец его Туллий убит в сражении. Царица Танаквила полюбила как мать, так и сына. Мальчик был назван Сервием Туллем, получил хорошее воспитание и скоро выказал большие способности. Ходил даже слух, что у Сервия, когда он был еще ребенком, однажды во время сна волосы на голове засветились огненным сиянием, что при пробуждении его тотчас исчезло. Чудесное знамение это Танаквила, весьма сведущая в этрусской мудрости, объяснила как ниспосланное богами предзнаменование будущей славы ребенка.

Танаквила и подраставший Сервий с своей стороны сделали все, чтобы это божественное предзнаменование оправдалось. Храбростью и умом Сервий завоевал себе высокое положение и достоинство сенатора и патриция. Танаквила и Тарквиний выдали за него замуж свою дочь, и, наконец, Тарквиний передал ему ведение важнейших дел. Таким образом народ давно уже привык видеть рядом с царем этого счастливого и достойного временщика и наградил его полным своим доверием. По этому Танаквила и сам Сервий нисколько не сомневались в том, что народ после смерти Тарквиния также охотно будет видеть в нем своего царя. Для этой цели Танаквила, как только совершилось убийство ее супруга, приказала запереть дом и объявила собравшемуся и пораженному народу, что Тарквиний не убит, а только ранен, и что он впредь до своего выздоровления передал управление государством своему зятю — Сервию Туллию.

Сервий Туллий на следующий же день явился под охраной сильного конвоя телохранителей на городскую площадь и прежде всего, чтоб устранить с дороги опаснейших врагов своих, сыновей Анка Марция, обвинил их в преднамеренном убийстве. Он приговорил их, как и следовало ожидать, к изгнанию и потере всего их имущества. Они бежали к Суэссу Пометию, а партия их, лишенная предводителей, потеряла всякое значение. Теперь Сервий Туллий, полагая, что ему нечего уже более

*Римская матрона.
С античной статуи.*

опасаться, объявил, что престарелый царь умер от ран. Сервий не сложил царского достоинства и правил некоторое время без согласия патрициев и сената. Только заручившись предварительными обещаниями патрициев, созвал он их в собрание и склонил их утвердить его царем.

Сервий Туллий, подобно Нуме Помпилию и Анку Марцию, был друг мира и вел войну только с этрусками. Принудив их признать верховную власть Рима, он заключил союз с латинами и устроил общие жертвоприношения и празднества для римлян и латинян в храме Дианы на Авентинском холме. К существовавшим до того времени холмам

*Сервий Туллий.
С древней монеты.*

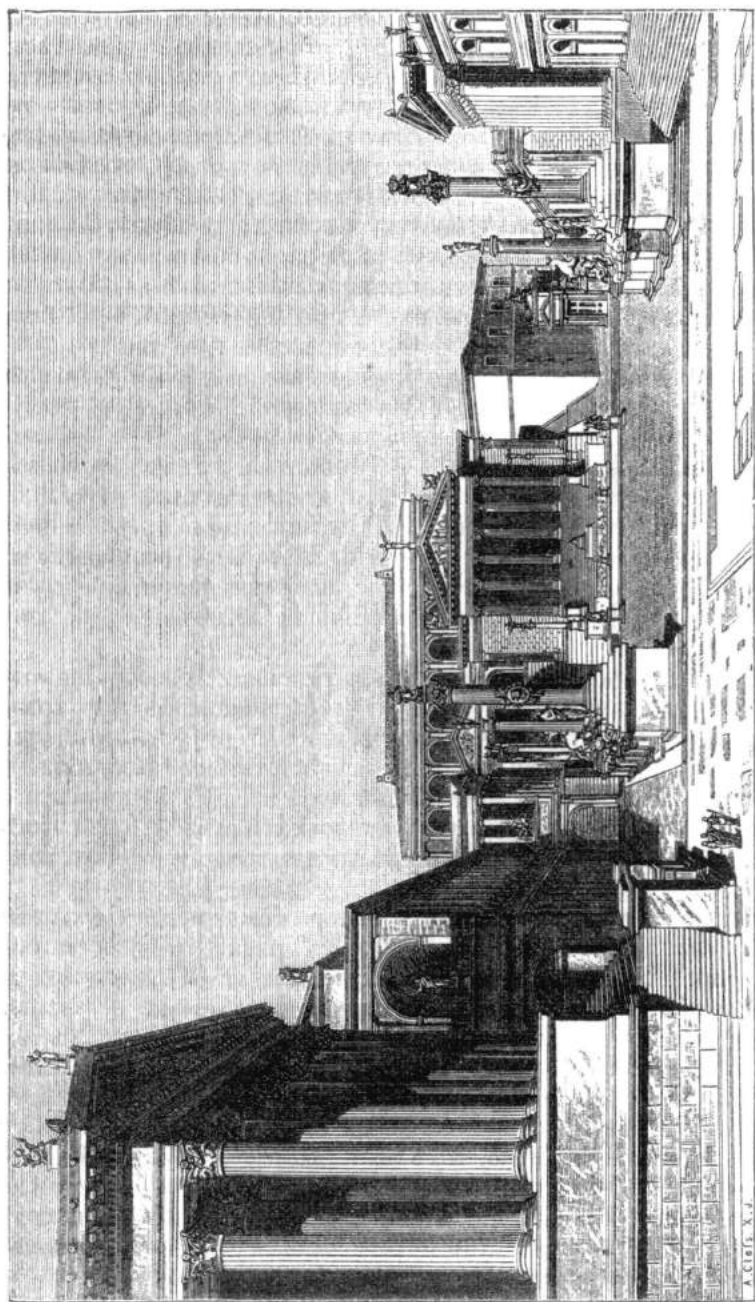
Палатинскому, Капитолийскому, Квиринальскому, Целийскому и Авентинскому Сервий Туллий присоединил еще Эсквилийский и Виминалийский, окружил все это пространство стеной и рвом и сделался, таким образом, основателем «семихолмного города». Всю римскую область он разделил на тридцать *tribus* (округов), а именно: сам город на четыре (*tribus urbanae*), а область — на двадцать шесть (*tribus rusticae*). Это разделение на тридцать триб распространялось не на одних только плебеев, но также и на патрициев. Положение беднейшей части населения Сервий Туллий облегчил тем,

что заплатил долги неимущих и распределил между ними небольшие земельные участки из государственной поземельной собственности. Однако этими благодетельными попечениями о плебеях он возбудил против себя ненависть патрициев.

Но величайшим деянием Сервия Туллия было разделение и устройство всего вообще римского населения, как патрициев, так и плебеев, по имуществу, на классы и центурии. На этом делении основывались устройство войска и состав вновь учрежденного народного собрания. Благодаря этой мере трибы и курии патрициев утратили свою силу, и было подготовлено слияние патрициев и плебеев в одно равноправное государственное сословие.

Не принимая во внимание происхождения, Сервий разделил все население патрициев и плебеев по имуществу на пять классов, а классы, в свою очередь, на сто девяносто три центурии. За патрициями, как самыми богатыми, а потому и более обремененными налогами и воинской повинностью, осталось первенствующее положение. Плебеи же, как люди менее достаточные, были обременены меньшими повинностями. Сохраняя свои политические права, они были отодвинуты на второй план, но вместе с тем получили возможность достигать высшего общественного положения.

Пять имущественных классов были составлены следующим образом. К первому принадлежали те, кто обладал имущест-

Храм
Дноскурор

Базиллика
Юлия

Храм Сатурна
Храм Веспасиана
Табуларий

Храм Согласия

Тюрма
Храм Януса

Храм
Ю. Цезаря

Курин
Базиллика
Павла Эмилиа

Римский форум. Реставрирован П. Лаузером.

вом не менее как в 100 000 ассов¹, около 3425 рублей. Этот класс состоял из восьмидесяти центурий или, так как разделение на классы имело влияние на способ отбывания воинской повинности и на разделение войска, — из восьмидесяти отрядов пехоты. Из них сорок состояли из молодых людей, от 18 до 46-летнего возраста, которые несли военную службу в поле; остальные же сорок состояли из более старых людей, предназначавшихся для внутреннего охранения города. Вооружение лиц первого класса составляли: панцирь, набедренник, копье, меч, шлем и щит. К этому же классу принадлежали и в с а д н и к и; они разделялись на восемнадцать центурий и состояли из более богатых и молодых людей. Хотя пехота и конница не получали жалованья, но лошади и продовольствие их доставлялись за государственный счет. Весь этот класс имел, таким образом, девяносто восемь центурий.

В т о р о й к л а с с состоял из обладавших имуществом по меньшей мере в 75 000 ассов, или в 2571 руб. Он разделялся на двадцать центурий, которые распадалась, подобно первому классу, на два подразделения соответственно своему возрасту. Лица второго класса имели то же вооружение, как и первого, но без панциря, и шиты их были легче.

И м у щ е с т в о в 50 000 ассов, или в 1714 рублей, давало право на принадлежность к т р е т ь е м у к л а с с у. Этот класс также распадался на двадцать центурий, из которых десять состояли из молодых, а десять из старых воинов. Присвоенное им вооружение не заключало в себе панциря и набедренника.

Т о ж е ч и с л о двадцати центурий, с подразделением их соответственно возрасту, имел и ч е т в е р т ы й к л а с с, условие принадлежности к которому составляло имущество в 25 000 ассов, или в 857 рублей. Копье, щит и меч составляли вооружение принадлежавших к этому классу лиц.

В п я т о м к л а с с е число центурий простиралось до тридцати с имуществом в 12 500 ассов, или в 428 с половиной рублей. Люди этого класса были вооружены копьями и пращами и служили в легких войсках.

В с е о с т а л ь н ы е граждане, имущество которых было менее имущества лиц пятого класса, и кончая теми, кто не имел никакого имущества, назывались «пролетариями», то есть собственниками детей и, несмотря на многочисленность своих членов, составляли одну только центурию. Они были свободны от военной службы и от всяких налогов. Налоги вносились только остальными классами соответственно своему имуществу. Те из них, кто нес службу в войсках в качестве горнистов, трубачей, оружейников и плотников, составляли четыре особых центурии.

И з э т о г о р а з д е л е н и я видно, что в так называемых ц е н т у р и а л ь н ы х к о м и ц и я х, в которых голосование происходило по центуриям, первому классу с его девяносто восемь центуриями принадлежало преобладающее значение, почему он и являлся решающим элементом и в руках его сосредоточивалась вся законодательная власть.

¹ Тогдашний асс равнялся одному фунту меди.

Кроме того, патриции собирались по-прежнему в курiales комитии и утверждали решения о войне и мире, об избрании нового царя и т. д. Сверх того, они удержали за собой свои старинные права и одни могли быть сенаторами, жрецами, судьями и патронами. Равным образом решения центуриальных комиций получали силу лишь тогда, когда куриальные комиции изъявляли на то свое предварительное согласие.

В благодарность богам за счастливое выполнение столь важных дел Сервий Туллий воздвиг Фортуне (богине счастья) два храма. Несмотря, однако, на это, счастье под конец изменило Сервию Туллию, и чле-

*Римские всадники перед храмом Юпитера Капитолийского.
С античного барельефа из собрания кардинала Феша.*

ны его собственного семейства подготовили ему позорнейший конец. Сервий Туллий выдал замуж двух дочерей своих за сыновей Тарквиния. Один из них — Луций был надменный и властолюбивый человек. Он с неудовольствием смотрел на то, как тесть его правил на престоле, на что он, по его мнению, имел большие и старейшие права. Другой сын Тарквиния — Арнус был человек миролюбивый. Туллия, старшая дочь Сервия, бывшая замужем за Луцием, была кроткого характера, преисполнена любви к своему отцу и заботилась только об обуздании гордых страстей своего мужа. Зато младшая сестра, которая была замужем за Арнусом и называлась также Туллией, отличалась бессердечным властолюбием. Видя, что муж ее из-за своего характера

не может служить пригодным орудием для осуществления ее планов, она не замедлила сблизиться с более похожим на нее шурином своим, Луцием, который искал и со своей стороны этого сближения. Непосредственным последствием этого сближения была насильственная смерть брата и сестры; смерть их уничтожила преграду между Луцием и женой его брата. Сойдясь так тесно и в характерах, и во мнениях своих, они не замедлили соединить себя и узами брака.

Соединившись, они начали работать теперь для низвержения царя. Деньгами и обещаниями старался Луций Тарквиний приобрести себе большую партию между патрициями и плебеями. Наговорами, распускаемыми в сенате и народном собрании против своего тестя как на происходящего от рабской крови и незаконного обладателя престола он надеялся вытеснить его законным путем. Но тут всеобщий голос высказался за царя, и Луций Тарквиний вынужден был отложить исполнение своего замысла до другого времени.

Под конец Луций внешне примирился со своим тестем, но тайне трудился над увеличением своей партии. Затем он выждал время, когда жатва удержала вдали часть народа и друзей Сервия Туллия, а сам он получил возможность собрать своих приверженцев в сенат и на форум. Внезапно и неожиданно он появился в собрании сенаторов, украшенный знаками царского достоинства. Престарелый царь, извещенный об этом, полный гнева, поспешил в сенат. Укоряя своего зятя за то, что тот осмелился явиться в таком одеянии, Сервий Туллий хотел стащить его с престола. Но Тарквиний, будучи моложе и сильнее, схватил царственного старца, обхватил его тело и сбросил вниз с каменной лестницы курии.

Несчастный, окровавленный и обессиленный царь хотел с помощью некоторых друзей удалиться, но в это время подоспели посланные Тарквинием убийцы и положили конец существованию Сервия.

Туллия, преисполненная радости, прибыла на площадь, чтобы приветствовать своего мужа, как царя. При этом характер этой дочери вполне проявился. Возвращаясь домой, она с торжеством переехала в своей колеснице через труп своего отца, и кровь его обрызгала ее одежду¹.

¹ Впрочем, что касается этой ужасной сцены, то можно предположить, что патриции, которые питали нерасположение к царской власти, разумеется, старались изобразить способ восшествия Тарквиния (Гордого) на престол по возможности черными красками для того, чтобы последовавшее затем низвержение его с престола представить как бы в виде возмездия.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД
(от Кира до Александра)

ПЕРСИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО

1. Камбиз и Лже-Смердис (529—522 гг. до Р. Х.).

1) Персидское государство при Камбизе

Кир царствовал почти тридцать лет и умер в 529 году до Р. Х. Он завещал свое государство старшему сыну своему Камбизу; младший же сын его Смердис получил в управление восточные области.

С честолюбивым характером своего отца Камбиз соединял в себе склонность к дикости и жестокости. К завоеваниям отца своего он хотел присоединить еще богатый и цветущий Египет, к тому же считая лично себя оскорбленным царем его Амазисом II. По сказанию персов, он послал к престарелому царю просить для себя руки его дочери и рассчитывал, получив отказ, найти предлог для войны. Амазис вместо своей дочери отправил к нему дочь своего предшественника Хофры — Нитетис. Спустя некоторое время в дружеском разговоре о своем отце она сказала Камбизу: «Царь, тебе неизвестно, что ты обманут Амазисом. Он одел меня в драгоценный наряд и в этом наряде отправил и отдал тебе, выдавая за свою дочь, между тем как в действительности я дочь Хофры, бывшего его повелителя, которого он вместе с другими египтянами умертвил возмутительнейшим образом». Глубоко оскорбленный Камбиз тотчас же решил приступить к мщению¹. Один предатель из находившегося на жалованье у египтян греческого войска, по имени Фанес из ненависти к Амазису, перешел к Камбизу и указал ему удобный путь из Азии в Египет через Аравийскую пустыню. Египетско-греческое войско под предводите-

Амазис II.

¹ В Египте история эта рассказывалась иначе: Нитетис была послана еще Киру и родила ему сына Камбиза. Таким образом завоеванием Египта были восстановлены лишь права родственников Хофры, которые считались, в противоположность узурпатору Амазису, законными его наследниками, и Камбиз не столько вследствие своей победы, сколько в качестве внука Хофры вступил на египетский престол. Этой выдумкой позднейшие египтяне утешали себя в своем бессилии и унижении. — (Масперо).

льством царя Псамменита, сына незадолго умершего перед тем Амазиса, расположилось при Пелузии.

Находившиеся в египетском войске ионийские и карийские наемники первые начали ряд жестокостей этой войны тем, что одного из возвращенных сыновей предателя Фанеса убили на виду обеих войск и, смешав кровь его с вином и водой, пили ее из большого котла. Затем началось сражение; персы победили, а египтяне обратились в бегство и заперлись в Мемфисе. Поле битвы при Пелузии, по показанию очевидца Геродота, спустя еще семьдесят лет после этого сражения было усеяно черепами убитых на нем воинов, и весьма легко было отличить персидские черепа от египетских. Персидские были мягки и хрупки, египетские крепки. Это объясняется тем, как говорит Геродот, что персы имели обыкновение носить теплый головной убор; бритые же головы египтян закалялись от солнца.

Затворившиеся в Мемфисе египтяне горели мщением и национальной ненавистью. Когда победитель Камбиз послал по Нилу на митиленском корабле персидского вестника с предложением городу сдать-ся, египтяне изрубили в куски весь экипаж и уничтожили сам корабль. После этого Камбиз окружил город, принудил его к сдаче и заключил царя и других знатных египтян под стражу в предместье города. Судьи персидского царя решили, что за каждого убитого перса должны быть казнены десять знатнейших египтян. Несчастный Псамменит, процарствовавший всего шесть месяцев, сидел безутешный в доме предместья, окруженный персидской военной стражей. Прежде всего увидел он, как провели на казнь, во главе двух тысяч египетских юношей с веревкой на шее и удилами во рту, его единственного сына, и не заплакал, между тем как другие отцы громко рыдали. Затем увидел он, как его любимая дочь вместе с другими знатными молодыми египтянками в одежде рабыни с кувшином на голове шла из неприятельского стана, громко сетуя на то, что ей приходится исполнять непривычную для нее унижительную работу, и снова не проронил ни одной слезы среди всеобщего плача. Но вскоре затем взор его упал на одного старого друга и сотрапезника, жившего до тех пор в постоянном довольстве, а теперь хилого старика, который был лишен всего имущества и обходил воинов с униженной просьбой о милостыне. Тут Псамменит разразился горькими рыданиями, стал бить себя по голове и звать друга по имени.

Извещенный об этом Камбиз велел спросить Псамменита о причинах такого поступка. «О сын Кира! — отвечал царь. — О несчастьи друга я могу еще плакать, но моя личная скорбь слишком велика и не может быть выражена слезами». Камбиз не остался нечувствительным к этому ответу; он милостиво обошелся с пленником и послал приказание, чтобы сына его не убивали. Но посланные опоздали, так как царственный юноша был казнен первым.

Псаммениту не пришлось бы испытать дальнейших оскорблений и он сохранил бы свой сан при персидском правлении, потому что, как говорит Геродот, персы привыкли чтить царских детей, если бы он не

сделал попытки возмутить египтян. Замыслы его были открыты, и в наказание он должен был упиться бычачьей кровью, от чего и умер.

Весь Египет подпал под власть персов. Обитавшие на западном морском берегу народы Ливии и тиран Кирены — Аркезилай покорились добровольно, послали Камбизу дары и уплатили дань. Камбиз решил присоединить к своему Персидскому государству и лежавшую далеко на юге Эфиопию, которая изображалась еще в древнейших народных преданиях как высокообразованная и богатая страна. Сначала он послал туда с подарками лазутчиков, которым приказано было сделать вид, что они имеют поручение уговорить эфиоплян вступить с персами в дружественный союз. Но эфиопский повелитель проник в их хитрость и сказал им: «Удалитесь. Ваш царь человек несправедливый. Если бы он не был таковым, то не искал бы другой земли, кроме своей, и не старался бы поработать себе людей, которые ничем его не обидели. Отнесите ему этот лук и передайте совет, чтобы он тогда только приблизился к эфиоплянам, когда персы будут в состоянии так же легко, как мы, натягивать этот лук, и скажите ему, что он может возблагодарить богов за то, что они не внушили эфиоплянам желания завладеть чужой собственностью».

Камбиз, достигший в это время Фив, пришел в ярость от такого ответа и, несмотря на то, что ни один перс не мог натянуть эфиопского лука, тотчас же дал приказание к выступлению в Эфиопию. Эллинов он оставил в Фивах, а пятьдесят тысяч человек послал в находившееся в оазисе на десятидневном расстоянии к западу от Фив жреческое Аммонское государство с повелением жителей его обратить в рабство, а храм оракула Юпитера Аммонского предать пламени. Но войску этому суждено было быть засыпанным в пустыне песчаным ураганом, и оно погибло бесследно. Не лучше шли дела и в главном войске, с которым сам Камбиз выступил против эфиоплян. В несколько дней похода все взятые с собой съестные припасы были истреблены и даже вычный скот съеден; в пустыне не показывалось ни одного дерева, ни одной былинки, и голод вынудил войско, подобно гибнущим мореплавателям, выбирать из своей среды одного из десяти и убивать его для того, чтобы он послужил пищей остальным. Это заставило Камбиза отказаться от дальнейшего похода, и он повел свое войско обратно в Мемфис.

Здесь он нашел народ в шумной радости по случаю рождения, после долгого ожидания, нового аписа. Жрецы были заняты жертвоприношениями и молитвами, а народ с радостными кликами следовал за процессиями аписа по всему городу. Но Камбиз, усматривая в этом ликовании выражение радости по случаю постигшего оба его войска несчастья, готовил веселому празднеству ужасный конец. Он приказал привести к себе аписа и с презрительным смехом воткнул ему в бок свой клинжал; затем он велел бить жрецов плетью, а жителей рубить обнаженными мечами. В мемфисском храме Фта он вступил в сокровенную часть его, доступную для одних только жрецов, и приказал побросать в огонь изображения богов. Он велел вырыть из могилы труп

Амазиса, предать его всевозможному поруганию и затем сжечь. Деспотизм и ярость его не знали более никаких пределов. Так, из персов только брат его Смердис, известный по надписям на памятниках под именем Бартия, оказался способным натянуть лук, присланный эфиопским царем, и вследствие этого, по одному лишь пустому подозрению, был отослан Камбизом обратно в Персию, а любимцу царя Прекраспу было приказано умертвить его.

Крезу, сопровождавшему Камбиза, как и отца его, в качестве друга в походах, удавалось иногда удерживать царя от неправых поступков или высказывать ему правду. Однажды Камбиз спросил у своих царедворцев, кого они считают выше: его или отца его, Кира? На это Крез ловко ответил: «По моему мнению, царь, ты пока не равен отцу своему, потому что не имеешь еще такого сына, какого он оставил в тебе».

В другой раз Камбиз в припадке зверства приказал закопать в землю живыми двенадцать ни в чем не повинных персов. Крез стал доказывать ему не только бесчеловечность, но и безрассудность такого поступка, и при этом едва успел спастись от пущенной в него разгневанным царем стрелы. Тогда царь велел своим слугам убить его, но они, зная непостоянный нрав царя, скрыли Креза и, когда на следующий день Камбиз снова выразил желание беседовать с стариком, привели его к нему. Хотя это и очень обрадовало деспота, но все-таки он приказал казнить ослушавшихся слуг.

— Скажи мне, — спросил он у Прекраспа, — что думают обо мне персы?

— Государь, — отвечал тот, — они тебя очень хвалят, но только находят, что ты слишком склонен к употреблению вина.

— В самом деле, — воскликнул царь, — так они думают, что я не способен тогда владеть собой? Ты должен немедленно убедиться, правы ли они. Если я попаду твоему сыну, который стоит там, на дворе, прямо в сердце, то будет очевидно, что персы говорят неправду.

Он натянул лук, и мальчик упал мертвый. Царь приказал вскрыть его тело, и действительно нашли стрелу, пронзившую сердце.

— Итак, Прекрасп, — воскликнул торжествующий Камбиз, — будут ли персы и теперь утверждать, что я не владею собой? Знаешь ли ты хотя одного человека в мире, который стрелял бы так же хорошо, как я?

— Поистине нет, — произнес, запинаясь, несчастный любимец, — я думаю, сами боги не могут стрелять лучше.

После трехлетнего пребывания в Египте Камбиз решил возвратиться в Сузу, оставив в Египте персидский гарнизон. В Сирии он узнал, что разосланные от имени Смердиса вестники провозглашали по всем областям, что повиноваться следует уже более не Камбизу, а ему. Угадывая обман, Камбиз вскочил на лошадь, чтобы поспешить в Сузу. Но тут у него выпал из ножен меч, и конец его воткнулся ему в бок и прошел до кости. У него сделался антонов огонь. На смертном одре Камбиз просил собравшихся вокруг него знатнейших персов не допускать, чтобы верховная власть снова перешла в руки мидян. Он убеждал, что-

бы всякого, кто будет выдавать себя за брата его, Смердиса, наказывали как обманщика, ибо настоящий Смердис, увы, давно уже убит по его приказанию. Камбиз умер, не оставив после себя детей.

Лже-Смердис был мидийский маг Комётес, по надписям Гаутама, и брат мага Патизефа (или Оропаста). Целью предприятия его было восстановление мидийского владычества. Знатные персы сначала держали себя спокойно. Они относились с недоверчивостью к последним словам Камбиза, полагая, что он из зависти к своему брату распустил слух о его смерти, о чем до тех пор никому не было известно. К тому же и Прексасп после смерти Камбиза из страха наказания отрицал справедливость этого слуха. В то же время маги постарались щедрыми обещаниями склонить на свою сторону Прексаспа и убедить его всенародно подтвердить, что настоящий Смердис жив. Это действительно должно было рассеять сомнение, которое начинало уже проявляться, так как все приказания стали исходить через магов из царского гарема, и никто не допускался до лицезрения царя.

Наконец шесть главных персидских предводителей (Пассаргадов) собрали между собой совет о том, каким образом проникнуть тайну. Если мнимый Смердис был брат Патизефа, то его легко можно было узнать, так как он не имел ушей, которые еще Кир приказал ему отрезать за какой-то проступок. Случилось, что в числе его жен была дочь одного из означенных предводителей, Отана, которая на вопрос отца сообщила, что у царя Смердиса совсем нет ушей. В то время, как шестеро предводителей совещались между собой о том, как должен быть наказан обманщик, прибыл в Сузу Дарий (Дариус, по надписям Дарий в у с), молодой и отважный перс из племени Ахеменидов (к которому принадлежал и Кир), сын Гистаспа, персидского наместника Персиды. Они тотчас приняли Дария к себе в союзники и под его предводительством отправились, вооруженные, в царский дворец. Стража ввиду их высокого положения беспрепятственно пропустила их во двор. Здесь встретили они сопротивление со стороны слуг, но после непродолжительной борьбы одолели их и ворвались в комнату царя. Тут нашли они обоих братьев, убили их, показали головы их прочим персам и рассказали все дело. Народ, узнав уже в это время от Прексаспа, который, вопреки ожиданиям магов, подтвердил смерть настоящего Смердиса и бросился затем с башни, о настоящем положении дела, пришел в такую ярость, что перебил всех попавшихся ему в руки магов.

2. Дарий, сын Гистаспа (521—485 гг. до Р. Х.)

Для государства было необыкновенным счастьем, что все семь князей, хотя и не единогласно, но все-таки согласились последовать лучшему совету за счет выбора формы государственного правления. Было сделано несколько предложений. Одни желали ввести олигархию, дру-

гие демократию; однако Дарий настоял на сохранении монархии. Старший из князей, Отан, добровольно отказался наперед от всех прав на царское достоинство. Остальные, признав с благодарностью благородство такого бескорыстного решения, тотчас же условились между собой, что тот из них, который будет царем, должен предоставить Отану и его потомкам независимость и каждый год награждать его дорогим подарком. Царскую власть должен был получить тот, чья лошадь первая заржет на общей прогулке. Счастье оказалось на стороне Дария.

Для еще большего утверждения своей власти новый царь счел полезным взять себе в жены двух дочерей Кира, одну Смердиса и одну Отана. Дарий твердостью и силой духа умел укрощать гордость и самонадеянность вельмож, когда они осмеливались нарушать его приказания и законы. Однажды *И н т а ф е р н* — один из шести, имевших право входить к царю без доклада, пожелал воспользоваться этим правом в то время, когда царь находился в женских покоях, в которых даже эти шестеро не могли беспокоить царя. Когда же вследствие этого находившиеся у дверей страж и докладчик не хотели пропустить Интаферна, то он обнажил свой меч и отрубил им носы и уши. Извещенный о таком наглом поступке, Дарий опасался сначала, не было ли это сделано с общего согласия шестерых и не замыслили ли они возмущения, почему и начал выспрашивать по этому поводу каждого из них отдельно. Но узнав, что Интаферн действовал без их ведома, он приказал взять его со всеми его сыновьями и родственниками под стражу и предать смертной казни. Дарий имел сильное подозрение, что Интаферн со своими приверженцами намеревался восстать против него¹.

Не менее осторожно и строго поступил Дарий с Оретом. Назначенный еще Киrom наместником Лидии, он во время восстания магов сам добивался самостоятельной власти и распространил свое наместничество на Фригию и Ионию. Когда же Дарий вступил на престол, то Орет выказал к нему такую заносчивость, что приказал умертвить отправленного к нему царем посла с неприятным для него повелением. Дарий не отважился немедленно наказать Орета, так как он имел у себя на службе в звании копьеносцев тысячу персов. Напротив, он послал к нему одного знатного перса, который прежде всего постарался подчинить своему влиянию копьеносцев. Когда копьеносцы стали исполнять все даваемые послом от имени царя приказания и даже не захотели более служить Орету, тогда посол предъявил им письмо Дария, в котором им предписывалось умертвить Орета. Копьеносцы немедленно

¹ При этом Геродот рассказывает о следующей замечательной черте, рисующей персидские нравы того времени. Жена Интаферна своими ежедневными слезами и мольбами умилостивила наконец царя, и он разрешил ей просить о помиловании одного из взятых под стражу ее родственников. Она выбрала брата. Царю, удивленному тем, что она не выбрала ни мужа, ни кого-либо из детей, она дала такой ответ: «Я могу иметь другого мужа и других детей, когда потеряю этих; но так как отец мой и мать умерли, то другого брата уже никогда иметь не буду». Ответ этот так понравился Дарию, что он отдал ей еще и старшего ее сына.

выхватили свои мечи и убили сатрапа. Таким образом Дарий вновь подчинил Лидию, Фригию и Ионию.

Несравненно опаснее этого возмущения было восстание в а в и л о н я н. Еще во время слабого правления магов приготовились они к отпадению от персов, в изобилии снабдили себя жизненными припасами, и для того, чтобы их хватило на более продолжительное время, удавили всех излишних женщин. Когда они решительно отказались платить персам дань, Дарий сам выступил во главе своего войска и осадил город Вавилон. Но жители за своими чудовишными стенами насмеялись над всеми приступами. Двадцать месяцев кряду все средства и даже хитрость, употребленная Киром, оставались безуспешными. Постыдное отступление и потеря важной области казались неизбежным уделом предприятия.

В такой крайности ревность к славе своего народа побудила молодого перса, З о п и р а, сына одного из семи главных предводителей, почти на невероятное самопожертвование. Он отрезал себе нос и уши, обрил себе голову, как рабу, и дал себя высесть острыми бичами до крови. В таком изувеченном виде явился он к царю, который в испуге вскочил и спросил, кто его так изуродовал. «Я сам, — отвечал Зопир, — и из любви к тебе, потому что этим надеюсь завоевать тебе город. Истекая кровью, как ты меня здесь видишь, я хочу пойти в город и представить, что это ты меня так обесчестил за то, что я подал совет снять осаду города. Я буду грозить тебе страшным мщением и выкажу такую ненависть к тебе, что никто ни заподозрит хитрости. Мне поручат отряд, и я сделаю с ним несколько счастливых вылазок. На десятый день пошли против меня тысячу худших твоих воинов и я разобью их, семь дней спустя две тысячи, а в двадцатый день четыре тысячи. Когда вавилоняне увидят меня три раза победителем, то наверное поверят мне все войско и город, а об остальном предоставь уж мне позаботиться».

Зопир пришел к городским воротам. Его лжи поверили, и он действительно так хорошо сыграл свою роль, что возбудил сожаление и негодование в вавилонянях тем более, что его имя и высокое происхождение хорошо были им известны. Ему был доверен отдельный отряд, и он разбил с ним сперва тысячу, потом две и наконец четыре тысячи персов. Затем его назначили военачальником и защитником города. После этого ему легко было впустить персов в ворота в то время, когда жители сражались с шедшим на приступ неприятелем. Таким образом город был взят.

Дарий не остался неблагодарным к заслуге такого самопожертвования. Он не только сделал Зомира сатрапом в Вавилоне, но и подарил ему еще на пожизненно и все царские доходы с этой обширной области. Но еще больше чести принесли ему его слова, что он лучше хотел бы видеть Зомира невредимым, чем взять еще двадцать таких городов, как Вавилон. Мятежный город подвергся страшному наказанию. Часть его крепких стен была срыта, ворота были разрушены, а три тысячи знатнейших жителей распяты на крестах.

В это же время другое внешнее предприятие Дария было скорее следствием его личного великодушия. Один знатный грек с острова Самоса, Силосон, во время завоевания Камбизом Египта отправился туда в числе многих эллинов, которые стремились в Египет частью для торговли, частью для военной службы, а также и из любопытства посмотреть страну. Случайно он встретил на рынке в Мемфисе Дария, служившего в числе телохранителей Камбиза. Дарий пожелал купить у Силосона его красивый красный плащ, но Силосон отдал плащ ему, сказав: «Я его не продаю, но если ты желаешь иметь, то я дарю его тебе».

Когда Силосон узнал о неожиданном возвышении молодого перса, то задумал извлечь из этого пользу. Он прибыл в Сузу, сел у входа в царский дворец и объявил спросившим его стражам, что он благодетель царя. Допущенный к Дарию, он напомнил ему о подаренном на мемфисском рынке красном плаще. «Да, честный человек, — воскликнул царь, — я узнаю тебя теперь. Ты сделал мне добро, когда я находился еще в ничтожестве; теперь тебе не придется раскаиваться в том, что оказал услугу сыну Гистаспа».

Дарий хотел принудить его взять множество серебра и золота, но Силосон отказался от подарков и сказал: «Если ты желаешь вознаградить меня, царь, то освободи мое отчество — Самос, которое с тех пор, как постыдно убит мой брат Поликрат¹, находится во власти одного из наших рабов. Сделай для меня это, но без пролития крови и не лишая никого свободы».

Дарий согласился на эту просьбу и послал Силосона с вооруженным флотом под предводительством верного своего Отана, в Самос. Вопреки желанию добросердечного Силосона, город пришлось завоевать мечом, притом только после того, как большая часть жителей была перебита; остальные покорились своему новому повелителю. После взятия Вавилона были покорены и остальные восставшие провинции (Сузиана, Мидия, Армения, Парфия, Гиркания), а в самой Персии подавлено возмущение второго Лже-Смердиса (перса Вахъяздата).

Рассказанные выше события послужили к утверждению положения царя и только что приобретенного персами могущества. Теперь Дарию следовало предпринять что-нибудь для расширения своих владений: «Царь, твоя власть так велика, — приводит Геродот слова царицы

¹ Поликрат был известен своим необыкновенным счастьем. Флот его повсюду одерживал победы; он покорил множество ионийских островов и городов и находился в весьма выгодном торговом союзе с египетским царем Амазисом. Находясь однажды в гостях у Поликрата, Амазис выразил свое опасение за его счастье и убеждал Поликрата свискать милость богов, завидующих слишком большому счастью смертных, добровольным принесением в жертву какой-нибудь дорогой вещи. Поликрат послушался и бросил в море свой драгоценный перстень. Но по какому-то странному случаю перстень этот нашелся в желудке рыбы, которую повар Поликрата несколько дней спустя хотел для него приготовить. В этом неслыханном счастливом случае друг Поликрата усмотрел неизбежность его несчастья и прекратил с ним всякие сношения. Вскоре после этого персидский наместник в Сардесе Орет, который управлял во время восстания магов этой областью самовластно, завлек к себе Поликрата и распял его на кресте.

Атоссы, обращенные к ее супругу, — а ты сидишь смирно и ни доставляешь персам нового государства, ни увеличиваешь их могущества. Тебе, человеку еще молодому и обладающему богатыми сокровищами, следует отличиться каким-нибудь геройским подвигом и тем показать персам, что ими управляет храбрый муж. Заставив персов воевать, ты лишишь их возможности на досуге опять составлять против тебя заговоры. Ты должен сделать это теперь, пока молод. Потому что когда укрепляется тело, то вместе с ним укрепляется и душа; когда же оно становится дряхлым и ни на что уже негодным, то и душа вместе с ним

Скифская одежда.

P. Hottenroth. Trachten der Völker.

старее». Дарий отвечал ей, что он уже сам думал об этом и желает предпринять поход против скифов, которые обитали в нынешней Южной России.

По свидетельству Геродота, Скифия простиралась от устьев Истера (Дуная) до истоков Дона (Танаиса), а на северо-западе — до Карпатских гор. Занятия скифов, которые называли сами себя скелотами, согласовались с свойствами занимаемой ими местности. Племена, жившие ближе к Черному морю, имели постоянные жилища, занимались земледелием и вели торговлю хлебом. Народы, населявшие внутренность страны, были номады; они не сеяли, не жали и не имели постоянных жилищ. На восточной границе обитали «царские» скифы, которые составляли главное, господствующее племя, управлялись наследственными царями и считали прочих скифов своими рабами.

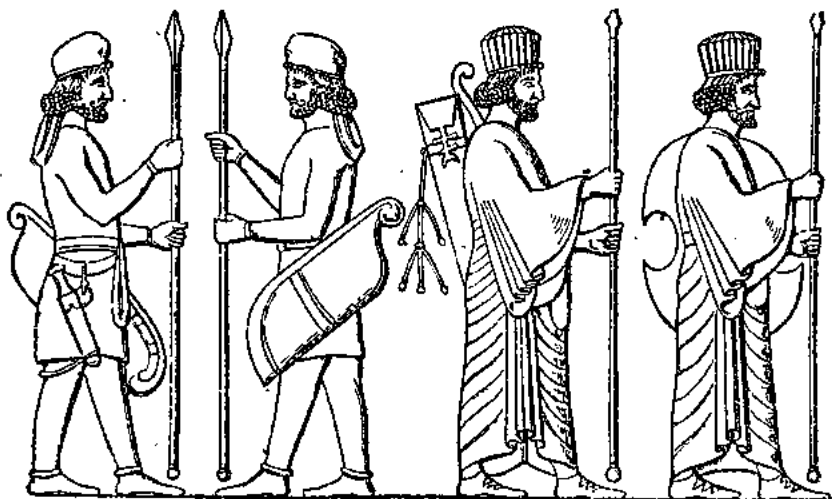
Кроме скифов, Геродот называет еще некоторые народы с греческими прозвищами и не скифского происхождения: а н д р о ф а г о в (людоедов) и м е л а н х л е н о в (черные плащи), местопребывание которых, по его описанию, следует искать в Средней России. К востоку от Танаиса он помещает с а р м а т о в, сродных по нравам и языку со скифами; к северу от них жили б у д и н ы — многочисленный народ с голубыми глазами и светло-русыми волосами, совершенно отличные от скифов по обычаям и образу жизни.

Далее к северу Геродот помещает два звероловных народа: т и с с а г е т о в, и р к о в и наконец на самом крайнем конце известных ему стран а г р и п п е е в, походивших на скифов одеждой, но совершенно отличавшихся от них своим особенным наречием. Согласно описанию, в котором они изображаются с приплюснутыми носами и развитыми челюстями, живущими в войлочных палатках и кочующими со своими стадами, молоко которых составляло их главную пищу, в агриппеях можно признать нынешних калмыков, принадлежащих к монгольской расе. На Верхнем Гипаносе (Буге), в нынешней Волянии и Подолии, обитали а л а ц о н ы и н е й р е р ы, а западнее от них, вплоть до Трансильвании, а г а т р с ы, которые «носили золотые украшения и имели общих жен». Геродот заключает свое повествование следующими замечательными словами: «Здесь находится граница известных земель и народов, так как до сих только мест доходят скифские караваны из греческих торговых городов. Далее возвышаются страшные, непроходимые горы. Но агриппеи утверждают, что там живут люди с козьими ногами, а еще далее за ними другие люди, которые спят шесть месяцев в году, чему, однако, я отнюдь не верю». Без сомнения, в этом следует видеть намек на продолжительные ночи на Крайнем Севере.

Геродот описывает скифов воинственным, способным, диким народом. Богу войны они воздвигали в каждом поселении особые святилища. Из связок хвороста громоздили они высокую гору, с трех сторон отлогую и с одной только крутую; наверху ее устраивалась четырехугольная ровная площадка. Здесь скифы ставили древний железный меч, которому они, как священному изображению бога войны, приносили ежегодно жертвоприношения.

Из всех захваченных в плен врагов сотого скифы обрекали на жертву богам. Когда скиф убивал первого врага, то пил его кровь, а головы всех убитых им в сражении неприятелей приносил царю, ибо только тот, кто приносил голову врага, получал право на часть добычи. С голов этих сдирали кожу, выделявали ее и привязывали в виде украшения к поводьям лошадей. Из голов самых заклятых своих врагов, даже своих родственников, если те вступали с ними в вражду, они делали сосуды для питья, которые у богатых были внутри вызолочены. Однажды в год старшина селения приготавливал в кружке вино, и из нее пили все скифы, убившие хотя одного врага; тот, кто не мог этим похвалиться, не вкушал этого вина и постыдно сидел в стороне. Кто убил многих врагов, тот пил из двух чаш.

Подобный же дикий нрав обнаруживают и обряды, с какими скифы заключали союзы и погребали своих царей. При заключении союза наливали они вино в глиняную чашу, надрезывали себе кожу и выпускали в вино несколько капель крови. В смешанное таким образом с кровью вино каждый из союзников погружал свое оружие, и затем, произнося длинные молитвы, все пили из этой чаши. Когда умирал их царь, то тело его бальзамировали, а снаружи покрывали воском. Потом тело

*Персидские копьеносцы.
Weiss. Kostumkunde.*

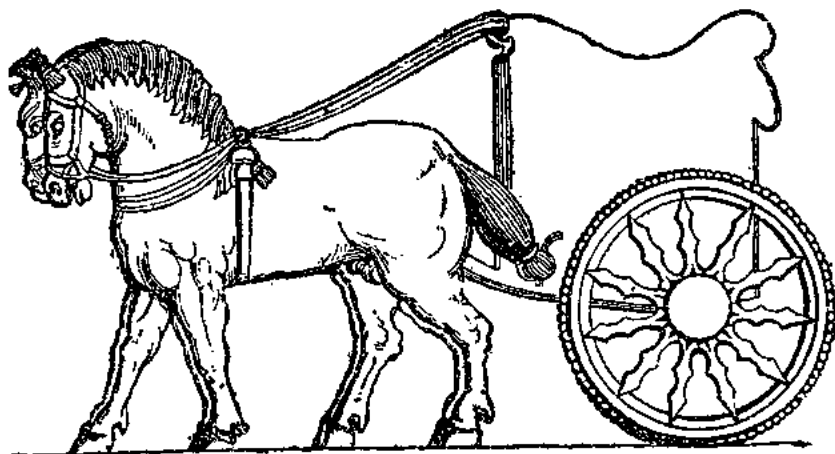
возили по всем подвластным племенам, и все, кого таким образом посещал царский труп, должны были брить себе голову, раздирать лоб и нос и пронзать левую руку стрелой.

По совершении объезда и предания земле тела царя вместе с ним погребали, предварительно задушив, одну из его жен, кравчего, повара, конюшего и других слуг. Наконец, по истечении года, убивали еще пятьдесят лучших слуг его и столько же отборных лошадей. Затем набитые из пятидесяти убитых слуг чучелы сажались верхом на чучелы убитых лошадей и из них расставлялся на царской могиле круг всадников.

Против таких-то народов предпринимался поход, который, как кажется, весьма не нравился персам. Так, брат царя Артабан, указывая Дарию на бедность скифов, не советовал предпринимать против них войну. Плачевный результат имела просьба одного знатного персидского вельможи Абаза — не посылать в этот поход одного из трех его сыновей. Царь со злой усмешкой отвечал, что оставит ему всех троих, и приказал убить их.

Один самосский грек построил мост через Босфор. Дарий перешел через него с многочисленным войском, состоявшим, по словам Геродота, из 700 000 человек. Отсюда он пошел по западному берегу Черного моря, через Фракию. У Теарского источника царь приказал поставить столб со следующей надписью: «Теарский источник дает лучшую и прекраснейшую воду, и его достиг на походе своем против скифов лучший и прекраснейший из всех людей — Дарий, сын Гистаспа, — царь персов и всей земли».

Наконец Дарий достиг Истера. Здесь ожидали его ионийские и другие эллины, которые приплыли по его приказанию Черным морем к

*Персидская военная колесница.
Weiss. Kostumkunde.*

устью Дуная и построили в том месте, где река эта разделяется на несколько рукавов, мост на судах. Переправясь по нем с персидским войском, Дарий приказал ионийцам разрушить мост и следовать за ним в полном составе. Но по совету митиленского предводителя Кеса обезопасить себе на всякий случай путь к отступлению, он отменил это приказание и возложил охрану моста на греческих предводителей и их войска. Отправляясь в дальнейший поход, он дал им ремень с шестьюдесятью узлами и приказал каждый день развязывать по узлу и до тех пор не возвращаться в свое отечество, пока не будут развязаны все узлы. Затем Дарий продолжал идти против скифов.

Скифы, не рискуя вступать с ним в открытые сражения, избрали верное средство погубить персов. Опустошая и уничтожая за собой все, они отступали перед персами по двум направлениям; персы, постоянно их преследуя, дошли до Танаиса (Дона), перейдя его, вступили в землю сарматов и будинов и наконец очутились в пустынной степи.

Отражая нападения и с большими лишениями, прошел Дарий земли меланхленов, андрофагов и других народов, но неприятель ни разу не вступал с ним в открытый бой. Напрасно требовал он от скифов или сразиться с ним, или прислать ему земли и воды в знак покорности. Взамен этого они прислали ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Дарий объяснил эти дары как знаки покорности, ибо, по его мнению, мышь означала землю, лягушка — воду, птица — лошадь, а стрелы — их искусство. Один только Гобриас, один из семи, убивших Лже-Смердиса, дал другое толкование и сказал, что скифы дарами своими желали объяснить: «Если вы не превратитесь в птиц, летающих по воздуху, или в мышей, ползающих под землей, или в лягушек, прыгающих по болотам, то не вернетесь домой, а все погибнете от наших стрел».

И действительно, скифы приняли меры, чтобы сделать отступление персов невозможным. Лучше зная дороги, они опередили Дария и явились к стоявшим у моста через Дунай грекам. «Сломайте мост, — обратились они к ним, — возвращайтесь домой, так как шестьдесят дней уже прошло, и отложитесь от Дария. Со своей стороны мы постараемся, чтобы у него не осталось ни одного воина».

Предложение это показалось греческим предводителям весьма соблазнительным. В особенности афинянин Мильтиад, бывший в то же время властителем в Херсонесе Фракийском, советовал воспользоваться этим обстоятельством и истреблением персидского войска освободить Ионию. Но Гистией из Милета не соглашался с этим мнением и доказывал, что все они властвуют в своих городах лишь под защитой персидского могущества и что города эти, как только могущество персов будет уничтожено, немедленно введут у себя прежнее народное правление. Это рассуждение убедило предводителей отвергнуть мнение Мильтиада и остаться верными царю, но они разрушили северную часть моста, чтобы скифы сами не уничтожили всего моста. Скифы пошли вновь навстречу Дарию, но разошлись с ним, благодаря чему он достиг моста и перешел его обратно. Сам царь переправился обратно в Азию, а в Европе, для покорения Южной Фракии, оставил Мегабаза с 80-тысячным войском.

Фракия была населена многими воинственными племенами, которым, по свидетельству Геродота, недоставало только единства и внутреннего согласия, чтобы быть непобедимыми. Мегабаз покорил их, а также острова Лемнос и Имброс, и склонил царя А м и н т а признать себя подвластным Дарию. Персидское государство расширило свои границы и на восток, потому что Дарию с помощью карийского мореплавателя С к и л а к с а удалось подчинить своей власти жителей стран по Инду. Но когда персы пожелали распространить свои владения и на запад, то они столкнулись с Грецией, и возникшая вследствие этого борьба вынудила персидских царей помышлять более о сохранении, чем о расширении своей монархии.

Повторившееся восстание вавилонян и жителей Сузы было энергично подавлено Дарием. В благодарность за эти победы Дарий воз-

двиг памятник в Мидийской области Багистане (земля богов). На обращенной к востоку отвесной скале в 300 футов вышины над бьющим из скалы ключом приказал он вырубить ровную и гладкую площадку и высечь барельеф (выпуклое изображение). Барельеф этот изображает фигуру самого царя, которая господствует над остальными фигурами. Одежда на ней ниспадает спереди до колен, а сзади до икр; на руке браслет, волосы длинные и тщательно завитая борода. Правой ногой царь попирает распростертого на земле человека. Внизу можно прочесть следующую клинообразную надпись: «Этот Гаумата, маг, лгал;

Барельеф с воспоминаниями деяний Дария.

он говорил Я — Бардийя, сын Кура (Кира), я — царь». Перед Дарием с веревкой на шее стоят один за другим, в различном одеянии, девять царей со связанными за спиной руками и с обнаженными головами; только один из них имеет на голове очень высокую остроконечную шапку. Над серединой всей этой группы парит Ормузд со строгим старческим ликом, длинными волосами и бородой, видимый только до колен, в крылатом кольце. Подпись под всем этим изображением гласит в заключение: «Что я совершил, я совершил по милости Ормузда, потому что я не был злонамерен, потому что я не был лжецом и надменен. Ты, который будешь после меня царем, остерегайся лжи. Не уничтожай эту доску, ибо иначе Ормузд может убить тебя, а род твой свести в могилу, и то, что ты совершишь, то Ормузд может уничтожить» (Vgl. Dunker, IV, стр. 480).

3. Государственное устройство и состояние духовного развития Персидской монархии при Дарии

Обширность Персидской монархии и отсутствие однообразия в ее населении вследствие того, что Дарий благодаря своей снисходительности оставлял обычаи, права и религии покоренных народов непри-

косновенными, само собою повело к известного рода управлению, замечаемому и в современных больших азиатских государствах, а именно — к назначению наместников в отдельных провинциях. У персов наместники назывались с а т р а п а м и, а управляемые ими области — с а т р а п и я м и. Хотя такое разделение существовало уже при Кире и Камбизе, но только при Дарии оно впервые получило прочное и правильное устройство.

Около 515 года до Р. Х. он разделил всю монархию на двадцать сатрапий. Так, например, Малая Азия распалась на четыре сатрапии с главными городами: Милетом, Сардами, Даскилием и Тарсом; Египет составлял шестую сатрапию с главным городом Мемфисом; Ассирия и Вавилония составляли вместе девятую, с главным городом — Вавилоном; десятая сатрапия заключала в себе Мидию, а двадцатая — индийские племена на правом берегу Инда. Сатрап был высшим граждан-

ским должностным лицом во вверенной его управлению области. Он должен был вообще заботиться о благосостоянии своей области, надзирать за торговлей, внутренними сношениями, денежными оборотами, путями сообщения, гаванями, каналами и плотинами и имел при этом право чеканить серебряную монету. Вместе с тем он был высшим судьей и

Персидская серебряная монета.

имел право жизни и смерти. В особенности он обязан был заботиться о распределении налогов (около 300 миллионов рублей) и натуральных повинностей (состоявших из хлеба, мулов, лошадей, овец) между отдельными округами и городами, равно как и о сборе и доставлении их царю. Одна только родовая область — Персида была освобождена от всех податей и была лишь обязана во время приезда туда царя подносить ему дары, состоявшие из местных продуктов: молока, меда, фиников и т. п.

Но для того, чтобы иметь действительный противовес против такой почти неограниченной власти, Дарий отделил от нее власть военную и сосредоточил эту последнюю в руках особого должностного лица — военачальника. Он был начальником гарнизонов в укрепленных местах области. В особенности значительные гарнизоны были расположены в таких городах, как Сарды, Мемфис, Экбатана, Вавилон.

В месте пребывания каждого сатрапа также для надзора был назначаем еще царский писец. Он получал приказания непосредственно от царя и передавал их двум, упомянутым выше, главным должностным лицам, а вместе с тем доносил царю о всех происшествиях. Подобное устройство было способно если не вполне сделать невозможной, то по крайней мере сильно затруднит всякую попытку сатрапа или военачальника превысить присвоенные его должности полномочия или произвести восстание.

Для обеспечения быстрого исполнения царских повелений при чрезмерном расширении государства прежде всего были устроены быстрые сообщения между местопребыванием центральной власти и отдаленнейшими местностями монархии. С этой целью Дарий перенес столицу своего государства в Сузу. Город этот был расположен поблизости родовой области Персиды и находился не в дальнем расстоянии от Вавилона. От Сузы были проведены большие дороги по всем направлениям. Одной из важнейших таких дорог была дорога от Сузы через Сарды в Эфес. На станциях, на расстоянии около трех миль одна от другой, стояли лошади и всадники, единственная обя-

Придворный штат царя.

занность которых состояла в возможно быстрой доставке царских депеш. Эти курьеры должны были совершать дорогу из Сузы в Сарды не более как в шесть дней. Для поддержания безопасности сообщений и для устройства известного рода надзора над всеми письменными и торговыми сношениями подданных в известных местах, где приходилось преодолевать местные препятствия, как то: горные проходы или реки, устраивались, временами, крепости и караульни. Высший надзор за наместниками принадлежал главному надзирателю, который производил от имени царя неожиданные ревизии сатрапий и назывался поэтому «оком царевым». Если поля были хорошо возделаны, страна густо населена, правосудие хорошо устроено, то сатрап удостоивался похвалы и признательности; если же открывалось противоположное, то он строго наказывался и лишался места. Кроме этого главного надзирателя, являлись еще тайные посланцы, настоящие шпионы, полицейские сыщики, называвшиеся «ушами царя». Понятно, что они нередко недостойным образом злоупотребляли оказываемым им доверием и своими доносами губили многих достойных людей.

Подготовка из молодого поколения способных должностных лиц и полководцев достигалась тем, что молодые люди знатных фамилий воспитывались частью при самом дворе, частью под руководством сат-

рапов в их местопребываниях¹. Такое воспитание, устроенное при этом таким образом, что благородное юношество приучалось к воинским упражнениям, как то: верховой езде, стрельбе из лука, метанию копья, воздержности, правдивости, храбрости, а благодаря учению Зороастра проникалось религиозным чувством, могло иметь благотворное влияние и на остальные классы населения. Простота, самообладание и воинственный дух были отличительными добродетелями персов в лучшие времена царствования Кира, Камбиза и Дария. Со свойственной им гордостью персы предпочитали служить в качестве воинов и получать от своего государя награды за свою выдающуюся полезную

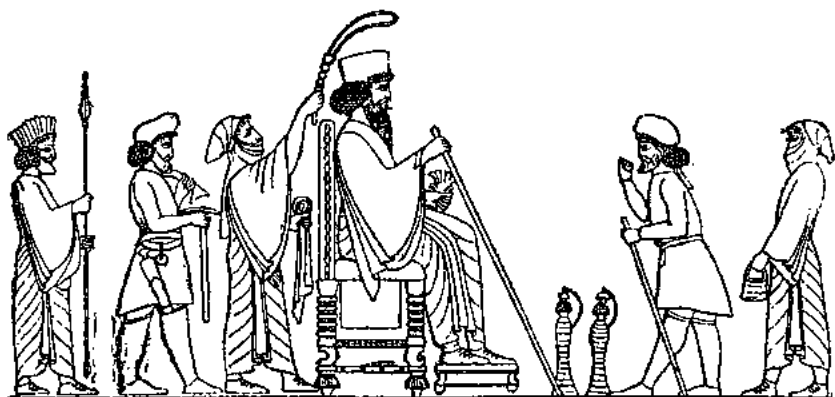
Придворный штат царя.

деятельность, чем заниматься торговлей. Значительная часть персов находилась в рядах постоянной армии; остальные же следуя древнему обычаю, занимались скотоводством и возделывали поля. Они крепко придерживались древнеперсидской одежды — узкого и короткого кожаного платья; кафтан их достигал только до середины колен, а на голове вместо тиары (прямостоящая шапка) носили низкую повязку. Вместе с одеждой и образом жизни своих предков они остались верны их обычаям и религии. Перс считал постыдным нарушить свое слово, пренебрегать родителями, произносить ложь, потворствовать, проявлять алчность. Сколько навыка и искусства проявлял он в верховой езде и в стрельбе из лука, столько же выносливости выказывал в походах, мужества и презрения к смерти в бою.

Сам царь, управлявший из своего дворца, неограниченный владыка земли и людей, почитался всеми за высшую и священную особу, за земное олицетворение бога Ормузда². Всякий, кто к нему приближался,

¹ Дункер (т. IV стр. 628) говорит: «Греки (например Страбон) заблуждались в том, что считали подобные училища для юношей общеобразовательными учебными заведениями у персов и полагали, что персидское юношество получало сходное со спартанским воспитание».

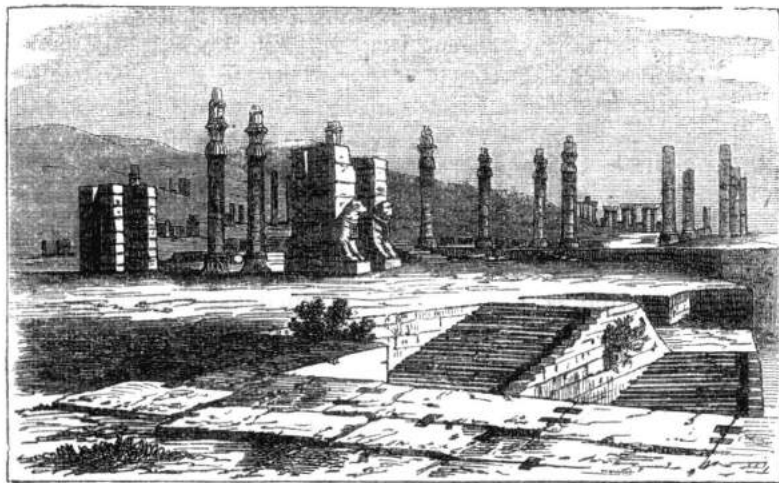
² Слуга ежедневно будил царя словами: «О царь! вставай и обдумай дела, которые Ормузд передал тебе на усмотрение».

Дарий, принимающий просителей.

должен был падать ниц, и никто не смел являться перед ним без приношений. Только шесть родовых князей имели право входить к нему без доклада. «Родственники» и «сотрапезники», всего ближе стоявшие к нему по своему положению, входя без доклада к царю, рисковали лишиться за это жизни. Остальные подданные могли, и то с величайшим трудом, пройдя через целую толпу телохранителей и слуг, проникнуть к нему и лично просить его о своих делах. Он был окружен бесчисленным множеством приближенных и слуг разного звания и чина. Жрецы Зороастрова учения, называвшиеся *магами*, находились при нем в качестве советников в духовных и светских делах, так как не только отправляли богослужение, но, как кажется, занимали и судейские должности.

Бесчисленное множество других лиц служило для блеска его двора или для удовлетворения разнообразных ежедневных потребностей его внешней жизни. Весьма многочисленный отряд телохранителей охранял его особу. Охранная стража эта считала в своих рядах 2000 отборных персидских всадников, 2000 лучших копьеносцев и отряд войск из 10 000 персидских пехотинцев, которые назывались у греков «бессмертными», так как они содержались всегда в полном составе. Большая часть постоянного войска была рассеяна по границам разных областей, о чем было упомянуто уже выше. Число царских наложниц было весьма значительно. При преемниках Дария, развращавшихся все более и более роскошью и пышностью жизни, число их доходило до 360. Через это открывалось обширное поле для всевозможного рода интриг. Влияние гарема с каждым днем становилось могущественнее, и нередко в нем решались судьбы государства и в особенности вопрос о престолонаследии. Впоследствии появилась такая распущенность нравов, что не только царь, но и его сановники брали с собой в поход весь свой придворный штат, всех своих жен и слуг. Так, например, Александр Великий взял при Иссе в плен 300 женщин, 277 поваров, 13 изготовителей молочных кушаний, 17 изготовителей напитков, 70 слу-

Развалины Персеполя.

жащих при погребях, 40 изготовителей благовонных мазей и 40 плетельщиков венков.

Экбатана, Суза и Вавилон были обыкновенными местопребываниями царя, и он проживал в них попеременно, смотря по времени года. Так, на время жаркого лета он отправлялся в прохладные страны, где находилась Экбатана, зиму же проводил в Сузе и Вавилоне, которые отличались более теплым климатом. Четвертым важным городом был Персеполь; он служил исключительным местом погребения царей. Город этот находился в собственной Персиде, откуда происходил весь царский род и которую персидский народ всегда считал истинным своим отечеством. Только в ее земле мог достойно покоиться прах царя. Для каждого из них назначалось особое помещение, нередко иссеченное в непроходимых каменных утесах. В нем вместе с прахом царя помещали не только все необходимое для живого человека, но даже принадлежавшие покойнику сокровища в золоте и серебре, для охраны которых назначалась многочисленная стража. Развалины Персеполя, этой царской усыпальницы с ее мраморными лестницами, террасами, роскошными залами и каменными гробницами, принадлежат к величайшим остаткам Древнего мира и заключают в себе множество барельефов и надписей.

Барельефное изображение на одной из развалин Персеполя.

II

ГРЕЦИЯ

1. Состояние Греции перед Персидской войной; изгнание Пизистратидов; Клизфен; Афины — демократическая республика

Сравнив громадную обширность великой Персидской монархии с незначительностью Греции, можно было ожидать победы Персии в предстоявшей между ними борьбе. Но уже было объяснено, сколько неповоротливости заключалось в этой громадной массе и сколько начал внутреннего разложения заключала она сама в себе. Несмотря на введенный Дарием в обширном государстве порядок, несмотря на возможно лучшую централизацию управления через учреждение быстрого сообщения между царским двором и столицами сатрапов, несмотря на попечение о воспитании способных военачальников и должностных лиц и о развитии сухопутных и водяных путей сообщений, Персидская монархия страдала двумя разъедающими недугами. Один из этих недугов заключался в громадном различии между соединенными под одной властью народами, и вследствие этого можно было ожидать во всякое время, что они, вспомнив о своей национальности, воспользуются минутной слабостью государства и восстанут. Другой недуг заключался в дворцовом управлении (господство женщин при царском дворе), которое имело пагубное, расслабляющее влияние на преемников Дария. Насколько вообще были несходны между собой Персия и Греция или, если говорить о различии в обширном смысле этого слова, насколько несходны были между собой Азия и Европа в самых существенных своих основаниях, об этом можно составить себе ясное представление из сравнения их духовного и умственного состояния. Так как в этом отношении Греция далеко ушла вперед, то весьма понятно, почему кажущееся подавляющее превосходство Персии нашло такой противовес в мощи быстро развивавшегося греческого гения.

«В Персии, — говорил фессалиец Язон, — все рабы, за исключением одного»; «для вас же, греки, — говорил перс Артабан Фемистоклу, — всего важнее свобода и равенство». В Персидской монархии во главе управляемых народов стоял один господствующий народ, а правительство и подданных соединяла не внутренняя, происходящая из равенства национальностей связь, а лишь вынужденное внешней силой повиновение. В Греции же, наоборот, действовал однородный на-

род, и правители, и народ благодаря живому стремлению к основанному на свободе и равенстве образу правления находились в более тесной между собою связи. Признавалась одна власть, проистекавшая из умственного и нравственного превосходства, а повиновение основывалось на уважении к закону. Поэтому воодушевление и любовь к родине, заставлявшие каждого отдельного гражданина в Греции считать себя орудием государства, одушевляли и руководили каждым отдельным лицом. Слава государства и забота о свободном развитии всех духовных сил всего народа или отдельных племен наполняли сердца всех греков, между тем как в Персидском государстве подвластные народности не могли воодушевляться славой господствующего народа, и народ этот под конец сам старался видеть в назначении и цели правления возможность извлекать лишь для себя пользу из всего того, что народности эти обязаны были доставлять и чем жертвовать. Поэтому здесь главным и отличительным признаком властителей являлись доведенные до крайних пределов роскошь и великолепие; в Греции же или противились всеми нравственными силами расслабляющим наслаждениям, или облагораживали их искусством и красотой.

Стремление к свободе и самостоятельности выказывалось также и в том, что маленькая Греция вследствие образования и отличительных особенностей разделялась на значительное число отдельных государств. Так, мы видим миролюбивую А х а й ю с ее союзом городов рядом с могущественной, но раздираемой внутри Ф е с с а л и е й, дикую и суровую Э т о л и ю рядом с блистающим в поэтическом блеске древних преданий А р г о с о м, А р к а д и ю с ее первобытной пастушеской жизнью рядом с богатым и ведущим обширную торговлю К о р и н ф о м. Менее восприимчивая к духовному развитию Б е о т и я существует рядом с незначительной, но выдающейся умственным своим развитием А т т и к о й; воинственная и честолюбивая С п а р т а и рядом с ней посвященная священному миру Э л и д а. Нередко это племенное различие при пылком характере греков вело к жесточайшим столкновениям, но все это не могло задерживать надолго развития греческого духа.

Уже раньше было замечено о стремлении некоторых отдельных греческих государств сделаться руководящими центральными пунктами этих разнородных элементов, другими словами — достигнуть гегемонии (главного предводительства). Мы уже выше проследили, как Спарта распространила свою власть и могущество не только в Пелопоннесе, но и за его пределами. Ее осторожный дух, который хотя и не дерзал смело проникать в будущее, но здраво понимал настоящее положение дел; ее прекрасно приспособленное государственное устройство, связывавшее всех граждан суровостью строгого повиновения; мужественная пехота, которую суровое воспитание и проистекавшая из выдающегося положения воинов гордость воодушевляли почти дикой храбростью; принадлежность к далеко распространившемуся доорическому племени — все это способствовало тому, что большинство

греков готовы были признать за этим государством предводительство в предстоявшей войне с персами.

Но эта война, которая давала стремлению к гегемонии новую жизнь, выдвинула важное значение другого государства — Афин. Введенные в них Солоном учреждения указывали уже на то противодействие, которое они намеревались оказать Спарте. Более подвижные в внутренней своей жизни афиняне были способны к созданию новых форм. Они завели сношения с отдаленными странами и выказывали живую восприимчивость к красоте и искусству.

В то время, когда готовилась вспыхнуть замечательная борьба, все это начало проявлять лишь первые свои проблески, так как Афины благодаря испытанным незадолго перед тем важным внутренним переменам получили только теперь возможность к новому, свободному развитию.

Афины в это время находились под единодержавной властью Пизистрата. Он настолько утвердил свою власть, что она после его смерти в 527 году без всякого с чьей-либо стороны сопротивления перешла в руки старшего сына его, Гиппия, взявшего к себе в соправители брата своего Гиппарха. Гиппий не обладал обходительностью и кротостью своего отца, но так же, как и он, заботился об украшении города и покровительствовал художественной деятельности, в особенности поэзии, в чем ему необыкновенно содействовал и Гиппарх. Два знаменитых поэта того времени — Анакреон с острова Теоса и Симонид, уроженец острова Кеоса, были приглашены в Афины и согласились переселиться в них.

Гиппарх за лично нанесенное им оскорбление был умерщвлен на празднестве Панафиней Гармодием и Аристокитоном. Гармодий тотчас же был убит телохранителями; Аристокитон бежал, но был схвачен и также предан смерти.

С этой минуты правление Гиппия сделалось суровым и жестоким.

Гиппий, побуждаемый недоверчивостью, старался уничтожить страх страхом. Множество заподозренных им граждан было предано смерти, а имущество их отобрано; при этом, доверяясь только чужеземным наемникам, он, чтобы иметь возможность уплачивать им жалованье, производил жесточайшие грабительства. Многие благородные граждане бежали из Афин и соединились с Алкмеонидами. Эти последние принадлежали к знатнейшим и богатейшим фамилиям и проживали в то время вне Афин. Пизистратиды заставили Алкмеонидов покинуть этот город, но Алкмеониды рассчитывали вернуться в него и отомстить Пизистратидам. Проживая поблизости Дельф, Алкмеониды расположили оракула его в свою пользу. По поручению Амфиктионов они приняли на себя за известную сумму постройку храма, уничтоженного пожаром, но когда богатейшие из них выстроили храм с большей роскошью и красотой, чем обязаны были по условию, то и после этого они, как говорит Геродот, не переставали одаривать его многочисленными приношениями и денежными взносами. Поэтому

пифия была расположена действовать в их пользу, и так как Алкмеониды имели в виду тотчас после смерти Гиппарха сделать попытку к возвращению, то для того, чтобы их силы и силы остальных изгнанников оказались достаточными, оракул оказал им свое содействие. Так всякий раз, когда спартанцы обращались с запросом к оракулу, пифия убеждала их освободить Афины. Наконец спартанцы послушались веления божества и послали войско в Аттику. Гиппий призвал к себе на помощь фессалийцев и мог, благодаря им, сопротивляться некоторое время; но когда лакедемоняне послали сильное подкрепление под начальством царя своего Клеомена I, войско Гиппия было разбито при Палленах, фессалийцы ушли к себе, а Пизистратиды были заперты в Акрополе. После того как дети Гиппия попали в руки неприятеля, он заключил с афинянами договор, по которому обязался, при условии возвращения ему детей, покинуть Афины и Аттику. Он отправился в Сикион к своему сводному брату Хегезистрату в надежде вновь захватить власть в Афинах с помощью персов, так как зять его Гиппоклес, владетель Лампсака, находился в большой милости у Дария.

Благодаря этому перевороту фамилия Пизистратидов была свергнута, а Алкмеониды снова очутились во главе управления Афин. К л и с ф е н — глава одной из знатнейших фамилий, человек, который стоял выше сословных предрассудков, полагал, что величие Афин может быть достигнуто не установлением новой тирании (самовластия), а введением в Солонovo государственное устройство демократических начал, полнейшим и совершенным уравнением в правах всех граждан. С этой целью он уничтожил существовавшие с древнейших времен четыре класса (филы), которые предоставляли власть в руки родовой и денежной аристократии, и разделил область Аттики, согласно ее географическому положению, на десять фил (округов) с десятью демами (общинами) в каждом и притом так, что хотя общины каждого отдельного округа были отделены друг от друга, но были связаны в то же время с общинами других округов. К филам были присоединены также иностранцы и метеки (поселившиеся навсегда иностранцы). Этим были уничтожены в государстве власть родовой аристократии и решающее значение среднего сословия.

Сделавшийся таким образом решителем собственных своих судеб, самодержавный народ решал свои дела в народных собраниях, правильно собиравшихся десять раз в год. Число членов совета было увеличено до пятисот, и в нем также утвердился демократический элемент. В ограждение против возврата к тирании Клисфен ввел так называемое право изгнания (о с т р а к и з м), в силу которого гражданин, занимавший, вследствие своего личного влияния и сильной партии, угрожающее положение по отношению демократического равенства и свободы, мог быть изгоняем из отечества на десять, а впоследствии на пять лет, когда за такое постановление высказывалось шесть тысяч голосов, означаемых на «черепках» (дошечках).

Исагор, который стоял во главе аристократической партии и желал снова доставить ей прежние преимущества, призвал на помощь спартанцев и эти последние не пропустили случая вмешаться во внутренние дела Афин. Сначала спартанцы по предложению Исагора послали к афинянам вестника, который должен был на открытой площади потребовать изгнания Клисфена за то, что он был осквернен совершенным еще задолго перед тем предками его, Алкмеонидами, убийством Килона. Клисфен оставил город, после чего спартанский царь Клеомен с небольшим отрядом войска вступил в Афины с тем, чтобы устроить там все по желанию Исагора. Он изгнал семьсот семейств, распустил совет пятисот и хотел учредить новый из трехсот человек, исключительно из приверженцев Исагора. Но народ не остался равнодушен к этим событиям и, возбужденный советом пятисот, взялся за оружие. Спартанцы были заперты в крепости, и так как у них оказался недостаток в съестных припасах, то они на третий уже день просили отпустить их с миром. Им было это разрешено, и вместе с ними покинул Аттику и Исагор. Клисфен возвратился с прочими изгнанниками, и новая реформа была приведена в исполнение.

Но так как можно было опасаться возвращения спартанцев, то афиняне решили искать союза с персами. Сатрап в Сардах принял послов, во главе которых находился Клисфен, и обещал им помощь, если они согласятся дать царю земли и воды (знак покорности). Ввиду большой опасности для своего отечества послы изъявили на то свое согласие, но договор этот был отвергнут афинянами, а Клисфен, по возвращении своем, сделался первой жертвой остракизма и был изгнан из Афин.

Персидская помощь явилась слишком поздно. Клеомен, полный гнева за испытанное оскорбление, уже собрал со всего Пелопоннеса многочисленное войско и даже склонил беотийцев и город Халкиду на Эвбее вступить с ним в союз, чтобы содействовать возвращению Исагора и поставлению его тираном в Афинах. Таким образом в 506 году Аттика одновременно с двух сторон подверглась нападению и погибла бы, если бы неприятельское войско не было составлено из союзников. Это спасло Афины. Коринфяне, считая предпринятое дело несправедливым, а также сильно опасаясь перевеса Спарты в случае совершенного порабощения Афин, неожиданно ушли домой; оба спартанских царя, Клеомен и Демарат, поссорились между собой¹, после чего последний из них удалился. Клеомен, чувствуя себя слишком слабым, вынужден был последовать за ним; таким образом остались одни беотийцы и халкидцы, которые были без особого труда прогнаны афинянами. Город Халкида попал в руки победителей, переправившихся на Эвбею и получил демократическое устройство. «Так доказало, — приговаривает Геродот от себя к этому рассказу, — свое превосходство гражданское равенство. Ибо пока властвовали тираны, афиняне не

¹ По этому случаю в Спарте вышел закон, чтобы оба царя никогда не выступали в поход при одном и том же войске.

могли преодолеть на войне ни одного неприятеля; сделавшись же свободными, они выказали достаточно рвения и мужества в достижении такой цели».

Такое развитие молодого государства устрасило спартанцев. По преданию, Клеомен нашел в афинской крепости пророчества, предвещавшие спартанцам со стороны афинян много бед в будущем. «Соображая таким образом, — говорит Геродот, — что если афинский народ останется свободным, то возьмет над ними перевес, будучи же в рабстве, ослабнет и охотно будет повиноваться, спартанцы, потерпев неудачу с Исагором, решили вызвать из Малой Азии Гиппия и при помощи союзников восстановить его власть в Афинах».

В собрании союзников, на усмотрение которого Спарта представила свое предложение, против него восстал один только коринфянин Со с и к л и доказывал, что спартанцам по меньшей мере неприлично уничтожать свободу в тех городах, где она существует, и вводить в них рабство. Он так живо изобразил деспотизм тиранов, властвовавших в прежние времена в Коринфе, что все с ним согласилось отклонить Спарту от принятого ею намерения, и Гиппий, не успев в своем деле, должен был удалиться.

Тогда Гиппий возложил все свои надежды на персов и старался всеми силами побудить А р т а ф е р н а, бывшего сатрапом в Сардах, покорить афинян персидскому владычеству. Артаферн с угрозами послал повеление афинянам снова принять к себе Гиппия. Но афиняне смело отвергли такое предложение и решились скорее вступить с персами в открытую войну. Итак, мы видим, что со стороны греков и персов все было подготовлено к войне и недоставало только повода для того, чтобы она вспыхнула.

2. Восстание ионян в Малой Азии (504 г. до Р. X.)

Между тем греки в Малой Азии жили под персидским владычеством в мире и в цветущем благосостоянии. Все приморские берега в стране были усеяны городами, которые вели обширную торговлю. Главнейшим из всех их был Милет — могущественный основанными им восемьюдесятью колониями, богатый своей прибыльной торговлей, производимой почти исключительно на Черном море, и уважаемый за имена многих граждан, прославившихся в области наук и искусств¹.

Правителем Милета в качестве тирана был назначен грек Г и с т и й, человек необыкновенно способный; только ему одному все персидское войско было обязано своим спасением в несчастном скиф-

¹ Древнейшими греческими историками (логографами) были Кадм, Дионисий, Гекатей — все из Милета.

ском походе. Он был награжден участком земли во Фракии, на берегу реки Стримона, основал здесь колонию и встревожил тем персов, имевших там серебряные рудники. Кроме того, место это позволяло персам ближайшим образом влиять на европейских греков. Чтобы удалить отсюда Гистиея, Дарий вызвал его в Сузу под лестным предложением — иметь при себе столь заслуженного мужа. На место его был назначен зять его — А р и с т а г о р. Гистией сильно тосковал при персидском дворе об утраченной свободе. Зятю его новая должность также не принесла счастья. Решившись оказать помощь притесненной партии на острове Наксосе, он выпросил для этого флот у Артаферна, который и дал ему, вместе с персом М е г а б а т о м, двести кораблей. Но на пути Аристагор поссорился с Мегабатом. С досады Мегабат известил противную партию об угрожавшей ей опасности и тем дал ей возможность принять весьма действительные меры для отражения предстоявшего ей нападения неприятеля. Таким образом флот должен был вернуться, ничего не сделав. Аристагор опасался, с одной стороны, гнева персов за неудачный исход похода, с другой стороны, ему приходилось принять на себя издержки по содержанию войска, участвовавшего в этом предприятии, и кроме того, он боялся, что его лишат владычества над Милетом. В таком затруднительном положении он получил от Гистиея предложение к восстанию.

К нему явился из Сузы раб Гистиея и попросил обречь себе голову. На коже ее были вытравлены слова, в которых Аристагору предлагалось побудить ионян отложиться от персов. Гистией рассчитывал при этом на то, что Дарий, узнав о восстании, пошлет его в Милет для восстановления там порядка. Аристагор тотчас же приступил к делу. Эллинские города в Малой Азии, угнетаемые высокими налогами и двойным деспотизмом тиранов и сатрапов, были весьма склонны к отпадению.

Лишь только Аристагор сложил с себя власть в Милете и возвратил народу свободу, как тотчас же восстали все города и острова от Геллеспонта до Карики, изгнали тиранов и учредили у себя народные правления и вооружили корабли и войска. Недоставало только участия европейских греков. Для достижения этого Аристагор сел на корабль и отправился прежде всего в Спарту. Держа в руке медную доску с вырезанной на ней картой, он доказывал, что властителям Греции всего ближе к сердцу должно быть освобождение потомков этой страны от рабства; при этом он показал царю Клеомену на карте персидские провинции и описал ему их богатства, их произведения и плодородность для того, чтобы надеждой на прибыль побудить его к уступчивости. Но когда он на вопрос, как далеко от Ионического моря до персидского царя в Сузе, ответил, что на поход туда потребуются три месяца, то Клеомен тотчас же прервал переговоры, сказав: «Удались, добрый друг из Милета, и покинь Спарту еще до солнечного заката. Ты совсем не дело говоришь лакедемонянам, предлагая им совершить столь далекий поход».

Однако Аристагор сделал еще попытку. Он пошел к царю в дом и застал его с девятилетней дочерью его Горго. Он обещал Клеомену десять талантов (около 18 000 рублей), если он переменит свое решение. Тщетно. Аристагор довел свои предложения до пятидесяти талантов (около 90 000 рублей). «Отец, — сказала тогда маленькая Горго, — уйди, а то он тебя подкупит». После этих слов царь положительно и навсегда отказал милетцу.

Затем Аристагор отправился в Афины, которые, как об этом рассказано выше, только что изгнали от себя тиранов и опасались вражды персидского сатрапа в Сузе вследствие заговоров находившегося там Гиппия. Они тем легче склонились на предложения Аристагора, что он напомнил им племенное родство жителей Милета с афинянами, говорил о богатствах персов и представил войну с ними как общую борьбу за достижение и сохранение свободы; они обещали ему двадцать кораблей, к которым эретрийцы с Эвбеи прибавили еще пять своих. «Эти обещания и корабли были началом всех зол для греков и варваров», — говорит Геродот.

Как только афинско-эретрийский флот прибыл в Эфес, Аристагор послал войско против Сард. Там никто не оказал сопротивления, и город, а затем и крепость, защищаемая Артаферном, были взяты. Большая часть тамошних домов была построена из тростника или покрыта им. Поэтому, когда один греческий воин бросил в один дом горящую головню, то весь город вместе с храмом, посвященным богине Кибеле, запылал огнем. Это заставило лидян отступить от греков и для борьбы с ними соединиться с персами и Артаферном. Стоявшие по эту сторону реки Галиса персы, узнав о случившемся, пришли на помощь к лидянам, но не застали уже ионян и преследовали их вплоть до Эфеса. Здесь они принудили их вступить в сражение и совершенно разбили. Поражение это имело для ионян самые дурные последствия, так как их союзники, афиняне, удалились, а остальные греки рассеялись.

Но так как предприятие раз было начато, то ионянам приходилось продолжать борьбу, и прибытие к а р и й ц е в и к и п р и о т о в, также отложившихся от персов, казалось, могло возместить потерю афинской помощи. Однако содействие Кипра продолжалось недолго. Персы тотчас же поспешили к Кипру с сухопутными и морскими силами, чтобы завладеть этим важным пунктом. Хотя ионяне поспели на помощь и разбили персидско-финикийский флот, но персы, успели высадить войско на сам остров и одержали полную победу и снова принудили восставших к покорности. Карийцы после двух поражений продолжали держаться только благодаря помощи ионян, и главный виновник всего восстания, Аристагор, начал сомневаться в счастливом его исходе. Потеряв мужество, он недостойно отказался от борьбы и удалился во Фракию, где Гистией хотел уже основать колонию с целью устроить там убежище для жителей Милета в случае их поражения.

Аристагор вскоре был убит тамошними жителями. Еще худшая участь постигла Гистиея. Сначала, при первом известии о восстании

в Сардах, он, согласно его ожиданиям и надеждам, был вызван к Дарию. Здесь Гистией сумел защитить себя от всякого подозрения в участии в этом восстании, так что царь послал его в Сарды с тем, чтобы он, согласно своему обещанию, оказал содействие к подавлению восстания. Но в Сардах Гистией не мог долго продолжать свою двусмысленную роль. Персидский наместник Артаферн знал о его участии в восстании и прямо упрекнул его в измене. «Я хочу рассказать тебе, — приводит Геродот речь Артаферна, — в чем именно состоит дело: ты наступил на башмак, а Аристагор надел его». Гистией после этого поспешил спастись бегством и удалился к ионянам. Они приняли его как виновника своих бедствий; у жителей Милета, которые не имели никакого желания снова иметь над собой тирана и были весьма довольны бегством Аристагора, он также должен был опасаться за свою жизнь. После долгих скитаний Гистией нашел наконец убежище у л е с б о с ц е в. Получив от них восемь кораблей, он пустился с ними в море, но не принимал участия в большом сражении, решившем судьбу ионян.

Когда персидские полководцы со всеми своими сухопутными и морскими силами направились к Милету, греки решились вступить в сражение с персами не на суше, а на море. У лежащего близ Милета маленького острова Л а д ы собрался флот из 353 кораблей, заключавший в себе: 100 хиосских, 80 милетских, 70 лесбосских и 60 самосских судов. Эта морская сила показалась персам столь значительной, что они попытались сначала ослабить ее раздроблением. Они предложили изгнанным из греческих городов и находившимся в их стане тиранам войти в тайные сношения с предводителями греческого флота и склонить их обещанием полного прощения отступить от союза.

Предложения эти сначала не имели успеха. Ионяне поручили главное начальство Дионисию Фокейскому, который сделал вместе с ними все необходимые приготовления к битве. Сначала они охотно подчинялись его распоряжениям, но вскоре, вследствие лени и изнеженности, стали находить их слишком тягостными и утомительными и, наконец, отказались ему повиноваться, потому, будто бы, что отечественный его город выставил только три корабля. Скоро союз греков окончательно распался. Самосцы вступили в сношения с только что отвергнутым перед тем прежним своим тираном Э а к о м, сыном Силосона. Когда, в 497 году, произошло решительное морское сражение, самосцы, а вслед за ними лесбосцы и другие обратились в бегство и тем доставили персам, несмотря на то, что хиосцы и фокейцы оказали чужда храбрости, полную победу.

Первым и ближайшим последствием ее было падение города Милета¹. Из жителей большая часть мужчин были умерщвлены, а женщины

¹ Френих, один из древнейших афинских трагиков, ученик Фесписа, написал на падение Милета трагедию. Пьеса произвела такое впечатление, что афиняне наказали поэта за то, что он напомнил им о столь близком для них несчастье, и запретили представлять ее на сцене (*Геродот*, VI, 21).

и дети были уведены в плен в Сузу. Дарий переселил их в один город на Тигре. Большая часть островов: Хиос, Лесбос, Тенедос и все города покорились персам и испытали всевозможные неистовства, жертвой которых сделался под конец и Гистией.

Он попал в руки персов и был распят Артаферном на кресте; голова же его была послана и отправлена в Сузу. Его не хотели доставить к царю живым, потому что опасались, что он может снова попасть у него в милость. Дарий приказал обмыть голову, обвязать ее и похоронить с честью.

Такова была печальная участь ионийского восстания и его виновников. С чувством гордого сознания в своей непобедимости надеялись персы на такое же счастье при наказании европейских греков, к чему Дарий стал теперь готовиться.

3. Первый и второй походы Дария против греков.

Битва при Марафоне

(493—490 гг. до Р. Х.)

Ничто так не раздражило Дария при вышеописанном восстании, как поведение афинян. Бежавший в Сузу Гиппий, само собою разумеется, не только не старался утишить гнев царя, но употреблял, напротив того, все свои усилия, чтобы раздуть его еще более. Когда Дарий получил первое известие о сожжении Сард, то приказал одному служителю ежедневно за обедом повторять ему слова: «Государь, помни об афинянах!»

Но не одни они, а вся Греция должна была быть наказана за участие в восстании ионян. Мардоний, зять Дария, был послан в переднюю Азию исполнить это поручение. Собрав здесь все военные силы, сменив, для привлечения на свою сторону азиатских греков, тиранов во всех греческих городах и установив в них народное правление¹, он приблизился к Геллеспонту и перевез через него в Европу сухопутное войско на кораблях. То, что не было покорено в предшествовавший скифский поход, было покорено теперь, как например, остров Фазос и Македония.

Но этим счастливым успехам вскоре был положен конец. Флот, обигая Афонский мыс, был застигнут такой сильной бурей, что от нее погибло триста кораблей и около 20 000 человек. К этой потере присоединилось бедствие и сухопутного войска. Персы были разбиты фракийским племенем бригерями, множество персов было убито, и сам Мардоний ранен. Хотя потом он покорил бригеров и оставил во Фракии гарнизоны, но вследствие понесенных огромных потерь вынужден был вернуться в Азию.

¹ Геродот не преминул здесь обратить внимание своего греческого читателя на такой едва ли вероятный для перса поступок.

Приписывая неудачный исход неспособности Мардония, персидский царь не отказался от мысли о войне, но, напротив, занялся новыми приготовлениями к ней. Узнав о зависти и несогласиях между греческими государствами, он, прежде чем предпринять второй поход, разослал по всей Греции вестников, поручив им требовать «земли и воды» в знак совершенной покорности. «Многие жители твердой земли, — говорит Геродот, — и большая часть островов исполнили это требование. Но афиняне бросили персидских послов в пропасть, в которую бросали одних преступников, а спартанцы утопили их в колоде с насмешливой приговоркой, чтоб они сами достали там себе земли и воды».

*Фемистокл.
С мраморного бюста
в Ватикане.*

В Афинах же, по предложению юного патриота Фемистокла, был предан смерти и переводчик, злоупотребивший греческим языком, высказав на нем приказ варвара.

В числе островов, которые подчинились персам, находилась Эгина, обладавшая значительным флотом. Афиняне утверждали, что эгинцы поступили так единственно из ненависти к ним и из желания получить возможность напасть на них вместе с персами, а потому и обвинили эгинцев перед спартанцами в измене всей Греции. Спарта по жалобе афинян тотчас послала в Эгину царя Клеомена и потребовала от эгинцев выдачи предводителей персидской партии. Эгинцы, подстрекаемые другим спартанским царем, Демаратом, не исполнили этого требования. Но Клеомен ложно обвинил Демарата в незаконном рождении; Демарат

был лишен царского достоинства и принужден бежать в Персию. После этого вторым царем был провозглашен Леотихид. Клеомен вторично выступил вместе с ним против Эгины и принудил жителей ее выдать афинянам заложников в доказательство верности своей общему делу Греции.

Вскоре после того Клеомен покончил жизнь самоубийством; господствовавшее в Спарте мнение об Эгине изменилось, и эгинцы при посредничестве Леотихида потребовали возвращения своих заложников. Так как Афины в этом отказали, то между ними и Эгиной вспыхнула война, которая велась нерешительно, и афиняне под конец должны были отступить.

Между тем Дарий окончил свои вооружения. Были избраны два новых полководца — Датис и Артаферн, которых царь считал более способными и благоразумными, чем Мардония. Чтобы миновать на

этот раз опасный Афонский мыс, все войско, состоявшее из 100 000 пехоты и 10 000 всадников, было посажено на 600 военных кораблей и множество транспортных судов. Весь этот флот от острова Самоса направился через Эгейское море к Цикладским островам. Сохранившие еще свою независимость острова принуждены были немедленно покориться. Такая участь прежде всего постигла Наксос. Жители этого острова не стали дожидаться прибытия персов, а бежали в горы. Лишь немногие из них были захвачены персами в плен. Город и храм были преданы огню.

На острове Делосе жители также искали спасения в бегстве. Однако варвары пощадили здесь жилища и храмы из уважения к месту рождения Аполлона и Артемиды. При этом Геродот присовокупляет, что Датис в виде жертвоприношения сжег на алтаре триста фунтов ладана. Все остальные близлежащие острова покорились добровольно и выдали заложниками знатнейших своих граждан. Затем флот направился к южной оконечности Эвбеи. С неистовством накиннулись персы на слушников, предали все огню и мечу и не оставили в Эретрии целым ни одного дома. Множество жителей искало спасения в горах, многие были изрублены, а остальные обращены в рабство. Затем персы снова сели на корабли и поплыли к Аттике; Гиппий указывал им путь, надеясь с помощью варваров вернуть потерянную власть над Афинами.

Афиняне не без страха узнали о приближении неприятеля. Они поспешно отправили гонца по имени Федиппида к спартамцам с просьбой о помощи. Хотя спартамцы и были на то согласны, но не могли послать немедленную помощь, так как у них, по древнему обычаю, нельзя было выступать в поход прежде полнолуния в месяце Карнее (соответствующем нашим августу и сентябрю). Только платейцы, жители одного города в Беотии, которые еще перед тем, из вражды к фиванцам, вступили в союз с Афинами, поспешно отправили к ним на помощь 1000 человек. Афиняне наскоро сделали все, что только было в их силах, но не могли собрать более 10 000 человек. С войском из 11 000 человек выступили они к Марафону навстречу неприятелю, который после высадки расположился здесь лагерем, так как местность эта была удобна для действий персидской конницы.

Из десяти предводителей пятеро находили опасным нападать на столь превосходящие неприятельские силы, тем более, что спартамцы не приходили еще на помощь. Мнения разделились, и Каллимах, облеченный, как архонт властью полемарха, должен был решить спор. Мильтиад, один из десяти предводителей, был убежден, что именно здесь, при Марафоне, необходимо дать сражение. Он обратился к Каллимаху и старался убедить его в этом всей силой своего пламенного красноречия. Мильтиад доказывал Каллимаху, что от него одного зависит повергнуть Афины в рабство или доставить им свободу, а самому себе заслужить славу более прочную, чем слава Гармония и Аристоги-

тона. «При настоящем положении дел Афины находятся в величайшей опасности. Если ты последуешь моему совету, то отечество наше останется свободным и сделается первым государством в Элладе; если же согласишься с мнением других, которые отвергают битву, то тебе известно, какая участь постигнет нас с возвращением Гиппия».

Каллимах объявил, что совершенно согласен с Мильтиадом, и нападение было решено. Единство главного начальства установлено было тем, что каждый из предводителей начальствовал по очереди

один день. Но Мильтиад обладал таким выдающимся умственным превосходством, что, по совету Аристиды, остальные девять предводителей добровольно передали ему главное руководство всем делом.

Но Мильтиад дождался дня своей очереди и только в этот день вступил в битву. По приказанию Мильтиада войско быстро устремилось на неприятеля, чтоб меньше пострадать от многочисленных стрелков его и предоставить как можно меньше времени для действий неприятельской конницы. Персы смотрели, как на безумство, на нападение 11 000 греков на свое более чем стотысячное войско. Они прорвали более слабый центр эллинов и несмотря на то, что здесь храбро сражались Аристид и Фемистокл со своими гоплитами, убили рабов, которые стояли за ними в качестве

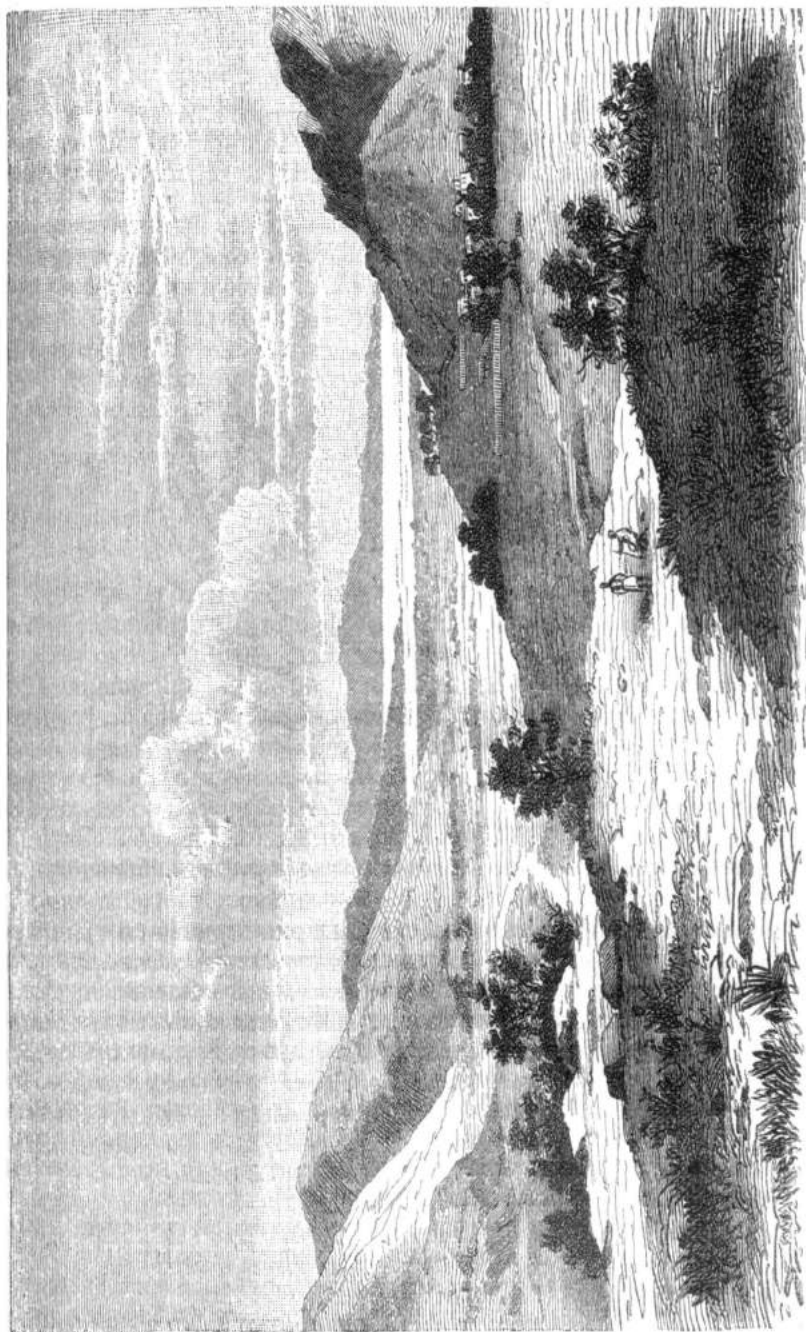
оруженосцев. Но афиняне и платейцы разбили наголову находившееся против них на обоих флангах персидское войско. Затем они тотчас же бросились к центру, восстановили его расстроенные ряды и сделали общее нападение на одолевших уже здесь персов. Когда и здесь персы под конец обратились в бегство, афиняне и платейцы преследовали их до морского берега, захватили у них семь кораблей и разграбили весь их лагерь, который персы со всеми хранившимися в нем сокровищами вынуждены были бросить при своем бегстве. Вся равнина была покрыта убитыми. Афиняне лишились своего полемарха, двух храбрых предводителей и многих знатных граждан, всего 192 человек. Потеря же персов была несравненно значительнее: у них было убито 6400 человек.

Мильтиад.

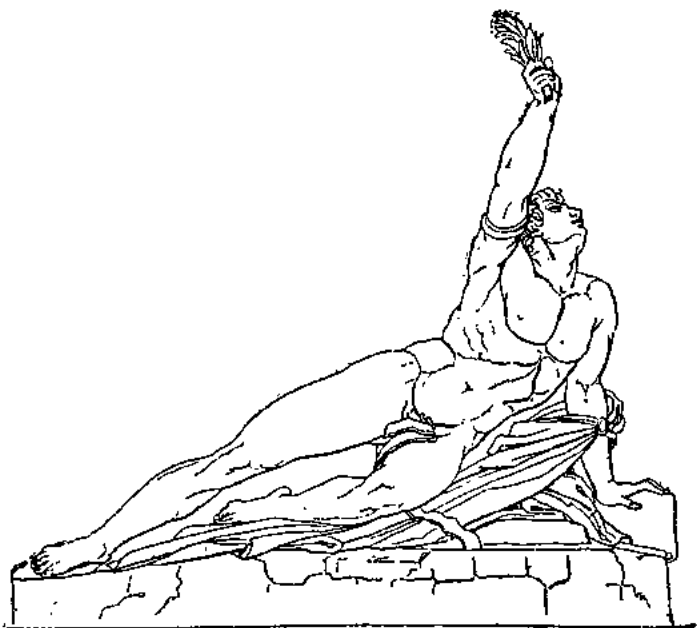
С мраморного бюста в Лувре.

¹ Мильтиад был прежде владетелем Херсонеса Фракийского и, таким образом, состоял персидским вассалом. Когда же персидско-финикийский флот, покорив ионян, овладел и Херсонесом, то Мильтиад вынужден был его покинуть. Он не пользовался доверием персов за совет разрушить мост через Дунай, данный им грекам в то время, когда Дарий совершал свой поход против скифов.

Вид Марафонского поля.

Персы, сев на свои корабли, поспешили обогнуть южную оконечность Аттики и мыс Суний, чтобы напасть на Афины с западной стороны. Но Мильтиад прибыл туда ранее сухим путем и ожидал их у Фалернской гавани. Персидский флот прибыл, бросил было якорь, но не решился сделать высадку и отправился обратно в Азию. На этом возвратном пути на острове Лемносе умер Гиппий. Персам удалось привезти с собою Дарию лишь одних пленных наксосцев и эретрий-

Умиравший греческий воин, принесший весть о победе при Марафоне.

цев, с которыми он обошелся милостиво. Дарий назначил им для жительства один город вблизи Сузы, где они проживали еще во времена Геродота и сохранили свой язык и свои старинные обычаи.

Конечно, никогда еще победоносное войско не испытывало такой радости, как афинское при Марафоне. В то время как оно преследовало бежавших персов, один воин поспешно прибежал в Афины, задыхаясь от усталости, прокричал на улицах и на площади: «Радуйтесь, мы победили!» и тут же пал мертвый. Афиняне еще долгое время спустя праздновали этот блистательный день, совершали процессии на поле сражения и приносили там жертвы. Они поставили на Марафонском поле в виде памятника десять колонн с надписями имен павших воинов, а память десяти предводителей увековечили большой картиной. Имя Мильтиада с восторгом произносилось и старцами, и детьми; народ принял победителя, как своего избавителя, торжественными песнями.

В то самое время, когда храбрые афиняне готовились вернуться домой, явилось спартанское войско, которое после полнолуния спешно выступило на помощь к афинянам. Опоздав к битве, спартанцы пожелали взглянуть по крайней мере на поле сражения. Они посетили Марафон, посмотрели на пленных, похвалили славный подвиг афинян и отправились домой.

Победа при Марафоне показывает, что в состоянии был сделать незначительный отряд, состоявший из образованных людей, воодушевленных любовью к свободе и отечеству, против громадного, неповоротливого войска, которое действовало по устарелым правилам, как бездушная машина, и было сплочено не сознанием своего долга, а лишь слепым повиновением. «Казалось, — говорит один древний историк, — что на одной стороне стояли бараны, а на другой люди!»

4. Мильтиад, Фемистокл и Аристид (489—488 гг. до Р. Х.)

Афинянам очень было приятно, что они отстояли великое дело Элады без помощи Спарты. До сих пор спартанцы имели решительный перевес и над Афинами; теперь же афинянам представлялся случай добиться полной независимости. Славная победа над персами вдохнула в афинян необыкновенную смелость. Отразив одни страшную силу Азии, они, казалось, тем самым получили право быть руководителями тех греческих государств, которые в робости своей предали честь и свободу греков на произвол варваров.

И вот в Афинах воцарился дух завоеваний. Главным сторонником такого направления явился Мильтиад. Прежде всего он постарался направить действия своих сограждан против богатых островов Архипелага, которые покорились персам. Он потребовал у афинян для этого предприятия семьдесят хорошо вооруженных кораблей и, получив их, направился с ними прежде всего к Паросу. Но крепкие стены города Пароса представили непреодолимую преграду неопытным еще в осадном искусстве грекам. Храбрые жители этого города отослали назад вестника, который потребовал от них 100 талантов (около 180 000 рублей). После двадцатишестидневной осады Пароса и совершенного опустошения страны Мильтиад, раненый в ногу неприятельской стрелой, отдал приказ к обратному походу.

Между тем в Афинах рядом с духом завоеваний господствовало столь же сильное ревнивое чувство и к сохранению внутренней свободы. В особенности стояла за нее партия Алкмеонидов. В Мильтиаде, который еще и прежде, после возвращения своего из Херсонеса, обвинялся в стремлении к тирании, а теперь пользовался почетом и влиянием, партия эта видела опасного врага свободы. Она воспользовалась постыд-

ным возвращением героя, обвинила его перед народом в том, что он обманул его своими обещаниями, и требовала его казни. Страдая от раны, Мильтиад велел принести себя в суд на носилках. Здесь защиту Мильтиада приняли на себя его друзья. Тщетно напоминали они о великом дне Марафонской битвы. Они могли отвратить только смертную казнь. Возмен ее Мильтиад должен был заплатить пеню в 50 талантов (около 90 000 рублей). Так как он вскоре умер от воспаления своей раны, то пеню, вследствие строгости афинских законов, заплатил его сын К и м о н.

*Аристид.
С античной статуи
в Nus. Borb. в Неаполе.*

Но в это время в Афинах, когда народ впервые осознал свои силы, не могло быть недостатка в великих людях. Фемистокл, который превосходил умом и красноречием всех своих противников, не затруднялся особенно в выборе средств для осуществления своих планов и был настолько честолюбив, что победа Мильтиада не давала ему покоя, сделался первым государственным мужем своего времени. Он совершенно верно понимал, что битва при Марафоне была не концом, а лишь началом великой войны и что Афины могли сделаться могущественными лишь в качестве морской державы.

Война с Эгиной послужила Фемистоклу для осуществления его планов. Он предложил доходы с Лаврийских серебряных рудников, которые распределялись до тех пор между гражданами, употребить на постройку двухсот новых кораблей. Совет его был приведен в исполнение и послужил главной, основной причиной великой победы над Ксерксом и последовавшего затем усиления Афинского государства.

Вначале план этот не всем нравился. По выражению одного древнего историка, «он отнимал у граждан щит и копье и заменял их рулем и веслом». Аристид, который настолько прославил себя беспристрастием в третейских решениях, что получил прозвище «справедливого», сделался одним из решительнейших противников Фемистокла. Он противился обращению Афин в морскую державу, полагая, что в таком случае они послужат Фемистоклу средством для его славлюбивых целей.

Борьба двух противников и обоих мнений не была продолжительна. По предложению Фемистокла Аристид был изгнан остракизмом на десять лет¹. Теперь Фемистокл остался один и с величайшей деятельностью занялся постройкой кораблей.

5. Поход Ксеркса

а) Поход через Геллеспонт, Фракию и Македонию (489—481 гг. до Р. Х.)

Дарий не мог перенести позора своего войска в Греции. Он решил с еще большими силами напасть на афинян. С этой целью он разослал воззвания по всему своему государству, приказал строить корабли и собирать запасы. «В течение трех лет во всей Азии происходило необыкновенное движение», — говорит Геродот. Египет, который был всегда ненадежным владением, вышел из подчинения. Между детьми Дария от первой жены, родившимися до вступления его на престол, и от второй, Атоссы, с которой он сочетался браком, будучи уже царем, возник спор за право наследования престола. Спор этот Атосса благодаря своему всемогуществу решила в пользу своего старшего сына Ксеркса. Во время военных приготовлений Дарий умер в 486 году до Р. Х.

Ксеркс прежде всего усмирил восстание в Египте, который должен был искупить свое отпадение еще более тягостной зависимостью. Между тем проживавшие в Сузе изгнанный из Спарты царь Демарат и сын Гиппия Пизистрат, а в Лариссе Ал е в а д ы, потомки фессалийских царей, и наконец зять самого Ксеркса Мардоний, который желал владычествовать над Грецией, подстрекали царя к войне с Элладой.

Начались приготовления. Ксеркс желал выставить такие вооруженные силы, каких не видел еще мир. Все необозримое государство пришло в движение: более пятидесяти племен, различных по языку, нравам, оружию и одежде, должны были выставить войска. Все приморские народы от Египта до Геллеспонта обязаны были снарядить корабли и собрать огромные запасы в прибрежных городах Фракии для прибывавшего туда войска. Для безопасности флота перешеек между Афонским мысом и материком был прорыт и сооружен канал, в котором могли разойтись два корабля.

Осенью 481 года многочисленные войска собрались в К р и т а л л у, в Каппадокии, в укрепленном сборном пункте, и затем были отведены Ксерксом к Сардам. Из Сард, где царь провел зиму, он послал вестни-

¹ Рассказывают при этом об одной черте, которая характеризует как Аристида, так и афинян. Во время собрания голосов по вопросу об изгнании Аристида к нему подошел один гражданин, который совсем не знал его и просил написать на своем черепке его имя. «Что сделал тебе Аристид?» — спросил последний. «Ничего, — отвечал тот, — но меня сердит то, что его одного называют справедливым». Аристид написал свое имя на черепке.

ков в греческие города, за исключением Афин и Спарты, требовать «земли и воды». Решив провести войско в Европу сухим путем, Ксеркс приказал навести через Геллеспонт близ Сеста два моста на судах. Когда же буря разорвала мосты, Ксеркс велел, говорят, строителя их казнить, а морю дать триста ударов и бросить в него кандалы. По исправлении обоих мостов царь выступил с войском из Сард и направился к северо-западу от Геллеспонта. В реке Скамандре, к которой подошло войско, по рассказу Геродота, не достало воды, чтобы напоить все это бесчисленное множество людей и животных. Ксеркс посетил город Приама — П е р г а м, к юго-востоку от города Трои, чтобы осмотреть местность, где впервые сразились между собой Греция и Азия.

Через несколько дней войско достигло последнего азиатского города — А б и д о с а. Здесь Ксеркс пожелал сделать общий смотр. Для этой цели абидосцы должны были построить возвышенное место из белых камней, с которого он мог обозреть все свое бесчисленное сухопутное войско и флот, расположившийся в открытом море. По его желанию было дано примерное морское сражение, в котором сидоняне одержали победу. Сначала Ксеркс смотрел на бесчисленную громаду людей с радостным изумлением, но потом с грустью и слезами. «Ему пришло на мысль, — говорит Геродот, — что, может быть, из всех этих миллионов людей ни один не доживет до ста лет».

Вплоть до Геллеспонта путь был усеян миртовыми ветвями, а на мосту были сожжены благовония. Ксеркс сам совершил в честь восходящего солнца жертвенное возлияние из золотой чаши, помолился и бросил в море чашу, золотой кубок и персидскую саблю. Затем началась переправа. По показанию Геродота, она продолжалась непрерывно семь дней и семь ночей. Во Фракии, на обширной равнине при Дориске, у истока реки Гебра (ныне Марица) совершили перепись всего войска. Отсчитали 10 000 человек, поставили их плотно друг к другу и огородили их забором. Из этого огороженного пространства вывели находившихся там 10 000 воинов, и затем наполнили его новыми воинами, и так повторяли до 170 раз, пока в огороженном месте не перебивали все воины. Таким образом вычислили, что всего в войске было 1 700 000 человек. К ним присоединились еще вспомогательные войска фракийцев и македонян. С большей достоверностью, однако, можно принять показание, что Ксеркс повел против Эллады сухопутное войско в 800 000 человек, флот из 1200 военных кораблей с экипажем около 250 000 человек.

Удивительно было смешение различных одежд и оружий отдельных племен. Тут можно было видеть персов в так называемых тиарах, цветных, узких кафтанах с рукавами, длинных шароварах, с копьями, луками, стрелами и кинжалами; ассирийцев в шлемах с палицами, окованными железом; индийцев в одежде из бумажной материи, с луками и стрелами из тростника; каспийцев в шубах; сарангов в высоких сапогах; эфиоплян в львиных и барсовых шкурах, с обнаженным телом, расписанным наполовину черной и наполовину белой красками; фра-

кийцев в лисьих шапках и т. д. Таким образом Геродот описывает 56 племен, принимавших участие в походе. Не меньшее разнообразие представляли корабли, число которых простиралось до 1200: финикийцы с сирийцами выставили 300 кораблей, египтяне 200, киприоты 150, киликийцы 100 и т. д. Во главе пяти карийских кораблей находилась женщина — царица Артемизия. На каждом корабле экипаж состоял из персов, мидян и саков. Знатные персы предводительствовали отрядами, составленными из отдельных народов.

От Геллеспонта войско направилось через Фракию к Стримону, через который по приказанию Ксеркса также был наведен мост. У Аканта сухопутное войско соединилось с флотом. Отсюда войско пошло через полуостров Халкидику к городу Фермам. На пути его беспокоили львы и другие хищные животные, которые ночью нападали на верблюдов. Во многих местах приходилось употреблять целые дни на вырубку деревьев для проложения войску дороги. В Фермах войско остановилось и заняло всю страну вплоть до устьев Галиокмона, близ границы Фессалии. Флот же был проведен каналом от Афона вокруг полуостровов Сифонии и Паллены в Фермейскую гавань и снова приблизился к войску, которое отсюда должно было вторгнуться в Фессалию и начать, по-видимому, нетрудную войну против тех греческих народов, которые не прислали царю земли и воды по его требованию.

*б) Фермопилы, Артемизия и Саламин
(481 г. до Р. Х.)*

Геродот замечает, что если бы нашествие варваров погубило Афины, то та же участь постигла бы и всю Грецию. Правда, Спарта могла бы достойно пасть за ее независимость, но спасителями Греции должно признавать одних афинян. Между ними самой выдающейся личностью был Фемистокл, и он действительно доставил эту славу Афинам. Его заслуга состояла в сооружении кораблей, которые впоследствии, в сражении при Саламине, явились единственным спасением Эллады. Своей решительностью и мужеством он сумел воодушевить твердых, укрепить слабых и вселить в сограждан единодушие.

Не все, однако, разделяли смелую надежду Фемистокла спасти греческий народ и его свободу от могущества персов; даже сами боги через Дельфийского оракула объявили всякое сопротивление безрассудным. Но и после этого афиняне умоляли оракула до тех пор, пока жрица не объявила, что их могут спасти только одни *де ре в я н н ы е с т е н ы*. Фемистокл, объяснив, что под деревянными стенами следует понимать корабли, воспользовался изречением оракула для усиления флота.

Хотя благодаря стараниям Фемистокла спартанцы и вступили в соглашение с афинянами, зато остальные греки присоединялись к ним весьма неохотно. Там, где господствовало единовластие или государ-

ственное устройство приближалось к монархическому образу правления, как например в Беотии и Фессалии, лица, стоявшие во главе правления, надеялись при помощи неограниченно управляемых варваров утвердить или распространить свою собственную власть. Мелкие государства отделились от общего национального дела и перешли на сторону персов или в надежде сохранить тем свою независимость, или из чувства политической зависти. Так поступили Аргос из недоброжелательства к Спарте, Фивы из зависти к Афинам, Фессалия и почти вся Беотия.

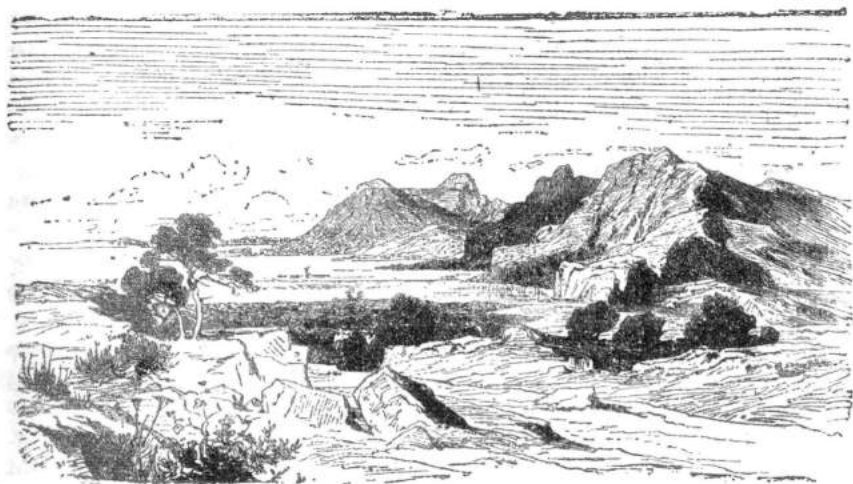
Тщетно Фемистокл, узнав, что Ксеркс находится еще в Сардах, старался собрать на Истмийском перешейке всю Грецию против общего врага. Едва ему удалось заключить мир между Эгиной и Афинами. Хотя жители острова Керкиры (Корцира, Корфу) обещали прислать шестьдесят кораблей, но умышленно запоздали с ними, ибо желали выждать, чем кончится война. Гелон, тиран сиракузский, на приглашение оказать помощь хотя и изъявил свое согласие, но только под тем условием, чтобы ему было предоставлено главное начальство. На этом и прервались переговоры. Впрочем, в это самое время Гелону пришлось отражать нападение карфагенского флота.

Таким образом, при двусмысленных намерениях многих греков только самая незначительная часть Греции отважилась на сопротивление. Ксеркс так был уверен в победе, что не только освободил греческих лазутчиков, прибывших в Сарды и приговоренных военачальниками к смертной казни, но и приказал провести их по всему лагерю, полагая, что ближайшее знакомство с его силами приведет греков к скорейшей покорности. Он также освободил два греческих корабля, захваченных в плен на пути в Геллеспонт, куда они направлялись для сбора хлеба. В этом случае Ксеркс поступил так потому, что корабли эти везли хлеб именно туда, где он сам рассчитывал быть в скором времени и где он сам должен был в нем нуждаться.

Так как македоняне и фессалийцы добровольно покорились персам, то войско пелопоннесцев и афинян, состоявшее из 10 000 гоплитов, при котором находился и Фемистокл, не могло удержаться в Темпейской долине, где оно первоначально расположилось, и вынуждено было отступить. Вследствие этого Ксеркс с сухопутным войском вторгнулся из Ферм в Пенейскую долину и подошел к горе Эте и к Фермопильскому ущелью. Здесь он впервые натолкнулся на войско, готовое к отпору. Греки, покинув проход в Темпейскую долину, по совету Фемистокла решили защищать Фермопильское ущелье, а флот послать к мысу Артемизии, лежащему к востоку от Фермопил. Проход Фермопильский был очень узок, шестьдесят шагов ширины в поперечнике, но в одном месте он настолько суживался, что через него едва могла проехать одна повозка. С западной стороны прохода возвышались крутые отвесные скалы, а с восточной, вдоль берега моря, дорога прилегла к непроходимым болотам. Спартанцы лишь с трудом согласились на это решение, ибо сначала имели намерение ограничиться защитой Пе-

лопоннеса и с этой целью хотели даже построить стену на Истмийском перешейке.

Войско при Фермопилах состояло из 7200 человек. В числе их находились 4000 пелопоннесцев и около 300 спартанцев, от 700 до 1000 лакедемонских периеков, 400 фиванцев, выставленных по принуждению, 700 феспийцев, затем локрийцы, доряне, фокейцы. Предводителем этого маленького войска, которому предстояло совершить неслыханный военный подвиг — преградить дорогу персидскому царю, был бесстрашный спартанский царь Л е о н и д, отличавшийся необыкновенной любовью к отечеству. Флот, для которого Афины,

Фермопильское ущелье.

Эгина, Спарта, Мегара, Коринф и другие пелопоннесские приморские города доставили все вместе 271 корабль, поплыл к Артемизии, северо-восточному мысу Эвбеи, под предводительством спартанца Э в р и б и а д а. Так как афиняне выставили для этого флота военных кораблей больше, чем все остальные греки вместе, то они потребовали для себя главного предводительства на море. Но спартанцы, считавшие себя главными предводителями всей Эллады, настаивали на том, чтобы им было оставлено начальство и над флотом, и Фемистокл посоветовал афинянам согласиться на это ради общей на-рода всего пользы.

Вскоре после прибытия к Фермопилам, когда эллинское войско получило более точные сведения о громадном числе неприятеля, пелопоннесцы захотели отступить к Истмийскому перешейку. Но фокейцы и локрийцы воспротивились этому, заботясь о находившемся поблизости своем отечестве, и были поддержаны в том Леонидом и спартан-

цами. Спартанцы заплели свои волосы и устроили военные игры, как они обыкновенно делали это перед битвой. В этих занятиях нечаянно застал их персидский лазутчик и известием об этом привел царя Ксеркса в величайшее изумление. Когда царь Демарат, сопровождавший персидского царя в походе, уверял его, что спартанцы готовы к бою, Ксеркс принял за безумие желание сопротивляться его войску с столь слабыми силами. В полной надежде на превосходство своих войск он ждал четыре дня добровольного отступления греков¹. Наконец, на пятый день, видя, что они упорствуют в своем безрассудстве, как выражается Геродот словами Ксеркса, он дал приказ к нападению.

Боевое расположение греков было чрезвычайно выгодно, так как неприятель не мог пользоваться ни всей своей массой, ни многочисленной своей конницей. Мидяне и киссийцы (из Сузы), напавшие первыми, были отброшены эллинами назад, «и царь должен был убедиться, — говорит Геродот, — что у него много людей, но мало воинов». Настоящими воинами приходилось показать себя отборному персидскому отряду, 10 000 так называемых бессмертных. Но как стремительно они напали, так же поспешно пришлось отступить им перед спартанской храбростью. Ксеркс, сидя на высоком троне и следя издали за сражением, несколько раз вскакивал от негодования. На следующий день по его приказанию происходили новые нападения, но также безуспешно.

В то время как царь был в затруднении, что следовало предпринять против этих непобедимых воинов, алчность одного грека доставила ему выход из такого затруднительного положения. Один малиец по имени Эфиальт² вызвался показать персам тропинку через гору Эту. Ксеркс принял предложение и приказал Гидарну следовать со своими людьми за проводником. Персы выступили ночью, достигли рано утром вершины горы, обратили в бегство стоявших там на страже фокейцев и спустились с горы, чтобы напасть на воинов Леонида с тыла в то время, как главное персидское войско нападет на них с фронта.

Когда Леонид получил от бежавших часовых известие, что его обошли, он решил остаться на своем посту до конца, так как оракул объявил, что или Лакедемон будет разрушен, или падет один из его двух царей. Большую часть союзников Леонид уволил от предстоящей битвы; только фивянин вернул он назад, как заложников за изменнические намерения их государства; феспийцы с твердостью отказались удалиться. Сверх того остались 300 спартанцев и состоявшие при них периеки и илоты. Всего собралось 1200 человек, которые решились идти навстречу верной смерти.

¹ Позднейшие писатели рассказывают, что к Леониду было отправлено посольство требовать от греков оружия, но спартанский царь отвечал с лаконичной краткостью: «Приди и возьми». Про спартанца Диенска Геродот рассказывает, что он, когда ему кто-то сказал, что неприятель так многочислен, что стрелы его помрачают солнце, отвечал: «Тем лучше; мы будем сражаться в тени».

² Амфикионы оценили его голову. Один трахинянин убил его в Фессалии и получил назначенную награду.

На следующее утро Леонид выступил вперед, решив как можно дороже продать жизнь свою и своих воинов. Бесчисленное множество персидских воинов, которых приходилось гнать в бой бичами, погибло или под ударами мечей, или в море. Леонид, сражаясь во главе храбрейших, пал в числе первых, но его отряд продолжал мужественно сражаться до тех пор, пока пробравшиеся через ущелье персы не показались у него в тылу.

Вероломные беотийцы хотели воспользоваться этим мгновением для своего спасения; они с мольбой протягивали руки и уверяли в привязанности своей к персам, что подтвердили и фессалийцы. Несмотря на это многие из беотийцев погибли в первой свалке, остальные были спасены, ибо Ксеркс велел их пощадить. Остатки спартанцев и феспийцев отступили на один холм и защищались до тех пор, пока не погибли все под ударами мечей.

Двое из спартанцев, Э в р и т и А р и с т о д е м, за несколько дней перед битвой по случаю болезни глаз были отправлены Леонидом назад, в А л ь п е н о й. Но когда до них дошла весть об измене Эфиальта, Эврит потребовал свое оружие, отправился в Фермопилы и умер там со своими товарищами. Аристокдем же не был проникнут таким патриотизмом, он один вернулся в Спарту. Но здесь он был встречен со стыдом и позором. Никто не говорил с ним, ни один спартиат не допускал его к своему домашнему очагу, и он получил прозвище Труса-Аристокдема. Еще один спартанец, по имени Пантит, посланный в Фессалию и не имевший поэтому возможности участвовать в сражении, увидав, что к нему относятся в Спарте презрительно, повесился от отчаяния.

В высшей степени завидным представлялся грекам жребий павших защитников отечества. Хвала им еще долгое время спустя была на устах всех, и Геродот, совершавший почти через тридцать лет после этого свое путешествие, слышал, как называли всех их поименно. На холме, на котором погибла последняя горсть спартанцев, он нашел надгробный памятник, воздвигнутый Леониду, состоявший из каменного льва, и вокруг множество других с надписями, сооруженных частью Амфиктионами, частью частными лицами. Памятник в честь первого большого отряда, который сражался здесь ранее, чем Леонид отослал союзников, гласил следующее:

«Против три тысячи раз тысячи сражались здесь четыре тысячи
из Пелопоннеса».

На памятнике в честь последних трехсот спартанцев находилось следующее сочиненное Симонидом двустишие:

«Путник, иди и возвести народу Лакедемона,
Что мы лежим здесь, верные законам его».

Но Ксеркс распалился на Леонида таким гневом, что, совершенно вопреки персидскому обычаю, который предписывал и в неприятелях уважать храбрость, приказал отрубить у трупа Леонида голову и воткнуть ее на кол, «в знак того, — как говорит сам Геродот, — что он ни против кого на свете не был раздражен так, как против него».

Задержанный было Леонидом, как могучей плотиной яростный поток, неприятель устремился теперь через узкое ущелье с удвоенным неистовством и наводнил Грецию. Ведомые фессалийцами, варвары двинулись через союзную им Д о р и д у в Ф о к и д у, которой фессалийцы хотели отомстить за постоянную вражду, и персы желали наказать ее за привязанность к делу греков. Но кинутые города были обращены в груды пепла, храмы разграблены. Большинство жителей бежало в Амфиссу (Локриду), остальные скрылись на вершинах Парнаса.

В Панопее войско разделилось; главная часть его с Ксерксом пошла в дружественную Беотию, остальная в Дельфы, чтобы разграбить тамошние сокровища. Обстоятельства, послужившие к спасению Дельф, полны таинственности. По рассказам Геродота, в небе заблестала молния и загредел гром, из храма Афины раздался бранный клич, а с вершины Парнаса низринулись громадные глыбы камней и раздробили неприятелей. Исполненные священного ужаса, варвары обратились в бегство, и дельфийцы преследовали бежавших. Насколько во всем этом было правды, осталось неисследованным, но боги явили тут свое покровительство и силу, по мнению благочестивых греков¹.

Греческие корабли, предводимые спартанцем Эврибиадом, расположились у мыса Артемизии. Весть о приближении неприятельского флота и о захвате нескольких греческих судов повергла их в такой ужас, что они пустились в обратный путь, пока не достигли Халкиды — самого узкого места в проливе. В то время, когда персидский флот находился у мыса С е п и а с а, свирепствовавшая три дня буря уничтожила четыреста больших персидских кораблей. Тогда греки вновь воодушевились мужеством и снова вернулись к Артемизии. Однако и тут персидский флот, несмотря на свою потерю, показался таким огромным и могущественным, что пелопоннесцы, и в особенности сам Эврибиад, не отважились на открытое сражение, а предпочитали направиться к берегам Пелопоннеса. Чтобы воспрепятствовать такому намерению, жители Эвбеи, страшившиеся опустошения своего острова, предложили Фемистоклу 30 талантов (около 50 000 рублей). Фемистокл послал пять из них Эврибиаду, три начальнику коринфских кораблей и этим убедил их остаться у Артемизии. Остальные деньги Фемистокл оставил у себя для будущих надобностей.

¹ На вопрос дельфийцев, следует ли скрыть сокровища храма и каким образом это сделать, пифия отвечала: «Бог достаточно могуществен, чтобы охранить свою собственность».

Чтобы отрезать путь к отступлению, персы послали 200 кораблей на южную сторону Эвбеи. По совету Фемистокла греки воспользовались таким разделением неприятельских сил, быстро напали на персидский флот и взяли 30 кораблей. В следующую ночь разразилась новая буря и не только уничтожила множество судов неприятельского флота, но истребила и все корабли, посланные в Эвбею. Известие об этом истреблении было получено греками одновременно с подкреплением из 53 афинских кораблей и настолько ободрило их, что они решились вечером следующего дня произвести новое нападение, следствием которого было уничтожение киликийских кораблей.

Эта смелость греков и боязнь подвергнуться гневу Ксеркса побудили на третий день предводителя персидского флота Ахеменеса произвести общее нападение на соединенный греческий флот. Обе стороны дрались с большим мужеством, в особенности египтяне со стороны персов и афиняне со стороны греков; между афинянами больше всех отличился Кл и н и й, отец Алкивиада, начальствовавший над построеным и вооруженным за его же счет кораблем. Обе стороны значительно пострадали, и греки стали серьезно помышлять об отступлении. В этом решении они укрепились еще более, получив известие об исходе происходившего в то же время сражения при Фермопилах и о дальнейшем вторжении персидского царя.

Фемистокл поспешил с легкими гребными судами вперед и написал на пристанях, где имели обыкновение запасаться водой, и на скалах воззвание к ионянам перейти на сторону греков, их соотечественников, а если это невозможно, вернуться домой или по крайней мере не проявлять в сражении особого рвения.

Затем греческий флот направился обратно к острову Саламину. Благодаря вновь подошедшим подкреплениям он возрос до 390 кораблей. Эта морская сила была спасением Греции. Между тем Ксеркс через Беотию, в которой Ф е с п и я и П л а т е я были разрушены за приверженность свою к делу Греции, приближался к беззащитным и опустевшим Афинам, главной цели своего мщения. Единственное спасение для своих сограждан Фемистокл видел в том, чтобы они, оставив город, перешли на корабли. Однако убедить в этом народ было делом далеко не легким, ибо он крепко держался за свои жилища и храмы, за художественные произведения и за могилы своих предков.

На помощь красноречию Фемистокла явилось религиозное верование. Огромная змея, содержавшаяся в крепости как божественная хранительница храма Афины и получавшая ежемесячно жертвенную пищу, на этот раз не приняла ее как бы в знак того, что сама богиня оставила город. Тогда народ сам торопился уйти из города. Печально было смотреть на безутешные семьи, покидающие свои дома и свою родину. Всякий уносил с собой все, что было для него самого дорогого и необходимого. Матери смотрели на своих детей глазами, полными слез, и время от времени оглядывались на знакомые кровли покидае-

мого города, которому суждено было сделаться скоро добычей разрушения. Вплоть до самой гавани провожали своих хозяев оставляемые в городе верные домашние собаки и поднимали жалобный вой, когда корабли отваливали от берега.

Собака афинянина К с а н т и п п а бросилась в море и поплыла за кораблем своего хозяина. Но слишком долгое напряжение истощило силы верного животного, и оно, достигнув берега Саламина, издохло. На этом месте острова был воздвигнут небольшой памятник, сохранявший долгое время воспоминание о верном животном. Дети, женщины и старики бежали в Трезены в Арголиде, которые приняли их необыкновенно радушно, на Саламин, на Эгину. Неприятелю оставлены одни камни и стены. Все способные носить оружие, в которых собственно и заключался настоящий город, обратили, по выражению Фемистокла, в свой город «200 хорошо вооруженных кораблей, сделав из них и величайший город всей Греции». В Афинах остались только казначей храма да несколько старцев.

Теперь Фемистокл видел спасение всей Греции единственно в морском сражении и именно при Саламине, где теснота места снова предоставляла грекам преимущества над стесненным персидским флотом, но мнение это не разделялось прочими предводителями. Когда пришло известие о том, что персы овладели Афинами, что местная крепость занята, город и крепость преданы пламени, а вся Аттика опустошена, то большинство начальников потребовало, чтобы флот вошел в Кенхрейскую гавань (Коринф) и таким образом, в случае поражения, мог иметь поддержку в войске, расположенном на Истмийском перешейке. Но непреклонный Фемистокл помышлял не о поражении, а о победе, и возможность и вероятность ее, если сразятся именно здесь, доказывал в собрании предводителей со всем жаром глубокого убеждения.

Коринфянин А д и м а н т, обратившись к нему, воскликнул с запальчивостью: «На играх бьют тех, которые встают прежде времени». — «Да, — отвечал Фемистокл, — но запоздалые никогда не получают награды». Когда же Адимант возразил ему, что он, как не имеющий более отечества, не имеет права участвовать в их совещании, то Фемистокл произнес следующие многозначительные и угрожающие слова: «Правда, жалкий человек, мы покинули наши дома и стены потому, что не хотели, ради мертвых камней, сделаться рабами; но вот эти наши 200 хорошо вооруженных кораблей составляют наш город, и величайший город во всей Греции, и если вы желаете еще спастись, то теперь он может помочь вам в этом. — Обратившись затем к Эврибиаду, он продолжал: — Если пойдешь к Истму, то погубишь Элладу. И тогда мы, афиняне, заберем к себе на корабли наших жен и детей, уйдем в Италию и выстроим там новый город. Но вы, прежде чем лишиться таких союзников, как мы, обдумайте мои слова».

Речь Фемистокла достигла своей цели. Эврибиад опасался, что афиняне могут навсегда покинуть Грецию и переселиться в Италию, и

должен был сознаться, что это была бы громадная потеря. Однако вскоре после этого, когда персидский флот прошел Эврип и занял все пространство от Суния до Фалерна, а персидское сухопутное войско приблизилось к Пелопоннесу, то между союзниками вновь воцарилось неудовольствие на то, что они, по их мнению, должны на этом месте сражаться ради Афин, и поэтому потребовали отступить к Истмийскому перешейку. Только афиняне, эгинцы и мегаряне требовали

Афиняне покидают свой город.

остаться у Саламина, все же остальные высказались за отступление. Тогда Фемистокл тайно покинул собрание, задумав одним решительным поступком способствовать исполнению своего плана. Он скрытно отправил на лодке своего верного слугу Сицинна к Ксерксу, который как раз на собранном также в это время военном совете решил напасть на следующий день на греков на море. Под видом дружеского доброжелательства Фемистокл приказал сказать Ксерксу, «что греки несогласны между собой и хотят ускользнуть; что если царь тотчас нападёт на них, то они не окажут никакого сопротивления, причем преданные персам будут сражаться с их противниками. Фемистокл посылает ему этот совет, ибо желает победы персам».

Совет понравился Ксерксу, и он приказал в ту же ночь занять маленький остров П с и т т а л е ю, лежащий между Саламином и материком, а персидским кораблям — окружить полукругом сам остров Саламин вместе с греческим флотом. Аристид, вызванный по предложению самого Фемистокла Народным собранием из изгнания и намеревавшийся в ту же ночь отправиться из Эгины к греческому флоту, первый заметил движение неприятеля. Забыв в эту минуту личную вражду, он поспешил к противнику своему Фемистоклу. «Теперь, — обратился он к нему, — между нами не должно существовать никакого другого спора, кроме того, кто из нас может лучше послужить отечеству». Затем он предложил сообщить военному совету, что греческий флот окружен и что никакое отступление больше невозможно. Фемистокл поблагодарил Аристида и в то же время объяснил, что такое стечение обстоятельств не есть случайное, но подготовлено им умышленно, и просил его лично сообщить о том собранию. Аристид исполнил его просьбу, но большая часть предводителей не верила до тех пор, пока начальник одного неприятельского корабля, перешедшего к грекам, не подтвердил этого показания.

Теперь предложение Фемистокла смело вступить в бой было принято всеми, и все бросились на корабли, чтобы идти навстречу приближавшемуся неприятельскому флоту. Он надвигался в виде громадного полукруга. На одном крыле его находились финикийцы, которые, как храбрейшие, должны были действовать против искусных афинян. Другое крыло занимали ионяне для того, чтобы они, ввиду недоверия к ним царя, встретились не со своими соплеменниками, а с лакедемонянами, эгинцами и другими. Ксеркс, полагая, что поражение при Артемизии произошло вследствие его отсутствия, хотел на этот раз сам следить с высокой горы на берегу за ходом сражения и ободрять войска своим присутствием.

На рассвете сошлись оба флота, и завязался общий бой. В начале персидский флот сражался храбро. Но скоро сражение окончилось поражением персов. Сама многочисленность их флота в узком пространстве сделалась для них стеснительной. Передние корабли их, будучи теснимы, привели в расстройство стоявшие сзади, а эти последние, порываясь вперед, чтобы принять участие в битве, мешали стоящим впереди. Напротив того, греческие и в особенности афинские корабли, более легкие и подвижные, чем громадные персидские и энергично нападали на них. Греческие матросы взбирались на неприятельские суда, опрокидывали экипаж, пускали их ко дну и истребляли вместе с ними и большую часть их защитников.

Смятение в неприятельском флоте вскоре сделалось всеобщим. Афиняне и эгинцы, самые лучшие моряки из всех греков, одинаково отличались в этом сражении. Между тем Аристид перевез тяжело вооруженных афинян на остров П с и т т а л е ю и уничтожил находившихся там персов. Таким образом персы потеряли много людей и кораб-

*Фемистокл получает награду
за благоразумие.*

лей, из которых лишь немногие смогли спастись у Фалера под защитой сухопутного войска. На одном из таких кораблей находилась царица Артемизия Галикарнасская, которая не советовала Ксерксу вступать в морское сражение. Греки обещали большую денежную награду тому, кто захватит ее живой в плен. Они считали себя очень оскорбленными, что против них сражалась женщина. Артемизия чуть было уже не была взята в плен одним из преследовавших ее афинских кораблей, но она пустила ко дну плывший перед нею персидский корабль, и преследователь ее, полагая, что ее корабль — или афинский, или неприятельский, перешедший к грекам, прекратил преследование. Ксеркс, довольный действиями Артемизии, воскликнул: «Женщины стали мужчинами, а мужчины женщинами».

Потеряв в морском сражении при Саламине (20 сентября 480 г.) 200 кораблей, Ксеркс по совету Мардония решил вернуться с большей частью своего войска в Азию, а его с почти 300 000 воинов оставить в Элладе. К этому Ксеркса побудило главным образом опасение, что греки могут уничтожить мосты через Геллеспонт и возбудить к восстанию малоазиатские колонии. В следующую же ночь Ксеркс приказал своим кораблям двинуться к Геллеспонту. Греческий флот следовал за ним до острова Андроса, где предводители стали совещаться о том, должны ли они воспрепятствовать или содействовать отступлению царя. Последнее было признано за более

полезное. Для того, чтобы это наверняка было исполнено, Фемистокл снова послал того же своего верного слугу к царю и велел передать ему, что он отговорил греков от преследования персидского флота и от разрушения моста через Геллеспонт и что Ксеркс может спокойно и безопасно продолжать свой обратный путь.

Уезжая, Ксеркс оставил, однако, в Фессалии под начальством Мардония около 250 000 человек, большей частью персов, мидян, саков, бактриян и индийцев, чтобы в следующем году возобновить войну. С остальными войсками царь направился через Фракию и Македонию к Геллеспонту. Но недостаток съестных припасов и болезни истребили большую часть войска, и лишь немногие добрались до Геллеспонта. Мосты были уничтожены бурями, но флот стоял наготове, чтобы перевезти войска и царя. Ксеркс поспешил в Сарды, куда следовали и остатки войска. Для отражения нападения со стороны эллинов и на случай восстания ионян царь оставил флот у Самоса и Киме, а 60 000 человек расположил в Милете.

Греки радовались своей победе и не боялись вновь подымавшейся грозы. Их флот, отказавшись от преследования неприятеля, наказал острова, принявшие сторону персов, причем Фемистокл тщетно осаждал Андрос. По возвращении домой начались совещания о жертвоприношениях, которые следовало принести богам. Скоро все пришли к единодушному решению принести в дар Дельфийскому храму три финикийских военных корабля, взятые при мысе Сунио, Саламине и Истме и поставить в Дельфах колоссальную статую с корабельным носом в руке. Происходившее в Истме собрание для решения подачи голосов на алтарь Посейдона вопроса, кому из предводителей следовало присудить первую и вторую награды, разошлось, не постановив окончательного решения, потому что всякий рассчитывал получить первую награду и только Фемистоклу соглашались все предоставить вторую. Но и этой награды Фемистокл не был удостоен, так как большинство государств было исполнено зависти к Афинам, и только вскоре после того, когда Фемистокл прибыл в Спарту, ему возданы были там большие почести.

Спартанцы дали одинаковую награду, масличную ветвь, Эврибиаду за храбрость, а Фемистоклу — за благоразумие и искусство. Но Фемистоклу они, кроме того, подарили лучшую колесницу, какую только можно было найти в Спарте, и на обратном пути его провожало до границы страны 300 спартанских мужей, которые назывались всадниками и составляли на войне почетную стражу царей. «Такая почесть, — говорит Геродот, — еще никому до тех пор не оказывалась спартанцами». Но самую приятную награду получил Фемистокл, по собственному его призванию, несколько лет спустя во время празднования Олимпийских игр. Когда он явился здесь среди греков с масличной ветвью, то возбудил к себе такое внимание, что все, забыв об играх и состязаниях, смотрели и указывали друг другу только на него одного.

*в) Платея и Микале
(479 г. до Р. Х.)*

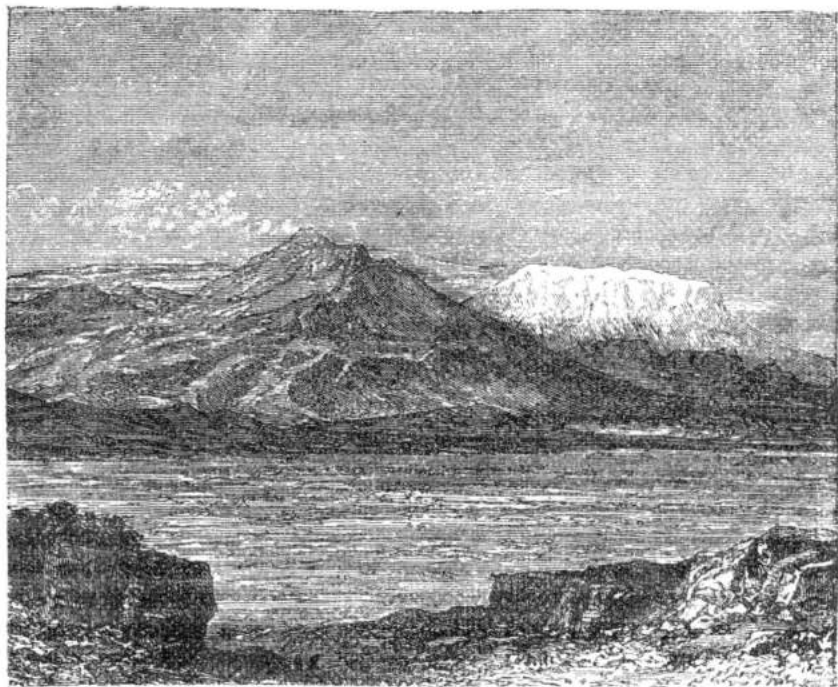
Следующий год вызвал греков к новым битвам, ибо Мардоний находился все еще в Фессалии. Чтобы вернее достигнуть своей цели — подчинить Грецию, он всего более старался склонить на свою сторону афинян. Большая часть их после отступления Ксеркса от Трезена и Саламина возвратилась в прежнее отечество и занялась восстановлением храмов и жилищ. Мардоний послал в Афины македонского царя Александра в качестве посредника. Вследствие изъявленной им покорности Ксерксу и родства с одной из знатнейших персидских фамилий он был совершенно предан персидским интересам и в то же время пользовался правом гостеприимства в Афинах; поэтому он казался как нельзя более подходящим для передачи персидских предложений. Предложения эти заключались в том, что Мардоний от имени Ксеркса обещал афинянам забвение всех их проступков, утверждение прежней свободы, восстановление их разрушенных храмов и наконец расширение их владений, если они согласятся заключить союз с персами. Александр не упустил случая, в добавок к этим блестящим обещаниям, указать на великую силу Персидской монархии, чтобы надеждой и страхом подействовать на афинян и побудить их принять предложения.

Возможность такого решения в особенности устрашала спартанцев. При первом же известии о переговорах они тотчас же отправили послов, прибывших в Афины как раз в то самое время, когда только что открылось собрание, в котором Александр должен был получить ответ. Афиняне, ожидая прибытия спартанских послов, намеренно затянули переговоры, чтобы дать и им возможность открыто высказать свое мнение. Лакедемонские послы поднялись тотчас же после речи Александра. Они заклинали афинян не оставлять Грецию, на которую они первые навлекли гнев варваров, и не верить обещаниям, передаваемым одним тираном (Александром) от имени другого (Ксеркса). Вместе с тем они выразили свое сожаление о разрушении Афин и о потере двух жатв и обещали афинянам от имени союзных греков заботиться о содержании их жен и детей во время войны.

После этого афиняне по предложению Аристиды дали Мардонию через Александра следующий ответ: пока солнце будет совершать свое обычное течение, до тех пор афиняне никогда не заключат союза с Ксерксом. Александру же они заявили, чтобы он никогда не являлся с подобными предложениями, ибо это может повести с их стороны к невольным оскорблениям его, их гостя и друга. Лакедемонским же послам афиняне выразили свое удивление, что они мало знают афинян, если могли опасаться такого постыдного поступка с их стороны. Никакое золото, ни прелести какой бы то ни было страны не изменят их образа мыслей; Афиняне потребовали от спартанцев лишь одной помощи — присылки их войск для того, чтобы действовать общими

силами против Мардония в Беотии, откуда этот последний, узнав об отказе, вероятно, немедленно откроет неприятельские действия против Аттики.

Предположения афинян насчет действий со стороны Мардония действительно оправдались; надежды же их на обещания спартанцев не исполнились. Спартанцы занялись завершением сооружения оборонительного вала на Истмийском перешейке, оставили там гарнизон, а остальные войска отправили домой. Мардоний же, доведя свои войска подкреплениями из Азии, Северной и Средней Греции свыше

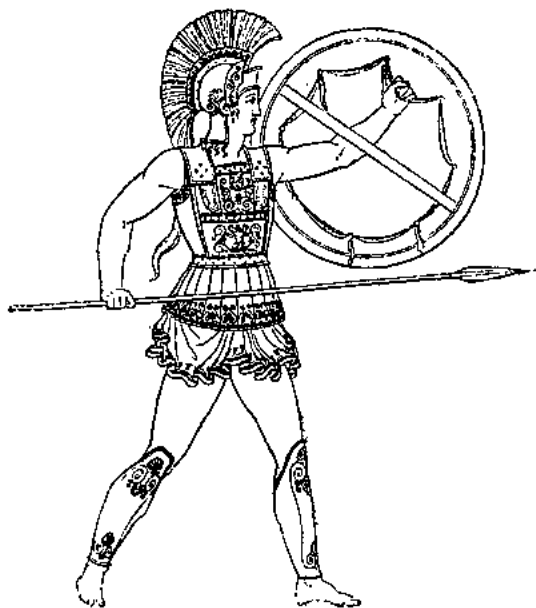

*Платейская равнина с Геликоном.
(На заднем плане Парнас).*

300 000 человек, направился в Аттику. Тогда афиняне отправили к спартанцам посольство, которое напомнило им, как искренне действуют Афины относительно Греции и как, напротив того, коварно поступает Спарта по отношению к ним, и потребовало возможно скорейшей присылки войска их в Аттику.

Спартанцы десять дней не давали решительного ответа и объясняли такую задержку празднеством Гиацинтий (чествования Гиацинта). На это афинские послы возразили: «Спартанцы должны спокойно справлять свое празднество и предавать своих союзников; в таком случае афиняне заключат мир с персами и последуют за ними туда, куда они

их поведут, и тогда спартанцы увидят, что из этого произойдет для них». Это подействовало на спартанцев тем более, что один уважаемый гражданин из Тегей обратил их внимание на то, что если афиняне вступят в союз с персами, то всякая стена на Истмийском перешейке будет для спартанцев бесполезна, ибо персы с помощью афинского флота всюду могут высадиться в Пелопоннесе. Тогда спартанцы в ту же ночь отправили 5000 гоплитов и тысячу илотов, а на следующий день объявили послам, что войска эти выступили уже в поход и что вслед за ними будет послано такое же число периеков.

Гоплит.

Между тем Мардоний подошел к Афинам, и жители должны были вторично покинуть их и искать убежища на острове Саламине. Мардоний отправил в Афины послов повторить свои предложения. Но афиняне упорствовали в своем отказе. Только один член совета высказался за заключение союза с персами. Народ побил его камнями, а раздраженные женщины подвергли той же участи его жену и детей. После этого Мардоний вновь превратил в пепел Афины и опустошил Аттику, но когда гонец из Аргоса сообщил ему о наступлении спартанцев, он отступил в Беотию. Обширные равнины этой области представляли свободный простор его коннице, и, кроме того, в ней были собраны большие запасы для его войска. Между рекой Азопом и Теймесской горной цепью расположил Мардоний свое войско и приказал устроить на одной высокой горе укрепленный стан для себя и своих военачаль-

ников. На противоположном берегу Азопа, на северном склоне гор Киферона, расположились греки. Наконец и спартанцы, промешкав так долго на Истмийском перешейке и пройдя через Элевзин, явились в Беотию с 30 000 гоплитов и таким же числом легко вооруженных большей частью илотов и подкрепили состоявших под начальством Аристида афинских гоплитов и дружины платейцев и феспийцев. Главным начальником всего этого сильного 110-тысячного войска был назначен Павзаний, опекун и дядя малолетнего еще спартанского царя Пелистарха, сына Леонида.

Обе стороны долго не приступали к решительным действиям, так как каждая из них желала воспользоваться выгодами своего расположения. И теперь перевес сил был на стороне персов, поэтому Мардоний старался утвердиться на обширных равнинах по эту сторону Азопа. Напротив того, греки занимали позицию между Азопом и горами (Киферона), где они на тесном и гористом пространстве могли выгодно действовать против неприятеля и получать из Пелопоннеса необходимые припасы и новые подкрепления. Может быть, именно ввиду этого находившиеся в обоих войсках греческие жрецы, согласно с правилами военного искусства, обещали победу той стороне, которая будет защищаться, а не нападать.

Мардоний выставил против греков свою конницу и предпринял несколько удачных нападений. Сперва ее мужественно отражали мегаряне, а под конец 300 отборных афинян, которые одни из всего войска добровольно сменили утомленных и опрокинутых мегарян. Афинянам удалось убить предводителя персидской конницы Масистия и тем привести ее в совершенное расстройство и обратить в бегство.

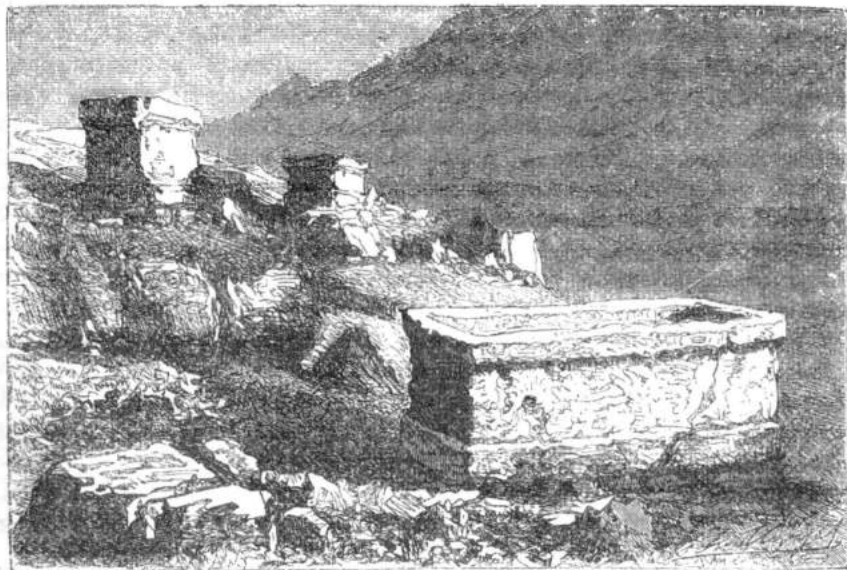
После этой стычки греки ввиду недостатка воды переменили свою позицию и отошли далее к Платее. Здесь обе стороны опять простояли долгое время спокойно друг против друга. Мардоний все еще не отваживался на решительное нападение и заботился лишь так расположить свою позицию, чтобы во время нападения персы сражались с лакедемонянами, а преданные персам греки — с афинянами. По старинному обычаю, спартанцы занимали правое, а афиняне левое крыло.

Наконец, через одиннадцать дней Мардоний, наскучив бездействием, решил вступить с греками в решительное сражение. Греки медленно были об этом извещены. В ту же ночь Александр, царь македонский, прискакал к афинянам и объявил им о намерении Мардония. Он убеждал их приготовиться на всякий случай к нападению и, если б даже сражение почему-либо было необходимо, по возможности отсрочить его, потому что у персов оставалось лишь на несколько дней жизненных припасов. Затем Александр просил афинян в случае, если исход войны будет благоприятен для греков, не забыть и о нем. После такого извещения греки сделали соответствующие распоряжения.

Осторожный Павзаний, ввиду этих обстоятельств и опасаясь, что от нападения персов греки могут значительно пострадать, в особенности

если те запрудят единственный их источник, решил переменить свою позицию на новую и отступил еще ближе к Платее. Отступление произошло ночью, но не в совершенном порядке. Все греческое войско, разделившись на три части, находилось уже в движении к своему новому месторасположению, когда Мардоний на рассвете узнал об отступлении греков. Приняв это за бегство, он немедленно послал конницу в погоню, а сам с пехотой поспешно двинулся через Азоп.

Прежде всего Мардоний напал на лакедемонян и тегейцев. Павзаний немедленно послал к афинянам, чтобы они как можно скорее по-

Саркофаг на месте Платеи.

спешила к нему на помощь. Но афиняне уже вступили в жаркий бой с македонянами, фессалийцами и другими союзными персам греками, и лакедемонянам и тегейцам пришлось одним выдерживать сражение с главными персидскими силами. Вначале многие из них были поражены персидскими стрелами. Павзаний, обратив взоры на храм Геры в Платее, в отчаянии взывал к богине о помощи. Но тут тегейцы бросились в персидские ряды и прорвали их; за ними, получив наконец от жрецов благоприятное предзнаменование, бросился и Павзаний с лакедемонянами. Возгорелась жаркая битва, в которой персы сражались с большим мужеством и энергией, но эллины превосходили их своей физической силой и ловкостью и лучшим вооружением (у них были длинные копья).

Тогда Мардоний бросился на белом коне во главе своих конных телохранителей на неприятеля. Раненный в голову камнем, брошенным

спартанцем Эимнестом, он упал с лошади и погиб в свалке. Вместе с ним пали и его всадники. Пехота, ряды которой были расстроены, не могла более держаться. Бегство сделалось всеобщим. Артабаз с 40-тысячным войском отступил в беспорядке в Фокиду, а оттуда пошел к Геллеспонту. Один отряд пелопоннесцев, вышедший из храма Геры на равнину, подвергся нападению фиванской конницы и был ею частью побит, частью рассеян. Часть войска, сражавшегося под начальством Мардония, бежала в укрепленный стан и защищалась против осадивших их спартанцев до тех пор, пока афиняне, которые также разбили персидских союзников и преследовали фиванцев до их главного города, не соединились с Павзанием. Афиняне первые взобрались на укрепления лагеря и затем открыли путь остальным грекам к огромным сокровищам, собранным здесь со всей персидской роскошью и изобилием. Находившиеся в стане неприятельские воины были почти все перебиты. Более 100 000 неприятелей пало в лагере и в сражении. Со стороны греков было убито 1360 гоплитов, в том числе 91 спартанец, 16 тегейцев и 52 афинянина; число павших илотов было значительно больше. Павзаний приказал илотам собрать все сокровища. Илоты многое оставили себе и продали много золота, которое они приняли за дурную медь, эгинцам, через что эти последние сильно обогатились. Великолепная золотая и серебряная посуда Мардония также досталась в добычу. Павзаний приказал взятым в плен поварам приготовить точно такой же обед, какой приготавливался для Мардония, но вместе с тем велел своим собственным служителям изготовить обед в спартанском духе. Между обоими обедами оказалась, конечно, величайшая разница. Павзаний смеялся над глупостью мидянина, который, пользуясь сам подобным роскошным столом, дошел до того, что лишил обеда своих бедняков.

Одна десятая часть добычи была отделена богам, одна назначена в дар Павзанию; остальное было разделено между прочими государствами пропорционально численности выставленных ими войск. О награде за храбрость едва не возник между спартанцами и афинянами серьезный спор, но он был прекращен тем, что награда эта была присуждена платейцам за то, что область их была местом достопамятной битвы за свободу Греции. В числе спартанцев Аристодем, один оставшийся в живых из тех, которые сражались при Фермопилах, чтобы смыть тяготивший на нем позор, бился с чрезвычайным мужеством. Однако он не получил награды, потому что сражался «с отчаяния».

После того как храбрые получили почести и награды, было приступлено к наказанию виновных. Через одиннадцать дней после сражения победоносное войско явилось перед Фивами и потребовало выдачи главных и знатнейших приверженцев персов. Фиванцы отказывали в этой выдаче до тех пор, пока не были принуждены к тому опустошением их области и осадой их города. Выданные были отведены Павзанием в Истм и там казнены.

Случилось замечательное совпадение обстоятельств: в самый день битвы при Платее персидский флот был уничтожен греками при мысе М и к а л е. Произошло именно то, чего опасался Ксеркс. Уже весной греческий флот из 110 гребных судов под начальством спартанского царя Леотихида (афинянин Ксантипп командовал афинскими кораблями) перешел от Эгины к Делосу и даже здесь, из страха перед численным превосходством персидских кораблей, не считал себя безопасным. Так оставался союзный флот некоторое время у Делоса, пока послы из Самоса и беглецы с Хиоса не убедили его начальников, что они могут освободить малоазиатских греков от власти варваров. С этой целью греческий флот отправился к Самосу. Предводитель расположенного там персидского флота Мандант, не принял предложенного ему греками морского сражения, а перешел к Микале, где находилось сухопутное войско, предназначенное для удержания ионян, вытащил корабли на берег и приказал воздвигнуть вокруг их укрепления. Финикийские же корабли, в верности которых он сомневался, он отослал к Самоса домой.

Узнав об этом, греки решились на нападение. Но предварительно, чтоб ослабить и разделить неприятеля, Леотихид употребил ту же военную хитрость, к которой прибег Фемистокл при Артемизии: он прошел на корабле вдоль берега и послал вестника объявить ионянам, чтобы они во время сражения вспомнили о своей свободе. Леотихид также достиг своей цели. Персы, узнав об этом, сделались еще недоверчивее к ионянам и обезоружили самосцев, которые еще и до этого времени казались им подозрительными; милетцев же они удалили под тем предлогом, что они во время сражения должны занять горный проход.

Между тем греки высадились на берег и подступили к персам, «чтобы, — как говорит Геродот, — сразиться с ними за обладание Геллеспонтом и островами». Такая добыча вполне заслуживала с обеих сторон напряжения всевозможных усилий. Мужество греков увеличивалось еще слухом о поражении Мардония в Беотии; все же усилия персов были ослаблены содействием, оказанным в сражении ионянами своим соплеменникам. Поэтому победа, несмотря на мужественное сопротивление, оказанное в особенности персами при входе в их укрепление, склонилась на сторону греков. Греки нанесли серьезное поражение неприятелям, сожгли корабли и оборонительные постройки варваров и вторично захватили значительную добычу. Затем эллинский флот вернулся к Самосу.

Но лучше всякой добычи для греков, благодаря победе при Микале, было освобождение ионян. Самосцы, лесбосцы, хиосцы и жители других островов были немедленно приняты в союз греков; предложение же пелопоннесцев оставить Азию варварам, а ионян переселить в собственную Элладу, в города и владения тех греков, которые оказались приверженцами персов, было отвергнуто афинянами, не желавшими оставить во власти персов прекрасные приморские берега с их богаты-

ми городами, столь выгодно расположенные для расширения торговли и для дальнейших завоеваний. В то время как Леотихид возвращался домой с пелопоннесцами, афиняне завоевали остров Сест, овладели Херсонесом Фракийским вместе с островами Лемносом и Имбросом и возвратились затем в свое отечество с богатой добычей.

6. Война сицилийских греков с карфагенянами. Гелон (480 г. до Р. Х.)

В это же самое время, подобно грекам метрополии, и греческим поселенцам на прекрасном плодородном острове Сицилии пришлось вести тяжелую войну за свое существование. Война эта затруднялась внутренними раздорами. Сицилийские города были также ареной почти непрерывной междоусобной борьбы партий, которая истощала их лучшие силы. Ближайшим последствием такого положения дел была частая и гибельная перемена образа правления: то республика сменяла тиранов, то тираны сменяли республику. В это время почти всеми сицилийскими греческими государствами правили тираны.

Гелон.

С изображения на античной бронзовой медали.

Между всеми ими в особенности отличался мудрый Гелон, который был владельцем Гелы. Овладев постепенно всем восточным берегом, а также частью северного и южного, он избрал средоточием своего могущества город Сиракузы и распространил его переселением туда знатнейших жителей из многих других покоренных городов. Степень его могущества выказалась как в изложенных уже выше предложениях и требованиях, предъявленных им к грекам во время войны против Ксеркса, так и в счастливом успехе, с которым он отразил в это же время сильное и страшное нападение Карфагена.

Карфагенское государство вместе со многими другими колониями было основано финикийцами еще в древнейшие времена с торговыми целями на северном берегу Африки. В стремлении к расширению своих торговых сношений и к увеличению своего морского могущества карфагеняне должны были столкнуться с сицилийскими греками.

Для успешного начала такой войны карфагенянам показалось как нельзя более благоприятным время, когда царь Ксеркс предпринял нападение на Грецию на суше и на море и тем лишил ее возможности оказать сицилийским грекам какую-либо помощь.

Повод к нападению подали карфагенянам сами греки. Тиран Терилл, изгнанный из города Гимеры, после покорения его тираном

Агригента (Акрагас) Фероном бежал в Карфаген и нашел там защиту и покровительство.

Под предлогом восстановления власти Терилла карфагеняне делали такие серьезные приготовления, что было очевидно, что они заботились лишь для себя и готовились, вдобавок к находившимся уже в их владении Сардинии, Корсике и Южной Испании, завоевать всю Сицилию и распространить свое неограниченное владычество на западную часть Средиземного моря и ее прибрежные области. Они увеличили свой флот и, по обыкновению своему, набрали наемное войско в Африке, Испании, Сардинии, Корсике и на Балеарских островах, так что, по свидетельству, без сомнения, преувеличенных показаний, численность его доходила до 300 000 человек.

С этими силами карфагенский полководец Г а м и л ь к а р прибыл в Гимеру в том же году, в котором Ксеркс выступил против Греции.

Гелон и Ферон выступили против него с 50 000 пехоты и 5000 конницы. Гелону удалось сжечь карфагенский флот. Благодаря этому, а также и смерти Гамилькара сухопутное войско было приведено в такое расстройство, что произведенное на него со стороны греков нападение увенчалось полным успехом. Карфаген вынужден был заключить мир, по которому он заплатил 2000 талантов (около 700 000 рублей) военных издержек, но удержал свои колонии на острове Сицилии.

Каким почетом и доверием пользовался между своими согражданами Гелон благодаря своему кроткому и мудрому правлению, в этом вскоре пришлось ему убедиться самым блестящим образом. Созвав всех вооруженных сиракузян в народное собрание, сам он, без всякого оружия, вззошел на кафедру, отдал подробный отчет в своем управлении государством во время мира и войны и отдал себя и судьбу детей своих в их руки. Тогда народ приветствовал его громкими восклицаниями как спасителя и благодетеля страны и требовал, чтобы он продолжал властвовать над ним. Он умер в 478 году, и память его долго еще чтити повиновением брату его, знаменитому Г и е р о н у (умер в 467 году). Гиерон принял в союз с Сиракузами и Агригент, после того как отнял его от своего третьего брата, Ф р а з б у л а, который своим кратким восьмимесячным исполненным жестокости правлением представил разительную противоположность с Гелоном. Статуя Гелона, воздвигнутая ему, как народному герою, сохранялась невредимой даже и тогда, когда вновь пробудившийся всеобщий дух свободы изгнал тиранов не только из Сиракуз, но и из всех городов острова Сицилии.

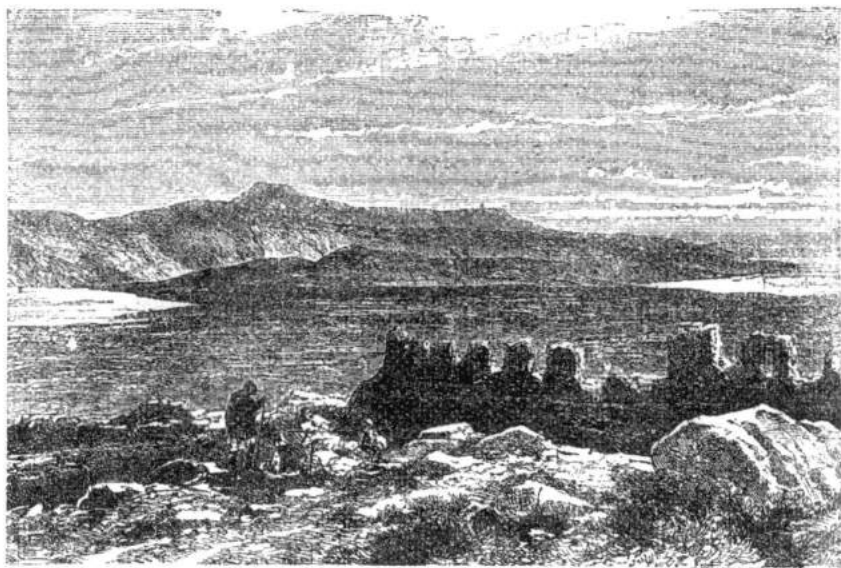

Гамилькар.

С изображения на античной монете.

7. Фемистокл, Павзаний, Аристид. Господство афинян на море (478—477 гг. до Р. Х.)

Великая борьба, которая произвела столь сильное движение в греческом народе, должна была неизбежно повлиять на внутреннюю и внешнюю жизнь эллинов и изменить направление их истории. Несметная добыча золотом и другими драгоценностями, доставшаяся правительствам и частным лицам вследствие победы над персами, изменила имущественное положение и прежнюю меру богатства и благосостояния. Явилось стремление придать внешней жизни более изыс-

Коринфский перешеек.

канные формы. Подобно тому как отдельный человек всегда носит в себе воспоминания о прошедшей жизни, так и греки умели найти средство сохранить в сознании народа воспоминания обо всех этих дославных делах.

Средство это доставила им религия, которая связала воспоминания о них с почитанием богов. Набожные греки, приписывая спасение свое исключительно помощи богов, ежегодно праздновали достопамятные дни священными торжествами; некоторые же из этих дней сохранялись в памяти благодаря всякого рода памятникам. На Марафонском поле один греческий путешественник, Павзаний, еще в 170 году до Р. Х. нашел два надгробных памятника; на десяти столбах одного из них можно было прочесть имена павших там афинян, на другом — имена платейцев и рабов; Мильтиад же был почтен особой гробницей.

Память о нем и о других героях живо напоминали ежегодно совершаемые поминовения о павших. Местность при Фермопилах была украшена памятниками, которые напоминали о «четыре тысячи пелопоннесцев, сражавшихся здесь против три тысячи раз и тысячи» и о «300 спартанцах, положивших здесь живот свой, повинувшись законам Отечества».

Прах Леонида был перенесен самим Павзанием в Спарту, где ежегодно произносились речи в воспоминание героя. Платейцы каждый год праздновали всенародно память павших при Платее и приносили в жертву богам — покровителям отечества и теням усопших (то есть отлетевшим душам) своих героев первые плоды, причем не смел служить

Развалины Дельф.

ни один раб, так как герои эти пали здесь за свободу. Платейцы же возобновили на 80 талантов серебра, полученных ими при разделе персидской добычи, сожженный храм Афины; этот храм и украшавшие его картины историк Плутарх видел еще шестьсот лет спустя. Все важные и часто посещаемые места, как например храм Олимпийский, Коринфский перешеек и в особенности храм в Дельфах, напоминали многими памятниками, сооруженными большей частью на вырученные от добычи деньги, о том достопамятном времени, когда эллины имели право гордиться своим именем.

Но ни одно государство не приобрело больше прав на осознание чувства собственного достоинства, как Афины. Они самым блестящим образом сумели устоять в борьбе с грозной силой и соблазнами варваров. На долю Афин выпал прекраснейший памятник воспоминания, в них вззошли посеянные в военную грозу, орошенные кровью варваров, семена новой жизни и развития, ознаменованные блистательными подвигами. Великий и творческий дух Фемистокла умел продолжать

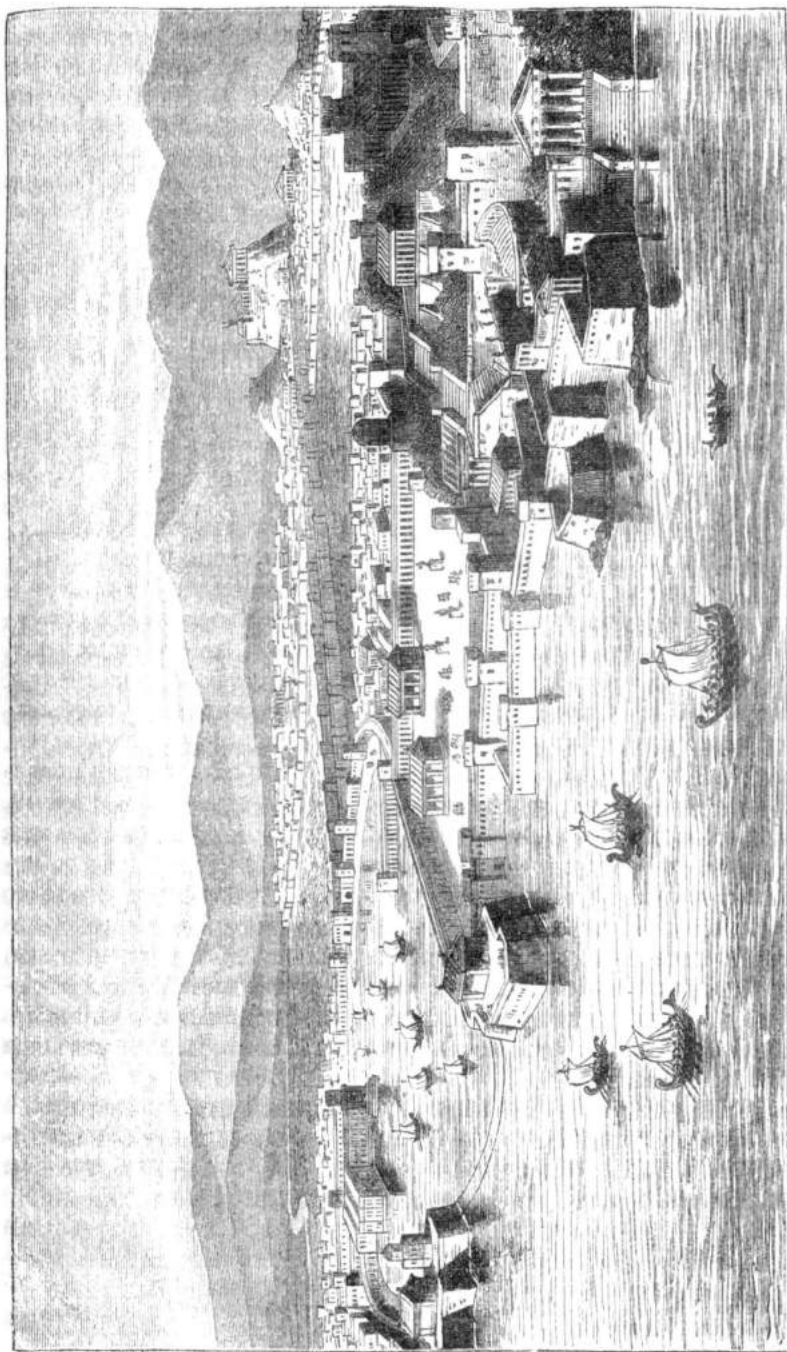
начатое дело с той же мудростью, искусством и способностями, которые он выказал до и во время Персидской войны. В то время как афиняне возвратились в свой разрушенный город и помышляли только о постройке жилищ, Фемистокл обратил внимание на общее благо и будущность всего государства. Теперь, как и до Персидских войн, Афины не были защищены в случае нападения неприятеля. И как легко и скоро могла наступить для Афин опасность со стороны честолюбивой и завистливой Спарты, встретившей теперь соперника в деле старинных притязаний ее на гегемонию! Разобрав сущность дела, Фемистокл добился согласия народа на отсрочку постройки каких бы то ни было зданий до тех пор, пока город не будет окружен крепкой и протяженной стеной.

Эти приготовления не укрылись от бдительных взоров спартанцев. Они стали доказывать афинянам, что Пелопоннес может служить достаточным убежищем при всяких военных опасностях, что возводимые стены в случае иноземного вторжения послужат неприятелю укрепленным местом для склада запасов и оружия, каким для персов в последнюю войну были Фивы. Вместо возведения стены вокруг своего города афиняне поступили бы благоразумнее, если бы помогли разрушить все стены, которые существуют вне Пелопоннеса.

Афиняне по совету Фемистокла обещали отправить в Спарту послов для рассмотрения этого дела и в то же время ревностно продолжали заниматься постройкой стен. Вместе с рабами работали свободные граждане, их жены и дети. Работники сменялись днем и ночью, складывали стены из обломков развалин кое-как, и вся постройка носила на себе следы поспешности, с которой она возводилась.

Между тем сам Фемистокл отправился в Спарту в качестве посла, а остальные два сотоварища по посольству должны были оставаться в Афинах и не уезжать до тех пор, пока стены не будут возведены до необходимой высоты. Прибыв в Спарту, Фемистокл не тотчас вступил в переговоры, извиняясь в том отсутствием своих товарищей, без которых он ничего не может предпринять.

Когда же пришло известие об успешном завершении стен, а спартанцы сделались нетерпеливее, Фемистокл дал делу новое направление. Он предложил спартанцам самим отправить послов в Афины для ближайшего исследования дела на месте. Так и было сделано. Тогда Фемистокл немедленно тайно дал знать афинянам, чтобы они задержали спартанских послов в качестве заложников за него и за прибывших в это время других двух афинских послов: Аристида и Аброниха. Затем Фемистокл смело объявил в спартанском сенате со всей открытостью афинского гражданина, что: «город их настолько окружен теперь стеной, что в состоянии защищать своих жителей. Спартанцам-де и их союзникам следует смотреть на афинян, как на людей, которые сами могут решать, что полезно для них и общего блага. Они и без приглашения спартанцев имели довольно решимости покинуть свой город и пойти на корабли, когда сочли это нужным. И теперь они сочли не-

Вид Афин с Пиреем и длинными стенами.
(Реставрация).

обходимым окружить город стеной как для блага собственных граждан, так и для блага всех союзников, потому что без такого равноправия в совещаниях об общих делах не будет существовать ни права, ни справедливости. Поэтому или все союзники должны иметь открытые города (без укреплений), или им должно быть разрешено иметь укрепления». Спартамцам пришлось скрыть свое неудовольствие; они отпустили послов, но с этой минуты питали непримиримую ненависть к Фемистоклу.

Итак, Афины были защищены на случай нападения. Теперь следовало позаботиться о том, чтобы они достигли гегемонии на море. То была цель, на которую Фемистокл еще со времени битв при Артемизии и Саламине не переставал обращать внимание народа. Для достижения этой цели афиняне устроили поблизости гавань, для чего воспользовались Пирейской бухтой, которая потребовала, благодаря своим природным качествам, лишь небольшого труда для обращения ее в прекрасную и обширную гавань. Работа производилась так поспешно, что спартамцы, прежде чем успели сделать запрос по этом делу, вторично увидели возвышавшиеся стены, которые были еще крепче городских стен и делали Афины неприступными и с суши, и с моря. Кроме того, Фемистокл убедил народ постановить решение об ежегодном увеличении флота двадцатью гребными судами и об освобождении метеков, в случае поступления их в морскую службу, от всяких налогов, причем последняя мера имела целью и увеличение народонаселения.

В то время как в Спарте не допускалось продолжительное пребывание чужеземцев, а тем более водворение их на постоянное жительство, в Афинах они пользовались свободой и довольно обширными правами. Каждый чужеземец, пробывший в Афинах определенное время, поступал в разряд «покровительствуемых» (метеков). Положение их в этом городе, как сосредоточии эллинской образованности, было настолько привлекательно, что число метеков в 309 году возросло до 10 000 человек. За оказываемое государством покровительство они платили умеренный налог: мужчины по 12, а вдовы только по 6 драм. В отношении занятий ремеслами, торговлей и промышленностью права их были неограниченны, и государство благодаря этому извлекало для себя значительные выгоды от скопления в нем больших капиталов и рабочей силы сил.

Предприимчивый дух афинян, проявившийся с такой энергией и решимостью в Персидскую войну и всего ярче выразившийся в Фемистокле, позволил им далеко распространить свое влияние за пределы их отечества и заставил остальных греков признать, что не спартамцы с их консервативным государственным устройством и присущими им надменностью и притязательностью, а афиняне призваны быть руководителями великой борьбы Греции с персами. Однако убеждение это впервые обнаружилось в то время, когда уверились в измене спартамца П а в з а н и я, победителя при Платее.

Во главе союзного флота, который признавал еще главное начальство Спарты, Павзаний вместе с афинскими кораблями, находившимися под начальством Аристидом и юного К м о н а, сына Мильгиада, отправился для окончательного освобождения островов и берегов Геллеспонта от остававшихся еще там персов. Без особого труда были изгнаны варвары с острова Кипр и из Фракии и была покорена Византия (нынешний Константинополь). Здесь были взяты в плен многие знатные персы и в числе их даже родственники самого персидского царя. Самовольно, без ведома союзников, при посредстве одного эретрийца Гонгила Павзаний отправил их обратно к Ксерксу и послал ему письмо с извещением, что он готов подчинить Грецию власти царя, если тот согласится выдать свою дочь за него замуж, и просил прислать для дальнейших переговоров надежного человека. Ксеркс обрадовался этому предложению и отправил к Павзанию в качестве посредника сатрапа А р т а б а з а.

С этих пор Павзаний не воздерживался и выказывал своим соотечественникам презрение и недоброжелательство. Он облачился в персидскую одежду, завел персидский стол и с гордой надменностью начал сторониться своих единоплеменников. «В обращении его, — говорит Фукидид, — уже и теперь проглядывало то, что он намерен был осуществить вполне впоследствии». Такие поступки возбуждали всеобщее негодование. Пелопоннесские союзники вернулись домой, жители же островов и ионяне, соплеменники афинян, предложили главное начальство А р и с т и д у, сумевшему, в противоположность Павзанию, приобрести их доверие своей кротостью, и отдались под покровительство Афин.

Хотя Спарта тотчас же отозвала Павзания и послала на его место Доркиса, но союзники отказались повиниться ему, и спартанцы, вернув все свои войска, предоставили афинянам вести войну с персами. Афиняне заключили с ионическими островами и городами, а впоследствии с эолийскими и дорическими государствами большой морской союз, который превосходил своими силами союз пелопоннесский, состоявший под предводительством Спарты. Однако Аристид не решился тотчас же назначить сборное место для новых союзников. Чтобы отдалить всякую мысль о господстве, он предпочел избрать для этого остров Делос как потому, что он почитался священным местом всех греков ионического племени, так и потому, что он благодаря своему знаменитому храму Аполлона и своим прославленным празднествам служил обычным местом собрания для греков. В этом храме отныне должны были происходить общие собрания союзных уполномоченных и храниться деньги, которые афиняне требовали для продолжения войны с персами. Распорядители этих денег назывались э л л и н о т а м и я м и, то есть казначеями эллинов. В первом же собрании на острове Делосе Аристид¹ удостоился со стороны союзников такого высокого

¹ Бескорыстие Аристидом лучше всего было доказано тем, что оставшегося после него имущества не хватило даже на его погребение, и государство должно было принять на себя заботу о содержании его семьи и о воспитании его дочерей.

доверия, что они предоставили ему почетную должность главного казначея и главного распорядителя ежегодных денежных взносов и постройки кораблей. Эти денежные взносы достигли свыше 406 талантов (более миллиона руб.).

Таким образом Афины получили в свое распоряжение такие силы, что в скором времени сделались страшны грекам и в особенности Спарте.

Между тем жалобы союзников на Павзания были рассмотрены эфорами, и Павзаний был принужден за превышение власти к денежному штрафу. Но доказательства, на основании которых можно было бы обвинить его в главном преступлении — государственной измене, показались недостаточными. Павзаний был освобожден и тотчас же самовольно снова отправился в Византию. Там он вновь вступил с Артабазом в подозрительные сношения. Его вторично вызвали в отечество по доносу одного из илотов, который показал, что Павзаний обещал им свободу и права гражданства, если они примут участие в задуманном им перевороте в Спарте. Павзаний повиновался приказанию, был заключен под стражу, но эфоры в скором времени снова выпустили его на свободу, так как не могли признать показание раба достаточным доказательством виновности столь высокопоставленного лица в таком тяжком преступлении. Эта снисходительность сделала изменника еще более смелым. Он продолжал даже из самой Спарты вести свои переговоры с Ксерксом.

Наконец Павзаний был уличен в своих изменнических сношениях. Один житель Аргила должен был доставить письмо его к Артабазу. Аргилцу показалось странным, что ни один из посланных, отправленных для тайной передачи писем, не вернулся. В нем возникло подозрение; он осторожно вскрыл письмо и нашел в нем требование, чтобы податель его был немедленно умерщвлен. Ожесточенный таким открытием, он передал письмо, заключающее в себе целый ряд указаний на государственную измену, эфорам. Но эфоры все еще не верили; они хотели лично удостовериться в справедливости такого факта. С этой целью было решено устроить Павзанию ловушку. Аргилец, согласно приказанию эфоров, удалился на двор храма Посейдона на мысе Тенаре. Здесь он поместился в хижине, как просящий защиты. Хижина была разделена перегородкой, за которой спрятались некоторые из эфоров. Получив известие о бегстве своего слуги, Павзаний немедленно пустился за ним. Аргилец стал укорять его в том, что он требовал умертвить его, своего верного слугу. Павзаний раскаялся и просил простить его и как можно скорее исполнить его поручение.

Эфоры все слышали и решили взять Павзания под стражу тотчас по возвращении его в город. Но когда они приблизились к нему на улице, он убежал от них и скрылся в храме Афины. Из такого убежища нельзя было заставить преступника выйти даже силой. Поэтому решено было разобрать крышу и запереть храм, чтобы уморить Павзания голодом.

Его родная мать должна была принести первый камень, чтобы завалить входную дверь. Только перед самой смертью, чтобы труп его не осквернил это священное место, его, уже умирающего с голоду, вынесли из храма. Когда он умер, спартанцы хотели сначала бросить тело его в пропасть, в которую бросались осужденные преступники, но по совету оракула похоронили там, где он умер (467 г. до Р. Х.).

Гибель этого изменника оказалась роковой и для Фемистокла. Спартанцы, ненавидевшие Фемистокла за постройку стен, обвинили

Фемистокл отправляется в изгнание.

его в соучастии в измене своего царя; они могли надеяться на успех своей жалобы, потому что у Фемистокла в Афинах были многочисленные и сильные противники.

Совершив такое великое дело, как возвышение своего отечественного города, великий человек сам преступил меру равенства, а этого демократический дух Афин не мог снести ни от какого гражданина. Вскоре он сделался предметом страха и недоверчивости народа, постоянно опасавшегося за свою свободу. Чувства эти со времени Персидских войн еще более укоренились в народе, так как после борьбы, веденной общими силами, еще сильнее чувствовалась необходимость равномерного и равноправного участия всех в общем деле. Поэтому, когда вскоре после сражений при Саламине и Платее занятие должностей и в особенности должности архонта, по всеобщему требованию и

при содействии Аристиды, сделалось общедоступным правом¹, то народ на все напоминания Фемистокла о своих заслугах возражал, что заслуги эти принадлежат не ему одному, а составляют общее достояние. Ко всему этому присоединилось неудовольствие многих знатных семейств, которые лишились в смутное военное время своих богатств и недружелюбно относились к другим и в особенности к Фемистоклу, достигшим теперь богатства и блестящего положения. Кроме того, были люди, смотревшие, подобно Кимону, с иной точки зрения на отношения Афинского государства к Персии и Спарте.

Фемистокл должен был уступить столь многочисленным соединившимся против него силам. Однако, призванный к суду, он после блестящей защиты от спартанских обвинений был оправдан и снова приобрел полное всеобщее уважение. Но противники Фемистокла, во главе которых стоял Кимон, настояли вскоре на изгнании его остракизмом (470 г. до Р. Х.). Фемистокл покинул Афины и поселился в Аргосе, откуда посетил многие пелопоннесские города.

Спартанцы, постоянно опасаясь своего противника, тотчас по изобличении Павзания в измене возобновили свои жалобы в Афинах, вследствие чего оба государства послали людей в Аргос арестовать Фемистокла. Узнав об этом, Фемистокл бежал сначала на остров Керкиру, жителям которого он оказал в прежнее время значительные услуги. Страшась гнева Афин и Спарты, они не решились доставить ему у себя убежище, но зато помогли ему бежать в Эпир.

В таком затруднительном положении он решился искать убежища у Адмета, царя моллоссов, с которым прежде находился в неприязненных отношениях. Фемистокл не застал его дома и в ожидании царя сел, по совету царицы, с малолетним сыном на пороге, как проситель. Тронутый его видом, Адмет обещал изгнаннику свое покровительство и сдержал свое слово даже тогда, когда афиняне и спартанцы потребовали его выдачи. Затем, отпустив Фемистокла по собственному его желанию к персидскому царю, он отправил его под защитой охранной стражи в македонский город Пидну.

Отсюда Фемистокл отправился на отходившем корабле в Ионию. Но буря пригнала его к Наксосу, где был расположен афинский флот. Страшась всего, если его откроют, Фемистокл объявил корабельщику свое имя и обещал ему большую награду, если тот согласится спасти его. Корабельщик исполнил желание Фемистокла и благополучно до-

Фукидид.
С античного бюста.

¹ С отменой этого преимущества первых трех классов был сделан последний шаг к довершению демократического образа правления, то есть к опасной равноправности всех граждан.

ставил его в Эфес. Отсюда Фемистокл отправился в Сузу и в то же время письменно известил о своей судьбе только что перед тем вступившего на престол Артаксеркса¹. Затем, достаточно ознакомившись в течение одного года с персидским языком и обычаями, он испросил у царя аудиенцию. Он был хорошо им принят и, по персидскому обычаю, получил доходы с трех городов: Магнезия должна была доставлять ему хлеб, Лампсак — вино, а Мий — рыбу и овощи. Владея этими городами, Фемистокл прожил еще некоторое время и умер в Магнезии в 460 году или от болезни, или от принятого им самим яда. На последнее указывают те, кто утверждает, что Фемистокл обещал будто бы царю покорить Грецию, но когда пришлось приступить к делу, нашел это невозможным и непатриотичным. Из того обстоятельства, что родственники Фемистокла по его завещанию перенесли останки его в Аттику, можно заключить, что любовь к отечеству никогда в нем не умирала. Да и не могло быть никакого сомнения в том, что такой человек, как Фемистокл, о котором Фукидид говорит, что он одной душевной силой, без научного образования, лучше всех умел найти в минуту крайности и вернее всех предугадывал будущее, и в Азии размышлял и действовал со свойственным ему благоразумием и сообразно своей прежней достославной жизни.

8. Правление Кимона. Победа при Евримедоне (473—469 гг. до Р. X.)

Кимон, сын Мильтиада, благодаря своему происхождению и способностям сумел, вместе с Фемистоклом и Аристидом, рано обратить на себя внимание народа. Когда при вторжении персов Фемистокл старался убедить афинян покинуть город и искать спасения на кораблях, Кимон, со своей стороны, постарался склонить народ к этому решению; с этой целью он отправился со своими друзьями в храм Афины и повесил там узду в знак того, что теперь не было уже более надобности в верховой езде. Освободившись по изгнании Фемистокла от соперника своей славы и противника своих политических убеждений, Кимон явился самым влиятельным лицом во главе Афинского государства и получил возможность совершенно спокойно проводить свои идеи.

Каковы были его политические убеждения, можно заключить уже из того, что Кимон принадлежал к партии Аристида и, пока был жив последний, действовал с ним сообща и совершенно согласно. Затем в

¹ Письмо, посланное Фемистоклом персидскому царю, гласило следующее: «Я, Фемистокл, являюсь к тебе; из всех греков я причинял всего больше несчастья вашему дому, пока должен был защищаться от нападения твоего отца; но как только я очутился в безопасности, а он подвергался беспрестанным опасностям, то я оказывал ему больше всех добра. Теперь, преследуемый эллинами за дружбу к тебе, я являюсь, чтобы оказать тебе величайшую услугу. Но о цели моего прибытия открою только лично тебе по прошествии одного года».

стремлениях Кимона проявились два определенных направления. В делах внутреннего государственного управления он старался противодействовать дальнейшему развитию демократических начал и сохранить первоначальное устройство Солона. Устройство это по своей суровости и твердости более приближалось к спартанским учреждениям, к которым Кимон всегда относился с уважением. Он умел привлечь на свою сторону народ щедро раздаваемыми подарками. «Часто, — говорит Плутарх, — одному из провожатых его приходилось снимать с себя верхнюю одежду, чтобы отдать ее бедному. Он держал для сограждан

Кимон.

ежедневно открытый стол и приказал сломать заборы, окружавшие его сады, для того, чтобы каждый мог пользоваться их плодами; его всегда сопровождали слуги с деньгами, чтобы можно было тотчас подать что-нибудь каждому, просящему милостыню и т. д.». В делах внешних Кимон постоянно старался продолжать наступательную политику Греции против Персии и с этой целью заботился о поддержании прочных и мирных отношений между греческими государствами и в особенности между Афинами и Спартой, как двумя главными, взаимно друг друга дополнявшими, государствами Греции. Война с Персией была любимейшей идеей Кимона, на осуществление которой он отдал все свои силы.

Первым подвигом его было завоевание города Эйона на фракийском берегу. Благодаря этому приобретению Афины завладели плодородной областью, в которой афинские граждане, привлеченные изобилием в стране строевого леса, золотыми и серебряными рудниками, основали впоследствии важную колонию Амфиполь. Потом Кимон покорил разбойничий остров Скирос, поселил там афинских граждан, а оттуда привез в Афины останки царя Тезея. Город Карист на Эвбее и остров Лемнос были также завоеваны. Но славнейшим подвигом Кимона остается его победа над персами при реке Евримедоне в Памфилии в 466 году до Р. Х.

В это время в Персии среди царствовавшей фамилии свирепствовали кровавые раздоры. Сам Ксеркс совершенно погряз в роскошной, преисполненной интриг жизни своего двора и не обращал никакого внимания на управление своим государством. Персы не принимали никаких действительных мер, чтобы остановить завоевания греков. Только тогда, когда Кимон во главе своего войска и флота необычно-

венно счастливо начал наступательную войну в Карии и Ликии, покорил многие города и прогнал оттуда персидские гарнизоны, персы обратили на него свое внимание.

Они собрали на реке Евримедоне сухопутное войско и флот, которые должны были значительно усилиться с прибытием 80 финикийских кораблей. Узнав об этом, Кимон решился, прежде чем персы получат это подкрепление, вступить с ними в морское сражение. Персы, по тем же причинам боясь вступить в бой, ввели свои корабли обратно в реку, отдали после непродолжительной схватки значительную часть их в руки греков и соединились с сухопутным войском. Кимон немедленно повел против персов своих воинов, воодушевленных счастливым успехом. Произошла ожесточенная битва, и одержанная наконец греками победа была куплена ими потерей многих способных и храбрых мужей. Но зато оставшиеся в живых, и в особенности Кимон, кроме богатой добычи, приобрели себе редкую славу, в один день одержав две победы. Кимон совершил свой блистательный подвиг тем, что тотчас же поспешил к Кипру и потопил находившиеся там финикийские корабли.

Таким образом персы на долгое время были вытеснены из греческих морей, а малоазиатские греческие города освободились от платежа дани «великому царю». Однако война все-таки продолжалась, несмотря даже на то, что персы, за истощением военных средств, вынуждены были приостановить со своей стороны военные действия.

Равноправность в отношениях между Афинами и союзными городами и островами теперь постепенно исчезла и перешла в отношения господствующих к подвластным. Афиняне находили это совершенно естественным и оправдывали новые отношения своими прежними заслугами. Происходившие до тех пор в Делосе общественные совещания были заменены теперь простыми распоряжениями и приказами из Афин. Денежные взносы и поставка кораблей и войск требовались с беспощадной строгостью; тем же, кто вздумал бы сопротивляться, грозил пример Наксоса и Фазоса. Оба эти острова были покорены силой оружия и должны были залатать большую денежную пенью, выдать свои корабли и срыть стены.

Стесненное положение союзников было следствием собственного их неблагоприятия. Вследствие лени и привычки к спокойствию они скоро утомились трудной морской службой и согласились на хитрое предложение Кимона заменить поставку кораблей и экипажа денежными взносами. Союзники не замечали, что через это сами они теряли воинственный дух и передавали полную власть над собой афинянам, которые строили на их деньги корабли и вооружали их своими людьми. Союзники заметили это только тогда, когда они оказались совершенно подавленными, и всякая попытка освободиться от тяжелого гнета вследствие их собственного бессилия сделалась невозможной.

Теперь им ничего более не оставалось, как искать спасения в постоянной помощи. Возвышение могущества Афин пробудило с новой

силой старинную зависть в сопернице их Спарте, и на ее-то помощь возложили союзники все свои надежды. Спартанцы были готовы вмешаться в дело еще тогда, когда фазосцы во время упомянутой выше войны своей с Афинами предлагали им произвести нападение на Аттику. Но внезапное собственное несчастье — землетрясение и восстание илотов — поставило спартанцев в такое положение, что они сами вынуждены были искать помощи у Афин.

9. Перикл. Третья Мессенская война. Падение Кимона (464—401 гг. до Р. Х.)

Гениальный и творческий дух Фемистокла возродился с новой и более совершенной силой в П е р и к л е, сыне Ксантиппа, победителя при Микале. Этот единственный в своем роде человек был наделен всеми правами знатного происхождения и высшими природными дарованиями. Уроки философа Анаксагора развили в Перикле в высочайшей степени способность мышления и

*Перикл.
С античного бюста.*

в то же время необыкновенные благородство и глубину мыслей. В этой же философской школе он приобрел такое увлекательное красноречие, что силу его речи современники сравнивали с громом и молнией, а слушатели пленялись им как произведением расцветавших в Афинах наук и искусств. Завоевав себе славу продолжительным участием в военных предприятиях, Перикл вступил в управление государством, но с совершенно иными политическими убеждениями и взглядами, чем Кимон, частым и продолжительным отсутствием которого, по случаю военных предприятий, он воспользовался для проведения своих идей.

С какой ревностью занимался Перикл государственными делами, показывает нам свидетельство Плутарха, что Перикла можно было видеть только по дороге на площадь и в здание совета. Он отказывался почти от всех приглашений и отдал на откуп все свои имения для того, чтобы управление ими не мешало ему заниматься делами государственными.

Первым и важнейшим делом, предпринятым Периклом для большего развития демократии, было нападение его на А р е о п а г. Это учреждение было величайшей и самой прочной опорой аристократической партии, когда во главе ее стоял Кимон. Для того, чтобы сделать государственное устройство вполне демократическим, надлежало со-

крушить силу Ареопага. Но к этому делу Периклу приходилось приступить со всей осторожностью, так как по совершении его он благодаря силе своего таланта получил бы возможность управлять государством, как самодержавный монарх. Поэтому в то время, когда Кимон во главе своего войска находился во Фракии, Перикл поручил Эфиальту (в чем также выразилось благоразумие Перикла — выставляться самому на вид как можно реже) предложить народу отнять у Ареопага высший надзор за государственными учреждениями и правами граждан, то есть лишить его той деятельности, за которую он был прозван «совестью афинского народа», — и в особенности распоряжение государственной казной и ограничить круг его действий только отправлением правосудия. Народ, к которому вследствие такой перемены переходила высшая и неограниченная власть, согласился на предложение, — и с этих пор Ареопаг стал существовать лишь в качестве судебного учреждения. Этим распоряжением уничтожился благотворительный противовес власти народного собрания, и грозная опасность вырождения демократии в охлократию (владычество черни) не могла более встретиться на пути своем никакой задержки.

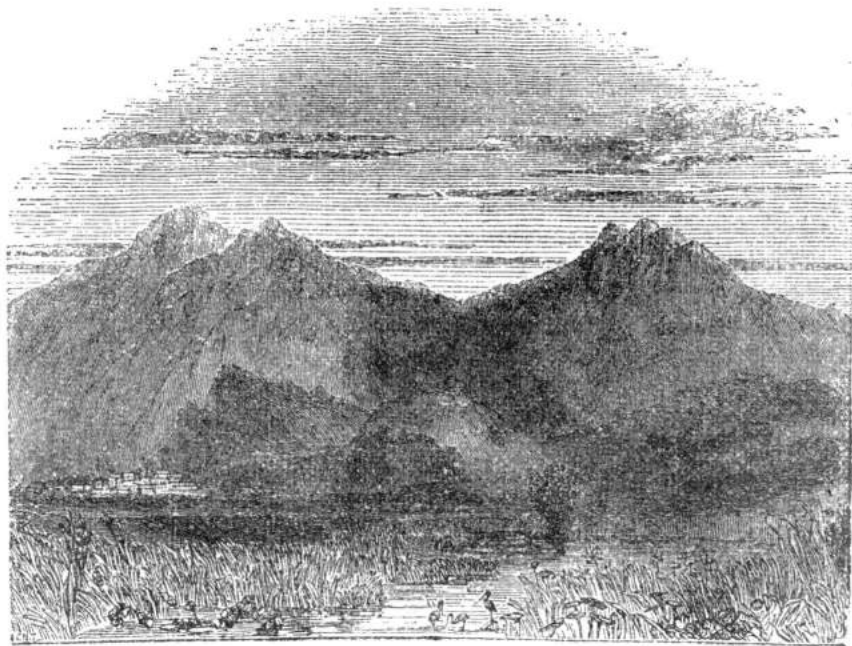
Кимон не скрывал своего неудовольствия на законодательную реформу, но не мог уже остановить ее. Его собственная звезда начинала уже склоняться и вследствие внезапных происшествий в Спарте должна была скоро совершенно закатиться.

Ужасное землетрясение (465 г. до Р. X.) привело Спарту на край гибели. Почти весь город был разрушен; множество людей погибло. Этим неожиданным несчастьем, которое произвело всеобщее замешательство, как благоприятным случаем для избавления себя от невыносимого ига, воспользовались тысячи илотов, пребывавших в гнетущем рабстве. Они вооружились и готовы были общими силами напасть на Спарту. Опасность была велика, но она была предотвращена благоразумием царя А р х и д а м а. Предвидя возможность такого нападения, он призвал спартанцев к оружию и расположил их на городской площади в боевом порядке. Илоты, рассчитывавшие напасть на Спарту врасплох, скоро отступили, но заняли хорошо укрепленную Мессенскую крепость И т о м у, стены которой при неискusstве тогдашних спартанцев в осадном деле могли служить им прочной защитой. Таким образом началась Третья Мессенская война (465—455 гг. до Р. X.).

В этой крайности спартанцы обратились за помощью ко всем союзникам и в особенности к афинянам, которые считались самыми опытными в осадном искусстве. В Афинах П е р и к л и Э ф и а л ь т самым энергичным образом высказались против посылки вспомогательного войска, так как они в унижении Спарты видели торжество афинян и демократии. Но Кимон, дружески расположенный к спартанскому народу и его государственным учреждениям, убедил афинян принять противоположное решение. Он утверждал, что «не следует лишать Грецию одной ноги и делать ее хромой, а Афинам допустить погибнуть

коню, составляющему с ними одну упряжку». В порыве патриотизма решено было послать на помощь спартамцам 4000 гоплитов под начальством Кимона.

Но афиняне обманулись в своих ожиданиях на подобную же патриотическую встречу со стороны спартанцев. Когда осада Итомы, несмотря на афинскую помощь, затянулась, спартанцы сделались подозрительны: они опасались, что подобные предприимчивые, склонные к нововведениям воины могут войти в соглашение с неприятелем и сделаться для них весьма опасными. Удержав при себе остальных со-

Итома в Мессении.

юзников, спартанцы отпустили афинян под предлогом, что больше в них не нуждаются.

Это оскорбление, по мнению афинян, несколько ими незаслуженное, возбудило в них величайшее неудовольствие, и этот случай можно считать моментом, с которого началась столь долго сдерживаемая вражда между обоими государствами. Афины немедленно расторгли союз со Спартой, заключенный во время Персидской войны, и заключили новый с Аргосом, наследственным врагом Спарты и соперником ее могущества в Пелопоннесе. Что касается Кимона, то он в насмешку был прозван «другом лакедемонян» и в скором времени изгнан из Афин на десять лет остракизмом разгневанного народа (460 г. до Р. Х.).

Без сомнения, неприятельские действия между Афинами и Спартой начались бы тотчас же, если бы все силы обоих противников не были отвлечены в это время в другую сторону. Спарта была занята осадой хорошо укрепленной и мужественно защищаемой Итомы и должна была допустить своего смертельного врага Аргос покорить и разрушить города Микены и Тиринф. Десять лет держались мессенцы в Итоме. Наконец они сдали крепость спартамцам, выговорив себе свободный выход с женами, детьми и со всем имуществом. Афинский полководец Толмид охотно принял беглецов и отвел им для жительства только что завоеванный перед тем приморский город **Н а в п а к т**.

Афины еще до этого времени были заняты смелым предприятием в Египте. Желая поддержать восстание против персов ливийского царя Инара, они отправили к нему на помощь 200 трирем. Этим обстоятельством воспользовалась всегда враждебная им **Э г и н а**, но совершенно безуспешно. Афиняне победили эгинцев в морском сражении, высадились на их остров и осадили их главный город. Эгинцы принуждены были покориться, выдать корабли, срыть свои стены и обязались платить афинянам ежегодную дань (456 г. до Р. X.).

Но египетский поход кончился несчастливо (457 г. до Р. X.). **А р т а к с е р к с I**, по прозванию «Макрохир» (Долгорукый), снова ожививший силы своего государства, послал в Египет сильное войско и скоро одолел египтян. Греки были выгнаны из Мемфиса и заперты на острове **П р о с о п и т и д е**. Здесь персидский полководец **М е г а б а з** осаждал их полтора года и победил наконец тем, что отвел течение Нила, вытащил корабли на берег и завладел островом. Афиняне потерпели полное поражение; только немногие из них спаслись бегством через Ливию в Кирену. Ливийский царь Инар был распят на кресте, и Египет, кроме некоторых болотистых мест, где держался некто Амиртей, снова подпал под персидскую власть.

10. Борьба между Спартой и Афинами. Сражение при Танагре. Смерть Кимона (456—449 гг. до Р. X.)

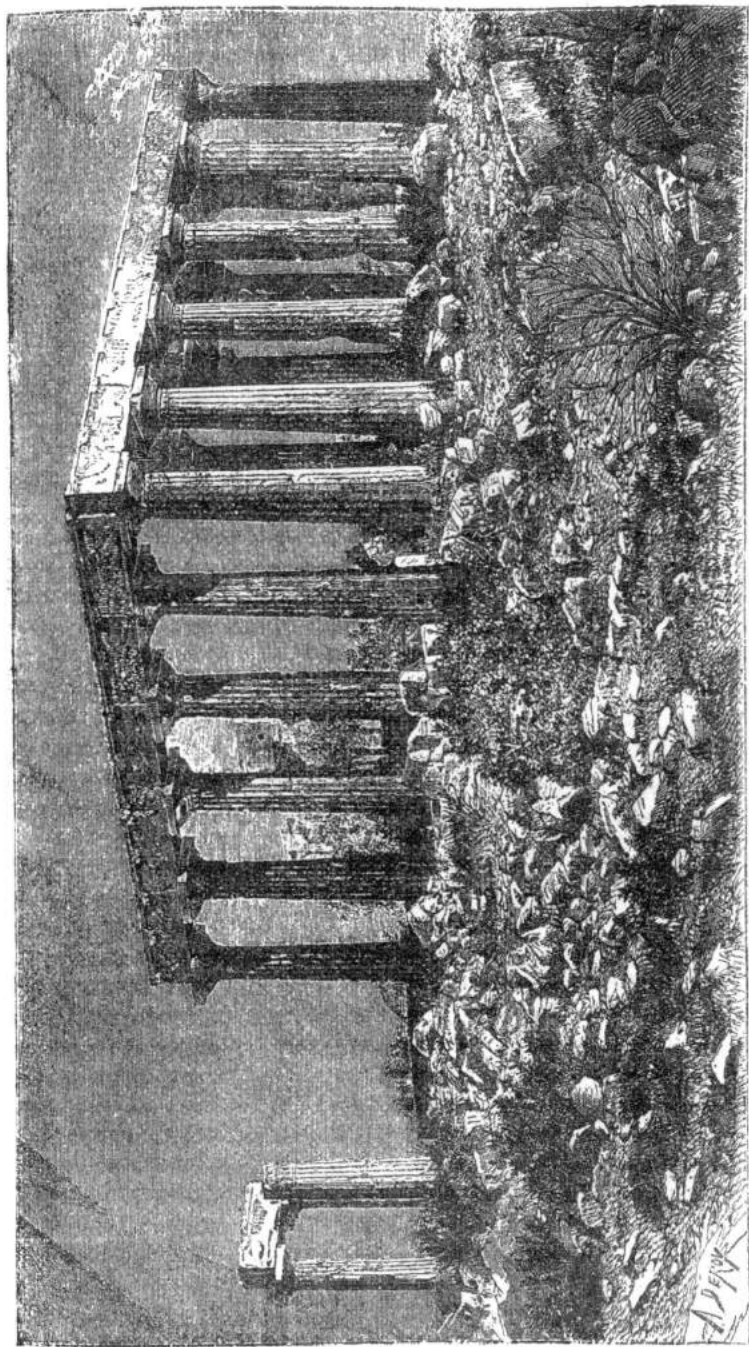
В скором времени произошло и непосредственное враждебное столкновение между Спартой и Афинами. Когда возникла вражда между Доридой и Фокидой, спартамцы пошли на помощь к первой из них, как своему древнему отечеству и после непродолжительной борьбы вытеснили фокейцев из одного завоеванного ими дорического города. Афинянам показалось, что поход этот был предпринят не без задней мысли. Действительно, спартамцы имели в виду возвратить при этом Фивам утраченную ими вовремя Персидских войн силу, чтобы иметь возможность воспользоваться ею против Афин. Поэтому афиняне преградили спартамцам обратный путь на море и на суше. Афинский флот занял Криссейский залив, а сухопутное войско перешек.

Сверх того было собрано войско под начальством Перикла, подкрепленное 1000 аргивян и отрядом фессалийских всадников. Просьба Кимона о разрешении участвовать в качестве гоплита в предстоявшем сражении была отвергнута из подозрения его в лаконизме (то есть в пристрастии к лакедемонянам). Битва произошла при Танагре в Беотии (456 г. до Р. Х.). Вследствие измены фессалийцев, которые во время самого сражения перешли к спартамцам, она была проиграна афинянами. Таким образом спартамцам был открыт путь отступления. Они выступили в обратный путь, не отваживаясь на дальнейшие предприятия, и удовольствовались опустошением Мегарской области в наказание Мегары за союз ее с Афинами.

Но уже через два месяца после сражения при Танагре Миронид явился в Беотию с новым афинским войском и одержал над фиванцами при Энофите полную победу: (456 г. до Р. Х.). Большая часть городов Беотии вступила в союз с Афинами и упрочила этот союз введением у себя сходного с афинским демократического государственного устройства. Примеру их последовали Фокида и Опунтские Локры, причем последние, много содействовавшие спартамскому союзу, в обеспечение своей верности выдали Мирониду сто заложников.

Благородное поведение Кимона и самоотверженное мужество его сторонников в битве при Танагре вполне оправдало его в глазах народа, и сам Перикл предложил возратить его (454 г. до Р. Х.). Тотчас по своем возвращении Кимон, следуя своей политической системе, обратил всю свою деятельность на достижение двух целей: на заключение союза между Афинами и Спартой и на продолжение войны против персов. Но только после трехлетних переговоров удалось Спарте и Афинам заключить между собой пятилетнее перемирие (451 г. до Р. Х.). Чтобы загладить свою неудачу в Египте, афиняне решились на новый поход против персов. Завоевание острова Кипра составлявшего главную опору персидского владычества на море, так как он доставлял все необходимое для полного снаряжения целого корабля, и возбуждение к восстанию Египта, где, как мы знаем, против персов держался еще Амиртей, должны были вполне удовлетворить завоевательные и промышленные стремления афинян. С флотом из 200 трирем начал Кимон свой поход. Шестьдесят кораблей были посланы в Египет, а с остальными он осадил Китию на Кипре.

Но здесь Кимон умер (449 г. до Р. Х.), по словам одних — от тяжких ран, а по другим сведениям — от болезни. Умирая, Кимон приказал скрыть свою смерть от войска для того, чтобы оно, воображая, что все еще находится под начальством своего победоносного полководца, могло с большей самоуверенностью противостоять наступающему неприятелю. Так и случилось, и победа над флотом, состоявшим из кликийских, финикийских и кипрских кораблей, и над сухопутным войском при Саламине (приморский город на Кипре) была лучшим поминовением славному герою. После этого флот, увозя с собой останки своего предводителя, возвратился в Афины.

Развалины храма Афины на острове Эгине.

11. Величие Афин в управление Перикла (450—431 гг. до Р. Х.)

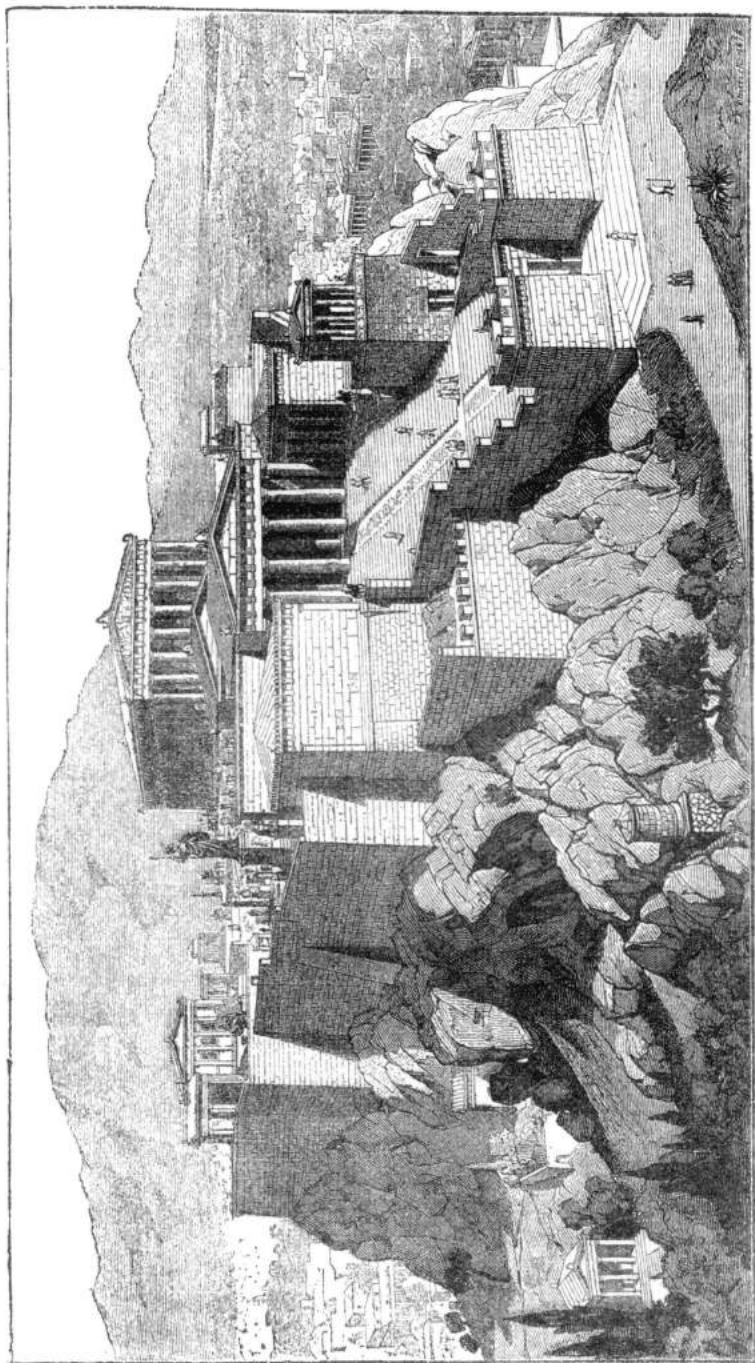
По смерти Кимона первенствующее политическое значение перешло к Периклу, хотя первое время у него и были соперники. Так Миронид, Толмид и Фукидид принадлежали к аристократической партии. Не смотря на их нападки власть и значение Перикла остались непоколебимы. Даже самый значительный противник, Фукидид, родственник Кимона, которому он, однако, далеко уступал в военных дарованиях, изгнанный остракизмом, должен был уступить Периклу (444 г.). Теперь у Перикла не осталось более соперников. Он владелчествовал над переменчивым Народным собранием своим могучим красноречием и управлял народом по своему произволу. Бескорыстие Перикла, в котором не превосходил его даже сам Аристид, простиралось до того, что, по словам Плутарха, во все время своего управления он не увеличил своего состояния ни на одну драхму. Эта добродетель выказалась тем величественнее, чем богаче становилось государство и чем блистательнее было употребление, которое делал из этого богатства художественный вкус Перикла.

*Перикл, раздающий венки
художникам.
Статуя де Баи
(Тюльери, в Париже).*

Уже Кимон начал заботиться о развитии искусств в Афинах. Но то, что было стремлением лишь отдельного частного лица, теперь должно было сделаться одним из главных призваний всего государства. Афины, проявлявшие до сих пор свое величие в военных победах и расширении своего государства,

должны были оставить по себе вечные памятники и в произведениях искусства. Рядом с военным господством должно было существовать и господство мирное, из которых первое, без сомнения, служило основанием последнему. С окончательным установлением зависимости союзников от Афин богатые сокровища их поступили, как мы видели уже выше, в полное распоряжение афинян. К этому в 462 году был сделан последний шаг перенесением в Афины общественной казны, которая до тех пор хранилась на острове Делосе. Этими сокровищами Перикл воспользовался, чтобы покрыть ими издерж-

Акрополь времен Перикла. По реставрации Фр. Тирша.

ки на новые произведения искусства. Его план состоял в том, чтобы сделать *Афины столицей объединенной Греции*. Для этого Афины должны были внушать союзникам уважение своей роскошной внешностью. Но не частные дома, а лишь общественные здания должны были предстать во всем художественном великолепии.

Судьба послала Периклу друга и помощника, который помог ему достигнуть в его предприятии высшего идеала художественной правды и красоты. Этим другом был бессмертный своими произведениями художник *Фидий*, бывший главным руководителем всего дела, в котором ему помогали другие известные художники, как например: строители *Иктин*, *Калликрат* и *Мнезикл*, живописцы *Полигнот* и *Панен* и ваятель *Поликлет* из Аргоса.

Самыми выдающимися произведениями искусства времен Перикла были следующие: *Олеон* — крытое круглое здание, в котором во время Панафенейских празднеств происходили введенные Периклом музыкальные состязания. У подножия Акрополя (крепость Афин) *Мнезикл* построил *Пропилеи*. С правой стороны к этому зданию примыкал небольшой храм богини победы — *Ники*, а левый флигель заключал в себе картинную галерею — «*Пинакотеку*». Посредине из белого мрамора, поднимаясь вверх широкими ступенями, шла лестница с пятью поддерживаемыми колоннами проходами. Там, наверху, стоял *Парфенон* — храм девственной богини Афины из белого мрамора. Заднее здание служило хранилищем государственной казны. Там же возвышалась статуя *Афины* из золота и слоновой кости. Богиня была представлена стоящей в длинной, ниспадающей до земли одежде, с шлемом на голове, держащей в одной руке копье, а в другой статую богини победы; у ног же ее лежал щит. На самом верху крепости находилась другая медная колоссальная статуя той же богини Афины, покровительницы города; эта статуя, как и первая, была работы *Фидия*. Она держала меч, как бы готовый для защиты. Едущему в Афины уже у мыса *Суния* виднелись позолоченное острие копья и перья, развевавшиеся на шлеме богини. Статуя *Зевса Олимпийского* также была произведением *Фидия*. Сооруженная из золота и слоновой кости, в сорок футов вышиной, она возвышалась над всеми другими статуями. Лицо имело выражение сознания всемогущества, величия, спокойствия и доброты, совершенно согласно словам Гомера («*Илиада*», I, 528—530):

«Рек, и во знаменье черными Зевс помавает бровями:

Быстро власы благовонные вверх поднялись у Кронида

Окрест бессмертной главы; и потрясся Олимп многохолмный».

Конечно, противники Перикла обвиняли его за все эти сооружения, бессмертным творцом которых он должен почитаться, и упрекали его в расточительности и растрате общественных сокровищ. Даже сам народ был однажды поражен огромностью издержанных им сумм. Но

когда Перикл заявил, что он готов покрыть все расходы из своего собственного имущества с тем условием, чтобы на всех сооружениях были сделаны надписи, что они составляют его дар, то народ, весьма чувствительный к подобного рода славе, воскликнул, что он может издержать все и ничего не жалеть.

Популярность Перикла основывалась не на одном том, что он удовлетворял художественному вкусу современников созданием зданий, статуй и проч., благодаря чрезвычайной художественной деятельности многие тысячи ремесленников и художников нашли выгодные для себя занятия. Вместе с тем для расцветавшей торговли открылся новый источник богатства. В Пирейской гавани возник новый город с самой оживленной торговлей. Сюда приходили корабли с богатыми грузами хлеба и других местных произведений из плодородных стран Черного моря и со строевым лесом с Фракийских гор. На торговой площади господствовало постоянное оживленное движение. «Кто не нуждался в городе Афинах? — говорит Ксенофонт. — Не все ли страны, богатые хлебом и стадами, маслом и вином? Не все ли, имевшие возможность нажиться, по своему уму и своим средствам? ремесленники, софисты, философы, поэты? все, жадные до всевозможного рода зрелищ и развлечений, все желавшие многое скоро купить или продать; где могли они все найти для всего этого место лучшее, чем Афины?»

Благосостояние беднейших классов населения составляло также предмет заботливости Перикла. Множество беднейших жителей он поселил в вновь основанных колониях. Для того же, чтобы успокоить недовольных граждан, он установил раздачу хлеба. Затем, чтобы дать и беднейшим людям возможность доставлять себе удовольствие, Перикл установил раздачу им так называемого «феорикона», то есть зрелищных денег, для свободного входа в театр. А чтобы бедные граждане могли пользоваться своими общественными правами, не тратя на это непроизводительно время, необходимое на снискивание средств к пропитанию, он ввел жалование судьям и воинам в таком размере, что они, при тогдашней дешевизне жизненных припасов, могли жить в полном довольстве. Эти узаконения имели в то же время и политическую цель — заменить опасную щедрость частных лиц, чему пример подан был Кимон, щедростью государства и теснее привязать граждан к демократическим учреждениям.

Пока Перикл, благодаря своему личному влиянию, управлял народной толпой, введенные им меры не представлялись опасными. Но дела должны были принять совсем иной оборот после удаления

*Аспазия.
С античного бюста.*

Статуя Афины в Парфеноне.

его с политического поприща. Скоро должны были оправдаться слова, что «Перикл своими денежными подачками сделал афинян ленивыми, трусливыми, суетными, болтливими, алчными и падкими к наслаждениям».

Под конец своей жизни Периклу пришлось перенести еще более горькие испытания. Так как враги Перикла, которого слишком любила толпа, не могли повредить ему лично, то они обратили свои нападки на его любимцев: Анаксагора, гетеру¹ Аспазию, которая отличалась своим умом и художника Фидия и обвинили их в азебее, то есть в безбожии, а последнего, кроме того, и в утайке части золота, предназначенного для статуи Афины. Но Фидий вел свое дело с такой предосторожностью, что во всякое время можно было снять и взвесить все золото, благодаря чему он и очистил себя от всякого подозрения в недобросовестности. Второй обвинительный пункт состоял в том, что на щите Афины Фидий поместил собственное свое изображение и изображение Перикла. На этом щите была представлена битва Тезея с амазонками; одной из прекраснейших мужских сражающихся фигур Фидий действительно придал черты лица Перикла, а себя самого представил обнаженным воином. Фидий умер в темнице; Анаксагор же должен был покинуть Афины.

Фидий.
Статуя Правды
(Тюльери, Париж).

12. Военные действия Афин до начала Пелопоннесской войны (450—431 гг. до Р. Х.)

Одновременно с тем, как Афины под управлением Перикла достигали своего высшего внутреннего процветания, им приходилось вести различные войны. С одной стороны, необходимо было противодействовать завистливой Спарте, с другой — удерживать союзников в верности и зависимости. Осторожный Перикл старался достигнуть

¹ Гетеры, т. е. подруги, были иностранки, которые, в противоположность греческим женщинам, жившим, в силу установившегося обычая, в уединении, пользовались свободным общением с мужчинами и нередко отличались умом и образованием. Кроме Аспазии, с которой сам Сократ находился в дружеских отношениях, были замечательны: Факса, Фаргелия, Лаиса и Фрина.

того и другого заботой о сохранении лишь ближайших интересов. Он не стремился к новым завоеваниям, и его не соблазняли рискованные предприятия, каким был, например, Египетский поход. Влияние, приобретенное Афинами после победы при Энофите, было потеряно по вине отважного Толмиды. Он хотел выгнать бежавших из демократических государств аристократов из захваченных ими городов Орхомена, Херонеи и других беотийских местностей. Но со своими 1000 гоплитами и присоединенными к ним некоторыми союзниками он был разбит наголову при Коронее, а сам убит (447 г.). Ободренные этим аристократы снова уничтожили в Беотии демократические учреждения. Афиняне, чтобы спасти жизнь своим согражданам, попавшимся в плен, вынуждены были заключить мир и признать как независимость Беотии, так и гегемонию Фив над некоторыми другими городами.

Ближайшим последствием этого поражения было отпадение Эвбеи и Мегары от афинского союза (446 г. до Р. Х.). Мегаряне напали на афинский гарнизон, уничтожили его и призвали к себе на помощь спартанцев.

Периклу пришлось предоставить Мегару быстро подоспевшим к ней спартанцам; но он подкупил спартанского царя Плестонакса и приданного ему в советники Клеандриды, и спартанцы, опустошив некоторые местности в Аттике, удалились.

Тогда Перикл поспешил к отпавшей Эвбее. Из города Гистиии он выгнал всех жителей и разделил его земли между афинскими гражданами за то, что при начале неприятельских действий гистийцы умертвили весь экипаж одного афинского корабля. Из города Халкиды Перикл изгнал всех знатных и богатых граждан и передал управление городом в руки местных демократов. В сходстве государственных учреждений Перикл полагал найти крепчайшую связь между господствующим государством и подчиненными ему областями. Так как Фокиде и Локриде также удалось достигнуть самостоятельности и на материке оставались верными союзниками только одни платейцы, то власть Афин была сильно поколеблена. Чтобы иметь время для собрания новых сил, Перикл заключил со Спартой в 445 году трагический мир, по которому афиняне должны были очистить занятые ими города Никью, Паги и Тройзен, а Мегару признать свободной от союзной зависимости. Афинский морской и пелопоннесский сухопутный союзы были признаны двумя самостоятельными государственными группами, причем в каждой из них первенствующие государства — Афины и Спарта — пользовались по отношению к своим союзникам самодержавной властью и наказывали за всякую попытку к отпадению. Этим самым был открыто провозглашен дуализм Греции.

Афинскому господству на море скоро стали угрожать новые опасности. В надежде на персидскую помощь восстал Самос, во главе которого стоял замечательный своим умом Мелисс. Уже примеру Самоса

последовала Византия, и персидско-финикийский флот должен был прибыть на помощь самосцам. Только с шестьюдесятью кораблями отправился Перикл к Самосу и, хотя он отослал шестнадцать из них для наблюдения за финикийскими кораблями и за получением подкреплений с Хиоса и Лесбоса, все-таки отважился с сорока четырьмя кораблями вступить в битву с самосским флотом, который состоял из семидесяти судов. Опыт и искусство афинских моряков доставили победу Периклу. Он тотчас же высадился на остров и приступил к осаде города, обложив его с моря и с суши. Затем с большею частью флота Перикл направился в Карею на розыски финикийских кораблей. Этим воспользовался Мелисс; он напал на оставленный для осады отряд и разбил его. Но Перикл, не найдя финикийян и получив подкрепление кораблями из Афин, Хиоса и Лесбоса, вернулся к Самосу, разбил неприятельский флот и принудил после девятимесячной осады самосцев к сдаче города. Самосцы должны были скрыть стены, выдать корабли и заложников, уплатить военные расходы и ввести у себя демократические учреждения. В то же время была покорена и Византия. Вследствие этого Афины снова могущественно и победоносно стали во главе союза ионических островов и городов.

Спарта, стоявшая во главе Пелопоннесского союза, смотрела теперь с завистью и недоверчивостью на увеличившееся значение Афин. Между этими двумя союзами господствовало различие в племенном происхождении, в государственном устройстве и в образовании, но в то же время оба они были преисполнены одинаковым влечением к расширению своей власти и к верховному владычеству над всею объединенной Грецией.

Таким образом, в силу роковой необходимости между Афинами и Спартой должна была произойти борьба для разрешения вопроса: быть или не быть, на жизнь и смерть, борьба, которая составляет в истории Греции такую же знаменательную эпоху, какую составила в свое время борьба с персами. То была так называемая Пелопоннесская война.

13. Пелопоннесская война (431—404 гг. до Р. Х.)

а) Начало войны. Чума в Афинах. Никиев мир (431—421 гг. до Р. Х.)

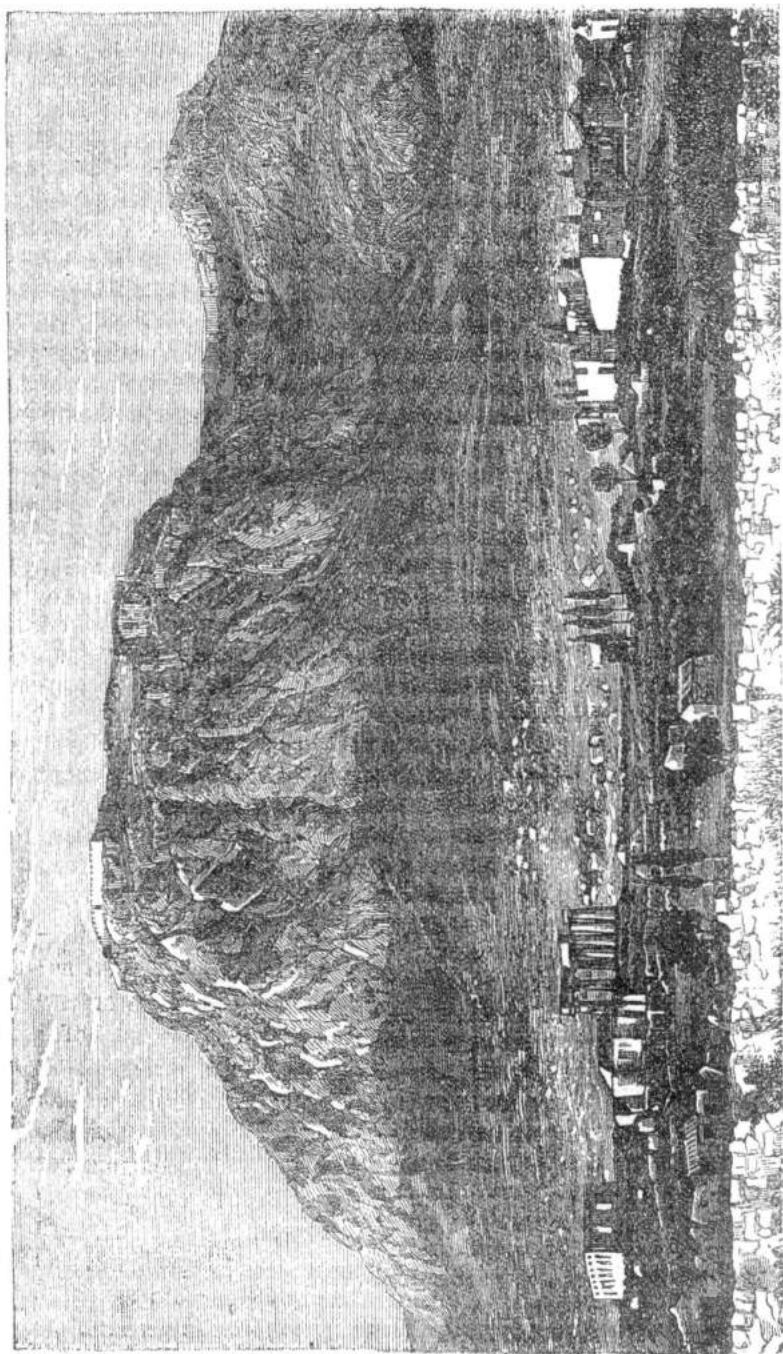
Более глубокая причина этой войны заключалась в постоянно возраставших напряжении и зависти между дорической и ионической государственными группами. Обе стороны не без тревоги смотрели на приближение решительной борьбы, в которой вся Эллада должна была быть поколеблена в своем основании, и поэтому, насколько могли, старались отдалить ее начало. Но, как это обыкновенно бывает, доста-

точно было самого незначительного повода для того, чтобы так долго копившийся горючий материал вспыхнул ярким пламенем.

Непосредственным поводом к началу войны было вмешательство Афин в корциро-коринфскую распря, а начало этой распря положил греческий колониальный город на иллирийском берегу — Э п и д а м н (впоследствии Диррахуим, ныне Дураццо). Этот город, основанный корцирянами, достиг цветущего состояния в управление коринфянина Ф а л и я, но, подобно всем греческим государствам, был обуреваем внутренними раздорами партий. Как раз в это время народ одержал верх и изгнал из города знатнейших граждан. Эти последние бежали к соседним тавлантиям, одному варварскому племени, и жестоко теснили жителей Эпидамна с моря и с суши. В таком бедственном положении Эпидамн обратился за помощью к своей метрополии — городу Корцире, но получил отказ, потому что и изгнанники происходили из Корциры же.

Тогда по совету Дельфийского оракула жители Эпидамна просили защиты у города Коринфа, который в качестве метрополии Корциры принимал деятельное участие в основании Эпидамна. Коринфяне охотно на это согласились и послали в Эпидамн гарнизон и новых поселенцев. Корциряне сочли это за нарушение своих прав и потребовали от жителей Эпидамна возвращения изгнанников и удаления как коринфского гарнизона, так и новых поселенцев. Так как Эпидамн воспротивился этому, то корциряне приступили к осаде города. Коринфяне поспешили на помощь с флотом из семидесяти пяти кораблей, но корциряне, которые находились в то время в цветущем положении и обладали морской силой в сто двадцать гребных судов, пошли с восьмьюдесятью кораблями навстречу коринфянам и одержали над ними блестящую победу при мысе Акции в 435 году. Затем с остальными сорока кораблями они направились в тот же день к Эпидамну и принудили его к сдаче.

Пристыженные коринфяне, опасаясь, чтобы корциряне, получив господство на море, не причинили большего вреда им и их союзникам, приступили к серьезным приготовлениям для продолжения войны. Обеспеченные корциряне решились обратиться к афинянам и заключить с ними союз. Афиняне, не приняв их в общий союз, заключили с ними союз оборонительный, по которому оба государства взаимно обязались отражать соединенными силами всякое нападение как на собственные свои области, так и на области своих союзников, и послали на помощь к корцирянам на первый раз десять кораблей. Коринфяне со сто пятьюдесятью кораблями приблизились к Корцире, а корциряне пошли к ним навстречу со сто десятью кораблями, в числе которых находились и десять афинских кораблей, и вступили при Сиботе (в 432 г.) в упорную битву. Корциряне, казалось, должны были быть разбиты, но к ним явились на помощь еще десять афинских кораблей под начальством Лакедемония, сына Кимона. Несмотря на то, что преимущество было на стороне коринфян, они, увидев, что на помощь, кроме

Коринф с Акрокоринфом.

этих десяти афинских судов, приближаются еще двадцать, внезапно отступили. Вследствие этого сражение осталось нерешенным. Коринфяне возвратились домой, исполненные ненависти к афинянам, которые первые начали неприязненные действия против пелопоннесцев.

В скором времени на фракийском берегу произошло новое столкновение. Чтобы отомстить афинянам, Коринф старался в союзе с македонским царем Пердиккой, который находился тогда в войне с Афинами, возмутить союзников афинских на Халкидском полуострове. Эти происки не укрылись от афинян. Они особенно опасались за Потидею, которая хотя и платила им дань, но была коринфской колонией. Поэтому, желая предупредить надвигающуюся грозу, афиняне потребовали, чтобы потидейцы срыли свои стены, дали заложников в залог своей верности и не принимали более к себе посылаемых к ним Коринфом, как метрополией, правительственных лиц. Такие тяжелые требования дали делу решительный оборот. Потидея, ободренная подошедшим в это время вспомогательным коринфским войском, открыто отложились от Афин. Тогда афиняне поспешно увеличили свои морские силы, которые находились у македонских берегов, и двинулись на Потидею. С значительным сухопутным войском из трех тысяч тяжело вооруженных воинов и с семьюдесятью кораблями подступили они к городу. Союзники отважились вступить в сражение при входе в гавань, но, потеряв его, должны были укрыться в Потидее, где были окружены и осаждены афинянами (в 432 г.).

Коринфяне поспешили тогда превратить войну, веденную до тех пор ими одними, в общее дело всех пелопоннесцев и в особенности Спарты. Для этого в созванном ими союзном собрании они старались доказать, что Афины своими поступками нарушили перемирие. Наконец и сама Спарта согласилась с этим мнением и начала переговоры. Переговоры эти, хотя и имели еще вид несуществовавшего уже более миролюбия, велись с целью свалить на противника упрек в нападении. Лакедемоняне потребовали, чтобы афиняне изгнали из своего города тех, чьи предки участвовали в злодеянии Килона, причем главным образом имели в виду удаление Перикла, который принадлежал к его роду (к Алкмеонидам). Затем при вторичном посольстве они потребовали, чтобы Афины возвратили свободу всем подвластным им городам, что равнялось уничтожению афинского морского союза. Афиняне, в сознании своей силы, по совету Перикла отвечали, что они никогда не послушаются приказаний и только тогда возвратят самостоятельность своим союзникам, когда Спарта уничтожит пелопоннесский союз.

На этом переговоры прекратились. Фиванцы внезапно напали на дружественную Афинам Платею (в 431 г.). Им удалось было овладеть застигнутым врасплох городом, но платейцы ободрились и выгнали фиванцев. Захваченные при этом в плен сто восемьдесят фиванцев были преданы казни, и это с противной стороны вызвало еще большее ожесточение. Так началась роковая война, которая разделила всю Гре-

цию на две большие партии. Во главе и руководителями их находились Афины и Спарта, обладавшие силами неоднородными, но полные надежды на блестящую победу.

На стороне спартанцев, за исключением Аргоса и почти всей Ахайи, находился весь Пелопоннес, имевший возможность выставить в поле 60 000 человек тяжеловооруженного войска, Коринф и Мегара с их флотом, Беотия, Фокида и Опунтские Локры. Но зато у спартанцев было меньше денег и кораблей, чем у их противников. Афиняне имели союзниками фессалийцев, острова Корциру, Закинф (Занте), Хиос, Лесбос, города Платею, Навпакт и множество покоренных и плативших дань городов и островов, которые во все время, пока находились под властью Афин, доставляли им войска и деньги. Кроме того, в Акрополе хранилось 6000 талантов (13 с половиной миллионов рублей) наличными деньгами. Доходы, налоги и таможенные пошлины составляли 400, дань — 600, а всего 1000 талантов ежегодного дохода (2 250 000 рублей). На эти средства Афины содержали сухопутное войско из 30 000 тяжеловооруженных людей и флот в 300 кораблей. Как ни благоприятны были все эти обстоятельства, но они скрывали в себе большую опасность — недовольство обращенных в подданство союзников. Можно было опасаться, что они в случае, если война затянется на долгое время, или при неудаче Афин, сделают попытку сбросить с себя совершенно ненавистное иго и вернуть себе свою независимость.

Перикл предложил жителям Аттики оставить страну открытой, отвести свой стада на остров Эвбею, все свое движимое имущество перенести в Афины и принять все меры к достойной обороне.

Медленное наступление миролюбивого царя Архидама, который выступил против Афин с войском из 60 000 пелопоннесцев, дало жителям Аттики время последовать советам Перикла. Но когда Архидам вторгся в область Аттики, покрытую виноградниками, миндальными, гранатными, лимонными, тузовыми, оливковыми и фиговыми деревьями, и опустошил страну, а со стен Афин увидали зарево пылавших в огне строений, то большинство граждан с ругательствами потребовало от Перикла, чтобы он вел их в битву. Но Периклу удалось успокоить волнение, и пелопоннесцы из-за недостатка в съестных припасах скоро вынуждены вернуться в свое отечество. Тогда Афины воспользовались правом возмездия. Жители Эгины были изгнаны со своего острова, и на их место поселены переселенцы из Аттики, а Мегара и Локрида подверглись опустошению.

Флот из ста двадцати кораблей направился к Пелопоннесу и разорил прибрежные области. Хотя осада города М е ф о н а не удалась, вследствие мужества защитников Б р а з и д а, но зато остров К е ф а л о н и я должен был вступить в Афинский союз. К вступлению в этот же союз удалось искусными переговорами склонить царя С и т а л к а, богатого и сильного владельца во Фракии. Равным образом на сторону афинян перешел и непостоянный македонский царь Пердикка. Он по-

мог снова покорить те города, отпадению которых сам прежде содействовал.

По прошествии зимы Архидам снова явился со своими спартамцами в Аттике (в 430 г.) и подверг ее новому опустошению. На этот раз к нему присоединился самый ужасный враг: заразительная, ядовитая лихорадка, вероятно завезенная в Афины кораблями из Азии или Африки. Она произвела чрезвычайное опустошение между ее жителями вследствие летнего зноя, огромного скопления людей и необходимости для большинства из них жить в сырых хижинах. У больных воспалились глаза, язык и горло; палящая жажда выгоняла несчастных к общественным колодцам, около которых каждое утро можно было видеть множество трупов. Нарывы во внутренних частях и на коже увеличивали боль, а всеобщее уныние усиливало страдания. Страшно было опустошение, производимое заразой¹, но еще ужаснее было влияние ее на умы граждан. Они снова обрушились на Перикла с упреками, перестали уважать законы, не помышляли уже более о чести и величии отечества и заботились лишь о своем личном спасении.

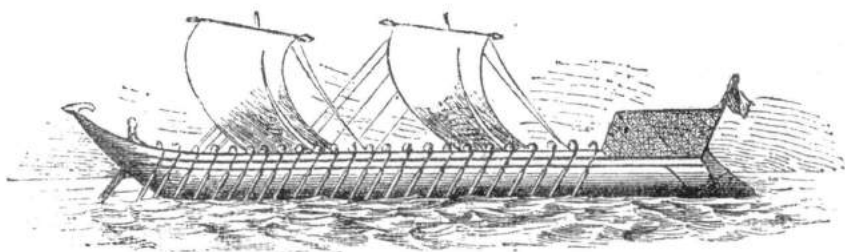
Перикл действовал по-прежнему. Он настолько успешно противодействовал неприятелю своей обыкновенной оборонительной системой, опустошением берегов Пелопоннеса, что Архидам после сорокадневного пребывания в Аттике вторично должен был ее покинуть. Что касается недовольных и приходивших в отчаяние городских жителей, то Перикл старался успокоить их словом и собственным примером. С достойным мужеством и присутствием духа перенес он потерю своих лучших друзей и опустошение своего дома. Только возлагая, по греческому обычаю, погребальный венок на своего последнего и любимейшего сына, Парада, он не устоял против скорби и разразился целым потоком слез.

Вскоре на Перикла обрушилась ярость его врагов, и он был приговорен к уплате значительной пени и более не был выбран главным военачальником. Но неспособность его преемников скоро привела афины к заключению, что спасти город может только один Перикл, почему они и предоставили ему главное начальство над войском с неограниченными полномочиями. Ему пришлось пережить еще два утешительных события: во Фракии было задержано спартанское посольство, которое должно было проехать оттуда в Азию к персидскому царю, чтобы просить у него денежной помощи (посланники были привезены в Афины и казнены) и сдалась Потидея, вынужденная из-за голода отказаться от своей упорной защиты.

Но в это время Афины внезапно поразил самый тяжелый удар, какой только мог поразить их: беспощадная зараза захватила и унесла са-

¹ Описание этой «лонмос», или чумы оставил нам Фукидид, который сам заболел ею, но перенес счастливо. По мнению нынешних докторов, эта повальная болезнь (эпидемия) была, вероятно, так называемый пятнистый тиф, потому что Фукидид не упоминает об отличительном симптоме индийской чумы, о бубонах (то есть об опухоли всей системы лимфатических сосудов и преимущественно в паховой области, на шее и в подмышках).

мого Перикла. Последние слова его были: «Ни один афинянин не вынужден был по моей вине облечься в одежду печали. В этом моя лучшая слава; мои же блестящие дела составляют лишь дар богов». Государственный корабль потерял своего кормчего. Перикл своим благоразумием и общим к нему уважением, при своей всеми признанной неподкупности держал народную толпу в добровольном повиновении и постоянно руководил ею, не смущаясь ее прихотями. Достигнув власти непротивозаконными средствами, он не только не имел нужды льстить народу, но, в силу уважения, которым пользовался, нередко очень резко противоречил ему. Поэтому, как говорит Фукидид, народ властвовал только на словах, а на деле правил Перикл, как первый человек в государстве.

*Пятидесятивесельное судно.
С изображения на античной вазе.*

По смерти могущественного Перикла не находилось личности, которая, подобно ему, умела бы направлять противоположные стремления к одной общей цели. На сцену вновь выступили две партии, с одной стороны, аристократическая под предводительством Никия, с другой — демократическая, руководимая Клеоном. Каждая из них помышляла лишь о том, чтобы вытеснить другую, вследствие чего единство в делах государственных, столь необходимое во время такой тяжелой войны, сделалось невозможным. Несколько застенчивый Никий не мог успешно противодействовать дерзкому Клеону, который увлекал народную толпу своим неукротимым красноречием.

Война продолжалась почти уже третий год и свирепствовала главным образом в отдаленных областях обеих стран, во Фракии и Акарнании, и в конце десятого года вследствие обоюдного истощения должна была на время прекратиться.

Летом 429 года спартанцы по предложению фиванцев решили вместо обычного ежегодного вторжения на Аттику осадить Платею. Город этот тотчас после описанного выше нападения фиванцев был занят афинским гарнизоном. Для того, чтоб можно было защищаться еще упорнее, все старики, дети и женщины были отправлены из него в Афины, и в нем остались 110 женщин, которые приняли на себя заботу

о продовольствии гарнизона. Гарнизон этот состоял из 400 граждан, способных носить оружие, и 80 афинян.

Архидам подступил к городу с союзным пелопоннесским и беотийским войсками. После двухлетней осады город принужден был сдаться в 427 году. Победители, вопреки своему обещанию наказать только виновных и то не иначе как по суду, умертвили 200 платейцев и 25 афинян. Женщины были проданы в рабство, Платея и ее округ отданы фиavianам, а все здания, за исключением храмов, сравнены с землей.

Афиняне не могли спасти платейцев. В это время они охраняли свое господство на море. Их полководец Формион с 20 кораблями разбил в Коринфском заливе коринфско-сикнионский флот, состоявший из 70 судов, и обеспечил за Афинами обладание важнейшей Навпактской гаванью. Впрочем, нигде не произошло ничего решительного. В четвертый год войны (в 428 г. до Р. Х.) последовало отпадение от Афин лесбосцев. Один преданный митиленец по имени Доксандр принес известие, что могущественный остров Лесбос, за исключением города Метимны, и в особенности главный город острова, М и т и л е н а, намерены отложиться от Афинского союза и соединиться с пелопоннессцами и что стоящая во главе управления аристократическая партия приняла к тому все нужные меры: усилила укрепления, собрала оружие и припасы и наняла на службу фракийских стрелков.

Известие это вполне подтвердилось. Лесбосские посланники были уже отправлены в Пелопоннес. Им было приказано выставить причиной отпадения то обстоятельство, что митиленцы устали уже повиноваться афинским демократам и должны постоянно опасаться, что будут обращены в полное подданство и обложены данью. Вследствие этого лесбосцы были приняты в пелопоннесский союз, и им была обещана скорая помощь.

Но помощь явилась поздно. Приняв быстрое решение, афиняне послали под начальством Паха сильный флот, чтобы обложить Митилену с суши и с моря. Скоро город стал страдать от голода и болезней; к этому присоединились внутренние раздоры партий. Жители города, угрожая восстанием, потребовали или всеобщей раздачки съестных припасов, или присоединения к афинянам. Свергнутым аристократам ничего другого не оставалось, как сдаться без условий Паху. Он разрешил им отправить в Афины послов, которые должны были ходатайствовать там за свой город. Послы изложили свое ходатайство в Народном собрании. Свирепый Клеон потребовал примерного наказания города Митилены. «Не поддавайтесь состраданию; не допускайте, чтобы красноречием и лестью этих людей вы были вовлечены в гибельную ошибку; накажите их, как они того заслуживают, и покажите остальным союзникам должный пример, что отпадение будет так же жестоко наказываться». Так закончил он свою речь, которая еще более содействовала ожесточению и без того уже раздраженных умов. Предостережения Д и о д о т а от страстной поспешности никто не хотел слушать. Было постановлено всех мужчин, виновных и неви-

новых, предать смерти, а женщин и детей продать в рабство. Был отправлен быстроходный корабль, чтобы как можно скорее доставить в Митилену это кровавое повеление.

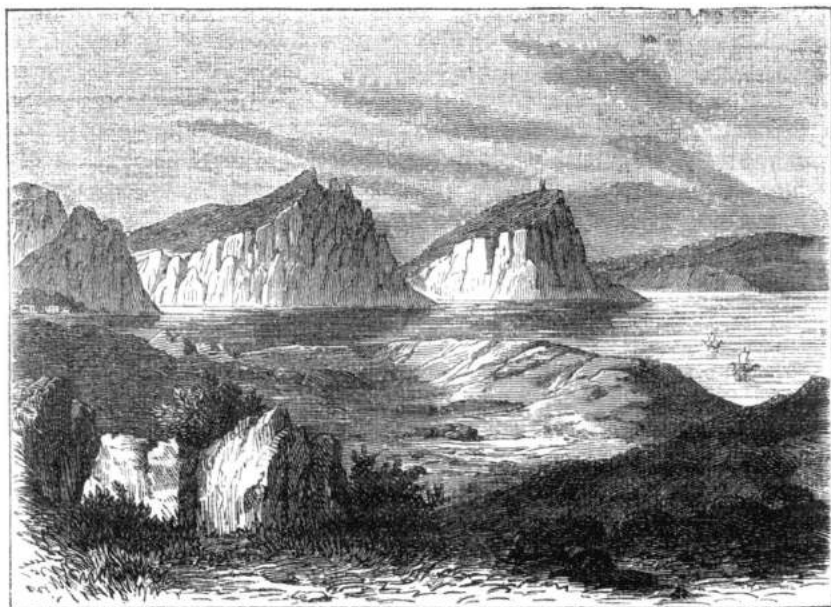
Но уже вечером того же дня произошло более спокойное обсуждение дела. Граждане потребовали созвать новое Народное собрание, и предложенное Диодотом более снисходительное и более отвечающее народному характеру решение одержало верх. Первоначальное постановление было изменено в том смысле, что смертной казни должны были подлежать одни главные руководители аристократической партии в числе около 1000 человек. Стены города Митилены должны быть срыты, корабли отобраны, а поземельные участки разделены между афинскими гражданами. Второй корабль был послан вслед за первым, и только с напряжением всех сил ему удалось прибыть на место во время, чтобы помешать исполнению первого решения.

Война все больше и больше принимала характер взаимного уничтожения. Повсюду восставали одна против другой аристократическая и демократическая партии и, с помощью — первая — пелопоннесской, а последняя — афинской терзали друг друга. Вполне ужасный пример подобного извращения войны представляют события в городе Корцире на острове того же имени (427—425 гг. до Р. Х.). Здесь произошла уличная резня, в которой даже женщины принимали участие, бросая из домов камни на головы неприятелей. Наконец, с прибытием сильного афинского флота и с удалением пелопоннесского, народная партия одержала верх. Демократы в течение семи дней страшно неистовствовали над аристократами. Многие из последних искали спасения в храме Геры, но и это неприкосновенное убежище не могло защитить их; одни из них были оторваны от алтарей и убиты, другие в отчаянии сами лишали себя жизни.

Около 500 беглецов спаслись и укрепились на горе Истоне. Отсюда они производили нападения на окрестности города и опустошали их, вследствие чего там настал страшный голод. Тогда против них выступил афинский отряд, окружил их со всех сторон и принудил к сдаче. Сначала они под стражей отвезены были на остров Птихию с тем, чтобы оттуда быть отправленными в Афины с условием не делать попытки к побегу. Корциряне, опасаясь, что афиняне могут помиловать пленных, распушенными под рукой угрожающими слухами побудили последних к побегу, но приняли заранее все меры, чтобы побег этот не удался. Тогда афинские полководцы выдали несчастных корцирскому народу, который предал их жестокой мести. Всех пленных заключили в одно большое здание, перед дверьми которого в два ряда поставлены были воины. Затем выводили по 20 пленников, проводили между двумя рядами воинов и убивали. 60 человек было убито уже таким образом, когда остальные, узнав, какая судьба ожидает их, решительно отказались выходить. Но народ взобрался тогда на крышу здания и стал бросать в несчастных камнями и стрелами. Многие были умерщвлены таким образом; остальные сами лишили себя жизни в продолжение

ночи, приостановившей это избиение: одни закололись брошенными в них стрелами, другие удавились.

Описанные явления, где всякое человеческое чувство было подавлено, все узы дружбы и благочестия порваны, были следствием взаимной враждебной деятельности партий, достигших высшего своего развития благодаря основанию и распространению по всей Греции так называемых гетерий (то есть товариществ, клубов, тайных обществ). Безнравственные последствия гетерий Фукидид описывает

Пилос и остров Сфактерия.

следующим образом: «Настоящий смысл слов произвольно искажался в гетериях: безрассудную дерзость называли самоотверженным мужеством, благоразумную медлительность — скрытой трусостью, сдержанность — личиной малодушия. Родство уступало дружбе с тем, кто готов был покуситься на все без размышления. Верность укреплялась не святостью данного слова, а сообщничеством в преступлении. Присяге оставались верны лишь до появления посторонней помощи. Кто первый сознавал себя сильнее, тот мстил другому, лишь только тот, полагаясь на заключенный договор, считал себя в безопасности и забывал об осторожности».

В следующие годы войны блестящую деятельность проявил афинский полководец Демосфен. Он победил войска спартанцев и этолийцев, взял мессенский приморский город Пилос, отбил нападение спартанцев на суше и на море и запер 420 спартанцев и значительное число илотов на лежащей против Пилоса острове Сфактерии (в 425 г.).

Для их спасения спартанцы предложили афинянам заключить с ними мир и союз, но Клеон убедил народ поставить такие чудовишные условия, что переговоры были прерваны. После этого Клеон и Демосфен высадились на Сфактерию и напали на находившихся там спартанцев и илотов. Потеряв многих убитыми, остаток отряда, состоявший из 292 человек, в числе которых находилось 120 знатных спартиатов, сдался и был привезен в Афины. Остров Кифера (Чериго) также попал в руки афинян. Равным образом был завоеван пелопоннесский город Фирея, куда в начале войны были переселены изгнанные афинянами эгинцы, и жители его были частью убиты, а частью проданы в рабство.

Столько неожиданных бедствий сделали спартанцев малодушными. С другой стороны, афиняне благодаря счастью сделались настолько надменными, что, по выражению Фукидида, думали, что ничто уже более не могло противостоять им и что им все должно было удаваться. При такой преувеличенной самонадеянности афинян все попытки спартанцев завязать какие-либо мирные переговоры должны были рушиться. Однако война благодаря одному смелому предприятию приняла другое направление.

Мужественный и прямодушный Бразид повел пелопоннесское войско через Фракию на полуостров Халкиду, чтобы заставить тамошних союзников афинян отложиться от них (424 г. до Р. Х.). Никто лучше его не мог выполнить такого поручения. Весть о том, что он явился в качестве «избавителя от афинского ига», доставила ему всеобщее доверие. Аханф и Стагир немедленно присоединились добровольно к пелопоннесскому союзу; другие города, как то: Скион и Торон, последовали их примеру; важный по своему значению Амфиполь открыл также свои ворота спартанцам; один только Эйон был удержан Фукидидом за афинянами.

В это же время и афиняне старались отнять у спартанцев их союзников. Но вторжение их в Беотию окончилось несчастливо. При Делие в Беотии они потерпели чувствительное поражение (в 424 г. до Р. Х.). Здесь Сократ и его ученик Алкивиад сражались рядом; Сократ получил награду за храбрость как голлит, а Алкивиад — как всадник и спас своему учителю жизнь. Оправившись, афиняне послали (в марте 422 г.) во Фракию Клеона, к которому со времени победы при Сфактерии питали неограниченное доверие. Быстро завоевал он Торон и Галепс. Затем он занял Эйон, где остановился на некоторое время.

Тут между воинами его открылось неудовольствие, и они, возмущившись, потребовали, чтобы он вел их к Амфиполю. Там находился настороже Бразид. Клеон появился перед городскими воротами. Все было тихо, и город казался покинутым своими защитниками. Клеон пожалел, что не имел при себе штурмовых лестниц, чтобы взобраться на стены, и дал приказ к отступлению. Но едва он начал отходить от города, как вдруг из одних ворот показался Бразид, а с другой стороны, с значительным вспомогательным отрядом, подступил другой спартанский полководец — Клеарид. Афиняне пришли в замешательство и по-

сле непродолжительного сопротивления бросились бежать к Эйону. Клеон был достигнут в бегстве и убит. Но и Бразид был смертельно ранен. Афиняне потеряли 600 человек убитыми; у неприятеля же убитых было только семеро.

Со смертью Бразида и Клеона главнейшие препятствия к миру были устранены. Как в Спарте, так и в Афинах находилось теперь все больше и больше людей, которые громко требовали прекращения военных действий. В Спарте было неотступное желание освободить пленников, попавшихся на Сфактерии. Сверх того, там опасались восстания илотов, которое легко могло случиться при содействии афинских гарнизонов в Пилосе и на Кифере. В Афинах же боялись, что с дальнейшим отпадением союзников власть государства может быть сильно поколеблена. Самым убедительным ходатаем за мир был комический поэт А р и с т о ф а н, поставивший в это время на сцену первую свою комедию «Мир». При таких обстоятельствах начались переговоры между спартанским царем П л е й с т о н а к с о м и предводителем партии порядка в Афинах Н и к и е м. Мир был заключен (в апреле 421 г.) на 50 лет и был назван Н и к и е в ы м м и р о м. Было постановлено, что каждая сторона получает обратно все то, чем владела до войны, а следовательно, возвращает все завоевания, освобождает всех пленных; все же могущие возникнуть впоследствии спорные вопросы должны разрешаться мирным путем. Что этот мир был собственно только перемирием и что ни одна из сторон не имела никакого намерения соблюдать его, подтвердилось в весьма скором времени.

*б) Алкивиад. События до Сицилийской экспедиции
(422—415 гг. до Р. Х.)*

В это время в Афинах явился человек, которого судьба предназначила сделаться злым гением своего народа. Еще ребенком А л к и в и а д обращал на себя общее внимание своим лицом, выражавшим смелость, энергию и ум. Он родился в 450 году до Р. Х. и по матери происходил от знатного и богатого рода Алкмеонидов. Отец Алкивиада Клиний умер, когда ему было три года, и опекуном Алкивиада был назначен знаменитый родственник его Перикл.

О детстве Алкивиада рассказывают много анекдотов; о некоторых из них можно упомянуть здесь. Одному боровшемуся с ним и готовому уже повалить его мальчику он так укусил руку, что тот выпустил его и вскричал: «Ты кусаешься, как женщина!» — «Нет, — возразил Алкивиад, — как лев». Однажды, когда он играл с мальчиками в кости на улице, по ней проезжала нагруженная повозка. Когда извозчик не обратил внимания на его крик, то Алкивиад кинулся на землю поперек дороги перед повозкой и воскликнул: «Теперь проезжай!» Испуганный извозчик осадил лошадей.

В молодости Алкивиад долгое время пользовался уроками и поучительным знакомством с Сократом, но нравственная строгость последнего не имела на него глубокого влияния. Напротив того, Алкивиад сохранил в себе склонность к беспорядочной, распутной жизни, а необузданное себялюбие его не знало никаких пределов. Тщеславие Алкивиада обратилось в поговорку. На улице он постоянно появлялся в дорогом пурпуровом плаще с длинным шлейфом, а в бою имел обыкновение носить щит с изображением на нем молниеносного Эроса (бога любви). Он привлекал к себе народ своей прекрасной, благородной наружностью, изящными манерами и красноречием. На войне Алкивиад проявил свою храбрость. Таким образом он совмещал в себе все качества, чтобы стать любимцем народа. Но Алкивиад употреблял во зло свое обаяние. Увлекаясь опасными предприятиями и находя величайшее наслаждение участвовать в смелых авантюрах, он не обращал внимания на то, попираются ли ими права божеские и человеческие или нет. Народ снисходительно относился к его недостаткам. С самой расточительной щедростью раздавал он свои подарки; театральные же зрелища и процессии, устраиваемые им по афинскому обычаю за свой счет, превосходили все своим вкусом и великолепием.

*Алкивиад.
С античного бюста.*

Так как Никиев мир служил Алкивиаду помехой его планам, то он решился сделать все возможное, чтобы его нарушить. Положение дел благоприятствовало его намерениям, потому что несогласие между Афинами и Спартой было скорее заглушено только на время, а не разрешено. Всего менее удовлетворенными чувствовали себя союзники Спарты из-за того, что при заключении мира интересы их почти не были приняты во внимание. Коринфяне, мегаряне и фиванцы негодовали за это на главу союза — Спарту. Коринфяне даже совсем не соглашались на мир. Этим неудовольствием воспользовались аргосцы, чтобы рядом с пелопоннесским и афинским союзами создать аргосский военный союз, в котором приняли участие Элида, Мантинейя; по совету же Алкивиада к нему примкнули и Афины. К этому союзу присоединились было и коринфяне, но из старинного нерасположения к афинянам скоро снова перешли на сторону Спарты.

Военные действия начались тотчас после избрания Алкивиада полководцем. Он вступил с войском в Пелопоннес, склонил приморский город Патры присоединиться к аргосско-афинскому союзу, переселил мессенян в Пилос и вторгся в область Эпидавра (в 419 г.). Тогда и Спарта решила взяться за оружие. Царь Агис двинулся в Аргос, но вме-

сто того, чтобы начать военные действия, он из неуместного миролюбия согласился вступить в переговоры и заключил четырехмесячное перемирие. Возмущенные этим спартанцы присудили его к большому денежному штрафу и разрушили его дом.

Прибывшее под начальством Алкивиада вспомогательное войско не признало перемирия на том основании, что договор этот, как заключенный без предварительного согласия союзников, не мог иметь никакой силы. Союзники заняли Орхомен и стали угрожать Мантинее. Тогда Агис, которому был прощен штраф, вторично выступил в поход, но на этот раз в сопровождении десяти лиц для надзора, в качестве военных советников, за его распоряжениями. Сражение произошло при Мантинее, и Агис одержал блестящую победу (в 418 г. до Р. X.). Военная честь Спарты, пострадавшая несколько в глазах греков после сдачи Сфактерин, была восстановлена. «Спартанцы показали, — говорит Фукидид, — что хотя их счастливая звезда была уже на закате, они не утратили еще своих прежних способностей».

Однако Плутарх справедливо замечает: «Это было такого рода сражение, которое, в случае победы спартанцев, не принесло бы им никакой пользы; в случае же поражения их — могло бы повести к падению Спарты». Вследствие победы при Мантинее аристократическая партия в Аргосе, расположенная к Спарте, получила на некоторое время перевес. Но в скором времени демократическая партия снова захватила правление в свои руки и восстановила свою прежнюю связь с Афинами. Новый поход спартанцев против Аргоса окончился неудачно: 300 аргосцев, приверженцев Спарты, были увезены Алкивиадом на кораблях и размещены под надзор по различным местам. Остров Мелос, жители которого, как доряне, не пожелали в прежней войне принять чью-либо сторону и воспротивились требованию афинян вступить в афинский союз, был подвергнут жестокому наказанию (в 416 г.): по предложению Алкивиада все взрослые мелосцы были преданы смерти, женщины и дети проданы в рабство, а на остров Мелос были переселены афинские граждане.

*в) Сицилийская экспедиция афинян
(415—413 гг. до Р. X.)*

Военная партия, главой которой был Алкивиад, одержала в Афинах полную победу. Лишь немногие робко прислушивались к тем, которые, подобно Никию, предостерегали от насилий и слишком поспешных действий. Выросло уже новое поколение, стремившееся с юношеским увлечением к новым военным победным лаврам. Истощенная казна вновь была пополнена, а флот, не уменьшившийся еще числом, казался, подавал самые смелые надежды. Что же удивительного, что афиняне в своем тщеславии склонились на заманчивое предприятие Алкивиада, — которое, по своей смелости и сумасбродству, явля-

лось полным отражением последнего, — к завоеванию Сицилии! Афины давно обращали свои жадные взоры на этот богатый остров, вели с ним уже торговлю и хотели теперь, под предлогом оказания помощи городу Эгесте против Селинунта и союзных с ним Сиракуз, послать туда огромные силы и при помощи их достигнуть главнейшей своей цели — покорения острова.

Завоевание Сицилии, по словам Плутарха, не должно считаться конечной целью обширных планов Алкивиада; оно должно было служить только началом дальнейших предприятий против Карфагена и

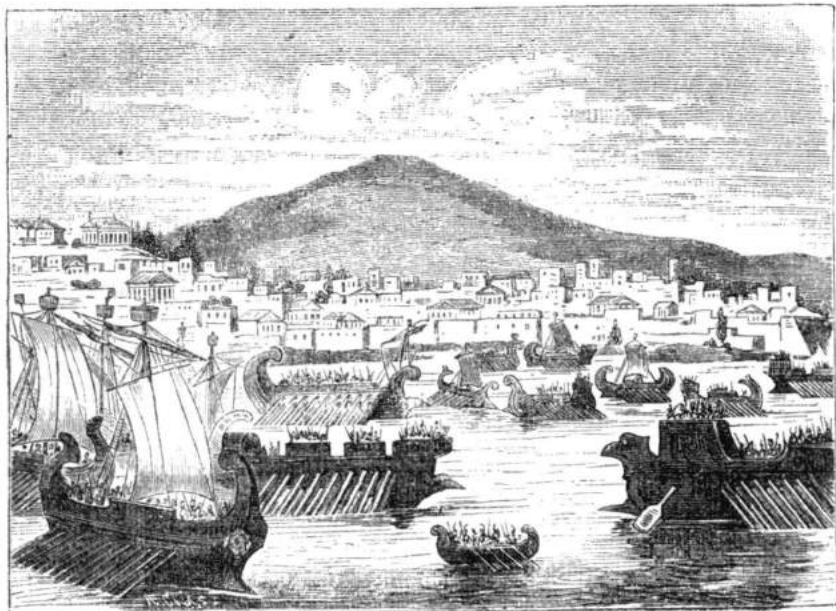
*Обмывание статуи Гермеса служанками.
С античного изображения.*

Италии и к утверждению владычества Афин в этой части Средиземного моря. Обогадив себя этим победоносным походом, предполагалось уничтожить последнее препятствие к полному господству над всей Грецией — противодействие Спарты и союзного ей Пелопоннеса.

В таких сладостных и фантастических мечтах утопал афинский народ, отуманиваемый речами Алкивиада. Но в то время, когда все уже было готово к отправлению, неожиданно в одну ночь были изуродованы все статуи Гермеса, которые во множестве находились в Афинах и стояли перед домами и храмами, на площадях, улицах и перекрестках¹. Это кощунство было приписано Алкивиаду и его двум друзьям, так как некоторые рабы и простолюдины показали, что он осквернил и элевзинские мистерии (таинства) тем, что с дерзким посмеянием подражал со своими товарищами их священным церемониям. При необыкновенном благоговении, питаемом к этим таинствам, на-

¹ Афины поэтому назывались городом Гермеса. Эти статуи были сделаны с большим искусством и обыкновенно состояли из одних голов без рук и без ног.

поминавшим об изобретении Деметрой искусства земледелия, врагам Алкивиада было легко заставить народ поверить, что в этом поступке скрывается замысел Алкивиада низвергнуть демократию. Хотя Алкивиад требовал, чтобы ему позволено было явиться в суд, но враги его очень хорошо знали, что войско, готовое к походу и преданное своему вождю, и желавший войны народ оправдают Алкивиада во всяком обвинении. Поэтому противники Алкивиада прибегли к крайнему средству, принятому народом по причине видимой его справедливости. Они объявили, что не хотят теперь этим судом замедлить отправление

Афинский флот перед Сиракузами.

войска и откладывают обвинение до возвращения Алкивиада из похода. Алкивиад должен был на это согласиться, хотя и понимал враждебную цель такого замысла, которая вскоре и обнаружилась.

Афины выслали самый дорогой и самый красивый флот из 134 трирем и 6000 гоплитов (тяжеловооруженных воинов). Поэтому народ, как на театральное зрелище или тщеславную выставку, спешил в Пирей полюбоваться на отплытие этого войска. При виде этой военной громады народ испытывал и страх, и надежду и с участием следил за молитвой воинов и за жертвенными возлияниями, совершаемыми из золотых и серебряных чаш.

Во главе отправлявшегося войска были поставлены три вождя: Н и к и й, все время не одобрявший этого предприятия, А л к и в и а д, главный зачинщик его, и храбрый Л а м а х, который должен был слу-

жить посредником между ними. Опасения Никия скоро оправдались. Жители Регию в Нижней Италии, на содействие которых в особенности рассчитывали, выказали полнейшее равнодушие, и с их стороны нигде не было встречено сочувствия. На совете трех полководцев Никий выразил мнение, по которому следовало, уладив спор между Селинунтом и Эгестой и выказав перед сицилийскими государствами страшное могущество Афин, удовольствоваться этим и вернуться домой. Алкивиад, который не желал отказаться от своих блестящих замыслов и надеялся на свою ловкость и искусство в переговорах, советовал возбудить восстание с и к л о в против Сиракуз и завязать сношения с эллинскими городами, за исключением Селинунта и Сиракуз. Ламах под влиянием своей личной храбрости, требовал немедленного нападения на Сиракузы для того, чтобы воспользоваться первым замешательством. Совет Алкивиада одержал верх; но едва приступили к его исполнению, как последовало отозвание Алкивиада.

Враги Алкивиада во время его отсутствия так сильно умели подействовать на народ, что он, забыв первое решение, постановил послать почтовое судно «Саламинию» вслед за Алкивиадом, чтобы привезти его обратно в Афины. Ввиду таких обстоятельств Алкивиад не решился довериться отечественному правосудию и хотя и пересел на присланный за ним корабль, но по дороге бежал в Фурии. Он слишком хорошо знал своих сограждан и на вопрос, неужели он не верит своему отечеству, отвечал: «Там, где дело идет о моей жизни, я не верю даже своей матери, ибо и она может бросить, по ошибке, в урну черный камень вместо белого». Спасая себя таким образом от угрожавшей ему смерти, он в то же время замыслил великое предприятие. Узнав о своем смертном приговоре, он воскликнул: «Я покажу им, что я еще жив». Вскоре обстоятельства доставили ему возможность доказать всю справедливость этой угрозы.

Сначала Алкивиад отправился в Элиду, а затем, получив надежную охранную стражу, в Спарту. С удивительной легкостью усвоил он себе строгий спартанский образ жизни. Приобретя, благодаря очаровательной любезности, расположение женщин, которые имели могущественную силу в Спарте, Алкивиад вскоре достиг там огромного влияния. В это время в Спарту прибыли из Сиракуз послы просить помощи коринфян и спартанцев против Афин. При изложении их дела в народном собрании присутствовал и Алкивиад. Когда ему было предложено высказать свое мнение, он дал спартанцам важный совет тотчас возобновить войну с Афинами и в особенности занять местечко Декелею, отстоявшее лишь на несколько миль от Афин, чтобы получить таким образом возможность чувствительнее вредить афинянам и оказать сиракузянам просимую ими помощь. Эфоры сначала медлили, несмотря на соблазнительные и выгодные последствия, которые Алкивиад представил им со всем свойственным ему красноречием. Согласившись наконец с его предложением, они послали только два спартанских и два

коринфских корабля, но зато под начальством необыкновенно способного полководца — Гилиппа.

После отозвания Алкивиада от афинского флота главное руководство военными действиями перешло к Никию, как к старшему и более уважаемому предводителю. Ламах был за решительные действия, Никий же предпочитал осмотрительность и осадил Сиракузы.

В одном из сражений, происходивших перед городом, Ламах пал. Народ в Сиракузах отчаивался уже в своем спасении и требовал, чтобы с Никием были начаты переговоры.

Но в это время подоспел Гилипп, высадившись в Гимере, усилил здесь свой отряд и известил сиракузян о своем прибытии. Затем он подошел к Сиракузам, захватил оставленный Никием незанятым холм Эвриал и, поддержанный присоединившимися к нему жителями города, взял приступом Эпиполейские высоты. Дальнейшую осаду города Гилипп остановил возведением стены. В сиракузском войске он ввел спартанскую дисциплину и порядок и внес единство в военные действия, которого до тех пор не было, так как было много начальников.

Никий, и без того сознававший свою слабость, потерял теперь всякую самоуверенность. Он рассчитывал устроить на берегу безопасное место для склада припасов и для флота и для этого укрепил крутой мыс Племирий у входа в обширную гавань. В то же время Никий дал знать в Афины о своем безвыходном положении и просил, чтобы ему прислали новые подкрепления, освободили его от командования, так как болезнь сильно мешает ему управлять военными действиями, а главным образом просил он об отозвании всего войска.

Афинянам и без того угрожала большая опасность из-за того, что спартанцы, по совету Алкивиада, заняли и укрепили находившийся только в трех милях от Афин город Делею. Близость этого укрепления содействовала побегу афинских рабов от своих господ целыми толпами (около 20 000). Равным образом был затруднен подвоз многих необходимых предметов потребления из Эвбеи через Ороп. Несмотря на это, афинский народ решился продолжать войну против Сиракуз и послать в Сицилию значительное подкрепление под начальством двух испытанных уже полководцев — Демосфена и Эвримедонта. Они еще до наступления зимы успешно отправились в поход с десятью триремами. Но прежде чем Демосфен прибыл к Сиракузам, положение находившихся там афинян значительно ухудшилось. Гилипп произвел неожиданное нападение на Племирий и овладел как этим укреплением, так и всеми находившимися в нем богатыми запасами.

Вызванная этим успехом радость была несколько омрачена, когда Демосфен прибыл со своим внушительным флотом из 73 кораблей и с подкреплением из 8000 человек. Демосфен сам сознал, что быстрое и искусное нападение должно было решить все; в противном же случае следовало оставить все предприятие. Поэтому он решил в первую же лунную ночь попробовать вновь овладеть Эпиполами. Однако и эта

попытка не удалась из-за быстроты, с какой подоспел Гилипп; в этой ночной битве афиняне потеряли до 2000 человек. Тогда Демосфен потребовал прекратить войну против Сиракуз и вернуться домой, если же на это нельзя было решиться без согласия Афин, то покинуть гавань и расположиться у Фапса и Катаны. Но Никий отверг первое предложение из боязни гнева афинского народа и согласился занять позицию у Фапса и Катаны, но с тем, чтобы движение это исполнено было до получения сиракузянами подкреплений из Пелопоннеса. Но сверхъестественный страх помешал возможному еще в то время отплытию Никия. Наступило лунное затмение, и Никий по совету гадалей настоял на том, чтобы подождать, пока пройдут трижды девять дней для того, чтобы выждать более счастливых предзнаменований. Между тем положение афинян с каждым днем ухудшалось.

Сиракузяне видели отчаянное положение афинян и решили тотчас же употребить все усилия, чтобы истребить их. Уже на третий день они напали на афинян и на море и на суше. В морском сражении сиракузяне победили и захватили 18 кораблей; в числе убитых находился и Эвримедонт. Чтобы отрезать афинянам отступление, сиракузяне загородили вход в гавань плотно связанными между собой триремами и транспортными судами.

Сам Никий, сознавая, что дело шло о жизни и смерти, вознамерился дать решительное морское сражение. Возведенные против города укрепления были очищены. Поблизости гавани занят был один только пункт для перенесения в него больных и тяжестей; тяжеловооруженные, пращники и стрелки были размещены на палубах кораблей.

Приготовившись таким образом, Никий произвел нападение. С обеих сторон сражались с величайшим одушевлением и храбростью. Однако победа склонилась под конец на сторону сиракузян, и афиняне после отчаянного сопротивления были вынуждены искать спасения на берегу. Их мужество настолько ослабело, что предложение Демосфена пробиться на следующее утро с 70 кораблями, которые оставались еще у них и давали им перевес над сиракузянами, было отвергнуто. Не доверяя более непостоянной стихии, афиняне решились отступить вовнутрь острова к дружественным им сикалам. Но Гилипп и сиракузский полководец Гермократ постарались отрезать им этот путь спасения. Боясь, чтобы афиняне не ушли еще в ту же ночь (в то самое время, когда сиракузяне радостно торжествовали победу и праздновали установленный в честь Геракла праздник), Гермократ подослал к афинянам людей, которые под видом дружбы посоветовали Никию не уходить, так как, по их уверению, все дороги были заняты сиракузянами.

Несчастные действительно поддались обману. Когда наконец они выступили на третий день, то сиракузяне успели уже выполнить все то, чем перед тем ложно устрашали. Выступление войска представляло раздирающую душу картину. Раненые и больные, которые должны были остаться, подняли жалобные крики, уцепились за выступающих

и следовали за ними, пока не падали от истощения сил. Со слезами на глазах и с болью в сердце храбрые воины должны были расставаться со своими злополучными товарищами и братьями и бросить их на произвол судьбы.

Отступающее войско стало ощущать недостаток в съестных припасах. К довершению несчастья, арьергард, который состоял под начальством Демосфена и не мог поспевать за главным войском, был отрезан, окружен и в числе 6000 человек попал в руки неприятеля. Окончательная катастрофа разыгралась на берегу реки Азинара. Измученные усталостью и жаждой бросились воины в реку, чтобы напиться и достигнуть противоположного берега. Во время происшедшего здесь беспорядка они были настигнуты неприятельскими стрелками и всадниками и пали частью от стрел, частью под ударами мечей неприятеля. Многие погибли в волнах. Наконец Никий сдался, и Гилипп прекратил страшную резню. Демосфен и Никий, вопреки данному Гилиппом слову, присуждены были сиракузским народом к смерти и казнены. По другим сведениям, они сами лишили себя жизни. Остальные пленные (7000 человек) были заперты в каменоломни («латомии»), где, мучимые днем палящим зноем, а ночью холодом, погибли под конец от голода и жажды.

Так плачевно окончилось предприятие, начатое столь смело и горделиво. Афинянам, лишенным своих кораблей, уже представлялась потеря столь долго находившихся во власти их приморских берегов и островов. Потеряв уже цвет своего юношества, они дрожали теперь за безопасность своего родного города, так как спартанский царь Агис все еще находился в Декелее. Народ, полный отчаяния, негодовал на своих жрецов, возвестивших благоприятные небесные знамения, и на своих ораторов и руководителей, которые своим красноречием убедили его предпринять поход в Сицилию.

*г) Военные действия Афин и внутренние смуты в них
до возвращения Алкивиада
(413—408 гг. до Р. X.)*

Первое известие о понесенном Афинами ужасном поражении принесено было одним чужестранцем, сошедшим на берег в Пирее; затем весть эту распространил в Афинах один человек из Пирейской гавани. Но так как он не мог найти и назвать имени того, кто передал ему это известие, то народ предал его пытке, как легкомысленного распространителя зловредных слухов. Но скоро явились беглецы и путешественники, которые вполне подтвердили этот слух. Отчаяние сделалось всеобщим. Но афиняне понемногу ободрились.

Из пожилых и известных своим благоразумием людей был составлен комитет в числе десяти человек. Комитет этот должен был следить за тем, чтобы все излишние расходы в государстве были ограничены,

чтобы за Афинами было удержано обладание столь важным для них островом Эвбеей и чтобы с величайшей поспешностью было сооружено возможно большее число военных кораблей для обеспечения господства на море и над союзниками. Хиос, Милет и другие города замыслили отпадение, а сатрапы Фарнабаз и Тиссаферн желали при содействии спартанцев снова овладеть греческими городами в Малой Азии. Оба сатрапа рассчитывали достигнуть этого союзом со Спартой. Со своей стороны Спарта имела все шансы присоединить к господству своему в пелопоннесском союзе и гегемонию на море и таким образом сделаться повелительницей всей Эллады. Хиос, Клазомены, Милет и другие города присоединились к пелопоннесскому союзу. Между Спартой и персами при посредстве Алкивиада состоялось соглашение, по которому были признаны права персидского царя над греческими городами малоазиатского материка; вследствие этого Милет был передан сатрапу Тиссаферну. Спартанцы предпочитали видеть эти города во власти персидского сатрапа, чем в руках афинских демократов.

Сам Алкивиад посоветовал спартанцам овладеть господством на море, подчинить себе отпавшие ионические и геллеспонтские города и послать флот к берегам Азии. План Алкивиада состоял в том, чтобы с помощью неприятельских войск заставить почувствовать в Афинах его собственную силу, низвергнуть тамошнюю демократию и при содействии нового, составленного из самых уважаемых граждан, правления настоять на своем возвращении.

Между тем афиняне упрочили свою власть на острове Самосе. Затем им удалось удержать Лесбос, напасть на Хиос, опустошить его и дать собравшимся у Милета под начальством Алкивиада пелопоннессцам и ионянам победоносное сражение. Они могли уже надеяться снова возвратить себе ионян, так как в это время хорошие отношения между Тиссаферном и спартанцами снова сильно поколебались, и условия заключенного между Спартой и персами соглашения не вполне соответствовали желаниям сатрапа относительно малоазиатских городов.

Этой внезапной перемене содействовал и Алкивиад. Со времени несчастного морского сражения при Милете он стал казаться спартанцам подозрительным, вследствие чего было приказано убить его тайно. Но, предупрежденный вовремя, Алкивиад успел спастись бегством. Он отправился к Тиссаферну и убедил его, что своей односторонней помощью спартанцам он сделает всемогущими только последних.

Тиссаферн начал действовать согласно его желаниям. То было первое благодеяние, оказанное изгнанным Алкивиадом своим согражданинам. При таких обстоятельствах между ним и начальниками стоявшего у Самоса афинского флота начались переговоры. Афинские триерархи и другие значительные лица во флоте ревностно желали уничтожить демократию. Со своей стороны, Алкивиад обещал свое содействие к получению афинянами помощи от персидского царя и сатрапов. Но он обещал эту помощь не прежде, как по уничтожении не внушавшего

ему доверия народного господства и лишь после передачи власти в Афинах в руки «лучших» людей, то есть аристократического меньшинства. Из числа бывших в афинском флоте стратегов (полководцев) один Фриних догадывался о сокровенных намерениях Алкивиада и сомневался в искренности его обещаний. Остальные приняли сторону Алкивиада в надежде на достижение власти и богатства.

Пизандр вместе с некоторыми другими (в 412 г.) был отправлен из Самоса в Афины объявить и привести в исполнение принятое войском решение. Хотя народ и восстал горячо против возвращения Алкивиада и уничтожения демократии, но убеждение, что это было единственным средством спасти государство, заставило его умолкнуть. Решением народного собрания Фриних, как главный противник Алкивиада, был отрешен от должности полководца, Пизандр и десять других лиц были посланы в Азию для переговоров с Тиссаферном о заключении союза.

Сатрап предъявил непомерные требования¹. Он потребовал утверждения за персидским царем верховной власти над ионянами и права отправлять к Аттике и соседним с нею берегам столько кораблей, сколько ему заблагорассудится. Послы не могли согласиться на такие условия, и переговоры были прерваны. Тогда сатрап немедленно снова сблизился со спартанцами.

Несмотря на это Пизандр со своими товарищами по возвращении на Самос, у которого все еще находился флот, продолжал хлопотать о низвержении демократии. Они не отступали даже пред кровавыми насилиями. Множество друзей народа, в том числе Гинербол, были умерщвлены. Но когда аристократическая партия из 300 «лучших и отборных» людей попробовала напасть на расположенный в пользу демократии экипаж правительственного почтового судна «Парала», то нападение это было отбито с большим уроном. Один из предводителей демократов, Хаирей, поспешил в Афины, чтобы возвестить о победе демократической партии во флоте. Но здесь, к крайнему своему удивлению, он нашел дела в совершенно новом положении. Ораторы Антифон и Ферамен, честолюбивые интриганы, к которым присоединился и бесхарактерный Фриних, хитростью и насилием привели демократию к падению. По возвращении своем в Афины Пизандр нашел дело наполовину уже сделанным. Теперь по его предложению прежнее государственное устройство было отменено. Вместо совета пятисот был учрежден избранный в духе олигархии и с неограниченной верховной властью совет четырехсот. Чтобы сохранить за народом призрак участия его в управлении, были избраны 5000 граждан, которых новый совет собирал «в случае надобности». Новый порядок ве-

¹ По свидетельству Фукидида, в этом скрывалось тайное участие Алкивиада. Когда он увидел, как мало был расположен Тиссаферн покровительствовать афинянам, то он, внушив сатрапу непомерные требования, желал свалить на афинян вину в неудаче переговоров и тем самым прикрыть свое собственное бессилие.

шей прямо поддерживался силой страха. Всякий, кто выказывал дух противоречия, был умерщвляем¹.

Возможность лишить народ государственного устройства, приобретенного им за сто лет перед тем изгнанием тиранов, объясняется двумя главными причинами. Во-первых, выдающиеся умы того времени были вполне убеждены в вырождении демократии, вследствие чего неразумная народная толпа слишком часто увлекалась красноречием честолюбивых демагогов. Во-вторых, сами граждане истомились от беспрерывных беспокойств, причиняемых укрепившимся в Декелее неприятелем. Ожидая облегчения от перемены образа правления, граждане не оказали ей никакого сопротивления.

Олигархическая партия, захватившая в свои руки власть в Афинах, не замедлила завязать сношения со своими единомышленниками в Спарте и с персами. Но прежде чем дело дошло до формального союза, в положении дел произошла новая, неожиданная перемена.

Стоявший у Самоса и находившийся под начальством Ф р а з и б у л а и Ф р а з и л л а флот, узнав о насилиях олигархов, открыто высказался на общем собрании своем против нового правления в Афинах. Затем было предложено вновь призвать Алкивиада, так как через его влияние надеялись доставить персидскую помощь находившемуся у Самоса афинскому флоту. Войско охотно согласилось на такое предложение. Алкивиад не замедлил принять переданное ему лично Фразибулом предложение. В состоявшемся затем собрании войска Алкивиад распространился о своем сильном влиянии на Тиссаферна и в доказательство благосклонного расположения его к афинянам обещал, что финикийский флот, который в то время стоял уже у Аспенда в Памфилии, соединится с афинским флотом. Войско предалось самым радостным надеждам, избрало Алкивиада своим вождем и пожелало немедленно отправиться в Пирей, чтобы отомстить олигархам.

Но Алкивиад представил все безрассудство такого требования. Он доказывал, что прежде всего не следует оставлять ионян, если не желают, чтобы они сделались добычей народного врага. Убедив в этом, он отправился к Тиссаферну, чтобы переговорить с ним о дальнейших действиях или, по крайней мере, показать войску вид, что он намерен вступить в такие переговоры. Теперь он достиг цели всей своей предшествовавшей политики. Как предводитель афинян, он был страшен Тиссаферну, как друг последнего, он сделался необходим для афинян, и в тоже время он разрушал всякое доверие между Спартой и сатрапами.

Весть о положении дел при Самосе не замедлила утратить афинских олигархов. Они поспешно занялись постройкой новых укреплений на северо-западной оконечности Пирея, чтобы иметь возмож-

¹ Не без иронии говорит Сократ у Платона: «Рассуждая о строении города, спрашивают зодчего; когда толкуют о постройке корабля, спрашивают корабельного мастера; а когда дело идет о беспорядках в государстве, советует всякий: и кузнец, и сапожник, и лавочник, и хозяин корабля, и бедный, и богатый».

ность удалиться туда в случае опасности. Они страшились уже возможности возвращения флота в Афины и лучше желали принять к себе в город спартанцев, чем впустить в Пирейскую гавань свой флот. Для переговоров об этом было отправлено посольство в Спарту. Но Антифон и Фриних возвратились, не исполнив этого поручения. Спартанцы по своей недалёковидности не поняли всей выгоды такого предложения.

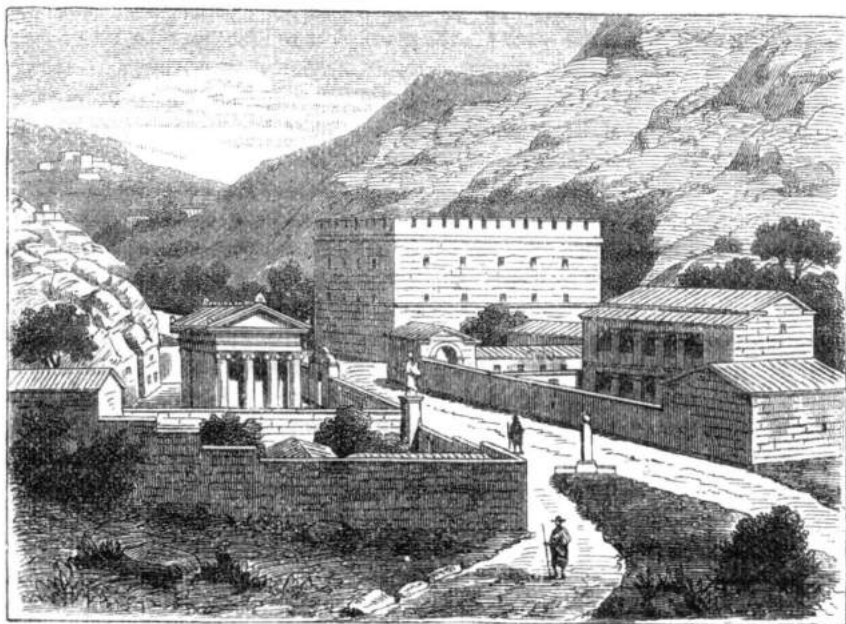
Некоторые из олигархов, которые желали умеренной демократии и имели во главе своей Ферамена, воспользовались этим обстоятельством, чтобы посеять недоверие и ненависть против остальных олигархов. Они распустили слух, что олигархи хотят сдать город спартанцам. Последовало страшное волнение. Фриних был умерщвлен среди белого дня. Убийца скрылся. Соучастник его, один аргосец, подвергнутый пытке, показал, что происходили тайные собрания. Опасаясь увеличения волнения, совет четырехсот отказался от всяких дальнейших розысков. Ферамен и его единомышленник Аристократ решили, что пришло время действовать. Они явились в Пирей и потребовали, чтобы возводимые в нем укрепления были разрушены. Предложение это было принято с радостью, и народная толпа, все увеличиваясь и увеличиваясь на пути своем, направилась к зданию совета четырехсот и громко требовала созыва пяти тысяч в Народное собрание. Испуганный угрожающим видом народа, совет четырехсот исполнил его требование.

В то время как в Народном собрании состоялось постановление о перемене образа правления, спартанский флот под начальством Агезандрида приблизился к городу, чтобы воспользоваться господствовавшим в нем замешательством. По получении об этом известия, забыв все прежние ссоры, все бросились на корабли и на стены. Но начальник неприятельского флота неожиданно переменял направление и, обойдя мыс Суний, направился к Эвбее. Чтобы предотвратить потерю этого острова, афиняне тотчас же послали 36 кораблей под начальством Тимохара. Но флот этот, вследствие измены эретрийцев и неспособности экипажа, потерпел поражение. Эвбея, бывшая для Афин, по выражению Фукидида, «всем», так как афиняне получали оттуда большую часть съестных припасов, была потеряна.

Это был самый жестокий удар, испытанный Афинами в течение всей войны, и не могло быть более никакого сомнения в том, что теперь легко было завладеть Пиреем и полностью уничтожить сами Афины. Осторожность спартанцев и на этот раз спасла афинян. Они скоро пришли в себя и выказали необыкновенную деятельность в водворении внутреннего порядка. В Народном собрании состоялось решение уничтожить совет четырехсот и передать правление в руки 5000 граждан¹. Из олигар-

¹ На будущее время право участвовать в Народном собрании предоставлено было только тем, кто мог сам за свой счет вполне вооружиться. Далее, чтобы устранить от управления государством бедных, как более склонных к беспорядкам, было отменено производство жалованья чиновникам. Это прославленное Фукидидом, как прекрасное «соединение» аристократии и демократии, государственное устройство не замедлило, кажется, в скором времени снова обратиться в прежнюю чистую демократию.

хов только Антифону и Архептолеу пришлось искупить смертью и потерей всего имущества свои действия, направленные ко вреду народа; Пизандр и Аристарх успели спастись бегством (в 411 г.). Теперь снова была возобновлена порванная было связь между находившимся у Самоса флотом и Афинами. Отправленное из Афин посольство

*Дорога из Элевзина в Афины.
(Реставрация).*

восстановило с войском полное согласие и возвратило вождю его Алкивиаду все права и почести. При возвращении своем послы могли объявить и о превосходном результате своего посольства и присоединить к этому радостную весть о том, что афинское оружие вновь оказалось победоносным в северных морях.

Счастье, казалось, снова обратилось к афинянам. В том же 411 году под предводительством Фразибула и Фразилла они два раза счастливо сразились, в особенности с помогавшими сатрапу Фарнабазу спартамцами при Абидосе и Геллеспонте. Алкивиад, который также принимал участие во втором морском сражении при Абидосе, в 410 году одержал блестящую победу над спартанцем Миндаром при К и - з и к е (на Пропонтиде). Сам Миндар пал в этой битве. Этот удар и потеря всех кораблей привели спартанцев в полное отчаяние, выраженное откровенно следующими словами в перехваченном письме к спартанскому правительству: «Счастье отступилось; Миндар убит; люди голодают; не знаем, что делать!» Фарнабаз употреблял все ста-

рания, чтобы утешить спартанцев в их поражении. Он снабдил их одеждой, съестными припасами, оружием и деньгами и старался защитить берега Геллеспонта и Пропонтиды. Но Фарнабаз потерпел чувствительное поражение при Абидосе (в 408 году). Алкивиад взял Халкедон, Византию и другие города и вновь доставил Афинам господство на море и денежные источники.

Озаренный блеском своих подвигов, Алкивиад после восьмилетнего отсутствия пожелал вновь увидеть свое отечество. Он мог с гордостью поднять свою голову. Он извлек Афины из такой глубокой бездны и вознес на такую высоту, что народ мог преисполниться в будущем самыми смелыми надеждами. С многочисленным флотом военных и транспортных судов вступил Алкивиад в Пирей (в 407 году). Его ожидал самый пышный прием. Бесчисленная толпа народа, родственники, друзья и приверженцы приветствовали его восторженными криками, как своего избавителя. Ничто не нарушало общего ликования. Окруженный своими друзьями, среди тесной толпы ликовавшего и смотревшего только на него одного народа прошел он сначала в совет, а затем в народное собрание. Здесь в оправдание свое он сказал защитительную речь и затем был избран народом неограниченным предводителем сухопутных и морских сил. Было решено возвратить ему его имения, а хирофант, т. е. высший жрец из рода Евмолпидов, должен был снять проклятие, наложенное на него, как на осквернителя Элевзинских таинств. Чтобы еще решительнее оправдаться в глазах народа в этом последнем обвинении и расположить к себе всех почитателей элевзинских таинств, Алкивиад остался в Афинах до наступления их девятидневного торжества.

На шестой день этого праздника статую Якха, то есть Дионисия, пронесли в торжественной процессии так называемым священным путем из Керамика — лучшего предместья Афин — в Элевзин. Тысячи народа, сопровождавшие процессию, оглашали воздух криками: «Якх! Якх!» Со времени утверждения спартанцев в Декелее процессия эта ни разу не могла состояться. На этот раз Алкивиад, чтобы спартанцы не осмелились воспрепятствовать процессии, прикрывал ее своим войском и оказал тем такую услугу, что она в глазах толпы равнялась одержанной им победой.

Враги Алкивиада были крайне раздражены обожанием его народом, но ни один из них не отваживался возвысить против него голос. Они почувствовали сильное облегчение, когда ненавистный им народный любимец после трехмесячного пребывания на родине в сопровождении Фразибула покинул Афины и отправился снова к Самосу со 100 хорошо вооруженными триремами, 1500 голплитами и 150 всадниками, чтобы представить, как надеялся народ в своем упоении, новые доказательства своего неизменного счастья. Никто не предчувствовал, с каким искусным противником придется ему иметь дело на театре военных действий.

д) *Лизандр; сражение при Эгос-Потамосе. Падение Афин*
(407—404 гг. до Р. Х.)

Беспрестанные несчастья заставили спартанцев обстоятельно подумать о том, какими средствами должны они предотвратить угрожавшие им бедствия. Они нуждались в выдающемся государственном человеке и военном предводителе. Таким был Лизандр. Чисто спартанской суровостью образа жизни и твердостью характера он резко отличался от тщеславного и мягкого Алкивиада, но сходствовал с ним в хитрости, с которой умел составлять дальновидные планы, настойчивости и энергии, с какими приводил их в исполнение. Коварство, приписываемое Спарте в сношениях ее с другими государствами, Лизандр довел до бессовестности. Доказательством этого может служить его правило: «Детей должно обманывать игрушками, а взрослых клятвами». Он также обыкновенно говорил: «Там, где недостаточно лвиной шкуры, надобно надевать лисью». Лизандр и Алкивиад сходились между собой еще и в том, что оба желали не только служить своему отечеству, но и у п р а в л я т ь им. Важной ступенью для достижения Лизандром власти послужило учрежденное спартанцами новое достоинство наварха (предводителя флота), которого не могли занимать цари.

Между тем в это время отношения к Персии приняли для Спарты весьма благоприятный оборот. Место Тиссаферна, которого Алкивиад посредством своего влияния сделал если не полезным, то, по крайней мере, безвредным для афинян, занял младший сын персидского царя — К и р. Любимец своей матери Парисатиды, вполне управлявшей своим супругом, слабым Дарием II Нофом (423—404), он назначен был благодаря ее влиянию сатрапом всей Передней Азии (в 407 г.). Вероятно это было сделано Парисатидой с той целью, чтобы Кир мог подготовить здесь средства для вступления впоследствии на престол, на котором она желала видеть его, а не старшего сына своего Артаксеркса. Едва Кир успел прибыть в Сарды, как Лизандр поспешил туда приветствовать его. Мужественный Кир, издавна чувствовавший известное влечение к храбрым соотечественникам Лизандра, был необыкновенно польщен таким придворным обращением спартанца. Он не ограничился только тем, что выдал матросам заслуженное уже ими жалованье, но дал Лизандру средства заплатить им за месяц вперед. В пылу своего рвения Кир обещал даже в случае нужды расплавить и обрратить в монету свой золотой трон.

Лизандр расположился у Эфеса; недалеко оттуда, у мыса Н о т и я, находился с своим флотом и Алкивиад. Алкивиаду стоило больших забот и трудов доставать деньги, и для сбора их он нередко вынужден был прибегать в отношении городов к жестоким мерам. Однажды для сбора денег Алкивиад должен был отправиться в Карию. Уезжая, он дал своему помощнику Антиоху решительное приказание не вступать в его отсутствие в битву с спартанцами, даже в том случае, если бы они вызы-

вали его на это. Несмотря на такое повеление, Антиох сам вызвал на бой спартанский флот. Он был разбит Лизандром при Нотие, потерял 15 кораблей и сам пал в битве. Получив известие об этой неудаче, Алкивиад поспешно вернулся к Самосу и тщетно вызывал Лизандра на новую битву. Враги Алкивиада воспользовались поражением при Нотие, чтобы погубить его, и, приписывая поражение это его небрежности, заговорили даже о его измене. Они добились того, что Алкивиад был лишен звания предводителя. Вместо его были избраны 10 предводителей и в числе их Конон. Мера эта сделала невозможным единство управления в военных действиях. Алкивиад возвратился в свой замок Визант при Византионе, чтобы следить отсюда за ходом дела.

Со своей стороны и Спарта сменила наварха. Лизандр по истечении установленного законом годового срока был отозван и замещен Калликратидом. Составляя совершенную противоположность с Лизандром, Калликратид отличался суровым, но в то же время правдивым и мужественным характером и считал для грека за стыд унижаться перед варваром из-за денег. Не будучи принят Киrom в Сардах, он через несколько дней покинул этот город. Вначале ему посчастливилось, и он, разбив бывший под начальством Конона и состоявший из 70 кораблей афинский флот, запер его в Митиленской гавани; при этом Афины потеряли тридцать трирем (в 406 г.). Но афиняне в самом скором времени усилили свой флот 150 кораблями и вступили под начальством Конона при Аргинузских островах, вблизи Лесбоса, в новое сражение, в котором пелопоннесцы лишились 70 кораблей, а сам Калликратид был убит.

Благодаря господствовавшим в Афинах крамолам, победоносные предводители были обвинены в том, что они не спасли погибших в обломках 25 разбитых судов и не вытащили из воды мертвых. Предводители эти тотчас же были отрешены от своих должностей; какой-то Калликсен даже требовал их казни. Несмотря на мужественную защиту Сократа и на то, что предводители доказывали явившимся теперь их обвинителями Ферамену и Фразибулу, что с их стороны были сделаны соответствующие распоряжения и что главнейшей причиной, которая воспрепятствовала спасению погибавших, была буря, противники предводителей не приняли во внимание этих объяснений и употребили самые постыдные средства, чтобы погубить их. Для достижения этой цели был призван в народное собрание один спасшийся от кораблекрушения матрос, который показал, что ему было поручено потерпевшими крушение обвинить предводителей в неподании им помощи. Затем перед народом явилось множество родственников погибших в черных одеждах, с обстриженными волосами, чтобы возбудить сожаление к себе и жажду мщения к предводителям. Все это настолько подействовало на народ, что предводители были приговорены к смерти, и шестеро из них, прибывшие в Афины, должны были выпить чаши с ядом.

Вслед за этим приговором началось последнее действие кровавой драмы. В числе новых предводителей способнейшим и опытным был Конон, но он лишь с величайшим трудом мог противодействовать зависти соединившихся против него остальных предводителей. К этому присоединилось и то обстоятельство, что каждый способный предводитель мог ожидать для себя такой же печальной участи, какая так недавно еще постигла его предшественников.

У спартанцев же, напротив того, первенствующую роль снова занял хитрый Лизандр. Хотя спартанскими законами и запрещено было вверять одному человеку вторично звание наварха, но нашли средство обойти закон, чтобы угодить общему желанию всех союзных городов и даже самого Кира. Лизандр был назначен помощником нового наварха, А р а к а, который был навархом только по имени, в действительности же военачальником сделался Лизандр. Его деятельность тотчас же внесла новую жизнь в военные действия. Получив благодаря щедрости Кира обильный запас платья и обуви, в чем в особенности нуждалось его войско ввиду приближавшейся зимы, Лизандр собрал у Геллеспонта все корабли и завладел богатым городом Лампсаком. Афиняне с 180 кораблями поспешили за Лизандром и расположились напротив Лампсака у Эгос-Потамоса (Козья Река). Положение их здесь было невыгодное. Вблизи вовсе не было гаваней, а значительная отдаленность города Сеста, откуда им приходилось получать съестные припасы, заставляла войска покидать корабли и разбегаться по берегу, что было весьма опасно ввиду постоянно и зорко наблюдавшего за ними такого противника, каким был Лизандр. Алкивиад, все еще преданный своему отечеству, прибыл из своего замка к стратегам, обратил их внимание на опасность занимаемого ими положения и предлагал им перейти к Сесту. Но стратеги приказали ему удалиться, так как теперь не он, а они начальствовали, и Алкивиад вернулся к себе.

С прибытием афинян Лизандр держал в гавани свой флот и свои войска постоянно готовыми к бою, но не вступал в сражение, несмотря на то, что афиняне ежедневно вызывали его сразиться с ними. Афиняне, видя каждый вечер неудачу, возвращались назад и разбегались по берегу для закупки жизненных припасов и при виде притворной робости неприятеля делались все беспечнее и самонадеяннее. Но именно этого и желал Лизандр, поменявший на этот раз льющуюся шкуру на лисью. Посылая каждый раз корабль для наблюдения за удалявшимися афинянами, он из доставляемых ему сведений постоянно убеждался все в большей и большей их беспечности. Наконец на пятый день увидав издали с посланного им корабля условленный знак о том, что афинское войско, по обыкновению своему, оставило флот и рассеялось по окрестным берегам, Лизандр быстро двинулся вперед со своими кораблями и овладел без боя оставшимся почти без всякой защиты неприятельским флотом. Один только Конон с восемью кораблями спасся бегством в Кипр, к

царю Эвагору, а девятый корабль послал в Афины с известием о совершенном истреблении их морских сил.

Весть об этом решительном поражении произвела в Афинах удручающее впечатление. Судно «Парал» прибыло в Пирей ночью. Крик отчаяния пронесся от гавани до Афин, и никто не мог в эту ночь заснуть спокойно.

Но еще сильнее этой скорби был страх возмездия за все притеснения афинян во время господства их на море. Первый акт мщения разыгрался в военном суде в Лампсаке, куда Лизандр направился после сражения. Здесь он казнил 3000 пленных афинян и первым из них стратега Филоклеса¹. Последней жертвой должны были пасть сами Афины. Сначала Лизандр покорил принадлежавшие Афинам города на Геллеспонте и между ними Византию и Халкедон; другая же часть его флота в то же время без труда завладела фракийскими городами. Во всех покоренных городах была введена олигархия. Управление в этих городах было вверено одному спартанцу, в качестве гармоста (правителя), при котором состоял совет десяти мужей, выбранных из образованных в них уже перед тем обществ (гетерий). Были покорены также и острова, за исключением Самоса, который оказал сопротивление. Всех попадавшихся в плен афинян и афинские гарнизоны покоренных городов Лизандр отпускал в Афины, рассчитывая, что скопление людей произведет там недостаток в съестных припасах и голод.

Водворив новые порядки на Геллеспонте и островах, Лизандр приступил к осаде Афин. Он расположился со 150 кораблями перед Пиреем; явившийся для той же цели с сухопутным войском Павзаний соединился в Декелее с войсками Агиса и обложил город с суши. В городе, переполненном людьми, скоро наступил страшный голод. Решено было вступить в переговоры с Агисом. Он отправил послов с предложением мирных условий в Спарту. Но по прибытии в Селлазию ввиду того, что просьба их о пощаде гавани и стен не была уважена, они были отправлены эфорами назад. Это произвело в Афинах новый ужас и замешательство. Однако на изъявленное спартанцами согласие заключить мир с Афинами под условием срытия их стен на протяжении десяти стадий, некто Архестрат высказал в Народном собрании мнение, что лучше быть заключенным в темницу, чем согласиться на эти условия. После этого никто из афинян не решался высказаться за принятие предложенных спартанцами условий.

Тогда выступил Ферамен, который, хотя и покровительствовал прежде аристократии, но, несмотря на это и на частую перемену своих политических убеждений, все-таки был любим народом. Он обещал доставить почетный мир, если ему дадут полномочия. Они были ему даны. Ферамен отправился к Лизандру и поневоле или с умыслом

¹ Незадолго перед тем Филоклес посоветовал всем, кто будет взят в плен, отрубить правую руку. Лизандр спросил его, какого наказания заслуживает он за свой злодейский совет, и тотчас же приказал казнить его.

пробыл у него три месяца. В продолжении этого времени нужда и неистовство партий в злополучном городе достигли высшей степени, Лизандр добился своей цели: афиняне смирились. Когда наконец Ферамен возвратился и объявил, что вопрос о мире может быть решен только в Спарте, Народное собрание предоставило ему неограниченные полномочия и отправило его с девятью другими уполномоченными в Спарту.

Здесь собрались все пелопоннесские союзники для решения участи Афин, и некоторые из них, в особенности коринфяне и фиванцы, требовали полного их уничтожения. Но спартанцы решительно объявили, что жители эллинского города, которые оказали Греции в минуты величайшей опасности столь огромные услуги, не могут быть обращены в рабство. Затем афинянам были предложены следующие условия мира: они должны были скрыть стены укрепления Пирейской гавани, выдать, за исключением двенадцати, все корабли, возвратить всех изгнанников, отказаться от господства над союзниками и помогать спартанцам во всех их войнах на суше и на море.

Против принятия этих условий восстали лишь немногие; большинство же, понуждаемое голодом, изъявило на них свое согласие, и народ решил принять предложенные условия. Тогда Лизандр в сопровождении многих афинских изгнанников вступил в Пирей, флот был уведен, а стены и укрепления под звуки музыки разрушены. Затем было внесено в народное собрание предложение, принятое по настоянию Лизандра, об избрании 30 мужей, которые должны были составить вместо демократической новую форму правления и вступить в управление государством. Большинство из этих тридцати были изгнанные аристократы, возвращенные Лизандром из изгнания. Во главе их стояли сварливый Ферамен и честолюбивый Критий. Для устрашения народа был оставлен в Акрополе спартанский гарнизон и гармост, присланный из Спарты. Тридцать мужей, избранные для установления нового государственного порядка, вместо этого занялись вскоре утверждением своей собственной власти, почему возненавидевший их народ прозвал их «тридцатью тиранами».

Эти тридцать тиранов, равно как и Спарта, не считали прочным своего господства до тех пор, пока не падет последняя опора демократии — Алкивиад. Он покинул свой замок в Херсонесе Фракийском и из боязни преследования искал защиты у Фарнабаза — сатрапа Фригии. Отсюда (около 404 г.) Алкивиад намеревался отправиться в Сузу, ко двору нового царя — Артаксеркса Мнемона, чтобы сообщить ему о предательских планах брата его Кира и о настоящем положении Греции. Чтобы воспрепятствовать этому, спартанцы и олигархическая партия в Афинах употребили все свои усилия и довели наконец Фарнабаза до того, что он приказал убить Алкивиادا, который находился в то время в одной фригийской деревне. Были посланы убийцы. Но они, боясь приблизиться к Алкивиаду, окружили и подожгли ночью его дом. Алкивиад хотел спастись бегством и с обнаженным мечом высо-

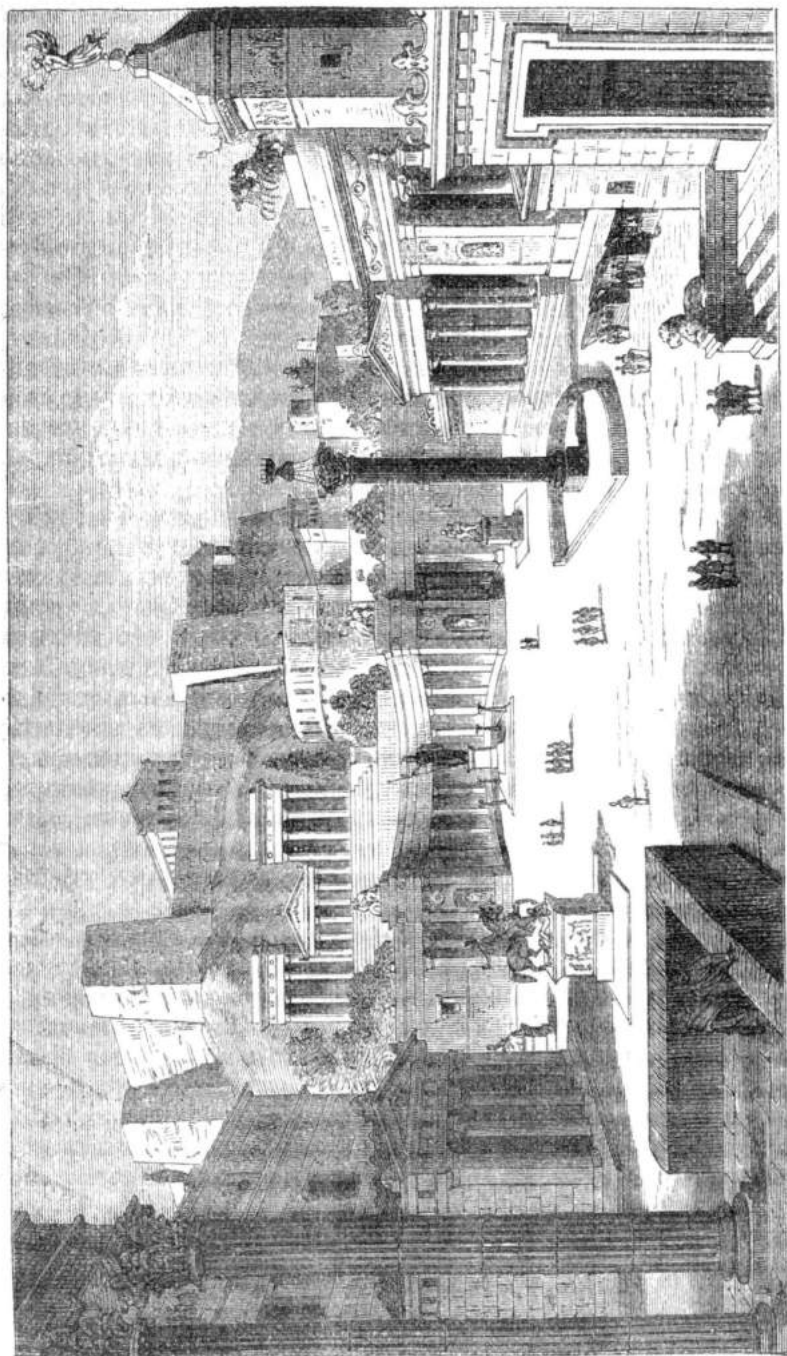
чил из дома. Но убийцы издали поразили его стрелами и копьями. Находившаяся при Алкивиаде подруга его, Тимандра, воздала его труп последние почести. Подчинив своей власти Афины, Лизандр приплыл к Самосу, овладел этим островом, сверг тамошнюю демократию и ввел там олигархию. В то же время Навпакт был возвращен Локрам, а поселенные в нем афинянами мессенцы были из него изгнаны. После всего этого Лизандр возвратился в Спарту.

14. Гегемония Спарты. Грозное правление «тридцати» в Афинах. Фразибул

В то время как великая Пелопоннесская война имела ближайшим последствием для Афин уничтожение их внешнего могущества и преобразование их государственного устройства из демократического в олигархическое, война эта внесла в Спарту коренные внутренние перемены. Сам дух Спарты существенно изменился. Будучи прежде лишь сухопутной державой, Спарта благодаря этой войне сделалась и морской. Предназначенная Ликурговым законодательством к замкнутости, Спарта находилась теперь в непрерывных сношениях с другими государствами. Черная прежде силу свою исключительно лишь в отличительных добродетелях народного характера, в простоте и в воздержании, в бедности и презрении ко всякой роскоши, она увлеклась теперь пагубной страстью к богатству и роскоши. Лизандр привез в Спарту множество золотых венцов и 470 талантов наличными деньгами, полученные им частью в виде подарков и дани от покоренных городов, частью от сатрапа Кира в виде вспомоществования. Против этого восстали многие, которые сознавали, что такой наплыв богатств вредно отразится на народном характере. Они опасались, что дух корыстолюбия и продажности, проявленный уже неоднократно частными лицами в сношениях с иностранцами, не проник бы и в само управление государством¹. Но ввиду положения Спарты, которая не имела возможности без денежных средств утвердить только что приобретенное ею господство, желание Лизандра и его партии в конце концов восторжествовало. В Спарте учреждена была общественная казна. Но с этого момента началась действительная порча нравов, и на протесты сторонников Ликургова законодательства обращали все менее и менее внимания.

Между тем в Афинах началось грозное правление «тридцати тиранов», руководимых К р и т и е м. Опираясь на находившийся в городе

¹ Полученную в Афинах богатую добычу деньгами и подарками должен был доставить в Спарту Гилипп. Он утаил известную сумму наличными деньгами, но был предан одним рабом, который тайно уведомил о том эфоров следующими словами: «Под черепичной кровлей моего хозяина спят совы». Эфоры тотчас же поняли, что под совами следует подразумевать чеканное изображение совы — птицы Афины, употребляемое на монетах, велели обыскать дом Гилиппа и таким образом изобличили обманщика.

Торговая площадь в Спарте.

спартанский гарнизон, они обратили свое неистовство против всех лиц, подозреваемых ими в политическом отношении или обладавших достаточным состоянием. Многие были казнены, другие изгнаны и лишены своего имущества. Жертвами кровожадности Крития пали все, кто осмелился возражать ему; в числе их был и один из тридцати — Ферамен. Критий обвинил его перед советом в измене олигархии. Для того, чтобы никто не осмелился защищать Ферамена, в зале суда были поставлены юноши с скрытыми под платьем короткими мечами. Ферамен искал спасения у алтаря. Но Критий приказал силой оттащить его оттуда, и Ферамен должен был выпить чашу с ядом. Последние капли смертельного напитка Ферамен вылил на землю со следующими словами: «Это для милого Крития».

В виду таких злодеяний все, кто только мог, спасались бегством в соседние города. Напрасно спартанское правительство под угрозой тяжкого наказания требовало выдачи беглецов; сострадание к несчастным и ненависть к властолюбивой Спарте заставляли Аргос, Фивы и другие города давать им у себя убежище.

Тайно поддерживаемый Фивами, Фразибул решился с несколькими бежавшими с ним афинянами явиться на помощь к своим согражданам, жаждавшим спасения. Сначала он овладел лежавшим близ Аттики горным замком Филой. Здесь вскоре собралось множество изгнанников. После небольших удачных стычек с войсками «тридцати» изгнанникам удалось наконец овладеть Пиреем. Затем они дали большое сражение на вершине Мунихии. Здесь пал Критий. В Афинах произошло возмущение. Большинство из оставшихся еще вооруженными 3000 полноправных граждан — остальные в начале грозного правления были обезоружены — отказалось повиноваться тиранам, и эти последние, за исключением Фейдона и Эратосфена, удалились в Элевзин. Место их в управлении заняли десять мужей, которые и продолжали вести войну с демократами, укрепившимся в Пирее. Тогда на помощь к олигархам явился с войском Лизандр. Но зависть царя Павзания и эфоров спасла предприятие Фразибула от всемогущего Лизандра. Прибывший на театр военных действий Павзаний решился положить конец злополучной войне. Он вступил вскоре в переговоры с демократами в Пирее и склонил наконец обе партии к примирению. В силу этого соглашения Фразибул и все изгнанники и беглецы получили право возвратиться, а для обеспечения спокойствия была объявлена полная амнистия (забвение прошлого), из которой были исключены только тридцать тиранов, заступившие их десять мужей и еще одиннадцать человек, которые требовали казней.

Местом пребывания тридцати был назначен Элевзин. Но когда они сделали попытку снова захватить в Афинах власть в свои руки, то Фразибул осадил Элевзин и большинство их было убито.

В Афинах под наблюдением архонта Эвклида восстановлено было древнее Солоново государственное устройство с устранением всего

того, что устарело и было признано несоответствовавшим времени и современному развитию, — и после продолжительных тревожных дней началась снова свободная жизнь, исполнения новых упований.

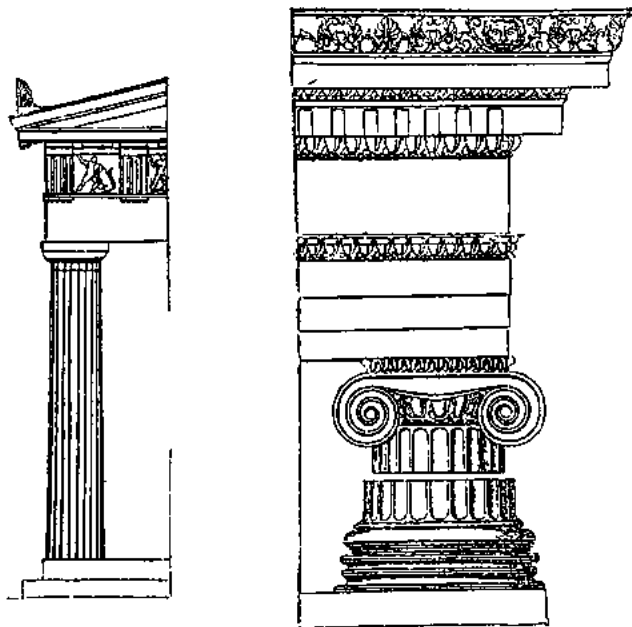
15. Умственная жизнь греков в цветущий период их истории

Насколько греки были разьединены на других поприщах, в особенности на политическом, настолько являются они нам в то же время действующими единодушно и до позднейших времен производительными на одном поприще, на поприще науки и искусства. Изящные искусства и науки находились у греков в теснейшей связи с их государственной и религиозной жизнью. Великие мастера архитектуры и ваяния, созидая величественные храмы, портики, гимназии, статуи и памятники, служили государству и религии; им же служили и великие поэты, в особенности трагики. Они распространяли в народе своими возвышенными произведениями, содержанием которых избирали сказания о богах и героях, глубокие нравственные и религиозные идеи и старались образовать хороших граждан. Изображения богов и героев, сцен из мифологии, которыми в особенности греки имели обыкновение украшать фронтоны храмов, имели целью возвышение душ, воспитание и облагораживание эллинского духа в стремлении к прекрасному. О процветании творческого искусства времен Перикла говорено было уже выше. В Мнезикле, Иктине и Калликрате архитектура (зодчество) нашла своих выразительнейших представителей. Место дорического и ионического орденов колонн с течением времени не только в общественных, но и в частных зданиях занял новый архитектурный орден — коринфский. Благородное достоинство колонн дорического ордена с безыскусной капителью (главой) и гладкими архитравами (переводинами, матицами, между капителью и фризом-поясом), стройность и нежность колонн ионического ордена с их разукрашенной капителью, не удовлетворяли более требованиям, предъявляемым богатыми людьми для их роскошных построек. Тогда появился коринфский орден колонн с тонко и богато изукрашенной капителью и с более совершенной соразмерностью отдельных частей. Впоследствии он вошел в употребление особенно в Риме.

В скульптуре неподражаемым остался Фидий. Ближе всех к нему стоит современник его Поликлет из Аргоса. За ними следуют Скопас и Мирон, позднее Пракситель (около 360 г.). Необыкновенной славой пользовалась его статуя Афродиты в Книде. В живописи в особенности выдавался Полигност с острова Фазоса. Позднее за ним следуют Зевксис и Парразий; но только при Александре Великом живопись достигает своего совершенства в лице Протогена и его современника Апеллеса.

Что касается поэзии, то поэзия эпическая уже находилась в цветущем состоянии, между тем как в лирике появляется имя одного только великого фиванца П и н д а р а (ч. I, стр. 265). Афинскому народу принадлежит составляющая отличительную особенность его творческого духа — д р а м а. Она развилась из хоровых песнопений на празднествах Дионисия.

Вследствие этого театральное представление оставалось по-прежнему видом богослужебного празднества, который прославлял оба праздника: Дионисия и Панафенеи, отправляемые в честь богини —

*Дорический орден колонн.
С храма Тезея в Афинах.*

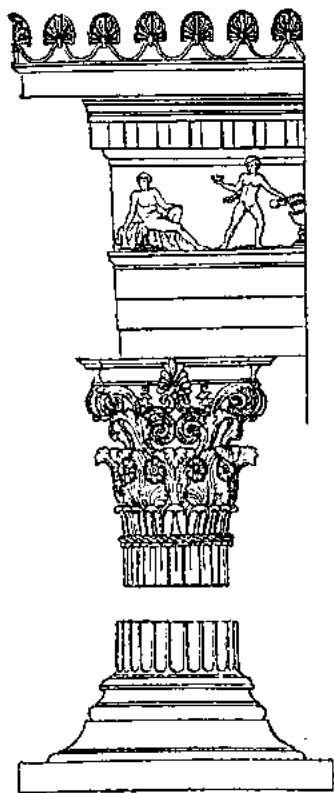
*Ионический орден колонн.
С храма Афины в Приенах.*

покровительницы Афин. Около 540 г. до Р. Х. Ф е с п и с на празднествах Дионисия в Аттике присоединил к хвалебным хоровым песням рассказ, сопровождаемый мимикой и аккомпанементом оркестра; он же, должно быть, ввел в употребление румяна и маски.

Действительным основателем благородных зрелищ следует считать Э с х и л а¹ (525—455). Он изобрел первые декорации и заставил выходить актеров на сцену в париках (тупеях), высоких башмаках и котурнах, вследствие чего они приобретали сверхъестественный, величест-

¹ Эсхил, побежденный на Олимпийских играх молодым Софоклом, переселился в Гелу, в Сицилии, где, по свидетельству одного предания, погиб от черепахи. Орел, схватив черепаху и желая разбить ее, бросил ее на голову стоявшего Эсхила, приняв его лысину за скалу.

венный вид. У Эсхила являются уже два актера. Затем следует хор, то есть неопределенное число лиц, которые выступают на сцене в роли испытанных благоразумных, бесстрастных мужей, старцев (а также женщин и молодых девушек). Хор этот входит в известные отношения с действующими лицами и, не принимая непосредственно живого участия в действии, то дает им свои советы или утешает их, то ободряет или предостерегает.

*Коринфский орден колонн.
С монумента Лизикрата
в Афинах.*

Из 70 написанных Эскилом пьес сохранилось только семь и в числе их «Прикованный Прометей», «Семеро против Фив», «Орестея» (трилогия, состоящая из трех частей: «Агамемнон», «Козфоры» и «Евменеды») и «Персы». Трагедии Эсхила отличаются высотой слога, благородством и величием. Язык их смел и необыкновенно выразителен. Они также не лишены прелести, но, по выражению древних, являются «грозными» богинями, управляющими здешним миром. По форме своей трагедии Эсхила просты, несложны и сохраняют почти прежний характер эпических повествований. Во всех пьесах царствует неумолимая судьба в образе таинственной силы; она стоит выше даже богов, и из страха перед нею люди должны остерегаться переступать предназначенные им границы.

Полного совершенства трагедия достигает только у Софокла (от 496 до 406 г.). Освободившись от свойственной Эскилу эпической распространенности, он придал своей речи художественность и изящество. Действие развивается у него естественно, последовательно и притом так, что внутренние побуждения действующих лиц еще до наступления катастрофы выступают ясно и определенно. Характеры действующих лиц достигают у него художественной отделки, а внутренние чувства изображаются с психологической тонкостью.

Для достижения разнообразия в изображениях характеров Софоклу пришлось прибегнуть к введению третьего актера. Между сохранившимися семью трагедиями Софокла особенно замечательны: «Антигона», «Эдип-царь», «Эдип в Колонне» и «Аякс».

Третье место в ряду великих греческих трагиков занимает Еврипид (480—405). По благородству и смелости он примыкает к Эскилу, а

по изяществу языка и глубине мысли к Софоклу. Еврипид является истинным сыном своего века. Прежний идеальный характер трагедии он перенес или скорее возвратил к истинной правде действительной жизни и изображал людей такими, какими они являются в ней на самом

Пиндар.
С бюста в Капитолийском музее.

Эсхил.
С античной камеи.

деле. При этом в трагедиях своих Еврипид проводил выводы и основные положения тогдашней философии и пользовался софистической диалектикой. Длинные рассказы вместо драматического действия в соединении с часто употребляемой развязкой в виде неожиданно появляющегося божества, так называемого *deus ex machina*¹, показывают, что Еврипид не особенно заботился о естественном и последовательном развитии драмы. Хоровые песни не находятся уже в полной внутренней тесной связи с действием и характерами действующих лиц; они являются как бы чем-то сохраняющимся лишь по обычаю, а не в силу действительной необходимости. Но зато Еврипид отличается необыкновенным пониманием сердца человеческого и его страстей. Главной целью его было возбуждение сострадания и умиления, почему он и заслужил у древних название производящего своими трагедиями глубокое впечатление. Как последователь Анаксагора, Еврипид часто впадает в

Сцена из греческой трагедии.

¹ Бога из машины (прим. ред.).

противоречие с мифами, что нередко пагубно отражается на содержании его пьес; от Еврипида сохранилось восемнадцать трагедий и одна сатирическая драма; между ними замечательны: «Орест», «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде».

Еще глубже проникся афинским народным духом комический писатель Аристофан (452—388). Оставшиеся после него одиннадцать пьес отличаются как необыкновенно живым изображением афинской государственной и народной жизни, так и замечательной художественностью. В остроумнейшей, если не в лучшей, пьесе своей «Всадники» предметом своих нападок Аристофан избрал тип только что народившегося государственного мужа, к которому принадлежал Клеон, и так как из страха пред Клеоном ни один мастер не соглашался сделать его маску, то поэт сам играл его роль, расписав себе лицо¹. В «Облаках» Аристофан в лице Сократа страшно бичует новую философию софистов и ее опасные последствия. Комедии «Мир» и «Акарняне», написанные во время Пелопоннесской войны, изображают в самом остроумном разнообразии тоску по миру. В «Лягушках» Аристофан мстит Еврипиду, как виновнику упадка трагического искусства. Таким образом от внимания и критики поэта не ускользнуло ни одно явление общественной жизни.

Шутка и остроумная насмешка, отличающие более или менее почти все комедии Аристофана, не составляют исключительного их содержания и не служат одной только забаве, а имеют цель более возвышенную и благородную. Предоставленной ему в Афинах на празднествах Дионисия в силу закона и обычая безграничной свободой речи поэт пользовался исключительно для споспешествования политическому и нравственному благополучию своих сограждан. В его речах отражается вся общественная и частная жизнь Афин. Как главный представитель древней комедии, Аристофан неустанно рисует неблагоразумие и заблуждение своего времени, в особенности

Софокл.
С статуи в Латеранском
музее в Риме.

¹ Было принято, чтобы авторы сами играли в своих пьесах, надевая на лицо маску.

необузданные и честолюбивые побуждения демагогов, промахи в политике плохих государственных людей, испорченность народного характера в общественной и семейной жизни и ужасающие размеры, в которых в то время совершалось падение всех религиозных и нравственных начал.

*Еврипид.
С античной статуи.*

Место эпической поэзии заняло прозаическое повествование. Оно окончательно устанавливается с великим историческим творением Геродота из Галикарнаса (484—428). Сочинение это, отличающееся простотой изложения и достоинством, религиозным и патриотическим направлением, изображает в девяти книгах, из которых каждая носит название одной из девяти муз, борьбу греков и варваров. При этом Геродот в особенности проводит ту мысль, что в этой великой борьбе главным образом проявляется божественное правосудие (Немезида), которое наказует человеческую самонадеянность (хибрис).

Когда Геродот читал на Олимпийских играх отдельные части своей истории, между слушателями находился и его великий преемник — Фукидид (465—399) и проливал при этом слезы умиления. Вдохновленный Геродотом, он приступил к своему великому историческому творению и превзошел в нем своего предшественника. Историей «войны пелопоннессцев и афинян» Фукидид желал оставить вечное достояние в назидание государственным людям. На это Фукидиду давали право как строгая правдивость и

беспристрастие, которые не допустили его вначале сделаться приверженцем тогдашней демократии, а после изгнания не сделали его несправедливым к своему отечеству, так и пронизательный исторический взгляд, с помощью которого он постигал связь и основные причины событий.

Далеко ниже его стоит Ксенофонт, ученик Сократа, родившийся в 444 году. Он представил в своей истории нечто вроде приложения к сочинению Фукидида. Это историческое сочинение просто и безыскусно (простое изображение событий в хронологическом порядке) и не освещается какой-либо высшей идеей. Несмотря на это,

оно еще в древности пользовалось вполне заслуженной громкой славой. Ксенофонта называют «аттической пчелой», или «аттической музой» за благозвучность речи, плавность, изящество и безыскусную простоту изложения. Не принадлежа к особенно выдающимся умам древности, он, тем не менее, благодаря прекрасным качествам своего характера является выразителем греческого идеала человеческого совершенства. Из сочинений Ксенофонта замечательны следующие: «Воспоминания о Сократе», представляющее верное изображение последнего, и «Киропедия», которая в виде политического романа рисует воспитание и характер образцового государя в лице и истории персидского царя.

Блестящим памятником деятельности Ксенофонта как полководца, который обеспечил ему навсегда выдающееся место в военной истории, служит его «Анабазис». В нем он описывает знаменитое отступление 10 000 греков после сражения при Кунаксе.

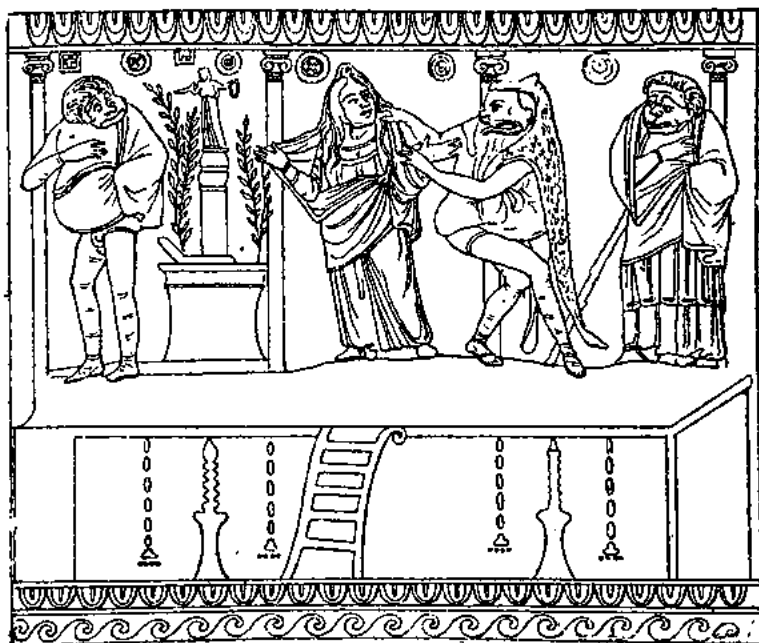
Философия уже и раньше имела видных представителей. То были ионяне, пролагавшие новые пути своими исследованиями. Ряд таких «натуральных философов» (исследователей природы) перечислен уже нами. Фалес Милетский, Гераклит из Эфеса, прозванный за глубину своих умозрений «темным» (около 500 г. до Р. Х.), Анаксагор из Клазомен, Демокрит из Абдеры (род. около 460 г.). Они старались проникнуть в тайнства природы и отыскивали начало вселенной и законы отдельных, частных явлений.

С возрастом развитием внешней жизни и с расширением исследований природы неизбежно должна была возвыситься и в р а ч е б н а я н а у к а, и первое научное изложение этой отрасли знания приписывается Г и п п о к р а т у (между 470 и 370 гг. до Р. Х.), уроженцу острова Коса и современнику Демокрита. Так как, по понятиям греков, природа была населена и оживотворялась богами и богинями, то народ не допускал, чтобы явления природы, которые казались ему происходящими от непосредственных действий божественной воли, рассматривались бы как простые действия законов природы, какими они являются например у Анаксагора. Вследствие этого Гиппократ подвергся обвинению и преследованию, как разрушитель народной религии.

В то время как философы древних школ добивались одной только истины, во времена Перикла, вследствие губительного извращения древних нравов и образа мыслей, появился род философов, которые видели в философии не путь к отысканию истины, а лишь средство к

*Аристофан.
С античного бюста.*

Сцена из греческой комедии.

достижению своих ближайших целей: богатства и чувственных наслаждений. Их называли *софистами*, то есть учителями мудрости. Главным их занятием была одна лишь риторика, то есть красноречие, в котором некоторые из них достигли замечательного совершенства. Софисты поражали слушателей точно так же, как акробат удивляет своих зрителей. На каждый вопрос у них был ответ, на каждое возражение отговорка, для каждого утверждения основание или по крайней мере мнимое основание; в крайнем же случае они опутывали и приводили в замешательство противника целым рядом быстрых и тончайших ложных выводов.

Первым софистом считался Протагор из Абдеры. За ним следует Горгий — уроженец Леонтины на острове Сицилии; современниками его были Гиппий из Элиды и Продик из Кеоса. После того как эти первые софисты оказали услугу формальным развитием греческого языка и приобрели себе пламенных учеников, ближайшие их последователи представляют картину глубоко-

*Гиппократ.
С античного бюста.*

го научного и нравственного падения, достаточно уже объясняемого словами «софизм» (ложный вывод) и «софистика» (остроумное или обманчивое доказательство); слова эти сохраняли свое значение и до настоящего времени. С непозволительным легкомыслием употребляли софисты все средства, чтобы давать понятие и объяснение всему видимому и невидимому. За деньги они учили всевозможным уловкам в речи, спорах и диалектике, то есть искусству говорить за или против данного предмета и говорить так, «чтобы самое дурное обращать в хорошее». Таким образом они производили самое губительное влияние на нравственные понятия народа. Когда наконец софисты осмелились издеваться над религиозными верованиями народа¹, то, конечно, против них восставали люди с возвышенными мыслями и больше всех философ Сократ.

16. Сократ и его последователи

Сократ родился в 469 году и был сыном скульптора Софрониска и повивальной бабки Фенареты, почему впоследствии свою методику преподавания он называл в шутку «мейётикой» (то есть повивальным искусством), так как посредством вопросов и ответов старался развивать самого человека. Его великий и блестящий ум ратовал за благородство человеческой природы и он противопоставлял пагубным и соблазнительным основным положениям софистов свое воодушевленное верование в Бога, добродетель, истину и справедливость, а их наружной легкомысленности и невнимательности величайшую задушевную искренность. Побуждаемый каким-то внутренним голосом «демонионом», Сократ считал своим призванием вращаться в толпе, вступать в разговоры с людьми всех состояний и рассуждать преимущественно о сущности божества, о всем разумном, истинном и добром, самому поучаться от них или возбуждать в них такие вопросы, которые побуждали бы к самоиспытанию, к исканию истины к нравственному самосовершенствованию. В противоположность надменным софистам, воображавшим, что они все знают, он был убежден в недостаточности познания. «Я знаю, что я ничего не знаю», — обыкновенно говорил он и со свойственной ему иронией указывал на неясность многих общепринятых понятий. Поэтому люди должны были следовать изречению: «Познай самого себя», начертанному на храме Дельфийского божества. К этому Сократ присоединял свое главное правило, что *добродетель есть знание*. Смысл этого положения приблизительно заключается в следующем.

¹ Уже Протагор, выражая свои сомнения, сказал: «Я не могу знать, существуют ли боги или нет».

Человек должен исследовать, в чем заключаются благочестие, справедливость, мужество и другие добродетели. Раз человек вполне уяснил себе сущность этих добродетелей, он может пользоваться ими. Люди заблуждаются лишь вследствие своего невежества; но раз человек познал истину, справедливость и благо, он не только не может не полюбить их, но в нем не может даже возникнуть относительно них никакого сомнения. Таким образом недостаточность мышления и знания составляет источник зла в мире. Однако в том, что высшее знание не влечет за собой неизбежно нравственного совершенства, Сократу пришлось убедиться на собственных своих учениках: Алкивиаде и Критии.

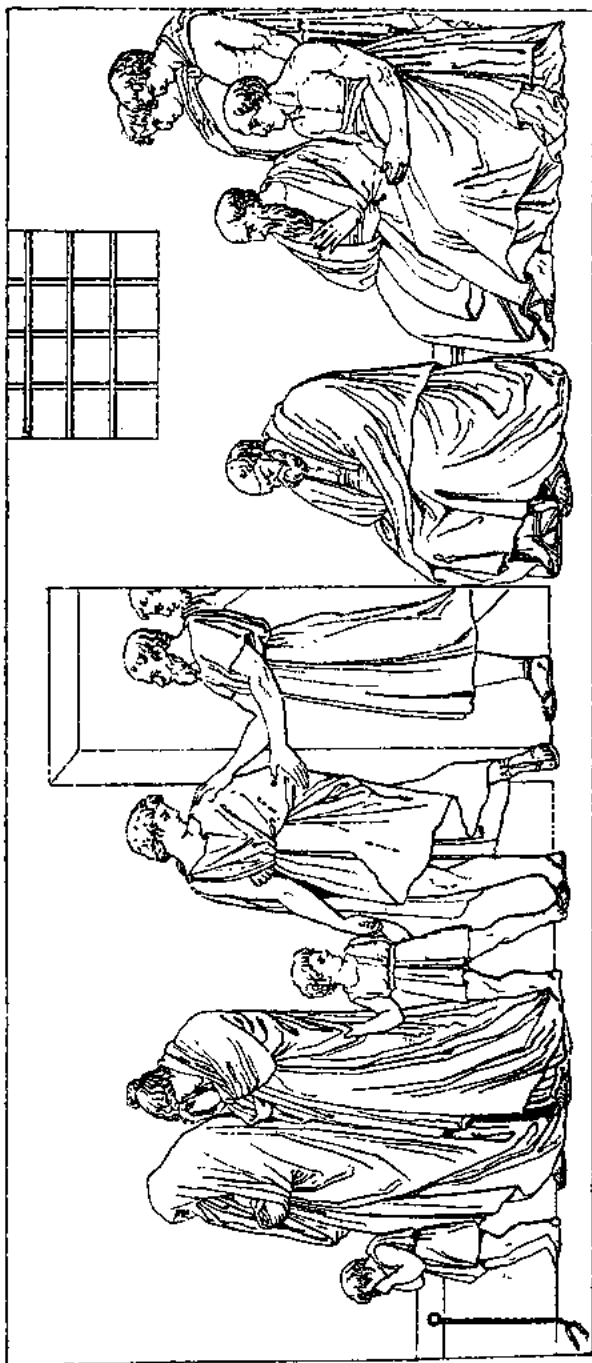

Сократ.
С античного бюста.

В то время как софисты стремились к выгоде и чувственным наслаждениям, Сократ бескорыстно отдавал свое время и свой труд на пользу других. Вспыльчивость своей жены Ксантиппы переносил он с величайшей покорностью. Свои обязанности гражданина он исполнял как на войне, так и во время мира самым добросовестным образом и всегда готов был жертвовать своей жизнью за отечество. Он участвовал в походе против Потидеи во Фракии и сражался при Делие. Сократ везде являлся образцом умеренности, воздержания и безропотного перенесения всевозможного рода лишений. Во время похода в Потидею, хотя зима была такая суровая, что никто не решился отправиться в этот поход без теплой одежды, Сократ шел босиком и в своем обыкновенном платье. Несмотря на почти безобразную на-

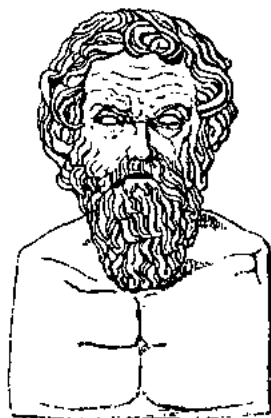
ружность — толстый, вздернутый нос и плешивую голову — ученики Сократа испытывали на себе очарование своего учителя. Для того чтобы побывать в обществе с Сократом, Антисфен не пугался пути, совершаемого им ежедневно из Пирея в город, а Эвклид, уроженец Мегары, не останавливался перед опасностью, которой подвергался, так как во время Пелопоннесской войны ни один мегарянин под страхом страшнейшего наказания не смел являться в Афины.

Сократ дожил до семидесяти лет, исполняя почти беспрепятственно свое призвание наставника народа, прежде чем пал жертвой своих врагов. На жизнь его посягали не столько софисты, сильно ненавидевшие его за славу мудрейшего из смертных, каким он признан был оракулом, сколько политические противники, которые видели в нем во время наступившего в Пелопоннесскую войну упадка главного врага демократического государственного устройства. Три человека — Ликон, Анит и Мелит — обвинили Сократа в том, что он проповедует «новых богов и развращает юношество», почему и должен быть признан

Прощание Сократа со своей семьей. Канова.

врагом государства. В своей защитительной речи (апологии), произнесенной, по греческому обычаю, им самим, Сократ отвергнул все риторические и софистические уловки, которыми мог бы склонить на свою сторону судей. Напротив того, он старался, по своему обыкновению, убедить их в своей невинности с спокойствием, всегда им сохраняемым во всех рассуждениях о делах житейских.

Антисфен.
С античного бюста.

Несмотря, однако, на это, за обвинение его высказалось лишь незначительное большинство голосов. Тогда Сократ сказал следующее: «Наказанием мне этот человек назначает смерть. Хорошо! Но какое наказание должен я противопоставить со своей стороны? Итак, чем должен я искупить и заплатить за то, что я решился во всю жизнь не иметь покоя и, не помышляя ни о каких интересах черни, ни о материальных выгодах, ни о домашних делах, ни о звании военачальника, или о каких других званиях и должностях, ни о происходящих в государстве раздорах партий, направлял свою деятельность к тому, чтобы оказать каждому величайшее благодеяние, ибо я каждого отдельного человека старался убедить, прежде чем заботиться о своем положении, изучить как можно

лучше и беспристрастнее самого себя и, прежде чем вмешиваться в политику, вникнуть в сущность государства? Итак, что заслуживаю я претерпеть за такое мое качество? Такой человек, как я, без сомнения имеет больше права получить от государства пожизненное содержание в Пританее², чем одержавший на Олимпийских играх победу в скачке на одноколке или на паре, или на четверке. Ибо он старается лишь о том, чтобы все казались счастливыми; я же, напротив, о том, чтобы все были таковыми в действительности».

При таком гордом поведении подсудимого судьи почувствовали себя настолько оскорбленными, что при вторичном голосовании 80 голосов, которые высказались прежде за Сократа, перешли теперь на сторону его противников и, таким образом, Сократ был приговорен к смерти 361 голосом против 198. Он выслушал приговор этот с тем же достоинством, с каким держал себя во все время процесса, и выразил только сожаление о городе, опозорившем себя подобным осуждением. Речь свою Сократ заключил следующими словами: «Об одном еще

¹ Подсудимый, по признанию его виновным, имел право со своей стороны просить о назначении ему более легкого наказания, чем то, которое, обыкновенно, указывалось в самом доносе, и таким образом между двумя этими наказаниями выбирались среднее и более справедливое (*Притиль*).

² Пожизненное содержание назначалось в награду победителю на Олимпийских играх.

прошу вас! Когда подрастут мои сыновья, излейте на них свое мщение и терзайте их так же, как я мучил вас, если вы увидите, что они начали прежде заботиться о богатстве или о чем-либо другом, а не о добродетели. И если они возмечтают о своих достоинствах, когда не будут иметь никаких, то укажите им, как я указывал вам, что они не заботятся о том, о чем им следовало, а воображают, что они значат что-либо, тогда как не стоят ничего. Но пора нам идти: мне к смерти, вам — к дальнейшей жизни. Чья доля лучше, это сокрыто от всех, кроме Бога...»

После этих слов Сократа увели в темницу. Приговор был бы исполнен на другой же день, если бы случайно, как раз накануне того дня, не отправилась на остров Делос на корабле Тезея священная процессия, до возвращения которой в Афинах не мог быть приведен в исполнение ни один смертный приговор. Противные ветры задержали корабль долее обыкновенного, и это обстоятельство доставило ученикам Сократа горестно-сладостное удовольствие еще 30 дней наслаждаться его беседой. В течение всего этого времени они посещали его в темнице ежедневно. Они беседовали по-прежнему, и Сократ нередко старался добродушными шутками рассеять их печаль. Так Аполлодор, более других безутешный, воскликнул однажды в отчаянии: «Нет, неужели ты, невинный, должен умереть!» — Сократ возразил, улыбаясь: «Разве тебе лучше хотелось бы, чтобы я умер виновным?»

За день до смерти Сократа, Критон, отец Критобула, с робостью открыл Сократу, что он собрал известную сумму денег и намерен подкупить стражей, чтобы они в следующую ночь оставили двери незапертыми. «О Критон, — ответил ему Сократ, — в какой стране мог бы я спастись от смерти?» Критон возразил, что он будет виновен перед своими детьми, если не уклонится от несправедливого приговора. Но Сократ решительно отказался от предложения Критона и доказывал ему, что никакая несправедливость не должна побуждать нас к неповиновению законам отечества.

В последний день ученики сошлись у Сократа ранее обыкновенного. Сократ с полнейшим спокойствием рассуждал с ними о бессмертии души и о смерти, которая представлялась ему «переселением из здешнего в иной мир». Когда он выпил чашу с соком цикуты, все залились слезами. Но Сократ сказал: «Что вы делаете, странные люди? Я нарочно выслал женщин для того, чтобы они не нарушали спокойствия, ибо я слышал, что умирать следует в благочестивой тишине. Поэтому будьте спокойны и мужественны!» Услышав эти слова, ученики устыдились и воздержались от слез. Между тем Сократ ходил взад и вперед, а когда почувствовал тяжесть, то лег на спину, как советовал ему служитель, принесший яд. Тогда служитель стал время от времени ощупывать Сократа и осматривать ему ноги и бедра; затем он сильно сжал ему ноги и спросил, чувствует ли он это. «Нет», — отвечал Сократ. Потом служитель сжал ему берцовые кости, показал ученикам его, как он постепен-

но холодеет, и сказал, что когда оцепенение дойдет до сердца, то он скончается. Живот уже охладел. Тогда Сократ, открыв свое закрытое до тех пор лицо, сказал: «Критон, мы должны петуха Асклепию; принесите его в жертву ему и не забудьте об этом!»¹ — «Это будет исполнено!» — отвечал Критон. — Но, не имеешь ли ты еще чего-нибудь сказать?» На этот вопрос Сократ не отвечал уже больше, и в скором времени с ним сделался озноб. Служитель покрыв его. Глаза Сократа помутились. Увидев это, Критон закрыл ему рот и глаза.

Афиняне скоро раскаялись в том, что принесли в жертву такого человека. Обвинители Сократа были изгнаны, а ему самому была воздвигнута медная статуя. В воспоминании народном образ Сократа постепенно сделался идеалом высшего человеческого достоинства и добродетели. Пробудилось соревнование. Множество выдающихся умов, гордых названием учеников Сократа, «сократиков», распространило в речах и сочинениях идеи своего учителя.

Между философами школы Сократа четыре человека, сообразно различию своих характеров, основали четыре различные системы: Платон основал академическую школу, Антистен — киническую; Аристипп — киренейскую, а Эвклид — мегарийскую. Разбирать отдельно их философские системы не позволяет нам место, к тому же разбор этот собственно входит в учебники истории философии. Здесь же мы можем довольствоваться лишь немногими сведениями. Аристипп высшим благом на земле провозглашал блаженство, которое, конечно, может быть понимаемо одними более в духовном, а

другими более в чувственном смысле. У Эвклида основное положение, что высшее благо дается только одной истиной, называемой и другими именами: богом, разумом и т. д.

Антистен ставил выше всего воздержание и довольство лишь самым необходимым. Поэтому его называли «киником», то есть живущим по-собачьи. Ученик его, Диоген из Синопа, развил кинизм до крайних пределов. Днем он ходил без башмаков, без плаща, с длинной всклокоченной бородой, с палкой в руке и с мешком за плечами. Увидев, как мальчик пьет воду руками и ест один хлеб, Диоген бросил кружку и чашку; ночью он спал под портиком или в маленькой мазанке, а по уверению некоторых — в бочке. Об этом оригинальном человеке рассказывают много анекдотов. Однажды Антистен, рассерженный нерадивостью своих учеников, выгнал их всех от себя. Остался один Диоген. Антистен и его хотел прогнать палкой. Тогда Диоген воскликнул: «Бей меня, ско-

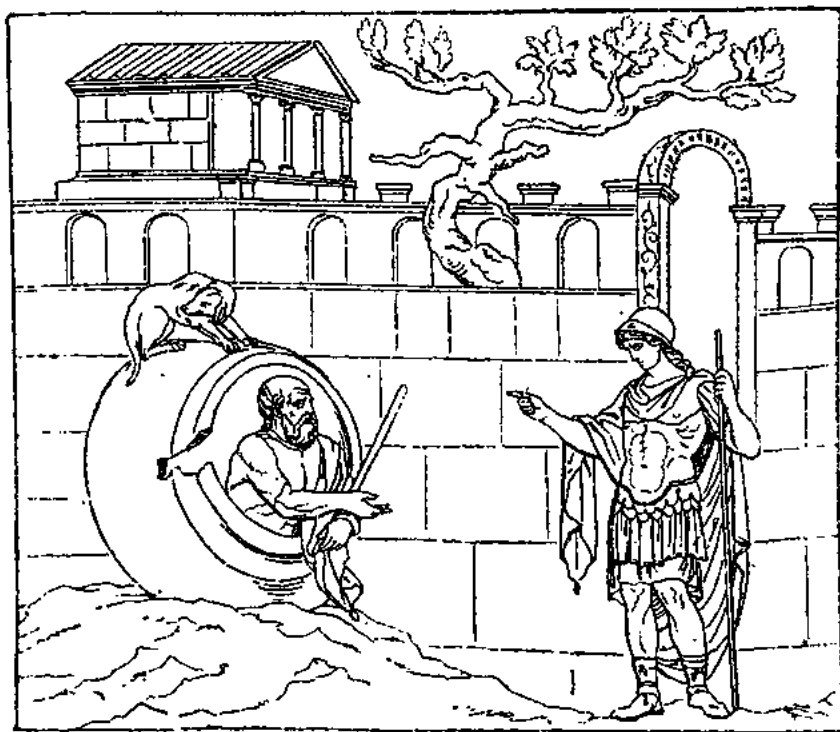
Диоген.

С античной статуи.

которых — в бочке. Об этом оригинальном человеке рассказывают много анекдотов. Однажды Антистен, рассерженный нерадивостью своих учеников, выгнал их всех от себя. Остался один Диоген. Антистен и его хотел прогнать палкой. Тогда Диоген воскликнул: «Бей меня, ско-

¹ Сократ дал понять этим, что переходом от жизни к смерти он полагал избавиться от постоянной болезни и потому хотел принести обычную жертву Асклепию за такое исцеление.

лько тебе угодно; ты все-таки не найдешь такой крепкой палки, чтобы помешать мне жить в соседстве с тобой и пользоваться твоим учением!» Захваченный в плен морскими разбойниками, Диоген был выведен для продажи в рабство на базарную площадь. На вопрос, что он знает, Диоген отвечал: «Повелевать людьми». Глашатаю он приказал выкрикивать: «Кто хочет купить господина?» Среди белого дня Диоген вышел на улицу с фонарем в руках. Когда же его спросили, что он такое

*Александр и Диоген.
С античного барельефа.*

делает, то он отвечал: «Я ищу человека». На вопрос Александра, какую желает он получить от него милость, Диоген возразил (в это время светило солнце): «Отойди немножко в сторону и не заслоняй мне солнца!» Пораженный таким ответом, Александр произнес: «Поистине, если бы я не был Александром, то желал бы быть Диогеном».

Истинным последователем и дальнейшим усовершенствователем учения Сократа был П л а т о н (429—348 гг. до Р. Х.). По своим воззрениям на Бога, свойство души и ее бессмертие он приближается к учению христианства. Сочинения его большей частью изложены в разговорной форме, почему и названы диалогами. В высшей степени заме-

*Платон.
С античного
бюста.*

чательно учение Платона о «предсуществовании» (то есть о предвечном существовании души). По этому учению всякое представление об истине, знании, справедливости и красоте есть ни что иное, как воспоминание о том, что душа могла воспринять от созерцания богов во время совместной жизни с ними. Таким образом, все то, что в человеческой жизни называется истиной, справедливостью, красотой и т. д., есть лишь слабое отражение существовавшего когда-то о том представления, — «идеи». Учением своим Платон занимался в Академии — прекрасном здании, которое находилось в одном из предместий Афин, было окружено деревьями и предназначалось для гимнастических упражнений. Знаменитейшим учеником Платона был Аристотель, о котором речь будет впоследствии.

17. Поход Кира Младшего против Артаксеркса Кунакса. Отступление десяти тысяч греков (401 г. до Р. Х.)

Насколько Персидская монархия с ее разнородным населением была близка к своему падению, указывают раздоры, которые господствовали в самой царской фамилии, о чем упомянуто было уже выше. Младший князь, Кир, по уму, силе характера и нравственным качествам, достойный носить имя своего знаменитого предка, полагал, что по достоинствам своим он больше имеет прав на престол, чем Артаксеркс по своему первородству. Для достижения своей цели Кир возлагал все свои надежды главным образом на помощь греков и в особенности спартанцев, которых он поэтому так ревностно и поддерживал под конец Пелопоннесской войны.

Из спартанцев для Кира дороже всех был друг его друга Пизандра — Клеарх, который был прежде гармостом в Византии и имел отличные дарования военачальника. Кир посвятил его в свои планы. С помощью полученных от Кира денег Клеарх незаметно собрал для него в Херсонесе Фракийском, где он в то время вел войну с фракийскими варварами, прекрасное и опытное войско из греческих наемников. Подобные же отряды явились и из других местностей, прельщенные с одной стороны высокой платой и надеждой на богатую добычу, с другой громкой славой имени Кира, сумевшего приобрести всеобщее расположение своей обходительностью, щедростью и возвышенным образом мыслей.

Спартанский флот под начальством Самия направился к берегам Киликии, а полководец Хейризоф с 700 гоплитами, присоединился к сухопутному войску. Войско это заключало в себе около 13 000 греков и 100 000 человек, набранных в среде азиатских народов. Сборным местом был назначен город Суза.

Ввиду трудности и опасности предприятия, которые весьма могли напугать многих греков, Кир не решился тотчас же открыть им настоящую цель похода, но распустил слух, что он предпринимает его против возмущившихся писидян. Поступая таким образом, он имел в виду скрыть истинные свои замыслы и от властей Сузы. Поход начался в марте месяце 401 года. Весело двигались войска по равнинам Лидии и Фригии, направляясь к востоку. Наступление совершалось через города Колоссы, Келены, Иконион к Тарсу. Здесь, в главном городе Киликии, Кир произвел блестящий смотр всему войску в честь прекрасной супруги князя Сиенезия, прибывшей к нему в стан с большой суммой денег. При виде проходивших греков в их медных шлемах, красных плащах, блестящих набедренниках, с устремленными вперед копытами зрители преисполнились восхищением. Но когда греки по данному знаку сплошной фалангой, при бранном клике и звуках труб быстро устремились вперед, то у зрителей и азиатских войск вырвался всеобщий крик ужаса. Киликийская принцесса в страхе соскочила со своей колесницы и бросилась бежать; торговцы бросили свои товары и также разбежались. Вся эта сцена возбудила в греках громкий смех.

Но когда греки заметили, что Писидии далеко остались позади их, то начали догадываться о действительной цели похода. Они отказались идти вперед. Тогда Клеарх в самых преувеличенных красках изобразил им трудности отступления наперекор желанию Кира. Сам Кир снова привлек их на свою сторону увеличением жалованья и ложным уверением, что он намерен воевать с враждебным ему сатрапом Сирии. Они успокоились, и поход продолжался все далее и далее на восток, до города Фапсака на реке Евфрат. Когда сделаны были приготовления к переходу и этой реки, то о дальнейшем сокрытии истинной цели предприятия не могло уже быть более речи. Когда цель эта сделалась известна, раздалось множество недовольных голосов. Но теперь было ясно, что, зайдя так далеко, не было уже возможности возвратиться назад без помощи Кира. Фессалиец Менон первый перешел реку со своим отрядом. Его примеру последовали остальные. Теперь направилась Мессопотамской равниной к Вавилону, чтобы помешать, если возможно, вооружениям Артаксеркса. Но Артаксеркс, получив от Тиссаферна известие о выступлении Кира, успел собрать из областей своего государства огромное войско.

Оба войска сошлись у Кунаксы, милях в 10 к северу от Вавилона. Боевые линии в своем протяжении были так неравны, что центр Артаксеркса далеко заходил за левое крыло Кира. На этом месте стояли Менон и начальник конницы — Арией. Клеарх, который командовал правым крылом, бросился на находившийся против него левый фланг

неприятеля и обратил его в бегство. В то же время неприятельский центр, где была сам Артаксеркс и Тиссаферн, напал на греков. Чтобы прикрыть их, Кир бросился со своей конницей в ряды неприятеля. Вдруг он увидел перед собой своего брата. С криком: «Я вижу его», кинулся он на брата и, пробив мечом панцирь, нанес Артаксерксу рану в грудь.

Рану эту впоследствии залечил врач Ктезий. Но в ту же минуту сам Кир, раненый дротиком в глаз, упал с лошади и был убит. Увидав его мертвым, персидские войска обратились в бегство, оставив свой лагерь на разграбление неприятеля. Затем Тиссаферн напал на греков. Но греки дали победоносный отпор, и персы обратились в бегство. Клеарх со своим войском спокойно вернулся в лагерь. Только на следующее утро узнали греки о смерти Кира. Положение их было опасное. Только смелость и решительность могли спасти их. Посланным царя, потребовавшим выдачи оружия, Клеарх, который принял главное начальство, с гордостью отвечал: «Как друзья царя, греки нуждаются в своем оружии, чтобы иметь возможность служить ему; в качестве же врагов они нуждаются в оружии, чтобы сражаться против него. Вопрос о том, что надлежало теперь делать, был скоро разрешен принятием предложения Аридея, который вызвался провести греков домой другой, хотя немного более дальней, но зато безопасной дорогой. Отступление по другому пути, вследствие недостатка жизненных припасов, было невозможно, в особенности ввиду приближавшейся зимы.

И вот греки снова выступили в поход и направились против неприятеля. Это до такой степени напугало последнего, что Артаксеркс на следующее же утро предложил перемирие. При происходивших по этому случаю переговорах Клеарх решительным и уверенным тоном настолько умел внушить послам уважение к своей особе, что Артаксеркс для того, чтобы он оставил его в покое, подарил грекам богатые запасы пшеницы, пальмового вина и фиников. Тиссаферн лично явился к грекам и уверил их в благоволении к ним царя. Вместе с тем он объявил, что имеет приказание сопровождать греков до самой Ионии, если они обязуются во время прохода по областям воздерживаться от всякого насилия и платить за все наличными деньгами. Клеарх согласился, и договор был торжественно заключен и утвержден обращенными к богам клятвами. Но скоро обнаружилось скрывавшееся за ним коварство. Тиссаферн явился с значительным войском для прикрытия греков.

Но первым делом его было отделить от них Аридея с его отрядом. Таким образом, три главных отряда Клеарха, Тиссаферна и Аридея выступили в поход, разобщенные друг от друга и не без недоверия одного к другому. Пошли далее через Тигр и дошли до реки Цаба. Взаимные несогласия сделались нестерпимы. Тогда Клеарх отправился к Тиссаферну для открытых объяснений. Объяснения эти приняли с обеих сторон мирное направление. Было высказано обоюдное доверие, и Тиссаферн пригласил Клеарха приехать к нему снова на другой день со

своими главными предводителями и другими начальниками, чтобы разыскать и устранить истинных нарушителей мира. Клеарх совершенно справедливо предполагал, что виновником всех несогласий не мог быть ни кто иной, как коварный фессалиец М е н о н, и заранее радовался скорому изобличению клеветника. Но едва Клеарх вошел с четырьмя другими военачальниками в шатер Тиссаферна, как они были схвачены и закованы в цепи; оставшиеся же перед шатром начальники и около 200 простых воинов были умерщвлены. Затем пленных привели к царю, который приказал казнить их, за исключением изменника Менона. Последний был умерщвлен после годичного тюремного заключения.

Ярость греков на вероломство сатрапа была безгранична. К этому присоединилось тревожное опасение вследствие наступившего отчаянного положения. Они находились еще за 300 миль от ионических берегов, окруженные неприятелем и угрожаемые нуждой, без надежного проводника и опытного военачальника. Но в эту минуту выступил из рядов афинянин Ксенофонт, который участвовал в походе в качестве волонтера, и своей речью к вождям вновь вдохнул в греков упавшее в них мужество. После этого Ксенофонт при одушевленных восклицаниях был избран главным военачальником. По его совету, чтобы не дать спартамцам повода к зависти, престарелый спартаец Х е р и з о ф был назначен начальником авангарда, а сам Ксенофонт принял на себя начальство над арьергардом, а Клеанор должен был прикрывать фланги. Затем сожгли все повозки, палатки и всю поклажу. Оставив только самое необходимое, чтобы ничто не затрудняло движения, решили, во избежание новых обманов, не входить ни в какие переговоры. Наконец составили небольшой отряд всадников и стрелков, на обязанности которого лежало держать в почтительном отдалении постоянно тревожившего неприятеля.

После перехода через реку Цаб Ксенофонт, непрерывно сражаясь с дикими горными жителями и коварными сатрапами, повел греческие войска через быстрые потоки и снеговые горы, через области кардухов (курдов), армян и халибов и привел их к Черному морю, при виде которого они подняли крик: «Фаласса, Фаласса!» (море). Победив калхидян, греки, в числе 8600 человек из 10 000, достигли первого греческого города Т р а п е з у н т а, где и выразили свою радость жертвоприношениями и гимнастическими играми.

Но греков ожидали еще многие испытания, которые происходили частью вследствие их собственных несогласий, частью вследствие коварства Фарнабаза и спартанских навархов Анаксибия и Аристарха. Наконец Ксенофонту удалось найти убежище всеми покинутым и окруженным отовсюду врагами грекам. Они поступили на службу к фракийскому владетелю С е ф у, который с их помощью вновь завоевал свое отцовское наследие. По истечении месяца им было предложено спартанскими посланцами служить в качестве наемников под начальством Фимброна, предводившего войсками в только что начавшейся

войне между Спартой и Персией. За поступление со своим отрядом в спартанскую службу Ксенофону пришлось заплатить изгнанием из Афин. Впоследствии мы находим его в Азии, у Агезилая, с которым он очень подружился. Когда Агезилай был отозван из Азии, Ксенофонт вернулся с ним в Грецию и сражался в битве при Коронее против фианцев и афинян. Затем он удалился в Спарту и получил от спартанцев поместье в Скилле, близ Олимпии, в отнятой у элийцев области. Здесь Ксенофонт занимался земледелием, охотой, коневодством и составлением большей части своих исторических сочинений. За испытанную им неблагодарность он был отчасти вознагражден тем, что на Олимпийских играх имя его было провозглашено как имя победителя. Таким образом правдивый голос всей Греции, возвысившись над крамолами партий и своекорыстными страстями, воздал заслуженную хвалу подвигу, который прославил более чем когда-либо прежде превосходство греческого духа и мужества над Азией. Ксенофонт умер в Коринфе в 354 или 353 году.

18. Борьба Спарты с Персией. Агезилай и Тиссаферн (400—394 гг. до Р. Х.)

В Спарте положение дел было не лучше, чем в Афинах. В ней постепенно образовалась олигархия, которая с такой суровостью угнетала неполноправных граждан, что возбудила их к восстанию под предводительством некоего Кинадона против так называемых гомоев-полноправных, равных. Хотя Агезилай и подавил восстание в самом его зародыше, тем не менее незаглушенная злоба кипела в сердцах периеков и илотов. Они, по выражению Ксенофонта, «не могли думать ни об одном гомое без желания растерзать его собственными зубами».

Такое же неудовольствие внушало господство спартиатов и в других государствах и городах, зависевших от Спарты, ибо господство последней было еще ненавистнее прежнего, афинского. Афины, господствуя над островами и городами, в то же время доставляли им большие выгоды своей торговлей и оживленной меной взаимных потребностей. Дела приняли совсем другой оборот при спартанских гармостах, которые помышляли только об удовлетворении своего корыстолюбия. Вследствие этого власть Спарты в зависевших от нее государствах была сильно поколеблена.

Всемогущая олигархия, главнейшим орудием которой был совет эфоров, постепенно отодвигала на задний план царскую власть. Даже Агезилай принужден был сообразоваться с желаниями олигархии и заискивать у эфоров и геронтов. Хотя как царь он и стоял по своему положению выше эфоров и геронтов, но для того, чтобы спорами с ними не умалять верховной царской власти, он ничего не делал, не посоветовавшись с ними предварительно, и поддерживал подарками дружеские с ними отношения.

Агезилай вступил на престол после устранения племянника своего Леотихида с помощью Лизандра, который желал воспользоваться хромоногим и, по-видимому, неспособным Агезилаем для своих собственных честолюбивых планов (отмены наследственности царской власти). Отличаясь достоинствами истого спартиата доброго старого времени, Агезилай правил государством твердой рукой и придал новый блеск царской власти. Но замыслы его далеко не ограничивались господством над одной только Грецией. Ему очень хотелось предпринять поход против Персии во главе спартанского войска.

Как раз в это время Тиссаферн готовился наказать греко-азиатские города за помощь, оказанную ими Киру. Тогда города эти обратились за помощью к Спарте. Просьба их была принята с величайшей готовностью. Сперва Фимброн привел к ним вспомогательное войско, которое состояло из 1000 лакедемонян, 4000 пелопоннесских союзников и 300 афинян. Одержав некоторый успех в Мизии, Фимброн был обвинен хитрым Деркилидом в том, что допустил свои войска разграбить греческие города, и был отрешен от должности (в 399 г.). Деркилид сумел благородно воспользоваться завистью и несогласиями, существовавшими между сатрапами Фарнабазом и Тиссаферном, чтобы обессилить их обоих. Он счастливо продолжал войну и в восемь дней взял девять городов. Деркилид принудил Фарнабаза заключить с ним перемирие, к которому присоединился и Тиссаферн, помирившийся в это время с Фарнабазом. Тиссаферн, конечно, решился на это с обыкновенным своим коварством, чтобы иметь время для приготовления больших вооружений.

Но прежде чем Тиссаферн успел окончить свои вооружения и когда он поджидал еще прибытия флота, который вооружался в финикийских гаванях, в Азию явился с новым войском и в сопровождении Лизандра Агезилай (в 396 г.). Своей главной квартирой Агезилай избрал Эфес. Лизандр, хотя и не был главным военачальником, но тем не менее надеялся с помощью своих прежних друзей в среде олигархов снова достигнуть прежней власти, а Агезилая отодвинуть на второй план. Но Агезилай выказал гораздо большую самостоятельность, чем ожидал Лизандр. Увидев, что все стремятся к всеильному Лизандру, Агезилай решительным поведением дал ясно понять своему другу и окружающим лицам, что он не намерен играть второстепенную роль. Затем он оставлял совершенно без всякого внимания все представления, просьбы и советы, предлагаемые ему Лизандром. Униженный и разочарованный в своих надеждах, Лизандр в скором времени удалился от царя в Геллеспонт.

По окончании перемирия Тиссаферн потребовал, чтобы Агезилай со своими войсками очистил Азию, а сам, заключая из приготовлений Агезилая, что тот хочет напасть на Карию, повел свое войско к Маиандру. Но Агезилай хотел только обмануть Тиссаферна. Внезапно направился он во Фригию против Фарнабаза и вернулся в Эфес с огромной добычей. Недостаток в коннице, оказавшийся весьма чувствительным

во время этого похода, задержал дальнейшие действия Агезилая на всю зиму.

Весной 395 года повторился обман предыдущего года. В то время как Тиссаферн снова ожидал Агезилая в Карию, этот последний неожиданно вторгнулся в Лидию. Беспрепятственно прошел Агезилай до Сард; хорошо подготовленная и тактически обученная им конница, поддержанная в решительную минуту пехотой, нанесла полное поражение собранной здесь персидской коннице (персидская пехота находилась еще в Карию). Теперь ничто уже не препятствовало спартанскому царю опустошить эту персидскую область. Таким образом, ближайшим последствием победы была богатая добыча, простиравшаяся ценой до 70 талантов.

Негодование персидского царя Артаксеркса обратилось на Тиссаферна. Мать царя Парисатида, которая поклялась отомстить сатрапу за то, что он был противником ее любимого сына Кира, раздувала, насколько возможно, гнев царя. И Тиссаферну пришлось заплатить за поражение своей головой. Упомянутый выше Арией захватил его в Колоссах и казнил. Преемник Тиссаферна Тифравст тотчас же обратился к Агезилаю с мирными предложениями, в силу которых все греческие города в Азии должны были получить свободу под условием платить прежнюю дань. Агезилай возразил, что он не может решить этого дела, не переговорив предварительно со своим правительством. Но вместе с тем он изъявил готовность заключить перемирие, если Тифравст даст ему тридцать талантов для уплаты жалованья войскам и не помешает сделать нападение на область Фарнабаза. Тифравст согласился и Агезилай прошел всю Фригию, предавая все на пути своем грабежу и опустошению. После безуспешных переговоров с Фарнабазом Агезилай направился в Троаду и намеревался отсюда в следующем году двинуться внутрь Азии. Но в это время он получил из Спарты повеление возвратиться в Грецию для спасения отечества от угрожавшей опасности.

19. Коринфская война. Смерть Лизандра.

Конон. Анталкидов мир

(397—398 гг. до Р. Х.)

Повинуясь призыву отечества, Агезилай не без огорчения покинул Восток, где военные действия его являлись уже предвестницей великой победы и великих завоеваний, и обратил свое внимание на Запад, где славе его народа угрожала большая опасность.

На этот раз гроза надвигалась из Беотии. Гегемония спартанцев и введенное ими олигархическое правление сделались повсеместно ненавистны. По этой причине Фивы, равно как и Коринф, чтобы не содействовать увеличению могущества Спарты, не участвовали в походе Агезилая в Азию. Мужество ожило и в Афинах, в особенности, когда афинский гражданин Конон, непримиримый враг Спарты, бежав-

ший после битвы при Эгос-Потамосе на остров Кипр, стал во главе персидского флота у острова Родоса, чтобы захватить посланные туда для спартанцев египетские корабли с хлебом.

Да и персидское правительство постаралось везде усилить враждебное настроение против Спарты. Для достижения этой цели воспользовались и подкупом. Родосец Т и м о к р а т был послан с 50 талантами в Фивы, Коринф и Аргос и его «золотая стрела» проникла в ожесточенные сердца.

В это время между Спартой и Фивами готовилась вспыхнуть война. В одном пограничном споре между Опунтскими Локрами и фокидянами Фивы приняли сторону Локров. Тогда фокидяне обратились за помощью к Спарте. Л и з а н д р, возвратившийся в сильном негодовании из Азии, с радостью приветствовал это обстоятельство, которое открывало ему новую деятельность и возможность приобретения новой славы. Он послан был эфорами в Фокиду с приказанием соединиться у города Галиарта с выступившим позже его царем Павзанием и оттуда следовать с ним к Фивам. Узнав об этом, фиванцы заключили союз с афинянами и также направились к Г а л и а р т у, который по покорении Орхомена и Ливадии был осажден Лизандром. Приступ к Галиарту был отбит. Осажденные сделали вылазку; фиванцы в то же время также напали на Лизандра и нанесли ему поражение, причем сам Лизандр был убит (в 395 г.). Павзаний прибыл уже после сражения. Не отваживаясь на новое нападение, он заключил перемирие, по которому получил тела убитых, взамен чего обязался очистить Беотию. В скором времени Павзаний, обвиненный правительством в трусости, а партией Лизандра в измене, вынужден был покинуть свое отечество. Только бегством удалось ему спастись от смертной казни, которой угрожал ему гнев спартанцев, раздраженных понесенным поражением.

Напротив того враги еще более воодушевились победой. Коринф открыто присоединился теперь к союзу, заключенному стараниями фиванского демократа Исмения, между Фивами, Аргосом и Афинами для ведения совместной войны. К ним примкнули и многие небольшие государства: Эвбея, Акарнания, Фессалия и другие. Коринф был назначен местопребыванием общего союзного и военного совета и опорным пунктом для нападений на Пелопоннес.

Теснимая таким образом Спарта вызвала Агезилая из Азии. Оставив отряд в 4000 человек для охранения городов, он поспешно двинулся через Геллеспонт в Европу, прошел через Фракию и Македонию, разбил фессалийскую конницу, перешел Фермопильское ущелье и вступил в Фокиду и Беотию. Между тем спартанцам удалось уже разбить медленно действовавших союзников при Н е м е е (в 394 г.). Но в том же 394 году Конон, предводительствуя персидским флотом, нанес при Книде жестокое поражение спартанскому флоту, которым командовал зять Агезилая Пизандр, причем пал и сам Пизандр. Агезилай скрыл это поражение от своих войск, распустил слух о якобы одержанной победе и воздал богам благодарственные жертвоприношения.

При Коронее (в августе 394 г.) между Агезилаем и союзниками, в особенности фиванцами, произошло кровопролитнейшее сражение, в котором Агезилай хотя и одержал верх, но потерял сам столько людей, что не пошел далее в Беотию, а двинулся в Фокиду, откуда морем вернулся в Пелопоннес.

Гораздо важнее сухопутных сражений были действия на море с тех пор, как им овладел Конон со своим флотом. Вслед за победой при Книде многие приморские города и острова снова отложились от спартанского союза, в особенности, когда Конон убедил Фарнабаза, бывшего только по имени начальником персидского флота, объявить, что все греческие города, которые перейдут на сторону персов, получают свободу и самостоятельность. Затем Фарнабаз и Конон направились в Грецию, покорили Циклады, опустошили берега Лаконии и взяли остров Киферу. Фарнабаз, подкрепив союзников большой денежной суммой, возвратился в Азию. Со своей стороны Конон, снабженный также значительными денежными средствами, поспешил в Афины и восстановил разрушенные стены как в Афинах, так и в Пирее (в 393 г.). Города изгнали ненавистных спартанских гармостов, и только Деркилид удержал за Спартой Сест и Абидос, куда спаслись бегством большая часть изгнанных гармостов.

Положение Спарты сделалось чрезвычайно опасным. Надлежало во что бы то ни стало воспрепятствовать новому возвышению Афин. Для этого спартанская хитрость старалась отыскать в политике место, где бы можно было повредить афинянам. Спартанцы отправили к Тирибазу, новому наместнику Сард, послов и в числе их Анталкида, который отличался своим дипломатическим искусством. Спартанцы представили Тирибазу, что деятельность Конона направлена лишь к выгоде Афин, и в то же время предложили сатрапу самые выгодные мирные условия. В силу этих предложений греческие города в Малой Азии предоставлялись персам, а прочие государства, города и острова оставались независимыми. Условия эти настолько прельстили Тирибазу, что он заключил Конона в оковы¹, дал спартанцам денег на постройку кораблей и отправился к царю, чтобы склонить его на принятие спартанских предложений.

Но в то самое время, как Тирибаз ехал в Сузу с самыми враждебными намерениями против Афин, персидский полководец Струтас напал на предававшего в Азии грабежу спартанского военачальника Фимбронна и разбил его, причем последний был убит (в 392 г.). Афиняне под предводительством Фразибула снова получили перевес в Геллеспонте, Халкедоне и Византии; Фразибул же вновь овладел Лесбосом. В скором времени Фразибул был схвачен и убит в городе Аспенде жителями этого города, возмущенными неистовствами его воинов.

¹ Хотя Конону и удалось убежать из заключения, но для него в скором времени сделалось крайне неудобным сохранять двойственное положение: предводителя персидского флота и афинского патриота. Поэтому, по некоторым сведениям, он возвратился к Эвагору, на остров Кипр, и умер там естественной смертью (в 389 г.).

Сухопутная война велась не с таким определенным планом, как война на море и, состоя из ряда нападений и опустошительных набегов, сосредоточилась в области К о р и н ф а. Хотя союзники и потерпели значительное поражение при Лехее (в 392 г.), но афинянин И ф и к р а т со своим наемным легко вооруженным отрядом пельтастов (названных так по их маленьким щитам — пельтам), сумел неутомимой энергией и удивительным искусством не только поддержать «малую войну», но и нанести нападением при Коринфе чувствительное поражение спартанским гоплитам. Так же счастливо сражался он и в Геллеспонте, куда он был послан в качестве преемника Фразибула. Он разбил спартанского гармоста Анаксибия в Абидосе и снова доставил афинянам тамошнюю богатую таможенную пошлину. Но за помощь, оказанную отложившемуся (в 391 г.) от Артаксеркса кипрскому царю Эвагору, афиняне совершенно потеряли благосклонность персидского царя. Лишив их всякой денежной поддержки, Артаксеркс снова принял сторону спартанцев.

А н т а л к и д благодаря сделанным им Тирибазу мирным предложениям получил в Сузе у персидского царя самый радушный прием. Артаксеркс через Тирибазу разослал во все государства приглашения прислать в Сарды послов для переговоров о мире. Собравшимся здесь послам было прочитано вслух следующее царское послание: «Артаксеркс, царь персов, признает справедливым, чтобы греко-азиатские города и острова Клазомены и Кипр оставались у него в подданстве, а прочие города и все острова, как малые, так и большие, были бы автономны, то есть свободны жить по своим собственным законам, за исключением Демноса, Скироса и Имброса, которые должны оставаться во власти Афин, как издревле принадлежащая им собственность. Кто не примет этих мирных условий, тех принудит принять их царь персов вместе с согласившимися на эти условия силой оружия». Насчет этих мирных условий у эллинов могло существовать одно лишь мнение, что первый пункт их — предоставление Малой Азии врагу нации — позорит честь греческого имени. Еще большую досаду возбуждало то, что второй пункт совершенно очевидно был составлен к выгоде одной только Спарты. Пелопоннесский союз под гегемонией Спарты не уничтожался, ибо спартанцы, разумеется, удерживали за собой принадлежавшие им города и государства, которые до тех пор были автономны. Мессения оставалась за спартанцами, между тем как Афины, Фивы и Аргос должны были полностью или большей частью отказаться от господства над другими государствами. Но кто мог отважиться не присоединиться к приговору персидского царя? Продолжительная братоубийственная война истощила все силы: поля были опустошены, жители разорены; торговля утасла. Повсюду чувствовалось такое страстное желание мира, что при притупленном и без того национальном чувстве было весьма легко побороть в себе такие тягостные размышления.

20. Фиванская гегемония. Пелопид, Эпаминонд, Левктра, Мантинейя (379—362 гг. до Р. Х.)

Определения Анталкидова мира были строго приводимы в исполнение не только в области Пеллопоннесского союза, но и во всей остальной Греции. Союзы государств были уничтожены, и Греция распалась на множество независимых, управляемых самих собой, но мелких и поэтому слабых государств. Внешне Греция казалась успокоенной. Но внутри, в отдельных городах, с возвращением множества беглецов раздоры партий возобновились с новым ожесточением. Со своей стороны, спартанцы под видом охранения мира желали иметь предлог вмешиваться во всякие жалобы и ссоры в качестве третейских судей. Как понимали спартанцы в этом отношении свою роль, выказалось тотчас же при первом опыте, в обращении их с Мантинеей в Аркадии (в 385 г.). Республика эта при всяком удобном случае выказывала к Спарте свое отвращение и в особенности в последнее время не могла скрыть своего злорадства при победе Ификрата над спартанскими гоплитами. Лозунгом Спарты сделалось теперь мщение. Мантинейцам было предписано срыть свои городские стены; когда же они отказались исполнить это требование, то город их был окружен Агезилаем и вынужден покориться. Затем стены были срыты, а жители должны были покинуть свой город и поселиться в пяти открытых деревнях. Вследствие этого политическое их значение было уничтожено.

Аргос был истощен последней войной; Коринф находился в полной власти всесильной спартанской партии. Таким образом всякое сопротивление в Пеллопоннесе являлось невозможным, и Спарта обратила уже свои смелые взоры за его пределы. На Халкидском полуострове греческая колония Олинф, усилившаяся торговлей, выказывала смелые стремления, невыносимые для спартанской гордости. Олинф изгнал царя македонского Аминта II из большей части его владений, присвоил себе род гегемонии над греческими городами в тех странах и подружился с соседними храбрыми и воинственными фракийцами. Пользуясь богатыми запасами корабельного леса и золотыми рудниками и рассчитывая на сильное войско вновь образованного халкидского союза, Олинф обнаруживал намерение распространить свое господство еще дальше. Но города Аканф и Аполлония отказались присоединиться к союзу и отправили в Спарту послов с просьбой о помощи. Спарта с радостью согласилась на их просьбу и выслала войско против Олинфа (в 383 г. до Р. Х.). Но прошло три года, прежде чем удалось принудить город этот к покорности (в 380 г.). Халкидский союз был уничтожен, Аминт получил обратно отнятые у него владения, а Олинф и прочие завоеванные греческие города должны были присоединиться к Пеллопоннесскому союзу.

Во время похода против Олинфа спартанский полководец Фебид, следуя со своими войсками за братом своим Эвдамидом, совершил по-

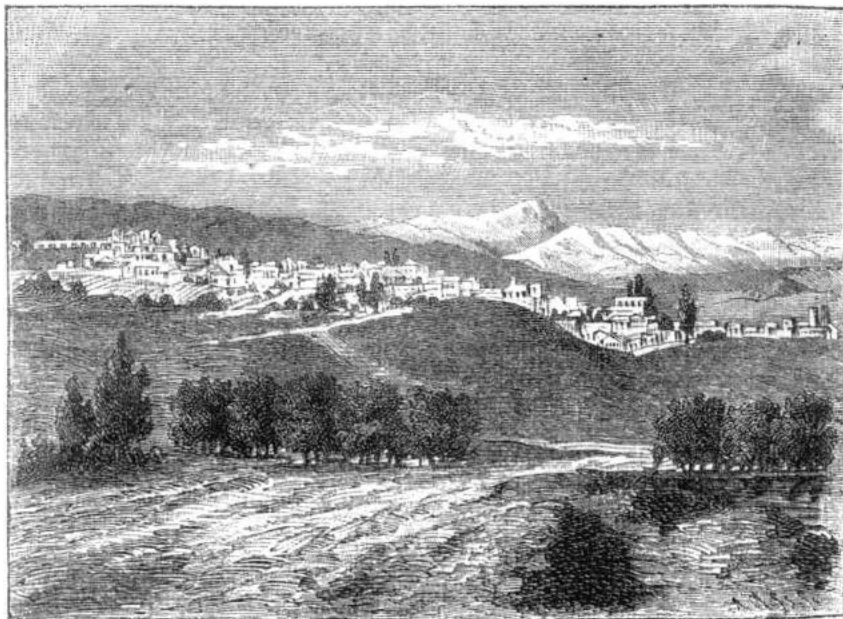
стыдное нарушение международного права. Когда он во время похода достиг Беотии и расположился на продолжительный отдых как раз под стенами Фив, в лагерь к нему явился предводитель спартанской партии в городе Леонтиад и предложил овладеть замком Кадмеей. Нападение на замок врасплох было совершено в жаркий летний день (в 383 г.), когда улицы были безлюдны, мужчины были в Народном собрании, а женщины присутствовали на празднестве в Кадмее. Женщины были взяты заложницами, а предводитель демократов Исмения был заключен в оковы. Остальные демократы под предводительством Пелопида успели спастись бегством в Афины. В Фивах было введено олигархическое правление, и во главе его стали Леонтиад, единомышленник его Архий, Филипп и Гипат. Хотя спартанское правительство и сделало вид, что оно недовольно насильственным поступком своего полководца и государственным переворотом Леонтиада, но легко допустило последнего убедить себя, что фиванцы лишь при олигархическом правлении могут быть надежными друзьями Спарты. С этим совершенно согласился и Агезилай, который при этом сослался на часто употреблявшееся старинное правило, что выгодное государству есть и справедливое. Тогда без дальнейшего промедления признали новое правление в Фивах и для охраны его расположили в Кадмее гарнизон в 1500 человек.

Для виду Фебид был присужден за свой своевольный поступок к денежному штрафу. Что касается Исмения, то он был обвинен Леонтиадом в «государственной измене» за то, что принимал в качестве друга варваров (персов) участие в войне против Спарты. Тогда Леонтиад и его партия, подобно бывшим тридцати тиранам в Афинах, стали неистовствовать над своими противниками, прибегая к убийствам, заточению в тюрьму и лишению имущества. Кто мог бежать, спасался бегством. Афины, хотя могли предложить беглецам убежище, но не были в состоянии оказать какую-либо открытую помощь, так как, лишенные союзников и вспомогательных источников, не отваживались вступить в борьбу со всемогущей Спартой. Но подвиг Фразибула, спасший Афины, послужил примером фиванским беглецам, которому они и решились последовать.

Почти четыре года продолжалось в Фивах грозное правление тиранов, когда беглецы, одушевляемые отважным призывом пламенного Пелопида, уговорились между собой и приняли великодушное решение пожертвовать своей жизнью для избавления своего родного города от деспотизма тирании. Для этой цели они вошли в соглашение с единомышленниками в Фивах: с Филлидом, Хароном и Горгидом. Здесь главой заговора сделался Филлид, который мог с успехом выполнить эту роль еще и потому, что он был тайным секретарем при обоих полемархах, Архие и Филиппе. В тот вечер, когда положено было исполнить замысел, Филлид должен был пригласить к себе на пир обоих полемархов, а другой знатный фивянин, Харон, назначил свой дом сборным местом для заговорщиков. Со своей стороны, изгнанники,

которые должны были явиться на помощь к своим единомышленникам, условились с ними, что большая часть их (300—400 человек) соберется на границе Беотии, а двенадцать, в том числе Пелопид и Меллон, поспешат в Фивы, чтобы сначала умертвить ночью фивских тиранов.

Переодевшись крестьянами и взяв с собой собак и охотничьи принадлежности, двенадцать заговорщиков отправились в Фивы. В сумерки разными воротами проникли они в город и поодиночке вошли в дом Харона. Здесь провели они ночь в ожидании следующего дня. Прежде всего должны были быть умерщвлены Архий и Филипп, пировавшие в

Вид Фив с Кадмеей.

это время в доме Филлида. В то время как заговорщики ожидали с душевным беспокойством в доме Харона, последний был позван к полемархам, которые обратились к нему с вопросом, правда ли, что в городе находятся заговорщики. Харон успокоил их и обещал обстоятельно исследовать это дело.

Вслед за тем от главного жреца в Афинах, Архия, к олигарху Архию прибыл гонец с письмом, в котором разоблачался весь план заговора. На замечание посланца, что письмо включает в себе чрезвычайно важные известия, пьяный Архий возразил: «Оставим серьезные дела до завтра».

Вскоре в дом Филлида явились переодетые в женское платье Харон, Меллон и прочие заговорщики. Филлид предложил полемархам пригласить прекрасных женщин. Лишь только заговорщики вошли в залу,

как они выхватили мечи и поразили Архия и Филиппа. Вместе с ними пал и смотритель храма Каберих, бросившийся с мечом на заговорщиков. Между тем Пелопид и Кефисодор взяли на себя трудное дело справиться с Леонтиадом, человеком сильным и мужественным, в собственном его доме. Когда на их стук отворились двери, они ворвались в дом, повалили слуг и поспешили в спальню Леонтиада. Леонтиад бросился к дверям и поразил Кефисодора. Но Пелопид несмотря на полученную им самим рану повалил Леонтиада на пол и убил его. Гипат пытался спастись бегством, но был достигнут и умерщвлен.

Затем заговорщики отправились в темницу, освободили находившихся там 150 узников, отправили гонцов на границу к своим соумышленникам и в Афины и под звуки труб провозгласили на торговой площади и на улицах, что тираны убиты, а город свободен. Тогда в городе поднялись шум и смятение: одни ликовали, другие пришли в смущение. В эту минуту явились Эпаминонд, Горгид и остальные соучастники в заговоре и постарались восстановить в городе порядок и спокойствие.

На следующее утро было созвано народное собрание, и Меллон, Харон и Пелопид были назначены виотархами (союзными начальниками). Они тотчас же собрали войско и осадили замок и находившийся в нем гарнизон. Им удалось принудить гарнизон к сдаче, прежде чем спешившее к

Эпаминонд.

нему на выручку спартанское войско достигло границ Беотии. Спарта осудила на смерть двух гармостов за то, что они не дождалась прибытия посланных к ним на помощь войск, а третьего наказала денежным штрафом и изгнанием из Пелопоннеса. Сделавшись снова свободными и опираясь на двух своих великих граждан, Пелопида и Эпаминонда, Фивы устремились теперь к достижению гегемонии не только над одной Беотией, но и над всей Грецией, из-за которой до сих пор, как мы видели, боролись между собой только Спарта и Афины.

Пелопид был знатного происхождения и обладал большим состоянием. Он был горячий патриот и поэтому ненавидел надменные притязания Спарты. Он не был лишен научного образования, но излюбленным поприщем его деятельности были палестра (школа гимнастики), воинские упражнения и жизнь на войне. Эпаминонд также происходил из благородного рода, но был беден и никогда не пользовался случаем к обогащению. Он также прилежно посещал палестру и укреплял свое тело гимнастическими упражнениями, но любимейшим его занятием были беседы с философами, в особенности пифагорейцем Лизисом. Высокое образование Эпаминонда, его скромность и

воздержание, справедливость и возвышенный характер в соединении со свободой в обращении, патриотизмом, храбростью и военными дарованиями ставят его в ряду величайших людей эллинской истории. Пелопид и Эпаминонд были связаны неразрывными узами дружбы, и единственным предметом их соперничества могло быть величие их отечества. В войне со Спартой им представился случай показать свое соревнование.

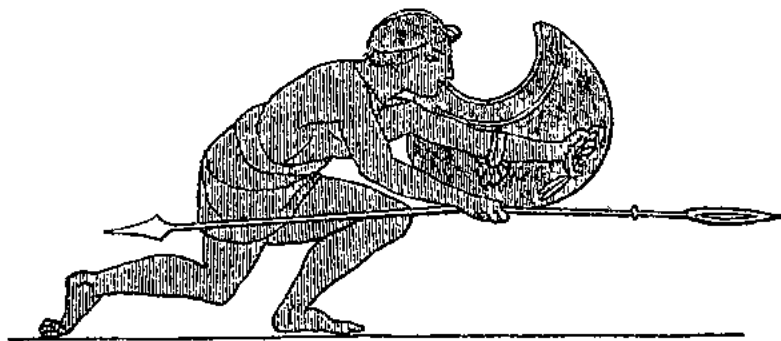
По получении известия об освобождении Фив заговорщиками спартанский царь Клеомброт поспешил с войском в Беотию, но нашел замок Кадмею уже занятым. После нескольких незначительных стычек он вернулся в Пелопоннес, оставив в Беотии часть войск под начальством гармоста феспийского С ф о д р и я. Между тем фиванцы не только были заняты приведением в оборонительное положение своего города и его округа, но старались усилить себя союзами с другими городами и в особенности с Афинами. Здесь, однако, колебались. Одна сильная партия отвергала всякие враждебные действия против Спарты. Другая партия, как прежде помогала заговорщикам, так и теперь охотно была готова оказать всякое содействие освобожденным Фивам. Спарта пожаловалась на это, вследствие чего оба полководца, поспешившие на помощь к фиванцам, были приговорены к смерти, и один из них, не успевший спастись бегством, был казнен.

Но положение дел быстро изменилось, когда Сфодрий, соблазненный предшествовавшим поступком Фебида против Фив и в подражание ему, выступил ночью из Феспий и вторгся в Афинскую область с намерением напасть врасплох на не вполне еще укрепленный Пирей. Но он успел дойти только до Элевзина; здесь застал его рассвет, и он возвратился, опустошив и разорив Аттику. Все афиняне пришли в негодование, и старая вражда к Спарте пробудилась с новой силой. Когда же узнали, что в ответ на жалобу афинян на нарушение общего мира со стороны спартанцев последовало полное оправдание Сфодрия, то фивская партия одержала полнейший перевес. Союз с Фивами был немедленно заключен.

Впрочем, все усилия Афин были устремлены главным образом на восстановление своего флота. Они призвали все города и острова к отпадению от Спарты, обещая им взамен того полную свободу и равноправность. На это воззвание с величайшей готовностью отозвались хисосцы, византийцы, родосцы, митиленцы, все города Эвбеи и другие. Афины, всех сильнее ненавидевшие господство Спарты, были выбраны сборным местом всех союзников. Каждый из них получил место и голос в союзном совете, сделал соответствующий взнос, а Афинам предоставлено было ведение всего дела. На призыв отечества явились два искусные полководца, отважный Х а б р и й и храбрый Т и м о ф е й, сын Конона. Тимофей с необыкновенным дипломатическим искусством привлек 24 города к новому Афинскому союзу.

Весной 378 года Агезилай предпринял первый поход в Фивы, но был побежден новой тактикой Хабрия. Хабрий приказал своим легко-

вооруженным воинам опуститься на одно колено, упереть на него щит и, прикрыв таким образом свое тело, встречать неприятеля наклоненным копьем. Это новое построение привело Агезилая в такое изумление, что он не решился на нападение, но с неудовольствием отступил в Феспию, а вскоре затем возвратился в Пелопоннес. Заступивший на его место в Феспиях Фебид был заманен фиванцем Горгидом в засаду и разбит им. Также точно был безуспешен и второй поход Агезилая в Беотию (в 377 г.). И заменивший Агезилая Клеомброт, который попытался в 376 году взять приступом Киферонский горный проход,

Греческий легковооруженный воин.

вынужден был отступить, не достигнув цели. Горьким опытом пришлось убедиться Спарте, что храбрые и искусные воины живут не на одном Эвроте.

Теперь все свои надежды она перенесла на войну на море. Но афинянин Хабрий одержал блестящую победу при Наксосе над спартанцем Поллидом (в 376 г.). Тимофей привлек на сторону Афин имевшую важное значение Корциру и другие острова и приморские города и разбил лакедемонский флот при Леваде, в Акарнании (в 375 г.). Когда же, в довершение всего, Хабрий присоединил к Афинскому союзу и греческие города на Фракийском берегу, Ификрат произвел опустошительный набег на берега Пелопоннеса, а Пелопид в Тегирском проходе, при Орхомене, командуя «священным отрядом» (состоявшим из 300 связанных между собой дружбой юношей), разбил сильное спартанское войско, то Спарта почувствовала утомление от войны. Желание мира сделалось в Спарте всеобщим. Надежда встретить такое же желание в Афинах оправдалось. И здесь наступило величайшее истощение. Тесная связь между Фивами и Афинами, обоими врагами Спарты, продолжалась недолго. Фивы отказались внести свою часть в общую военную казну. Будучи главой всей Беотии, Фивы стали в неприязненные отношения к Фокиде и выгнали всех жителей из Феспии и Платей, двух городов, которые пользовались уважением всей Греции и дружбой Афин. Это возбудило неудовольствие в афинянах.

Кроме того, богатые афинские граждане были обременены денежными взносами на военные потребности, и эти причины увеличили стремление к миру и побудили афинян вновь сблизиться со спартанцами. Решено было открыть в Спарте конгресс, на который все греческие государства отправили своих послов. Афины и Спарта скоро сговорились между собой, и мир был заключен на условиях *А н т а л к и д о в а м и р а* (в 371 г.) Главным условием этого мира была полная независимость всех государств. Спартанцы обязывались отозвать из всех мест свои гарнизоны и гарместов. Только Фивы воспротивились этому миру, вполне понимая, что именно у них отнимет он всю власть и все приобретенные ими преимущества над беотийскими городами. Именно в этом смысле, в качестве фиванского уполномоченного, говорил в собрании Эпаминонд и беспощадно изобличал лицемерие спартанцев, которые пользовались до сих пор мирными условиями, прикрываемыми благозвучными словами «свобода и автономия», единственно лишь в интересах своего собственного властолюбия. Пылая гневом, вскричал тогда Агезилай со своего места и вскричал: «Желаете ли вы освободить города Беотии?» — «Да, — отвечал Эпаминонд с лаконической краткостью, — когда вы даруете свободу периекам». Тогда Агезилай вычеркнул Фивы из числа союзников; остальные послы приняли мирные условия и разъехались по домам. Последствием конгресса, согласно желанию Спарты, было отпадение от Фив всех их союзников.

Со страхом смотрели фиванцы на приближение выступившего против них под начальством Клеомброта спартанского войска, которое состояло из 10 000 голплитов и 1000 всадников. Однако на союзные города, которые приняли участие в этом походе по большей части по принуждению, спартанцы не могли положиться, почему феспийцы, например, были отпущены еще до сражения. Эпаминонд вступил в битву несмотря на то, что войско его состояло лишь из 6000 пехоты и 400 всадников. Оба войска встретились при *Л е в к т р е* (в июле 371 г.). Столкновение было ужасно. В самом начале боя фиванская конница опрокинула спартанскую. Последняя должна была отступить на свою пехоту. Вследствие этого произошло замешательство. Этим воспользовался Пелопид и произвел со своим священным отрядом стремительное нападение. В то же время Эпаминонд двинул вперед свое левое крыло, составленное из отборнейших войск и построенное глубоким строем по 50 человек в ряду, чтобы нанести решительный удар неприятельской линии. Правое крыло Эпаминонда было защищено слабо и построено в косом порядке для того, чтобы иметь возможность в случае надобности направить его вперед или назад. Этот «косой» боевой порядок служил своей собственной защите. Спартанское войско не могло долго выдержать сильного натиска направленного на один пункт нападения. Мертвые тела громоздились друг на друге целыми рядами; царь Сфодрий и его сын Клеоний пали, смертельно раненные. Тогда мужество покинуло спартанцев, они начали отступать и наконец обратились в бегство. Более 1000 лакедемонян и между ними 400 пол-

ноправных спартанских граждан (гомоиев) пало на поле сражения. Разбитое войско просило через вестников о выдаче мертвых тел и о заключении перемирия для их погребения, что означало торжественное признание своего поражения.

Велико было смущение и горесть, распространенные в Спарте известием об этом поражении. Но правительство и народ не изменили своему врожденному достоинству, и даже только что начавшееся празднество гимнопедий (которое состояло из музыкальных и гимнастических упражнений юношества) не было прервано. Только вечером был разослан по домам список убитых, но с точным приказанием воздерживаться от всяких громких сетований. Вместо бесполезной скорби немедленно приступили к самым энергичным мерам. Было устроено всеобщее вооружение, которое распространялось на всех мужчин до шестидесятилетнего возраста включительно, в том числе и на освобожденных до того времени от военной службы должностных лиц. Между тем положение дел настолько изменилось, что военные действия на некоторое время должны были прекратиться.

Фиванцы надеялись при содействии Афин и тирана города Фер Язона¹, главного предводителя (тагоса) союзных городов в Фессалии, совершенно уничтожить Спарту. Но афиняне оставили без всякого ответа предложение фиванских послов; Язон же, хотя и приблизился со своими войсками, но не для принятия участия в военных действиях, а чтобы самому получить возможность играть роль третейского судьи. Честолюбие его стремилось к тому, чтобы достигнуть со временем гегемонии над всей Грецией. На этот раз Язон удовольствовался принятием на себя посредничества, последствием чего было спокойное отступление спартанских войск в свое отечество. На обратном пути своем спартанцы встретили вновь собранные войска под начальством Архидамы, заступившего на место своего больного отца Агезилая. Спартанцы находились в большом затруднении: они не знали, как соблюсти при настоящих обстоятельствах древний строгий закон, который подвергал публичному лишению чести бежавших с поля сражения. Множество лиц подлежало такому наказанию, а между тем воины были необходимы. За разрешением этого затруднительного вопроса обратились к Агезилаю. Он воскликнул в собрании: «Оставьте на этот раз законы в покое!»

Мирное посредничество Язона только на время прекратило неприязненные действия. Блеск победы при Левктрах придал бодрости всем противникам Спарты. Самым сильным одушевлением был охвачен Пелопоннес. Многие города и в их числе Мантинея и Тегея, утомленные спартанским игом, начали принимать самостоятельное и вызыва-

¹ Этот сильный и смелый государь, предвестник Филиппа Македонского, вскоре был умерщвлен на смотре войск семью юношами (в 370 г.). Поводом к тому Ксенофонт выставляет, «что греки сильно опасались, чтобы он не распространил и на них свою деспотическую власть». Со смертью Язона в Фессалии начались смуты, в которые под конец вмешались фиванцы.

ющее положение. Мантинейцы восстановили свой город, окружили его стенами и снова переселились в него из своих деревень, не обращая внимания ни на какие угрозы Агезилая. Кроме того, было решено соединить всю Аркадию в одно нераздельное государство; столицей и местопребыванием его правительства был назначен вновь построенный город Мегалополь, то есть большой город. Здесь должны были происходить собрания представителей всех городов и деревень аркадийского союза и решаться все дела о войне, о мире, о союзах, о договорах, о пошлинах и налогах, короче говоря — все вопросы, касающиеся управления и правосудия.

Чтобы воспрепятствовать осуществлению этого замысла, Агезилай вторгся со спартанским войском в Аркадию. Но тут, призванные на помощь аркадянами, вмешались и Фивы. Эпаминонд и Пелопид повели войско в Пелопоннес, чтобы поддержать аркадян и вытеснить спартанцев. Хотя при своем прибытии они не застали уже вновь отступившего со своим войском Агезилая, но желание отомстить Спарте и положить навсегда конец ее владычеству побудило Эпаминонда и Пелопида перейти со своим 70 000 войском окружающие Лаконию горы и вступить в самую область Спарты. В течение пяти столетий ни одна вражеская нога не ступала на эту землю. Спартанцы преисполнились ужасом при виде поднимавшихся облаков дыма, который обличал приближение неприятеля, опустошавшего все на пути своим огнем и мечом. Агезилай явился спасителем своего родного, «лишенного стен», города. С мужеством и благоразумием приступил он к необходимым мерам обороны. Были призваны все свободные мужчины, способные носить оружие. Агезилай также вооружил 6000 илотов, обещав им за это свободу. То был опасный опыт. И действительно, он привел к возмущению, которое Агезилай, зорко следивший за всеми подозрительными движениями, подавил, однако, в зародыше.

Хотя Эпаминонд и попытался взять приступом высоты, господствовавшие над Спартой, но безуспешно. Узнав о приближении войск, спешивших на помощь из Сикиона, Эпилавра и Коринфа, он отступил и затем ограничился тем, что разорил всю Лаконию и уничтожил даже корабельную верфь в Гифии. Теперь наступило время, когда он получил возможность осуществить давно лелеянный, излюбленный им план восстановления Мессении. Послы его отовсюду спешили призывать к возвращению на родину рассеянных потомков древних мессенцев. Многие из них отозвались на призыв Эпаминонда, собрались в страну своих предков, соединились с массой бежавших из войска илотов и периеков и построили у подошвы горы Итомы новый город Мессению, который сделался местопребыванием правительства самостоятельного государства.

Дурное время года, вследствие чего войско Эпаминонда начало терпеть разные лишения, и весть о приближавшемся к спартанцам вспомогательном афинском отряде заставили его очистить Пелопоннес. Восстановлением независимого Мессенского государства, присоеди-

нившегося к враждебным Аркадии и Аргосу, Эпаминонд нанес Спарте смертельный удар.

На обратном пути Эпаминонд столкнулся на перешейке с афинским отрядом, бывшим под начальством И ф и к р а т а. Но Эпаминонд искусно обошел его и благополучно вернулся в отечество. Здесь ожидал его далеко неутешительный прием. Низкие завистники, во главе которых находился народный оратор М е н е к л и д, обвинили Эпаминонда и Пелопида в том, что они пробыли в звании виотархов долее установленного законом срока. Эпаминонд принял всю вину на одного себя, явился в суд и с достоинством сказал: «Закон обвиняет меня. Хорошо, я заслуживаю смерти. Но требую, чтобы на могиле моей вы написали следующее: «Фиванцы казнили Эпаминонда за то, что он при Левктрах повел их на лакедемонян, которым они прежде не смели показаться на глаза, и доставил над ними победу, за то, что спас отечество, осаждал Спарту, которая почла себя счастливой, избегнув своего падения, и за то, что он построил Мессену и окружил ее крепкими стенами». Пристыженные судьи удалились один за другим, даже и не попробовав что-либо возразить Эпаминонду.

Против Аркадийского союза и Мессенского государства, возникших благодаря победоносным действиям Фив, восстали многочисленные враги. К спартанцам присоединились афиняне, побуждаемые завистью к Фивам, ахеяне, сикионяне и коринфяне. Вследствие этого Эпаминонду в 369 г. пришлось предпринять второй поход в Пелопоннес. С войском из 8000 гоплитов ему удалось прорвать неприятельскую линию на перешейке, состоящую из 20 000 человек, и восстановить уничтоженную было связь с Аркадией и Мессенией.

Между тем Пелопид перенес фиванское оружие и на север, где он явился решителем всевозможных споров. Так, он играл роль третейского судьи между враждовавшими соискателями македонского престола и в обеспечение мира взял с собой в Фивы в качестве заложника юного Ф и л и п п а, будущего царя Македонии. Вскоре новые замешательства вызвали Пелопида в Фессалию, где Александр, тиран Ферский, свирепствовал с бесчеловечной жестокостью. Призванные на помощь преследуемыми, Пелопид и Исмений отправились в качестве послов ко двору Александра, но здесь они были схвачены и заключены в темницу. Для освобождения их фиванцы отправили войско, в котором Эпаминонд, не выбранный более в виотархи по окончании срока занятия им этой должности, служил простым воином. Под предводительством других виотархов войско чуть было не потерпело поражение от Александра. К счастью, воины единогласно избрали Эпаминонда своим начальником. Он спас войско, появился перед воротами Фер и принудил тирана немедленно освободить пленных (367 г.).

Эти внутренние раздоры дали иностранным государствам повод ко вмешательству. Сами греческие государства искали благосклонности персидского царя Артаксеркса Мнемона. Афины и Спарта отправили послов в Сузу; туда же поспешил и Пелопид со стороны Фив. Каждое

из этих государств домогалось получить от царя выгодное право посредничества. Пелопид своим мужественным поведением и дипломатическим искусством, с которым он напомнил о старинном сорадничестве фиванцев и персов во время похода Дария и изобразил в самых блестящих красках настоящее могущественное положение Фив, настолько сумел отодвинуть на второй план остальных послов, что право посредничества было предоставлено Фивам. Постановление об этом гласило: «Все греческие государства, в том числе и Мессения, признаются независимыми; афиняне обязуются отозвать свой флот, другими словами, отказаться от своего господства на море; не желающие же подчиниться этому решению должны быть принуждены к тому силой оружия».

Приведение в исполнение этого мирного договора и право решать споры в качестве третейского судьи было предоставлено фиванцам. Весной следующего года для выслушания условий мирного договора и для клятвенного их утверждения были созваны в Фивы уполномоченные всех греческих городов. Но здесь вполне обнаружилось, как мало еще укрепилось значение Фив, несмотря на их недавние победы. Послы отказались утвердить мирный договор; посол же аркадян, Ликомед, утверждал, что место собрания должно быть там, где происходила война, а именно в Аркадии. Собрание разошлось, не придя ни к какому соглашению, и война и борьба партий снова возобновились.

И третьим походом в Пелопоннес, направленным в Ахайю, не удалось Эпаминонду утвердить порядка, напротив того, внутренние неурядицы в государствах повсюду еще больше усилились. Дикие и суровые аркадяне после смерти способного мантинеянина Ликомеда вполне доказали, что они не способны еще играть столь смело принятой ими на себя важной роли. Вместо того, чтобы действовать в общем единодушном согласии, отдельные города союза терзали друг друга в кровавых распрях. Мантинея и Тегея, стремясь каждая завладеть Мегалополем, вступили в вражду между собой.

Между аркадянами и жителями Элии вспыхнула открытая война. В Олимпии прямо во время игр обе стороны вступили в вооруженную схватку. Между тем Фивы лишились одного из своих великих руководителей — Пелописа. В одном сражении с Александром Ферским, преследуя с необыкновенным жаром обратившегося в бегство тирана, он слишком отдалился от своих и был поражен копьем одним из телохранителей Александра (364 г.). Но еще бодрствовал великий дух Эпаминонда. Для того, чтобы уничтожить господство афинян на море, Эпаминонд построил уже 100 кораблей и убедил Хиос, Родос и Византию отложиться от Афин. Теперь он сознавал необходимость ввести порядок в запутанные отношения Пелопоннеса и упрочить за Фивами положение между тамошними союзниками. Он вступил в Пелопоннес с войском, усиленным фессалийцами и эвбеянами. Аргос, Сикион, Мессена, Мегалополь и Тегея присоединились к нему. Эпаминонд расположился у последнего из этих городов. Противники, подкреп-

ленные афинянами, находились у Мантинеи и ожидали прибытия спартанского отряда под начальством Агезилая.

Эпаминонд, узнав о выступлении Агезилая, пошел прямо на Спарту. Но Агезилай, получив об этом известие от одного перебежчика, уведомил о том сына своего Архидама, приказав ему вместе с тем укрепить город, а сам поспешил с конницей форсированным маршем к Спарте.

Смерть Эпаминонда.

Хотя Эпаминонд проник до городской площади, но здесь его встретили находившиеся под начальством Агезилая и его сына и готовые на отчаянный бой спартанцы и уничтожили дальнейшие покушения. Тогда Эпаминонд выступил в обратный поход и направился к Мантинее, чтобы напасть на стоявшее там неприятельское войско (362 г. до Р. Х.). Победа была необходима, чтобы загладить стыд отступления от Спарты и ободрить воинов. Нападение произведено было с величайшим ожесточением. С самого начала предводимое самим Эпаминондом крыло обратило неприятеля в бегство. Он преследовал его с излишней запальчивостью и был поражен в грудь неприятельским дротиком; древко выпало, но железное острие осталось в груди.

Когда Эпаминонда принесли в стан, врачи объявили, что он умрет тотчас, как вынут железо из раны. Нажимая рану рукой, он попросил свой щит. Ему показали его и объявили о победе фиванцев. «Хорошо, — сказал он, — и так я довольно жил. Позовите ко мне теперь Диафанта и Иоллида». Ему отвечали, что оба храбрые полководца убиты. «О, в таком случае посоветуйте фиванцам заключить мир!» После этого Эпаминонд приказал вынуть железо из раны. В эту минуту один из неутешных друзей его воскликнул: «Ты умираешь, Эпаминонд! О, если б, по крайней мере, ты оставлял сыновей!» На это восклицание, испуская последний вздох, Эпаминонд отвечал: «Я оставляю после себя двух бессмертных дочерей: победы при Левктрах и Мантинее».

Победа при Мантинее не принесла Фивам ожидаемых плодов. Все осталось в прежнем беспорядке и нерешительном положении. Хотя и наступило спокойствие, но оно было спокойствием изнеможения и следствием персидского посредничества. Но так как мир этот утверждал независимость Мессении, то Спарта не присоединилась к нему. Восьмидесятилетний Агезилай не мог примириться с мыслью мирно окончить дни свои в своем униженном родном городе. Она подвигла его на новую деятельность. Он надеялся, что, может быть, милостивая судьба позволит ему быть еще чем-нибудь полезным своему отечеству. Смятение в персидской монархии подавало Агезилаю сладкую надежду стяжать новую воинскую славу. Наместники безнаказанно восставали против персидского царя или воевали друг с другом, причем многократно пользовались услугами греческих наемных войск и предводителей.

Самой мятежной областью выказался в это время Египет. Здесь в то самое время, когда персы вели войну на острове Кипре против Эвагора, себенитский князь Нахт-хор-хеб привел страну в оборонительное положение и набрал в Греции войско и предводителей. Главное начальство он вверил одному из знаменитейших того времени наемных вождей — афинянину Хабрию. Хабрий занял твердую позицию на Пелузийском рукаве Нила и укрепил ее окопами. Отсюда он наблюдал за всеми выходами из Сирии и овладевал всем, что приближалось к нему из пустыни. Артаксеркс Мнемон послал Фарнабаза с войском из 200 000 человек, но во главе его также поставил одного афинянина по имени Ификрат. В то же время Артаксеркс настоял в Афинах на отозвании Хабрия из Египта. Сначала все шло хорошо. Египетские войска, оберегавшие берега, были опрокинуты и открыли дорогу в Мемфис. Но медленность Фарнабаза испортила все, что было так хорошо сделано Ификратом. Между тем Нахт-хор-хеб оправился, совершенно разбил при Мендесе персов и принудил их к отступлению. Фарнабаз вновь направился в Сирию, Ификрат отплыл в Афины, а Египет на четверть столетия освободился от персидского ига.

Нахт-хор-хеб умер в 364 году. Его преемник Тахо равным образом пользовался каждым удобным случаем выказать свою ненависть к Персии. Он соединился с восставшими враждебными сатрапами Пе-

редней Азии и с 8000 египетских воинов, 10 000 греческих наемников и 200 кораблями бросился на Финикию. К этому-то Тахо отправился престарелый Агезилай и поступил к нему на службу, чтобы получить возможность отомстить Персии.

Но вместо того, чтобы предоставить Агезилаю главное предводительство, Тахо доверил ему лишь вспомогательные войска, чем Агезилай был весьма оскорблен. Едва Тахо высадился в Финикии, как в тылу у него в Египте вспыхнуло восстание, которым управлял некто **Нахт-небеф**. Агезилай немедленно присоединился к **Нахт-небефу**. Он примкнул к нему со своими войсками, помог победить Тахо и упрочил захваченную им власть. В награду за столь счастливую поддержку новый царь подарил Агезилаю 230 талантов. С этими средствами Агезилай надеялся снова помочь своему отечеству при смутах, которые в это время охватили Пелопоннес. На обратном пути Агезилай был выброшен бурей на ливийский берег. Здесь умер он на восемьдесят четвертом году своей жизни (в 361 году до Р. Х.) и с ним рушилась надежда Спарты восстановить прежнее свое положение в Пелопоннесе. Но и величие Фив со смертью Эпаминонда пришло также в упадок. Что касается Афин, то они, по словам одного современного государственного мужа, представляли только обломки того корабля, которым некогда правил Перикл. Греция лежала теперь бессильная, истекая кровью из тысячи ран, нанесенных неистовством партий и себялюбием. Не менее изнеможено и потрясано во всех своих основах было государство ее исконного, непримиримого врага — персов. Богатство Персии никого более уже не утрашало, а только привлекало к себе, как добыча. Но для нового оживления мира судьба уже предназначала царство, которое вмещало в себе спартанскую мощь и усвоило в фивских войнах необыкновенное военное искусство. Вместе с тем оно было достаточно сильно, чтобы покорить Грецию, овладеть персидской добычей и предоставить всем творческим силам более широкое поприще. Этим государством, до тех пор не только не обращавшим на себя внимания, но даже презираемым, была **Македония**.

21. Филипп Македонский. Демосфен. Священная война. Херонея (389—336 гг. до Р. Х.)

Македония уже с давних пор, а в особенности со времени Пелопоннесской войны, пришла в соприкосновение с Грецией. И в позднейших раздорах она принимала многократное, хотя и незначительное по своей роли участие. Греки всегда считали македонян полуварварами. Македоняне жили большей частью в хижинах и занимались земледелием и скотоводством. Одевались они преимущественно в звериные шкуры и отличались довольно грубыми первобытными нравами. Греки презирали их еще и за то, что они долгое время признавали над со-

бой власть персов и всегда управлялись царями. Царь Архелай (413—399 гг.) первый выказал стремление внести в свою страну греческую образованность. Он пригласил к себе всякого рода художников, поэтов и философов. Так, при его дворе долгое время жил живописец Зевксис и поэт Эврипид. Он также провел в своей стране большие дороги и построил в ней крепости. Войско свое Архелай преобразовал совершенно по эллинскому образцу. Архелай был умерщвлен, и в Маке-

Филипп Македонский.

донии настало время кровавых смут и насильственного захвата власти. По смерти царя Аминта II Фивы вмешались в споры о престолонаследии, как об этом упомянуто было уже выше. Пелопид утвердил на престоле старшего сына умершего царя, Пердикку III, младшего же сына его Филиппа в качестве заложника взял с собой в Фивы. В скором времени Пердикка III пал в сражении против иллирийцев, и на престол вступил Филипп (360—336).

Пребывание в Фивах, бывших средоточием тогдашней эллинской борьбы и родиной нового военного искусства, доставило Филиппу, одаренному необык-

новенным умом, случай получить прекрасное образование. Пелопид и Эпаминонд послужили ему примером, чего может достигнуть истинный муж. В надлежащей же энергии, благоразумии и политической проницательности, верно оценивающей положение дел и руководящей затем всей деятельностью, у Филиппа не было недостатка. В выборе средств для достижения своих целей он не был разборчив и не стеснялся прибегать к коварству, нарушению данного слова, измене и подкупу. В отношении подкупа замечательно вошедшее в пословицу его выражение: «Осел, нагруженный золотом, перейдет через самую высокую стену».

Филипп вступил на престол при самых неблагоприятных обстоятельствах. Со всех сторон он подвергался нападкам. Но переговорами и подарками он привлек на свою сторону пеонян и фракийцев, дружелюбием и предупредительностью обманул афинян, а блистательной победой над иллирийцами распространил свои владения до озера Лихнита.

В этих битвах Филипп образовал тех храбрых воинов, которые впоследствии одержали ему блестящие победы. Введением фаланги¹ он сделал войска свои непобедимыми. Этот знаменитый боевой порядок был употреблен, хотя и не с таким совершенством, еще Эпаминондом

¹ Ядро войска составляла тяжело вооруженная пехота в числе 8000 человек; она строилась в сомкнутых, плотно стоявших один за другим рядах, которые составляли продолговатый четырехугольник и целый лес железных копий.

при Левктрах и Мантинее. Его вид и действие производили такое ужасное впечатление, что впоследствии один римский полководец утверждал, что он никогда в жизни не видал ничего величественнее и страшнее. Из македонской знати Филипп образовал многих способных полководцев.

Таким образом, Филипп обладал страной, служившей ему исходным пунктом, и войском, готовым по его приказанию жертвовать своею силой и жизнью; недоставало у него только денег. Но их он получил, когда ему удалось вновь овладеть берегами своей страны, занятыми греческими колониями, и приобрести богатые рудники в Пангейских горах. Но предварительно Филиппу необходимо было завладеть господствовавшим в тех областях Амфиполисом. Он скоро нашел повод к ссоре, напал на этот город и овладел им (358 г.). Теперь он приобрел твердый опорный пункт для дальнейших завоеваний.

Новоприобретенные рудники Филипп разрабатывал с такой деятельностью, что, по удостоверению некоторых писателей, они приносили ему ежегодно до тысячи талантов (3 750 000 рублей). Эти суммы, увеличенные еще доходами от налогов и пошлин, употреблял он частью на военные потребности, частью на подкупы, с помощью которых устроил почти в каждом большом эллинском городе македонскую партию.

Лицемерное дружелюбие царя ввело в обман афинян. Но вскоре, когда Филипп изменой захватил и Пидну, они с ужасом заметили свою опрометчивость. Афиняне охотно бы обратились теперь против Филиппа, если бы в это время не были заняты войной с отпавшими от них союзниками: Хиосом, Косом, Родосом и Византией. В этой союзнической войне (358—355) Афины истощили последние силы. Они потеряли трех своих способнейших полководцев: Хабрия, Тимофея и Ификрата. Хабрий пал в морском сражении при Хиосе. Тимофей и Ификрат сделались жертвой другого, командовавшего вместе с ними, полководца, Хареса. Он обвинил их в измене и подкупе; они были осуждены судом народа и покинули неблагодарное отечество. Тимофей и Ификрат умерли вскоре в изгнании. Сделавшись единственным главным предводителем, Харес продолжал войну, но без всякого успеха. Он не мог спасти Потидею от напавшего на нее Филиппа, а поддержкой, оказанной отложившемуся сатрапу Артабазу, приобрел в персидском царя врага Афинам. Этот последний не менее Филиппа стал поддерживать теперь возмущившиеся острова, и Афины увидели себя вынужденными окончить бесславно войну тем, что признали независимость отложившихся государств (355 г.); то был удар, от которого они не могли уже более никогда оправиться.

Филипп увидел теперь, на что он мог отважиться при разъединенности и печальном положении Греции, не ожидая от нее серьезного сопротивления. Предлог к тому скоро нашлся. Фокиядне, храбрый горный народ, который не участвовал в духовном развитии остальных эллинов, занимался земледелием и охотой, жил правильной, свобод-

ной жизнью и умел до сих пор сохранить от фиванцев свою независимость. Но около этого времени фокидяне завладели посвященными Аполлону Дельфийскому полями Кирры и возделали их. Дельфийцы принесли жалобу совету Амфикионию, побуждаемые к тому фиванцами, которые имели в то время в этом совете почти исключительное влияние и употребляли его для преследования своих властолюбивых замыслов. Фокидяне были присуждены к тяжелой денежной пене, превысившей их слабые силы. В отчаянии, под предводительством Филомела, она напали неожиданно на город Дельфы и на дельфийский храм и отняли деньги у богатых жителей. А так как им для набора наемников требовалось денег гораздо больше, то они захватили и сокровища храма, состоявшие из золотых сосудов, треножников, венцов и т. п. Большое жалованье, обещанное Филомелом, привлекло к нему многочисленные толпы: «людей нечестивых, не уважавших богов, когда дело шло о наживе», — говорит Диодор, и скоро Филомел собрал войско, состоявшее из 10 000 человек. В то же время Филомел обратился за помощью к Афинам и Спарте, которые согласились оказать ее грабителям храма из ненависти к Фивам. По крайней мере, согласно желанию Филомела, они нисколько не задумались признать за фокидянами, «в силу древнего обычая», право надзора за никийским храмом. На стороне фиванцев находились локрийцы, большая часть беотийцев и фессалийцы.

Началась Священная война (355 г.), которая свирепствовала 10 лет и превзошла своими ужасами все предшествовавшие войны. Борьба продолжалась с переменным успехом, пока Филомел, который действовал против превосходящих сил неприятеля, не потерпел, вследствие своей собственной неосторожности, тяжелого поражения при Иеоне (354 г.). Чтобы не попасть пленником в руки фиванцев, объявивших, что они будут казнить всякого участника в совершенном против богов преступлении, он бросился со скалы и погиб.

Оставшийся после него брат его Ономарх не смутился этим и продолжал войну. Беспощадно ограбил он оставшиеся еще в Дельфийском храме сокровища; из меди и железа он приказал сделать оружие, а из золота и серебра выбить монету. Таким образом Ономарх получил возможность настолько увеличить жалованье своим войскам, что удалцы и искатели приключений, посвятившие себя чужеземной военной службе, стекались к нему целыми толпами из всех греческих племен. Необыкновенное счастье благоприятствовало предприятиям Ономарха. Он вторгся в Беотию, разбил фиванцев и отнял у них Коронею. Затем он победоносно вступил в Фессалию, тираны которой, и между ними Ликофрон Ферский, надеялись с помощью фокидян восстановить прежнюю свою власть.

Притесненные фессалийцы обратились за помощью к Филиппу и вызвали его из северных областей, где он вел тайную и открытую борьбу против господства Афин на море. В это время Филипп успел завоевать союзный с Афинами приморский город Мефону (353 г.) с целью

постепенно проложить дорогу к весьма важному как для него самого, так и для афинян Геллеспону. Хотя при осаде Мефоны Филипп и был ранен стрелой в глаз, тем не менее он поспешил на призыв фессалийцев о помощи. Сначала, не ознакомившись достаточно с силой своего противника, он потерял два сражения. Тогда он усилил свое войско до 20 000 пехоты и 3000 конницы и с этими силами одержал решительную победу в южной Фессалии. Войско Ономарха было полностью уничтожено. 6000 человек было убито, а 3000 взято в плен. Остатки войска частью спаслись на афинском флоте, который находился под начальством Хареса и держался поблизости фокидян для оказания им поддержки. Сам Ономарх погиб. Тело его по приказанию Филиппа было распято на кресте, а пленные, как грабители храма, были брошены в море. К прискорбному изумлению фессалийцев, Филипп выказал к собственным своим интересам не меньшее рвение, чем к оскорбленным богам. Так он оставил за собой приморский город П а г а с е ю, весьма важный по доходности взимаемых в нем пошлин, для своих дальнейших предприятий. Таким образом Филипп сделался фактическим властелином Фессалии.

Под предлогом нападения на разбитых уже фокидян в их собственной области Филипп выступил из Фессалии и замышлял овладеть ключом к собственной Греции — Ф е р м о п и л ь с к и м п р о х о д о м. Но по настоянию оратора Демосфена афиняне заняли южный проход отрядом гоплитов из 5000 человек и 400 всадников под начальством Навзикла. К ним присоединились еще 1000 спартанцев и 2000 ахеян. Даже со стороны фокидян явился под начальством Фаилла, брата Ономарха, вспомогательный отряд, который был радушно принят афинянами.

Филипп не отважился напасть на такое сильное войско и отступил обратно в Македонию. Афины с недоверчивостью следили за его действиями, и было очевидно, что этот город делается средоточием противодействия его честолюбивым замыслам. Задача Филиппа сделалась еще труднее с тех пор, как в Афинах выступил муж, который напомнил афинянам о старинном их призвании быть спасителями эллинской свободы, муж, проникавший в планы Филиппа и в своих речах беспрестанно доказывавший афинянам, что стремления царя направлены к уничтожению эллинской свободы и к основанию македонского владычества. Этот муж был Демосфен.

Д е м о с ф е н происходил не из знатной афинской фамилии, как Кимон, Перикл, Фукидид и Алкивиад; отец его был хозяином доходного оружейного завода. Рано осиротев, Демосфен посвятил себя изучению красноречия в школе Исея. Впервые он выступил в процессе со своими опекунами, захватившими имущество его отца. При произнесении в народном собрании первой своей речи Демосфен был освистан и осмеян. Тогда друг его, актер Сатир, дал ему уроки дикции и мимики. С неутомимым прилежанием стал Демосфен изучать теперь свое искусство. Имея короткое дыхание и слабый голос, он решился побе-

дить эти недостатки. Часто ходил он на берег моря, туда, где всего сильнее бывал прибой волн, и усиливался заглушить их шум своим голосом. Народное собрание, перед которым он должен был выступить, представлялось ему морем, бушующим, бурным и волнующимся вокруг оратора. Чтобы достигать своей цели при подобных обстоятельствах, надо было обладать необычайной смелостью и притом могучим

*Демосфен.
С античной статуи.*

голосом. Поэтому он брал в рот камешки и старался говорить чисто и ясно. Потом он всходил на крутые горы и там произносил громким голосом длинные речи, чтобы приучить себя как можно дольше не переводить дыхания. Наконец он переселился в подземелье, где, отказавшись от всякого общения с людьми, стал неутомимо изучать перед большим зеркалом различные положения и движения тела и лица. Плутарх рассказывает, что Демосфен даже обрил себе часть головы для того, чтобы ему не было никакой возможности выходить из своего уединения, и провел таким образом несколько месяцев в своей подземной пещере в неутомимых занятиях и размышлениях об искусстве, которому посвятил себя.

При исполнении обязанностей народного оратора Демосфен явил ту же твердость, какую выказал при подготовке к нему. Так, в то время, когда один из главных соперников его, сторонник Македонии Демад часто являлся перед народом в нетрезвом виде и говорил без всяких приготовлений, хотя и с большим искусством, он, напротив, отличался строгой воздержностью и, как некогда Перикл, всегда готовился к про-

изнесению речей, про которые говорили даже, что они пахнут ночной лампой. Речи Демосфена отличались силой и убедительностью. Презирая всякое излишнее велеречие, он говорил только о самой сути дела. Предмет речи у него определялся ясно, мысли развивались остроумно, твердостью убеждения была проникнута вся речь, которая, по свидетельству Дионисия Галикарнасского, была величественна и в то же время проста, серьезна и слушалась легко, сжата и плавна, приятна и убедительна.

При вступлении Демосфена на политическое поприще нравственное состояние народа было далеко не утешительно; все предвещало

близкую катастрофу. «Афинские юноши проводили целые дни в домах флейтисток и гетер; пожилые люди предавались только игре в кости и подобным безнравственным занятиям; для народа же гораздо важнее были общественные обеды и даровая раздача мяса, нежели забота о государстве». Некоторые благородные граждане, с негодованием замечавшие, что управление всеми государственными делами отдано было на произвол партий и что руководители народа стараются только льстить его страстям¹, отчаивались в возможности возрождения своего отечества и заботились лишь о сохранении в чистоте своих собственных добродетелей, а не об улучшении государственного управления. Хотя люди эти и не содействовали умышленно планам Филиппа, как то делали подкупленные изменники: Эвбул, Демад, Филократ, Стратокл и др., но они находили невозможным сопротивляться им и полагали, что завоевательная политика Филиппа не воспрепятствует свободному существованию их отечества.

Такого мнения держался и правдивый, но смотревший на все с идеальной точки зрения Фок и он². Как человек, отличавшийся, при всеобщей развращенности нравов, строгой честностью и суровой нравственностью, он, без сомнения, заслуживает наше внимание. «Никто, — говорит один древний писатель, — не видал, чтобы он когда-либо плакал или смеялся, и никто не встречал его в общественных банях — обычном месте сборища праздных афинян. В поле ходил он босиком и без плаща; когда же отступал от этого правила, то воины заключали, что холод должен быть очень силен. В народном собрании Фокион, известный своей безукоризненностью и благоразумием, был страшен для ораторов, ибо народ часто охотнее склонялся на его краткие решения, чем на длинные и искусные речи людей, подобных Демаду и Демосфену.

Флейтистка.

С изображения на античной вазе.

¹ «Теперь ваши ораторы ходят вокруг вас и спрашивают вас: Чего желаете вы? Что должен я предложить вам? Чем могу я доставить пользу?» — говорит Демосфен в одной из своих олинфских речей.

² Поэтому Корнелий Непот не без основания говорит: «Афинянин Фокион, хотя и предводительствовал войском и избирался на важнейшие государственные должности, все-таки более прославился своей честностью, чем своими деяниями».

Поэтому Демосфен, видя, как после произнесения им речи против него выступает со своим кратким возражением Фокион, иногда говорил: «Вот идет палач моих речей». Фокион верил, что он окажет величайшую услугу своему отечеству, если всеми силами будет отстаивать мир. Когда же противники его восторжествовали, а он сам выбран был главным военачальником, то с готовностью принял возложенное на него государством поручение и со всевозможной осторожностью вел начатые против его желания предприятия. Действуя таким образом, он со славой предводительствовал в сорока пяти походах, ни разу сам на то не напрашиваясь.

Фокион.
С античной статуи.

Другие, подобно Исократу и его приверженцам, заботилась о благе всей Греции. Они с величайшей горестью замечали повсюду одни лишь войны, кровопролития, смуты, с прискорбием видели, сколько терпели азиатские греки от варваров и греческих искателей приключений, — и Филипп являлся им в еще более привлекательном свете. Ввиду ослабления Афин и унижения Спарты, они только на Македонию и на Филиппа возлагали надежду спасти Грецию и получить возможность наказать Персию.

Демосфен не разделял ни одного из этих двух мнений. Поддерживаемый своими друзьями, знаменитыми ораторами того времени: Гиперидом, Ликургом, Гегезиппом и другими, он смотрел совсем с другой точки зрения на события своего времени. Исполненный ни в чем не сомневающимся духом, он надеялся вновь вдохнуть в заснувший народ мужественные чувства и воскресить в нем древние добродетели. Подобно Аристиду, Периклу и другим, заботясь более о благе государства, нежели о похвалах своих слушателей, Демосфен то говорил народу тоном ласкового поучения и совета, то действовал на него убедительной силой своих доказательств. Он не шадил ни дружеских увещаний, ни строгих укоров, ни язвительных насмешек. Он то напоминал афинянам о достославных деяниях предков, то представлял им в истинном свете современное безотрадное положение, приподнимал завесу мрачного будущего и предсказывал неизбежное бедствие их потомков, если они не станут помышлять о действительных своих интересах и о своем собственном спасении. «Вы радуетесь, — восклицал он, обращаясь к афинянам, — когда прославляют

ваших предков, перечисляют их подвиги и победы; но знайте, что предки ваши совершили все это не для того только, чтобы вы удивлялись им, но для того, чтобы вы и подражали их добродетелям». «Вы, афиняне, — говорит он в другом месте, — обессилены и лишены своего достоинства и союзников, вы только слуги и приверженцы ваших руководителей и вполне довольны, когда последние наделяют вас деньгами для присутствия на зрелищах и скудной пищей. Они держат вас запертыми в городе, приучают к себе и делают вас кроткими и послушными. Но разве живущий в нищете и зависимости может сохранить в себе возвышенные и смелые помыслы? Каков образ жизни, таков и образ мыслей».

Замечая все более и более приближавшуюся со стороны Филиппа опасность, Демосфен все настойчивее и настойчивее требовал более энергичной деятельности, пока было еще время. Когда афиняне, узнав о болезни Филиппа, преисполнились радости и надежд, то Демосфен сказал им, что они не должны пребывать в праздности и надеяться на скорое спасение. «Потому что, если этот и умрет, то вы скоро наживете себе другого Филиппа, когда будете вести дела свои по-прежнему». Поэтому афиняне должны были отказаться от праздности и, как в былые времена, снова, не щадя жизни, сражаться за отечество и жертвовать своим достоинством на пользу государства. Демосфен осмелился даже предложить народу, чтобы часть государственных доходов, предназначенных на уплату за места граждан на театральных зрелищах, была обращена на военные потребности, хотя по закону, принятому народом по предложению демагога Эмбула, всякий, делавший такое предложение, подвергался смертной казни. Не обращая внимания на представления и угрозы богачей, он предложил также законы, которые имели целью уменьшить и уравнивать расходы по вооружению кораблей, составлявшие государственную повинность¹. Если бы афиняне испол-

¹ Из всех государственных повинностей (литургий) самой обременительной была триерархия. Из среды богатейших граждан выбирались триерархи, и каждый из них обязан был снаряжить и содержать за свой счет трирему (трехъярусную галеру, то есть военный корабль с тремя рядами отверстий для весел и соответственно одна над другой расположенными скамьями для гребцов). Триерарх был главным начальником над кораблем. С 358 г. до Р. Х. 1200 богатейших граждан были обязаны отбывать триерархию (они были разделены на 20 отделений, каждая симмория на синтелии от 5 до 16 человек, и синтелиа обязана была снаряжать корабль. По Любкеру). Но в скором времени обнаружилась злоупотребления: многие не сами занимались снаряжением, а отдавали его с подряда по более дешевым ценам другим предпринимателям и тем освобождали себя от известной части издержек (самые богатые из участвующих в синтелиях, которые пользовались большой властью, ссужали при этом деньгами других за большие проценты и почти покрывали свои собственные издержки; таким образом те, на которых должна была ложиться большая тяжесть при отбывании повинностей, сумели свалить с себя ее и сверх того были освобождены от других повинностей. Ibid). Вследствие этого снаряжение кораблей производилось самым неудовлетворительным образом. Около 340 г., по предложению Демосфена, было постановлено, что каждый, соответственно своему имущественному цензу, обязан был снаряжать одну, а иногда и несколько трирем; менее же зажиточные соединялись вместе в общества (синтелии) и снаряжали одно судно сообща. (За норму при снаряжении корабля был принят следующий ценз: имеющий 10 талантов обязан был снарядить один корабль, 20 талантов — 2 корабля и т. д., а граждане с меньшим цензом могли соединиться в синтелию с капиталом в 10 талантов. Ibid).

нили все это, — для этого они нуждались лишь в решимости, — то Демосфен надеялся еще с успехом сопротивляться Филиппу, которого он называл варваром, и разлившийся поток его могущества заставить войти обратно в старое русло. «Царь не страшит меня, — воскликнул он, — только бы намерения ваши были здравы и тверды».

Демосфен не скрывал от своих сограждан всей опасности этого противника, который имел на своей стороне то преимущество, что, будучи в одно и то же время и государем, и полководцем, и казначеем, он сам распоряжался своими явными и тайными действиями и много выигрывал от быстрого и своевременного исполнения своих замыслов. «Подивитесь, — говорил Демосфен, — искусству этого государя: как хорошо умеет он пользоваться каждым обстоятельством! Употребляя то благоразумную снисходительность, то угрозы (а его угрозы несомненно внушительны), пользуясь нашим отсутствием и распуская на нас клевету, он обращает все обстоятельства к своей пользе».

Но вместе с тем Демосфен снова убеждал афинян не падать духом и уметь искусно воспользоваться даже предшествовавшими несчастьями. «Прежде всего, — восклицает он в первой речи своей против Филиппа, — как бы настоящее положение наше ни казалось отчаянным, не следует терять мужества. Ибо именно то, что оно было до сих пор так дурно, позволяет надеяться на лучшее в будущем. В чем же заключается эта надежда? В том, что дела находятся в таком дурном состоянии *вследствие беспечности вашей к своим обязанностям*. Будь они так же дурны и при исполнении вами ваших обязанностей, тогда не было бы уже никакой надежды на их поправление». Далее в той же речи он продолжает: «Вы видите, мужи афинские, до чего человек этот доходит в своей дерзости. Желая лишить вас всякой возможности действовать или оставаться в бездействии по вашему собственному усмотрению, он влияет на вас то угрозами, то своими высокомерными речами. Не довольствуясь сделанными уже завоеваниями, он, в то время как мы пребываем в нерешимости и бездействии, распространяет их все далее и далее, чтобы окружить нас, как тенетами. Когда же, мужи афинские, когда же будете вы делать то, что необходимо делать? Чего вы еще ожидаете? Вероятно минуты, когда необходимость заставит вас действовать? За что же нужно почитать настоящее положение вещей? Я, по крайней мере, полагаю, что для свободных мужей не может быть более сильной необходимости, чем позор их положения. Или желаете вы, спрашиваю я вас, топтаться на одном месте и обращаться друг к другу с вопросом: «Нет ли чего нового?» В таком случае вам ничего не сообщат новее того, что македонянин побеждает афинян и распоряжается судьбой эллинов».

К каким же последствиям привели все старания Демосфена? Пока было еще время, ничего, за исключением некоторых слабых попыток, не было предпринято, что указывало бы на серьезное сопротивление. Народ по-прежнему коснел в своей беспечности и хотя иногда, благодаря предостережениям Демосфена, пробуждался и постановлял блес-

тящие решения, но все еще не имел достаточной энергии для приведения их в исполнение. Затем, когда уже невозможно было оставаться долее в бездействии и решено было вести борьбу, то решение это оказалось слишком поздним, и борьба по этой причине должна была окончиться поражением.

При обозрении хода событий этого времени сам собой возникает вопрос, каким образом могло случиться, что такой здравомыслящий народ, как афиняне, в полном сознании и притом с открытыми глазами стремился навстречу собственной своей гибели? Но эта пагубная бездеятельность и равнодушие сделаются понятными, если представить себе полную перемену, происшедшую в состоянии Афин. Со времени Пелопонесских войн Афины являлись лишь тенью того, чем они были когда-то. Прошли те времена, когда дух общественности, имевший лозунгом: «Каждый за всех и все за одного», заставлял жертвовать жизнью и достоянием для блага отечества. Полное отсутствие единодушия и сознания государственных интересов в особенности ярко обнаружилось в военных делах и управлении. Низкое самолюбие тормозило всякое начинание, хотя бы сколько-нибудь намекавшее на общее дело. Теперь лозунгом сделались — покой и наслаждение. Подвергаться опасности для других или даже для собственной пользы почиталось безумием. Сверх того было достаточное число желавших вступать в военную службу ради жалованья и награды.

Заставив эллинов притворной бездеятельностью забыть свою неудачную попытку проникнуть через Фермопильский проход, Филипп обратился против могущественного и цветущего торгового города Олинфа, который стоял во главе Халкидского союза, блистательно состязался за господство со Спартой и часто угрожал македонским царям.

Дружеский прием, оказанный олинфянами двум побочным сыновьям Аминта, действовавшим против Филиппа, послужил царю предлогом для объявления Олинфу войны. Со свойственной ему быстротой вторгнулся Филипп в окрестности этого города. Устрашенные олинфяне обратились за помощью к Афинам. Демад был против союза с ними, но Демосфен в трех своих «олинфских» речах настоятельно убеждал оказать просимую помощь; он верил, что боги оказывают благодеяние, восстанавливая против царя такого врага. Враг этот граничил с владениями Филиппа, обладал значительной силой и был твердо убежден, что всякий союз с царем неверен и гибелен.

Афиняне, хотя и вступили в соглашение, но не послали к союзникам достойного вспомогательного войска; отправленные же ими отряды, сперва под начальством Х а р е с а, а после него под предводительством Х а р и д е м а, состояли из своевольных наемников. Когда наконец, после третьего посольства олинфян было послано под начальством Хареса войско, состоявшее из афинских граждан, то город еще до прибытия его попал в руки Филиппа вследствие измены двух подкупленных началь-

ников олинфской конницы: Ласфена и Евфикрата (в 348 г. до Р. Х.). Все дома были разрушены, а жители проданы в рабство. Таким образом афиняне, вследствие своей беспечности, допустили царя завладеть этим важным городом. Они старались побудить пелопоннесцев заключить с ними союз против Филиппа, но когда это не удалось, вступили в переговоры с царем и заключили с ним мир (в 340 г.). Между тем Филипп продолжал свои завоевания во Фракии и по приглашению самих фиванцев и фессалийцев покорить фокидян быстро прошел через Фермопилы, вступил в Фокиду и принудил жителей ее к безусловной покорности. Затем он созвал в Дельфах суд амфикионов, на котором была решена участь ограбивших храм фокидян: двадцать два их города были разрушены, жители расселены по деревням; Фокида была исключена из союза амфикионов, а принадлежавшие ей до тех пор два голоса были переданы Филиппу и его преемникам. События эти произвели в Афинах сильное смущение; но им вследствие их изолированного положения по совету самого Демосфена ничего более не оставалось делать, как покориться обстоятельствам.

Таким образом Филипп явился теперь, увенчанный славой довершителя Священной войны и поборника дельфийского божества, но он смотрел на это лишь как на переходную ступень на пути к господству над всей Грецией. Частью совершенное ослепление в отношении угрожавшей опасности, частью равнодушие и бессилие затрудняли все стремления патриотов, старавшихся противодействовать замыслам Филиппа. Кроме Демосфена, самыми искренними защитниками национальных интересов явились: достойный уважения оратор Л и к у р г, искусный и веселый Г и е р и д, Гегезипп, Тимарх и некоторые другие. Само собою разумеется, что Демосфен и теперь не приходил еще в отчаяние¹, несмотря на то, что Филипп представлялся ему «распространяющим свою власть подобно пожару и горячке». «Доколе судно, — говорил он, — все равно, большое оно или малое, еще на воде, доколе кормчий должен заботиться, чтобы никто не погубил его умышленно или по неосторожности». «Когда же волны поглотят его, — продолжал он далее, — тогда всякие старания бесполезны. Но что же надлежит делать нам, мужи афинские, пока мы находимся еще в безопасности и обладаем столь важным городом с богатыми вспомогательными источниками и с достославным именем? Вот вопрос, который давно уже у многих из вас вертится на языке. Я дам вам ответ на этот вопрос и представлю вам на рассмотрение свое предложение. Прежде всего нам следует самим стать в оборонительное положение и в то же время снарядить корабли и собрать деньги и войска. Ибо, если даже все остальные склоняются под ярмом, то мы все-таки должны сражаться за свободу. Вполне вооружившись сами, мы должны призвать и остальные государства. Было бы глупо выказывать заботливость к чужим интересам и в то же время остав-

¹ Сам Филипп, как говорят, сказал об одной из направленных против него речей Демосфена (филиппик): «Клянусь богами, если бы мне пришлось слушать ее, то я сам подал бы голос за войну против себя».

лять свои собственные на произвол судьбы. Итак, я предлагаю вам послать находящемуся в Херсонесе войску деньги и удовлетворить все прочие его требования; далее, вооружиться самим и призвать остальных эллинов, чтобы соединить их, вразумить и уговорить: так подобает поступить государству, занимающему положение, равное нашему. Если же вы будете безучастно выжидать, чтобы Элладу спасли жители Халкиды или Эретрии, то вы заблуждаетесь, ибо они почтут себя довольными и тогда, когда будут в состоянии спасти самих себя. Нет, это ваше дело; предки ваши приобрели это почетное призвание ценой бесчисленных и тяжелых битв и оставили вам его в наследие. Но если все мы будем сложить руки, в ожидании исполнения нашего желания, стараться лишь о том, чтобы самим ничего не делать, то я думаю, во-первых, что вряд ли удастся найти охотника, который бы согласился заместить нас, а во-вторых, опасаясь, что в конце концов мы все-таки будем вынуждены делать все возможное, что противоречит нашим желаниям. Вот то, что я и устно и письменно советую вам и верю в то, что если совет мой будет исполнен, то дела наши могут и теперь еще поправиться. Если же кто имеет предложить что-либо лучшее, то я предоставляю это на ваше усмотрение, и что будет решено вами, то да обратят боги к вашему благополучию».

Но усилия могучего оратора не были в состоянии вдохнуть в афинян продолжительного воодушевления к интересам общего отечества. Только тогда, когда действия Филиппа стали угрожать Афинам близкой опасностью, удалось Демосфену привести афинян во внезапное воинственное настроение. Вследствие этого, благодаря появлению вспомогательного войска им удалось уничтожить замыслы Филиппа и стать твердой ногой в Мегаре и на острове Эвбее. Еще большей угрозой для Афин было то, что Филипп сделал вид, будто желает закрыть для них торговый путь в Геллеспонт и Херсонес и даже отрезать им всякое с ними сообщение. Однако Филипп не искал еще полного разрыва с Афинами и, колеблясь между войной и миром, почитал последний более для себя выгодным. Но замыслы его не могли долее оставаться скрытыми, когда он напал на торговый город Перинф и стал угрожать Византии. До сих пор оба эти города опасались покушений на свою самостоятельность со стороны Афин и отвергали всякие их предложения. Только теперь, когда участь, постигшая Олинф, стала угрожать и этим городам, они с нетерпением ожидали помощи от афинян. Сначала византийцы поспешили на помощь к соседнему городу Перинфу. Персидский царь Артаксеркс Ох (около 362 г.) также послал им денег и хлеба. Наконец и в Афинах решились действовать, несмотря на полученное там от Филиппа угрожающее письмо. По предложению Демосфена мирный договор с Филиппом был расторгнут, и сперва под начальством Хареса, а потом Фокиона, были отправлены флот и войско. Филипп вынужден был снять осаду обоих городов, совершил опустошительный поход на нижний Дунай, в страну скифов и, подвергнувшись на обратном пути нападению трибаллов, которые отняли у него большую часть добычи, вернулся в Македонию. Еще раз явились Афины в прежнем своем блеске, и спасенные го-

сударства выразили им свою признательность присылкой золотых венков и значительных денежных сумм. Влияние Филиппа во Фракии было потеряно. Ему необходима была новая победоносная война. Поводом к ней послужила так называемая Священная война Амфиссы против локрийцев (в 339 г. до Р. Х.).

По всем вероятностям, вследствие происков подкупленных Филиппом изменников, к которым в особенности принадлежал Эхин, облеченный в то время в звание пилагора (уполномоченного в Дельфах при суде амфикионов), со стороны Амфиссы была возбуждена жалоба на

Эхин.
С античного мраморного
барельефа.

локрийцев в том, что они вспахали священный округ Кирры. Поднялись все дельфийцы, способные носить оружие, и, под начальством призванных в совет амфикионов послов, вступили в область Кирры, чтоб разорить возделанный округ, но были отражены жителями Амфиссы. Тогда в собрании решено было наказание локрийцев обратить в общее дело всех государств, принадлежавших к союзу амфикионов. Демосфен, предвидя опасность для Аттики, убедил афинян не принимать никакого участия в этих совещаниях. Прочие государства, в особенности Фессалия, решили объявить локрийцам войну и, чтобы придать более весу бессильным ре-

шениям амфикионов, избрали Филиппа главным вождем священного ополчения. Филипп тотчас же выступил в поход с 30 000 пехоты и 2000 всадников, прошел Фермопилы, разбил локрийцев в Амфиссе, вернулся в Фокиду, внезапно занял пограничный город Элатею, служивший центральным пунктом нескольких стратегических путей, и стал угрожать отсюда Беотии и Аттике.

Демосфен сам описывает нам впечатление, произведенное в Афинах известием об этом: «Был уже вечер, когда вестник принес в Совет известие о том, что Элатея взята Филиппом. Тотчас же все члены совета поднялись из-за ужина. Некоторые из них вызвали из лавок торговых людей и зажгли сигнальные костры, чтобы призвать в город поселян; другие послали за вождями и подняли тревогу. Весь город пришел в величайшее волнение. На рассвете следующего дня члены совета созвали Народное собрание в здании Совета. Граждане собрались на Пниксе (возвышенном месте в юго-западной части Арейского холма). Члены совета привели в Народное собрание вестника, и он подтвердил известие. Тогда глашатай собрания спросил: «Кто желает говорить?» Но никто не заявил такого желания, хотя в собрании и присутствовали все военачальники и государственные мужи. Никто не осмеливался подать какой-либо совет. Тогда выступил Демосфен и энергично осла-

ривал мнение тех, кто надеялся поспешной покорностью снискать себе умеренные условия, равно и мнение тех, кто считал безумным сопротивляться македонскому войску. Он говорил только о защите, старался внушить мужество своим согражданам, побуждал их к сопротивлению и подавал им надежду на успех. Затем он предложил отправить в Элевзин всех молодых людей, способных носить оружие, и пеших и конных, и, доказав этим твердое намерение оказать решительное сопротивление, предлагал пригласить к союзу Фивы. Демосфен полагал, что теперь, при наступлении общей опасности, легко можно будет сделать то, чего прежде нельзя было достигнуть при взаимной ненависти между обоими государствами. Все предложения Демосфена были приняты, и он сам был отправлен во главе посольства в Фивы.

Там ему пришлось вступить в состязание с посланниками царя, также отправленными в Фивы. Находившийся в числе их Пифон, отличнейший оратор родом из Византии, выступил в Народном собрании. Он старался как можно ярче изобразить фиванцам выгоды союза с Филиппом, напомнил о претерпленных фиванцами со стороны Афин различных оскорблениях и сулил им победу и богатую добычу. Демосфен, напротив, умолял фиванцев забыть причиненные друг другу неприятности и подумать, что они, как греки, со славой соперничали в гегемонии, а теперь, когда чужеземец хочет господствовать в Греции, должны соединиться против общего врага. Он напомнил им о славе эллинского имени и о мужестве предков, представил, какую сильную помощь готовы оказать им Афины, изобразил стыд рабства, если Филипп восторжествует, и обманчивость всех его обещаний.

Речь Демосфена увлекла колебавшихся еще фиванцев на сторону Афин. Всякая недоверчивость исчезла до такой степени, что фиванцы впустили в свой город афинское войско, шедшее поспешно под начальством Хареса и Лизикла. Затем и фиванцы вооружились такой же энергией и поспешили, вместе с афинянами, навстречу царю в Фокиду. Две первые стычки были счастливы для союзников, и в Афинах назначены были уже по этому случаю празднества и благодарственные жертвоприношения. Решительная битва произошла на равнинах при Херонее (в августе 338 г.). Но союзные войска, собранные поспешно, недостаточно опытные, составленные из различных народностей, хотя и превосходили своей численностью войска царя, но не могли состязаться с ними в привычке к перенесению военных трудностей и в боевой опытности. Сам Филипп далеко превосходил и талантом военачальника и боевой опытностью греческих полководцев, между которыми лучшими были афинянин Стратокл и фиванец Феаген.

Таким образом, от этого главного сражения нельзя было ожидать ничего хорошего. Однако союзники сражались с отчаянной храбростью; блистательнее всех действовал священный фиванский отряд; в ряду же афинских гоплитов сражался и Демосфен в качестве простого воина. Но сын Филиппа — Александр с фессалийской конницей уничтожил священный фиванский отряд, а сам Филипп стремитель-

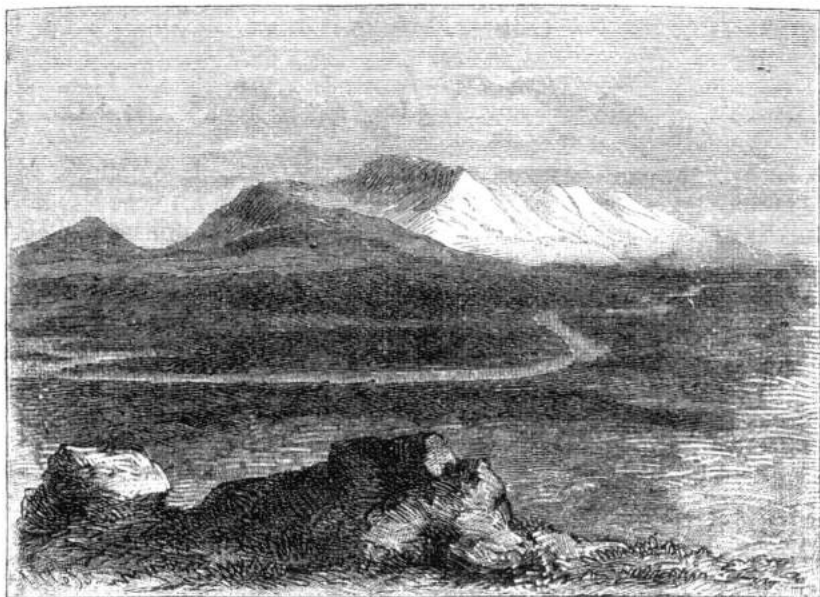
ным натиском своей фаланги разбил афинян. Скоро все обратилось в бегство. Кровавое пролитие было ужасное. 1000 афинских граждан было убито, триста человек священного фиванского отряда вместе с предводителем их Феагеном пали все до одного. Впоследствии в честь павших воинов на их могиле была воздвигнута колоссальная фигура льва, упирающегося на передние лапы, с гордо поднятой головой и пристальным взглядом, как бы обращенным на неприятеля.

Последнее сопротивление в открытом поле, которого боялся Филипп, было сломлено. Но сам город Афины еще не был взят. Здесь самым ревностным образом готовились к отчаянной обороне. Освободили даже рабов и поставили их в ряды защитников. Изгнанникам и преступникам было обещано возвращение на родину и восстановление прав, если они пожелают сражаться за отечество. Жители Трезена, Эпидавра, Коса и Андроса были призваны на помощь. Пирейская гавань была укреплена, стены исправлены, вырыты рвы и возведены валы. Такой решительный образ действий афинян не преминул оказать свое влияние на Филиппа. Вместо того, чтобы предпринять продолжительную осаду, он благоразумно предпочел вступить в мирные переговоры. Вместе с тем он отпустил 2000 пленных афинян без всякого денежного выкупа, а трупы павших воинов отправил на родину. Здесь Демосфену, несмотря на все насмешки сторонников македонской партии, поручено было произнести над павшими в битве надгробную речь.

Умеренность, проявленная Филиппом после одержанной им победы, намного смягчила горечь поражения. При посредстве Демада, весьма любимого царем, являлась возможность прийти к соглашению, которое удовлетворило бы обе стороны. Афины согласились отказаться от своей гегемонии на море, освободить от обязательств своих союзников и присоединиться самим к вновь образованному македонско-эллинскому союзу. Взамен этого Филипп обязался не посягать на независимость Афин и не вводить в них своего гарнизона. Зато Фивы испытали на себе всю строгость победителя. За возвращение пленных и убитых они должны были внести значительный денежный выкуп. Замок Кадмея был занят македонским гарнизоном. Сами Фивы были лишены гегемонии над беотийскими городами и обязались дозволить гражданам, изгнанным ими из городов Платей, Орхомена и Феснии, возвратиться на родину, а города эти признать независимыми. Предводители патриотической партии были частью казнены, частью изгнаны, а имения их отобраны в казну.

Затем Филипп отправился в Пелопоннес и нашел здесь со стороны коринфян, аргеян, аркадян, мессенцев и элийцев самый восторженный прием. Одни спартанцы оказали сопротивление и заплатились за это опустошением своей страны и потерей гегемонии. С этих пор владения Спарты были ограничены обоими берегами реки Эвроты. В сам же славный город Спарту Филипп не вступал. Он даже спокойно отнесся к отказу спартанцев отправить послов в собрание в Коринф, где в скором времени был прочно установлен новый порядок вещей в Гре-

ции (в 337 г. до Р. Х.). В этом собрании Филипп объяснил, что действительной целью всей предшествовавшей его деятельности было покорение Персии, потребовал от всех эллинских государств людей и кораблей, как средства для достижения означенной цели и как залога их верности, и вместе с тем заставил провозгласить себя главным вождем всех эллинов. Вслед за этим Филипп целый год готовился к этому великому предприятию и отправил наперед в Малую Азию Пармениона и Аттала с македонским войском, чтобы склонить на свою сторону прибрежные греческие города. Но тут кинжал убийцы положил неожиданный конец его жизни и планам (в 336 г.).

Херонейская равнина.

Перед отъездом в Азию Филипп праздновал бракосочетание дочери своей Клеопатры с Александром — князем Милосским. В Эгее были даны великолепные празднества. В доказательство своей уверенности в личной безопасности Филипп совершенно один отправился из своего дворца в театр; телохранители же его должны были следовать за ним лишь в отдалении. При входе в театр один из телохранителей знатного рода по имени Павзаний, оскорбленный Атталом и не получивший от Филиппа удовлетворения на свою жалобу, бросился на царя и пронзил его одним ударом. Убийца был настигнут телохранителями и изрублен ими в куски. Данное Дельфийским оракулом изречение: «Видишь, телец увенчан, конец его близок, идет жертвоприноситеlem», получило через это злодеяние совершенно другое толкование, а не то, которое прежде давали ему, относя его к Персии.

Внезапная кончина этого великого государя вызвала разнородные волнения. В Афинах господствовала величайшая радость. Демосфен явился в Народное собрание в великолепно вышитом плаще, с венком на голове. Он полагал, что ему нечего было опасаться «мальчика» Александра. Однако ему скоро пришлось испытать, что дух великого отца перешел в сына и что Фокион был прав, когда говорил, что «сила, победившая при Херонее, уменьшилась теперь лишь на одного человека».

22. Александр Македонский (336—323 гг. до Р. Х.)

а) Юность. — Разрушение Фив (356—335 гг. до Р. Х.)

Не будучи эллином по рождению, Александр всецело принадлежит к эллинам по своему образованию. Он был именно тот человек, которому суждено было выполнить дело национального призвания эллинов — ниспровержение Персидской монархии. Он родился в Пелле, в

*Александр.
С античной статуи.*

356 году до Р. Х., от Олимпиады. Как на знамение важного назначения Александра, древние указывали на тот факт, что в самую ночь его рождения некто Герострат, желая из безумного тщеславия обесмертить свое имя, поджег храм Артемиды в Эфесе. Узнав о рождении сына, Филипп тотчас написал к философу Аристотелю, родом из Стагиры в Македонии, величайшему мыслителю и ученому древности, письмо следующего содержания: «Знай, что у меня родился сын; я благодарю богов не столько за то, что они дозволили ему родиться, сколько за то, что он родился в твоё время. Надеюсь, что, воспитанный под твоим руководством и в твоей школе, он сделается достойным предназначенного ему трона».

О юности Александра рассказывают множество анекдотов. Он укротил прекрасного, но дикого фессалийского коня Буцефала (что значит бычачья голова — названного так, как говорят, потому, что у него на лбу было белое пятно, похожее на голову быка). Заметив, что Буцефал боится своей собственной тени, Александр повел его против солнца, неожиданно вско-

чил на него и пустил нестись куда ему вздумается. Узнав об одержанной Филиппом победе, он воскликнул: «Отец мой не оставит мне никакого дела!» Ум Александра питался творениями эллинского гения, и из них всех он предпочитал песни Гомера, этот прообраз всей эллинской жизни. Александр знал почти всего Гомера наизусть, и творения его, вместе с мечом, постоянно лежали у него под изголовьем.

Первым делом Александра после смерти отца было отправиться в Коринф и в собрании представителей всех греческих государств заставить утвердить себя, подобно отцу, в звании главного вождя всех элли-

*Аристотель.
С античной статуи.*

нов против персов. Все, за исключением Спарты, согласились на это. Спартянцы же с упрямством велели ответить ему, что не в их обычаях позволять кому-либо начальствовать над собой, а что, напротив, они сами привыкли предводительствовать другими.

В это же время повсюду вспыхнули волнения — и между покоренными отцом Александра варварами, и между подчинившимися македонскому царю эллинами, которые задумали поколебать основания созданного им государственного устройства. Александр вынужден был силой оружия вновь привести к покорности иллирийцев, трибаллов, фракийцев и другие северо-восточные народы. Между тем в Греции распространился слух о его мнимом поражении и даже смерти и тотчас же произвел в этой стране сильное волнение. Ф и в ы первые открыли неприятельские действия, напав на македонский гарнизон в замке Кадмее, и пригласили все остальные греческие государства присоеди-

ниться к ним для восстановления свободы. Граждане стали вооружаться в Пелопоннесе, в особенности в Аркадии и Элиде, а также в Этолии. Надежды Демосфена вновь ожили, и он заклинал афинских граждан воспользоваться благоприятным моментом и восстать за свою независимость, причем можно было рассчитывать и на помощь Персии.

Но, прежде чем отдельные государства пришли к общему решению, Александр стоял уже под Фивами. Однако фиванцы не хотели добровольно согласиться на мирные условия и решились вступить в отчаянную битву. Они сражались с необыкновенным мужеством, но не могли противостоять не меньшей храбрости и превосходству сил Александра. Им пришлось испытать на себе не только весь его гнев, но еще более страшную ненависть, которой теперь вполне предалися находившиеся в союзе с македонским царем беотийские города, фокеяне и др. Фивы совершенно были разрушены; пощажены были только храмы и дом поэта Пиндара. За исключением потомков этого поэта и граждан, дружелюбно расположенных к Македонии, все жители (30 000) были проданы в рабство.

Такая жестокая кара не только уничтожила средоточие будущих смут, но и послужила устрашающим примером всем эллинам. Тем легче теперь было царю выказать кротость в отношении остальных греков. Афинским послам, в числе которых находились Фокион и Демад, удалось исходатайствовать прощение своему городу несмотря на то, что афиняне обнаружили перед тем неприязненные намерения и приютили у себя многих фиванских беглецов. Афинянам не пришлось даже выдать потребованных было сначала Александром десяти мужей, частью ораторов, частью полководцев (Демосфена, Ликурга, Гиперида и других). Щадя и уважая, подобно своему отцу, знаменитый город, Александр полагал, что этим он лучше всего обеспечит спокойствие всей Греции.

*б) Александр в Малой Азии. Граник и Исса
(334—333 гг. до Р. Х.)*

Усмирением восстания в Греции Александр обеспечил себе тыл. Однако на всякий случай он оставил в Македонии Антипатра с войском; сам же с юношеским пылом устремился к задуманной цели: к покорению и подчинению Персии. Во главе 30 000 пехоты и 5000 конницы, окруженный талантливыми полководцами: Парменионом, Пердиккой, Кратером, Птоломеем, к которым в качестве царского секретаря присоединился опытный в делах политических грек Эммен, Александр выступил в поход. Но прежде выступления Александр пожелал узнать мнение дельфийского оракула. Пифия упорно отказывалась дать ответ, потому что в тот день закон воспрещал ей прорицать. Тогда он схватил пифию и, несмотря на ее сопротивление, силой повлек в святилище. «Ты непобедим, сын мой!» — воскликнула

она наконец. Александр тотчас же выпустил ее, с радостью удостоверившись, что ему не добиться более никакого другого предсказания.

Переплыв через Геллеспонт, Александр совершил со своего корабля из золотой чаши возлияние богам. Он первый сошел на берег Азии и, подобно древнему герою Протезилаю, принес перед Илионом жертвы всем эллинским героям, образцам своим, и возложил венок на могилу Ахиллеса, которого провозгласил счастливым, «так как он при жизни нашел себе друга (Патрокла), а по смерти достойного певца своих подвигов (Гомера)». Друга имел Александр в Гефестионе, увенчанного также могилу Патрокла; Александр надеялся, что и второе его желание исполнится, так как он взял с собой в поход ораторов, философов и художников всякого рода, например Анаксимена, Каллисфена, Аристовула и других.

Между тем при персидском дворе, который служил отражением беспорядков, господствовавших во всей монархии, произошли события самого печального свойства. Сын и преемник Артаксеркса II — Артаксеркс III Ох для утверждения за собой власти истребил большую часть царского семейства, но был сам отравлен наперсником своим Багоем (в 338 г.). Багой возвел на престол единственного сына Артаксеркса, Арзеса, но в 336 году умертвил и его. Затем он провозгласил царем одного далекого родственника царского дома — Дария Кодомана (336—330). Дарий Кодоман, заслуживший своей бедственной судьбой, которой ему пришлось искупить злодеяния своих предшественников, снисходительный суд потомства, обладал кротким характером и другими хорошими качествами, но он не имел воинственного духа, чтобы, по крайней мере, затруднить победоносное шествие Александра.

Смуты, от которых Греция со времени Анталкидова мира обессиливалась, обеспечивали Персию от опасности с этой стороны. Лишь против возрастающей силы Филиппа начаты были вооружения. Но в надежде на успех восстаний против молодого Александра, вызванных отчасти благодаря персидскому золоту, вооружения эти снова были приостановлены. Только быстрые успехи царственного юноши и его явные замыслы против Азии обратили на себя должное внимание персидского правительства и побудили его приняться за поспешные приготовления к обороне.

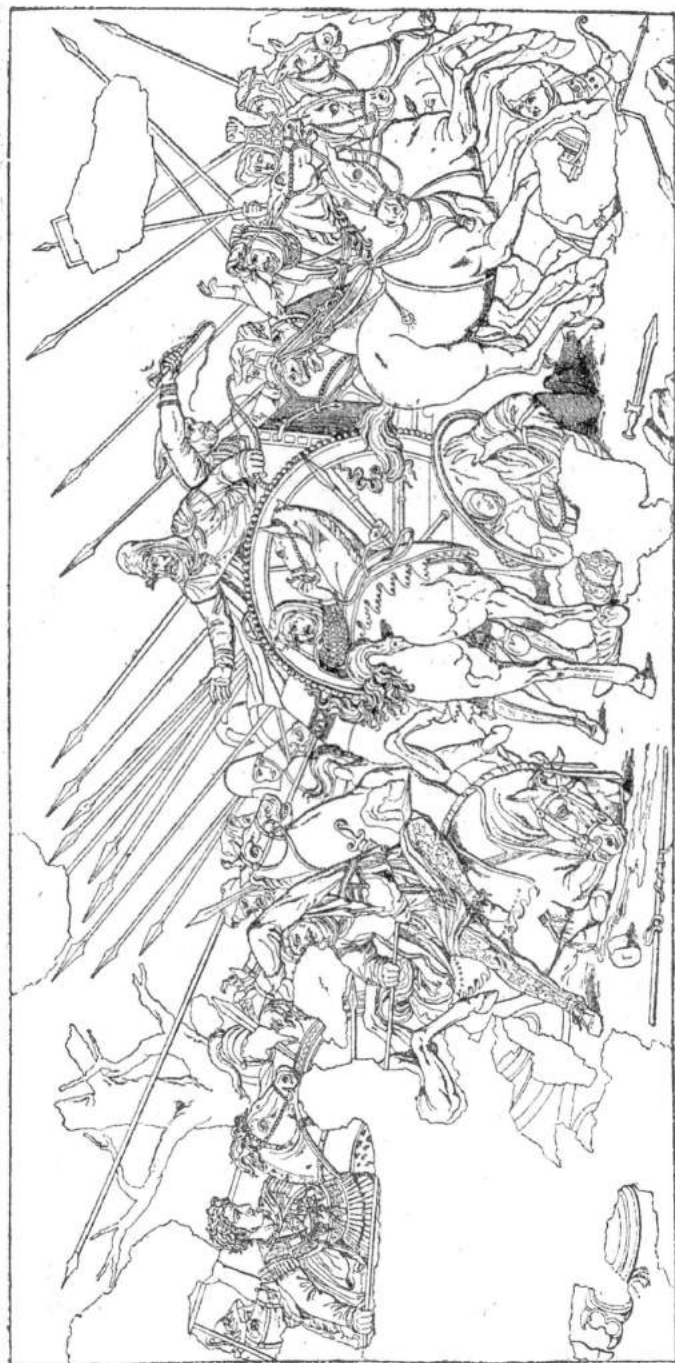
Собранное сатрапами Малой Азии и состоявшее из 20 000 всадников войско, подкрепленное 20 000 греческих наемников, предводительствуемых превосходным полководцем Мемноном, родом из Родоса, ожидало на берегах Гр а н и к а македонского царя, чтобы преградить ему путь в Переднюю Азию (в 334 г.). Мемнон, постигая со свойственной ему проницательностью положение вещей, был того мнения, что следовало, не вступая в решительное сражение, медленно отступать и истреблять запасы, так что Александру при его наступлении пришлось бы встретить одну пустыню; в тылу же флот должен был отрезать путь к отступлению. Таким образом неприятель в скором времени очутился

бы в величайшей опасности. Но сатрапы, не доверяя греку, полагались на численность своих сил, между тем как Александр рассчитывал на превосходство своего войска. На совет Пармениона не переходить реки на виду неприятеля Александр ответил, что «ему, перешедшему без труда Геллеспонт, было бы стыдно остановиться перед переходом через этот маленький ручей».

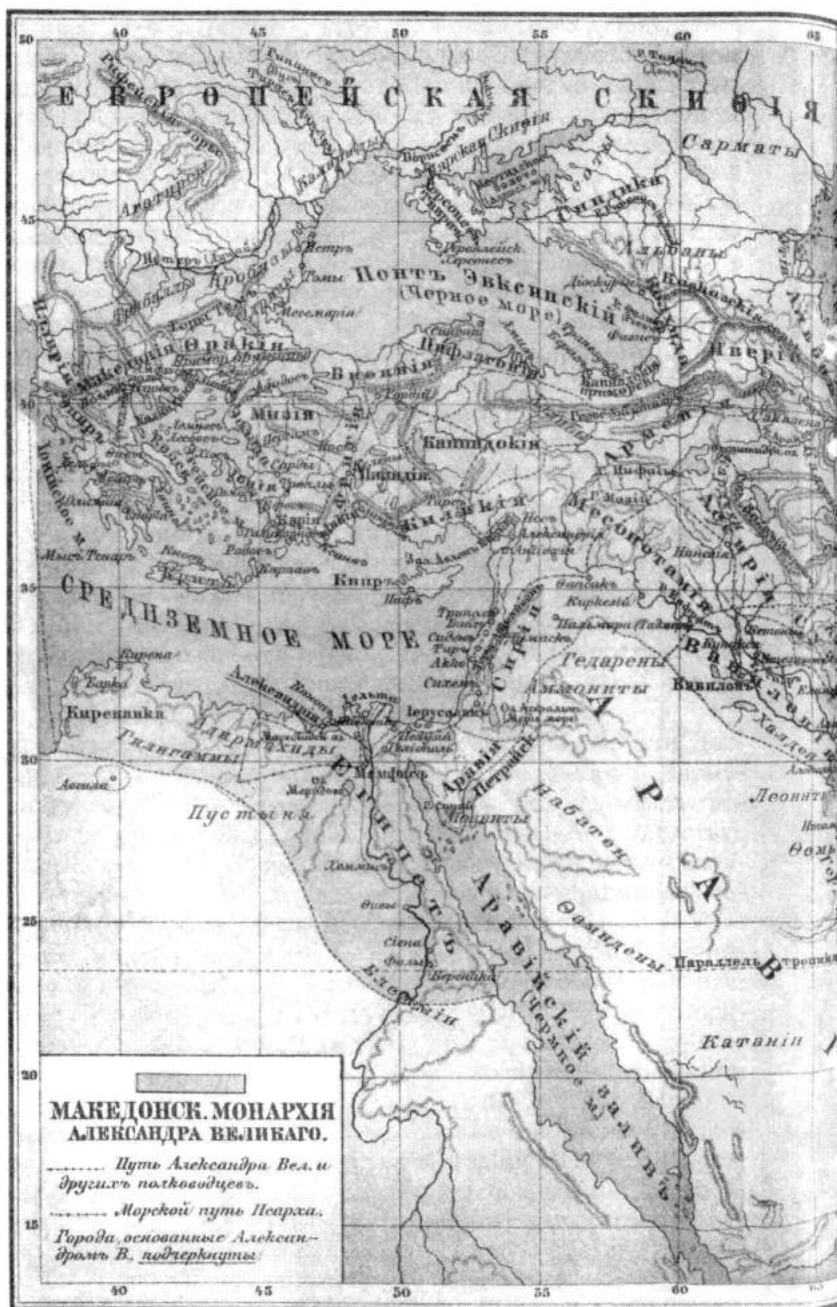
Затем, построив с обычным искусством свои войска, с громким, радостным криком двинулся Александр на неприятеля. Конница овладела переправой, а следовавшие за ней фаланги довершили победу, в особенности над храбрым греческим наемным отрядом. Александр сам участвовал в атаке крутого берега, сражаясь в передних рядах, но едва не погиб в сражении. В то время, как он сшиб с коней Митридата, зятя Дария, и Ройсака, пробившего ему шлем, Спитридат замахнулся мечом, чтобы поразить Александра сзади. Но в эту самую минуту «черный» Клит одним взмахом меча отрубил Спитридату руку, — и Александр был спасен. Взятых в плен греческих наемников в наказание за то, что они сражались против него в рядах варваров, Александр отправил в цепях в Македонию. В память двадцати пяти своих всадников, павших при первом нападении, повелел он Лизиппу воздвигнуть медные статуи, а родственникам прочих убитых даровал свободу от всех податей. В Афины Александр послал в дар богине Афине 300 полных воинских вооружений; они были повешены на стенах крепости со следующей надписью: «Александр, сын Филиппа, и греки, исключая лакедемонян, отняли сие оружие у варваров Азии».

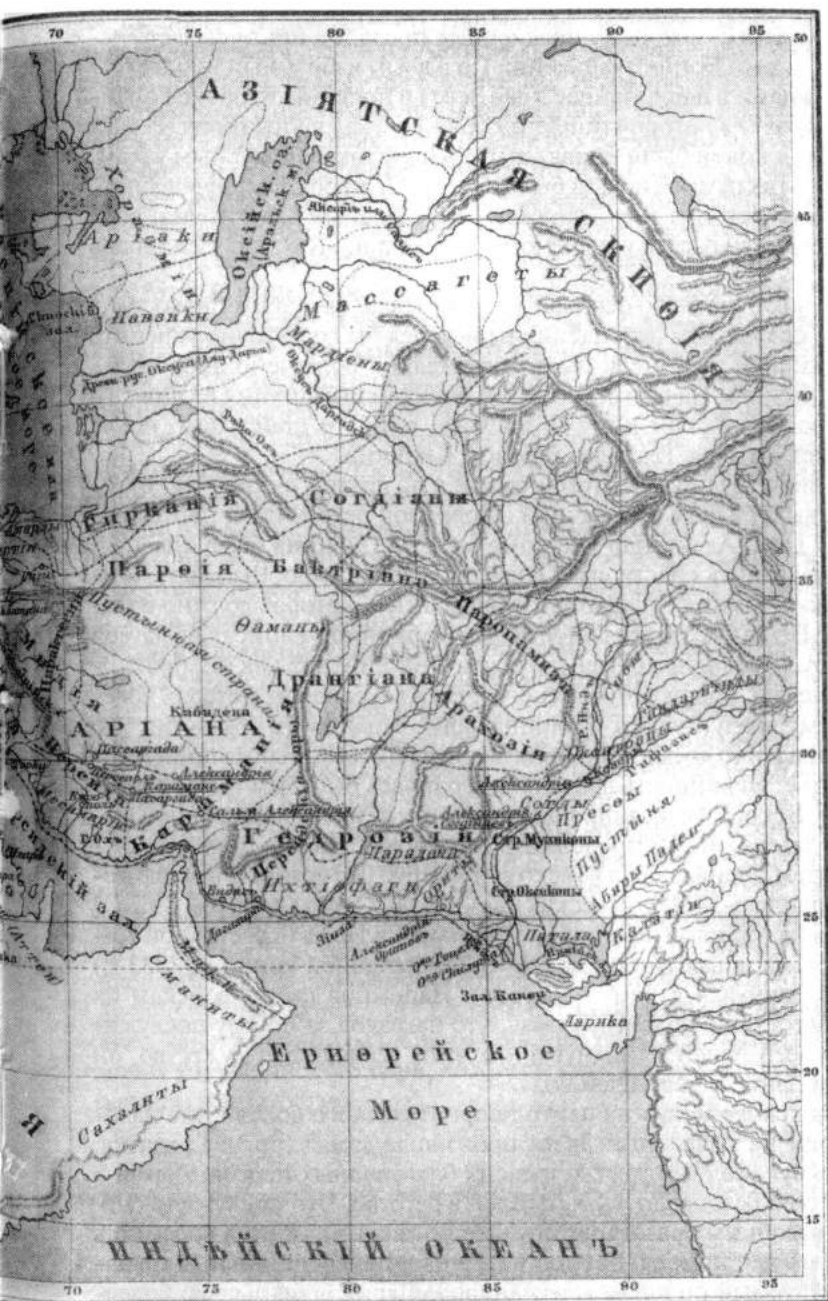
Последствием этой победы было завоевание всей Малой Азии. Даскилий, главный город фригийской сатрапии, отворил ворота Пармениону, а лидийские Сарды — самому Александру. Большая часть греко-азиатских городов приняли своих соотечественников с радостью. Чтобы обеспечить себе их верность, Александр учредил во всех сдавшихся ему городах народное правление, потому что аристократическая партия большей частью была предана персам.

Два важных города, Милет и Галикарнас, из которых в последнем начальствовал Мемнон, оказали сильнейшее сопротивление, и их пришлось брать приступом. Мемнон, имевший в своём распоряжении многочисленный флот, составил план отрезать Александру всякое сообщение с Европой и возбудить в Греции против Македонии восстание. Но он умер во время осады Митилены. Теперь у Дария не оставалось ни одного сколько-нибудь достойного и искусного полководца. В начале зимы Александр отпустил на родину женатых воинов, приказав им вернуться к нему весной с новыми войсками. Сам же он пошел через Ликию и Памфилию к пограничному греческому городу Сиде, отбросил воинственных писидиян в их горную область, обуздал непокорных аспендиев и через город Перге направился к северу, в великую Фригию. В Гордионе он соединился с Парменионом, который выступил к нему навстречу из Сард во Фригию с прибывшими к нему из Македонии войсками. В крепости Гордиона с незапамятных

*Александр в пылу битвы.
С мозаичной картины, открытой в Помпее.*

Македонская монархия Александра Великого

времен находилась пользовавшаяся необыкновенным почитанием святыня. М и д а с, которому позднейшее предание приписывает «ослиные уши», сын бедного фригийца Г о р д и я, избранный впоследствии фригийцами в цари, принес в дар Зевсу и поставил в городе Гордионе колесницу, на которой отец его Гордий въехал в этот город. Ремни для запряжки коней были привязаны к дышлу таким искусным узлом, что концов этих ремней нельзя было видеть. По народному верованию, тот, кто развяжет этот узел, «должен был сделаться властителем всей Азии». Александр рассек узел мечом и сказал при этом, что узел теперь развязан.

Для Александра было особенно важно завладеть узким проходом в Киликию, прежде чем персидский царь успел бы достаточно укрепить его. Достижение этой цели было значительно облегчено добровольным подчинением Пафлагонии. Затем Александр выступил из Фригии со всем своим войском к этому проходу, взял его приступом, после чего овладел Тарсом, главным городом Киликии.

Вследствие трудности этого похода, а по другим сказаниям, оттого, что он выкупался в прозрачной и холодной реке Кидне, протекающей через Тарс, Александр внезапно заболел. Болезнь была опасная; врачи не надеялись спасти его. Один лишь его придворный врач, Филипп из Акарнании, обещал приготовить питье, которое должно излечить царя. Но как раз в это самое время Парменион написал из лагеря Александру, что «он не должен доверять Филиппу, так как он, подкупленный Дарием, обещал отравить его». Но Александр не потерял доверия к своему врачу, взял от Филиппа чашу, отдал ему в обмен письмо Пармениона и в то время, как Филипп читал письмо, выпил принесенное им питье. Невинность врача подтвердилась быстрым выздоровлением царя. Вскоре Александр при радостных кликах своих воинов выступил из лагеря, чтобы продолжать свой поход против Дария.

Между тем Дарий собрал войско силой в 600 000 человек, в числе которых находилось 30 000 греческих наемников. С этим войском он расположился на гористой позиции, по берегу реки Иссы (в восточной Киликии), весьма невыгодной для его многочисленной конницы (333 г.) Александр двинулся к нему навстречу. Напомнив своим войскам их прежние блестящие подвиги, указав, что наградой за победу послужит обладание всей Азией и вдохнув в них этим величайшее мужество, он отдал приказание к наступлению.

Сам Александр напал на центр неприятельского войска, где находился Дарий на колеснице. Здесь произошла самая горячая схватка. Увидев вокруг себя множество павших благородных персов, Дарий в страхе за свою безопасность обратился в бегство. Это послужило сигналом ко всеобщему расстройству. Фессалийская конница бросилась преследовать неприятеля. Все лошадины и овраги переполнились трупами. Преследуемый по пятам Александром, Дарий бросил свою колесницу. Колесница эта, лук, верхняя одежда царя, весь лагерь с неисчислимыми сокровищами (1000 талантов) и даже царская палатка сдела-

лись добычей победителя. Найденная при этом одна драгоценная шкатулка была назначена Александром для хранения сочинений Гомера, для того чтобы «прекраснейшее творение человеческого гения заключалось в прекраснейшем хранилище». В числе пленных находились мать Дария (Сизигамбия), жена его (Статира), малолетний сын и две дочери. Успокоив предварительно через Леоннату обеих женщин насчет участи Дария, Александр, по словам Арриана, посетил их на другой день после битвы в сопровождении Гефестиона. Сизигамбия преклонила колена пред Гефестионом, приняв его за Александра, так как тот был выше царя ростом. Когда Гефестион указал ей на Александра, то Александр сказал: «Мать, ты не ошиблась, и он также Александр». Дарий еще до сражения отправил в Дамаск огромные сокровища и много драгоценностей, но вместе с этим городом все попало в руки Пармениона, посланного туда именно с целью захватить их.

Александр наградил своих воинов по-царски. Хотя он сам был ранен в бедро, но на другое же утро посетил раненых, велел торжественно похоронить убитых, сам присутствовал при погребении их во главе своего победоносного войска и поименно отличил при этом всех, кто каким бы то ни было образом доказал свое мужество и искусство.

Этой победой была сокрушена сила Персидской монархии и уничтожена вера в ее страшное могущество. Дарий, бежавший за Евфрат, писал к Александру, жаловался на несправедливое нападение, просил об освобождении своего семейства и предлагал свою дружбу. Но Александр, преисполненный горделивого сознания только что одержанной им блистательной победы, отвечал ему, что в звании вождя всех греков он пришел для отомщения за те бедствия, которые некогда персы нанесли Греции, а как сын Филиппа должен отомстить за оскорбления, нанесенные ему царем Артаксерксом, который поддерживал врагов отца его. «Впрочем, — присовокуплял Александр, — Дарий может написать к нему, как к царю Азии и своему повелителю и явиться сам, чтобы получить обратно свое семейство». Однако Дарий не считал себя еще навшим так низко. Он написал вскоре еще раз к Александру и предлагал ему за свое семейство большой денежный выкуп, руку своей дочери и Азию до берегов Евфрата. Но Александр ответил ему в том же духе, как и в первый раз. Таким образом, царское семейство осталось в плену у македонского царя, который, впрочем, обходился с ним с уважением и кротостью.

*в) Александр в Тире и Египте
(332—331 гг. до Р. X.)*

Прежде чем преследовать разбитого Дария в Евфратской равнине, Александр решил покорить Финикию и Египет для того, чтобы при последующих действиях против Востока не оставить на Западе ни одного врага. Последствия вполне оправдали такое решение царя. Когда

он пошел вдоль финикийских берегов, то тамошние небольшие государства, более заботившиеся о своей торговле и своих богатствах, чем об интересах Персии, подчинились ему добровольно. Некогда могущественный Сидон также покорился ему. Только один Тир, знаменитый своей морской торговлей и промышленностью, оказал сопротивление и отказал Александру, когда тот потребовал впуска в город под тем предлогом, что он хочет принести жертву местному национальному божеству, так называемому «тирскому Геркулесу». Тиряне тем более надеялись на успешную оборону, что город их был расположен на острове, отстоявшем от материка на тысячу шагов, и был окружен высокими стенами. Александр приказал соорудить через пролив плотину из дерева и камня. Но тиряне сделали вылазку, сожгли плотину и уничтожили осадные машины. Была проведена новая плотина, достигавшая стен города. На плотине были вновь установлены осадные орудия, и затем были употреблены все средства тогдашнего осадного искусства для овладения городом. Наступательные действия осаждающих были поддержаны со стороны моря киликийским и кипрским флотами. После восьмимесячной осады удалось наконец сломить упорство защитников города. Тир был взят приступом и должен был дорого заплатить за свое мужественное сопротивление. 8000 тирян были убиты во время осады и штурма, 2000 человек были распяты на крестах, а 20 000 проданы в рабство.

*Александр в образе
Юпитера Аммонского.
С античной серебряной монеты.*

8000 тирян были убиты во время осады и штурма, 2000 человек были распяты на крестах, а 20 000 проданы в рабство.

На пути в Египет, в то время как Иудея покорилась добровольно, Александра задержала только осада старинного филистимского города Газы, которую упорно обороняли защищавшие его под начальством Батиса наемные арабские войска. После падения и этого города Александр без всякого труда покорил Египет. Персидский сатрап не оказал ни малейшего сопротивления, так как сильно опасался при этом взрыва народной ярости, которая при недостаточности имевшихся в его распоряжении войск могла оказаться для него губительной. Александр беспрепятственно достиг Мемфиса и принес здесь жертвы египетским богам, а также и Апису. Выказанные им уважение к религии и снисходительность к нравам и обычаям снискали ему доверие египтян. Они приветствовали его как избавителя от ненавистного ига персов, которые относились к их религии лишь с насмешкой и презрением. Управление страной Александр передал частью македонянам или эллинам, а частью египтянам; военная же власть была сосредоточена в руках нача-

льников македонских гарнизонов, помещенных в Мемфисе, Пелузиуме и других городах.

Политические же причины побудили царя совершить трудный поход в оазис Сивах, к знаменитому капищу и оракулу Юпитера Аммонского в Ливийской пустыне. Путь пролегал по бесплодной, песчаной пустыне; часто песчаные ураганы настолько заметали дорогу, что войско заблудилось бы, если бы, как рассказывает Арриан, два ворона не указывали ему дорогу. Наконец удалось достигнуть столь пламенно желанной цели, оживить усталые члены в прохладном источнике и отдохнуть от ужасного утомления под тенью пальм и оливковых деревьев. Жрецы приняли Александра самым радушным образом, а верховный жрец приветствовал его, как «сына Юпитера». Этим Александр достигал своей цели — окружить себя в глазах суверенных жителей Востока известным таинственным ореолом и тем внушить к себе большее уважение. Сам он к такому своему мнимому божественному происхождению относился шутливо. Так, однажды, когда из полученной им раны брызнула кровь, то, выражаясь слогом Гомера («Илиада», V, 340), он сказал:

«Это кровь, а не влага, какая струится у жителей неба счастливых».

В Египте Александр основал город, названный им в честь своего имени — Александрией. Местом для нее он выбрал косу между Средиземным морем и прибрежным Мареотидским озером с такой удивительной прозорливостью, что город этот сделался важнейшим торговым центром и связующим звеном между Востоком и Западом, каковым он остался и до настоящего времени. Ни в каком другом городе не слился так тесно в последующие времена дух Греции с духом Востока.

*г) Битва при Гавгамеле. Вавилон и Персеполь
(Ноябрь 331 г. до Р. Х.)*

Благодаря завоеванию Египта и Финикии Александр получил в свое распоряжение огромные морские силы, которых теперь не было у Персии. Вследствие этого он получил возможность большую часть их отправить на помощь к Антипатру в Пелопоннес для подавления неприязненных движений спартанцев, которые под начальством царя своего Агиса¹ постоянно действовали враждебно против Александра (в 330 г.). Получив морем же подкрепления из Греции и Македонии, сам Александр выступил из Египта и направился через Фини-

¹ Поддержанный греческими наемниками, бежавшими с поля сражения при Иссе, царь Агис II поднял восстание и с 20 000 пехоты и 2000 конницы выступил против дружественного македонянам Мегалополя. Антипатр пошел против него с 40 000 войском, освободил сильно стесненный Мегалополь и разбил лакедемонян наголову. Агис пал, весь покрытый ранами, спартанцы потеряли 5000 человек убитыми.

кию к берегам Евфрата для отыскания Дария. При Фапсаксе он перешел Евфрат выше нынешнего города Мосула — Тигр и на равнине этой последней реки встретился с войском царя Дария. Решительная битва произошла между Гавгамелой и Арбеллами. Под начальством Дария собралась все воинственные племена восточной половины Персидской монархии от албанцев, живших между Черным и Каспийским морями, до индусов и от скифов до обитателей берегов Красного моря. Парменион советовал напасть на неприятеля ночью врасплох. Но Александр возразил: «Стыдно красть победу; Александр должен побеждать открыто и без хитрости». Бывшее под начальством Пармениона левое крыло долгое время было сильно теснимо начальником персидской конницы Мазаем. Сражение решено было на правом крыле Александром. Дарий, увидев, с какой стремительностью совершил Александр нападение во главе своей конницы, а своего возничего повергнутым на землю, обратился в бегство. Наступило всеобщее замешательство; все пустились бежать. Более 100 000 неприятелей пало, македоняне же потеряли только 500 человек. В то время как Дарий бежал на северо-восток, в Экбатану, Александр направился в Вавилон, где был принят с восторгом, а оттуда — в главный город Сузу. Здесь он нашел 50 000 талантов, большей частью золотом и серебром в слитках, и увезенные Ксерксом медные статуи Гармония и Аристокитона. Затем Александр прошел горным проходом, защищаемым 40 000 персов под начальством Ариобарзана, и вступил в древнюю столицу Персеполь, где нашел 120 000 талантов серебра. Царский замок с дворцами в этом священном для персов городе и царскими усыпальницами он велел, по предложению, как уверяют, афинской гетеры Таисы, предать пламени «в отомщение за злодеяния, совершенные Ксерксом в Греции». Сдался также и богатый город Пасаргада. Устроив в завоеванной стране гражданское и военное управления, из которых первое было вверено знатным персам, а последнее македонским и эллинским полководцам, Александр выступил из Персеполя для преследования Дария.

д) Смерть Дария. Александр в Северо-Восточной Персии.

Филот и Клит

(330—328 гг. до Р. X.)

В Экбатане, столице Мидии, Дарий снова собрал войско. Но, получив известие о наступлении Александра, он с 9000 отрядом и с своими сокровищами бежал далее к северу, чтобы спастись в лежавшей на востоке от Каспийского моря Бактриане. Александр оставил все захваченные им сокровища в крепком замке Экбатаны, назначил Гарпала хранителем их, Пармениона начальником города, а сам с отрядом благородных всадников и лучшей частью легковооруженной пехоты пустился в погоню за Дарием. Но во время этого преследования до

него дошли известия о том, что между лицами, окружавшими царя, состоялся заговор, что Бесс, сатрап Бактрии, и другие вельможи взяли Дария в плен и везли его, заключенного в оковы, в колеснице. Вместе с тем он узнал, что Бесс захватил уже главное начальство над войском в свои руки, был признан своими приверженцами царем и что оставшиеся верными Дарию и бывшие под начальством Артабаза греческие наемники и некоторые отряды персов отделились от войска Бесса. Вследствие всех этих обстоятельств Александр решил со всевозможной поспешностью преследовать заговорщиков. Без отдыха, день и ночь спешил он вперед по непроходимым местностям и, заметив, что пехота не может более поспевать за ним, приказал 500 всадникам спешиться, отдать своих коней под начальников пехоты и самых выносливых пехотинцев и с этой конницей всю ночь продолжал преследование. К утру настиг он при Гекатомфиле, в области Гиркании, отступавших в беспорядке варваров. Лишь немногие из них оказали слабое сопротивление, большая же часть обратилась в бегство. В это время Набарцан и Борзоент напали на Дария, нанесли ему несколько смертельных ран, оставили его в колеснице, а сами с Бессом и несколькими сотнями всадников ускакали дальше. Когда македоняне подошли к колеснице, Дарий был уже мертв. Александр снял с себя пурпуровую одежду, покрыл ею труп, отправил его в Персеполь и велел похоронить в царской усыпальнице.

После смерти Дария Александр был признан всеми персидскими вельможами законным государем Персидской монархии. Он направился против Бесса через лежавшие в нынешних Персии, Афганистане и Туране области — Гирканию, Парфию, Ариану, Дрангиану, Арахозию, перешел через Паропамиз, завоевал сатрапию Бесса Бактриану и, перейдя Оксус (Аму-Дарью), преследовал его до Согдианы. Бесс между тем провозгласил себя царем под именем Артаксеркса IV и собрал значительное войско. Но изменник сам погиб от измены. Несколько знатных вельмож решились выдачей его снискать себе благосклонность Александра, заключили Бесса в оковы и выдали его людям македонского царя. Александр приказал отвести Бесса в Бактру и собрал там местных вельмож, которые должны были судить его. Как государственный изменник, он был приговорен к смерти, и после того как ему, по персидскому обычаю, отрезали нос и уши, он был распят на кресте. Затем, вступая в многочисленные и часто упорные битвы, Александр дошел до пограничной реки Согдианы — Яксарта (Сыр-Дарья) и перешел через нее, чтобы покорить скифов. Хотя он несколько раз и счастливо сразился с ними, но сам был ранен и, заболев от чрезмерных трудов, был отнесен наконец в стан. Затем Александр заключил со скифами, отправившими к нему посольство, мир. В ограждение от скифов он построил на их границе «Александрию Эсхату» (крайний город Александра).

Затем Александру пришлось подавить восстания в Бактриане и Согдиане и взять приступом несколько сильных крепостей. При взятии

одной из них он пленился отличавшейся необыкновенной красотой Роксаной, дочерью князя Оксиарта. К величайшему удовольствию местных князей, он сочетался с ней браком. Александр сделал это также и из политических соображений. Как видно из всех его распоряжений, для него было очень важно не только не казаться персам чуждым царем-притеснителем и завоевателем, но, напротив, убедить их в том, что он не смотрит на них, как на поработанный народ. Для этого он окружил себя азиатским двором, принял персидские обычаи, в особенности бывшее в употреблении коленопреклонение перед царем, сам носил царскую повязку на голове, принял в свою свиту знатных персов, доверил им важные должности и приказал обучить 30 000 персидских юношей греческому языку и македонскому военному искусству. Слить Запад с Востоком, открыть и подчинить Западу богатые сокровища последнего, связать их обоих узами эллинской образованности — вот в чем заключались стремления Александра. Но привыкшие к республиканским учреждениям греки и гордое македонское благородное сословие смотрели с презрением и негодованием на персидский образ жизни Александра и не хотели и слышать о коленопреклонении. Они называли его неблагодарным за то, что он после того, как они отслужили ему свою службу, предоставил следовавшие им в награду отличия побежденным. Лишь немногие из друзей Александра, как например, Гестиион и Кратер, не только не сердились на него, но с самоотвержением разделяли его планы, хотя в то же время и не могли скрывать от себя, что подобное настроение македонян могло повести к серьезным столкновениям. Александр сам дозволил себе такие поступки, которые набросили значительную тень на его блестящий героический образ.

Первым прискорбным поступком подобного рода была казнь Филота — сына престарелого прославленного Пармениона. Филот, который сам пользовался большим уважением царя и командовал почетным отрядом, был обвинен в том, что, зная о составленном в стане при Профазии, в стране дрангов, заговоре на жизнь царя, не открыл его. По македонскому обычаю, обвиненный царем перед войском, он был признан виновным и пронзен копьями. Смерть его повлекла за собой и смерть Пармениона. Он был действительным главой недовольных. В свое время Парменион советовал согласиться на предложенные Дарием условия, ибо сам желал возвратиться в отечество и сумел возбудить в войске страстное желание окончания тягостного похода. В описываемое время он начальствовал в Экбатане значительным военным отрядом, охранявшим собранные в этом городе сокровища. Александр мог опасаться мшеница этого могущественного полководца, почему и решил отделаться от него. К находившимся на службе у Пармениона двум военачальникам, Клеандру и Мениду, был послан гонец с приказанием умертвить Пармениона. Они тотчас же исполнили повеление. В то время, когда Парменион, ничего не подозревая, спокойно прогуливался по саду, они приблизились к нему, передали письмо царя, и

когда Парменион стал читать, Клеандр нанес ему смертельный удар. Голова Пармениона была отослана к Александру.

Другая, не менее ужасная сцена разыгралась в Мараканде (Самарканд). На одном празднестве, когда вино разгорячило головы пирующих, льстецы стали уверять, что деяния Александра превосходят подвиги Геркулеса, Кастора и Поллукса и царя Филиппа. Клит с гневом объявил, что без деяний Филиппа Александр никогда не достиг бы той высоты, на которой он находится. Затем, изливая на Александра целый поток бранных слов, он воскликнул: «Эта рука спасла тебя». Клита увели из комнаты, но он снова вернулся другой дверью и продолжал браниться. Воспаленный гневом Александр воскликнул, что его постигнет участь Дария, выхватил у одного из телохранителей копье и, прежде чем кто-нибудь успел удержать его, поразил Клита. Но в то же мгновение гнев и опьянение Александра прошли. Поступок его показался ему вдвойне ужасным, ибо Клит спас ему жизнь при Гранике, а сестра его была его воспитательницей. Три дня он не хотел ни есть, ни пить и, плача и вздыхая, лежал на одре своем. Только утешения друзей и занятия делами рассеяли его горечь.

Одним из самых низких льстецов царя был софист *Анаксарх* из Абдеры. На одном веселом пиру он завел речь о том, что Александру за совершенные им подвиги следует при жизни еще воздать божеские почести, под которыми он подразумевал боготворение и коленопреклонение. Но против этого предложения сильно восстал философ *Каллисфен* из Олинфа, ученик и зять Аристотеля. Он доказывал, что этим будет нанесено оскорбление богам и греческой свободе. Македоняне присоединились к его мнению, но Александр глубоко оскорбился поступком Каллисфена, и скоро ему представился случай отплатить философу жестоким образом. Между македонскими благородными юношами составилась против царя заговор. Заговор был открыт, и так как главный руководитель заговорщиков, друг Каллисфена — *Гермолай*, казалось, был возбужден к тому его речами, то и Каллисфен был замешан в дело и вместе с ним подвергся наказанию. Гермолай был побит камнями, а Каллисфен, закованный в цепи, следовал за Александром в Индию, где под конец и умер от дурного обращения.

*е) Александр в Индии
(327—326 гг. до Р. Х.)*

Весной 327 г. до Р. Х., призванный на помощь одним из индийских царей Таксиллом, Александр решил совершить поход в Индию. С войском из 120 000 человек он снова выступил из области реки Оксуса на юг, перешел Паропамиз, прошел нынешний Кабул и вступил в Пятиречье, ныне Пенджаб. Покорив страну, лежащую между горами Гиндукуша и рекой Индом и взяв приступом многие горные укрепления,

он в 326 году перешел Инд, через который Гефестион, посланный кратчайшей дорогой, построил мост на судах. При вступлении в Таксилу, столицу царя Таксила, Александр получил от последнего богатые подарки и был встречен перед самым городом блестящим образом. Многие из соседних князей прислали ему подарки и искали его дружбы. Отсюда Александр направился к реке Гиласпу против могущественнейшего из владетелей Пенджаба — Пора, который выступил против него с многочисленным войском, с 300 слонами и таким же числом боевых колесниц и расположился на восточном берегу реки. На виду неприятеля перешел Александр полноводную реку по мосту, устроенному на судах, напал на войско царя Пора и после жаркой битвы разбил его, а сам Пор был взят в плен. «Как хочешь ты, чтобы с тобой обращались?» — спросил его Александр. «Как с царем», — последовал ответ. «Хорошо, я на это согласен, — возразил Александр, — проси, чего ты еще желаешь!» — «В словах «как с царем» заключается и все остальное», — отвечал Пор. Александр оставил его владеть царством в качестве вассала и прибавил к его владениям еще большой участок пограничной области.

После этой победы войску был дан тридцатидневный отдых, были совершены блестящие жертвоприношения, убитые погребены с почестями и устроены состязания. Два вновь построенных города должны были увековечить собою память о совершенных здесь деяниях. Один из них, построенный на самом поле битвы, был назван Никеей (городом победы), другой — Буцефалой в честь царского верного боевого коня, павшего в битве от истощения сил. Затем Александр перешел через реки Ацезин и Гидраот, разбил индийское войско при Сангале, овладел этим городом и покорил всю страну до Гифазиса, пограничной реки Пенджаба. Но когда Александр захотел продолжать поход еще далее на восток и завоевать страны по реке Гангу, то воины, сильно пострадавшие от тропических дождей на реке Гифазисе и изнуренные непрерывными походами, отказались идти дальше. Тщетно старался Александр представить им этот новый поход с самой блестящей стороны. Страстное желание мирной жизни на родине и спокойного пользования полученными сокровищами было так велико, что даже изображенная самими заманчивыми красками будущность не была в состоянии изменить их решение.

Один старый воин и начальник телохранителей Цен высказал от имени воинов единодушное желание возвратиться на родину. Царь покинул собрание. На следующий день Александр снова собрал воинов и строго объявил им, что он пойдет дальше с теми из храбрых, кто согласится следовать за ним добровольно, остальные же могут отправиться домой и сказать своим соотечественникам, что они оставили своего царя среди врагов. Затем он удалился в свою палатку и не показывался три дня в надежде, что воины устыдятся и изменят свое решение. Но и это средство оказалось недействительным. В стане царство-

вала глубочайшая тишина, воины жалели об огорчении царя, но не обнаруживали желаний переменить свое решение. На четвертый день Александр приказал совершить жертвоприношения перед переходом через реку; но так как предзнаменования не были счастливы, то он воспользовался этим и объявил, что он, уступая не желанию войска, а лишь воле богов, намерен возвратиться. Всеобщий клик радости раздался по всему стану. Между царем и войском вновь установилось доброе согласие.

Пред выступлением в обратный поход, в ознаменование того, как далеко он прошел победоносно, Александр приказал воздвигнуть двенадцать жертвенников; высотой своей они были равны величайшим крепостным башням. Тут были принесены жертвы богам и устроены воинские игры. Потом Александр установил порядок в покоренных государствах, устроил связь их со своей всемирной монархией и присоединил к ней и другие государства в качестве союзных. После этого Александр выступил обратно к Гидаспу и спустился по нему вместе с флотом, который находился на этой реке под начальством Неарха. Другая же часть войска, предводимая Гефестионом и Кратером, пошла берегом.

*Александр — завоеватель
Индии.
С античной монеты.*

Весьма серьезное сопротивление встретил Александр у столицы маллов — племени, прославившегося своей воинственностью. Город был занят, но расположенную над ним крепость приходилось брать приступом. Александр сам приставил штурмовую лестницу, первый взошел по ней и с тремя товарищами, в числе которых были Певкест и Леоннат, вскочил на крепостную стену. Окруженный неприятелем, он был тяжело ранен стрелой в грудь. Оба его друга защищали его до тех пор, пока воинам царя не удалось наконец взобраться на стены, прогнать неприятеля и отнести лишившегося чувств царя в его палатку. По всему войску распространился слух, что царь умер и что смерть его скрывают от воинов. Но уже на седьмой день Александр мог снова предстать перед войском.

При дальнейшем следовании вниз по Инду ему покорились все жившие по берегам его народы. Во все проходимые области Александр назначил наместников. Из города Патталы, имевшего важное значение по своему положению у начала дельты Инда, он направился в Эрифрейское (Аравийское) море, где принес жертвы греческим морским божествам. Весть о восстаниях в Бактрии и других областях заставила Александра поспешить своим обратным походом. Против мятежников он послал вперед с частью войск Кратера, сам же решил продолжать поход через Гедрозию (Белуджистан), а Неарх должен был следовать вдоль берегов Персидского залива.

*ж) Возвращение и смерть Александра
(326—323 гг. до Р. Х.)*

Путь, по которому Александр предпринял обратный поход свой, был затруднителен и опасен, потому что всю южную часть области Гедрозии составляла песчаная пустыня, и только изредка по берегам рек попадались населенные места. Александр избрал дорогу через пустыню с той целью, чтобы быть ближе к выступившему несколько позже сухопутного войска флоту, который должен был собирать необходимые для него запасы. Но на этом пути ему пришлось бороться с трудностями, непреодолимость которых он и не предвидел.

Повозки, на которых, по приказанию царя, везлись для войска и флота съестные припасы, лошадей, большую часть пожитков — все это пришлось бросить в глубоких, едва проходимых песках. Летучий песок, носимый ветром, заметал всякий след, и немало людей, отстав вследствие усталости и изнурения, не находили более никакой дороги. Почти всех бывших при войске животных: лошадей, верблюдов и мулов пришлось убить, а больных с повозками оставить на произвол судьбы. Жажда при нестерпимой жаре причиняла страшные мучения. Встречались ли источник или река, все кидалось туда, и многие платились жизнью за неумеренное употребление воды. Наконец, после 60-дневного похода, потеряв три четверти людей, войско достигло Пуры, столицы Гедрозии. После восьмидневного отдыха, в изобилии снабженный съестными припасами царь пошел в Караманию, где соединился с Кратером, который пришел севернее, через Арахозию и Дрангиану и таким образом обошел Гедрозию. Туда же прибыл и Неарх, представил царю доклад о своем морском плавании и затем поплыл далее к Персидскому заливу.

В то время как Гефестион выступил в Сузу с главным войском, царь с конницей и легко вооруженными войсками поспешил туда же вдоль берегов, через Персеполь и Пасаргаду. Прибыв в Сузу, царь учинил строгий суд над сатрапами, которые во время его пребывания в Индии, — откуда он, думали они, уже не вернется, — позволили себе совершить много несправедливостей или нарушить верность. Даже гробница Кира, почитаемая персами как святыня и постоянно охраняемая магами, была разломана и ограблена. Александр приказал разыскать виновных и восстановить гробницу. Гарпал, чтобы избегнуть наказания за чрезмерную расточительность, бежал с 5000 талантов в Грецию. Афиняне по совету Демосфена не впустили его в Пирей. Они позволили ему пристать только с одной триремой и, не выдавая Антипатру, несмотря на требования последнего, решили заключить Гарпала в тюрьму, а сокровища его хранить в Акрополе впредь до получения на их счет приказа Александра. На место смещенных сатрапов Александр большей частью назначил местных уроженцев; только наместничество в Персиде передал он Певкесту, единственному из македонян, который принял персидские образ жизни и одежду.

Стараясь теснее слить греков и македонян с персами, Александр устроил между ними множество браков. Сам он женился на Статире (по другим источникам, на Роксане), старшей дочери Дария, а за Гефестиона выдал его младшую дочь Дрипетис. Затем он соединил браком 80 своих сподвижников со знатными персиянками и около 15 000 македонских воинов с персидскими женщинами, награжденными при этом богатейшим приданым. Все эти свадьбы были устроены в Сузе и сопровождались празднествами. В это же время индийский подвижник Калан, который следовал с войском царя и заслужил своим умом и благочестием всеобщее уважение, заболел и приказал сжечь себя на костре перед всем войском.

Для того, чтобы уничтожить всякое различие между победителями и побежденными, Александр собрал вокруг себя тридцать тысяч юношей одного возраста, избранных из различных завоеванных областей, обученных и вооруженных по-македонски. С этой же целью знатные молодые люди и храбрейшие воины из Арии, Парфии и Персиды были включены в отряд македонских всадников, называвшийся дружиной друзей (гетерия); азиатские князья были приняты даже в число самых приближенных царя. Так начал Александр осуществлять идею: уничтожить неприязнь, существовавшую с незапамятных времен между Европой и Азией, заполнить разделявшую их пропасть взаимным сближением и таким образом создать великую эллинско-македонско-персидскую всемирную монархию, граждане которой по возможности были бы сходны между собой в одежде, вооружении, нравах и образовании.

Македоняне далеко не были довольны всеми этими переменами. Они опасались, что Александр, удалив их мало-помалу полностью, окружит себя почти исключительно азиатскими войсками, которые таким образом пожнут плоды их трудов. Узнав об этом, Александр стал укорять их в недоверии к себе и при этом сказал, что царь должен действовать всегда откровенно. Затем он велел расставить в различных местах стана столы с деньгами, и каждый воин, не называя своего имени, получал немедленно по предъявлении долгового счета показанную в нем сумму. По показанию Арриана, таким образом было истрачено до 20 000 талантов (36 с четвертью миллионов рублей). Хотя поступок этот и возбудил радость и любовь воинов, но не уничтожил ропота и неудовольствия на выказанное царем презрение к древним македонским обычаям. Недовольствие это в городе Описе перешло в открытое возмущение.

Занятый своими торговыми предположениями, Александр из Сузы отправился на корабле вниз по Тигру, осмотрел море и устье этой реки и затем вновь поднялся вверх по течению реки к Опису. Сюда же приказал он идти и остальным войскам, бывшим под начальством Гефестиона. Здесь созвал он воинов и объявил им, что намерен отпустить домой всех, кто от старости и от ран сделался неспособным к военной службе. Но македоняне, столь нетерпеливо желавшие в Индии возвра-

шения на родину, теперь далеко не были обрадованы таким предложением, усматривая в нем презрительное к себе отношение. Поднялся общий ропот, и все войско шумно требовало своего увольнения. «В нас уже не нуждаются более, — кричали некоторые, — пускай же царь с отцом своим Аммоном и новыми солдатами из персов ведет войну».

Это раздражило царя в высшей степени. С выражением сильнейшего гнева указал он собственной рукой телохранителям на главнейших крикунов и приказал их, в числе 13, отвести на казнь. Затем он взошел на приготовленное для него возвышение и, обратясь к остальным воинам, приведенным в ужас его решительным поступком, произнес сильную и полную достоинства речь. «Не для того, — начал он, — говорю с вами, чтобы удержать вас от возвращения на родину; по мне, вы можете идти, куда хотите; я желаю только напомнить вам, чем вы были прежде и чем стали теперь». Затем он указал на то, что сделал для них его отец, Филипп; как он их из бедного, одевавшегося в звериные шкуры пастушеского народа, с трудом защищавшего себя от соседних варваров: иллирийцев, фракийцев и трибаллов, обратил в граждан хорошо укрепленных городов и наконец во властителей Фессалии, Фокиды, Фив и Афин. «И когда мой отец, — продолжал Александр далее, — был признан в Коринфе неограниченным предводителем греков против персов, то он приобрел эту честь не столько для себя самого, сколько для всего македонского народа». Потом он перечислил собственные свои дела, перенесенные им труды и полученные им раны, изобразил свои победоносные походы и приобретенные им для них сокровища, почести и отличия. «Вы сатрапы, вы полководцы и начальники, — присовокупил он, — а мне от всех этих трудов не осталось ничего, кроме этой порфиры и диадемы. Многие из вас украшены золотыми венками, как знаками своей храбрости и моего уважения. Умирал ли кто из вас, тот был с честью погребаем. Многим поставлены на родине медные статуи. Ваши родители пользуются особыми почестями и освобождены от всех податей и налогов. А теперь ступайте домой, — заключил он, — и скажите там, что вы оставили царя вашего Александра после того, как он победил персов, мидян, бактриян, перешел Танаис, Оксус и даже сам Инд и вернулся в Сузу через пустыню Гедронии, — что вы покинули его там и предоставили охранение его побежденным варварам. Этим, без сомнения, приобретете вы славу у людей и сделаете угодное богам. Ступайте!»

Сказав эти слова, Александр быстро сошел с возвышения, отправился в свой дворец и два дня не показывался. На третий день он велел прийти к себе избранным персам, роздал им места военачальников, разделил войско персидское на отряды по образцу македонскому и выбрал из них, по обычаю, существовавшему при прежнем персидском дворе, несколько человек, которые назывались родственниками царя и имели к нему свободный доступ. Сильное впечатление речи и эти нововведения царя произвели полнейшую перемену в настроении македонян; они толпами осадили ворота дворца, умоляли царя сжалиться

над ними и просили его показаться им. Наконец Александр вышел, и зрелище такого множества воинов, с печальным видом стоявших перед ним на коленях, тронуло его до слез.

Тут выступил вперед один из воинов по имени Каллин и сказал Александру: «Македонян огорчает только то, что ты персов сделал своими родственниками и позволяешь им целовать себя, какой чести не удостоивался прежде сего ни один македонянин». — «Так я всех вас признаю моими родственниками, ответил ему Александр, — и с этих пор буду всегда звать вас этим именем». Затем поцеловал его Каллин, а за Каллином все, кто хотел. Воины ликовали, а царь устроил большое пиршество, в котором участвовало 9000 македонян и персов.

Ветераны, числом до 10 000, согласились вернуться в Македонию. Но они должны были оставить всех детей, прижитых ими с азиатскими женами для того, чтобы не произошло никаких несогласий в их семьях; Александр же, со своей стороны, обещал им позаботиться о том, чтобы дети эти воспитаны были как македоняне. Кроме жалования, которое выдано было ветеранам по расчету до прибытия их в Македонию, каждый из них получил в подарок по таланту. Сверх того Александр предоставил им то преимущество, что они получили право занимать на всех общественных празднествах и играх почетные места. Начальство над отправившимися на родину ветеранами приняли Кратер и Полисперхон. Кратер должен был заменить в качестве правителя Македонии Антипатра, который находился в постоянных раздорах с матерью Александра Олимпиадой; Антипатр же получил приказание привести в Азию свежие войска.

Александр также послал повеление и о том, чтобы всем греческим изгнанникам, число которых простиралось до 20 000, было дозволено вернуться в свои государства. Этой мерой он составил почти в каждом городе довольно значительную приверженную к нему партию. Еще многое думал совершить Александр. По его творческому замыслу Восток снова должен был возродиться и подняться на высшую ступень цивилизации. Были проложены дороги, основаны города, устроены гавани. Торговля составила предмет особой, всесторонней заботы; были задуманы отдаленные путешествия с целью новых открытий. Центральным пунктом монархии в умственном и коммерческом отношении был избран Вавилон. Но этой животворной, великой деятельности внезапно был положен предел. Сначала в Экбатане среди празднеств, устроенных Александром в честь Дионисия, смерть похитила любимейшего и вернейшего из друзей царя — Гефестиона. Скорбь царя была так велика, что он три дня не хотел принимать ни пищи, ни питья и отвергал все утешения. Он чувствовал себя осиротевшим в своем огромном государстве. Десять тысяч талантов, употребил он на сооружение костра, на котором труп Гефестиона был сожжен в Вавилоне; костер этот представлял собой верх искусства.

Великие планы, как например: исследование Каспийского моря, замышляемый поход в Аравию, заботы о всемирной торговле — зани-

мали царя в Вавилоне. Но здесь от неводержной жизни и в особенности вследствие пристрастия к вину он внезапно занемог. На пиру у одного из самых дурных своих приближенных, у фессалийца М е д я, он заболел смертельной лихорадкой. Болезнь развивалась с невероятной быстротой. Воины желали еще раз его увидеть. В то время как они одиночке проходили перед ним, он прошался с каждым из них взглядом и едва заметным киванием головы. На вопрос, кому он оставляет государство, царь отвечал: «Достойнейшему». Александр скончался в июне 323 года, 32 лет и 8 месяцев от роду, после почти 13-летнего многославного царствования. История не знает другого героя, более великого, чем он. Только по прошествии двух лет (в 321 году) состоялось его погребение, и прах Александра на роскошной колеснице был перевезен в Александрию, где наместником Египта Птоломеем и был погребен в сооруженном для этого храме.

23. Сиракузы. Два Дионисия. Дион. Тимoleon. Агафокл

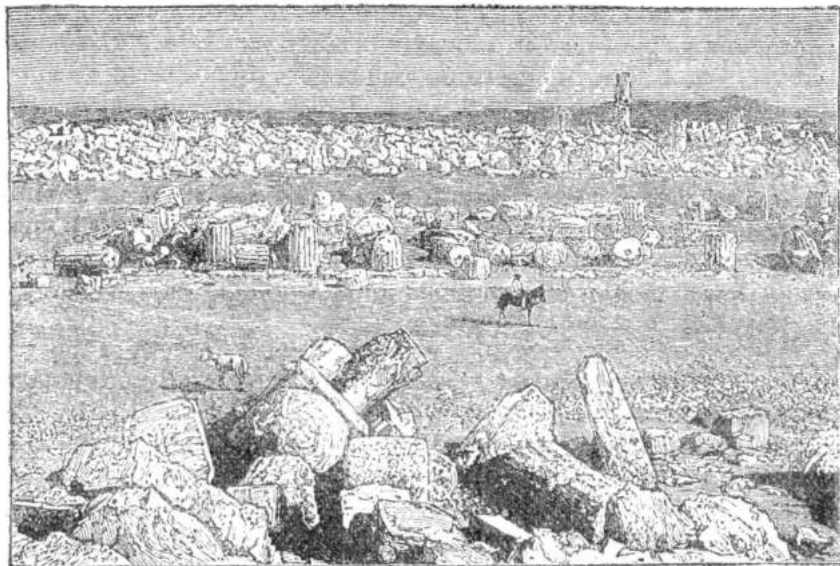
Подобно отдельным государствам Греции, и греческие колонии на острове Сицилии, вследствие взаимных междоусобий и внутренних смут, подали повод к внешнему вмешательству и окончательному порабощению. Соседние карфагеняне уже давно выжидали благоприятного случая, чтобы стать твердой ногой на острове. Первая их попытка к тому была уничтожена тираном Сиракуз — Гелоном. Но когда поход афинян против Сиракуз потерпел неудачу, то карфагенянам представился удобный случай к вмешательству.

Город С е г е с т а, вновь притесняемый жителями города Селинунта, обратился за помощью к Карфагену. Предложение это как нельзя более соответствовало замыслам карфагенян. Они явились со 100 000 войском, решившись утвердить и распространить на острове свое владычество. Селинунт был первой их жертвой. Он был разрушен (в 408 г.); Гимера испытала ту же участь; наконец пал и могущественный, населенный, цветущий Агригент (в 406 г.). Эти успехи настолько устроили сиракузян, что они вверили одному своему согражданину Д и о н и с и ю, от которого ожидали спасения от угрожавшей им опасности, неограниченное начальство над своими войсками. Дионисий злоупотребил доверием своих сограждан самым наглым образом. Он составил себе отряд телохранителей из чужеземцев и наемников и овладел важнейшими местами города. Вместо того, чтобы действовать против карфагенян, овладевших в это время еще городами Гелой и Камарином, он заключил с ними мир, по которому они удержали за собой Селинунт, Агригент, Гелу, Камарин и признали Дионисия властителем Сиракуз.

Обезопасив себя таким образом со стороны внешнего врага, Дионисий занялся усмирением внутренних врагов. Он укрепил остров Ор-

тигию при входе в обширный Сиракузский залив, обезоружил сиракузских граждан, усилил сухопутное войско и флот и переселил в Сиракузы жителей завоеванных городов. После долгих приготовлений Дионисий решился, наконец, уничтожить господство карфагенян в Сицилии. Но несмотря на огромные военные средства, собранные им для этого предприятия в трех войнах, веденных им с карфагенянами, он не достиг своей цели и при вторичном заключении мира вынужден был оставить за ними области Селинунта и Агригента и всю страну на запад от реки Галика (в 383 г.).

Гораздо счастливее был Дионисий в своих предприятиях против нижнеиталийских греков. Жители Кротона были побеждены, Регий

Развалины Селинунта.

после одиннадцатимесячной осады принужден к сдаче голодом и подвергся жестокому наказанию (в 387 г.). За свою жестокость, за безбожие, а также и за недоверчивость к своим окружающим древние почитали его тираном в худшем смысле этого слова. О постоянном страхе Дионисия умереть насильственной смертью Цицерон передает нам много рассказов. Так, он позволял брить себе бороду только своим дочерям, но и то не бритвой, а раскаленной ореховой скорлупой. С народом Дионисий говорил не иначе, как с высокой башни. (Сравни также рассказ о Д а м о к л о в о м м е ч е с рассказом о двух друзьях Дамоне и Фитие в балладе Шиллера «Порука»).

Сын Дионисия I (старшего) Д и о н и с и й II, Младший, наследовавший ему в 367 году, не мог продолжать войну против карфагенян, так как все его внимание и все его силы были отвлечены внутренними

смутами. В самом начале своего правления он поссорился со своим дядей Д и о н о м, другом знаменитого Платона. Дион должен был покинуть Сиракузы и отправился в Грецию, где и проживал в обществе философов.

Десять лет спустя (в 357 г.), рассчитывая на раздражение, господствовавшее в народе против Дионисия, Дион решился силой вернуться в Сиракузы. Попытка увенчалась успехом. При прибытии Диона с небольшим отрядом жители города отворили ворота и передали ему власть. Дионисий удержался с гарнизоном в замке Ортигии, но вскоре, оставив там своего сына, отправился в Локры. Но при разнузданности сиракузян, которые не могли уже ни подчиняться власти, ни пользоваться свободой, Дион при своей строгой требовательности в отношении исполнения законов не был в состоянии долго удержаться. Народные льстецы, в особенности Гераклид, лишили его расположения народной массы и вынудили оставить город. Дион с оставшимися ему верными наемниками отступил в Леонтины. Пользуясь замешательством в городе и беспечностью населения, гарнизон замка сделал несколько вылазок, разрушил часть города и убил множество граждан. В этом бедственном положении сиракузяне обратились в Леонтины к Диону и просили его спасти их. Он тотчас же вернулся, оградил город от дальнейших нападений, снова водворил в нем спокойствие и порядок и принудил к сдаче гарнизон замка.

Облеченный неограниченной властью, Дион хотел ввести аристократическую форму правления и уничтожить необузданную демократию, влияние которой было столь пагубно для Сиракуз. Но в исполнении этого плана ему помешал прежний друг и поверенный его, афинянин Калипп. В надежде захватить власть в свои руки, он напал с шайкой убийц на Диона в его собственном доме и умертвил его (в 353 г.).

Правление Калиппа продолжалось лишь 13 месяцев, затем он был изгнан. После этого в течение восьми лет в Сиракузах продолжались ужаснейшие смуты. Сменявшие беспрерывно друг друга партии старались удержать за собой власть нагоняющим страхом управлением. Казнь и лишение имущества составляли ежедневное явление при беспрерывно сменявшихся правителях, и тот, кто заседал сегодня в совете и произносил смертные приговоры, не был уверен, что не лишится на другой же день своей собственной головы. Эти замешательства оказались благоприятными для находившегося в изгнании Дионисия. Он воспользовался благоприятным моментом и во главе вновь набранных наемников снова вступил в город, чтобы возобновить прежнюю преступную игру с жизнью и достоянием своих подданных (в 346 г. до Р. Х.). Однако лучшие граждане утомились его жестокостью и обратились за помощью к метрополии Сиракуз, Коринфу. Здесь жил муж по имени Т и м о л е о н, преисполненный республиканского духа, который, по видимому, совершенно уже исчез в эти времена. Тимолеон только что

допустил убить своего брата, который, несмотря на его убеждения, сделался единобластителем Коринфа.

В то самое время, когда коринфяне находились еще в сомнении насчет того, должны ли они наказать Тимолеона за его преступление или же почтить намерение, с которым оно было содеяно, явились сиракузяне с просьбой о помощи. Было решено послать Тимолеона с 1000 гоплитами в Сиракузы (в 345 г. до Р. Х.) и тем дать ему случай осуществить там свои свободолюбивые идеи и искупить свою тяжкую кровавую вину угодным богам подвигом — освобождением народа от ига тирана.

Тимолеон прибыл в Сицилию с десятью кораблями и тотчас же напал на Сиракузы, где между тем с помощью карфагенского флота успел утвердиться уже тиран города Леонтин — Гикет. Прежде других сдался дворец, куда скрылся было Дионисий. Тимолеон принудил его отказаться от власти и снова вернуться к частной жизни. Дионисий поселился в Коринфе и продолжал там свою распутную жизнь до тех пор, пока, наконец, не обеднел до такой степени, что принимал милостыню и учил детей.

Скоро и Гикет вынужден был покинуть город, а карфагенянам пришлось вернуться в Африку. Но когда-то столь цветущие, богатые Сиракузы представляли теперь вид величественных развалин. Повсюду виднелись следы продолжительной войны. Многие дома лежали в развалинах, город казался вымершим, торговая площадь заросла травой. Тимолеон обратился к Коринфу с просьбой о новых переселенцах для опустевших Сиракуз. Коринфяне объявили во всеобщее сведение, что всякий сицилийский изгнанник, всякий грек, который пожелает туда переселиться, найдут там дружеский прием, защиту и поддержку. На это приглашение отозвались все изгнанники и воротились целыми толпами. Дома вновь были отстроены; Тимолеон распределил между изгнанниками земли, установил республиканский образ правления, а страшный замок, местопребывание тирана, со всеми его укреплениями приказал сравнять с землей.

Но Тимолеону приходилось бороться с тиранами Мессаны, Катаны, Леонтин и других городов, а также с карфагенянами, которые высадили в Сицилии 70 000 войско. Только гений Тимолеона и мужество его храбрых коринфян могли одолеть столько врагов. Гикет Леонтинский был схвачен своими собственными подданными, выдан и казнен, как государственный изменник. Та же участь постигла и тирана Катаны — Мамерка. Тиран Мессаны — Гиппон был умерщвлен в театре своими собственными подданными. Карфаген после понесенного на реке Кримиссе решительного поражения заключил мир (в 340 г.), по которому река Галик была назначена границей его владений на острове. Таким образом Тимолеон имел славу с незначительными силами менее чем в восемь лет освободить от всех тиранов страну, поработенную и долгое время опустошаемую врагами внутренними и внешними и вновь даровать ей спокойствие и благосостояние. При этом он вы-

сказывал так мало самомнения, что с благочестивой скромностью иногда говорил, что он «благодарит богов за то, что когда они решили восстановить Сицилию, он именно избран был для этого в полководцы». Однажды один сиракузянин по имени Ламестий осмелился потребовать у него отчета в управлении. Граждане были так раздражены подобным бесстыдством, что подняли шум, но Тимолеон сказал спокойно: «Оставьте его! я с тем и принял на себя столько трудов и опасностей, чтобы Ламестию и ему подобным людям было дозволено так поступать».

Сложив с себя звание полководца, Тимолеон еще в течение трех лет жил простым гражданином в кругу своей семьи в прекрасном имении, подаренном ему сиракузянами. Под конец своей жизни он потерял зрение, и его должны были возить в Народное собрание, когда ему приходилось высказать мнение о государственных делах. После смерти Тимолеона в (336 г.) ему был поставлен величественный памятник на торговой площади, и память о нем отмечалась ежегодными играми.

После Тимолеона возобновились прежние беспорядки. Под конец появился новый тиран, Агафокл, родившийся в 361 году, сын горшечника Каркина, родом из Регия. Он сам обучался ремеслу отца, но впоследствии посвятил себя военной службе. Скоро достиг он высших должностей и во главе преданных ему воинов, умертвив до 4000 граждан, присвоил себе в Сиракузах неограниченную власть (в 317 г.). Утвердившись в своей власти, он вел несколько счастливых войн против карфагенян, перенес даже свое оружие в Африку и угрожал самой столице своего врага. Но непрерывные взаимные раздоры сицилийских городов заставили Агафокла приостановить свое победоносное шествие и вернуться на родину. То, что Агафокл приобрел в Африке, было потеряно его сыновьями, и он был вынужден войти с карфагенянами в соглашение, по которому уступил им за известную денежную сумму многие сицилийские города. Таким образом, грекам не суждено было смирить Карфаген, и его покорение, как увидим ниже, судьба предоставила римлянам.

III

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

1. Тарквиний Гордый.

Уничтожение в Риме царской власти

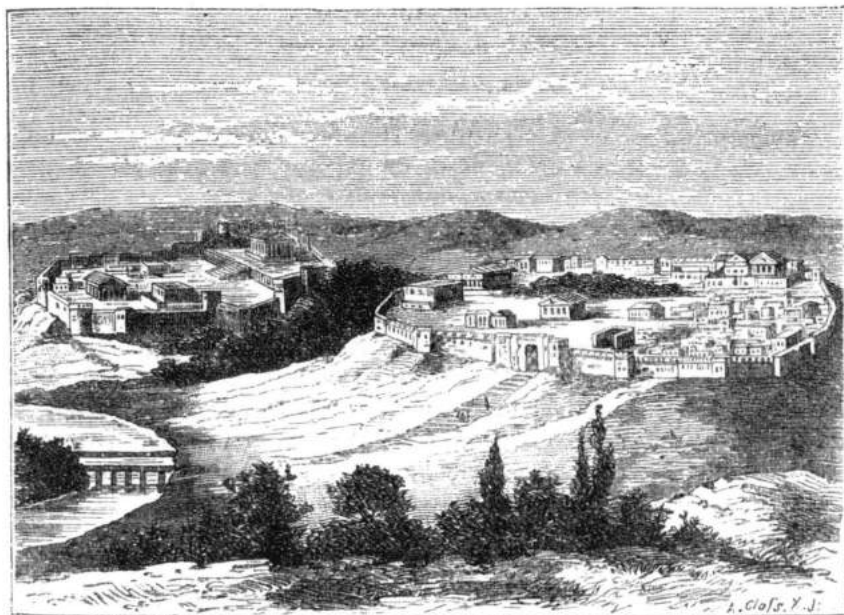
(534—610 гг. до Р. Х.)

Тарквиний Гордый (534—510) достиг престола насильем и насильем же старался удержаться на нем. По примеру греческих тиранов, он окружил себя телохранителями, притеснял всех, кто выдавался своим богатством, влиянием или убеждениями, и не созывал больше сената. Простой народ, плебс, стонал под тяжелым игом. Тарквиний отягощал его обязательными работами при своих обширных постройках: при сооружении храма Юпитера в Капитолии и при проведении обширных клоак (сводчатых водостоков). Сверх того он обременил народ непосильными налогами для того, чтобы, сделав его бедным, легче было управлять им. Но, с другой стороны, в отношении соседей Тарквиний доставил Риму блестящее положение. Он покорил латинян и сделал Рим главой Латинской области. Только жители Габий долгое время успешно отражали нападения Тарквиния. Тогда сын его, Секст, употребил хитрость. Он явился перед воротами Габий и, жалуясь на дурное обращение отца, просил гостеприимства. Габийцы приняли Секста. Он сделал несколько удачных вылазок и тем приобрел их доверие. Наконец габийцы выбрали Секста главным военачальником. Тогда он отправил к отцу вестника и приказал спросить, что ему теперь следует делать? Царь повел вестника в сад и, не говоря ни слова, сбил головку у самого высокого мака. Секст понял. Он приказал умертвить или изгнать начальников города и таким образом предоставил Габии во власть своего отца.

Затем Тарквиний вел войну против могущественного народа — ольсков и взял их сильно укрепленную столицу — Суэссу Пометию. Полученную здесь огромную добычу он употребил на постройку и украшение храма Юпитера. Для этой цели Тарквинием были приглашены этрусские художники.

Однажды пришла к Тарквинию одна незнакомая старуха и предложила купить у нее 9 книг, в которых сивиллы (пророчицы) города Кум изложили свои прорицания. Но так как она, по мнению царя, потребовала слишком высокую цену, то он отказался от покупки. Тогда старуха при нем же сожгла три книги, а за остальные 6 спроси-

ла ту же цену. Тарквиний засмеялся и принял ее за сумасшедшую. Старуха сожгла еще три книги и за последние три снова спросила первоначальную цену. Только тогда царь обратил внимание на необычайность этого дела и купил оставшиеся три книги. Эти Сивиллы были положены в Капитолии и для их охранения их к ним были приставлены два человека. К этим книгам обращались за советом, когда римлянам угрожала какая-нибудь опасность, как то: война, чума и другие бедствия, и старались найти в них указание, как умиловить гнев богов.

Рим во времена царей.

Чтоб еще больше упрочить свою власть, Тарквиний породнился с влиятельнейшими семействами латинских городов; так, он выдал замуж дочь свою за владетеля города Тускулума, Октавия Мамилия. Затем Тарквиний установил на Албанской горе праздник латинских фрерий (вакаций, каникул) в честь Юпитера, покровителя латинского союза; в этом празднестве принимали участие все латинские племена.

Однако при всем блеске царской власти ей не было суждено довести римский народ до предназначенной ему цели. Знатные семейства уже давно желали уничтожения царского достоинства, и не доставало лишь внешнего повода, чтобы скрытое недовольство перешло в открытое возмущение. В то время, когда царь осаждал Ардею, главный город рутулов в Лациуме, сын его Секст насильственно обесчестил

Карта Лациума

благородную Лукрецию, супругу одного знатного римлянина — Тарквиния Коллатина.

Лукреция не захотела пережить нанесенного ей позора и, нежно простившись с отцом своим Лукрецием и супругом Коллатином, сама заколола себя кинжалом. Друг Коллатина, Л. Юний Брут, который, чтобы не привлечь на себя внимания недоверчивого тирана, представ-

Сивилла.
С античной монеты.

лялся до тех пор слабоумным (Brutus), поднял кинжал и вместе с Лукрецием и Тарквинием Коллатином поклялся над трупом Лукреции страшно отомстить за нее. Брут созвал народ в город Коллацию и, показав труп погибшей, возбудил в народе сильнейшее него-

Город Тускулум.
С античной монеты.

дование. Затем с отрядом вооруженных людей Брут отправился в Рим, созвал народное собрание и убедил народ постановить решение об изгнании из Рима царя Тарквиния со всем его семейством. Таким образом царская власть была отменена навсегда. Вместо нее правление было поручено двум консулам (советникам), которые первоначально назывались преторами, то есть — предводителями и избирались ежегодно народом по предложению сената из патрициев. Сенат снова получил прежнее значение и должен был разделять с консулами труды по управлению государством. Из почетных знаков прежних властителей

удержаны были только стул (sella curulis) из слоновой кости, сидя на котором консулы производили суд, и 12 ликторов (служителей) с секирами и связками прутьев (фасций), как знаки достоинства и власти консулов.

Когда Тарквиний, узнав о происшедших событиях, поспешил в Рим, то нашел ворота запертыми. Заговорщики воспользовались отсутствием Тарквиния и сообщили о всем происшедшем находившемуся перед Ардеей войску, и когда Тарквиний вернулся в стан, то здесь тоже господствовало против него полное возмущение. Тогда Тарквиний с двумя сыновьями, Титом и Арунсом, отправился в этрусский город Церы, Секст же удалился в Габии, где скоро и умер.

Лукреция.
С античной камен.

Центуриатские общаны в Риме избрали консулами Луция Юния Брута и Кая Тарквиния Коллатина. Они восстановили учреждения царя Сервия Туллия и увеличили число сенаторов до трехсот.

Центуриатские общаны в Риме избрали консулами Луция Юния Брута и Кая Тарквиния Коллатина. Они восстановили учреждения царя Сервия Туллия и увеличили число сенаторов до трехсот.

Новейшая критика относит историю Тарквиниев и в особенности последнего из них к области мифов, которые переносят историю греческого происхождения на римскую почву подобно тому, как это повторилось и с последовавшими вскоре затем событиями, например с походом Порсены.

2. Заговор в Риме и новое государственное устройство

Между тем изгнанный царь далеко не терял надежды вернуться к власти; он не только рассчитывал привлечь на свою сторону обыкновенно изменчивый и легко увлекающийся народ, но имел и между патрициями много сторонников, готовых исполнять его желания. Вследствие этого Тарквиний отправил в Рим послов, которые, открыто ведя переговоры о выдаче частного имущества царя, в то же время должны были тайно условиться с его приверженцами о возвращении царского семейства. Послы исполнили возложенное на них поручение, и только во время окончательных уже переговоров с сторонниками царя, в чис-

Л. Ю. Брут.
С античного медного бюста.

ле которых находились собственные сыновья Брута и близкие родственники Коллатина, они были подслушаны рабом, который донес об этом консулам. Бруту пришлось произнести приговор над собственными своими сыновьями, как над государственными изменниками. Но он ни минуты не поколебался между чувством отца и своим долгом друга отечества и консула. Как консул, он не только произнес смертный приговор, но с непоколебимым мужеством не отвратил даже взоров, когда падали головы его сыновей. Коллатин не был так тверд. Когда родственники его также были приговорены к смерти, то он стал просить, чтобы им заменили смертную казнь изгнанием. Но Брут, не уступивший и самому себе, остался неумолим; все заговорщики были казнены. Затем сенат отказал в выдаче царского имущества и постановил, что все

римляне, принадлежащие к роду Тарквиниев, навсегда изгоняются из Рима. Вследствие такого постановления и Тарквиний Коллатин должен был сложить с себя консульское достоинство и также отправиться в изгнание.

На место Коллатина консулом был избран Публий Валерий, который за некоторые из изданных им законов получил прозвание *Поплика*, то есть друга народа. Первый из таких законов подвергал проклятию богов всякого, кто присваивал себе верховную власть без уполномочия на то народа. Этим законом прямо признава-

лось самодержавие народа, то есть право народа на самоуправление. Вторым законом предписывалось, чтобы ни одно правительственное лицо, не исключая даже и консула, не имело права казнить или наказывать розгами, то есть подвергать телесному наказанию римского гражданина прежде утверждения (*rogatio*) такого наказания самодержавным народом в качестве высшей судебной инстанции. Эти два закона, которые полагали действительную преграду превышению власти должностными лицами, проявлялось ли оно в самовольном пользовании ею по истечении установленного выборного срока или в злоупотреблении ею в то время, на которое должностные лица были выбраны, составили основание римской свободы. Подчиненность даже самих консулов воле самодержавного народа уже Валерий хотел выразить внешним образом в том, чтобы при входе консулов в народное собрание ликторы преклоняли связки прутьев перед величием (*majestas*) народа. В черте города секиры, эти символы власти над жизнью и смертью, должны были выниматься из связок прутьев в знак того, что с этих пор в городе и в входящих в черту его землях консулы не имеют права производить уголовный суд и расправу.

*Валерий Попликола.
С античной камеи.*

Власть консулов, заменившая собой царскую власть, была обставлена различными ограничениями. Кроме кратковременности срока отправления должности, ослаблению консульской власти служило и разделение ее между двумя равноправными сослуживцами¹. Затем жреческие обязанности были отделены от консульства и возложены на особое, избираемое пожизненно для этой именно цели должностное лицо, которое в знак невинного воспоминания о царских временах носило титул *rex sacrificulus*, то есть царя-жреца. Но лицо это было подчинено *Pontifexi maximo* (верховному жрецу), стоявшему во главе всей жреческой иерархии. Несмотря на это между олицетворяемой консульством высшей государственной властью и религией, представителями которой являлось сословие жрецов, установились самые тесные отношения.

Религия с ее слугами и жрецами заняла в отношении к государству служебное, подчиненное положение и таким образом получила то же практическое значение в политической жизни, какое она имела уже в частной жизни римлян. Различные жрецы, были ли то авгуры, или гаруспиции, или другого какого бы то ни было наименования, могли приступать к познанию воли богов только по поручению и

¹ Хотя разделение это и могло служить обеспечением от опрометчивости и несправедливости со стороны одного или обоих консулов и в этом отношении оно являлось действительно благотворительным, но созданное им ослабление высшей государственной власти в случае явного разногласия между консулами нередко заставляло сожалеть о единстве власти, столь желательном в управлении государством, в особенности в военное время.

приказанию государственных сановников. Придавать обязательную силу воле богов, проявляемой разнообразным образом, принадлежало исключительно высшим должностным лицам. Таким образом, религия являлась одним из могущественнейших средств в руках правительственных лиц или, другими словами, господствующей партии. Господствующая партия, говорит Ине (I, 110), могла без всякой боязни устами жрецов одобрять и порицать то, что, по ее мнению, заслуживало быть принятым или отвергнутым, и, без сомнения, партии и представители власти в Риме в течение целых столетий пользовались этим средством для восполнения своей власти. Поэтому в отношении религиозности римляне были далеки от стремления к идеальному.

Римлянин считал для себя полезным находиться с божеством в хороших отношениях. Для этого он старался склонить на свою сторону добрых богов, а со злыми с помощью жертвоприношений, молитв, обетов или иным каким-либо образом входить в соглашение. Если это удавалось, то земледелец надеялся на обильный урожай, пастух — на богатый приплод своего стада, воин — на защиту от ран и болезней и на победу над врагами, хозяйка дома — на полную кладовую, государственный муж — на счастье и успех в политике. Римляне, по словам Полибия (III, 102), были весьма усердны в молитвах, когда им угрожала большая опасность; они молили богов и людей о спасении и ничего не считали для себя неприличным и недостойным, что, по их мнению, могло принести им пользу. Но делать добро по собственному своему побуждению, вследствие действительного понимания божества или хотя бы из стремления угодить богам, было далеко не в характере римлян. Вся их религиозность происходила из основного понятия о полезности и основывалась на холодном расчете; вследствие этого такого рода религия не могла оказывать на характер римского народа смягчающего и облагораживающего влияния. Ревностный в желании, разумный в расчете, но бессердечный и холодный до жестокости, каким он показал себя в отношении к предводителю Понтию, победителю при Кавдии (в истории Самнитской войны), — вот общие черты характера римлян и их политики, и римляне остались неизменными до конца своего существования.

Однако, несмотря на сделанные ограничения, консульская власть была обширна и значительна. К консулам перешла вся военная власть. В качестве *imperatores*, то есть военачальников, они стояли с неограниченной властью во главе войска, почему и носили вначале титул *praetores*, то есть предводителей (идуший во главе или впереди войска). На войне опасность недостатка в общем руководительстве должна была вообще сильно чувствоваться и нередко вести к великим бедствиям. Поэтому во времена таких крайних опасностей сенат посредством формулы: *videant consules ne quid res publica detrimenti capiat* (консулы пусть позаботятся, чтобы государство не понесло какого-нибудь ущерба), поручал консулам

назначение диктатора. Диктатор пользовался неограниченной властью только в течение 6 месяцев для того, чтобы предохранить от возможности перехода его чрезвычайных полномочий к царской власти. На это необычайное время все остальные должностные лица подчинялись диктатору и были в полном его распоряжении, а Рим находился как бы в осадном положении. Диктатор выбирал себе помощника в лице *magister equitum* (начальника конницы), который предводительствовал

по его поручению и от его имени конницей. Несмотря на столь сильное искушение, до последних времен республики ни один диктатор не злоупотребил своей властью в смысле тирана и не присваивал ее себе незаконным образом на более продолжительное, сверх положенного срока, время. Напротив, все диктаторы старались лишь о том, чтобы как можно скорее исполнить возлагавшуюся на них задачу — спасение государства от угрожающей опасности и, по возможности, еще до истечения законного срока возвратить свои полномочия в руки народа.

В качестве судей консулы решали или сами, или через уполномоченных заместителей спорные дела граждан. Сверх того они были высшими должностными лицами государственного управ-

ления и поэтому председательствовали в сенате. Назначение сенаторов, руководство прениями в сенате и экзекуция, т. е. право приводить в исполнение решения сената, было их делом. Вследствие этого сенат являлся первоначально лишь совещательным учреждением при консулах. Консулы по своему усмотрению созывали сенат для выслушания его советов, но не для получения от него приказаний, которые они должны были бы исполнять в качестве бесправных исполнительных должностных лиц. Консул был уполномочен принимать все правительственные меры даже и без согласия на них сената. С течением времени между консулами и сенатом, конечно, установились совсем другого рода отношения. В противоположность ежегодно сменявшимся консулам, сенату (члены которого назначались пожизненно и в этом отношении имели преимущество над консулами), который имел влияние на избрание консулов и пользовался одним из них против другого, было легко достигнуть того, что в действитель-

Римский консул.

сти консулы сделались простыми исполнителями сенатских постановлений.

Таким образом, сенат сделался постепенно влиятельным установлением. Он был высшим учреждением, имевшим надзор за всем управлением, за религиозными и финансовыми делами государства. Сюда принадлежали установление праздничных и торжественных дней, игр, освящение новых храмов и алтарей. Равным образом в его руках находилось заведывание и распоряжение государственным имуществом, военной добычей и государственной казной. Учрежденные постоянных должностей казначеев и контролеров, т. е. квесторов, относятся к 449 г. до Р. X. Сенат разрешал выдачу денежных сумм на сооружение общественных зданий, на военные потребности и на устройство общественных игр. Затем следовало заведывание иностранными сношениями. Сенат объявлял войну, назначал главных военачальников, предписывал набор войск и определял размер контрибуций, награждал, хвалил и осуждал военачальников и заключал мир. Сношения с другими народами он поддерживал через своих послов, которых имел право уполномочивать жаловать чужеземным государям и народам почетные титулы, как например *amicus* (друзья), *socii* (союзники), или другого рода отличия и подарки. «Сенат, — говорит Ине, — был головой римского государственного тела, а консулы его руками. В сенате сосредоточивалась и сохранялась сумма всей опытности и мудрости. Каков был сенат, такова была и римская политика, как внутренняя, так и внешняя, и ни одно из известных нам нововведений не могло осуществиться в действительности прежде, чем оно не было всесторонне обсуждено в сенате». Все предложения, подлежавшие представлению на разрешение народного собрания, должны были поступать на предварительное рассмотрение сената. В нем рассматривались различные мнения и преследовались различные интересы. И только тогда, когда из политических прений выработывался определенный результат — «сенатское решение» (*senatus consultum*), предложение это представлялось на голосование в народное собрание, которое разрешало его простым утверждением или отрицанием: да или нет. Затем постановление народного собрания возвращалось в сенат для утверждения (*patrum auctoritas*). Только после такого утверждения постановление это обращалось в закон. Само собою разумеется, что патриции, из которых исключительно составлялся сенат, нередко пользовались правом не соглашаться на утверждение постановления народного собрания, как оружием против простого народа. Оружие это было вырвано из их рук только при помощи *lex Publilia* в 339 году до Р. X. и *lex Maenia* в 286 году до Р. X.¹, так что с этого времени «*patrum auctoritas*» превратилась в одну пустую формальность.

¹ «Lex Maenia» постановлял, что сенат заранее, до представления проекта на определение голосованием постановления народного собрания, должен был согласиться на утверждение (*patrum auctoritas*) этого постановления.

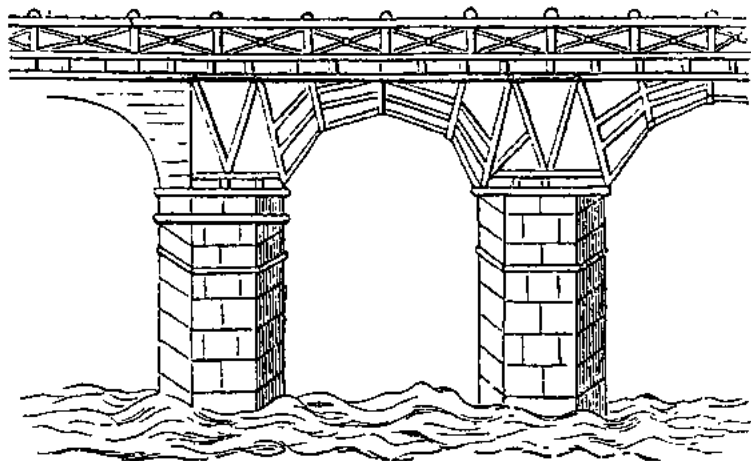
3. Война с изгнанными Тарквиниями. Порсена (509—496 гг. до Р. Х.)

Изгнанный царь Тарквиний прибег к силе. Этрусские города Вейи и Тарквинии собрали ему значительное войско, которое вел сын Тарквиния Арунс. Близ Арсийского леса произошла упорная и кровопролитная битва, которая вследствие обоюдной храбрости осталась без чьей-либо победы. Оба предводителя, Брут и Арунс, пали в единоборстве. В самый разгар сражения они бросились друг на друга и одновременно пронзили один другого. Рассказывают, что римские женщины оплакивали Брута, как отца новой республики.

Но юной свободе грозила еще большая опасность. Могущественный царь этрусского города Клузия Порсена, бывший в то же время главой союза этрусских городов, давно уже ревниво наблюдал за вновь нарождавшимся городом — Римом. Просьба Тарквиния о помощи давала Порсене желанный предлог для начатия войны против Рима.

Многочисленное войско этрусков приближалось в превосходящих силах, завладело лежавшим на правом берегу Тибра Яникулом и отбросило римлян за свайный мост, обратно в город. Неприятель наверное вторгся бы вслед за бегущими римлянами в город, если бы мужественный Гораций Коклес с двумя согражданами, а под конец один, не задержал неприятеля до тех пор, пока римлянам не удалось разломать мост.

Тогда Гораций Коклес воскликнул: «Отец Тиберин! молю тебя, укрой это оружие и этого воина в твоем милостивом потоке». Затем он бросился в полном вооружении в реку и переплыл невредимо под градом пущенных вслед в него стрел к своим, которые подняли его с возторженными криками на руки и подарили ему столько пахотной зем-

Мост на сваях.

ли, сколько он мог обойти с плутом, проводя борозду, в один день. Когда вследствие тесного обложения в Риме наступил голод, К а и й М у ц и й решился умертвить Порсену и тем избавить свой родной город от бедствий осады. С разрешения сената он отправился в неприятельский стан, но вместо царя заколол его писца, которого он принял

*Муций Сцевола.
С античной камен.*

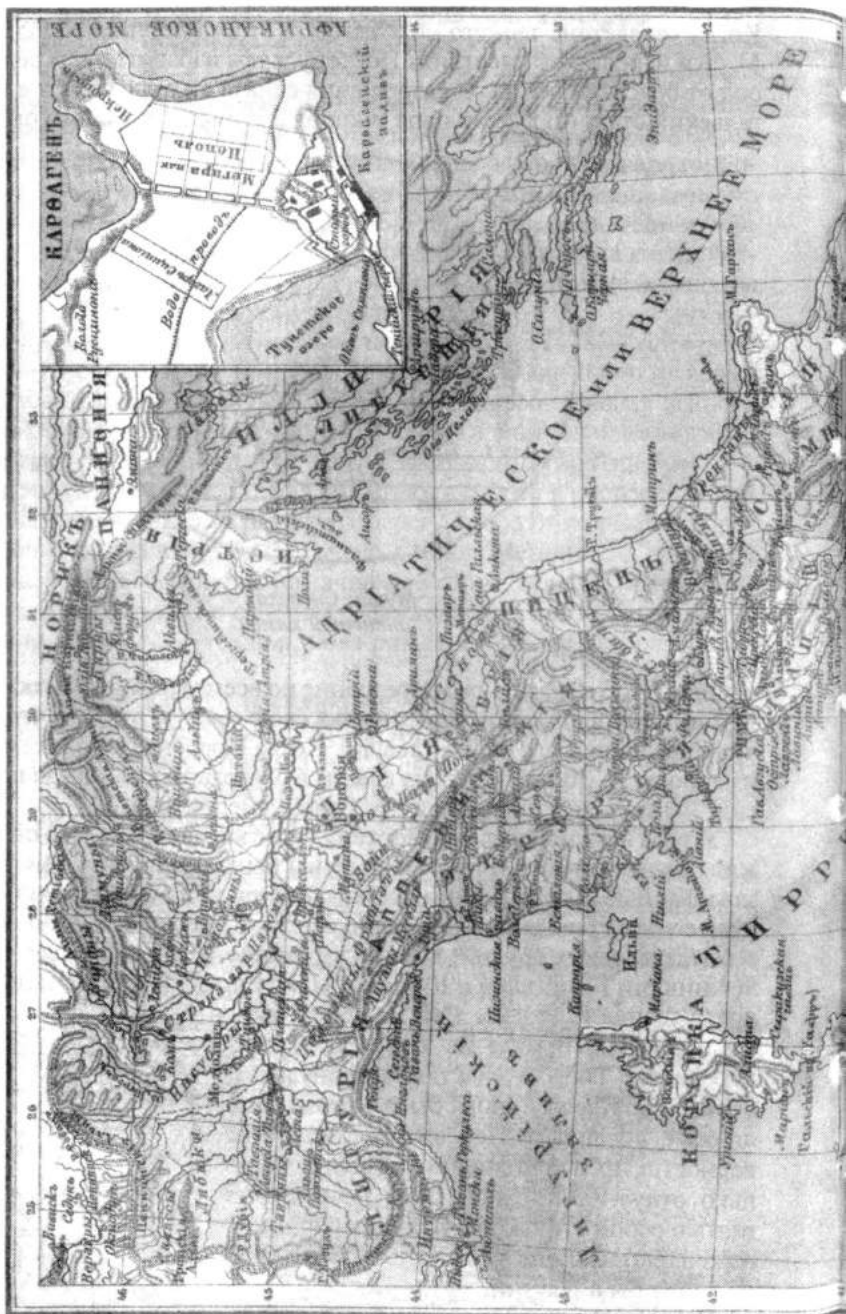
за царя. Чтоб показать свое презрение ко всем угрозам и пыткам, Кайй Муций сжег в пламени жертвенника свою правую руку, за что и получил прозвание С ц е о л а (левша). Когда Порсена подарил ему жизнь и свободу, то Муций Сцевола как бы в благодарность сказал царю, что еще 300 молодых патрициев поклялись умертвить его.

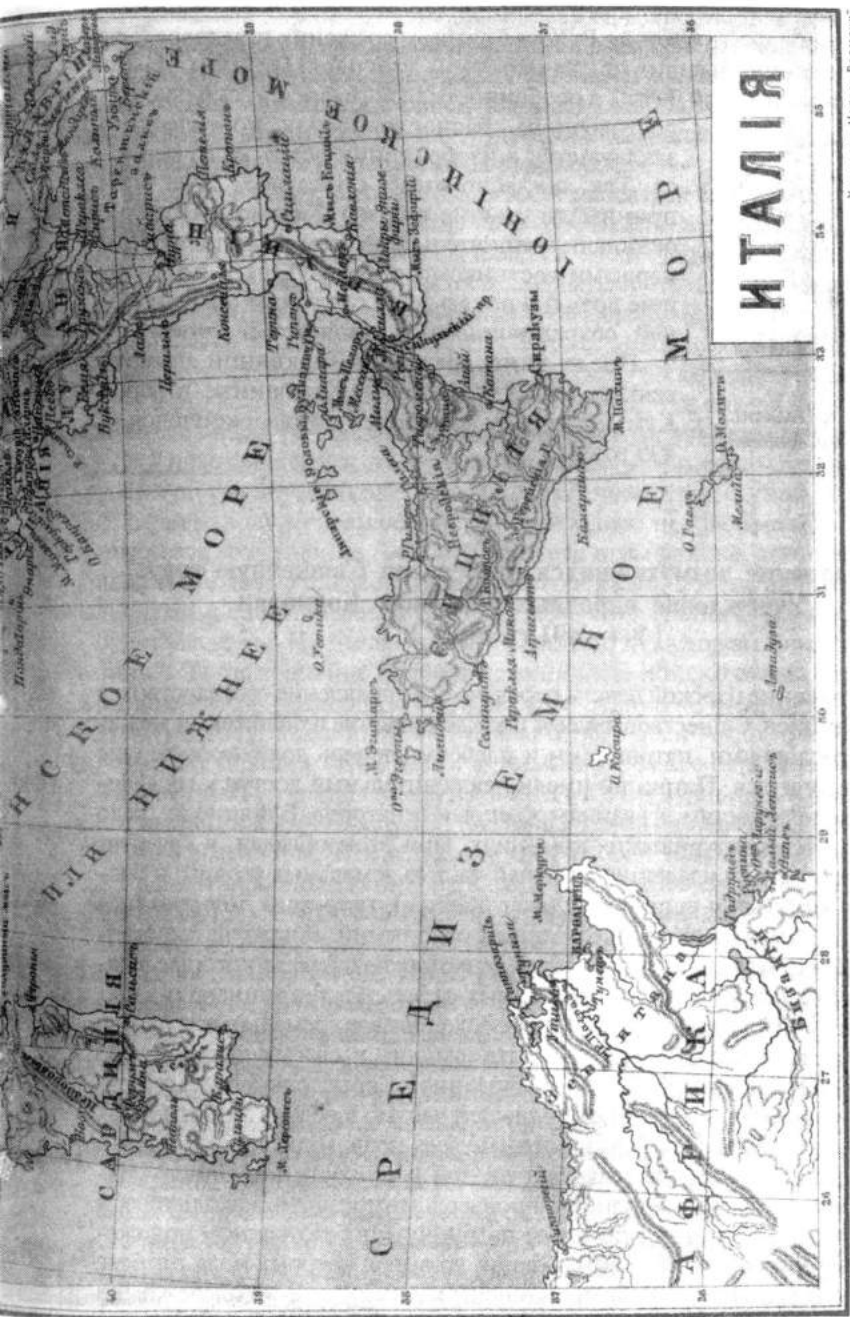
Угроза эта произвела на Порсену такое впечатление, что он предложил заключить мир. Римляне должны были возвратить вейентинцам завоеванные ими в прежнее время у них земли и выдать оружие; на будущее время римлянам дозволено было употреблять железо лишь для земледельческих орудий; в залог же верности Порсена взял у них заложниками 10 юношей и 10 девиц. Между последними находилась молодая девица К л е л и я. Она вместе со своими подругами бежала из этрусского стана, переплыла Тибр и счастливо вернулась к своим. Но Клелия вновь была выдана римлянами, после чего Порсена, восхищенный верностью их в исполнении договора, не только отпустил Клелию, но и позволил ей взять с собой столько из оставшихся заложников, сколько она пожелает. Затем Порсена вернулся в Клузий.

*Постумий.
С античной монеты.*

По свидетельству преданий, Тарквиний возбудил против Рима и латинян. В таком

Хронолог: Новак, Брамана

Карта Италии

бедственном положении спасителем явился диктатор **А в л П о с т у м и й**. Он победил (в 496 г. до Р. Х.) в большом сражении при озере **Р е г и л л е** латинян, бывших под начальством зятя царя, **Октавия Мамилия**. В описании этой битвы в особенности выказывается, сколько недостоверного, баснословного и поэтического заключается в изображении всего этого периода. Так, согласно этому описанию, даже боги принимали участие в битве. **Кастор** и **Поллукс** осаждали неприятельский стан и явились в Рим первыми вестниками победы. Еще в позднейшие времена показывали следы от копыт их коней, сохранившиеся на каменистой почве.

*Кастор и Поллукс.
С античной монеты.*

После этого сражения **Тарквиний** потерял всякую надежду, бежал в **Кампанию**, в город **Кумы**, к тирану **Аристоклему** и там скончался (в 495 году).

4. Удаление возмущившихся плебеев на Священную гору. Учреждение народных трибунов. **Кориолан** (494—491 гг. до Р. Х.)

Уничтожение царской власти передало все управление государством в руки патрициев. Существовавшее и прежде различие в положении между обоими сословиями, патрициями и плебеями теперь должно было еще более увеличиться. Патриции имели исключительный доступ к государственным должностям, к званиям жрецов и сенаторов. Влияние их было значительно в центуриатских комициях. При этом обладая, в качестве собственности или владения, большей частью земельных угодий, в особенности отнятых у неприятеля (*ager publicus*), патриции пользовались полным довольством в имущественном отношении. Вокруг патрицианских семейств толпились **к л и е н т ы**, то есть те из плебеев, которые в качестве «обязанных» состояли при главах отдельных патрицианских фамилий, должны были платить подати с доходов своих земельных угодий и при этом соблюдать известную почтительность к своему покровителю (*patronus*). Отношения эти, при необузданном корыстолюбии землевладельцев, разумеется, переходили большей частью в весьма тягостное зависимое положение. Плебеи, лишённые всех прав, многократно бывавшие у патрициев в неоплатных долгах и при жестокости тогдашнего долгового права отданные вполне на произвол займодавцев, находились, в противоположность полноправным патрициям, в безотрадном положении. Вследствие многочисленных войн, во время которых поля плебеев были опустошены, а усадьбы превращены в пепел, сами же плебеи были оторгнуты от своих занятий безвозмездной военной службой, многие из них впали в несостоятельность. Суровым долговым правом займодавцы

пользовались самым беспощадным образом. Должников можно было не только выгонять из их домов и усадеб, обременять цепями, заключать в долговую тюрьму, но и принуждать телесными наказаниями к обязательной работе. Можно было видеть многих людей, которые, находясь в такой кабале, могли указать «на груди своей зажившие рубцы, а на спине кровавые подтеки от полученных ими побоев».

С тех пор как нечего уже было более опасаться внешнего врага, патриции выказали себя вполне бессердечными притеснителями бесправной и беззащитной массы плебеев. Если бы такое неестественное положение вещей продолжилось еще дольше, то нельзя было бы и помышлять ни о внутреннем развитии, ни о дальнейшем внешнем росте государства. Прежде всего нужно было опасаться, чтобы Рим не подвергся нападению неприязненных соседей. От соседних эквов, сабинян и вольсков зашитились только с трудом, так как плебеи, раздраженные своим печальным положением, вновь прибегли к единственному находившемуся в их руках оружию — они отказывались нести военную службу. Наконец, когда сенат, несмотря на свои обещания, отказал народу в своем содействии, народное недовольство перешло в открытое возмущение. Только что перед этим войска, состоявшие большей частью из плебеев, троекратно одержали победу над эквами, вольсками и сабинянами, и поэтому плебеи надеялись, что просьбы их будут уважены. Но ничего не было сделано для удовлетворения их желаний. Тогда терпение плебеев истощилось. Войско отказалось от повиновения и, предводимое Сицинием Беллутом, удалилось на Священную гору, лежавшую на правом берегу реки Анио, раскинуло на ней стан, укрепило его валами и рвами и угрожало основать независимый от Рима «город плебеев». Эта с е ц е с с и я (уход, удаление) плебеев совершилась в 494 году до Р. Х. Ввиду такой опасности сенат решился на переговоры. Посредником был избран патриций М е н е н и й А г р и п п а, расположенный к народу. Он обратился к плебеям с самыми убедительными увещаниями и рассказал им следующую притчу: «Однажды члены человеческого тела, устав работать на желудок, согласились между собой, чтобы руки не брали пищи, рот не принимал бы, а зубы не разжевывали ее. Но скоро они сами ослабели, а все тело пришло в совершенный упадок. Убедясь в необходимости желудка, члены снова с ним примирились. Так погибает, — закончил Менений Агриппа, — от отсутствия единодушия отдельных сословий все государство. При общем же согласии оно, напротив, делается сильнее».

Но на этот раз плебеи не поддались одним словам и обещаниям; они объявили, что только тогда согласятся на возвращение и примирение, когда им представят обеспечения от повторения несправедливостей со стороны патрициев и в особенности патрицианских чиновников. Потребованные плебеями условия были следующие: из среды плебеев должны назначаться особые должностные лица *tribuni plebis* (общинные ходатаи), обязанные охранять их права и интересы от могущих быть против них несправедливостей и насилий. Особы трибунов должны

быть неприкосновенны (*sacrosanctus*). В качестве защитника народа трибун имел право словом *ve to* (запрещаю) отменять постановления сената, в заседаниях которого он участвовал, и распоряжения прочих патрицианских правительственных установлений, в особенности в отношении назначения (*delectus*) в военную службу, когда постановления и распоряжения эти могли вредить интересам плебеев. Вначале было 2, потом 5, а под конец 10 народных трибунов. Они избирались в плебейских народных собраниях, в общинных трибах, о которых будет сказано ниже, и только плебеи могли занимать эти должности.

Что власть народных трибунов вначале была ограничена, вытекает из самого существа дела, ибо нельзя предположить, чтобы сопротивление патрициев против нового учреждения могло быть побеждено с одного раза. Но с течением времени власть народных трибунов значительно возвысилась в своем значении. Они приобрели в высшей степени важное право созывать плебеев в общинные собрания (*comitia tributa*), в которых плебеи обсуждали свои сословные интересы и постановляли свои плебисциты (народные решения) по трибам, то есть по округам (вначале 30, а впоследствии 35), как сельским, так и городским. Этим трибутским комициям смелые народные трибуны, как например Публилий Валер (в 472 г. до Р. Х.) и Терентий Арса (в 462 г. до Р. Х.), сумели приобрести все более и более прав и полномочий, так что под конец они превзошли в своем значении центуриатские комиции. Таким образом, народные трибуны явились могучим рычагом, который устранил постепенно все преграды к дальнейшему развитию государственного устройства и привел к окончательной равноправности плебеев с патрициями.

Насколько, однако, с одной стороны учреждение должности трибунов было полезно для развития римской политической жизни, настолько, с другой стороны, оно должно было оказаться опасным в том случае, когда должности эти с постоянно увеличивавшимися полномочиями занимались честолюбивыми людьми, которые имели в виду не благо государства, а преследование лишь своих личных интересов. И действительно, оно оказалось опасным и даже гибельным, ибо существенно содействовало тому, чтобы подкопать республику и подготовить почву для монархии.

Само собою разумеется, что патриции, и в особенности их выдающиеся представители, насколько могли, противодействовали возрасставшим успехам этих законных защитников интересов плебеев. Такого рода стремление обнаружилось через несколько лет после удаления плебеев на Священную гору. Когда в Риме наступил голод (в 492 г. до Р. Х.), консулы приказали закупить хлеб в Этрурии и Сицилии; кроме того, тогдашний властитель Сиракуз, Дионисий, со своей стороны, прислал в дар большое количество хлеба. Одна часть сенаторов хотела, чтобы подаренный хлеб был раздаваем безденежно, а купленный продаваем по низкой цене; другая же часть советовала воспользоваться затруднительным положением народа и принудить его к повинности и к отречению от трибунов. Во главе сторонников этого последнего мне-

ния находился молодой римлянин **Марций**, прозванный **Кориоланом** за то, что незадолго перед тем благодаря своей храбрости завоевал город вольсков — **Корюлы**¹. В присутствии трибунов он с необыкновенной горячностью говорил против плебеев.

Плебеи пришли от этого в ярость, и трибуны потребовали **Марция Кориолана** на суд в трибутские комиции. Так как **Марций Кориолан** на этот суд не явился, то был осужден ими, вследствие чего покинул Рим и удалился к вольскам, предводителем которых был **Аттий Тулл**, старинный враг римлян. **Аттий Тулл** принял **Кориолана** благосклонно, и оба они стали отыскивать предлог для объявления войны Риму. Предлог скоро нашелся. Римские консулы оскорбили вольсков, которые пришли с **Туллом** на праздничные игры в Рим, приказав всем им оставить город еще до заката солнца. За это вольски объявили войну и под предводительством **Тулла** и **Марция** вторглись в Римскую область. Многие латинские города были ими завоеваны; стан вольсков расположился в 5 милях (5000 шагов) от Рима. Предводители опустошили страну, но пощадили при этом земли патрициев. Римляне пришли в уныние и решили вступить с **Кориоланом** в переговоры. Сначала они отправили в качестве посредников пять знатнейших и находившихся с **Кориоланом** в дружеских отношениях сенаторов. **Кориолан** гордо отвечал им, что непременно условием мира должно быть возвращение отнятых у вольсков городов. Второе посольство, состоявшее из жрецов, облеченных в праздничные одежды и украшенных священными знаками своего сана, также не добилось благоприятного результата. Тогда в неприятельский стан отправились благороднейшие римские матроны и во главе их мать **Кориолана** **Ветурия** и жена его **Волумния** с детьми, и только им удалось смягчить зачерствелое сердце победителя. Когда шествие римских матрон приблизилось к стану, то **Кориолан** вышел к ним на встречу и, бросившись в объятия своей матери, воскликнул: «О, мать! ты спасла Рим, но зато я погиб!» Затем он повел войско вольсков назад, но был умерщвлен ими за то, что им пришлось совершенно обмануться в своих ожиданиях.

5. Первый закон о полях. Закон Терентилия Арсы. Децемвиры (480—450 гг. до Р. Х.)

Большая несправедливость в отношении плебеев происходила от того, что значительнейшая часть земель, отнятых у неприятеля и сделавшихся собственностью государства, была предоставлена патрициям и что они мало-помалу перестали платить налог, который следовал с них

¹ Завоевание **Кориолов** вымышлено, чтобы объяснить прозвание **Кориолан**. Дальнейший рассказ о **Кориолане** есть также не что иное, как простая выдумка, сочиненная для прославления любви римского героя к отечеству (Ине. I, 134—136).

за пользование такими землями (vectigal). Между тем на плебейх, не получивших никакой части в завоеванной их кровью государственной земле (ager publicus), кроме большей части взимаемых государством податей, тяготел еще и поземельный налог. При таких обстоятельствах плебеи не имели никакой возможности выбиться из бедности и долгов. Вследствие этого, в силу самой необходимости, возник поземельный вопрос, то есть вопрос о том, каким образом вытеснить патрициев из исключительного владения общественной землей, привлечь их к участию в разделении бремени несения налогов и, действуя в этом направлении, подготовить гражданскую равноправность патрициев и плебеев.

Первую попытку к разрешению этого вопроса сделал Спурий Кассий (в 486 г. до Р. Х.). В свое третье консульство он настоял на том, чтобы часть вновь приобретенных земель была предоставлена в собственность плебейам, а остальные присоединены были к общественной земле, но с тем, что тот, в чьем пользовании они будут находиться, должен платить за них поземельный налог. Но Спурий Кассий своими домогательствами возбудил против себя страшный гнев патрициев. По истечении срока его консульства они обвинили его перед патрицианскими куриатскими комициями в том, что он «стремится к царской власти». Спурий Кассий был обвинен и сброшен с Тарпейской скалы, как обыкновенный преступник. Однако идея, за которую боролся Спурий Кассий, не погибла с ним, напротив, она повела к дальнейшим, еще более сильным волнениям. Народные трибуны во вновь возгоревшейся борьбе старались шаг за шагом доставить плебейам новые преимущества и вытеснить патрициев с упорно занимаемой ими их крепкой позиции. Но когда трибун Генуций в 474 году призвал консулов к суду трибутских комиций за неисполнение обещанного раздела земель, то в самый день разбора этой жалобы его нашли убитым в собственной его постели (в 473 г.).

Затем (в 471 г.) народному трибуну Публилию Валеру удалось провести закон, который упрочивал состав и полномочия трибуционных комиций. Вследствие этого патриции стали домогаться участия в трибутских комициях, но не имели в этом успеха. Между тем комициям этим было предоставлено право обсуждения всех государственных дел и в особенности выбора трибунов. Позднее естественным последствием всего этого было то, что составлявшиеся в трибутских комициях народные постановления доводились через трибунов до сведения сената, и таким образом комиции эти приобрели себе инициативу, то есть право утверждения и составления законов. Народный трибун Терентий Арса сделал еще значительный шаг вперед (в 462 г. до Р. Х.). Он потребовал, чтобы во избежание произвольных решений при отправлении консулами правосудия и для управления государственными делами были составлены и письменно изложены основанные на установившемся уже обычном праве обязательные законы и определенные правила, из которых впоследствии могло бы развиться уголовное и гражданское законодательство. Предложения Терентия (roga-

tionēs) встретили жесточайшее сопротивление и были приняты лишь после десятилетней борьбы.

В это время Рим сделался ареной самых страстных волнений. Дело дошло даже до открытого насилия, в котором главную роль играл Цесон Квинций, молодой патриций, дерзкий, гордившийся своим высоким происхождением и телесной силой. Во время этих внутренних распрей сабинянин Гердоний неожиданно напал на Рим и овладел даже на несколько часов Капитолием. Кроме того в это же время пришлось вести войну с эквами, которые окружили римское войско на горе Алгиде (в 458 г.). Тогда решили разыскать искусного Л. К. Цинцината (отца Цесона), являвшего собой образец древней римской чистоты и простоты нравов. Узнали, что он обрабатывает землю в небольшом своем поместье невдалеке от Рима. И действительно, послы сената нашли его за полевой работой, в одной тунике. Опираясь рукой на заступ, Цинцинат дружески приветствовал послов. Потом он приказал жене своей принести тогу из хижины, чтобы в праздничном платье выслушать поручение сената. Цинцинат принял предложение и, таким образом, был «прямо от плуга» назначен диктатором и в этом звании спас римское войско от опасности.

Наконец решено было назначить комиссию из трех патрициев (*triumviri*), которой поручено было изучить в греческих городах Нижней Италии и в самой Греции тамошние законы, в особенности Солоновы в Афинах, и составить о них подробный доклад (в 453 г.). Комиссия вернулась через два года, и тогда (в 451 г.) по предложению трибунов для составления законов (*legibus scribundis*) были избраны из патрициев десять мужей (*decemviri*), облеченных неограниченной властью. На время их деятельности были отрешены от своих должностей все должностные лица и даже трибуны. Эта комиссия из десяти мужей, во главе которой стоял отличавшийся умом Аппий Клавдий, составила десять таблиц законов, но не вполне выполнила возложенную на нее задачу, почему десять мужей были удержаны и на следующий (450) год. На этот раз благодаря стараниям патриция Аппия Клавдия в эту комиссию вошли и три плебея.

Едва власть попала в руки второй комиссии из десяти мужей, как началось поистине грозное правление (в 450 г.). Вместо того, чтобы, как прежде, пучки прутьев с воткнутыми в них секирами носились двенадцатью ликторами попеременно перед одним из децемвиров, теперь каждый из них открыто являлся в сопровождении этих знаков власти над жизнью и смертью. Всякое сопротивление, в особенности со стороны плебеев, немедленно подавлялось силой. Таким образом неистовствовали децемвиры, прибегая к заключению в тюрьмы, к смертным казням и к изгнанию, над своими действительными и мнимыми противниками. Ни сенат, ни народное собрание не были более созываемы. Суды были заняты их любимцами, а отряд преданных людей составлял род охранной стражи, которая затрудняла всякий доступ к децемвирам и позволяла им под своей защитой всевозможные насилия

над жизнью и достоинством граждан, в особенности плебеев. В отношении же исполнения прямой возложенной на них задачи децемвиры действовали таким образом, что к концу срока своих полномочий составили еще две таблицы, так что общее число таблиц законов достигло двенадцати. Но эти двенадцать таблиц законов (*lex duodecim tabularum*) были утверждены сенатом только при консулах Горацие и Валерис (в 448 г.). В настоящее время сохранились лишь отрывки этого древнейшего памятника римского права¹.

По истечении годичного срока полномочий децемвиры отказались сложить с себя свое достоинство. Никто не осмелился им противодействовать. Но в это время два постыдных деяния: умерщвление Сикция и посягательство на Виргинию — довели общее негодование до высшей степени раздражения (в 449 г.).

Как раз в это время вспыхнула война с сабинянами и эквами. Два децемвира, в том числе Аппий, остались в городе, остальные повели войско на войну. Децемвиры пользовались при этом всяким обстоятельством, чтобы обессиливать своих политических противников. Так, между прочим, они приказали умертвить самым коварным образом одного из самых заслуженных старых воинов, Сикция Дентата, который участвовал в 120 сражениях и получил 45 ран, за то, что он осмелился роптать на незаконное, бесчеловечное правление децемвиров. В самом городе Аппий Клавдий довершил свои злоупотребления попыткой завладеть одной прекрасной девицей, Виргинией. Она была дочь плебея и начальника когорты Виргиния и невеста молодого Ицилия. Виргиний находился в стане при войске. Аппий употребил все хитрости, чтобы соблазнить девушку и ее кормилицу; все было напрасно. Тогда Аппий прибег к дьявольскому средству. Он подговорил одного преданного ему клиента Клавдия предъявить требование о выдаче девушки под тем предлогом, будто она дочь одной из его рабынь и была выдаваема Виргинию его бездетной женой за свою дочь. Однажды, когда девушка шла в общественную школу, Клавдий, уверенный, что Аппий решит дело на суде в его пользу, схватил ее и потащил к себе, как мнимую свою собственность. С трудом удалось Ицилию отсрочить рассмотрение дела до следующего дня. Между тем отец Виргинии, извещенный о случившемся, поспешил из стана и успел прибыть как раз к произнесению децемвиром решения, которым молодая девушка была признана собственностью клиента. Когда отец увидел, что дочь его уводят насильно, он принял решение истого римлянина. Он испросил позволение поговорить с дочерью в последний раз перед разлукой. Это ему было дозволено. Тогда Виргиний отвел дочь в сторону к находившейся вблизи бойне, выхватил нож и поразил ее в грудь, чтобы

¹ Законы Двенадцати таблиц заключают в себе постановления о краже, лихоимстве, поджигательстве, о смягчении долгового права, о праве семейном и т. д. Одно из важнейших постановлений законов Двенадцати таблиц гласило: *Lex de capite civis rogari nisi maximo comitatu vetat*, то есть только только центуриатские комиции (которые были признаны теперь высшей судебной инстанцией в уголовных процессах) имели право постановлять смертные приговоры.

избавить ее от позора и бесчестия. Ярость народа от такой низости Аппия была безгранична. Поднялся целый взрыв негодования, и разразились ужаснейшие проклятия на голову децемвиров. Между тем Виргиний с окровавленным ножом, в обрызганной кровью одежде поспешил в стан и стал призывать войско к отмщению. Все войско тотчас восстало и соединилось с плебеями, находившимися в городе. Вторичным уходом на Священную гору плебеи принудили сенат постановить отрешение децемвиров от должности. Теперь с ними поступлено было самым строгим образом: их заключили в тюрьму, и решено было предать суду. Но два главных руководителя, Аппий и Опций, не дожидаясь приговора, сами лишили себя жизни, остальные были присуждены к изгнанию и лишению имущества¹.

6. Законы Валерия и Горация. Канулей. Военные трибуны с консульской властью (448—444 гг. до Р. X.)

С тех пор как патриции вынуждены были допустить плебеев к участию в децемвирате, ничто уже более не могло воспрепятствовать народу при напряжении всех своих сил при твердой воле непреодолимо стремиться вперед по пути достижения и других высших государственных должностей. От деспотических нападков со стороны разных должностных лиц плебеи были уже защищены учреждением трибуната. Но это казалось им лишь полусуспехом. Поэтому они сделали еще один шаг вперед. Они прямо потребовали, чтобы их допустили к участию сперва в законодательстве, а затем и в управлении государством. На этом пути они сошлись с двумя проникательными государственными мужами, которые полагали, что будет лучше полюбовно столкнуться с плебеями, составляющими главную опору государства, чем допустить новый уход их и тем подвергнуть опасности само существование республики.

То были вновь избранные (в 448 г. до Р. X.) консулы В а л е р и й и Г о р а ц и й. Они настояли в центуриатских комициях на следующем: 1) на будущее время никто не может быть представляем к занятию какой бы то ни было государственной должности без предварительного избрания народа, и тот, кто, несмотря на это, преступит этот закон,

¹ Справедливость этого рассказа, основанного на повествовании Ливия, оспаривается новейшей критикой, и, по ее мнению, Аппий является другом народа, так как он принял в состав второго децемвирата трех (или пятерых) плебеев и при помощи двух последних таблиц законов, которых сенат не хотел утвердить, подобно Терентлию, «старался установить ослабившееся уравнение прав обоих сословий на началах справедливости». Ине говорит: «Если Аппий умер насильственной смертью, то не плебеи были тому причиной, а его сословные сотоварищи, преследовавшие в лице его отступника и предателя. Написанные в аристократическом духе летописи Фабия Пиктора, Цинция Алимента и др., из которых Ливий почерпал свои сведения, не говорят об этом.

подлежит смертной казни; 2) тот, кто осмелится поднять руку на священную особу трибунов, сам обрекается на жертву Юпитеру, а имущество его отбирается и поступает в собственность храма Цереры и Либера (Бахуса), и 3) *все постановленное плебейми в их трибутских комициях* (сословных собраниях) *должно быть обязательно для всего народа*. Конечно, постановления эти распространялись лишь на внутренние, гражданские дела, так как выбор консулов, решение вопроса о войне и мире и отправление уголовного судопроизводства осталось за центуриатскими комициями. Равным образом постановления, состоявшие в трибутских комициях, подлежали утверждению сената (*patrum auctoritas*). Но тем не менее было положено прочное основание, на котором могла развиваться правильная связь между сенатом и плебейми, с одной стороны, и между сенатом и народными трибунами — с другой. В скором времени дошло до того, что трибуны перестали быть безгласными слушателями в заседаниях сената, а стали являться туда в качестве народных ораторов и, облеченные правом возбуждать вопросы, представляли обсуждению этих заседаний предложения, которые подвергались затем голосованию народа.

Раз трибутские комиции приобрели право участвовать в законодательстве и даже постановлять обязательные для всего народа решения, то тем самым они получили и право суда в известных случаях, как например в делах о нарушении прав плебеев. Многие патриции, привлеченные трибунами к народному суду за проступки по должности или за понесенные ими на войне поражения, в скором времени испытали на себе все более и более увеличивавшуюся власть этого суда.

Но самый решительный шаг к достижению уравнивания прав обоих сословий был сделан трибуном Канулеем (в 444 г. до Р. Х.), который потребовал уничтожения существовавшего в силу древнего обычая запрещения браков между патрициями и плебейми. Самая резкая противоположность между обоими сословиями до этого времени выражалась именно в том, что брак признавался законным (*matrimonium iustum* или *legitimum*) только между лицами, принадлежавшими к одному и тому же сословию. Конечно, бывали случаи и смешанных браков, но рождавшиеся от таких браков дети признавались плебейми. С этих же пор — по *lex Canuleja de connubio* — дети, рожденные от брака патриция с плебейкой, становились патрициями; таким образом можно было с уверенностью надеяться на скорое слияние обоих сословий. Патриции с крайним упорством, правда, отстаивали древний обычай и вкоренившийся предрассудок. Но когда пришлось доказывать, что от этого уравнивания прав зависит счастье и благоденствие римского народа, и трибуны проявили не менее стойкости и искусства и сумели заклеить, как нечто ненавистное, лишение плебеев права *connubium* (т. е. права заключать законные смешанные браки), заронить сомнение насчет законности патрицианских привилегий и указать на необходимость пополнения устаревшего сословия новыми си-

лами для дальнейшего его преуспевания. Таким образом удалось, наконец, настоять на уничтожении запрещения смешанных браков.

Напротив, второе требование Канулея, чтобы плебеи были допущены к участию в консульской власти, а именно, чтобы один из двух консулов всегда выбирался из плебеев, не получило на первых порах полного удовлетворения. Патриции сумели ослабить это предложение тем, что народу вместо прежних исключительно патрицианских консулов было предоставлено право выбирать частью из среды патрициев, частью из плебеев трех «военных трибунов с консульской властью» (*tribuni militares consulari potestate*). Сверх того, этот компромисс (сделка) был еще ограничен тем, что от консульства были отделены многие полномочия, послужившие к учреждению новой должности, занятие которой было доступно одним лишь патрициям. Эта новая цензорская должность, власть которой впоследствии получила постепенно весьма важное значение, была установлена для заведывания цензом, то есть налогом с имущества. Поэтому в круг ее действий входило также распределение граждан по классам в центуриях, составление списков сенаторов, всадников и граждан, установление налогов и податей (*tributum*) и т. д.

Вместе с этой финансовой деятельностью цензорам предоставлена была впоследствии и деятельность нравственно-полицейская. В силу предоставленного им права *g e g i t m e n t o g i t m* (права надзора за нравами и суда за проступки против нравственности) они преследовали и наказывали за дурное воспитание детей, за беспорядочное ведение хозяйства и роскошь, за жестокое обращение с рабами и клиентами, за недостойное поведение должностных лиц и т. д. Наказания назначались сообразно общественному положению виновных и состояли, например, в исключении из сената (*senatu movere*) или из сословия всадников (*equum adimere* — отнятие лошади) или в переводе из сельской в пользовавшуюся меньшим почетом городскую трибу.

7. Завоевание города Вейев. Камилл (405—396 гг. до Р. Х.).

Влияние патрициев благодаря их старинному значению, богатству, прочной организации, политической опытности, выказанной ими в особенности в избирательных происках при производстве выборов по комициям, было так велико, что с 444 по 400 год до Р. Х. только они выбирались в «военные трибуны с консульской властью». Впоследствии, начиная с 399 года до Р. Х., выбирались и плебеи. Но случалось нередко, что сенат, вследствие будто бы нарушения формальностей, объявлял выбор плебеев недействительным и вообще пользовался и разными другими средствами для того, чтобы лишить предоставленное им право всякой действительной силы.

Доказательством тому, что патриции в стремлениях своих воспрепятствовать избранию плебеев на должности военных трибунов не отступали ни перед какими средствами и нередко прибегали даже к убийству, служит поразительная история Спурия Мелия.

По свидетельству Ливия (IV, 12), в десятом году после уничтожения децемvirата в Риме свирепствовал страшный голод. Многие во избежание голодной смерти бросались в Тибр. Тогда один богатый плебей, Спурий Мелий, принадлежавший к сословию всадников, почувствовав сострадание к несчастному народу, скупил хлеб и роздал его частью даром, частью за бесценок голодающим. Благодаря этому Спурий Мелий приобрел всеобщую любовь, и можно было ожидать, что он в случае домогательства с его стороны добьется должности военного трибуна. Этому следовало во что бы то ни стало воспрепятствовать. С этой целью Спурия Мелия обвинили в том, что он имеет в своем доме склад

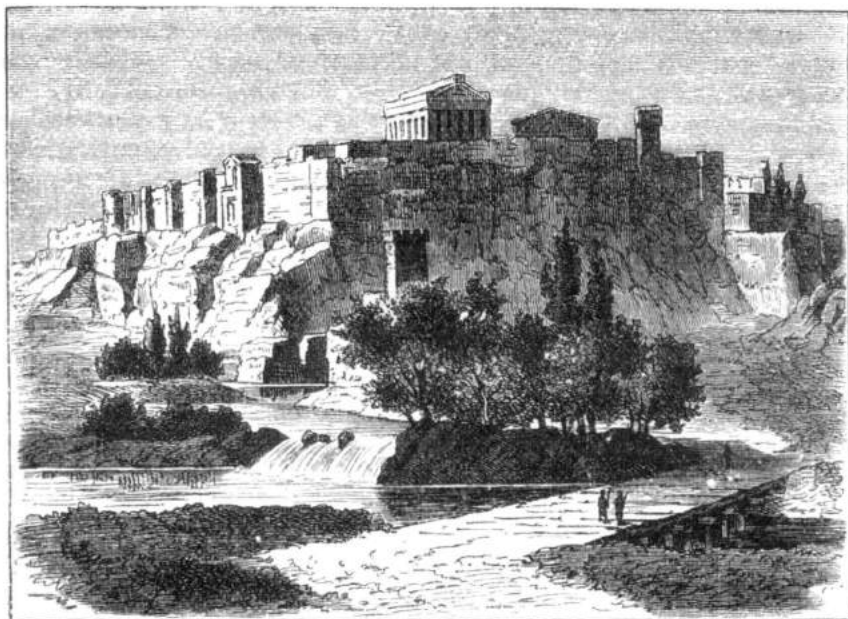
Агала.

оружия, устраивает у себя тайные собрания и стремится к единовластию. Старому Цинцинату, назначенному диктатором, было поручено устранить эту опасность. Он потребовал Мелия, через своего начальника конницы Сервилия Агала, к ответу и к оправданию во взведенном на него обвинении. Мелий отказался исполнить приказание, пустился бежать от ликтора и стал взывать к народу о помощи. Агала догнал его и поразил мечом. Это насилье удостоилось похвалы диктатора, как достойный подвиг, спасший свободу отечества.

Одновременно с этими внутренними междоусобиями продолжались внешние войны. Хотя нападения вольсков и эквов ослабели, но зато неоднократные ссоры с северными соседями, этрусками, и распри с соседними городами Фиденами и Вейями привели наконец к серьезной войне, из которой Рим только с крайним напряжением всех своих сил мог выйти победителем. Сначала были завоеваны и разрушены Фидены (в 426 г.). Затем наступила очередь цветущих и многолюдных Вейев, которые долгое время были равносильным соперником Рима и нанесли (в 477 г.) роду Фабия (306 Фабиев с 4000 клиентов) на речке Кремере кровавое поражение. Борьба хорошо укрепленного, расположенного на крутом холме и окруженного двумя реками города была упорна и продолжительна. Войску приходилось находиться на войне и зиму, и лето. Римляне не привыкли вести войну подобного рода. До сих пор они совершали непродолжительные походы против разбойнически вторгавшихся шаек эквов и вольсков и после кратковременных перерывов снова возвращались к полевым работам и своим домашним занятиям. Теперь же войны, находясь на войне и зиму, и лето, не могли сами себя вооружать и продовольствовать, и их приходилось содержать за счет государства. Таким образом пришли к мысли о выдаче войскам жалованья. Благодаря этому нововведению римское

войско, составленное из граждан, получило способность вести действительные завоевательные войны, даже если они велись в значительном удалении от города.

Война против Вейев длилась уже девять лет с переменным счастьем. Римлянам впервые пришлось предпринять настоящую осаду. Мы узнаем, что они расположились перед городом укрепленным лагерем, построили осадные машины, придвинули боевые щиты, но без всяких решительных последствий. Окончательное покорение города в десятый год осады было делом диктатора *Марка Фурия Камилла* (в 396 г.).

Вейи.

Он приказал прокопать проход, который шел из римского лагеря под стеной города до середины вейентинского замка, где находился храм Юноны. Сильный вооруженный отряд проник этим подземным ходом до самого храма. Оставалось пробить только одну тонкую стену; вдруг слышат, как верховный жрец, держа перед царем вейентинцев мясо убитого жертвенного животного, говорит: «Кто принесет эту жертву богине — хранительнице Вейев, тот победит в битве». В это самое мгновение пол раскрывается и врываются прикрытые щитами римляне. Камилл выхватывает жертвенное мясо и приносит его в жертву на алтаре Юноны. Отряд тотчас же проник в город и отворил ворота остальным войскам. Город был предан разграблению, и в руки победителя досталась несметная добыча. Камилл удостоился такого блестящего триумфа, какого римляне еще никогда не видывали. В роскошном одеянии, стоя

на колеснице, запряженной четверкой белых коней, подвигался он вверх по Священной дороге (via Sacra) к Капитолию во главе своих опьяненных радостью воинов, воспевавших ему хвалебные гимны.

Плодородие завоеванной у вейентинцев земли и красота города Вейев привели римлян в такой сильный восторг, что серьезно зашла речь о том, чтобы переселить туда часть народа. Вопрос этот возбудил в сенате горячие споры, причем Камилл в особенности высказался против этого переселения, видя в таком разделении сил лишь пагубное ослабление и зародыш опасных осложнений. Его усилия увенчались желанным успехом, и переселение не состоялось¹.

Но Камилл вскоре испытал самую оскорбительную неблагодарность. Трибуны обвинили его в пристрастном разделе вейентинской добычи и даже в сокрытии некоторой ее части и потребовали его к народному суду. Ему также вменено было в преступление и то, что он своим блудливым триумфальным въездом на колеснице, запряженной четверкой белых коней, позволил себе уподобиться Юпитеру Капитолийскому. Раздраженный таким обращением, Камилл, не ожидая приговора Народного собрания, удалился в изгнание, в Ардею. Выходя из ворот Рима, он обратился с мольбой к богам, чтобы они скорее заставили его сограждан раскаяться и почувствовать в нем нужду².

8. Галлы в Риме. Камилл

(390 г. до Р. Х.)

Скоро боги исполнили желание Камилла. Над городом, начинавшим уже расцветать и приобретать могущество и благосостояние, разразилась жестокая буря, которая угрожала уничтожить его цветущее состояние; *это было нашествие галлов*.

Вскоре после изгнания Камилла в Римский сенат явились послы этрусского города Клузия и просили римлян о помощи против варваров, галлов (кельтов), пришедших из-за Альп завоевать их страну. Еще за сто пятьдесят лет перед тем галльские племена заняли Верхнюю Италию. Часть этих племен, сенонские галлы, которые жили между Равенной и Анконой, под предводительством царя своего Бренна перешли через Апеннинские горы и напали на Этрурию. Вместо войска римляне отправили в качестве послов трех сыновей М. Фабия Амбуста потребовать от галлов, чтобы они не дозволяли себе никаких неприятных действий против союзников римского народа. Галлы возрази-

¹ Существенным историческим основанием этого рассказа (по Ине, I, 218) послужило следующее. Вследствие чрезвычайного приращения земли после падения Вейев аграрный вопрос, то есть вопрос о разделе государственных земель (ager publicus), возник с новой силой. Патриции, как и прежде, потребовали для себя исключительного права владения всеми завоеванными землями. Тогда плебеи стали угрожать переселением в Вейи, и для удовлетворения их требования о предоставлении им земельных угодий в полную собственность пришлось наконец наделить их таковыми угодьями по 7 югеров (jugerum, югер = 1/4 десятины) на каждого.

ли на это, что они согласны заключить мир, если клузийцы уступят им часть своих излишних полей, в которых нуждались галлы.

Затем три римлянина пробрались из стана Бренна в осажденный город и сообщили там об ответе неприятеля. Вопреки международному праву, послы приняли участие в одной вылазке клузийцев, и один из послов убил одного галльского предводителя и завладел его оружием. За такое нарушение международного права Бренн потребовал от римлян выдачи трех Фабиев. Но народ не только отверг это требование, но назначил их военными трибунами. Тогда галлы двинулись на Рим.

Римляне под предводительством трех Фабиев выступили навстречу галлам и сошлись с ними на реке Алли, в одиннадцати римских милях от Рима. Здесь 18 июня 390 года произошло сражение. Римляне были разбиты, и войско их было почти уничтожено. Dies Alliensis — Аллиев день почитался с этих пор в Риме несчастным. В Риме считали уже все потерянным. Город был покинут. Целыми толпами люди бежали в Этрурию. Многие сенаторы, сановники и другие должностные лица вооружились и заняли Капитолий, собрав в него, сколько можно было, съестных припасов и сложив туда все драгоценности, какие только удалось им спасти. Только самые престарелые сенаторы, в числе около восьмидесяти, не пожелали оставить город. Они завернулись в тоги и в ожидании смерти поместились на своих креслах из слоновой кости на площади перед своими домами.

На третий день после битвы при Аллии галлы явились перед Римом. Они нашли город незащищенным и вошли в него. Сенаторы и первый из них, Марк Папирий, были умерщвлены, все жители, остававшиеся в Риме, — убиты, а сам город был разграблен и превращен в пепел. Но штурм Капитолия был отбит, и галлам пришлось приступить к его осаде. Но так как город, превращенный в груду развалин, ничего не мог уже более им доставить, то они скоро начали терпеть недостаток в жизненных припасах. Вследствие этого галлы для отыскания продовольствия стали целыми толпами бродить по окрестностям. Один их отряд, пришедший к Ардее, был разбит жителями этого города под начальством Камилла. В то же время римляне, собравшиеся в Вейях, разбили отряд этрусков, который вторгнулся в Римскую область и возвращался оттуда с добычей.

Эти успехи воодушевили римлян, и они решили избрать Камилла своим главным военачальником и под его предводительством освободить Рим. Но для утверждения Камилла в звании главного военачальника надлежало предварительно получить согласие сената, осажденного в Капитолии. Исполнить это опасное поручение взялся Понций Коминий. Он счастливо прокрался сквозь неприятельский

² Завоевание Вейев есть действительное историческое событие, но то, что рассказ о нем переполнен баснословными вымыслами, не может подлежать никакому сомнению. Греческое происхождение этих вымыслов обнаруживается вполне ясно. Кто не вспомнит при десятилетней осаде Вейев десятилетнюю осаду Трои или при рассказе о подземном ходе, которым римляне проникли в Вейи, о хитрости тревков с их деревянным концом?..

стан на Капитолий и возвратился оттуда в Вейи с сенатским постановлением о призвании Камилла и назначении его диктатором. Но в то самое время, когда Камилл собирал войска в Ардее и Вейях, осажденные очутились в крайней опасности. Галлы, заметив следы Коминия, взобрались было уже ночью на Капитолий. Но в эту минуту крик посвященных Юноне гусей разбудил Марка Манлия, и галлы были им отражены и сброшены вниз. Таким образом крепость была спасена.

Камилл и Бренн.

После семимесячной осады и у осажденных, и у осаждавших наступил голод, а среди галлов открылась зараза. Вследствие этого обе стороны были склонны вступить в переговоры. Бренн согласился удалиться со своим войском за тысячу фунтов золота. При взвешивании собранного с трудом золота галлы употребили неверные весы; римляне хотели этому воспротивиться. Но Бренн, бросив свой меч на чашу весов, воскликнул: «Горе побежденным» (*vae victis*). В эту минуту явился со своим войском Камилл, объявил договор недействительным, прогнал галлов из города и разбил их в большом сражении в восьми милях от Рима. Камилл совершил торжественный въезд в разрушенный город, причем ликовавшие воины называли его «отцом отечества» и

«вторым Ромулом». Разрушенный город отстроился очень быстро и неправильно, но исторические памятники и документы, за исключением уцелевших случайно, пропали безвозвратно.

Прозвание второго Ромула Камилл заслужил еще и в другом смысле. Теперь, когда Рим превращен был в груды пепла, прежнее желание народа переселиться в Вейи воскресло с новой силой, и вопрос об этом переселении был поднят самими трибунами, которые надеялись при этом покончить с постоянно повторявшимися и утомлявшими спорами с притязательными патрициями из-за раздела земельных угодий и основать в плодородной Вейентинской области свободную общину на новых началах. Тогда Камилл воспротивился этому всеми силами, умолял народ не оставлять храмов и алтарей богов и напомнил ему о выгодном расположении Рима. Народ согласился с его доводами. Глас богов вполне утвердил народ в таком решении. Произошло это следующим образом. В то самое время, когда сенат рассуждал еще о переселении, на форуме внезапно показался отряд воинов, и начальник их воскликнул: «Стойте! останемся здесь». Заседавшие в куриях сенаторы приняли эти слова за хорошее предзнаменование (*bonum omen*) и за указание богов. Народ уважил это толкование, и все принялись за восстановление города¹.

9. Манлий Капитолин. Борьба за государственные должности. Законы Лициния (385—366 гг. до Р. Х.)

С удалением галлов для римлян и в особенности для плебеев настали мрачные времена. Всюду, где прошли варвары, все было разрушено и разграблено. Наступило поистине невыносимо бедственное положение. Не было самого необходимого: ни хлеба, ни овощей, ни скота, ни жилищ, а главное — семян для посевов. Плебеи были не в состоянии приобрести все это своими собственными средствами. Им ничего не оставалось другого, как забирать все это в долг у патрициев. Но при этом всякий должник, в силу все еще существовавшего сурового долгового права, должен был приготовиться к самому безжалостному обращению с собой.

¹ История вторжения галлов, составленная Ливием по написанной в греческом духе летописи Фабия Пиктора, изукрашена романтическими вымыслами. Все подробности измышлены к прославлению Камилла. Рассказ о спасении Капитолия гусями и храбростью Манлия равным образом относится к области мифа. Поэтому действительными историческими событиями остаются только вторжение галлов, поражение римлян на Аллии, разрушение города и неудавшаяся осада Капитолия. Точно также приводимый Ливием ряд следующих между 307 и 349 гг. до Р. Х. походов против галлов, причем в первом из них еще раз победоносно выступает престарелый Камилл, а во втором юный Тит Манлий убивает в единоборстве одного исполина-галла, завладевает его золотым ожерельем (*torques*), за что и получает прозвание Торквата, — принадлежит к области вымысла.

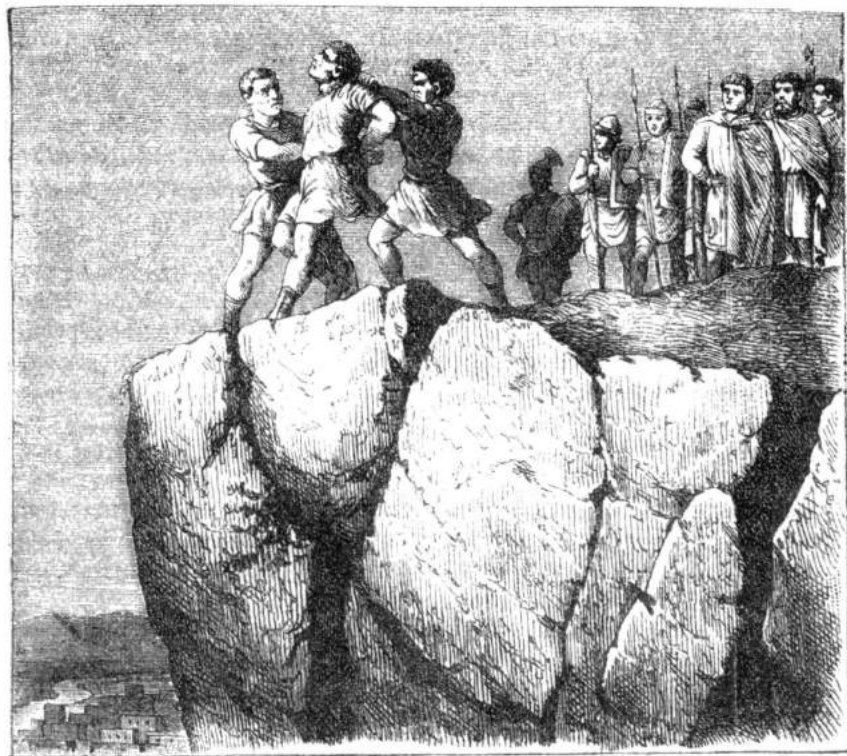
В таком бедственном положении над народом сжалился М. Манлий Капитолий. Он продал свой земельный участок, доставшийся ему в Вейентинской области, и выкупил из кабалы 400 бедных плебеев. Одного из отрядных начальников, который должен был лишиться свободы за долги, он выкупил сам, заплатив за него собственные свои деньги. Можно было даже с уверенностью предположить, что Манлий потребует облегчения, а может быть, и прямого погашения долгов посредством уплаты их из денег, выручаемых от продажи общественных земель (*ager publicus*). Вследствие этого он сделался любимцем плебеев и страшным для своих сословных сотоварищей.

За дружественные стремления к народу Манлия, как и предшественников его Сп. Кассия и Сп. Мелия, постигла месть патрициев. В их глазах Манлий был изменником их сословным преимуществам, за что и заслуживал смерть. Он был обвинен диктатором Авлом Корнелием Коссом в государственной измене и заключен в темницу. Но из-за угрожающего положения народа его пришлось выпустить на свободу, после чего он еще больше восстановил народ против патрициев. Когда же Манлия снова обвинили в стремлении к царской власти, то ввиду того, что при первом разбирательстве дела народ, при взгляде на спасенный им Капитолий, не решился признать Манлия виновным, это собрание было распущено, и для нового суда народ был созван в такое место, откуда нельзя было видеть Капитолий. Более достоверным, конечно, следует признать то, что ввиду невозможности осуждения Манлия в центуриатских комициях он был привлечен к суду патрицианских куриатских комиций и приговорен здесь к смерти. Затем Манлий был сброшен с Тарпейской скалы, а дом его, находившийся на Капитолии, был срыт до основания.

Едва М. Манлий пал жертвой судебного приговора, состоявшегося благодаря проискам его сословных сотоварищей, как снова начались стремления к материальному отягощению плебеев. Но стремления эти кончились тем, что привели к совершенно противоположному результату — к полному уравниению обоих сословий.

В 376 году два единомыслящих народных трибуна К. Лициний Столон и Л. Секстий выступили с предложениями (*rogationes*), направленными к решительному уничтожению вопиющей несоответственности в правах патрициев и плебеев. То были следующие три предложения. Первое предложение было направлено к временному облегчению долговых обязательств и к уничтожению кабалы за долги. В силу этого предложения *должники обязаны были вернуть лишь полученный взаймы капитал за вычетом уплаченных уже процентов; оставшая же часть капитала должна была быть выплачена поровну в течение трех лет*. Второе предложение имело в виду исправление зла в самом его корне. Ибо где же следовало искать истинную причину непосильного обременения плебеев долгами, как не в недостатке свободной земельной собственности? Находившегося в зависимости, обложенного податями земледельца надлежало обратить в свободного

собственника земли. К достижению этого и было направлено второе предложение, по которому ни один гражданин не мог иметь в своем владении более 500 югеров (125 десятин) общественной земли. Таким образом получалась возможность создать большее число свободных земельных собственников, а излишнюю землю разделить между бедными плебеями. В силу третьего предложения отменялась существовавшая еще должность военных трибунов с консульской властью и восстано-

Свержение с Тарпейской скалы.

лялось прежнее консульское звание с важным прибавлением, что один из консулов непременно должен быть из плебеев.

Патриции употребили все средства хитрости и насилия, к которым они не раз уже успешно прибегали, чтобы воспрепятствовать осуществлению этих реформ. Они сумели даже привлечь на свою сторону некоторых из 10 трибунов, которые, убежденные их возражениями (*intercessio*), старались уничтожить планы Лициния и Секстия. Но, с другой стороны, в среде самой аристократии, по примеру Сп. Кассия и Манлия, в противоположность упорно стоявшей за старину консервативной партии образовалась партия либеральная, которая стремилась к улучшению и усовершенствованию существовавшего порядка вещей.

Поддерживаемое этими друзьями плебеев упорство народной партии после десятилетней борьбы, как и следовало ожидать, восторжествовало. Патриции вынуждены были уступить, и предложения Лициния и Секстия, принятые трибуционными комициями, были утверждены сенатом. Когда наступил срок выбора консулов, то Л. Секстий *был первым консулом, избранным из плебеев* (в 366 г. до Р. Х.).

Когда патрициям пришлось в конце концов поступиться столь упорно отстаиваемым ими консульством, то они постарались спасти хотя то, что могло еще быть спасено. Им удалось отделить от консульского звания одно существенное преимущество — судебную власть и возложить ее на вновь учрежденного сановника — претора, на должность которого избирались исключительно патриции. Двум эдилам из плебеев были также противопоставлены два эдила, избиравшиеся равным образом только из патрициев и названные курульниками (потому что они, как и все высшие сановники, восседали на на sella curulis). Они заведывали полицейской частью, общественными зданиями, следили за порядком на улицах и площадях и за правильностью происходивших на них торговых сделок. Позднее устройство праздничных игр также перешло к курульным эдилам, обязанным все расходы по ним принимать на свой счет. Это доставляло им расположение народа и доступ к преторству и консульству. Теперь постепенно все должно было склониться перед делавшимися все смелее и смелее народными трибунами. Уже в 356 году был выбран из плебеев диктатор К. Марций Рутил; в 351 году плебеи получили доступ к цензорству, в 337-м к преторству и наконец в 300-м, в силу lex Ogulnia, к занятию жреческих должностей. В 326 году суровые долговые законы были уничтожены; долговые обязательства не могли больше распространяться на личность, жизнь и свободу должника.

Таким образом, борьба патрициев с плебеями закончилась наконец полным их политическим равноправием. В воспоминание об этом был воздвигнут храм Конкордии (Согласия). Благодаря окончанию внутренних смут был приобретен избыток свежих сил. Ничем не разделяемые и не раздробляемые, они должны были действовать с удвоенной силой. Настала пора, когда Рим, достигший внутреннего спокойствия, получил возможность выступить из непосредственно окружавших его границ и отважиться сделать первый шаг к распространению своего владычества над Италией. Это случилось во время Самнитских войн.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД
(от Александра до Августа)

ОБЗОР

Эпоха начинается новой, жестокой, всеобщей войной. Разрозненные составные части исполинского Македонского царства ведут между собой продолжительную кровопролитную борьбу. Наконец громадное наследство Александра распадается на несколько меньших государств. Образуются царство сирийское, новое царство египетское, новое македонское и множество других новых государств, в особенности в Малой Азии. Так как основателями их являются греки, то они распространяют греческое мировоззрение и греческие искусства в значительной части Востока, изнемогшего под продолжительным гнетом деспотизма, и эти прекрасные страны озаряются новым светом просвещения.

Распад Греции продолжается; лишь время от времени мелкие враждебные между собой государства соединяются на общее дело, как например во время Ламийской войны после смерти Александра, а позднее для образования Ахейского союза.

Но прежние доблести — любовь к родине, беззаветная храбрость, добрые нравы и религиозность исчезли из Греции совершенно и навсегда. Таким образом греки становятся под конец добычей всепоглощающих римлян. То же самое происходит с греками в Сицилии и Нижней Италии.

Рим, который, как мы видели, непрерывно воевал в течение почти 400 лет со своими соседями, но не имел еще возможности расширить свои владения за пределы незначительного Лациума и в вознаграждение после своих побед приобретал лишь рабов и стада, теперь стремится к распространению своего владычества и направляет беспокойнейшую часть граждан к трудным завоевательным войнам. Пятидесятилетняя борьба с самнитами оканчивается присоединением этого храброго народа к римскому союзу. Наконец окончательно и вполне покорена и Этрурия. Увеличившееся через это число воинственных граждан требует еще более значительных предприятий. И вот начинаются нападения и на более отдаленных соседей.

Война с Тарентом и Пирром после понесенного вначале поражения оканчивается победой Рима над греко-македонским военным искусством Пирра. У греков Нижней Италии и их союзников римляне научаются новым искусствам, даже военному, заимствуют науки и хотя и более утонченные, но далеко не лучшие нравы. В 267 г. до Р. Х. окончательно покорена вся Италия. Теперь Сицилия делается яблоком раздора между Римом и Карфагеном. После двух страшных войн сильная соперница уничтожена, и более нигде уже не представ-

ляется равносильного противника. Открытая борьба теперь заменяется коварной и в то же время грубой системой вмешательства в чужие дела. Кто отклоняет непрощенное посредничество, тот тем самым становится врагом римского народа. Таким образом все слабые государства делаются друзьями, то есть зависимыми слугами, а все сильные — противниками, и никогда не было недостатка к поводам войны с такими, и ко времени Августа почти все страны от Атлантического моря до Евфрата и от Сахары до Северного моря подчинились владычеству над всем миром Риму.

Что значат восьмилетние завоевания Александра или тридцатилетние Кира перед этой продолжающейся почти целое тысячелетие и веденной по определенному плану завоевательной системой необыкновенного народа, в котором никогда не переводятся великие полководцы, потому что одни только военные заслуги открывали дорогу к высшим почетным должностям! Но не исключительно страсть к войне беспокойных правителей заставляла этот народ выступать в поле, а нередко вынуждала его и внутренняя необходимость непрерывно воспринимать в себя извне новые жизненные силы. И дряхлость главы государства не могла даже временно задержать их завоевательных войн, так как этот глава сменялся ежегодно, и каждый из них старался лишь о том, чтобы ознаменовать краткое время своего правления каким-нибудь славным предприятием.

Но несмотря на это блестящее внешнее развитие, Римская республика страдала от значительных внутренних неурядиц. Вопиющая несообразность между богатым и нищим классами, переполнение народонаселения столицы стекавшимися в нее массами самых беспокойных элементов, все более и более возрастающее стремление к роскоши и безнравственность, честолюбие и эгоизм предводителей породили потрясающие катастрофы — г р а ж д а н с к и е в о й н ы. Начались беспорядки. Не отечество, не воля всего народа и общее благо, а интересы партий и отдельных лиц сделались главной целью государственной деятельности. Республика лишилась жизнеспособности. Ее наследовала монархия. Эта перемена формы государственного правления имела последствием приостановку развития болезни. В царствование Августа Рим достигает даже своего золотого века в литературе. Но язвы государственном организме пустили настолько глубокие корни, что они не могли быть исцелены даже личными способностями государей. Продолжавшееся целое столетие одряхление привело наконец к полному разложению римского государства. В пятом веке после Р. Х. оно окончательно пало под ударами нахлынувших на него с юношеской мощью г е р м а н ц е в. На его развалинах возникли новые формы государственной жизни.

ВРЕМЕНА ДИАДОХОВ ТО ЕСТЬ ПРЕЕМНИКОВ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО (323—301 гг. до Р. Х.)

I. Битва при Краиноне. Борьба полководцев Александра Великого; сражение при Ипсе

Неожиданная кончина великого царя произвела всеобщее замешательство. Со всех сторон только и было речи о том, что будет теперь. Прямого и способного к управлению наследника престола не было, так как Александр оставил после себя лишь слабоумного сводного брата Филиппа Арридея, а Роксана родила уже после смерти Александра В. сына Александра Эга. Таким образом для смелости, интриг, честолюбия и эгоизма открывался полнейший простор.

Полководцы заботились только о том, как бы каждому из них хитростью или силой закрепить за собой какую-нибудь часть этой огромной массы земель, как наследство. Греция ликовала; она надеялась вновь возвратить себе утраченную свободу. Афиняне были преисполнены радостных надежд и воинственного настроения. Но Фокион восклицал: «Не торжествуйте слишком рано, а дождитесь прежде более верных известий!

Если он умер сегодня, то, значит, он будет мертв и завтра и послезавтра, и поэтому всегда будет время принять надлежащие меры». Несмотря на это, афиняне с триумфом вернули из изгнания Демосфена и вступили в союз с этолянами, акарянами и фессалийцами. Вначале все шло счастливо. Способный афинский полководец Л е о с ф е н разбил Антипатра и запер его в Л а м и и, почему и война эта получила название Ламийской. Вследствие наступившего голода Антипатр видел себя вынужденным вступить в переговоры, а гордые афиняне потребовали безусловной покорности.

*Филипп Арридей I.
Из святилища в Карнаке.*

Но в это время случилось несчастье, которое послужило самым недобрым предзнаменованием: Леосфен пал, пораженный насмерть камнем, брошенным из праща во время вылазки осажденного гарнизона. Под предводительством его преемника Антифила, греки, однако, отбили нападение Леонната, который привел между тем на помощь к осажденным 2000 македонян, и Леоннат потерял при этом сражение и был убит. Но в это время приближался с ветеранами Кратер. При Кранноне произошла решительная битва (в 322 г.); уступавшая в численности эллинская пехота не выдержала натиска македонской фаланги и была разбита. Большая часть побежденных государств тотчас же отправила к Антипатру послов, желая окончить возникшую между ними распрю полюбовным соглашением. Хитрый Антипатр отвечал, что он не намерен заключать общего мира и что каждое государство должно прислать к нему особого уполномоченного. Некоторое время союзники противились этому. Но когда фессалийские города покорились один за другим, то остальные пришли в ужас, и каждый из них отдельно просил о мире. Он был дарован им всем, за исключением афинян и этолян, продолжавших военные действия до последней возможности.

Скоро Антипатр стоял в Фивах и угрожал Афинам. Из Афин были отправлены к Антипатру послы для переговоров о мире. Он потребовал безусловной сдачи города, и афиняне должны были согласиться на это требование. Афиняне принуждены были к уплате военных издержек и денежной пени, у них было введено олигархическое правление с Фокионом во главе, преданное македонянам; 1200 беднейших жителей были лишены своих политических прав и переселены во Фракию; гавань же и укрепление Мунихия были заняты македонским гарнизоном.

Ораторам, и прежде всех Демосфену и Гипериду, пришлось испытать на себе мщение Антипатра. Чтобы избегнуть выдачи, они бежали, но были преследуемы и схвачены Архием, который был прежде актером, а в это время начальником македонского полицейского отряда. Архий доставил их в Клеонию, в македонский стан, где все они и были преданы мучительной смерти. Гипериду был вырезан язык. Демосфен искал спасения в храме Посейдона на острове Калаврии. Там настигли его преследователи. Архий уговаривал его сначала последовать за ним добровольно; когда же это не подействовало, то стал грозить гневом Антипатра. Демосфен произнес: «Теперь только слышу я речь македонского оракула, прежде то были слова актера». Затем он высосал скрытый в его тростниковом пере (стиле) яд и упал мертвый у алтаря.

Только Фокиону удалось приобрести уважение Антипатра. Но собственные сограждане Фокиона осудили его на смерть. Достоинный старец был обвинен в измене отечеству и вместе со своими друзьями присужден выпить чашу с ядом. Судьи были так враждебно настроены, что не хотели слушать ни о какой защите. Один из осужденных был неутешен. «О, — сказал Фокион спокойно, — разве тебе не приятно, что

ты умрешь вместе с Фокионом?» Когда его спросили в темнице, не имеет ли он еще что-нибудь передать своему сыну, то произнес: «Да, я запрещаю мстить за меня афинянам».

Пока Пердикка, которому Александр, умирая, передал свой перстень с печатью, исправлял должность правителя (323—321), единство государства кое-как еще поддерживалось. Полководцев удовлетворили на некоторое время раздачей наместничеств. Таким образом получили: Антипатр — Македонию, Кратер — Грецию, Птоломей — Египет и Ливию, Антигон — Намфилию, Киликию и Великую Фригию, Лизимах — Фракию, тайный секретарь и полководец Эвмен — Каппадокию и Пафлагонию. Но скоро Пердикка оказался остальным слишком могущественным. Антигон, Птоломей и Антипатр соединились против него, и Пердикка во время похода в Египет был убит подосланными убийцами. Он был умирщвлен в стане под Мемфисом, в своей палатке, несколькими своими всадниками.

На следующий день Птоломей явился в стан, дружески приветствовал македонян, извинился за свое поведение и щедро снабдил съестными припасами сильно уже голодавших воинов. Войско провозгласило его правителем государства.

Однако он благоразумно предпочел беспорное обладание Египтом ненадежному и в то же время возбуждавшему сильную зависть званию правителя государства. Сан этот передан был теперь Антипатру (в 321 г.), который исправлял эту должность до своей смерти (в 315 г.). Но назначение Антипатром своим преемником старого полководца Полисперхона повело к совершенному распадению государственного единства. Собственный сын Антипатра Кассандр восстал против него и соединился с

*Александр II.
Из святилища в Луксоре.*

Птоломеем и Антигоном. Последовал целый ряд самых кровавых сцен, и наступил страшнейший беспорядок. По наущению Кассандра все царское семейство за то, что держало сторону Полисперхона, было постепенно истреблено. Олимпиада также попала в руки Кассандра. С уцелевшими членами царской семьи она бросилась было искать спасения в хорошо укрепленной Пидне. Кассандр осадил ее там и принудил голодом к сдаче. Несмотря на обещанную безопасность, он коварно умертвил ее подобно тому, как впоследствии (в 311 году) умертвил Роксану и (в 317 году) малолетнего сына ее Александра.

Теперь Кассандр захватил твердой рукой бразды правления Македонии и прошел Грецию, чтобы истребить последние остатки приверженцев Полисперхона. Афины еще до этого заключили мир с Кассанд-

ром. Кассандр согласился на мир с ними на следующих умеренных условиях: афиняне сохраняли все свои права и имущество; всякий гражданин, имевший не менее десяти мин (242 рублей), принимал участие в управлении государством, и один из них, которого Кассандр почитал способным к такому управлению, должен был, в качестве представителя города, быть ответственным за все лицом. На эту должность

*Антигон I.
С античной серебряной монеты.*

Кассандр избрал некоего Димитрия Фалерийского, то есть из города Фалера. Афиняне были им вполне довольны. Мунихия должна была быть занята македонским гарнизоном, который состоял на службе у Кассандра, но содержался за счет Афин.

Что касается двух союзников Кассандра, то один из них, Птоломей, втихомолку собирал в это время свои силы, а Антигон начал истребительную войну против царского войска в Азии, последней опоры царского дома. Храбрый предводитель этого войска,

Эвмен, вместе со своими союзниками нанес несколько поражений Антигону, но в новой битве (в 316 году) был покинут собственными своими воинами. В то время, когда он с ветеранами Александра, вооруженными серебряными щитами (аргираспидами) прорвался сквозь неприятельский центр, конница его была отброшена назад, а стан его, с женами и детьми аргираспидов, сокровищами главного военачальника и всем войсковым имуществом, был захвачен конницей Антигона и сделан добычей неприятеля. Тогда 3000 аргираспидов тайно

*Птоломей I.
С античного медного бюста.*

уведомили Антигона, что они готовы выдать ему Эвмена, если им будут возвращены их жены и имущество. Антигон согласился на это предложение и приказал выданного ему и скованного Эвмена свергнуть в темницу.

Войско Эвмена большей частью перешло на сторону Антигона, который уже считал себя теперь властителем всей Азии. Из вождей Эвмена он приказал умертвить Антигена, Эддема и Пифона. Селевк, которому он угрожал не только отнятием его вавилонского наместничества, но и лишением самой жизни, бежал в Египет к Птолемею и соединился с ним для общей борьбы с Антигоном. К ним присоединились Асандр, наместник Карики, Лизимах Фракийский и Кассандр Македонский. Все они к этому времени, пока

престарелый Полисперхон с остатками своих войск скрывался в Пелопоннесе, значительно увеличили свои владения новыми завоеваниями. Эти пять полководцев отправили к Антигону посольство, которое предложило установить соглашение на следующих условиях: Птоломей удерживает за собой Сирию и Финикию, Кассандр — Македонию

и страны, управлявшиеся до того времени Полисперхоном, Асандр — Каппадокию и Ликию, Лизимах — Фригию, Селевк снова восстанавливается в своем вавилонском наместничестве; кроме того, Антигон обаялся разделить с ними сокровища, захваченные им в добычу в передней Азии.

Антигон не согласился на эти условия и потребовал, чтобы его признали правителем государства. В то же время он вторгнулся в Сирию и Финикию, отнял у Птолемея обе эти области и принудил Асандра, наместника Карийского, к покорности.

Но поражение, нанесенное Птолемею сыну Антигона — Димитрию в битве при Газе (в 312 году), снова вырвало из рук Антигона эти завоевания. Птолемея отнял у него Сирию и Финикию, а Селевк, поддержанный присланным от Птолемея отрядом в 1000 человек, пошел на Вавилон и завоевал все наместничество. Вавилоняне, помня четырехлетнее кроткое управление Селевка, встретили его с любовью. Дальнейшие победы доставили Селевку обладание значительными государствами Сузианой и Мидией, и этот полководец, который незадолго перед тем искал спасения в бегстве, мог теперь помериться с Антигоном в своем могуществе.

Имея в тылу такого врага, Антигон увидел себя вынужденным войти в соглашение с остальными своими противниками. Эти последние предъявили умеренные условия, пожертвовали Асандром и Селевком, признали Антигона властителем Азии и потребовали лишь утверждения за собой своих владений. Лизимах удержал Фракию, Птолемея — Египет и завоеванные им страны, Кассандр — Македонию до совершеннолетия юного Александра; греческие же государства должны были оставаться независимыми и быть свободными от гарнизонов Кассандра. Таким образом (в 311 году) состоялся мир, но лишь на короткое время.

Кассандр, сочетавшийся браком с младшей сестрой Александра Великого, Фессалоникой, чувствовал себя крайне стесненным, пока был жив сын Александра Великого. По приказанию Кассандра наместник Амфиполя, которому поручен был надзор за царицей Роксаной и ее сыном, тайно умертвил их обоих и похоронил (в 311 году до Р. Х.) Несколько лет спустя Кассандр заключил мир с престарелым Полисперхоном с тайным условием, чтобы Полисперхон устранил при помощи яда и 17-летнего Геркулеса сына Александра от Барсины (в 309 году). Совершив это злодеяние, Полисперхон сошел с политической сцены и жил в поместьях, предоставленных ему в Этолии и Эпире. Старшая сестра Александра Великого, вдовствовавшая царица Эпирская Клеопатра, которая проживала около 14 лет в Сардах и руки которой стал домогаться Птолемея, по приказанию Антигона была умерщвлена своими собственными служанками. После этого Антигон приказал убить и служанок, а тело царицы похоронить с необыкновенным великолепием.

Теперь возгорелась борьба между Антигоном и Птоломеем. Арена ее была перенесена в Грецию. Антигон послал туда с флотом своего сына Димитрия Полиоркета, то есть покорителя городов. Отважный юноша, в котором горел дух Алкивиада, своими новыми изобретениями в постройке кораблей и в устройстве осадных машин вознес военное и кораблестроительное искусства своего времени на никогда невиданную еще до тех пор высоту. В этом отношении он настолько превзошел остальные народы, что сам разбил и уничтожил (в 306 году) в морском сражении близ берегов Кипра господствовавший до того времени на Средиземном море флот Птолемея. Грек Аристодем, посланный с известием об этой блестящей победе в Азию к отцу юного героя, начал свою речь словами: «Поздравляю, царь Антигон!» Это обращение заслужило такое всеобщее одобрение, что Антигон с этого времени требовал его от всех и на первом же письме к сыну надписал: «царю Димитрию». Следуя его примеру, Птоломей, Лизимах, Селевк и Кассандр также приняли царский титул.

*Димитрий Полиоркет.
С античного бюста.*

Димитрий вытеснил из Афин назначенного Кассандром в этот город правителем Димитрия Фалерийского и под видом восстановления в этом городе демократического правления стал управлять по своему произволу, а вскоре после этого задумал уничтожить Кассандра. Как некогда Филипп и Александр, он созвал греков в Коринф и заставил провозгласить себя их главным предводителем против Македонии. С войском в 56 000 человек он вступил в Фессалию. Кассандр обратился к Азии с мирными предложениями. Но восьмидесятилетний Антигон приказал ему ответить, что пока он сам не сдастся безусловно и не сдаст своих земель, о мире не может быть и речи.

Остальные цари сочли, что ответ этот должен относиться и к ним. Вследствие этого Птоломей, Селевк и Лизимах заключили союз против Антигона и сына его Димитрия. Лизимах прежде всего вторгнулся из Фракии в Малую Азию. Сюда же явился Селевк с более чем 100 боевыми колесницами и с еще несслыханным до тех пор числом — 480 слонов. Соединившись, они дали Антигону и Димитрию при

*Лизимах.
С античной медали.*

Ипсе, во Фригии, сражение, в котором, благодаря превосходству в слонах, одержали победу. Антигон пал, а Димитрий с остатками разбитого войска, состоявшими лишь из 4000 всадников и 5000 пехоты, спасся на морском берегу (в 301 году до Р. Х.).

Таким образом самый гордый и могущественнейший из преемников Александра был

уничтожен, сын его, вознесенный в Афинах в степень бога, был беглецом, а азиатское царство сделалось добычей обоих победителей, которые поделили его между собой, нисколько не заботясь при этом об отсутствующих своих союзниках. Лизимах удержал за собой всю Малую Азию, а Селевк все страны по ту сторону Тавра, вплоть до Инда, вместе с Сирией и Финикией. Нечего и говорить, что вражда между образовавшимися теперь пятью царствами не прекращалась, и было бы слишком долго останавливаться на подробном изложении возникших в это время раздоров. После многих неурядиц остались три могущественных государства: Египет под управлением Птолемея, Македония под властью Антигонов (преемников Антигона Гоната, одного из сыновей Димитрия Полиоркета) и Сирия под управлением Селевкидов. Рядом с ними образовались еще меньшие, второстепенные и третьестепенные государства: Вифиния, Пергам, Понт, Армения, Каппадокия и т. д., которые вследствие своей незначительности вынуждены были прибегать к покровительству то одной, то другой могущественной державы с тем, чтобы впоследствии сделаться верной добычей всепоглощавших римлян. В таком же несамостоятельном положении находились и греческие города, оставались ли они разьединенными или соединялись в союзы.

*Селевк.
С античной
золотой монеты.*

2. Димитрий Полиоркет

Дух тогдашнего времени и расстроенное состояние Греции вполне отразились в характере и истории жизни Димитрия Полиоркета. Димитрий Полиоркет был смел до дерзости, пылок до безрассудства, полон самых горделивых замыслов. Вместе с тем он отличался сообразительностью и остроумием, необыкновенной привлекательностью и изысканным образованием и в то же время был человек развратный, капризный, менявший ежеминутно свои решения. История его жизни полна самых невероятных приключений.

Как было упомянуто уже выше, Димитрий Полиоркет 22-летним юношей в первый раз отцом своим Антигоном был послан с войском против напавшего на Сирию Птолемея Египетского. Первый опыт на военном поприще был неудачен, и в сражении при Газе (в 312 году до Р. Х.) Димитрий Полиоркет потерял 13 000 человек и весь обоз, из которого Птоломей возвратил лично принадлежавшее ему имущество и всю захваченную военную казну со следующим объяснением: он не питает личной вражды ни против него, ни против его отца, но борется

лишь за свое право участвовать в добыче, которая составляет общую собственность всех противников Пердикки.

Димитрий был пристыжен, но не потерял мужества. Он упросил отца позволить ему еще раз напасть на неприятеля. Получив разрешение, он напал на одного из полководцев Птоломея, совершенно разбил его при Мии, захватил весь его стан и взял в плен его самого с 7000 воинов. Теперь Димитрий, со своей стороны, выказал великодушие перед Птоломеем, возвратив ему его полководца и друзей последнего без выкупа и щедро одарив их при этом подарками.

В это время Греция изнемогала под тяжким игом Кассандра. Димитрий пожелал прославиться освобождением ее. С флотом своего отца он направился к афинской гавани, овладел городом и принудил македонский гарнизон вместе с Димитрием Фалерийским к отступлению. Афиняне осыпали его необычайными почестями. Они провозгласили Димитрия Полиоркета и его отца «богами покровителями» своего города, воздвигли им алтари, а скульпторы соперничали между собой в изображении их в статуях в виде богов.

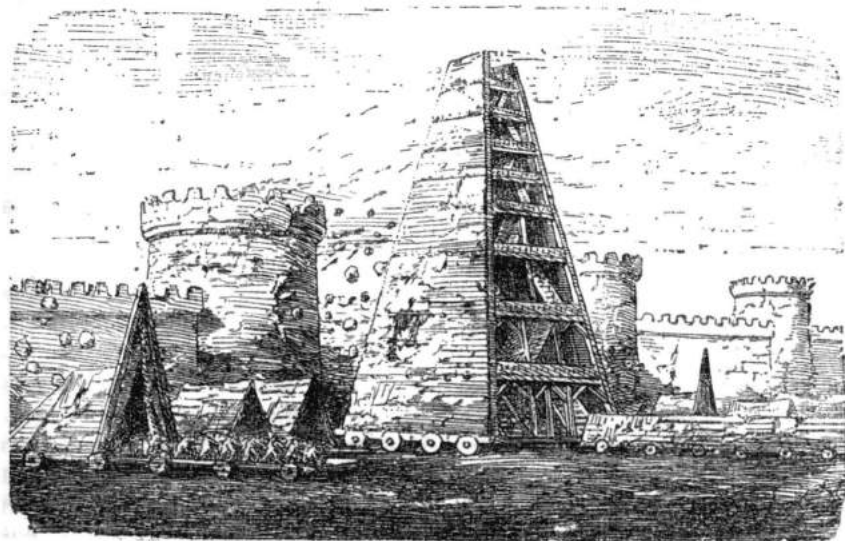
Упоенный столь щедро расточаемым фимиамом, юный герой предался всем позволительным и непозволительным наслаждениям. Когда он в 306 году был вызван своим отцом в Малую Азию, Кассандр овладел городом Халкидой на острове Эвбее, чтобы отсюда вновь покорить себе Грецию. Тогда афиняне опять призвали на помощь Димитрия. Он явился перед Халкидой, принудил Кассандра к отступлению, а город к сдаче. Затем Димитрий вторично вступил в Афины. Народ постановил предоставить ему для жительства часть храма Афины, ибо никакой дворец не был достоин его божественной особы; его начали вопрошать о будущем, как божественное прорицалище, воздвигли ему алтари и решились, что все, что он будет делать, должно почитаться как богами, так и людьми священным и нереложным. Димитрий вступил в храм и в упоении своим счастьем обратил его в жилище воздержности и сладострастия.

Затем Димитрий предпринял поход в Пелопоннес, очистил эту область от всех неприятельских войск и вновь даровал городам свободу. За это на Истмийских играх он был провозглашен верховным вождем Греции. Его закружившаяся голова не была в состоянии перенести столько славы; в безумных поступках, в надменности и распутстве он далеко оставил за собой всех своих предшественников.

Но вырваться из омута удовольствий и, в случае надобности, обратиться в самого закаленного воина не представляло для Димитрия ни малейшего затруднения. Он был вполне полководец и воодушевлял своих воинов невероятным рвением. В особенности был он остроумен в изобретении огромных и в то же время очень подвижных кораблей и осадных машин, которые возбуждали удивление даже его врагов и преимущественно доставили ему прозвание Полиоркета, то есть покорителя городов.

Быстро поднялся Димитрий, когда союзники, Лизимах и Селевк, задумали изгнать престарелого Антигона из его царства. Он соединился с войском своего отца и проиграл с ним решительное сражение при Ипсе, во Фригии (в 301 году). Тогда Димитрий возложил свои надежды на флот и на афинян. Но афиняне послали навстречу Димитрию послов с извещением, что они желают остаться нейтральными и поэтому отправили уже его супругу и двор в Мегару.

Чтобы обеспечить содержание войска, Димитрий отплыл тогда к Херсонесу и опустошил принадлежавшие Лизимаху области. Вскоре затем новый царь Сирии, Селевк, не доверявший более Птоломею и

Осадные машины Димитрия Полиоркета.

Лизимаху, стал искать союза с Димитрием. Он сделал предложение его молодой дочери Стратонике и женился на ней в Антиохии, причем оба давних противника во время брачного торжества примирились.

Затеи Димитрий отплыл с флотом к Афинам, защищаемым тираном Лахаритом, и после продолжительной осады принудил город голодом к сдаче. Он не только не стал мстить афинянам за неверность, но подарил им множество съестных припасов. Отсюда Димитрий отправился в Спарту, разбил спартанцев и замыслил основать для себя греческое царство.

В это время (в 297 году до Р. Х.) умер Кассандр. Смерть его послужила сигналом к большим замешательствам. Старший сын его Антипатр умертвил свою мать Фессалонику за то, что она предпочитала ему брата Александра. Александр призвал к себе на помощь царя эпирского Пирра и Димитрия. Пирр явился первый и убедил братьев полюбовно разде-

лить царство между собой. Когда прибыл Димитрий со своими войсками, то Александр старался склонить его удалиться и сопровождал его до Лариссы. Но так как из недоверия к Димитрию Александр задумал отделаться от него, то Димитрий приказал изрубить его во время одного пиршества. Македоняне тотчас же провозгласили Димитрия царем на место Александра. После этого Антипатр бежал к тестю своему Лизимаху, а Димитрий был всеми признан царем Македонии (в 294 году).

Утвердив свое господство в Греции и после несчастливой войны с Пирром, он сделал громадные приготовления для похода в Азию с целью завоевать ее. Его старинные противники Селевк, Птоломей и Лизимах, узнав об этом, заключили между собой союз, к которому присоединился и Пирр. Лизимах вторгся в Македонию с востока, а Пирр с запада, египетский же флот старался отторгнуть от него Грецию. Димитрий обратился сначала против Лизимаха, а затем против Пирра, своих опаснейших противников. Но македоняне, недовольные образом его жизни, с восточной роскошью, и деспотическим правлением, *передались* Пирру и провозгласили его своим царем. Димитрий бежал с немногими оставшимися ему верными в лагерь своего сына Антигона Гоната. Его царство разделили между собой Пирр и Лизимах. Димитрий никогда больше не возвращался в него (287 г. до Р. X.).

Собрав в Греции войско и флот, Димитрий отправился с ними в Азию. В Милете он вступил в брак с одной из дочерей Птолемея и затем, опустошая все на своем пути, прошел Карию и Лидию, намереваясь основать для себя царство в Азии. Но сын Лизимаха — Агафокл выступил ему навстречу и, разбив его в нескольких сражениях, преследовал до Тарса в Киликии. Тогда Димитрий обратился с просьбой о помощи к зятю своему Селевку. Селевк убедил Агафокла отступить, за что Димитрий заплатил тем, что снова совершил опустошительный поход и произвел ночное нападение на стан Селевка. Но Селевк, вовремя извещенный о таком намерении, успел подготовиться к отпору. Войска Димитрия по приглашению Селевка перешли на его сторону, и Димитрий, бежавший в лесистые горы и окруженный со всех сторон, должен был сдаться. Селевк обошелся с ним великодушно: он назначил ему местом жительства город Апамаю в Сирии, разрешил пользоваться всеми удовольствиями, но приказал наблюдать за ним строжайшим образом. Димитрий проводил свое время в охоте, играх и пьянстве и умер в третий год своего заточения, на 54-м году своей беспокойной жизни (в 284 г.).

3. Египет под властью Птоломеев (323—30 гг. до Р. X.)

Через год после Димитрия умер царь Египетский Птоломей I Лаг, то есть сын Лага. Он носил название Сотера, то есть избавителя. Родосцы даровали ему этот почетный титул в благодарность за защиту

их города от Димитрия Полиоркета, который старался овладеть им при помощи всевозможного рода осадных машин.

Птоломей возвысил Александрию до степени столицы Египта, построил в квартале его Брухейе царский дворец, покровительствовал торговле и ремеслам, создал флот и войско, проложил дороги, соорудил гавани и каналы. Сыну своему Птоломее II Филадельфу (282—247) он оставил царство в цветущем состоянии.

В царствование Птолемея II Александрия еще более, чем при его отце, возвысилась и обратилась в главный центр греческих наук и искусства. Он докончил начатый постройкой отцом его музеем, здание для ученых, где они пользовались помещением, залами для занятий и самым почетным содержанием. Многие талантливые люди, вынужденные покинуть Грецию вследствие непрерывных в ней смут, нашли здесь покровительство и почетный прием. Затем Птоломей II настолько увеличил начатую его же отцом и хранившуюся в музейоне публичную библиотеку, что она состояла из 400 000 томов, или свитков, которые заключали в себе все существовавшие в то время литературные сокровища. Надзор за ними он поручил библиотекарям. Своими критическими исследованиями они впервые восстановили в подлинном виде древние греческие творения, как например Гомера, отметили чертами недостоверные или сомнительные места, самые выдающиеся — звездочками и снабдили их историческими и другими важными объяснениями. В составленном ими же каталоге библиотекари расположили по классам различные произведения ума по их достоинству. Так например, в первый класс трагических поэтов они поместили только троих: Эсхила, Софокла и Эврипида, а в первый класс лириков внесли девятых: Алкмана, Алкея, Сафо, Стесихора, Ивика, Анакреона, Пиндара, Симонида и Баххилида. Таким образом, на основании авторитета александрийских ученых составил законченный канон классических писателей, которые затем переписывались и впоследствии, почему и сохранились до нашего времени, между тем как остальные для нас большей частью затерялись. Из числа этих критиков более всех прославились Аристарх, Зенодот и Зонл, причем последний изве-

*Птоломей II Филадельф и Арсиноя'
С античной камен.*

¹ Птоломей II по примеру древних персидских царей сочетался браком со своей сестрой Арсиноей, откуда и произошло прозвание — Филадельф (от «филос» — друг и «аде-лфос» — брат, родственник).

стен также под прозвищем Гомера Мастикса (бич Гомера) за безжалостное обращение его с текстом этого поэта. При дворе Птолемея Филадельфа жили еще дидактический поэт Арат, певец гимнов Каллимах и изящный идиллический поэт Феокрит.

*Птоломей III Эвергет.
С античной серебряной
монеты.*

Смерть этого второго Птолемея последовала в 247 году до Р. Х. Ему наследовал его сын Птоломей III Эвергет, то есть благодетель, достойный преемник обоих своих замечательных предшественников (247—221). В царствование этих трех царей Египет был богатейшим и счастливейшим государством. Постоянные военные силы, по свидетельству Алпиана, состояли из 200 000 человек пехоты, 40 000 всадников, 2000 боевых колесниц, 1500 военных кораблей и 300 слонов, а в государственном казначействе при Птолемеи II находились 740 000 египетских талантов (около 1350 миллионов рублей). Александрия была средоточием всемирной торговли, наук, искусств и всевозможной роскоши; она владычествовала на море, а Финикия, Кёлесирия, Кирена и Кипр составляли внешние провинции египетского государства. Податная система или, вернее, способ взимания налогов был обременителен для жителей. Все налоги ежегодно сдавались на откуп, и в помощь откупщикам для их взимания предоставлялась военная сила. Понятно само собой, что при этом не обходилось без жестокого грабительства. В особенности подобного рода финансовыми операциями занимались евреи, во множестве переселившиеся в Египет. При Птолемеи II налоги Египта, за исключением поставки хлебом, простирались до 14 800 талантов (более 27 миллионов рублей), но при его преемнике Эвергете, который завоевал многие области в Африке и Азии, налоги с Сирии, Финикии и с новых провинций были удвоены. Здесь можно упомянуть, что супругой этого третьего Птолемея была прекрасная Вероника. По ее прекрасным блестящим волосам, не один раз воспевавшимся поэтами, названа одна из звезд на северной части неба, и это название еще и теперь носит она на картах небесной сферы.

*Вероника.
С античной
золотой монеты.*

С четвертым Птолемеем начинается упадок государства, достигшего высшей степени цветущего состояния. Птоломей IV Филопатор (221—204) начинает собой ряд дурных правителей. Бессилие, слабоумие, распутство и жестокость, господство любимцев, кровавые распри за обладание престолом составляют содержание этого печальнейшего периода еги-

петской истории. Род Птолomeев, из которых Птолomeй VII Фискон, то есть толстобрюхий, был настоящим чудовищем, продолжался до Птолomeя XIII; ему наследовала сестра его знаменитая Клеопатра, о которой будет еще речь в римской истории.

4. Сирия при Селевкидах (301—64 гг. до Р. X.)

В состав Сирийского царства храброго Селевка I Никатора, то есть победителя, в конце его царствования входили страны от Геллеспонта до Евфрата. Последним завоеванием старого воина, который обладал такой силой, что голыми руками мог усмирить быка, было царство Лизимаха, причинившего, вследствие женских интриг, великое бедствие всему своему дому и погибшего в битве против Селевка при Корунедии (в 282 году). За Лизимаха мстителем явился Птолomeй Керавн, сын Птолomeя I. После того как отец Керавна передал правление младшему своему сыну от второй жены, Керавн покинул Египет и нашел убежище у Лизимаха. Когда Селевк семь месяцев спустя после победы своей при Корунедии вступил в Европу с целью завоевать свое отечество — Македонию, то был коварно убит Керавном (в 281 году).

В мирные годы своего правления Селевк много сделал для устройства своего громадного государства. Он сделал Сирию первенствующей областью, сам же жил в основанных им или в Антиохии на реке Оронте, в Верхней Сирии, или в Селевкии на Тигре, которая заступила место приходившего в упадок и оставленного жителями Вавилона. Селевкия насчитывала 600 000 жителей и сделалась столицей Верхней Азии.

Все царство Селевкидов было разделено еще Селевком на 72 сатрапии, но при этом не было соблюдено мудрое правило Александра: не была установлена крепкая связь сатрапий с населявшим их туземным населением, а командование войсками было отделено от гражданской правительственной власти. С самого начала Селевк стал опираться на греческо-македонский элемент и не мог при этом решиться на уравнение в правах победителей и побежденных. Вследствие этого отношения между теми и другими постоянно были натянутые и нередко происходили кровавые столкновения.

Уже при сыне Селевка, Антиохе I Сотере (281—261), из части его государств образовалось новое царство, и он не мог этому воспрепятствовать. Филетер, казначей Лизимаха, с помощью щедро оплачиваемых наемных войск, для уплаты жалованья которым он упо-

*Селевк Никатор.
С античной
золотой монеты.*

треблял богатые сокровища своего умершего повелителя, провозгласил себя независимым и утвердился в Пергаме, хорошо укрепленном городе в Мизии, и положил основание Пергамскому царству, которое приобрело себе почетное имя как средоточие греческих наук и искусств¹. Аттал I, третий из его преемников, первый принял царский титул (в 224 году). Правление третьего сирийского

*Антиох I Сотер.
С античной серебряной монеты.*

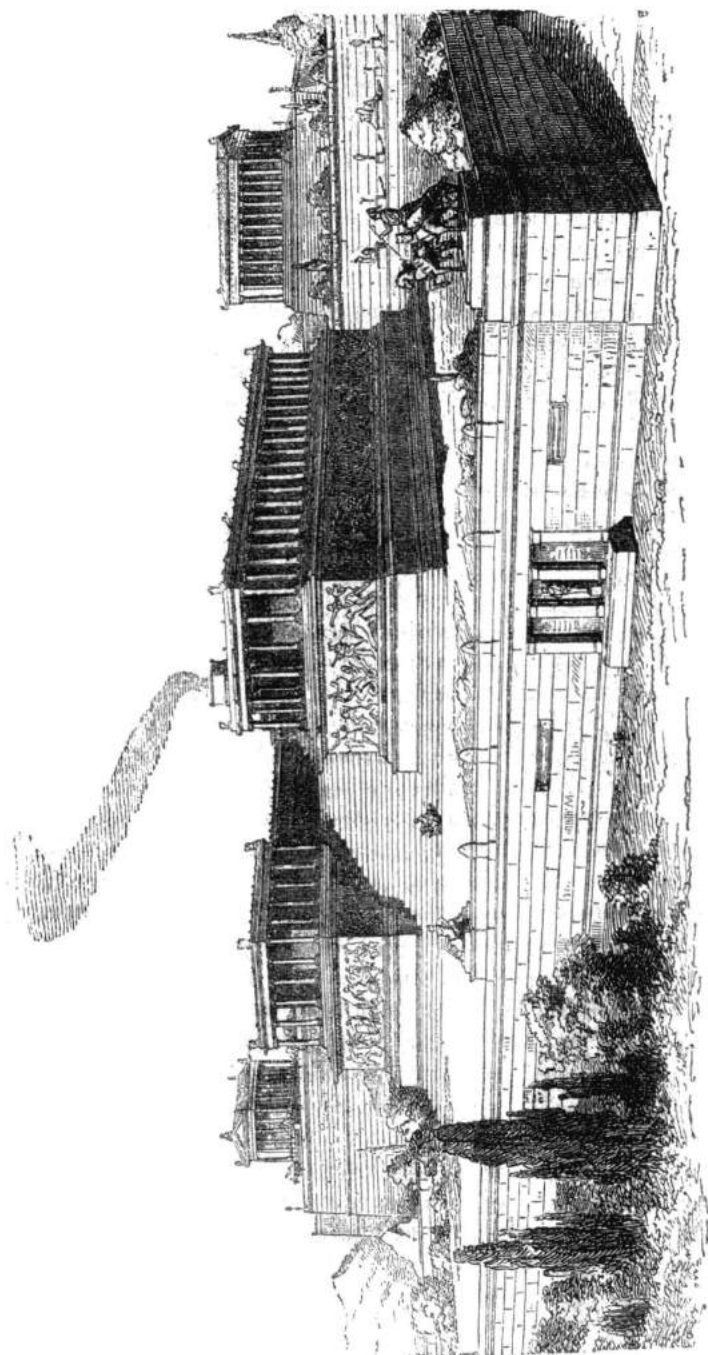
*Аттал I.
С античной серебряной монеты.*

правителя с царским титулом, Антиоха II, которого милетцы с наглой лезью прозвали «Феосом», то есть богом, за изгнание тирана их Тимарха, было правлением женщин (262—247).

В это время, когда двор утопал в постыдной роскоши, а унылый и удрученный народ изнемогал, отделились две самые могущественные сатрапии и образовали новые независимые царства — Парфянское и Бактрийское. Основателем Парфянского царства был храбрый парфянин Арсак. Он убил жестокого наместника Антиоха и прогнал из страны сирийцев и македонян (в 256 году). В оборонительной войне против сирийского царя увеличились силы и размеры Парфянского царства. Столицей его был Ктезифон. Четвертый сирийский царь, Селевк II (Калинник), пал в 227 году в сражении с пергамским царем Атталом. Шестой царь Антиох III (222—187), сын Селевка Калинника, заслужил своими доходившими до самой Индии завоевательными походами прозвание Великого, но очутился под конец в ссоре с римлянами, и ссора эта окончилась значительным ослаблением его могущества.

При преемниках Антиоха Великого Сирийское царство вследствие внутренних раздоров и внешних неудач начало быстро клониться к упадку. Антиох IV Эпифан (176—164) вел счастливую войну с Египтом и уже стоял в самом центре завоеванной страны, но в это са-

¹ Произведенные недавно немецким ученым Гуманном раскопки в Пергаме доставили драгоценные находки: между прочим был открыт колоссальный храм Зевса. В Пергаме вместо египетского папируса в качестве писчего материала изготовлялась козья и ослиная кожа, почему она и получила название charta pergamena (пергамент).

Главный храм в Пергаме. Реставрация Р. Бона.

мое время Римский сенат через своего посла Поппилия Лена прислал ему повеление остановиться. Об этом будет подробнее изложено в римской истории. Антиох Эпифан замечателен еще своей попыткой заставить евреев отречься от своей веры и ввести в Иудее греческие нравы и религию. В один из субботних дней царский полководец Аполлоний напал на город Иерусалим и повелел от имени царя отменить иудейское богослужение. Непокорных подвергали преследованию, обращались с ними жестоко, умерщвляли или продавали в рабство. Жертвенник в храме был осквернен принесением на нем в жертву свиней. Тогда среди иудейских беглецов выступил происходивший из благородного рода Гасмонеев священник Матафия и решил пожертвовать своей жизнью за дело Иеговы. Удалившись с пятью своими сыновьями в Модин, он разорил там языческое капище и бежал затем в пустыню, куда призывал поборников веры сплотиться около него. Множество народа последовало его призыву. С ними Матафия поднял восстание во всей стране и повсюду разорял языческие алтари.

Восстание усилилось еще более при третьем сыне Матафии, Иуде Маккавее (то есть «Молоте»). Он разбил не только Аполлония, но и два других новых войска, посланных Антиохом, в 166 и 165 годах. Антиох умер в 164 году, но преемники его, Антиох V Эвпатор и Димитрий Филопатор, продолжали войну. Первые годы война велась с переменным счастьем. Сирийскому полководцу Лизию удалось вновь завладеть горой Храма. Тогда многие иудеи отпали от своей религии и между ними первосвященник Элаким (Алким). Но Иуда и его братья остались непоколебимы, не признали первосвященника и разбили сирийского полководца Никанора (в 161 году). Тогда против отряда тесно сплотившихся поборников веры выступило новое, превосходившее их числом сирийское войско под начальством Бакхида. Иуда сражался как лев и пал в неравной битве перед Иерусалимом (в 160 году). Но смерть его была отомщена младшим братом его Ионафаном. Он так стеснил Бакхида в одном ущелье, что тот заключил мир и отступил. При сирийском узурпаторе Александре Баласе Ионафан в благодарность за поддержку, оказанную им Александру в борьбе с соперником его Димитрием Никатором, был признан «полководцем и соправителем». Но впоследствии он попал в плен к сирийскому царю Димитрию Никатору, сыну вышеназванного Димитрия, и был умерщвлен вместе с двумя своими сыновьями и 1000 приверженцами (в 144 году).

*Антиох IV.
С античной
серебряной монеты.*

Тогда иудеи выбрали своим полководцем единственного оставшегося в живых сына Матафии — С и м о н а. По договору с Димитрием он заставил его признать за собой первосвященническую и царскую власть и затем очистил всю Иудею от язычников. Много лет правил он страной мудро и справедливо, повсюду восстановил служение Иегове и всячески заботился о благоденствии народа. Как мало ощутительна была в это время зависимость Иудеи от Сирии, можно вывести из того обстоятельства, что Симон чеканил даже собственную монету со своим изображением и именем. Но насколько счастливо было его правление, настолько печален был конец: зять Симона Птоломей умертвил его вместе с его сыновьями Матафией и Иудой в то самое время, когда они веселились на пиршестве, устроенном для них Птоломеем, и сильно опьянели (в 135 году до Р. Х.). Сын Симона — И о а н н, прозванный Г и р к а н о м, избежал смерти только благодаря тому, что был предупрежден своими сторонниками о замыслах Птолемея. Таким образом Иоанн получил возможность умертвить подосланных к нему убийц, после чего он успешно занял Иерусалим и провозгласил себя первосвященником.

Чтобы обеспечить себя на более продолжительное время защищенным от сирийцев, Иоанн заключил союз с римлянами. Римляне, привыкнув уже выставлять напоказ свое мнимое великодушие, охотно приняли под свою защиту маленький иудейский народ и оказывали ему покровительство до тех пор, пока Иудея и угнетавшая ее Сирия не были подготовлены к порабощению. Во время почти тридцатилетнего управления Иоанна Гиркана иудеи жили в мире и благоденствии. Но с его смертью дом Маккавеев стал быстро клониться к падению. Сын Гиркана Аристовул провозгласил себя «царем», но посрамил этот титул бесчеловечными жестокостями. Еще хуже правил брат его Александр-Иоанн (107—79 гг. до Р. Х.). Власть свою он поддерживал наемным войском и с его помощью кровавым образом усмирил вспыхнувшее против него восстание. Во время роскошных пиршеств, устроенных им в честь своей победы, Александр-Иоанн приказал распять на кресте 800 своих противников и на их же глазах умертвить их жен и детей. Счастливыми походами он настолько увеличил царство Иудейское, что оно по пространству своему почти равнялось царству времен Давида. По смерти Александра-Иоанна некоторое время правила его вдова Александра с должным благоразумием и твердостью. Но со смертью ее возникла ссора между ее сыновьями Гирканом и Аристовулом. Спор этот был разрешен римлянином Помпеем, о чем будет рассказано впоследствии.

Последний властитель Сирии из рода Селевка был Антиох XIII; хотя он был признан римлянами царем и оставлен Лукуллом на троне, но после двухлетнего правления был свергнут с престола Помпеем. Затем Сирия была включена в число провинций Римского государства (в 64 г. до Р. Х.).

5. Македония и Греция после смерти Александра. Ахейский и Этолийский союзы

(323—168 гг. до Р. X.).

Ни одно государство не меняло так часто своих властителей в период смутного времени, как Македония. За правителем государства Антипатром следовал престарелый Полиперхон, за ним сильный, но жестокий Кассандр, затем искатель приключений — Димитрий Полиоркет. Когда Димитрий во время похода против Пирра Эпирского лишился своего войска, то последнее вместо него провозгласило царем Пирра (в 287 году). Но Пирр не мог долго держаться против Лизимаха Фракийского, который завладел уже половиной его государства, и в 286 году вынужден был вернуться в Эпир. По смерти Лизимаха победивший его Селевк хотел сделаться царем Македонии. Но он пал в 281 году, заколотый убийцами, подосланными Птоломеем Керавном. После этого с помощью войск Лизимаха на престол вступил сам убийца. Через два года во Фракию, Македонию и Грецию вторгнулись многочисленные толпы кельтов (или галлов), и в битве с ними Птоломей Керавн был убит в 279 году. Но галлы благодаря самоотверженной храбрости соединившихся фокидян, локров и этолян, потерпели при Дельфах поражение и были почти истреблены. Остатки галлов бежали на север, прошли Фракию, перешли через Гелеспонт в Азию и заняли там страну, названную по их имени Галатией.

По уходе галлов, в то время как Пирр был занят в Италии, на освободившемся престоле утвердился (в 276 году) сын покорителя городов Димитрия — Антигон Гонат (то есть с железным наколочником) при помощи отцовских войск, которыми он все еще занимал часть Греции. Но Пирр, возвратившись из Италии, снова направился в Македонию, вытеснил Антигона и вторично заставил войско провозгласить себя царем (в 274 году). Однако два года спустя (в 272 году) он был убит в Аргосе, после чего Антигон Гонат вторично захватил верховную власть в Македонии и передал ее своим наследникам. Из многих преемников Антигона Гоната нам встретятся в римской истории Филипп III (221—179) и сын его Персей (179—168). Поражением македонян при Пидне (в 168 году) была решена судьба македонского царства, и оно вошло в число провинций Римского государства (в 146 году).

Положение дел в Греции было так же безотраднo, как и в Македонии. Как здесь, так и там господствовали полный беспорядок и распущенность нравов. Об общественной безопасности не было более речи. Разбойничьи шайки наводняли страну и налагали контрибуции даже на города. Несмотря, однако, на это, последняя искра былой доблести и воодушевления еще не совсем утасла.

Когда Антигон Гонат покинул Пелопоннес, где воспрепятствовал намерению Пирра утвердиться, в греках снова пробудилось страстное стремление к свободе. Область Ахайя, 12 городов которой уже с древнейших времен составляли общий союз, уничтоженный, однако, Александром и его преемниками, положила начало возобновлению прежнего союза. Сначала соединились четыре самых незначительных города: Дима, Патры, Тритея и Фары (в 280 г. до Р. Х.). К ним скоро примкнула Огия, прогнавшая македонский гарнизон. Жители Буры убили тирана, после чего тиран Кирены сам сложил с себя достоинство, и город этот также присоединился к союзу.

Явился и руководитель союза. То был Арат, уроженец Сикиона. Еще 19-летним юношей, пылая ненавистью к тиранам за то, что назначенный македонянами в его родной город тиран Авантид приказал убить его отца, Арат во главе разбойничьей шайки напал на Сикион и без всякого кровопролития прогнал нового тирана Никокла. Своими распоряжениями Арат приобрел доверие граждан. Он предложил присоединиться к Ахейскому союзу, что и было исполнено в 251 году. В 245 году Арата избрали в союзные полководцы, и таким образом из маленьких союзов постепенно образовался могущественный союз государств. В него вошли почти все остальные города Ахайи. Птоломей Филадельф помог союзу деньгами, чтобы через него противодействовать македонянам. В 243 году Арату удалось подкупить македонских наемников, овладеть Коринфом и Мегарой и присоединить к союзу оба эти города. В первый еще раз со времен Филиппа Македонского коринфяне получили обратно ключи от своего родного города.

Теперь Ахейский союз получил окончательное устройство: он составлял оборонительный и наступательный союз между отдельными государствами; были введены общие меры, вес и монетная система. Однако отдельные города удержали свое независимое управление и собственные учреждения. Два раза в год происходило собрание членов союза в избранном для того городе Эгии. Высший сановник союза назывался стратегом.

Около 284 года этоляне составили подобный же союз, к которому некоторое время принадлежали также локры, фокидяне и южные фессалийцы. Но так как этот Этолийский союз беспрестанно находился в враждебных отношениях к Ахейскому, а Спарта, по своей зависти, старалась ослабить и тот, и другой, то план Арата постепенного освобождения всей Греции от македонского ига должен был рушиться. Чтобы успешно противодействовать завоевательным замыслам спартанцев во время правления энергичного царя, Клеомена III, Арат призвал только что изгнанных македонян. Они явились под предводительством своего царя Антигона Досона и хотя помогли разбить спартанцев при Селлазии (в 222 году до Р. Х.), но снова заняли Коринфский замок и под именем «союзников» опять сделались властителями союзных греков. После победы при

Селлазии македоняне вступили в Спарту и принудили спартанцев примкнуть к Ахейскому союзу. Таким образом союз этот подпал верховному главенству македонян. Сам Арат скоро сделался жертвой действовавшей с холодным расчетом македонской политики. Филипп III, для которого Арат становился неудобным, приказал отравить его (в 213 году).

Преемником его в звании стратега является благородный Филопомен, прозванный «последним эллином». Он был родом из Мегалополя. Еще юношей Филопомен был отличным всадником и предводителем своих товарищей. В битве при Селлазии он особенно отличился, несмотря на то, что участвовал в ней в качестве простого воина. Обманувшись в своих ожиданиях снова видеть Грецию свободной, Филопомен отправился на остров Крит, где нашел возможность развить во время тамошних внутренних войн свои военные способности. По возвращении на родину все его усилия были направлены к тому, чтобы вновь вдохнуть воинственный дух предков в своих современников. Прежде всего он стал приучать молодежь своего родного города к воинским упражнениям и обнаружил при этом необыкновенные тактические способности, сделав нововведения в способе ведения войны изобретением новых боевых порядков и передвижений войск. Он обратил особенное внимание на преобразование конницы сообразно с духом времени. Множество ахейских юношей и пешком, и верхом стекались к нему в Мегалополь, а свободные площади пред этим городом казались как бы предназначенными для воинских упражнений. Мужество Филопомена во время сражения воспламеняло каждого к большей храбрости. В битве с спартанцами при Мантинее (в 208 году) он собственноручно заколол их тирана Маханида. Преемник Маханида, тиран Навис, был также разбит им при Гифие и затем убит собственными своими людьми (в 192 году). Таким образом Филопомен принудил Спарту присоединиться к Ахейскому союзу.

Филопомен отличался и храбростью, и воинскими талантами, и умеренностью и простотой. Он жил как простой воин и по многим чертам своего характера вполне справедливо может быть поставлен наравне с Аристидом и Фокионом. Чтобы почтить его, эфоры спартанские решили поднести ему в подарок деньги, вырученные от продажи имений, принадлежавших тирану Навису. Послы, которые должны были передать подарок Филопомену, увидев умеренность его трапезы, его суровость в обращении и все величие его поведения, не осмелились исполнить поручения и смущенные вернулись домой. Отправленные вторично, они опять не могли решиться исполнить свое поручение. Посланные в третий раз, они собрались с мужеством и открыли ему истинную цель своего посольства. Сначала Филопомен засмеялся, но затем продолжал серьезно: «Вам не следует подкупать друзей ваших, ибо

плохи те граждане, которых приходится покупать для того, чтобы они молчали и не мешали хорошим».

Однажды Филопомен пришел в Мегару и один из тамошних его гостеприимных друзей, который уже был предупрежден о том, что Филопомен посетит его, но не мог сам быть в это время дома, поручил жене своей принять гостя подобающим образом. Бедная женщина пришла в большое беспокойство, услышав, что их посетит глава Ахейского союза. Она готовила обед, когда Филопомен вошел в дом один и дурно одетый. Приняв его за одного из воинов, посланного вперед, она в беспокойстве закричала ему: «Ах, друг мой, будь так добр, помоги мне поскорее!» Полководец тотчас же снял плащ и принялся колотить дрова. В это время пришел хозяин дома и, изумившись, спросил: «Что значит это, Филопомен?» — «Ничего, — отвечал Филопомен, — я наказан за мою дурную одежду!»

Такого рода поступки приобрели Филопомену уважение всех греков, а то, что он сделал для Ахейского союза в качестве стратега, доставило ему неоспоримое право на благодарность отечества. И он, подобно Фемистоклу, удостоился почетнейшей награды: явившись однажды на Немейские игры с вновь организованным отрядом благородных воинов, он обратил на себя внимание всей собравшейся там Греции. Когда певец Пилад пропел слова: «Я даю сынам Греции прекрасное украшение — свободу», то все слушатели в порыве восторга повернулись к Филопомену и прервали певца продолжительными рукоплесканиями.

Благодаря Филопомену Ахейский союз достиг величайшего своего значения. Но в это время завистливая политика Рима, ставшего уже твердой ногой в Македонии, обращала свои взоры на юг Греции. В скором времени в надежде на римскую помощь от союза отпала Спарта. Хотя Филопомен вновь завоевал Спарту, разрушил ее стены, уничтожил государственное устройство Ликурга, но римляне настолько сильно запутали в сетях своих интриг расстроенные в высшей степени греческие государства, что Филопомен не мог надолго сохранить прочность и единство союза. Римляне не стали, однако, нападать прямо, а сумели сначала посеять раздор среди греков. Семена этого раздора прежде всего взошли в Мессене. Один знатный гражданин этого города, Д и н о к р а т, настоял на открытом отпадении от Ахейского союза. В это время семидесятилетний Филопомен, выбранный в восьмой раз в стратеги союза, лежал в Аргосе больной. Тем не менее, узнав об этом, он живо вскочил, поспешил в Мегалополь, собрал своих всадников и бросился в Мессену. В первой же схватке его спутники слишком далеко отъехали, и Филопомен очутился в опасном положении; лошадь его споткнулась на неровной, скалистой дороге и так опасно ушибла его при падении, что неприятели сочли его мертвым. Когда же они увидели, что Филопомен приподнимает голову, то бросились на него, связали его и с торжеством повели

в Мессену. Здесь он был брошен в сырую, мрачную темницу, и Динократ поторопился отделаться от него ядом, прежде чем успели начать переговоры об его освобождении. Посланный с чашей яда нашел старца лежащим на сырой земле и погруженным в размышление. С трудом приподнявшись, Филопомен спросил раба об участии Ликорта и его всадников. Получив ответ: «Они спаслись», Филопомен произнес: «Хорошо! В таком случае не все еще погибло», осушил чашу и через несколько минут испустил геройский дух. Он умер в один год с Ганнибалом и его великим противником — П. Сципионом Африканским Старшим, в 183 году до Р. Х.

Ликорт, отец историка Полибия и преемник Филопомена в звании стратега, отомстил за смерть Филопомена. Он вторгнулся в Мессению, принудил Мессену к сдаче, заставил это государство вновь присоединиться к Ахейскому союзу и торжественно перевез урну с пеплом героя в Мегалополь. Но и Ликорт не в состоянии уже был надолго задержать быстрое разложение Ахейского союза. О подробностях падения этого союза, виновниками которого были римляне, будет изложено в римской истории.

6. Спарта при Агисе III и Клеомене III (244—220 гг. до Р. Х.)

В Спарте, так же как и в Афинах, исчезли прежние порядки. О государственных учреждениях Ликурга с их строгими нравами давным-давно не было уже и помина. Вследствие частых сношений с иноземцами нравы спартанцев изменились, и они погрязли в роскоши и невоздержности. Закон, по которому все полноправные граждане (спартиаты) должны были иметь одинаковые земельные участки, совсем уже не соблюдался. С тех пор как эфор Эпитадей во время Агезилая провел закон, которым разрешалось передавать имущество в виде дара или по духовному завещанию посторонним, а также и дочерям, земельная собственность сосредоточилась в руках немногих семейств. Вместо прежних 9000 спартиатских семейств теперь оставалось всего лишь 700. Этому злу вознамерился положить конец Агис III, вступивший на престол в 244 году. Он предпринял восстановление древних Ликурговых законов и дал своим согражданам пример древнеспартанской простоты. Он предложил все земельные участки, оставшиеся свободными после нового раздела между 700 семействами, разделить между 15 000 периеками и таким образом увеличить число земельных собственников и затем окончательно погасить все долговые претензии. Агис обещал пожертвовать для этого все свое движимое и недвижимое имущество. Народ с восторгом приветствовал такое предложение, но в своем соправителе, другом царе, Леониде, Агис встретил ожесточенного противника. Однако предложение о погашении долгов прошло, и Леонид вместе с эфорами были отреше-

ны от своих должностей. В совет новых эфоров вошел также и дядя Агиса — интриган Агезилай. Когда Агис выразил затем решительное намерение приступить к переделу земельных участков, то Агезилай, который счастливо избавился с погашением всех долговых обязательств от своих долгов, но не желал уступать своих собственных поместий, старался затормозить приведение в исполнение этого второго распоряжения.

В таком положении находились дела, когда Агис выступил на войну против разбойничавших этолян, чтобы наказать их с помощью Ахейского союза. Поход не удался, и при своем возвращении в Спарту Агис нашел положение вещей совершенно изменившимся. Дядя его Агезилай настолько сделался ненавистен народу вследствие разного рода жестокостей, что народ, горько обманувшись в своих надеждах, не оказал никакого сопротивления Леониду, бежавшему перед этим в Тегею, а теперь возвращавшемуся с войском в Спарту, где он уже успел войти в соглашение с олигархической партией. Агис искал спасения в храме, но эфоры сумели выманить его оттуда, обещав полную безопасность. Но едва Агис вышел из храма, они арестовали его и удавили.

По стопам Агиса задумал идти К л е о м е н III (в 235 г.). Сначала он постарался восстановить силу и значение царской власти и тем ослабить всемогущих эфоров. Благоприятным обстоятельством к тому послужила война с Ахейским союзом. Клеомен разбил ахеян, предводимых Аратом, в нескольких сражениях и возвратился, увенчанный победой и славой. Он вступил в Спарту с наемным отрядом, умертвил четырех эфоров и уничтожил их звание. Тогда предпринято было полное погашение долгов и равномерное распределение земельных участков. Принятием периеков Клеомен увеличил число граждан; древнеспартанское воспитание, сисситии и другие древние обычаи были восстановлены. Но всем этим нововведениям был положен внезапный конец. Новая война против Ахейского союза, предпринятая в видах восстановления прежней гегемонии и вначале счастливая, окончилась поражением в теснине при Селлазии, которое нанесено было призванным Аратом на помощь македонским царем Антигоном Досоном (в 222 году). Клеомен вынужден был искать спасения в бегстве и отправился в Египет, где надеялся расположить в пользу своих замыслов царя Птолемея Эвергета. Но Птоломей Эвергет в скором времени умер, а его преемник Птоломей Филопатор, предавшийся роскоши, не был человеком, способным сочувствовать стремлениям Клеомена. Клеомен попытался произвести среди египтян возмущение против их властителя, но его попытки не нашли среди выродившихся египтян ни малейшего сочувствия, никакой поддержки. Чтобы не попасть в руки царя, он сам умертвил себя; спутники Клеомена последовали его примеру. Он умер 35 лет. Мать и дети его были казнены, тело его было зашито в шкуру и повешено на виселице. Так окончил жизнь один из благороднейших спартанцев, и с его смертью Спарта навсегда утратила свое блестящее положение.

7. Науки и искусства в македоно-эллино-александрийский период

Благодаря завоевательным походам Александра греческий язык сделался всемирным. Греческое образование, науки и искусства, в особенности благодаря многочисленным колониям, распространились повсюду. На них явилось требование при дворах государей — в Александрии, Пергаме, Сиракузах, равно как в Афинах, на острове Родос, в Сикионе, Византии, Гераклее и т. д. Греческие художники, полководцы, купцы, ученые, философы встречались повсеместно.

Период этот называют «эллиническим» или «александрийским» веком. В Александрии образовалось особенное наречие. Отличительный признак александрийского века составляет недостаток самобытной творческой силы, мощного полета фантазии, идеального вдохновения. Все было направлено на развитие наук, доставляющих практическую пользу в жизни, как например, естествознание, медицину, строительное и военное искусства, математику, механику. Все было старательно собрано и приведено в порядок; древние писатели были объяснены, а

*Теофраст.
С античного бюста.*

*Эпикур.
С античного бронзового бюста.*

бывшие в обращении рукописи тщательно проверены. Но наряду с этим появились праздно мудрствование, отсутствие вкуса и критики. Вместе с тем образовались вычурность слога, пустота и измышленная искусственность в содержании, которые никоим образом не могли восполнить указанных выше недостатков.

В области философии имя Аристотеля затмевало все остальные. Аристотель, как всемирный гений, знал в совершенстве все науки своего времени. В противоположность Платону, который вращался в области догадок и фантазии, в мире идеалов, Аристотель старался объяснить действительность (реальность) рядом остроумных исследова-

ний. У него философия является «размышляющим познаванием вселенной»; существенное знание заключается для него в понимании начала, основной причины. От Аристотеля остались многочисленные сочинения по логике, пиитике, математике, физике, естественной истории, политике, психологии и этике. Аристотель, исполнив возложенное на него поручение — воспитание юного Александра, отправился в Афины и в течение 13 лет учил там в лицее, в тенистых аллеях которого он обыкновенно прохаживался со своими учениками, почему они и получили название «перипатетиков». После смерти Александра Аристотель покинул Афины, где он, как некогда Анаксагор, подвергался опасности быть обвиненным в неуважении к государственной религии. Он умер в Халкиде, на острове Эвбее, в 322 году до Р. Х.

Одним из самых выдающихся учеников Аристотеля был **Теофраст**, уроженец острова Лесбоса, живший около 312 г. до Р. Х. Как Аристотель является основателем научной зоологии, так Теофраста следует считать отцом ботаники. Кроме того, Теофраст оставил после себя сочинение в котором составил классификацию типов характеров.

Упадок греческих воззрений в особенности выказывается в философской системе **Эпикура**, родившегося в Афинах в 342 году. Для Эпикура уже не добродетель и не проистекающее из нее удовлетворяющее чувство самопознания составляют конечную цель нравственной жизни; для него высшее благополучие заключается в чувственных наслаждениях. Поэтому боги представляются Эпикуру высшими идеалами блаженного существования. По его понятию, они живут в полной безмятежности, так как земные дела, которые могли бы нарушить и омрачить их блаженство, не причиняют им ни малейших огорчений.

В противоположность эпикурейцам, идеи о божестве и добродетели крепко держались **стоики**. Бог, по их учению, есть существо, одаренное высшим разумом; законы же природы являются естественным и разумным его последствием. Вследствие этого высшим, основным правилом стоиков в их нравственных поступках было следующее: человек должен поступать согласно природе, а следовательно, и согласно разуму; в этом состоит добродетель. Основателем стоицизма был **Зенон**, родом из Китиона, живший около 300 года до Р. Х. Он учил в пестрой (разрисованной в разные цвета) колоннаде в Афинах. Основное требование нравственной жизни у Зенона — изве-

*Зенон.
С античного бюста.*

*Менандр.
С античной статуи.*

*Феокрит.
С античной камен.*

*Евклид.
С античной камен.*

ственный героизм, который должен был выказываться в презрении к страданиям. «О страдание, — заставляет Цицерон восклицать стоика Посидония, одного из учеников Зенона, — хотя бы ты было еще тягостнее, ты ничего не добьешься!.. Никогда не сознаюсь, что ты — бедствие». Как ни несовершенна была стоическая этика (учение о нравственности), все-таки она заключала в себе зародыши превосходных основных житейских правил. Стоики выказывали непобедимое мужество в самых затруднительных обстоятельствах жизни, в особенности во время господства деспотизма. Поэтому это философское учение нашло так же много приверженцев и учеников среди римлян под конец Римской республики и во времена императоров, как, например, Катон из Утики, Цицерон, Сенека и др. Самым восторженным приверженцем этой философии был император Марк Аврелий Антонин, прозванный Философом. С этим учением римляне впервые познакомились в 155 году до Р. Х. через стоика Диогена, уроженца Вавилона, ученика Хризиппа, прибывшего в Рим с афинским посольством.

В такое время, как александрийский век, когда так глубоко были потрясены нравственные и религиозные основы, философы и самых крайних направлений находили легкий доступ к многочисленным приверженцев. Так

П и р р о н, современник Аристотеля, благодаря проповедуемому им учению о том, что ничто не может быть признано существующим в действительности и что, напротив того, все должно возбуждать сомнение, встретил большое сочувствие и вполне справедливо заслужил название «скептика», то есть сомневающегося. Еще далее пошел **Э х е м е р о н**, живший около 300 года до Р. Х. Он отнял от мифов о богах и героях их чудесный характер и объяснил их как истории людей, выдававшихся своими телесными и духовными качествами, которым после их смерти воздавали божеские почести и истории которых намеренно облекли в чудесные образы. Правда, Эхемерон получил насмешливое прозвище «атеиста», то есть богоотступника, но, несмотря на это, учение его имело успех, главным образом в Риме.

П о э з и я, в особенности драматическая, также пришла в упадок. В области **т р а г е д и**, несмотря на многократную обработку ее софистами и их учениками, не явилось ни одного имени, достойного упоминания. В александрийский век большей частью довольствовались тво-

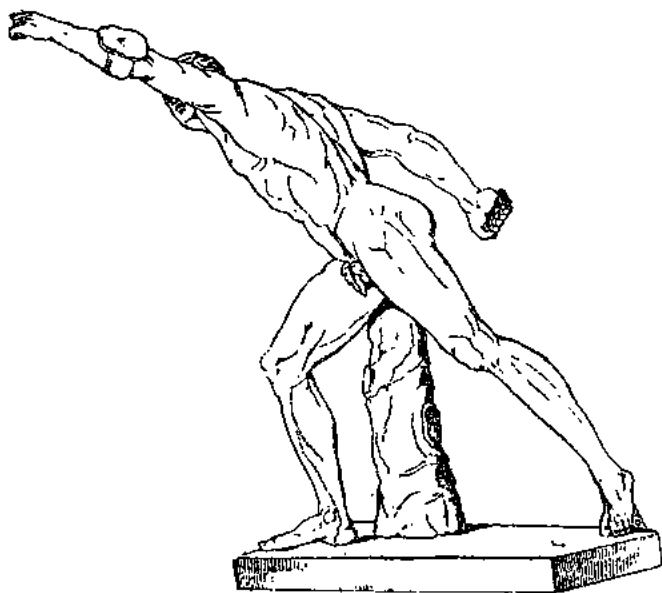
рениями Еврипида. Только в комедии обнаружилась попытка к дальнейшему развитию, создавшему так называемую «новую комедию», главными представителями которой являются Менандр и Филемон. Но содержание и характер ее совершенно изменились; с этой стороны она значительно понизилась. Политическая жизнь совершен-

*Фарнейский бык.
С мраморной группы в Неаполитанском музее.*

но исчезла со сцены, и на ее место заступили представления из повседневной жизни. В качестве лиц, служивших предметом осмеяния, теперь выступали не государственные люди и руководители народа, а лица и типы из обыденной жизни: ремесленники, земледельцы, воины, прихлебатели, гетеры.

Выдающееся явление в области лирической составляет Феокрит из Сиракуз, живший около 272 года до Р. Х. Он является основателем «буколической» поэзии, то есть поэзии пастушеской. Феокрит рисует жизнь не только пастухов, но и рыбаков, сельских жителей и простых

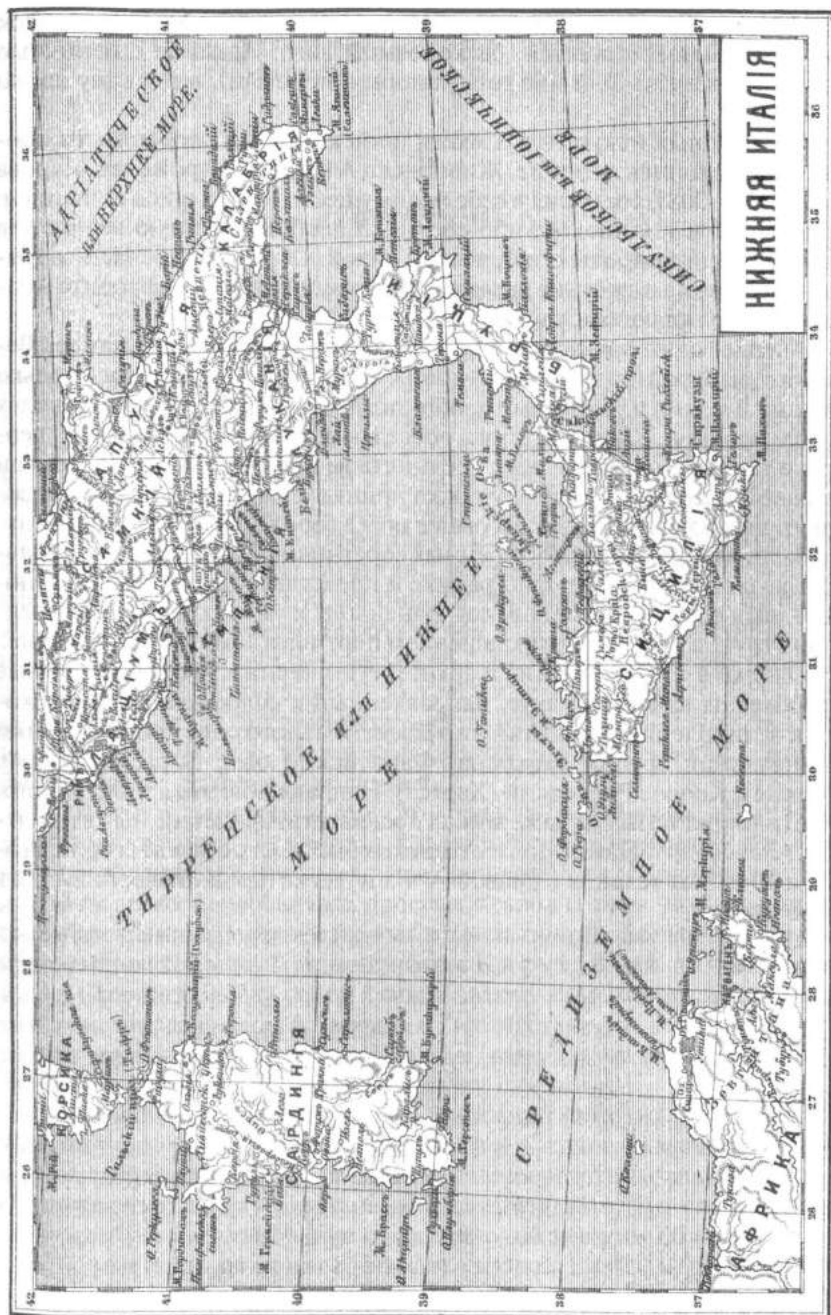
*Боргезский боец.
Со статуи работы Агасия, в Лувре.*

горожан в отдельных сценах, «идиллиях», то есть картинках, полных жизни и драматического движения.

Из многочисленных сочинений и ст о р и к о в, описывавших деяния Александра в качестве очевидцев, до нас не дошло ни одного, поэтому об этих утраченных творениях мы знаем лишь из позднейших биографий Александра, составленных Плутархом и Аррианом около 100 года по Р. Х., а также ритором К. Курцием, которые почерпали из них свои сведения. Александрийскому же веку принадлежат также Бероз, написавший «Вавилонскую историю», и Манефа, составитель «Египетской истории»; к ним еще можно прибавить и неизвестного автора так называемого *Chronikōn Periōn* или *Magmōn Periōn*¹.

В области математики блистали александриец Евклид, около 300 года до Р. Х. — составитель *elementa matheseos* в геометрии и стереометрии, и сиракузанин Архимед, родившийся в 287 году до Р. Х. и убитый в 212 году во время взятия Марцеллом Сиракуз приступом. Архимед является знаменитейшим механиком Древнего мира; он

¹ На острове Паросе в 1627 году была найдена мраморная доска, заключающая в себе описание на аттическом наречии и по аттическим источникам главнейших событий из политической и литературной истории эллинов, от Кекропса до афинского архонта Диогнета 264 года до Р. Х. Сохранившаяся до настоящего времени хотя и весьма пороченная часть ее доходит только до 354 года до Р. Х. и находится в Оксфордском университете.

Нижняя Италия

открыл центр тяжести тел, удельный вес, силу рычага, составной блок для поднимания тяжестей, бесконечный винт. Архимед с гордостью мог воскликнуть: «Дай мне точку опоры (вне земли), и я сдвину землю с места».

Из изящных искусств в александрийский век в особенности процветали живопись и ваияние. Живописец А п е л л е с, уроженец острова Коса (356—308), соединял в себе преимущества обеих школ живописи: аттической и ионийской, ибо соединял необыкновенную верность в изображении природы с творческой силой. Образцом прелести и грации почиталась в древние времена картина Апеллеса — Афродита Анадиомена (рождающаяся из морской пены).

Апеллес один пользовался правом писать портреты Александра Великого; изображать же его в мраморе или бронзе дозволялось только одному Л и з и п п у, который изобразил Александра в различных видах и позах: юношей, мужем, в бою, восседающим на троне, на охоте, верхом и т. д. Лизипп везде умел соединять величайшее сходство с самой высокой красотой. Его резцу также принадлежит знаменитая бронзовая группа 25 всадников, красовавшаяся в городе Дионе, в Македонии. То были изображения 25 избранных соратников царя Александра, павших возле него в битве при Гранике и представленных в самых разнообразных позах: сражающимися, ранеными и умирающими. Впоследствии группа эта служила украшением портика в доме Метелла в Риме.

Однако в области ваияния и архитектуры начинает все более и более преобладать азиатский вкус, направленный к колоссальности, роскоши и великолепию и бьющий на эффект. К такого рода произведениям принадлежат: группа Лаокоона, Фарнейский бык, Боргезский боец (Агасия), Колосс Родосский (Хареса). Направление это дошло до того, что Динократ возымел даже мысль превратить Афонский мыс в памятник Александру. Памятник этот должен был иметь с левой стороны город с 10 000 жителей, а с правой — чашу, из которой низвергался бы в море поток.

II

РИМЛЯНЕ

1. Первая Самнитская война (343—341 гг. до Р. Х.)

Со взятием Вейи римлянами сила этрусков была сломлена. Но на юге стоял еще непобежденный и равносильный римлянам противник — с а м н и т я н е. Как и римляне, они принадлежали к сабельскому племени, которое заняло среднюю, гористую часть полуострова. Первоначально они назывались «сабинитами»; римляне же называли их сокращенным именем самнитян. Самнитяне поселились в области реки Вольтурна, там, где Апеннины достигают значительной высоты, и были суровым, но не грубым, горным, воинственным, предприимчивым и смелым племенем. Вооружением и тактическим образованием самнитяне не уступали римлянам, но им не доставало прочного единства и политического центра, ибо отдельные общины их жили независимо друг от друга. Этот недостаток в противоположность столь прочно сплоченной массе, какую представляли из себя римляне, должен был оказаться роковым для самнитян.

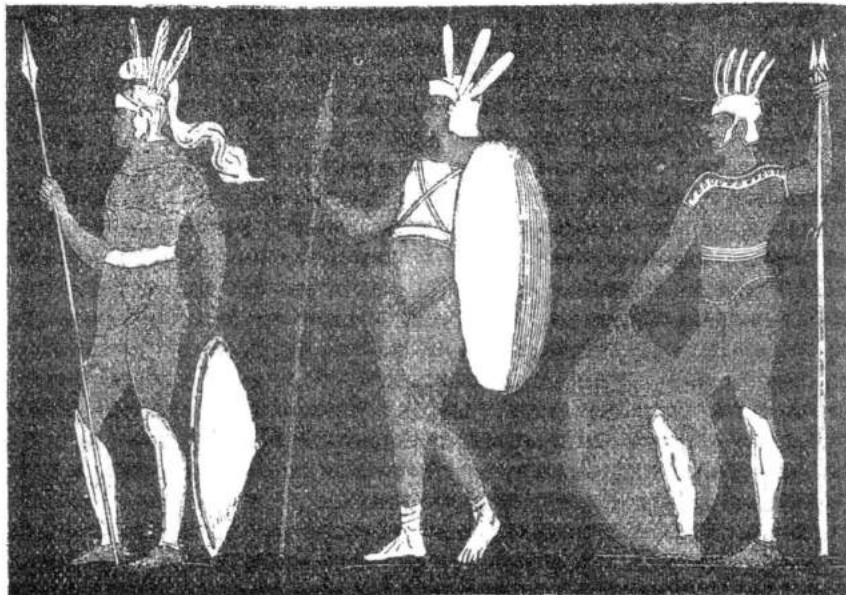
К западу от самнитской гористой области, на равнине, лежала прекрасная Кампания, населенная родственными самнитянам племенами. Однако племена эти вследствие смешения с коренными жителями и утраты своих первобытных простых нравов совсем уже позабыли о своем племенном родстве с горными самнитянами. Богатейшим и прекраснейшим городом Кампании была К а п у я. В ней, так же как и в Риме, боролись между собой самым ожесточенным образом две партии: аристократическая и народная. Последствием этих раздоров было то, что эта чудная страна, «сад Италии», рано или поздно должна была сделаться добычей соседей, римлян или самнитян.

Из недостоверных и сбивчивых показаний римских летописей, которыми пользовались Ливий, Дионисий и Аппиан, невозможно с точностью определить, что послужило непосредственным поводом к столкновению между римлянами и самнитянами. По свидетельству летописей, это столкновение произошло следующим образом.

С и д и ц и н ы, один из сабельских народов, главным городом которых был Теан на прославленной своим вином горе Массике, подверглись нападению самнитян, которые стали сильно их притеснять. Сидицины обратились за помощью к кампанцам. Но кампанцы также не

устояли против храбрости самнитян и сами вынуждены были искать посторонней помощи. Они отправили посольство в Рим с просьбой помочь им. Хотя римляне с 354 года и находились в союзе с самнитянами, но сенат, несмотря на это, решил в случае, если самнитяне не откажутся от своих нападений на кампанцев, оказать этим последним просимую помощь.

Летописцы повествуют о целом ряде удивительных героических подвигов и побед в этой первой самнитской войне. Так М. Валерий Корв одержал победы у горы Гавра, при Кумах в 343 году, и при Суессуле. В

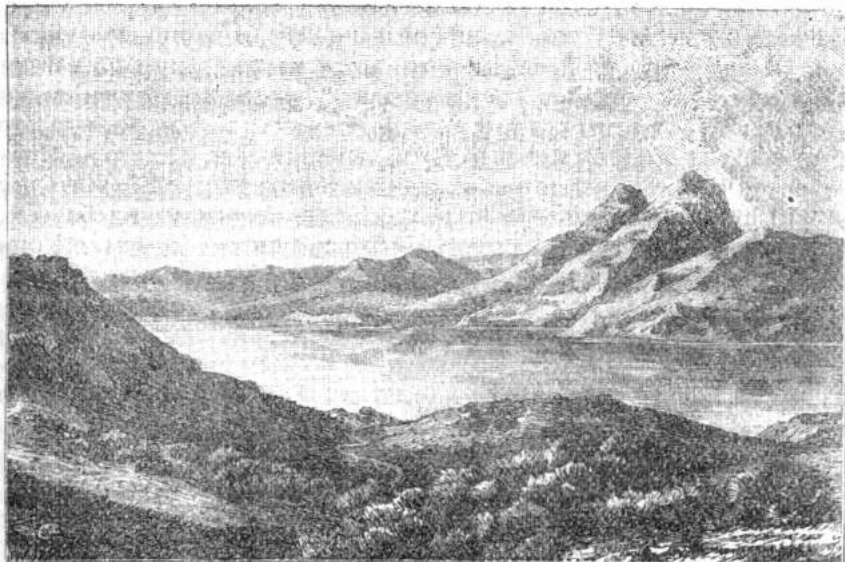

*Самнитские воины.
С изображений на античных вазах.*

другой раз римское войско, бывшее под начальством Авлия Корнелия Косса и окруженное самнитянами, было спасено благодаря героическому мужеству военного трибуна П. Деция Муса. Об этом Ливий (VII, 34) рассказывает следующее.

Консул А. Корнелий Косс вел войско по глубокой лощине, пролежавшей между высокими лесистыми горами, и не принял при этом никаких предосторожностей. Он был со всех сторон окружен неприятелем и заметил самнитян над своей головой только тогда, когда легионы его не могли уже больше без урона отступить. В то самое время, когда самнитяне выжидали, чтобы все войско спустилось в самую глубь лощины, военный трибун Публий Деций заметил в горной цепи отдельный холм, который возвышался над неприятельским станом. Всему войску вместе с обозом взобраться на этот холм было трудно, но для

легкого, подвижного отряда это не могло представить особого затруднения. Поэтому Публий Деций сказал испуганному консулу: «Видишь ты, Авлий Корнелий, ту вершину над неприятелем? Это якорь нашей надежды и нашего спасения, только бы нам удалось завладеть ею. Самнитяне, должно быть, сослепу оставили вершину эту незанятой. Тебе придется дать мне всего лишь один легион из передового отряда и копьеносцев. Когда я взберусь с ними на эту вершину, то без всякого страха продолжай свой путь и таким образом спаси себя и войско; неприятель из боязни подвергнуться со всех сторон нашему нападению и

Гаврские горы.

чтобы избегнуть своей собственной гибели, не посмеет пошевелиться. Таким образом нас спасет от беды или счастье римского народа, или наша храбрость».

Удостоившись похвалы консула, Публий Деций прошел с данным ему отрядом через лесистые горы и был замечен неприятелем только тогда, когда был уже у цели. Пока неприятель успел опомниться от изумления, Публий Деций, привлекая на себя все его внимание, дал консулу время занять более выгодное положение, а сам расположился на вершине горы. Таким образом самнитяне, бросаясь то в одну, то в другую сторону, упустили благоприятный момент для действий против их обоих. Они не могли ни преследовать консула в долине, в которой они еще так недавно могли осыпать его своими стрелами, ни построить свое войско в боевой порядок против холма, занятого Децием.

Самнитяне решили действовать прежде против того, который лишил их благоприятных условий и нанести ему решительный удар ско-

лько от досады, столько же и вследствие близкого расположения и незначительного числа неприятеля. Они то хотели окружить со всех сторон войсками неприятельскую позицию, чтобы отрезать Деция от консула, то желали открыть Децию путь с тем, чтобы напасть на его отряд, когда он спустится в лошину. Пока самнитяне были в нерешимости относительно того, что им делать, их застигла ночь. Сначала Деций думал было, что ему придется сразиться с неприятелем в ту минуту, когда он будет подниматься на холм, но он был удивлен, заметив, что неприятель не только не начинал сражения, но, отказавшись от этого намерения по невыгодности своей позиции, побоялся даже окружить его валами и рвами. Тогда Деций призвал к себе центурионов и сказал им: «Какое незнание правил войны, какое равнодушие выказывают самнитяне! Как могли эти люди одерживать победы над сидицинами и кампанцами? Видите вы, как отряды их двигаются то туда, то сюда и то соединяются на одном месте, то направляются в стан, и никто не отнесется серьезно к делу в то время, как они успели бы уже окружить нас валом. Но мы будем похожи на них, если промешкаем здесь больше, чем следует. Итак, идите за мной, и пока еще светло, узнаем, где они расставили своих часовых и где есть отсюда свободный выход!»

Надев на себя плащ простого воина, Деций вместе с главными начальниками, тоже переодетыми, осмотрел неприятельские посты и местность. Расставив затем часовых, он отдал всем приказ, чтобы, когда вторая ночная смена часовых будет отозвана звуком рожка, все в полном вооружении собрались к нему в совершенной тишине. Когда приказание это было исполнено, Деций произнес пламенную речь, в которой убеждал мужественно пробиваться сквозь ряды неприятеля.

Все последовали призыву Деция, и он провел свой отряд через места, не занятые неприятельскими часовыми. Отряд Деция прошел уже средину неприятельского стана, когда один воин, переступая через спавших часовых, произвел шум ударом щита. Пробужденный этим шумом часовой разбудил своего соседа. Поднявшись, они разбудили остальных. Но проснувшиеся часовые не знали, были ли то друзья или враги, римляне ли, которые занимали холм и желали теперь пробиться, или же консул, захвативший стан. Тогда Деций приказал своим воинам, которые не могли уже больше скрываться, поднять крик и привел сонных самнитян в такой ужас, что они совершенно растерялись и не могли ни скоро схватиться за оружие, ни оказать сопротивления, ни преследовать. В то время, когда самнитянами овладело смущение и замешательство, римский отряд, поражая встречавшихся на пути своем часовых, проложил себе дорогу в стан консула.

В награду за геройские подвиги консул подарил Децию золотой венчик, 100 быков и кроме того необыкновенно красивого белого быка с позолоченными рогами. Всем воинам, участвовавшим в этом походе, назначили пожизненно двойной паек хлеба и по одному быку и по две туники. Когда были розданы назначенные консулом награды, воины с громкими криками, в знак своей признательности, возложили на Де-

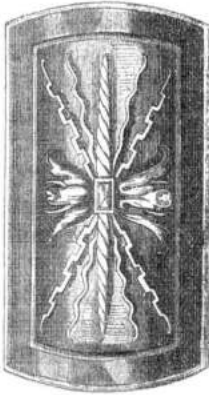
ция венков из трав; второй венок был возложен на Деция его отрядом. Украшенный этими почетными знаками отличия, Деций прекрасного белого быка принес в жертву богу Марсу, а 100 быков предоставил воинам, участвовавшим с ним в походе. Для этих же воинов легионы купили на собранные деньги по фунту меда и фляге вина. Все это было съедено и выпито при громких, радостных криках воинов.

Последствия этой первой войны были для римлян весьма благоприятны. По окончании похода, который продолжался лишь один год, они завладели Капуей. Но их победоносное шествие было внезапно остановлено серьезной опасностью.

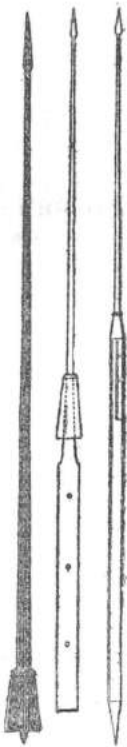
В промежуток между первой и второй самнитскими войнами на Востоке велись Александром его знаменитые завоевательные походы (334—325). Македонский герой встретил у греческих историков единодушное удивление, и они не переставали превозносить его деяния. Римскому же историку Ливию эти восхваления показались положительно чрезмерными и подали ему повод задаться вопросом, можно ли допустить, что, если бы Александр после покорения Азии направился против римлян, он был бы точно также победителем (Ливий, IX, 17—19). Для разрешения этого вопроса Ливий делает сравнение личностей предводителей, военного счастья, численности и храбрости войск. Он объявляет не подлежащим никакому сомнению, что римские полководцы, с которыми пришлось бы вести борьбу Александру, Т. Манлий Торкват, Л. Папирий-Курсор, Кв. Фабий Максим Руллиан, оба Деция и т. д., не уступали Александру ни в способностях, ни в личном мужестве. «И дал ли бы еще, — продолжает Ливий, — превзойти себя в проницательности этому юноше римский сенат, тот самый сенат, о котором только один человек составил себе вполне верное представление, назвав его «советом царей»¹.

Затем Ливий приходит к заключению, что Александр встретил бы со стороны римлян совершенно иное сопротивление, чем со стороны изнеженных персов, во главе которых стоял царь «с женским хвостом», и что Александр скорее захватил их в добычу, чем победил как врагов и притом почти без кровопролития. К тому же войско, которое привел бы с собой Александр, перенявшее персидские нравы и изнеженное, уже не могло бы быть прежним македонским. Он сам также был бы уже совсем другим: он явился бы в Италию похожим на Дария, уже рабом своих страстей и в особенности пристрастившийся к пьянству. Его военное счастье было всегда только личным счастьем и продолжалось короткое время — всего десять лет и не может быть сравниваемо с военным счастьем целого народа, который в течение нескольких столетий, хотя и терял много сражений, но никогда не проиграл ни одной войны. Что касается боевых сил, которые Александр мог привести с собой, их численности, вооружения и качества,

¹ В таких выражениях представил Пирру его посол Киней сильное впечатление, произведенное на него римским сенатом.

Римский щит.

*Пилум
(метательные
дротики, копья)
различной формы.*

то самое большое, что он мог бы перевезти морем, это 30 000 македонских ветеранов и 4000 фессалийских всадников. Если б Александр взял с собой персов, индусов и другие народы, то они были бы для него скорее обузой, чем доставили бы какую-либо помощь. К этому присоединилась бы еще трудность пополнять убыль в войсках. И в отношении вооружения римляне превосходили бы македонян. Оружие последних составляли круглый щит и длинные копья; римляне же, напротив, были вооружены большим, вполне прикрывающим все тело щитом и пилумом (метательное копье, дротик), оружием, которое значительно превосходило копье и употреблялось как для метания, так и для нанесения удара. Воины в обоих войсках стойки и непоколебимы, соблюдают равенство в рядах и шеренгах. Но фаланга была неподвижна и сплошь однородна, римский же боевой порядок был разнообразен, состоял из многих частей и легко мог быть разделяем и соединяем по мере надобности. «Но кто, — восклицает Ливий, — мог бы сравниться с римлянами в выносливости, кто мог бы превзойти их в стойкости при нападении на них? Если Александр и победил бы в одном сражении, то в конце войны он все-таки оказался бы побежденным. Была ли хоть одна битва, сломившая мощь римского народа; ни Кавдинское ущелье, ни даже впоследствии Канна не сломили ее! По всем вероятностям, Александру, имей он даже вначале успех, все-таки пришлось бы часто с тоской вспоминать о персах, индусах и о невоинственной Азии и сознаваться самому себе, что до тех пор ему приходилось вести войну только с женщинами».

Если мы взвесим надлежащим образом рассуждения Ливия, то должны будем признать, что он вообще прав. В оценке тактики и стратегического таланта великого монарха он, конечно, многое несколько умалил. Можно предположить, что в этом отношении Александр доставил бы римлянам не меньше хлопот, чем впоследствии Пирр в начале своей войны с ними. И в осадном искусстве Александр, без сомнения, превосходил римлян. Об опытности же его в ведении войны на море не может быть и речи, и на этом поприще римляне вовсе не могли бы помериться с ним. Но в конце концов

Александр, несмотря на чарующую силу своей личности, побуждавшую войска его к величайшему самопожертвованию, наверное уступил бы, подобно Пирру, непоколебимой стойкости чувства долга римских граждан, непреклонному мужеству и государственной мудрости Римского сената.

2. Латинская война (340—337 гг. до Р. Х.)

Хотя латины находились в союзе и племенном родстве с римлянами, сражались и побеждали вместе с ними, говорили одним с ними языком и имели одну с ними религию, римляне и не помышляли предоставить им одинаковые права и признать их своими гражданами. В противоположность могущественным римлянам, латины, как слабейший член союза, оставались в некоторой подчиненности и зависимости. Так как римляне, со свойственным им себялюбием, преследовали лишь свои собственные выгоды, нисколько не заботясь о других, то латины живо почувствовали их пренебрежение, в особенности после того, когда они самоотверженно содействовали римлянам как в покорении Вейи, так и успехах первой самнитской войны. Вследствие этого, измучившись беспощадной политикой римлян, латины в 341 году до Р. Х. отправили обоих преторов Латинского союза, который состоял из старинных городов: Тибура, Пренесты, Ариции, Ланувии, Лавинии, Велитры и других, Л. Анния и Л. Нумизия в Рим доложить сенату о притеснениях и требованиях латинян. Они хотели, чтобы на будущее время *один из консулов и половина сенаторов избирались из латинян*¹.

Требование это, несмотря на всю свою справедливость, было отвергнуто с негодованием, и латинские послы, чтобы не пасть жертвами народной ярости, вынуждены были с величайшей поспешностью выехать из Рима.

После такого поступка с латинским посольством война сделалась неизбежна. При первых признаках подозрительного брожения в Лациуме римляне поспешили заключить мир с самнитянами, нисколько не заботясь при этом, что они вступают в союз с ними против своих же кровных и бывших им до тех пор всегда верными союзников. Кампания, жители которой держали сторону римлян, сделалась театром войны. Предания повествуют о двух ужасных человеческих жертвах, из которых одна была вызвана требованием римской воинской дисциплины, а другая любовью римлян к своему отечеству.

Римское войско в ожидании битвы стояло у подошвы горы Везувия. Со стороны консулов последовало строгое приказание избегать

¹ Это неправдоподобно уже потому, что исполнением первой части требования нарушался бы только что узаконенный порядок разделения консульской власти между патрициями и плебеями. Гораздо вернее можно предположить, что латины потребовали просто принятия их в трибы, то есть в число римских граждан.

всякого столкновения с неприятелем, в особенности единоборства. Приказание это было вызвано опасением, что вследствие существовавших между воюющими всевозможного рода дружественных и родственных отношений будет нарушен порядок военной дисциплины. Сын консула Т. Манлия Торквата, Т. Манлий, командовавший отрядом всадников, во время рекогносцировки случайно слишком близко подъехал к неприятельскому стану. Там находился лично ему известный предводитель неприятельской конницы Геминий Меттий. Между ними завязался разговор. «С одним только отрядом, — воскликнул Геминий насмешливо, — вы хотите сражаться и с латинами, и с их союзниками? Что же в это время будут делать консулы и консульские войска?» — «Они вовремя придут на место, — возразил Манлий, — и вместе с ними явится сам всеильный и всемогущий Юпитер, как свидетель нарушенного вами договора. Если при Регильском озере мы дали вам знать себя, то здесь мы приложим все усилия, чтобы навсегда отбить у вас всякую охоту вступать с нами в битву». На это Геминий, отбехавший несколько от своих, возразил: «А не пожелаешь ли ты, пока наступит день, в который вы наконец двинете ваши войска в решительный бой, померяться со мной силами, чтобы теперь же, по исходу нашего единоборства, можно было заключить, насколько латинский всадник превосходит римского?»

Под влиянием ли гнева или стыда отказаться от состязания, увлекаемый ли непреодолимой силой рока, юноша воспламенился мужеством. И он, совсем позабыв о приказании отца и о распоряжении консулов, опрометью бросился в бой, последствия которого, вышел ли бы он из него победителем или побежденным, были бы для него одинаковы. После того, как остальные всадники очистили место, как бы для представления, Т. Манлий и Геминий Меттий бросились друг на друга. И когда они с оружием наперевес столкнулись, то дротик Манлия скользнул по шлему врага, дротик Меттия — но шее лошади Манлия. Тогда борцы поворотили коней. Манлий, размахнувшись первый, ударил дротиком лошадь Меттия между ушей. Лошадь, почувствовав рану, встала на дыбы и, яростно потрясая головой, сбросила с себя всадника. Меттий, опираясь на щит и меч, хотел оправиться от своего тяжелого падения, но Манлий снова опрокинул его на землю таким сильным ударом в горло, что острое дротика прошло сквозь ребра. Сняв с Меттия его военные доспехи, Манлий в сопровождении своего ликующего от восторга отряда возвратился в стан.

Не зная, какая участь ожидает его, удостоится ли он похвалы или подвергнется наказанию, Манлий тотчас же вошел в палатку военачальника, к своему отцу. «Отец, — воскликнул он, — чтобы всякий знал, что я истинно твой сын, я принял вызов врага и приношу тебе доспехи, снятые с убитого мною неприятеля». Но лишь только консул услышал эти слова, как тотчас же отвернулся от своего сына и приказал дать сигнал к сбору воинов. Когда они собрались, консул произнес: «Так как ты, Тит Манлий, не обратил внимания ни на приказания консула, ни

на власть родителя и вопреки нашему запрещению сразился с неприятелем вне строя и таким образом дерзко нарушил воинскую дисциплину, которая до сих пор была опорой римского государства, то ты поставил меня в необходимость выбирать между государством и собой и своими кровными, и я предпочитаю, чтобы мы сами искупили наше преступление, чем причинить республике нашим проступком величайший вред. Я дам печальный, но спасительный в будущем пример юному воинству. Конечно, естественная любовь к детям и в особенности твое прекрасное желание доказать свою храбрость, к чему ты был увлечен ложным представлением о чести, говорят в твою пользу. Но так как, если ты будешь подвергнут смерти, приказания и власть консулов останутся не нарушенными, а если оставить тебя безнаказанным, они потеряют навсегда свое значение, — я уверен, что ты сам, если только в жилах твоих течет хотя капля моей крови, не откажешься восстановить своей казнь поправную твоим проступком военную дисциплину. Ликтор, иди и привяжи его к столбу!»

При таком ужасном приказании все оцепенели. Как бы чувствуя, что топор направлен на каждого из них, воины, скорее из страха, чем из почтения, безмолвствовали. Но когда нанесен был смертельный удар и из обезглавленного тела юного Т. Манлия хлынула кровь, они вдруг пришли в себя и как бы очнулись от нашедшего на них столбняка. Вслед за глубоким безмолвием раздались громкие вопли. Воины дали полный простор своим жалобам и проклятиям. Для трупа юноши воины соорудили за лагерем костер. Затем тело покойного было предано всесожжению в присутствии боевых товарищей и с таким торжеством, с каким до тех пор не совершалось ни одно погребение. С этого времени выражение «приказания Манлия» (*imperia Manliana*) обратилось в поговорку и употреблялось для обозначения кровавой жестокости.

Битва началась у подошвы Везувия. Манлий начальствовал правым, а П. Деций Мус левым крылом. Сначала силы обеих сторон были равны, и они сражались с одинаковым пылом. Но вот на левом крыле показались римские гастаты (составлявшие первую передовую линию тяжелой пехоты). Не вынеся натиска латинян, они подались на принципов (составлявших вторую линию тяжелой пехоты). В эту критическую минуту консул Деций, обратясь к Валерию, громко воскликнул: «Валерий, необходима помощь богов! Верховный жрец, скажи мне слова, с которыми я должен обречь себя смерти для спасения легионов!» И жрец приказал Децию надеть на себя праздничную тогу, встать на положенную на землю стрелу, закрыть голову, подпереть подбородок высвобожденной из-под тоги рукой и произнести следующее: «Янус, Юпитер, отец Марс, Квирин, Беллона, вы домашние боги, вы, новые и старые отечественные боги, вы, боги, в чьей власти находятся и наши и враги, вы, боги подземного мира, к вам обращаюсь со смиренной мольбой. Даруйте римскому народу в лице их квиритов (воинов), силу и победу, а на неприятельских воинов ниспошлите

страх, ужас и смерть. Громогласно заявляю я, что для спасения римского народа, войска, легионов и союзников римского народа я обрекаю манам (богам смерти) и матери земле себя, вместе с неприятельскими легионами и их союзниками». После этой молитвы Деций приказал своим ликторам пойти как можно скорее к Т. Манлию и объявить ему, что он обрек себя на смерть для спасения войска, а сам, опоясавшись по габинскому обычаю и вооружившись, вскочил на коня и бросился в самую середину неприятелей.

Оба войска смотрели на него, как на небесное явление, как на ниспосланную небом искупительную жертву для умиловления гнева богов, для отвращения гибели от своих и внесения ее в ряды неприятеля. Он нес с собою страх и ужас, которые охватили сначала ряды латинян и привели их в замешательство, а за ними и все неприятельское войско. Но всего поразительнее было то, что куда бы ни ступал конь Деция, все трепетало, как при виде звезды, предвещающей несчастье. Когда же он пал под градом стрел¹, когорты латинян в полном замешательстве обратились в бегство и далеко оставили за собой поле сражения. Теперь, как бы почувствовав себя свободными от страха перед гневом богов, выступили и римляне и как бы по только что данному сигналу начали битву. Однако триарии (составлявшие третью боевую линию), опустившись на правое колено, оставались на своем месте и выжидали знака консула, по которому они должны были подняться.

Сражение продолжалось. Когда консул Манлий получил известие об участии своего сотоварища, латины благодаря превосходству своих сил одержали верх на других пунктах. Почтив столь достопамятную смерть подобающей и вполне заслуженной хвалой и слезами, Манлий решил, что наступило время ввести в дело и триариев. Но, полагая, что будет лучше сохранить силы их для последнего, решительного удара, он передвинул из задней линии в переднюю акцензов (легко вооруженные резервные войска). Но как только акцензы выступили вперед, то и латины, следуя примеру своих противников, призвали на поле битвы и своих триариев. Хотя латины и утомились уже от продолжите-

¹ Еще в 362 году один римский юноша явил блистательный пример самопожертвования и тем воодушевил римлян. Об этом Ливий рассказывает следующее. В означенном году посредине городской площади, вследствие ли землетрясения или другого какого геологического явления, осевшая почва дала огромную трещину и образовала бездонную пропасть. Пропасть эту никак не могли засыпать землей, сколько ее ни приносили. авгуры возвестили, что если римляне желают сохранить навсегда прочность своего государственного устройства, то должны принести на этом месте в жертву богам то, что составляет величайшую силу римского народа. Тогда Марк Курций, необыкновенно прославившийся на войне юноша, стал укорять сомневавшихся и спросил, есть ли у римлян что-либо дороже оружия и храбрости. Не получив ни от кого ответа, Марк Курций обратил свои взоры к храмам бессмертных богов, возвышавшимся над форумом и, то воздымая руки к небу, то простирая их к разверстой трещине, к подземным богам, обрек себя смерти. Затем, украсив своего коня, он сел на него и в полном вооружении бросился в пропасть. Множество мужчин и женщин побросало туда же свои дары и полевые плоды. Таким образом озеро Курция получило свое название не от древнего Курция Метта, воина Тита Тация, а в честь Марка Курция.

льной кровавой битвы, обломали и притупили свои дротики, но они все-таки отгеснили неприятеля и полагали, что уже прошли до задних рядов его и одержали победу. Тогда консул обратился к триариям и воскликнул: «Теперь встаньте вы, вы — полные сил, устремитесь на утомленных; вспомните о родине, о родных, о женах и детях ваших, вспомните о консуле, который обрек себя смерти, чтобы вы победили!» Точно из земли выросли, поднялись триарии с свежими силами и сверкающим оружием. Пропустив в свои ряды *антепиданов* (обе передние линии), они издали воинственный крик, привели в замешательство передние ряды латинян и приняли их прямо на копья. Почти без всяких потерь, как сквозь безоружных, прорвались триарии сквозь другие отряды и внесли в них такое кровопролитие, что почти три четверти неприятеля осталось на поле.

Остатки латинского войска и его союзников собрались еще раз при Трифануме, но и здесь были наголову разбиты и совершенно уничтожены (в 340 году). Тогда латины отступили в свои укрепления, между которыми Пренеста в особенности считалась неприступной. Наконец и эти крепости, за исключением Пренесты и Тибура, частью приступом, частью голодом принуждены были сдать. Латинский союз был объявлен расторгнутым. Чтобы сделать восстановление его навсегда невозможным, Рим следовал политике, которая заключалась в том, чтобы совершенно изолировать отдельные города и таким образом сделать их в политическом отношении вполне бессильными. С этой целью римляне постарались посеять между ними раздоры.

Что касается покоренных городов, то с ними было поступлено совершенно иначе. С одними из них, как например с Пренестой и Тибуром, были возобновлены прежние союзнические отношения. Такие города остались независимыми и удержали свое собственное управление и только в случае войны обязывались присоединять свои войска к римским. Напротив, другие города, как например Тускулум, Ланувий, Педум, Кумы, были окончательно подчинены. Жители таких городов несли такие же тягости и повинности, как и римские граждане (уплата налогов и военная служба), но при этом они не получили политических прав (*suffragium*, то есть активное и пассивное право выборов и подачи голосов). Они получили только *jus connubii* и *commercii*, то есть могли вступать в брак с римлянами, покупать и продавать товары в Риме. Таким образом, хотя они и сделались римскими гражданами, но гражданами второго сорта. Все покоренные латинские города обязаны были помогать Риму деньгами и войсками, и помощь эта в случае надобности всегда определялась римскими чиновниками. Поэтому такие города назывались *municipia*, то есть обязанными.

Хотя обращение с покоренными городами вообще было мягкое, но случались и исключения. Некоторые города в наказание за их отпадение были совершенно лишены самоуправления; в других же,

как например сенаторы в Велитрах, за свое особенно враждебное отношение к римлянам были наказаны не только лишением земель, но даже и изгнанием. С некоторыми же городами было поступлено с особенной строгостью, а именно, они были лишены всякой земельной собственности, и на их землях были поселены римские граждане.

Обычный прием римлян для упрочения своего владычества над покоренными народами и городами заключался, как объяснено было уже выше, в умышленном поощрении внутренних смут и раздоров между зажиточными и знатными фамилиями, с одной стороны, и народной массой — с другой. Разительный пример подобного обращения представляет Капуя. Тамошняя аристократия, державшая сторону Рима, не могла воспрепятствовать желанию плебеев присоединиться к Латинскому союзу. При заключении мира, у Капуи были отобраны в пользу Рима ее государственные земли. Для того, чтобы вознаградить аристократию за потерю права пользования государственными землями, ей не только было предоставлено исключительное положение, как например право собственного суда, и назначены были особые места для ее собраний, но плебеи были еще обязаны выплачивать каждому из 1600 аристократов (*equites*, всадников) ежегодную пенсию в 450 драхм (около 150 р.). Это сделано было с той целью, чтобы каждый в споре о своих интересах приучался искать опоры в Риме и тем самым постепенно привязывался бы к Риму.

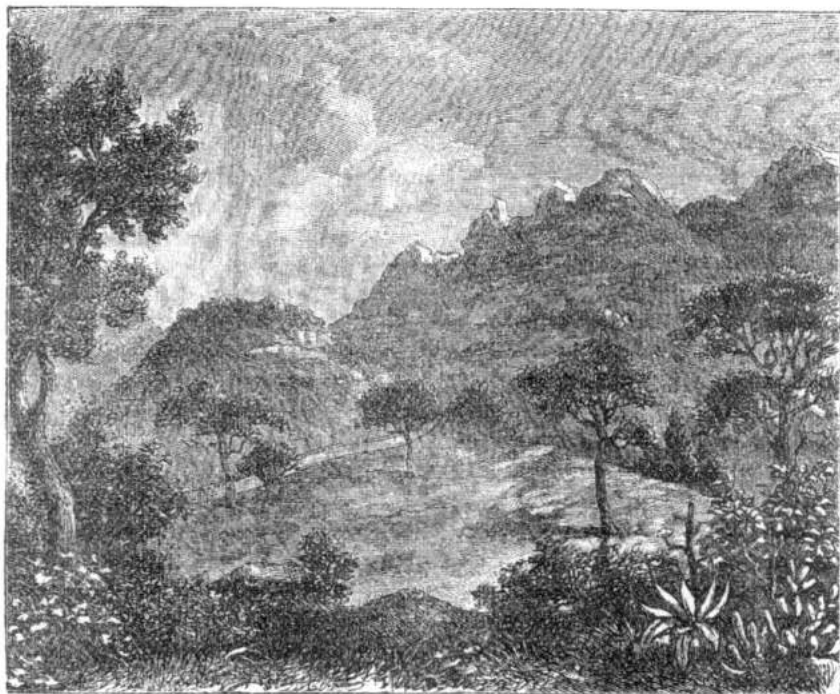
3. Вторая Самнитская война (325—305 гг. до Р. X.)

Римляне все далее и далее подвигались на юг. Они овладели уже важным пунктом Калесом и основали в нем колонию, то есть укрепление с гарнизоном, состоявшим из 2500 римских граждан. Самнитяне, до тех пор избегавшие из боязни почти всякого столкновения, не могли долее оставаться равнодушными к столь угрожающему возрастанию римского могущества. Теперь разрыв сделался неизбежен и составлял лишь вопрос времени. Повод к нему скоро представился¹. В одном маленьком городе, Палеополе, колонии римского муниципального города Кум, враждовали между собой, как и в других местах, аристократическая и народная партии. Народная партия опиралась на самнитян, а аристократическая на римлян, которые всегда были готовы, как мы видели в Капуде, поддерживать аристократов.

По приглашению народной партии самнитяне заняли Палеополь своим гарнизоном. Это дало римлянам повод ко вмешательству. Они

¹ Рассказ Ливия о том, что жители Палеополя выказали будто бы неприязненные отношения к римским гражданам, поселившимся в окрестностях этого города и, как виновные в этом, навлекли на себя мщение римлян, не заслуживает ни малейшего доверия. (Ине, I, 321).

не замедлили воспользоваться этим обстоятельством, чтобы увеличить свое могущество, и заключили союз с луканами и апулийцами, у которых с самнитянами не раз возникали споры. Кроме того, римляне сумели уговорить к соблюдению если не дружбы, то по крайней мере нейтралитета, жившие к северу от Самниума сабельские племена марсов, пелигнов, марруцинов и вестингов. Таким образом самнитяне были совершенно изолированы.

Кавдинское ущелье.

Перед таким важным предприятием, по понятию римлян, для них прежде всего необходимо и полезно было заручиться благосклонностью богов. С этой целью был отпразднован так называемый л е к т и с т е р н и й, который состоял в том, что изображения богов клали на дорогие подушки и расставляли перед ними столы с кушаньями. Таким образом боги, как бы гости, приглашенные народом на торжественный пир, вынуждены были оказать пригласившим их свое благоволение. Хотя война уже была решена, но чтобы не пропустить ни малейшей формальности, были отправлены фециалы потребовать от самнитян очищения Палеополя. Самнитяне отказались исполнить это требование под тем предлогом, что за несколько лет перед тем римляне без всякого повода заняли самнитский город Фрегеллы на Лирисе и

основали в нем свою колонию. Отказа этого было вполне достаточно для получения права к формальному объявлению войны.

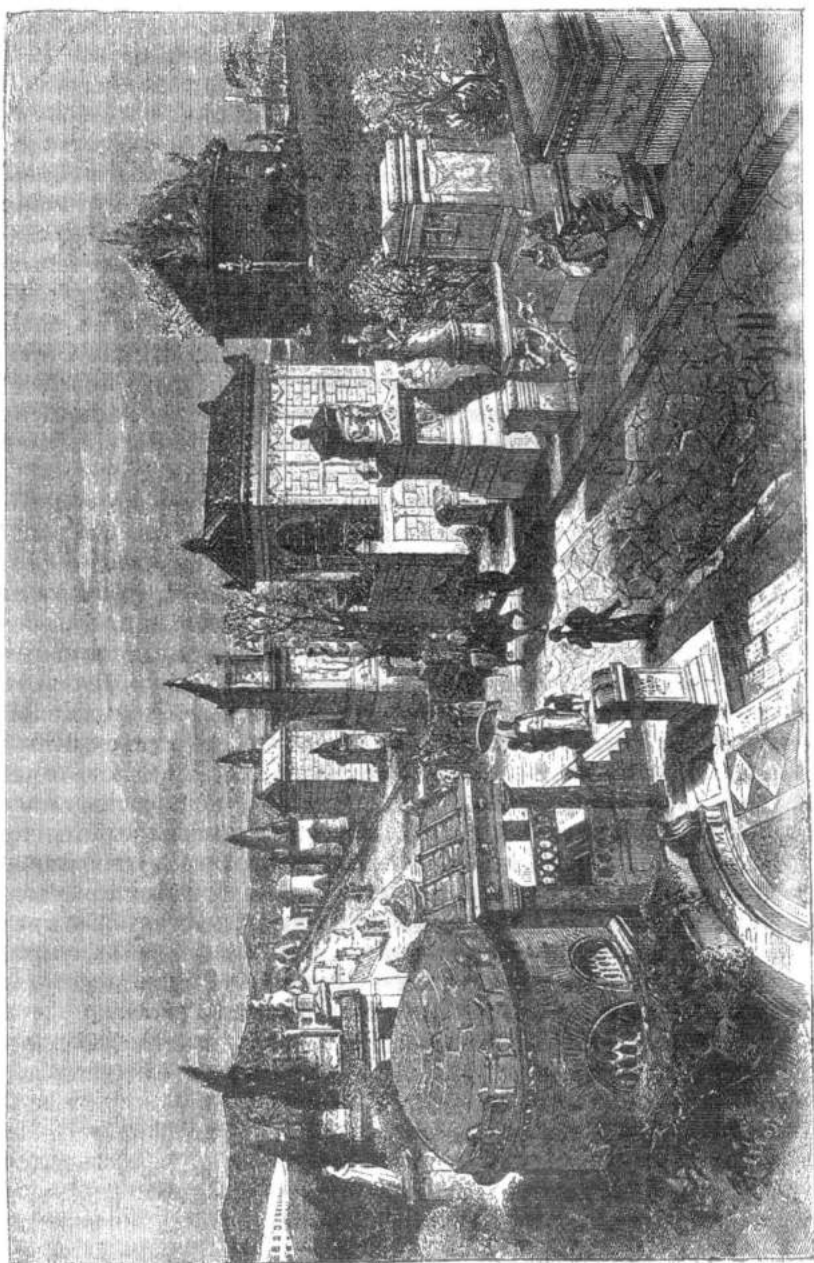
Из Второй Самнитской войны¹ мы укажем и остановимся несколько долее лишь на важнейших лицах и событиях. Самой выдающейся геройской личностью является диктатор Л. Папирий Курсор. Строгость его вошла в поговорку. Будучи вызван в Рим для совершения ауспий, он отдал своему начальнику конницы, К. Фабию Руллиану, строжайшее приказание избегать во время его отсутствия всякого столкновения с неприятелем. Но Фабий решился воспользоваться представившимся ему благоприятным случаем, дал сражение и одержал блестящую победу. По преувеличенным показаниям семейной хроники Фабиев, неприятель потерял в этом деле 20 000 человек убитыми. За такое послушание Папирий угрожал Фабию смертной казнию. Фабий бежал в Рим и искал защиты у народа. Но диктатор последовал за ним и только по неотступным просьбам народа и трибунов согласился помиловать нарушителя воинской дисциплины; однако Папирий отрешил Фабия от должности. После этого Папирий вернулся к войску, разбил самнитян, опустошил их область и принудил их к перемирию. Оно было для римлян весьма кстати, так как в это самое время в Лациуме вспыхнуло восстание, в котором в особенности приняли участие Тускул и Велитры. С благоразумной снисходительностью Рим согласился на требования восставших латинян и включил их в число полноправных римских граждан.

Примирение с латинянами вполне отвечало правильной политике. Это не замедлило обнаружиться, когда военное счастье изменило на время римлянам. Самнитский полководец Понций взял в осаду находившийся в союзе с римлянами город Луцернью. Чтобы спасти этот ключ Апулии, выступили избранные на 321 год консулы Т. Ветурий и Сп. Постумий с соединенными войсками в числе 40 000 человек. При проходе через гористую область они понесли близ Кавдия тяжелое поражение (в 321 году до Р. Х.), а на обратном пути были окружены в узком горном ущелье (*Pugulae Caudinae*), все выходы которого были заняты победоносным неприятелем². Выходы были заграждены засеками и валами и со всех сторон, из лесных чащ и горных расселин виднелись самнитяне. Войско попало в западню и вынуждено было отдаться на волю неприятеля.

По тогдашним правилам войны Понций мог все войско или обезглавить, или продать в рабство. Он обратился к своему отцу, Гереннию, с вопросом о том, как следует ему поступить с римлянами. Опытный старец посоветовал или казнить все войско до одного человека,

¹ По мнению Ине (I, 326), описание Ливия Второй Самнитской войны страдает непоследовательностью и неясностью; главным же образом передаваемые им рассказы, при одностороннем изложении с точки зрения римлянина, при национальной гордости и родовом тщеславии автора, разукрашены и искажены.

² По мнению Нибура, III, стр. 246, и Ине, I, стр. 332, показание Ливия, что не происходило никакого сражения и что все римское войско в полном составе, подобно «овцам в загоне», попало в ловушку, представляется крайне неправдоподобным.

Аппиева дорога. Реставрация А. Шилля.

чтобы тем вконец ослабить Рим, или отпустить его без малейшего оскорбления и с почетом, чтобы тем обязать римлян благодарностью. Понций решил избрать среднюю меру. Он потребовал очищения Калеса и Фрегелл, признания самнитян свободным, равноправным с римлянами народом и выдачи 600 всадников в качестве заложников. К этому Понций присоединил еще унижительное для римской национальной гордости условие: римляне должны были пройти «под ярмом». Ярмо это было составлено из двух копий, вертикально вбитых в землю, на которых было укреплено третье на такой высоте, что человек лишь с трудом мог пройти под ним. Через эти ворота гордые римляне, по сдаче своего оружия и имущества, должны были пройти в одних только туниках. Консулам и военным трибунам ничего не оставалось другого, как принять эти условия. И вот римское войско с консулами во главе, скрежеща зубами от бешенства, с опущенными от стыда зорами, прошло под ярмом. В Риме был наложен общественный траур, торговые заведения были закрыты, суды прекратили свою деятельность. День Кавдинского позора, подобно дню Аллии, а впоследствии сражения при Каннах, считался с этих пор днем национальной скорби.

Однако сенат отказался утвердить заключенный с самнитянами договор. Но надо было искать оправдания неисполнения условий договора, так как, без сомнения, договор был заключен консулами от имени римского народа, ибо римское войско, как войско, состоявшее из граждан, могло заступать место римского народа. Конечно, вполне сознавалось, что это можно было сделать, лишь нарушив данное слово. Но была найдена и отговорка. По предложению, сделанному в сенате консулом Сп. Постумием, договор был объявлен недействительным, как заключенный без согласия сената и народа; вина в этом оказалась на стороне самих самнитян, которые упустили из виду обеспечить ратификацию (признание действительным) договора достаточным числом заложников. Но для того, чтобы соблюсти формальную сторону договора, Сп. Постумий предложил выдать неприятелю в его полное распоряжение вместе с двумя народными трибунами обоих консулов, квесторов и военных трибунов, которые поручились самнитянам в исполнении договора своим словом. Он сам, присвоив купил Постумий, готов тотчас же позволить отвести себя и уверен, что бывший сотоварищ его и остальные питают не менее благородные чувства.

Действительно, все они изъявили на это полную готовность. Сенат приказал фециалу торжественно выдать самнитянам виновников договора скованными и затем счел себя свободным от всякого дальнейшего обязательства. Неприятельский полководец П о н ц и й отказался принять их и настаивал на исполнении договора. Он соглашался или на полное исполнение договора, или на возвращение войска на прежнее расположение его в ущелье. Тогда консул Постумий толкнул ногой римского фециала и объявил при этом, что он теперь самвитянин и, оскорбляя фециала, дает римлянам законный повод к войне. Понций, глубоко разгневанный такой лицемерной выходкой, вос-

кликнул: «Неужели вам, старикам и бывшим консулам, не стыдно издеваться так над религией и стараться оправдать свое вероломство подобными детскими уловками? Иди, ликтор, сними с пленных цепи! Никто не должен быть удерживаем нами насильно!» И в своей благородной гордости он не только отпустил выданных ему головой, но и 600 заложников и снова взялся за оружие.

Война возобновилась и, как кажется, вначале не была благоприятна римлянам. Только в 314 году до Р. Х. удалось им отнять Луцерию у самнитян и снова подчинить своей власти начинавших изменять кампанцев и в особенности капуанцев. Случившееся в это же время восстание этрусков было также подавлено. Но 22-летняя, полная изменчивости борьба не привела римлян ни к какой решительной победе. Хотя у самнитян и были отняты Кампания и Апулия и обе эти области были многочисленными колониями обеспечены от будущих нападений, все же самнитяне оставались непобежденными в своих недоступных горах, куда римляне не отваживались за ними следовать. Поэтому римляне решились заключить мир. Хотя самнитяне и признали главенство Рима, но с тем почетным условием, что они сохраняют свою свободу.

4. Третья Самнитская война (298—290 гг. до Р. Х.)

Наступившим после заключения мира спокойствием римляне воспользовались для упрочения своей власти. Латины большей частью были приняты в число римских граждан. Повсюду были основаны колонии, которые состояли из римлян и латинян. Для обеспечения сношений с Капудей была окончена начатая еще цензором Аппием Клавдием во время войны в 312 году дорога. Эта *Via Appia*, «царица дорог», была плотно вымощена квадратными камнями и была так широка, что на ней две нагруженные телеги могли разехаться совершенно свободно. Чтобы вполне изолировать самнитян, римляне заключили союзы с окружающими их народами: марсами, пелигнами, марруцинами и вестинами, луканами и апулийцами.

Повод к Третьей Самнитской войне подали луканы. Самнитяне вновь произвели опустошительные набеги на равнины Лукании и Апулии и завладели в них стадами и жатвой с плодородных полей. В таком бедственном положении луканы обратились за помощью в Рим. Здесь просьба их была принята благосклонно. Но и самнитяне, со своей стороны, нашли не менее значительных союзников в лице галлов (кельты), которые по их приглашению вновь вторглись в Италию. Таким образом римские войска должны была разделиться и не могли действовать с надлежащей энергией в самом Самниуме.

Опасность галльского нашествия приближалась с севера. После того как пропретор Л. Корнелий Сципион Барбат потерпел в Этрурии жестокое поражение, причем был истреблен до последнего человека

захваченный врасплох целый легион, в воспоминании народа вновь воскресло страшное представление о галльских ужасах. Римляне напрягли все свои силы. Два консульских войска под начальством Деция и Фабия выступили против неприятеля, третье находилось при Фалерии под предводительством пропретора Кнея Фульвия и, наконец, четвертое прикрывало Рим. При Сентине, в Умбрии (в 295 году до Р. Х.), консулы сошлись с галлами, с которыми успел соединиться отряд самнитского войска под начальством Егнатия-Геллия. Галльские военные колесницы, которые римляне видели здесь впервые, не замедлили внести в их ряды ужас и замешательство. В эту критическую минуту консул П. Деций - Мус, подобно своему отцу в сражении при Везувии, решился добровольно обречь себя в жертву богам и тем настолько воодушевил поколебавшиеся уже ряды римлян, что они привели неприятельские войска в полное расстройство. Римляне победили, и таким образом нашествие галлов вторично было отражено храбростью и военным искусством.

Между тем самнитяне, пользуясь отсутствием римского войска, собрали все свои силы, вторглись в Кампанию и опустошили ее. Однако они не в состоянии были овладеть римскими крепостями, в особенности Луцерией. Тем не менее избранные в 294 году до Р. Х. консулами Л. Постумий-Мегелл и М. Атилий-Регул при попытке освободить Луцерию понесли чувствительную потерю. Напротив, консулы 293 года Л. Папирий-Курсор, сын диктатора, и Сп. Карвий при Аквилонии одержали, как кажется, довольно решительную победу. Но в следующем году самнитяне в свою очередь одержали значительную победу над консулом К. Фабием Максимом Гургом. Тогда отец консула, престарелый К. Фабий, испросил разрешение служить под начальством сына в качестве его легата. Самнитяне были разбиты, а полководец их, Понций, был взят в плен. Фабий вел его в оковах в своем триумфальном шествии, а римляне не сочли недостойным великого народа предать смертной казни Понция, некогда пошадившего их при Кавдии. Однако и после этой великой потери самнитяне не были покорены, а превосходными римскими силами только были отброшены в свои горы. Лишь в 290 году консул Маний Курий Дентат¹ сломил их сопротивление решительной победой и принудил к заключению мира. Но и этим мирным договором была вновь утверждена независимость самнитян и вновь восстановлен, по крайней мере формально, существовавший с ним когда-то союз. На самом же деле этот храбрый горный народ в отомщение за понесенные им оскорбления всегда держался вдали от римлян и не пропускал никакого повода, чтобы не присоединиться к их врагам. При сильном истощении сил самнитяне должны

¹ Маний К. Дентат считался образцом древнеримской простоты нравов. Самнитские послы, отправленные к нему для ведения переговоров, нашли его приготавливавшим себе в глиняном горшке кушанье из репы. Когда они предложили Манию золота и серебра, то он ответил им, что не нуждается в них и предпочитает господствовать над людьми, обладающими золотом и серебром.

были отказаться от мысли поколебать могущество римского государства одними собственными силами. Римляне же пожали плоды своей непоколебимой настойчивости и неистощимого самопожертвования: они достигли бесспорного владычества над Средней Италией.

5. Война с Тарентом и Пирром (282—272 гг. до Р. Х.)

С поражением храброго самнитского народа пала последняя преграда, которая препятствовала римлянам распространить свою власть и на южную часть полуострова. Теперь наступила очередь греческих приморских городов: Кротона, Фурий (построенного на месте древнего Сибариса, который погряз в постыдной роскоши и был разрушен в 510 году до Р. Х. жителями Кротона), Локров, Регия и других. Все эти города утопали в роскоши и разврате. Вместо того, чтобы в ожидании более или менее близкого столкновения с римлянами сплотиться между собой, они расточали свои силы в кровавых междоусобных распрях и бурных внутренних раздорах партий. Вследствие этого города эти, почти неспособные к сопротивлению, неминуемо должны были пасть под напором сильного, стремившегося к завоеваниям римского народа.

Под конец такая участь постигла и Тарент, бывший в то время богатейшим и значительнейшим городом в Великой Греции. Положение на узкой косе, образовавшей превосходнейшую гавань, благоприятствовало развитию мореплавания и торговле. Тарентинцы приложили все свое старание и все свои способности, чтобы воспользоваться выгодными природными условиями. У них развилась значительная промышленность по ткацкому производству и по выделке пурпуровой краски и скоро их город достиг значительного благосостояния. С энергией отбивались тарентинцы от разбойничьих набегов соседей: самнитян, луканов и сиракузских тиранов. Во время самнитских войн они сохраняли нейтралитет тем более, что в их интересах было не допускать совершенного истощения самнитян. Но когда римляне основали в Венузии, поблизости от Тарента, свою колонию, то тогда не могло уже быть никакого сомнения в намерении римских легионов.

Отряды луканов в надежде на добычу стали теснить богатый греческий город Фурии. Чтобы избавиться от предстоявшей им контрибуции, жители Фурий обратились за помощью к римлянам. Римляне тотчас же отправили в угрожаемый пункт войско под начальством К. Фабриция, отбросили луканов и заняли своим гарнизоном не только Фурии, но и остальные греческие города, за исключением Тарента.

Осенью 282 года до Р. Х. перед Тарентом внезапно появилась римская эскадра из десяти военных судов. В этом тарентинцы усмотрели нарушение мира, наглый вызов, одним словом — насилие, значение

которого получало еще большую важность, так как этим обстоятельством самым грубым образом нарушалось условие старинного, заключенного еще в 301 году, договора. В силу этого договора ни один римский корабль не должен был плавать дальше Лапинийского мыса. Поэтому несколько не было удивительно, что частью населения, враждебной римлянам, овладело величайшее раздражение; она боялась, что город может попасть в руки римлян вследствие предательства расположенной к Риму аристократической партии.

Стоявшие в гавани корабли были поспешно вооружены, и с римской эскадрой завязалось жаркое сражение. Четыре римских судна были потоплены, а одно было захвачено. Предводитель римской эскадры пал в битве; пленные были частью казнены, частью проданы в рабство. Затем тарентинцы напали на римский гарнизон Фурий. Он должен был сдаться, но был отпущен на волю. Аристократическая партия, дружелюбно расположенная к римлянам, была изгнана, и в городе было установлено демократическое правление.

Скоморох.
С античного барельефа.

Римляне тотчас же отправили в Тарент посольство требовать удовлетворения. Кроме вознаграждения за убытки, удовлетворение это должно было заключаться в выдаче предводителей демократической, враждебной римлянам, партии, которые заставили совершить нападение на римскую эскадру. Послов привели в театр¹ для того, чтобы весь народ мог выслушать их требования. Глава посольства, престарелый Постумий, муж, достойный уважения, бывший три раза консу-

лом, собирался начать уже речь, но едва он открыл рот, как расходившийся народ начал смеяться над его греческим произношением. Затем при выходе из театра один скоморох, пользуясь теснотой, подошел к послу сзади и запачкал его тогу грязью, что возбудило снова всеобщий смех толпы. Но тогда старец грозно воскликнул: «Эта одежда будет вымыта потоками вашей крови!» Затем послы покинули город. Сенат послал приказание консулу К. Эмилию Барбуле, который находился уже с войском в Самниуме, немедленно выступить против Тарента.

Тарентинцы чувствовали себя слишком слабыми, чтобы одним отважиться на войну с римлянами. Имевшаяся в виду помощь соседних народов: луканов, брутиев и самнитян, готовых во всякое время выступить в поле против своего заклятого врага — римлян, также не представлялась им достаточной. Поэтому тарентинцы обратились за помо-

¹ По мнению Инге, I, стр. 421, рассказы эти, приводимые Плутархом, Аппианом и Дионом Кассием, недостоверны и выдуманы для того, чтобы представить в еще более ярком свете добродетели римлян в сравнении с недостатками выродившихся греков.

щью к храброму царю эпирскому — Пирру. И не напрасно. Предложение их как нельзя более отвечало любимой мечте юношески-отважного властителя Эпира — основать, в союзе с греческими городами Нижней Италии, западное греческое царство в Италии и Сицилии. Но Пирру скоро пришлось убедиться в том, что он слишком низко ставил военное значение Рима.

Весной 280 г. Пирр высадился на Итальянский полуостров с 20 000 тяжеловооруженных воинов, 3000 всадников, 2000 легковооруженных стрелков, 500 пращников и 20 боевыми слонами. Прибыв в Тарент, он, к крайнему неудовольствию тарентинцев, ввел в нем строгий порядок. Все молодое поколение было привлечено к военной службе, гимназии и театры были закрыты, места для прогулки загорожены, заседания народного собрания на время прекращены. Что касается расчетов Пирра на отпадение от Рима союзников, то в этом отношении ему пришлось обмануться. Чтобы обеспечить себе верность союзников, римляне заняли гарнизоны все ненадежные города и взяли из них заложников. Таким образом Пирр имел в своем распоряжении лишь свое собственное войско и вспомогательные отряды Тарента.

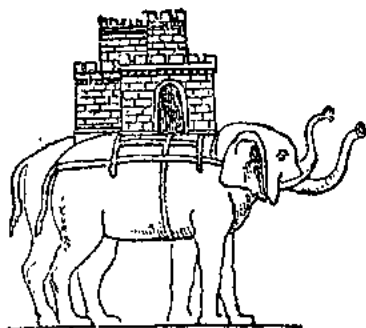
Между тем против Пирра выступил уже римский консул П. Валерий Левин с двумя римскими и двумя союзными легионами силой около 25 000 человек. При Геракле, на реке Сирисе, впервые столкнулись македонская фаланга и римский боевой строй. Семь раз покушались римляне прорвать фалангу, стоявшую незыблемо, как стена. Все было тщетно; бой все продолжался. Но вот пал Мегакл, один из лучших полководцев Пирра, который носил его оружие. Войско вообразило, что пал сам царь; ряды поколебались, и консул Левин, думая, что он одерживает уже победу, стремительно направил всю свою конницу на фланги неприятеля. Но Пирр с непокрытой головой объехал ряды пехоты и вновь вдохнул мужество в свои войска. Против конницы были направлены стоявшие до тех пор сзади слоны

*Пирр.
С античной статуи.*

с башнями на спинах, в которых помещались воины. Лошади испугались слонов; воины не ожидали появления мощных животных и обратились в бегство. Превосходная фессалийская конница Пирра произвела кровопролитнейшую резню между бегущими. Римское войско было бы все уничтожено, если бы римский воин Кай Муниций не ранил одного слона и не внес тем замешательства в преследовавшие войска, и только благодаря этому обстоятельству остаткам римского войска удалось отступить за Сирус.

Победа при Гераклее в глазах италийских греков окружила главу эпирского героя ореолом могущества. Теперь Тарент охотнее, чем прежде, давал средства, необходимые для ведения войны. Толпы бру-

Боевые слоны.

тиев, луканов и самнитян спешили под победоносные знамена Пирра. Но потери царя были также весьма значительны и трудно вознаградимы. Неустрашимая храбрость римлян тоже произвела на него такое глубокое впечатление, что теперь он думал только о том, как бы по возможности скорее окончить войну. С этой целью он вступил в переговоры, для чего и отправил в Рим с мирными предложениями своего советника, фессалийца Киней, человека, отличавшегося умом и характером, бывшего ученика

Демосфена. Киней старался взятыми с собой богатыми подарками расположить в свою пользу влиятельных в Риме мужей и женщин, но ни в ком не встретил сочувствия.

В это время в Риме простота нравов, умеренность в потребностях и неподкупность почитались еще такими высокими добродетелями, что один сенатор был изгнан из сената за то, что имел в своем доме десять фунтов серебряных вещей. Тщетно изливал Киней свое необыкновенное красноречие в римском сенате: большая часть сенаторов ничего и слышать не хотела о соглашении и мире. Однако некоторые из сенаторов считали положение вещей весьма опасным и находили выгодными предложения Пирра, который соглашался удовольствоваться тем, чтобы за греческими городами была восстановлена и признана их прежняя свобода. Но лишь только они высказали такое мнение, как поднялся престарелый сенатор Алпий Клавдий, прозванный К е к о м, то есть слепым, который давно уже не участвовал вследствие своей слабости и слепоты в заседаниях сената, но на этот раз приказал рабам своим принести себя на носилках в собрание. «До сих пор, — вскричал он, — я сожалел о потере зрения; теперь же я желал бы быть еще и глухим, чтобы не слышать недостойных советов, внушаемых вашим малодушием! Как, вы, которые хвастались, что разобьете в прах великого Александра, если бы он пришел в Италию, трепещете теперь

перед Пирром, который во всю свою жизнь не смел мечтать ни о чем большем, как быть оруженосцем одного из телохранителей Александра?» Когда Аппий Клавдий окончил свою речь, консулы отпустили полслов с следующим ответом: мирные переговоры могут быть начаты только после того, как Пирр удалится из Италии.

Киней по возвращении своем не мог описать Пирру всего своего изумления: «Этот сенат, — говорил он, — показался мне советом царей; народ же настолько готов к войне, что консул снова уже собрал вдвое больше войска, чем было у него до битвы».

Между тем Пирр вторгнулся в Кампанию. Но ему не удалось овладеть укрепленными городами Капуей и Неаполем. Тогда он направился на север, взял Фрегеллы и дошел до Анагнии в области герников. Но здесь Пирр нигде не встретил сочувственного приема, и так как положение среди неприятельской страны становилось все затруднительнее и затруднительнее, то он, не беспокоимый неприятелем, возвратился в Тарент, чтобы расположиться здесь на зимних квартирах.

Сюда римляне отправили посольство для переговоров о выкупе пленных. Главой посольства был К а и Ф а б р и ц и й. Еще прежде Киней изобразил его царю как мужа, который, несмотря на величайшую бедность, пользуется у римлян высоким уважением за свою честность и храбрость. Пирр обошелся с ним дружелюбно и просил его принять богатый подарок, как знак высокого к нему уважения и гостеприимства. Фабриций наотрез отказался от подарка. На следующий день Пирр захотел испытать его присутствие духа. Прежде чем принять его, он приказал скрыть за занавесью самого большого из своих слонов, животное, какого Фабриций никогда еще не видывал. По окончании переговоров царь подал знак, занавесь отдернули, и слон с ужасным ревом поднял свой хобот над головой римлянина. Пирр с любопытством наблюдал за выражением лица Фабриция, но посол хладнокровно обратился к царю и сказал, усмехаясь: «Как вчера деньги твои не прельстили меня, так теперь не путает меня твой слон!»

Пирр пытался еще несколько раз уговорить великого мужа остаться у него в качестве друга и первого полководца, но тщетно. Чтобы произвести на римлян благоприятное впечатление, Пирр позволил всем римским пленным отправиться в Рим на предстоявшее большое празднество сатурналий и провести их там весело со своими, но по окончании праздника они обязывались возвратиться в его лагерь. Они отправились и пришли назад к назначенному сроку, так как сенат грозил смертной казнью тому, кто останется.

Старания прийти к мирному соглашению не увенчались успехом. Обе воюющие стороны стали готовиться к новой борьбе.

Весной следующего (279) года произошло второе большое сражение при А с к у л у м е, в Апулии. Пирр снова одержал победу. Но потери его опять были настолько значительны, что он воскликнул: «Еще одна такая победа, и мы погибли!»

Положение Пирра было тем более ясно ему, что он чувствовал, что силы его истощаются, а сила сопротивления Рима, напротив, растет с каждым днем. Поэтому для Пирра явилось желанным исходом из затруднительного положения приглашение сиракузян отправиться к ним на помощь против карфагенян, сильно теснивших их со времени смерти Агафокла (в 286 году). Он поспешно заключил перемирие с римлянами, которые с удовольствием видели, что опасность миновало.

Оставив эпирские гарнизоны один под начальством Милона в Таренте, а другой под начальством сына своего Александра в Локрах, Пирр поспешил в Сицилию и в короткое время освободил от карфагенян весь остров, за исключением городов Лилибея и Мессаны, но при штурме сильно укрепленного Лилибея его силы истощились, а восторженное воодушевление греков, с которым они приветствовали его, как избавителя, превратилось в неудовольствие и жалобы на его суровое и жестокое с ними обращение. Поэтому, вновь призванный тарентинцами на помощь, Пирр воспользовался этим благовидным предложением, чтобы покинуть неблагодарных. Между тем в Нижней Италии римляне вновь овладели греческими городами Кротонем и Локрами, и только Регий и Тарент сохранили свою независимость.

Таково было положение дел, когда Пирр осенью 276 года отплыл из Сиракуз с новым флотом. Плавание не обошлось без потерь. Карфагеняне напали на Пирра, и он потерял много кораблей. И мамертинцы, наемники сабелльского происхождения, завладевшие Мессаной, также старались преградить ему путь. Несмотря на это Пирр пробился сквозь них и достиг Тарента. Но здесь все изменилось. Прежнее одушевление исчезло. Только по принуждению последовали за Пирром самнитские и кампанийские наемники и силой набранные греки, которыми с трудом удалось пополнить собранные им незначительные остатки эпирского войска.

Весть о возвращении царя распространила в Риме панический ужас. Лишь с помощью насильственных мер удалось принудить к военной службе оробевших граждан, трепетавших перед столкновением со слонами. Были образованы два консульских войска. Одним предводительствовал Л. Корнелий Лентул, другим — знаменитый Манний Курий Дентат. Маний встретился с главными силами неприятеля при Беневенте (в 275 году до Р. Х.). Консул решил дожидаться прибытия своего сотоварища и в ожидании его укрепился на возвышенности. Но Пирр, поставив слонов в переднюю линию, приказал войскам своим идти на приступ. Римляне выжидали неприятеля в надежной позиции и стали бросать в слонов зажигательные стрелы, обернутые паклей, вымазанной дегтем, и снабженные зазубренными наконечниками. Слоны испугались, повернули назад, начали топтать своих же и произвели величайшее замешательство. Войско, составленное из самых ненадежных элементов, пришло в совершенное расстройство, и поражение царя было самое решительное. Курий удостоился за это

блистательного триумфа, при котором в качестве трофеев следовали четыре боевых слона.

Пирр не мог долее держаться в Италии. При недостатке у него средств для ведения войны и хорошо обученных войск борьба была бы не равна. Что же другое оставалось ему делать, чтобы избежать катастрофы, как не оставить страну с возможной поспешностью? Он отплыл с 8000 пехоты и 500 всадников в свое отечество, но оставил в Таренте гарнизон под начальством Милона и сына своего Гелена.

Но беспокойный дух увлек Пирра в новые предприятия. Он вознамерился овладеть престолом Македонии, для чего и объявил войну Антигону Гонату. Вначале Пирр вел ее счастливо, но при штурме Аргоса пал, пораженный черепицей, брошенной ему в пылу боя в голову одной женщиной.

С удалением Пирра беззащитная Нижняя Италия сделалась добычей римлян. Они не замедлили пожать плоды своих трудов и усилий. Прежде всего были наказаны сабельские племена, и для удержания их в повиновении и для охранения порядка в их стране были основаны колонии, род наблюдательных крепостей. Затем следовало занятие греческих городов, в особенности приморских, с целью основания в них будущего морского могущества. Римляне знали уже по опыту, что покорение таких городов, как например Тарент, немыслимо без флота. Карфагеняне изъявили готовность оказать римлянам в этом деле свое содействие, втайне замышляя вырвать у них эту добычу. Демократическая партия в Таренте во избежание мщения со стороны римлян, вероятно, предпочла бы сдать город карфагенянам. Но Милон, который потерял всякую надежду на вознаграждение и господствовал над городом из укрепленного замка, сдался римлянам на капитуляцию на предложенных ими весьма выгодных условиях. Он получил право свободного выхода с оружием в руках и сохранял всю свою добычу. Тарент был занят римским гарнизоном (в 272 году до Р. X.). Вскоре после этого пал и Регий, в котором вокруг одного возмущившегося римского легиона собрались разбойничьи шайки из всех окрестных племен. Город был взят приступом, большая часть мятежников была казнена, а 300 человек были отведены в цепях в Рим и здесь — чтобы отбить у союзников на будущее время всякую охоту к отпадению — были наказаны на площади плетью и обезглавлены.

Блеск греческих городов в Нижней Италии исчез навсегда несмотря на то, что они удержали за собой свое местное самоуправление, свой собственный суд, свой язык и свои нравы и были обязаны лишь военной повинностью, преимущественно поставкой и вооружением военных кораблей. Но зато с этого времени, вследствие оживленных сношений, греческий дух начал оказывать свое глубоко проникающее влияние на религию, нравы и литературу римлян. Новые боги, как например греческий бог-целитель А с к л е п и й (Aesculapius — Эскулап) и бог света А п о л л о н были включены в сонм национальных божеств: Ю п и т е р а, Ю н о н ы и М и н е р в ы. Прежняя простодушная вера

высших классов населения была поколеблена под влиянием переселившихся греческих вольнодумцев и атеистов; греческие и восточные чародеи, заклинатели и прорицатели развили в народе склонность к суеверию.

Простота в нравах, жилище, одежде, пище и платье, соответствовавшая занятию земледелием и скотоводством, была вытеснена вследствие сближения с греками их утонченным и роскошным образом жизни. Рядом с земледелием и скотоводством, занятиями, которые, впро-

Асклепий.

чем, еще долгое время продолжали пользоваться в глазах римлян высоким уважением, расцвели принесенные извне ремесла и торговля. У греков римляне научились пользоваться в торговых сношениях вместо тяжелой кованной медной монеты чеканной серебряной. Напротив, греческие науки и искусства не успели еще проложить себе в это время дорогу в Рим, и прошел еще значительный промежуток времени, пока оправдались слова римского поэта Горация: «Побежденная Греция завладела диким победителем и пересадила науки и искусства в деревенский Лациум».

Военное искусство благодаря знакомству с греческой тактикой во время войны с Пирром достигло более высокой степени совершенства. Но настоящей стратегии, то есть искусству ведения войны в высшем значении этого слова, которая учит находить пункты, удобные для нападения и обороны, собирать и направлять войсковые массы, планировать продолжительные и отдаленные походы и согласовать свои действия с действиями своих сотоварищей,

— этому римляне научились во время Второй Пунической войны в школе далеко превосходившего их в этом отношении противника — Ганнибала.

Теперь Рим владычествовал над всей Италией, вплоть до Сицилийского пролива, и старался упрочить свою власть переселением латинских граждан большими массами во вновь приобретенные области. Мера эта долженствовала вести к полному перерождению жителей присоединенных областей по языку и нравам в римлян. Население римской республики по степени политических прав распадалось на два главных класса. К первому принадлежали граждане, притом безразлично, состояли ли они из постоянных жителей Рима, или были

переселены в колонии, или же, в качестве жителей муниципий (*cives sine suffragio*) были лишены высших, почетных политических прав и составляли особенное сословие подданных. Только постоянные полноправные граждане Рима пользовались своими высшими почетными правами. Они имели право выбора и были избираемы. Из них выбирался сенат, управлявший внешней политикой, из них выбирались должностные лица, которые собирали государственные доходы и распределяли государственные повинности; они составляли в своих собраниях (комициях) законы, обязательные на всем пространстве государства. Ко второму классу принадлежали с о ю з н и к и, например латины в Тибуре и Пренесте и греческие города в Нижней Италии; они имели свое собственное управление, но находились в неразрывной договорной зависимости от Рима, которому в случае войны обязаны были поставлять войска и корабли, деньги и съестные припасы.

Динарий.

Квинарий.

Сестерций.

Римские серебряные монеты.

6. Первая Пуническая война (264—241 гг. до Р. Х.)

1) Карфаген и Рим

На все предшествовавшие военные подвиги римлян следует смотреть лишь как на предварительные упражнения ввиду жестокой борьбы, которую предстояло выдержать Риму с его соперником, богатым и могущественным торговым городом на северо-африканском берегу, Карфагеном, властителем Средиземного моря и его прибрежий. Эта борьба представляет увлекательное и в то же время потрясающее зрелище, если принять во внимание громадность вызванных ею материальных и духовных сил, глубокое падение побежденной стороны и важные последствия для победителя.

Город Карфаген был расположен на плодородной возвышенной, покрытой оливковыми и апельсиновыми деревьями местности, которая отлого понижается по направлению к равнине, а в море круто обрывается и образует род мыса. На самой возвышенной части этой местности находился укрепленный замок Бриса. Находясь посреди Тунского (ныне Тунисского) залива, обладая прекрасной гаванью, в изобилии снабженный ключевой водой, как бы самой природой созданный для

торговли, Карфаген с помощью своего деятельного населения не замедлил подчинить своей власти соседей: Утику, Гадрумет, Гиппон и т. д. Затем с помощью колоний и торговых сношений он распространил свое владычество в богатой серебром Испании (Гадес — Кадикс), на острова Сардинию, Корсику, Сицилию и Мальту. Предметами его торговли были: рабы, слоновая кость, золото, серебро, воск, различные ткани, вино и масло.

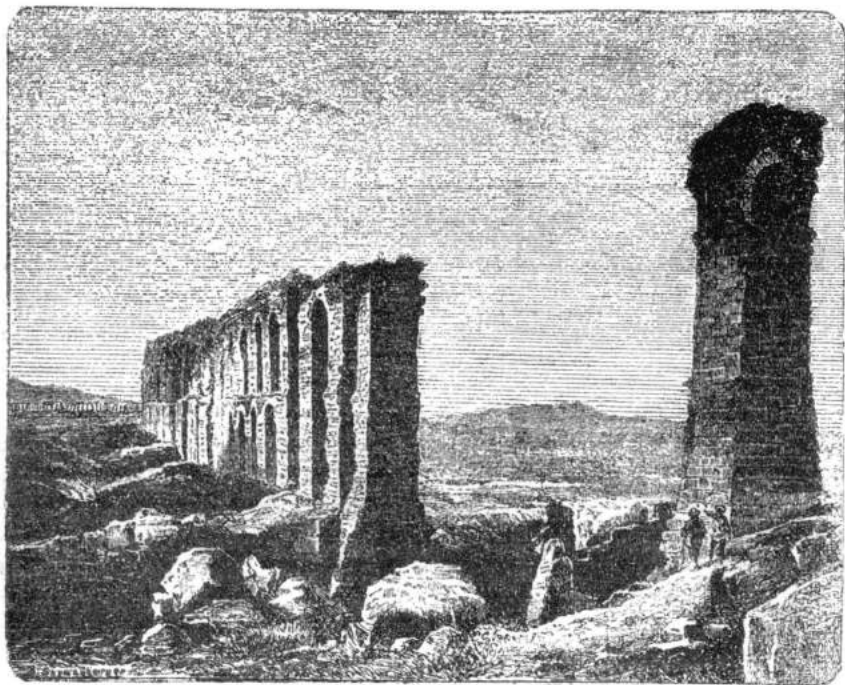
План Карфагена.

Правление в Карфагене было аристократическое. Важнейшие государственные должности находились в руках богатых фамилий: Магонов, Ганнонов, Гамилькаров и т. д. Два избираемых на один год царя («суффеты», то есть судьи) стояли во главе правления, но высшей властью пользовался «совет старейшин», то есть сенат, состоявший из 30 членов; главный же надзор над ними обоими принадлежал «совету ста четырех». При разногласии этих различных правительственных властей дела решались народным собранием, которому, кроме того, принадлежало, кажется, право утверждать предлагаемых советом должностных лиц и военачальников. Население по своему имущественному положению и проистекающему от него влиянию разделялось на два класса: с одной стороны — неимевшая никакой собственности городская чернь, с другой — плутократия, то есть богатые фамилии оптовых торговцев, владельцев плантаций и знатных наместников, которые управляли принадлежавшими государству областями в качестве откупщиков. Управление политикой находилось почти исключительно в руках знатных фамилий; народ же имел на него самое незначительное влияние. Войско состояло преимущественно из наемников и находилось под начальством карфагенских предводителей; что касается флота, то в нем насчитывалось более 300 кораблей.

Религия в Карфагене была та же, что и в Финикии, и при поклонении Молоху карфагеняне приносили даже человеческие жертвы. В народном характере дурные качества далеко превосходили хорошие: рядом с неутомимым трудолюбием замечаются мелочной торгашеский дух и низкая алчность, наряду с патриотическим самоотвержением эгоистический партийный дух, жестокость и слепая расовая ненависть к другим народам, в особенности к грекам и римлянам.

При равенстве в политической мудрости, воинской храбрости и патриотическом самоотвержении, чему мы имеем множество блистательнейших примеров, Карфагенское государство, вообще говоря,

все-таки не доросло до римского. Ему не доставало устойчивой, прочной внутренней силы, вытекающей из однородности населения. Ибо в то самое время, как римляне, имея одно общее происхождение, сходствовали между собой в образе жизни, политических воззрениях и религиозных обычаях, карфагеняне, как финикийские переселенцы, были чужды подвластным им ливийцам, которые, хотя и пользовались личной свободой, но в то же время находились в податном, удрученном положении и всегда были готовы перейти в критическую минуту на сторону неприятеля Карфагена. Карфагеняне не составля-

Развалины водопровода в Карфагене.

ли со своими союзниками и подданными одного целого организма, не слились в один народ, но являлись лишь господствующим народом среди всех этих разноплеменных народностей. К этой национальной слабости присоединялась еще и другая, заключающаяся в географическом положении. В то время как Италия составляла одну сплошную территорию, пространство, достаточное даже для более многочисленного населения, владения Карфагена не были округлены, и, не считая длинной полосы земли, протянувшейся по североафриканскому берегу заключали в себе еще колонии, разбросанные в Сицилии, Сардинии, Мальте, на Балеарских островах и в Испании. Таким образом мы находим у римлян однородное, дружно сплотив-

шееся государство, а у карфагенян, вследствие разнородности составных элементов, государство, не связанное единством и потому подверженное опасностям и не имевшее достаточно прочных сил устоять против тяжелых испытаний.

2) Борьба в Сицилии

По наружности Карфаген до сих пор находился с Римом в дружеских отношениях. Но, несмотря на заключенный в 509 году между обоими государствами торговый договор и на наступательный оборонительный союз, заключенный в 279 г. и направленный главным образом против Пирра, между обоими народами существовала глубочайшая недоверчивость. Недоверчивость эта, после того как очередь дошла до разрешения вопроса об обладании Сицилией, привела под конец к ожесточеннейшей войне. После покорения Италии у римлян совершенно естественно возникла мысль утвердиться и в Сицилии. Этот прекрасный остров уже с давних пор являлся ареной страшнейших политических беспорядков.

Монета Гиерона II.

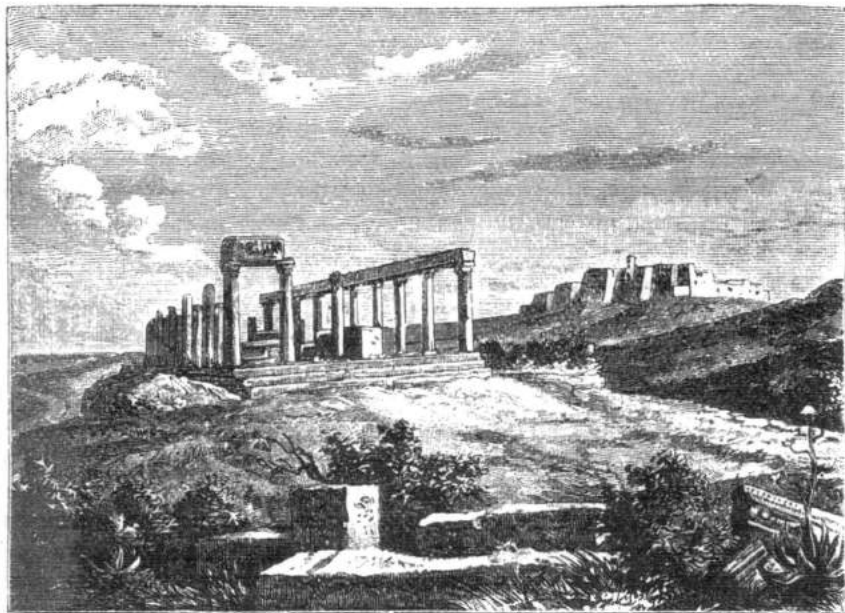
Скоро нашелся предлог вмешаться в эти смуты и, само собою разумеется, с той целью, чтобы прийти в столкновение с карфагенянами, которые привыкли уже смотреть на этот остров, как на свою верную добычу. Непосредственным же поводом к первому неприязненному столкновению между Карфагеном и Римом было следующее. Во время господствовавших в Сицилии замешательств отпущенные Агафоклом наемные войска сабельского происхождения, возвращаясь на родину, за-

владели Мессаной. Эти наемники назывались *мамертинцами*, то есть сынами Марса. Они с варварской жестокостью стали распоряжаться в городе.

Преемник Агафокла, *Гиерон*, осадил их и наверное принудил бы к сдаче, если бы карфагеняне не пришли к ним на помощь. Карфагеняне заняли замок своим гарнизоном, вследствие чего Гиерон вынужден был снять осаду. Римлянам, которые после завоевания Нижней Италии благодаря итальянскому городу Регию господствовали над Сицилийским проливом, было крайне неприятно, что лежащая против Регия Мессана досталась в руки первого торгового в тогдaшнем мире народа. Поэтому римляне с удовольствием услышали о том, что *мамертинцы* ищут посторонней помощи против этих новых властителей. Как скоро *мамертинские* послы явились в Рим, им под ви-

дом бескорыстной готовности помочь было обещано немедленное содействие. Консул Аппий Клавдий Кавдекс в 264 году до Р. Х. переправился через пролив, разбил сперва карфагенян, затем взял Мессану, потом обратился против сиракузян, разбил и их, разрушил многие крепости, оставил в Мессане гарнизон и, обремененный богатой добычей, возвратился в Рим, чтобы отпраздновать там свой триумф.

Эта удача римлян соединила на некоторое время карфагенян и сиракузян для совместных действий. Но когда в следующем затем 263 году в Сицилию были отправлены оба консула с двумя войска-

Развалины Агригента.

ми, составлявшими вместе 4 легиона силой в 36 000 человек, то на острове распространился такой ужас, что в самое короткое время 67 городов покорились римлянам добровольно. Тогда Гиерон понял, что он совершил политическую ошибку, вступив в союз с Карфагеном, и что давно уже была пора приобрести себе друга в опасном соседе. Он сделал предложение вступить в переговоры. Предложение это было принято с благодарностью, так как для римлян было выгодно расторгнуть союз между Карфагеном и Гиероном, иметь в последнем союзника и таким образом получить в свою власть богатые вспомогательные источники острова. Римляне заключили с Гиероном договор на 15 лет; Гиерон обязывался выдать военнопленных, заплатить сумму в 100 талантов и сделаться римским союзником. Его

верным услугам обязаны были римляне большей частью своих успехов во все время этой продолжительной войны, тяжело отзывавшейся на Сицилии. Гиерон никогда не переставал снабжать римлян всевозможного рода запасами.

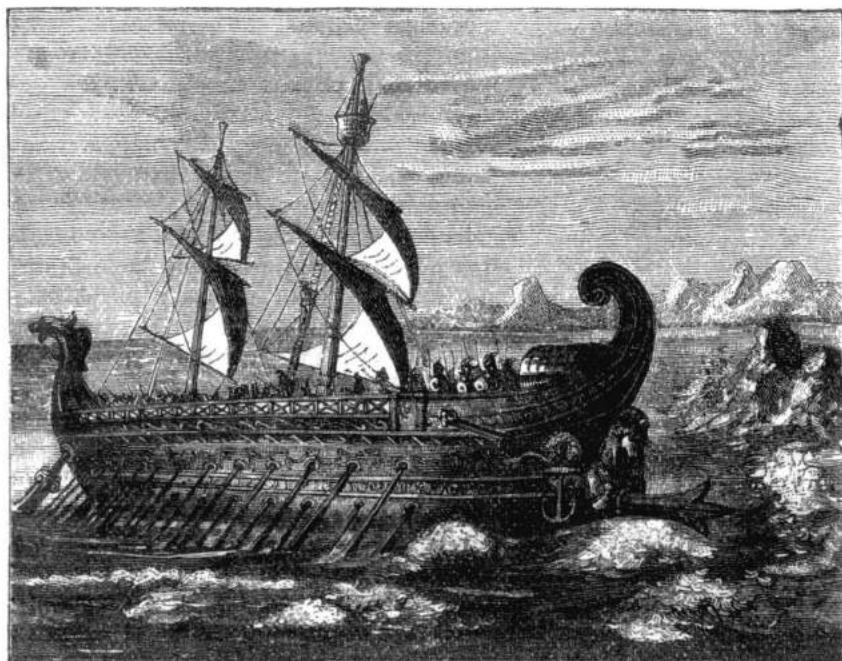
Теперь карфагеняне увидели себя вынужденными, сообразно серьезности положения дел, приступить к значительным вооружениям. Главный их предводитель Ганнибал¹ избрал опорным пунктом для своих действий сильно укрепленный Агригент (Акрагас), расположенный на крутой высокой скале и считавшийся поэтому, по тогдашним понятиям, неприступным. Консулы 262 года Л. Постумий Мегелл и А. Мамилий Витул явились со своими войсками под стенами этого города. Семь месяцев продолжалась осада, и во время нее как осаждавшие, так и осажденные страдали от недостатка в жизненных припасах. Между тем явившееся на выручку города карфагенское войско под начальством Ганнона заняло позицию вблизи римлян и вступило с ними в битву. Римляне одержали блестящую победу. Однако карфагенскому гарнизону удалось в следующую ночь выйти из Агригента и счастливо уйти от неприятеля. Все несчастные жители города были проданы в рабство; сам же город был предан разрушению и разграблению.

3) Морская победа Дуилия при Милах

Несмотря на одержанные успехи, становилось все очевиднее и очевиднее, что без флота борьба с господствовавшим на море Карфагеном не может привести ни к какому решительному результату. Приморские города и вся прибрежная область подвергались непрерывным нападениям карфагенян. Куда только они ни высаживались, они повсюду грабили города, разрушали строения, уничтожали посевы и уводили жителей в неволю. Чтобы действительно охранить римскую территорию от этой опасности, надлежало с большим рвением заняться созданием морских сил, чем это делалось до того времени. Это было исполнено. Полибий передает удивительный факт, что по образцу одной, выброшенной на берег, карфагенской пентеры (пятивесельное судно, quinqueremis) в 60 дней был построен и вооружен флот из 120 военных кораблей с расположенными в два ряда, один над другим, скамейками для пяти гребцов на каждой².

Первое столкновение с неприятелем на море кончилось плачевно. Консул Кн. Корнелий Сципион с эскадрой в 17 кораблей вошел в гавань небольшого острова Липары, но был окружен здесь карфагенским флотом и принужден сдаться со всем экипажем, за что и получил насмешливое прозвище «Азина» — ослица. Однако неудача эта вскоре

¹ Этого Ганнибала не следует смешивать с Ганнибалом, сыном Гамилькара Барки, героем Второй Пунической войны.

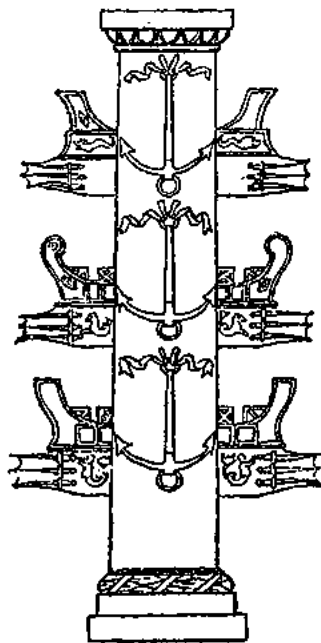
*Трирема.
С модели Наполеона III.*

была заглажена Г. Ду и л и е м. Неожиданно напав на шедшего к нему навстречу карфагенского адмирала Ганнибала, он отнял у него много кораблей и затем вошел в гавань Мессаны. При Милах оба неприятельских флота вступили между собой в решительное сражение (в 260 году до Р. Х.).

Хотя карфагенские корабли по своей быстроте и по способности своих предводителей и экипажа превосходили римские, но римляне придумали остроумное приспособление, доставившее им возможность вознаградить недостаток в морской опытности: а б о р д а ж н ы е м о с т ы. Устройство их (по Ине, II, стр. 49) было следующее. На носу

² Ине, II, стр. 45, совершенно основательно сомневается в возможности выполнения такого дела при тогдашних обстоятельствах. Для этого необходимы были обширные корабельные верфи и много искусных рабочих — условия, которых не было в Риме. Равным образом представляется невероятным, чтобы в два месяца можно было вооружить, как следует, такой флот и найти необходимых для него начальников. Ввиду существовавшего у римских историков обыкновения приписывать услуги союзников без всяких дальних рассуждений самим римлянам, скорее можно предположить, что в постройке флота главным образом участвовали этруски и греки. Предположение же, что это был первый флот, построенный римлянами, является совершенно ложным. Напротив, нам известно, что со времени завоевания Анциума Рим обладал давно уже знаменитой гаванью и кораблями и что появление римской флотилии перед Тарентом послужило поводом к войне с этим городом.

корабля к 24 футовой мачте на высоте 12 футов над палубой приделывалась лестница в 36 футов длиной с поперечными досками вместо ступеней таким образом, что она могла быть поворачиваема вверх, вниз и в разные стороны. Поднимание и опускание производилось при помощи каната, проведенного от конца лестницы через верхушку мачты, а

Колонна Дуилия.

оттуда по блоку на палубу. Лестница была настолько широка, что на каждой ступеньке ее могли стоять рядом два солдата. Для предохранения от метательных орудий и от падения справа и слева были устроены дощатые перила. На конце лестницы находился крепкий, острый, загнутый книзу крюк. Лишь только неприятельский корабль достаточно приближался, как довольно было отпустить канат, удерживавший абордажный мост в вертикальном положении. Мост падал на неприятельскую палубу, крюк крепко впиался в нее и таким образом сцеплял между собой оба корабля. Тогда солдаты бросались с лестницы на палубу и брали ее на абордаж. Таким образом существовавшая до того времени тактика, по которой старались подойти к неприятельскому кораблю с борта и затем со всей силы ударить в него приделанным к подводной части носа железным копьём или «клювом» и, сделав ему пробоину, пустить ко дну, была оставлена. Теперь, собственно

говоря, сражались не корабль против корабля, а человек с человеком, так что морская битва превращалась как бы в бой на твердой земле. Пригодность этого изобретения была доказана самым блестящим образом. Благодаря этому способу было взято на абордаж пятьдесят карфагенских кораблей и большое количество пленных. Сам неприятельский адмирал Ганнибал с трудом спасся и должен был бросить на произвол судьбы свой великолепный корабль.

Велико было ликование по случаю этой морской победы. Дуилий первый удостоился морского триумфа, в котором несли носы взятых им кораблей. В честь Дуилия на форуме была воздвигнута мраморная, украшенная корабельными носами, почетная колонна. Ему предоставлена была еще одна почесть, о которой Катон у Цицерона рассказывает следующее: «В детстве своем я часто видал престарелого Дуилия возвращающимся домой в сопровождении факелоносца и флейтиста, а это не было дозволено ни одному частному человеку: какую необычайную привилегию доставила ему слава!»

4) Регул в Африке

В следующем (259) году война была перенесена на острова Сардинию и Корсику, но она не привела ни к каким особенно важным последствиям. Тогда римляне приняли смелое решение перенести войну в Африку. Такое решение было следствием второй блестящей морской победы, одержанной в 256 году консулом М. Атилием Регулом при Э к н о м е, на западном берегу Сицилии. Имея в своем распоряжении 330 военных кораблей с 40 000 человек экипажа, он разбил карфагенский флот, состоявший из 340 кораблей.

Когда в первый раз произнесено было слово о походе в Африку, среди римских солдат раздался ропот. Один легионерный трибун обратился даже к консулу Р е г у л у и в резких словах выразил нежелание исполнить его приказание. Но Регул, человек отличавшийся суровой строгостью, тотчас же велел ликторам выступить с топорами вперед и затем спросил трибуна угрожающим тоном, желает ли он ему повиноваться. После этого отплытие произошло беспрекословно.

Римляне высадились на Гермейском мысу и нашли там плодородную и прекрасно возделанную страну. Карфагеняне, занимавшиеся с необыкновенной любовью земледелием, сумели при помощи обширной оросительной системы обратить сухую от природы почву в роскошный сад. Многочисленные селения и города, роскошные загородные дома манили к себе хищных неприятелей, которые, грабя и опустошая все на пути своем огнем и мечом, рассеялись по всем полям и тем отомстили карфагенянам за их разбойничьи набеги на итальянские берега. Ровная страна и открытые города не могли защищаться против римских легионов. Приходилось напрячь все силы, чтобы защитить столицу от угрожавшего ей нападения.

Регул беспрепятственно дошел уже до Тунета, находившегося поблизости от Карфагена. Карфагеняне готовы были уже заключить мир, но вследствие слишком тяжелых условий Регула, который потребовал от карфагенян, чтобы они отказались от Сицилии, уплатили денежную пеню, выдали флот и т. д., переговоры о мире были прекращены. Во время всеобщего отчаяния, овладевшего в это время Карфагеном, спасителем явился находившийся на службе у карфагенян предводитель наемных войск — спартаец К с а н т и п п. Он объяснил карфагенянам, что они не умеют пользоваться надлежащим образом нумидийской конницей и слонами и что с этой целью им следует выманить Регула на открытую ровную местность. Ксантиппу предоставлено было главное предводительство над войском и он

*Атилиий Регул.
С античного бюста.*

благодаря правильному употреблению конницы и слонов действительно совершенно разбил Регула при Тунете (в 255 году до Р. Х.). Вследствие того, что Регул слишком удалился от начального пункта своей операционной линии, укрепленной им Клипеи, поражение его сопровождалось истреблением почти всего его войска. Только около 2000 человек успело спастись в Клипею, 500 же человек, и в числе их сам Регул, были взяты в плен.

Для охраны остатков войска и собранной в Клипее добычи римский флот подошел к Гермейскому мысу. Здесь он одержал победу над карфагенским флотом, но на обратном пути в Сицилию был застигнут сильной бурей, от которой из 360 кораблей спаслось только 80. Вторичная попытка утвердиться в Африке окончилась также плачевно. Корабли попали на мель и лишь с величайшим трудом могли с нее сняться; на обратном же пути у Луканийских берегов их настигла страшная буря, от которой погибло 150 кораблей.

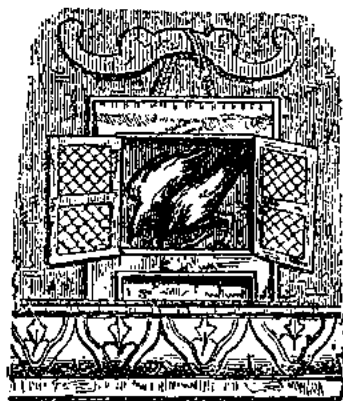
5) Продолжение борьбы в Сицилии. Гамилькар Барка

Эта двойная неудача на море побудила римлян отказаться на время от всяких дальнейших предприятий на море и ограничиться одной сухопутной войной.

Вследствие этого театром военных действий снова сделалась несчастная Сицилия. Карфагеняне, несмотря на геройские усилия их полководца Г а м и л ь к а р а (его не следует смешивать с отцом Ганнибала), были все более и более оттесняемы к западному берегу острова. Агригент и Панорм были ими потеряны, и они держались еще только в Лилибее и Дрепане. Затем проконсул Ц е ц и л и й М е т е л л одержал блестящую победу над Газдрубалом (его не следует смешивать с братом знаменитого Ганнибала) при П а н о р м е (в 250 году до Р. Х.). Число убитых и взятых в плен при этом боевых слонов доходило до 120. Захваченные в плен слоны были с триумфом приведены в Рим и здесь, в цирке, затравлены насмерть. После этого чувствительного поражения карфагеняне открыли мирные переговоры; они хотели по крайней мере добиться обмена пленных. Карфагеняне рассчитывали легче достигнуть цели, если с ходатайством об этом предложении будет послан находившийся в плену Регул. Перед своим отъездом Регул должен был дать клятву, что он, если не исполнит поручения, вернется в Карфаген. Но Регул, прибыв в Рим и явившись в собрание сената, отсоветовал как заключение мира, так и обмен пленных, так как это было выгодно для одних лишь карфагенян. Убеждения сограждан остаться в Риме остались безуспешны. Верный своей клятве, Регул вернулся в Карфаген, хотя хорошо знал, что его ожидает там самое жестокое наказание. По свидетельству Диона Кассия, Аппиана, Ливия, Цицерона и других, Регул был подверг-

нут самым мучительным истязаниям, какие только можно было придумать, и замучен до смерти. Для этого, чтобы держать его в непрерывном страхе, его заперли со слоном; потом обрезали веки и выставили на самый зной африканского солнца; наконец посадили в ящик, утыканный с внутренней стороны острыми гвоздями, и таким образом медленно мучили до самой смерти. В оплату за это римский сенат выдал головой двух благородных карфагенских пленников, Бостара и Гамилькара, вдове и сыну Регула. Они заключили пленников в тесную тюрьму и держали их в течение многих дней без всякой пищи. Когда Бостар умер с голоду, то разлагающийся труп его был оставлен при пережившем его мучения товарище и в качестве скудной пищи послужил к поддержанию его существования. Наконец один раб донес о таком бесчеловечном поступке сенату, и сенат немедленно воспретил такую жестокость¹.

Переговоры не привели ни к какому соглашению. Это произошло, без сомнения, вследствие дальнейших распоряжений римлян. Военные действия главным образом происходили за обладание двумя важными пунктами, Лилибеей и Дрепаном (занимавших две серповидных косы) на острове Сицилии. Осада первого, Лилибеи, была безуспешна. Защитник этого города, Гимилькон, сделал высадку и сжег осадные машины. До тех пор, пока карфагенский флот, находившийся под предводительством Адгербала и расположенный у Дрепана, господствовал на море и снабжал провиантом осажденных в Лилибее, нечего было и думать о покорении этого города. Поэтому вновь был сооружен флот. Во главе его был поставлен К л а в д и й П у л ь х е р, сын Кека, избранный консулом на 249 год до Р. Х. Но вследствие своей неопытности и неумения вновь набранных гребцов, а также неповоротливости судов Клавдий Пульхер проиграл морское сражение с Адгербалом при Дрепане. Из 210 кораблей только 30 избежали истребления или захвата в плен; 93 корабля со всем своим экипажем достались в руки победителя, а остальные или были потоплены, или выброшены

Священные петухи.

¹ Обо всем этом деле ничего не было, однако, известно достовернейшему свидетелю, Полибию, почему есть полное основание все эти рассказы считать за несправедливые выдумки, исходившие, само собою разумеется, от семейства самого Регула. Не подлежит сомнению, что оба пленных карфагенянина были выданы семейству Регула для того, чтобы его можно было выменять на них. Но Регул, должно быть, умер в плену, не дождавшись обмена. Предполагая, что он умер от дурного с ним обращения, вдова отомстила за него истязаниями обоих пленников, а родственники Атилия в оправдание отвратительных попыток придумали рассказ об истязаниях Регула.

на берег. Позднейшие историки истолковывали это поражение как наказание богов за то, что Клавдий утром, в день самой битвы, когда пулларий (т. е. хранитель священных петухов), объявил, что они не хотят клевать, позволил себе выразить преступную мысль: «Брось их в море, чтобы они могли, по крайней мере, напиться!» Его сотоварищ Л. Юний Пулл, выступив с транспортным флотом из 800 судов, сопровождаемых 120 военными кораблями, из Сиракуз в Лилибей для подания помощи осаждавшему его войску, также потерпел неудачу. Карфагенский адмирал Карфалон напал на него и потопил 17 кораблей и 50 транспортных судов. Буря довершила истребление остального флота. Из транспортных судов не уцелело ни одно, а из военных кораблей спаслось только два.

Но никакое несчастье, как бы велико оно ни было, не могло сделать римлян малодушными. Консул Юний тотчас же возобновил наступательные действия и занял важный пункт — гору Эрикс, на которой находился храм Венеры. Однако в 244 году до Р. Х. эта укрепленная гора попала в руки новому полководцу, Гамилькару, прозванному «Барка» (то есть молния). Гамилькар Барка, утвердившись в расположенной на скале неприступной крепости Эркте (ныне Монте-Пеллегрино), близ Панорма, в течение многих лет беспокоил оттуда римлян своими легкими стычками. Он производил свои набеги и на море, и на суше, распространил их до берегов Бруция и Лукании, уничтожил сообщения римлян и затруднил снабжение их провиантом.

б) Сражение при Эгатских островах. Сицилия — первая римская провинция

Тяжелым гнетом отзывалась война на римлянах и их союзниках. Вследствие поставки войск и различного рода запасов они были ослаблены до истощения; торговля приморских городов была уничтожена разбойничьими набегами Гамилькара. Осада городов Лилибей и Дрепана продолжалась без всякого успеха, так как они в изобилии снабжались провиантом со стороны моря. Гамилькар со своими наемниками сражался смело и успешно с римскими легионами. Тогда в Риме напрягли все усилия для нанесения последнего, решительного удара. Решено было прибегнуть к средству, которым до тех пор ни разу еще не пользовались. Так как финансы государства были настолько расстроены, что пришлось прибегнуть к понижению пробы звонкой монеты¹, то наиболее зажиточные граждане были привлечены, по примеру афинских триерархов, к постройке и вооружению кораблей или отдельно каждым лицом, или сообща с другими гражданами. Таким образом удалось создать новый флот из 200 кораблей. На-

¹ Вместо полновесных ассов в 12 унций выпустили монеты в 2 унции.

чальство над ним было вверено консулу К. Лутацию Катулу, который в 242 году до Р. Х. и был послан в Сицилию. Катул расположился у Дрепана и ожидал здесь карфагенский флот, который должен был привезти осажденным запасы. В ожидании его прихода Лутаций употребил время на то, чтобы приучить свой экипаж к управлению веслами и освоить его с положением тамошних вод. В марте 241 года до Р. Х. произошло решительное сражение. Показался значительный карфагенский флот. Лутаций Катул преградил ему путь и принудил его вступить в битву при Эгатских островах. В самом начале боя Катул был ранен и должен был передать главное начальство претору Г. Валерию Фалго. Все искусство предводителя карфагенского флота Ганнона, имевшего под своим начальством большей частью наемников, не было в состоянии преодолеть самоотверженного мужества римских граждан, которые сражались за свое отечество. Победа была полная. 50 карфагенских кораблей было потоплено, 70 вместе с экипажем, состоявшим почти из 10 000 человек, взято в плен.

Эта победа, доставив римлянам господство на море, сделала положение Гамилькара в Сицилии непрочным. Поэтому он сам посоветовал заключить мир. Доведенный до истощения и пришедший в малодушие Карфаген решился заключить мир на следующих условиях: Сицилия с прилежащими к ней меньшими островами должна быть очищена; против Гиерона карфагеняне не имели права вести войны; все римские пленные должны быть освобождены без всякого денежного выкупа. Кроме того, Карфаген обязывался уплатить 2200 талантов военного вознаграждения в течение 20 лет. Сенат утвердил этот мирный договор, но с тем лишь изменением, что военное вознаграждение было увеличено на 1000 талантов, которые должны были быть внесены тотчас же наличными деньгами, а остальная сумма рассрочивалась на 10 лет.

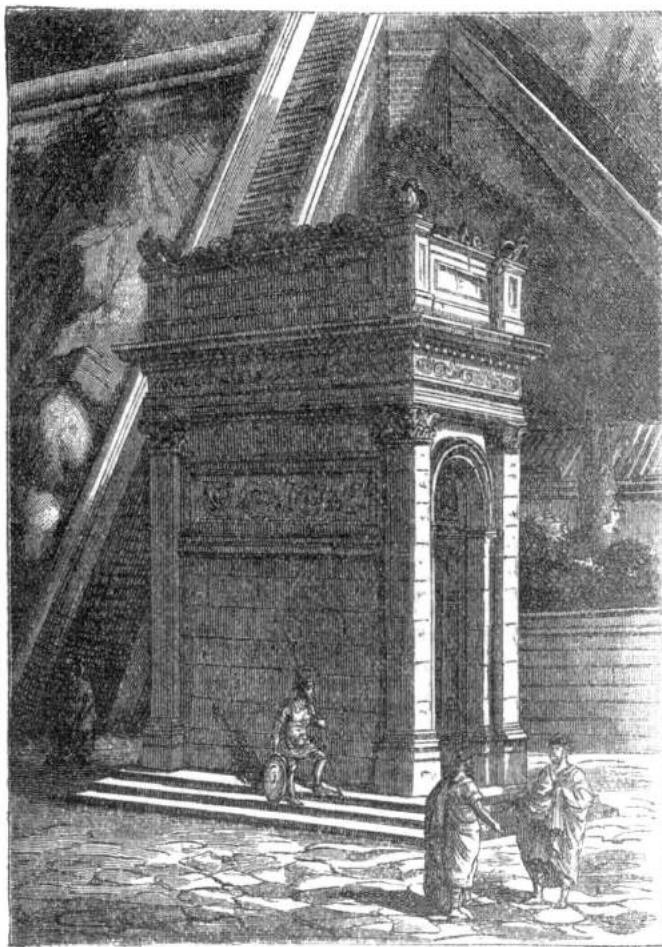
Таким образом прекрасный остров, бывший столь долгое время яблоком раздора между греками и пунами (карфагенянами), сделался под конец добычей третьего народа, который лишь с недавнего времени, только со времени победы над Пирром, приобрел выходящее за пределы его территории политическое значение. По римскому определению, *Сицилия сделалась первой провинцией* (in forma provinciae redacta est), то есть первой завоеванной вне Италии и присоединенной к римской территории областью. Сделавшись «провинцией», она удержала, однако, свое прежнее государственное устройство и все особенные, местные учреждения настолько, насколько они не противоречили римским государственным учреждениям. Но во главе управления был поставлен наместник (praetor), ежегодно назначаемый сенатом. Он начальствовал над войсками и отправлял правосудие. К нему был присоединен казначей (questor), который заведывал общественной казной, собирал доходы и производил расходы и их поверку (на содержание войск, наместника и его свиты).

7) События между первой и второй Пуническими войнами

Однако мера несчастья для Карфагена еще не переполнилась. Едва лишь Гамилькар с растерзанным сердцем подписал условия мира и отослал наемные войска в Карфаген, как они потребовали от истощенного города заслуженного, но не выданного еще жалованья и обещанных наград. Вследствие невозможности удовлетворить требования войск в них вспыхнуло восстание. Недовольные подвластные ливийские города, ненадежность которых составляла с давних пор слабую сторону карфагенского государства, о чем было упомянуто уже выше, присоединились к мятежникам. Во главе восстания стали ливиец Мафон, кампанец Спендий и галл Автарит. Против восставших тесно сплотились карфагенские граждане и оставшиеся верными наемники под начальством Гамилькара Барки и несколько раз разбили толпы мятежников. Но скоро борьба вследствие обоюдного ожесточения приняла чисто зверский характер. Мятежники утервили после страшных истязаний взятого в плен карфагенского полководца Ганнона и 700 карфагенян. Теперь Гамилькар, в свою очередь, не давал никакой пощады. Все пленные были умерщвлены, причем большая часть их была растоптана до смерти слонами. Спендий и Автарит также попали в его руки, и Гамилькар приказал их распять. Таким образом восстание было постепенно потоплено в крови возмущившихся, и ливийские города после ожесточенной борьбы, длившейся более трех лет, были вновь покорены.

Этими тяжелыми обстоятельствами, вызванными восстанием наемников, которое угрожало даже самому существованию Карфагена, Рим воспользовался самым возмутительным образом. На острове Сардинии карфагенские наемники также возмутились и распяли на кресте своих начальников. Но сардинцы оказали сильное сопротивление и поставили бунтовщиков в затруднительное положение. Тогда мятежники обратились за помощью к Риму. Римляне, не внимая голосу чести, не постыдились вступить в союз с этой разбойнической шайкой. Когда же карфагеняне приступили к вооружению, чтобы подавить восстание, то римляне объявили это военной угрозой по отношению к ним. Карфаген ввиду своего истощения не был в состоянии предпринять войну против Рима и поэтому предпочел отказаться от Сардинии и сверх того заплатил 1200 талантов. Однако военные действия в Сардинии продолжались еще долгое время, прежде чем она окончательно подчинилась римской власти. Римляне также завладели и соседним островом Корсикой и присоединили его к новой сардинской провинции. Но так как новые подданные не хотели тотчас же добровольно переносить римское иго, то римляне объяснили это проiscaми карфагенян и вторично объявили войну Карфагену. В римский сенат явились новые карфагенские послы с просьбой о сохранении мира, но все было напрасно: никакие представления не

имели успеха. Наконец один из послов сказал в сильном негодовании: «Римляне, если вы непременно решили не сохранять с нами мира, за который мы так дорого вам заплатили, то возвратите нам Сицилию и Сардинию. Между частными людьми ни один честный человек, которому не нравится заключенный им торг, не решится удер-

Запертые двери храма Януса.

жать товар и в то же время не возвратить полученных за него денег». На такое объяснение у сенаторов не нашлось никакого возражения, и на этот раз война была избегнута.

Таким образом в 235 году до Р. Х. Рим был свидетелем невиданного им со времен Нумы явления: наконец, хотя однажды, двери храма Януса были заперты в знак того, что римский народ находится в мире

со всеми народами, но несколько месяцев спустя они были снова отворены и оставались открытыми до времен Августа, в течение более 200 лет.

На этот раз война была предпринята против иллирийцев, которые образовали настоящее разбойничье государство и наносили страшный вред торговле италийских городов. Римляне, выведенные из терпения бесчинствами иллирийцев, отправили наконец послов в Скодру, местопребывание иллирийских царей. В это время там правила царица Тевта за несовершеннолетием сына своего Пинна. Послы, два брата Корункания, заговорили самым вызывающим тоном. Когда царица объявила, что она не может считать себя ответственной за предприятия отдельных подданных, то послы заметили, что они позаботятся о том, чтобы в Иллирии также было принято обыкновение, по которому наказывались бы насилия отдельных частных лиц. Разгневанная таким ответом Тевта приказала схватить обоих братьев и младшего из них убить. В отомщение за это она в скором времени увидела страну свою наводненной римскими легионами. Назначенный ею правитель острова Корциры, грек Димитрий Фаросский, вероломно передал этот остров римскому консулу Фульвию и предложил ему свои услуги и на будущее время.

Таким образом иллирийский разбойничий вертеп мало-помалу перешел во власть римлян. В начале 228 года до Р. Х. царица вынуждена была отказаться от всякого сопротивления и просить мира. И здесь предписанные Римом условия настолько же были выгодны для него, насколько тягостны для побежденного народа: Корцира и береговая полоса Иллирии, на которой в числе других городов находился Эпидамн (впоследствии Диррахий), были уступлены римлянам. Иллирийцы были навсегда лишены права заходить с вооруженными кораблями южнее Лиссы и обязывались уплачивать римлянам ежегодную дань. Тевта должна была отказаться от правления, так как римляне объявили царем ее малолетнего пасынка и назначили к нему опекуном Димитрия Фаросского, который получил в свое владение часть Иллирии под верховной властью Рима.

Таким образом римляне стали одной ногой и в Греции. Пользуясь этим обстоятельством и чтобы ближе ознакомиться с греками, римляне послали главам Ахейского и Этолийского союзов копии с мирного трактата с иллирийцами, от грабежей которых, конечно, также страдали и греки. Греки, в высшей степени обрадованные оказанным им вниманием, осыпали послов почестями. Коринфяне объявили в официальном постановлении, что отныне римляне наравне с греками будут допускаемы на Истмийские игры, а афиняне даровали им даже почетное гражданство и позволили посвящать их в Элевзинские таинства (в 229 году).

Война с цизальпинскими галлами (в Верхней Италии), происходившая также в промежутке между первой и второй Пуническими войнами, была гораздо рискованнее. Римляне около 268 года до

Р. Х. основали колонию Аримин, которая должна была служить оплотом против вторжений галлов. Теперь римляне в силу земельного закона народного трибуна Ц. Фламинина намеревались водворить в окрестностях Аримина поселенцев, частью из ветеранов первой пунической войны, частью из обедневших граждан, и таким образом создать надежное пограничное население. Бой и инсубры, важнейшие галльские племена, с тревогой смотрели также и на то, как римляне провели между Аримином и Римом большую военную дорогу, дорогу Фламиния. Вследствие этого составилась союз из всех цизальпинских галльских племен, к которому из окрестных поселений присоединились удалыцы и добровольцы, прозванные гезатами (по вооружению, которое они носили: *gaesum* — тяжелый дротик). Страх перед галльским нашествием настолько встревожил римлян, что они не отступили ни перед каким варварством, которое, по их мнению, могло способствовать спасению города. Человеческие жертвоприношения должны были отвратить угрожающее бедствие и умиротворить гнев богов. В книгах судеб (*libri Sibyllini*, вероятнее в этрусских *libri fatales*) было найдено прорицание: греки и галлы завладеют римской землей. Для того, чтобы не исполнилось это предопределение рока, жрецы предложили закопать двух греков и двух галлов живыми в римскую землю. Этот возмутительный совет был приведен в исполнение.

Галльское войско, состоявшее из 50 000 пехоты и 20 000 всадников, двинулось против Рима, но при Теламоне в 225 году до Р. Х. очутилось между двумя консульскими войсками — Эмилия Папа и Атилия Регула и благодаря лучшему вооружению и военному искусству римлян было разбито. Регул пал, и варвары отрезали ему голову с тем, чтобы сделать из нее победный трофей. Зато Эмилий имел возможность отпраздновать великолепнейший триумф. Множество захваченного в добычу оружия, тяжелые запястья и ожерелья, сплетенные из толстой золотой проволоки, целый ряд пленных предводителей служили к его прославлению. Вслед за этим была покорена вся страна по реке По. Бойи и инсубры после вторичного поражения, за которым последовало завоевание их столицы Медиолана, были присоединены к Риму. Для упрочения римского владычества были основаны две колонии — Плаценция и Кремона.

7. Вторая Пуническая война, или Война с Ганнибалом

(218—201 гг. до Р. Х.)

1) Завоевание Сагунта и поход в Италию

(219—218 гг. до Р. Х.)

Во время последней Галльской войны римляне не упускали из виду Карфагена. Со времени своего унижения карфагеняне для вознаграждения себя за утраченные ими острова старались отыскать новые вспо-

могательные источники в Испании и приобрели там обширные владения. Богатство страны благородными металлами некогда привлекало туда корыстолюбивых финикийских купцов, а теперь обратило на себя внимание предприимчивых их потомков — карфагенян. Главным двигателем этих завоеваний был храбрый Гамилькар Барка. Он покорил все города и племена по реке Бетису (ныне Гвадалквивир) и по реке Анасу (ныне Гвадиана) и после восьмилетней войны, пораженный насмерть, пал в битве с одним испанским горным племенем (в 228 году). После смерти Гамилькара его зять Газдрубал продолжал его завоевания. Испанцы, не лишённые некоторого образования, защищались мужественно, а те из них, кто жил в укрепленном городе Сагунте, как полагают, древней колонии греческого острова Закинфа (Сагунт находился почти на месте нынешнего Мурвьидра), обратились за помощью к римлянам. Зависть Рима проснулась, и римские послы немедленно отправились в Испанию и принудили Газдрубала подписать договор, по которому Газдрубал обязывался признавать границей реку Ибер (Эбро), и за пределы этой реки он не имел права распространять свои завоевания. С Сагунтом был заключен дружественный договор. Основанный Газдрубалом Новый Карфаген (н. Картахена) с превосходной военной гаванью сделался главным городом и сборным пунктом для войск карфагенской Испании.

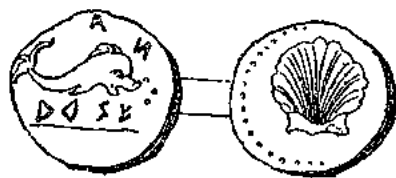
Газдрубал умер от руки убийцы в 221 году. Войско избрало своим полководцем сына Гамилькара Барки, 28-летнего Ганнибала (родился в 249 году). Подобно отцу, он питал страшную ненависть к римлянам. Когда Ганнибал был еще девятилетним мальчиком, отец, Гамилькар, заставил его дать перед алтарем Юпитера клятву в том, что он будет питать к римлянам вечную ненависть. Никто так свято не сдерживал своей клятвы, как Ганнибал. В огненном его взоре светилась отважность гения; благородные черты лица изобличали в нем хладнокровное благоразумие, голос и походка — врожденное достоинство повелителя. Ни в какой опасности не терял он присутствия духа, никакой труд не мог утомить его тела. Нечувствительный к жаре и холоду, равнодушный к жизненным наслаждениям, не приученный только к определенным часам спать и бодрствовать, он и от последнего солдата требовал неимоверных трудов. Часто спал он между своими стражниками на голой земле в одном военном плаще; одевался он так же, как и остальные воины; только оружие и кони его бросались в глаза. Ганнибал был первый в бою и последний покидал оставшееся за ним поле битвы. Одним взглядом, одним ободряющим восклицанием разгонял он всякое неудовольствие своих утомленных воинов. С проникательностью великого полководца он сразу видел и обращал в свою пользу слабую сторону противника; он соединял в себе в то же время выдающиеся способности государственного человека. В его геройской внешности карфагенский народ видел своего достойнейшего представителя, а с другой стороны, войско благоговело перед ним как пред своим кумиром.

Не достигнутая отцом цель жизни — отомстить смертельному врагу отечества — сделалась лозунгом для этого пламенного патриота. Когда карфагенская власть достаточно прочно утвердилась в Испании, войско было надлежащим образом подготовлено и Карфаген в финансовом отношении достаточно окреп, тогда Ганнибал решил, что час расплаты наступил. Смело перешел он проведенную римской завистью границу и напал на богатый, хорошо укрепленный Сагунт. Римляне, узнав об этом, отправили к Ганнибалу послов с тем, чтобы они обратили его внимание на последствия, которые могут быть вызваны его враждебными действиями, но сам город Сагунт оставили на произвол судьбы.

После восьмимесячной осады Сагунт пал несмотря на то, что защищался с отчаянным мужеством. Жители были проданы в рабство, захваченная в городе добыча частью была отправлена в Карфаген, частью употреблена на военные потребности. Тогда в Карфаген явилось римское посольство и потребовало выдачи дерзкого полководца. Наконец, после продолжительных прений в карфагенском сенате один из послов подобрал свою тогу и сказал: «Здесь война и мир, выбирайте». В ответ на это раздалось всеобщее восклицание: «Дай чего хочешь!» Римлянин распустил тогу и объявил, что он предлагает им войну.

Таким образом война была решена. Она должна была сделаться достопамятнейшей и важнейшей по последствиям во всей всемирной истории. Тут дело уже шло не о том или другом завоевании большего или меньшего пространства, а о самом существовании в самом истинном смысле этого слова, о всемирном владычестве или окончательной гибели одной из воюющих сторон, о победе греко-римской или финикийско-семитической культуры на Западе.

За 770 000 жителями Италии, способными носить оружие, — таково было ее население по свидетельству Полибия (II, 24), было заранее обеспечено численное превосходство. Для того, чтобы сколько-нибудь сравняться в этом отношении, Ганнибал составил план прямо двинуться в Италию, где он мог с уверенностью рассчитывать на поддержку хотя и побежденных, но дышавших мщением воинственных галлов. Многочисленная нумидийская конница и целое стадо слонов должны были нагнать ужас на римлян. Римляне ожидали появления неприятельского флота и со своей стороны намеревались произвести высадку в Африке. Но они никоим образом не могли предугадать планов Ганнибала и не подозревали в нем той энергии, с какой он приводил их в исполнение. Вследствие этого римляне делали свои приготовления к войне спокойным, почти неторопливым образом. Были собраны два консульских войска силой в два легиона каждое; с одним из них консул Тиберий Семпроний Лонг должен был из Сицилии переправиться в

Сагунтская монета.

Африку, с другим П. Корнелий Сципион напасть на Ганнибала в Испании.

В начале 218 года до Р. Х. Ганнибал выступил из Нового Карфагена. Войско его состояло из 90 000 человек пехоты, 12 000 всадников и 37 слонов. Он покорил неприязненные племена между Эбро и Пиренеями, что стоило ему 20 000 человек. Затем он отдал в распоряжение своего брата Газдрубала 10 000 для защиты завоеванной страны. 10 000 человек ненадежных войск Ганнибал отправил в Африку. Таким образом он имел теперь только 50 000 человек пехоты и 9000 всадников с соответствующим числом слонов. С этими силами Ганнибал перешел Пиренеи, не встретив там сопротивления, переправился через Родан (Рона) на сколоченных на скорую руку плотках и ладьях и дал поспешно явившемуся сюда из Массилии консулу П. Корнелию Сципиону, незначительное кавалерийское сражение. Римский полководец все еще не угадывал плана Ганнибала; он не считал возможным, чтобы Ганнибал был в состоянии действительно выполнить такой отважный и грандиозный план, как переход через Альпы. Таким образом Ганнибалу удалось значительно подвинуться вперед, прежде чем римляне догадались о его намерении.

Что ему предстояли многочисленные затруднения как со стороны самой природы, так и со стороны местных жителей, Ганнибалу, без сомнения, было известно, и поэтому следует предположить, что такой осторожный полководец, как он, предпринял переход через Альпы лишь после тщательнейших исследований местных условий и после ознакомления с настроением местных жителей. Но такая осторожность несколько не умаляет нашего удивления перед таким грандиозным военным предприятием. Вообразите себе сынов знойной Африки и лучезарной Испании, обремененных оружием и поклажей, взбирающимися на покрытые вечным льдом горные вершины. Вообразите себе упорство слонов и лошадей, которых приходилось вести на поводу по скалистым обрывам, покрытым снегом и льдом, и которые, часто спотыкаясь, увлекали с собой в пропасть своих вожаков. Вообразите себе непроходимые дороги без всяких путей и неозначенные ни на каких картах ни одним путешественником, горы, заселенные толпами диких варваров, с которыми приходилось беспрерывно сражаться и на стороне которых было то преимущество, что они знали местность. Вообразите себе, наконец, время года (это было в конце октября), в какое, даже теперь, когда через эти горы проложены дороги, ни один путешественник не отважится совершить через них переход. После девятидневного восхождения, причем частью от голода и холода, частью от болезней и ран, погибло несколько тысяч людей и большая часть вьючных животных, отважное войско достигло вершины Малого С.-Бернара. Здесь, прежде чем начать спускаться в долину, дан был утомленным воинам двухдневный отдых. Ганнибал утешал бледных, измороженных и цепеневших от холода воинов, указывая на расстилавшиеся у их ног, перед их жадными взорами, роскошные равнины Ита-

лии. Спуск с гор представлялся еще более трудным, чем восхождение. Только что выпавший снег мешал определению местности, где находились; люди и животные обрывались в пропасть и погибали. Люди целыми сотнями находили себе могилу под низвергавшимися лавинами. Приходилось перепрыгивать с одной скалы на другую. По свидетельству Ливия (21, 37), Ганнибал приказал разводиться огни на утесах и таким образом растоплять покрывавший их лед. После пятнадцати ужасных дней достигли наконец Иврейской равнины. Здесь истощенным войскам был дан 14-дневный отдых. Войско сократилось почти наполовину, ибо из 50 000 пехоты и 9000 всадников осталось лишь 20 000 пехоты, несколько слонов и 6000 конницы. Ганнибал спешил пополнить ряды свои дружелюбно расположенными к нему гальскими племенами.

2) Тичина, Требия, Тразименское озеро и Канны (218—216 гг. до Р. X.)

Получив известие о вторжении неприятеля в Италию, римляне немедленно отозвали назад из Массилии и Сицилии переправившихся уже туда обоих своих консулов и двинули их в Верхнюю Италию против Ганнибала. Сципион впервые встретился с ним на реке Т и ч и н е (Тессино). Жившие в этой местности галлы сохраняли спокойствие; они хотели прежде выждать, на чью сторону склонится победа. Ганнибал, сознавая всю важность первой битвы, воодушевил своих воинов пламенной речью. Затем он стремительно напал на неприятеля. Это было по преимуществу кавалерийское дело, в котором нумидийские всадники доставили победу Ганнибалу. Сципион был тяжело ранен и лишь с трудом спасен своим сыном. Остатки разбитого войска отступили через реку По к Плаценции и укрепились здесь, на реке Требии. После этого сражения 2000 галлов немедленно умертвили своих военачальников римлян и перешли на сторону Ганнибала.

Вскоре после этого дела второй консул Семпроний вернулся из Сицилии и, высадившись в Аримине, соединил свои силы с войсками своего сотоварища при Требии. Собранное здесь римское войско состояло теперь из 40 000 человек. Сципион, который страдал еще от своей раны и предпочитал действовать на войне с крайней осмотрительностью, был того мнения, что следовало по возможности воздержаться от сражения. Но Семпроний, напротив, желал воспользоваться болезнью своего сотоварища для своей собственной славы и заслужить себе триумф, и поэтому настаивал, чтобы дано было сражение. Этого

¹ Ине, II, стр. 148, говорит: «Нет ни одного прохода через Альпы от Мон-Женсвр де Симплон, которого, по уверению того или другого исследователя, не переходил бы Ганнибал. Проходы через Мон-Сечис или через Малый Бернар, на которые указывает, как на путь Ганнибала, древнейший и достовернейший историк Полибий, строго говоря, также возбуждают сомнение». Ине присоединяется к тому мнению, что Ганнибал совершил свой переход через Малый Бернар.

только и желал Ганнибал. Он склонил консула к такому решению еще и мнимой неосторожностью. Местность и погода благоприятствовали карфагенянам. Чтобы заманить неприятеля, Ганнибал переправил нумидийцев через реку. И действительно, Семпроний дал себя заманить в западню. Он тотчас же приказал выступить из лагеря 4000 всадникам и всей пехоте, не дав даже людям достаточно времени подкрепить себя пищей. Нумидийские всадники нарочно отступили.

Было время зимнего солнцестояния. День был холодный и туманный, закончившийся страшной метелью. Ночью Требия до того поднялась, что переходившим ее вброд солдатам вода была по грудь. Око-

*Ганнибал.
С медного бюста из Геркулана.*

ченевшие от холода и истощенные от голода, они достигли противоположного берега и наткнулись на ожидавшее их хорошо вооруженное и вполне отдохнувшее войско Ганнибала, которое насчитывало в своих рядах 20 000 пехоты и 10 000 всадников с находившимися при них слонами. Таким образом уже с самого начала бой был совершенно неравен. Кроме того и брат Ганнибала, Магон, стоявший в засаде с двумя тысячами человек, зашел римлянам в тыл. Вследствие всех этих обстоятельств битва при Требии обратилась для римлян в решительное поражение. Римское войско было почти все уничтожено. Все племена Цизальпинской Галлии перешли на сторону Ганнибала. Он расположился теперь на безопасных зимних квартирах и предоставил своим солдатам пользоваться вволю отнятыми у римлян магазинами, в которых провианта было запасено в изобилии. Магазины эти, находившие-

ся к западу от Плацеации, в городе Кластидие, вследствие измены латинского начальника попали в руки Ганнибала.

Вся Италия пришла в волнение и ужас от действий страшного врага. В Риме спешили собрать новые войска и занять области союзников для того, чтобы они из страха не могли последовать примеру галлов. Народу старались внушить мужество рассказами о благосклонных знамениях богов, и оба новых консула, Кн. Сервилий и К. Фламиний, были отправлены с новыми войсками в начале следующего же года против наступавшего Ганнибала.

Этот последний вскоре после окончания дождливого времени выступил в поход и направился в Этрурию через Апеннины. Переход через них был еще затруднительнее, чем через Альпы, потому что разлившаяся река Арно превратила всю страну в целый ряд болот. Три дня и три ночи пришлось идти солдатам по колено в воде. Лошади теряли подковы, выючные животные увязали в грязи, и сам Ганнибал потерял один глаз от воспаления. Но едва выбрался он на сухую почву, как тотчас же принудил консула Фламиния вступить с ним в сражение. Фламиний подходил уже к укрепленному лагерю, где он был бы обеспечен как от неожиданного, так и от правильного нападения. Но он дал заманить себя в засаду. Ганнибал расположился на высотах у Тразименского озера. Когда на другой день утром консул, выступив из Арреция, продолжал свое движение и растянул свое войско длинной линией по узкой дороге между озером и холмами, на него внезапно напал Ганнибал. В густом тумане римляне не заметили, что Ганнибал стоит у выхода из горной долины и что высоты были заняты неприятельскими войсками. Неприятель со всех сторон ринулся на римлян. Происшедшая здесь резня была ужасна. Сам Фламиний пал во главе своих храбрцев. Множество воинов было сброшено в озеро и утонуло; другие были изрублены нумидийской конницей. Лишь около 6000 человек бросились в ближайший город. Но и здесь их настигла нумидийская конница под начальством Магарбала, которому они и принуждены были сдаться. Римское войско было совершенно уничтожено; напротив, Ганнибал потерял лишь 1500 человек, большей частью галлов.

К вечеру страшное известие достигло Рима. Претор Марк Помпоний вошел на трибуну и возвестил громким голосом: «Мы проиграли большое сражение, наше войско истреблено; консул Фламиний убит». Страшное отчаяние овладело всеми. Только один сенат сохранил присутствие духа и думал об одном — как бы защитить столицу от угрожающей опасности. Мосты на Тибре были сняты, а стены приведены в оборонительное положение. Но прежде всего народным собранием был избран продиктатор (избрание диктатора по закону принадлежало консулу, но такового в это время не было в городе), на которого надеялись, что он может спасти город от угрожающей ему опасности. Выбор пал на Кв. Фабия Максима, одного из потомков рода Фабиев, сражавшихся во время самнитских войн; начальником же конницы к нему был назначен Марк Минуций.

Теперь более чем когда либо требовались единство, осторожность и твердость при принятии общих мер. Кв. Фабий Максим, казалось, олицетворял собою идеал осмотрительности. Совершив изобильные жертвоприношения и моления для умиловления гнева богов, что считал своим первым долгом, он набрал два новых легиона и присоединил к ним остальные два консула Сервилия.

В распоряжении Ганнибала было слишком мало осадных машин, и войско его было ослаблено понесенными потерями, и поэтому он не мог помышлять о покорении такого громадного города, как Рим. Вследствие этого ему гораздо полезнее показалось заручиться содей-

*Медаль, выбитая в честь
Квинта Фабия Максима.*

ствием всех союзников и прежде всего сабельских племен в самом сердце Италии. Для достижения этой цели, оставив столицу, Ганнибал отправился вдоль берега Адриатического моря в Нижнюю Италию. Таким образом он пошел через области марсов, марруцинов и пелигнов, но повсюду встретил непоколебимую привяз-

занность к Риму; ни один город не отворил перед ним своих ворот добровольно. Он уже находился в Апулии, когда встретился с войском диктатора Фабия. Фабий, вполне сознавая, чем ему теперь приходится рисковать, всячески избегал сражения, которого добивался Ганнибал. Фабий осторожно следовал за ним по пятам, ведя свое войско по высотам, не терял его из виду и не вступал с ним в бой. Такое, по-видимому, малодушное поведение было неприятно как собственным солдатам Фабия, так и Ганнибалу, и Фабия часто приходилось слышать насмешки своих солдат. Лишь его одного не могли ввести в заблуждение ни насмешки друзей, ни военная хитрость неприятеля.

Ганнибал направился в Кампанию, к Капуе; Фабий пошел туда же. Ганнибал пошел на зад в Апулию — докучливый наблюдатель не отставал от него ни на шаг. При Казилине он загородил пунам дорогу и даже чуть было не захватил их в плен. Ганнибал вдруг увидел себя запертым в долине и окруженным со всех сторон стоявшими на горах римлянами. Он мог спастись только хитростью. В первую же ночь Ганнибал нагнал на римские передовые посты несколько сот быков, к рогам которых была привязаны горящие пучки хвороста. Римляне, вообразив в первом испуге, что на них движется уже неприятельское войско с пылающими головнями в руках и видя повсюду пламя, не знали, в какую сторону следовало им прежде обратиться для своей защиты. Ганнибал воспользовался общим замешательством и незамеченный ушел из устроенной ему западни. Только на следующее утро заметил Фабий, как он был ловко обманут.

Войско продолжало свои наблюдательные движения все с большим и большим неудовольствием и дало своему предводителю насмешли-

вое прозвище *Cunctator'a*, то есть медлителя. Даже в самом Риме кажущиеся робкими военные действия диктатора находили вовсе неблагоприятными, хотя должны были сознаться, что только благодаря его умению и осмотрительности Рим имел достаточно времени, чтобы оправиться от страшного поражения при Тразименском озере. Ганнибал, со своей стороны, содействовал тому, чтобы возбудить против Фабия недоверие римлян. Для этого, проходя мимо поместий Фабия, он с рассчитанной хитростью запретил их грабить. Замысел Ганнибала удался; римляне заподозрили, что между ним и диктатором существует соглашение. По предложению одного народного трибуна они предложили начальнику конницы Фабия, хвастливому *М. Минуцию Руфу*, который незадолго перед тем одержал незначительный перевес над неприятелем, равную с Фабием военную власть. Фабий разделил с Минуцием войско с тем, что тот со своей частью может делать все, что ему угодно. Едва Минуций увидел себя свободным от несносной зависимости, как тотчас же оставил высоты и попал в приготовленную ему Ганнибалом засаду. Минуций не спас бы ни одного человека, если бы Фабий не подоспел к нему на помощь. Увидя приближающегося Фабия, Ганнибал отступил и сказал: «Наконец это облако, постоянно висевшее над горами, разразилось над нами грозой».

Поведение Минуция после его избавления заслуживает полной похвалы. Пристыженный, он признал, сколь велико было благородие Фабия, поставил почетные знаки своего достоинства перед его палаткой, называл его отцом и спасителем, скромно возвратил главное начальство диктатору и не домогался более звания главного военачальника.

Зима с 217 на 216 год прошла без происшествий, заслуживающих внимания. Оба войска, наблюдая друг за другом, старались увеличить свои силы с тем, чтобы весной 216 года перейти к новым действиям.

В Риме признавали образ ведения войны Фабием за единственно верный в данную минуту и за единственно в то время возможный, но полагали, что дела не могли идти далее таким образом. Следовало позаботиться о том, чтобы по возможности облегчить союзников, которые начинали уже терять терпение от тяготевших над ними бедствий войны. Поэтому было решено приступить к наступательным действиям. Было собрано четыре новых легиона и присоединено к имевшимся четырем, а численный состав каждого из этих восьми легионов был доведен до 5000 пехоты и 300 всадников. К ним присоединены были войска союзников и таким образом общее число всего римского войска достигало 80 000 пехоты и 6000 всадников. Поэтому надеялись численным превосходством уравновесить военную способность, опытность и

Ганнибал.
С античной камен.

самоуверенность, в чем войска Ганнибала превосходили римские войска. К сожалению, сохранялся еще в полной силе дурной обычай, что оба консула сменялись через день в командовании войсками, вследствие чего крайне затруднялось и даже становилось почти невозможным общее руководство военными действиями. Оба войска стояли друг против друга поблизости Канн, на реке Авфиде (н. Офанто), самой значительной из прибрежных рек, текущих на восток, в Адриатическое море. Римлянами предводительствовали два их консула: неспособный, но хвастливый плебей Теренций Варрон в благоразумный и осторожный патриций Л. Э м и л и й П а в е л. Ганнибал без малейшего промедления вступил в битву, предложенную ему Варроном.

Войско Ганнибала состояло из 40 000 пехоты и 10 000 всадников. Он сам и его брат Магон расположились в центре, чтобы иметь возможность следить за ходом битвы. Испанскую и галльскую пехоту Ганнибал расположил в середине полукругом, справа от нее поставил африканцев под начальством Ганнона, а слева, против римской конницы, поместил Газдрубала с испанской и галльской тяжелой конницей. Испанцы были одеты в белые плащи с красными отворотами и вооружены короткими испанскими мечами, которыми с одинаковым удобством можно было колоть и рубить. Атака тяжелой карфагенской конницы тотчас же заставила конницу, состоявшую из римских граждан, отступить. Она была преследуема и почти вся истреблена. Карфагенские всадники, зайдя справа в тыл римской пехоте, бросилась на конницу римских союзников, дравшуюся с нумидийскими всадниками. Таким образом и союзники были разбиты. Предоставив преследование нумидийцам, Газдрубал со всей силой бросился в тыл римской пехоте, в которой многие солдаты не имели еще боевого опыта. Правда, римские легионы оттеснили назад неприятельский центр и клином врезались в карфагенские ряды. Но в эту минуту на них справа и слева бросились африканцы, а с тылу ударила тяжелая испанская и галльская конница. Начинаясь было уже подаваться карфагенский центр остановился и снова начал бой. Таким образом римская пехота была окружена и стиснута со всех сторон. Началась страшная резня. Римских граждан убивали, как какое-нибудь стадо овец. Потеря римлян простиралась до 70 000 человек убитыми и ранеными. Между убитыми находился Эмилий, отказавшийся искать спасения в бегстве, 21 народный трибун и 80 сенаторов. Варрон с 70 всадниками спасся в Везувию. Стан римлян был также захвачен и разграблен. Ганнибал же потерял только 6000 человек и в их числе 200 всадников.

Весть об этом ужасном поражении произвела в Риме в полном смысле одуряющее и подавляющее впечатление. Многие благородные юноши, охваченные отчаянием, бежали в Канузий, хотели уже сесть на корабль и покинуть отечество. Тогда среди них выступил молодой П. Корнелий Сципион — сын Сципиона, побежденного при Тичине, — и, обнажив меч, пригрозил заколоть всякого, кто не поклянется остаться верным отечеству до последней капли крови. В Риме женщи-

ны с воплями и распущенными волосами бросились на площадь, как будто их собственная жизнь была уже в опасности. Совсем другое было с мужчинами. Оба претора немедленно созвали сенат. Именно здесь, а не где-либо в другом месте, должен был выказаться истинный дух римлян. Престарелый Фабий превзошел в этом отношении всех. Он первый выступил с благоразумными советами и прежде всего указал средства к скорейшему успокоению народа. По его совету сенат приказал запереть городские ворота, чтобы воспрепятствовать предполагавшемуся бегству жителей. Женщинам воспрещено было выражать громко свои жалобы, бегать без цели по улицам и собирать сведения о действительной разрушительности бедствия. Затем сенаторы обошли дома и успокоили отцов семейств.

Престарелый Фабий со своим обычным невозмутимо спокойным видом прошел по улицам и полными достоинства речами ободрял граждан. Состоялось постановление сената, в силу которого ни по ком из убитых при Каннах не позволено было носить траура более тридцати дней. Консул Теренций Варрон был отозван в Рим, а на его место, как благоразумный полководец и испытанный уже претор, был отправлен в Канузий М. Клавдий Марцелл, который спасся в этом городе с 10 000 беглецов. Когда злополучный полководец возвращался в Рим, справедливо опасаясь оскорблений и упреков своих сограждан, сенат в полном своем составе вышел к нему навстречу и всенародно благодарил его за то, что он не отчаивался в спасении государства. Равным образом было решено, что взятые в плен при Каннах римляне не должны быть выкупаемы, ибо «римский солдат должен или победить, или умереть». И когда вскоре после этого Ганнибал через посланного им Карфалона сделал мирные предложения, то Карфалона не только не впустили в город, но и объявили ему за городской чертой, что до тех пор не может быть никакой речи о мире, пока неприятель не очистит Италию.

Эта геройская твердость и единодушие спасли государство и даже вознаградили те ужасные потери, которые уже были понесены римлянами в течение трех лет. Почти вся Нижняя Италия могла считаться для римлян потерянной. Могущественная Капуя, имевшая возможность выставить в поле 20 000 пехоты и 4000 всадников, отпала несмотря на усилия Деция Магия, предводителя расположенной к римлянам аристократической партии. Впоследствии Ганнибал приказал его схватить и отвезти в Карфаген. Но корабль занесло в Кирену, и Магий пробрался отсюда в Александрию к царю Птолемею, который отпустил его на волю. Примеру Капуи последовали самнитяне и луканы. Римлянам остались верными Брундузий, Венузия и Пест с преобладавшим в них латинским населением, а также близлежащие к ним Неаполь, Кумы, Нола и Нуцерия. Таким образом после битвы при Каннах могущественный народ снова был ограничен такой же маленькой областью, какую он занимал до самнитских войн. Чтобы пополнить убыль в римских войсках, которая была понесена ими в сражениях и от

болезней и лишений, вновь избранному диктатору М. Юнию пришлось набирать из самых юных по возрасту граждан, способных носить оружие — 17-летних. Однако и эта мера оказалась недостаточной, и пришлось вооружить рабов, которых в то время, должно быть, было уже довольно значительное число. Не отступили даже и перед освобождением из тюрем и вооружением преступников. Таким образом 8000 рабов и 6000 преступников вступили в ряды войска наравне с полноправными римскими гражданами и союзниками.

3) Ганнибал в Нижней Италии. Война в Испании. Марцелл в Сиракузах

Вместо того, чтобы после победы при Каннах тотчас же идти на Рим¹ — предприятие, которое, при сильном укреплении этого города, при численной слабости войска, мало представляло надежды на успех — Ганнибал предпочел направиться в Нижнюю Италию. Для

¹ Вопрос о том, почему Ганнибал не сделал этого, многократно обсуждался как в древние, так и в Новейшие времена, и то, что он не предпринял немедленного похода на Рим, представлялось непростительной ошибкой с его стороны. Ливий влагает в уста предводителя карфагенской конницы, Магарбала, следующие слова, обращенные им к Ганнибалу вечером в день самого сражения: «Ты ведь знаешь, что приобрел ты этой победой: через пять дней ты будешь пировать в Капитолии как победитель. Следуй за мной! Я поспешу вперед с конницей для того, чтобы уведомить о моем приходе ранее еще моего появления». Когда же Ганнибал высказал свое мнение по этому предмету, Магарбал сказал: «Воистину боги не наделяют одного человека всеми талантами: ты умеешь побеждать, Ганнибал, но не умеешь пользоваться победой». К этому Ливий присовокупляет, что почти все думали, что промедление этого дня спасло столицу и государство. Момсен и Ине находят, что Ганнибал, отказавшись от немедленного похода на Рим после сражения при Каннах, поступил вполне основательно и целесообразно. Момсен высказывается приблизительно следующим образом: «Ганнибал знал Рим лучше наивных людей древних и новейших времен, которые полагали, что он одним движением на неприятельскую столицу мог решить войну. Только нынешнее военное искусство решает войну на поле сражения. Совершенно противное было в древние времена, когда наступательная война против крепостей была развита гораздо меньше, чем оборонительная система. В те времена действия в поле даже с неизмеримо большими по своему значению последствиями и те разбились бы о стены столицы. На основании каких соображений можно было бы предположить, что Рим вынес бы ключи навстречу победителю или хотя бы даже принял мир на сходных условиях? Таким образом вместо таких ни к чему не ведущих демонстраций (то есть беспельных приторных маневров), Ганнибал, чтобы не упустить ради них возможных и важных результатов, тотчас же направился в Капую и заставил эту вторую столицу Италии после долгих колебаний перейти на свою сторону». — Ине делает следующее заключение: «Рим совсем не был открытым городом, но, напротив, благодаря своему положению и искусству был сильно укреплен. На защиту стен был готов каждый римский житель до шестидесятилетних старцев включительно. Таким образом, даже в этом случае, если бы поблизости и не было никакого резерва — на что, однако, Ганнибал не должен был рассчитывать — Рим был все-таки обеспечен от внезапного нападения. Для правильной же осады Ганнибал был слишком слаб. Его войска ни в каком случае не хватило бы окружить огромный город и отрезать ему подвоз провианта и подход подкреплений. К чему таким образом могло бы привести простое движение на Рим даже в том случае, если бы оно и не сопровождалось никакой опасностью? Поэтому было гораздо важнее пожать верные плоды победы приобретением крепостей в Нижней Италии и новой операционной линии, какой он ни разу не имел еще со времени своего выхода из Цизальпинской Галлии.

него прежде всего было весьма важно присоединить римских союзников и тем лишить римское государство самой надежной его опоры. Капуя, которая издавна завидовала могущественному Риму и воображала себя ему равной, приняла Ганнибала с распростертыми объятиями. Капуанцы уже тотчас после битвы при Каннах заключили с Ганнибалом договор, который в ближайшем будущем обеспечивал им полную независимость, свободу от военной службы и налогов и со временем давал им возможность надеяться достигнуть господства над Италией. Ганнибал хотя и овладел теперь Нижней Италией, но все-таки не был еще настолько силен, чтобы отважиться нанести решительный удар. Хотя Магон успел настоять в Карфагене на решении отправить в Италию в подкрепление Ганнибалу 4000 нумидийских всадников и 40 слонов, а в Испании собрать 20 000 человек пехоты и 4000 всадников, но эти последние могли быть направлены из Испании в Италию только сухим путем, так как на море господствовали римляне. Римляне могли надолго воспрепятствовать прибытию вспомогательных войск, и такая проволочка должна была повести за собой самые дурные последствия для Ганнибала. Военные действия в Нижней Италии приняли постепенно вялый характер. Дело не доходило уже более до больших сражений; война ограничивалась рядом незначительных стычек, которые имели целью завладение тем или другим укрепленным местом. Римские историки рассказывают также, и конечно в преувеличенном виде, что вследствие пребывания в роскошной Капуе солдаты Ганнибала изнежились и дисциплина между ними упала, что под конец Ганнибал почти не знал, какими новыми обещаниями их успокоить. Поэтому Ливий (23, 18) говорит: «Капуя превратилась для Ганнибала в Канны».

Между тем в Испании положение вещей в это время было как нельзя более благоприятно для римлян. Оба брата, Публий и Кней Корнелий Сципионы, сражались здесь с 217 года против Газдрубала между Пиренеями и рекой Эбро. Когда в 216 году Газдрубал хотел проникнуть с подкреплениями к Ганнибалу и дошел уже до Ибера, он был совершенно разбит Сципионами, и войско его было уничтожено или рассеяно. Таким образом в течение нескольких лет нечего было и думать отправить помощь из Испании. Вследствие этого деятельность Ганнибала в Италии много потеряла в своем значении и ограничилась в 215 году взятием незначительного города Казилина, гарнизон которого, состоявший едва из 1000 человек, после мужественного сопротивления принужден был к сдаче голодом. Лишения и нужда в этом городе возросли до невероятной степени; со щитов снимали кожу, варили ее и приготавливали из нее пищу. Чтобы заглушить мучения голода, ели мышей и корни; многие из защитников, чтобы положить конец своим страданиям, бросались с городских стен или нарочно выставлялись мишенью под стрелы неприятеля. Стоявший поблизости от этого города начальник римской конницы Гракх возымел мысль пустить вниз по течению реки Вольтурна бочки с хлебом с тем, чтобы они могли

быть выловлены осажденными. Но эта хитрость была открыта, и таким образом не оставалось никакого другого исхода, как сдаться.

Между тем римляне вполне оправались и собрали новые значительные военные силы. Они образовали целых 18 легионов и флот из 150 кораблей. Во главе этих военных сил были поставлены консулы 214 года Фабий и Марцелл. Но ни один из них не отважился вступить с Ганнибалом в битву в открытом поле. Они удовольствовались и тем, что им удалось отразить его нападения на Неаполь, Тарент и Путеолы и обратно завоевать Казилин.

Между тем к театрам военных действий в Италии и Испании присоединился еще и третий. Тотчас после смерти Гиерона в Сицилии и произошел полный переворот. Внук Гиерона — Гиероним, 15-летний

Архимед.
С античной камен.

юноша, побуждаемый своими советниками, Андранадором и Зоиппом, тотчас же завязал сношения с карфагенянами. Хотя он и был умерщвлен в 214 г. до Р. Х., но смерть его послужила лишь сигналом к кровавым раздорам партий. Республиканская партия одержала вначале верх, но запятнала свою победу умерщвлением всего семейства Гиерона. Карфагеняне поддержали антиримскую партию, предводителями которой были Гипократ и Эпикид, и таким образом город под конец очутился во власти враждебной Риму черни.

По получении известия об этих событиях Марцелл высадился на остров, а Аппий Клавдий появился с флотом перед Сиракузами. Два года продолжалась осада необыкновенно укрепленного и в изобилии снабженного провиантом и военными припасами города. Его упорную оборону главным образом приписывают гению математика и инженера Архимеда. Он не только изобрел метательные машины (баллисты) необычайной действующей силы, но и «железные руки», то есть подъемные машины в виде рук с крюками, которые схватывали, подымали на воздух и оттуда бросали вниз в море римские корабли. Но употребление им зажигательных зеркал, которыми он будто бы зажигал корабли, не подтверждается. Ему принадлежит знаменитое изречение: «Дайте мне (вне земли) точку опоры и я сдвину землю с ее места». Когда наконец город, пройдя через все ужасы внутренних смут и беспорядков, пал (в 212 году до Р. Х.), то победители с беспощадностью, свойственной римлянам, подвергли его всем ужасам разграбления. При этом погиб и великий Архимед. Один римский солдат, разыскивая добычу, вбежал в комнату Архимеда в то самое время, когда он чертил фигуры на песке, покрывавшем пол. В ту самую минуту, когда Архимед закричал ему: «Не тронь моих кругов!» — грубый воин поразил его насмерть. Найден-

ные во множестве произведения искусства все были захвачены и перевезены в Рим. Правило это вошло в обычай и с этого времени соблюдалось победителями во всех последующих войнах. Рим с окружавшими его загородными домами настолько переполнился всевозможными образцовыми произведениями, что казался родиной искусств, чем он в действительности никогда не был.

Падение Сиракуз повлекло за собой два года спустя и падение Агригента, в котором карфагеняне упорно держались до 210 года до Р. Х. Таким образом поход в Сицилию окончился в пользу римлян. Напротив, в Испании несчастье следовало за несчастьем. Сципионы, оставленные без достаточных подкреплений, увидели себя вынужденными принять к себе на службу испанских наемников. Эти ненадежные войска при приближении Газдрубала, только что победившего перед тем нумидийского царя Сифакса, разбежались. Газдрубал напал по очереди на обоих братьев и благодаря превосходству своих сил разбил их одного за другим. Оба Сципиона пали, сражаясь во главе своих войск. Лишь одному небольшому отряду под предводительством всадника Л. Марция, удалось пробиться. Почти вся Испания была таким образом потеряна для римлян (в 212 году до Р. Х.).

Нисколько не лучше шли для римлян дела в этом году в Нижней Италии, где Тарент попал в руки Ганнибала. Войдя в соглашение с Никоном и Филоменом, предводителями враждебной римлянам партии, Ганнибал неожиданно напал врасплох на город, причем Након и Филомен открыли ему городские ворота. Только римский гарнизон в городском замке остался непобежденным. Из больших городов примеру Тарента последовали Метапонт, Фурии и Гераклея. Только Регий и Неаполь остались за римлянами.

Чтобы воспрепятствовать дальнейшему отпадению союзников, римляне сочли нужным показать пример, к чему может повести такое отпадение. Для этого они избрали Капую. Когда капуанцы увидели, что римляне все более и более приближаются к их городу, то поспешно послали за помощью к Ганнибалу, который стоял в это время перед Тарентом. Сначала Ганнибал отправил находившегося под его начальством талантливого полководца Ганнона провезти в город Капую провиант. Но вследствие медленности капуанцев, благодаря которой они пропустили случай своевременно снабдить себя достаточными перевозочными средствами, чтобы увезти сложенные в Беневенте съестные припасы, консул Фульвий получил возможность захватить весь транспорт. Однако Ганнибалу, кажется, удалось впоследствии снова вознаградить себя за эту потерю. Когда он лично появился перед Капуей, то оба консула, Фульвий и Аппий Клавдий, поспешно отступили назад. На этот раз Капуя была спасена. Ганнибал направился тогда сперва в Луканию и разбил там 8000 римских рабов, бывших под начальством центуриона М. Центения, а затем в Апулию, где при Хердонее полностью уничтожил два римских легиона, которыми предводительствовал претор Фульвий.

Несмотря на все это, римляне не отказались от своего плана завоевать Капую. Едва отступил Ганнибал, как появились оба поименованные выше консула и претор К. Клавдий Нерон. Они начали действовать с трех сторон против города, окружили его двойными валами и рвами с целью принудить к сдаче голодом. На этот раз ожидаемая с страстным нетерпением помощь Ганнибала долго не являлась. Сделав тщетные попытки взять приступом укрепленные замки Тарента и Брундизия, Ганнибал повел свои войска на зимние квартиры. Здесь его нагнал один нумидиец, пробравшийся сквозь осадную линию, и принес настоятельную просьбу капуанцев о наивозможно скорейшей помощи. Ганнибал выступил с легковооруженной пехотой и 33 слонами форсированным маршем на помощь к стесненному городу. Но попытка его освободить Капую разбилась о превосходство сил римлян, войско которых состояло по меньшей мере из 60 000 человек. Тогда Ганнибал решился на отважное предприятие. Он выступил прямо на Рим в надежде отвлечь такой «диверсией» бо́льшую часть осадных войск от Капуи и таким образом освободить этот город от блокады. Ганнибал приказал проходимые им местности опустошать беспощаднейшим образом. Между Тускулом и Тибуром он достиг реки Анио, перешел ее и расположился лагерем на виду вечного города. Раздался крик ужаса: «Ганнибал у ворот!» (*Hannibal ante portas*). Возглас этот долго служил римским матерям средством заставлять детей своих молчать.

Женщины с воплями и рыданиями поспешили в храмы умолять богов о спасении их от безжалостного врага. Сенат решил призвать лишь незначительную часть войска, осаждавшего Капую. Фульвий тотчас же с 16 000 человек выступил из лагеря и поспешил по Аппиевой дороге к Риму, куда он и прибыл почти одновременно с Ганнибалом, который был сильно задержан в пути опустошением проходимых им местностей. Здесь же находились уже вновь сформированные два легиона. Таким образом, о неожиданном нападении на Рим нечего было и думать. Хотя Ганнибал и старался вызвать бой перед воротами города, но римляне не приняли вызова и не дали себя выманить из своей крепкой позиции; ужас перед его именем и страх перед его военным гением у них еще не исчезли. Через несколько дней Ганнибал выступил в обратный путь, рассчитывая околным путем, через области сабинян, марсов и пелигнов, вновь появиться перед Капуей. Римские консулы последовали за ним. Тогда он повернул назад, напал ночью на римлян, взял приступом их лагерь, разбил их наголову и обратил в бегство. Но Капуя все-таки осталась в осадном положении, и освобождение ее оказалось невозможным.

Раздраженный неудачей столь смело составленного им плана, Ганнибал предоставил капуанцев своей участи. Жестоко обманулись те из них, кто положился на великодушие Рима. Когда, наконец, пришлось отворить городские ворота, 53 сенатора — так много оставалось еще их в живых — были в оковах отведены в Калес и Теан, подвергнуты там те-

лесному наказанию и казнены. Около 30 сенаторов, во избежание мщения римлян, покончили жизнь самоубийством. С этой целью они собрались в дом Бибия Биррия на прощальный пир, после которого отравились. Триста знатных мужей, в том числе несколько человек из небольших соседних городов Ателлы и Калатии, были отведены в Рим, где и умерли в темницах голодной смертью. Затем оставшая часть мятежного населения с женами и детьми была продана в рабство. Менее виновные лишились своих земельных угодий и должны были переселиться в другие места. Дома и городские стены были пощажены, но независимое самоуправление капуанской городской общины было уничтожено, и управление городом было вверено римскому префекту. В опустевший город тотчас же устремился целый поток римских рабочих и вольноотпущенников.

Падением Капуи в 211 году до Р. Х. начинается решительная перемена в истории войн Ганнибала. С этой минуты римляне видимо приобретают перевес. Первым важным последствием победы в Кампании явилась возможность располагать войсками, которые и были отправлены в Испанию¹. Со времени поражения Сципионов она была совершенно потеряна и предоставляла неприятелю возможность предпринять вторичное нападение на Италию. Вследствие этого в Испанию было отправлено подкрепление из 11 000 человек под начальством молодого 27-летнего П. Корнелия Сципиона (осенью 210 года до Р. Х.). То был сын того Сципиона, который так несчастливио сражался при Тичине. Благородные черты лица П. Корнелия Сципиона изобличали возвышенного героя; длинные волнистые волосы ниспадали локонами по его плечам; в глазах сверкало вдохновение гения; поступь и все движения изобличали величие и благородство. Он привлекал к себе все сердца и был любимцем народа и счастья. Утон-

*Статуя Ганнибала.
Ф. Пильза.*

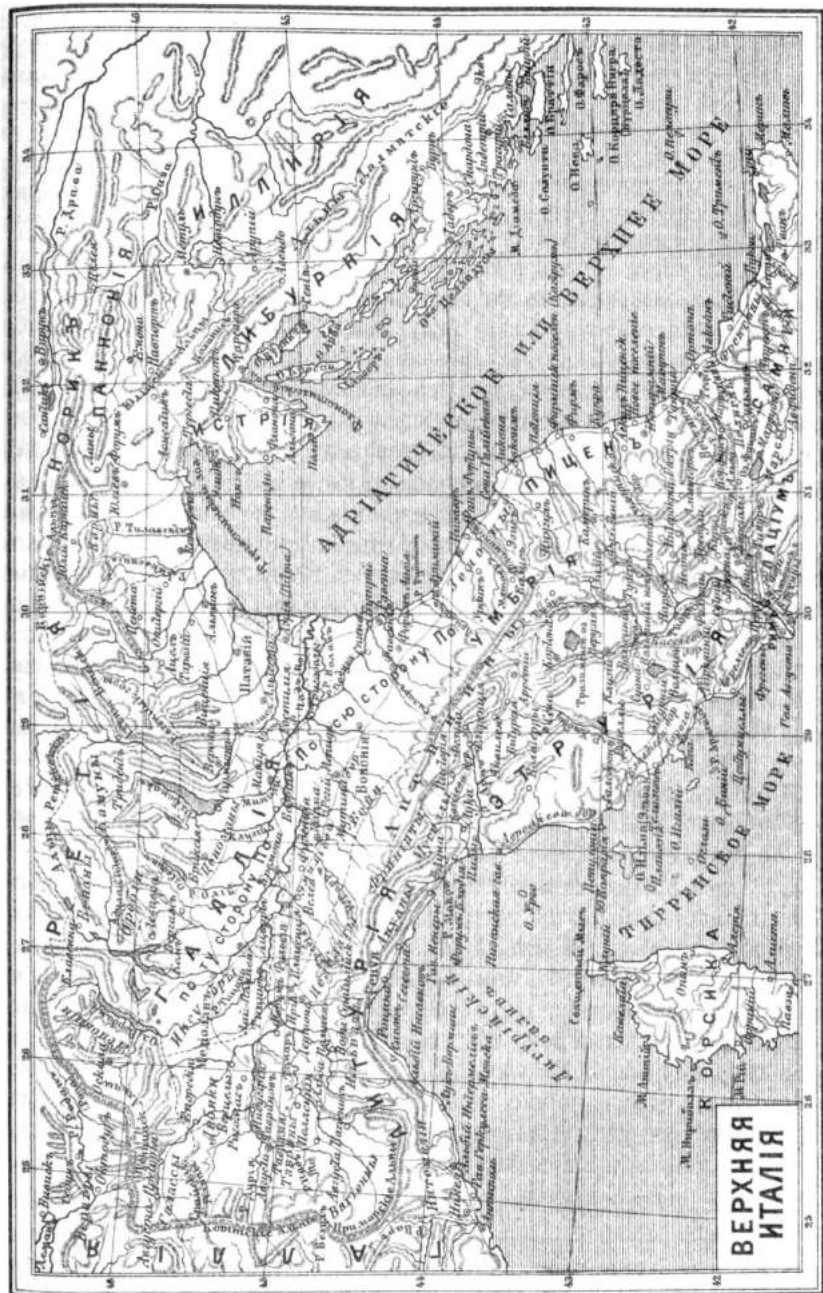
¹ Рассказы о том, что подкрепление в Испанию было уже отправлено еще в то время, когда Ганнибал стоял у ворот Рима, или о том, что поля, на которых стоял лагерь Ганнибал, были проданы в Рим с публичного торга без возмещения понесенных через то убытков, положительно следует отнести к области вымысла.

ченное эллинское образование П. Корнелия Сципиона было в полном согласии с его чувствами истинного римского гражданина. Искреннее восхищение всем прекрасным и великим совмещалось в нем с расчетливым практическим умом. Он был необыкновенный стратег и в то же время искусный дипломат. Далекий от ненависти и зависти, быть может, слишком снисходительный к недостаткам других, глубоко религиозный, П. Корнелий Сципион обладал поистине благородным, возвышенным характером, хотя, как говорит Момсен, быть может, и не принадлежал к числу тех немногих личностей, которые (как Александр и Цезарь) своей железной волей заставляют мир идти по новому пути и определяют направление творческой деятельности людей на целые столетия вперед или же (подобно Ганнибалу или Наполеону I), захватив на целые годы судьбы человечества, управляют ими до тех пор, пока сами не падут под ударами рока.

Карфагенские полководцы, оба Газдрубала и Магон, совершенно непонятным образом предоставили гарнизону лишь в 1000 человек под начальством Ганнона защиту важной гавани Нового Карфагена, своего опорного пункта, в котором находились их магазины, арсеналы и мастерские. О такой слабой защите узнал Сципион. В глубочайшей тайне он сделал нужные приготовления и весной 209 года до Р. Х. с войском около 25 000 пехоты и 2500 всадников двинулся в поход из Таррацины. Флотом из 35 кораблей предводительствовал испытанный друг Сципиона Леллий. Город удалось окружить с моря и с суши. Благодаря указанию рыбаков была открыта слабо защищенная сторона города, стены были заняты, и ворота изнутри открыты. Добыча, состоявшая из всякого рода военных припасов, оружия, тяжелых метательных орудий (катапульта и баллист), кораблей и корабельных запасов, была весьма значительна. При этом были захвачены и заложники, выданные испанскими племенами карфагенянам. Сципион отпустил их на волю с тем условием, чтобы они, вернувшись на родину, убедили своих соотечественников принять сторону римлян.

4) Газдрубал на Сене. Возвращение Тарента. Смерть Марцелла

Все теснее и теснее становился круг, в котором мог действовать Ганнибал. Итальянские союзники покинули его один за другим. Филипп V Македонский, с которым он еще в 215 году до Р. Х. заключил союз, не представлялся теперь уже римлянам опасным врагом. Римляне удерживали его небольшими легионами. Сверх того, они настолько возбудили против него города Ахейского союза, что Филиппу было только что в пору защищать свои собственные интересы. Вследствие этого Филипп не мог воспользоваться и удобным случаем для нападения на Италию после завоевания в 212 году Ганнибалом Тарента, который мог послужить местом высадки для его отборных македонских войск.

Верхняя Италия

Войско Ганнибала было стеснено чрезвычайно. Хотя сам Ганнибал и продолжал оставаться еще непобедимым и неуязвимым, но настала минута, когда он со страстным нетерпением ожидал прибытия своего брата Газдрубала, который должен был привести к нему новые войска из Испании.

Газдрубал в 208 году до Р. Х., после одержанной, как уверяют, над ним Сципионом победы при Бекуле¹ с войском, состоявшим из 48 000 человек, 8000 лошадей и 15 слонов, обошел молодого П. Корнелия и направился через Альпы в Италию по той самой дороге, по которой шел его брат одиннадцать лет тому назад. Время года несравненно более благоприятствовало Газдрубалу, чем его брату; поэтому Ганнибал не ожидал его так рано, и это оказалось счастьем для римлян. Письма Газдрубала к Ганнибалу были перехвачены. Из них узнали, что оба брата должны были соединиться в Умбрии. Тогда консул Клавдий Нерон отважился на решительное предприятие. Он скрытно покинул ночью свой лагерь при Канузии, из которого до этого времени наблюдал за Ганнибалом, и поспешно направился с лучшей частью своего войска на север, в Умбрию, с тем, чтобы, соединившись с войсками своего сотоварища М. Ливия Салинатора, уничтожить вспомогательное войско Газдрубала. Счастью угодно было, чтобы обычно столь внимательный Ганнибал совершенно не приметил ухода своего противника. На этот раз он допустил себя обмануть, ибо сторожевые огни горели в римском лагере в одинаковом числе, как и прежде, и постов выставлено было ровно столько же, сколько их выставлялось и перед этим.

Консулы, находившиеся до этого времени во взаимной между собою вражде, действовали теперь в полнейшем согласии. Газдрубал подошел к колонии Сене Галлика (ныне Синиаглия) (в 207 году до Р. Х.). Здесь расположились против него римские консулы. Из двойных сигналов в римском лагере Газдрубал скоро узнал, что он находится против обоих консулов. Из этого он заключил, что другой консул разбил и уничтожил Ганнибала и теперь соединился со своим сотоварищем. Вследствие этого Газдрубал еще ночью отдал приказание отступить обратно за реку Метавр, чтобы получить опору в галлах и выждать известий от Ганнибала. Но вероломные проводники завели его не туда, куда следовало, и он не нашел никакого брода через реку. Вследствие затруднительного ночного перехода войска его утомились и частью пришли в беспорядок. На галлов, оказалось, не было возможности положиться, — большая часть их была пьяна и неспособна к бою.

¹ Ине (II, стр. 312) считает эту победу весьма невероятной, так как невозможно предположить, чтобы Газдрубал, тотчас после проигранного им сражения (в котором он будто бы лишился 20 000 человек), предпринял столь смелый поход на север и мог бы пройти узкими проходами Пиренейских гор и не был бы беспокоим при этом Сципионом.

В таком положении войско на следующее утро подверглось нападению римлян. Битва при таких неблагоприятных условиях должна была окончиться для Газдрубала несчастливо. Увидев, что все было потеряно, Газдрубал бросился в самую страшную свалку и пал геройской смертью. Шесть дней спустя Клавдий Нерон с той же поспешностью, с какой ушел, вернулся в лагерь. Ганнибал все еще надеялся получить известия о своем брате. Чтобы доставить ему такое известие, Нерон

*Римские часовые.
С барельефа на колонне Траяна.*

приказал бросить голову Газдрубала к ногам неприятельских форпостов. При виде ее из груди Ганнибала вырвался крик отчаяния: «Здесь вижу я гибель Карфагена!» Немедленно отступил он с своим войском в область бруттиев и занимал этот уголок Италии еще в течение четырех лет и, само собою разумеется, не имел возможности изменить хода дальнейших событий.

Восторг в Риме при известии об этом решительном повороте военного счастья был неслыханный. Имя Нерона затмевало своим блеском имена его соратников. Сам он возвышал еще более свою заслугу своей скромностью, уступив заслуженный им триумф своему сотоварищу, в области которого был разбит неприятель. В то время, как Ливий Салинатор совершил свой триумфальный въезд на запряженной четверкой коней торжественной колеснице, Нерон довольствовался тем, что следовал за ним верхом. Несмотря, однако, на это, предмет всеобщего благоговения был Нерон, в котором народ видел настоящего победителя.

Потеря Капуи была для Ганнибала весьма чувствительна, но гибель брата совершенно поколебала его положение. Итальянцы начинали доставлять слишком много хлопот. Небольшие гарнизоны, разбросанные там и сям Ганнибалом, очутились в тяжелом и опасном положении. Дело дошло до того, что Ганнибалу для сбережения драгоценных войск было выгоднее добровольно оставлять один город за другим, одну крепость за другой. Ганнибал отступал на юг в отдаленную Луканию, но, отступая, он временами все еще не переставал наносить римлянам чувствительные удары. При таких обстоятельствах римляне были приведены в крайнее истощение, так что приходилось уже трогать составлявшие последний ресурс 4000 фунтов золота (1 144 000 рублей). Представители двенадцати латинских колоний объявили, что они более уже не в состоянии доставлять деньги и войско. Но в этой чрезвычайной крайности, когда начало колебаться даже самое упорное римское мужество, представитель Фрегелл — М. Секстилий от имени своего города, а также и остальных 18 колоний, в том числе Луцерии, Венузии, Брундизия, Аримина, Песта, Беневента, объявил, что они готовы предоставить все вспомогательные средства, какие только потребует от них сенат. Когда об этом великодушном решении было доведено до сведения сената, представителям 18 колоний была объявлена самым торжественным образом глубочайшая благодарность римского народа, а имена 18 колоний были начертаны золотыми буквами на стенах Капитолия.

После обратного завоевания Капуи римляне в 209 году сделали попытку и к покорению Тарента. Фабий напал на город с суши и с моря, а Марцелл в то же время должен был отвлечь внимание Ганнибала. Тарентинцы защищались с мужеством отчаяния, но один отряд бруттиев предательски отворил охраняемые им городские ворота, через которые римляне ворвались в город. Произведенная ими здесь резня ни в чем не уступала кровопролитию в Капуе. Из Тарента, как раньше из Сиракуз, были вывезены все произведения искусства.

Затем в 209 году не случилось никаких сколько-нибудь замечательных происшествий. В 208 году Марцелл в пятый раз был избран консулом. Вместе со своим сотоварищем, Титом Квинкцием Криспином, он действовал против Ганнибала, но предусмотрительно избегал вступать с ним в открытое сражение. Чтобы не сделаться, подобно многим из своих предшественников, жертвой военной хитрости Ганнибала, Марцелл всего чаще лично производил осмотр местности. Однажды он имел несчастье в окрестностях Венузии подвергнуться нападению нумидийских всадников и был изрублен вместе со своей свитой. Ганнибал долго и с сожалением смотрел на труп Марцелла, приказал предать его сожжению с приличными его званию почестями, а пепел его отослал в Рим. Рим оплакивал смерть Марцелла, как одну из величайших потерь. Марцелл был храбрый воин и патриот, хотя и не принадлежал к выдающимся полководцам, равным по достоинствам Ганнибалу.

5) П. Корнелий Сципион в Испании и Африке. Битва при Заме. Мир

Гибель Газдрубала при Сене предвещала потерю Испании для карфагенян. Для П. Корнелия Сципиона, который предводительствовал там войсками, теперь составляло уже легкую задачу привлечь на свою сторону жившие в Испании племена. Все дальше и дальше проникал он на юг. При Беккуле в 206 году до Р. Х. П. Корнелий Сципион напал на карфагенское войско, бывшее под начальством Газдрубала, сына Гискона, и принудил его к отступлению. Наконец единственным важным пунктом во власти карфагенян оставался один Гадес. Но и этот город в 206 году до Р. Х. был оставлен Магоном. Однако прежде чем оставить его, Магон ограбил не только общественные кассы и храмы, но и многих граждан. Теперь Сципион мог известить сенат, что война в Испании окончена.

При своем появлении в Риме (в 206 году до Р. Х.) Сципион был принят с восторгом. Но величайшей цели своего честолюбия — триумфа он не мог еще добиться, так как удостоить триумфа человека, не занимавшего еще законным образом никакой государственной должности, было невозможно, потому что это было бы слишком резким противоречием древним обычаям. Но вместо этого П. Корнелий Сципион был вознагражден избранием его в консулы на 205 год. Заняв эту должность, он надеялся привести в исполнение гениальный план — перенести войну в Африку, вопреки мнению сената, полагавшего, что такое предприятие невыполнимо, пока Ганнибал находился еще в Италии. П. Корнелий Сципион настоял на своем, и сенат разрешил ему переправиться из Сицилии в Африку. Но перед этим должны были быть сделаны обширнейшие приготовления и созданы войско и флот. В этом деле П. Корнелия Сципиона поддержали усердным участием в жертвоприношениях в особенности этрусские города. Войско было организовано наилучшим образом и снабжено всеми военными припасами.

Наконец весной 204 года в гавани Лилибея собрались войско и флот и были готовы к отплытию. 40 военных кораблей и 400 транспортных судов повезли в Африку войско, силу которого определяют различно (от 12 500 до 35 000 человек). На третий день без всякого сопротивления высадились у «Прекрасного мыса», поблизости Утики. Однако этот город оказал такое сопротивление, что остался непокоренным до тех пор, пока не был заключен мир. В то время как Сципион стоял лагерем перед Утикой, к нему присоединился с 200 всадниками М а с и -

*Масинисса.
Бюст в Капитолийском музее.*

н и с с а, один из нумидийских владетелей. Он был изгнан из своего отечества другим нумидийским владетелем, С и ф а к с о м, который возобновил союз с карфагенянами¹. Советы Масиниссы были весьма полезны римлянам. У него они могли научиться нумидийскому способу ведения войны; он мог научить их, каким образом можно перехитрить хитрых нумидийцев.

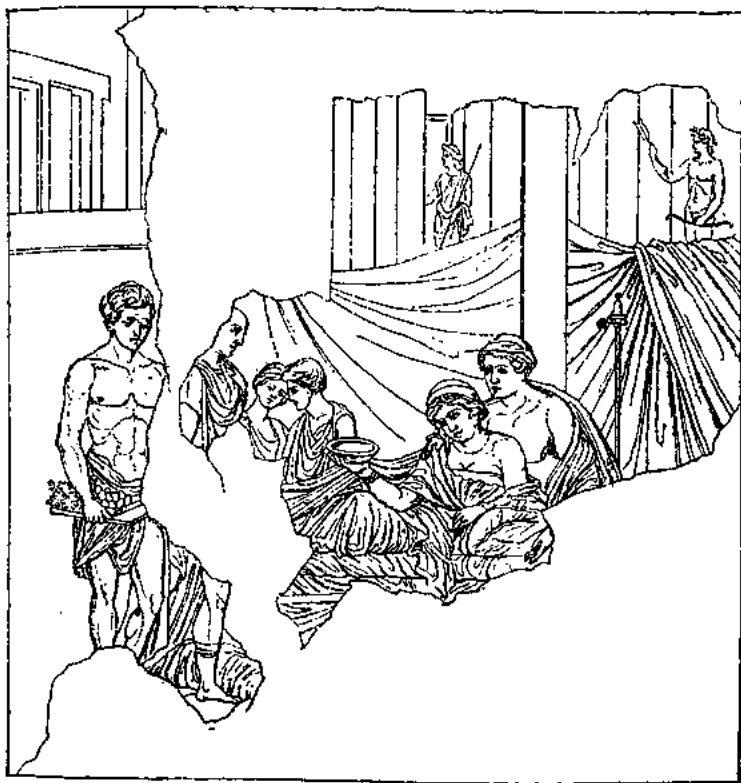
Под предлогом желания войти в переговоры о мире Сципион отправил своих способнейших военачальников в лагерь Сифакса и этим путем выведал все важнейшие сведения о положении тамошних дел. Затем он предпринял ночное нападение на нумидийский и карфагенский лагери. Так как шалаши в них были из сухого дерева и покрыты тростниками и листьями, то он зажег оба лагеря и затем произвел среди неприятеля страшнейшую резню. После второй победы Сципиона Сифакс отделился от карфагенян и отступил в свое государство. Масинисса и Лелий последовали за ним туда. Дорогой они усилили свое войско подданными Масиниссы, прибывавшими к нему целыми массами. Затем Сифакс был побежден и взят в плен. Столица его Цирта (Константина) сдалась после того, как перед ее воротами показали скованного Сифакса. После этого Нумидия была покорена и перестала быть полезной союзницей Карфагена.

Между тем положение Ганнибала в Италии становилось все затруднительнее и затруднительнее. Только одну еще надежду мог питать он на улучшение своего положения. В то самое время, как Сципион делал в Сицилии свои приготовления к походу в Африку, младший брат Ганнибала Магон летом 205 года до Р. Х. с собранным им на острове Минорке войском, состоявшим из 14 000 человек, прибыл в Лигурию, высадился в Генуе и стал призывать под свои знамена галлов. Из Карфагена он получил еще подкрепление, состоявшее из 6000 пехоты и 800 всадников. В области инсубров он встретился с четырьмя римскими легионами, бывшими под начальством претора П. Квинтилия Вара и проконсула М. Корнелия Цетега. Битва, казалось, не должна была иметь для римлян счастливого исхода, так как один Вар потерял 2300 человек, 3 военных трибунов и 20 всадников. Но и сам Магон был тяжело ранен. В эту минуту получилось известие о том, что начались переговоры о заключении перемирия. Одним из условий этого перемирия было отозвание из Италии Магона и Ганнибала. Карфагеняне вызвали их обоих на родину. Магон отплыл из Италии, но умер дорогой от своей раны. И Ганнибал также повиновался призыву своего родного города. Осенью 203 года он отплыл из Кротона, последнего опорного

¹ По преданию, отзывающемуся некоторым романтизмом, причиной отпадения от римлян Сифакса послужило то обстоятельство, что Газдрубал, сын Гискона, в награду за союз Сифакса с Карфагеном обещал ему руку своей дочери, прекрасной Софонизбы, несмотря на то, что она еще прежде была обещана Масиниссе. При завоевании города Цирты Софонизба попала в руки последнего. Масинисса женился на ней с ее согласия. Но когда Сципион настоял на выдаче Софонизбы для того, чтобы провести ее в триумфе вместе с взятым в это же время в плен Сифаксом, то она выпила чашу с ядом, поднесенную ей самим Масиниссой.

пункта, который оставался в его распоряжении. Скрежеща зубами, тяжело вздыхая и едва удерживаясь от слез, говорит Ливий, часто обращал Ганнибал свои взоры на удаляющийся неприятельский берег.

Прибыв в Африку, Ганнибал употребил наступившую зиму на то, чтобы привести в порядок в Лептисе свое войско, к которому присоединены были войска Магона. Переговоры, как можно было предви-

*Масинисса и Софонизба.
С фрески в Помпее.*

деть уже заранее, не привели ни к какому соглашению. В Риме карфагенские послы были умышленно задержаны и их не допускали до сената до тех пор, пока Магон и Ганнибал не очистили Италию. Затем со стороны римлян были предъявлены новые, невозможные требования. Наконец карфагенские послы едва были удостоены холодного ответа и отпущены домой. Вследствие такого обращения с послами мирное настроение в Карфагене превратилось в величайшее раздражение, разразившееся припадками необузданной ненависти против всех тех, кто советовал согласиться на мир. Так Газдрубал, сын Гискона, спасаясь от расsvирепевшего народа, должен был искать убежища в своем фа-

мельном склепе и, чтобы не попасть в руки разъяренной толпы, принял яд.

Партия войны, во главе которой находилась фамилия Барка, вновь одержала перевес. Неприязненные действия возобновились. Войско Ганнибала насчитывало в своих рядах 50 000 человек и 80 слонов; войско же Сципиона состояло из 34 500 человек; к нему присоединился сильный нумидийский вспомогательный отряд под начальством Массиниссы. Оба войска сошлись при Заме (вероятнее на реке Баградасе, близ города Нарагара). Перед битвой Ганнибал имел свидание с Сципионом и пытался еще раз склонить его на мир. Именем своего народа он отказывался от всех внеафриканских владений. Но Сципион потребовал безусловной покорности. Тогда Ганнибал прекратил переговоры и, глубоко огорченный, возвратился к своим. В речи, внушенной отчаянием, он потребовал от своих воинов в последний раз напрячь все свои усилия.

Историк Полибий, друг Сципиона, отдает Ганнибалу полную справедливость в том, что в день роковой битвы он сделал все, что только можно было ожидать от его великого гения, и позволяет нам заключить, что виной его поражения было лишь недостаточное число и дурное качество его войск, недостаток, который он напрасно старался возместить стадом слонов. Ганнибал понес такое полное поражение, что спасся в Адрумет только с самой малой частью своего войска. Отсюда он был вызван в столицу, которой не видал 36 лет. Здесь вследствие настоятельных представлений Ганнибала его соотечественники, вполне сознавая всю серьезность своего положения, решили искать мира на каких бы то ни было условиях. Послы нашли Сципиона в Тунете, занятого усердными приготовлениями к обложению Карфагена. Сципион был готов вступить в мирные переговоры, так как опасался, при дальнейшем продолжении войны, потерять главное начальство над войском и таким образом лишиться триумфа. Он согласился за 25 000 фунтов серебра заключить предварительное перемирие на три месяца. Сверх того, карфагеняне должны были принять на свой счет содержание римских войск и уплату им жалованья. Затем он отправил послов в Римский сенат.

Карфагеняне прибыли в Рим как раз ко времени новых консульских выборов (в 201 году). Избранными оказались Кн. Корнелий Лентул и П. Элий Пэт. П. Корнелию же Сципиону было вновь продолжено главное предводительство над войском в Африке. Однако честолюбивый Лентул непременно требовал главного начальства в Африке. Тщетно доказывали ему, как было бы несправедливо в то самое время, когда Сципион находился так близко от цели своего достопамятного предприятия, помешать его успешному достижению. Наконец сенат постановил следующее решение. Если война продолжится, то консул, хотя и отправится в Африку, но примет там начальство только над флотом; если же дело окончится миром, то тогда будет зависеть от решения народа, должен ли заключать мир консул или Сципион; в том случае,

если народ решит в пользу Сципиона, то консул совсем не должен отправляться в Африку.

Таким образом ближайшим вопросом в сенате было, следовало ли заключить мир. Все голоса высказались утвердительно; один Лентул был противного мнения. Противоречие одного консула составляло небольшое затруднение. Дело должно было быть перенесено на решение народа. Народ собрался в центуриальных комициях. Народные трибуны изложили комициям спорный вопрос и собрали о нем голоса. Большинство решило в пользу мира и что заключение его должно быть предоставлено Сципиону.

Карфагенским послам, по установившемуся обычаю, первая аудиенция была дана за городом, в храме Беллоны. Теперь, когда дело приняло столь благоприятный оборот, послы просили допустить их в город и разрешить им посетить в государственных темницах своих родственников. Не только эта просьба была уважена, но так как они пожелали также выкупить и известное число своих знатнейших сограждан, то указанные ими лица, подлежащие выкупу, были отправлены к Сципиону с извещением, что они по заключении мира должны быть освобождены без всякого выкупа.

Тотчас после этого и послы отправились назад в Африку, чтобы продолжить переговоры в лагере Сципиона. Условия, на которых здесь было изъявлено им согласие на мир, состояли в следующем: 1) Карфаген ничего не сохраняет за собой, кроме своих владений в Африке. 2) Выдает всех своих слонов и все свои военные корабли за исключением десяти трехъярусных галер. 3) Уплачивает Риму в течение 50 лет 10 000 талантов военных издержек, по 200 талантов ежегодно (600 000 рублей). 4) Не может начать никакой войны без согласия на то Рима. 5) Масиниссе возвращается все, чем когда-либо владели его предки. 6) Карфаген выдает безденежно все захваченные римские корабли с их грузами, всех римских пленных и перебежчиков. 7) Выдает сто именитых заложников в обеспечение исполнения всех вышеозначенных пунктов. Этот договор обеспечивал римлянам господство на море, совершенно уничтожал могущество и независимость Карфагена, налагал на карфагенян определенную дань, а римлянам предоставлял право начать войну во всякое время, когда они только этого пожелают. Если условия не были еще тяжелее, то этим карфагеняне были обязаны поспешности, с которой Сципион вынужден был

*П. Корнелий Сципион
Африканский Старший.
С античного мраморного бюста.*

заклЮчить мир, так как он желал сохранить за собою славу, что он один окончил эту войну.

Приведение в исполнение мирного договора началось тотчас же выдачей флота и римских перебежчиков и пленных. Когда 500 прекрасных карфагенских военных кораблей были сожжены в открытом море на глазах римлян и карфагенян, то последние разразились громкими криками горя и отчаяния. Эпилогом войны было наказание оказавшихся когда-либо виновными в измене и награда оказавшим какую-либо услугу. Римские перебежчики латинского происхождения были обезглавлены; немногие же из них, принадлежавшие к числу римских граждан, распяты на кресте. Масиниссе, который после победы над Сифаксом был уже наименован «союзником и другом римского народа» и получил в подарок корону, скипетр и трон, Сципион в торжественном собрании всего своего войска подарил, вдобавок к его нумидийским владениям, от имени римского народа царство Сифакса. Эта награда должна была служить блистательным примером того, как щедро умеют римляне вознаграждать своих друзей. Затем Сципион с войском отправился обратно в Италию, где на его пути следования в Рим население, толпами стремившееся к нему навстречу из городов и деревень, приветствовало его как «избавителя». В Риме он удостоился триумфа, превзошедшего своим великолепием все прежние. Перед его колесницей шел пленный Сифакс¹, окруженный знатнейшими нумидийцами. Из богатой добычи, провезенной в триумфе напоказ, каждый воин получил небольшой подарок. Затем между ними было разделено известное число свободных земельных участков; но большая часть добычи, заключающаяся в деньгах, поступила в государственную казну. Как высшую почетную награду за свои заслуги Сципион получил прозвание **Африканского**.

8. Первая Македонская война. Римляне в Греции (200—197 гг. до Р. X.).

С тех пор как римляне присвоили себе роль третейского судьи над народами и следовали старой политике принимать слабейшие государства с обманчивым именем союзников под свою защиту против государств сильнейших, в походах к новым войнам не могло быть никогда недостатка. Теперь ни в одной стране, известной им на поверхности земного шара, не могло возникнуть ни малейшей распри, в которую они не имели бы предлога вмешаться в качестве защитников или союзников. Так, тотчас по окончании Второй Пунической войны они затеяли споры на Востоке, в Македонии и Греции. **Филипп V Македонский**, с которым римляне, как с союзником Ганнибала, вели уже непродолжительную войну, не только не был расположен позволять

¹ По свидетельству же Ливия, XXX, стр. 45, он перед этим умер в темнице в г. Альбе.

чуждому народу предписывать себе законы, но стремился к тому, чтобы самому возвыситься до положения своих предков. С этой целью он не только занял некоторые из лучших городов Греции, Коринф, Аргос, Халкиду на острове Эвбее, но заключил также союзы с ахейцами и могущественным царем Сирии Антиохом и намеревался даже покорить себе Афины для того, чтобы в союзе с Антиохом отнять у египтян во время малолетства их царя Птолемея Эпифана их иностранные рынки.

Притесненные народы искали и находили заступничество у своих могущественных защитников. Александрийский двор предложил даже римлянам опеку над пятилетним царем, уверяя, что именно этого желал на своем смертном одре его отец, Птоломей Филопатор. Римский сенат принял на себя это звание так же милостиво, как милостиво выслушал и жалобы афинян, родосцев и пергамского царя Атгала и указал через своих послов обоим царям, Филиппу и Антиоху, на их несправедливые поступки в отношении союзников. Но так как ни один из них не обратил на это внимания, то для спасения римской чести была решена война и прежде всего против Филиппа.

*Филипп V Македонский.
С античной серебряной
монеты.*

Но в это время произошел замечательный случай. Когда консул Сульпиций предложил собравшемуся на Марсовом поле народному собранию утвердить решение сената, то почти все центурии единогласно отказали в своем согласии. Народ уже давно устал, говорили они, вести войны в чужестранных землях и выносить на себе все тяжести войны; народный же трибун Бебий прямо обвинил сенаторов в том, что они умышленно вовлекают государство в новые войны для того, чтобы иметь возможность держать народ как можно долее в угнетенном состоянии. Однако же во вторичном собрании консулу удалось убедить народ, что дело идет лишь о том, хотят ли вести войну в стране неприятеля или допустить его, подобно Ганнибалу, вторгнуться в Италию. Доводы эти увенчались полным успехом.

После этого набор войска и вооружение его производились с величайшей поспешностью. К значительному участию в военных действиях были привлечены и новые союзники. Верный союзник римского сената, царь Атгал, лично повел свой флот в Грецию; другой флот выставили родосцы; Масинисса прислал нумидийских всадников и провиант и даже Карфаген должен был доставить значительные запасы хлеба. Затем после обычных жертвоприношений богам, чтобы снискать их благосклонность, упомянутый выше консул Сульпиций вышел в море из Брундузия. Он высадился в Аполлонии и послал из Керкиры, римской морской станции, несколько кораблей с отрядом в 1000 человек под начальством Г. Клавдия в Афины. Отсюда Клавдий отправился

в Халкидику (на острове Эвбее), главное сборное место македонян, взял этот город, сжег магазины и с богатой добычей возвратился в Афины. В отместку за это Филипп поспешил в Халкидику, а оттуда в Афины. Но не будучи в состоянии взять Афины, он опустошил всю окрестную область с таким варварским неистовством, что разрушил даже храмы и бесчисленные статуи богов, украшавшие во множестве Аттику, и затем возвратился в Беотию.

В это время открылся сейм городов Этолийского союза. На этот сейм консул Сульпиций также отправил своих послов, которые, выступив там против послов македонских, старались заручиться дружбой этолийцев.

*Монета
Этолийского
союза.*

Этолийцы сначала колебались, но затем приняли сторону римлян. При приближении к Пирею Аттала со своим и римским флотом афиняне решились со своей стороны дать простор гневу против разорителя их страны и их дивных художественных сокровищ. Одинаково необузданный в любви и ненависти, пылкий народ этот издал повеление, которым предписывалось уничтожить всякое воспоминание о македонском имени. Ни один жрец не мог благословить Афины и их союзников, не прибавив при этом проклятия Филиппу и всему его семейству. Все, что впредь будет придумано для позора македонян, должно было получить немедленное одобрение народа, и каждое слово, произнесенное в их пользу, влекло за собой безнаказанную смерть от руки того, кто первый его услышит. К приближавшемуся на помощь Атталу афиняне вышли навстречу длинной процессией с жрецами, должностными лицами, женщинами и

детьми, почтили его принесенными на алтарях жертвоприношениями и учредили в честь его одиннадцатый демос (обшину) под именем атталийского.

Этот первый поход не имел для римлян никакого результата. Консул 199 года Публий Виллий Таппул действовал не с большим успехом, чем Сульпиций. Только с наступлением 198 года, когда предводительство над войском перешло к не достигшему еще тридцатилетнего возраста консулу Т. Кв и н к ц и ю Ф л а м и н и н у, война приняла совершенно другой оборот. Обладая тонким, изворотливым умом, в высшей степени одаренный способностью вести под видом кротости и миролюбия самую хитрую, коварную политическую интригу, Фламинин, не имея действительных достоинств Сципиона, тем не менее сумел достигнуть одинаковых с ним результатов. Он разбил одно из войск Филиппа в Эпире и дошел до Фокиды, между тем как брат его, с флотом, осадил Коринф.

В то же время послы Фламинина старались на сейме в Сикионе приобрести расположение ахейцев. Для ахейцев было большим само-

пожертвованием решиться перейти на сторону римлян. Наконец, в силу необходимости они вынуждены были на унижительный поступок — переменить греко-македонского властителя на чужеземного.

В 197 году, несмотря на то, что в Риме на этот год был избран другой консул, друзья Фламинина настояли на том, чтобы за ним было оставлено начальство над войсками в Македонии. И Фламинин, будучи теперь только проконсулом, вполне оправдал их ожидания и с успехом выполнил возложенную на него задачу. Весной он объездил всю Грецию, заключил союзы в Аргосе со Спартой, находившейся во власти тирана Нависа, а в Фивах с Беотийской республикой. Затем Фламинин направился в Фессалию, чтобы встретиться с Филиппом и по возможности скорее покончить войну решительным сражением. Он нашел Филиппа при Скотуссе, в местности, покрытой многочисленными холмами, которые назывались К и н о к е ф а л а м и, то есть Собачьими головами.

После того как Фламинин в обычном звании к римским войскам напомнил о славе их предков, а Филипп в речи к своим войнам напомнил о подвигах македонян, началась битва. В этом сражении римляне впервые употребили слонов. Филипп был совершенно разбит и бежал с остатками войска через Лариссу в Темпе, а оттуда к себе в Македонию. Отсюда он обратился к победителю с просьбой о перемирии и об открытии переговоров. Фламинин собрал представителей от всех союзников, чтобы выслушать мнения их о предложенных ему мирных условиях. Этолийцы непременно требовали лишения Филиппа престола. Но проконсул объяснил им, какой сильный оплот представляет Македония против северных варваров. Этолийцы возражали, что если Филиппу будет оставлено его царство, то они никогда не будут иметь от него покоя. «Заботу об этом я беру на себя», — отвечал римлянин.

На следующий день явился сам Филипп и без условий отдался победителю. Фламинин представил ему мирные условия, вполне сходные с условиями, предложенными карфагенянам. В силу их он должен был ограничиться собственно одной областью — Македонией, обязывался объявить свободными все греческие города в Европе и Азии и вывести из них свои гарнизоны, уплатить 1000 талантов военных издержек и выдать все свои военные корабли, за исключением пяти трехъярусных галер. Кроме того, Филипп обязывался содержать не более 5000 человек воинов, не иметь боевых слонов и не предпринимать ни с кем войны без согласия Рима. Филипп согласился на эти условия. Послы от имени Филиппа и проконсула с проектом договора отправились в Рим; на время же перемирия в качестве заложника римлянам был выдан сын Филиппа Димитрий. Сенат утвердил мирный договор и

*Т. Квинций Фламинин.
С античной монеты.*

отправил десять комиссаров в Грецию для приведения дел новых союзников в порядок.

Таким образом, некогда всемирная Македонская монархия была низведена на степень незначительного, бессильного государства и потеряла навсегда свое прежнее огромное влияние над Грецией.

Уничтожение всякой чужеземной морской силы сделалось теперь правилом римской политики, ибо только таким путем можно было, не имея собственного значительного флота, утвердить за собою столь необходимое господство на море.

Суровая участь Филиппа все еще представлялась грекам слишком умеренной. Они подозревали даже, что при заключении мирного договора имел место подкуп. В действительности можно предполагать, что Фламинин спешил заключить мир, чтобы иметь возможность вовремя еще встретить вооружавшегося уже с давних пор Антиоха Сирийского.

Прежде возвращения в Рим для празднования своего триумфа Фламинин разыграл род политической комедии с целью ввести доверчивых греков в заблуждение насчет истинных намерений римлян. Дело происходило как раз во время Истмийских игр. Этот-то именно момент и избрал Фламинин. На этот раз стечение греков на национальные игры было гораздо многочисленнее, чем когда-либо, так как каждый из них был полон ожидания услышать, насколько судьба Греции должна измениться в будущем. Никто не считал возможным, чтобы римляне, будучи победителями, очистили почти всю Грецию. Все заняли свои места и приготовились к зрелищу. Тогда глашатай с трубой вышел на середину ристалища, откуда он, согласно обычаю, должен был в установленных выражениях возвестить о начале игр. Пригласив всех трубным звуком к тишине и молчанию, глашатай объявил следующее: «Римский сенат и главный военачальник Т. Квинкций вместе с победой над македонянами и царем Филиппом возвращают независимость, свободу от налогов и самостоятельность коринфянам, всем фокеецам, острову Эвбее, магнетам и фессалийцам, перребрам и фтиотийским ахеянам». При этом он назвал поименно все народы, которые были под властью царя Филиппа.

Провозглашенное глашатаем объявление возбудило такой сильный восторг, что он помешал сразу вполне его постигнуть. Едва верили тому, что слышали своими ушами, смотрели друг на друга в изумлении и думали про себя, не обольстительный ли это сон? Каждый читал ту же мысль на лице другого и, не решаясь верить ушам своим, обращался вопросительно к сидевшему с ним рядом. Каждый желал не только слышать, но и видеть провозвестника своей свободы. Снова призвали глашатая. Он вернулся и еще раз повторил все им сказанное. Теперь, когда собрание убедилось в достоверности радостного известия, поднялся неумолкаемый крик восторга¹, раздались оглушительные руко-

¹ Плутарх с насмешкой и преувеличениями рассказывает, что крик восторга был так оглушителен, что пролетавшие в это время над собравшейся толпой птицы пали мертвые.

плескания, и в эту минуту можно было вполне убедиться в том, что для этого народа не существовало блага выше свободы. Значит, есть же на земле хоть один народ, который за свой собственный счет, жертвуя своими собственными силами и подвергая самого себя опасностям, ведет войну за свободу других, и это делает он не для своих соседей, не для дорогих и близких ему людей, которые живут на одном с ним материке. Нет, он переплыл море для того, чтобы на всей поверхности земли не давать воли незаконному произволу, а предоставить повсюду господство лишь праву, справедливости и закону.

Так гласит бесхитростный рассказ Ливия (XXXIII, стр. 32) об этой сцене. Само собою разумеется, что в числе греков люди проникательные, которых, конечно, в то время не должно было быть слишком много, видели ясно, какую истинную цену следовало дать новому благоденствию. Они хорошо понимали римскую политику, которая для того только желала удовольствоваться на время малым, чтобы разъединить эти могущественные силы и доставить себе в скором времени мнимым благоденствием многочисленных неопцененных помощников против ожидаемого более сильного врага. И действительно, Фламиний, несмотря на обещанную свободу, оставил римские гарнизоны в Халкиде и Димитрии.

9. Война с Антиохом Сирийским. Смерть Ганнибала (193—189 гг. до Р. Х.).

В то время как римляне были заняты войной с Филиппом, Антиох сделал значительные завоевания в Малой Азии и, между прочим, подчинил своей власти и греческие города в Херсонесе Фракийском. Это обстоятельство послужило римлянам желанным поводом, чтобы дать почувствовать Антиоху их силу. Для этого после провозглашения свободы всех греческих городов, само собою разумеется, следовало присоединить к Греции также и греческие города в Малой Азии: Смирну, Лампсак и пр., давно уже принадлежавшие к владениям Антиоха, а также и Херсонес Фракийский, в котором Антиох только что вновь отстроил разрушенный город Лизимахию, и с этой целью тоном всемирного повелителя предписать Антиоху очистить эти города и области. Это и было сделано в 196 году, тотчас по окончании войны с Филиппом. Римские послы встретились с Антиохом в Лизимахии. Он выразил свое удивление тому, что его хотят принудить отказаться от владений и прав, унаследованных им самым законным образом от своих предков. Но все возражения Антиоха были тщетны. Римские послы настаивали на том, что он должен очистить Европу и даровать свободу греческим городам в Азии.

Несколько лет прошло в переговорах. Антиох долго оставался в нерешительности, ибо желал заранее убедиться, на каких союзников он может рассчитывать в случае войны. В Греции это лии цы больше

других были недовольны римлянами, так как находили, что они недостаточно были вознаграждены ими за свой союз. Со стороны Филиппа тоже можно было ожидать, что он постарается разорвать при первой возможности наложенные на него узы. Но более всех сгорал нетерпением отомстить гордому победителю за свой столь глубоко удрученный народ Ганнибал, который уже шесть лет находился во главе управления Карфагенского государства и своим бережливым и мудрым

*Антиох III.
С античной монеты.*

управлением финансами снова привел свой отечественный город в цветущее положение. Чего бы можно было ожидать от соединения этих четырех держав, особенно в том случае, если общими их предприятиями стал бы руководить такой человек, как Ганнибал.

В самом Риме сознавали поднимающуюся на Востоке опасность, но и меры, принятые против нее, как нельзя более соответствовали важности данного положения. Греческие государства находились постоянно под самым тщательным надзором римских комиссаров; македонского царя время от времени убаюкивали незначительными милостивыми

благоволениями и еще большими надеждами; в Сирии пустили в ход придворные интриги; а в Карфаген были отправлены послы, которые грозно должны были потребовать выдачи Ганнибала под тем предлогом, что он находится в подозрительных сношениях с врагами Рима. Что за дело было римлянам до того, был ли их образ действий благороден и достоин великого народа, лишь бы то, что они предпринимали, приносило пользу государству!

Ганнибал тотчас же проник истинное намерение явившихся в Карфаген римских послов и вовремя спасся бегством от угрожавшей ему выдачи (195 году до Р. Х.). Он отправился к Антиоху, который назначил ему местопребыванием Эфес и не отпускал его от себя ни на шаг в первые дни по его приезде. Но римские наушники сумели всевозможными сплетнями и интригами внушить настолько сильное подозрение к знаменитому гостю, что царь не замедлил удалиться от него с видимой холодностью и боязнью. Однако присутствие Ганнибала подействовало настолько сильно, что Антиох имел мужество отвергнуть требования римлян.

Наконец, в 193 году война была объявлена формальным образом. Насколько Антиох рассчитывал на этолийцев, настолько, в свою очередь, римляне заручились содействием остальных греков. Магическое слово — свобода и на этот раз снова послужило приманкой для добродушных греков. В созванном собрании представителей всех греческих городов Фламиний объявил так называемым «союзникам», что римский народ решил защищать их свободу против Антиоха так же непоколебимо и великодушно, как и против Филиппа. И на этот раз ро-

досцы и преемник Агтала Эвмен присоединились к Риму в качестве вассалов.

Антиох с своей стороны также держал с своими друзьями военный совет. Ганнибал непременно желал перенести войну в самую Италию, ибо, как утверждал он, Рим можно было победить только в самом Риме. Для успешного выполнения этого предприятия Ганнибал требовал не более 100 галер, 10 000 пехоты и 1000 всадников. К этим силам он намерен был присоединить сперва карфагенян, а затем вторгнуться в Италию; в то же время Антиох должен был занять Грецию и быть каждую минуту готовым явиться на помощь к Ганнибалу. План был за-

*Медаль в воспоминание о победе
Ацилия Глабрия.*

думан превосходно, но, к счастью для римлян, Антиох из зависти к славе Ганнибала пренебрег его советом и решился действовать по своему собственному усмотрению.

Начало неприязненных действий последовало со стороны Набиса, тирана Спарты. Он сделал попытку в 192 году вновь овладеть отнятыми у него пело-

поннесскими городами. Вслед за ним восстали этолийцы, и по их просьбе и сам Антиох прибыл наконец с флотом к Димитрии. Ахейцы объявили себя против Антиоха. Первым и конечно легким военным подвигом Антиоха в этот поход было занятие города Халкиды. Здесь он расположился на зимние квартиры, отпраздновал свою свадьбу с одной молодой гречанкой, сумевшей заманить его в свои сети, и вместе с войском своим провел всю зиму в роскошных празднествах. С ужасом узнал он весной 191 года, что римский консул Ацилий Глабрий стоит уже с римским войском в Фессалии. Тогда Антиох пошел к нему на встречу и поспешно призвал к себе на помощь союзников своих, этолийцев. Но этолийцы послали ему лишь 4000 человек. Затем он отступил перед наступавшими римлянами в Фермопильское ущелье. Здесь он был совершенно разбит и из всего своего войска успел спасти едва 500 человек в Халкиду, откуда немедленно переправился в Эфес. Катон, хотя и был уже консулом в 195 году, служил в это время в качестве простого военного трибуна под начальством Ацилия и при взятии приступом одной высоты много содействовал победе.

После этого консул обратился против этолийцев. После того как он овладел их сильно укрепленным городом Гераклеей, этолийцы обратились к нему с просьбой о мире. Глабрий ответил им с возмутительной жестокостью и угрожал знатнейшим лицам союза цепями и темницей. Тогда этолийцы сосредоточили все свои военные силы в укрепленном городе Навпакте. Глабрий осадил их, но благодаря посредничеству Фламинина заключил с ними перемирие и потребовал, чтобы они отправили в Рим послов для переговоров о мире. Но по-

слы после недолгих и бесплодных переговоров были высланы из этого города и должны были в течение 14 дней выехать из Италии.

В следующем 190 году консул Ацилий был замещен избранным на его место Л. Корнелием Сципионом, которого сопровождал, в качестве легата, знаменитый его брат П. Корнелий Сципион Африканский. Успешные действия предместника и три морские победы претора Ливия настолько облегчили Л. Корнелию Сципиону его дело, что он, не имея надобности долго оставаться в Греции, мог направиться через Фессалию, Македонию и Фракию, а затем через Геллеспонт в Азию. Теперь римское войско действовало на полях древней Трои. Антиох, который считал себя в Азии безопасным от всяких преследований и не обращал никакого внимания на все предостережения Ганнибала, успешно стянул теперь к себе войска, составлявшие пеструю смесь всевозможных народностей: сирийцев, галатов, каппадокийцев, мидян и арабов; при войске его находились даже верблюды и колесницы с косами. Он встретил римлян при Магнезии, у подошвы горы Сипила. Но войско Антиоха не могло устоять против непреодолимой храбрости и превосходного военного искусства римлян. Антиох был совершенно разбит и спасся ночью с немногими спутниками в Сарды, откуда немедленно бежал через горы Тавра во внутреннюю Сирию. Ни Ганнибал, ни Сципион Африканский не присутствовали в этой битве. Ганнибал был отправлен в Финикию, чтобы создать там флот, который должен был постараться уничтожить союзников римлян — родосцев; Сципион же Африканский, по случаю болезни, оставался в Элее.

*Л. Корнелий Сципион
Азиатский.
С античной монеты.*

Ближайшим последствием победы при Магнезии было добровольное изъявление покорности всеми городами Малой Азии, вторым — посольство с просьбой о мире пришедшего в отчаяние Антиоха. П. Сципион, которому было поручено определить условия, предписал точно такие же, какие были предписаны одиннадцать лет тому назад карфагенянам. Царь должен был ограничиться одной Сирией, отказаться от всей Малой Азии до самого Тавра, уплатить военные издержки в течение двенадцати лет 15 000 талантов (свыше 18 миллионов рублей) римлянам и 500 талантов Эвмену, выдать всех боевых слонов и весь флот, за исключением десяти кораблей, не предпринимать никакой войны против западных стран, выдать Ганнибала и этолийца Фоаса и дать 20 заложников в обеспечение исполнения мирного договора.

Антиох дал своим послам полномочие заключить мир на каких бы то ни было условиях, почему послы и продолжали свой путь из римского лагеря в Рим, чтобы представить мирный договор на утверждение сената. С ними также отправились послы родосцев и сам царь Эвмен, чтобы воспользоваться этим случаем и снова засвидетельствовать

Римская домашняя утварь.

1. Большой канделябр.
2. Маленький многосветильный канделябр.
3. Треножник.
4. Бронзовая лампа.
5. Ведро с дужкой (котел) и блюдо.
6. Рог для питья, бокал, чаша и черпак.
7. Роскошная амфора.
8. Почетное место (визеллия).
9. Складной стул.
10. Мягкое кресло и скамейка.
11. Ручное зеркало.
12. Сосуды для притираний и благовонных мазей, флакончик для благовонного масла, гребень, ухвертка и головные булавки из слоновой кости.
13. Ларчик для драгоценностей, кольцо, серьги и шейная цепочка.
14. Корзинка для работы.
15. Парадный стол и парадное ложе.
16. Постель.

свою преданность римлянам. Все они были приняты с чрезвычайной благосклонностью и осыпаны благодеяниями. Римляне, не имевшие еще возможности непосредственно управлять столь отдаленными завоеванными ими странами, как Фригия, Мизия и Лидия, разделили их с притворным великодушием между родосцами и пергамским царем и тем не только приобрели себе двух верных друзей, но в лице их создали для Антиоха несносных пограничных надсмотрщиков, ревниво наблюдавших за каждым его шагом. Огромная дань не только совершенно ослабляла внутренние силы сирийской державы, но и ставила ее, по крайней мере в течение ближайших двенадцати лет, в постоянную зависимость от римлян. Для приведения в порядок дел освобожденных греческих городов, в Азию было послано десять римских комиссаров.

Насколько на Масиниссе, Эвмене и родосцах был показан пример, как римляне великодушно умеют награждать своих друзей, настолько этолийцы должны были послужить разительным доказательством того, как строго умеет Рим карать строптивых врагов и вероломных союзников. В 189 году консул Фульвий Нобилиор получил повеление предпринять против них поход. После того как этолийцы были почти совсем обессилены, им согласились даровать мир на следующих суровых условиях. Этот бедный народ должен был заплатить 500 талантов (гораздо больше миллиона рублей) военных издержек и дать обязательство ни с кем не начинать войны без позволения римлян.

Таким образом Рим сделался теперь если не повелителем, то решителем судеб всего мира. Сила главных государств остальной Европы была сломлена; незначительным же государствам ничего другого не оставалось делать, как добровольно подчиниться власти римлян. Но в этом блестящем периоде могущества Рима таились уже и семена будущей гибели. Неисчислимые сокровища, произведения искусства, роскошь и свободные нравы, принесенные в Рим из побежденных стран, внушали серьезное опасение более рассудительным современникам. Со своей стороны, самые невоздержные из полководцев старались только о том, чтобы вывозить из греческих дворцов и храмов целыми тысячами домашнюю утварь самой роскошной и искусной работы, картины и статуи и по возможности не трогать большое количество золота и серебра в слитках для того, чтобы иметь возможность украшать ими свои триумфы в Риме. Таковы были Ацилий, Фульвий и в особенности Л. Сципион, удостоенный, в отличие от своего брата, почетным наименованием «Азиатского».

Между тем Сципионы не избегли зависти. Публий Сципион Африканский, который, при всей своей военной суровости, любил известную роскошь и великолепие в своей обстановке, уже этим самым во время похода своего в Испанию подал повод к порицанию. Против же его брата, Луция Сципиона Азиатского возникло даже подозрение в том, что будто бы он был подкуплен за известную денежную сумму Антиохом и вошел с ним в соглашение при заключении мира. Оба Сципиона были пристрастны к греческим обычаям и

даже хвалились этим, и вследствие этого суровый Катон, поборник простоты и умеренности древних римских нравов, перешел на сторону их противников. Нашлись и официальные обвинители, которые перенесли дело в суд преторов; были произнесены обвинительные и защитительные речи, и весь Рим принял участие в этом важном процессе. Публий пристыдил своих судей тем, что, явившись на суд в день, приходившийся как раз в годовщину битвы при Заме, открыто напомнил о своих подвигах и предложил народу последовать за ним в Капитолий и возблагодарить там богов за оказанные ими через него благодеяния. После этого Публий, глубоко оскорбленный, удалился в свое поместье близ Литерна, где постоянная болезнь убедила наконец врагов оставить против него всякое преследование. Но против его брата Луция они возобновили свои жалобы. Несмотря на то, что Луций также не мог быть изблещен ими, судьи все-таки присудили его к денежному штрафу, который он мог внести, продав все свое имение. Он также должен был удалиться из Рима, причем друзья его выкупом самой необходимой домашней обстановки старались по возможности облегчить его положение.

Публий II.

Г а н н и б а л, чтобы не быть выданным Антиохом, бежал сперва на остров Крит, а затем нашел убежище у П р у з и я, царя Вифинии. Он оказал Прузию необыкновенные услуги в войне его с Эвменом. Но едва Фламинин потребовал у Прузия выдачи Ганнибала, как тот дал Фламинину полномочие арестовать Ганнибала. Хотя Ганнибал имел в своем доме семь выходов и между ними некоторые были потайные, но они все были окружены солдатами царя, и ни о каком спасении нечего было и думать. На этот случай Ганнибал давно уже имел при себе маленький флакон с ядом. «Итак, — воскликнул он, — дадим наконец римлянам возможность избавиться от их страха, ибо они не могут дожидаться смерти старика! Но победа Фламинина, одержанная над беззащитным и выданным врагом не будет ни важна, ни достославна. Насколько развратились римляне в нравственном отношении, тому доказательством может служить сегодняшней день. Предки их предупредили Пирра, когда он стоял, как их вооруженный враг, в Италии, о яде, который хотел поднести ему его враг; нынешние же римляне присылают сюда в качестве посла бывшего консула для того, чтобы он склонил Прузия, в противность чести и долгу, дать приказание убить своего гостя». Произнеся затем еще несколько проклятий Прузию, Ганнибал выпил смертельный сок и умер 70 лет от роду. О том, что в 183 году, в одно время с Публием Сципионом и Ганнибалом, умер также и ахейский полководец Филопомен, — было рассказано уже выше.

10. Вторая Македонская война: Персей, Эмилий Павел. Пидна (171—168 гг. до Р. Х.)

Владения Рима расширялись с каждым годом все более и более. Вместе с тем сенату все труднее становилось управлять государственными делами. Приобретаемое храбрыми войсками и талантливыми полководцами должно было удерживаться осторожным и благоразумным управлением лиц, стоявших во главе государства. Величие римской политики главным образом проявлялось в дипломатических сношениях, посольствах и действиях уполномоченных. Величайшего удивления заслуживает единодушие, царившее при этом во всей системе управления, начиная с консула и кончая последним должностным лицом, занимавшим самую низшую ступень в правительственной иерархии. Все были одушевлены одним направлением, говорили и действовали на основании одних и тех же правил, как бы подчиняясь одному всепроникающему национальному духу и повинувшись одной национальной гордости.

К числу венценосных властителей, над которыми признавалось необходимым установить особый надзор, в особенности принадлежал Филипп V, царь Македонский. Была учреждена целая толпа шпионов и агентов, обязанных наблюдать за каждым движением этого государя и доносить Риму. Другие шпионы тайно подстрекали соседей жаловаться на якобы делаемые им притеснения со стороны Филиппа, что каждый раз давало Римскому сенату повод посылать в Македонию следственные комиссии, которые формально требовали к допросу царя, и, то внушительно упрекая его, то предостерегая, то угрожая, нередко напоминали ему о его зависимом положении.

*Персей.
С античного
мраморного бюста.*

Филипп слишком чувствовал на себе тяжелую руку своих повелителей для того, чтобы с терпением переносить свою участь. Однако же, насколько позволяло присутствие шпионов, Филипп употреблял время дарованного ему мира на то, чтобы, по возможности, пополнять свою казну, свои магазины и цейхгаузы и держать свой народ всегда вооруженным. Он действовал таким образом в интересах своих преемников, надеясь, что, быть может, со временем для них настанут более благоприятные обстоятельства. Филипп умер в 179 году в отчаянии, что велел отравить своего младшего сына Димитрия, несправедливо обвиненного старшим братом своим Персеем.

Филипп завещал сыну Персею царство и враждебные замыслы к Риму. Юношеское увлечение сына послужило обстоятельством,

ускорившим окончательную развязку, которую отец решил отсрочить до более удобного времени. Хотя в начале Персей как будто и сам придерживался благоразумной политики и посылал даже посольства для возобновления договоров с Римом, однако в то же время он продолжал с удвоенной поспешностью вооружения, начатые отцом, и старался приобрести союзников. Меры эти привели в движение целое войско римских шпионов. Но гораздо больше того, что могли открыть шпионы, обнаружил завистливый и недоброжелательный сосед Эвмен, царь Пергамский. Заключив союз с римлянами, он сделался для народов Малой Азии еще невыносимее, чем был до него Антиох. Чтобы сохранить за собой эту дружбу, Эвмен решился сослужить своим покровителям службу шпиона и даже не отступил перед личной поездкой в Рим (в 172 году), чтобы тайно предостеречь сенат об интригах Персея, который, как уверял он, привлек на свою сторону все греческие города, женился на дочери сирийского царя Селевка, свою сестру выдал замуж за царя Вифинского Прузия II, его самого (Эвмена) старался склонить вступить с ним в союз и собрал на десять лет провианта в своих магазинах.

Вследствие этого в Македонию были отправлены послы, чтобы напомнить Персею о договорах, заключенных как с отцом его, так и с ним самим. Послы передали это ему тоном повеления. Персей отвечал им с сознанием своего достоинства, что он не желает более быть связанным таким позорным договором и что в данную минуту он, конечно, чувствует себя настолько сильным, чтобы сбросить с себя то постыдное рабство, каким угнетают римляне своих так называемых друзей. Войны он не ищет, и если хотят предложить ему новый союзный договор на лучших условиях, то он обдумает их. Послы гордо возразили, что после таких речей римляне вынуждены будут отказать ему в своей дружбе. Тогда царь приказал им в течение трех дней оставить его царство. Почти в это же самое время Эвмен на обратном пути, проезжая из Коринфского залива в Дельфы по узкой дороге, подвергся нападению убийц и был ими побит камнями до полусмерти. Конечно, не обошлось без того, чтобы на Персея не пало подозрение, как на главного виновника этого происшествия.

В 171 году началась война с Персеем. Консул Лициний получил по жребию в качестве провинции Македонию и войско, состоявшее более чем из 50 000 человек, против которого Персей мог собрать лишь 43 000 человек.

При наборе римских ветеранов произошел случай, который Ливий счел заслуживающим быть рассказанным, как пример единодушия римских воинов. 23 центуриона отказались идти в поход, если им не будут предоставлены те же почетные места, которые они занимали прежде. После долгих споров между консулами и военными трибунами один из этих центурионов просил позволения сказать несколько слов народу. «Квириты, — начал он, — меня зовут Спурием Лигустином. Я родом из Крустуминийской трибы, Сабинской области. Отец

мой завещал мне участок земли и хижину, в которой я родился и вырос и в которой живу и в настоящее время. Он рано женил меня на дочери своего брата. Жена моя родила мне восьмерых детей. Две дочери вышли замуж, четыре старших сына надели уже на себя мужские тоги, двое носят еще детское платье. Я начал военную службу в год консульства П. Сульпиция и К. Аврелия. Два года я служил простым солдатом в войске, действовавшем в Македонии против царя Филиппа. На третий год Т. Квинций Фламинин в награду за мою храбрость,

Центурион.

перевел меня в десятую манипулу (роту) копьеносцев. Затем, в качестве волонтера, служил я в Испании под начальством консула Катона, который сейчас же назначил меня центурионом первой манипулы триариев. Затем я снова добровольно служил солдатом в войске, посланном против Антиоха и этолийцев, и в эту войну Маний Ацилий Глабрий произвел меня в первые центурионы (*primipilus*) первой манипулы. После этого я совершил еще разные походы и четыре раза командовал первой манипулой. Тридцать четыре раза удостоивался я получать награды от полководцев. Я получил шесть гражданских венков¹, совершил 22 похода и дожил до 50 лет. Таким образом, я не обязан более военной службой, тем более, что могу поставить за себя четырех сыновей. Но пока полководцы считают меня способным носить оружие, я никогда не откажусь от службы. Военные трибуны могут назначить мне место по своему усмотрению, это их дело; мое же дело будет — никому в войске не уступить в храбрости, чем я отличался всегда и во свидетельстве чего призываю всех своих товарищей. Итак, центурионы, вы находитесь в таком же положении, как и я. Я полагаю, что

если мы никогда не возражали начальникам нашим во дни нашей юности, то теперь тем более нам следует выказать повиновение сенату и консулам и считать почетным всякое место, на котором мы можем оказать услугу государству». Честный и храбрый воин был приведен консулом в сенат, который открыто и единогласно выразил ему свою признательность и возвел его в должность примипилуса, то есть первого центуриона первого легиона.

Между тем римские послы объехали все подвластные Риму страны, чтобы повсюду заручиться союзниками. Беотийцы, ахеяне и этолийцы

¹ *Corona civica*, то есть гражданские дубовые венки, даваемые за спасение жизни гражданина.

тотчас же присоединились к римлянам; родосцы прислали флот; Эвмен обещал с двумя своими братьями и с отрядом войск присоединиться к консулу в Фессалии. Со своей стороны Персей рассчитывал на Генция, царя Иллирийского и на Котиса, царя Фракийского. Но Персей не был человеком способным с надлежащей решительностью выполнять свои замыслы, часто поддавался влиянию дурных советников и терпел неудачи вследствие своей скупости. С ужасом узнал он о высадке римского войска. Он хотел вступить в переговоры, но послы его не были даже приняты. Таким образом должна была начаться война. Персей выступил против консула Лициния Красса и напал на него при Калликоне, в Фессалии. В кавалерийской схватке римляне были разбиты и отступили в свой укрепленный лагерь. Персей рассчитывал, что наступил момент, благоприятный для возобновления мирных переговоров, и, будучи победителем, не требовал лучших условий мира, какие были дарованы Фламинию его побежденному отцу. Но он не знал гордости римлян. Разбитый Лициний потребовал от него безусловной покорности.

Однако положение Персея не было неблагоприятно. Он имел на своей стороне неограниченное преимущество, заключающееся в гористой местности и в неспособности первых трех посланных против него полководцев. Персей разбил в 170 году и консула Гостилия Манцина. В следующем 169 году преемник Гостилия, консул Марций Филипп, отважился на в высшей степени опасный поход через фессалийско-македонские пограничные горы, неподалеку от Олимпа. Персей, который мог его здесь уничтожить, до того испугался смелости этого предприятия, что покинул свою крепкую позицию при Дионе и дал повеление бросить в море находившиеся в Пелле свои сокровища и сжечь корабельные верфи в Фессалониках.

Персей не принял предложения услуг от военного отряда из 20 000 галлов, перешедших через Дунай и изъявивших желание поступить к нему на службу, по той причине, что не ожидал для себя ничего хорошего от их своеволия. Он пожелал принять из их числа к себе на службу лишь 5000 человек, но галлы не согласились на это и вернулись к себе. В то же время начал войну и иллирийский царь Генций, но был вероломно обманут Персеем. Генций потребовал 300 талантов вознаграждения за участие свое в войне, но получил лишь незначительную часть этой суммы. Но как только Генций открыто объявил себя врагом римлян и заключил в темницу их послов, Персей не послал ему остальных обещанных денег, в том предположении, что теперь Генций волей-неволей должен вести войну с Римом. Это была, разумеется, большая ошибка.

*Марций Филипп.
С античной серебряной монеты.*

Римляне послали против Генция войско под начальством претора Аниция, который напал на столицу его, Скодру, взял в плен его самого вместе с женой и детьми и отвел их в Рим.

Но в самом Риме были недовольны тем, что такой ничтожный враг, как Персей, доставлял уже в течение трех лет хлопоты прежде столь победоносным войскам республики. Равным образом с неудовольствием выслушивали от посланных на театр военных действий следственных комиссий, что в войсках вследствие неспособности полководцев господствует беспримерная распушенность и совершенно отсутствует обычная в римских войсках дисциплина. Достоинство республики требовало решительного образа ведения войны. Вследствие этого народ на первых же выборах единогласно выбрал консулом престарелого Э м и л и я П а в л а, пользовавшегося уважением за свою честность и, не прибегая к жребию, тотчас же и единогласно предоставил ему главное начальство над войсками в Македонии.

Генций.
С античной монеты.

Этот достойный муж, сын Павла Эмилия, убитого при Каннах, был уже однажды, 14 лет тому назад, консулом и со славой предводительствовал римским войском в Лигурии. Затем, при вторичных выборах, он не был избран в консулы и с тех пор проживал в почетном покое и проводил время в занятии сельским хозяйством и в заботах о воспитании своих детей. Вновь призванный к общественной деятельности, Эмилий Павел немедленно приступил к исполнению возложенной на него обязанности с тем достоинством и твердостью, каких ожидали от него, как от спасителя народной славы. Прежде всего по его требованию комиссары должны были представить подробное донесение о настоящем положении находившегося в Македонии войска. Затем он выговорил себе право замещать по своему собственному усмотрению все должности во вверенных ему войсках и, наконец, оградил себя от вошедших уже в то время в употребление интриг и вмешательства лиц, которые, хотя и ничего не понимали, но тем не менее желали руководить государственными делами, и для этого обратился к народу с следующей речью:

«Граждане, вы оказываете мне большую честь, признавая меня способным окончить, как приличествует римскому званию, продолжающуюся так долго и с таким позором войну. Разумеется, я возлагаю в этом отношении упования мои на милость богов, но уверяю вас, что употреблю все свои силы и старания чтобы не обмануть ваших ожиданий. Но для этого (в чем я главным образом и прежде всего нуждаюсь) верьте тому, что я буду писать вам, и не доверяйте разным распространяемым пустым слухам! Ибо ничто так не волнует

умы, как ложно распускаемые слухи. Здесь есть люди, постоянные посетители питейных домов, которые думают начальствовать войсками в Македонии и безошибочно знают, где следует разбить стан, где построить укрепления, через какие проходы следует вторгнуться, где учредить склады, как распоряжаться подвозами, когда вступать в сражение и когда отдыхать. Затем они произносят приговор полководцу, как будто он стоит уже перед судом, и каждый хочет быть его наставником. Это очень затрудняет главного военачальника, и многие переносят насмешки и хулы с таким хладнокровием, как некогда Фабий. Я охотно приму наставления и советы, но в таком только случае, если те, которые хотят их давать, будут находиться при мне, видеть мое положение и разделять мои опасности. Итак, если между вами кто-либо хочет давать мне советы в войне, которую я должен вести, тот пусть идет со мной в Македонию; я согласен разделить с ним свой корабль, своих лошадей, свою палатку и свой стол. Но кто страшится этого труда, тот не должен и начальствовать надо мной, сидя в своей комнате, а пусть молчит и знает, что мы достаточно уже обсудили все дела в нашем стане».

С такой же внушительной речью обратился Эмилий и к вверенным ему войскам. Он нашел в войске беспримерную распущенность. Каждый желал приказывать и никто не хотел повиноваться, и все показались даже почти обиженными на то, что он коротко и сухо отдал им приказание заботиться лишь о себе, о своем оружии и об исполнении его приказаний.

Персей занял укрепленную позицию на реке Эльпии, к югу от Диона. Обходным движением Эмилий принудил его оставить эту неприступную позицию и отступить на север. Персей остановился у Пидны и расположился здесь лагерем. Эмилий последовал за ним. Накануне сражения было сильное лунное затмение, которое привело в ужас как римлян, так и македонян. Римляне стучали всевозможного рода металлическими орудиями, чтобы шумом этим снова вызвать лунный свет, и поднимали вверх множество факелов и головней, как будто желали зажечь потухший небесный свет. На следующий день военный трибун Сульпиций Гальба объяснил войску естественные причины этого явления. Эмилий приказал принести в этот день в жертву луне одиннадцать молодых быков, а на следующее утро двенадцать волов в жертву Геркулесу. Он не тотчас напал на неприятеля, а дал сначала отдохнуть своим утомленным воинам. Вечером 22 июня 168 года стычка передовых войск, ведших лошадей своих на водопой, перешла в решительное сражение при Пидне. Столкновение фланги с римскими легионами было ужасно. Римляне не могли прорвать плотно сомкнутый лес копий, и нападение их на фронт было отбито; но на флангах удалось прорвать некоторые ряды. Здесь благодаря своей подвижности римляне прорвали линии и привели сперва неприятельские войска в замешательство, а затем и в совершенное

расстройство. По уверению Полибия¹, Персей был из первых обратившихся в бегство. Скоро оно сделалось всеобщим, и сражение окончилось полным поражением македонян. Последствия этого поражения были решительны. Эмилий Павел сделался повелителем всей Македонии, так как пришедший в отчаяние Персей не думал более ни о какой обороне, а бежал со своими сокровищами (около 15 миллионов рублей) из Пидны в Пеллу, оттуда в Амфиполь и под конец на священный остров Самофракию, недалеко от Геллеспонта, где он искал убежища в храме Кастора и Поллукса. Но все было напрасно; вследствие измены критянина Ороанда, который взялся перевезти его на корабле во Фракию, к царю Котису, бегство не удалось, и Персей вынужден был безудловно сдаться претору и начальнику флота Октавию. Октавий отвез его вместе с детьми его и казной на корабле в Амфиполь, а оттуда отправил в стан Эмилия.

В траурной, темно-серой одежде вступил в римский стан низверженный монарх. Здесь Персея окружила такая огромная толпа любопытных, что он мог пройти в палатку главного военачальника лишь с помощью посланных консулом ликторов, очистивших ему дорогу. Приказав находившимся в палатке остальным военачальникам сидеть, консул встал, сделал несколько шагов навстречу входившему царю и протянул ему руку. Когда последний хотел броситься к ногам его, он удержал его, не допустил преклонить перед собой колени, ввел во внутреннюю часть палатки и предложил ему занять место против собравшегося там военного совета. Первый вопрос, с которым Эмилий обратился к царю, был следующий: «Какое оскорбление привело тебя в такое враждебное настроение, что ты решился предпринять против римского народа войну, в которой рисковал потерять свое царство?» Все с нетерпением ожидали ответа, но так как царь, опустив глаза в землю, молчал и только плакал, то консул продолжал: «Если б ты вступил на престол юношей, то для меня было бы менее удивительно твое незнание, каким могущественным другом и опасным врагом может быть римский народ. Припомни — ты сам был свидетелем всего этого — веденную отцом твоим войну и заключенный затем мир с нами, который мы соблюдали в отношении его во всех мельчайших подробностях, и скажи нам: чего желал бы ты лучше: вести ли войну или оставаться в мире с теми, чью мощь в военное время и верность во время мира узнал ты по опыту?» Но когда Персей ничего не отвечал ни на

¹ Полибий почерпнул эти сведения из римских источников. Кроме этого нам ничего не известно о трусости Персея. Напротив, один достоверный свидетель, Посидоний, которому это событие должно было быть лучше известно, чем римским писателям, о том, как вел себя в день битвы Персей, рассказывает, что последний накануне сражения был ушиблен копытом лошади и, несмотря на это, участвовал в битве до тех пор, пока не был ранен дротиком. Таким образом кажется, что римское злословие, которое прежде ничего другого не могло сказать про царя, отличавшегося своей ловкостью и обходительностью, кроме того, что он слишком ревниво оберегал свои сокровища, постаралось, по крайней мере, запятнать его хотя этим одним позорным поступком, на который он ни в каком случае не был способен, чтобы хотя несколько оправдать насилия над ним римлян.

предложенный ему вопрос, ни на обращенные к нему упреки, консул продолжал: «Но, произошло ли это вследствие свойственного людям заблуждения, или случайно, или же в силу обстоятельств, не теряя мужества! Великодушие, проявленное римлянами к столь многим царям и народам в их несчастьи, должно внушить тебе не только надежду, а почти положительную уверенность, что тебе нечего опасаться за свою жизнь».

Римляне любили хвастать своим обхождением с побежденными врагами и на деле доказали это, обходясь с Персеем деликатно и соответственно с высоким положением павшего монарха. В тот же день Персей был приглашен консулом к столу, и ему были оказаны все приличные его сану почести.

В руки римлян попали неисчислимы сокровища. Бескорыстный полководец не пожелал и взглянуть на них, но тотчас же передал их римским комиссарам. Цицерон восхваляет Эмилия именно за то, что он «принес своей семье лишь одно вечное воспоминание о своем имени». Солдаты же его, рассчитывавшие обогатиться в этой войне и развращенные потворством своих прежних предводителей, удивлялись такой строгости, которая не допускала их удовлетворить своей алчности.

Для нового устройства Македонии Эмилию, назначенному теперь проконсулом, продолжено было начальство над находившимися в ней войсками, и к нему присланы были десять комиссаров, которые должны были под его наблюдением привести в исполнение проектированное сенатом преобразование государственного устройства Македонии. Пока царство это не должно было еще войти, в качестве формальной провинции, в состав громадного римского государства, а под именем «республики» сохранить на время кажущуюся независимость. Изданное сенатом по этому случаю постановление, имевшее целью ввести в заблуждение побежденных насчет действительной их участи, заключало в себе, между прочим, следующие блестящие фразы: «Македоняне и иллирийцы будут свободны, чтобы весь мир убедился в том, что римляне прибегают к силе оружия не для того, чтобы поработать свободные народы, но, напротив, освобождать народы поработанные. И когда они ведут с царями войну, то она оканчивается победой для римлян и свободой для народов». Действительное намерение римлян сделать Македонию вполне бессильной и безвредной обнаружилось в данном ей государственном устройстве. Под тем предлогом, чтобы необузданная толпа не злоупотребляла дарованной ей свободой, Македония, в целях охранения ее от смут и мятежей была разделена на четыре отдельных республики с главными городами Амфиполием, Пеллой, Фессалониками и Пелагонией. Для того, чтобы разделенность эту сделать как можно полнее, было постановлено, что принадлежащие к этим четырем республикам жители не могут заключать между собой браков и входить друг с другом ни в какие торговые сношения. Равным образом республикам этим не позволено было со-

держат войска. Половина поземельной подати должна была поступать в пользу римлян. Об этом было объявлено Эмилием Павлом в созванном в Амфиполе собрании представителей от всех городов. Окруженный блеском римского величия, он прочел с высокой трибуны постановление сената. Серебряные и золотые рудники не должны разрабатываться, ввоз соли воспрещается, равно как не дозволяется рубить корабельный лес ни для себя, ни для других. Главные, а также и все прочие военачальники и царские сановники, вместе с их взрослыми сыновьями, должны быть отправлены в Италию, чем предотвращалась возможность нарушения мира.

Из Амфиполя Эмилий отправился в Эпир, часть жителей которого перешла на сторону Персея, для того, чтобы в силу сенатского повеления примерно наказать эту страну совершенным опустошением. Это ужасное поручение Эмилий исполнил с полным хладнокровием. Он приказал местным начальникам выдать все серебро и золото, расположил по всей стране солдат и в один из заранее назначенных для того дней, приказал совершенно разграбить и разрушить около семидесяти городов и около 150 000 жителей продал в рабство. Из этого страшного примера народы должны были познать, как наказывает римское правительство отпадающих союзников. Во всех греческих городах существовала римская партия. Люди этой партии явились перед римскими комиссарами злостными доносчиками на своих собственных сограждан, служивших в войске Персея, главным же образом на тех из них, которые находились с ним в более близких отношениях. Вследствие этого в Этолии римскими солдатами было схвачено и казнено 550 знатнейших граждан. В Ахейском союзе находился известный Калликрат, изменник, пользовавшийся особым благоволением римлян. В представленном им списке заключалось более тысячи имен самых уважаемых и достойных граждан, стоявших во главе союза. Римские комиссары на созванном по этому случаю сейме потребовали от собрания представителей смертной казни всем этим лицам, не называя их даже по именам; когда же к ним обратились с требованием указать, кого они именно обвиняют, то один из комиссаров сказал: «Всех тех, которые занимали какие-либо должности или служили в войсках». Тогда поднялся почтенный и уважаемый грек по имени Ксенон и сказал: «Я один из бывших главных военачальников союза (стратегов) и предводительствовал войсками. Но клянусь, что я никогда ни малейшим образом не действовал во вред римлянам и готов доказать это здесь же, в собрании, или даже в самом сенате». — «Хорошо, — воскликнул комиссар, — вы должны отправиться в Рим!» И эти тысяча человек, составлявших цвет греческой нации, и в их числе знаменитый историк Полибий, были посажены в качестве рабов на корабли и увезены из своего отечества (в 167 году до Р. Х.). В Италии они, как государственные пленники, были размещены по разным городам, содержались там в течение семнадцати лет без всякого расследования их

дела, и только после того, когда 700 человек из них погибли от лишений, остальные 300 были отпущены на свободу.

Поднявшийся в войске против Эмилия Павла ропот за то, что он строго преследовал солдат за грабежи, подал повод его врагам в Риме воспользоваться этим обстоятельством для того, чтобы воспротивиться его триумфу. Однако друзья Эмилия Павла и справедливость самого дела одержали верх, и он совершил свой въезд с таким блеском, который превзошел блеск всех предшествовавших триумфов. Плутарх сохранил для нас подробное описание этого триумфа, которое мы здесь и приводим.

Народ построил на улицах и площадях города множество амфитеатров, чтобы с них удобнее видеть шествие. Все зрители были в праздничной одежде; все храмы были открыты и украшены венками; благо-

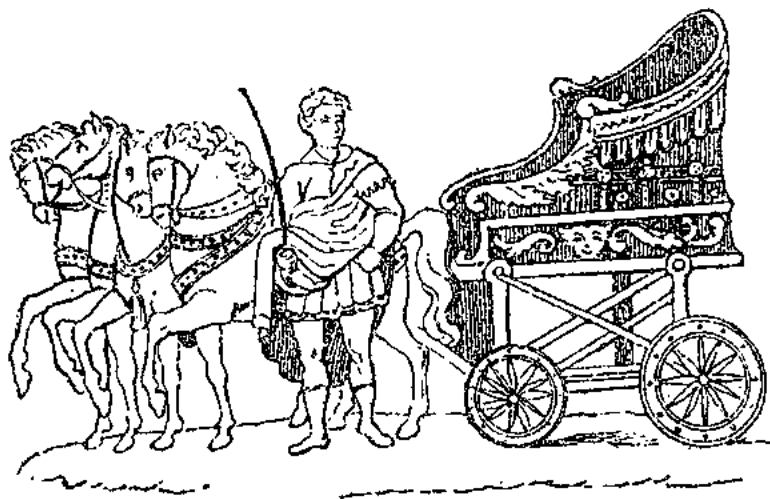

*Статуи и утварь побежденных народов, несомые в триумфальном шествии.
С барельефа на саркофаге.*

вонный дым драгоценного фимиама несся из их дверей. Празднество продолжалось три дня. В первый день провезли по улицам на бесчисленных колесницах вывезенные из Греции картины, статуи и другие произведения искусства. На второй день пришла очередь завоеванному оружию и доспехам, которые ярко блестели и отражали лучи солнца. Шлемы, щиты, латы, колчаны, конская сбруя, набедренники были искусно сложены в мнимом беспорядке и притом таким образом, что между всеми этими доспехами повсюду возвышались мечи и копья и грозно звенели один о другой. За этими колесницами следовали 3000 человек и несли серебряную монету в 750 открытых сосудах, а за ними шли другие носильщики, нагруженные серебряными изделиями, столовой посудой, серебряными кубками, жбанами и чашами.

Третий день был самый блистательный. Уже рано утром раздались по улицам трубные звуки воинственной музыки. Шествие открывали назначенные для жертвоприношения 120 жирных волов; их рога были позолочены, а спины и головы украшены лентами и венками. Юноши в изящно вытканых передниках вели их к жертвеннику, а

сопровождаящие их отроки несли золотые и серебряные сосуды, употребляемые при жертвоприношениях. За ними следовали носильщики с полученной в добычу золотой монетой, несомой напоказ в 77 сосудах. Потом несли большую чашу для жертвоприношений, вылитую, по приказанию Эмилия, одним греческим художником из десяти талантов золота и украшенную множеством драгоценных камней; затем следовало бесчисленное множество золотых кубков и сосудов из казны Персея; в числе их находились многие, которые перешли от полководцев Александра и, следовательно, достались в добычу македонянам еще в Азии. Затем везли колесницу Персея, на

Древняя парадная колесница.

которой лежали его оружие и царский венец. За нею шли пленные дети царя в сопровождении своих плачущих наставников и слуг; по их наставлению дети царя жалобно протягивали руки к народу. Наконец за ними, в некотором отдалении, шел сам Персей в цепях и в траурной одежде. Взоры его были потуплены в землю, он сильно дрожал и казался совершенно расстроенным. Позади царя шли его плененные друзья и родственники, подобно ему печальные и пристыженные. Потом опять следовала целая толпа носильщиков и несла 400 золотых венцов, поднесенных победителю в подарок греческими городами через их представителей. Наконец появился сам Эмилий в великолепной пурпуровой тоге, расшитой золотом, с лавровой ветвью в руке. Он восседал на роскошной триумфальной колеснице, запряженной четверкой прекрасных коней, а за ним следовало все римское войско, украшенное лавровыми ветвями, распевая непристойные песни и с надменной осанкой проходя перед зрителями.

Несчастный царь, осужденный на вечное заточение в темницу, был отправлен на Альбу. Он умер там от печали в следующем году. Дети его влачили жалкое существование. Тяжелая участь постигла царя, но не менее тяжела была судьба и его победителя, у которого неумолимая смерть похитила двух остававшихся в живых сыновей. В то самое время, когда Рим приготовлялся к великолепным празднествам по случаю заключения мира, за 5 дней до триумфа умер один сын Эмилия, 14 лет от роду. Едва умолкли праздничные ликования, как умер его младший сын, мальчик 12 лет. Таким образом отец, имевший когда-то четырех сыновей, из которых двое старших были еще до этого усыновлены — один в роде Фабиев, а другой в роде Сципионов, — вдруг остался совсем одиноким. Эмилий был глубоко удручен; но чувства родительские не заглушили в нем любви к отечеству, и он явился как бы олицетворением готовности к самопожертвованию на пользу государства, отличавшей римлян в их лучшие времена. «Слишком велико, — говорит он в своей речи к римскому народу (Ливий, 45, 41), — казалось мне мое счастье, и поэтому я сам не верил ему уже более. Я начинал бояться опасностей в море, когда мне пришлось пересылать по нем в Италию такую громадную сумму царских денег и перевозить победоносные войска. Когда же после счастливого морского плавания все было благополучно доставлено в Италию и мне не о чем было более молить богов, тогда я пожелал, чтобы мое счастье, достигнув своего высшего зенита и начав, по своему обыкновению, склоняться в противоположную сторону, обратило свое непостоянство скорее на мой дом, чем на государство. Поэтому я надеюсь, что, раз меня лично постигло тяжкое несчастье, будет предотвращено то бедствие, которое могло бы постигнуть государство, так как в самый день моего триумфа, как бы в насмешку над судьбой человеческой, происходили похороны моих детей».

Огромные денежные суммы, которыми обогатилась римская государственная казна вследствие побед в Македонии и Азии, дали возможность сенату освободить народ от всех налогов на 24-летний срок. Но прилив такого громадного богатства в Рим имел самые дурные последствия. Совершенно справедливо римские историки указывают на это время, как на начало нравственного упадка. Теперь единственным лозунгом сделались деньги; самое постыдное сребролюбие заглушало всякий зародыш истинных добродетелей. Подобно тому, как римский народ желал быть первенствующим и богатейшим во всем мире, так с своей стороны каждый из знатных граждан стремился к тому, чтобы сделаться первым и богатейшим человеком в Риме. Римский народ выбирал и посылал в провинции полководцев, консулов, преторов, второстепенных военачальников, проконсулов, пропреторов и послов, и все эти представители римской власти являлись угнетателями, бичом подвластных народов. А так как большая часть этих сановников сменялась ежегодно и каждый из них старался воспользоваться предоставленным ему временем как можно выгоднее для себя, то истощение провинций возобновлялось из года в год и никогда не прерывалось.

Управлением в покоренных провинциях заведывали пропреторы (то есть прослужившие положенный годичный срок в должности претора в Риме); те же провинции, в которых для поддержания порядка и мира требовалась военная сила, управлялись проконсулами. При них состояли квесторы, то есть должностные лица по финансовой части, заведывавшие сбором податей и разного рода налогов. Но, вследствие упадка нравственности, сбор податей превратился в «отдачу податей на откуп» откупщикам (publicani).

Внеся вперед в государственную казну доходы с какой-либо провинции, откупщики отправлялись затем в эту провинцию и взимали на месте подати и налоги уже по своему усмотрению. Звание наместников представляло для бессовестных сановников самый благоприятный и заманчивый случай к лихоимству и к скоплению колоссальных богатств в руках податных откупщиков и казначеев (argentarius), которые нередко составляли между собой целые общества для ограбления провинций. Из этих элементов образовалась денежная аристократия, «всадники», находившиеся в одинаково враждебных отношениях как к народу, так и к сословию благородных. На место древнеримской простоты заступили роскошь и страсть к наслаждениям, а взамен умеренности и справедливости появились всеобщие алчность и властолюбие. Борьба отдельных личностей, между которыми первое место занимал суровый цензор М. Порций Катон, с возрастающей нравственной распущенностью и забвением гражданского долга была безнадежна. Отчаявшись, наконец, в успехе своих усилий, Катон сказал: «Городу, в котором рыба стоит дороже упряжного вола, помочь уже ничем невозможно». Древнеримское благочестие со времени ближайшего знакомства с совершенно уже развращенными греками быстро упало. Эллинско-восточное суеверие и безверие, халдейская астрология и вера в роскоши не замедлили проникнуть в общество. Фригийская мать богов Кибела была включена в число официально признанных богов (в 204 году). Было отправлено целое посольство для того, чтобы привести из города Пессина в Галатии статую богини, представлявшую собой простой грубый булыжный камень. Служение богине Кибеле сопровождалось необыкновенно шумными звуками труб и литавр, производилось в роскошной одежде и под конец переходило в оргии (безнравственные телодвижения). Местные жрецы, как, например, птицагадатели и гадатели по внутренностям животных, начинали подвергаться насмешкам, и часто слышался вопрос: «Как может авгур при встрече со своим собратом удерживаться от смеха?»

11. Антиох Епифан

Победой при Пидне было положено прочное основание всемирному владычеству римлян. Цари или их послы преклонялись и униженно льстили пред сенатом победоносной республики; так поступали Евмен

Пергамский, Масинисса Нумидийский, Птоломей Египетский. Прузий, из страха перед мстостью римлян за то, что он позволил себе держать нейтралитет в войне с Персеем, сам отправился в Рим, бросился к ногам сената, поцеловал пол и начал свою оправдательную речь словами: «Приветствую вас, мои боги-спасители!» Родосцы, намеревавшиеся в гордом сознании своего торгового могущества играть роль посредника между Римом и Персеем, отправили посольство, которое должно было в траурной одежде, в слезах и с масличной ветвью в руках в качестве молящих о защите пасть ниц перед сенатом. Они были рады, что таким примерным выражением раскаяния могли отвратить от своего богатого города весьма вероятное нашествие римлян с целью грабежа.

Одного слова всемогущего сената было достаточно, чтобы заставить трепетать царей. Во время войны с Персеем сирийский царь Антиох Епифан предпринял поход против Египта и уже готовился приступить к осаде Александрии. Римляне имели благоразумие не обратить на это внимания во все время войны с Персеем, опасаясь, что Антиох может сделаться его союзником. Но едва лишь одержали они верх над Персеем, как не замедлили обратить внимание на Антиоха и дали ему самым ощутительным образом почувствовать свою власть. Римское посольство застало его вблизи Александрии. Когда царь хотел подать руку главе посольства, Попиллию Ленасу, то гордый римлянин объявил, что он прежде желает знать, с кем он имеет дело, с другом или врагом республики. Затем Попиллий передал Антиоху решение сената, которым ему предписывалось очистить Египет в наивозможно скорейшем времени. Антиох прочел повеление сената и возразил, что хочет посоветоваться об этом со своими министрами. Тогда посол провел своим посохом около царя круг по песку и сказал повелительным голосом: «Прежде чем выйдешь из этого круга, я должен узнать твое решение». «Исполню требование сената», — подумав немного, отвечал пораженный царь, и только тогда протянул Попиллий ему руку. Антиох вывел свои войска из Египта и отказался от всяких завоеваний. Послы его, отправленные поздравить римлян с победой, одержанной над Персеем, чтобы заручиться их расположением, должны были сказать сенату, что мир, дарованный достопочтенными отцами их царю, дороже для него всех побед, которые он мог бы одержать и что он повиновался приказаниям римских послов, как велениям самих богов. Сенат отвечал, что царь поступил благоразумно и что римский народ им доволен.

Антиох Епифан умер в 164 году. Племянник его, Димитрий, имевший ближайшее право на престол, по распоряжению сената, был задержан в Риме, а царем был провозглашен девятилетний сын покойного Антиох Евпатор для того, чтобы иметь возможность с помощью опекунов, назначенных к несовершеннолетнему царю, держать Сирийское царство в полной зависимости. Опекуны эти систематически истощили страну, сожгли все сирийские корабли и перерезали бо-

евым слонам сухожилия для того, чтобы в буквальном смысле уничтожить в сирийцах всякую возможность к восстанию.

В Египте спор о престоле, возникший между двумя братьями Птолемеем Филометором и Фисконом, был решен римлянами таким образом, что государство это было разделено между ними обоими (в 162 году до Р. Х.) с той целью, чтобы можно было вернее управлять всем государством.

12. Третья Пуническая война. Разрушение Карфагена (149—146 до Р. Х.)

До сих пор Рим старался, по крайней мере, прикрывать свои незаконные захваты и свое ненасытное властолюбие некоторым подобием справедливости и мнимым бескорыстием, ничтожность которых просвечивала, впрочем, весьма ясно. Но теперь в системе римской политики обнаружилась сразу ничем не скрываема наглость. Первой жертвой такой бесчестной и бездушной политики сделался Карфаген. Затем очередь дошла до Македонии, Греции и Испании, за разрушением Карфагена следовало разрушение Коринфа и Нуманции.

Истекал пятидесятилетний срок непрерывной, тяжелой зависимости Карфагена, как данника Рима. Само собою разумеется, что римских сенаторов должен был занимать вопрос о том, что следовало предпринять по истечении этого времени с этой все еще весьма сильной державой. Они считали за самое лучшее не только оставить Карфаген в той же зависимости, а найти благовидный предлог еще более усилить эту зависимость. Другие шли еще дальше и желали совершенного уничтожения Карфагена. К этим последним принадлежал и престарелый Катон. Он беспрестанно представлял, какая опасность угрожает государству, пока существует Карфаген. Однажды Катон показывал в сенате рано поспевшие фиги. Когда же сенаторы залюбовались их величиной и красотой, то он спросил их: «Знаете ли вы, что эти фиги сорваны в Карфагене лишь три дня тому назад? Так близко стоит враг от стен наших». С этого времени всякую свою речь в сенате, о чем бы ни шло дело, Катон заканчивал словами: «А в заключение повторяю вам, что, по моему мнению, Карфаген должен быть разрушен»¹.

Противником Катона был П. Корнелий Сципион Назика. Он постоянно доказывал, насколько было бы полезно в интересах самого Рима сохранить опасного врага, который, вынуждая Рим к постоянной бдительности, тем самым предохранил бы его от пагубного чувства ложной безопасности и от проистекающих от этого ошибок и забот. Но большинство разделяло мнение Катона. Предлог к возобновлению неприязненных действий подал 80-летний Масинисса. Рассчитывая на поддержку римлян, он беспрерывно нападал на карфагенскую тер-

¹ Ceterum censeo Carthaginem esse defendendam.

риторию и отнимал у карфагенян одну область за другой. Тщетно обращались карфагеняне в такой крайности за помощью к римлянам. Хотя временами и посылались из Рима комиссары, но они более занимались собиранием сведений о состоянии военных сил карфагенян, чем их спорами с нумидийцами. Карфагенянам под конец ничего не осталось другого, как прибегнуть к собственной защите. Они выступили (в 152 году) против Масиниссы в поход, но были разбиты, и вскоре после этого один карфагенский отряд был окружен и уничтожен. Карфагеняне тотчас после этого просили через послов, отправленных в Рим, извинения за вынужденную силой обстоятельств оборону, но получили холодный и неопределенный ответ, что они сами должны видеть, какое удовлетворение обязаны они дать римлянам.

В то самое время, когда в Риме обдумывали, как бы лучше воспользоваться этим случаем, явились послы могущественнейшего карфагенского союзного города Утики и объявили о безусловном подчинении этого города римлянам. Это благоприятное римлянам обстоятельство привело их к решению уничтожить Карфаген, для чего находившаяся поблизости от него Утика могла служить самым удобным сборным местом. Таким образом война была предreshена, и предлогом к ней должны были послужить неприязненные действия с римским союзником Масиниссой. Оба консула следующего же (149-го) года Л. Марций Ценсорин и Ман. Манилий получили предписание переплыть с 80 000 человек пехоты и 4000 всадников в Сицилию, а оттуда в Африку и не оканчивать войны до тех пор, пока Карфаген не будет разрушен.

Отплытие римского флота в Сицилию произвело в Карфагене всеобщее смущение. Чтобы отвратить страшный удар, пока было еще на то время, карфагенские послы поспешили в Рим и предложили безусловную покорность своего родного города. На это последовал следующий ответ: «Так как карфагеняне избрали надлежащий путь, то сенат обещает сохранить им свободу, неприкосновенность их прав, земли и собственности с тем условием, чтобы в течение 30 дней было отправлено в Рим 300 заложников из знатнейших семейств и чтобы они исполнили все, что приказат им консулы». Это последнее условие, а также неопределенность будущего положения самого города Карфагена возбудили новые опасения. Между тем потребованные заложники, несмотря на отчаянные рыдания их родителей, были поспешно отправлены в Рим. В Лилибее консулы объявили послам, что дальнейшие предписания сената будут объявлены им в Утике.

С возрастающим беспокойством ожидали карфагеняне прибытия римского флота. Карфагенские послы явились в римский стан, чтобы выслушать приказания консулов. Консул Ценсорин потребовал у них выдачи всего оружия и всех военных запасов. Во исполнение этого приказания в римский стан прибыли тысячи колесниц, нагруженных оружием и военными машинами. Тогда консул объявил карфагенскому посольству: «Я должен похвалить вас за готовность, с которой вы

исполнили приказания сената. Его последнее требование заключается в том, чтобы вы покинули Карфаген и поселились где-нибудь в другом месте внутри страны, по вашему усмотрению, но не ближе 80 стадий от моря, ибо близость моря благодаря легкости приобретений подает лишь повод к несправедливостям. Поэтому Карфаген должен быть разрушен».

Это последнее требование привело карфагенян в отчаяние. Все проклинали римлян и призывали богов к отомщению за столь постыдный обман. Мщение сделалось теперь их лозунгом; все одушевлены

*Лагерные занятия.
С барельефа на Траяновой колонне.*

были одним желанием, одним решением: сопротивляться до последней капли крови. Хотя карфагеняне были только что обезоружены, но они решили напрячь последние силы на защиту своего славного древнего города, дорогих могил своих предков. Оскорбительное требование было единодушно отринуто, ворота заделаны, вход в гавань загражден протянутой поперек его цепью, и население с твердой решимостью ожидало осады.

Скоро громадный город, насчитывавший 700 000 жителей, превратился в одну общую оружейную мастерскую. В железе, дереве, кожах и в запасах всевозможного рода не было недостатка. Стар и млад день и ночь были заняты изготовлением орудий обороны. Дома были снесены, и балки их носили на постройку кораблей. Весь металл, который нашелся в городе, был собран в одно место, и из него выковано было оружие. В домах, на улицах, даже в самых храмах только и делали, что ковали, плавил, строгали. Женщины отдали свои волосы на изготовление тетив для луков. Каждый день изготовлялось 100 шитов, 300 мечей, 500 дротиков, множество луков и метательных машин (катапулт). Казалось, что гений древних финикийцев возродился в их потомках с удвоенной силой. Для увеличения числа способных носить оружие были призваны рабы, получившие теперь свободу. В городе начальствовал Га з д р у б а л, внук Масиниссы. Вне города другой Га з д р у б а л, воз-

вращенный из изгнания, которому он подвергся по требованию римлян, собрал войско в 20 000 человек.

Римские полководцы полагали, что им нечего спешить с нападением на беззащитный, по их мнению, город. Когда же они наконец выступили из Утики, то вполне обманулись в своих ожиданиях: город предстал перед ними во всеоружии своей обороны. Хотя римляне и сделали нападение, но вскоре убедились в тщетности своей попытки овладеть городом приступом; им пришлось начать правильную осаду. Целый год простояли они под городом и не достигли никакого успеха.

*Лагерные занятия.
С барельефа на Траяновой колонне.*

Несколько произведенных ими приступов было отбито, а в открытом поле превосходный начальник конницы Гимилькон Фамей своими смелыми нападениями нанес им весьма значительный вред. Ввиду таких обстоятельств римляне снова прибегли к нумидийской помощи, от которой они, в гордом сознании своего победоносного счастья, до сих пор отказывались. Для возобновления бывших дружеских отношений с Нумидией сенат избрал искусного П. Сципиона Эмилиана¹. Он исполнил возложенное на него поручение с дипломатическим искусством. П. Сципион Эмилиан устроил дело так, что Масинисса, только что умерший на девяностом году своей жизни, перед смертью своим духовным завещанием уполномочил его установить по своему усмотрению престолонаследие. Сципион устроил дело о престолонаследии таким образом, что в силу любовного договора три сына Масиниссы: Миципса, Гулусса и Мастанабал должны были управлять все вместе. Миципса получил царское достоинство и внутреннее управление, Гулусса главное предводительство над войском, а Мастанабал главный надзор за судопроизводством. Гулусса немедлен-

¹ Он был сын Эмилия Павла, усыновленный П. Сципионом Авгуром, сыном Сципиона Африканского Старшего. Он отличился уже в сражении при Пидне, перед войной с Карфагеном служил военным трибуном и своим мужеством, дарованиями и справедливостью заслужил доверие войска.

но выступил со своими всадниками в поход против Карфагена. Сципион, кроме того, сумел переманить на сторону римлян предводителя карфагенской конницы Гимилькона. Однако римляне ни в 149 году под начальством названных выше консулов, ни в 148 году под предводительством консулов Кальпурния Пизона и Л. Манцина нигде не имели никакого успеха.

В 147 году Сципион стал домогаться консульского звания. Слух о его храбрости, влияние его семейства, благоприятное предзнаменование, связанное с его именем, привели к тому, что он в глазах народа являлся человеком, имеющим полное право на такое звание. Не было принято во внимание даже то обстоятельство, что он, имея лишь 37 лет от роду, не достиг установленного для этой должности 43-летнего возраста. На этот раз отступили от обычного раздела провинций по жребию между обоими консулами и без дальних разговоров передали Сципиону главное начальство над войсками в Африке.

Весной 147 года Сципион высадился в Утике. Первым его распоряжением было удаление неспособных военачальников. Затем была восстановлена дисциплина между солдатами, утопавшими в роскоши. Стан был очищен от всего сброда, собравшегося в него в чаянии богатой добычи, и в нем была введена строжайшая дисциплина. Только теперь получил Сципион возможность приступить к постепенному достижению своей великой цели. Прежде всего искусно произведенным ложным нападением он отеснил Газдрубала из предместья в сам город. Затем Сципион устроил на перешейке, соединявшем Карфаген с материком, двойную линию укреплений, чем уничтожил всякую связь города с твердой землей. С этих пор снабжение города продовольствием и всякий подвоз сделались возможны лишь со стороны моря. Необходимо было преградить и этот путь. С этой целью Сципион приказал построить огромную плотину пред входом в гавань. Но карфагеняне скрытно прорыли другой ход в гавань, и, несмотря на бдительность римских крейсеров, отважным карфагенским морякам удалось провести к самому городу свои транспортные суда. В то же время на воду был спущен флот, состоявший из 50 трехъярусных галер и множества более мелких судов, который распространил величайший ужас среди римского флота. Римский флот не отважился на нападение и без сомнения потерпел бы значительное поражение, если бы карфагеняне напали на него. Но карфагеняне чувствовали себя для того слишком слабыми и отступили в гавань. При входе в нее, вследствие нахождения там мелких судов, суда столпились, и в этой тесноте военные корабли не могли пройти и должны были стать с внешней стороны плотины, между старым и новым проходом в нее. В таком неблагоприятном расположении карфагенские корабли подвергались нападению римлян. Многие корабли были уничтожены. То было последнее морское сражение, на которое отважились карфагеняне.

Теперь Сципион прочно утвердился на упомянутой выше плотине. Здесь поставил он свои стенобитные машины, чтобы произвести про-

дом в стенах города. Ночью эти машины были сожжены карфагенянами, так что нужно было начинать сызнова. Приближалась зима, и пришлось довольствоваться тем, что оставшееся время употребили на обеспечение своей позиции от нападения карфагенян 4000 гарнизона. Зимой римлянам удалось овладеть лучшим укреплением в окрестностях Карфагена, Нефером, через который подвозили в город всякого рода продовольствие. Вследствие этого римляне господствовали теперь как с суши, так и с моря и могли голодом принудить карфагенян к сдаче. В злополучном городе происходили ужаснейшие сцены. Между гражданами возникли кровавые раздоры из-за вопроса, следует ли оказывать дальнейшее сопротивление или сдаться. Партия сопротивления, во главе которой стоял Газдрубал, одержала верх. Чтобы сделать всякое примирение с римлянами невозможным, Газдрубал, по свидетельству Полибия, приказал замучить римских пленников до смерти на стенах города на виду осаждавшего войска¹. С частью населения, решившейся защищаться до последней крайности, Газдрубал удалился в старый город, в укрепленный замок Б и р с а. Не простоял там он и нескольких дней, как в рядах геройских защитников стали свирепствовать голод и болезни и вырывать многочисленные жертвы. Это ослабляло мужество защитников, но о сдаче не было и речи. Вот наступил и момент штурма. Сперва была взята римлянами торговая гавань, но, прежде чем очистить ее, карфагеняне сожгли все магазины и запасы. Затем римскому отряду, бывшему под начальством Гая Лелия, удалось взобраться на стены военной гавани, а оттуда проникнуть в старый город. В узких улицах, которые вели от торговой площади в Бирсу, завязался кровопролитнейший бой. Приходилось каждый дом брать приступом. Стены домов переходили из рук в руки; сражались на плоских крышах; римляне перекидывали с одной крыши на другую балки и доски и проходили по ним, сражаясь с врагом. Наконец через два дня они дошли до Бирсы. Завоеванная часть города была уничтожена пожаром.

На седьмой день штурма сдалось 50 000 карфагенян, мужчин, детей и женщин, укрывшихся в замке. Они были выпущены в ворота и уведены пленными. Только один отряд, состоявший из 900 римских перебежчиков, вполне сознававших, что их ожидает смерть, держался еще в храме Эскулапа. Между этими решившимися на отчаянное сопротивление людьми находился и Газдрубал с женой и детьми. Увидав, что всякое дальнейшее сопротивление бесполезно, он бежал к победителю и, бросившись ему в ноги, умолял о пощаде. Жена же его, стоя на крыше храма, прокляла его и в его глазах бросила в пламя сперва сыновей, а потом бросилась туда и сама². После этого злосчастный город был

¹ Это невероятно, иначе впоследствии, когда Газдрубал бежал к Сципиону, он не мог бы иметь никакой надежды на пощаду со стороны последнего.

² Инф (III, стр. 308) находит этот рассказ слишком театральным и совершенно невероятным. Он предполагает, что жена и сыновья Газдрубала были сброшены с крыши храма римскими перебежчиками в отомщение за его бегство. Что касается характера Газдрубала, то Полибий совершенно несправедливо описывает его (XXXIX, 1 и 2) как неспособного кутилу, презренного труса. И действительно, не покажется ли странным,

предан всем ужасам пожара, грабежа и разрушения. Пожар свирепствовал целых семнадцать дней. Сам Сципион почувствовал сострадание, взирая с высоты холма на подымавшееся к небу темно-багровое зарево над разрушающимся городом, который в течение 700 лет господствовал на море, а теперь был превращен в пепел. Со взором, как бы проникающим в будущую судьбу родного города, точно видя, что Рим, несмотря на внешнюю мощь, страдает внутренним недугом, произнес Сципион пред сопровождавшим его другом, историком Полибием, стихи Гомера:

«Будет некогда день, как погибнет высокая Троя,
Древний погибнет Приам и народ копыеносца Приама».

Самый непримиримый враг Карфагена, Катон, не дожил до его падения. Он умер еще в 149 году до Р. Х. Известие об окончательной победе возбудило в Риме чрезвычайную радость. Только теперь свободно вздохнул Рим, как бы свалив с себя тяжелую гору, избавившись от вечного страха и не мучаясь более пожиравшей его завистью. И много дней было посвящено благодарственным празднествам в честь богов. Отпразднованный в скором времени после этого с большим великолепием триумф Сципиона послужил к возобновлению всеобщего ликования. Ему, как его предку, победившему при Заме, дали почетный титул Африканского и, в отличие от первого, назвали Младшим.

Место, занимаемое Карфагеном, было сравнено с землей, предано жрецами проклятию и обречено оставаться вечно пустыней. Окружавшая Карфаген страна вместе со всеми оставшимися в ней городами была частью подарена Утике, частью присоединена к римским владениям и посланными в нее десятью комиссарами включена в состав римской провинции Африки, столицей которой была провозглашена Утика.

13. Присоединение Македонии и Греции. Разрушение Коринфа (146 г. до Р. Х.)

Одновременно с карфагенянами была решена и участь македонян и греков. Предоставленная им римлянами призрачная свобода удовлетворила их ненадолго. Поэтому они воспользовались войной Рима с Карфагеном для того, чтобы снова сделаться независимыми. В Македонии явился искатель приключений по имени Андриск, человек

что человека, который до последней крайности, до тех пор, пока не было потеряно все, отвергал всякое предложение о личной пощаде, клеймят позорным именем труса и что полководца, с только что набранными, неопытными войсками в течение двух лет успешно боровшегося против испытанных в ратном деле римских легионов, презрительно считают за неспособного?

низкого происхождения, но выдававший себя за сына Персея и принявший имя Филиппа. Среди недовольного народа он нашел себе множество приверженцев. С помощью толпы храбрых фракийцев Андриск долго держался против римлян, разбил претора П. Ювенция Фалну (в 149 году), но затем был разбит претором Кв. Цецилием Метеллом (в 147 году). Метелл победил его в двух сражениях, взял в плен и привел в триумфе в Рим. Чтобы положить конец всяким дальнейшим попыткам к восстанию, Македония была присоединена к римскому государству в качестве провинции (в 146 году).

В числе 300 ахейцев, которые получили в 151 году дозволение вернуться из ссылки в Италию на родину, находились два мужа, жаждавшие свободы своего отечества, Критолай и Дией. Стремления их были направлены к уничтожению римской власти и к восстановлению свободы Греции. Для достижения этой цели они желали собрать все силы Греции; Ахейский союз должен был составить ядро соединенных сил греков. Но так как Спарта вышла из состава союза, то Дией, бывший в это время стратегом союза, решил вести войну против изменивших союзу спартанцев. Тогда спартанцы обратились за помощью в Рим.

Обстоятельство это явилось для римлян самым лучшим предлогом для вмешательства в греческие раздоры. Явились римские комиссары и созвали в Коринфе собрание союзников (147 году). На этом собрании комиссары объявили постановление сената, по которому все города, присоединившиеся к союзу после 200 года до Р. Х. (со времени

Андриск.
С античной монеты.

Монета Ахейского союза.

Первой Македонской войны с Филиппом V) и между ними Спарта, Коринф, Аргос, должны были снова отделиться от него. Таким образом римляне желали вторично хитрым разделением совершенно обессилить Грецию. Но едва только жители Коринфа услышали о таком решении, как с чисто греческим легкомыслием напали на всех находив-

шихся в стенах города спартанцев, как на виновников этого ненавистного постановления, и умертвили их. Они разыскивали беглецов даже в домах самих комиссаров, причем сами римляне не избежали оскорблений со стороны разъяренного народа.

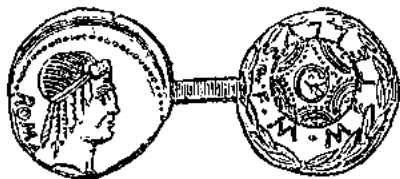
Как ни неприятны были подобные поступки, но Рим не желал начинать новой войны, пока не кончится война с Карфагеном и Андриском, и поэтому вторично отправил в Ахайю комиссаров, которые старались дружеским тоном склонить ахейцев к сохранению мира.

Монета Коринфа.

Но в этом дружелюбии слишком ясно видели временное затруднительное положение Рима и полагали, что им-то и необходимо воспользоваться. Критолай настаивал на объявлении Спарте войны, не соображая всей важности такого поступка, равносильного объявлению войны самим римлянам. Патриотическое одушевление перешло в заносчивость. Римское посольство, отправленное в 147 году начальствовавшим войсками в Македонии претором Метеллом на собравшийся в Коринф сейм, было осмеяно и прогнано.

Но едва был побежден Андриск, как Метелл двинулся со своим войском в Элладу. Критолай выступил к нему навстречу с поспешно набранным отрядом греков. При первом же столкновении, при Скарфе в Локриде, отряд этот вместе с его предводителем был уничтожен. Преемник Критолая, Дией, собрав остатки войска и усилив его рабами, занял укрепленную позицию на перешейке близ Коринфа.

Медаль в честь Метелла.

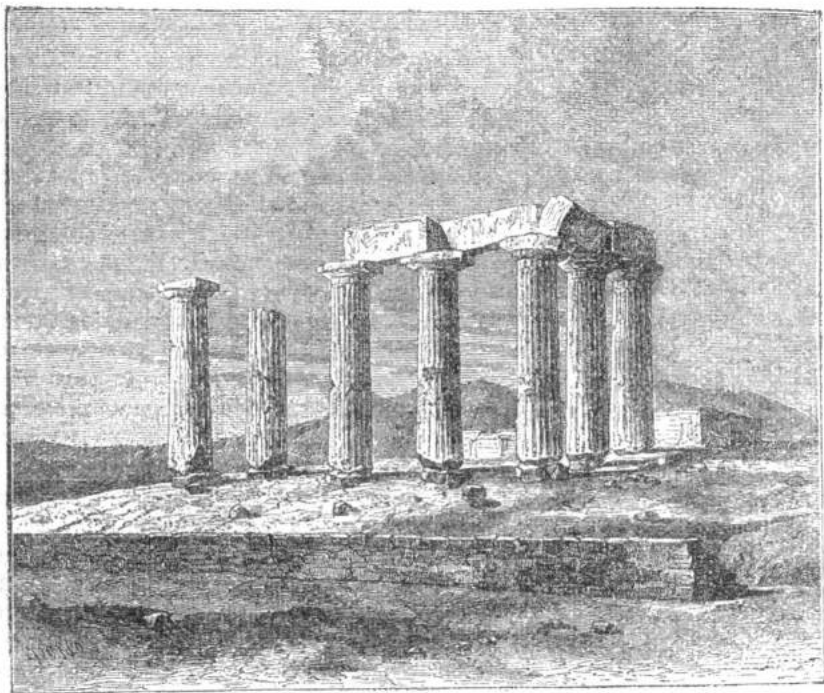
Между тем место Метелла занял консул Л. Муммий. Он немедленно двинулся к Коринфу. Муммий рассчитывал, что ему придется вести продолжительную осаду. Но запальчивый Дией сам облегчил ему эту задачу. Он напал на Муммия со всем своим войском при Левкопетре, был разбит,

бежал в свой родной город Мегалополь и, убив сперва свою жену и сжегши свой дом, отравился.

Остатки войска, обратившиеся в бегство, нисколько не помышляли защищать древний знаменитый город. Вследствие этого консул беспрепятственно вошел в Коринф, который отворил ему свои ворота. Своей гибелью он должен был искупить оскорбление римских послов. После того как все драгоценные произведения искусства были вывезены, а женщины и дети проданы в рабство, разграбленный город был превращен в груды пепла.

Герой этого подвига нисколько не походил на облагороженного греческим образованием Сципиона. Когда во время публичной прода-

жи добычи уполномоченный пергамского царя Атгала предложил около 30 000 рублей на наши деньги за знаменитую картину живописца Аристида, изображавшую Дионисия, консул приказал удержать ее за собой, полагая, что только волшебная сила может придать такую цену простой раскрашенной доске. Точно также было смешно, когда Муммий, видя что солдаты без всякой осторожности берутся за мраморные статуи, незаменимые произведения давно умерших художников, угро-

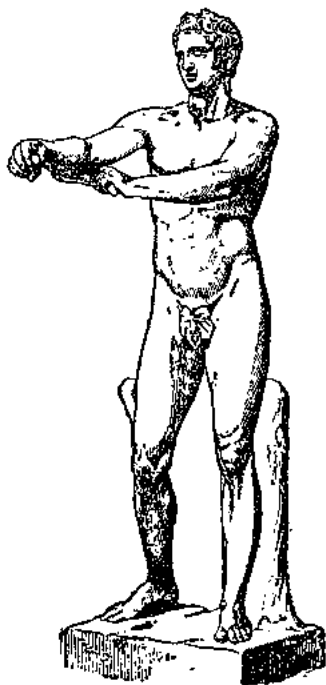
Развалины храма Минервы в Коринфе.

жал солдатам, что если кто из них изломает или испортит какую-либо из них, то он заставит его сделать новую.

После разрушения Коринфа римское войско прошло весь Пелопоннес, чтобы разметать стены тех городов, которые принимали участие в восстании, жителей их обезоружить, а лиц, стоявших во главе управления, увести в плен. Затем явились девять комиссаров, чтобы обратить и эту страну в римскую провинцию. С этой целью республиканское правление во всех городах было отменено, управление ими было вверено богатейшим гражданам, и все союзы городов уничтожены. Высшая власть в Македонии и Греции, обращенной теперь в провинцию Ахайю, была вручена ежегодно сменявшимся преторам.

Победы Муммий и Метелла обогатили храмы и общественные здания Рима множеством прекрасных картин и статуй. Перед триумфаль-

ной колесницей Метелла шел в цепях Андриск, а в числе добычи красовались 25 бронзовых конных статуй из македонского города Диона, работы знаменитого Лизиппа, отлитые им около 200 лет перед этим по приказанию Александра Великого в воспоминание павших при Гранике боевых его товарищей. В награду за свои заслуги Муммий получил прозвание «Ахейского», а Метелл — «Македонского».

*Статуя Апоксиомена
по Лизиппу.*

«Побежденная Греция, — говорит римский поэт Гораций, — взяла в плен дикого победителя и пересадила науки и искусства в грубый Лациум». Выражение это совершенно справедливо. Римская образованность начинается только с того времени, когда римляне пришли в ближайшее соприкосновение с греками. Римляне сами по себе были мало чувствительны к красоте и художественным занятиям. Хотя богачи и расточали несметные суммы на приобретение греческих картин и статуй и наполняли ими свои загородные дома, но они делали это более из любви к роскоши, чем из истинного влечения к искусству. Мы также не встречаем среди самих римлян великих художников. Все, что созидалось прекрасного в Риме, являлось произведением греков, переселявшихся целыми толпами в Италию, чтобы служить римской роскоши. Прекрасные дворцы, загородные дома, храмы и бани, построенные в Риме и его окрестностях, суть произведения греческих архитекторов; многочисленные прекрасные статуи и камеи¹ изготовлялись в Риме греками. Римские корабли постоянно ходили из Италии в Грецию и обратно

и перевозили в Рим знаменитые произведения давно умерших греческих художников подобно тому, как в новейшие времена произведения эти вывозились из Италии и других стран в Англию и Францию.

Многие из греков, переселившихся в Рим, добывали себе средства к существованию в качестве грамматиков, другие в качестве учителей риторики или же наконец философов, математиков и музыкантов.

¹ Камеями называются драгоценные камни с искусной резьбой. Искусство шлифовать и украшать резьбой благородные камни, как то: агаты, аметисты, яшму, ониксы, сапфиры, топазы, рубины, алмазы, перешло в Грецию из Индии и Египта. Образцовым произведением этого искусства является камень Гонзаго, представляющая грудное изображение Птоломея Филадельфа и сестры и супруги его Арсинои. Этот ониск неизвестного нам художника есть прекраснейшее, тончайшее художественное произведение этого рода, дошедшее до нас. В настоящее время он составляет собственность русского императора.

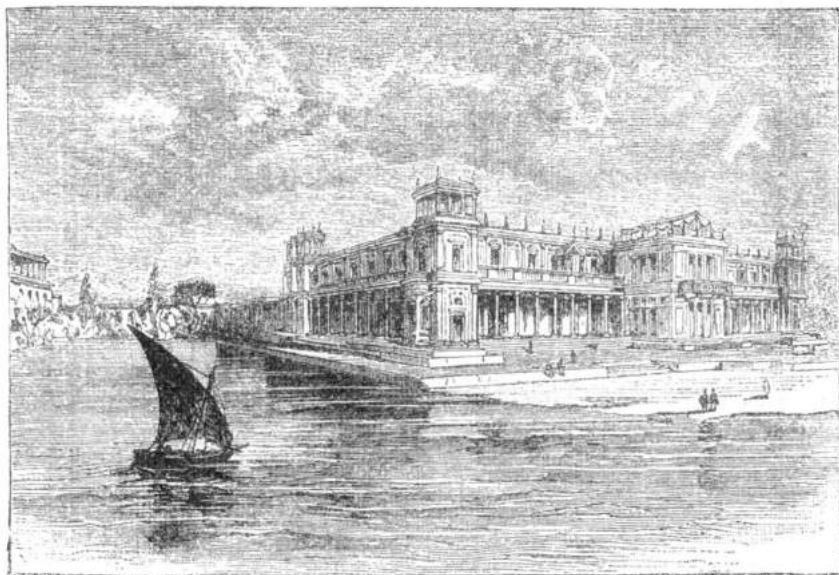

*Деметра.
С фрески в Помпее.*

Ловкость обращения греков приобрела им скоро почитателей среди римской молодежи, желавшей быть настолько же образованными, как и они. С изумлением внимали римляне тому, как греческие философы в своих диалектических спорах умели остроумно и красноречиво говорить, без всякого приготовления, целыми часами на всякую предложенную тему. Таким же путем познакомились римляне и с образцовыми произведениями греческой поэзии и красноречия и, без сомнения, ясно увидели тогда, насколько им не доставало еще умственного образования и какую неповоротливую, сухую фигуру представляет из себя гордый римский консул или претор рядом с беднейшим греческим остряком.

Многие из римлян, частью совершенно основательно, как например престарелый Катон, относились с предубеждением к этим новым просветителям. Старец Цицерон также имел привычку говорить: «Чем лучше узнаешь грека, тем больше убеждаешься, что он хитрый плут». Не подлежит сомнению, что среди этого народа было много распутных людей, и что хотя некоторые из них и удивляли своими необыкновенными способностями, но вообще в Риме имя грек (Graeculus) было презрительным прозвищем.

Искусство, в котором римляне начали с этих пор всего более упражняться, было судебное красноречие, и в нем они сделали огром-

*Вилла Плиния.
Реставрация Канины.*

ные успехи. Поощряемые греками, появились также и писатели, сначала, конечно, довольно еще грубые и с необработанным языком, но которые видимо совершенствовались с тех пор, как Плавт, а позднее Теренций переделали греческие комедии для римского театра. До нас дошли от них обоих по несколько пьес.

Сам Рим по своему наружному виду все еще продолжал быть жалким, грязным городом, с домами, построенными из глины, дерева или черепицы. Только со времени победы над Персеем начали мостить улицы, и хотя уже и в это время роскошь весьма распространилась и стали уже употреблять золотую и серебряную домашнюю утварь, но эта роскошь все же не особенно еще проявлялась в постройке домов. Богатые землевладельцы предпочитали выказывать страсть к роскоши в поместьях, рабах и пирах.

14. Присоединение Испании. Разрушение Нуманции (151—133 гг. до Р. Х.).

В то время, когда Рим такими быстрыми шагами увеличивал свое могущество на юге и востоке, он встретил на западе почти непреодолимое сопротивление. Ни один народ так продолжительно и упорно не защищал от римлян свою свободу и независимость, как многочисленные и воинственные племена, которые населяли западную и северную части Иберийского полуострова¹.

В этой стране, в которой почти каждый город был крепостью, а горы представляли столько скрытых убежищ, пригодных для обороны, хитрость и храбрость римских полководцев в течение многих лет не имели никакого успеха. Вслед за одним подавляемым племенем восставали десять других, и все они были преисполнены мщением и готовы были оказать еще более решительное сопротивление. С 200 по 133 год до Р. Х. военные действия почти не прекращались, и Испания за все это время, можно сказать, не переставала быть могилой для римского войска. Вследствие этого она внушала такой страх римлянам, что ни один солдат, если ему только не сулили богатой добычи, не соглашался идти в эту отдаленную страну и рисковать там своей жизнью. Что же касается военачальников, то они прежде всего отправлялись туда для своего собственного обогащения, и только немногие из них, как например Катон, который, будучи консулом, вел там войну в 195 году, делились добычей и с солдатами.

Продолжительность военных действий ожесточила обе стороны в высшей степени. Ввиду такого упорного сопротивления римские полководцы считали все для себя позволительным. Поэтому отличительные черты характера римского народа: необузданная алчность, грубость и жестокость в обращении, презрительное вероломство — нигде не проявились таким постыдным образом, как в испанских войнах. У Аппиана, греко-римского историка первой половины второго столетия после Р. Х., мы читаем следующее.

После заключения проконсулом Марцеллом мира с кельтиберами, преемник его, консул Лукулл, явился из Рима продолжать войну (в 151 году). Недовольный заключением мира и отнюдь не расположенный оставить эту страну, не приобретя себе ни славы, ни добычи, он напал на совершенно безоружный народ баккеев и потребовал от него 100 талантов серебра, а в качестве вспомогательного войска и заложников — отряд всадников. Получив все это, Лукулл объявил, что баккеи должны впустить в свой город Кауку римский гарнизон. Но лишь только римский отряд занял город, как начал в нем страшную резню. Около 20 000 человек было изрублено; остальные жители были проданы в рабство, а

¹ Около 206 года до Р. Х. римляне владели провинцией Испанией, которая распалась на две части: *ulterior* (по ту сторону) и *citerior* (по эту сторону) Эбро. В 180—178 годах до Р. Х. Тиберий Грак покорил кельтиберов, обитавших внутри полуострова.

все движимое имущество было разграблено. И такая подлость не только не была наказана, но не вызвала даже ни малейшего порицания.

Пример Лукулла подстрекнул и бывшего с ним одновременно претором в Испании по ту сторону Эбро Сервия Сульпиция Гальбу. Устрашенные его непрерывными опустошениями и убийствами, жители Лузитании просили его о мире. Гальба выслушал их с притворным дружелюбием, выражал сожаление о них, оправдывал даже их собственные набеги неплодородностью их страны и обещал переселить их в три, хотя и отдаленные друг от друга, но весьма плодородные округа. Когда лузитанцы собрались к Гальбе в числе почти 7000 человек, они были разделены на три части, хитростью обезоружены, окружены солдатами Гальбы и все перебиты на месте. Как низко уже пал римский народ, насколько потерял он всякое чувство справедливости, вполне выказалось при обвинении народным трибуном Л. Скрибонием Гальбы в его позорном деянии. Представ на суд собравшегося в трибах народа, Гальба со свойственным ему ораторским красноречием сумел внушить к себе сострадание и главным образом тем, что в своей защитительной речи указал на своих детей, которые в случае его осуждения должны будут погибнуть «несчастливыми сиротами». Народ в своих трибуционных комициях высказался за его оправдание. Аппиан утверждает даже, что Гальба купил свое оправдание деньгами.

Некоторым из лузитанцев удалось избежать устроенной Гальбой ужасной бойни, и между ними находился один человек, которому, подобно Ганнибалу, суждено было сделаться страшным врагом Рима. То был В и р и а т. Происходя из Лузитании, западной части полуострова (нынешней Португалии), и будучи от природы щедро наделен телесной силой и необыкновенными умственными способностями, он мог смело стать во главе своего свободного народа и вести борьбу против его притеснителей. Обладая в высшей степени храбростью, смелостью и хитростью, Вириат в 149—147 годах разбил одного за другим римских полководцев: Г. Ветилия, Г. Плавтия, Клавдия Унимана и других. Шесть лет вел Вириат войну с неизменным, решительным успехом. Как далеко Вириат превосходил врага в великодушии, он доказал, когда окружил в одной гористой местности все войско Кв. Фабия Максима Сервилиана (в 142 году до Р. Х.). Подобно тому, как Фабий поступил с 500 лузитанскими пленными, Вириат мог бы теперь и римским солдатам отрезать руки и отрубить головы. Но, заставив консула подписать мирный договор, по которому каждая сторона удерживала за собой находившиеся в то время в ее владении земли, Вириат отпустил римское войско. Договор был утвержден сенатом, и Вириат был назван даже «другом римского народа» (в 141 году до Р. Х.).

Но консул Кв. Сервилий Цепион, получивший в следующем (140) году в свое управление Испанию и, подобно Лукуллу, недовольный невыгодным миром, писал сенату, что этот мир наносит бесчестие рим-

скому имени, и поэтому просил позволения воспользоваться представлявшимся теперь прекрасным случаем уничтожить страшного Вириата, так как большая часть его племени покинула его. Сенат разрешил Кв. Сервилию Цепиону возобновить войну под каким-нибудь предлогом. Некоторое время Кв. Сервилий Цепион вел открытую войну. Но убедившись, что этим путем нельзя будет скоро достигнуть желанной цели, он не постыдился прибегнуть к помощи убийц, которые согласились умертвить Вириата. Среди приближенных Вириата нашлись негодяи, решившиеся совершить такое позорное злодеяние. Вириат спал в полном вооружении в своей палатке, когда предатели напали на него и закололи кинжалами.

Храбрые лузитанцы воздали телу своего мужественного предводителя царские почести и продолжали еще некоторое время вести против римлян войну с удвоенным ожесточением, но под конец вынуждены были покориться. Во время этой Лузитанской войны снова поднялись кельтиберские племена. Необыкновенное мужество выказала защищаемая гарнизоном лишь в 8000 человек крепость Н у м а н ц и я в нынешней Старой Кастилии, на верхнем течении реки Дурия (Дуэро). Во время осады Нуманции зимою 140 года проконсул Кв. Помпей имел так мало успеха, что предпочел обратиться к подкупу и обману. Нумантийцы покорились, получив от Помпея обещание, что им будут сохранены их независимость и в особенности оружие. Но когда начальство над войском вместо Помпея принял новый консул М. Попиллий Ленас, то последний объявил договор недействительным, а Помпей отрекся от тайно данных им обещаний. Когда же нумантийцы сослались на его собственных военачальников, то консул предложил им обратиться со своими жалобами в римский сенат. Сенат решил продолжать войну.

После Попиллия начальство над войсками в Испании в 137 году получил консул Гостилий Манцин. Нумантийцы поставили его в такое затруднительное положение, что с ним точь-в-точь повторилась история Постумия при Кавдинском ущелье, и консулу оставалось на выбор одно из двух: или принести в жертву 20 000 римских граждан, или согласиться на постыдный договор. Консул выбрал последнее. При посредничестве квестора Тиберия Семпрония Гракха, отец которого в качестве правителя был известен местным жителям за вполне честного и уважаемого человека, был заключен договор, по которому нумантийцам предоставлялись мир и независимость. Консул, квестор и прочие высшие военачальники утвердили договор своей клятвой, после чего они вместе со всем войском получили полную свободу.

Никто не сомневался в том, что римский сенат, побежденный таким великодушным поступком, утвердит договор. Но сенат и слышать не хотел о мире с Нуманцией и, в особенности по совету Сципиона Африканского, высказал, что не желает принимать никакого участия в таком бесчестном поступке, а потому постановил, что все те, кто своей присягой подтвердил договор, должны быть выданы непри-

ятелю. Гракх и другие военачальники по милости народа были освобождены от своей ответственности, но Манцин, нагой и закованный в цепи, был приведен римскими фециалами к воротам Нумантии и выдан неприятелю. Но нумантийцы совершенно справедливо рассудили, что невинный человек не должен отвечать за вероломство своих начальников. Они не приняли этой жертвы. Целый день простоял Манцин перед воротами Нумантии. Наконец, после гадания по полету птиц, которое оказалось благоприятным, Манцин был приведен обратно в римский лагерь и был восстановлен во всех своих гражданских правах.

Храбрые нумантийцы благодаря своему мужеству еще в течение нескольких лет защищались счастливо и навели такой страх на римских солдат, что военачальникам стоило больших трудов принудить их к новым нападениям. Наконец главное начальство над войском было передано выбранному на 134 год во второй раз консулом Сципиону Африканскому; разрушитель Карфагена должен был уничтожить и Нумантию. Ему было разрешено пригласить к себе на помощь тех союзников, которые добровольно пожелают присоединиться к нему. В числе союзников, изъявивших согласие следовать за Сципионом, находился и Югурта, предводитель нумидийских стрелков. Между италиками служил Гай Марий. Таким образом этим будущим противникам пришлось впервые встретиться перед воротами Нумантии. Прибыв в лагерь, Сципион был приведен в изумление. Вследствие слабой военной дисциплины при неспособных и нерадивых полководцах войско превратилось в настоящий сброд беспутной сволочи. Поэтому, прежде чем думать о военных действиях, Сципиону пришлось восстанавливать порядок и дисциплину. Довериться мужеству солдат казалось ему настолько опасным, что он, имея в своем распоряжении 60 000 человек, ни разу не отважился вступить в сражение, несмотря на частые вызовы к тому со стороны неприятеля. Метод, которому он следовал теперь, был тот же, какой он употребил при осаде Карфагена. С величайшей осторожностью он окружил город двойным рвом и стеной в десять футов высоты и в восемь футов толщины. Пятнадцать месяцев держал он город в такой тяжелой осаде в полной уверенности, что в конце концов голод, вследствие прекращения всякого подвоза, избавит его ненадежных солдат от необходимости штурмовать город. И действительно, последствия голода были ужасны. Все тише и тише становилось в городе. Изможденным жителям осталось под конец одно лишь бесчеловечное средство — убивать и пожирать друг друга. Многие сами себя убивали, другие сожгли себя в собственных своих жилищах. Сдаться наконец лишь самая незначительная часть, из которой Сципион выбрал пятьдесят человек для участия в своем триумфе. Затем опустевший город был совершенно разграблен римскими солдатами и сравнен с землей. Вдобавок к прозвищу Африканского Сципион получил еще прозвание Нумантийского.

С падением Нуманции была решена участь Лузитании. Почти вся Испания, за исключением ее крайних северной и северо-западной частей, подпала римскому владычеству. Не прошло и нескольких лет, как на всем полуострове римский язык, обычаи и образование получили права гражданства.

В том же 133 году римляне сделали новое, в высшей степени важное приобретение. Слабоумный царь Пергама Аттал III отказал им по духовному завещанию все свое царство и все свои сокровища. По всем вероятностям, завещание это было подложное, так как в состав римской завоевательной системы входила также и политика получения наследств хитростью и обманом. Пергамское царство включало большую и лучшую часть Малой Азии. Оно было тотчас же занято. Однако римлянам пришлось вести войну почти четыре года, прежде чем удалось утвердиться в своем новом наследственном владении.

15. Военное искусство римлян

Римляне, ведя беспрерывно в продолжение нескольких столетий войны, совершенствовались в военном искусстве, к которому имели прирожденные наклонности; что же удивительного в том, что оно достигло у них такого высокого развития, которого оно едва ли достигало в каком-нибудь другом государстве.

В то время в открытых сражениях первенствующую роль играла личная храбрость, а при осаде укрепленных городов употребляли тяжелые осадные машины. Для успеха на войне, которого вполне и весьма быстро достигают при новейших вспомогательных средствах военного искусства, римлянам приходилось самым различным образом соединять отдельные части войска. Тогдашние битвы были гораздо кровопролитнее нынешних не столько от того, что в то время дрались не на жизнь, а на смерть, в рукопашном бою, сколько вследствие полного отсутствия или дурной организации врачебной помощи и плохих санитарных условий, так как большая часть тяжело раненных воинов умирала от ран. Что касается осад, то они, вследствие несовершенства осадных орудий, продолжались гораздо дольше, чем в настоящее время.

Оружие и одежда были приспособлены к рукопашному бою. Голову обыкновенного легионера прикрывал шлем или весь железный, или кожаный, окованный железом; грудь была защищена панцирем из тех же материалов; даже руки и ноги были обложены железом. Сверх того, для удобнейшего отражения неприятельских копий и мечей воины носили на ремне, сквозь который продевали левую руку, склеенный из двух досок щит в четыре фута длиной и в два с половиной шириной, обтянутый кожей и окованный по краям железом. У всадников, вооружение которых было вообще легче, щит был не большой и не четырехугольный, а маленький и круглый. Голова и грудь лошади были также

защищены железом. Седла и стремена вошли в употребление лишь впоследствии; в первые же времена всадники приучались вскакивать на лошадь при помощи меча; седло же заменяла простая шерстяная попона.

Из наступательного оружия римский солдат имел при себе остроконечный обоюдоострый меч, два дротика и копье в четырнадцать футов длиной; всадники же, кроме того, были вооружены еще кинжалами. В

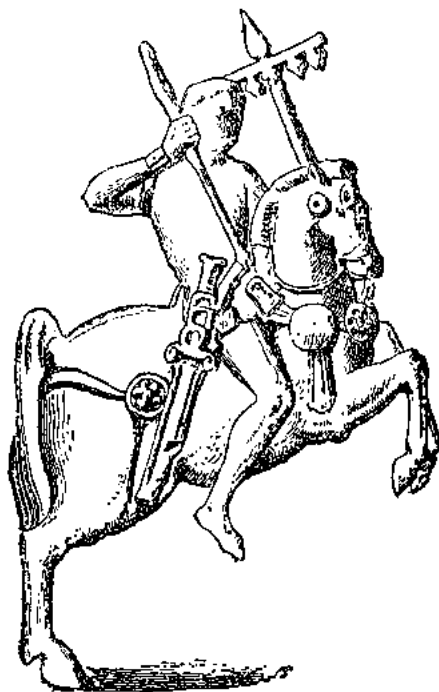
*Римские солдаты.
С античного изображения.*

походе каждый солдат, кроме всего этого тяжелого оружия, нес на себе еще весь свой провиант на два и даже на четыре дня, далее — пилу, тур, веревки, ручную мельницу, цепь, горшок, топор и три или четыре кола, с помощью которых можно было в одну минуту разбить укрепленный палисадами лагерь. И с этой-то огромной тяжестью, взваленной обыкновенно в беспорядке на плечи, солдаты должны были идти в известном порядке.

Обыкновенный легионер получал ежедневно 3 1/2 тяжелых или 5 легких ассов ж а л о в а н ь я (около шести копеек, с 191 года до Р. Х.). Обыкновенно оно выплачивалось не помесечно, а за весь поход. Толь-

ко император Август увеличил жалованье своей гвардии — преторианцам. Кроме жалованья, во времена республики выдавались еще съестные припасы, как то: хлеб, мясо и соль. Вскоре после разрушения Нуманции начали снабжать солдат платьем и оружием.

Со времени великой латинской войны римский боевой порядок состоял из трех линий. В каждом легионе было по десяти манипул гастатов (*bastati*) в первой, десяти манипул принципов (*principes*) во

*Римский всадник.
С античного изображения.*

второй и десяти манипул триариев (*triarii*) в третьей линиях. Триарии состояли из старослуживых, храбрых солдат и обыкновенно вступали в бой только в случае крайности. Между отдельными манипулами оставались такие большие промежутки, что через них легко вооруженная пехота, всегда начинавшая сражение, могла быстро выступить вперед или отступить. На флангах помещались всадники союзников. При Цезаре деление легионов на манипулы перешло в деление на когорты. Каждый легион заключал в себе десять когорт от 400—500 человек в каждой. Эти когорты также строились в три боевые линии и притом таким образом, что вторая линия могла проходить сквозь ряды первой. В первой линии стояли четыре когорты, а в остальных двух по три в каждой. Третья боевая линия стояла несколько более отступая для

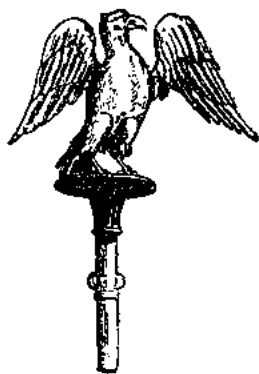
того, чтобы иметь возможность свободнее переменять свое место и направляться туда, где требовалась ее помощь.

Вместо знамен и манипула в древнейшие времена имела изображение какого-либо животного, как например орла, вепря, коня и т. д., или же изображение руки, венка, а впоследствии изображение императора. Со времен Мариа исключительным военным значком легиона

Римский боевой порядок.

сделался орел (aquila). Он был из серебра, с распростертыми крыльями, а носили его на длинном древке. На походе, в лагере и в бою военные сигналы подавались духовыми инструментами: трубами, рожками и валторнами. Был также в употреблении и известного рода оптический телеграф: днем переговаривались с помощью шеста, утверждаемого на высоких башнях, поднимая или опуская его, а ночью огнями.

*Римский
военный значок.*

В осадном и оборонительном искусстве римляне являются учениками греков. У них римляне научились употреблению и тяжелых осадных машин (tormenta). Машины, из которых главным образом пускались стрелы или камни, назывались у римлян к а т а п у л ь т а м и и б а л л и с т а м и, то есть стрелометами или камнеметами; одни из них метали в прямом направлении, другие навесно (описывая дугу). Вообще, это были больших размеров самострелы, которые приводились в действие особого рода приспособлениями, и для этого требовалось не менее двух человек. Машины больших размеров приводились в действие посредством особых механизмов. С помощью этих механических приспособлений остроко-

нечные бревна металась с такой силой, что, пролетев 300 шагов, пробивали самые прочные палисады. Баллисты употребляли иногда для бросания горючих материалов в города и укрепления неприятеля.

Когда хотели подкопать стены или вблизи их насыпать валы, то в ограждение от бросаемых осажденными горшков с огнем, камней и стрел, каждый солдат ставил перед собой тур или строились деревянные подвижные брустверы, покрытые сырой кожей и плетнем, за которыми целые ряды солдат могли работать безопасно. Если производилось нападение под самой стеной, то солдаты вплотную держали над своими головами большие щиты и наступали, прикрытые ими, как кровлей. Такое боевое построение называлось «черепашей» (testudo).

Римляне переняли также у греков употребление подвижных башен и строили их в 120 фут вышины. Трудно представить себе, какую силу приходилось употреблять, чтобы придвинуть к стенам эти огромные машины, стоявшие на четырех или восьми колесах, со всем тем, что в них заключалось. В то время как в нижних ярусах этих башен помещались баллисты, катапульты и тараны (стеннопробиватели), верхние были наполнены пращниками и стрелками, число которых доходило до нескольких сот.

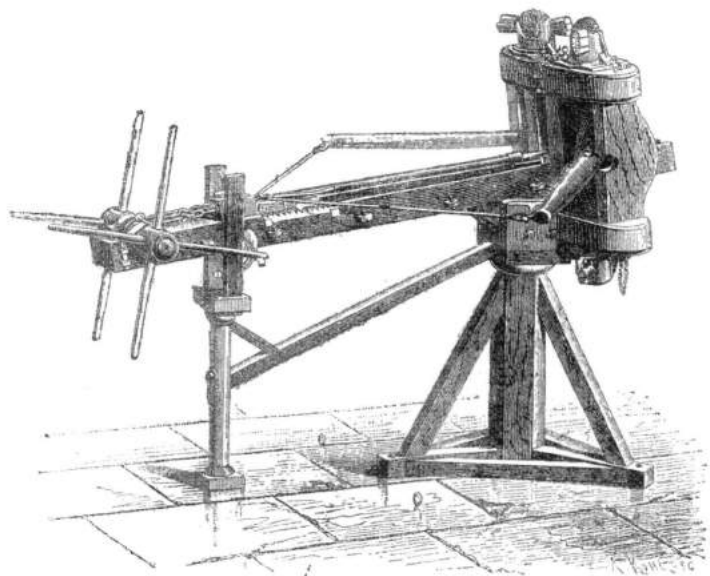
Стенобитные машины были разного вида и носили различные названия, но вообще имели между собой то существенное сходство, что состояли из длинного горизонтального бревна, висевшего на цепях или двигавшегося взад и вперед на катках. Передний конец бревна был снабжен медной головой, которой обыкновенно давали вид бараньей головы, отчего и вся машина получила название тарана (aries). Если удавалось беспрепятственно подвезти к стенам это страшное разрушительное орудие, то падение города становилось неизбежным, ибо ударов тяжелого бревна, которое раскачивали от восьми до двенадцати сильных солдат, не выдерживали даже крепчайшие каменные стены. Осажденные оборонялись против этой машины, наваливая перед стеной мешки с землей, которые ослабляли силу повторяемых ударов тарана. Они старались также опрокидывать всю машину, повертывать ее в сторону, захватывать таран длинными клещами или, наконец, убивать тех, кто приводил таран в движение, достаточно, впрочем, защищенных кровлей, покрытой мокрыми кожами. Когда наконец укрепления бывали взяты приступом, то гарнизон и городских жителей постигала страшная участь. Гарнизон в большинстве случаев был почти поголовно убиваем, оставшихся же в живых и жителей продавали в рабство, а дома предавали грабежу и огню.

Римское войско не проводило ни одной ночи в поле, не приняв необходимых предосторожностей. По меньшей мере оно окружало себя валом и рвом. Но в большинстве случаев разбивался целый стан. Из него войско выступало в битву и в него же отступало после понесенного поражения. Поэтому считалось весьма важным выбирать места для стана с величайшей осмотрительностью. При этом обращалось внимание преимущественно на то, чтобы поблизости стана были вода, топ-

*Римский трубач.
С резного изображения на
дуке Констанция.*

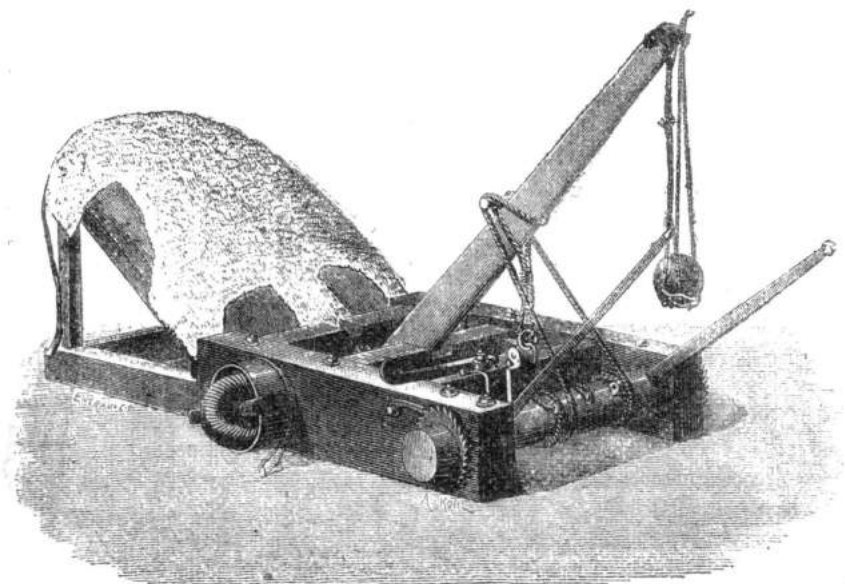
ливо и подножный корм, а сама местность, на которой он располагался, была здоровая. До прибытия войска посланные вперед землемеры разделяли и с точностью вымеривали все поле, по прибытии же войска немедленно приступали к возведению укреплений. Палатки состояли из сшитых звериных кож, натягивавшихся веревками. В зимних станах для защиты от непогоды строились настоящие хижины, которые покрывались шкурой или соломой. В лагере царствовал образцовый порядок. Расположение стана было самое правильное: взору представля-

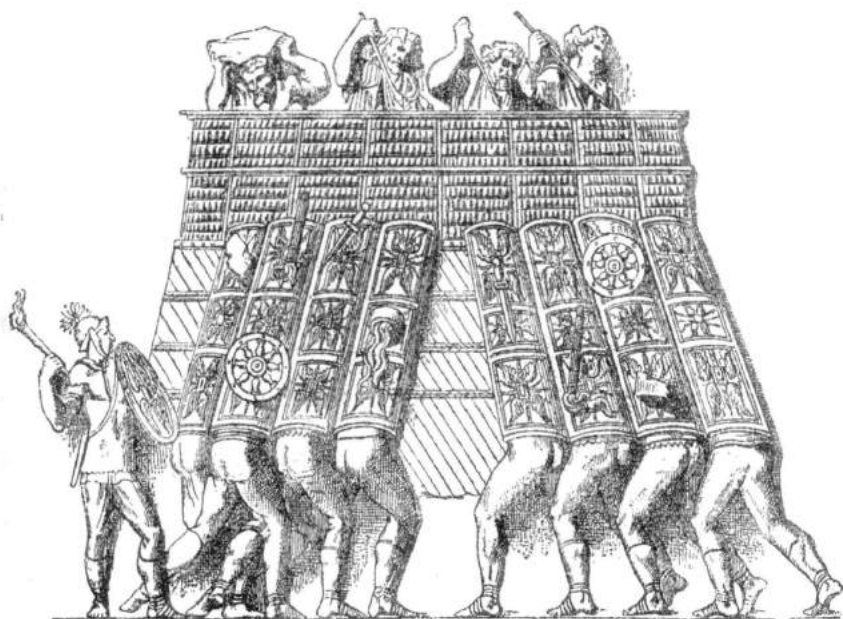
*Катапульта.
В реставрированном виде.*

лись прямые улицы, ворота, площадки, валы и рвы; каждая когорта имела особо предназначенное ей место. В середине стана находился преториум (палатка главного военачальника). По обеим сторонам ее располагались свита и телохранители полководца. Перед этой палаткой находился принципиум, то есть сборная площадь для солдат. Квесториум служил для содержания заложников и для хранения добычи под надзором легатов (второстепенных военачальников). Впоследствии, когда римляне вели войну в нынешней Германии, на тех местах, где они воздвигали свои станы (*castra stativa*), возникли постепенно большие поселения. Этим поселениям обязаны своим происхождением многие города, как например Кёльн, Майнц, Трир и многие другие.

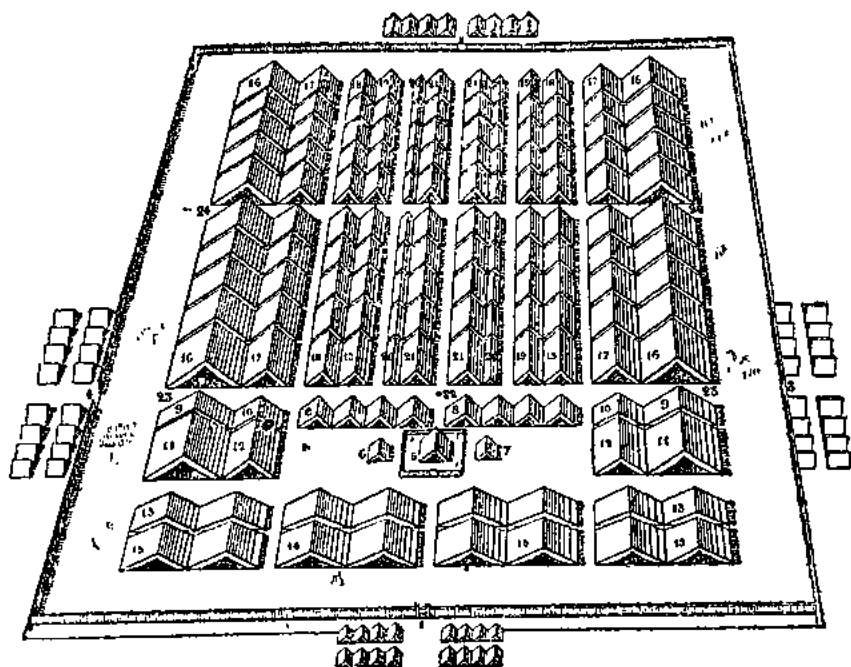
Военная дисциплина (*disciplina militaris*) была необыкновенно строгая. Главное ее основание составляло безусловное повино-

Баллиста. В реставрированном виде.

Черепаха. С барельефного изображения на колонне Антонина.

Римский лагерь

1. Porta praetoria. 2. Porta decumana. 3. Porta dextra. 4. Porta sinistra. 5. Praetorium. 6. Forum. 7. Quaestorium. 8. Tribuni. 9. Praefecti sociorum. 10. Legati. 11. Pedites delecti. 12. Equites delecti. 13. Equites extraordinarii. 14. Pedites extraordinarii. 15. Auxilia. 16. Pedites sociorum. 17. Equites sociorum. 18. Hastati. 19. Principes. 20. Triarii. 21. Equites Romani. 22. Ara. 23. Via Principali. 24. Via Quintana.

вание подчиненных начальникам. Виновный в нарушении служебного устава неумолимо подвергался наказанию. За нарушение военной дисциплины главный военачальник имел право даже подвергать виновного смертной казни. Ближайшее к смертной казни в ряду наказаний было телесное наказание, так называемое *fustuarium*. Оно применялось за нарушение караульной службы, за бегство с поля сражения, за подлог и за дезертирство к неприятелю. Виновные в этих преступлениях подвергались палочным ударам и побивались камнями и притом с такой жестокостью, что обыкновенно умирали от такого наказания. Когда целые когорты или даже легионы покидали поле сражения или производили возмущение, то они подвергались смертной казни не в полном своем составе, а выбирался по жребию десятый человек, которого и казнили. Это называлось *децимацией* (*decimatio*). За маловажные проступки полагались более умеренные взыскания: наказание палкой через центуриона (*vitis*), наказание розгами, лишение части

Золотой венок.

жалованья, отобрание оружия или разжалование и наконец постыдное исключение из войска.

Награды были также разнообразны. Солдаты, которые отличались в сражении особенной храбростью, получали серебряные или золотые цепочки для ношения на шее и т. п. Кто первый всходил на стену или на вал, или на корабль, тот получал в награду золотой венок, который имел право носить на публичных торжествах. Победоносные полководцы при своем возвращении на родину были приветствуемы войсками титулом императора, то есть полководца, а в Риме их ожидал великолепный триумф, зрелище, которым город этот любовался почти ежегодно, так как война прерывалась весьма редко и то на короткое время.

16. Духовное и общественное развитие Рима

Внутреннее состояние Рима было в высшей степени печальное. О нравственном упадке было говорено уже выше. Совершенно было естественно, что постоянные войны оказывали развращающее влияние. Характер римлян становился все грубее и бесчеловечнее. Эта грубость и эта жестокость отразились даже на их общественных играх и увеселениях. В них не видно было тех пристойных телесных упражнений, в которых благороднейшие греческие юноши старались заслужить почетные венки на Олимпийских, Немейских и других играх. Здесь имели место не те упражнения, которые, не вредя здоровью, служили к его укреплению, придавали ловкость телу борцов и в то же время доставляли зрителям благородное наслаждение восхищаться прекрасными телесными формами в красивых позах. Здесь и слышать не хотели о тех грациозных танцах, которыми в Греции прославляли всякий радостный праздник; никакой Пиндар, никакой Геродот не собирал вокруг себя тысячами чувствительных и любознательных слуша-

телей, и театр в Риме никогда не служил любимым местом сбора народной толпы. Только побоища и смертельные бои жаждал видеть кровожадный римлянин, и он находил удовольствие только там, где люди и звери терзали друг друга. Но что должно быть для нас еще непостижимее, так это то, что никогда не оказывалось недостатка в людях, которые добровольно соглашались выходить с мечом в руках на бой и драться не на жизнь, а на смерть. Такие люди назывались гладиаторами. Само собою разумеется, что гладиаторы выходили из подонков народной черни, также из рабов и пленных. Гладиаторы получали обильную и сытную пищу и обучались по правилам фехтовальными учите-

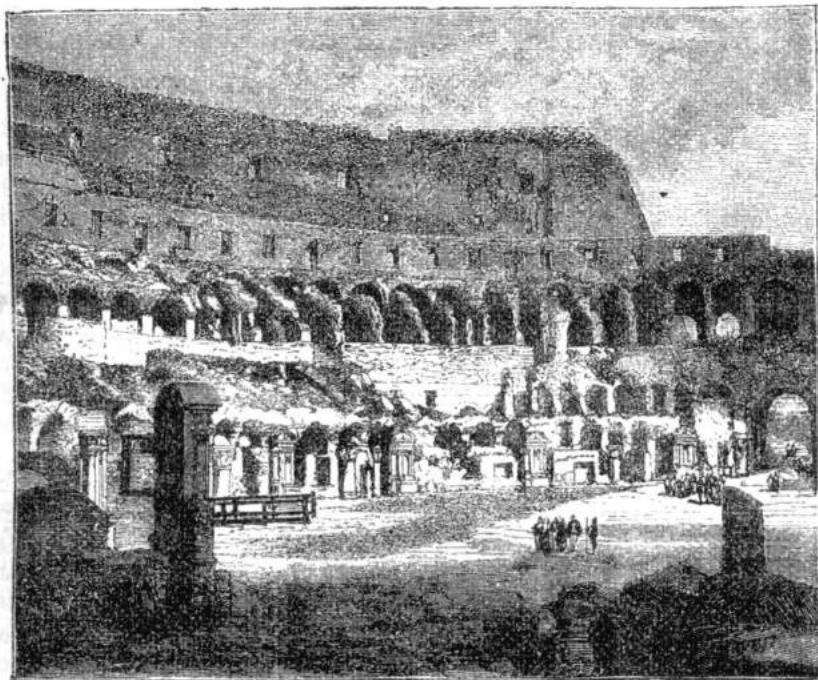

*Гладиаторы.
С фрески в Помпее.*

лями, которые нередко имели их в своих школах по несколько сот человек. Надлежало ли дать народу большое фехтовальное зрелище по случаю какого-либо большого религиозного праздника или погребения знаменитых мужей, желал ли какой-нибудь именитый государственный сановник, вступая в должность, заручиться расположением народа, во всех подобных случаях у содержателей таких школ нанимали гладиаторов парами и часто по несколько сот пар, чтобы доставить народу наслаждение полюбоваться их единоборством.

Первоначально ареной таких зрелищ был форум, для чего вокруг него сооружались деревянные подмостки, которые и убирались по окончании игр. Впоследствии для этих зрелищ воздвигались настоящие каменные амфитеатры, которые, как например Колизей, могли вмещать в себе по нескольку тысяч зрителей. Эти здания были овальные и открытые сверху. Посередине находилась усыпанная песком арена, то есть место битвы; вокруг этой арены возвышались необозримые ряды сидений, причем ряды постепенно возвышались один над другим и удалялись друг от друга. По окончании единоборства песок арены в избытке насыщался кровью, так как каждая пара бойцов должна была биться до тех пор, пока один из них не признавал себя побежденным. Бледный и окровавленный лежал побежденный на песке, и если он поднятием руки не взывал о помиловании, то победитель на-

носил ему смертельный удар. Тогда на арену немедленно выступала новая пара, затем появлялась еще новая, и таким образом сражалось между собой часто более ста пар. Впоследствии вошел в употребление ужасный обычай, который состоял в том, что побежденный в таком единоборстве, если полученная им рана не была смертельна, поднятием указательного пальца умолял забавлявшуюся толпу о пощаде. Тогда толпа, смотря по расположению духа, маханием платками или подня-

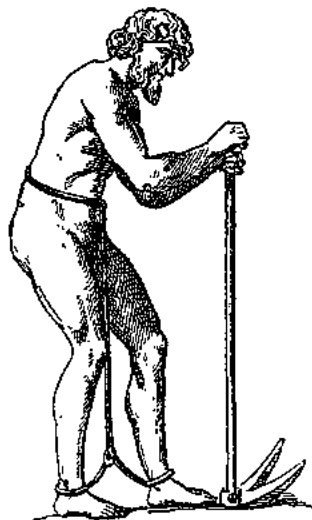
Развалины Колизея.

тием руки, сжатой в кулак с вогнутым в него большим пальцем, давала знак к помилованию, или, раскрывая все пять пальцев руки, присуждала к смерти.

Эти кровопролитные игры не поражали римлян ни своим ужасом, ни своим однообразием; они могли смотреть на них с утра до ночи, и для того, чтобы не пропустить ни одной из них, приносили с собой в амфитеатр даже пищу и питье. Если один из бойцов выказывал особое искусство в нанесении смертельных ударов, то в его честь раздавались громкие приветствия зрителей.

Страсть к подобным кровавым зрелищам, которые только римлянин мог назвать играми, росла у кровожадного народа все более и более и достигла своего апогея во времена императоров. Под конец уже не довольствовались единичными борцами, а желали видеть, как

бьются между собой одновременно целые толпы. Тогда на арену амфитеатра выступали подобия целых войск, одетых то фессалийцами, то галлами, то каким-либо другим народом. Гладиаторы вместо всякого оружия имели в левой руке сеть, а в правой кинжал. Каждый из них старался накинуть сеть на голову противника, повалить его на землю и затем безжалостно пронзить кинжалом. Со времени знакомства римлян с дикими зверями тропических стран

*Скованный раб.
С камня.*

света на аренах можно было видеть борьбу рабов со львами, тиграми и слонами. И чем бесчеловечнее становились эти кровавые побоища, тем более упивался ими народ: мужчины, женщины и даже дети.

Такое же печальное зрелище представляют и общественные отношения. Хотя преимущества родовой аристократии и отжили свой век, но на место патрициев, родовой аристократии заступила аристократия должностная и денежная, с о с л о в и е н о б и л е й. Целый ряд известных фамилий, как например Корнелии, Квинции, Клавдии, Сервилии, Цецилии и т. д., сумел удержать за собой различные государственные должности, в особенности же сенаторское звание. Историк Саллюстий справедливо замечает: «В то время, когда народ раздавал разные другие должности, сословие благородных

передавало из рук в руки консульское достоинство». Лица, занимавшие государственные должности, в особенности в провинциях, пользовались для накопления неслыханных богатств. Обогатившись в качестве правителей или военачальников благодаря грабегам на войне или разорению жителей провинций, они возвращались в Рим, делались ростовщиками и банкирами и раздавали свои капиталы за огромные проценты. Другие великодушно обращали часть своих богатств на поддержание бедных граждан, которые в благодарность за это при новых их домогательствах доходных должностей должны были поддерживать их своими голосами. Возникла вопиющая несоразмерность в имущественном положении. Некоторые лица обладали царскими сокровищами, с помощью которых скупали земельные участки бедных и заставляли обрабатывать эти земли своих бесчисленных рабов.

В противоположность им целые миллионы обнищавших граждан, лишившись не только жилищ и имущества, но даже засушного куса хлеба, бродили по всей Италии и находили себе последнее прибежище только в военной службе. Но во время войн поля оставались невозделанными, а те, которые поручались рабам, обрабатывались плохо.

Вследствие чрезвычайного переполнения населения Италии часто угрожал страшный голод. Продовольствие многих миллионов зависело от подвоза хлеба из житниц Италии — Сицилии и Африки. В случае прекращения такого подвоза можно было опасаться страшных смут. Сицилия показала тому ужасающий пример (134—131). Восстали рабы. Под начальством отважного и смелого предводителя по имени Эвна (135—132) собралось 70 000 человек недовольных, и они в течение целых четырех лет вели настоящую войну с римскими полководцами. Множество самых бедных жителей Италии по обыкновению направилось в столицу. Каждый из них хотя и явился на городскую площадь в самом истерзанном виде, тем не менее в качестве римского гражданина имел в народном собрании свой голос и тем мог содействовать избранию полководцев, наместников, консулов, преторов и других правительственных лиц. Само собою разумеется, что всякий из этой толпы нищих видел в этих выборах для себя только ту выгоду, которую он мог извлечь, продавая свой голос. Таким образом в Риме проживали целые тысячи подобных граждан и существовали единственно тайными подачками богатых, которые при своих домогательствах рассчитывали на их голоса. Нищета с непреодолимой силой позора забрала бедняков в свои руки.

*Римский нищий.
С фрески в Геркулане.*

17. Волнения Гракхов (133—121 г. до Р. Х.)

Прийти на помощь в таком печальном положении обнищавшему и бесправному народу, «этим властелинам мира, которые в то же время не владели и пядью земли и могли пользоваться только воздухом и светом родины», как совершенно справедливо говорил Тиберий Гракх, решились два брата, сыновья благородной Корнелии¹: отличавшийся

¹ «Мать Гракхов» пользовалась в Риме величайшим уважением. Она была дочь Сципиона Африканского Старшего. Выйдя замуж за народного трибуна Тиберия Семпрония Гракха, она родила двенадцать человек детей, из которых девять умерли в детском возрасте. Остальным она дала превосходное воспитание. Сыновья ее с самого детства получили греческое образование. Самым лучшим украшением для женщины Корнелия считала благовоспитанных детей. Одна благородная кампанская матрона, находясь в гостях у Корнелии, с свойственным женщине тщеславию хвасталась своими драгоцен-

возвышенным образом мыслей и необыкновенно сострадательный Тиберий Семпроний Гракх и одаренный пронизательным умом, но слишком пылкий Гай Гракх.

Первым выступил Тиберий, который был старше своего брата на девять лет. Будучи выбран в 133 году до Р. Х. в народные трибуны, он предложил возобновить старинный и давно уже преданный забвению закон о полях Лициния Столона 367 года до Р. Х., по которому никто не мог иметь в своем владении более 500 югеров государственных земель. В Этрурии в особенности было много обширных пространств общественной земли, которыми совершенно безвозмездно пользовались денежные аристократы (*optimates* или *nobiles*). Земля эта должна была быть отобрана и разделена между неимущими гражданами за известный ежегодный налог. Тиберий Гракх присоединил к этому еще одно предложение: чтобы каждый богач, у которого в силу возобновляемого закона отбиралась часть его поземельной собственности, сохранял оставшуюся после этого у него общественную землю в качестве полной собственности.

План образовать таким путем класс зажиточных граждан был как нельзя более разумен, но можно себе представить, какие трудности должен был он встретить при своем осуществлении. Земли, подлежавшие отобранию, частью составляли уже частную собственность, освященную более чем столетним владением, частью находились в залоге у третьих лиц, частью, вследствие брачных договоров, были самым запутанным образом соединены в одно имение или раздроблены на мелкие участки. К тому же аристократическая партия вовсе не была расположена добровольно согласиться на задуманную реформу. Напротив, она прибегла к средству, которым часто пользовалась с успехом. Она вооружила одного трибуна против другого. Сотоварищ Гракха по должности трибуна, М. Октавий,

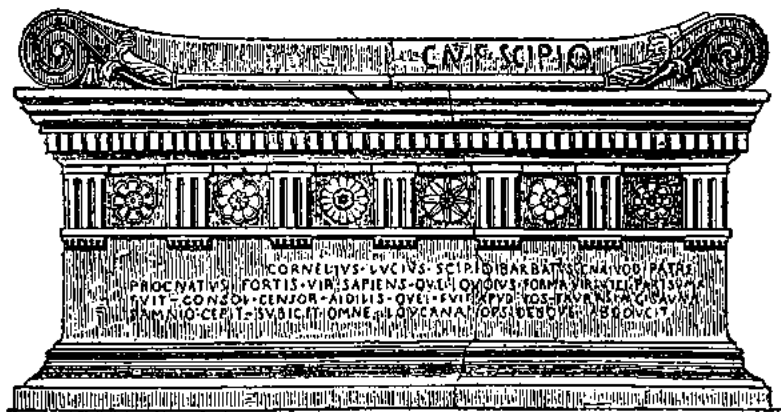
*Вера.
С античной бронзовой
медали.*

воспротивился представлению этого закона на утверждение народного собрания. Тогда Гракх, глубоко оскорбленный таким поступком, стал подстрекать народ против сената и на другой день в бурном заседании народного собрания предложил отрешить Октавия от должности трибуна. Предлагая подобную меру, Гракх вступал на противозаконный путь, ибо нарушал один из самых коренных основных законов — несменяемость народных трибунов. Затем поземельный закон был утвержден народным собранием. Для приведения в исполнение этого закона была назначена комиссия из трех лиц: Тиберия Гракха, тестя его

ными украшениями. Корнелия поддерживала с ней оживленный разговор до тех пор, пока не вернулись из школы ее сыновья. Представляя их своей гостье, она сказала: «Вот мое лучшее украшение». Дочь Корнелии Семпрония была замужем за Сципионом Африканским Младшим.

Аппия Клавдия и брата Гая Гракха. Для приобретения новыми, лишенными средств, собственниками государственных земель необходимых земледельческих орудий по предложению Гракха между этими лицами должны были быть разделены сокровища, завещанные римскому народу в 133 году до Р. Х. пергамским царем Атталом III. Это предложение понравилось народу, и Гракх мог вполне рассчитывать на новое избрание в трибуны и на следующий год.

В день выборов Тиберий Гракх явился вместе со своими приверженцами в Капитолий, в храм Юпитера. Поблизости, в храме Веры, собралась сенатская партия. Увидев сборище своих противников, Гракх приложил руку к своей голове в знак того, что жизни его угрожа-

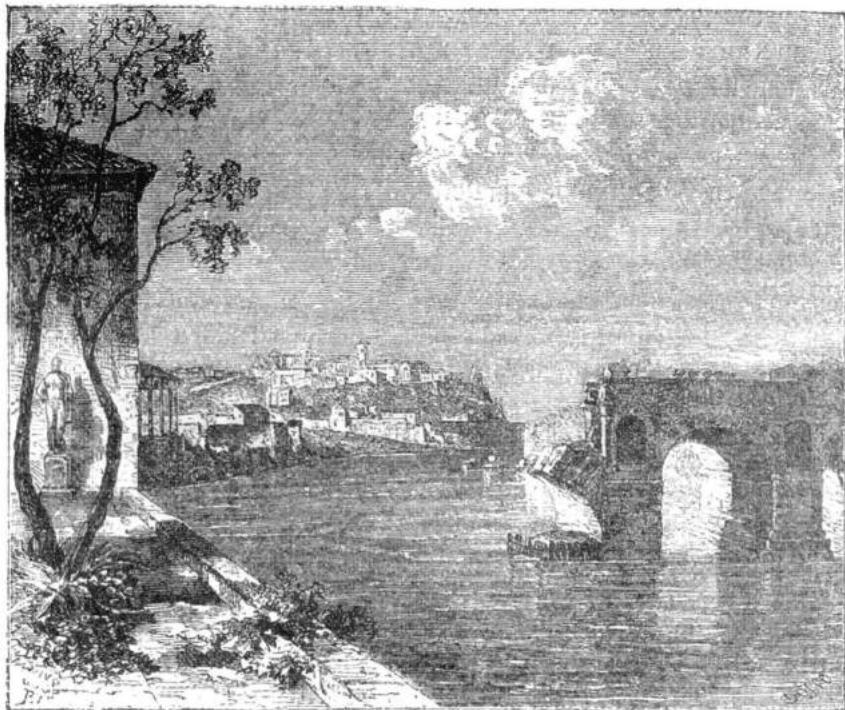
Саркофаг Сципиона.

ет опасность. Приверженцы Гракха разогнали его противников. Но сенатская партия объяснила поданный Гракхом знак совершенно иначе. По их мнению, знак этот указывал на то, что Гракх желает возложить себе на голову царский венец. Наступила неловкая пауза. В эту самую минуту раздался возглас двоюродного брата Гракха, Сципиона Назики: «Кто хочет спасти республику, тот следуй за мной!» Тогда сенаторы вместе с присоединившимися к ним многочисленными клиентами, вооруженные дубинами и палками, устремились к Капитолию. Народ отступил в полном благоговении. Сенатская партия кинулась на него с своими сторонниками. Сам Гракх был поражен насмерть двумя ударами, и тело его было брошено в Тибр (в 133 году до Р. Х.). Вместе с ним пало 300 его приверженцев.

Однако поземельный раздел был все-таки отчасти приведен в исполнение, несмотря на то, что было весьма затруднительно определить, какие именно земли составляют частную собственность и какие принадлежали государству, на что в особенности указывал Сципион Африканский Младший. Он заплатил жизнью за свое сопротивление новым реформам. На другой день заседания сената, в

котором Сципион сильнейшим образом восставал против дальнейшего распространения новой реформы, он был найден задушенным в своей собственной постели (в 129 году до Р. Х.).

В лице Сципиона погиб искренний друг отечества. С величайшим сокрушением оплакивали Сципиона его единомышленники, которых у него, конечно, насчитывалось немного. Узнав о таком злодеянии, Метелл Македонский бросился на форум и воскликнул: «Спешите, граждане! стены нашего города пали. Сципион Африканский умерщвлен сонный, в собственном своем доме!» Затем Метелл приказал четы-

Авентин.

рем своим сыновьям отнести на носилках завернутый труп покойника на кладбище, где он и был предан всесожжению.

Когда сыновья подняли носилки себе на плечи, Метелл сказал: «Вам никогда не придется оказать эту дружескую услугу более великому человеку». Сципион Назика, которому грозило обвинение, был отправлен сенатом в качестве посла в Азию, откуда он не решался возвращаться в Рим.

В 123 году до Р. Х. народным трибуном был избран младший брат — Гай Гракх. Он немедленно возобновил реформы своего убитого брата, но вследствие своего пылкого характера допустил увлечь себя на

незаконный, революционный путь. Два главнейших его предложения состояли в следующем: 1) Беднейшим гражданам должна ежемесячно производиться р а з д а ч а х л е б а . 2) Судебная власть должна быть отнята от сенаторов и передана в руки всадников. Для осуществления первого из этих предложений были устроены общественные магазины, из которых хлеб выдавался по дешевой цене, а часто и совсем даром. Мера эта имела самые пагубные последствия для Рима. Целые толпы всякого сброда потянулись в Рим, чтобы получать там даровой хлеб. Таким образом образовался многочисленный класс ленивых, праздношатающихся уличных пролетариев (бедняков, неимеющих никакой собственности) в самом дурном смысле этого слова, и этот класс людей не замедлил выказать себя с самой опасной стороны. Гораздо более справедливости заключало в себе второе предложение. До тех пор судебная власть находилась в руках сенаторов. Вследствие этого часто случалось, что сенаторам приходилось судить равноправных с ними лиц, как например квестора или претора, когда эти последние обвинялись в казнокрадстве (rescalatus) или грабительстве (repetundarum) за время управления провинциями. В большинстве случаев такие обвиняемые оправдывались судом, отчего сильно страдало чувство общественной справедливости.

Оба эти предложения встретили со стороны партии оптиматов сильнейшее сопротивление. Для того, чтобы как можно прочнее утвердить свое положение, Гай Гракх во второй год своего трибунства выступил с новым предложением, в силу которого *всем союзникам в Италии должно было быть предоставлено полноправное римское гражданство*. Однако, несмотря на то, что все предшествовавшие предложения Гракха встречали в народе величайшее к себе сочувствие, последнее предложение его потерпело полнейшую неудачу. Большинство римского народа, одержимое глупой спесью, не желало разделять с союзниками своих прав, в особенности права на даровое пользование хлебом, зрелищами и другими народными увеселениями. Этим предложением Гай Гракх обнаружил свою слабую сторону. Сенат не замедлил воспользоваться этим обстоятельством самым искусным образом. Он привлек на свою сторону другого народного трибуна, М. Л и в и я Д р у з а , и уговорил его войти с предложением, которое заключало бы для народа еще более выгод и преимуществ, чем законы, предложенные Гаем Гракхом. М. Ливий Друз предложил утвердить за новыми землевладельцами принадлежащие им земельные участки в полную собственность с освобождением притом от всяких налогов и основать в Италии двенадцать новых колоний. Средство это способно было ослепить народную толпу.

Против Гракха, который в это самое время на месте Карфагена основывал новую колонию Юнонию, наступило охлаждение; оно выказалось при выборах трибунов на 121 год; Гай Гракх не был избран на эту должность. В этом же году его злейший враг Л. О п и м и й был избран консулом. Во время одного праздничного жертвоприношения в

Капитолии произошла настоящая схватка между обеими партиями. Один из приверженцев Гракха умертвил одного из прислуживавших консулу при совершении им жертвоприношения. Это послужило сигналом к нападению. Гракх со своими сторонниками занял Авентинскую гору и укрепился в храме Дианы. Сенатская партия с помощью вооруженных рабов и критских стрелков взяла гору приступом. Гай бежал и приказал рабу убить себя; единомышленник его Флакк был убит в общей свалке; головы их были куплены их приверженцами на вес золота. Вместе с Гракхом и Флакком погибло 3000 человек, и трупы их вместе с трупом Гая Гракха были брошены в Тибр.

Волнения Гракхов были потушены кровью. Но хотя оба народных предводителя погибли при первой попытке поколебать древние учреждения, тем не менее старания их не остались без важных последствий. В римскую чернь проник дух неповиновения. Даже управляемые до тех пор с необыкновенной строгостью итальянские союзники пожелали сделаться во что бы то ни стало соучастниками в управлении. Народные трибуны познали их силу; союзники получили уже место и голос в сенате. Каждому будущему властолюбцу, как например Марию или Цезарю, был указан путь, по которому он должен был идти, чтобы иметь возможность успешно бороться с сенатом и древними учреждениями.

18. Война с Югуртой (111—106 гг. до Р. X.)

Нравственный упадок как в высших, так и в низших слоях римского государства, в особенности совершенное отсутствие чувства справедливости и постыдная продажность должностных лиц, проявились во всей своей ужасающей наготе в Югуртинской войне. Югурта, которого мы уже видели в лагере под Нуманцией, мог уже тогда изучить римлян с самой дурной их стороны.

Югурте, соединившему в себе пылкий характер африканца с жестокостью и коварством диких зверей своей родины, при всех его собственных дурных качествах римляне представлялись достойными такого презрения в нравственном отношении, что он именно на этом основывал надежду на успех своего безрассудного замысла.

Согласно последней воле незадолго перед тем умершего нумидийского царя Миципсы, который усыновил Югурту, бывшего сыном его брата Мастанабала, царство Нумидийское должно было быть разделено между Югуртой и двумя сыновьями царя Миципсы, Адгербалом и Гиempсалом. Однако Гиempсал, видя в

*Югурта.
С камен.*

Югурте опасного интригана, так раздражил его своей надменностью, что Югурта, будучи и от природы необыкновенно властолюбивым, приказал умертвить Гиempсала (в 118 году). Адгербал, разбитый в сражении Югуртой, бежал в Рим и просил там о помощи. В Риме были крайне удивлены дерзким убийством Гиempсала. Но Югурта отправил в Рим посольство и подкупил большую часть сенаторов. Вследствие этого сенат постановил разделить Нумидию между обоими царями и для приведения в исполнение этого раздела отправил в Нумидию комиссию из десяти сенаторов, во главе которой стоял Л. Опимий.

Четыре года спустя после раздела Югурта вторгнулся во владения своего двоюродного брата Адгербала, снова разбил его в одном сражении и принудил укрыться в его столице Цирте. Здесь Югурта осадил Адгербала, принудил его к сдаче и предал мучительной смерти. Теперь Югурта сделался властителем всей Нумидии. Во время резни, произведенной Югуртой в Цирте, погибло множество и римских граждан. Эта дерзость возмутила народного трибуна Ц. Меммия, и он настоял на объявлении Югурте войны. Консул Кальпурний Бестия получил повеление выступить против него в поход. Едва войско появилось в Африке (в 111 году), как тотчас к нему навстречу прибыли послы хитрого царя с полными карманами денег. Консул и его легат Скавр дали себя подкупить. Был заключен мирный договор, в силу которого Югурта объявлялся подчиниться римлянам, выдать тридцать слонов, известное число лошадей и рогатого скота и незначительную сумму денег, взамен чего за ним было признано обладание всей Нумидией. После этого консул возвратился в Рим и представил сенату отчет в своем поручении. Однако народный трибун, Ц. Меммий привлек консула к ответственности, изобличил всю гнусность подкупа и вопреки желания сената добился народного решения вызвать Югурту под охраной вольной дружины в Рим, где он должен был оправдаться перед народным собранием и назвать тех, кто допустил подкупить себя.

Югурта прибыл в Рим и явился в народное собрание в одежде нищего. Трибун Меммий потребовал, чтобы он назвал своих соучастников, но другой трибун, Ц. Бибий, подкупленный Югуртой, запретил ему отвечать. Тогда Югурта отважился на новое преступление и с помощью наемных убийц умертвил оставшегося в живых внука Массиниссы, Массиву, который после умерщвления Адгербала бежал в Рим. Это последнее злодеяние слишком бросалось в глаза для того, чтобы могло остаться какое-нибудь сомнение в его виновнике. Югурта получил повеление оставить Рим и покинул его со следующими замечательными словами: «О, подкупный город, ты скоро бы погиб, если бы на тебя нашелся покупатель!» Консул Спурий Постумий Альбин

*Миципса.
С античной камен.*

последовал со своим войском за Югуртой (в 110 году), начал против него войну, но не имел никакого успеха. Во время отсутствия Спурия Постумия Альбина его брат Авл был окружен со всем войском, должен был пройти под ярмом и очистить Нумидию.

Этот позор возмутил всех. Мирный договор не был утвержден в Риме. По предложению одного народного трибуна была назначена комиссия, которая должна была расследовать, какие лица допустили подкупить себя во время переговоров и войны с Югуртой. Бестия, Альбин и другие были признаны виновными и присуждены к изгнанию. Вместе с тем старались приискать, кого бы из полководцев назначить главным военачальником в войне с пронырливым и коварным Югуртой: необходимо было найти такого, кто при выдающейся храбрости был бы человеком неподкупной честности. Выбор пал на Кв. Цицилия Метелла (в 109 году). Он восстановил в войсках дисциплину и вступил в Нумидию. Начались переговоры, в которых и царь и консул старались перехитрить друг друга. После сражения при реке Муфуле (в 109 году), которое далеко не было победоносным для Метелла, консул отступил в провинцию Африку. Когда затем Югурта обратился с просьбой о мире, Метелл согласился заключить его на следующих тяжелых условиях: Югурта должен был выдать всех слонов, известное количество лошадей и оружия и всех перебежчиков, дать заложников и уплатить 200 000 фунтов серебра. Но когда вдобавок ко всему этому Метелл потребовал еще, чтобы царь лично к нему явился, то Югурта, совершенно справедливо опасаясь, что римляне лишат его не только свободы, но и жизни, прекратил переговоры. Тогда Метелл овладел почти всей Нумидией, и Югурта стал искать помощи у своего тестя Бокха, царя Мавритании, которая составляла часть нынешнего Марокко.

В то самое время, когда Метелл добился таких успехов, кончился годичный срок его консульской власти. Метелл все-таки рассчитывал окончить со славой эту постыдную войну в качестве проконсула. Но честолюбие его легата Г. Мария, родом плебея, который получил свое военное образование у Сципиона под Нуманцией и вполне принадлежал народу, вырвало из рук Метелла прекрасные плоды его усилий.

Марий родился в Арпинуме (в 156 году до Р. Х.) и был сыном бедного земледельца. Как только Марий достиг зрелого возраста и сделался способным к военной службе, он тотчас же вступил в ряды войска. Марий несколько не старался научиться греческому красноречию и усвоить себе изящные манеры высшего общества, а заботился лишь о том, чтобы сделаться хорошим воином. Вследствие этого, когда он впервые стал домогаться звания военного трибуна, то, несмотря на то, что его почти никто не знал лично, он все-таки благодаря известной уже по слухам своей способности был выбран в это звание всеми трибами. Затем, исправляя поручаемые ему должности с таким усердием и знанием дела, что постоянно оказывался достойным выбора, Марий быстро

стал возвышаться и переходить от одной высшей должности к другой. Однако он еще не отваживался домогаться консульской власти, хотя и обладал всеми необходимыми для этой должности качествами: энергией и честностью, военным талантом и опытностью. Мария одушевляло одно только честолюбие, и он имел одну только слабость: он был суеверен и имел большое пристрастие ко всевозможного рода гадалкам и прорицателям; главным же недостатком его было неимение предков, то есть что он не происходил из благородного семейства¹.

Марий.

Со слепка на стекле.

Однажды, находясь в Утике, Марий приносил благодарственную жертву богам. Совершенно случайно присутствовавший при этом гаруспий (гадатель по внутренностям приносимых в жертву животных) предсказал ему великую и удивительную будущность. Вследствие этого он с упованием на помощь богов должен был привести в исполнение план, который тайно лелеял в своем сердце, и тогда все должно было ему удасться. Когда Марий убедился, что предсказания прорицателя вполне согласуются с его собственными страстными задушевными желаниями, он попросил у Метелла уволить его в отпуск, чтобы отправиться в Рим и хлопотать там о своем избрании в консулы. Марий оставил свою должность в Африке всего лишь за десять дней до новых консульских выборов и с такой поспешностью ехал в Рим, что совершил длинный путь от лагеря до морского берега в два дня, а отсюда в четыре дня приплыл в Италию. Толпа встретила его с восторженными криками. Один из трибунов ввел Мариа на ораторскую трибуну. Марий оклеветал Метелла, дока-

¹ Но и из этого недостатка, равно как и из своей неучености Марий сумел извлечь для себя пользу, как это ясно видно из речи, которую влагает ему в уста Саллюстий (bei. Jug. cap. 85). В этой речи Марий между прочим говорит: «В подкрепление моих прав я не могу представить никакой родословной хартии, и никто из моих предков не получал триумфов и не был консулом. Но если потребуется представить копье, военное знамя, военное украшение и другие воинские отличия и сверх того рубцы на груди, то это будет совсем другое дело. Вот что именно составляет мою родословную хартию, мою честь, которую я не получил по наследству, как некоторые из вас, но приобрел ее ценой непрестанных трудов и бесчисленных опасностей. Речь моя не отличается правильностью и изысканностью, но это меня ничуть не заботит, заслуги сами за себя говорят ясно; к искусственным же средствам должны прибегать лишь те, кому необходимо прикрыть свои постыдные дела красивыми звучными фразами. С греческой литературой я также несколько не старался познакомиться; я нахожу весьма мало удовольствия в том, что могло бы меня с ней ознакомить, потому что учителя ваши не научили вас мужеству. Но всему тому, что необходимо в обыкновенном общежитии и что действительно полезно, тому я научился. Я научился: побеждать неприятеля, удерживаться на своей позиции, ничего не бояться, кроме дурной славы, одинаково переносить и жару, и стужу, спать на голой земле, я закалился в трудах и лишениях; подобными же примерами я желаю воспламенить и свое войско. Я не позволю себе, чтобы мои воины терпели нужду в самом необходимом и в то же время самому угощать в роскоши и не стану покупать себе славу ценой их трудов. В общественном и национальном смысле это значит начальствовать. Самому же предаваться изнеженности и в то же время держать войско в суровой дисциплине значит разыгрывать роль тирана, а не полководца».

звал, будто тот вяло ведет войну, преднамеренно ее затягивает, и хватался, что может сам захватить Югурту живым или мертвым в самом непродолжительном времени в свои руки, если ему на то будет дана полная власть. Народная партия настояла на том, чтобы Марий был выбран консулом и чтобы ему вместо Метелла было передано ведение войны (в 107 году до Р. Х.).

Марий немедленно приступил к новому набору войск, причем преимущественно выбирал солдат из низших центурий, которые, возлагая все свои надежды на Мария, были большей частью преданы ему. С эти-

Арпинум.

ми войсками Марий прибыл в лагерь Метелла. Метелл, не желая, конечно, дожидаться Мария и лично передавать ему войско, уехал до его прибытия, поручив передачу войска своему легату. Марий разбил Бокха и Югурту при Цирте (в 107 году до Р. Х.) и в нескольких других сражениях и завладел многими укрепленными местами. Но несправедливость, совершенная против Метелла, не должна была остаться неотомщенной. Поэтому и Марию не досталась честь окончить войну. За Марием следовал в звании квестора не менее его честолюбивый патриций Л. Корнелий Сулла, который вырвал из его рук победные лавры.

Сулла был во всем совершенной противоположностью Мария. Происходя из старинного благородного рода Корнелиев (родился в 138 году до Р. Х.), Сулла обладал весьма основательными познаниями в греческой и римской литературе. Он имел высокий ум, был пристра-

стен к чувственным наслаждениям, но еще более любил славу. Хотя Сулла и любил праздную, распутную жизнь, но никогда не позволял удовольствиям отвлекать себя от своих занятий. Любезный и щедрый в обществе, услужливый для своих друзей, расчетливый и хитрый в политике, опытный и искусный в военном деле, Сулла олицетворял в себе в одно и то же время «лисицу и льва». Как ни был Сулла счастлив, присовокупляет Саллюстий, но до победы, одержанной им в гражданской междоусобной войне, счастье никогда не превосходило его личных достоинств, и поэтому трудно было решить, чему следовало отдать превосходство: храбрости ли его или счастью. Что же касается его позднейших деяний, то еще неизвестно, более ли из чувства стыда или из чувства отвращения следует воздерживаться говорить о них.

Между тем Югурта продолжал оставаться во владениях Бокха, который хотя и обещал ему свою защиту, но из боязни перед римлянами начал постепенно изменять своему обещанию. Вследствие этого, чтобы удержать за собой свое царство, Бокх решился наконец пожертвовать своим зятем. Он склонился на просьбу Суллы, который от имени Мария вел с ним прежде переговоры и был поэтому лично ему известен, и обещал выдать Югурту, если Сулла согласится явиться для этого к нему ночью и притом в сопровождении лишь небольшой свиты (чтобы не возбудить ни малейшего подозрения). Дело представлялось весьма опасным и подозрительным. Тем не менее Сулла поверил Бокху, отправился к нему и был принят им дружески. Югурту уговорили явиться на место свидания под тем предлогом, что между ним и Римом при посредничестве Бокха будет заключен мирный договор. Когда Югурта, сопровождаемый весьма малочисленной свитой, подъехал к пригорку, на котором стояли Бокх и Сулла, то скрытые за пригорком всадники Бокха выскочили вперед и захватили Югурту в плен. Он был выдан Сулле, а этим последним доставлен в стан Мария. Война была кончена (в 106 году). Аристократическая партия обратила заключительный акт войны в свою пользу и утверждала, что это великое дело совершилось благодаря благоразумию и мужеству Суллы и что Марий ничего для этого не сделал. Сам Сулла до того возгордился своим подвигом, что приказал всю сцену взятия в плен Югурты вырезать на перстне, который и носил постоянно на пальце.

Для приведения в порядок нумидийских дел Марий оставался в Африке до конца 105

*Бокх.
С античного бюста.*

*Сулла, Бокх и пленный
Югурта.
С античной серебряной
медали.*

Цирта.

года. Западную часть Нумидии получил Бокх, восточную сводный брат Югурты, одержимый и телесным и умственным расстройством Гауда. По возвращении своем в Рим Марий удостоился блестящего триумфа. Перед его колесницей шел Югурта в цепях и в царской одежде. Затем Югурту заключили в глубокий и сырой склеп Туллианум, высеченный в Капитолийской скале. Бесчеловечные тюремщики сорвали с него одежды и вырвали с мочками серьги из ушей. Когда Югурту бросали в склеп, он жалобно воскликнул: «Как холодна ваша баня!» На шестой день после своего заключения в склеп Югурта умер от голода в своей сырой темнице, из которой тщетно надеялся быть выпущенным на свободу; по свидетельству же Ливия, он был удушен.

19. Кимвры и тевтоны¹ (113—101 гг. до Р. Х.)

Аристократическая партия, как замечено уже было выше, приписала победу над Югуртой Сулле; сенат присудил Метеллу почетное прозвание *Нумидийского*. Марий счел себя этим глубоко оскорбленным, но любовь народа вознаградила его новым избранием в консулы (в 104 году до Р. Х.). С консульством Мария для государственного

¹ Кимвры — кельты, т. е. воины, борцы; их родиной были Ютландия и Шлезвиг-Гольштейн; родиной же тевтонов были берега Балтийского моря.

устройства Рима началась новая эра. До сих пор являлось неслыханным делом, чтобы новичок (*homo novus*, то есть первый из плебейской фамилии, облеченный в курульское звание), предки которого занимались ремесленничеством, мог бы достигать высшей должности в государстве; но было еще неслыханнее, чтобы такая должность поручалась ему вторично.

Но нерасположение к сенатской партии было так велико, что она не осмелилась серьезно противодействовать домогательствам Мария, так как он пользовался любовью и расположением народа и войска. Он создал себе вооруженную силу, и перед этой силой сенат, то самое собрание, которое некогда внушало к себе такое глубокое уважение, смешало царей, уничтожало целые народы, теперь должен был трепетать сам. И говоря откровенно, точно сама судьба хотела покровительствовать славе Мария, ибо как раз в эту минуту государству угрожала такая внешняя опасность, что оно должно было считать себя еще счастливым, что обладает таким человеком, как Марий, который с таким огромным военным талантом соединял в себе такую огромную власть над умами народа.

Уже во время Югуртинской войны появился с севера новый, в высшей степени страшный неприятель. Два германских племени, кимвры и тевтоны, покинули свои жилища и с женами и детьми, везя на телегах все свое имущество, двинулись на юг. То было предвестие переселения народов. На своем пути они заставили примкнуть к себе многие германские и кельтские племена и приблизились к границам римского государства. При Норе́йе (в Каринтии) кимвры и тевтоны обрушились на римское войско, бывшее под начальством консула Папирия Карбона, и разбили его (в 113 году до Р. Х.). Затем, присоединив к себе племена гельветов, они направились в Галлию, в области, лежащие по реке Роне, разбили в 109 году консула Силана, в 107 году консула Кассия Лонгина у Женевского озера и уничтожили два римских войска при Араузии (Оранже), на левом берегу реки Роны, под начальством консулов О. Цепия и Гнея Маллия Максима. Здесь произошло страшное кровопролитие: римлян погибло 80 000 человек; спаслось только десять человек, которым каким-то чудом удалось бежать с поля сражения и переплыть на другой берег реки (в 105 году до Р. Х.). В Риме распространился панический страх. Воображению римских граждан представлялось уже, что перед столицей стоят колоссальные фигуры с белокурыми кудрями и голубыми глазами. По случайной победителем направились на юго-запад и перешли за Пиринеи. Таким образом римляне получили возможность и имели время оправиться от жестокого поражения.

Только от одного Мария ожидали спасения. Голос народа настоятельно требовал избрания его консулом; сенат вынужден был уступить и Марий — чего до тех пор ни разу еще не случалось — оставался консулом четыре года сряду (104—101 гг. до Р. Х.). И в самом деле Марий был человек, который мог внушить в одно и то же время и страх

подобным диким народам, и доверие войску, пришедшему в такое уныние, в какое пришло тогдашнее римское войско. Геркулесовский стан Мария, его воинственная наружность, суровый образ жизни, неутомимая деятельность и даже сама резкость его обхождения, не смягченного никаким воспитанием, возбуждали к нему настоящий восторг в грубых воинах. Находясь во главе войска и не испытывая на себе вследствие этого удручающего влияния сторонних честолюбцев и завистников, Марий всегда являлся человеком прямодушным и любящим справедливость.

Два года следовал Марий за неприятелем, который бесцельно бродил по Испании, но избегал вступать с ним в решительное сражение. Все это время Марий употребил на то, чтобы строгой военной дисциплиной закалить свои войска в перенесении трудностей и лишений. Только в третьем (102) году встретился он с тевтонами и амбронами в Южной Галлии. Тевтоны и амброны хотели направиться через римскую провинцию Галлию вдоль приморского берега в Италию. В то же время кимвры и гельветийские тигурины старались достигнуть той же цели, направившись через восточные Альпы (Тироль). Марий расположился на Роне, укрепил свой лагерь и оставался в нем в бездействии так долго, что даже римские воины стали роптать на него. Такую осторожность Марий соблюдал по совету одной сирийской предсказательницы, Марты, которую он всюду возил за собой в носилках.

Наконец тевтоны истомились в ежедневных тщетных стараниях своих вызвать на бой римлян и смело направились мимо стана Мария с намерением вторгнуться в Италию. Марий осторожно последовал за ними. Наконец при Аквах Секстийских, нынешнем Эксе (следует выговаривать Эхе), он решился вступить в сражение (в 102 году до Р. Х.). Хотя искусные распоряжения Мария и превосходное военное искусство римлян и доставили ему к вечеру первого дня победу над амбронами, но солдаты его отступили назад, в свой лагерь, и далеко не были в прежнем веселом и хорошем расположении духа; напротив, они соблюдали величайшую тишину, со страхом прислушиваясь к тому, как вдали раздавались всю ночь страшные военные крики тевтонов, служившие выражением их дикого, воинственного веселья.

Действительно, на третий день последовало стремительное нападение тевтонов на расположенный на холме и сильно укрепленный стан римлян. Но тевтоны благодаря превосходному военному искусству римлян были совершенно разбиты. Однако римлянам, когда они ворвались в стан тевтонов, пришлось сражаться с их женами, которые нисколько не уступали мужьям своим ни в силе, ни в мужестве. Во время самой битвы тевтонские женщины ободряли своих мужей; теперь же в порыве отчаяния они сами напали на римлян, бросались на них с мечами в руках, вырывали у них щиты и только тогда переставали защищаться, когда, изнуренные и смертельно раненые, падали на землю. Матери убивали своих грудных детей, а затем умерщвляли и себя. Лишь немногие из числа неприятелей, и в том числе их царь Тевтобод,

попали живыми в руки победителя, который пощадил их жизнь для того только, чтобы они участвовали в будущем его триумфе.

Однако этой победой Мария неприятель был разбит лишь наполювину, так как в это самое время кимвры, перейдя через Альпы, вторглись в Италию. Консул Катул должен был задержать их на реке Атезисе (Эч), но войско его струсило, обратилось в бегство, и Катул отступил на правый берег реки По, предоставив богатую равнину между этой рекой и Альпами на опустошение кимврам. Марий, избранный в пятый раз консулом (в 101 году), выступил со своим войском к реке По, соединился здесь с войском Катула, и затем оба консула снова перешли через эту реку. При В е р ц е л л а х (ныне Верчелли), на обширных холмистых полях произошло решительное сражение (в 101 году до Р. Х.). Палящие лучи солнца и поднявшаяся целыми столбами пыль ослепляли кимвров. Марий воспользовался этим благоприятным обстоятельством и одержал блестящую победу, которая окончилась полным истреблением неприятеля. Описанные выше сцены с тевтонскими женщинами повторились и здесь. Долго и упорно защищались кимврские женщины в своем стане и во избежание плена убивали себя сами. Царь кимвров Бойорикс был убит; оставшихся в живых постигла печальная участь: они были проданы в рабство.

Марий был превознесен даже своими врагами, как избавитель; он был назван «третьим основателем города Рима». Такой почетный титул вполне соответствовал его заслуге. Он спас от напора варваров римское образование и даже сам Рим, это средоточие образованного мира.

20. Марий и демагоги Сатурнин и Главция (100 г. до Р. Х.)

Марий принадлежит к числу тех людей, на печальную долю которых выпадает пережить свою славу. Не довольствуясь честью быть избираемым в консулы в течение пяти лет, он стал добиваться избрания своего на эту должность и на шестой год и, увы! пошел по пути самых недобросовестных народных предводителей (демагогов). Он без стыда покупал себе голоса и привлек на свою сторону самых беспокойных граждан с недостойной целью приобрести в них самое послушное орудие к возбуждению черни. Для чего собственно желал Марий воспользоваться этой народной силой, он и сам себе не мог объяснить этого вполне ясно; вернее всего для удовлетворения собственного своего честолюбия и чтобы одержать верх над аристократической партией и сенатом, во главе которых в это время стоял тот самый Метелл Нумидийский, у которого ему удалось отнять начальство над войсками в Нумидии.

Опаснейшим из демагогов тогдашнего времени был трибун Л. А п у л е й С а т у р н и н, один из тех кровожадных характеров, которые для удовлетворения своих собственных выгод готовы истребить все че-

ловечество. Сатурнин ненавидел сенат за то, что тот во время его квесторства отнял у него поставку хлеба, к которой он стал относиться недобросовестно. Он ненавидел также и Метелла за то, что тот, будучи цензором, хотел исключить его за распутную жизнь из сословия всадников. Чтобы отомстить сенату и Метеллу, Сатурнин в 100 году до Р. X. стал домогаться своего вторичного избрания в трибуны. Он получил эту должность с помощью своих приверженцев. В ту самую минуту, когда в народном собрании был уже выбран последний, десятый трибун, некто Ноний, сторонники Сатурнина убили Нония и, воспользовавшись происшедшим замешательством, выбрали на его место Сатурнина. На этот же год были выбраны: в преторы — враг партии оптиматов — Сервилий Главция, а в консулы — в шестой раз — Марий.

Чтобы еще более привлечь народ на свою сторону, Сатурнин предложил закон, по которому ветераны Мария, оказавшие особые услуги отечеству в Галлии, Сицилии, Ахайи и Македонии, должны были получить известные участки земли. Хотя весь сенат и лучшая часть граждан воспротивились этому предложению, но этот земельный закон с помощью ветеранов Мария был утвержден в трибуционных комициях. Для того, чтобы принудить сенат привести в исполнение только что утвержденный закон, Сатурнин настоял на том, чтобы к закону этому была присоединена оговорка, в силу которой все сенаторы должны были в течение пяти дней обязаться клятвой в его исполнении; в случае же сопротивления они исключались из сената и подвергались значительному денежному штрафу. Один только Метелл отказался принести требуемую присягу и, не дожидаясь своего обвинения, удалился на остров Родос.

Скоро Сатурнин простер свою дерзость еще дальше. При следующих консульских выборах он, как и при предшествовавшем своем избрании в преторы, в самом народном собрании приказал умертвить Г. Меммия, за которого уже высказалось большинство голосов, между тем как Сатурнин домогался, чтобы в консулы был выбран Главция. Этот дерзкий поступок возмутил даже самих преверженцев Сатурнина. Сам старинный покровитель Сатурнина Марий, над головой которого готовилась разразиться революционная буря, пожертвовал им и допустил его падение. Доблестный сенатор престарелый Кв. Муций Сцевола отважился даже предложить в сенате постановление, по которому консулам предоставлялось право принимать все меры, способные защитить государство. Консулы тотчас же вооружили граждан и заняли ими все важные посты. Со своей стороны Сатурнин собрал толпу своих приверженцев. Тогда консулы со всей сенаторской партией под предводительством Мария бросились на Сатурнина и его сторонников. Сатурнин скрылся в Капитолий, но был окружен здесь со всей своей шайкой и принужден сдаться. Марий приказал заключить пленных в гостилийские курии, но всадники, опасаясь, что он желает спасти их,

разобрали крыши курий и побили всех пленных, в том числе и Сатурнина, камнями.

Марий хотя и находился еще на высоте своего счастья и продолжал пользоваться любовью народа, увидел, что вследствие своего двусмысленного поведения и своей политической неспособности его покинули все партии и что он лишился всякого влияния. Вследствие этого по истечении срока своего консульства Марий удалился в Азию, чтобы выждать там более благоприятное для себя время. Поземельный закон был отменен, а Метелл снова вызван из своего уединения.

21. Реформы, предложенные М. Ливием Друзом. Союзническая, или Марсийская война (91—88 гг. до Р. X.)

Раздоры партий в Риме приняли угрожающий характер. Вследствие этого всякий след чувства справедливости должен был постепенно исчезнуть. Одна принадлежность к противной партии ставилась уже в вину. С тех пор как судопроизводство перешло от сенаторов к всадникам, правосудие попало не в лучшие руки. Если прежде оправдывали наместников, предававшихся самым постыднейшим, чисто разбойничьим грабёжам, то отныне представлялось зрелище еще более отвратительное. Теперь преследовали уже честных наместников, которые не только сами не грабили, но и не позволяли грабить другим. Они навлекли на себя ненависть податных откупщиков (*publicani*), принадлежавших большей частью к сословию всадников, которые при помощи подкупленных доносчиков призывали таких бескорыстных наместников в Рим к суду. Самым разительным примером подобного мщения может служить Рут и л и й Руф, который во время своего управления в 100 году провинцией Азией отличался строгостью и справедливостью. Вследствие этого откупщики податей и таможенных пошлин, испытывая стеснения в своих грабительствах, решились принести на Рутилия Руфа жалобу. И действительно, при помощи своих сторонников им удалось добиться осуждения Рутилия Руфа. После своего осуждения Рутилий Руф возвратился в уединение частной жизни и остаток дней своих провел в Смирне в ученых занятиях.

При таких обстоятельствах самые искренние старания привести партии к взаимному соглашению должны были рушиться. С целью ограничить злоупотребления всадников своей властью народный трибун М. Л и в и й Д р у з внес предложение о разделении судопроизводства между сенатом и сословием всадников, а именно, чтобы из этого сословия были выбраны 300 новых сенаторов и присоединены к 300 наличным сенаторам. А чтобы привлечь на свою сторону народ, Ливий Друз предложил затем произвести новый раздел земель по образцу раздела, предложенного Гракхами, и основать колонии, в которые могли бы быть переселены бедные или не имевшие занятий граждане. Оба

эти предложения были одобрены сенатом. Но затем сам Ливий Друз сразу положил конец успеху предложенных им уже реформ, сделав новое предложение, за которое Гракхам пришлось поплатиться не только своим общественным положением, но и жизнью. То было предложение *предоставить права гражданства всем союзникам в Италии*. Против Ливия Друза тотчас же восстали и всадники, и народ. К нему был подослан убийца, который и умертвил его в преддверии его собственного дома. После смерти Ливия Друза были отменены и все его законы.

Возбужденное Ливием Друзом предложение о даровании прав гражданства италийским союзникам, несмотря на его умерщвление, произвело повсеместное волнение. Сильное брожение прошло по всей Италии; повсюду раздались громкие требования равноправия. Союзники совершенно справедливо утверждали, что настало наконец время предоставить им после многократных пустых обещаний действительную награду в вознаграждение за понесенные ими в непрерывных войнах многочисленные тяготы. Раздражение с каждым днем увеличивалось все более и более; положение вещей становилось все опаснее и опаснее. Уже многие племена сабельского происхождения, как то: самниты, марсы, луканы, пелигны, марруцины и другие восстали против Рима и решили основать федеративную республику (то есть союз свободных государств) с главным городом **К о р ф и н и е м**, который впредь должен был называться Италикой. Они избрали двух консулов, марсийца **П о м п е д и я** и самнитянина **А п п о н и я**, двенадцать преторов и 500 сенаторов.

Поводом к началу открытого восстания послужила кровавая сцена в **А с к у л у м е** (в 91 году до Р. Х.). Этот город присоединился к союзу восставших городов. Тогда в Аскулум явился разгневанный проконсул **Кв. Сервилий** и произнес в театре речь, в которой упрекал жителей в вероломстве. Толпа бросилась на Сервилия и умертвила его со всеми римлянами, находившимися в городе. Вследствие этого в Риме было решено подавить опасное восстание силой оружия. Но римские военачальники **Юлий Цезарь** и **Рутилий**, посланные против мятежников, терпели поражение за поражением. От Рима отпадало все большее и большее число городов. В Риме были уже вынуждены посылать большую убыль в войсках вольноотпущенными рабами. Чтобы воспрепятствовать угрожавшему уже отпадению оставшихся еще верными союзников: латинян, этрусков и умбров, пришлось согласиться даровать им права гражданства. На юге между тем борьба продолжала свирепствовать с переменным успехом. Только с появлением **С у л л ы** она приняла благоприятный для Рима оборот (в 89 году до Р. Х.). После поражений, понесенных при Аскулуме и Ноле, марсы и пелигны заключили мир с Римом. Восстание самнитов было также подавлено в 88 году до Р. Х.

Чрезмерный наплыв новых граждан, которые целыми массами устремились в Рим и были включены здесь в 35 триб, оказался для Рима пагубным. Городская чернь возросла до бесконечности и обрати-

лась в весьма пригодное орудие, которым честолюбивые демагоги и другие предводители партий пользовались, в особенности при выборах, по своему произволу и усмотрению для своих собственных целей. Состав войска вследствие призыва в него новых элементов также совершенно изменился. Вместо войска, состоявшего из граждан, которые были воодушевлены исполнением своего долга и привыкли сражаться за отечество и священнейшие права, теперь явилось войско *с б о р н о е*, которое составилось по набору и призыву из среды беднейших классов народа и союзников и обратилось, говорит Момсен, в толпу ратников. Это новое войско никогда не было верно государству и бывало предано своим начальникам только тогда, когда они умели привязать его к себе. Шесть военачальников были умерщвлены своими собственными солдатами, и только один Сулла был в состоянии держать в повиновении это опасное войско и то только потому, что давал волю его диким страстям.

22. Митридат VI Эвпатор (130—63 гг. до Р. X.)

В это время в почти неизвестном до тех пор царстве *Понтийском*, лежавшем по берегам Черного моря, явился на престоле государь, который считал себя призванным подчинить своему владычеству всю Переднюю Азию. То был *Митридат* (Mithradates), прозванный своими современниками Великим. Уже на двенадцатом году своей жизни он лишился отца, павшего под ударами убийц, и обязан был своим спасением верным слугам. Они скрыли Митридата в лесистых горах, где среди опасностей и лишений он и развил свои телесные и духовные силы. Митридат был наделен такой необыкновенной памятью, что впоследствии мог говорить на всех языках 22 подвластных ему народов. После семилетнего изгнания он вернулся в свое царство, утвердился на престоле, заключил свою родную мать в темницу и умертвил своих братьев. Отличаясь неутомимой деятельностью, Митридат в то же время был предан всем порокам восточных деспотов. Коварство и жестокость, неразборчивость в выборе средств и недоверчивость к окружающим составляли отличительные черты его характера. К этому присоединялась неумолимая ненависть к римлянам.

*Митридат.
С античной монеты.*

Окруженный со всех сторон римскими шпионами, сборщиками податей, наместниками, военачальниками и солдатами, стесненный везде и во всем их высокомерными притязаниями, Митридат, подобно Ганнибалу, с самых юных лет задумал сделаться вечным врагом этого

народа. И действительно, римляне со времен Ганнибала не имели более страшного врага, чем Митридат. В течение целых тридцати лет боролся он с величайшими римскими полководцами и не был побежден ими. После каждого поражения восставал он еще грознее. Во время войн с ним Греция и Малая Азия были совершенно опустошены и само владычество Рима в этих странах чуть не было уничтожено.

Медленно и осторожно собирал Митридат свои силы, прежде чем открыто приступить к исполнению своего замысла, а замысел этот состоял ни более ни менее как в совершенном изгнании римлян из всей Азии. Митридат в изобилии собрал запасы всего, что необходимо для ведения продолжительной войны, заключил союз со своим зятем Тиграном, царем Армении, и с соседними скифскими племенами. Цари

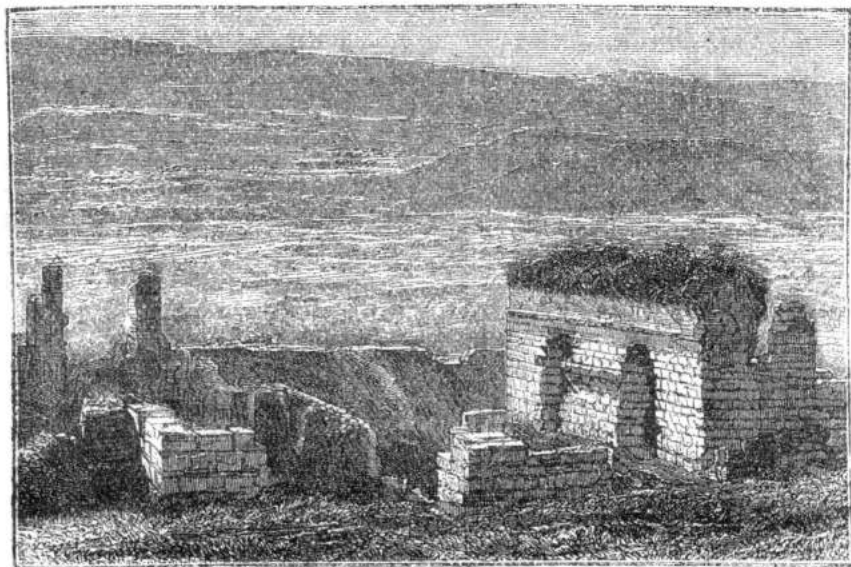
Монета Митридата.

Парфии, Сирии и Египта тайно благоприятствовали ему, и многие финикийские и египетские моряки поступили к нему на службу. Кроме Понта, Митридат владел Колхидой, прочими областями на восточном берегу Черного моря и полуостровом Крымом (Chersonesus taurica). Во время продолжительных войн он

завоевал Пафлагонию, Каппадокию, Вифинию, Фригию и почти всю переднюю Азию. Римский полководец Манний Аквиллий, который восстановил царя Вифинии Никомеда против Митридата, испытал на себе всю беспощадность его ненависти. Он был скован, высечен розгами, посажен задом наперед на осла и в таком виде провезен по всем городам, причем временами должен был сам громко объявлять, что он Аквиллий. Наконец с бесчеловечной насмешкой ему влили в горло расплавленное золото.

Объехав все завоеванные им с необыкновенной быстротой области, Митридат перенес свою столицу из Синопа в Пергам, бывший до тех пор местопребыванием римского наместника. Чтобы заставить малоазиатские города совершить такое ужасное злодеяние, которое бы совершенно оттолкнуло их от римлян, Митридат дал всем своим наместникам позорное «кровавое эфесское повеление» — в один заранее назначенный день умертвить всех римлян и итальянцев без различия пола и возраста и отобрать от них имущество. При этом случае обнаружилась в полной мере вся ненависть, какую навлекли на себя римляне. Ужасное приказание было приведено в исполнение всеми городами с истинным наслаждением, и в один день римское имя было с корнем вырвано в Азии. Число убитых римлян простиралось до 80 000 человек. Только остров Родос и очень немногие города не приняли никакого участия в этой кровавой резне. Остров Родос отбил даже нападение Митридата и остался верным римлянам (в 89 году до Р. Х.). Итак, Малая Азия была потеряна для Рима.

В это же самое время в Италии свирепствовала Союзническая война, и это обстоятельство как нельзя более благоприятствовало царю и доставило ему желанный досуг, которым он и воспользовался, чтобы восстановить против Рима сколь возможно большее число народов. В то время как из Пергама, как из центрального пункта, всеми предприятиями руководил сам Митридат, старший сын его управлял из Синопа понтийскими областями. Одно из сухопутных войск выступило во

Развалины гимназии в Эфесе.

Фракию и Македонию; полководец Митридата Архелай высадился в Греции, был принят здесь с восторгом и избрал Афины своим главным сборным местом. Афиняне, продолжая по-прежнему оставаться легкомысленным народом, дали убедить себя одному из народных ораторов, софисту Аристиону, сбросить с себя римские цепи и тем подать пример остальным грекам. Затем Архелай прошел всю Грецию и привлек на свою сторону лакедемонян, ахейн, беотийцев и других. Эвбея и прочие острова, за исключением Родоса, готовы были уже присягнуть Митридату. Почти вся Эллада была уже во власти Митридата, и опасность, казалось, угрожала самой Италии, а именно Нижней Италии, или так называемой Великой Греции. Но еще прежде, чем возгорелась первая война с Митридатом, в самом Риме вспыхнула первая гражданская война.

По мнению суеверных римлян, уже необыкновенные предзнаменования (*prodigia*) предвещали страшное бедствие. Так, на глазах множества людей три ворона пожрали собственных своих птенцов; мыши обгрызли золото в одном из храмов; когда же поставили мышеловку и

туда попала мышь, то она родила пятерых мышат и трех из них тут же сама сожрала. При совершенно ясном небе послышался звук трубы, которую, однако, никто не видел, а когда в храме Беллоны собрался сенат, чтобы узнать у гаруспициев (гадателей по внутренностям животных), что означают все эти непостижимые явления, в храм влетел воробей с саранчой в клюве и обронил часть ее на собрание.

23. Первая гражданская война. Марий и Сулла (88 г. до Р. Х.)

В 88 году Сулла был избран консулом и получил в свое управление провинцию Азию и поручение вести войну против Митридата. Сулла был уже готов отправиться к войску, собранному в Кампании после Союзнической войны, когда престарелый, почти семидесятилетний Марий, все еще мучимый честолюбием и сильнейшей завистью к своему юному сопернику, неожиданно собрал себе среди народной черни партию и с помощью трибуна Сульпиция произвел в народе волнение.

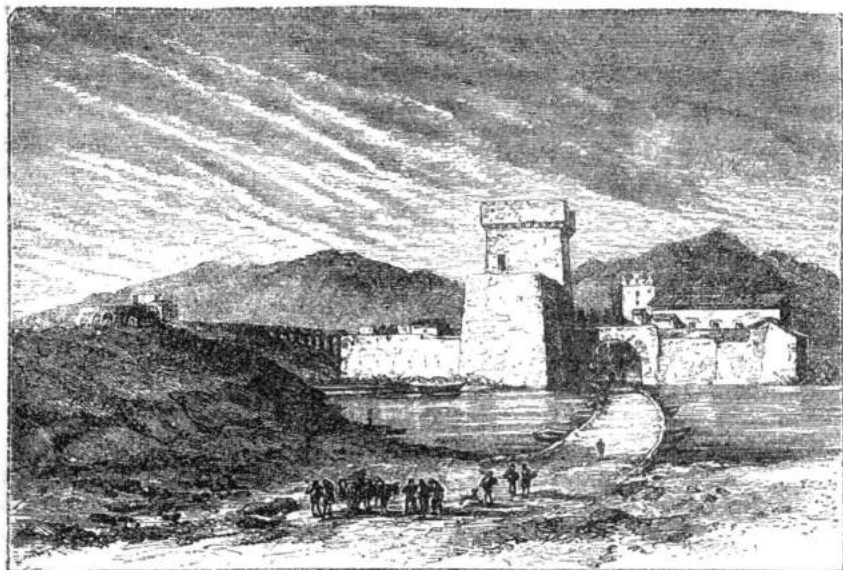
Сульпиций содержал 3000 гладиаторов и всегда был окружен 600 всадниками, которых он называл своим «антисенатом». Они должны были, вооруженные, сопровождать его на городскую площадь, когда он желал провести какое-нибудь предложение. Сульпиций приказал силой разогнать с форума всех тех, кто воспротивился предложению распределить между всеми 35 трибами италийцев, получивших права римских граждан. В числе противников предложения Сульпиция находились и оба консула: Сулла и Квинт Помпей Руф. Сулла спасся только тем, что скрылся в дом Мария и дал обещание не оказывать более никакого сопротивления предложению Сульпиция. Сын Помпея был умерщвлен. После этого предложение Сульпиция было одобрено народом. Вторым решением народного собрания Сульпиций заставил отнять у Суллы полученное уже им на законном основании главное начальство в войне с Митридатом и передать это начальство Марию.

Сулла.
С античной статуи.

Между тем Сулла тайно бежал из Рима в лагерь под Нолой. Два военных трибуна, посланные Марием, потребовали от Суллы, чтобы

он сдал ему войско. Но солдаты утервили трибунов, и Сулла во главе шести легионов выступил против Рима. Сенат послал Сулле приказ остановиться, но он не обратил внимания на повеление сената и, подобно врагу, ворвался в город. Граждане оказали сопротивление. Марий и Сульпиций укрепились в Капитолии. Марий обещал даже свободу всем рабам, которые согласятся защищать отечество. Но все было напрасно. Сулла потребовал полной покорности и грозил поджечь город со всех концов, если хотя один человек окажет ему вооруженное сопротивление. В ужасе и боязливом ожидании граждане заперлись в

Минтурны.

своих домах и не смели показаться на улице. Марий, Сульпиций и все те, кто имел какие-либо причины опасаться раздраженного властителя, бежали. Сульпиций был достигнут в своем бегстве и умерщвлен; голова его была воткнута на ораторской трибуне. Марию, напротив, удалось спастись посреди многих приключений и опасностей. Некоторое время он скрывался в болотах в окрестностях Минтурн. Здесь нашел его один из его личных врагов, житель Террацины, и выдал властям Минтурн. Так как никто не решался принять на себя исполнение над Марием смертного приговора, то убить его в темнице подослали одного кимвра. При его входе Марий воскликнул громовым голосом: «И ты дерзнешь поднять руку на Гая Мария?» При этих словах холодная дрожь пробежала по всему телу кимвра, и он в ужасе выбежал из темницы. Марий был выпущен на свободу, удалился в Северную Африку и высадился там близ Карфагена. Однако тамошний претор запретил

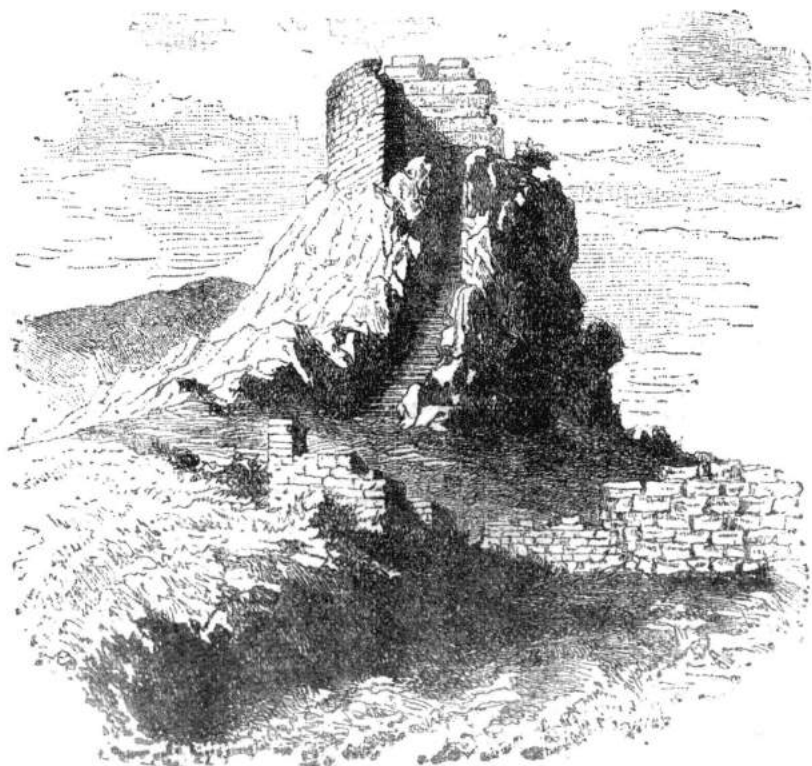
ему дальнейшее пребывание. Марий отвечал посланному: «Возвести твоему господину, что ты видел Мария сидящим на развалинах Карфагена». Отсюда Марий отправился в Нумидию, а затем на остров Керкину, чтобы здесь выжидать более благоприятных известий.

Сулла, как только завладел Римом, немедленно созвал народное собрание, которым были отменены все законы, установленные предшествовавшими представителями власти. Власть народного собрания и народных трибунов была ограничена, а сенату, усиленному назначением в него 300 новых сенаторов, было предоставлено право, в силу которого без его предварительного одобрения не могло быть вносимо на утверждение народного собрания никакое предложение о новых законах. Марий, Сульпиций и десять других их приверженцев были объявлены врагами отечества (присуждены к опале), то есть имущества у них были отобраны, а головы их оцены.

Во время этих революционных событий истек годичный срок консульства Суллы. Он удовольствовался тем, что отправился в Азию в звании проконсула. Но перед своим отъездом Сулла взял с двух консулов, Октавия и Цинны, клятвенное обещание не предпринимать в его отсутствие никаких нововведений.

24. Первая война с Митридатом (87—84 гг. до Р. Х.)

Низвергнув партию Мария, Сулла немедленно отправился со своим войском в Грецию. Афины, возбужденные Аристионом, оказали упорнейшее сопротивление. Против них пришлось вести правильную осаду. Чтобы достать лес, необходимый для постройки осадных машин, Сулла приказал вырубить прекрасную рощу, известную под названием Академии. А так как солдаты Суллы жаждали только добычи и одной только добычи, то для удовлетворения их алчности он разграбил сокровища дельфийских храмов. Осажденные афиняне скоро стали испытывать страшный голод; они питались травой и варили кожу со своей обуви и меха, в которых сохранялось вино. Когда наконец римлянам удалось по штурмовым лестницам проникнуть в город с его слабой стороны (в 86 году до Р. Х.), солдаты с страшным неистовством предались убийствам и грабежу. Старинные стены Пирея были разрушены с помощью стенобитных машин. Понтийский полководец Архелай покинул со своими кораблями афинскую гавань и направился к северу, чтобы соединиться с войском Митридата в Беотии. При Херонее (в 86 году до Р. Х.) и при Орхомене (в 85 году до Р. Х.) произошли сражения. При Херонее Сулла одержал блестящую победу. При Орхомене солдаты его хотели уже обратиться в бегство, но Сулла, соскочив с коня, вывал знамя из рук знаменосца и воскликнул: «Римляне! здесь умру я со славой, и когда вас спросят, где вы изменили своему полководцу, отвечайте: при Орхомене!» С этими словами он

Развалины Орхомена.

бросился на неприятеля. Пристыженные такой речью воины кинулись за Суллой и одержали победу.

После этих событий Митридат при посредстве Архелая предложил Сулле заключить мир, но условия Суллы показались Митридату слишком неумеренными. Они заключались в следующем: Митридат должен отказаться от всех своих завоеваний, выдать 70 кораблей и уплатить 3000 талантов. Царь был в нерешительности. Чтобы придать большую весомость своим требованиям, Сулла переправился через Геллеспонт и разграбил все города, через которые проходил. Отпавшая Малая Азия должна была уплатить военную контрибуцию в 20 000 талантов (47 миллионов рублей) и внести подати за последние пять лет, вследствие чего попала в руки римских ростовщиков. Солдатам, размещенным по квартирам горожан, был предоставлен над ними полный произвол. Каждый хозяин был обязан помещенному у него солдату давать ежедневно по 16 драхм (более трех рублей) и доставлять ему и его друзьям, сколько бы ни заблагорассудилось ему пригласить их, стол по его желанию. Каждый центурион мог ежедневно требовать по 50 драхм (10 рублей) и новое платье.

Между тем партия Мария отправила под начальством Валерия Флакка свое собственное войско в Азию, чтобы вести войну с Митридатом. Флакк был скоро умерщвлен находившимся под его начальством военачальником Фимбрией. Фимбрия так сильно стеснил Митридата, что последний должен был не только очистить Пергам, но даже искать спасения в бегстве. Тогда Митридат уступил и отправился для личных переговоров с Суллой в Д а р д а н (в 84 году до Р. Х.). Эти переговоры повели к заключению мира на вышеизложенных условиях. Такой оборот дела был как нельзя более желателен для Суллы, так как до него давно уже стали доходить из Рима неблагоприятные известия. Супруга Суллы вынуждена была бежать из Рима к нему в лагерь. В Риме произошел переворот, во время которого имущество Суллы было разграблено, а дома его были обращены в пепел. Сулла быстро двинулся против Фимбрии. Фимбрия хотя и имел вначале некоторый успех, но вскоре был покинут своими солдатами, которым служба у Суллы представлялась более выгодной. Покинутый своими воинами, Фимбрия лишил себя жизни. Теперь Сулла мог подумать о своем возвращении в Рим. Неохотно покидал он со своим войском страну, которая обещала ему в будущем такую богатую добычу, и ему пришлось употребить все красноречие, чтобы успокоить своих солдат и примирить их с обратным походом. Только обещаниями больших денежных сумм и раздачи имений, которые он намерен был привести в исполнение после разгрома партии Мария, мог он утешить солдат.

25. Л. Корнелий Цинна. Смерть Мария (87—85 гг. до Р. Х.)

Со стороны Суллы было большой ошибкой, что он перед своим отъездом ради сохранения популярности необдуманно предоставил консульство Цинне, властолюбивому демагогу, который немедленно стал добиваться отмены постановлений Суллы, возвращения изгнанных друзей народа и включения в старые трибы многих тысяч новых граждан. Это доставило Цинне столько приверженцев, что сенату снова пришлось трепетать перед своим собственным консулом. И действительно, Цинна не иначе появлялся теперь в народном собрании, как

Монета Цинны.

в сопровождении многочисленной свиты клиентов со скрытыми под плащами кинжалами. Это послужило поводом для сотоварища Цинны, Октавия, принять и со своей стороны такую же предосторожность, последствием чего было то, что однажды на площади произошло кровавое побоище, при котором было убито более 10 000 человек. К счастью, победа осталась за лучшей партией, и Цинна вынужден был бежать из Рима, где на его место тотчас же был избран другой консул.

Но Цинна бежал лишь для того, чтобы возвратиться еще более страшным (в 87 году до Р. Х.). В это время в Средней Италии находились еще три римских войска, которые со времени Союзнической войны не были еще распущены. Цинна привлек обещаниями одно из этих войск на свою сторону и вызвал из Африки престарелого Мария. Марий высадился в Этрурии и быстро собрал вокруг себя войско из 6000 этрусков. С этим войском он присоединился к Цинне. Затем они оба, дыша мщением, двинулись на Рим. Октавий собрал в городе войско, но так как он повел солдат не туда, куда они сами хотели, то они покинули консула и предложили молодому Метеллу быть их полководцем. Благородный юноша совершенно справедливо стал упрекать воинов в их постыдном неповиновении и убеждал их возвратиться к Октавию, но вместо этого они все бежали из города и перешли к Цинне.

Таким образом сенат и город остались беззащитными, и им ничего другого не оставалось, как войти в соглашение с Цинной и Марием и постараться заручиться их расположением. Обоим им было предложено вступить в город, причем их просили пощадить кровь граждан. Цинна принял посланных в консульской одежде и сидя в консульском кресле; а возле него — безмолвный, с мрачным взглядом — стоял Марий. Их вступление в город было ужасно. Марий шел окруженный, ради охраны, вооруженной стражей из нескольких тысяч рабов, которых он привлек к себе обещанием свободы. Всякий, на кого он указывал, был тотчас ими убиваем. Малейший знак Мария стоил жизни кому-нибудь из его врагов. Консул Октавий и многие сенаторы, и в их числе оратор М. Антоний, были умерщвлены. Марий разослал солдат во все дома своих прежних противников и приказал отрубленные головы последних приносить к нему и складывать их перед ним на стол. Прежний сотоварищ Мария Катул уморил себя угаром, не дожидаясь приговора над собой военного суда. В престарелом воине, казалось, умерло всякое чувство человеколюбия, и даже сам Цинна пришел в ужас от его поступков. Без малейшего возражения Цинна и Марий, последний в седьмой раз, заставили избрать себя консулами на 86 год. На восемнадцатый день своего консульства Марий умер от многочисленных ран и треволнений на 71-м году своей жизни. Он оставил своему сыну богатство, которого, по словам Плутарха, хватило бы на многих царей. После смерти Мария грозное правление продолжалось еще несколько дней, пока Кв. Серторий, благородный муж, который, ненавидя Суллу, лишь поневоле пристал к партии Мария, не напал в одну ночь с

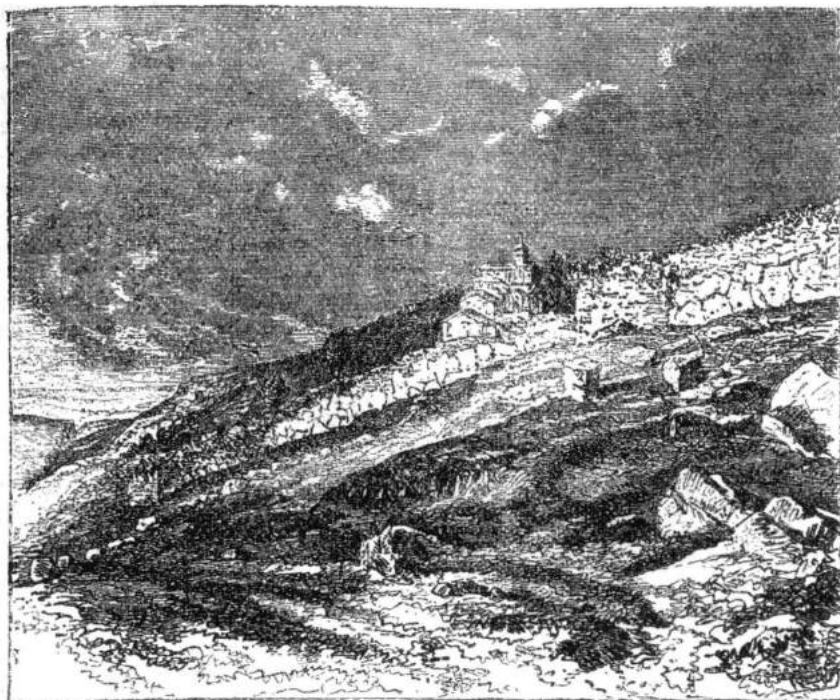
отрядом опытных солдат на разбойничье скопище в их собственном лагере, причем погибло 4000 человек этих подлых разбойников.

Прошло еще много времени, пока улицы Рима могли быть очищены от крови и бесчисленных трупов павших от руки рабов. Город казался вымершим, так как никто не решался показываться в народе иначе, как в качестве сторонника тиранов. Многие сенаторы и супруга Суллы бежали к нему в лагерь. Затем Цинна выбрал своим сотоварищем Валерия Флакка и послал его в Азию против Митридата и Суллы. О том, что случилось с Валерием Флакком, рассказано было выше.

26. Возвращение и грозное правление Суллы; перемены в государственном устройстве; удаление и смерть Суллы (83—78 гг. до Р. Х.)

Владычество партии Мария, установившееся в правление Цинны, быстро приближалось к своему завершению. Уже распространился слух, что Сулла окончил победоносно войну с Митридатом и находится уже на обратном пути в Италию. Скоро слух этот вполне подтвердился. Сулла отправил сенату письмо, в котором описывал свои заслуги пред отечеством и козни своих врагов и возвещал вместе с тем о своем возвращении и твердом решении отомстить этим врагам. Сторонники Мария знали очень хорошо, что то не были одни пустые угрозы: Сулла имел в своем распоряжении войско, хотя и уступавшее войску марianцев по своей численности, но состоявшее все-таки из 40 000 человек хорошо обученных, испытанных и преданных ему воинов; войско же партии Мария насчитывало в своих рядах 200 000 человек, но оно было набрано из своевольных, вероломных и жаждающих добычи людей. Цинна собрал свои войска и хотел идти с ними в Грецию навстречу наступающему неприятелю. Но солдаты его возмутились, а когда он хотел употребить силу, убили его (в 84 году до Р. Х.).

Весной 83 года до Р. Х. Сулла высадился в Брундузии. Ни одно из войск партии Мария не оказало ему сопротивления. К этому присоединилось еще и то обстоятельство, что во главе этих войск стояли неспособные предводители, какими были, например, Г. Норбан и Л. Сципион. Многие перешли на сторону Суллы, другие бежали в Верхнюю Италию. Туда последовали за ними легаты Суллы и между ними молодой Гней Помпей, чтобы истребить их. Сильнейшее сопротивление Сулла встретил перед расположенной на скале Пренестой, в которой укрепился сын Мария. Сулла предоставил осаду Пренесты одному из своих легатов, а сам двинулся на Рим. Под его стенами Сулле пришлось выдержать кровопролитное сражение с храбрыми самнитянами, луканами и кампанцами, бывшими под начальством Понция Телезина. Победу над ними доставил Сулле Марк Красс, который командовал его правым флангом. Затем торжеству-

Пренеста.

щий Сулла вступил в город, который со страхом и трепетом ожидал его кровавой расправы.

Наконец сдалась и Пренеста после того, как молодой Марий сам лишил себя жизни. Военачальники Суллы преследовали оставшихся еще марианцев через всю Италию, даже в Испании и Африке, причем 24-летний Помпей так отличился, что Сулла при его возвращении в Рим вышел к нему навстречу со свитой, дал ему титул Великого и исходатайствовал ему триумф, хотя тот не был не только консулом, но даже и претором. Великолепный триумф самого Суллы в честь победы его над Митридатом продолжался два дня; во время этого триумфа несли напоказ более девяти миллионов рублей (на наши деньги), которые затем были сданы в государственное казначейство.

Едва Сулла увидел себя повелителем Рима, как дал волю самому свирепому мщению. Прежде всех испытали на себе его ярость бедные граждане Пренесты за то, что так долго ему сопротивлялись. Он приказал своим солдатам выгнать их на обширную площадь — их было 12 000 человек — и всех до одного расстрелять стрелами. Из числа войск Мария 6000 человек, в числе которых находилось множество самнитян и раненый их предводитель Понций Телезин, сдались добровольно, так как Сулла обещал им помилование. Сулла приказал согнать их на рим-

ское ристалище, где они в страшной неизвестности ожидали своей участи. Затем на ристалище вступил вооруженный легион и запер позади себя вход решеткой. Тогда один из начальников скомандовал, и солдаты бросились на 6000 несчастных и стали рубить их; временами солдаты, утомившись, отдыхали, а затем, после непродолжительной остановки, снова продолжали свою кровавую работу. Рядом с ристалищем находился храм Беллоны. В этот храм в это самое время Сулла созвал сенат и излагал ему с величайшим хладнокровием одно предложение.

В открытые окна храма доносились крики и стоны умирающих. Сенаторы ужаснулись. «Успокойтесь, — произнес Сулла, — и не заботьтесь о том, что там происходит; там находится лишь несколько бесполезных людей, которых наказывают по моему приказанию».

Затем Сулла перешел к п р о с к р и п ц и и, то есть к опале тех, кого он считал за приверженцев Мария. Для сторонников Суллы это было равносильно полному разрешению на убийство, грабеж и другие насилия, и этим правом месть и алчность пользовались самым ужасающим образом. Все узы крови, дружбы, гостеприимства, святости были порваны. Сын убивал отца, раб господина, брат брата. Всякий, кто имел врага или просто кредитора, все равно, к какой бы партии тот ни принадлежал, помещал его в список подлежащих проскрипции, приказывал убить его и присваивал себе его имущество. Столь обесславивший себя впоследствии Катина

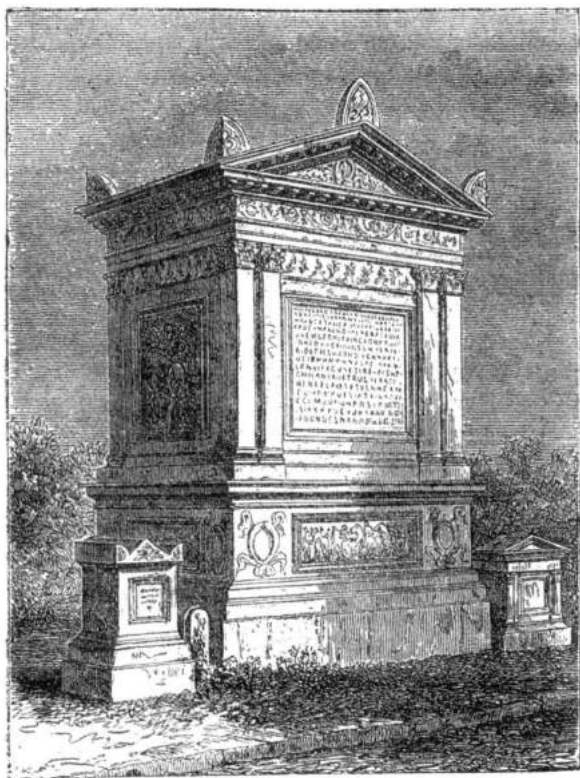

*Жрец Беллоны.
С античного барельефа.*

лина убил своего собственного брата, а затем просил Суллу внести его в список проскрипции. Принадлежавшие к сословию всадников богатые купцы и олигархи представлялись лучшей добычей; должностные лица также не были пощажены, ибо с их смертью освобождались доходные должности. Подобно тому, как два года назад неистовствовали приспешники Мария, так теперь шайки приверженцев Суллы купались в крови граждан. Всякая старинная личная ненависть возникала теперь с новой силой. Всякое желание, в котором некогда было отказано, удовлетворялось теперь насильственно. Никто не смел под угрозой смертной казни давать у себя убежище приговоренному к опале или помочь ему в бегстве. Сам Сулла показал тому страшный пример. Он приказал разрыть могилу Мария, бросить прах его в Анио и свалить памятники в честь его побед. Усыновленного Марием его племянника, любимого народом претора М. Мария Гратидиана, Сулла приказал предать страшным мучениям, а затем казнить на могиле умершвлен-

ного Катула. Для того, чтобы ни один из приговоренных не избег своего убийцы, Сулла оценил голову каждого из осужденных в 12 000 динарий (5600 р.). Эта приманка настолько подействовала, что можно было видеть ежечасно, как убийцы с отрубленными головами в руках входили в дом Суллы и выходили оттуда обратно, нагруженные золотом.

В то самое время, когда весь город походил на бойню, Сулла каждый вечер веселился за роскошным столом в обществе плясунов, фигляров и развратных женщин, без которых он никогда не мог обходиться.

Надгробный памятник одного вольноотпущенника на Аппиевой дороге. Реставрация Канины.

ся. Один из подчиненных ему военачальников осмелился однажды спросить его, когда будет конец убийствам. «Мы вовсе не желаем, — продолжал он, — просить за тех, кого ты решил лишить жизни, но спрашиваем лишь из неуверенности, кого ты хочешь оставить жить». — «Я и сам этого еще теперь не знаю, — отвечал Сулла, — пока возьми вот это!» Он подал ему лист, на котором были написаны имена 80 знатных мужей, приговоренных им к смерти. На следующий день Сулла приказал казнить еще 220 человек и вскоре затем еще столько

же. При этом Сулла сказал в одной публичной речи, что пока он осудил только тех, чьи имена пришли ему на память, и что впоследствии наступит очередь и тех, имена которых он не может еще теперь припомнить.

Когда наконец убийства прекратились и можно было спокойнее размышлять о совершившихся ужасах, то оказалось, что в это страшное время, по приблизительному расчету, погибло 15 консулов и консуларов (то есть бывших консулов), 90 сенаторов, 2600 всадников и более 100 000 римских граждан.

Так как после этих казней бесчисленное множество домов, поместий и земель опустели и остались никому не принадлежащими, то Сулла раздарил их своим друзьям и любимцам. Один из его вольноотпущенников мог соперничать с царями в великолепии своих поместий и богатством картин и статуй. Марк Л и ц и н и й К р а с с, будущий триумvir, при продаже столь громадного количества имений, рабов и домов положил основание своему колоссальному богатству. Он утверждал, что тот не мог называться богатым, кто не мог содержать на свои средства целого войска. Сулла не упустил, впрочем, случая и для собственного своего обогащения.

Однако 120 000 солдат, которых новый властитель Рима должен был отблагодарить за доставленную ему власть, не были еще обеспечены. Сулла послал их в Этрурию, Лациум и Кампанию с повелением силой выгнать местных союзников из их жилищ и разделить между собой их дома и поля. Таким образом был выгнан из своих хижин бедный народ, и этим несчастным не оставалось ничего другого, как соединиться в разбойничьи шайки и снова грабить и убивать других. Между тем новые поселенцы сделались для Суллы надежной опорой в провинции. Для того, чтобы иметь подобную же надежную опору и в Риме, Сулла даровал свободу 10 000 рабам, наделил их полями приговоренных к опале и предоставил им римское гражданство. Все они получили название к о р н е л и е в и всегда составляли надежную охранную стражу Суллы, когда он появлялся среди народа.

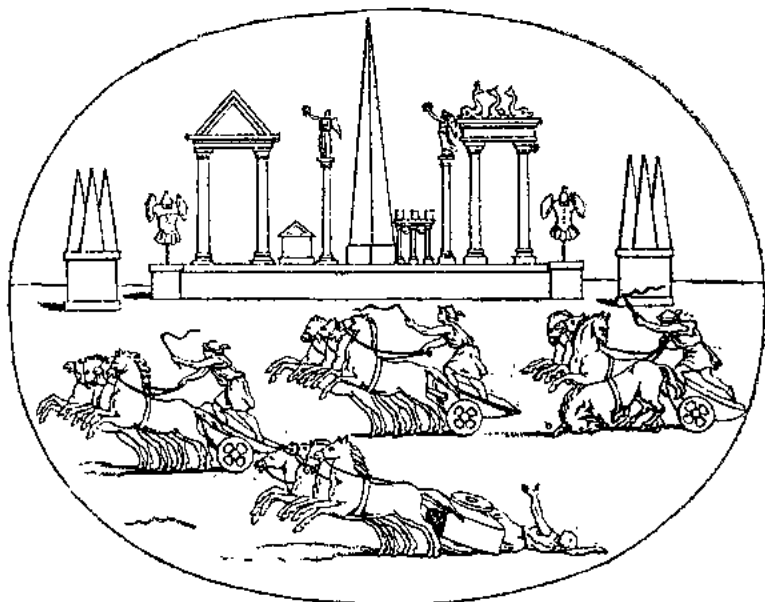
Затем Сулла заставил избрать себя пожизненным диктатором для того, чтобы сосредоточить в своей особе всю совокупность власти, то есть власть законодательную и судебную, которая до тех пор была разделена между различными должностями и народным собранием. Вооруженный такими полномочиями, Сулла получил возможность приступить к переустройству государства. Что он подразумевал под этим, должно было скоро обнаружиться. Демократия с ее революционными волнениями внушала ему отвращение. Ее надлежало вырвать с корнем. Это было достигнуто восстановлением аристократически-олигархического правления сенатской партии. Чтобы достигнуть этой цели, Сулла шел вперед, не щадя никого и ничего на своем пути. Уже выше было упомянуто о той решительной мере, которою он начал преобразование государственного устройства, а именно об основании военных колоний в Этрурии, Лациуме и Кампании. Эти новые поселен-

цы получили римское гражданство и, готовые повиноваться во всякое время призыву сената, составляли известный род военного надзора за беспокойными элементами населения. Еще тягостнее для народной партии должно было оказаться ограничение прав народных трибунов. На будущее время инициативой, то есть правом внесения на утверждение в народное собрание законов, трибуны могли пользоваться не иначе как с разрешения на то сената. Далее, тот, кто занимал должность трибуна, тем самым лишался права на получение высшей государственной должности. Правило это установлено было с той целью, чтобы способных и старательных людей заставить пренебрегать должностью трибуна и тем самым не заграждать себе дороги к высшим должностям. Судебная власть была отнята у сословия всадников и возвращена сенату. У всадников также было отнято право, приносившее им большие выгоды, право брать на откуп взимание пошлин и налогов в провинции Азии. Во время народных празднеств и в театрах с этого времени всадники могли занимать места только на плебейских скамьях. Но для того, чтобы не раздражать окончательно это сословие, Сулла избрал из его среды 300 членов в новый сенат. Сословие сенаторов, сильно поредевшее в своем составе, Сулла пополнил, кроме того, приемом в него второстепенных военачальников и своих любимцев. Вместо прежних 500 сенат заключал теперь в себе 600 членов.

Сенат должен был иметь надзор за всеми правительственными действиями, за делами управления и за отправлением правосудия. Затем цензорство, которое благодаря своим обширным полномочиям постепенно возросло в своем значении и сделалось одной из важнейших государственных должностей, не могло быть так оставлено, и значение его должно было быть ограничено. Право надзора за правами было отнято у цензоров, и за ними осталось лишь одно финансовое значение: надзор за общественными постройками и ведение списков гражданам, по которым устанавливались податная и служебная повинности. Вместо цензуры были введены полицейские законы против роскоши на пирах, при погребениях и т. д. с целью воспрепятствовать все более и более усиливавшимся преступлениям. Далее были изданы строгие законы, каравшие изготовление фальшивой монеты, отравление, подделку духовных завещаний, неправильное домогательство государственных должностей, поджигательство, убийство вообще, убийство отца, матери и родственников и государственную измену.

Восстановив порядок и спокойствие, Сулла устроил великолепные игры для того, как выразился он, чтобы потешить народ после столь многочисленных трудов и лишений. Между прочим Сулла задал на площади всему римскому народу роскошный пир, который продолжался несколько дней, причем вино лилось рекой, а блюд подавалось так много, что остатки их ежедневно выбрасывались в Тибр. Сам Сулла проводил каждый вечер за роскошными пиршествами, а ночи — в бесстыдных оргиях.

Хотя к такой личности, как Сулла, нельзя относиться без содрогания, но к этому чувству все-таки невольно примешивается и чувство известного уважения, возбуждаемое тем необыкновенным дарованием, благодаря которому он, хотя и ужасными средствами, но в такое короткое время сумел положить конец долго продолжавшимся смутам и водворить среди одичавших римлян порядок и повиновение. Задачу свою водворить мир и спокойствие Сулла выполнил настолько успешно, что при жизни его никто не осмелился даже попытаться возбудить какую-либо смуту. При этом он всегда имел в виду общее благо, и, до-

*Ристалище.
С античного изображения.*

ведя дело до конца, без всякого постороннего принуждения, сам добровольно сошел с политической арены. Никто не верил ушам своим, когда этот человек, перед которым все трепетало, когда он в предшествии 24 ликторов проходил по улицам, появился без всякой свиты на ораторской трибуне и обратился к народному собранию с приглашением; если кто имеет что-нибудь против него высказать, чтобы не боялся этого сделать, так как он готов дать отчет в своих действиях и упущениях. Но страх все еще сковывал уста всем, и все хранило глубокое молчание. Сулла сошел с ораторской трибуны и без всякой вооруженной свиты пошел один пешком к себе домой. Только один юноша пошел вслед за Суллой и с бранью дошел до дверей его дома. Тут Сулла обернулся и сказал ему спокойным тоном: «Ты будешь виной того, что впоследствии ни один диктатор не сложит добровольно своего досто-

инства». Несколько дней спустя Сулла удалился в свое поместье Путе-оли. Здесь он описал достопамятные случаи своей жизни, но эти записки, к сожалению, потеряны, однако Плутарх пользовался ими во многих его биографиях. Остаток жизни Сулла проводил в охоте, рыбной ловле и в пирах. Он умер в 78 г. до Р. Х. на шестидесятом году от рождения от кровотечения, а по другим известиям, от мучительной болезни, бывшей последствием его развратной жизни. Тело Суллы торжественно было перенесено в Рим, предано на Марсовом поле сожжению, а затем прах его был погребен рядом с усыпальницами цезарей.

**27. Смуты после смерти Суллы;
Лепид (78—77 гт. до Р. Х.);
Серторий (80—72 гт. до Р. Х.);
Спартак (73—71 гт. до Р. Х.)**

Едва Сулла, которому удалось приостановить безобразный ход римского государственного строя, сошел с политической арены, как тотчас же возобновились смуты, постоянно нарушавшие внутренний и внешний мир государства. Ни один из полководцев, которые вышли из школы Суллы, ни Помпей, ни тем более Красс или Лепид, а ранее их Лукулл, не обладали ни той твердостью воли, ни теми умственными способностями, которыми отличался Сулла, тогда как противная партия имела еще отличного руководителя. По следам Мария смело и счастливо выступил Серторий.

Начало новым смутам положил М. Э м и л и й Л е п и д — отец будущего триумвира. Состоя в должности наместника Сицилии, он отличался таким непомерным лихоимством, что должен был опасаться жалоб на свои злоупотребления и, желая избежать этого, отпал от партии Суллы и стал домогаться отмены его законов. Не успев в своих происках об отмене этих законов, Лепид пошел путем насилий, собрал войско в Этрурии, но был без особого труда разбит Помпеем и Катуплом. Войско Лепида рассеялось и затем по частям присоединилось к войску марианцев в Испании, которым предводительствовал Серторий.

Несравненно труднейшим делом было укрощение Кв. Сертория. Серторий, человек с выдающимся военным дарованием и благородным образом мыслей, осужденный Суллой, бежал в Испанию и собрал там вокруг себя остатки марианцев. К Серторию с радостью примкнули лузитане, которые видели в нем второго Вириата и надеялись с его помощью сбросить с себя ненавистное римское иго. В течение многих лет Серторий вел партизанскую, или так называемую Малую войну. Пользуясь с необыкновенным искусством гористой и пересеченной местностью и укрепленными городами, он с успехом боролся с войсками сената даже под начальством такого искусного полководца, каким был Кв. М е т е л л П и й. Серторий замышлял даже совсем от-

торгнуть от Рима Испанию. Он образовал настоящую республику со своим особенным государственным устройством. Во главе ее находился сенат, состоявший из 300 членов, который назначал должностных лиц и военачальников. Насколько опасен был Серторий для Рима, можно заключить из того обстоятельства, что даже Митридат считал для себя выгодным заключить с ним союз. Восстание принимало все более и более угрожающий характер. Даже тогда, когда «старую бабу»,

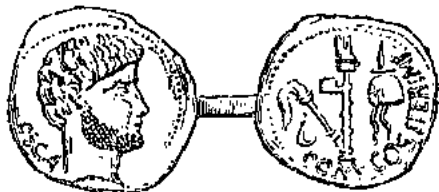

*Помпей.
С античной статуи.*

как Серторий имел обыкновение называть Метелла, сменил «мальчик» Помпей, в делах не произошло ни малейшей перемены. Несмотря на свое превосходство, Помпей не в состоянии был победить своего противника. Римское войско истощалось в бесчисленных схватках и неслыханных трудах непрерывных походов и в отражении постоянных набегов. Кроме того, оно испытывало чувствительный недостаток в продовольствии. Но Сертория подстерегла измена в собственном стане и привела его к гибели.

Завистливый Перперна, находившийся под начальством Сертория, устроил против него заговор. Серторию сообщили в письме о мнимой победе одного из подчиненных ему военачальников. Серторий должен был присутствовать на празднестве его в городе Оске. Он отправился на праздник. Пир шел горой. Вино лилось рекой, и винные пары развязали всем языки. Эта разнузданность и дикость сделались противны Серторию. Глубоко возмущенный, он отвернул свое лицо от этого позорного зрелища. В это самое мгновение Перперна уронил на пол серебряный кубок, наполненный вином. То был условленный знак. Первый удар кинжалом нанес М. Антоний, сидевший рядом с Серторием; затем бросились и остальные. Пораженный насмерть Серторий испустил свой благородный дух. Теперь Риму нечего было более опасаться, чтобы Серторий, подобно «второму Ганнибалу», перенес войну из Испании в Италию.

Хотя Перперна и присвоил себе главное начальство, но не был человеком, способным удержать в повиновении войска, уже колебавши-

Монета города Оски.

еся в своей верности. Воины, как из местных жителей, так и из римлян, начали разбегаться целыми толпами, и ослабленное вследствие сего войско рассеялось при первом столкновении с Помпеем и Метеллом. Затем Помпей успокоил страну скорее

благодаря своему кроткому и миролюбивому обращению, чем строгостью. Строго отнесся он только к одному недостойному Перперне. Перперне не помогло даже и то обстоятельство, что он передал Помпею всю переписку Сертория. Помпей со свойственным ему великодушием бросил в огонь все эти бумаги, которые сильно могли компрометировать достойного уважения человека, а изменника предал в руки палача.

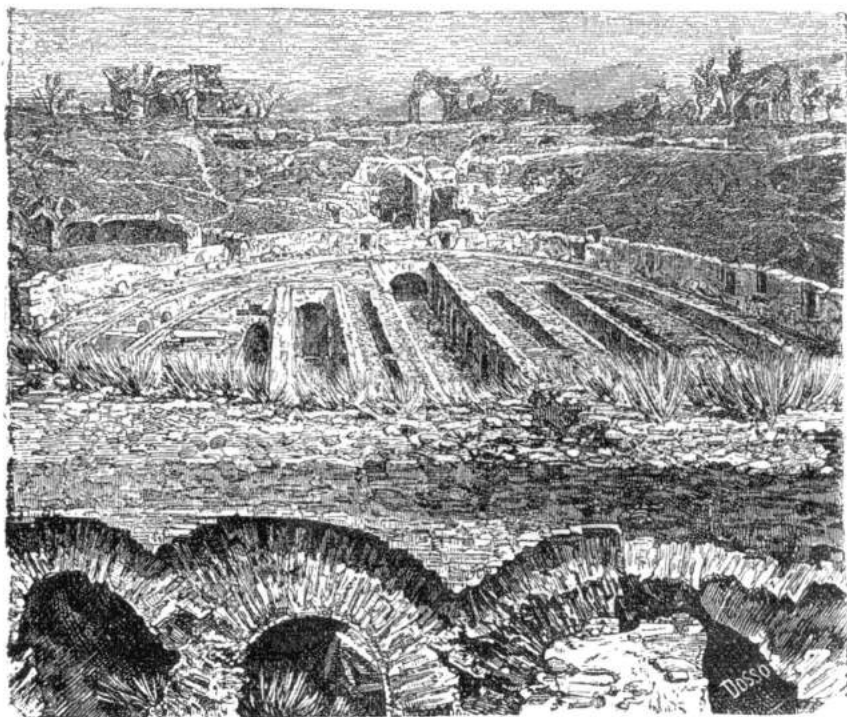
Счастье, доставившее Помпею в Испании столь дешевые победные лавры, так как большая часть заслуги, собственно говоря, принадлежала Метеллу, еще долго благоприятствовало ему.

В обратном походе из Испании на родину Помпей наткнулся на остатки войска восставших рабов, которое под начальством Спартака два года победоносно сражалось с римскими легионами и только под конец было разбито при реке Силаре Марком Лицинием Крассом.

Положение рабов, число которых благодаря военнопленным, захваченным во время многочисленных походов, возросло до огромных размеров, с каждым днем становилось все хуже и хуже. Они должны были исполнять самые тяжелые как домашние, так и полевые работы. Корыстолюбивые хозяева пользовались их силами самым бесчеловечным образом. Поэтому несколько не удивительно, когда многие из рабов предпочитали самую смерть такому безотрадному существованию или с опасностью для жизни пытались силой добиваться своей свободы. К подобным пришедшим в отчаяние людям принадлежал и отважный, необыкновенно даровитый Спартак. Будучи взят в плен на войне, он попал с гор своей родины Фракии в Капую и был помещен здесь в школу гладиаторов с тем, чтобы впоследствии на арене в Риме увеселять римский народ своим гладиаторским искусством. Но он с 70 сотоварищами, разделявшими его участь, бежал и призвал других рабов к восстанию. В течение одной недели число восставших возросло до 50 000 человек. Посланный против них претор Мариний потерпел решительное поражение; даже его конь, знаки его достоинства и весь его лагерь попали в руки победителя.

Толпы восставших рабов росли подобно лавине; число их достигло свыше 120 000 человек. К ним присоединились также толпы кельтов и германцев под начальством Крикса и Эпомая. Дыша мщением и предавая все огню и мечу, они рассеялись по Кампании, Лукании и Апулии. Рим начал трепетать, как во времена нашествия галлов или кимвров и тевтонов. Приходилось с величайшей поспешностью собирать все свои силы для нанесения решительного удара. К двум старым легионам было собрано и присоединено шесть новых, и главное начальство над этим войском было поручено претору Марку Лицинию Крассу. Войско восставших рабов страдало отсутствием военной дисциплины, единодушия и вооружения. Благодаря этим обстоятельствам даже такому посредственному полководцу, каким был Красс, удалось отеснить Спартака на южную оконечность Италии, к Бруттию. Многие толпы, состоявшие из кельтов и германцев, отделились от Спартака.

При Петелии, недалеко от Кротона, произошло решительное сражение. Спартак сам сражался с отчаянным мужеством и, поразив собственноручно насмерть двух центурионов, пал в общей свалке; его верные сподвижники пали также геройской смертью. Избегнувшие кровавой резни в числе около 5000 человек попали в руки возвращавшемуся как раз в это время из Испании Помпею и были им совершенно истреблены. Помпей нисколько не колеблясь приписал себе одну победу как над Серторием, так и над Спартаком. Народ

Развалины амфитеатра в Капуе.

поверил Помпею, когда тот сообщал о том, «что хотя Красс и одолел в битве рабов, но что это он вырвал войну с корнем», и предоставил Помпею честь торжественно проследовать в блестящем триумфе по разукрашенным улицам столицы.

Крассу за победу над рабами пришлось удовольствоваться малым триумфом, так называемым *ovatio*. В этом случае полководец следовал пешком или верхом на коне, одетый только в *toga praetexta* (в обшитой пурпуром тоге) и украшенный, вместо лаврового, миртовым венком. В Капитолии он приносил в жертву Юпитеру не быка, а овцу (*ovis*). Таким образом Помпей являлся теперь в Рим первенствующим лицом.

Если Крассу желалось сохранить на будущее время какое-либо значение, то ему приходилось победить свою внутреннюю досаду и с подострастием присоединиться к ненавистному сопернику. Само собою разумеется, что и Помпей со своей стороны находил дружбу богатейшего человека в Риме заслуживающей полнейшего уважения, и с этого времени они так отлично содействовали друг другу, что оба были избраны консулами на один и тот же (70) год. Красс воспользовался своим избранием, чтобы как можно крепче заручиться расположением народа; он принес Геркулесу «великую жертву», угостил обедом весь римский народ за 10 000 столами и выдал из своих магазинов каждому гражданину хлеба на три месяца. И при всем том он нисколько не сделался от этого беднее, так как все-таки обладал еще 9 миллионами рублей на наши деньги. Это не было также проявлением великодушия, ибо Красс рассчитывал по истечении срока своего консульства получить в управление богатую провинцию, которая, быть может, возвратила бы ему сторицей расходы и по угощению, и по раздаче хлеба.

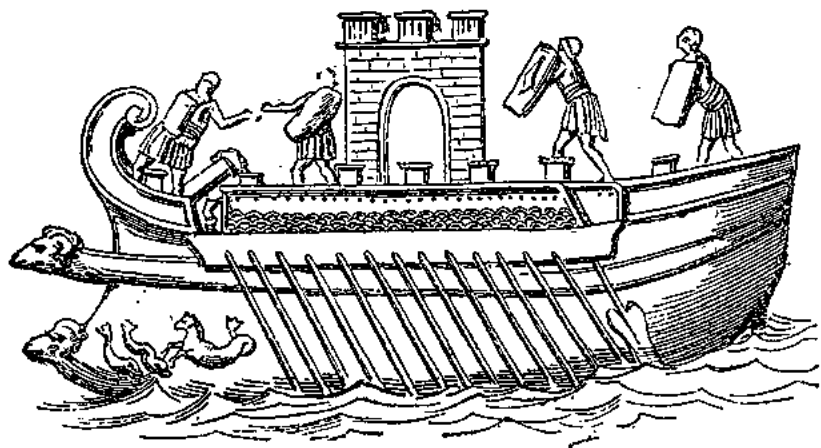
Чтобы угодить народной массе, Помпей во время своего консульства соперничал с Крассом и достиг своей цели самым простым способом — отменой законов Суллы. По предложению Помпея, народным трибунам были возвращены их прежние права. Судопроизводство было изменено таким образом, что две трети судей избирались из сословия всадников и из числа тех граждан, которые в качестве помощников квесторов будут исправлять в трибуционных комициях должности так называемых *tribuni aerarii* (то есть трибунов, заведующих казначейскими делами). Цензорское достоинство было также восстановлено в своем прежнем значении и с избранием на эту должность на пятилетний срок. Все эти меры в то же время наносили тяжкие раны партии оптиматов. Помпей понимал, что ему от этой партии ожидать было нечего и что следовало ожидать всего от партии народной.

28. Война с морскими разбойниками

(67 г. до Р. X.)

В это время римское государство беспокоил совершенно особенный враг. Как раз во время внутренних смут в юго-восточной части Средиземного моря, на трудно доступных берегах Киликии, Исаврии, Памфилии и Ликии, а равно и на острове Крите развилось в громадных размерах морское разбойничество, которое вредило в высшей степени общественной безопасности. Сотни быстроходных кораблей с экипажем, составленным из смелых пиратов (морских разбойников), к которым присоединялись безродные беглецы или обедневшие искатели приключений, разъезжали по всему Средиземному морю. Морские разбойники нападали на торговые суда и, высаживаясь на острова и прибрежные местности, предавалась грабежу и опустошениям и даже

уводили жителей для продажи их на невольничьих рынках Делоса или Фазелиса римским торговцам. Митридат, находившийся в враждебных отношениях к Риму, покровительствовал морским разбойникам. Даже один римский наместник, В е р р е с, опозоривший себя лихоимством в Сицилии, за обеспечение известной доли в добыче оказывал возможное и весьма значительное содействие этому преступному промыслу. Остальные наместники, как например Лициний Мурена в провинции Азии, или проявляли мало энергии в стараниях своих к подав-

*Римский военный корабль.
С античного изображения.*

лению этого зла, или не обладали для этого достаточными силами. Похвальным исключением в этом отношении являлся один только П. Сервилий Батиа (79—76). Он покорил и разрушил многие разбойничьи укрепленные пристанища, между прочими Фазелис и Исавру. Но успех этот был непродолжителен. Дерзость морских разбойников все более и более возрастала. Они начали угрожать самой Италии и уводили в плен знатных римлян, чтобы получать с них большие денежные выкупы. Подвоз хлеба в Рим был настолько затруднен, что можно было опасаться всеобщего голода.

В таких печальных обстоятельствах основательную и действительную помощь мог оказать только испытанный и надежный полководец. Народ обратил свои взоры на П о м п е я. И несмотря на то, что партия оптиматов с консулом Пизоном во главе употребила все средства, чтобы воспрепятствовать избранию Помпея в главные полководцы, народный трибун А в л и й Г а б и н и й восторжествовал и добился этого избрания. Он предложил, чтобы одному из бывших консулов — каковым без всякого сомнения никто другой не мог быть, как Помпей, — было предоставлено на три года главное начальство с неограниченной проконсульской властью на всем Средиземном море. Вместе с тем этот

полководец получал право распространять круг своих действий по всем берегам на 400 стадий (то есть десять немецких миль) внутрь страны. В его распоряжение должны были быть предоставлены 200 кораблей, войско в том количестве, какое он признает необходимым, и 6000 афинских талантов; кроме того, помощниками к нему должны были быть назначены 15 подчиненных ему второстепенных военачальников с преторской властью. При голосовании предложение Габиния было принято в еще большем размере, и Помпею было предоставлено вооружить и снарядить необходимым экипажем 500 военных кораблей и собрать войско в 12 000 пехоты и 4000 всадников.

Облеченный такими полномочиями, каких до тех пор не имел ни один полководец, Помпей с осмотрительностью и энергией приступил к выполнению возложенной на него задачи. Свои военные силы он разделил таким образом, что с главной частью их он сам расположился в западной части, а подчиненные ему военачальники рассеялись в восточной части Средиземного моря. Затем был устроена облава. Помпей выгонял неприятелей и направлял их навстречу своим легионам. Таким образом морские разбойники были пойманы как бы в сеть. Но сопротивление их следовало уничтожить теперь одним решительным ударом. 1300 разбойничьих судов было захвачено и пущено ко дну; с ними погибло 10 000 человек; 400 судов и 20 000 человек было взято в плен. Все это было делом лишь нескольких недель. Впрочем, оставалось еще овладеть разбойничьими прионами и укреплениями, расположенными на скалах. Помпею пришлось многие из них брать силой, другие добровольно отворили ему свои ворота в надежде на его снисхождение и пощаду, на которые он во время первоначальных военных действий этого похода подавал им надежды из благоразумных расчетов. Несколько тысяч пленных Помпей поселил по берегам Киликии, в особенности в городе Солах, который отныне должен был именоваться Помпейополем. В течение трех месяцев все Средиземное море было совершенно очищено, и Помпей вплел новый блистательный листок в свой победный лавровый венок.

Монета города Помпейополя.

29. Лукулл; вторая война с Митридатом. Помпей (74—67 гг. до Р. Х.)

Когда Сулла после мира, заключенного им в Дардане с Митридатом (в 84 году до Р. Х.), должен был спешить в Рим, чтобы ниспровергнуть там приверженцев Мария, то он оставил в Азии Лициния Лукулла для сбора огромной денежной суммы, которую он наложил в виде пени на малоазиатские провинции. Лукулл исполнил это тягостное поручение

с такой снисходительностью и с таким бескорытием, что покорившиеся народы, из которых до тех пор римские ростовщики высасывали всю кровь до последней капли, получили теперь возможность вздохнуть хотя бы с некоторым облегчением. Исполнив это поручение, Лукулл снова вернулся в Рим в то время, когда ужасы Суллы уже миновали. В 79 году он был эдилом и, состоя в этой должности, устроил блистательные игры; в 74 году он был избран в консулы.

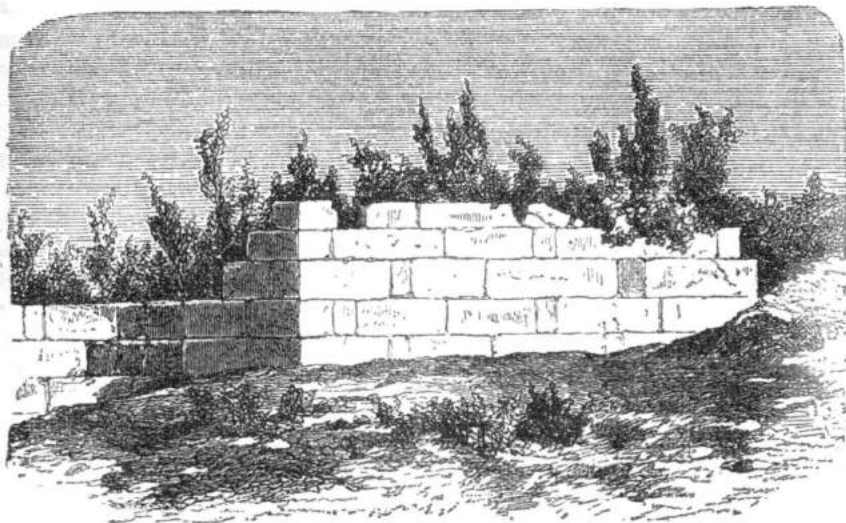
Между тем великий Митридат воспользовался происшедшими в Риме смутами, чтобы подготовить новые вооружения, усилить свое войско и при содействии римских военачальников, присланных к

*Лукулл.
С античного бюста.*

нему приверженцем Мария Серторием, обучить его по римскому образцу. В то же время он приобрел себе могущественного союзника в лице своего зятя, царя Армении — Т и г р а н а. Затем Митридат почувствовал себя достаточно сильным, чтобы возобновить борьбу с римлянами. Вскоре нашелся и предлог к разрыву. Бездетный царь Вифинии Никомед III завещал свое царство в наследство римлянам. Прежде чем римляне успели войти во владение этим наследством, Митридат взялся за оружие, чтобы не допустить утвердиться такому опасному соседству. С войском из 100 000 пехоты, 16 000 всадников и 100 боевых колесниц он вступил в Вифинию. В то же время флот Митридата, состоявший из 400 кораблей, направился к Пропонтиде и разбил римский флот при Халкедоне. Ободренный этими успехами, Митридат проник

до Лампсака и осадил К и з и к с суши и с моря. Но этот греческий колониальный город отбил все приступы. Консул Лукулл явился как раз вовремя на выручку к этому городу. Он выбрал весьма выгодную позицию в тылу неприятеля. Таким образом Митридат очутился между храбрым гарнизоном осажденного города и сильным 30 000 войском Лукулла. К тому же Митридат испытывал недостаток в жизненных припасах; ряды его войска вследствие болезней сильно редели, а его осадные машины были уничтожены кизикийцами во время счастливых вылазок. Вследствие этого во избежание совершенного истребле-

Остатки городских стен в Кизике.

ния ему необходимо было как можно поспешнее отступить. Но на обратном пути более 20 000 человек и 6000 лошадей сделались добычей преследовавших по пятам римлян. Остатки огромного войска достигли в самом печальном виде дружелюбно расположенного города Лампсака (в 73 году до Р. Х.).

Теперь Лукулл получил возможность внести свое оружие в самую середину неприятельской страны. Он перешел реку Галис и разбил новое войско, приведенное в это время Митридатом из Скифии и Понта, при К а б е й р е (в 72 году до Р. Х.). Митридат вынужден был бежать и искать спасения у своего зятя Тиграна. Вся внутренняя часть Понта без дальнейших затруднений досталась в руки римлянам. Но греческие приморские города Ами́с, Сино́п, Гераклея долго сопротивлялись и должны были ужасно поплатиться за свое упорное сопротивление; они были преданы грабежу и сожжены. Однако сам Лукулл избежал при этом упрека в жестокости, так как в войсках, находившихся под непосредственным его начальством, он наблюдал строгую дисциплину в

противоположность подчиненным ему хищным военачальникам и их одичавшим солдатам. Лукулл возвратил завоеванным городам их свободу и их поземельную собственность. Он приказал вновь выстроить за свой собственный счет сожженные в Амисе дома, призвал бежавших жителей и одарил их деньгами и поземельными участками. Всюду, где он показывался, Лукулл старался залечить раны, нанесенные войной. Равным образом он принимал жителей под свое покровительство против тех жестоких притеснений, которые дозволяли себе римские сборщики податей и ростовщики. Лукулл приходил в ужас от бесчеловечности этих кровопийц. Некоторые из них при сборе наложенной Суллой на города восемь лет тому назад денежной пени в 20 000 талантов ссудили эту сумму управлениям этих городов. Теперь они потребовали на эту сумму чудовишные проценты, а именно более 50 процентов, и так как проценты эти постоянно присчитывались к капитальному долгу, то этот последний в самое короткое время увеличился в шесть раз и достиг суммы 120 000 талантов (150 миллионов рублей). Притом займодавцы эти позволяли себе обращаться со своими должниками самым бесчеловечным образом. Города и селения должны были выдать сокровища своих храмов и свои статуи; у родителей отнимали сыновей и дочерей; знатных граждан предавали пыткам, заключали в оковы и бросали в темницы; летом посреди палящего зноя их выставляли нагих на солнце, зимой принуждали стоять босиком на льду; наконец их продавали в рабство с женами и детьми.

Лукулл сразу положил конец всем этим низостям. В качестве главного военачальника он запретил всем ростовщикам причислять проценты к капитальному долгу и брать более двенадцати процентов в год. Все накопившиеся к тому времени проценты Лукулл объявил недействительными и уплату азиатскими городами всей наложенной на них денежной пени устроил с таким благоразумием и равномерностью, что они могли выплатить весь свой долг в течение четырех лет и почитали Лукулла своим отцом и богом-покровителем. Римские всадники (из этого сословия была большая часть откупщиков податей и ростовщиков) были так раздражены на Лукулла за его действия, что посылали в Рим письма за письмами, в которых жаловались на его невыносимую строгость и притеснения, и их жалобы не замедлили произвести надлежавшее действие.

Тигран еще не был побежден. Поэтому Лукулл решил выступить против него, не позаботившись получить предварительно из Рима разрешение на такое предприятие. Лишь с 15 000 человек — остальные войска были оставлены гарнизонами в Понте — двинулся он в Армению. Лукулл перешел Евфрат и направился к неприятельской столице Тиграноцерте (в 69 году до Р. Х.). Тигран, находившийся в это время на юге своего царства, на сирийской границе, тотчас же поспешил на защиту своей столицы. Его войско состояло из 200 000 человек. Однако несмотря на это обстоятельство римские легионы одержали победу. Бесчисленное военное скопище было частью уничтожено, частью рас-

сеяно. Тиграноцрта отворила свои ворота, и римлянам досталась неисчислимая добыча деньгами и запасами.

После этого оба царя соединились и заняли армянскую плоскую возвышенность, на которой, на реке Араксе, была расположена древняя столица Артаксата. Но и сюда последовал за ними Лукулл, продолжая вести войну на свой собственный страх, без всякой поддержки из Рима. Он разбил неприятелей на реке Арсании и направился к Артаксате. Однако Лукулл скоро встретил затруднения в своих дальнейших предприятиях. Солдаты страдали в этой суровой гористой стране от голода и холода и начали роптать. Они негодовали на то, что их привели в пустынную и необитаемую страну из богатых провинций и заставляли сражаться с бедными народами вместо того, чтобы грабить богатые области. К этому присоединилось и то обстоятельство, что Помпей, который также очень желал приобрести себе победные лавры и в Азии, тайно отправил в лагерь к Лукуллу подкупленных подстрекателей, которые представляли солдатам, насколько Помпей стал бы иначе заботиться о них, если бы он был их полководцем. В особенности П. Клодий, зять Лукулла, считавший себя оскорбленным им, раздувал недовольство своими поджигательными речами, в которых подавал надежду на скорое прибытие Помпея. Подстрекательства Клодия сильнее всего подействовали на своевольных солдат, бывших прежде под начальством Фимбрии. Они отказались идти дальше, и таким образом Лукулл вынужден был предпринять отступление, во время которого он неоднократно имел случай выказать свои блистательные дарования полководца.

В это время в Риме противники Лукулла также одержали перевес. По их настояниям у Лукулла было отнято главное начальство над войсками в Азии, и по предложению народного трибуна Гая Манилия, которого в особенности поддерживал Цицерон в своей речи *de imperio Gneji Pompeji*, начальство это (в обход назначенного уже наместником Вифинии Ацилия Глабриона) было вверено победителю в войне с морскими разбойниками — Помпею (в 67 году до Р. Х.). Лукуллу скоро пришлось увидеть Помпея в своем лагере. Помпей обошелся с Лукуллом в высшей степени грубо и без дальнейших рассуждений отменил все сделанные им распоряжения. Глубоко оскорбленный Лукулл покинул Азию с твердым решением никогда более не служить отечеству. Получив блестящий триумф, Лукулл удалился в частную жизнь, которую он, обладая огромными богатствами, сумел обставить всевозможного рода удобствами и наслаждениями. Его жизнь сделалась идеалом эпикурейцев его времени. Лукулл развел рос-

Тигран.
С античной серебряной монеты.

*Загородный дом на берегу моря.
С фрески в Помпее.*

кошные сады, каких до тех пор не видывали, и посадил в них вишневые деревья, вывезенные им впервые в Европу из понтийского города Кераза (что значит вишневое дерево). Затем он построил прелестные дачи с великолепными комнатами, крытыми ходами и купальнями и украсил все эти великолепные здания драгоценными греческими картинами и статуями, причем он проявил свое утонченное греческое образование и свои артистические вкус и наклонности. Шкафы у Лукулла были полны дорогих одежд. Рассказывают, что один претор для приобретения популярности пожелал устроить для народа зрелище, для которого попросил Лукулла одолжить ему сто пурпуровых плащей. На это Лукулл отвечал, что он сам не знает, сколько их имеет, и что он даст ему столько, сколько найдется. На следующий день Лукулл послал ему двести плащей. В своих имениях на берегу моря в окрестностях Неаполя Лукулл построил беседки на плотинах, далеко вдававшихся в море, приказал прорыть целые горы и провел из моря каналы в свои большие пруды для того, чтобы дорогие морские рыбы, которых он выкармливал, могли постоянно находиться в своей родной стихии. Но вместе с этим он занимался и чтением ученых сочинений и сам составил на греческом языке историю Союзнической войны, которая, однако, утеряна.

30. Помпей в Азии (67—62 гг. до Р. Х.)

После отбытия Лукулла Митридат, уничтожив совершенно римского легата Л. Валерия Триария при *Целе* (в 67 году), снова возвратил себе все свое царство. Помпею приходилось таким образом начинать теперь войну сызнова, но после блестящих побед Лукулла и при многочисленности войска, значительно подкрепляемого еще и флотом, одолеть неприятеля было теперь несравненно легче. К тому же и счастье благоприятствовало Помпею необыкновенным образом. Парфянский царь *Фрат* вместо того, чтобы оставаться на стороне Тиграна, под влиянием возмущившегося сына его перешел на сторону рим-

дьян и заключил с Помпеем дружественный и союзный договор. Сам Тигран, не доверяя тестю своему Митридату, бросил его на произвол судьбы. Таким образом Митридат остался совершенно один, без всяких союзников. Поэтому он старался по возможности избегать решительного сражения и утомить противника непрерывными искусными передвижениями. Но Помпей настиг его прежде, чем он успел перейти через Евфрат. Наконец на одной пересеченной местности, на реке Лике, в Понте, на том самом месте, где впоследствии был построен город Никополь, Помпею удалось преградить дорогу Митридату и принудить его к битве (в 66 году до Р. Х.).

Наступила ночь, когда римляне стали пускать с возвышенности, на которой они находились, тучи стрел и дротиков в неприятеля. Застигнутые врасплох внезапным нападением варвары пришли в замешательство. Благодаря темноте замешательство это приняло огромные размеры. В происшедшей тесноте они поражали, давили и топтали друг друга. Показавшаяся наконец луна обманчивым своим светом вводила их только в заблуждение; вместо людей они целили в их тени, и таким образом стрелы их по большей части пролетали мимо. Затем римляне бросились на неприятеля и вступили в рукопашный бой. К концу сражения половина понтийского войска пала убитыми или ранеными; другая половина была взята в плен. Однако Митридату удалось спастись. Но когда он хотел искать спасения у Тиграна, то последний отказал ему в убежище. Таким образом Митридату ничего не оставалось другого, как искать спасения в своем босфорском царстве (на полуострове Крыме).

Помпей преследовал бежавшего Митридата вплоть до реки Фазиса. Затем он обратился против Тиграна. Римляне разбили свой стан в трех милях от столицы его Артаксаты. Тигран страшился, чтобы Помпей не лишил его престола в пользу его сына (называвшегося также Тиграном), почему, отчаявшись в успехе дальнейшего сопротивления, отправился в стан победоносного проконсула. Сняв с себя пурпуровую мантию и украшенный лишь царской короной, Тигран пеший вступил в стан, передал меч и коня ликтору, преклонил колени перед царственно восседавшим на высоком кресле полководцем Помпеем и положил к его ногам свой царский венец. Увидев, как «царь царей», как любил себя называть Тигран, униженно повергнулся перед ним во прах, римлянин поднял его и посадил возле себя. Тигран принужден был купить мир ценой уступки завоеванных стран (Сирии, Финикии, Галатии и Каппадокии) и уплатить 6000 талантов военной контрибуции (9 миллионов рублей). Тигран Младший получил области Софену и Гордиену. Рассчитывая получить престол своего отца, Тигран Младший громко выразил свое неудовольствие на такое распоряжение. Тогда Помпей приказал заключить его под стражу с тем, чтобы сохранить его для участия в своем триумфе.

После этой одержанной без особого труда победы Помпей решил предпринять преследование Митридата (в 66 году до Р. Х.). Он напра-

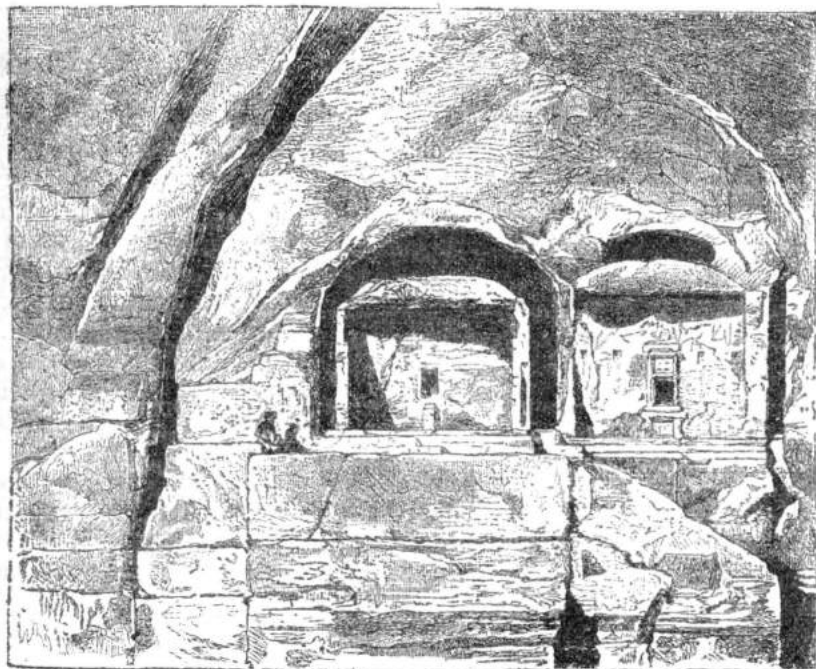
вился к северу, проник в долину реки Кироза (Куры) и в горные долины Кавказа; здесь он покорил воинственных иберов и албанов. Стратоника, одна из жен Митридата, сдала ему горную крепость Симфорион со всеми находившимся в ней сокровищами и драгоценными хартиями и грамотами. Самое лучшее из всего этого Помпей выбрал и оставил для своего будущего триумфа, а остальное отдал Стратонике. Однако настичь бежавшего Митридата ему не удалось. Ввиду непрерывно возраставших препятствий Помпей не захотел продолжать преследования и предпочел предпринять новый поход (65 году до Р. Х.). Таким образом народы, жившие по ту сторону Кавказа, избегли ига римлян.

Во время римско-армянской войны в Сирии возникли большие беспорядки. Помпей занял города Карры, Дамаск, Антиохию, объявил враждовавших между собой потомков Селевкидов потерявшими свои наследственные права и обратил Сирию в римскую провинцию (в 64 году до Р. Х.). Отсюда он был призван в Палестину решить спор о престоле. Здесь поссорились между собой два брата из рода Маккавеев (Гасмонеев). Гиркан был старшим, а Аристовул младшим. Гиркан опирался на придерживавшихся истинной веры и старинного закона фарисеев, а Аристовул — на свободомыслящих саддукеев (см. Деяния Апостолов, 23, 8). Аристовул победил Гиркана и отнял у него звание первосвященника и светскую княжескую власть (в 70 году до Р. Х.). Гиркан бежал. Оба брата обратились к третьейскому суду римлян. Помпей потребовал от Аристовула сдачи Иерусалима и других крепостей. Аристовул воспротивился. Тогда Помпей приказал заключить его в темницу и выступил против Иерусалима. Но партия Аристовула заняла Храмовую гору и защищалась с мужеством отчаянным. Помпею пришлось действовать тяжелыми осадными машинами и орудиями. Лишь после трехмесячной осады удалось взять приступом эту возвышенность. Началось страшное избиение. Священников убивали на алтарях; многие из них сами лишили себя жизни, или бросаясь со стен, или погибая в пылавших домах. Иудеев погибло 12 000 человек. Помпей провозгласил первосвященником и князем Гиркана, но обязал его при этом ежегодной данью. Аристовула же и его семейство Помпей взял с собой в Рим для украшения своего триумфа. Помпею весьма было любопытно узнать религиозные обряды этого необыкновенного народа¹, для чего он приказал ввести себя не только во внутреннюю часть храма, но и в самую Святую Святых, причем благочестивыми иудеями овладели страх и ужас. Однако Помпей не тронул богатых сокровищ храма. После разрушения стен Иерусалима Помпей отступил от него.

В то время, когда Помпей стоял под стенами Иерихона, он получил известие о смерти Митридата. Послы, которые привезли это известие, явились к Помпею украшенные лавровыми венками в знак того, что

¹ Римлянину в особенности должно было показаться в высшей степени удивительным отсутствие по стенам всяких идолов. См. *Tacit. Histor.*, V, 9.

посольство это является вестником победы. Послы сообщили, что царь пал жертвой измены своих собственных подданных и своего родного сына Фарнака. Население босфорского царства отказалось долее повиноваться, поставлять войско и возмутилось. Митридат вынужден был искать спасения в Пантикопее (ныне Керчь). Здесь Митридата осадил его собственный сын. Тщетно молил престарелый отец о пощаде своей жизни. Тогда он принял яд. Жен и дочерей своих он также принудил отравиться. Но в то время как жены и дочери Митридата умерли от яда, на самого царя яд не подействовал: мощное тело Мит-

Гробницы понтийских царей.

ридата, приученное им к всевозможного рода ядам, поддалось лишь удару меча, которым, по собственной просьбе царя, пронзил его начальник галльских телохранителей.

Помпею оставалось еще выполнить самую важную задачу: ввести новый порядок в завоеванных странах. При этом он не мог обойтись без насильственных мер. Территории отдельных вновь образованных провинций были разграничены между собой совершенно произвольно, как того требовали римские интересы. Были созданы два новых наместничества: В и ф и н и я и С и р и я. К Сирии Помпей присоединил также Финикию и Палестину, а к Киликии — Памфилию и Исаврию. Рядом с этими провинциями он сохранил власть некоторых незначи-

тельных царей (*reguli*) в качестве зависимых государей, обязанных платить известную дань, как например, Дейотара в Галатии, Аттала в Пафлагонии, Ариобарцана в Каппадокии, Антиоха из рода Селевкидов в Коммагене. Помпей в особенности покровительствовал устройству городов с собственным самоуправлением. Было основано и заселено римскими ветеранами много новых городов, как например: Никополь в Армении, Мегалополь в Каппадокии, Неаполь недалеко от Галиса. Другие, которые вследствие опустошений войны сильно пострадали и были почти вконец разорены, теперь были восстановлены, как например: Кабейра, Евпатория, Мацака и т. д. Всем им Помпей даровал большие права и вольности; самостоятельные в своем внутреннем управлении, они, подобно царям, находившимся в зависимости, обязаны были платить известную дань. В то же время под сильной защитой римских патрициев они получили возможность расцвести новой жизнью и стать твердой опорой порядка и средоточием римско-греческого образования.

Увенчанный славою возвращался Помпей в Италию (в 62 году до Р. Х.). На пути к родине он был принят с большим почетом греками в Ефесе, на острове Лесбосе и в Афинах. Но в Риме, где только что успели избавиться от чудовища Катилины, громко высказывались опасения. Партия оптиматов не доверяла Помпею; она полагала, что он воспользуется теперь своим огромным влиянием во вред ей и, опираясь на свои легионы, провозгласит себя тираном. Со своей стороны, и партия народная, на которую Помпей до сих пор опирался, страшилась его диктаторских полномочий и обращала свои взоры к новому светилу, начинавшему восходить на горизонте, к Юлию Цезарю. Едва узнав о таком настроении в Риме, Помпей постарался рассеять эти опасения и, прибыв в свое поместье в Брундузии, распустил свое войско и явился затем в столицу в качестве обыкновенного частного человека. Триумф, отпразднованный им в 61 году, на 46-м году от рождения, превзошел своим блеском все виденные прежде. Во время этого триумфа несли большие доски. На них было начертано, что Помпей взял 1000 укрепленных замков, 900 городов, завладел 800 кораблями, вновь построил и населил 39 городов, почти удвоил налогами и податями государственные доходы и, наградив своих солдат 16 000 талантов, внес в государственную казну 20 000 талантов (40 с половиной миллионов рублей). Триумфальная колесница победителя блистала золотом, жемчугами и драгоценными камнями. Затем несли оружие, произведения искусств и драгоценную утварь. Перед колесницей шли 324 заложника и царственных пленника в своих национальных одеждах и между ними предводители морских разбойников, молодой Тигран со своими супругой и дочерью, пятеро сыновей и две дочери Митридата, иудейский князь Аристовул и т. д. Но далеко не все граждане выражали подобострастное удивление. Раздавались голоса, которые с насмешкой указывали на то обстоятельство, что собственные заслуги Помпея сами по себе совсем не так велики и что

успех их следует скорее приписать благоприятным условиям, а именно: предшествовавшей деятельности Лукулла, внутренним беспорядкам среди азиатских народов и подавляющему превосходству войск, которыми предводительствовал Помпей.

31. Заговор Катилины (63 г. до Р. Х.)

Из бездонного болота безнравственности, господствовавшей в то время в Риме, время от времени появлялись настоящие чудовища. К ним принадлежал Луций Сергий Катилина, патриций по происхождению. Подобно большинству людей своего сословия, он провел свою юность в роскоши, в сообществе беспутных сотоварищей и благодаря своему мотовству и страсти к наслаждениям расточил свое состояние и впал в неоплатные долги. Добродетель, долг и честь не имели в глазах Катилины никакой цены. Холодное презрение к людям позволяло ему для удовлетворения чувственных наслаждений, прибегать к самым гнусным средствам. Во время проскрипций Суллы он убил своего брата и шурина, чтобы получить их наследство. Занимая должность пропретора в Африке, он угнетал несчастную провинцию самыми постыдными поборами, лишь бы доставать деньги для своего необузданного распутства. Когда же Катилина стал домогаться консульского достоинства, то был отвергнут за свое дурное поведение. Два других пропретора, Кальпурний Пизон и Публий Антроний, потерпели одновременно с ним одинаковую неудачу и поэтому вместе с ним воспылала мщением. Угрожаемый и преследуемый заимодавцами, не имея средств продолжать свой обычный образ жизни, Катилина составил заговор, желая в случае своей гибели увлечь в своем падении и все свое отечество. Катилина, Пизон и Антроний составили втроем заговор и набрали себе сообщников, но предприятие их не удалось (в 65 году до Р. Х.), и Катилина решил выждать более благоприятного времени. В ожидании этого момента Катилина собрал вокруг себя из среды знатных римлян, впавших, подобно ему, вследствие распутной жизни в неоплатные долги, шайку негодяев, в которой находились и развратные женщины, как например Семпрония, и устраивал с ними тайные собрания.

В то же время Катилина собрал и войско. С тех пор, как солдаты Суллы выгнали целые тысячи мирных поселян в Этрурии с их земельных участков и обратили эти участки в свою собственность, несчастные поселяне стали бродить по Италии целыми толпами как нищие или бродяги, готовые служить всякому, кто только соглашался платить им жалованье. Манлий, один храбрый воин и сообщник Катилины, набрал среды этих несчастных несколько тысяч человек и скрыл их в ущельях Апеннинских гор. С ними Манлий намерен был напасть в

условленную ночь на Рим, в то время как сами заговорщики подготовят и облегчат им это дело пожарами и убийствами в самом городе.

Но бдительный консул Ц и ц е р о н, которым Катилина был побежден на консульских выборах в 63 году, знал уже о заговоре через некую Фульвию, любовницу одного из заговорщиков, Кв. Курния. 20 октября Цицерон обратил внимание сената на подозрительные признаки: на тревожное волнение в Этрурии и на тайные сборища в самой столице. Сенаторы, испугавшись за свою жизнь и за свое достояние, обычной в подобных случаях формулой: *Consules videant, ne quid detrimenti capiat respublica* (консулы должны позаботиться о том, чтобы государство не потерпело никакого ущерба) передали энергичному консулу диктаторскую власть и заранее одобрили все его распоряжения. Прежде всего необходимо было воспрепятствовать избранию Катилины в консулы на 62 год. С этой целью в день выборов, 28 октября, Цицерон, окруженный вооруженным отрядом из преданных ему молодых людей из сословия всадников, явился на форум и тем напугал заговорщиков, которые имели намерение силой доставить Катилине консульское достоинство. На следующий год консулами были избраны Юний Силан и Лициний Мурена. Тогда Катилина решился привести в исполнение свое мщение. В ночь с 6 на 7 ноября он собрал в доме Леки своих соумышленников. В этом собрании он произнес самую зажигательную речь. Между прочим Катилина воскликнул: «Влияние, власть, почести, богатство, все находится в руках их (оптиматов) или их любимцев; на нашу же долю они оставили лишь опасности, противодействия (при домогательствах на выборах), судебные преследования и нужду во всем. Долго ли желаете вы, храбрые мужи, терпеливо переносить это? В то время, как они скупают картины, статуи, драгоценные украшения, разрушают из прихоти новые здания, а другие воздвигают, короче сказать, имея возможность тратить самыми разнообразными способами свои деньги и все-таки не в состоянии со своими богатствами разориться даже при величайшей страсти к наслаждениям, — мы терпим нужду во всем, да еще обременены и долгами. Настоящее положение наше скверно, но еще в более безотрадном виде представляется нам наша будущность. Но, если бы в вас было достаточно мужества, то победа была бы на нашей стороне: вы уничтожили бы ваши долговые книги, возвратили бы себе ваши почести и звания, которыми пользуются ваши враги, и жили бы в великолепнейших дворцах, на которые теперь смотрите лишь с завистью. Одно смелое предприятие, и в ваших руках будут свобода, богатство, слава и почести!» Эти слова воспламенили все сердца. Все обязались страшной клятвой на общее дело. Роли были розданы. Решено было поджечь город одновременно в двенадцати местах и умертвить консула Цицерона. Другой консул, Антоний Гибрид, человек слабый, стесненный своими займодавцами, казался неопасным или даже расположенным в пользу единомышленников Катилины.

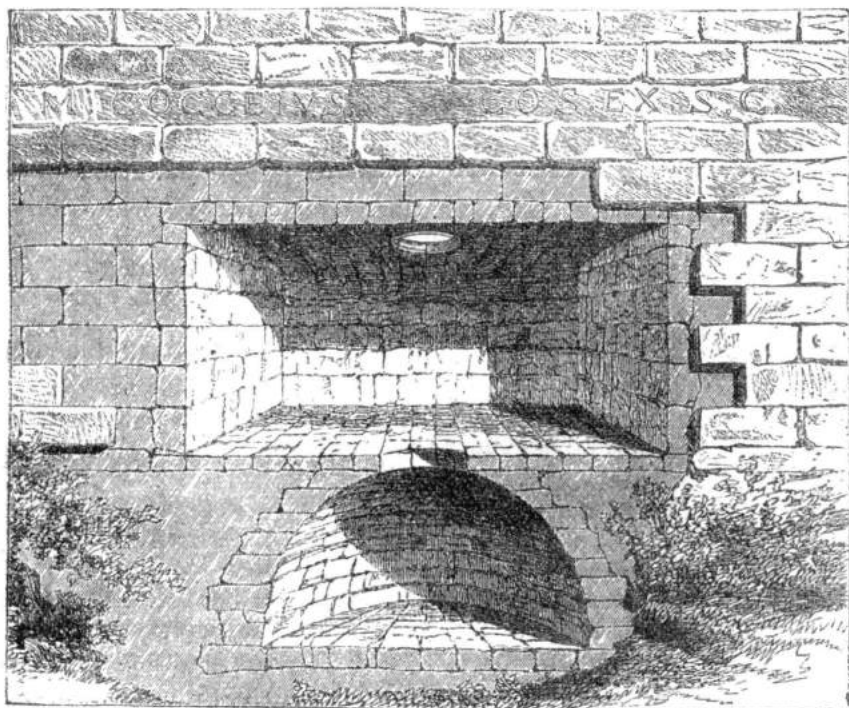
Л. Варгунтей и Г. Корнелий взялись умертвить консула Цицерона. Рано утром 7 ноября они отправились к его жилищу, постучались и потребовали, чтобы их впустили под тем предлогом, что они желают сделать ему утренний визит. Но Цицерон окружил свой дом стражей. Таким образом Варгунтею и Корнелию пришлось удалиться, не исполнив своего замысла.

Тогда Цицерон в заседании сената 8 ноября раскрыл план заговорщиков. С циничной наглостью в этом самом заседании находился и Катилина, «этот искусный притворщик», как называет его Саллюстий. Но на этот раз личина с Катилины была сорвана. При виде Катилины Цицерон разразился громовой речью и, обратившись к Катилине, громко и ясно обвинил его в его преступлении, дал понять, что ему известны все обстоятельства дела, и объявил, что, как консул, он мог бы приказывать казнить его тут же на месте, если бы не принадлежал к числу тех, которые, не будучи вполне убеждены в преступлении, опасаются упрека в слишком большой суровости. Поэтому он советует ему покинуть город со своими единомышленниками и поспешить в стан Манлия. Там может он предпринять открытую борьбу с республикой.

Катилина во время всей этой речи сохранял присутствие духа и хотел еще защищаться, но всеобщий крик порицания заглушил его голос, а сенаторы, которые сидели на одной с ним скамейке, отвернулись от него и пересели на другие места. Катилина в бешенстве бросился вон из зала, воскликнув угрожающим голосом: «Я задушу развалинами пожар, который хочет уничтожить меня». Затем он поспешно отправился в Этрурию к войску Манлия.

Теперь Цицерон надеялся, что ему легко будет справиться с заговорщиками, которые остались в городе. Один счастливый случай оказал ему в этом деле существенную помощь. В это самое время в Риме находилось посольство аллоброгов, одного кельтского племени (в юго-восточной Галлии), с целью, как кажется, испросить снисхождение для своего бедного народа, изнемогавшего под непосильным бременем налогов. К этому посольству обратился один из заговорщиков, Цетег, и вошел с ним в переговоры, надеясь при его посредстве привлечь на свою сторону аллоброгов и получить в подкрепление войску Катилины их конницу. Но аллоброги не поверили блестящим обещаниям Цетега и передали эти тайные предложения консулу Цицерону, конечно, в надежде ценой такой услуги заслужить благодарность Римского сената. Цицерон уговорил послов притворно согласиться на предложения Цетега. Они так и сделали. Заговорщики вручили послам письма для передачи старшинам аллоброгов и предводителям войска Катилины. Послы в ту же ночь отправились в обратный путь. Но Цицерон, согласно заранее условленному уговору, послал вперед отряд всадников и приказал им напасть у свайного моста на послов и отнять у них письма. Опираясь на это вещественное доказательство, Цицерон приказал арестовать заговорщиков. Они были допрошены, но ни в чем не сознались. В доме Цетега был произведен обыск, причем было най-

дено множество спрятанного оружия. Цетег показал, что найденное оружие собрано им давно, как любителем, и чрезвычайно удивился тому, что из этого обстоятельства могли вывести заключение о принадлежности его к заговору. Тогда Цицерон приказал выступить послам. Они все открыли. Заговорщики обозвали их подкупленными лжецами. Было прочтено вслух письмо Цетега, и ему пришлось замолчать. Были также предъявлены письма и других заговорщиков. Никакая ложь не могла более помочь ввиду таких подавляющих улик.

Разрез Туллианума.

Сенат был поспешно созван в заседание. Оно было очень бурное. Цезарь горячо принял сторону обвиняемых. Он высказал мнение, что было бы незаконно допустить казнить римских граждан, не дав им возможности обратиться к народному собранию. По его мнению, виновных следовало перевести в ближайшую надежную тюрьму или в какой-нибудь провинциальный город и отобрать их имущества в казну. Но против этого мнения восстал Катон и самым решительным образом настаивал на скорейшем исполнении смертного приговора над государственными изменниками, так как этим будет положен конец их преступлению. Сенат согласился с мнением Катона, и Цицерон приказал немедленно привести в исполнение смертный приговор. Лентул,

Цетег, Сталий, Габиний и Цепарий, подобно тому, как некогда Югурта, были брошены в Туллианум и там задушены. Когда приговор был исполнен, Цицерон во главе самых уважаемых сенаторов явился на форум и сообщил народу: «Они умерли». Тогда раздался радостный крик тысячи голосов, и народная толпа провозгласила консула «отцом отечества».

Между тем Катилина довел свое войско в Этрурии почти до 10 000 человек. Необходимо было послать против него также целое войско. Цицерону пришлось поручить главное начальство над войском своему сотоварищу Антонию, который внушал к себе подозрение, что, в свою очередь, дозволяло Катилине надеяться на победу. Однако предусмотрительный Цицерон приставил к Антонию в качестве легатов двух испытанных мужей — Метелла Целера и М. Петрея. Они так зорко наблюдали за Антонием, что он вынужден был предпочесть вовсе устранить себя от дела и, сказавшись больным подагрой, передал главное начальство над войском Петрею. Сражение произошло при П и с т о - р и и. Катилина надел на себя все почетные знаки консула-полководца и приказал нести перед собой серебряного орла, с которым некогда Марий одержал блистательную победу. В этой битве было пролито много крови, и победа над бунтовщиками стоила больших усилий. Катилина, увидев, что войска его разбиты, вспомнил о своем происхождении и прежнем достоинстве, бросился в самую середину тесно сплоченных неприятелей и погиб с оружием в руках. Только по полном окончании сражения, говорит Саллюстий, можно было вполне убедиться, каким необыкновенным мужеством и какой твердостью духа было одушевлено войско Катилины. Почти все воины его лежали теперь мертвые сомкнутыми рядами и занимали своими трупами те самые места, которые они занимали при жизни во время боя. Лишь немногие, ворвавшиеся в середину преторских когорт, пали врассыпную. Как те, так и другие были поражены в грудь. Катилину нашли лежащим далеко от своих под неприятельским трупом; он еще немного дышал, и лицо его продолжало выражать тот упорный дух, которым он отличался всю свою жизнь.

32. М. Туллий Цицерон

(Род. в 106, ум. в 43 году до Р. Х.)

Жизнь этого замечательного человека представляет столько интересного, что здесь будет вполне уместным остановиться на ней несколько долее. Ц и ц е р о н родился 3 января 106 года до Р. Х. в поместье близ Арпина. Род его принадлежал к сословию всадников, но ни один из членов этого рода не достигал еще до сих пор курульской должности. Цицерон получил весьма тщательное воспитание под руководством своих родителей. Затем отец привез его и его младшего брата

Квинта с собой в Рим, где имел собственный дом, и приставил к Цицерону для надзора самых избранных рабов.

Здесь Цицерона послали учиться в общественную школу к самому знаменитому греческому наставнику. В школе он настолько отличался своей внимательностью и умными ответами, что маленькие сотоварищи Цицерона рассказывали про него у себя дома, как про какого-то диковинного ребенка, и тем внушали своим родителям желание по-

Цицерон.

С бюста в Неаполитанском музее.

знакомиться с необыкновенным мальчиком. В это время в Риме жил любимый греческий поэт Архий, который занимался объяснением богатым римлянам произведений греческой поэзии. Отец Цицерона не испугался издержек, чтобы доверить своего многообещавшего сына этому наставнику, и пятнадцатилетний мальчик благодаря Архию так сильно пристрастился к поэзии, что весьма рано и не без успеха пробовал в ней свои силы. Стихотворения Цицерона были бесспорно настолько удачными произведениями остроумия и счастливыми подражаниями, что своим плавным стихом вводили в заблуждение даже ученых, которые почитали искусного сочинителя за поэтического гения. Однако стихотворения эти являются лишь юношескими опытами, которые, как и Платона, вели Цицерона к истинно-

му его призванию, к красноречию, в котором он впоследствии отличался таким необыкновенным искусством.

По достижении шестнадцатилетнего возраста с Цицерона, по римскому обычаю, было публично снято детское платье и он был облачен в мужскую тогу. Во время этого торжества его сопровождали все друзья и клиенты его семейства на форум, а оттуда в Капитолий, где он и получил торжественное посвящение. Веселый вечерний пир заключил этот семейный праздник. С этих пор Цицерон заботился лишь о том, чтобы приобрести те познания, которые необходимы для занятия государственных должностей. К таким наукам принадлежали плавное, сильное красноречие и всестороннее знание государственного устройства и римского права. Это последнее Цицерон изучал под руководством замечательных знатоков права, у обоих Сцевола, авгура и жреца, слушая их беседы с величайшим вниманием. В то же время он занимался с величайшим рвением своими риторическими упражнениями. Ежедневно Цицерон читал, писал или переводил что-нибудь, и если прочиты-

вал какое-нибудь замечательное произведение, то каждый раз повторял вслух в длинной речи все содержание и порядок развития основной мысли прочитанной книги или перед самим собой, а еще чаще перед собранием своих друзей, и продолжал это делать до самого преклонного возраста.

Эти усиленные занятия были прерваны лишь на самое короткое время, когда Цицерон во время союзнической войны (в 89 году) участвовал в походе под начальством Помпея Страбона, отца триумвира. По окончании похода Цицерон тотчас же снова принялся за свои ученые занятия и обратил особенное внимание на изучение философии. Философию сначала преподавал Цицерону эпикуреец Федр, затем академик Филон, а под конец стоик Диодот. Цицерон изучал произведения великих греческих философов и старался усвоить себе их взгляды на божество и мир, на назначение человека, на сущность души, на правду и несправедливость, на добродетели и пороки, на законы, нравы и обычаи, на государственные учреждения и воспитание. Он сравнивал их учения между собой, вступал в беседы об изучаемых предметах с опытными людьми и выслушивал их разъяснения многих трудных мест в творениях древних писателей. В короткое время благодаря этому способу Цицерон приобрел искусство говорить о подобном рода предметах целыми часами изящно и связно, не приготавливая заранее своих речей. Вместе с тем он не прерывал и своих письменных упражнений и таким образом одновременно достиг замечательного искусства как в письменном, так и в устном изложении своих мыслей.

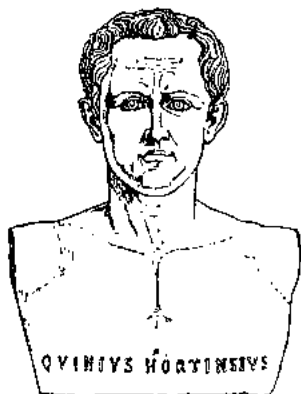
Для того, чтобы практически подготовиться к поприщу оратора, Цицерон ежедневно посещал судебные заседания, где он мог слушать обвинительные и защитительные речи. Образцом своим в судебном красноречии он выбрал знаменитого адвоката Гортензия. После такой подготовки Цицерон решился наконец сам выступить публично в качестве защитника. Он выступил защитником некоего Росция из Америи, обвиненного одним из любимцев Суллы Хризогоном в отцеубийстве (в 80 году). Последствием этой далеко не безопасной защиты было блистательное оправдание обвиняемого. Страх перед мщением Суллы вынудил Цицерона оставить на некоторое время Рим. Он предпринял путешествие в Грецию. Здесь он осмотрел достопримечатель-

*Молодой римлянин в тоге.
С античной статуи.*

ности знаменитейших городов, посетил известнейших ораторов и философов, провел шесть месяцев в Афинах и каждый день упражнялся с самыми искусными и опытными греческими учителями в философских прениях и в обыкновенных разговорах, причем он так хорошо научился говорить по-гречески, что в нем почти нельзя было подметить чужеземца.

Здесь же Цицерон свел дружбу на всю жизнь с **Т и т о м** Помпони-ем, римским всадником, который в течение многих лет занимался науками в Афинах, почему и получил прозвище **А т т и к а**, а благодаря щедрости и приятному характеру приобрел расположение афинян. На

*Гортензий.
С античного бюста.*

возвратном пути Цицерон посетил Родос. Здесь он удостоился величайшего триумфа своему искусству. В это время в Родосе проживал один из величайших учителей красноречия по имени Молон. Цицерон просил у него позволения посещать его школу. Когда он явился в школу, то учитель задал ему тему для речи без предварительной подготовки. Цицерон тотчас же начал говорить и в изложении и развитии заданной темы выказал такое изобилие мыслей, такое редкое изящество выражения и такую благородную плавность и благозвучность речи, что когда он кончил, зал огласился громкими рукоплесканиями. Только один Молон сидел безмолвно на своем кресле, а это беспокоило молодого оратора. Но когда наконец один из учеников спросил Молона о

причине его молчания, то он отвечал: «Ты меня сильно огорчил, Цицерон. Твои предки отняли у нас свободу, достоинство и власть, но должны были оставить нам славу искусства и ума. Ты же уносишь с собой за море и эту славу».

В это время умер Сулла. Цицерон возвратился в Рим и занимался защитой многих обвиняемых, пока не достиг наконец столь желанного 31 года, возраста, когда он, по римским законам, получил право добиваться звания квестора, самой низшей государственной должности. Для того, чтобы народ мог ознакомиться с кандидатами на должности, эти кандидаты в течение некоторого времени расхаживали среди народа, приветствовали каждого гражданина его именем, при этом они пользовались своими рабами, которые в качестве *nomenclatores* (называтели имен), знали в лицо всех граждан, и просили дружеским пожатием руки подать за них голос в день выборов. От блестящей белой тоги (*toga candida* — белые плащи) они и получили название *s a n d i d a t i*, название, которое и до настоящего времени употребляется еще в отношении лиц, ищущих занять какую-либо государственную должность.

Цицерон, давно уже любимый за свои речи, был выбран огромным большинством голосов на одну из двадцати квесторских должностей, которые раздавались ежегодно. Каждый проконсул и каждый претор получали к себе в провинцию такого квестора, и Цицерону досталась по жребию должность квестора в Сицилии (в 76 году до Р. Х.). Своим бескорыстием, любовью к справедливости и обходительным обращением Цицерон заслужил здесь такое всеобщее расположение, что при отъезде все города избрали его своим патроном (покровителем) в Риме.

Только с достижением 36-летнего возраста можно было получить следующую государственную должность, звание эдила. Цицерон все время, пока не достиг означенных лет, занимался ведением судебных дел. Из них самым знаменитым было веденное против Верреса. В 70 году сикулы передали Цицерону, как своему заступнику (*patronus*), жалобу на претора Верреса, который в течение трех лет, совершенно как разбойник, грабил Сицилию. Веррес вывозил статуи богов из храмов, дорогие картины и ковры из домов частных лиц и брал взятки при всяком удобном случае. Несмотря на то, что защиту Верреса принял на себя Гортензий, после подавляющей обвинительной речи¹ Цицерона Веррес был признан виновным и приговорен к изгнанию. В 69 году Цицерон был избран в *Aedilis curulis* и, состоя в этой должности, обязан был наблюдать за зданиями, улицами, рынками, общественным здоровьем и нравами, а также получил надзор за общественными играми. Надзор за общественными играми составлял весьма дорогостоящую обязанность. Чтобы не вводить государство в излишние издержки по устройству общественных игр, эдилы должны были сверхсметные расходы на них покрывать из собственных своих средств. Этим обстоятельством эдилы пользовались для приобретения себе популярности. Народ принимал это в соображение и впоследствии, при выборах, вознаграждал эдилов или назначением на высшие должности, или предоставлением в управление богатых наместничеств. В деле этих расходов Цицерон придерживался середины между расточительностью и скупостью и в течение годичного исправления эдильской должности сумел заслужить удовольствие своих сограждан.

Затем Цицерону пришлось снова выжидать еще два года, прежде чем получить право домогаться следующей высшей должности — должности претора. В то время было восемь преторов. Они состояли председателями судов и по своему сану занимали первое место после консулов. В этой судебной должности Цицерон имел возможность выказать в самом лучшем свете как свою справедливость, так и свое знание законов. Заслуженное им во время исправления этой должности (в 66 году) всеобщее одобрение увеличило его славу и по прошествии двух лет облегчило ему путь к консульству. Несмотря на то, что Цицерон,

¹ Все обстоятельства дела, послужившие материалом для обвинения, Цицерон изложил впоследствии и изложил в сохранившихся до настоящего времени восьми книгах *Actio in Verrem*.

как претор, должен был каждый день заседать в суде, он все свои свободные часы посвящал защите своих друзей, когда их обвиняли в судах других преторов, ежедневным упражнениям в красноречии у себя на дому, ведению обширной переписки и слушанию знаменитых греческих ораторов, которые время от времени посещали Рим и читали здесь свои лекции.

Наконец Цицерон достиг 43 лет, законом установленного возраста, ранее которого начиная с 180 года до Р. Х. никто не мог быть консулом. Уже за год перед тем Цицерон в своей белой тоге начал неутомимо вращаться среди граждан, постарался снискать расположение наиболее влиятельных из них, а главным образом самой изысканной внимательностью привлек на свою сторону Красса, Помпея и Цезаря, этих трех могущественных лиц того времени. В день выборов счастье благоприятствовало Цицерону и он был выбран при первом же голосовании. Вместе с Цицероном в консулы был избран М. Антоний Гибрид, которого мы знаем уже как человека, опозорившего свое имя.

Услуга, оказанная Цицероном отечеству во время его консульства, описана в предыдущей главе. О дальнейшей судьбе Цицерона будет сообщено в своем месте.

33. Первый триумвират (60 г. до Р. Х.)

Помпей сделал величайшую политическую ошибку, когда по своему прибытии в Брундузий распустил большую часть войск и тем самым лишил себя силы, с помощью которой мог достигнуть единовластия. В этом ему скоро пришлось убедиться на деле. Сенатская партия, в противоположность бессильному теперь победителю, была преисполнена самоуверенности, и против Помпея составила настоящая оппозиция под предводительством Лукулла, Метелла Критского и М. Порция Катона, которая добивалась ни больше ни меньше как сорвать с его головы победный венок. Помпею было отказано во всех его требованиях. Ни одно распоряжение, сделанное им на Востоке, не было утверждено, наделение его ветеранов земельными участками было отвергнуто, а избрание его в консулы на следующий год воспрепятствовали под тем предлогом, что в силу одного из законов Суллы такое избрание могло состояться не ранее как через десять лет. С неудовольствием увидел Помпей, что влияние его уничтожено. После долгих колебаний он обратил свои взоры на смело пробивавшего себе дорогу Юлию Цезаря, который только что вернулся из Лузитании, чтобы добиваться в Риме консульства.

Помпей вознамерился привлечь на свою сторону Юлия Цезаря и сделать из него послушное орудие своих замыслов. Юлий Цезарь охотно протянул руку Помпею, который все еще продолжал пользоваться большим влиянием в народе. При содействии Цезаря произошло при-

мирение Помпея и с Крассом. Союз с ним представлялся чрезвычайно драгоценным, так как на выборах Красс мог доставить поддержку богатого купечества из сословия всадников. Таким образом был заключен союз трех мужей (триумвират), который один новейший историк (Друманн) метко назвал «союзом благоразумия со славой и богатством». Красс и Помпей по своей недалекости и не замечали, что в то самое время, как они воображали получить возможность воспользоваться услугами Цезаря, этот последний избрал их самих орудиями для своих замыслов.

С помощью обоих своих союзников Юлий Цезарь был избран вместе с аристократом Бибулом в консулы на 59 год. Бибул не в состоянии был бороться с этим явным любимцем народа. Уже в самом начале исправления своей должности Бибул потерпел неудачу. Однажды при возвращении домой его чуть было не забросали до смерти грязью и камнями. С этих пор Бибул не посещал уже более заседаний сената и народных собраний и ограничивался лишь письменными протестами против распоряжений Цезаря и, конечно, без всяких последствий. Первой законодательной мерой Цезаря был предложенный им «Юлианский закон о полях», по которому полевая земля в Кампании, обращенная в силу одного из распоряжений Суллы в государственную землю (*ager publicus*), должна была быть разделена между теми из беднейших граждан, которым приходилось содержать довольно значительные семейства. Катон и вместе с ним вся аристократическая партия восстали в сенате против этого предложения самым решительным образом. Тогда Цезарь перенес это дело в Народное собрание, которое и утвердило закон о полях. Цезарь также настоял на утверждении всех требований Помпея и между ними на наделении его ветеранов земельными участками, для чего он внес все его предложения непосредственно в народное собрание. В то же время Цезарь успел приобрести и особенное расположение всадников, выхлопотав им прощение части взятой ими на откуп суммы государственных налогов под тем предлогом, что они во время последней войны с Митридатом понесли большие потери в своих доходах.

*Юлий Цезарь.
С античного бюста.*

По истечении годовичного срока своего консульства Цезарю удалось получить в управление на пять лет Галлию по сю сторону Альп (*Gallia cisalpina*) и римскую провинцию в юго-восточной Галлии по ту сторону Альп (*Provincia romana* или *Narbonensis*). Вместе с тем он получил в свое распоряжение четыре легиона. В благодарность за оказанное при этом содействие Цезарь выдал замуж за Помпея свою юную и прекрас-

ную дочь Юлию. Остальные два триумвира остались пока в Риме. Но прежде отправления Цезаря к месту назначения партии оптиматов был нанесен смертельный удар. Орудием к тому послужил демагог и народный трибун П. Клодий, опозоривший себя наглостью и безнравственностью. Он внес предложение, что всякий, кто приговорил к смертной казни римского гражданина без соблюдения законом установленных судебных формальностей (*indicia causa*), должен подлежать изгнанию. Само собою разумеется, что предложение это главным образом было направлено против Цицерона, который осудил на смертную казнь соумышленников Катилины без соблюдения этих формальностей. Предложение это было утверждено Народным собранием, и Цицерон, несмотря на то, что обратился к Помпею и умолял его на коленах о пощаде, принужден был оставить Рим и отправился в Фессалоники (Салоники). После отъезда Цицерона Клодий опустошил его поместья и разрушил его дом.

Совершенно другим способом отделались от неудобного Катона. По предложению Клодия, который со своими приспешниками в это время был истинным господином Рима, Птоломей, царь Кипра, был объявлен лишенным престола за то, что он покровительствовал морским разбойникам. Решением Народного собрания Катон был избран для принятия и сдачи острова Кипра и царских сокровищ в римскую собственность. Для виду в основание такого решения к нему было прибавлено примечание, «потому что такое шекотливое поручение может быть выполнено с успехом лишь человеком столь испытанного бескорыстия, как он». Катон исполнил свою задачу со свойственной ему добросовестностью и доставил в государственную казну всю сумму, вырученную им через продажу царского имущества.

34. Гай Юлий Цезарь

(Род. в 100 (99 ?) г., ум. в 44 году до Р. Х.)

Прежде чем мы последуем за Цезарем в его провинцию, познакомимся с отличительными чертами характера и важнейшими событиями предшествовавшей жизни этого величайшего из всех римлян.

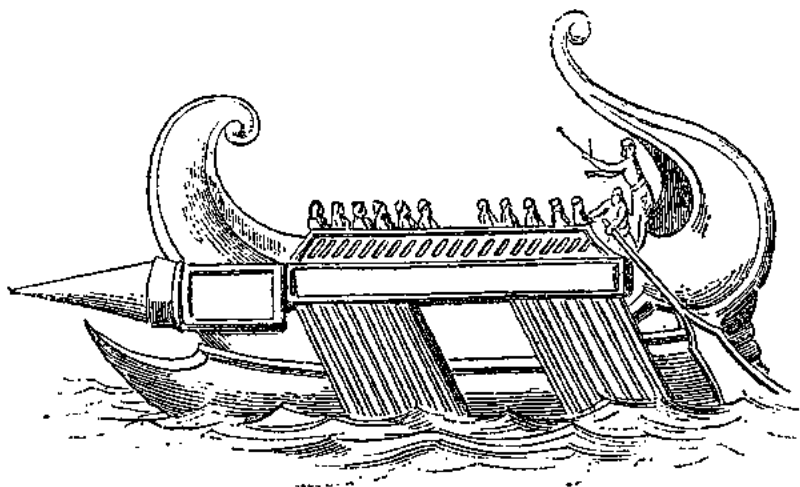
Природа щедро наделила Цезаря своими дарами: прекрасной благородной наружностью, орлиным носом и черными живыми глазами, в которых блистали ясность и приветливость. Хотя Цезарь не обладал особенной физической силой, но отличался неутомимостью и выносливостью. Несмотря на бледный и худощавый вид, в жилах его текла горячая кровь. Периодическая головная боль, которая делает других неспособными к деятельности, не оказывала на него дурного влияния; он старался лишь укрепить свое тело военными упражнениями, верховой ездой, фехтованием, плаванием. Пища Цезаря была проста, часто скудна. Пьяным его никогда не видели. Все, что делал Цезарь, он делал быстро, живо и притом с осмотрительностью. Любовь к женщинам и

честолюбие составляли его величайшую и чрезмерную страсть. Но при всем этом он никогда не терял остроты и ясности ума, сметливости и твердости воли. Безграничное честолюбие часто заставляло Цезаря быть не слишком разборчивым в выборе средств и людей, которыми он пользовался для достижения своих целей. В обращении своем он отличался любезностью и мягкостью и неотразимой силой своей личности производил чарующее впечатление на всех окружавших его людей. Блиставшая в его взгляде благосклонность никогда не обманывала. Цезарь был чужд мелких интриг и великодушен к врагам. Так, например, он, не читая, приказал сжечь целую кипу переписки, найденную после битвы при Фарсале, несмотря на то, что переписка эта могла многих компрометировать. Способность Цезаря верно определять положение вещей и людей достойна величайшего удивления. Его необыкновенный организаторский талант, благодаря которому он умел пользоваться всеми силами и безошибочно назначать каждого человека на соответствующее ему место, придавал всем его действиям такое полное согласие, что оно почти всегда вело к задуманной цели. Если бы захотели выразить немногими словами умственное величие Цезаря, то это можно сделать словами Друманна. «Большинство людей, — говорит он, — обессмертило свое имя каким-нибудь односторонним величием; Цезарю же природа дала право быть великим во всем; ему предоставлен был выбор блистать в качестве полководца, государственного человека, законодателя, законоведа, оратора, поэта, историка, филолога, математика или архитектора».

Цезарь рано лишился своего отца, но его мать Аврелия, одна из замечательнейших женщин, позаботилась о его воспитании и доставила ему возможность получить образование у самых лучших учителей. От нее самой Цезарь научился чарующей, мягкой, вкрадчивой речи и привлекательной обходительности в обращении, благодаря которым впоследствии он повсюду пользовался всеобщим расположением. Хотя Цезарь и не имел возможности посвятить столько же времени, как Цицерон, изучению красноречия, тем не менее он говорил в сенате и в судебных заседаниях так живо, убедительно, трогательно и приятно, что он в качестве лишь оратора мог быть причислен к знаменитейшим мужам Рима.

Цезарь был шестью годами моложе Помпея и в то время, когда этот последний успел заслужить уже от Суллы прозвание Великого, был только семнадцатилетним юношей. Но уже и тогда Цезарь не считал себя хуже всех тех, которых он видел занимающими высшие должности и даже в этом раннем возрасте выказал себя гораздо мужественнее, чем великий Помпей. Как уже известно, Сулла во время своих проскрипций приказал истребить всех приверженцев и в особенности родственников Марии и Цинны. Цезарь, женатый на дочери Цинны, получил приказание развестись со своей женой. Помпей имел также молодую жену, которую любил очень нежно, но Сулла дал ему понять, что он предпочитает сделать его своим собственным зятем. И как же посту-

пил великий Помпей? Он бросил свою верную супругу, мать которой вследствие этого умерла от огорчения, и женился на падчерице Суллы. Цезарь же, напротив, громогласно заявил, что никакая человеческая власть не заставит его расстаться с любимой женой. Это благородное сопротивление имело для Цезаря последствием внесение его в список проскрипции. Он бежал из Рима, а все имущества жены его были немедленно отобраны в казну. Спасаясь от сыщиков диктатора, Цезарь бежал из города в город, каждую ночь переменил место своего ночлега, и под конец вследствие болезни его переносили в носилках. Между тем

*Греческий разбойничий корабль.
С античной монеты.*

некоторые из друзей Суллы просили за Цезаря, и даже весталки ходатайствовали о его помиловании, так что наконец Сулла после долгого сопротивления сдался и вычеркнул имя Цезаря из списка приговоренных к смерти. При этом Сулла сделал следующую приписку: «Глупцы! вы сами не знаете, чего просите. Этот молодой человек стоит нескольких Мариев».

Однако Цезарь не был еще вполне убежден в своей безопасности и отправился в Азию, где под начальством Муниция Ферма начал свою военную службу. Только по смерти Суллы он возвратился в Рим и, подобно Цицерону, испробовал свои силы в качестве судебного оратора. Затем Цезарь решил совершить поездку на остров Родос, к знаменитому оратору Молону, но судно его попало в руки морских разбойников, которые не были еще истреблены Помпеем. По многочисленной свите и важной осанке разбойники заключили, что Цезарь принадлежит к высшему сословию, и потребовали у него 20 талантов выкупа (40 500 р.). Он назвал их глупцами за то, что они не потребовали больше за та-

кого человека, как он. «Вы получите пятьдесят!» — воскликнул он и немедленно отправил своих спутников в Милет, чтобы собрать у союзников обещанную сумму. В ожидании денег Цезарь вместе с врачом и двумя рабами пробыл шесть недель в обществе морских разбойников и внушил им к себе такое уважение, что казался не пленником, а их повелителем. Когда ему хотелось, то он приказывал им сохранять тишину. Иногда ради забавы Цезарь читал им свои стихи или сочинения в прозе, чтобы видеть, какое впечатление они могут произвести на подобного рода людей. Обыкновенно разбойники оставались при этом совершенно равнодушны, и тогда Цезарь, громко смеясь, называл их дураками и грозил распять их на кресте, как только он получит свободу. Разбойники смеялись и делали все, что он хотел. Наконец возвратились посланные Цезарем люди, привезли собранные в Милете деньги, и Цезарь, согласно своему обещанию, выкупился 50 талантами (101 250 р.). Но он не забыл также и другого своего обещания, выпросил у наместника Милета несколько хорошо вооруженных кораблей, быстро нагнал своих прежних товарищей, захватил их судно, заставил возвратить себе свои деньги и отвел разбойников пленниками в Пергал, где легко выхлопотал от местного начальства повеление распять их всех на крестах.

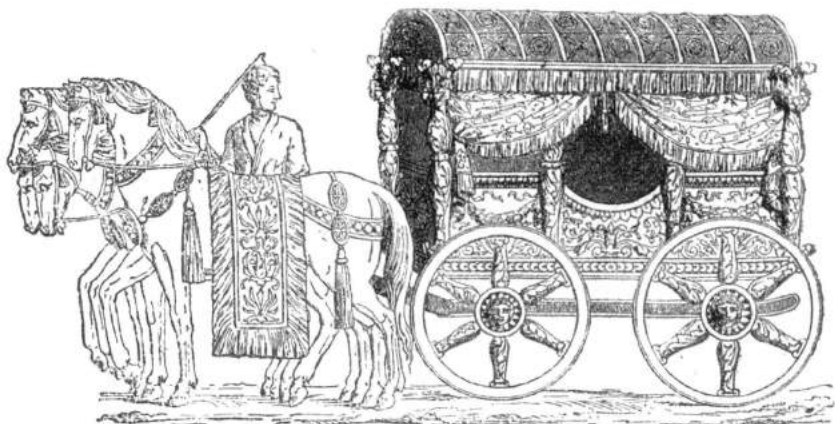
По возвращении своем в Рим Цезарь несколько лет прожил молодым шеголем, одевался весьма тщательно, умащал себя благовониями, веселился, не переставал ухаживать за дамами и охотно принимал у себя всякого, кто желал с ним повеселиться. Но при всем этом он не пропускал ни одного заседания в народном собрании, ухаживал за самими незначительными гражданами, называл всех по имени и предлагал им свои услуги. Что касается блестящих побед Помпея, о которых все тогда только и говорили, то Цезарь делал вид, что не имеет о них ни малейшего понятия.

Наконец Цезарь достиг возраста, когда он получил право добиваться самой низшей почетной государственной должности. На первых же выборах он получил звание квестора и отправился с претором Антистием в Испанию по ту сторону реки Эбро (в 68 году). Но еще до своего отъезда в Испанию Цезарь воспользовался еще одним случаем, чтобы выказать себя перед народом одним из усерднейших его защитников. В это время умерли жена Цезаря Корнелия и вдова Мария, которая свои последние годы прожила в совершенной неизвестности, так как постановления Суллы, которыми под страхом смертной казни запрещалось упоминать имя Мария и все, что о нем напоминало, продолжали сохранять еще свою силу. Так как она была сестрой отца Цезаря, то он, к великой радости народа, устроил ей великолепные похороны и произнес при этом надгробную речь, в которой открыто прославлял имена Мария и Цинны. Марий все еще имел многочисленных приверженцев среди народной черни, и народ восхищался смелостью племянника и видел в нем будущего избавителя от владычества аристократов.

*Плач по умершим.
С античного барельефа.*

Квестор обязан был объезжать все маленькие городки своей провинции и улаживать возникавшие в них споры. Цезарь исполнил это дело с усердием и добросовестностью, и все города остались довольны его правосудием. Он обыкновенно ездил в повозке в сопровождении двух писцов, которым дорогой диктовал. На дурных ночлегах Цезарь также имел обыкновение спать в повозке. Между прочим он заехал в Гадес (ныне Кадикс), в котором находился храм Геркулеса, украшенный статуей Александра Македонского. С необыкновенным волнением остановился Цезарь перед изображением знаменитого героя и сказал своим окружающим: «В мои лета он уже завоевал мир, а я еще ничего не сделал!»

Римская дорожная повозка.

По истечении года Цезарь поспешил вернуться в Рим и в первый раз занял свое место между сенаторами. Он сделал все возможное, чтобы возвысить значение Помпея, вполне понимая, что впоследствии будет весьма легко управлять этим человеком, а затем свергнуть его. В отношении граждан Цезарь выказывал безграничную щедрость, в рас-

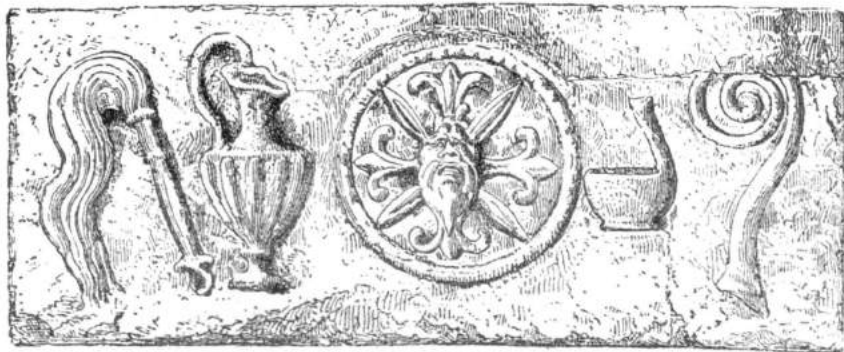
*Цезарь — верховный жрец.
С античного бюста.*

точительности же нисколько не уступал Катилине. С избранием же в эдилы (в 65 году) Цезарь поразил народ общественными играми, на которых выступили 320 пар гладиаторов в серебряном вооружении.

Наконец Цезарю захотелось пожать первые плоды своих усилий и трудов. Открывалась должность верховного жреца, высокий сан, в который избирались самые уважаемые и заслуженные мужи. Два сенатора, пользовавшиеся всеобщим уважением, Кв. Лутаций Катул и

П. Сервий Изаврик, добивались уже этого звания; Цезарю же в это время было всего 36 лет. Народ приступил к выборам, и Цезарь возложил на народ все свои упования. Наступил день выборов. Цезарь облекся в кандидатский плащ и отправился на форум. Его превосходная мать со слезами и опасением проводила его до дверей дома. «Матушка, — сказал Цезарь, обнимая ее, — при моем возвращении ты увидишь меня или верховным жрецом, или изгнанником!» Цезарь пошел решительным шагом, исполненный доверия к народу, и не обманулся; он вернулся в объятия своей матери верховным жрецом к изумлению всего сената (в 63 году).

С таким же счастьем Цезарь вскоре вслед затем получил большинство голосов и при выборах в п р е т о р ы. Это случилось в тот год, на который Цицерон был избран консулом. По истечении года Цезарь

*Знаки достоинства верховного жреца.
С античного барельефа.*

стал добиваться наместничества и получил в свое управление провинцию Испанию по ту сторону реки Эбро. Но страшные расходы повергли Цезаря в такие долги, что заимодавцы не хотели его выпустить. Он сам однажды сказал, смеясь, обедавшим у него гостям: «Мне требуется приблизительно пятнадцать миллионов, чтобы иметь право сказать, что я ничего не имею». Благодаря своему искусству Цезарь вскоре склонил на свою сторону богатого Красса; Красс поручился за него, и затем Цезарь беспрепятственно отправился в свою провинцию. На пути в Испанию он проезжал со своей многочисленной свитой через одно маленькое грязное местечко по ту сторону Альп, над жалкой внешностью которого его подчиненные сильно издевались. Один из них между прочим спросил, неужели и в этом городишке могут существовать споры о должностях, раздоры партий и интриги? «Без всякого сомнения, — отвечал Цезарь, — но я желал бы лучше быть первым в этом местечке, нежели вторым в Риме».

В Испании Цезарь впервые выступил полководцем. Он подчинил римской власти значительную, остававшуюся до тех пор непокорен-

ной, часть Испании и Лузитании, населенную воинственными полудикими племенами. В то же время он пользовался всеми случаями собрать как можно больше сокровищ и выплатил ими свои долги.

Счастливые завоевания доставили Цезарю славу в Риме. Вернувшись в Рим, Цезарь стал добиваться консульства, которое он и получил благодаря своим многочисленным приверженцам (в 59 году).

35. Цезарь в Галлии (58—51 гг. до Р. Х.)

Трансальпийская Галлия¹, нынешняя Франция, была населена кельтскими племенами, между которыми самыми могущественными были арверны в нынешнем Оверне, эдуи, их северные соседи и секваны между Юрой и Саоной. Начиная от Арденнского леса до устьев Мааса и Рейна обитали бельги, составлявшие большой союз народов, к которому принадлежали воинственные тревиры (по Мозелю), эбуроны (по Маасу) и нервийцы (на севере от Мааса). До Цезаря римляне владели лишь так называемую Провинцией, то есть страной между Альпами и Севеннами. Цезарь целым рядом счастливых походов распространил римскую власть на всю Галлию. Об этих походах, равно как и о нравах, состоянии образованности, религии и государственных учреждениях галлов Цезарь оставил нам собственное обстоятельное и мастерское описание в своих *Commentarii de bello Gallico* («Записки о Галльской войне»). Не имея возможности входить в отдельные подробности этого описания, так как это не позволяет нам ограниченность места, мы должны будем удовольствоваться лишь кратким обзором наиболее замечательных событий этих походов.

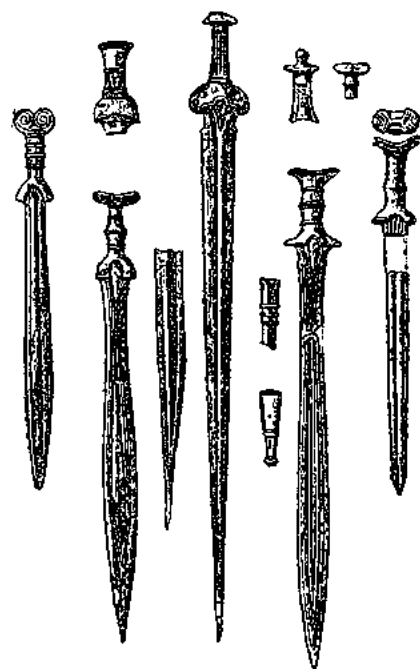
Ко времени прибытия Цезаря в Галлию кельтские гельветы, обитавшие между Рейном и Юрой, решили покинуть свою гористую страну, так как они были стеснены в ней со всех сторон, и искать себе в плодородной Галлии новых мест для поселения. Они сожгли свои города и селения и потянулись по направлению к Женевскому озеру (*Lacus Lemannus*). Но здесь Цезарь преградил им дальнейший путь, несмотря на то, что они обещались во время похода через Римскую провинцию воздерживаться от всяких насилий. Они попытались силой пробиться через Родан (Рону), но были отброшены назад. Тогда гельветы направились к северу. Секваны свободно пропустили их, и таким образом гельветы явились в область эдуев. Когда гельветы опустошили область эдуев, то эдуи, будучи «друзьями и братьями римского наро-

¹ Галлия распадалась на три части: Бельтику, Кельтику, Аквитанию, а эти последние на множество самостоятельных округов. Правление в них было аристократическое. Господствующими сословиями были всадники (землевладельческое дворянство) и друиды (жрецы, бывшие в то же время законоводами, судьями, врачами). Религия была полна таинственности и суеверных обрядов и даже требовала человеческих жертвоприношений.

да», как льстиво назвал их сенат, обратились за помощью к Цезарю. Цезарь, получив в это время подкрепление, разбил гельветов в сражении при Б и б р а к т е (Отён). Произведенное им здесь среди гельветов кровопролитие было ужасно. Из 368 000 человек — в таком числе выступили гельветы в поход — осталось лишь 110 000. Эти последние принуждены были вернуться на свою родину и приняты за восста-

новление своих городов и деревень. Таким образом гельветы должны были составить род оплота против все сильнее и сильнее напиравших германцев.

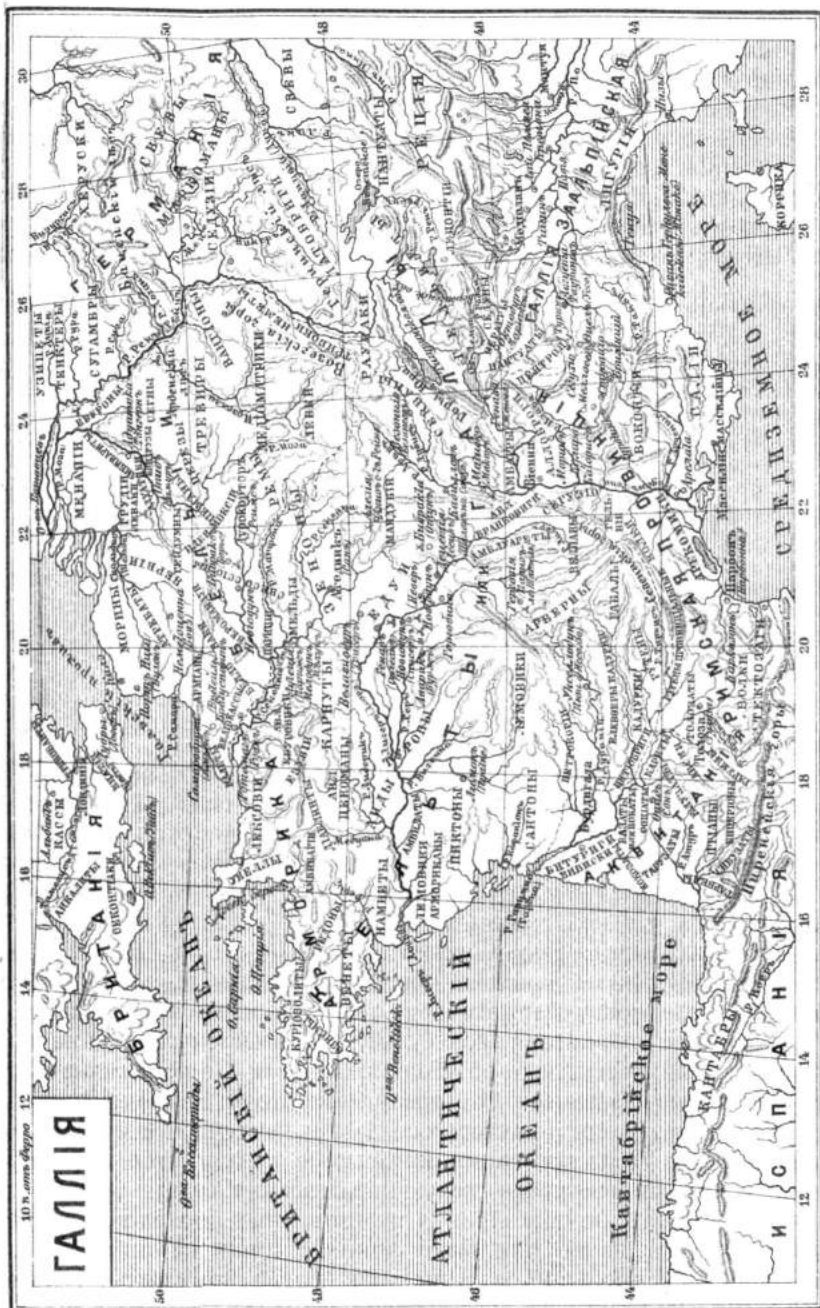
Возникший между эдуями и секванами раздор привел Цезаря в враждебное соприкосновение и с германцами. Секваны призвали себе на помощь царя свевов¹, одного германского племени по имени Ариовиста. За эдуев заступился Цезарь, так как интересы Рима не могли терпеть поселения вблизи римской провинции столь воинственных племен, каковыми были германцы. Сначала Цезарь предложил Ариовисту съехаться с ним для того, чтобы мирным путем уладить накопившиеся спорные вопросы. Но Ариовист с гордостью ответил: «Если Цезарю что-нибудь от меня нужно, то пусть он сам придет ко мне». Второе посольство Цезаря потребовало выдачи за-

Галльское оружие.

ложников, которых Ариовист взял от эдуев, и обещания, что он не допустит дальнейших вторжений германцев в Галлию. На это Ариовист возразил, что в силу права, предоставляемого ему победой, он привык обращаться с побежденными совершенно так же, как обращаются римляне с побежденными ими народами. Эдуи обязаны платить ему дань, и он не намерен выдавать заложников. Когда же Цезарь угрожающим тоном уведомил его, что он заступится за эдуев, то Ариовист в ответ на эту угрозу возразил, что до сих пор еще ни один враг не вступал с ним в битву без того, чтобы самому не быть разбитым. Если Цезарь желает, то может сам прийти к нему, и тогда он узнает, как сражаются непобедимые, воинственные германцы, которые уже 14 лет не ночева-

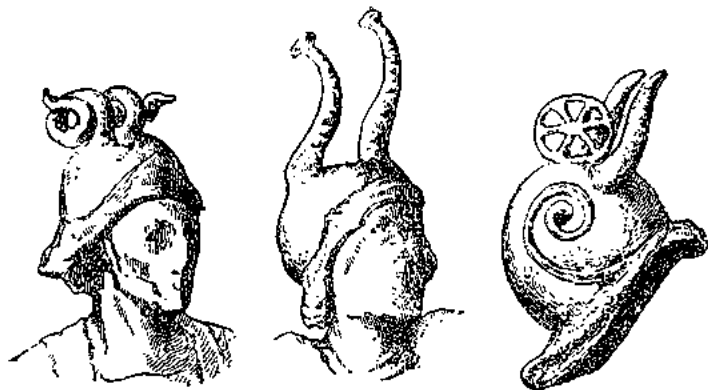
¹ Suebi — бродячие, то есть кочевники. «Их храбрость, — как уверяет Caes. de B. G. IV, 7, — так велика, что сами боги не могли в ней с ними сравняться».

Галлія

ли под кровлей. Теперь Цезарю нельзя было терять времени. Усиленным маршем он выступил к Б э з о н ц и о (Безансон) навстречу неприятелю.

Во время остановки Цезаря на несколько дней у Безонцио¹ для приведения в порядок продовольствия и подвоза римляне собрали от галлов и купцов сведения о неприятеле. Как те, так и другие не могли довольно наговориться об исполинском росте германцев, их баснословной храбрости, их военной опытности; часто встречаясь с германцами, они ни разу не могли выдержать ни их грозного выражения лица, ни

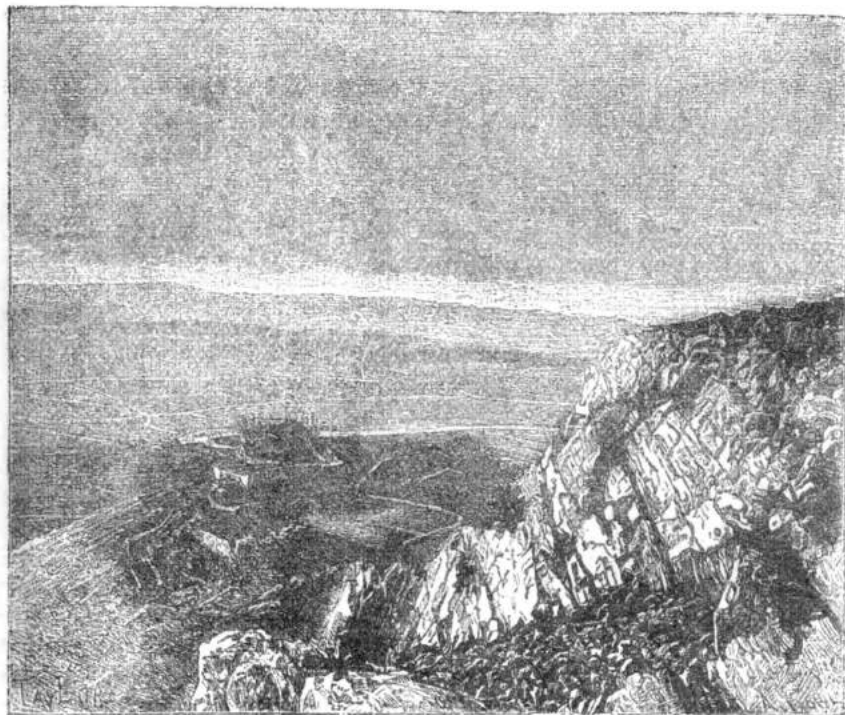
Галльские шлемы.

пламенного их взгляда. Эти мнения сразу навели страх на все войско; всеми овладело лихорадочное волнение. Страх прежде всего распространился между военными трибунами, префектами и другими лицами, которые, не имея достаточных познаний в военном деле, последовали за Цезарем лишь из одной привязанности к нему. Эти лица явились к Цезарю и под разными предложениями настоятельно требовали своего увольнения. Остались лишь весьма немногие, стыдясь выказать свой страх; но они не только не могли сохранить внешнего спокойствия, но даже не могли сдерживать своих слез: они сидели в своих палатках и или наедине оплакивали свою судьбу, или вместе с своими наперсниками горько рассуждали об общей опасности. Во всем стане писались духовные завещания. Это проявление страха не замедлило распространиться в лагере и на старых солдат, на центурионов и начальников конницы. Те из последних, которые не желали, чтобы их лично считали трусами, выражали следующие опасения: они не боялись самого неприятеля, но опасались затруднительных проходов и обширных лесов, отделявших римлян от Ариовиста; или же они выражали опасения насчет больших затруднений к правильному подвозу продовольствия. Некоторые же представляли даже Цезарю, что солдаты из

¹ См. Commentarii Цезаря, I, 39—41.

страха выйдут из повиновения и не пойдут вперед, когда им будет отдан приказ выступить в поход.

Узнав об этом, Цезарь созвал общий военный совет, пригласил на него всех центурионов и прежде всего сделал им выговор за то, что они считали себя призванными обсуждать и критиковать цель и средства похода. Разве Ариовист в год консульства Цезаря выказал более желания сохранить дружбу римского народа; почему же можно предполагать, что теперь он легкомысленно нарушит эти дружеские отношения? Что касается лично его, то он твердо уверен в том, что Ариовист

Окрестности Безансона.

не захочет лишиться благоволения Цезаря и римлян, как скоро узнает их требования и убедится в справедливости этих требований. Но если бы Ариовист в пылу своей слепой страсти и своего безумия и действительно начал войну, чего же все-таки им бояться? Почему должны они не доверять собственной своей храбрости или благоразумию своего вождя? Ведь тот же самый враг хорошо уже был известен во времена их отцов, когда Марий разбил кимвров и тевтонов и когда и войско, и предводитель его стяжали себе громкую славу, и т. д. В заключение Цезарь объявил, что даже в том случае, когда никто не последует за ним,

он все-таки пойдет в поход с одним десятым легионом, воины которого отныне будут его телохранителями.

Этой убедительной речью Цезарь поднял дух своего войска — все прониклись мужеством и военной отвагой. Прежде всего десятый легион через своих военных трибунов принес Цезарю благодарность за то, что он отличил его; затем и остальные легионы старались оправдаться и уверить в том, что они никогда не выказывали ни нерешительности, ни страха и не помышляли вмешиваться в распоряжения полководца относительно ведения войны.

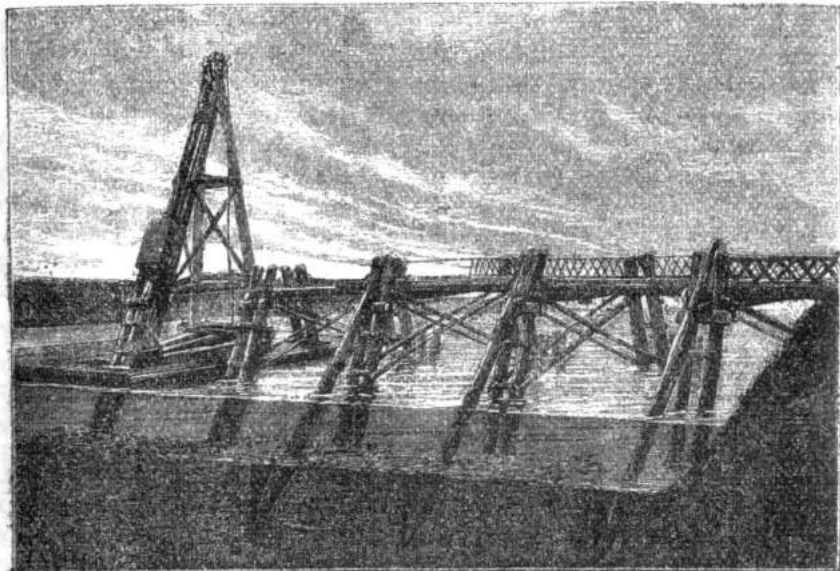

Военный совет.

С барельефного изображения на Траяновой колонне.

Прежде чем начать военные действия, Ариовист предложил свидание. Цезарь согласился. Но свидание это не привело ни к чему, так как Цезарь не изъявил своего согласия на предложение Ариовиста оставить германцам северную часть Галлии. Германские всадники вероломно напали на римских, которых Цезарь взял с собой. Но Цезарь предусмотрительно взял с собой на это свидание верхи легионных солдат и преимущественно из надежного десятого легиона, благодаря храбрости которых нападение не имело успеха. Затем переговоры были прекращены навсегда. Ариовист долго не решался вступить в решительную битву. Наконец римскому полководцу удалось принудить его принять сражение, которое состоялось в окрестностях Мюльгаузена (на Чернейской равнине). Ариовист потерпел полное поражение и едва сам успел спастись, переплыв на челноке через Рейн; вскоре после этого он умер от полученных им ран. Обе жены его также погибли во время бегства.

Таким образом Цезарь в одно лето совершил два важных похода. Затем, немного ранее наступления осеннего времени, он расположил свое войско на зимние квартиры у секванов. На зиму главное начальство над войском было передано легату Л а б е н у; сам же Цезарь отправился в Галлию по эту сторону Альп для разбора и решения спорных дел. Здесь он получил от Лабиена известие, что б е л г и составили тайный союз против римлян, так как они опасались, что после покорения римлянами остальной Галлии, настанет очередь и их порабощения. Вследствие этого в начале 57 года Цезарь выступил в поход против них.

*Мост на сваях через Рейн.
Рестаурация.*

Белгийский союз вначале состоял из многих племен, но распался после первых же неудач, понесенных при неуспешной осаде дружественного римлянам города Бибракса, при отбитии с громадными потерями нападения на лагерь Цезаря, и вследствие незамедлившего наступить недостатка в жизненных припасах. Цезарь воспользовался всеобщим замешательством и покорил племена белгов порознь. Только одно племя свободных н е р в и й ц е в оказало при этом необыкновенно мужественное сопротивление. Римское войско очутилось в большой опасности на реке С а б с е (Самбре). Нервийцы неожиданно появились здесь из своих засад из терновника и кустарника, которые они умели переплетать с большим искусством, и яростно напали на легионы, не успевшие еще построиться в боевой порядок. Лишь благодаря распорядительности Цезаря, образцовой дисциплине и находчивости

солдат, которые, не дожидаясь команды, сами быстро оправились, легионам удалось спастись от поражения.

В 56 году легат Цезаря, П. К р а с с, сын триумвира, покорил западные области. Сам Цезарь покорил отважных и опытных в морском деле в е н е т о в, жителей Арморики (Бретани и Нормандии). Равным образом и воинственные а к в и т а н ы, жившие между Гаронной и Пиренеями и имевшие возможность выставлять в поле до 50 000 воинов, были покорены способным и счастливым легатом П. Крассом, так что к концу 56 года покорение всей Галлии можно было считать совершенно законченным.

Однако до тех пор, пока германские племена занимали берега Рейна и были готовы при первых благоприятных обстоятельствах вторгнуться в Галлию, завоевание этой страны не представлялось обеспеченным. Ввиду этого Цезарь энергично подавил первую же попытку германских у з и п е т о в и т е н х т е р о в, которые в числе 430 000 человек перешли через нижний Рейн и вступили в Галлию с целью помочь галлам сбросить с себя римское иго. Цезарь поспешил туда со своими легионами. Германцы пожелали вступить в переговоры и отправили посольство. Но во время переговоров германская конница произвела нападение на римскую конницу. Цезарь увидел в этом вероломство. Когда на другой день к нему в стан явились князья и родоначальники германцев, чтобы оправдаться в произведенном нападении, Цезарь приказал арестовать их. Затем он напал на ничего не подозревавшего неприятеля и нанес ему полное поражение. Целые тысячи, обратившись в бегство, нашли свою гибель в волнах Рейна. Цезарь перешел через реку по свайному мосту между Андернахом и Кобленцом. Переход этот он совершил не столько с целью вести продолжительную войну в Германии, сколько для того, чтобы нагнать на германцев страх перед римским оружием и тем удержать их от новых вторжений. После 18-дневного пребывания на правом берегу Рейна он перешел эту реку обратно; по всем вероятностям, причиной тому послужило и полученное Цезарем известие о том, что свевы восстали поголовно с целью отбросить его всей своей массой.

Еще отважнее и опаснее был поход в Британию, предпринятый Цезарем (в 55 году) равным образом с целью навести страх на бриттов, которые оказали поддержку своим единоплеменным союзникам в Галлии и в особенности давали убежище их беглецам. Но поход этот окончился несчастливо. Глубоко сидевшие корабли римлян вследствие мелководья у берегов не могли подойти близко к берегу. Таким образом солдатам пришлось броситься в полном вооружении в море и плыть к берегу под градом стрел. Неприятельские всадники, бросившись навстречу, произвели между римскими войсками страшную резню. Римлянам все-таки удалось достичь берега. Во время переправы Цезарь потерял от бури часть своих кораблей, поэтому он счел благоразумным удовольствоваться обещанием бриттов дать заложников, и вернулся в Галлию.

И второй поход в Британию, предпринятый Цезарем в 54 году с целью загладить предшествовавшую неудачу, не имел важных последствий. Туземцы отступили перед огромным войском, которое прибыло к острову на 800 кораблях и состояло из 5 легионов и 2000 всадников. Отважный предводитель их Казивеллавно стал во главе войска и распорядился обороной. Сознавая, что неприятель будет иметь над ним перевес в открытом поле, он вел малую войну и причинил римлянам много вреда. Но Цезарю удалось посеять раздор в войске своего противника. Некоторые из округов удалось склонить к отпадению от общего дела, и они вступили с Цезарем в частное соглашение. Тогда сила Казивеллавно была значительно ослаблена и он после завоевания его столицы принужден был согласиться на мир. Он обязался дать заложников и платить дань. Цезарь после этого поспешно вернулся в Галлию.

Со времени отбытия Цезаря в Британию в Галлии происходили сильные волнения. Они еще более усилились, когда были получены известия о далеко не блестящем ходе британской экспедиции. Надежда на возвращение свободы вновь ожила. В способных вождях недостатка не было. Во главе восстания стал эбурон Амбोरикс и тревир Индуциомар. Но Цезарь, убедясь уже по самому ее началу, в опасности, быстрыми действиями повсеместно подавил восстание (в 53 году). Однако, несмотря на это, в скором времени против чужеземного владычества вспыхнуло всеобщее национальное восстание под предводительством арвернца Верцингеторикса. Подобно Серторию в Лузитании, мужественный Верцингеторикс во главе своей конницы вел народную (партизанскую) войну с необыкновенной энергией, хитростью, решительностью и упорством и своими быстрыми, неожиданными нападениями наносил много вреда неприятелю. Однако под конец Цезарь запер его в укрепленном городе Алезии (между Шатильоном и Дижоном). Попытка атребата Коммия, пришедшего на выручку города с 240 000 человек пехоты и 8000 всадников, разбилась о храбрость римлян и о

*Верцингеторикс.
Статуя Милле.*

прочность стен, башен и брустверов, которые римляне построили с одной стороны против вылазок осажденных, а с другой против войска Коммия. Наконец голод принудил Верцингеторикса к сдаче. Вместо того, чтобы уважить доблестное, патриотическое поведение великого кельтского предводителя, Цезарь приказал взять его под стражу, чтобы сберечь его для своего триумфа.

Пять лет томился в тюрьме Верцингеторикс, пока голова его не пала под секирой палача. Боевые сподвижники Верцингеторикса, Луктерий и Драпп, бросились в горное укрепление У к с е л л о д у н. Но и этот последний оплот был взят вследствие недостатка в воде. Чтобы показать устрашающий пример, Цезарь приказал отрубить храбрым защитникам правую руку. Таким образом и последнее сопротивление кельтов было подавлено. После этого Цезарь вместо жестокой строгости стал выказывать кротость и снисходительность с целью примирить побежденных с их участью. Многим кельтам было даровано римское гражданство; множество цезарских солдат получили в Галлии земельные участки. В скором времени римский язык вошел здесь во всеобщее употребление и римская золотая и серебряная монета свободно обращалась; римское право заступило на место древних постановлений. Под конец и мрачная религия друидов пала перед римским духом. Таким образом Галлия сделалась новой колонией римской культуры и цивилизации.

36. Клодий. Возвращение Цицерона. Съезд триумвиров в Лукке (58—55 гг. до Р. X.).

В то самое время, как римляне под предводительством Цезаря распространяли свое владычество на северо-западе Европы, положение вещей в самой столице становилось все печальнее и печальнее. Внутренние смуты с каждым днем все увеличивались и увеличивались. Дерзкий народный трибун К л о д и й произвольно распоряжался на форуме и на улицах. Чернь, привлеченная Клодием законом о хлебе, в силу которого была установлена ежемесячная даровая раздача хлеба из общественных магазинов, была послушна его приказаниям. Вооруженные шайки, набранные из ремесленников, вольноотпущенников и рабов, следовали за Клодием и по первому его знаку готовы были угрозами или насилиями действовать против всех, кто решался ему противиться. Сенат не осмеливался энергично противодействовать самовластным действиям этого демагога, и Клодий предавался беспощадным грабегам и разбоям, предоставляя государственные должности своим приспешникам, раздавал привилегии своим любимцам или же продавал их другим по высокой цене и этим путем приобретал содержание и деньги для своих вооруженных шаек. Помпей, единственный человек, который обладал достаточным влиянием и силой для

успешного противодействия Клодию, оставался в бездействии до тех пор, пока к собственному своему ужасу не заметил, что все более и более заносчивый предводитель этих разбойничьих шаек забрал уже и над ним сам им силу. Клодий осмелился даже, вопреки желанию Помпея, содействовать освобождению младшего Тиграна. Незадолго перед тем Тигран обещал Клодию большую сумму денег. Когда претор Флавий по поручению Помпея хотел остановить беглеца, то Клодий с вооруженной шайкой воспротивился этому. Произошла вооруженная схватка, в которой конвоировавшие претора были убиты. Даже консул Габиний, друг Помпея, в одной из уличных схваток подвергся нападению шайки Клодия. Сам Помпей был осажден в своем собственном доме грубой толпой и из страха пасть от руки убийцы в течение нескольких месяцев никуда не показывался.

До сих пор Клодий постоянно прилагал все свои старания, чтобы воспрепятствовать возвращению своего смертельного врага Цицерона. Пока Клодий оставался трибуном, ему это легко удавалось. Но когда он 10 декабря 57 года, потерял эту должность и, кроме того, поссорился с обоими народными трибунами, П. Секстием и Аннием Милоном, то такое предложение призвать изгнанного Цицерона могло рассчитывать на успех. Чтобы чувствительнее досадить Клодию, Милон действительно сделал такое предложение. Из предосторожности Милон также набрал шайку сильных вооруженных людей. При их помощи в сентябре 56 года удалось настоять на отмене постановления об изгнании Цицерона.

Таким образом Цицерон после 16-месячного отсутствия получил возможность возвратиться. Уже на пути в Рим при проезде Цицерона во всех провинциальных городах ему был оказан блестящий и самый лестный прием со стороны всех друзей порядка. Сам Цицерон не без тщеславия рассказывает: «Вся Италия несла меня в Рим на своих плечах. При моем въезде в столицу народ располагался на ступенях храмов, наполнял форум и сопровождал меня рукоплесканиями и криками восторга в Капитолий, где я возблагодарил богов за возрождение республики. Казалось, что сами стены, дома и храмы радовались вместе со мной».

Теперь наступили относительно спокойные времена. Развратный Клодий доигрывал свою политическую роль; сенат при содействии Милона возвратил свои права и старался добиться прежнего влияния. Помпей с наступлением благоприятных обстоятельств стремился освободиться от своей недавней жалкой роли. Поводом к тому послужили наступившие в Риме дороговизна и голод. Теперь Помпей снова получил возможность выступить на первый план. Через своих друзей Помпей внес в сенат предложение о том, чтобы ему одновременно с званием проконсула был поручен высший надзор над всеобщей раздачей хлеба и за всей торговлей во всех гаванях и на всех рынках Римского государства и даны были для этого чрезвычайные полномочия на 5 лет с правом самому выбрать себе в помощники 15 легатов. Предложе-

ние это прошло и могло послужить к тому, чтобы вновь несколько освежить начинавшие блекнуть победные лавры Помпея, которому в лице Цезаря вырастал опасный соперник.

Цезарь все время зорко следил за всеми движениями в столице. От него не укрылось, что сенат, а вместе с ним и аристократическая партия, начали снова усиливаться. С неудовольствием замечал он, как консул Л. Домиций Агенобарб намеревался поколебать «Юлиевы» за-

Цицерон.

С античной статуи.

коны и как значение Помпея, его союзника по триумvirату, видимо начинало склоняться к упадку. Но когда Домиций зашел так далеко, что открыто высказался, что он будет всеми средствами бороться против дальнейшего продления проконсульской власти Цезаря, то Цезарь решил, что наступило время приступить к решительным действиям против него. Он пригласил остальных двух триумвиров на съезд в Лукку (в 56 году до Р. Х.). Кроме Помпея и Красса, сюда явились пропретор Анний Клавдий и проконсул Кв. Метелл Непот, и другие значительные лица. Между ними находился и Клодий. На этих совещаниях Цезарь держал себя так, как будто он был уже повелителем государства. О сенате, как сословию, не имевшем уже более никакой силы, не было и речи, и Цезарь готов был уже действовать, не обращая внимание на то, будут или не будут одобрены его действия сенатом. Однако Цезарь не чувствовал себя еще настолько сильным, чтобы одолеть

Красса и Помпея. Галлия не была еще совершенно покорена, и Цезарь не мог еще рассчитывать с полной уверенностью на свои легионы. Поэтому он предпочел на этот раз не входить в разногласие с остальными двумя триумвирами. Существенные условия договора в Лукке состояли в следующем: Помпей и Красс должны были получить консульское достоинство на 55 год, а затем получить в свое управление богатые провинции: Помпей — Испанию по эту и по ту сторону реки Эбро, а Красс — Сирию, оба с правом набирать в Италии необходимые для них войска. Что касается самого Цезаря, то он удерживал за собой свое наместничество еще на следующие 5 лет, и

войско его должно было быть доведено до десяти легионов, а жалованье им отпущаться из государственной казны. На 48 же год, то есть по истечении установленных условиями десяти лет, Цезарь должен был сделаться вторым консулом. Наконец Клодию было внушено воздерживаться на будущее время от своих возмутительных насильственных действий и прекратить нападки на Помпея.

Предположения Цезаря при составлении своих планов о малодушии и бесхарактерности сенатской партии вполне оправдались. Хотя сенаторы и выражали громогласно свои жалобы на превышение власти триумвирами, но в страхе перед ними дальше слов не пошли. Вследствие этого они дозволили оттеснить своих кандидатов на задний план. Оба триумвира без малейших затруднений были избраны народным собранием консулами на 55 год, и все требования Цезаря были уважены. Один только Катон, возвратившийся с острова Кипра в конце 56 года, и некоторые другие из числа непримиримых выражали свой протест, но их сопротивление во время выборов было подавлено солдатами полновластных триумвиров.

37. Смерть Красса в Сирии (Июнь 53 г. до Р. X.)

Красс еще до истечения годичного срока консульства отправился в свою провинцию Сирию для того, чтобы вместо второстепенной роли, которую он играл при Помпее, остававшемся в столице, приобрести себе славу полководца и тем самым достигнуть уважения и расположения народа. Но не одна жажда славы влекла туда Красса, а и необузданная его алчность. Прибыв в Сирию, Красс нашел в полном разгаре войну против парфян, которые вторглись в находившееся под римским покровительством Армянское царство. Уже предшественник Красса Габиний с успехом воевал с парфянами. Красс надеялся пожать еще более блестящие победные лавры. Он перешел Евфрат с семью легионами, 4000 всадников и таким же числом легко вооруженной пехоты. Сын его, П. Красс, который, будучи легатом в Галлии, успел уже выказать там свои блестящие воинские способности, был отправлен Цезарем в помощь к отцу во главе 1000 кельтских всадников и принял с ними участие в парфянском походе. Возник вопрос, по какой дороге идти на парфянскую столицу Ктезифон, расположенную на реке Тигре. Более предусмотрительные советовали идти на юго-восток, так как в этом направлении войска встретили бы густонаселенные области и города. Но Красс, ослепленный своей алчностью, последовал другому совету: начальник одного арабского племени по имени Абар сообщил ему, что парфяне выступили уже в восточные области и что только форсированным маршем через месопотамскую пустыню можно настигнуть их и получить неисчислимую добычу, заключающуюся во всевозможного рода сокровищах.

Целыми днями двигалось римское войско по необозримой песчаной пустыне; на пути их не попадалось ни дерева, ни куста, которые давали бы какую-нибудь, хотя бы малейшую тень, и ни один источник не доставлял свежести и прохлады. Вдруг Абгар удалился под предлогом, что он желает предпринять тайное нападение на неприятеля. Но вместо этого он отправился в стан парфянского полководца, носившего титул сурены (великий визирь). В скором времени Красс увидел перед собой парфянское конное войско. Относясь с излишним пренебрежением к неприятелю и не дав отдохнуть своим утомленным солдатам, Красс немедленно приказал начать наступление. Но закованные в броню, быстрые в своих движениях конные отряды парфян, вооруженные длинными копьями и дротиками, произвели губительное действие на легко одетых, вооруженных лишь коротенькими мечами и копьями легионеров. Несмотря на то, что П. Красс во главе отборного отряда выказал чудеса храбрости, он пал, окруженный со всех сторон многочисленным неприятелем, далеко превосходявшим его в своих силах. В отчаянии юный герой приказал заколоть себя своему щитоносцу. Затем наступила очередь главного войска, бывшего под начальством старого Красса. Но и оно погибло в безнадежном бою.

На следующее утро остатки войска отступили в Карры, где был расположен небольшой римский гарнизон. Гарнизон этот прикрыл спасшихся, в числе которых находился и старый Красс. Но и здесь невозможно было долго оставаться, так как парфяне тотчас же начали преследование, а Карры не могли вынести их нападения. Поэтому римляне отступили далее по направлению к Армении. Им оставалось совершить лишь однодневный переход, они достигли бы горного укрепления Синнаки и укрылись бы за его стенами. Здесь они были бы вполне обеспечены от преследовавшего неприятеля. Сурена потребовал личного свидания с Крассом и предоставил ему от имени царя Орода свободный пропуск с тем условием, чтобы римляне отказались от стран, лежащих к востоку от Евфрата. Красс явился на указанное место в сопровождении легата Октавия и некоторых других предводителей. Их приняли с необыкновенной вежливостью и подвели Крассу в подарок великолепно убранного коня. Красс, ничего не подозревая, сел на него верхом. В эту самую минуту конюх неожиданно ударил коня плетью и пустил его вперед. Октавий заподозрил измену, выхватил у одного парфянина меч и поразил им конюха. Тогда, как бы по данному знаку, парфяне бросились на римлян и убили их вместе с их полководцем. Отрубленная голова Красса в виде трофея была послана Ороду. Как раз в это время Ород праздновал свадьбу своего сына Пакора с сестрой армянского царя Актавазда. Греческие актеры исполняли перед собравшимися на свадьбу гостями «Вакханок» Еврипида. Актер, который в этой пьесе должен был показать окровавленную голову Пенфея (растерзанного своей матерью Агавой во время вакхического неистовства), воспользовался для

этого головой Красса и, вдохновенный, пропел при восторженных кликах зрителей следующие стихи:

Мы приносим домой из лесистых гор
Только что павшую голову, покрытую курчавыми волосами —
Дорогую добычу.

Так печально окончился начатый с такой необыкновенной пышностью и с достойным наказания легкомыслием поход ненасытного римлянина против парфян. Причины того, что парфяне не успели воспользоваться своей победой, заключались отчасти во внутренних смутах в их государстве, отчасти в мужественном сопротивлении, которое оказал в крепостях, в особенности в Антиохии на реке Оронте, их наступательным действиям храбрый, но обесславивший себя впоследствии, как один из убийц Цезаря, квестор Г. Кассий.

38. Накануне Второй гражданской войны (19 г. до Р. Х.)

Вскоре спокойствие в столице было нарушено самым насильственным образом. Наступали выборы консулов на 52 год. В качестве кандидатов выступили Кв. Метелл Сципион и П. Плавт Гипсей, поддерживаемые триумвирами. Противная партия покровительствовала кандидатуре Тита Анния Милона, с которым мы знакомы уже как с смелым народным трибуном и который, подобно Клодию, имел при себе наемную шайку. Чтобы воспрепятствовать во что бы то ни стало выбору Милона, Помпей выставил против него его старинного соперника К л о д и я. Клодий не заставил два раза повторить себе предложение. Он прошел со своими вооруженными шайками по улицам и занял форум; произошла кровавая схватка между шайками обеих партий. Анархия достигла высшей степени. О созвании комиссий для выборов новых консулов не могло быть более речи. Конечно, Помпею стоило лишь призвать свои легионы, и порядок был бы скоро восстановлен. Но он ничего не сделал и, казалось, скорее находил удовольствие в диких выходках обоих дерзких нарушителей общественного спокойствия. Помпей рассчитывал, что с увеличением внутренних смут до такой степени, когда опасность для жизни и имущества еще более возрастает, к нему обратятся с просьбой извлечь столицу от общественного бедствия.

Наступившие события вполне оправдали ожидания Помпея. Шайка Милона убила Клодия и многих из его людей на Аппиевой дороге. Тогда приверженцы Клодия, дыша мщением, возвратились в город, выставили на площади окровавленный труп своего предводителя и тем привели народную чернь в неистовое бешенство. В течение пяти дней народ осаждал здание народного собрания и дом Милона. Но вот и

Милон вступил в город с подкреплениями. Несмотря на свои кровавые насильственные действия, он был настолько дерзок, что открыто выступил кандидатом на консульское достоинство. Но в то самое время, как он находился уже на форуме, а народный трибун М. Целлий хотел начать речь в его оправдание, разразилась гроза. Прочие трибуны напали на Милона со своими вооруженными шайками, и он, потеряв многих людей, вынужден был очистить площадь и, переодевшись рабом, искал спасения в бегстве.

Разнузданные шайки предались теперь в городе убийствам и пожарам. Даже самому сенату приходилось опасаться, что он падет в конце концов жертвой диких разбойничьих шаек, и он видел поэтому в Помпее своего единственного спасителя. Помпея провозгласили *consul sine collega*, то есть единственным консулом (в 52 году до Р. Х.). Ему был присвоен этот титул для того, чтобы не носить опозоренного Суллой звания диктатора. Помпей призвал легионы для защиты государства. С помощью этих легионов он очистил город от революционных элементов, умертвил или изгнал предводителей демократии и восстановил спокойствие и порядок. Несмотря на блестящую защиту Цицерона, Милону также пришлось удалиться в изгнание.

Целым рядом законов, направленных против насилий и подкупа, старался Помпей предотвратить на будущее время повторение только что описанных нами сцен. В то же время он сблизился с сенатской партией, примирился с Катонам и охотно согласился на то, чтобы на 51 год консулом был выбран М. Клавдий Марцелл, строгий аристократ. Таким образом, Помпей снова возвратился к тому политическому направлению, с которым он выступил на свое общественное поприще: он перешел на сторону аристократии. С этих пор Помпей мог считаться главой сенатской партии.

Связь, существовавшая между оставшимися двумя триумвирами, значительно пошатнулась вследствие перемены в политическом положении Помпея; вскоре прибавилась еще новая причина к их взаимному отчуждению. Умерла супруга Помпея, прекрасная и благородная дочь Цезаря, Юлия, и смерть ее порвала те родственные узы, которые заставляли их делать друг другу уступки во взаимных отношениях. Но окончательное и решительное охлаждение во взаимных отношениях обоих властителей произвела передача диктаторской власти Помпею. В душе Помпей давно уже разошелся с Цезарем, но до времени он старался скрывать это. Только в 50 году, заручившись поддержкой Катона, Марцелла и других влиятельных членов сенатской партии, Помпей обнаружил скрываемые им до тех пор свои чувства. По соглашению с Помпеем консул Клавдий Марцелл должен был сделать предложение о том, чтобы сенат издал постановление, в силу которого Цезарь должен сдать свою провинцию и распустить войско. Этим его можно было в короткое время обессилить. Затем, впоследствии, враги Цезаря могли бы привлечь его под тем или иным предлогом к суду и совершенно уничтожить.

Но Цезарь заблаговременно принял меры к устранению направленных против него интриг. Новыми наборами он пополнил убыль в своих войсках и увеличил, а частью удвоил жалование солдатам, чтобы тем крепче привязать их к себе. Вместе с тем он отсылал огромные количества галльского золота в Рим и тем привлек здесь на свою сторону значительное число влиятельных лиц. Между ними находился один из консулов, Эмилий Павел, и гениальный, но в то же время развратный и бесхарактерный трибун Г. Курион. Курион до последнего времени был ревностным сторонником Помпея, но когда Цезарь заплатил долги Куриона в количестве 6 миллионов рублей по нашим деньгам, то он обратился в пламеннейшего приверженца последнего. Курион был таким именно человеком, который настолько искусно умел отстаивать в сенате интересы Цезаря, что Цезарю до времени не было надобности выходить из своего выжидательного положения.

Когда Марцелл в заседании сената 1 марта 50 года сделал приведенное выше предложение, то Курион по поручению Цезаря выразил на это полное свое согласие, но с тем условием, чтобы и Помпей, со своей стороны, отказался от своего наместничества в Испании и сложил с себя свои чрезвычайные диктаторские полномочия. Этим беспристрастным предложением Куриона, которое было принято сенатом с большим сочувствием, Помпей и его партия были поставлены в немалое

затруднительное положение. Помпей уклончиво ответил, что если Цезарь распустит свое войско, то и он со своей стороны готов сложить свои полномочия. Однако об одном в р е м е н н о м сложении полномочий он не обмолвился ни одним словом.

Прошло несколько месяцев, а сенат все еще не мог прийти ни к какому решению. Наконец Курион настоял, чтобы был решен вопрос о том, должны ли оба властителя одновременно сложить свои полномочия. При голосовании 370 голосов высказалось за и лишь 22 голоса — против этого предложения. Тогда Марцелл, обманутый в своих ожиданиях, закрыл заседание гневными словами: «В таком случае вы можете сделать Цезаря своим повелителем!» Но Курион был встречен с вос-

*Марцелл.
С античной статуи.*

торгом народной толпой, ожидавшей на форуме результата совещания. Народ приветствовал его как передового борца республики и с торжеством проводил до дома.

Однако партия Катона употребила все свои усилия к тому, чтобы довести дело до формального разрыва с Цезарем. Прежде всего она воспрепятствовала тому, чтобы результат голосования обратился в по-

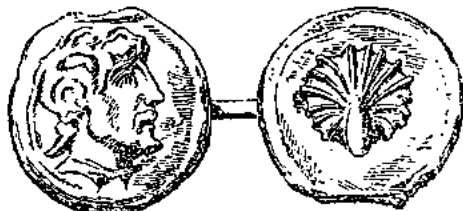
*Юлий Цезарь.
С античной статуи.*

ложительное сенатское решение. Затем с целью побудить сенат к немедленному объявлению войны Цезарю она распространила самые преувеличенные слухи о мнимых вооружениях Цезаря и о выступлении его к Риму. Но так как большинство не дало своего согласия на такое безрассудное решение, то предводители этой партии, Марцелл и Катон, решили действовать самовластно. Они поспешили к Помпею и предложили ему обнажить меч на защиту республики. Теперь Помпей сбросил маску, которую он носил до тех пор, и последовал сделанному

ему предложению. Немедленно были призваны находившиеся в Италии войска. Как энергично ни старался Курион протестовать против этого распоряжения, голос его пропал бесследно в шуме дикого неистовства партий.

Еще раз попытался Цезарь протянуть руку примирения. Он отправил Куриона с письмом в сенат. Письмо это было прочитано 1 января 49 года во время первого заседания сената, открытого вновь назначенными консулами. Оно заключало в себе условия соглашения, которые состояли в том, что Цезарь готов был очистить Галлию по ту сторону Альп и из десяти своих легионов распустить восемь в том случае, если ему оставят до времени выборов консулов на 48 год Галлию по эту сторону Альп и Иллирию с двумя легионами или даже одну только Иллирию с одним легионом. Тон письма был настолько миролюбив, требования были настолько умеренны, что не замедлили произвести должное впечатление на сенаторов. Сенат склонялся уже на соглашение. Но такой конец нисколько не удовлетворял желаний партии Помпея.

Консул Лентул воскликнул, что нельзя более мешкать, а что, напротив, следует принять смелое и мужественное решение, в противном случае он и друзья его будут действовать самостоятельно. Помпей через Кв. Метелла объявил, что он согласен явиться вооруженным защитником угрожаемой республики теперь или никогда.

Монета города Аримина.

Раздалось лишь несколько голосов, предостерегавших от слишком поспешного и опрометчивого решения. Но они были заглушены криками фанатичной партии войны. Большинство слепо следовало своей судьбе, дозволив увлечь себя следующим решением: «Цезарь обязан распустить свое войско к назначенному, весьма близкому сроку и отказаться от своего наместничества, в противном случае он будет объявлен государственным изменником (*hostis patriae*)». Трибуны М. Антоний и Кв. Кассий, возражавшие против этого решения, подверглись смертельным угрозам со стороны солдат Помпея и вместе с Курионом бежали ночью в одежде рабов к Цезарю.

Между тем Цезарь с тринадцатым легионом перешел из Галлии по ту сторону в Галлию по эту сторону Альп и прибыл в Равенну. Здесь он созвал своих солдат в общее собрание. В пламенной речи Цезарь им указал, как оскорбительно обращается с ним сенат, осыпая в то же время величайшими почестями Помпея. И в то самое время, как Помпей сидит в Риме, ничего не делая и собирая лишь огромные доходы со своей провинции, он, Цезарь, с опасностью для собственной своей жизни вел римских орлов от одной победы к другой. Речь свою Цезарь закончил заявлением, что вручает с полным доверием свою судьбу в руки своих солдат и предлагает идти сражаться с его врагами, которые

в то же время и их враги. В ответ на это воззвание Цезаря последовал всеобщий единодушный крик начальников и солдат, что все они готовы следовать за ним всюду, куда он их ни поведет. Тогда Цезарь собрал свои войска в Аримине. Но перед Цезарем все еще стояло мрачное будущее, и он в глубоком раздумье долго колебался, прежде чем сделал роковой шаг. Но мысль, что ему не оставалось другого выбора, как выбор между честью и позором, положила конец его колебаниям. Воскликнув: «Жребий брошен!», Цезарь перешел через Рубикон¹.

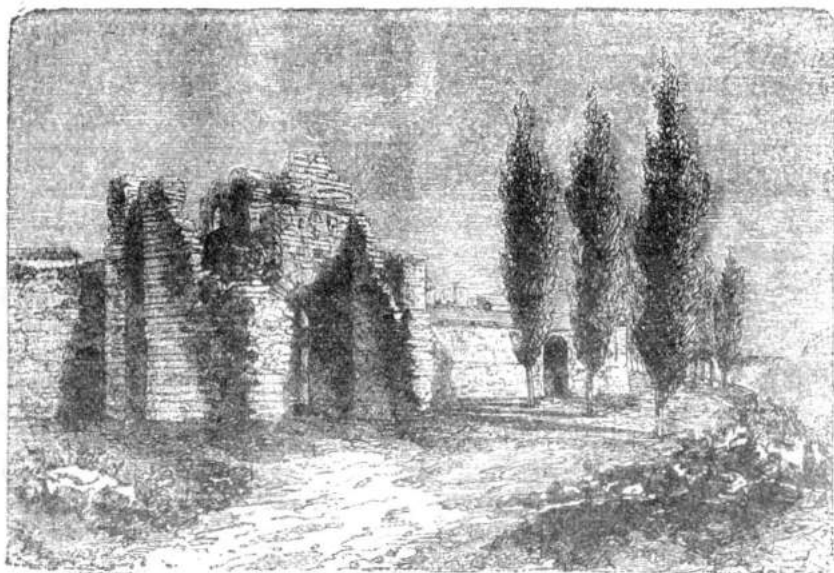
39. Вторая гражданская война (49—45 гг. до Р. Х.)

Весть о приближении Цезаря распространила в Риме панический ужас и всеобщее замешательство. Здесь все еще не приступали к вооружению. Приходилось горько раскаиваться в опрометчивых действиях. Теперь язвительно призывали Помпея, чтобы он, «лишь топнув ногой, вызвал из земли легионы», чем он прежде похвалялся. Между тем Цезарь приближался со своими испытанными и преданными легионами. Подчиненные ему военачальники, за исключением Тита Лабиена, который перешел на сторону Помпея, с воодушевлением следовали за его знаменами. Многие города отворили Цезарю свои ворота. Аримин и Анкона, Камерин и Аскулум попали в его руки. Войско Цезаря вследствие призыва вольноотпущенников постоянно возрастало и дошло почти до 40 000 человек. С этими силами Цезарь явился перед Корфинием, у которого расположился с 15 000 человек Л. Домиций Агенобарб, назначенный на место Цезаря в должность проконсула Галлии. Так как Л. Домиций Агенобарб не мог рассчитывать получить от Помпея какую-либо помощь, то он решил бежать, а гарнизон Корфиния бросить на произвол судьбы. Но прежде чем удалось привести в исполнение этот предательский план, в войсках, до которых, быть может, дошел об этом слух, вспыхнул мятеж. Они арестовали проконсула и его приверженцев, сдали город Цезарю и выдали ему пленников. Цезарь великодушно обошелся с пленными и тем рассеял позорные уверения тех, кто, подобно Цицерону, представлял его сообщником Цинны и Катилины, который «все предает огню и мечу, умерщвляет богатых, насильно возвращает беглецов, уничтожает долговые книги, назначает негодяев на почетные должности, готов присвоить себе царскую власть, чего нельзя было ожидать даже и от перса».

Помпей, в распоряжении которого находилось лишь два легиона, расположенные у Луцерии, не отважился выжидать на месте, а поспешно бежал; за ним последовало и большинство сенаторов. В своей

¹ Этот незначительный ручей составлял пограничную черту между провинцией Цезаря и Италией. Границу эту, в силу государственного постановления, он не имел права переходить во главе войска.

поспешности они забыли даже захватить с собой государственную казну. Местом сборища для беглецов сделался Брундизий. Отсюда они переправились в Диррахий (4 марта 49 г.). Цезарь употребил все свои старания, чтобы воспрепятствовать переправе беглецов. Прибыв в Брундизий, он пытался загородить выход из гавани плотиной и большими плотами, покрытыми бревнами и землей. Однако Помпею благодаря искусно направленной вылазке удалось воспрепятствовать этой попытке и переправить своих сторонников в Диррахий.

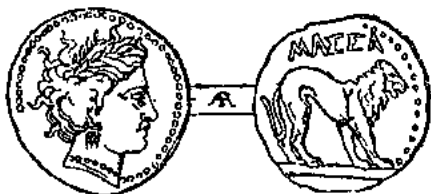

Римские ворота в Илерде (Лерида).

Цезарь не преследовал приверженцев Помпея и был теперь озабочен лишь тем, чтобы обеспечить за собой Италию. Его кротость, благодаря которой он рассеял распространенные на его счет преувеличенные опасения и враждебные слухи, привлекла к нему сердца жителей и открыла ворота городов. В течение 60 дней Цезарь сделался повелителем всей Италии. Он вступил в Рим без сопротивления. Здесь Цезарь овладел государственной казной, заключающей в себе 34 с половиной миллиона рублей на наши деньги. Хотя трибун Л. Метелл, полагаясь на неприкосновенность своей особы, и поместился на кресле перед дверьми казнохранилища, но Цезарь приказал своим солдатам оттащить его, не причиняя ему, однако, никакого вреда, а затем велел выломать двери.

Получив в свое распоряжение такие значительные денежные средства, Цезарь имел возможность начать военные действия. Но прежде чем последовать в Диррахий за Помпеем и его сторонниками, для чего

необходимы были корабли, Цезарь позаботился обеспечить свой тыл. Он немедленно принял меры, необходимые для восстановления спокойствия и порядка в самом Риме и в Италии, и управление столицей вверил М. Эмилию Лепиду, а М. Антонию поручил главное начальство над всеми войсками в Италии. Затем он прежде всего поспешно направился в Испанию, где два державших сторону Помпея полководца, М. Петрей и Гай Африаний, находились во главе семи легионов. «Прежде я намерен напасть на войско без полководца, — сказал Цезарь, — а потом возвращусь к полководцу без войск». Цезарь несколько не боялся собравшихся в Греции Помпея и его знатных сторонников, но опасался испытанных и закаленных в бою легионов в Испании, которые могли проникнуть в Галлию, подстрекнуть к восстанию только что усмиренного там неприятеля и таким образом причинить ему тысячу затруднений. Но благодаря своей быстроте Цезарь предупредил все эти затруднения. Дорогой он оставил три легиона под начальством Децима Брута и Гая Требония для осады Массили, которую защищал Домиций Агенобарб. С остальными шестью легионами и конницей Цезарь прошел через теснины

Монета города Массилии.

Пиренеев прежде, чем неприятель успел занять их.

При Илерде он столкнулся с войсками Помпея (в июне 49 г.). Здесь вследствие разлива Сикора и Цинги, двух притоков Эбро, отрезавшего все сообщения Цезаря, он был поставлен в весьма опасное положение. Но Африаний не обладал настолько решительностью, чтобы воспользоваться бедственным положением, в котором очутилось войско Цезаря. Цезарь же сумел выйти победителем из своего затруднения. Он приказал сколотить на скорую руку из плетней и деревьев лодки и переправить на них через Сикор часть своих войск. Благодаря общим усилиям в течение двух дней был построен мост, и таким образом была восстановлена связь с большой дорогой в Галлию. Затем с помощью своей многочисленной конницы Цезарь повсюду наносил вред неприятелю и отрезал ему всякий подвоз. Вследствие этого Африаний и Петрей решили покинуть свою опасную позицию. Но конница Цезаря настолько беспокоила и затрудняла отступление, что его легионы получили возможность преследовать отступающих по пятам и скоро их настигнуть. Когда же Цезарю удалось занять возвышенности, лежащие на пути отступления, то положение войск Помпея сделалось безнадежным. Но для того, чтобы пощадить кровь граждан и привлечь на свою сторону неприятельские войска, Цезарь согласился вступить в переговоры, которые вскоре закончились капитуляцией (сдача неприятельского войска на известных условиях). Военачальникам и солдатам были сохранены жизнь, свобода и все имущество, и даже возвра-

щена отнятая у них добыча. Хотя никто не был насильно принуждаем перейти на сторону Цезаря, но многие перешли к нему добровольно, восхищенные кротким и великодушным обращением победителя.

Оставив Кв. Кассия Лонгина наместником в Испании, Цезарь поспешил назад к своим легионам, занятым осадой М а с с и л и и. Предводитель их, Децим Брут, окружил между тем город со стороны моря. Осажденные просили уже о заключении перемирия. Требоний, который начальствовал войсками, осаждавшими город с сухого пути, согласился на перемирие. Но осажденные сделали, вероятно, вылазку

*Олицетворение города Марселя (Массилия).
С античного бюста.*

против стоявших перед валами и ничего не подозревавших римлян. Вследствие этого жители и солдаты с боязливым страхом должны были ожидать прибытия Цезаря. Но он и здесь выказал свое великодушие. Жители Массилии сохранили жизнь и свободу и должны были лишь выдать свое оружие, корабли и сокровища, принять в свой город гарнизон из двух легионов и уступить большую часть своей земли. Что касается Домиция Агенбарба, то он, опасаясь мщения Цезаря, заблаговременно бежал и счастливо пробрался к Помпею.

Между тем легаты Цезаря, заняв Сицилию, обеспечили тем самым продовольствие Италии. Курион переправился даже в Африку с целью разбить сторонника Помпея, Юбу, царя Нумидии, и отнять у него его царство. В начале Курион одержал победу в кровопролитном сражении при Утике, но затем вследствие своей безумной отваги дал себя за-

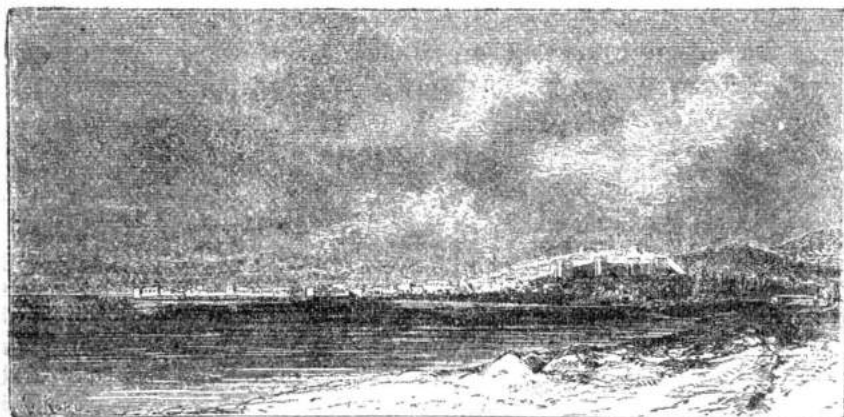
манить на расстилавшуюся по берегам реки Баграда равнину, в особенности весьма удобную для действий бесчисленной конницы царя, был окружен и погиб вместе со своим войском (в сентябре 49 года).

В это время Помпей расположил свою главную квартиру в Диррахии. Здесь в магазинах было собрано огромное количество запасов и найдены новые вспомогательные источники благодаря приливу из состоявших под римским покровительством азиатских государств — денежной помощи и всякого рода поставок. Войско также было значительно усилено. Вскоре Помпей собрал вокруг себя девять легионов, к которым присоединились вспомогательные войска из Каппадокии, Галатии, Сирии и Греции. Но в подобном составе войска, отдельные части которого так резко различались между собой по происхождению, нравам и наречиям, оказался важный недостаток, вследствие которого общее руководство сделалось весьма затруднительным и даже почти невозможным. К этому присоединилось неповиновение второстепенных военачальников, которые в своем аристократическом самонаменении не считали нужным подчиняться приказаниям главного военачальника. Уже вследствие одного этого произвола вельмож военная дисциплина в значительной степени пошатнулась, но она почти совершенно исчезла от дурного примера, который подавали солдатам эти вельможи своим роскошным образом жизни. Они не отказывали себе ни в чем, жили в великолепных, убранных со всевозможной роскошью палатках, спали на мягких подушках и проводили дни и ночи в невоздержных оргиях. Что же удивительного, что солдаты роптали на то, что им одним предстояло переносить труды, голод и жажду, жар и холод, опасности и раны!

Самым же вредным, однако же, оказывалось влияние, которое имели на решения главного военачальника собравшиеся в Фессалониках сенаторы и всадники, принадлежавшие к партии Помпея. Речами их руководили честолюбие и мстительность. Они присвоили себе право управлять отсюда государством и вмешиваться в военные дела. Безумнее всех неистовствовали М. Бибул, Тит Лабие и Домиций Агенобарб. Речи, произносимые в здешних «заседаниях сената», дышали мщением. В тщеславном ослеплении были отвергнуты все мирные предложения Цезаря. Они мысленно делили уже между собой его богатства и почести, так как не предполагали ничего иного, как в самом скором времени положить конец деятельности этого искателя приключений.

Наконец, Цезарь обратился против Помпея. Несмотря на то, что на Ионическом море господствовал флот Помпея, состоявший из 500 кораблей, Цезарь направился из Брундизия в Диррахий, где он и высадился, не встретив никакого сопротивления, с 15 000 пехоты и 600 всадниками. Но 30 кораблей, отправленные им назад для доставления остальных войск, были захвачены и сожжены начальником неприятельского флота Бибулом. После смерти Бибула его преемник Либон учредил вдоль всего берега настоящий дозор. С помощью крейсеров

Помпей возможность переправы остальных войск Цезаря была на некоторое время совершенно уничтожена. Цезарю ничего другого не оставалось, как укрепиться как можно лучше на берегах реки Апса. Цезарь опасался, что он будет совершенно отрезан от Италии и может погибнуть от лишений, холода и болезней. Однако по прошествии нескольких месяцев, когда положение Цезаря сделалось уже почти отчаянным, отважному М. Антонию удалось переправить следующие три легиона и 800 всадников. Для этого он направился несколько севернее, по направлению к Лиссе и обошел таким образом главные неприятельские силы, расположенные у Диррахия. При этом М. Антонию благо-

Диррахий.

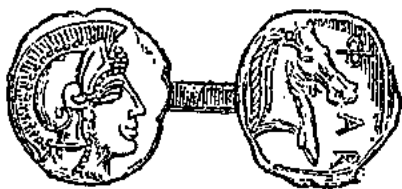
приятствовало то обстоятельство, что вместо господствовавшего до тех пор южного ветра вдруг наступил сильный западный, который дул против кораблей Помпея и часть их погнал по направлению к скалам Акрокеравнийского мыса, о которые они и разбились. Затем Антоний привел войска к Цезарю, но спасти свои корабли был не в состоянии. Они были частью захвачены в плен, частью уничтожены сыном Помпея Гнеем.

Теперь соединившиеся войска Цезаря и Антония сделали попытку окружить войска Помпея. Для этого они устроили исполинский вал вокруг стана Помпея. Помпей построил со своей стороны оборонительный вал и производил частые вылазки, но все его старания разбились о храбрость войск Цезаря, несмотря на то, что последние должны были сильно страдать от недостатка в продовольствии в этой бедной стране. В это время изменники указали Помпею слабый пункт в линии укреплений Цезаря. По указанию двух аллоброгских начальников конницы, которые из страха перед наказанием за прежнюю неверность покинули стан Цезаря, Помпей произвел с большими силами нападение на укрепленную линию последнего, прорвал ее и нанес при этом

войску Цезаря тяжелое поражение. Было потеряно 32 знамени, 1000 солдат пало на линии укреплений. Если бы Помпей сумел воспользоваться своим успехом и энергично продолжал свои действия, то Цезарь был бы уничтожен. С пленными было поступлено самым бесчеловечным образом. Перешедший на сторону Помпея Лабие, бывший легат Цезаря в Галлии, насмеявшись над ними, приказал всех их умертвить.

Однако Цезарь не потерял мужества. Но дальнейшее пребывание его в этой неплодородной стране сделалось невозможным. Поэтому он отступил в глубь страны. Горными дорогами Цезарь прошел в Фессалию, где нашел такие богатые запасы, что его солдаты, которые перенесли столько лишений, могли вполне оправиться. Вскоре за ним последовал и Помпей с целью, как воображала в самонадеянном уповении одержанной победой аристократическая партия, полностью уничтожить Цезаря и затем возвратиться в Италию и воскресить времена Суллы.

Оба войска встретились на Фарсальской равнине. Помпей выбрал выгодную возвышенную позицию. Здесь он рассчитывал выждать нападения Цезаря. Но излишнее увлечение окружающих лиц

Монета города Фарсал.

принудило Помпея к поспешным действиям. Они насмеялись над излишней осторожностью Помпея и упрекали его в том, что он намеренно затягивает войну, так как честолюбию его приятно как можно долее быть предводителем столь славного войска. Вследствие этого Помпей решился вступить

в сражение. Ничто не могло быть для Цезаря желательнее такого решения; он радостно воскликнул: «Благодарение богам! наконец-то наступил счастливый день, когда мы будем сражаться не с голодом, а с людьми!»

Сила Помпея заключалась в его коннице, которая находилась под начальством Лабиена. Конница Цезаря не могла выдержать ее натиска и была обращена в бегство. Но позади конницы Цезарь предусмотрительно расположил 2000 своих лучших легионеров, чтобы в случае надобности они могли прикрыть ее. Преследователи неожиданно наткнулись на копья этого храброго отряда, и вся масса конницы Помпея отскочила от них, как от стены. Пехотная колонна Цезаря быстро протиснулась вперед. Согласно данному Цезарем распоряжению, легионеры направили свои копья преимущественно в лица «прекрасных юных танцоров», как в насмешку называл Цезарь молодых благородных римлян, и произвели в их рядах такое замешательство, что они поспешно обратились в бегство. В это время Цезарь приказал центру, которым командовал лично, произвести нападение. Неприятель, расстроенный уже бегством своей конницы, был приведен в окончательное расстройство. Ряды его поколебались. Однако только

после жаркого боя удалось оттеснить его на другой берег реки Энпиея. Сам Помпей совершенно растерялся и поспешил назад в лагерь. Но когда неприятель стал угрожать и лагерю, то Помпей бежал через Лариссу к морю. Войско, лишившееся своего предводителя, было рассеяно по всем направлениям, и на следующее утро большая часть его вынуждена была сложить оружие. 15 000 солдат Помпея пало на поле битвы, и в их числе Л. Домиций Агенобарб; Цезарь же потерял лишь 30 центурионов и 200 солдат. Число пленных, из которых большая часть сдалась добровольно, простиралось свыше 34 000 человек. Цезарь да-

*Римский всадник.
С барельефного изображения на колонне Марка Аврелия.*

ровал им жизнь; лишь немногие сенаторы и всадники, которые отличались своей непримиримой ненавистью, были подвергнуты смертной казни; имущество их было отобрано в казну. Остатки войска Помпея, насколько удалось их собрать, были отведены тестем Помпея, Метеллом Сципионом, Афранием и Лабиемом к берегам Эпира. Отсюда они переправились на остров Керкиру, куда, получив известие о поражении при Фарсале, бежал также и Катон, бывший начальником гарнизона Диррахия. Но когда легат Цезаря Фуфий Кален приблизился туда с эскадрой, они переправились в Северную Африку. Здесь, где царь

Юба после победы над Курнионом мог уже почитаться властелином всей прибрежной страны, образовался сборный пункт для рассеянных, спасшихся бегством сторонников Помпея.

В сопровождении лишь немногих лиц Помпей бежал через прекрасную Теапейскую долину. В устье Пеней он нашел корабль и отправился на нем на остров Лесбос. Сюда перевез он и поместил в безопасном месте свою супругу Корнелию и младшего сына Секста. Отсюда Помпей отправился с ними на остров Кипр, достал здесь себе денег и с их помощью вооружил отряд из 2000 рабов. Затем он собрал совещание о том, куда следовало направиться. Одни советовали отправиться в Парфянское царство, другие — в Африку, к остаткам войска Помпея. Но вернейшую помощь Помпей надеялся получить в Египте, где царствовал молодой Птоломей Дионисий, отец которого, Птоломей Авлет, был некогда не раз им благодетельствован. Итак, Помпей направился в Пелузий.

Маленький отряд из 2000 вооруженных людей высадился на Казийском мысе, и отсюда Помпей отправил посольство в царскую резиденцию с просьбой об оказании гостеприимства.

В это время у Птолемея Дионисия царскую власть оспаривала старшая, прекрасная, но властолюбивая сестра Клеопатра. Она бежала в Сирию, собрала там войско и выступила с ним против Египта. Царь встретил ее у Пелузии. Он был окружен министрами и придворными, которые вследствие его слабоумия управляли государством по своему произволу. Услышав, что великий Помпей желает прибыть к царю, они испугались, что подобный советник может уничтожить их собственное значение. Поэтому они скрыли от царя известие о прибытии Помпея и собрались на совещание о том, что следовало им предпринять. Большинство согласилось с предложением греческого софиста Феодота. Он был преподавателем риторики юного царя и любимцем царского опекуна Пофина. Феодот был того мнения, что приемом Помпея был бы оскорблен победитель Цезарь; отказав же Помпею, можно было навлечь на себя его мщение, не приобретя в то же время и благосклонности победителя. Следовательно, самое лучшее было бы умертвить Помпея. «Мертвые не кусаются», — присовокупил Феодот язвительно. Тогда отправили в лодке военачальника Ахилла и нескольких лиц, бывших прежде на службе у Помпея, в том числе Л. Септимия, к военному кораблю Помпея, который стоял на якоре на довольно значительном расстоянии от берега. Помпей с неудовольствием увидел приближавшуюся к нему невзрачную рыбацью лодку. Ахилл извинился в недостойном приеме тем обстоятельством, что более значительное судно из-за мелководья не могло бы подойти к берегу. Помпей, простившись со своей плачущей супругой, сошел в лодку. Его сопровождали два военачальника,

*Птоломей Дионисий.
С античной
золотой монеты.*

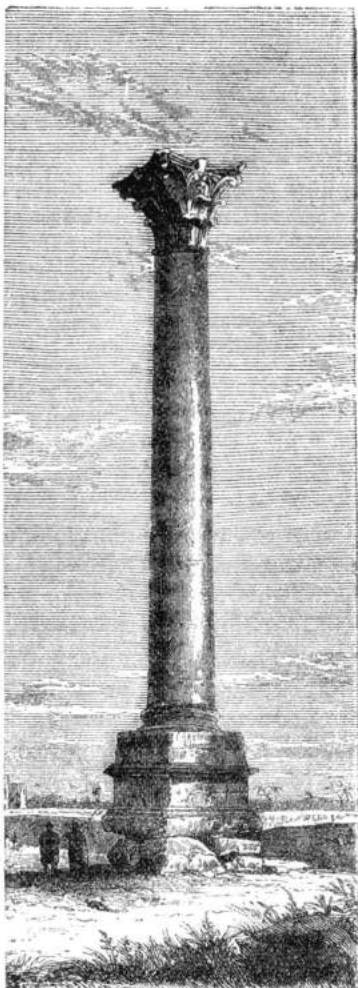
великий Помпей желает прибыть к царю, они испугались, что подобный советник может уничтожить их собственное значение. Поэтому они скрыли от царя известие о прибытии Помпея и собрались на совещание о том, что следовало им предпринять. Большинство согласилось с предложением греческого софиста Феодота. Он был преподавателем риторики юного царя и любимцем царского опекуна Пофина. Феодот был того мнения, что приемом Помпея был бы оскорблен победитель Цезарь; отказав же Помпею, можно было навлечь на себя его мщение, не приобретя в то же время и благосклонности победителя. Следовательно, самое лучшее было бы умертвить Помпея. «Мертвые не кусаются», — присовокупил Феодот язвительно. Тогда отправили в лодке военачальника Ахилла и нескольких лиц, бывших прежде на службе у Помпея, в том числе Л. Септимия, к военному кораблю Помпея, который стоял на якоре на довольно значительном расстоянии от берега. Помпей с неудовольствием увидел приближавшуюся к нему невзрачную рыбацью лодку. Ахилл извинился в недостойном приеме тем обстоятельством, что более значительное судно из-за мелководья не могло бы подойти к берегу. Помпей, простившись со своей плачущей супругой, сошел в лодку. Его сопровождали два военачальника,

один вольноотпущенник и один раб. Во время переезда к берегу разговаривали мало. Помпей, однако, спросил Септимия: «Если не ошибаюсь, то я нахожу в тебе одного из моих старых сотоварищей». Но Септимий ответил лишь мрачным кивком головы. Затем Помпей вынул пергаментный листок и набросал маленькую речь, с которой он был намерен обратиться к царю при своем приезде.

Наконец лодка пристала к берегу. Помпей собирался выйти из нее, но в эту минуту Септимий нанес ему удар сзади в спину. В то время, как Помпей падал, он был пронзен Ахиллом и военачальником Сальвием. Безмолвно закрыл Помпей лицо свое тогой и пал к ногам своего вольноотпущенника Филиппа. Супруга Помпея, увидав вместе со своим сыном издали эту ужасную сцену, испустила жалобный вопль. Но кормчий тотчас же снялся с якоря и поспешным бегством избавил их от подобной же участи. Между тем варвары отрубили у трупа голову, сорвали с него платье и перстень с пальца и кинули обнаженное тело на берегу. Здесь сжалился над Помпеем его верный Филипп. Он обмыл труп своего господина морской водой, завернул его, за неимением погребальной пелены, в свой собственный плащ и устроил небольшой костер из собранных с трудом обломков кораблей. Пепел от сожженного тела Филипп носил с собой до тех пор, пока не нашел случая переслать его супруге своего господина.

Несколько дней спустя Цезарь высадился в Александрии. С глубочайшим смирением встретили его царские министры и поднесли голову и перстень с печатью Помпея. Цезарь заплакал и отвернулся. Однако он принял перстень и посмотрел на него с грустным умилением. Он приказал в честь Помпея воздвигнуть в Египте храм и поставить колонну. Убийцы Помпея по приказанию Цезаря были подвергнуты смертной казни.

Такой ужасный конец выпал на долю человека, который был любимцем счастья и народа, каких едва ли много найдется еще в истории. Все

*Колонна Помпея
близ Александрии.*

внешние дары: благородная наружность, богатство, почести, слава были к его услугам; эти дары фортуны он возвысил еще и своими собственными добродетелями: храбростью, бескорыстием и высокой нравственностью в эпоху, преисполненную пороков и низости. Но лесть толпы оказалась для него роковой. Он возымел слишком высокое мнение о своих умственных дарованиях, между тем как большей частью своих успехов был обязан не столько своему гению, сколько счастью, и нередко пожинал там, где не сеял. Так является он, этот «великий Помпей», печальным примером ложного величия. «Судьба, — метко говорит Друмман, — вела его по цветам к бездне».

Прежде чем продолжать преследование своих врагов, Цезарю необходимо было достать денежные средства. Спор за престолонаследие в Египте доставил к тому желанный случай. Цезарь решил этот спор в

*Клеопатра.
С античной монеты.*

пользу Клеопатры, которая настолько была благоразумна, что по приказанию Цезаря распустила свое войско и явилась к нему в качестве просительницы. Цезарь был очарован ее красотой и умом и назначил ее соправительницей брата. Выговоренная Цезарем в свою пользу денежная сумма простиралась до 2 680 000 рублей нашими деньгами. Затем в Александрии вспыхнуло возмущение, подготовленное Пафином и Ахиллом. Все приняли сторону юного царя. Ахилл собрал войско из 20 000 пехоты и 2000 всадников. Цезарь, располагавший лишь 3200 солдат с небольшим и 800 всадников, очутился в величайшей опасности. Он поспешно отступил в замок Брухейон и занял также примыкавшие к нему здания, театр и ост-

ров Фарос с находившимся на нем маяком, который соединялся с городом плотиной. Отсюда Цезарь сделал вылазку и сжег находившийся в гавани египетский флот и очистил таким образом путь своим собственным кораблям, приведенным к нему родосцем Эфранием. Но пламя охватило и соседние дома Брухейона и уничтожило большую часть знаменитой Александрийской библиотеки.

К Цезарю подоспели также и вспомогательные войска из Сирии и Малой Азии под начальством Митридата. Они явились как раз вовремя. Мятежники уничтожили водопроводы и засыпали водоемы, и Цезарь начинал уже испытывать большой недостаток в воде. Сверх того, при одном неожиданном нападении на остров Фарос Цезарь потерял 400 солдат и еще больше матросов и гребцов. Египтяне пошли навстречу вспомогательному войску, которое высадилось в Пелузии и направилось к Мемфису. Однако Цезарю благодаря искусным передвижениям удалось соединиться с Митридатом. Затем египетский лагерь был обойден с двух сторон и атакован. Множество неприятеля пало под ударами мечей римлян; не меньше того кинулось в Нил и утонуло. В числе последних находился и юный царь. Труп его после долгих по-

исков был найден в иле Нила. Теперь Клеопатра была объявлена царицею под верховной властью Рима, младший брат ее Птоломей был назначен ей в соправители, а для ее безопасности был оставлен в столице Александрии сильный римский гарнизон (в 47 году до Р. Х.).

В то время как Цезарь принимал меры к обеспечению власти Клеопатры, пришло известие, что Ф а р н а к, сын Митридата Понтийского, напал на многие римские провинции в Малой Азии, завоевал город Амиз, умертвил мужское население, а наместников выгнал. Цезарь двинулся в Азию с тремя легионами, дал царю сражение при Зеле, уничтожил все его войско, а самого царя выгнал из его царства. Сводный брат Фарнака, Митридат Пергамский, в награду за услуги, оказанные им в Египте, получил Босфорскую царскую корону; напротив, царь Дейотар за доставление вспомогательных войск Помпею был ограничен своим наследственным владением, Галатией. *Veni, vidi, vici* (пришел, увидел, победил), вот все, что написал Цезарь в Рим об этом походе.

Уже давно наступило время, когда Цезарю следовало вновь появиться в столице Рима. Аристократическая партия вновь собрала в это время свои силы. Распуская всевозможного рода злонамеренные слухи, как, например, о том, что Цезарь будто намерен, подобно Сулле, возобновить проскрипции, партия эта старалась восстановить против Цезаря зажиточные классы населения. Равным образом и легионы, ведя со времени Фарсальской битвы праздную лагерную жизнь, значительно изменились к худшему. Вследствие распространившегося духа своеволия, не признававшего на дисциплины, ни подчиненности, военачальники потеряли всякую власть над солдатами. Когда солдатам объявлено было о новых походах, то они упорно отказались повиноваться до тех пор, пока им не будут выданы обещанные подарки, и забросали камнями тех военачальников, которые были посланы усмирить их. Убийцы подступили к Риму и расположились станом на Марсовом поле. Тогда к ним явился Цезарь и коротко спросил их, чего они желают. «Отставки!» — воскликнули они. «Квириты (граждане), вы свободны, — отвечал Цезарь. — Что же касается наград, то вы можете предъявить мне о них в тот день, когда я буду праздновать свой триумф с другими солдатами». Смущенные и пристыженные, они просили, чтобы он по-прежнему называл их своими «соратниками» (*cominilitiones*). Усмирив, благодаря своему бесстрашию и такту, этот опасный бунт, Цезарь получил

Фарнак.

С античной монеты.

Медаль в память победы над Фарнаком.

возможность вновь обратиться к борьбе со своими политическими противниками.

Между тем приверженцы Помпея собрали в Африке значительные военные силы из 14 легионов пехоты, 1600 всадников, 120 боевых слонов и из флота в 55 кораблей. Юба был могущественный, но самовластный и корыстолюбивый союзник. Он охотно бы сам сделался главным предводителем, поэтому за свои добрые услуги он требовал по меньшей мере обладания Утикой. Единственно энергичному Катону обязаны были благодарностью, что дело не дошло до такого посрамления чести римского имени. По его предложению главным военачальником был назначен Метелл Сципион. Легатами к нему были назначены Лабие и Петрей. Но Метелл уже в самом начале военных действий выказал малые воинские дарования; в противном случае он мог бы или воспрепятствовать высадке Цезаря, когда тот прибыл в октябре 47 года лишь с

Юба.

С античной монеты.

незначительным отрядом из 3000 пехоты и 150 всадников, или же совсем уничтожить Цезаря после его высадки превосходством своих сил.

Цезарь мог призвать к себе свои войска, которые не были еще вполне вооружены, лишь постепенно. К этому присоединился скоро недостаток в жизненных припасах вследствие того, что по приказанию Метелла вся страна была опустошена на весьма значительном пространстве, а все открытые места были разрушены. Во время одного движения, предпринятого для отыскания жизненных припасов и в особенности фуража для лошадей, Цезарь понес весьма чувствительное поражение вследствие нападения, произведенного на него Лабием, и только благодаря необыкновенному стратегическому искусству Цезарю удалось отступить в укрепленный приморский порт Руспину. Положение Цезаря с каждым днем становилось затруднительнее. Катон вполне понимал это и настоятельно советовал, избегая открытого сражения, предоставить голоду докончить дело уничтожения Цезаря. Но Метелл ответил на это самым грубым тоном, что Катон, сидя спокойно и в безопасности в Утике, не имеет права удерживать храбрых людей от смелых предприятий. Затем Метелл занял

позицию против Цезаря. Как только Цезарь собрал свои легионы, он тотчас выступил из своих укреплений и напал на ближайший город Тапс. Если Метелл хотел спасти этот город, в котором были собраны богатые запасы продовольствия, то ему необходимо было отважиться на сражение. Но храбрый десятый легион предупредил его нападени-

Монета
Метелла
Сципиона.

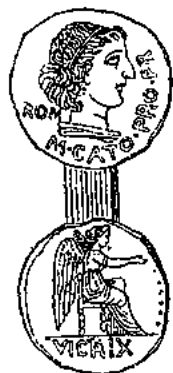
Метелл занял позицию против Цезаря. Как только Цезарь собрал свои легионы, он тотчас выступил из своих укреплений и напал на ближайший город Тапс. Если Метелл хотел спасти этот город, в котором были собраны богатые запасы продовольствия, то ему необходимо было отважиться на сражение. Но храбрый десятый легион предупредил его нападени-

ем. С неистовым бешенством бросились войска Цезаря на неприятеля, который не мог выдержать их страшного натиска. В диком замешательстве кинулись войска помпеянцев к своему лагерю. Но так как укрепление его не было еще вполне окончено, то он и не представил им никакой защиты против наступающих колонн неприятеля. Произошло страшное кровопролитие: 50 000 мертвых тел легло на полях Тапса. Потеря же Цезаря ограничивалась лишь 50 убитых (в 46 году до Р. X.).

В Утике оставался еще Катон со своим непоколебимым мужеством. Но он тщетно старался воспламенить жителей этого города к отчаянному сопротивлению. Они благоразумно предпочли сдаться победителю, чем бесполезно, хотя и со славой, пасть в неравном бою. Таким образом ничего другого не оставалось, как помышлять только о самом поспешном бегстве. В живых оставались еще Лабие и молодой Секст Помпей¹. Катон принял надлежащие меры к тому, чтобы они из гавани на заранее им приготовленных и снабженных всем необходимым кораблях, могли отплыть раньше появления Цезаря перед воротами Утики. Что касается самого Катона, то после падения республики, для которой он трудился и боролся в течение всей своей долгой жизни, жизнь для него потеряла теперь всякую цену. Ко всему этому Катон был слишком горд, чтобы принять милость от Цезаря. С стоическим спокойствием вернулся Катон в свою комнату, подкрепил себя перед последним решительным шагом чтением Платонова диалога «Федон», в котором Сократ говорит о бессмертии души, и вонзил меч себе в грудь. Так испустил свой благородный дух «последний римлянин».

Нумидийское царство Юбы было присоединено частью к провинции Африке, частью к Мавритании, и проконсулом в эту последнюю провинцию был назначен историк Саллюстий.

При своем возвращении в Рим (в августе 46 года) Цезарь был принят с величайшими почестями. Его назначили диктатором на десять лет; в то же время ему переданы были права цензорства и вместе с тем

*Монета Катона
Утического.*

*Монета
с изображением
Курульского кресла.*

¹ Афраний и Фавст Сулла, сын диктатора, попали в руки начальника одного из отрядов Цезаря, Ситтия, и были умерщвлены. Метелл сам лишил себя жизни, чтобы не попасть во власть Ситтия. Юба и Петрей добрались до одной усадьбы в окрестностях Замы. Здесь они приказали приготовить себе роскошный обед и после него вызвали друг друга на единоборство. Петрей пал, пораженный насмерть, а затем Юба приказал и себя заколоть одному рабу.

власть назначать и отрешать сенаторов. В сенате Цезарь должен был сидеть рядом с консулами на Курульском кресле и при голосовании подавал первым свой голос. Цезарь оказался человеком, вполне достойным подобных почестей. Великодушно даровал он почти всем беглецам дозволение возвратиться на родину и главным образом старался избегать всего, что могло бы оскорбить его политических противников. Так, шая их самолюбие, в извещении о торжестве своего триумфа Цезарь объявлял, что триумф этот будет праздноваться в честь его

*Бой с дикими зверями.
С античного барельефного изображения.*

побед в Галлии, Египте, над Фарнаком и Юбой. О Помпее и его приверженцах не упоминалось при этом ни одного слова.

Таким образом Цезарь старался примирить с собой самых ожесточенных своих врагов. В государственную казну он внес 60 000 талантов (80 миллионов рублей) и 2822 золотых венца. Каждый простой солдат, принадлежавший к его войску, получил подарок в 5000 динариев (около 1750 рублей), центурионы получили вдвое, военные трибуны вчетверо, а каждый постоянный житель Рима по одной мине (20 рублей). Сверх того Цезарь из своих собственных складов роздал народу значительные запасы масла и хлеба и заплатил за каждого гражданина за на-

нимаемую им квартиру наемную плату за год вперед. Ветераны были наделены земельными участками. Для того, чтобы рассеять в народе мрачные воспоминания, Цезарь забавлял его по целым неделям великолепными играми, причем каждый день одни зрелища сменялись другими. Они состояли из боя гладиаторов, травли диких зверей и даже охоты за львами, сухопутных и морских сражений. При этом для последних были вырыты обширные водоемы. В огромном цирке сражалось однажды 1200 человек с 40 боевыми слонами. В заключение был дан обед, подобного которому впоследствии никогда уже не давали: Цезарь за свой собственный счет угостил весь римский народ на 22 000 столах, причем сверх изобильного количества кушаньев он приказал поставить на каждый стол по бочке хиосского и фалернского вина из своих собственных погребов. Скопление народа в этот день было так велико, что многие в тесноте были задушены или раздавлены.

Однако прежде чем получить возможность приступить к переустройству государства, Цезарю пришлось подавить последнее сопротивление республиканской партии. Приверженцы Помпея, хотя и уничтоженные в Африке, собрались с новыми силами в Испании. В этой стране Помпей всегда имел много друзей, и теперь оба его хотя еще очень юные, но уже храбрые сыновья, Гней и Секст, собрали здесь под свои знамена значительное войско. Принимали всех без разбора: беглецов, рабов, преступников и бродяг. Вместе с вспомогательными испанскими войсками, войско помпейцев состояло из 13 легионов. Самым выдающимся лицом из предводителей был Лабием.

В начале зимы Цезарь вступил с своими легионами в Испанию. Но только в марте 45 года он смог дать решительное сражение. Неприятель находился у города Мунды. Произошло страшное побоище, самое кровавое в течение всей гражданской войны. С обеих сторон дрались с бешенством и ожесточением. Все, что встречалось на пути, предавалось мечу без всякой пощады. Легионы Цезаря начали уже колебаться. Тогда сам Цезарь соскочил с коня и в отчаянии, с непокрытой головой бросился в ряды обратившихся в бегство со словами: «Не стыдно ли вам предавать вашего полководца в руки мальчишек? В таком случае да будет этот день последним в моей жизни!» Это воззвание остановило отступавших. День близился уже к концу, а сражение все еще не было решено. Вдруг на правом крыле неприятеля произошло сильное замешательство. Там мавританец Богуд напал на неприятеля с тыла. Лабием быстро вывел из боевой линии 5 когорт и направил их против Богуда. Это послужило Цезарю благоприятным обстоятельством употребить хитрость. Указывая

Гней Помпей.
С античной монеты.

*Секст Помпей.
С античной камен.*

на отступавших, он воскликнул громовым голо-
сом: «Они бегут!» Воскликание это, словно по вол-
шебству, произвело в рядах неприятеля расстрой-
ство и замешательство. С новым воодушевлением
бросились вперед солдаты Цезаря и одержали
победу. Число убитых неприятелей простиралось
до 33 000 человек. Было захвачено 13 знамен и взя-
то в плен 17 высших военачальников. Лабиен был
убит. Гней Помпей бежал, но, будучи ранен, был
настигнут и также убит. Сексту удалось спастись
бегством, и с этих пор он вел бродячую жизнь мор-
ского разбойника. Крепость Мунда после мужес-
твенной обороны была взята, а оставшиеся еще в
живых 14 000 неприятелей были изрублены. Кровавопролитная битва
была выиграна. Впоследствии Цезарь сознавался, что в сражении при
Мунде (то была его последняя битва), он в первый раз сражался не толь-
ко ради одной победы, но и за свое существование.

40. Цезарь — диктатор. Законы Юлия Цезаря. Его смерть (45—44 гг. до Р. Х.)

Возвратившись в Рим, Цезарь отпраздновал свой пятый триумф и на
этот раз уже как победитель над всеми своими врагами. Хотя этот триумф
и возбудил неудовольствие, но ни сенат, ни народ не осмеливались выра-
жать его громко, а напротив, преклонились перед победителем. Теперь
Цезарю были предоставлены всевозможные почести и достоинства. Он
был назначен пожизненным диктатором (*in perpetuum*) и вместе с тем но-
сил почетный титул императора (верховный военачальник), как незави-
симый представитель высшей военной и гражданской власти. Все дол-
жности, в особенности должности трибуна, с их обширными полномочи-
ями были соединены в лице Цезаря, причем разрешение всех важных
вопросов судопроизводства и финансового управления он предоставил
своему собственному усмотрению. Вместе с тем, в качестве верховного
жреца Цезарь один разрешал и все религиозные дела. Получив по этому
званию поручение исправить летосчисление, Цезарь при содействии
александрийского математика *С о з и г е н а* вместо пришедшего в страш-
ный беспорядок римского календаря установил новый календарь. Взамен
лунного года в 355 дней Цезарь принял солнечный год в 365 дней и 6 ча-
сов. Эти последние 6 часов повели за собой необходимость прибавления
через каждые 4 года добавочного, високосного дня¹.

¹ Папа Григорий XIII исправил (в 1582 году) заключающуюся еще в юлианском ка-
лендаре неточность (ежегодно равнявшуюся 11 минутам, 12 секундам, 12 терциям) тем,
что установил выпускать каждые 400 лет по три високосных дня. Это было сделано в
1700 и 1800 годах и произойдет в 1900 году.

Затем Цезарь повелел чеканить монету со своим поясным изображением, являлся публично в пурпуровой тоге и с лавровым венком на голове. Статуи его должны были быть поставлены во всех храмах рядом со статуями богов, а самому ему должны были воздаваться, наравне с богами, божеские почести. День рождения Цезаря, приходившийся на месяц квинктилий, должен был почитаться всеобщим торжеством, почему месяц квинктилий на будущее время получил название июля. Благодаря этим мерам во всех существенных отраслях государственного управления вводился принцип единоличного правления, принцип монархии, и управлению этому, чтобы сделаться вполне монархическим, недоставало одного только титула царя. Цезарь сам имел обыкновение говорить, что от республики осталось одно пустое имя, один призрак. Однако он сохранил еще внешние формы республики, например народное собрание (*comitia*) и сенат. Число членов сената Цезарь увеличил до 900, но умалил их значение тем, что предоставил свободный доступ в сенат иноземцам, центурионам и сыновьям вольноотпущенников, не обращая внимания на их прежнее общественное положение.

Достигнув неограниченной диктаторской власти, Цезарь приступил к осуществлению целого ряда общепользных мероприятий. Для того, чтобы очистить столицу от громадного количества нищего народа, число которого достигало до ужасающей цифры 320 000 человек, он основал колонии¹. Туда он направил 80 000 человек, а из числа оставшихся затем предоставил на будущее время государственную помощь из общественных хлебных магазинов еще 150 000 человекам, действительно нуждавшимся. Благодаря этим мерам были удалены из Рима многие беспокойные люди, которые во всякое время служили опасным орудием в руках честолюбивых и бессовестных демагогов. Чтобы доставить трудящемуся народу выгодный заработок, Цезарь предпринял целый ряд построек и работ за государственный счет. Для того же, чтобы

*Цезарь.
Статуя в тоге
в вилле Маттеи.*

¹ В Галлии: Аранзион (ныне Оранж), Юлиев Форум (Фрей), Немавс (Ним); в Коринф и Карфаген также были посланы новые поселенцы.

поставить на ноги сельское население, благосостояние которого в течение этого времени пришло в сильный упадок, он старался помочь ему полезными распоряжениями. Цезарь приказал осушить значительные пространства болот, разделил конфискованные земли между новыми поселенцами, к которым присоединил известное число своих ветеранов, и прикупил для этой цели другие земли за счет государства.

Чтобы поднять нравственность, Цезарь издал строгие законы против роскоши, которая выказывалась в содержании слишком большого числа прислуги, в невоздержных излишествах стола, в чрезмерной роскоши в одежде, в непомерном украшении зданий, надгробных памятниках и т. п. В особенности же должны были быть ему благодарны должники. В их числе находилось очень много лиц из лучших фамилий, которые отдали все свое имущество под заклад менялам и ростовщикам и не были уже более в состоянии выплатить занятый капитал с наросшими на него процентами. Цезарь спас их настолько, насколько еще можно было спасти. Проценты, не взysканные за прежнее время, были признаны не подлежащими удовлетворению, а те, которые были выплачены, были вычтены из капитального долга. На будущее время займодавцы лишались права обращать в рабство несостоятельных должников и должны были довольствоваться изъятием в свою пользу их имущества. Вместе с тем Цезарь установил высший размер указных процентов и строго воспретил ростовщичество.

Не меньше услуг оказал Цезарь и провинциям, которые до этого времени задыхались под позорнейшим гнетом самых постыдных в них злоупотреблений, происходило ли то от того, что их опустошали корыстолюбивые полководцы и алчные до добычи солдаты, или истощали и грабили бессовестные наместники и податные откупщики. Налоги и подати были уменьшены, и их собирали с возможной снисходительностью; отдача на откуп податей и налогов была отменена, а против лихоимства были изданы строгие законы. Таким образом могли постепенно заживать те страшные раны, которые были нанесены провинциям опустошительными походами и еще более жестокостью и алчностью правителей. Конечно, глубоко укоренившиеся язвы, которыми страдало Римское государство, всеобщую безнравственность и возрастающее обеднение народа рядом со скоплением огромных богатств и безумную роскошь немногих не мог исцелить даже организаторский гений Юлия Цезаря.

Весьма дурное впечатление произвело на народ то обстоятельство, что Цезарь вызвал в Рим египетскую царицу Клеопатру и стал жить с ней открыто. Клеопатра с такой надменностью обращалась с римлянами, что они начали испытывать на себе двойное рабство. Но что окончательно сделало ненавистным императора, так это то, что он все яснее и яснее выказывал стремление даже и во внешние формы и титулы внести царское достоинство. Цезарь не шадил более гордости оптиматов, а с сенатом обращался надменно и презрительно. Так, при появлении сенаторов он больше не вставал со своего золотого кресла. Все

государственные и правительственные должности Цезарь предоставлял своим любимцам и наперсникам, которые, со своей стороны, исполняли малейшие приказания своего повелителя.

Однако все их старания доставить ему царское достоинство разбились о сопротивление народа. Так, когда М. Антоний 15 февраля, в день праздника Луперкалийев (в честь бога стад и «оберегателя от волков», Луперкуса), увидев Цезаря, одетого в пурпуровую тогу и смотревшего с ораторской трибуны на торжественную процессию, приблизился к нему и хотел возложить на него царский венец, послышался громкий ропот, и Цезарь счел благоразумным отклонить это почетное предложение. Всеобщий крик одобрения был наградой за отказ от этой почести. Таким образом, нечего было и помышлять получить добровольное согласие народа на восстановление царского титула. Тогда Цезарь обратился к сенату.

Цезарь представил сенату свой заветный план похода против парфян. При этом прежде всего он имел в виду отомстить за позорное поражение при Каррах. Но в то же время война эта должна была удовлетворить и честолюбию Цезаря, так как служила и к достижению царского достоинства. По приказанию Цезаря обратились к Сивиллиным книгам, и в них, само собою разумеется, оказалось написанным именно то, что согласовалось с его желанием. Найденное в них предсказание гласило: «Рим может победить парфян только тогда, когда во главе его будет стоять царь». Опираясь на это божественное изречение, приверженцы Цезаря предложили разрешить императору присвоить себе царский титул за пределами Италии. Они полагали, что, достигнув этого, возвращающемуся из Парфии увенчанному славой победителю ничто уже не будет в состоянии помешать получить царский титул на всем пространстве государства. Но судьба решила иначе. Еще не был предпринят поход в Парфию, как уже был отточен кинжал, который подготовлял внезапный конец жизни и вместе с ней всем обширным планам Цезаря.

В течение почти пятисот пятидесяти лет римляне отвыкли от единовластия. В лице монарха им представлялся ни кто иной, как деспот вроде Тарквиния Гордого, и они с ненавистью встречали всякую попытку преобразовать существовавшее республиканское государственное устройство в монархию. С недоверчивостью относился народ к домогательствам Цезаря, и подозрения против него благодаря неустанным стараниям его противников с каждым днем увеличивались все более и более. Как часто ни проклинали пагубное господство черни, но всякий раз восставали против единственного средства, которое могло положить конец ее власти. Что касается великого дела, задуманного Цезарем, то оно представлялось лишь делом эгоизма и корыстолюбия; старое государственное устройство считалось превосходным и нуждающимся лишь в незначительных изменениях и улучшениях. Но при этом упускалось из виду то чрезвычайное различие в положении вещей, которое господствовало во времена предков и в данное время.

Республиканское государственное устройство, при котором каждый способный гражданин мог достигать значения, как нельзя более соответствовало тем временам, когда люди отличались республиканскими добродетелями: простотой, чистотой нравов, самоотверженностью, и не было уже пригодно теперь, когда подобные добродетели совершенно исчезли, когда на их место заступили роскошь и эгоизм, которые,

*Гай Кассий.
С античной статуи.*

подобно разрушительной болезни, потрясли в основании государственные учреждения и взамен безопасности привели к разложению. Плутарх говорит: «Положение государства требовало исцеления в образе монархии и надлежало благодарить богов за то, что они в лице Цезаря послали такого снисходительного врача». Но недалёковидность и фанатизм не желали признавать этого. Подобно Катону, которому положение государства представлялось на столько отчаянным, что в нем не мог более жить ни один свободный человек, многие полагали умерщвлением императора оказать величайшую услугу и заслужить бессмертную славу.

М. Брут, зять Катона, на которого он походил своей честностью и преклонением перед идеальной свободой, был одним из таких мечтателей. По искренности своих убеждений гораздо ниже его стоял пылкий, гордый и мрачный Гай Кассий Лонгин. Он ненавидел императора скорее вследствие оскорбленного честолюбия, чем из истинной любви к свободе, так как полагал, что Цезарь предпочел ему других. И Бруту, и Кассию Цезарь оказывал знаки величайшего своего благоволения; так, когда они, будучи приверженцами Помпея, были взя-

ты в плен в Африке, то Цезарь обоим им даровал жизнь, а теперь только что пожаловал их обоих в звание преторов. Что касается Брута, то Цезарь, покровительствуя ему еще с малолетства ради его прекрасной матери Сервии, предполагал сделать его консулом на следующий год. Тем не менее оба они питали к Цезарю в сердце своем непримиримую ненависть. На Брута и Кассия втайне рассчитывали и возлагали свои надежды и все те, кто желал смерти Цезаря, в особенности Цицерон. Соумышленники соединились наконец тайно, составили заговор и решили поставить во главе его Брута, так как он был храбрый полководец, правдивый человек, весьма уважаем народом и вследствие этого мог придать этому дерзкому предприятию благородный характер.

Прежде всего постарались вывести Брута из его глубокой задумчивости различного рода записками, которые он находил по утрам на своем преторском кресле. В одной из них говорилось: «Ты не истинный Брут». В другой заключалось: «Ты спишь, Брут?» На статую старого Брута, его предка, изгнавшего Тарквиниев, часто налеплялись записки, в которых говорилось, например: «О, если б ты жил теперь!» Эти воззвания и речи Кассия пробудили юного, пылкого потомка старинного врага тиранов от его забытья, и Брут стал во главе заговорщиков, истинным руководителем которых оставался однако Кассий, превосходивший его своим умом. Вокруг них сгруппировались Кв. Лигарий, Требоний, Муниций Базил, Сульпиций Гальба, Цинна и другие, почти все выдающиеся лица, которые все были облагодетельствованы Цезарем.

15 марта 44 года должно было происходить заседание сената, в котором, как было говорено уже выше, перед началом похода против парфян решено было поднести Цезарю царский титул. Этот-то день заговорщики, число которых доходило до 60 с небольшим человек, и избрали для приведения в исполнение своего злодейского замысла. Цезарь получил многочисленныя предостережения. Но намеки на угрожающую опасность показались на столько неопределенными, что он не счел нужным придать им особенное значение. В особенности против Брута он не питал ни малейшего подозрения. Однако вследствие настоятельных просьб своей супруги Кальпурнии Цезарь решил не ходить в этот день в сенат.

Но когда утром его посетил двоюродный брат Брута, Децим Брут, и представил ему, что он оскорбит сенат, отложив рассмотрение нерешенного вопроса, то Цезарь тотчас же вышел из дома.

На улице один из поджидавших друзей Цезаря подал ему записку, заключающую в себе подробности о заговоре, но Цезарь, не читая, передал ее на сохранение своему писцу. Толкователь по внутренностям животных Спуринна, которого Цезарь встретил на пути, предостерег его насчет мартовских ид (15 марта). «Они уже наступили», — возразил Цезарь. «Но еще не прошли», — отвечал Спуринна. Когда Цезарь вошел в собрание, поприветствовал поклоном сенаторов и затем сел на золотое кресло, заговорщики немедленно столпились вокруг него. Некоторые из них стали за его креслом. Один из заговорщиков, Тиллий Цимбер, подал ему просьбу о помиловании своего брата. Цезарь отклонил просьбу. Тогда остальные заговорщики приблизились к Цезарю, как бы желая лично поддержать просьбу. Цимбер вдруг схватил Цезаря за тогу и стянул ее с плеч. Это было условленным знаком. Первый удар кинжалом нанес Цезарю

*Кальпурния.
С античной камеи.*

сзади один из заговорщиков по имени Каска, но столь неуверенной рукой, что лишь легко ранил его в шею.

Цезарь быстро к нему повернулся и воскликнул: «Изверг Каска! что ты делаешь?» и схватил его за руку. Но в то же мгновение на Цезаря посыпались удары и в грудь, и в лицо; Цезарь увидел, что на него направлены со всех сторон кинжалы. Убийцы поражали с такой горячностью и так неуверенно, что переранили друг друга. Несколько мгновений Цезарь храбро защищался своим железным карандашом. Весь покрытый кровью, он вдруг увидел, что на него устремляется и Брут. Тогда

М. Ю. Брут.

Цезарь с унынием воскликнул: «И ты, мой сын?» — закрыл лицо тогой и, пораженный двадцатью тремя ударами, пал к подножию статуи Помпея, которая стояла недалеко от его кресла. С безмолвным ужасом смотрели сенаторы на эту ужасную сцену и, не подав Цезарю помощи, бежали из залы заседания. Когда Брут после кровавого деяния, хотел обратиться к сенаторам с речью, то все места оказались покинутыми.

Исполнив свой ужасный замысел, заговорщики бросились с окровавленными кинжалами в руках на форум и стали призывать народ к свободе. Но народ оставался холоден и безмолвен. Обманутые в своих ожиданиях, страшась за свою безопасность, заговорщики укрылись в храме Капитолия. Отсюда они начали переговоры с консулом М. Антонием и сенатом. В сенате

они встретили одобрение своему кровавому злодеянию, и по предложению Цицерона убийцы были прощены. Но Антоний не был согласен на такой исход этого дела. Он устроил Цезарю торжественные похороны и произнес при этом страстную надгробную речь. Антоний изобразил добродетели, заслуги и сердечную заботливость Цезаря о благосостоянии народа. Когда Антоний прочел духовное завешание, которым Цезарь завещал народу свои сады, а каждому римскому гражданину в подарок по 75 динариев, раздался громкий ропот. Громко проклинали сенат за то, что он оставил ненаказанными убийц всеобщего благодетеля. Когда же Антоний, подобно тому, как на театральной сцене для усиления впечатления над гробом убитого заставляют появляться его восковую фигуру, развернул окровавленную и проколотую во многих местах тогу Цезаря, а затем прах его предал на площади всесожжению, то неистовство народной толпы дошло до крайних пределов. Народ разразился громкими криками негодования и требовал мщения. Толпы устремились по улицам и бросились отыскивать убийц. Один трибун по имени Гельвий Цинна, которого толпа приняла за заговорщика того же имени, был разорван разъяренной толпой на

куски. Заговорщики и другие противники Цезаря сочли благоразумным как можно поспешнее бежать из Рима.

М. Антоний сразу забрал власть в свои руки. Он не замедлил воспользоваться своим могущественным положением. У перепуганного сената Антоний легко выхлопотал себе позволение собрать для своей личной безопасности охранную стражу. С этой целью он выбрал около 6000 цезарских ветеранов. Опираясь на эту стражу, Антоний совершал бесчисленные злоупотребления с оставшимися после Цезаря письменными актами. В силу подложных распоряжений Цезаря Антоний издал целый ряд законов и постановлений и по своему произволу распоряжался почетными должностями, наместничествами и царствами. Кто предлагал больше денег, тому присуждались права, почетные места, земельные угодья и целые провинции. Антоний уничтожил все долги, которые благодаря мотовству он наделал вместе со своей развратной женой Фульвией. Теперь только впервые увидел Рим в стенах своего настоящего тирана.

Марк Антоний.

41. Октавиан. — Мутиненская война. — Второй триумvirат (44 и 43 гг. до Р. X.)

В это время на политическом поприще появился насколько хитрый, настолько же и честолюбивый юноша, 18-летний Г. О к т а в и й, который в качестве внучатного племянника и приемного сына Цезаря назывался Г. Юлием Цезарем О к т а в и а н о м¹. Октавиан, узнав об убийстве Цезаря, который оставил ему по завещанию, как своему главному наследнику, три четверти своего имущества, поспешил из Аполлонии, где он занимался науками, в Рим, чтобы вступить во владение своим наследством. С неудовольствием узнал Антоний о сопернике. Но еще неприятнее он был поражен, когда Октавиан потребовал от него выдачи имущества Цезаря, которое Антоний большей частью успел уже присвоить себе. Тогда Октавиан, частью из своих собственных средств, выдал народу назначенные Цезарем суммы и благодаря этой мере приобрел значительное расположение народа.

¹ Цезарь не имел собственного сына и поэтому усыновил внука своей младшей сестры Юлии. Дочь ее, Аттия, была замужем за Г. Октавием. От этого брака родился Октавиан.

В войске Октавиан тоже имел много приверженцев. Он расположил в свою пользу и сенат своим скромным и вежливым поведением. Что касается Цицерона, то Октавиан, называя его отцом и постоянно с ним советуясь, настолько сумел расположить его лестью в свою пользу, что старый, опытный государственный муж представил сенату этого юношу как ангела-хранителя, ниспосланного республике самим Небом, и доставил Октавиану такое значение, какого он, конечно, никогда не достиг бы одними своими средствами.

*Октавиан.
С античной статуи.*

Ввиду таких обстоятельств, Антоний остерегался ссориться с Октавианом. Он сблизился с ним, так как при его помощи рассчитывал получить провинцию Верхнюю Италию (Gallia cisalpina) с целью оставаться вблизи Рима, господствовать со своим войском над столицей и иметь возможность в случае благоприятных обстоятельств напасть на нее подобно Цезарю. И действительно, с помощью Октавиана Антонию удалось провести в народном собрании постановление, по которому за ним была утверждена названная провинция. Несмотря на возражения сената, Антоний тотчас же поспешил в Верхнюю Италию, чтобы отнять ее у Децима Брута, которому она была предоставлена ранее. Угрожаемый Антонием, Брут бросился в укрепленную Мутину.

Едва Антоний выехал из Рима, как в сенате образовалось против него самое враждебное настроение. Возбудителем этого настроения явился Цицерон, который разразился против своего отсутствующего смертельного врага¹ самыми страстными нападками. Он называл войско Антония «разбойнической шайкой» и доказывал, что в это войско стремились лишь люди, обремененные долгами, преступлениями и даже братоубийством и рассчитывавшие обогатиться за счет своих граждан. По наущению Цицерона в нерешительном сенате, которым он управлял по своему произволу, состоялось решение отправить к Мутине консулов Гирция и Панзу и присоединить к ним Октавиана, успевшего в это время собрать свое собственное войско. Октавиан принужден был действовать сообща с врагами Цезаря, так как при этом ему представлялся удобный случай уничтожить первен-

¹ В своих четырнадцати речах, названных, по примеру речей Демосфена, «Филиппиками».

ствующее влияние М. Антония. При Мутине в течение нескольких дней произошли два кровавых сражения (в апреле 43 г.), в которых, смертельно раненые, пали оба консула. Но Антоний не устоял против соединенных войск своих противников, потерпел поражение и был принужден к бегству. Он бежал к наместнику Заальпийской Галлии Эмилию Лепиду.

В Риме ликовали по случаю такого оборота дела. Сенат объявил Антония врагом государства; убийцы же Цезаря были осыпаны почестями. Брут получил в свое управление Македонию, Грецию и Иллирию, Кассий — Сирию; кроме того, Децил Брут был назначен главным предводителем обеих консульских войск, потерявших своих военачальников. Что касается Октавиана, которому несравненно больше были обязаны победой при Мутине, то о нем, напротив, не было ни малейшего помина. Всякое воспоминание о Цезаре должно было быть уничтожено, и уже поговаривали об отмене юлианских законов. Когда Октавиан потребовал себе триумфа, то ему было грубо в этом отказано. Такое пренебрежение возбудило сильный гнев Октавиана, и он решил отмстить неблагодарному сенату. С этой целью Октавиан завязал сношения с Антонием. В то же время Октавиан с восемью преданными ему легионами направился к Риму и принудил напуганный сенат утвердить его в звании консула, несмотря на то, что не имел еще двадцати лет от роду. Однако он не стал мстить своим противникам. Завладев государственной казной, Октавиан выплатил своим легионам обещанные им награды. Теперь он сбросил с себя маску и ясно дал понять, что желает порвать всякую связь с партией, которая побуждала или благопрियательствовала убийству Цезаря. Октавиан приказал возбудить против убийц судебное следствие и отменить амнистию.

Но вступить в открытую борьбу с Брутом и Кассием, которые находились в это время во главе сильного войска в своих провинциях, Октавиан получил возможность лишь после того, когда он соединился с Антонием.

Между тем Антоний собрал остатки своего разбитого войска, склонил Лепида, а вместе с ним и Азиния Поллиона, наместника Испании по ту сторону Эбро, и Л. Планка, наместника Северной Галлии, перейти на его сторону и примкнуть к нему со своими легионами. Во главе этого сильного войска Антоний выступил наконец против Рима. Децим Брут бежал с несколькими всадниками, но на пути своем был изменнически умерщвлен одним из своих друзей, у которого он искал убежища. В силу тайного договора Октавиан пошел со своими легионами навстречу к Антонию, к Бононии (ныне Болонья). Лепид принял на себя роль посредника между обоими властителями. После двухдневных переговоров, происходивших на маленьком островке на

Монета Децима Ю. Брута.

реке Рене (ныне Рено), близ Бононии, эти три мужа заключили союз, который называют вторым триумvirатом (в октябре 43 года). Предметом совещания было «новое устройство государства» и разделение верховной власти между этими тремя лицами. Для достижения этой цели триумвиры согласились на том, что Октавиан на остающееся время года уступает свое консульство цезарианцу Вентидию, но в то же время вместе с Антонием и Лепидом получил право издавать обязательные постановления и раздавать государственные должности по своему усмотрению. Для укрепления власти триумвиров легионам сохранено было получаемое ими жалование и в награду им были назначены 18 прекраснейших и богатейших городов Италии (Капуя, Региум, Везувия и др.). Когда эти решения были объявлены солдатам, то они возликовали. Но они потребовали, чтобы триумвиры для скрепления своего союза вступили бы между собой в родственные отношения. Желание их было исполнено: Октавиан вступил в брак с Клодией, падчерицей Антония.

Что понимали триумвиры под выражением «восстановление порядка», не замедлило обнаружиться. Оно заключалось ни в чем ином, как в истреблении их политических противников и в отмщении убийцам Цезаря. Следуя примеру Суллы, триумвиры с холодным расчетом составили из своих политических противников список обреченных к смерти. В этот список были внесены богатейшие из римлян под тем предлогом, что они или принимали участие в убийстве Цезаря, или радовались ему. В этот же список каждый из трех союзников внес имена своих личных врагов из среды сенаторов или сословия всадников. Число осужденных достигало 300 сенаторов и 2000 всадников; они были обречены на смерть; имущества должны были быть от них отобраны и предназначались на покрытие громадных расходов по содержанию войска. Антоний первым внес в список Цицерона, а Октавиан, в числе прочих, своего собственного опекуна. Лепид и один из бывших при нем военачальников, Мунаций Планк, без малейшего возражения допустили внести в список осужденных своих собственных любимых братьев, а Антоний по предложению Октавиана внес в этот же список своего родного старого благородного дядю. Таким образом каждый из триумвиров рассчитывал крепче привязать к себе своих сотоварищей общим соучастием в кровавом преступлении.

Злополучные жители Рима и не подозревали того, что им готовилось. Был вечер, когда избранные шайки убийц вступили в город. Первым, кого они встретили на улице, были четыре сенатора, внесенные в список осужденных. Они тотчас же были убиты на месте, и затем началась резня. Дома осужденных были окружены стражей, двери выломаны, и начались розыски приговоренных к смерти. Однако благодаря наступившей ночной темноте многим из осужденных, и в том числе Цицерону, удалось спастись бегством. На другой день, утром, триумвиры совершили свой въезд в город. Немедленно все ворота, входы и выходы были заняты стражей, и были составлены новые списки осуж-

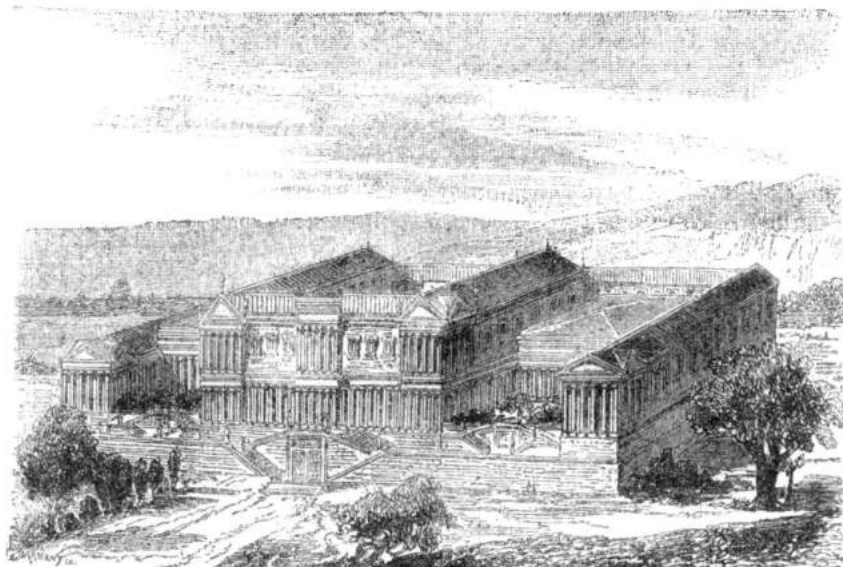
денных. Всякому, укрывавшему кого-либо из осужденных, грозила смерть. За головы убитых была назначена известная плата. Каждый свободнорожденный получал за голову убитого 25 000 динариев, а раб — 10 000. Теперь узы родства, дружбы, уважения и любви потеряли всякое значение, и в злополучном городе разразились с необузданным неистовством всевозможного рода пороки и страсти. Сыновья умерщвляли или предавали убийцам своих отцов, жены — мужей, рабы — своих господ, должники — своих кредиторов. Мостовые на улицах и полы в комнатах были залиты кровью убитых. Головы павших жертв выставлялись напоказ на ораторских кафедрах, а тела их или бросались в Тибр, или отдавались на съедение собакам и птицам.

Но посреди этих бесчеловечных сцен еще ярче выделялись прекрасные подвиги верности, самопожертвования, сострадания и человеколюбия даже со стороны рабов. Многие из них предпочитали умереть под пыткой, чем выдать своих скрывавшихся господ. Один раб несмотря на то, что несколько дней перед тем господин приказал заклеить его, спас теперь своего господина от смерти. Другой раб, сопровождая своего бежавшего господина, спрятал его в роще, у реки, а сам удалился отыскивать лодку. Но вернувшись, он увидел, что господин его окружен уже стражей и, пораженный мечом начальника стражи, падает на землю. «Господин, — воскликнул раб, — вздохни еще раз!» и затем поразил начальника стражи. «Ты отомщен!» — воскликнул он снова и пронзил сам себя мечом. Самый преданный раб сенатора Вентидия на глазах всех остальных рабов заковал его для виду в цепи. Но в следующую же ночь он достал своему господину одежду военачальника, а сам со многими своими сотоварищами переделался в солдатское платье, после чего все они вместе вышли из города, как будто сами вышли на убийства. Однажды им пришлось ночевать в одном доме с шайкой убийц, которые сообщили им, что они посланы в погоню за Вентидием. «А! — сказал раб, — мы также его ищем».

Другой раб вышел навстречу убийцам в одежде своего господина. Убийцы хотели уже нанести ему удар, когда другой раб воскликнул: «Это не он; я покажу вам настоящего господина, который спрятался». Он действительно указал место, где скрывался его господин, который и был умерщвлен. Но едва народ узнал об этом происшествии, как пришел в негодование, бросился к дому и до тех пор не успокоился, пока предатель не был распят, а верный раб не получил в награду свободу.

Многие из осужденных были спасены благодаря преданности своих жен. На защиту внесенного в список осужденных дяди Антония явилась на суд к триумвирам родная мать Антония и с благородным мужеством сказала им, что осужденный находится у нее в доме и что если его не освободят, то она решилась умереть вместе с ним. Один доблестный сын вынес за ворота города своего отца, представившегося мертвым, утверждая, что тот сам себя лишил жизни. Но, выйдя за город, он развязал отца и сопровождал его в

изгнание. Один благородный юноша по имени Оппий пронес на своих плечах отца, дряхлого старика, через половину Италии. Только много времени спустя узнали об этом благородном поступке, и народ был им так растроган, что выбрал молодого человека в эдилы. Но так как Оппий был слишком беден для того, чтобы доставлять народу обычные игры, то художники, ремесленники и простой люд собрались вместе и безвозмездно соорудили и вполне отделали театр, а зрители так щедро бросали ему подарки, что юный эдил обогатился своими играми, в то время как другие разорялись на них.

Вилла Цицерона в Тускулуме.

Регин, бывший некогда наместником и полководцем, намеревался укрыться теперь в одной лесной чаще, для чего с вымазанным сажей лицом и переодетый угольщиком, вышел из города. погоняя перед собой осла, навьюченного углем. Однако один солдат узнал его. За выдачу Регина этот солдат мог получить 5000 руб. (нашими деньгами) награды, но он был честный человек. Он сказал Регину вполголоса: «Счастливого пути, начальник!» и спокойно пропустил его продолжать свой путь.

Но благороднейшей жертвой этих дней ужаса был М. Туллий Цицерон. Он находился с младшим братом Квинтом в своем тускуланском поместье, когда получил известие о своем приговоре. Сначала братья решили бежать к морю, в Македонию, но затем отправились в Астуру, в свое поместье между Анциумом и Цирцеями. Но на дальнейшее путешествие у них не хватило денег. Неустрашимый Квинт решил поэтому поехать в Рим, чтобы достать там денег. Но едва он до-

брался до своего дома, как был предательски выдан, и убийцы тотчас же вошли в дом. Навстречу к ним вышел сын Квинта Цицерона и клялся, что не знает, где его отец. Не довольствуясь его уверениями, убийцы подвергли юношу пытке огнем, мечом и тискаами, чтобы вырвать у него признание. С ужасом слышал спрятавшийся отец стоны и вопли терзаемого; родительская любовь пересилила наконец страх, и Квинт Цицерон выскочил, чтобы спасти своего сына. Но безжалостные убийцы умертвили и отца, и сына.

Между тем старший брат робко и нерешительно блуждал по берегу моря. Сначала он приказал нести себя на корабль, но вскоре вследствие своей болезни отказался от морского путешествия. То он хотел отправиться к Бруту, то бежать к Сексту Помпею, то в сердечном трепете намеревался обратиться к Октавиану с мольбой о пощаде. Наконец Цицерон приказал нести себя в свое третье поместье близ Гайетты. Но здесь его настигла наконец шайка убийц: военный трибун по имени Попилий Ленас, которого Цицерон своим красноречием спас некогда на суде от смертного приговора, центурион Геренний и несколько солдат. Узнав об их приближении, Цицерон приказал нести себя в носилках дальше, но один из вольноотпущенников выдал его и показал убийцам, куда он отправился. Убийцы нагнали Цицерона, и едва он высунул голову из носилок, как Попилий нанес ему три удара по шее. Попилий отнес голову, которая некогда так возвышенно рассуждала, и правую руку, которая написала так много прекрасного, к Антонию и получил от него вдсятеро против назначенной цены. Антоний приказал поставить голову в виде украшения на свой стол. Мстительная жена Антония, Фульвия, проколола раскаленными булавками язык, который, вероятно, не шадил и ее. Затем Антоний и Фульвия приказали выставить голову и руку перед ораторской кафедрой, украшением которой так часто являлся умерший.

Так трагически кончил свою жизнь величайший из римских ораторов. Благодаря своему необыкновенному дару речи, неисчерпаемому богатству выражений, позволявшей для всякого настроения и для всякого положения находить вполне соответствующие, меткие и верные слова и интонацию, благодаря своей счастливой памяти, дару убедительного и живого остроумия, благодаря звучному голосу и благородной наружности, благодаря всем этим качествам Цицерон должен быть причислен к числу величайших ораторов. Как частный человек, Цицерон обладал всеми добродетелями, которые должны были доставить ему уважение и любовь всех честных и правдивых людей. При всеобщем разврате его нравственная чистота вдвойне достойна похвалы и уважения. Бескорыстный ум Цицерона, направленный лишь к одному высокому и благородному, составлял разительную противоположность и отрадное явление среди стремлений самого низменного себялюбия, которым было заражено большинство его современников. Но полное наше удивление к Цицерону возбуждает его самоотверженная любовь к отечеству и его благородное возвышенное стремление к спра-

ведливости и свободе. Как политический деятель, Цицерон, конечно, выказал мало проницательности и еще меньше твердости убеждений, чему нередко много способствовало его добродушие. Однако, несмотря на это, мы не можем согласиться с пристрастным приговором новейших историков и, подобно им, признавать в Цицероне лишь уместные дарования и в то же время нападать на него и предавать его осуждению за не вполне устойчивый и твердый характер. Мы скорее склонны иметь о Цицероне лучшее мнение за то, что он в такое смутное время, каким было его время, колеблясь то в ту, то в другую сторону и потеряв точку опоры, не вполне и несовершенно изменил тем высшим требованиям, которые в былые времена давали право называться человеком, высоко стоящим в нравственном отношении.

Едва миновали убийства, как начались грабительства. Все жители без исключения должны были сделать денежные взносы в государственную казну. Даже женщины не были пощажены в этом отношении. Под угрозой насилия 1400 богатых женщин под тем предлогом, что они находились в родстве с убийцами Цезаря, были объявлены лишенными своих имений. Это послужило поводом к необычайному поступку. Они явились все поголовно на суд к триумвирам, и одна из них, дочь оратора Гортензия, подала просьбу, в которой доказывала несправедливость такого постановления. Последствием этого ходатайства было, по крайней мере, то, что триумвиры удовольствовались тем, что потребовали денежные взносы лишь с 400 женщин.

42. Филиппы. — Антоний в Азии (42—41 гг. до Р. X.)

Когда государственная казна была пополнена вышеописанным образом, то триумвиры Антоний и Октавиан — Лепид остался в Риме для прикрытия Италии — предприняли поход против стоявшего в Македонии хорошо вооруженного войска республиканцев, находившегося под начальством Брута и Кассия. Им также помогал Секст Помпей, который из Сицилии беспокоил море своим флотом, захватывал корабли с хлебом и таким образом угрожал Италии голодом. Оба войска, каждое силой около 100 000 человек, встретились при Филиппах (поздней осенью 42 года). В первый день сражения Антоний обратил в бегство войско Кассия и овладел его лагерем, но одновременно с этим Бруту удалось одержать победу над войском Октавиана, который по причине болезни все время пролежал в постели, и завладеть, в свою очередь, его лагерем. Несмотря на это последнее обстоятельство, Кассий полагал, что все уже потеряно, и приказал заколоть себя одному из своих вольноотпущенников. Потеря этого полководца была роковой. Через двадцать дней на том же месте произошло вторичное сражение, в котором Антоний благодаря своему превосходному военному искусству одержал победу. Брут в отчаянии бросился на свой собственный

меч. Примеру Бруга последовали многие из его единомышленников. Супруга его, П о р ц я, дочь Катона, лишила себя жизни, проглотив горящие уголья.

С поражением при Филиппах республиканское дело было безвозвратно потеряно. Победенные войска сдались и большей частью перешли на сторону триумвиров. Оставался один только Секст Помпей, который, занимая Сицилию и соседние с ней острова, продолжал сопротивляться и всячески вредить Италии своим флотом.

После победы Антоний с шестью легионами отправился на восток, чтобы наказать тамошних владетелей и города за помощь, оказанную ими республиканцам. Все затрепетало перед его гневом и старалось подобострастным приемом добиться милостивого обращения властителя. В Эфесе его приветствовали, как бога Дионисия. Граждане и их дочери вышли навстречу к Антонию переодетые сатирами и

Монета города
Филипп.

вакханками, держа в руках мехи с вином и тирсовые посохи. Музыканты, танцоры, скоморохи и гетеры предшествовали Антонию во главе шествия. И вот Антоний предался теперь всевозможного рода распутству и испил до дна чашу наслаждений. В то же время он совершал жесточайшие грабительства. Его уполномоченные требова-

ли во всех городах чудовишных налогов, и едва можно понять, каким образом эти столь уже часто истощаемые провинции были все еще в состоянии доставлять новые налоги.

Во время производства Антонием суда и расправы в городе Тарсе явилась к нему в числе призванных к ответу и царица египетская К л е о п а т р а, чтобы оправдать себя по поводу поддержки, оказанной ею Кассию. Клеопатра, которой был известен характер Антония, была очень обрадована вызовом в суд, потому что она слишком хорошо знала, чем могла обезоружить Антония. По всем вероятностям, Клеопатра, может быть, даже надеялась достигнуть цели, достижению которой помешала ей преждевременная смерть Цезаря: сделаться повелительницей римлян. Она прибыла в Тарс морем и совершила свой въезд в этот город в образе Афродиты, покоясь на роскошном корабле. Весла на нем были серебряные, паруса пурпуровые, корма вызолоченная. Равномерный плеск весел сопровождался сладостной музыкой, а множество красивых мальчиков и девиц, одетых амурами, следовали на сопровождавших лодках или окружали свою повелительницу, которая затмевала все своей красотой. Жители Тарса и соседних городов теснились несметными толпами на мостах и по берегу реки, чтобы взглянуть на шествие богов, и восторженные голоса повсюду восклицали: «Афродита едет к Дионисию».

Клеопатра достигла своей цели. Благодаря своему остроумию и вкусу она целым рядом заманчивых и очаровательных забав и наслаждений настолько приковала к себе восхищенного полководца, что он с первого же дня, упоенный любовью, ни о чем уже другом не помышлял, как только жить для Клеопатры и пользоваться ее любовью. Пиршества и развлечения, в устройстве которых Антоний и Клеопатра постоянно старались превзойти друг друга, составляли постоянное и единствен-

*Клеопатра.
С античной статуи.*

ное их препровождение времени. Однажды они поспорили, кто из них устроит самый дорогой обед. Антоний приказал достать самые дорогие лакомства, но царица одержала верх, так как за ее обедом был подан напиток, стоивший около 300 000 рублей на наши деньги; то была разведенная в уксусе жемчужина, оцененная в означенную сумму за свою редкую величину.

С каждым днем забывал Антоний все более и более свое достоинство и свое призвание в Азии и наконец отправился с Клеопатрой в ее столицу, Александрию. Здесь Клеопатра вконец усыпила Антония всевозможного рода наслаждениями. Пиршества продолжались ежедневно.

Однажды один иностранец зашел в кухню Антония и увидел там, между множеством приготовлявшихся блюд, восемь жарившихся кабанов. Он удивился и полагал, что в этот день приглашено много гостей. «Нет, — отвечал ему повар, — гостей только двенадцать, но мы посадили на вертел одного кабана немного позже, чем другого для того, чтобы когда обедающие потребуют, можно было подать того из кабанов, который в минуту приказания будет наиболее вкусен, ибо если его передержать на вертеле более положенного времени, то он пережарится».

43. Перузианская война. Секст Помпей. Лепид (41—36 гг. до Р. Х.)

После сражения при Филиппах Октавиан, согласно уговору, возвратился в Рим, чтобы произвести раздел между ветеранами обещанных им поместьев и городов. Но в столице он нашел положение вещей совершенно изменившимся. Здесь господствовала честолюбивая и пронырливая Фульвия, которая вполне управляла своим деверем Л. Антонием, консулом 41 года. Опасаясь, что разделом земель Октавиан может получить перевес в популярности у солдат, Фульвия старалась помешать этому хитростью. По ее приказанию Л. Антоний должен был приостановить раздел земель и в вознаграждение за это обещать денежные награды. Но ветеранам не понравилось такое распоряжение, и в собрании своем, в Габиях, они объявили себя на стороне Октавиана. Тогда консул и Фульвия обратились к сенату и думали привлечь его на свою сторону льстивым объявлением, что они имеют от М. Антония поручение расторгнуть триумвират и восстановить прежний законный порядок вещей. Это действовало. В скором времени по призыву сената 17 легионов высказались за постановление консула, под знамена которого спешили все те, кто видел, что раздел поместий угрожает их собственности.

Однако закаленных в боях ветеранов Октавиана не особенно утрашили эти, хотя и многочисленные, но наскоро составленные легионы. Л. Антонию пришлось самому скоро в этом убедиться, и он отступил в сильно укрепленную Перузию (Перуджия). Здесь его осадил Октавиан. В крепости, недостаточно снабженной провиантом, скоро наступил сильный голод, и через несколько месяцев консул со своим войском, значительно уменьшившимся от голода, вынужден был сдать. Октавиан, подобно своему великому дяде, явил себя великодушным победителем. Консул и войско должны были положить оружие и тор-

Фульвия.
С античной монеты.

жественно присягнуть в покорности и послушании. Только 300 взятым в плен сенаторам и всадникам пришлось поплатиться своей жизнью. Фульвия бежала в Афины, куда М. Антоний прибыл весной 40 года.

Антоний очень хорошо понимал, что Фульвия, главным образом, для того затеяла ссору с Октавианом, чтобы вырвать мужа из сетей Клеопатры и заставить его вернуться в Италию. Поэтому прием, кото-

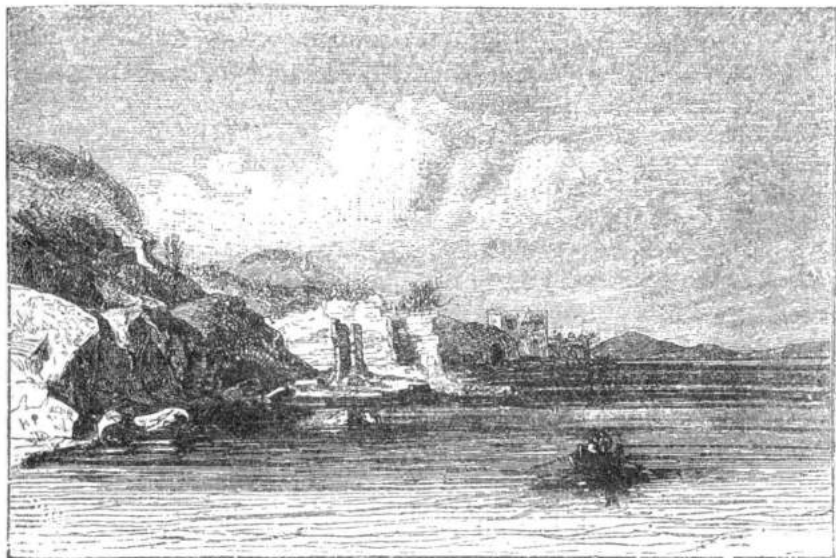

*Луция Антония.
С античной статуи.*

рый он готовил ей, был далеко не ласковый. Вследствие этого между Антонием и Фульвией происходил целый ряд самых бурных сцен, которые настолько расстроили здоровье Фульвии, что она вскоре умерла в Сиционе. Тогда М. Антоний пригласил Октавиана на свидание в Брундузий (в 40 году). Здесь оба триумвира примирились и заключили новый договор о разделе, по которому Антоний получил в свое управление все области, лежавшие на восток от реки Сходры в Иллирии, а Октавиан — на запад; что касается Италии, то она должна была оставаться в общем их владении. Лепид, на которого начинали уже смотреть как на лицо второстепенное, удержал в своем управлении Африку. Народ и войско радовались водворившемуся согласию. Чтобы еще более укрепить взаимную связь, Антоний, исполняя неперемнное и настоятельное желание своих ветеранов, которые хотели оторвать его от его любовницы Клеопатры, женился на прекрасной и добродетельной Октавии, сводной сестре Октавиана.

И действительно, казалось, что в лице благородной Октавии добрый гений Антония в последний раз протянул ему дружескую руку помощи. Октавия последовала за Антонием в Афины, где он провел зиму с 39 на 38 год.

При заключении договора в Брундузии триумвиры упустили из виду обратить должное внимание на Секста Помпея. Между тем было в высшей степени важно примириться с этим опасным врагом, который со своими разбойничьими кораблями производил повсеместно высадки, грабил и опустошал приморские города, отрезал подвоз хлеба в Италию и тем самым непрерывно причинял ей страшные бедствия. Они постарались загладить свой промах тем, что пригласили Секста Помпея для переговоров в Мизену. Здесь с ним был заключен договор, которым ему были обещаны Сицилия, Сардиния и Корсика и, кроме того, Ахайя, с тем условием, чтобы он не затруднял больше

Развалины Мизены.

подвоза хлеба и не принимал к себе перебежчиков и рабов. Договор этот был скреплен торжественным обещанием и взаимными объятиями обеих сторон. После этого мир казался обеспеченным повсеместно в Италии.

Но договор с Помпеем не был приведен в исполнение и в особенности со стороны Антония, который отказался передать Помпею Ахайю, и Помпей снова возобновил свою прежнюю разбойническую войну. Это вынудило Октавиана принять решительные меры. Он собрал значительный флот, поставил во главе этого флота талантливое предводителя Вивсания Агриппу; но малоподвижные корабли Октавиана далеко уступали быстроходным, с опытными экипажами, судам Помпея, и флот Октавиана потерпел несколько поражений. Наконец Антоний, с которым Октавиан благодаря Октавии имел личное свидание в Таренте, прислал в помощь Октавиану 120 кораблей. С усиленным таким образом флотом Вивсаний Агриппа напал на Секста Помпея при Милах и (в 36 году до Р. Х.) нанес ему такое поражение, что Помпею из 300 кораблей удалось спасти едва 17. Помпей бежал в Азию и блуждал там око-

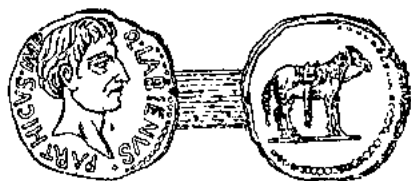
*Ленид.
С античного бюста.*

ло года. Под конец этот искатель приключений был умерщвлен, по всем вероятностям, по приказанию Антония.

Между тем Лепид, который весьма неохотно помогал Октавиану, не желал пропустить благоприятного случая завладеть Сицилией. В первый раз этот слабохарактерный человек выказал энергию. Он осадил Мессану, предал этот богатый торговый город своим легионам на разграбление, рассчитывая этим сильнее привязать их к себе, но обманулся в своих ожиданиях. Когда против него выступил Октавиан, то легионы Лепида перешли на его сторону. Лепид бросился к ногам победителя и просил его о пощаде. Октавиан лишил Лепида достоинства триумвира и отправил его в Рим, где он, сохранив за собой звание верховного жреца, не вмешивался больше в политические распри и мирно окончил свою жизнь (в 13 году до Р. X.).

44. Антоний и парфяне. Третья гражданская война (36—30 гг. до Р. X.)

В то время как Октавиан, возвратясь в Рим в качестве победителя над Секстом Помпеем, принимал преподносимые ему с благоговением всевозможного рода почести, Антоний предпринял крайне трудный поход против парфян, которые под предводительством Лабиена, сына знаменитого легата Цезаря, вторглись в римские владения и производили в них грабежи и опустошения. Сначала римские войска под начальством легата П. Вентидия действовали удачно против опасного врага. Но затем Антоний, забыв свою благородную супругу Октавию и снова призвав к себе Клеопатру, стал завидовать победным лаврам своего легата и решил сам вести войну против воинственного парфянского народа (в 36 году до Р. X.). С войском в 100 000 человек, к которому присоединился царь Армении Артавазд, и сопровождаемый Клеопатрой, Антоний выступил в поход и дошел до Евфрата. Отсюда Клеопатра вернулась назад, Антоний же двинулся дальше, в на-

Монета Лабиена.

ходившуюся в союзе с парфянами Атропатенскую Мидию (н. Азербайджан). Он осадил ее столицу Фраату. Между тем парфяне напали на его легата Оппия Статиана и истребили как его войско, так и осадные машины, которые он должен был доставить Антонию. Сам Антоний испытал не-

вероятные трудности от холода, голода и беспрестанных нападений неприятеля, который, избегая решительного сражения, вел «малую войну». Когда в довершение всего Артавазд вероломно покинул Антония, то последнему ничего другого не оставалось, как отступить. Окруженный со всех сторон неутомимыми неприятельскими всадниками, Ан-

тоний потерял еще 8000 человек, погибших частью от голода и истощения сил, частью от стрел неприятеля.

Наконец, когда тесно сплотившееся римское войско вступило в Сирию, то здесь Антония ожидала уже Клеопатра. Антоний снова отправился с ней в Александрию и провел там зиму в обыкновенных своих развлечениях и пирах. Здесь он получил известие, что жена его, Октавия, находится уже в пути, везет с собой 2000 хорошо вооруженных воинов, выучный скот, запасы платья и подарки и хочет посетить его. Весть эта была для Антония громовым ударом. Он написал Октавии, чтобы она остановилась в Афинах и не ехала далее, так как он теперь решил предпринять новый поход против парфян. Октавия послушалась и осталась с детьми в Афинах. Октавиан советовал ей не переносить такого позора, а вернуться к нему в Рим. Прежде чем решиться на это, Октавия написала Антонию следующее письмо: «Если ты не желаешь меня видеть, то уведоь меня по крайней мере, куда я должна послать деньги и войска, запас платья и оружие, которые я привезла с собой и которыми хотела доставить тебе неожиданный сюрприз». Антоний не остался нечувствителен к такому великодушию, но Клеопатра не дала ему времени опомниться. Она представилась больной, являлась к Антонию с заплаканными глазами, а ее прислужницы должны были уверять его, что она наверно умрет, если он ее разлюбит. Продажные придворные должны были убеждать Антония в том, что настоящая, законная его супруга есть Клеопатра, так как она из любви к нему пожертвовала своим добрым именем и своим царским достоинством, а что Октавия, напротив, стала его женой, собственно говоря, в силу лишь одного договора и что она разыгрывает роль великодушной лишь по наущению своего брата.

Весной 34 года Антоний действительно вторгнулся в Армению, чтобы отомстить вероломному Артавазду. Усиленным маршем подвигалось римское войско к столице Армении Артаксате. Брошенный на произвол судьбы парфянами вследствие ссоры из-за добычи с царем их Фраатом, Артавазд принужден был сдаться. Чтобы доставить Клеопатре восхитительное зрелище, Артавазд вместе со своей женой и детьми был приведен в Александрию в торжественном шествии, окованный серебряными цепями. Антоний возвел Клеопатру в сан «царицы царей», подарил ей провинцию Сирию вместе с Финикией и Киликией и только что завоеванной Арменией; он даже зашел так далеко, что юного Цезариона, как полагают, сына Цезаря и Клеопатры, наградил Египтом, Африкой, Кипром и Келесирией. Этого было слишком много даже для выродившихся римлян. Они все-таки почувствовали, ка-

*Артавазд.
С античной бронзовой
медали.*

кое тяжкое оскорбление было нанесено их национальной гордости подобным пожалованием титулов и раздачей провинций чужестранцам в виде подарков. Этим настроением ловко воспользовался Октавиан. Он обвинил в сенате Антония в том, что он своими поступками нанес римскому имени величайшее оскорбление, а своим последним походом против парфян повредил также и воинской чести римлян. Напрасны были защитительные речи обоих сторонников Антония, выбранных консулами на 32 год, Домиция Агенобарба и Г. Созия. Страшась за свою личную безопасность, они покинули Рим и бежали к Антонию в Эфес. Сенат отрешил Антония от всех его должностей и объявил Клеопатре, как его обольстительнице, войну.

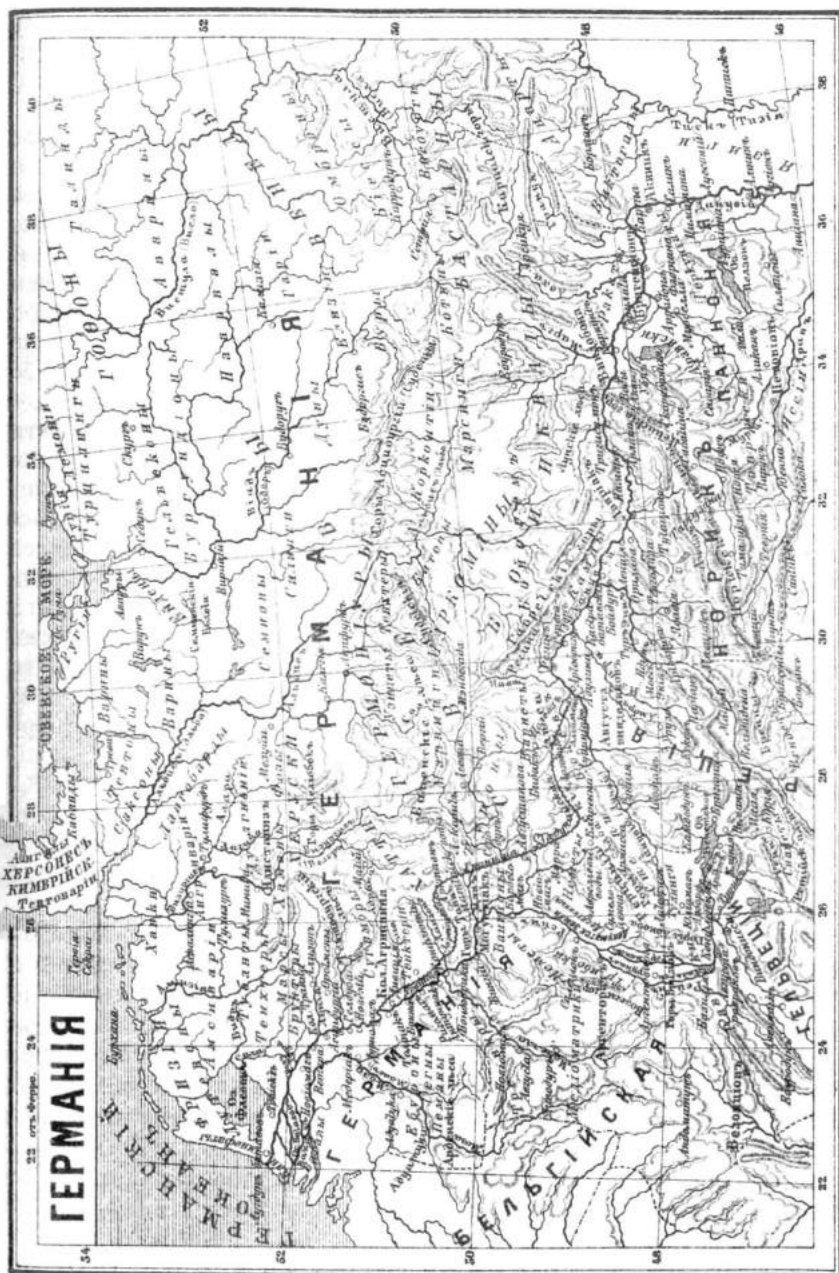
Антоний, узнав о положении вещей в Риме, послал Октавию разводную. Этим была порвана последняя связь Антония с его соперником. Он перенес свой лагерь в Патры и, оставаясь по-прежнему рабом

*Птоломей Цезарийон.
С античного барельефа.*

Клеопатры, провел здесь зиму с 31 на 30 год в роскошных празднествах вместо того, чтобы немедленно вооружить войско и флот и напасть с ними в Италии на неподготовленного еще к войне Октавиана и тем нанести ему решительный удар. В это время Антоний имел перевес над своим противником в сухопутных и морских силах, так как имел в своем распоряжении весь Восток, а для вооружения флота Грецию. Но, с другой стороны, эта численная несоразмерность уравновешивалась тем, что Октавиан имел более преданных военачальников и более верных союзников; при этом и его небольшие корабли были гораздо подвижнее морских громад Антония.

Сухопутное войско Антония расположилось у входа в Амбракийский залив, на южной стороне обоих мысов, носивших название Акциума, а войско Октавиана было расположено на его северной стороне. Пред входом в бухту стояли исполинские корабли Антония, а позади их, под их прикрытием, 60 египетских кораблей Клеопатры. На расстоянии восьми стадий (около 4 1/2 километров) от них в открытом море были расположены полукругом корабли Октавиана. Антоний сознавал, что он только на сухом пути имеет перевес над своим противником; его собственные войска желали сухопутного сражения; его опытнейшие и искуснейшие полководцы советовали ему то же самое и просили удалить Клеопатру. Одна Клеопатра желала морского сражения, и слабый Антоний склонился на ее просьбу. Таким образом, на виду сухопутного войска, которое вынуждено было оставаться бездействующим зрителем, должна была произойти морская битва при Акциуме (2 сентября 31 года), которая должна была решить судьбу

Германия

Рима. Начальник флота Октавиана Вивсаний Агриппа не мог напасть с фронта на плотно стоявшую линию громадных кораблей Антония, поэтому он старался разделить их, чтобы напасть на каждого из них отдельно. Искусными движениями Агриппе удалось выманить вперед оба неприятельских крыла. Благодаря этому они были отделены от своего центра и тем открыли свободный проход. Легкие и подвижные суда Агриппы быстро прорвались через этот проход и старались окружить стоявшие в одиночку корабли неприятеля. Однако исход битвы долго оставался сомнительным, так как войско Антония сражалось с непоколебимой храбростью. Но тут произошло совершенно

*В. Агриппа.
С античного бюста.*

неожиданное обстоятельство, которое привело войска Антония в сильное замешательство. Клеопатра, конечно, не без предательского умысла, внезапно дала египетским кораблям приказание обратиться в поспешное отступление. Неприятель с изумлением увидел, как 60 египетских кораблей быстро стали удаляться. Антоний, узнав корабль Клеопатры по его пурпуровым парусам, не захотел расстаться со своей возлюбленной и последовал за ней. Остальные его корабли продолжали сражаться еще некоторое время, до тех пор, пока Агриппе не удалось захватить большую их часть. Тогда они перестали защищаться и сдались Октавиану. Сухопутное войско под начальством Канидия находилось в нетерпеливом ожидании и сохраняло верность своему недостойному полководцу. Лишь тщетно про-

ждав его семь дней, оно положило оружие и перешло к Октавиану.

Между тем Антоний и Клеопатра достигли Александрии. Сначала казалось, что Антоний поссорился с предательницей и виновницей своего падения. В течение трех дней он не удостоил ее ни одним словом, ни одним взглядом. В безнадежном отчаянии Антоний приказал даже выстроить на выдававшейся в море дамбе дом, в котором намеревался вдали от света провести в тишине последние дни своей жизни. Но этот припадок гордости быстро прошел, когда обольстительница вновь пустила в ход свое кокетство. Клеопатра вновь запутала Антония в свои сети. В самый разгар всевозможного рода удовольствий получил Антоний известие о том, что Октавиан приближается с сильным войском (в 30 году до Р. Х.). В то самое время, как Антоний бросился навстречу неприятеля, Клеопатра завязала переговоры с последним. Октавиан дал понять Клеопатре в дружеском письме, что она может спасти себе и жизнь и престол, если пожертвует Антонием. Она ни минуты не задумалась пожертвовать своим возлюбленным. Однако Клеопатра

не доверяла и Октавиану. Поэтому она на всякий случай приказала построить прочный склеп, где и укрылась со своими сокровищами и драгоценностями.

Между тем Антоний вел безнадежную борьбу с Октавианом. По распоряжению Клеопатры прежде всего сдался неприятелю Пелузий, составлявший ключ Нильской долины. Когда неприятель подошел к Канопским воротам Александрии, Антоний во главе своей конницы оказал блистательное сопротивление. То была последняя вспышка его счастливой звезды, после которой она закатилась навеки. Уже на следующий день Антонию пришлось с ужасом и огорчением видеть, как войска его переходят к неприятелю. Он поспешил отступить в город. Клеопатра уведомила его через слуг, что она лишила себя жизни. Тогда Антоний пронзил себя мечом. Но рана оказалась несмертельна. В это время к нему явился писец Клеопатры, чтобы собрать сведения о положении дел. От него Антоний узнал, что Клеопатра еще жива. Умирая, он просил доставить ему случай еще раз ее увидеть. Антония перенесли к Клеопатре, и он испустил последний вздох в ее объятиях.

В тот же день Октавиан совершил свой въезд в Александрию. Клеопатра просила его о свидании. Она могла надеяться привязать к себе своими чарами и этого победителя. Но Октавиан остался холоден. Даже тогда, когда Клеопатра прочла ему жалобным голосом письма Цезаря, он не выказал ни малейшего волнения. Со словами: «Не унывай, царица!» — Октавий оставил ее роскошный покой. Клеопатра угадала, к чему он предназначал ее: для украшения своего триумфа в Риме. Она не пожелала пережить этого позора и тотчас же отравилась вместе с преданными ей прислужницами. В предсмертном письме она отправила Октавиана похоронить ее рядом с Антонием. Когда Октавиан отправил к Клеопатре посланцев, то они нашли ее уже мертвой, лежащей на кушетке, а прислужниц ее лежащими у ее ног. Клеопатра умерла сорока лет. Согласно ее просьбе, ее похоронили рядом с Антонием.

Египет был обращен в римскую провинцию, и управление им было поручено наместнику, назначенному Октавианом. По своем возвращении в Рим победитель праздновал в течение трех дней свой триумф, во время которого в шествии участвовали дети Клеопатры и несли ее сокровища и произведения искусства. Сенат подвес Октавиану титул императора. Сам же он пожелал именоваться лишь «Цезарем», и это имя сделалось почетным титулом всех следовавших за ним правителей римского государства.

III

РИМ ПРИ ИМПЕРАТОРАХ

1. Походы Августа против германцев. Домашняя жизнь Августа. Его смерть (30 г. до Р. Х. — 14 г. после Р. Х.)

Октавиан вступил в полное обладание наследством великого Цезаря. Он сделался неограниченным единовластителем. Непримиимые республиканцы покоились на полях битв. Сенат не только не чинил ему ни малейших препятствий, но, напротив, являлся самым послушным орудием его воли. Народ, утомленный внутренними смутами, страстно желал спокойствия и порядка и был доволен, что ему представляется возможность жить в приятной, праздной беспечности. Он требовал лишь хлеба и зрелищ (*panem et circenses*). Октавиан всегда заботился о том, чтобы великолепными общественными играми удовлетворять народной страсти к зрелищам и привлекать к себе солдат и граждан богатыми подарками. Богатые и знатные люди искали и находили удовольствие, которое предоставляли им современная культура и занятия науками и искусствами. Повсюду господствовало пресыщенные политическими раздорами, и все с радостью приветствовали наступившую эру мира и спокойствия.

Однако Октавиан не сразу получил самодержавную власть, которой пользовался его приемный отец. Он старался достигнуть ее постепенно и с крайней осторожностью, чтобы не потерпеть нигде неудачи. Хотя в действительности полномочия всех государственных должностей и сосредоточились в особе Октавиана, тем не менее по наружности он сохранил их и на будущее время под старыми формами и именами. К сенату он относился с необыкновенным уважением. Недостойных членов сената, большая часть которых была назначена совершенно не по заслугам, из низших классов, например, из вольноотпущенников, прежними еще властителями: Суллой, Цезарем или Антонием, Октавиан удалял под разными благовидными предложениями. Время от времени он даже разыгрывал комедию и, представляясь как бы утомленным властью, возвращал ее сенату и затем, как бы уступая неотступным просьбам и убеждениям сенаторов, соглашался вновь принимать в свои руки бразды правления, но всегда, по его любимому выражению, лишь в качестве председателя сената (*princeps senatus*). Таким образом

римляне еще долгое время пребывали в приятном заблуждении, будто они все еще продолжают пользоваться своей свободой.

Октавиан совершенно верно рассчитал, полагая, что таким путем он постепенно достигнет своей цели. Сенат постепенно передавал ему все большие и большие полномочия в государственном управлении. В 27 году до Р. Х. Октавиан получил пожизненное звание императора и вместе с ним неограниченное главное начальство над всеми военными силами государства. Фактически он управлял всеми провинциями, хотя многие из ближайших из них, которые вследствие водворившегося в них успокоения и как неугрожаемые извне нуждались в менее сильных гарнизонах, он предоставил управлению сената. В то же время сенат удостоил Октавиана почетным титулом «Августа» (что означает достойный благоговейного почитания), который с этих пор он и носил предпочтительно, а месяц секстиль был назван в честь его «Августом». В 23 году Октавиан заболел. Когда он выздоровел, то сенат, желая выразить свою радость по этому случаю, в своем торжественном заседании передал ему пожизненное достоинство трибуна. Этим самым как бы указывалось на то, что народ должен обращаться к Августу, как к преемнику своего покровителя во всех вопросах права, защиты и ходатайства о своих нуждах.

Несколько лет спустя Август был провозглашен пожизненным консулом, а когда со смертью Лепида освободилась должность первосвященника, то он был назначен и верховным жрецом. Таким образом в особе Августа соединились полномочия по управлению всеми государственными и религиозными делами. Теперь Август достиг этим того, что голосование народа, который ради соблюдения одной внешности собирался для подачи голосов в народные собрания, потеряло почти всякое свое значение. Советниками Августа были его полководец и зять Вивсаний Агриппа и получивший греческое образование всадник Меценат. Важнейшими государственными сановниками, являвшимися как бы представителями императора, были правитель города (*praefectus urbi*) и начальник те-

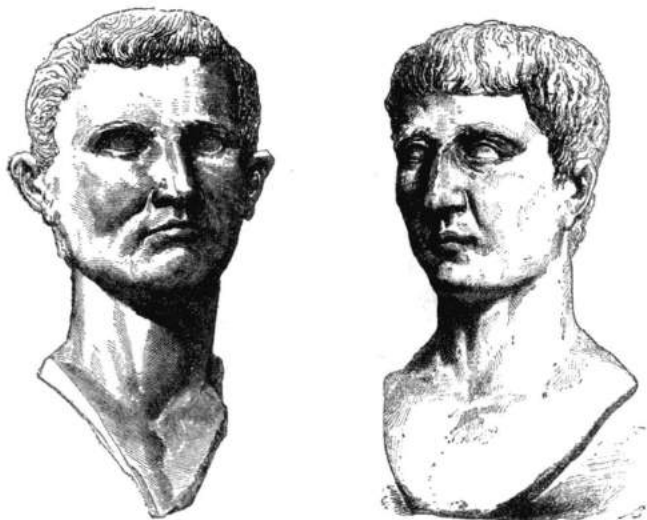
*Август.
С камеи.*

*Меценат.
С камеи.*

л о х р а н и т е л е й (praefectus praetorio). Первый из них имел главный надзор за полицией, которая была обязана заботиться о спокойствии и порядке в 14 кварталах столицы; последний начальствовал над войсками, расположенными в Риме и Италии, а главным образом над 8000—10 000 телохранителями (cohortes praetorianae). Значение этих двух сановников с течением времени все усиливалось и усиливалось, и мы увидим далее, что власть их при слабых императорах сделалась опасной для императорской власти.

Август доставил римскому народу умиротворяющее зрелище — двери храма Януса, который почти 200 лет оставался отворенным, были в знак всеобщего мира закрыты. Однако Августу пришлось вес-

Тибери́й и Друз.
С античных бронзовых бюстов.

ти тяжелые войны частью для обеспечения границ, частью для упражнения своих войск. Его важнейшим военным предприятием были походы против германцев. Два его пасынка, Друз и Тиберий, с целью прикрытия Верхней Италии, завоевали области Ретию (Тироль, Граубинден и Триентинский округ), Винделицию (Бавария к югу от Дуная), со столицей Августа Винделиков (Augusta Windelicorum, ныне Аугсбург) и Норик (Австрия, Штейермарк, Каринтия и Крайна). Затем Друз предпринимал четыре похода по Нижнему Рейну и проник до Везера и Эльбы. Для безопасности он построил 50 замков (укрепленные башни), между ними Ализо на реке Липпе и Castra Vetera (ныне Ксант). Когда в 9 году до Р. Х. Друз намеревался перейти и Эльбу, то к нему, по народному сказанию, явилась женщина сверхъестественного роста, быть может, одна из женщин-предска-

зательниц (альруний или альравний, то есть всезнающих) с угрожающим восклицанием: «Куда стремишься ты, ненасытный? Тебе не предопределено увидеть все эти страны. Воротись, ибо близок уже конец твоих деяний и твоей жизни». На обратном пути Друз упал с лошади и умер от последствий своего падения в одной из прирейнских крепостей Магунтиаке (Майнц).

После смерти Друза главное начальство над войсками перешло к Т и б е р и ю (9—7 гг. до Р. Х.). Тиверий больше своим дипломатическим искусством, с которым он умел завязывать сношения, чем успехами своего оружия, покорил страну между Рейном и Везером. Август старался приучить германцев к римскому игу кратким обращением.

*Германн (Арминий).
С античного бюста.*

Между прочим он приказал многих сыновей германских вождей воспитывать в Риме. В числе их находился и юный Г е р м а н н (Арминий), сын князя херусков Зигмара. Но на этого юного героя блеск римской столицы, ее удовольствия и образ жизни не произвели никакого впечатления. Ему были противны роскошная жизнь и раболепное низкопоклонство выродившихся римлян. Однако хотя он и страстно ненавидел иноземное иго, тем не менее он затаил в душе свои чувства, чтобы до поры до времени не дать римлянам заметить своих замыслов.

На некоторое время благодаря разумному управлению наместника С е н т и я С а т у р п и н а, казалось, удалось усыпить в германцах любовь к свободе. Но когда вместо Сатурнина римским наместником был назначен К в и н к т и л и й В а р, человек алчный и безрассудный, то чувство это пробудилось вдруг со страшной силой. Еще до

этого Вар обесславил себя своим управлением в Сирии. «Бедным вступил он в богатую Сирию, — говорит Беллей Патеркул, — и богачом покинул он бедную Сирию». Он и Германию намеревался истощить грабительством и поставками всевозможного рода припасов и задумал ввести в ней римские судопроизводство и язык. За самые не-

значительные проступки Вар приказывал наказывать розгами и даже казнить свободных германцев. В его управление целая толпа римских чиновников, писцов, ходатаев по делам, менял и сборщиков податей водворилась в земле германцев и эксплуатировала в свою пользу неопытность простодушного, непросвещенного народа. Но, наконец, сердца свободлюбивых мужей преисполнились гневом и стыдом, в особенности Арминия.

Под руководством Арминия для низвержения чужеземного ига составилась союз из херусков, бруктериев, каттов, марсов и других племен. Согласно договору, одно из племен, обитавшее на Эмсе (Amisia), должно было востать против римлян. При этом рассчитывали, что Вар выступит против этого племени и таким образом будет принужден действовать на невыгодной для него местности. Этот план удался вполне. Несмотря на предостережение одного из германских предводителей Сегеста, дочь

*Туснельда.
С античной статуи.*

которого Туснельду, хотя и с ее согласия, похитил Арминий, Вар с тремя испытанными легионами в числе около 40 000 человек выступил в поход для восстановления спокойствия. Но Арминий со своими войсками направился по кратчайшей, известной одним лишь местным жителям, дороге, в тыл римлянам, и когда эти последние вступили в Тевтобургские лесистые горы (недалеко от нынешнего города Детмольда), то они увидели, что им прегражден дальнейший путь засеками из древесных стволов, глубокими оврагами, болотами и трясинами и непроходимым лесом. В тылу их внезапно как бы из земли выросли войска неприятеля и напали на арьергард. Но Вар не почувствовал еще всей громадности предстоявшей ему опасности; он

считал это надменным замыслом лишь некоторых отдельных германских предводителей, а не хорошо и всесторонне обдуманном планом.

Мстители появлялись и исчезали, как ночные тени. То тут, то там падал римлянин за римлянином при проходе узким ущельем. Наконец наступил вечер, и Вар приказал войску остановиться, укрепить, насколько было возможно, лагерь и сжечь весь излишний обоз и все, что могло затруднить походное движение. На следующий день войско, соблюдая уже лучший порядок, но постоянно окруженное толпами германцев, продолжало свой путь далее по открытой местности и вступило на болотистую, покрытую дикорастущим лесом равнину. Здесь каждый куст вдруг точно ожил. Из каждой горной расщелины появились неприятели, и в римлян полетела целая туча стрел. Само небо явилось на помощь германцам: началась буря, полил дождь. Когда вслед за второй беспокойной ночью, во время которой римляне ни на одну минуту не переставали слышать воинственный клич германцев, наступила третья, то они с ужасом увидели, насколько поредели их ряды. Римляне как можно плотнее сомкнули свои ряды и вышли на открытую местность. Но они увидели, что их со всех сторон окружают германцы в полном составе всех соединившихся племен. При всей храбрости римлянам оставался один удел — смерть. Как валяются колося от града, так падали храбрейшие из римлян под ударами германцев. Варом овладело отчаяние, и он бросился на свой собственный меч. Лишь немногие спаслись в Ализо. Пленные частью были принесены в жертву богам, частью уведены в поселения союзников и должны были служить им в качестве рабов. Одному из стряпчих вырвали язык и затем закричали ему: «Ну, ехидна, пошипипи еще, если можешь!»

Получив известие об этом страшном несчастии, Август потерял всякое присутствие духа. Он восклицал в отчаянии: «Вар, Вар, отдай мне мои легионы!» Уже опасались, что германцы, как некогда кимвры и тевтоны, в упоении своей победы, могут предпринять поход в Италию. Но на этот раз германцы удоволь-

*Юлия.
С античного бюста.*

*Ливия.
С античного бюста.*

*Апофеоз Августа.
С античной медали.*

ствовались уничтожением римского войска и взятием и разрушением римских крепостей между Рейном и Везером. После мужественного сопротивления пал и Ализо. Гарнизону его удалось пробиться, но женщины и дети попали в руки безжалостного неприятеля.

Не менее несчастлив был Август и в своей семейной жизни. Судьба как бы послала на его дом свое проклятие, которое тяготело на нем в течение целых десятилетий. Дочь Августа от его брака со Скрибонией, Юлия, вела самую распутную жизнь; она была замужем сперва за Марцеллом, сыном Октавии, затем за Агриппой и наконец за Тиберием. Вторая супруга Августа, властолюбивая и коварная Ливия, отравила двух любимых его внуков, Кая Цезаря и Луция Цезаря, сыновей Агриппы; третьего же, Агриппу Постумия, она умертвила с помощью подсланных убийц уже после смерти Августа, и все это с целью обеспечить престолонаследие за своими сыновьями — Тиберием и Друзом от брака ее с Тиберием Клавдием Нероном. Ее даже обвиняют и в том, что она с помощью яда ускорила смерть своего супруга Августа.

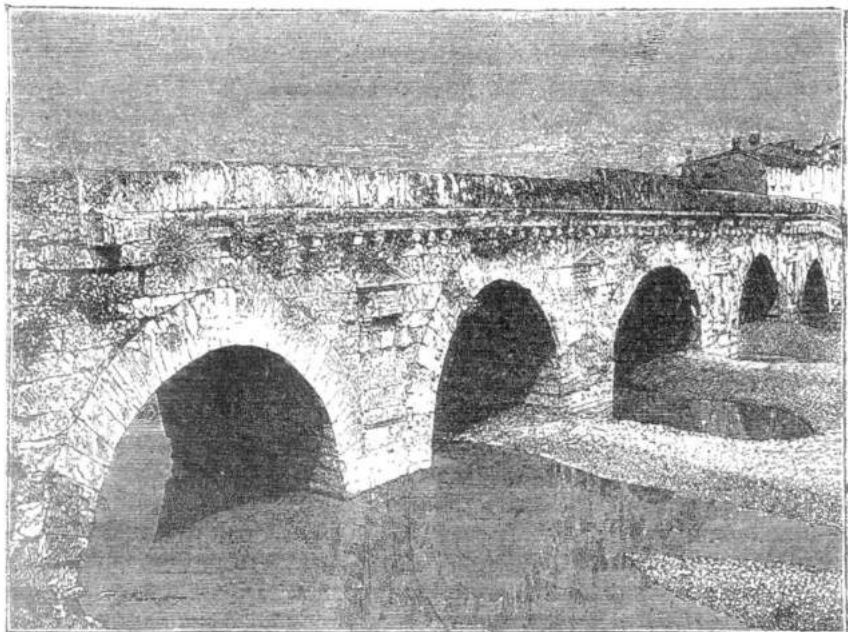
Август умер на пути в Нолу на 76-м году своей жизни (в 14 году после Р. Х.). Почувствовав приближение смерти, Август, как говорят, спросил стоявших около него друзей своих, искусно ли он, по их мнению, сыграл комедию своей жизни. Получив утвердительный ответ, он сказал им: «В таком случае рукоплещите мне, друзья мои!» Ливия скрывала смерть императора до тех пор, пока не прибыл из Иллирии Тиберий, чтобы овладеть престолом. Постановлением сената Август был причислен к лику богов, и ему, как божественному Августу (*Divus Augustus*), были воздвигнуты храмы и при них для служения назначены жрецы.

2. Состояние государства при Августе. Золотой век римской литературы

Август в течение немногих лет сумел упрочить свое положение. Затем он приступил к новому устройству громадного государства. Благодаря целесообразному разделению на наместничества¹, правители которых являлись лично ответственными перед императором, благодаря сооружению крепостей и основанию военных колоний для охранения законного порядка он доставил государству более прочную форму. Уничтожением произвольных грабительств и введением более справедливой, равномерной системы взимания податей и налогов Август достиг того, что провинции, истощенные непомерными поборами алчных наместников и бедствиями гражданской войны, получили возможность восстановить свои силы. Под покровительством наступившего мира вновь расцвели производительность и торговля. Получилась возможность вывозить сырые продукты и произведения промышленности, и это обстоятельство послужило источником благосостояния и богатства. Полудикие народы, как, например, испанцы и галлы, были цивилизованы — их приучили к земледелию и оседлой жизни. Август также положил основание обширной системе путей сообщения с целью поставить в более близкую провинции как между собой, так и со столицей, Римом. Еще и ныне построенные Августом военные дороги по своему замечательно искусному и прочному сооружению составляют предмет удивления.

¹ Различали: 1) Цезарские провинции, наместники которых (пропреторы) назначались цезарем; к их числу принадлежали: Испания, Лузитания, Галлия, Иллирия, Паннония, Финикия, Киликия, Египет, Сирия. В них было расположено около 25 легионов, которыми именем императора начальствовали легаты. Их главные квартиры (*castra stativa* — постоянные лагеря) были расположены в крепостях, из которых они охраняли границы государства (на Рейне, Дунае, Евфрате и Ниле). 2) Сенатские наместники (проконсулы) которых назначались сенатом, например: Африка, Сицилия, Азия, Вифиния и Понт. Сообразно этому разделению, доходы вначале поступали в две отдельные кассы: доходы с сенатских провинций в государственную казну (*aerarium*), а из цезарских — в частную казну императора (*fiscus*). Но впоследствии это различие было уничтожено, и императоры распоряжались всеми доходами и всеми денежными средствами государства. Флот был расположен в гаванях Мазены, Равенны, Форума Юлиева (ныне Фрейя) и т. д. и имел своим назначением держать в повиновении острова и приморские государства и оберегать морскую торговлю.

В то время как постепенно начинали заживать глубокие раны, нанесенные провинциям и почти на всем пространстве государства начинали водворяться новая жизнь и новая деятельность, нравственное и общественное состояние Италии и в особенности столицы вследствие продолжительных политических смут со времен Гракхов было потрясено до такой степени, что о каком-либо исцелении не могло быть даже и речи. Добродетели доброго старого времени: простота, бескорыстная, готовая на самопожертвования любовь к отечеству, рыцарская храбрость, любовь к свободе и набожность более не существова-

Мост Августа в Риме.

ли; взамен их развились зловредные пороки — роскошь и изнеженность, себялюбие, распущенность нравов, алчность. Словом, где прежде действиями граждан руководили чувства человеческой гордости и собственного достоинства, теперь царил дух раболепия и низкоклонства. Несоразмерность между имущим и неимущим классами была поразительна. Зажиточного среднего сословия не существовало. Теперь оставалось только два класса: богатые и бедные. Между ними существовала непроходимая бездна. Столица была переполнена людьми, не имевшими ни хлеба, ни пристанища. Большинство не желало работать и предпочитало в качестве нищих и бродяг предаваться праздности и лени. «Есть тысячи людей из числа римских граждан, — говорит один историк, — кто не имеет другого пристанища, кроме обще-

ственных рынков и колоннад храмов. Другие вместо того, чтобы искать честного заработка, поступают в услужение к устроителям общественных игр и рискуют своей жизнью за содержание и вознаграждение. Многие ни разу не имели случая получить какую-либо работу с тех пор, как число рабов возросло до бесконечности, и рабы эти в качестве прислуги и ремесленников исполняют все работы с большой выгодой для своих господ, богатых семейств сенаторов и всадников, по их поручению. Вследствие этого приходилось содержать даровой раздачей хлеба из общественных лавок до полумиллиона бездомных людей, не имевших ни хлеба, ни работы. Такому печальному положению Август старался помочь, подобно тому, как это некогда делал Цезарь. Чтобы избавиться от этой массы бездомных людей, пролетариев, грозивших общественной безопасностью, Август основал колонии; для поселения их он скупал также государственные земли. Опустевшие во время гражданской войны области Италии Август населил вновь и поддерживал поселенцев, назначая им награды и поощряя их различными льготами и привилегиями к неустоимому занятию земледелием и ремеслами».

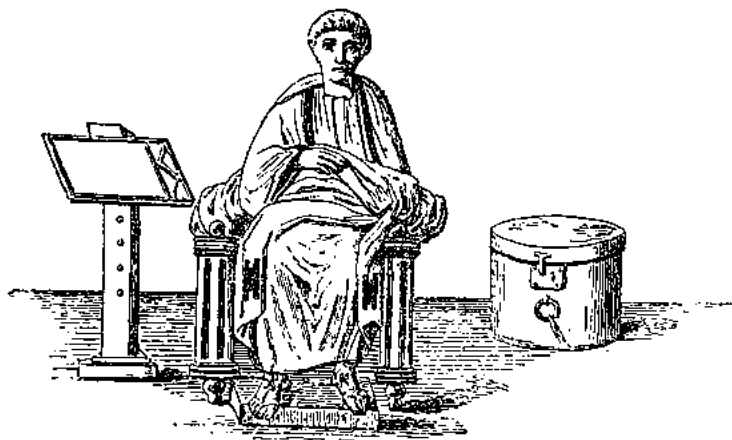
Чрезмерной роскоши и распутной жизни богатых людей Август старался противодействовать частью строгими постановлениями, частью своим собственным хорошим примером простоты и воздержности. Однако впоследствии мы увидим, что все эти меры могли лишь на короткое время приостановить быстрый упадок нравственности римлян и только задержать его в стремительном падении, но были не в силах повлиять на более продолжительное время.

Доходы от податей и налогов достигали суммы по меньшей мере 150 миллионов рублей по нашим деньгам. Из них более 45 миллионов расходовалось на войско и флот, на жалованье государственным сановникам и наместникам провинций, а также и на раздачу хлеба бедным. Излишки от доходов Август обращал на восстановление торговли, возведение всевозможного рода великолепных сооружений, как то: храмов, дворцов, рынков, водопроводов и в особенности на украшение столицы. Он мог поэтому с гордостью сказать, что, «принял город кирпичный, а оставляет его мраморным».

Подобно тому, как замечательные произведения греческих художников из мрамора и меди были перевезены в Рим и красовались во дворцах и загородных домах богатых римлян, сюда проникли и сокро-

*Саллюстий.
С античной статуи.*

Виргилий Марон.

С миниатюрного изображения на рукописи в Ватикане.

вища греческой литературы. Во всех областях духовного творчества римляне были подражателями греков, за исключением законоведения, которое следует рассматривать как совершенно самобытный продукт римского гения, направленного преимущественно на практическую разработку этой науки. Со времени уничтожения самостоятельного существования своего отечества греки все в большем и большем числе наполняли собой столицу мира. Принесенные ими культурные начала нашли у римлян весьма благоприятную почву. Воспитание знатного римского юношества было почти исключительно отдано в руки ученых греков. Для довершения образования римских юношей отправляли в умственные центры Греции: в Афины, Родос, Александрию и т. п. Греческие грамматика и риторика составляли главные предметы обучения. Выдающиеся римляне разработали свой отечественный язык по греческим образцам и довели его до высокой степени совершенства. В этом отношении наибольшую заслугу следует признать за оратором М. Тул л и е м Ци ц е р о н о м. В своих философских сочинениях, речах и письмах он довел римский язык поистине до классического совершенства. Заслуживает удивления гладкий слог, тщательное построение периодов, искусная внутренняя и внешняя последовательная связь предложений, благозвучность и гибкость его способа выражения. Следующее за Цицероном место занимают воспитавшиеся, как и он, по греческим образцам историки Ю л и й Ц е з а р ь и С а л л ю с т и й К р и с п (86—35 г. до Р. X.).

Век Августа являет собой целый ряд славных римских писателей. Как в самом Августе, так и в друзьях его, М е ц е н а т е, Агриппе, Азинии Поллионе и других, они нашли жарких покровителей и защитников своих трудов и стремлений. Поэтому этот век, подобно веку Пе-

рикла, прозвали золотым веком римской литературы. В области поэзии блистали эпический поэт П. Виргилий Марон, счастливый подражатель Гомера в своей «Энеиде», которая имеет в виду прославление Энея как родоначальника дома Юлия-Августа. Замечательными лириками были Кв. Гораций Флакк, Тибулл и Проперций; наряду с ними по звучности своего стиха стоит П. Овидий Назон. В области истории первенствующее место занимает Ливий. С обворожительной задушевностью рассматривает он мощные образы из прошлых времен Рима. Характер и деятельность исторических лиц он заставляет выступать в их собственных речах, которые он влагает в уста их и в которых его ораторское искусство высказывается во всем блеске. Его римская история, начиная *Ab Urbe condita* (т. е. с основания города Рима), благодаря ее увлекательному, живому и трогательному изображению сделалась истинно национальным творением. К сожалению, из 142 книг этой истории сохранились только первые 10, затем от 21 до 45 и некоторые отрывки других книг.

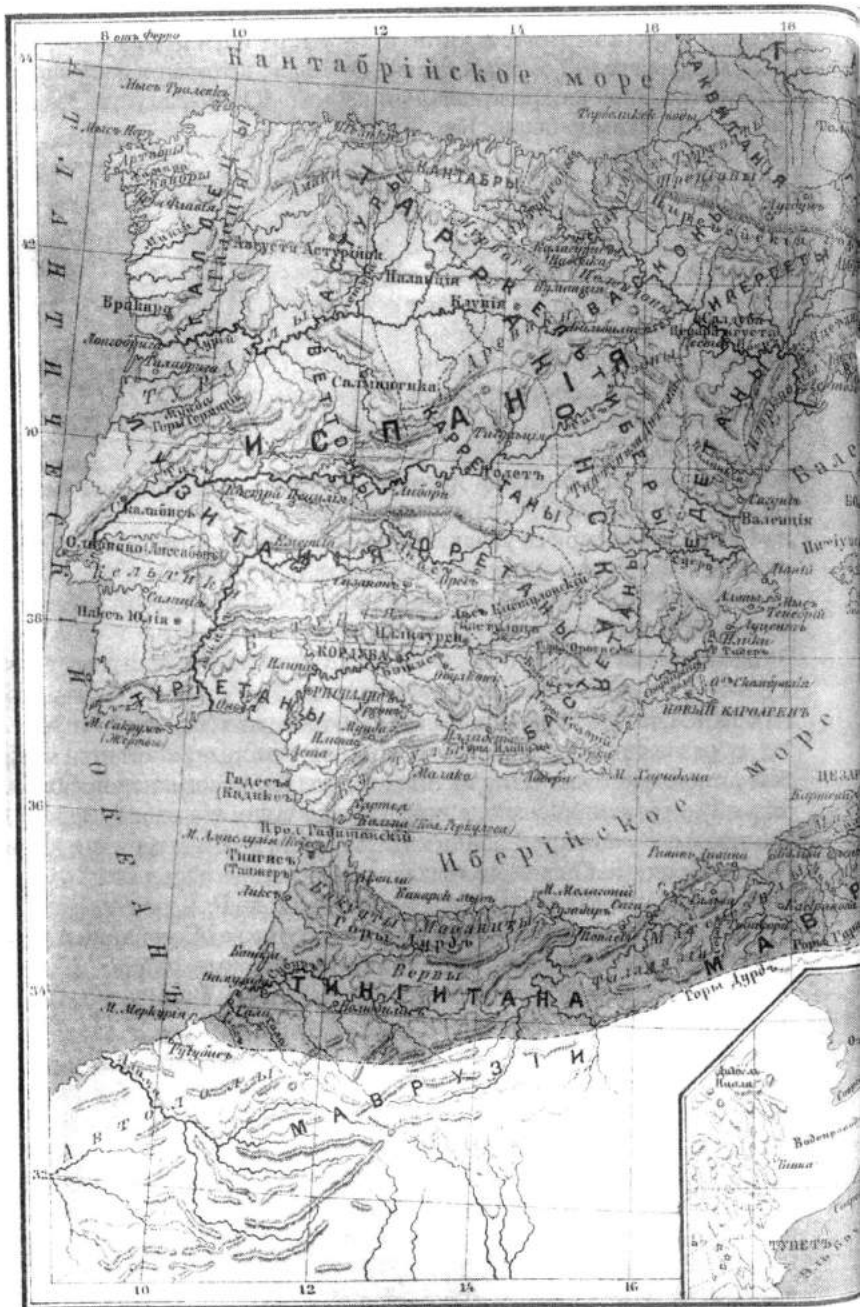

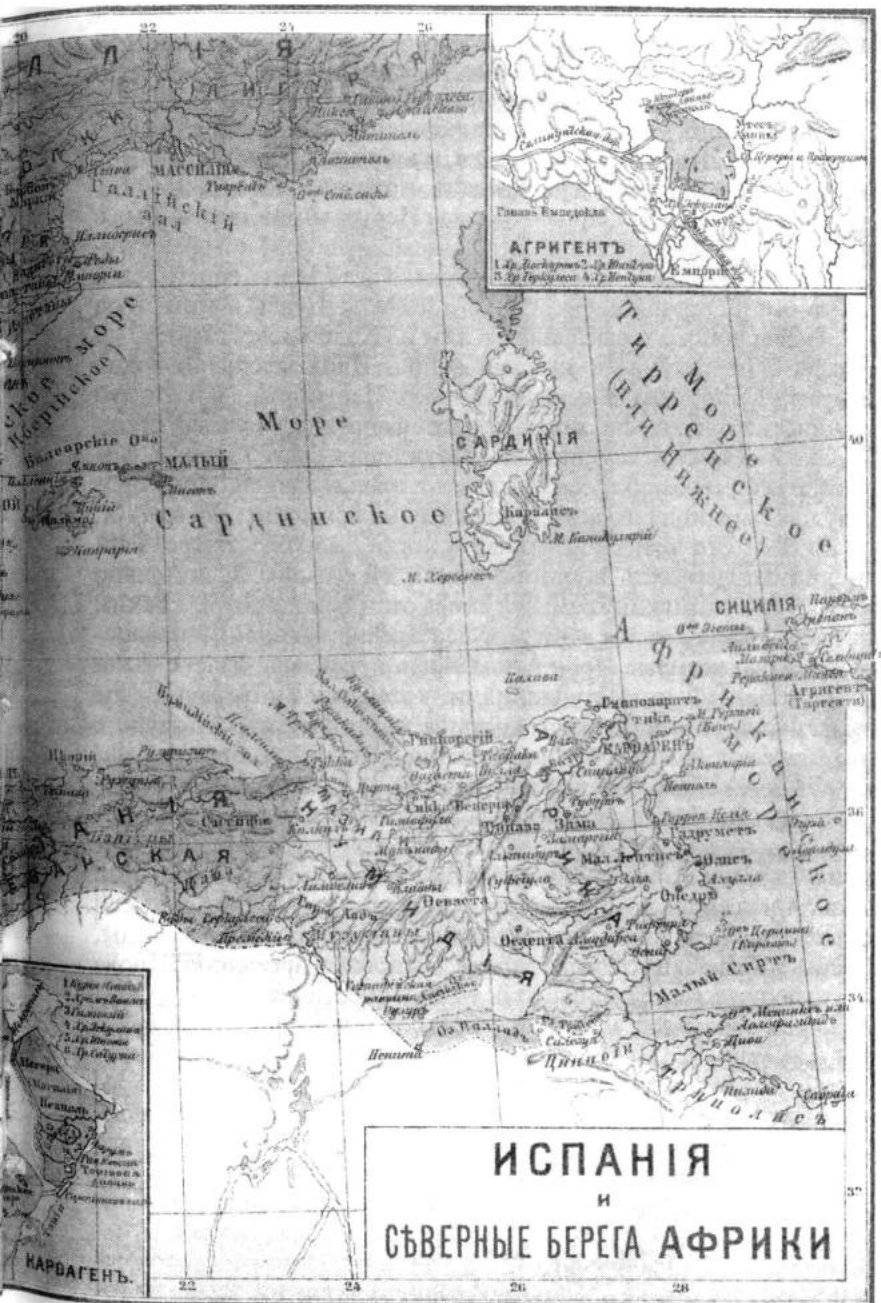
Кв. Гораций.
С античной медали.

Ко времени Августа относится также систематическая разработка законоведения. После собрания законов Кв. Муция Сцеволы, которого можно считать первым римским законоводителем (консул 95 и 82 гг. до Р. Х.), образовались две школы законоведов, которые расходятся между собой в своих методах. Одна из них называлась сабинианской (или кассианской), другая прокулейянской. Первая почитала своей главою Атейя Капито и его учеников Сабина и Кассия Лонгина, а вторая Антистия, Лабена и Прокула. Они были предшественниками знаменитых ученых законоведов Гая, Папиниана (около 160 г. по Р. Х.) и Ульпиана (около 200 г. по Р. Х.). Полное собрание римского права (*Corpus iuris*) в первый раз было издано при восточно-римском императоре Юстиниане (527—565 гг. по Р. Х.) ученым-законоводителем Трибонианом.

3. Иудеи. Иисус Христос

Помпей, как было уже рассказано выше, признал первосвященником и князем Иудеи Гиркана, происходившего из рода Маккавеев. Но вскоре хитрому эдомиту (идумею) Антипатру, который во время предшествовавших войн своими заслугами снискал расположение римлян, удалось добиться того, что они передали ему светскую власть над Иудеей, Самарией и Галилеей. За Гирканом остался только один сан первосвященника. Антипатр выхлопотал иудеям право жить свободно по своим отечественным законам и добился значительного

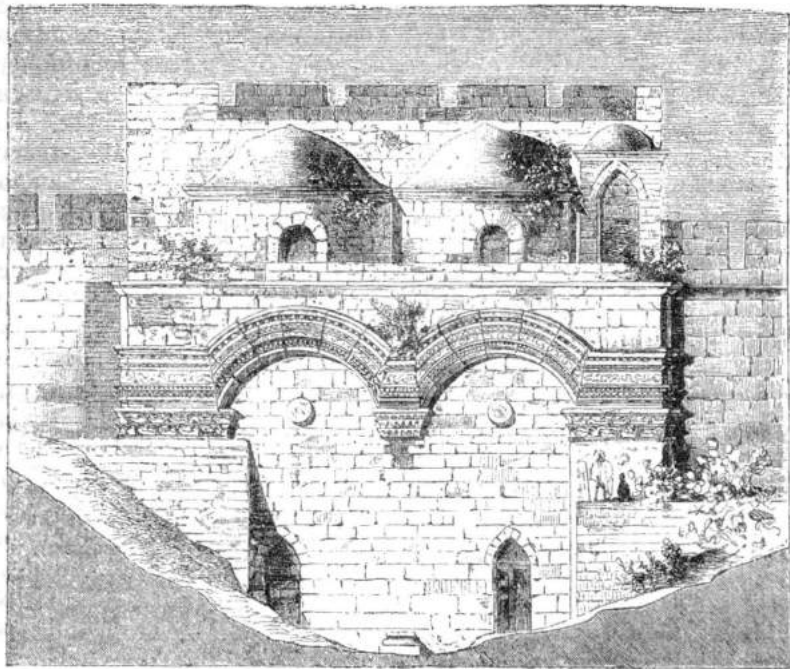
Испания и северные берега Африки

уменьшения платимых ими римлянам налогов. Благодаря этому он сделался настолько любим своими подданными, что мог отважиться посадить своего сына, энергичного и честолюбивого Ирода, наместником в Галилею. Когда в Сирию явился триумвир Антоний (в 42 г. до Р. Х.), то Ироду удалось приобрести его расположение, и он был назначен соправителем Иудеи. Но Антигон, племянник первосвященника Гиркана, стал оспаривать у него власть, призвал к себе на помощь парфянские войска, изгнал Ирода, овладел Иерусалимом и здесь был с радостью признан царем истинно верующими иудеями, которые гнушались идумеем Иродом, как чужеземцем. Тогда Ирод обратился к Риму. Антоний и Октавиан признали его царем Иудеи. Затем Ирод собрал наемное войско и высадился с ним в Птолемаиде.

Три года свирепствовала ужасная война. Ирод всюду проходил победителем. Спротивлялся один только Иерусалим, в котором укрылись знатнейшие иудеи, в особенности фанатическая секта фарисеев. Однако под конец столица была вынуждена к сдаче голодом. Антигон, последний из Маккавеев, был взят в плен и казнен. Ирод правил с титулом царя под римским покровительством от 30 года до Р. Х. по 6 год по Р. Х. Его правление по наружности было блестящее. Торговля и промышленность вновь расцвели; Иерусалим значительно украсился. Иерусалимский храм был вновь отстроен и притом с таким великолепием, что считался в числе чудес Древнего мира. Но превосходные качества, которые Ирод выказал как правитель, далеко были затемнены пороками и преступлениями, которыми он омрачил свое правление. Ирод совершал жестокость за жестокостью. Он начал с того, что приказал казнить 45 приверженцев Антигона, большей частью членов верховного совета (синедриона). С дьявольской злостью неистовствовал Ирод над членами рода Маккавеев. Он умертвил своего тестя, первосвященника Гиркана, зятя Аристовула, собственную супругу Мариамну, дочь Гиркана, ее мать Александру и сыновей этой последней, Александра и Аристовула. Вследствие этого Ирод до такой степени сделался ненавистен, что иудеи были несказанно обрадованы, когда смерть избавила их от этого тирана. Сыновья и приемники Ирода были настолько же жестоки, но не так умны и энергичны, как он. Обиженный народ обратился, наконец, с мольбой о помощи к римлянам. Август постановил, что Иудея должна быть под непосредственной властью Рима, с подчинением наместнику Сирии и под управлением прокуратора (находившегося в подчиненной зависимости от наместника).

Еще в правление Ирода родился Иисус Христос. «Настало время», то есть наступили те условия, при которых Мессия должен был явиться в мир. Язычество в своих блистательных произведениях в области науки и искусства достигло своего апогея. Все, что могла дать человеческая мудрость, было достигнуто. Равным образом и политическая форма мира достигла своего величайшего развития. Римское государство сделалось всемирным государством, захватило в свои мощные руки все просвещенные государства известного тогда мира и

поглотило в недрах своих все блага и сокровища. Но, несмотря на весь внешний блеск, от внимательного наблюдателя не могла укрыться внутренняя порча тогдашнего времени. Религия и нравственность глубоко пали. Языческая религия не имела уже более никакой власти над сердцами народов; она пережила себя. Потребность людей с возвышенным умом и характером давно уже не удовлетворялась учением о богах. Вследствие этого они обратились к таинственным обрядам (ми-

*Золотые ворота Иерусалимского храма.
По Богюэ.*

стериям), но и в них нашли лишь мучительные разочарования в своих стремлениях к правде и истине.

Глубокое, страстное желание явления Спасителя и Избавителя охватило все человечество. Уже давно пророки и поэты в своих вещих прорицаниях указывали на близкое Его пришествие. В особенности это можно видеть у иудеев. Они с уверенностью надеялись на скорое пришествие Мессии, «слуги Господня», который исполнит законы Моисея и довершит царствие Божие. Конечно, под именем Мессии они, вообще говоря, подразумевали лишь земного вождя, второго Давида, который должен был привести свой народ к земному могуществу и господству и главным образом освободить его от чужеземного ига. Этот последний взгляд вполне разделяли тогдашние влиятельные партии иудейского народа, фарисеи и саддукеи. Поэтому они не в

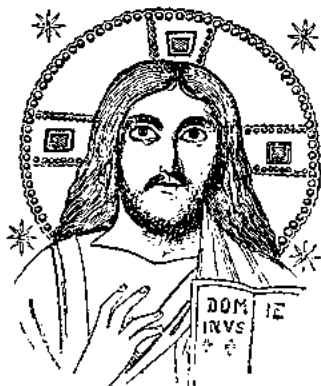
состоянии были воспринять ясного и верного понятия о «великом таинстве», которое представило собой вочеловечение Сына Божия.

Гордые демагоги не могли представить себе Мессию в образе «сына бедного плотника». Но они обманулись еще более в своих высоко простиравшихся ожиданиях, когда Мессия стал «проповедывать властно и совсем не так, как книжники». Он требовал не только одного внешнего исполнения предписаний законов, которое вело лишь к лицемерию, но полного обновления (возрождения) всей нравственной личности через покаяние и обращение с непоколебимой верой в сердце к Божественному учению, а в особенности через

исполнение главной заповеди, основанной на истинно Божественной любви — любви к ближнему. К этому присоединилось и то, что и очарование Его личности, полной величия, и Его святой образ жизни, и Его любовь и сострадание, которые обнаруживались в многочисленных чудесах над всевозможного рода несчастными, скоро привлекли к Нему народную любовь и собрали вокруг Него многочисленных приверженцев. Положение фарисеев и саддукеев благодаря новому пророку оказалось в высшей степени опасным. Поэтому против учения Спасителя началась борьба не на жизнь, а на смерть. Враги не решались выступить против Него открыто: «они страшились за

себя, так как народ почитал Его за пророка». Один из тесного кружка учеников Мессии, которые примкнули к Нему, должен был предать Его в руки врагов Его.

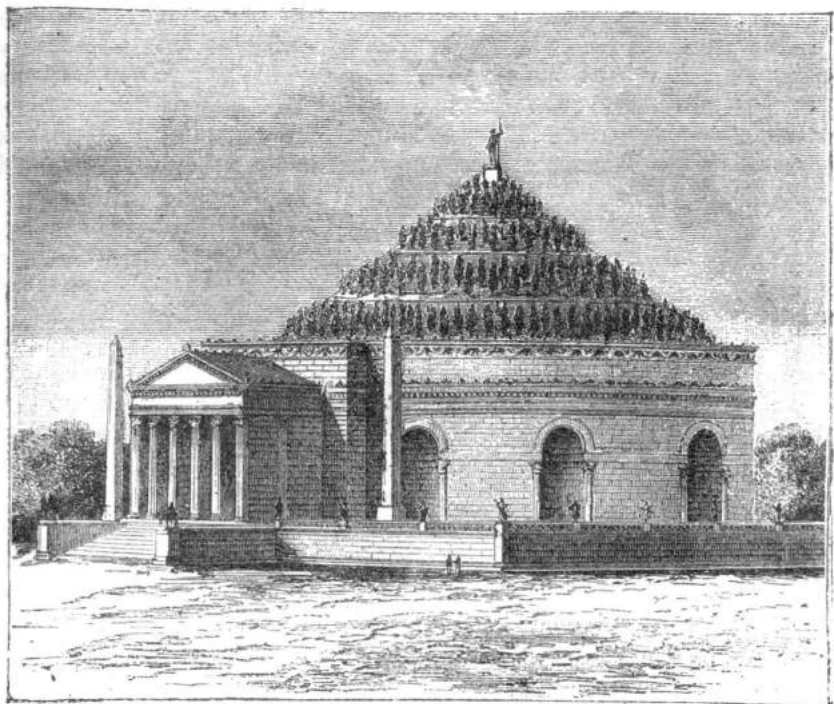
Своей собственной властью иудеи не могли казнить Мессию, так как право утверждения смертного приговора принадлежало римскому прокуратору. Чтобы добиться такого утверждения, они обвинили Иисуса, как мятежника против римского императора, так как Иисус говорил, что Он «Царь Иудейский». Понтий Пилат колебался до тех пор, пока начальник народа не закричал ему: «Если ты освободишь Его, то ты враг кесарю». Тогда он омыл руки в знак того, что он неповинен в том, что Иисус будет распят. По римскому обычаю, это наказание назначалось за бунт и восстание. И Сын Человеческий крестной смертью окончил Свою деятельность на земле; но воскресением и вознесением Его на небо, согласно Св. Писанию, вполне подтвердилось, что Он воистину Сын Божий. Преобразившийся Иисус витал над своими учениками и апостолами и дал им силу, согласно Его повелению, «пройти весь мир и проповедывать Евангелие всем народам».

Голова Христа.

*Со стеной картины
в катакомбах Св. Понтиака.*

ПЯТЫЙ ПЕРИОД
(от Августа до Каролингов)

Мавзолей Августа. Реставрация Рено.

I.

РИМСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ ДО КОНСТАНТИНА И ЕГО БЛИЖАЙШИХ ПРЕЕМНИКОВ

(14—388 гг. после Р. Х.)

1. Тиберий. Калигула. Клавдий. Нерон

(14—68 гг. после Р. Х.)

«Едва успел закрыть глаза Август», — рассказывает Тацит, как консулы, сенаторы, всадники поспешно устремились в Рим, чтобы преклонить колена перед Тиберием. «И чем выше занимали они должности, тем лицемернее и нетерпеливее, без всякого разбора, с заученными жестами и с низкопоклонным раболепством расточали они свои слезы, восторги и сетования, чтобы не выдать ни малейшей радости по поводу смерти бывшего правителя и ни малейшей горести по случаю

*Тиберий.
С античной статуи.*

вступления на престол нового властителя» (*Тацит. Анналы. 1, 7*). В начале Тибериус, подобно Августу, выказывал себя кротким, снисходительным и скромным, заботился о бережливости и привел в порядок правосудие в провинциях. Но скоро он сбросил с себя маску и выказал вполне свой лицемерный, коварный и подозрительный характер. Чтобы подавить всякое проявление свободной воли, Тиберий создал и

*Германик.
С античной статуи.*

устроил целую систему шпионства. В людях, которые решились предаться недостойному занятию доносчика (*delator*), в это развращенное время, конечно, недостатка не было. Многие сделали из шпионства настоящее ремесло и приобрели благодаря ему огромные состояния. Последствием этих доносов были бесчисленные процессы об оскорблении величества. Всякого, кто сказал или написал что-либо против правления или против особы императора, задерживали и обвиняли в государственной измене, в большинстве случаев осуж-

дали и предавали казни, а имущество отбирали в казну. Таким образом монархия превратилась в деспотию.

Тиберий, как и Август, не стремился к новым завоеваниям и старался лишь о безопасности границ государства. По его приказанию его племянник, благородный Германик, сын Друза, должен был отомстить за позор поражения в Тевтобургском лесу. Германик совершил три похода в страны, лежащие по правую сторону Рейна (в 14—16 гг. после Р. Х.). Во время первого похода (в 14 г. после Р. Х.) он напал на живших между Липпе и Руром марсов, которые как раз в это самое время праздновали религиозный праздник, и опустошил их страну. Во второй свой поход, предпринятый из Майнца (в 15 г. после Р. Х.), Германик разорил область каттов и разрушил их столицу Маттий, освободил осажденного Арминием Сегеста и взял в плен Туснельду. Тогда Арминий призвал к себе дружины херусков и соседних племен. Германик и его легат Цецина, опытный полководец, соединились на берегу Эмса и пошли по неприятельским селам и городам, опустошая все на своем пути. Достигнув Тевтобургского леса, Германик посетил места, где Вар потерпел поражение. Вид, который представила эта лесистая местность, возбуждал величайший ужас. Повсюду, вперемешку с оружием и остовами животных, валялись, разбросанные в беспорядке, побелевшие кости и обнаженные черепа. Все останки были собраны вместе, сложены в одну общую могилу, над которой был насыпан высокий курган. После одного кровопролитного кавалерийского сражения с Арминием Германик приказал своим войскам выступить в обратный поход. Сам Германик направился на судах из устья Эмса вдоль берегов. Что касается Цецины, то ему на обратном пути, полном опасностей, пришлось проходить длинной гатью через болота и трясины. Германцы следовали за ним по пятам и своими непрерывными нападениями чуть было совсем не истребили его. Чтобы собраться с силами и отдохнуть, римляне остановились и стали укрепленным лагерем. Германцы приняли это за слабость и изнеможение и напали на римлян. Но римляне вдруг с бешенством выступили вперед, заставили неприятеля отступить и прогнали его в горы. Теперь Цецина получил возможность беспрепятственно возвратиться к месту своего постоянного расположения на Рейне.

В третий свой поход (в 16 г. после Р. Х.) Германик, отправившись на 1000 судах, высадился у устьев Эмса и проник во главе восьми легионов до Везера. В долине Идиставиза (по Якобу Гримму, Эльфенвиз, Юнгфернхейд) произошло сражение. Тщетно старался Арминий во время свидания на одном из берегов реки уговорить своего брата Флавия, служившего в римском лагере, послужить своей родине. Германцы были подавлены здесь воинским талантом римского полководца и численным превосходством неприятеля, так как в это время римляне успели подкрепить себя многочисленными вспомогательными отрядами галлов, ретиев и винделиков. Арминию и его дяде Ингвиомеру пришлось для своего спасения обратиться в поспешное бегство. Одна-

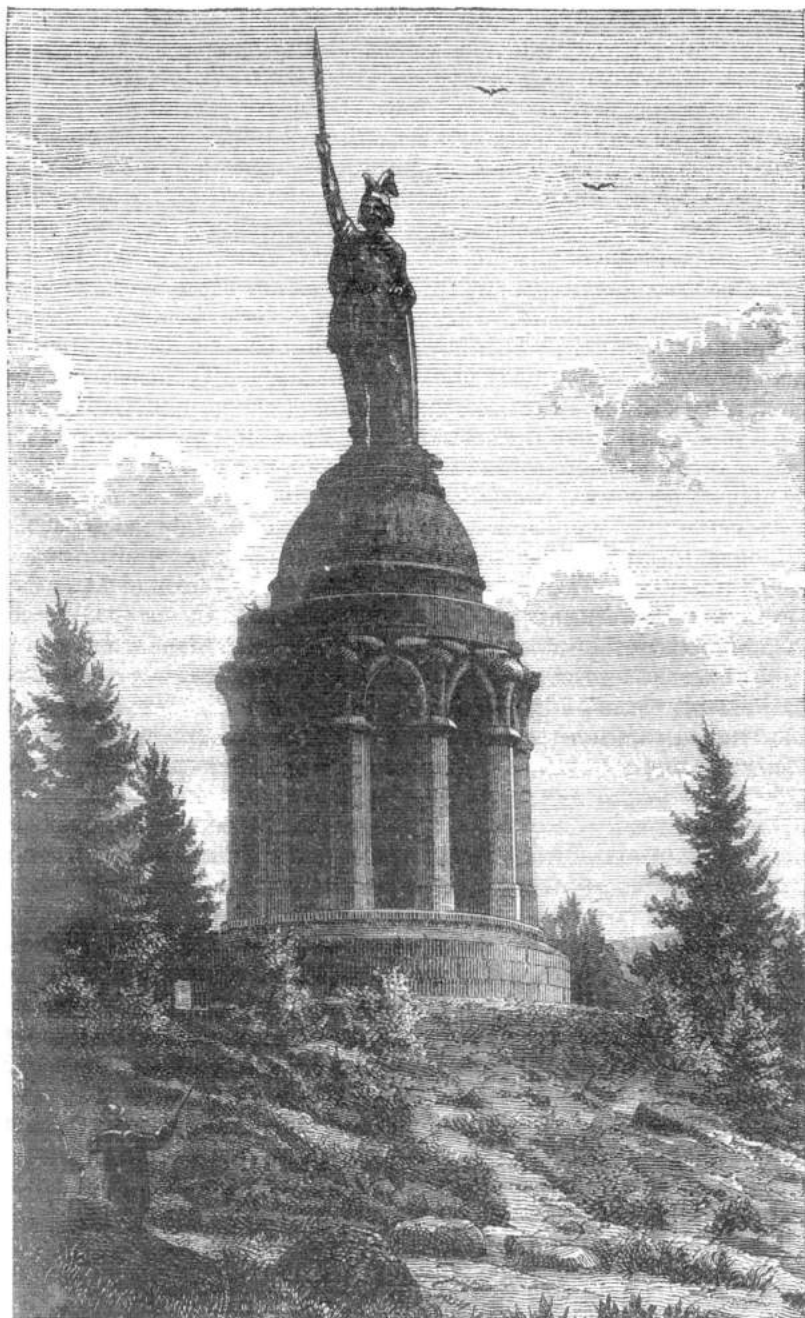
ко несколько дней спустя они собрали новые войска. На этот раз римляне хотя и не потерпели поражения, но понесли такие потери, что Германик вынужден был отступить. Для обратного похода он снова выбрал морской путь из устьев Эмса. Но флот сильно пострадал от бури во время своего плавания в Северном море, причем потонуло множество солдат. Германик задумывал уже предпринять новый поход, но Тиберий, завидуя воинской славе Германика, отозвал его к себе. Император писал Германику, что результатов и бедствий войны вполне уже теперь достаточно, что он может вернуться на родину и отпраздновать назначенный ему триумф, и так как честь оружия восстановлена, то германцев можно предоставить их собственным раздорам.

Германик вернулся в Рим и отпраздновал блестящий триумф. Перед колесницей победителя в числе пленных шла и Туснельда со своим малолетним сыном Тумеликом; при этом зрелище присутствовал ее отец. Туснельда и ее отец умерли в плену у римлян; что касается Тумелика, то он впоследствии был гладиатором в Равенне.

Тиберий рассчитал совершенно верно: раздоры между германскими племенами не заставили долго ждать себя. Дело дошло до междоусобной войны между союзом х е р у с к о в, во главе которого стоял Арминий, и союзом м а р к о м а н н о в, которым руководил М а р б о д. Решительное сражение произошло на берегах реки Саалы (в 19 г. после Р. Х.). Марбод потерпел поражение. Так как воины Марбода покинули его, то он бежал к римлянам. Марбоду была назначена местом жительства Равенна. Здесь в продолжение еще 18 лет жил он милостыней своего непримиримого врага и «ради слишком большой любви к жизни видел на старости лет, как угас блеск его прежней славы». В 21 г. после Р. Х. умер Арминий.

После отступления римлян и поражения Марбода Арминий стал домогаться единовластия. Это привело его в столкновение с его свободолюбивым народом. В среде собственных родных Арминия нашелся убийца, кинжал которого положил конец жизни героя. «Арминий, — говорит Тацит, — был, без сомнения, освободителем Германии и человеком, который, в противоположность другим царям и полководцам, сражался с римским народом не в начале его существования, а во время величайшего его могущества; он не всегда был счастлив в битвах, но кончил войну победоносно. Он жил 37 лет, владычествовал 12 и долго был воспеваем у варварских народов тех стран».

С тех пор прошло более 18 столетий; Римское государство давно уже разрушено; то, что было некогда римскими провинциями, возвысилось в самостоятельные могущественные государства; потомки херусков, марсов, бруктеров соединились с другими родственными племенами в одно тесно сплоченное союзное государство, Германскую империю. Воспоминание об освободителе Германии вновь ожило с новой силою и 16 августа 1875 года в Гротенбурге, в Тевтобургском лесу в присутствии императора Вильгельма был открыт памятник Германну (Арминию).

Памятник Германну.

Мрачный Тиберий становился с каждым днем недоверчивее. Больше всех возбуждал в нем зависть и ненависть всеми любимый Г е р м а н и к. Поэтому Тиберий воспользовался случаем отправить его на Восток. Там, в особенности в Сирии, возникли различного рода смуты и раздоры. В течение одного года Германик привел в порядок тамошние запутанные дела, несмотря на то, что наместник Сирии Гней П и з о н, и конечно по поручению императора, делал ему в том всевозможного

*Апофеоз Германика.
С античной камеи.*

рода затруднения. Вдруг Германик заболел самым необъяснимым образом. Болезнь окончилась смертью, и есть полное основание предполагать, что Германика отравил Пизон по приказанию, полученному им из Рима. Так печально окончил свою жизнь юный герой. Клонившийся к своему упадку Рим уже не мог явить человека, который равнялся бы по своим телесным и умственным качествам с Германиком. Его благородная супруга Агриппина и его сыновья также пали жертвами страсти к преследованию недоверчивого императора.

Теперь Тиберий без стыда и совести дал волю своим страстям и, подстрекаемый своим любимцем Сеяном, начальником императорских телохранителей, предавался им с каждым днем все более и более. Чтобы получить возможность самому управлять делами, Сеян уговорил императора покинуть Рим и избрать своим местопребыва-

нием остров Капрею (Капри). Здесь проводил Тиберий остаток дней своих в необузданном распутстве. Но когда Тиберий узнал, что Сеян, опираясь на преторианцев, которые по его совету были переведены в Рим, в большие казармы (*castra praetoriana*), стал действовать почти с императорской властью, то он сместил его с должности и приказал умертвить. На место Сеяна заступил Ма к р о н. Свирепый тиран на-

конец заболел во время пребывания в своей вилле в Мизене. Окружающие приветствовали уже Калигулу, младшего сына Германика, в качестве императора, как вдруг старый император снова пришел в себя. Но префект Макрон и Калигула, страшась мщения тирана, быстро схватили несколько одеял, набросили их на Тиберия и задушили его (в 37 г. после Р. Х.).

Нового властителя, Гая Цезаря К а л и г у л у¹ (37—41 гг. после Р. Х.) с восторгом приветствовали в Риме; все надеялись, что теперь начнется новая эра. И действительно, в течение первых месяцев своего правления Калигула представлял совершенную противоположность своего предшественника. Он прекратил процессы о государственной измене, освободил заключенных из тюрем, приказал перевезти в Рим прах Агриппины и торжественно поставить его в императорской усыпальнице, устроил в цирке блестящие зрелища для народа и самым щедрым образом одарил солдат и беднейших граждан.

*Калигула.
С античной бронзовой статуи.*

Но вдруг в обращении Калигулы произошла внезапная перемена, чему причиной, по всем вероятностям, были всевозможного рода излишества и величайшее распутство, которым он предавался и которые совершенно разрушили его и без того слабый от природы организм. То, что теперь представлялось испуганным взорам римлян, можно было считать за порождение безумства. Расточительность и жестокость Калигулы не имели границ. Всю государственную казну, собранную Ти-

¹ Так прозвали в шутку солдаты Калигулу, когда он был еще мальчиком, потому что носил солдатские сапоги — *caligae*.

*Перевезение праха Агриппины в Рим.
С античного барельефа.*

берием (простиравшуюся почти до 200 миллионов рублей по нашим деньгам), Калигула растратил на угощения народа, театральные зрелища, бои гладиаторов, травли диких зверей и на дорогостоящие здания. Так, например, он приказал построить мост длиной в 30 километров через залив между Вайями и ПUTEОЛАМИ. Самого себя Калигула провозгласил богом и всенародно являлся в образах различных богов, то Юпитером с перунами в руке, то Нептуном с трезубцем, то Аполлоном с цитрой или же Геркулесом с булавой и в львиной шкуре. Своего любимого коня Инцитата он возвел в звание жреца и приказал кормить его за своим собственным столом. В припадке безумной жажды крови Калигула дошел до того, что однажды выразил следующее желание: «Если бы римский народ имел одну голову, то я охотно отрубил бы ее одним ударом». Его любимая поговорка гласила: «*Oderint, dum metuant!*», то есть «меня могли бы ненавидеть, если бы только не боялись!» Чтобы затмить воинскую славу великого Цезаря, Калигула предпринял поход против британцев, выехал на великолепном корабле на недалекое расстояние в море, но затем вернулся назад с «добычей океана», то есть с собранными раковинами, и отпраздновал триумф, во время которого выступали в бое-

*Калигула.
С античного бюста.*

вом порядке галлы и германцы, переодетые военнопленными. Когда наконец и самые близкие, окружавшие Калигулу, прониклись страхом перед этим чудовищем, то два трибуна телохранителей, Херея и Сабин, умертвили его в одном из театральных проходов.

Преемники Калигулы оказались нисколько не лучше его. Когда преторианцы после умерщвления Калигулы начали грабить дворец, то они нашли притаившегося в одном из его углов 50-летнего Клавдия, брата Германика. Он спрятался сюда, трепеща за свою жизнь. Прето-

*Мессалина.
С античного бюста.*

рианцы приветствовали Клавдия как императора и понесли его на носилках в свой лагерь. Слабый телом и умом, Клавдий скоро совсем отстранился от управления государственными делами и посвятил себя литературным занятиям, но в то же время предавался всевозможного рода распутству и находил удовольствие в зрелищах цирка. Между тем в столице делами распоряжались его бесстыдные жены, сперва Мессалина, которая в отсутствие своего супруга довела свою дерзость до того, что формально вступила в брак с одним молодым римлянином, Силием, а после умерщвления Мессалины Агриппина со своими любимцами Палласом и Нарцисом. Всякого, кто им не нравился или относился к ним не с должным благоговением, они беспощадно казнили. Целый ряд благородно

мысливших мужей, множество сенаторов, всадников полатились жизнью за свое упорство. Составился заговор, но он был открыт. Между осужденными на смерть находился и Цецина Пет. Он колебался сам лишиться себя жизни, но его жена Аррия, подобно древней римлянке, мужественно заколола себя и, вытащив из своей груди кинжал, подала его своему мужу со словами: «Нет, это совсем не больно».

Вторая супруга Клавдия, Агриппина, употребила все свои усилия, чтобы обеспечить престол за своим сыном от первого брака — Нероном. Заметив расположение императора к его родному сыну Британнику, она при помощи известной составительницы ядов Локусты отравила своего супруга медленно действующим ядом, который она всыпала в любимое его кушанье — грибы (в 54 г. после Р. Х.).

Нерону было 17 лет от роду, когда он вступил на престол при содействии префекта преторианцев, Афрания Бурра. Под влиянием этого честного человека, а также ученого Сенеки Нерон в течение первых пяти лет держал себя в границах умеренности. Управление и правосудие были ведены в образцовом порядке; система доносов была уничтожена, лихоимство в провинциях строго преследовалось, и виновные в них подвергались тяжелым наказаниям. Но затем с Нероном

произошла внезапная перемена. Казалось, что он хотел вдвойне, втройне вознаградить себя в чувственных наслаждениях и в жестокости, от которых он до тех пор воздерживался. Первой жертвой пал Б р и т а н и к. Чтобы освободиться от этого соперника, Нерон при помощи Локусты приказал отравить его во время обеда. Настоящей виновницей этого гнусного преступления была мать Нерона, Агриппина. Она упрекала своего сына в том, что первую роль при императоре играет уже не она, а посторонняя женщина, его любовница по имени Актея. Вместе с тем Агриппина грозила Нерону, что она разоблачит преступление, с помощью которого он достиг престола, и объявит, что законный наследник — Британик. Вторая любовница Нерона, П о п п е я С а б и н а, восстановила его и против самой Агриппины. Недоверчивый тиран приказал своему наперснику Апицету, командовавшему флотом в Мизене, заманить ее на роскошно убранный корабль, устроенный таким образом, что одна часть его внезапно отделялась и находившиеся на ней неминуемо должны были потонуть. При вступлении матери на роковой корабль сын простился с ней самым нежным образом. Но задуманному преступлению, казалось, не суждено было исполниться. Агриппина была вытащена из воды одной из верных подруг ее и успела укрыться в одном загородном доме, на берегу Лукринского моря. Но здесь она была открыта и умерщвлена подосланными убийцами.

Со смертью Бурра, погибшего, по всем вероятностям, также от яда, и со вступлением в его должность безбожного Тигеллина, который вместе с императором вел распутную жизнь и был исполнителем его злодеяний, Нерон проявлял все более и более варварства и отдавался пороку и преступлениям. В угоду Поппее Сабине он прогнал от себя законную жену, дочь Клавдия, добродетельную Октавию и впоследствии приказал умертвить ее. Но несколько недель спустя ударом ноги убил и Поппею. Чтобы насладиться зрелищем горящей Трои, Нерон, как удостоверяют

*Нерон.
С античного бюста.*

*Британик.
С античного бюста.*

его современники, приказал поджечь Рим с разных концов. Страшный пожар продолжался девять дней и, не считая множества домов, в которых жил простой народ и которые большей частью были построены из дерева, истребил множество роскошных храмов и художественных произведений греческого зодчества. На месте развалин Нерон приказал провести прекрасные улицы и воздвигнуть великолепный дворец, который он назвал «Золотым домом». Народ, полный

*Агриппина.
С античного бюста.*

отчаяния, бродил между развалинами своих жилищ; Нерон старался успокоить его даровой раздачей хлеба и устройством необходимых помещений. Но старания его не имели успеха: волнение достигло опасной степени и грозило сделаться для него гибельным. Тогда Нерон прибег к дьявольскому средству — обвинил в поджоге х р и с т и а н, которых, как ему было известно, ненавидел народ¹. Нерон предоставил этих несчастных на полный произвол раздраженной черни. Христиан казнили, подвергая самым изысканным истязаниям. Их зашивали в шкуру диких зверей и бросали на растерзание собакам. Некоторых сажали в шерстяные мешки, обшивали паклей и обливали смолой; затем их расставляли в

садах Нерона и с наступлением темноты зажигали точно живые факелы. По историческому, хотя и не вполне достоверному преданию, во время этого первого г о н е н и я х р и с т и а н — всех гонений, вместе с последним, бывшим при императоре Диоклетиане (в 303 году), насчитывают десять — погибли также и апостолы П е т р и П а в е л, из которых первый был распят на кресте, а последний обезглавлен (в 64 г. после Р. X).

Но кровавое чудовище было одержимо и тщеславием. Нерон хотел, чтобы его прославляли и как художника. Для этого он публично выступал на арену в качестве состязателя на колесницах, правя четверкой запряженных коней; расхаживал по улицам в качестве певца и цитриста и заставлял аплодировать себе нанятых за деньги людей, молодых всадников, которых называли августанами. Нерон даже пред-

¹ В подтверждение существовавшей в описываемую эпоху ненависти римского народа к христианам автор приводит Тацита (Анналы, 15, 44), который высказывает неблагоприятное мнение о христианском учении и его последователях. Такое мнение Тацита объясняется тем, что он, подобно большинству современных ему римлян, имел совершенно неверное и превратное понятие о сущности христианского учения и притом смешивал христиан с евреями, которые уже и в древние времена далеко не могли пользоваться расположением тех народов, среди которых жили, о чем между прочим можно заключить и из истории Египта во время управления Птолемеев.

принял большое «артистическое путешествие» в Грецию и, как истый победитель на Олимпийских играх, увез с собой домой почетные венки, полученные им от льстивого народа, который рукоплескал его скорошесским выходкам.

Почти шесть лет продолжались ужасы Нерона; наконец несколько знатных мужей из сословий сенаторов и всадников составили заговор против его жизни. Во главе заговорщиков стал Га й П и з о н. Но в тайну заговора было посвящено слишком много лиц, и они были выданы императору вольноотпущенником одного из заговорщиков. Нерон стал страшно неистовствовать против всех, кто был уличен в прикосновенности к заговору. Не считая Низона и других, пришлось поплатиться жизнью поэту Лукану и философу Сенеке. Последний сам вскрыл себе жилы. Имена казненных были отобраны в казну. Малодушный и раболепный сенат постановил отпраздновать торжественным богослужением спасение императора.

Процессы об оскорблении величества и казни все продолжались. Нерон налагал свою смертоносную руку на всех; кто по своему общественному положению, своему образованию или по своей добродетели казались ему опасными. Для собраний непомерных сумм, необходимых для удовлетворения своего мотовства, Нерон приказывал производить в провинциях самые варварские поборы. Наконец чаша его позорных дел переполнилась. В Галлии восстал наместник

Юлий Виндекс, а в Испании — Сульпиций Гальба. Юлий Виндекс предложил Сульпицию Гальбе стать императором, и легионы одобрили этот выбор. Гальба выступил на Рим. Высланные против него Нероном легионы перешли на сторону Гальбы. Получив об этом известие, поднялся и сенат; он объявил Нерона врагом отечества и провозгласил Гальбу императором. Покинутый всеми, даже самыми доверенными своими наперсниками, Нерон скрылся в загородном доме одного из своих вольноотпущенников. Но скоро мстители были уже близко. К месту его убежища приближался отряд всадников.

*Сенека.
С античной статуи.*

Услышав стук копыт, Нерон, трепеща сам перед кинжалом, приказал заколоть себя одному из вольноотпущенников, сказав при этом: «Какой художник во мне умирает!» Он умер на 31-м году своей жизни. Со смертью Нерона угас дом Юлия-Клавдия (в 68 г. после Р. Х.).

2. Гальба. — Отон. — Вителлий (68—69 гг. после Р. Х.). Веспасиан (69—79 гг. после Р. Х.)

До сих пор на престол вступали фактически наследники (родственники) умершего императора, хотя не было установлено для этого специального закона; теперь же императоров стали выбирать большей частью солдаты, и преимущественно преторианцы. Последствием такого

*Гальба.
С античного бюста.*

порядка вещей было то, что часто из-за престола боролись между собой два и более императора, и редко кто из них умирал естественной смертью. Так случилось и с Гальбой. Вследствие того, что он не столь щедро одарил преторианцев, как они того ожидали, он был умерщвлен ими после полугодового правления, и на место Гальбы ими был возведен на престол Отон, наместник Лузитании. Едва прошло три месяца со времени вступления Отона на престол, как легионы, стоявшие на Рейне, провозгласили императором своего полководца Вителлия. Войска Отона были разбиты при Бедриаке (между Вероной и Кремоной) выступившим против него Вителлием, и Отон сам заколол себя. Он был человек благородный и, видя, что счастье из-

меняет ему, не хотел отдавать вторично на бойню преданных ему людей. «Пусть, — сказал он тем, кто предлагал пожертвовать для него своею жизнью, — убеждение, что вы готовы умереть за меня, пойдет со мной в могилу; вы же должны быть спасены и сохранить жизнь». Солдаты бросились к телу Отона, чтобы еще раз поцеловать его руки, и многие из них закололи себя на его костре.

Со своей стороны и Вителлий не дожидаясь конца года, в котором он был провозглашен своими войсками императором. Он известен как величайший обжора, так как в несколько месяцев истратил на свой стол не менее 67 с половиной миллионов рублей нашими деньгами. Вителлий ежедневно съедал по три и даже по четыре сытных обеда и любил напрашиваться в гости к своим хорошим друзьям и иногда к нескольким в один и тот же день; при этом ни один из них не

*Отон.
С античного бюста.*

смел угостить его обедом дешевле, как в тридцать тысяч рублей. Своим обжорством и невоздержанностью Вителлий заслужил всеобщее презрение, вследствие чего легионы, стоявшие в Сирии и Египте, провозгласили императором своего полководца, Флавия В е с п а с и а н а. В это время Веспасиан был занят войной с иудеями и весьма неохотно согласился на призыв войска. Он поручил окончание войны своему сыну Т и т у, а сам выступил в Италию. Еще до прибытия Веспасиана паннонские легионы под предводительством Антония Прима взяли приступом Рим, захватили в плен Вителлия и, протаскив его со страшными ругательствами по улицам, разорвали на части и труп стащили на железном крюке в Тибр.

С Веспасианом на престоле воцарился дом Флавиев. В е с п а с и а н (69—79 гг. после Р. Х.) снова восстановил благоустройство и порядок, очистил сенат и сословие всадников от недостойных членов и сам первый подавал пример умеренности и простоты. Благодаря величайшей бережливости он вновь пополнил совершенно уже истощенную государственную казну и в то же время покровительствовал наукам и искусствам. Веспасиан назначил общественных учителей красноречия (риториков), с хорошим содержанием, основал библиотеку и приказал вновь построить сгоревшие при Нероне дома граждан. Ко времени Веспасиана относится также великолепное сооруже-

*Вителлий.
С античного бюста.*

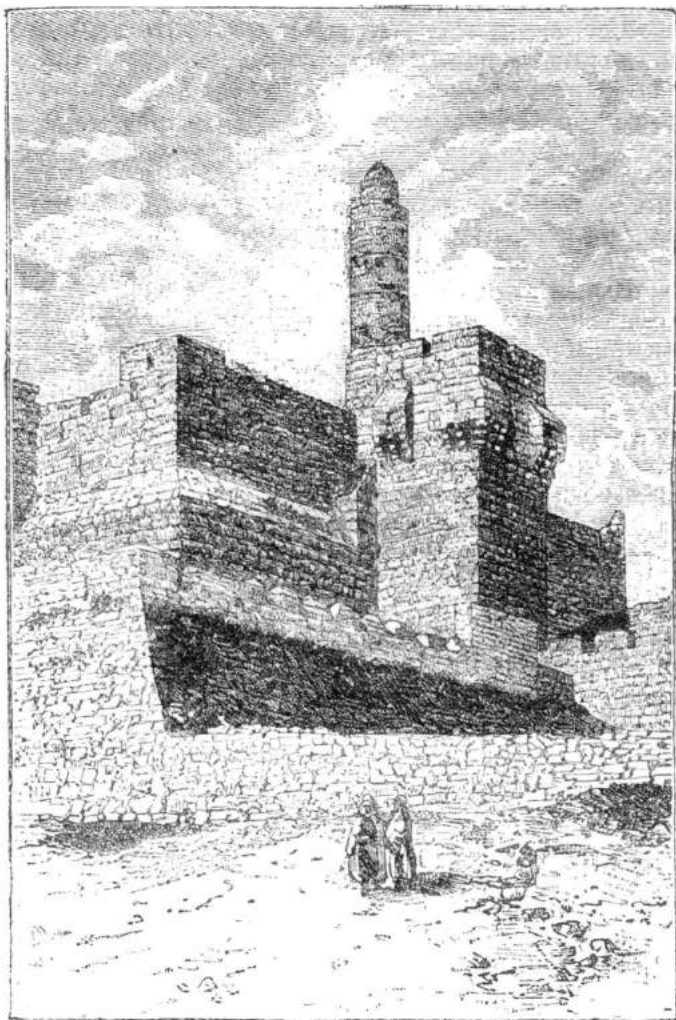
ние Колоссеума (развалины которого, под названием Coliseo (Колизей), существуют и по настоящее время). Полководец Веспасиана — Цереалис счастливо сражался с восставшими батавами, которые под предводительством К л а в д и я Ц и в и л и с а и в союзе с германцами и галлами пытались основать обширное государство (между 69 и 71 гг. после Р. Х.). Напрасны были усилия молодой прорицательницы В е л е д ы, старавшейся предсказаниями и ободрениями воодушевить восставших. Существовавшие между ними несогласия были причиной неуспеха их восстания, и под конец они снова подпали римскому игу. Веспасиан удовольствовался тем, что приказал казнить галльского предводителя Ю л и я С а б и н а, принявшего со своими легионами участие в восстании, и его жену, Е п п о н и н у. Они девять лет скрывались в одной пещере, пока, наконец, им не изменили и они не были выданы.

В 70 году пал наконец и Иерусалим. Иудеи при Нероне восстали вследствие того, что прокуратор Гессий Флор (с 65 года) своим корыстолюбием и несправедливостью, грабительством и взяточничеством навлек на себя ненависть народа. Народ иудейский со времени подчинения своего чуждому владычеству находился постоянно в возбужденном состоянии, потому что никак не мог примириться со своим подневольным, униженным положением и постоянно с нетерпением ожидал избавления от иноземного ига через Мессию. Самые страстные и нетерпеливые из иудеев, называвшие себя «зилотами», то есть ревнителями, заключили между собой союз и поклялись во что бы то ни стало изгнать чужеземцев. Они завладели Иерусалимом, разрушили дворец первосвященника и истребили городской архив со всеми находившимися в нем долговыми документами и ввели в городе преисполненное всевозможных ужасов грозное правление. Во всем сирийском наместничестве между язычниками и иудеями началась самая дикая взаимная междоусобная борьба, сопровождавшаяся самыми ожесточенными убийствами. В конце лета 66 года сирийский наместник Цестий Галл выступил против Иерусалима. Но после того как ему удалось уже завладеть северной частью города, он был отброшен назад от города Геразы расвирепевшими шайками зилотов под предводительством Симона с такими потерями, что вынужден был обратиться в поспешное отступление. Во время похода домой Цестий Галл потерял еще 5000 человек и все военные запасы. Тогда Нерон послал в Иудею талантливое полководца Веспасиана. Веспасиан с войском из 60 000 человек появился прежде всего перед городом Иотопатой, между Птолемаидой и Тивериадой. Иудейский историк Иосиф Флавий в течение шести недель мужественно и успешно защищал Иотопату; но наконец город этот пал вследствие измены одного перебежчика. При этом погибло 40 000 иудеев. Иосифу удалось спастись с 40 знатнейшими гражданами, и он укрылся с ними в одной пещере. Когда же убежище их было открыто, то они бросили между собой жребий и умертвили друг друга, за исключением Иосифа и еще одного. Эти последние рассудили лучше сдать римлянам. Веспасиан помиловал их. Затем римский полководец продолжал свое победоносное наступление, все попутные города были взяты приступом, и Веспасиан сделал уже все приготовления, чтобы окружить Иерусалим, когда, повинувшись призыву легионов, должен был отправиться в Италию, чтобы вступить на императорский престол.

*Веспасиан.
С античного бюста.*

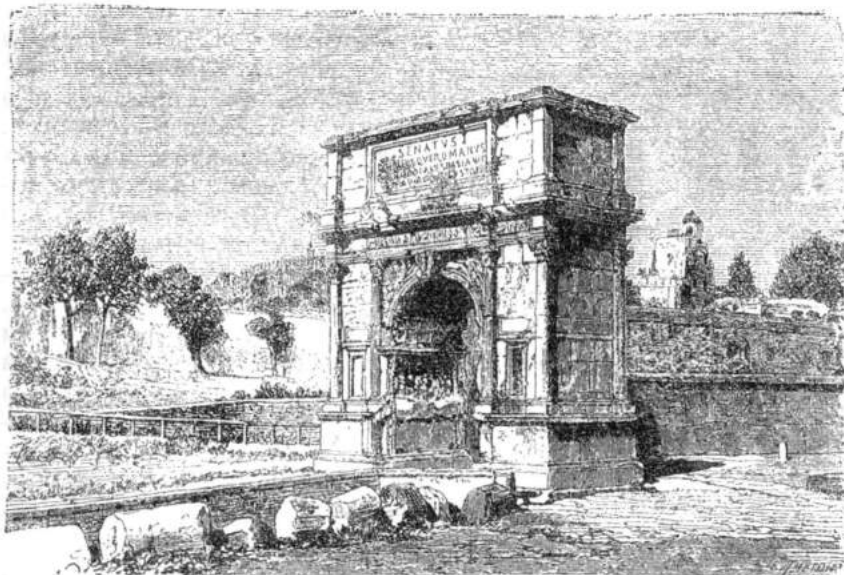
Начальство над войсками под Иерусалимом принял на себя сын Веспасиана Тит. Следуя своему кроткому характеру, Тит несколько раз предлагал осажденным пощаду под условием сдачи города. Но зилоты и слышать не хотели о сдаче. Со слепым фанатизмом преследова-

Развалины Иерусалимских укреплений.

ли они «умеренных», которые советовали войти в соглашение с римлянами. Предводители умеренных были открыто умерщвлены на улицах. Но и между самими зилотами возникли несогласия. Образовалось две партии: одна под предводительством Иоанна Гискала, а другая под предводительством упомянутого уже выше Симона, и вступили

между собой в открытую борьбу. Но этого, казалось, было мало, и как бы для того, чтобы еще более увеличить общее замешательство, образовалась еще третья партия под предводительством Е л е а з а р а. Каждая из трех враждебных между собой партий заняла известную часть укреплений. Елеазар занимал верхнюю часть храма, Иоанн — нижнюю, а Симон — город. Однако, несмотря на внутренние раздоры, осаждавшие римляне встретили самое упорное сопротивление. Бедствия и голод в переполненном людьми городе дошли до таких ужасающих размеров, что одна мать убила свое собственное дитя и съела его.

Триумфальная арка Тита в Риме.

Одновременно свирепствовала и чумная зараза, и целые тысячи трупов были выброшены за стены. Не взирая на такое положение вещей, все предложения Тита были отвергнуты самым оскорбительным образом, и он приказал распинать на кресте всех, кто попадется в его руки. Вследствие этого приказания почти каждый день целым сотням несчастных, которые выходили из города собирать траву и корни для утоления своего голода, приходилось на глазах защитников города умирать перед его стенами ужасной смертью.

После взятия приступом внешних стен Тит направил все свои силы против Храмовой горы, которую зилоты превратили в настоящую крепость. Они все еще верили, что храм их не может быть взят; сам Иегова должен был защитить его. Однако римские осадные колонны все более и более приближались. Наконец, 10 августа 70 года Храмовая гора была взята приступом. Тит охотно желал спасти величественное здание (как удостоверяет Иосиф), но один римский солдат бросил в него горящую

головню, и оно вдруг запылало ярким пламенем. Священные места обратились в позорище ужаса и мерзости. Грубые победители предались неистовствам грабежа и разбоя. Никого и ничего не щадили, все было уничтожено, все драгоценности были ограблены или истреблены. В заключение всего солдаты осквернили и самую Святыню Святынь совершением в ней языческих жертвоприношений.

Однако верхний город, куда спаслись Иоанн и Симон, не был еще взят. Отчаянная борьба продолжалась здесь еще 18 дней. Наконец стены и башни пали под ударами таранов, и легионы ворвались в город.

Медаль в память
покорения Иудей.

Все, что попадалось на пути, было уничтожено, дома были ограблены и преданы пламени. Во время этой истребительной войны погибло более миллиона иудеев, а более ста тысяч их было взято в плен, продано в рабство или оставлено в живых лишь для того, чтобы впоследствии погибнуть в римском цирке в бою гладиаторов и в травле дикими зверями. Сильнейших и знатнейших из пленников Тит выбрал для своего блестящего триумфа, который он отпраздновал в Риме. Позади колесницы триумфатора выступали Иоанн и Симон. Последний из них был немедленно казнен, а первый умер в темнице. Иосиф Флавий, составитель истории

Иудейской войны, описывает нам необыкновенный восторг римского народа при зрелище проносимых сосудов храма, священнических одежд и других драгоценностей, а равно и Священных книг законов. Триумфальная арка, воздвигнутая в воспоминание победы Тита, возвышается в Риме и по настоящее время. На ней можно видеть прекрасные барельефы, которые изображают иудейские религиозные обряды, жертвенные сосуды и т. п. Кроме того, нашлось несколько медалей, выбитых в честь победителя с надписью на них *Iudaea capta* (побежденная Иудея).

3. Тит (79—81 гг. после Р. Х.). Домициан (81—96 гг. после Р. Х.)

После смерти Веспасиана на престол вступил его сын Тит. Ввиду предшествовавшего распутного образа жизни Тита и того обстоятельства, что, занимая должность префекта телохранителей, он подавал повод к обвинению его в жестокости, теперь от него ожидали мало хорошего. Но, став императором, Тит старался все устроить к лучшему. Он обратил все свои старания ко благу государства и многочисленными проявлениями своего милосердия заслужил такую любовь, что его

называли *amor et deliciae generis humani* (любовью и утехой рода человеческого). Тит имел обыкновение называть потерянным тот день, в который не оказал никому благодеяния. Часто слышали, как он говорил, что от императорского престола никто не должен уходить с печалью. К злонамеренным же доносчикам Тит, напротив, относился всегда с беспощадной строгостью. В короткое правление этого благородного государя над государством разразились ужасные бедствия. В

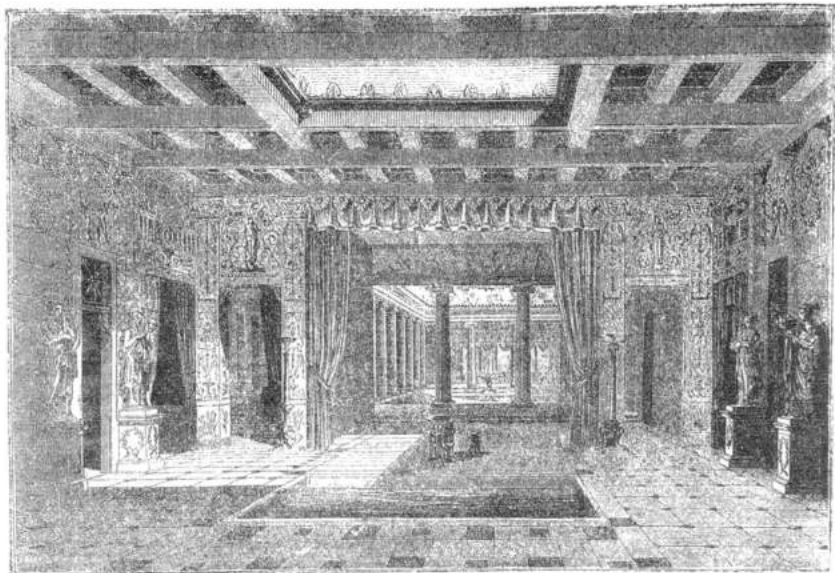

Тит.
С античного бюста.

Риме появилась страшная чума, а в течение трех дней свирепствовал ужасный пожар. Самым же ужасным бедствием было страшное землетрясение, соединенное с извержением Везувия, когда были засыпаны три города: Геркулан, Помпея и Стабии (в 79 г. после Р. Х.).

Во время этого грозного явления природы погиб также и естествоиспытатель Плиний Старший, составитель *Naturalis Historia* (Естественной истории). Племянник его, Плиний Младший, в одном сохранившемся письме к историку Тациту оставил нам описание этой катастрофы, из которого мы и приводим здесь следующее извлечение: «Дядя желал наблюдать вблизи это замечательное зрелище и для этого сел в Мизене на корабль и отправился по направлению к Стабиям. Это происходило 24 августа. Было около двух часов пополудни, когда вдруг из кратера конуса горы показалось страшное черное облако; из него вырывалось пламя, блистала молния и притом гораздо сильнее обыкновенной. Потом казалось, что облако как будто опускается и закрывает все море. Скоро облако это закрыло от наших взоров остров Кап-

ри и мыс Мизену. Начал падать дождь из пепла, сперва не очень густо, но вскоре все гуще и гуще и затемняя притом воздух. Беглецы обратились к Плинию и стали просить его, чтобы он не ехал дальше. Но все было напрасно. «С храбрыми счастье», — воскликнул он и приказал дрожавшим от страха гребцам грести к Стабиям. В то время, когда все, что могло бежать, бежало, он спал спокойно у одного своего друга. Но остававшиеся на улице в трепетном ожидании рабы разбудили его, опасаясь, что низвергавшийся все с большей и большей силой пепел не заградил бы под конец выхода в море или чтобы не рушились стены,

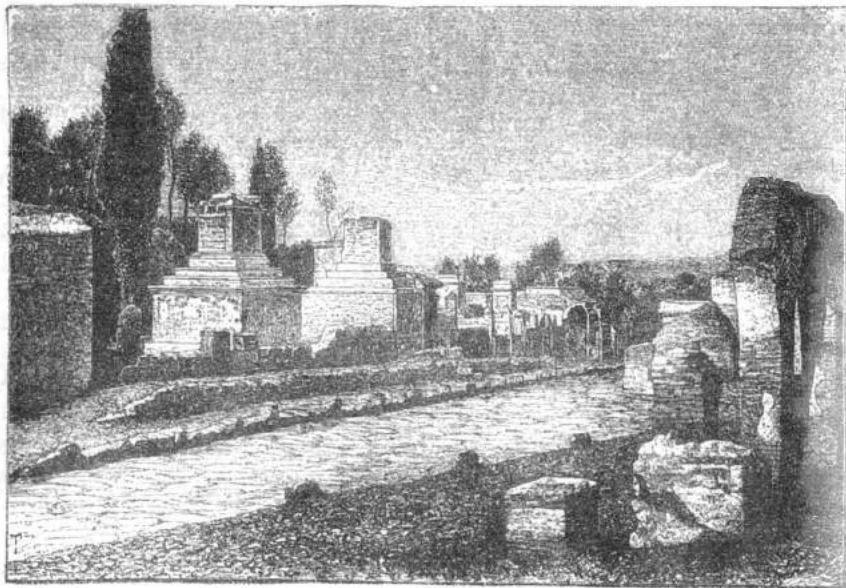

*Внутренний вид дома Панзы в Помпее.
Реставрация.*

колебавшиеся от землетрясения. Затем они вышли и пошли к морю. Для защиты от падающей пемзы они обвязали себе головы повязками. Густой мрак освещался только факелами; воздух был настолько удушлив, что им едва можно было дышать». Внезапно Плиний упал мертвый на землю; он и прежде страдал астмой (недостатком дыхания) и теперь, без сомнения, умер от разрыва сердца. Только через три дня нашли его труп. «Он лежал там более похожий на спящего, чем на мертвого», — присовокупляет Плиний Младший.

Засыпанные города были вновь открыты в семнадцатом и восемнадцатом столетиях, а именно: Помпея в 1689, Геркулан в 1721 и Стабии в 1754 году. Геркулан находился под слоем около 25 м плотного пепла и лавы, на котором стоят города Портичи и Резина, что делает открытие его возможным только отчасти. На месте Стабий теперь расположен Каstellамаре. На месте Помпеи нет никаких построек, и она

покрыта лишь плотным слоем в 3 м пепла, песка и пемзы, почему с 1748 года отрывается все более и более и со своими хорошо сохранившимися улицами, храмами, театрами, лавками, домами частных лиц и всем своим устройством, которое дает нам ясное понятие о малейших подробностях частной жизни, представляет обширное поле исследователю древности. Улицы настолько узки, что две повозки могут лишь с трудом на них разъехаться, а дома частных лиц большей частью малы, низки и только в один этаж. Вокруг одного и двух четырехугольных дворов расположены в правильном порядке небольшие комнатки, по-

Кладбище в Помпее.

лучающие свет только через отверстие широкой двери. Наружный вид домов весьма простой, но тем более замечается заботливости о внутреннем их украшении; даже в домах ремесленников полы выстланы мозаикой, стены разрисованы арабесками (одну из знаменитейших мозаичных картин, составленных из совсем крошечных кусочков, представляет «Битва Александра»); домашняя утварь — лампы, треножники, канделябры, бронзовые и глиняные сосуды красивы и изящны. «Кладбище» состоит из длинных рядов ниш, в которых сохраняются урны с пеплом умерших. Все эти отрытые предметы и картины были собраны в 1758 году в особом музее в Портичи, а с начала нынешнего столетия сохраняются в Неаполе.

К великому огорчению своих подданных, Тит умер после двухлетнего правления. Ему наследовал совершенно непохожий на него его брат До м и ц и а н (81—86 гг. после Р. Х.). Уже в своей молодости До-

мициан выказал себя грубым и ленивым, а также и жестоким, так как ежедневно проводил по несколько часов в том, что убивал мух. Теперь он мог дать полный простор своим свирепым наклонностям. Домициан был совершенный деспот вроде Тиберия и Нерона. Зрелища в цирке и смертные казни составляли его наслаждение. Жертвами его подозрительности и недоверчивости были люди высшего и среднего классов.

Домициан.
С античного бюста.

Грозное правление Домициана опиралось на преторианцев, жалование которым он увеличил на целую четверть. Увеличившиеся через это расходы Домициан покрывал доходами, извлекавшимися от процессов об оскорблении величества. Как и Калигулу, Домициана соблазняла слава полководца. Но усилия его к достижению этой цели окончились самым плачевным образом. Предприняв поход против каттов на Рейн, он вернулся из этого похода, не увидев даже ни одного неприятеля. Домициан также лично предпринял поход против даков, которые управлялись королем по имени Децебалом и обитали в Восточной Венгрии, Семиградии, Молдавии и Валахии. Но ни разу не решившись обнажить меч, Домициан ценой ежегодной дани купил мир этого опасного врага, который в союзе с гетами, квадами и маркоманнами делал частые

вторжения в римскую область и нанес уже многим легатам Домициана чувствительные поражения. Несмотря, однако, на это, Домициан отпраздновал триумф и провозгласил себя «Дакским».

В его правление возбуждено было второе гонение на христиан, во время которого апостол Иоанн был заточен на остров Патмос, в Эгейском море (в 95 году); по показанию же других, это случилось в 68 году. Здесь Иоанн написал Апокалипсис (Откровение). Когда Домициан выказал намерение умертвить и более приближенных к нему лиц, то он был умерщвлен по наущению своей прекрасной, умной, но безнравственной супруги Домиции.

Во время правления Домициана благодаря счастливым походам Юлия Агримона, которому его зять Тацит в составленной им биографии воздвиг столь прекрасный памятник, было окончено завоевание Британии, к чему стремился еще, но от чего затем отказался Юлий Цезарь. Император Клавдий возобновил этот план, лично отправился в Британию и, поддержанный Плавтием и Веспасианом, сначала покорил прибрежную область до реки Темзы, затем переправился через нее и основал военную колонию Камулдун (Кольчестер в Эссексе), которая и послужила опорным пунктом названным выше двум полководцам при их дальнейших завоеваниях. Назначенный Нероном наместником Британии Светоний

П а в л и н переправился сначала на остров М о н у (Англезия), чтобы уничтожить местный друидизм, который имел на этом острове свое главное местопребывание и откуда распространял свое влияние на Галлию, но вынужден был поспешно вернуться в Британию, так как бритты под предводительством своей королевы Боадигеи возмутились против грабительств и притеснений римлян. Но бритты были совершенно разбиты Светонием, причем Боадигея сама лишила себя жизни. Отправленный императором Веспасианом наместником А г р и к о л а (78—85) был настолько же благоразумен и человеколюбив, насколько храбр и предприимчив. Он покорил всю Британию вплоть до северной пограничной реки Твида, проник в Каледонию (Шотландию), обратил в римскую провинцию южную часть этой страны вплоть до рек Форты и Клайда и в последний свой поход прошел до Грампианских гор. Отсюда Агрикола хотел предпринять еще новый поход, чтобы покорить и северную часть Шотландии, а также завоевать и остров Ибернию (Ирландию), но был отозван завистливым Домицианом (в 85 году).

*Дакский король.
С античного бюста.*

4. Императоры второго столетия после Р. Х.

Жестокому Домициану наследовал, по желанию сената и народа, достойный уважения сенатор Кокцей Н е р в а (96—98 гг. после Р. Х.). Одушевленный самыми лучшими намерениями, простой в обращении и бережливый, кроткий и справедливый, он старался залечить тяжелые раны, нанесенные государственным учреждениям его предшественником. Но так как Нерва был уже в довольно преклонных годах, то ему недоставало силы характера, которая была необходима для уврачевания всех общественных зол и в особенности для борьбы с распутством и одичанием, господствовавшими в войске и народе. Поэтому Нерва выбрал одного энергичного человека, который должен был находиться при нем в качестве соправителя. То был полководец У л ь п и й Траян, родом из испанской колонии Италики, недалеко от Гиспалиса (Севильи).

По смерти Нервы на римский императорский престол и вступил этот самый Т р а я н (98—117 гг. после Р. Х.). Он заботился о беспристрастном правосудии и о хорошем управлении провинциями. Сам Траян в обращении со своими придворными подавал своим подданным блистательный пример простоты и бережливости. Траян отказал-

ся платить дакам позорную дань, а когда они вторгнулись в Мизию, он выступил против них в поход, перешел через замерзший Дунай и разбил их во многих сражениях, чем принудил Децебала униженно просить о мире. Когда же побежденные даки вновь взяли за оружие, то Траян вторично выступил против них в поход, приказал, при содействии

Нерва.
С античной статуи.

одного греческого строителя, построить в окрестностях «Железных ворот» через Дунай мост, поддерживаемый 20 сваями, вторгнулся в Дакию и овладел ее столицей, Сармишегефузой (недалеко от нынешнего Баргелая). Децебал лишил себя жизни. Его народ, лишившись своего предводителя, принужден был покориться. Траян обратил Дакию в римскую провинцию и присвоил себе титул Дакского. Таким образом для римской культуры открылась еще новая обширная страна, богатая хлебом, лесом и металлами. В ней были проведены дороги, построены мосты, на равнинах и в горах возникли города, и там, где прежде обитал грубый, дикий народ, теперь расцвели торговля и промышленность.

В воспоминание о военных действиях в Дакии Траян приказал воздвигнуть в Риме колонну в 117 футов вышины, которая и по настоящее время возвышается на *Forum Trajanum* (площадь Траяна). Витая мраморная лестница в 192 ступени ведет на ее вершину, на которой некогда стояла статуя Траяна. Впоследствии на ее место была поставлена статуя апостола Петра.

Траяну и на Востоке приходилось оберегать границы государства. Парфяне угрожали Малой Азии и Сирии. Поэтому Траян выступил против них в поход, покорил Армению и Месопотамию, перешел Тигр и завоевал нынешний Курдистан. На обратном пути он покорил города Ктезифон и Селевкию и осаждал, но безуспешно, в Аравийской пустыне город Гатру. Здесь он получил просьбу сената возвратиться в Рим. Чувствуя усталость от понесенных трудов, Траян решил последовать приглашению сената. Но дорогой он заболел и умер в Селинусе (в Киликии). Кончина Траяна вызвала всеобщую печаль. Насколько дорожили Траяном и сенат, и народ, видно из приветствия, с которым они обратились к следующему императору при его вступлении в управле-

ние государством: *Felicioꝛ sis Augusto, melioꝛ Trajano!* (Будь счастливее Августа и лучше Траяна).

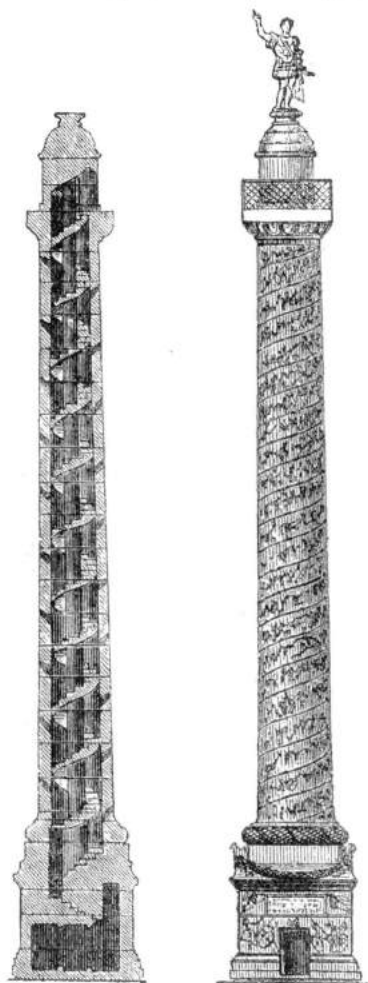
Траяну наследовал его двоюродный брат и единоземец Э л и й А д р и а н (117—138 гг. после Р. Х.). Все его усилия главным образом были обращены на восстановление мира. Поэтому он отказался от тех завоеваний своего предшественника, которые можно было утвердить за собой лишь новыми войнами. Таким образом Адриан очистил юж-

Траян.
С античного бюста.

ную часть Шотландии и для обеспечения Британии от вторжений пиктов и скóтов приказал построить Vallum Hadrianum (Стена Пиктов между Ньюкастлом и Сольвейским заливом). Парфянам Адриан возвратил страну, лежавшую на восток от Евфрата, и вновь признал царем парфянским Хозроя, смещенного Траяном. Особенной гордостью для себя Адриан считал то, что он старался быть самостоятельным и лично обо всем заботящимся правителем. С этой целью он путешествовал по всем провинциям, чтобы личным наблюдением убедиться в положении народа и в отправлении правосудия. Он совершал эти путешествия в сопровождении весьма ограниченной свиты и большей частью пешком и с непокрытой головой. Более продолжительную остановку Адриан сделал в А ф и н а х и А л е к с а н д р и и, так как эти города, как старинные рассадники цивилизации, и города, которые снова стали центром процветания наук, в особенности интересовали его и возбудили в нем ревностное влечение к литературным произведениям.

На месте разрушенного Иерусалима Адриан основал языческо-римскую колонию «Элию Капитолийскую», а на Храмовой горе приказал воздвигнуть капище Юпитеру Капитолийскому с той целью, чтобы сделать для иудеев невозможным на будущее время всякое самостоятельное, обособленное существование. Иудеи, раздраженные та-

*Продольный разрез. Внешний вид.
Колонна Траяна в Риме.*

ким осквернением священных мест, восстали еще раз с фанатической яростью под предводительством некоего Симона, который, опираясь на призывание, заключающееся в 4-ой Книге Чисел Моисея, 24, 17 («воссияет звезда от Иакова — и восстанет человек от Израиля, и погубит

князи моавитские, и пленит вся сыны Сифовы»), называл себя В а р - К о х а в о м, то есть Сыном звезд, и выдавал себя за Мессию. Ослепленный народ восторженно приветствовал пустого мечтателя, и даже сами ученые книжники, как, например, знаменитый Рабби Акиба, признали Симона за посланника Божия. Адриан отправил в Палестину лучшего своего полководца, Ю л и я С е в е р а. Но победить иудеев, сражавшихся с мужеством отчаяния, удалось лишь после двухлетней войны. Более полумиллиона иудеев пало в битвах; остальные были

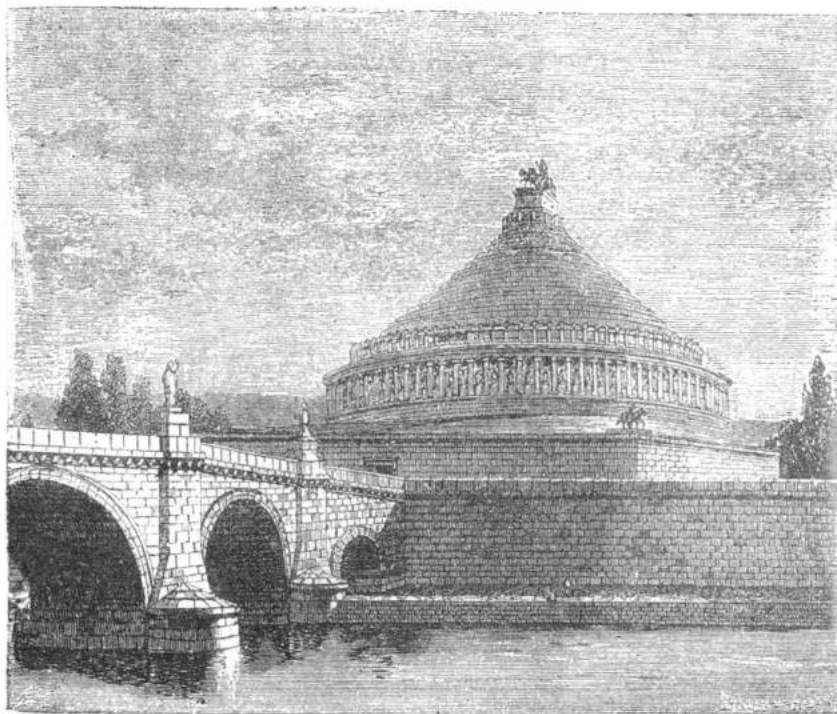
*Адриан.
С античного бюста.*

рассеяны по всей земле. Страна, города и деревни были совершенно опустошены, и вся Палестина походила на пустыню. С этой войной Иудейское государство прекратило свое существование.

Увлекаемый своим тщеславием, Адриан задумал построить для себя великолепную гробницу. То было *moles Hadriani* — здание, имевшее вид крепости, которое под названием замка Св. Ангела сохранилось и по настоящее время. Незадолго до своей смерти Адриан усыновил Тита Аврелия Антонина и умер в Байях (в 138 г. после Р. Х.).

Благодаря сыновней любви, с которой Антонин воспротивился сенату, не хотевшему сначала почтить предшественника его апофеозом (причисление к лику богов), он получил наименование Пия (кроткого). В течение двадцати трех лет этот благородный муж, как второй Нума или Тит, благодетельствовал Римскому государству. Антонин

вел жизнь совершенно простого частного человека и расходовал государственные деньги только для полезных целей и на благодеяния, почему при царствовавшем при нем мире повсюду процветало благосостояние. Он вновь овладел покинутой Адрианом южной частью Каледонии и приказал возвести между Эдинбургом и Думбартоном земляной вал, который должен был служить границей между северной Каледонией и римской провинцией. Антонину наследовали его приемные сыновья, М. Аврелий и Луций Вер.

*Мавзолей Адриана.
Реставрация.*

Марк Аврелий (161—180) правил сначала совместно со своим братом, но вскоре Луций Вер совершенно отстранился от государственных дел и, как истый эпикуреец, вновь весь отдался наслаждениям, которым предавался прежде. Напротив, Марк Аврелий, как последователь стоической школы, был человек строгой нравственности и добродетельный. Он с величайшим рвением старался выполнить задачу, выпавшую на его долю. Главный предмет его заботливости составляли образцовое правосудие и управление. Внешнее положение государства в это время было таково, что вызвало потребность в самом энергичном правителе. Парфяне вторг-

лись в пределы империи. Марк Аврелий с помощью своих храбрых легатов Авидия Кассия, Марция Вера и Статия Приска разбил парфян и снова отнял у них Ктезифон и Селевкию (в 162—165 гг. после Р. Х.). Еще опаснее была война с маркоманнами и квадами, продолжавшаяся с 167 года в течение многих лет. Жившие к северу от Дунайской границы германские племена, в особенности маркоманны (в Богемии) и квады (в Моравии), узнав о слабости пограничных гарнизонов, в громадных массах перешли границу и про-

*Антонин.
С античного бюста.*

никли даже до Аквилеи. Римом, в котором в это самое время свирепствовала чума, противившаяся и искупительным жертвам жрецов, и медицинским средствам знаменитого Галена, овладел панический страх. Марк Аврелий предпринимал три похода против диких полчищ. После упорной борьбы, склонявшейся то на ту, то на другую сторону, он нанес решительное поражение маркоманнам в окрестностях Карнунта и, проникнув затем в страну яцигов и квадов, принудил как их, так и маркоманнов, к заключению мира. Эти вторжения германских племен, имевшие место и на других пунктах римского государства, как, например, кауков в Бельгию, каттов в Рецию и Норику, следует рассматривать как предвестников позднейшего всеобщего движения — великого переселения народов. Из среды покоренных народов многие молодые люди посту-

*Марк Аврелий.
С античного бюста.*

пали в римскую службу и скоро стали играть в ней влиятельную роль, другие переселились в пограничные провинции: Паннонию, Мизию и Дакию. Война не была еще кончена, когда император умер от чумы в Виндобоне (в Вене), в Паннонии (в 180 г. после Р. Х.).

«Философу на престоле» наследовал его недостойный сын Коммод, далеко превосходивший в своей безумной жестокости самого Нерона. Подобно Нерону, он 735 раз публично выступал на арене в качестве гладиатора, чтобы его прославляли как «римского Геркулеса». За каждый свой выход Коммод приказывал выплачивать себе из государственной казны по 1 миллиону сестерций (около 45 000 рублей). На эти деньги герой этот покупал мир у маркоманнов и принимал в ряды легионов все большее и большее число отрядов германских войск, не предчувствуя, что эти последние в скором времени будут иметь в истории Рима решающее значение. Смерть Коммода была насильственная, какую он и заслужил как «второй Домициан». Супруга Коммода, Марция, дала ему яд, а когда заметила, что яд этот действует слишком медленно, то приказала борцу Нарциссу удушить его (в 192 г. после Р. Х.).

*Коммод и Марция.
С античной медной монеты.*

5. Императоры третьего столетия

После Коммода наступает время так называемых «солдатских императоров». С этого времени преторианцы по своему произволу и возводили, и низвергали императоров и умерщвляли большую часть их. Только немногие из этих императоров, обязанных своим возвышением расположению солдат или низверженных благодаря их немилости, заслуживают более подробного о себе описания. Под их бессильным скипетром государство, страдавшее в то же время неисцелимым внутренним расслаблением, исполинскими шагами стремилось к своему политическому распадению.

За Коммодом следовал 67-летний городской префект Пертинакс. Избранный в январе 193 года, он был уже умерщвлен 28 марта того же года преторианцами, недовольными его бережливостью и строгой дисциплиной. Окровавленную голову Пертинакса преторианцы пронесли на копье в свой лагерь. Затем произошло невероятное событие: императорский престол был пущен преторианцами в продажу с публичного торга. Городской префект Сульпициан предложил за престол огромные денежные суммы, но сенатор Дидий Юлиан предложил еще более высокую цену. Он обещал каждому солдату по 6250 динариев (около 1300 рублей) и получил престол. Возмущенные подобным позором легионы одновременно восстали на трех пунктах: в Британии под предводительством Клодия Албина, в Сирии под предводительством Песценния Нигера и в Иллирии под предводительством Септимия Севера. Септимий Север во главе своих испытанных в боях иллирийских и паннонских легионов форсированным маршем выступил на Рим. Трусливые преторианцы покинули Юлиана и умертвили его после 66-дневного правления. Септимий Север, не встретив ни малейшего сопротивления, вступил в столицу. Первым его долгом было обуздание преторианцев. По его приказанию они должны были сложить оружие и были уволены со службы. Их лагерь был занят иллирийскими войсками. Затем Септимий Север выступил против обоих своих соперников, Албина и Песценния Нигера и победил их во многих сражениях.

Опираясь на свое отборное войско, состоявшее из 50 000 человек, Септимий Север ввел в Риме военную деспотию. Без дальнейших разговоров он приказал казнить 41 сенатора, которые оказались ему непокорными, и взялся сам руководить всеми делами по отправлению правосудия и управлению. Септимий Север приказал сделать важные исправления в этом отношении и поручил знаменитым законооведам Ульпиану, Павлу и Папиниану составить новое собрание законов. Во время своего парфянского похода Септимий Север завоевал Палести-

*Пертинакс.
С античного бюста.*

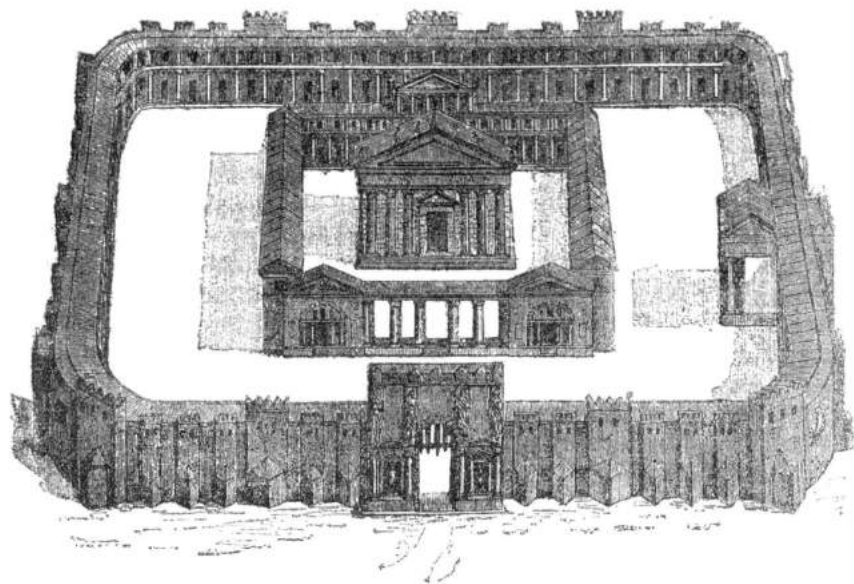
ну и покорил новую столицу Парфии Ктезифон. Уже в довольно преклонном возрасте Септимий Север предпринял довольно рискованный поход против пиктов и скóтов в Каледонию (Шотландию). Но предприятие это не имело успеха как вследствие мужественного сопротивления неприятеля, так и сурового климата и трудностей похода. Южная часть Шотландии была вновь очищена, и границей государства был утвержден Адрианов вал. Расстроенный таким оборотом дел, мучимый болезненными недугами (подагрой) и в особенности опечаленный расстроеными отношениями в своей семье — распутством своей жены, Юлии Домны, и безнравственностью и раздорами обоих своих сыновей, Септимий Север умер в 211 году в Эбораке (Йорке).

*Септимий Север.
С античного бюста.*

Септимию Северу наследовал его кровавый сын Каракалла (211—217). Он умертвил своего брата Гету в объятиях

его матери, а затем провозгласил его богом следующими язвительными словами: *Sit divus, modo nevirus* (он может быть богом только в том случае, если не будет больше жить). Каракалла приказал также казнить

*Лагерь преторианцев в Риме.
Реставрация.*

и приверженцев Геты, около 20 000 человек обоего пола, и даже ученого законоведа Папиниана за то, что тот отказался сказать в оправдание братоубийства защитительную речь. Любовь к роскоши и страсть к расточительности Каракаллы показывают развалины «бань» (терм), которые и в настоящее время называются его именем. Чтобы увеличить налоги, Каракалла даровал всем свободным жителям государства римское гражданство. Наконец свирепый император во время похода в Парфию был умерщвлен по приказанию префекта преторианцев Макрина.

Преемник Каракаллы, слабый Макрин, был в скором времени умерщвлен солдатами. Теперь солдаты возвели на престол мнимого сына Каракаллы¹ 17-летнего Бассиана Антонина, жреца солнца в храме бога солнца в сирийском городе Эмезе, Элагабала (в 218 году). Сделавшись императором, он принял имя Гелиогабала (Элагабала). Со вступлением Гелиогабала на престол в римской столице водворился порок в самом отвратительном виде. Гелиогабал опозорил трон безумной жестокостью, распутством и расточительностью. Перо отказывается изобразить все его злодеяния и распутства. Достаточно будет сказать, что по его приказанию были произведены многочисленные казни знатных людей, было введено безнравственное сирийское богослужение, улицы были усыпаны золотым песком. Гелиогабал приказывал топить в море богато нагруженные корабли, доводил роскошь своего стола до роскоши Вителлия и т. п. Наконец, стыдясь подобного позорного поведения Гелиогабала, преторианцы умертвили его и его подлую мать Соемис (в 217 году).

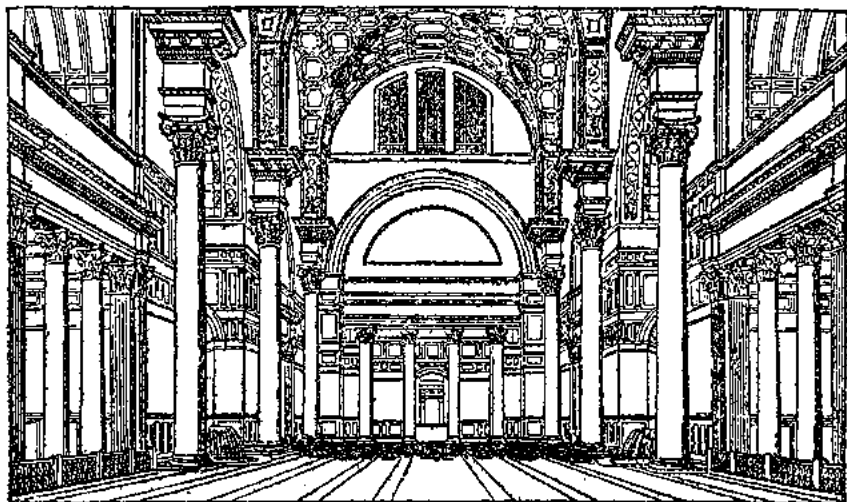

Каракалла.
С античного бюста.

Гелиогабалу наследовал его двоюродный брат Александр Север, сын благородной Маммеи (218—235). Благодаря ее влиянию Александр Север сделался благоразумным и кротким правителем, хотя, к сожалению, надо сказать, что он даже в зрелом возрасте выказывал слишком мало самостоятельности и энергии, качества, которые в особенности были необходимы ввиду страшной распущенности солдат. Вследствие своего миролюбивого характера Александр Север крайне неохотно решался на военные предприятия. Но в это время в Азии произошли такие угрожающие перемены, что не оставили Александру Северу другого выбора и принудили его взяться за оружие.

До этого времени самым опасным врагом римлян в Азии были парфяне, управляемые династией Арсакидов (воцарившейся в 256 г.

¹ Юлия Домна сама лишила себя жизни в Антиохии. Сестра ее, Юлия Меза, переехала с ее вдовыми дочерьми, Соемис и Маммесей, в Эмезу.

*Зала в термах Каракаллы.
Реставрация.*

до Р. Х.). Как раз в описываемое время против парфянского царя Артабана IV восстал перс по имени Ардшир, сын простого солдата Сассана, разбил его во многих сражениях и основал Новоперсидское царство Сассанидов¹, которому с этих пор суждено

было сделаться опасным соседом Римского государства. Ардшир потребовал от Рима возвращения персам всей передней Азии, которой некогда владели Кир и Дарий. Когда Ардширу было отказано в этом, он вторгнулся в Месопотамию. Александр Север (в 231—233 гг. после Р. Х.) выступил против Ардшира и нанес ему такое страшное поражение, что Ардшир в следующем же году принужден был заключить мир и отступил из Месопотамии. Однако многочисленные трудности этого похода, частью по непроходимым гористым местностям, частью по песчаным пустыням, стрелы и копья неприятеля произвели и в римских легионах значительное опустошение.

*Гелиогабал.
С античного бюста.*

По возвращении из Азии вторжение германцев вызвало императора на берега Рейна и Дуная. Здесь Александр Север был умерщвлен (в 235 году) недовольными солдатами по приказанию их предводителя фракийца Максимиана, который своей силой и храбростью сумел внушить к себе уважение.

¹ Новоперсидское государство было разрушено магометанами в 651 году после Р. Х.

Со вступлением на престол Максимиана Фракийца начинается эпоха всеобщих смут, прерываемых лишь на весьма короткое время. Империя сделалась игрушкой грубых солдат, которые ни о чем другом не заботились, как только об удовлетворении своих низких страстей, что должно было неминуемо вести государство к гибели. Быстро чередовались один за другим возводимые на престоле и низвергаемые войсками цезари. Один из них, Филипп Аравитянин (244—249), сын атамана разбойнической шайки в Аравийской пустыне, праздновал в 248 году с большим великолепием день тысячелетнего существования города Рима в то самое время, когда римское государство было уже потрясено в своем основании. Даже необыкновенно способный Деций (249—251), если бы он и дольше царствовал, не был бы уже в состоянии задержать всеобщее падение. Все сильнее и сильнее становился напор германских народов на границы империи, внутренняя слабость которой не могла укрыться от их внимательных взоров. Германцы в течение третьего столетия сгруппировались в четыре национальных союза¹, из которых каждый заключал в себе по нескольку небольших племен. В неприязненное столкновение с римлянами пришли три из этих союзов: алеманны, франки, а со времени Деция и готы. Во время войны с этими последними храбрый Деций пал в одном сражении, происходившем в Мизии.

В период времени от 251 до 270 года царствовали: трусливый Галл (251—253), купивший мир у готов, храбрый, но несчастный Валериан (253—260), который был взят в плен новоперсидским царем Сапором и терпел от него жестокое обращение; после же Валериана наступила борьба между несколькими претендентами на престол: Гал-

*Александр Север.
С античной монеты.*

*Ардшир.
С античной серебряной
монеты.*

¹ 1) Алеманны, которые обитали за римскими пограничными валами по Рейну и Дунаю, перешли их и вторгнулись в Галлию и Гельвецию; к ним присоединились севбы и Бургунды.

2) Франки (буктеры, катты, сигамбры) обитали по нижнему Рейну и в Бельгии; они распались на салических (между Маасом и Шельдой, со столицей Тонгерном) и рипуарских (по обоим берегам Рейна, со столицей Colouia Agrippina, то есть Кельном). Местом своего вторжения они избрали римскую провинцию Галлию.

3) Готы вначале обитали на берегу Балтийского моря; в описываемое же время они жили на северном берегу Черного моря и по нижнему Дунаю, распались на ост- и вестготов и производили разбойничьи набеги на Дакию, Мизию, Фракию и Македонию.

4) Саксы обитали по Везеру вплоть до Эльбы и Эйдера.

лиеном в Риме, Авреолом в Майланде (Милан), Тетриком в Галлии и т. д.

Вслед за этим временем непрерывных безотрадных смут вновь появляется на престоле энергичный император **Аврелиан** (270—275), сын бедного арендатора из Сирмия, который необыкновенно просла-

*Максимиан Фракийец.
С античного бюста.*

вил себя во время войны с готами. Ему, хотя на несколько лет, удалось восстановить порядок и задержать распад единства империи. В благодарность за это Аврелиан получил прозвание *restitutor orbis* (восстановителя мира). «Постоянно с мечом в руке», Аврелиан разбил при Фануме-Фортуне алеманнов, которые проникли уже в равнину реки По и преследовали разбитое ими при Плаценции императорское войско по Эмилийской военной дороге до самой Этрурнии и Умбрии, и уничтожил их полностью во втором сражении при Павии, так что они не скоро могли туда возвра-

титься. Однако для того, чтобы защищать столицу от подобных нападений, Аврелиан признал необходимым построить крепкую стену, но она была окончена уже Пробом.

Разбив при Шалоне на Марне Тетрика, утвердившего свою власть в Галлии, и покорив эту страну, Аврелиан выступил против Сирии. Здесь в оазисе Пальмире, **Оденат** основал независимое государство и мужественно сражался с персами. По смерти Одената его супруга **Зиновия**, эта «вторая Семирамида», одаренная мужественным, властолюбивым характером, не только продолжала управлять государством, но и увеличила свои владения новыми завоеваниями в Египте и Малой Азии. Дамаск и Эмеза повиновались уже ее повелениям; Малая Азия принадлежала ей до города Анширы (в Галатии), а Египет, испытывавший внутренние потрясения, казалось, также должен был в самом непродолжительном времени сделаться ее добычей. Но в это время против Зиновии выступил Аврелиан и разбил ее в сражениях при Антиохии и Эмезе. Пальмира была взята; царица, покушавшаяся спастись бегством, была настигнута и приведена в Рим во время триумфа императора. Когда же жители Пальмиры после удаления Аврелиана восстали, он вторично выступил против них и на этот раз совершенно разрушил великолепный город, это блистательное средоточие торговли и образованности. Существующие и поныне величественные мраморные развалины свидетельствуют об исчезнувшем великолепии бывшего когда-то всемирного города.

Аврелиан с целью отомстить новоперсам намеревался предпринять против них поход, но был умерщвлен во Фракии по наущению своего тайного секретаря Мнесфея. Войско и народ оплакивали смерть энер-

гичного государя, но развращенный сенат был рад освободиться от строгой власти Аврелиана.

Император Проб (276—282) следовал примеру Аврелиана, железной рукой отбросил назад наступавших германцев, франков на нижнем Рейне, алеманнов на верхнем Рейне, бургундов и вандалов, которые, увлекаемые добычей, вторглись в Галлию, перешел между Майном и Неккаром через Рейн и принудил племена западных германцев к миру и к заключению договора, по которому они обещались прекратить свои разбойничьи набеги и доставлять римским гарнизонам на Рейне хлеб и скот. Для защиты государственных границ Проб продолжил и закончил начатое еще Траяном и Адрианом строительство пограничных укреплений (limes). Этот бойлерк (бастيون), состоявший из стен и рвов и укрепленный в промежутках соответствующим числом башен, простирался от Регенсбурга (Reginum) до Таунских гор. Сохранившиеся до настоящего времени остатки этого вала народная молва называет «Чертовой стеной» или «Свайными рвами». Но Проб навлек на себя ненависть солдат тем, что он для отвращения от праздной и распутной жизни занимал их в мирное время полезными культурными работами. В Галлии и Паннонии, на Рейне и на Мозеле он заставлял их разводить виноградники, осушать болота, проводить дороги. Когда Проб потребовал от солдат усиленной работы в Сирмии, они возмутились и убили его.

В царствование Диоклетiana (284—305) единство государства совершенно утратилось. Этот император, сознавая себя бессильным защитить государство от наступавших со всех сторон варваров, приступил к разделению верховной власти. С этой целью Диоклетиан провозгласил своего друга Максимиана соправителем с титулом «Августа». Максимиан должен был из Милана управлять Италией и Африкой; сам же Диоклетиан оставил за собой управление Востоком и перенес свою резиденцию в Никомедию, в Вифинии. Здесь Диоклетиан установил при своем дворе обычай и образ жизни восточных государей со всеми свойственными им церемониями. Впоследствии Диоклетиан взял себе в помощники Галерия, бывшего некогда пастухом, а в помощники к Максимиану назначил Констанция Хлора, кроткого и образованного человека, и дал им титул «цезарей». Галерий получил в свое управле-

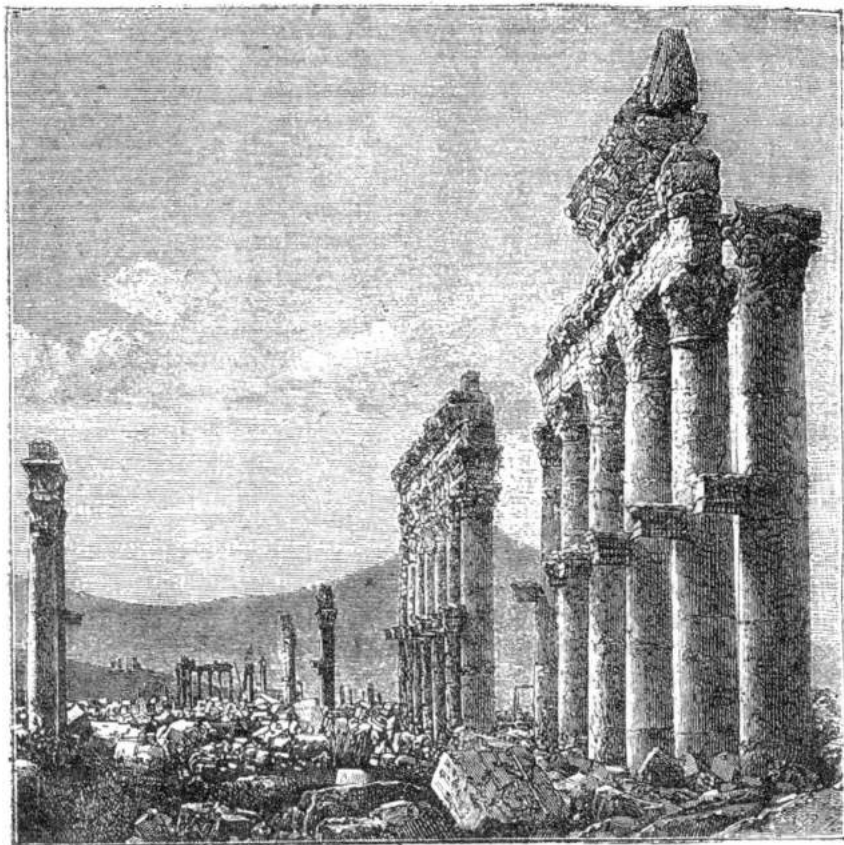

Аврелиан.
С античной медной монеты.

Зиновия.
С античной монеты.

ние Иллирию и страны по Дунаю, Констанций — Галлию, Испанию и Британию; первый из них имел свое местопребывание в Сирмии, а последний сначала в Августе Тревиров (Трир), а впоследствии в Эбораке (Йорк). Вследствие этих обстоятельств Рим перестал быть

Развалины Пальмиры.

центром государства, и так как посещался Диоклетианом весьма редко и то лишь на весьма короткое время, значительно утратил и блеск, и значение.

В 305 году Диоклетиан удивил весь мир решением сложить с себя императорское достоинство. Ему наскучили непрерывные беспокойства и опасный сан, который был для многих столь роковым. Одновременно с Диоклетианом от престола отрекся и Максимиан. Диоклетиан удалился в Салону в Далмации и жил там до 313 года в своем дворце, окруженном роскошными садами и колоннадами; Максимиан жил на своей вилле в Лукании. Однако Максимиан появляется впоследствии

еще раз в качестве претендента на императорский престол. Теперь Галерий и Констанций сделались одновременно императорами (Августами). Галерий взял себе в помощь двух цезарей, в Риме же преторианцы провозгласили августом Максенция, сына Максимиана. Максенций взял своего отца, Максимиана, в свои соправители. В 306 году умер Констанций Хлор, и на его место в качестве цезаря вступил его сын Константин.

Вследствие отречения Диоклетиана от престола, как и следовало предвидеть, произошли всеобщие беспорядки. Претенденты на императорский престол вступили между собой в ожесточеннейшую борьбу. В течение целых 18 лет продолжалась кровавая гражданская война. Наконец в 312 году дело дошло до решительного сражения между Максенцием и Константином. При выступлении с войском из Галлии в Италию, чтобы низвергнуть Максенция, который своими грабительствами и мотовством навлек на себя всеобщую ненависть, Константину явился на небе лучезарный крест с надписью: *ἐν τούτῳ νικά* (*in hoc signo vinces*), то есть: сим знаменем победишь. Уже прежде благосклонно настроенный к христианству своей благочестивой матерью Еленой, Константин украсил свое военное знамя (*labarum*) знаменем креста. Благодаря этому открытому благоволению, выказанному к христианству, Константин привлек на свою сторону многие тысячи восторженных приверженцев, которые до тех пор из страха перед Максенцием, преследовавшим переход в христианство, не осмеливались открыто выступать сторонниками нового учения. Быстрым, победоносным походом поспешно прошел Константин Верхнюю Италию и приближался к Риму. Максенций во главе сильного преторианского войска лично выступил навстречу Константину. Кровавое столкновение произошло на виду вечного города, при так называемых «Красных Утесах». Максенций был разбит; он бросился во время всеобщей свалки с Мильвийского моста в Тибр и погиб в его волнах. Константин вступил в Рим и как формальный победитель и торжественно вступил в обладание западной частью империи.

На востоке империи правил Л и ц и н и й, которого Галерий наименовал Августом. Константин устроил с Лицинием свидание в Милане,

Проб.
С античного бюста.

Диоклетиан.
С античной медали.

заклучил с ним союз и для большего его укрепления выдал замуж за Лициния свою сестру Констанцию. Важнейшим последствием этого свидания было то, что оба властителя издали Миланский эдикт о терпимости, по которому христианам предоставлялось право свободно отправлять свои религиозные обряды (в 313 году). Таким образом с победой над Максенцием был решен и вопрос, какая религия будет отныне господствующей.

Дружба свояков была непродолжительна. Поводом к раздору послужило следующее обстоятельство. Константин выдал свою сестру Анастасию замуж за знатного римлянина Вассиана и

Максенций.

С античной золотой монеты.

Лициний.

С античной медали.

наименовал его «цезарем», но медлил разделить с ним провинциями. Раздосадованный этим Вассиан обратился к Лицинию. Лициний благосклонно принял и выслушал послов Вассиана и начал с ним тайные переговоры. Но Константин раскрыл все подробности замышляемого против него заговора, казнил Вассиана, а Лицинию объявил войну. При Цибалисе в Паннонии и при Мардии во Фракии Лициний потерпел поражение (в 315 году), так как Константин превосходил его воинским талантом. По мирному договору власть Лициния отныне простиралась лишь на Фракию, Малую Азию, Сирию и Египет; Грецию же, Македонию и Дунайские провинции Константин присоединил к своим владениям. Но Константин не желал терпеть при себе соправителя и восемь лет спустя вновь начал войну против Лициния (в 324 г.). Разбитый при Адрианополе, Халкедоне и Хризополисе, Лициний сдался и отрекся от императорского достоинства, получив удостоверение в том, что ему будет сохранена жизнь. Но не прошло и нескольких месяцев, как Константин вследствие совершенно неосновательных подозрений приказал удавить Лициния и его сына (в 325 году).

6. Константин — единовластитель (325—337 гг. после Р. Х.)

Правление Константина с тех пор, как он сделался единовластителем, составляет важную перемену не только в религиозном, но также и в политическом отношении в римской истории. Значение города Рима вследствие перемещения резиденции в Никомедию, совершенного Диоклетианом, значительно пострадало. Но Константин возымел честолюбивую мысль основать такую новую столицу, которая бы совершенно затмила древний Рим блеском своих произведений искусства, дворцов, храмов и бань. Его выбор пал на древнюю Византию. Этот город показался Константину совмещающим в себе все условия, которые способны были осуществить его желания о преуспевании и процветании столицы всемирного государства. Он постиг благоприятное положение этого города на Босфоре, соединяющем между собой два моря, с его превосходным заливом, как нельзя более благоприятным для торговли и кораблестроения и вдобавок ко всему этому с чрезвычайно приятным климатом и необыкновенно плодородной окружающей местностью. И как легко было превратить этот город, укреплением окружающих его возвышенностей, в крепкую, почти непреодолимую твердыню! Наконец отсюда представлялась возможность на ближайшем расстоянии и с большим успехом бороться с непримиримыми врагами римлян: с германцами на Дунае и но-воперсами на Евфрате. В несколько лет перестройка старой Византии настолько подвинулась вперед, что в самом непродолжительном времени можно было уже совершить освящение резиденции. Новый город должен был называться «Новым Римом», но скоро назван был Константинополем.

К созданию новой резиденции присоединилось и новое устройство двора и государственных учреждений. По примеру Диоклетиана Константин придал этим учреждениям восточный характер. Вокруг особы монарха (*dominus*), как вокруг центра, группировался, но в почтительном отдалении, целый сонм должностных лиц в восходящей постепенности по чинам и достоинству и притом с новыми титулами. Ближе всех к императору стояли члены государственного совета, или тайного кабинета (*consistorium*), все любимцы императора. Они носили титул сиятельных (*illustres*). Затем следовали «знатные» (*spectabiles*), за ними шли «достопочтенные» (*clarissimi*) и т. д. Гражданская власть (управление, правосудие и государствен-

Константин.
С античного бюста.

ные финансы) была совершенно отделена от власти военной, чтобы по возможности затруднить злоупотребление последней честолюбивыми полководцами.

Военная власть была передана двум полководцам (главнокомандующим): *Magister equitum* (начальнику конницы) и *Magister peditum* (начальнику пехоты). Чтобы вполне установить новое государственное устройство, Константин разделил империю на четыре префектуры, или экзархата, то есть высшие наместничества: *Oriens* (Восток), *Illiricum* (Иллирию), *Italia* (Италию) и *Occidens*¹ (Запад). Во главе каждой из этих четырех префектур стоял префект в качестве высшего гражданского сановника.

Государственные сановники.

Префектуры, в свою очередь, распадались на 14 епархий, а эти последние на 116 провинций. Епархии были подчинены викариям, а провинции проконсулам, консулам, ректорам или президентам. Войска каждой провинции находились под начальством предводителей (*dux* или *comes* — герцогов или графов).

Вся система государственного устройства была составлена таким образом, чтобы гражданские и военные должностные лица имели возможность надирать за народами, опекать и держать их в покорном, полновластном повиновении. Последствия этой системы не замедлили обнаружиться. Пробудились всевозможного рода порочные инстинкты. Все устремилось к придворным и государственным должностям, которые привлекали к себе своими почестями, отличиями и значительным денежным содержанием. Высшее честолюбие стремилось к тому, чтобы возвыситься до непосредственной близости к государю, не обращая ни малейшего внимания на то, что цель эта могла быть достигнута лишь самыми низкими средствами: лицемерием, лестью, интригами и преступлениями. При таких обстоятельствах действительная заслуга и личности достойные в нравственном отношении всякого уважения, которые неспособны были прибегать к подобного рода средствам уже в силу естественного порядка вещей, ничего не могли достигнуть. Ибо все те, кому

¹ В *Oriens* (Восток) входили Египет, Сирия, Месопотамия, Армения, Малая Азия; *Illiricum* (Иллирия) включала собою Паннонию, Дакию, Македонию, Грецию; *Italia* (Италия), за исключением собственно Италии, захватывала еще Северную Африку, острова Средиземного моря и Альпийские страны: *Raetia*, *Noricum*, *Vindelicia* до Дуная; *Occidens* (Запад), называвшаяся также *Gallia* (Галлия) — Галлию, Британию и Испанию.

удавалось добиться милости государя, всегда одерживали верх, так как произвол императора доставлял им и почести, и достоинства.

Заболев на 65-м году своей жизни, Константин отправился на целебные купания в Дрепан, незначительное местечко на вифинском берегу. Но пользование этими купаниями не помогло императору. Тогда, чувствуя приближение смерти, Константин приказал перевезти себя в Никомидию, призвал к себе епископа Евсевия, принадлежавшего к секте ариан, и принял от него крещение. За заслуги, оказанные христианской церкви, христианские историки почтили Константина именем Св. Равноапостольного и прозванием «Великого». Хотя прозвание это Константином и вполне заслужено, но на этот счет как в древние времена, так и в настоящее время существует большое разно-

гласие. Современные Константину христианские писатели, как например Евсевий, епископ Кесарийский, и Лактанций, воздают этому государю безусловную дань удивления, между тем как язычники Юлиан Апостат и Зосима изображают Константина человеком холодным, расчетливым и утверждают, что он покровительствовал христианам, которые в его время составляли уже могущественную партию, исключительно из политических видов и ради достижения своих честолюбивых целей. В действительности Константин оказал огромную

Полководец.

*Фауста.
С античного бюста.*

*Крисп.
С античного бюста.*

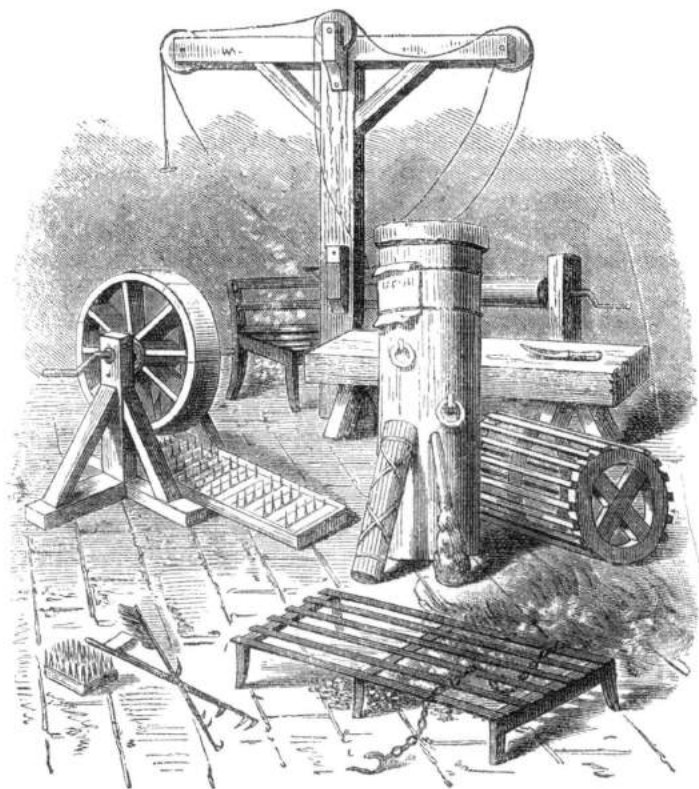
услугу тем, что охранял внутреннее благоденствие империи примерным, беспристрастным правосудием от произвольных грабительств управлявших ими чиновников, содействием интересам христианской церкви, а также и тем, что с успехом отбивал вторжения алеманнов в пределы государства. Но вместе с тем следует признать, что он с жестокой суровостью наказывал своих действительных или воображаемых врагов и даже беспощадно обрек смерти совершенно по неосновательным подозрениям своего свояка Лициния, его жену Фаусту и их сына Криспа.

7. Христианство до четвертого столетия

Во времена Августа значительное большинство образованных людей в Римском государстве в своем философском самонии относились совершенно равнодушно и безучастно к старинным народным религиям. Конечно, в простом народе еще глубоко коренилась вера в старых богов, но с течением времени к этой вере примешалось множество всевозможного рода иноземных, посторонних, противоположных друг другу элементов. Низшие классы народа поклонялись и египетским, и финикийским, и персидским божествам. Сверх того, общество в своем заблуждении предавалось самым странным суевериям и самым необыкновенными, отвратительным таинственным учениям (мистериям). Но сердце человеческое, требовавшее внутреннего удовлетворения, не находило в этом богослужении того, чего искало. Здесь, среди низших и средних слоев общества, в громадной массе «удрученных и униженных, бедных и несчастных», находилась почва, где могла пустить свои корни радостная весть Искупителя. Уяснению и восприятию

*Древнехристианские символы креста, рыбы и доброго пастыря.
С античной камеи.*

Римские орудия пытки.

нового учения в особенности содействовали женщины, так как учение это возвышало женщину из ее недостойного, глубоко приниженного и почти рабского положения до положения мужчины и впервые придавало браку высокое освящение посредством тесного сближения душ.

В высших сословиях христианство распространялось гораздо медленнее. Здесь христианскому учению, с одной стороны, оказывал сильное противодействие горделивый дух образования, с другой же стороны, с восприятием этого учения приходилось расстаться с укоренившимся порядком вещей, например с рабством. Наконец, для этих высших классов было в особенности тяжело исполнять требование, по которому исповедующий Христа должен отречься от всех земных благ, от почестей, власти и богатства. Сверх того, принимавшие новое учение тем самым обрекали себя на жертву жестокого гонения. Римляне были снисходительны к последователям иноземных религий, когда они по существу своему сходствовали с государственной религией, и последователи этих религий не отказывались от соуча-

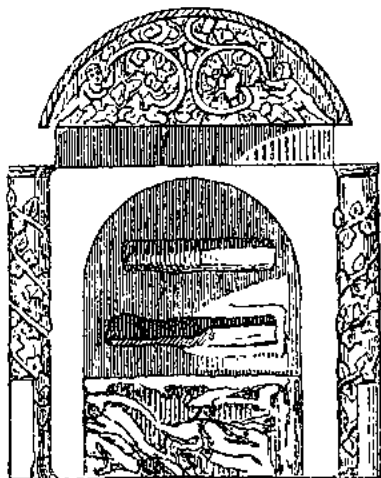
ствия в языческих празднествах и в почитании алтарей и храмов, в особенности тех, которые воздвигались в честь обоготворенных императоров. Но в то же самое время римляне выказывали необыкновенную враждебность к исповедникам таких религий, например христианской, которые отваживались стать в прямое противоречие с римской религией. Это происходило оттого, что христиане в силу основных начал своей религии обязаны были удаляться от языческих жертвоприношений и празднеств и отстраняться от сношений с язычниками. По отношению к христианам не могло быть места никакому сомнению, ни малейшему колебанию. Главным образом для римлян должно было считаться вполне возмутительной дерзостью со стороны христиан то, что, по их мнению, они одни исповедывали истинную веру. То обстоятельство, что христиане выбирали для своих религиозных собраний ночное время и уединенные места, еще более увеличивало недоверие к ним и подозрительность. Вначале христиан принимали за иудейскую секту и потому относились к ним с такой же ненавистью и с таким же презрением, как и к иудеям. Впоследствии христиан считали опасными для государства, так как они хотели положить конец служению богам, которое считалось одной из существеннейших опор Римского государства.

Подобного ложного взгляда на христианскую религию придерживались в особенности лучшие и сильнейшие императоры, например Траян, Марк Аврелий и Деций. Исходя из того мнения, что упрочение главных основ государства составляет прямую их обязанность, эти императоры поступали совершенно последовательно, противодействуя всяким стремлениям, которые, казалось, были направлены к созданию партий и сообществ, стремившихся выделиться из состава государства. В этом отношении в высшей степени интересной представляется переписка между Траяном и Плинием Младшим, тогдашним наместником Вифинии. «До настоящего времени, — пишет Плиний Цецилий Секунд, — я поступал следующим образом: я спрашивал тех, на кого доносили мне как на христиан — христиане ли они. И когда они это утверждали, то я предлагал им тот же вопрос во второй и третий раз, а затем грозил им смертной казнью; когда же они упорствовали в своей принадлежности к христианству, то я приказывал казнить их. Поступая таким образом, я был убежден, что при каких бы то ни было обстоятельствах они во всяком случае заслуживают наказания за свое непреклонное упорство. Других, зараженных тем же безумием, так как они были римские граждане, я приказывал отмечать, с тем, чтобы отправить их в Рим. Но, как это обыкновенно бывает при розысках всякого преступления, в скором времени обнаружилось, что их существует множество видов. Я получил анонимное письмо, заключающее в себе список имен многих лиц, которые лгали на себя, что они христиане или были таковыми, и которые, когда я спросил, кому они молятся, клялись богами и твоим изображением, которое я приказывал приносить для этой цели вместе с изображениями богов, соверша-

ли перед ним жертвоприношения возлияниями вина и курением фи-миама и, сверх того, поносили Христа; между тем истых христиан, как уверяют, невозможно к этому принудить. Поэтому, я полагаю, что подобных лиц можно отпускать на свободу» и т. д.

На это письмо Траян отвечал: «Ты, мой Секунд, совершенно правильно поступаешь при розысках о лицах, на которых доносят тебе, как на христиан. В этом отношении не представляется возможности установить какого-либо одного общего правила, которое, так сказать, могло бы служить определенной нормой. Христиан не следует разыскивать, но когда они будут выданы и избличены, то их следует подвергать наказанию. Но те, кто отречется от принадлежности своей к христианству и докажет это на деле, то есть поклонением нашим богам, должны быть вновь помилованы, хотя бы прежде и внушали к себе подозрение. Во всяком случае безмянные доносы о каком бы то ни было преступлении не должны быть принимаемы, так как это может послужить опаснейшим примером и противоречит духу нашего времени».

Но даже и самые тяжелые гонения, воздвигаемые против христиан, ни жесточайшие истязания, ни самые язвительные оскорбления и насмешки не в состоянии были задержать победоносного шествия христианства. Напротив, выказанная у мучеников мужественная преданность вере и восторженная твердость, с которой они шли навстречу смерти, еще больше возбуждали повсюду внимания и участия к христианству и умножали ряды верующих. Уже во времена апостолов в различных местностях Римского государства образовались христианские общины, например в Антиохии (Сирии), в Эфесе, Коринфе, Риме, Александрии; они явились последствиями обширной просветительской деятельности важнейшего из апостолов, Павла. В конце второго столетия христианство, несмотря на все преследования, распространилось по всему Римскому государству. Мы находим христианские общины даже в Галлии, Британии и Северной Африке. Среди тысяч мучеников ярко сияют имена Игнатия, епископа Антиохийского, и Симеона, епископа Иерусалимского, умерщвленных при Траяне, Иустина, мученика в Риме, Поликарпа, епископа Смирнского, погибшего при Марке Аврелие, двух юных жен Перпетуи и Фелицитаты, которые при Септимии Севере были брошены на растерзание львам.

*Ниша с ракой мученика
в катакомбах.*

Все блистательнее и блистательнее подтверждались слова одного из Отцов церкви, Тертулиана (ум. в 270 году), который с торжеством восклицает: «Чем больше нас истребляют, тем более мы возражаем в числе. Кровь мучеников обращается в семена церкви».

Но прежде чем язычество окончательно утратило свое значение, христианской церкви пришлось вынести еще раз страшное испытание. То было последнее, но в то же время самое ужасное гонение, которое предпринял Г а л е р и й (303—305) и которое распространилось по всему государству. Только К о н с т а н ц и й Х л о р и его сын К о н с т а н т и н старались смягчать и ослаблять в своей провинции Галлии

Епископ.

бесчеловечную жестокость императорских эдиктов. Поражение Максенция повлекло за собой и окончательное поражение язычества. В 313 году появился Миланский эдикт о терпимости, а едва К о н с т а н т и н сделался единовластителем (в 325 году), как он издал в 325 году эдикт, в котором признал христианскую религию за единственную истинную религию. Однако Константин все еще продолжал выказывать терпимость по отношению к идолопоклонству и сам лично настолько соблюдал осторожность, что принял крещение лишь перед смертью. Но в последнее десятилетие своего правления он решительно принял сторону христиан и возвел христианскую религию в степень религии государственной. Чтобы способствовать и экономическому развитию христианских общин и упрочить их положение на будущее время, Константин установил, что в

каждой политической общине часть общинных доходов должна быть обращена для целей христианской религии. В особенности клир (христианское духовенство) должен был пользоваться большими преимуществами. Со своей политической прозорливостью Константин скоро в совершенстве осознал, какую могущественную опору для своего престола может он создать из далеко распространившегося влияния духовенства. Поэтому духовенство было признано им самостоятельным сословием, и оно было наделено всевозможного рода правами и привилегиями. Так, например, духовенство получило право собственного суда во всех религиозных делах и было освобождено от податей и налогов, а равно и от военной службы.

Устройство церкви к этому времени уже значительно подвинулось в своем развитии. Во главе общин стояли епископы, то есть надзиратели. В более значительных общинах, например в Антиохии, Эфесе и Риме, отдельные епископы приобрели выдающееся положение. Среди самих епископов в скором времени епископы Римский, Александрийский, Антиохийский, Константинопольский и Иерусалимский стали называться патриархами или митрополитами. Признание же приматства (первенствующего значения) достигнуто было римскими епископами лишь Львом I Великим (440—461) и Григорием I Великим (590—604) и его преемниками Григориями II и III с помощью Бонифация и его влияния при французских мажордомах Карломане и Пипине Коротком лишь в восьмом столетии. Таким образом установилась иерархия, то есть священноначалие с постепенным подразделением на разряды, начиная с высшей ступени, на которой стояли на Востоке патриархи, а на Западе папа, и кончая низшими должностями привратников, прислужников при больных и могильщиков, и такое устройство в существенных своих чертах сохранилось с тех пор и до настоящего времени.

К сожалению, между христианами уже во времена апостолов не было недостатка в жарких спорах, которые происходили вследствие разногласия в понимании основных начал учения о вере и в представлениях о личности Христа и нередко вели к самым прискорбным явлениям. Уже апостол Павел негодует на тех, кто произвольно объясняет догматы и тем самым вносит в общину «разъединение» (Первое послание к коринфянам, 11, 18). Впоследствии, когда уже не существовало больше всеми признаваемого авторитета, каким был, например, величайший из апостолов Павел, который мог бы окончательно разрешать спорные вопросы, все больше и больше проявлялись прискорбные недоразумения, нарушавшие общее согласие. Причиной таких прискорбных раздоров служило еще и то обстоятельство, что спорившие стороны не только не были проникнуты взаимной сердечной терпимостью и желанием прийти к дружелюбному соглашению, а напротив, каждый веровавший по-своему тотчас же клеймился как «еретик», то есть рас-

Диакон.

Никейский собор.

С византийского трехстворчатого складня.

кольник, и подвергался самому страстному преследованию. Здесь не место излагать основания христианских догматов у различных школ, александрийской при Клементии (ум. в 217 году) и Оригене (185—254), и карфагенской при Тертулиане (ум. в 220 году) и Киприане, или приводить, насколько отклонялись различные секты, как например эбониты, гностики, манихеи, монтанисты и т. д., от всеми признанных постановлений, изложенных в каноне (правило) и заключаю-

щихся в Евангелии и Апостольских посланиях. Мы удовольствуемся тем, что немного долее остановимся на важнейших теологических спорах первых четырех веков.

Тотчас после утверждения Константина на императорском престоле произошел сильнейшее волнение умов один спорный церковный вопрос. Арий, пресвитер (священник) в Александрии, учил, что Христос, Сын Божий, не предвечен, как Бог Отец, а что Он хотя и превосходит бесконечно все существа, тем не менее есть создание, то есть существо сотворенное, и поэтому *сходен с Богом только по своему существу*. Напротив, Афанасий, диакон, а впоследствии епископ Александрийский, отстаивал догмат, что Христос так же предвечен и единосущен, как и Бог Отец. Этот спор произвел такое всеобщее возбуждение, что Константин счел нужным самому вмешаться в это дело. С этой целью он собрал в 325 году в Никее, в Вифинии, Вселенский собор (Consilium Oecumenicum), на который собралось до 300 епископов из всех частей государства.

На этом соборе учение тех, кто утверждал, что «было время, когда Христа не было», было объявлено еретическим и предано проклятию (анафеме). Арий был отрешен от сана и удален в изгнание в Иллирию. Впрочем, арианское учение нашло себе значительное число последователей между германскими народами: у готов, вандалов и лангобардов¹. Равным образом арианство господствовало и на Востоке до тех пор, пока Феодосий I при своем вступлении в Константинополь (в 380 году), не объявил, что истинными христианами и членами католической (вселенской) церкви должны быть признаваемы одни только исповедующие установленный Никейским собором Символ (Символ веры), ариане же должны быть строго наказываемы. В то же время Феодосий повелел изгнать ариан из всех церквей Востока и при помощи Константинопольского вселенского собора (в 381 году) осудил их как еретиков.

*Отшельник.
Weiss Kostumkunde.*

¹ Вестготы были первыми между германцами, кто принял (арианское) христианство. Их епископ Ульфилла (собственно — Фулфла-Вольфлин), ролившийся в 318 году в Дакии, перевел почти всю Библию на готский язык. Отрывки этого перевода, написанного на пурпуровом пергаменте серебряными и золотыми буквами (почему он и назван Codex argenteus), являются одним из древнейших памятников письменности и хранятся в библиотеке в Упсале.

На Востоке во второй половине третьего столетия появилось монашество. Христианство требует от человека послушания, презрения к чувственным наслаждениям, аскетичности и целомудрия, благоговейного и молитвенного обращения к Богу «по духу и правде». Поэтому лица, проникнутые таким убеждением, провозгласили удаление от

*Св. Антоний.
Со статуи XIII столетия.*

языческого, столь глубоко развращенного мира, как особенную заслугу и как единственно верный путь к достижению наивысшей степени совершенства и к получению в награду вечного блаженства. И вот не замедлили наступить времена, когда множество людей покинуло города и селения и удалилось в пустыню, чтобы вести там жизнь отшельников (пустынники, анахореты) в строжайшем аскетизме, то есть в воздержании от всех наслаждений.

Первым христианским отшельником считается Павел Фиванский в Египте (235—340), который во время гонения христиан при Деции бежал в Фиванскую пустыню и в течение 90 лет прожил в пещере. Одежду и пищу доставляло ему пальмовое дерево, а жажду его утолял свежий источник. Окрестные христиане стекались к Павлу как на богомолье, чтобы слушать его проповеди. Скоро не замедлила распространиться слава о его святости и о творимых им чудесах. Примеру Павла Фиванского последовал египтянин Антоний (251—356). Сын богатых родителей, Антоний, лишившись их в ранней молодости и получив в наследство все их состояние, раздал его бедным, а сам удалился в пустыню. Скоро вокруг Антония собрались ученики, которые стремились подражать ему; они построили себе хижины вблизи его жилища и начали жить по его примеру. Антоний дожил до 105-летнего возраста. Его ученик Пахомий собрал на одном из островов Нила — Таббене, в Верхнем Египте, еще большее число отшельников. Они жили или на огороженных местах, или в крытых зданиях и обязаны были подчиняться определенным правилам жизни, которые налагали на них обязанность молиться и работать (заниматься садоводством и плетением циновок). По совету Пахомия и женщины, со своей стороны, также соединились между собой для подобной совместной жизни. Таким образом, Пахомий сделался основателем монастырской жизни¹. Мужчины, жившие вместе большими или малыми группами, назывались монахами — отдельно живущие, а женщины — монахинями.

После смерти Пахомия число монахов и монахинь возросло уже до нескольких тысяч. Но многие отшельники, не довольствуясь строгостью обыкновенной монашеской жизни, избирали себе в жилище пропасти, могилы, вершины гор, деревья и даже высокие столбы, чему первый пример показал Симеон Столпник², нашедший себе по-

Св. Бенедикт.
С мозаичного изображения.

¹ Слово «Kloster» (монастырь) происходит от claustrum (замкнутое пространство); монастыри по-гречески назывались общежитие, так как жизнь в них была общей. Настоятель монастыря назывался abbas (отец, отсюда аббат), впоследствии также приюром или архимандритом.

² Симеон Стилит, т. е. Столпник, жил в течение 39 лет в окрестностях Антиохии в жилище, устроенном им самим на столбе в 36 футов вышиной. Он пользовался таким уважением, что дикие арабийские племена добивались его благословения и даже сам Феодосий II, сын и преемник Аркадия на византийском престоле (408—450), считал для себя необходимым искать его советов.

дражателей в этом образе жизни в Сирии и Палестине, где столпники (стилиты) существовали до двенадцатого века.

На Запад монашество было перенесено святителями Афанасием в 340 году; устройством же своим оно обязано святому Бенедикту Нурсийскому (480—543). Св. Бенедикт основал в пустыне Монте-Кассино образцовый монастырь и установил для монахов определенные правила. Благодаря этим правилам жизнь монахов была устроена так, что умственные занятия их постоянно чередовались с физической работой. Ненарушимый обет обязывал обитателей монастыря к перенесению бедности, лишений, целомудрию и послушанию. Большинство монастырей на Западе было устроено по правилам св. Бенедикта. Пока монастыри эти соблюдали устав св. Бенедикта, до тех пор они приносили большую пользу окружающим жителям. Монахи оказывали гостеприимство и благодеяния бедным, подавали утешение и совет во всех печалях и нуждах и в то же время прилежно занимались различными работами. Они осушали болотистые земли, переписывали книги, учили юношество и занимались мастерствами и искусствами. Некоторые монастыри, как например святого Галлена, Корвейский и другие, в высшей степени прославились как центры наук и рассадники образования.

С течением времени в монастырской жизни на Востоке и Западе проявляется все большее и большее различие. В то время как на Востоке монастыри продолжают служить исключительно религиозным целям, монастыри на Западе благодаря возрастающему политическому значению римского духовенства постепенно изменяют своему первоначальному назначению. Богатства, притекавшие в них в виде всевозможного рода приношений и вмешательство в мирские дела, вовлекали монахов в роскошный образ жизни и действовали на них развращающим образом.

8. Преемники Константина до переселения народов (337—375 гг. после Р. X)

Перед своей смертью Константин совершил раздел государства между тремя своими сыновьями Константином, Констанцием и Констансом и двумя своими племянниками Далмацием и Ганнибалианом. Но едва скончался император, как между его наследниками возникли раздоры. Оба племянника Константина были умерщвлены, а сыновья вступили между собой в жесточайшую борьбу. Под конец остался один Констанций (в 353 году). Ему пришлось отбиваться со всех сторон от чуждых народов. Он победоносно сражался против новоперсов, которыми правил их царь Сапор II. В то время как Констанций был занят на Востоке, алеманны и франки вторглись в Галлию. Против них император послал своего двоюродного брата Юлиана, которого он назначил «цезарем». Юлиан спас Галлию, одержав при Страсбурге (в

357 году) победу над алеманнами, причем король их Кнодомар попал к римлянам в плен. Затем Юлиан два раза переходил через Рейн и проникал в область, лежавшую на его среднем течении (у Швабского устья). В следующем году он выступил из своего постоянного местопребывания Парижа форсированным маршем против франков, настиг их врасплох, разбил при Токсандрии (Тессендерло, близ Люттиха) и отбросил их частью за Рейн, частью в Северную Бельгию.

В скором времени военная слава Юлиана в такой степени возбудила зависть Констанция, что он придумал средство сделать безвредным опасного соперника. С этой целью Констанций приказал Юлиану отправиться к нему на Восток четыре легиона и отборнейшие из вспомогательных войск под тем предлогом, что он нуждается в них для войны с новоперсами. Но солдатам вовсе не желалось оставлять своего любимого полководца и отправляться на Дальний Восток, чтобы подвергать себя новым трудам и битвам со страшным врагом. Они отказались повиноваться и провозгласили своего любимца Юлиана «августом». Юлиан сначала неохотно принял этот опасный сан и отправил к Констанцию письмо, в котором самым почтительным образом просил о признании его правителем Запада. Констанций отвечал высокомерным и угрожающим тоном. Тогда Юлиан решил предоставить оружию разрешить спор его с императором. В то самое время, как Юлиан выступил уже в поход на Константинополь, Констанций умер в Мопсукрене, недалеко от Тарса (в 361 году). Теперь Юлиан, который в это время вступил уже в Сирмию, мог совершить свой въезд в Константинополь при радостных восклицаниях солдат и населения.

Юлиан (361—363) обладал добродетелями, простотой и нравственной чистотой древнего римлянина. Он вновь водворил при своем дворе порядок и бережливость, распустил целые толпы ненужных придворных чиновников и слуг и изгнал расточительность с императорского стола. С неутомимой деятельностью следил Юлиан за управлением государством, за соблюдением правосудия и поддержанием в войсках воинской дисциплины. Однако при всех своих достоинствах Юлиан не был свободен от некоторых слабостей и тщеславия. Он хвалился своим фанатическим пристрастием к блестящим временам древних римлян и греков и к неоплатонической философии, которую он изучал в Афинах. Юлиан обесславил себя ненавистью к христианству, почему современные ему христианские писатели заклеили его прозвищем Апостата, т. е. отступника. Когда во время своей молодости Юлиан находился при дворе, то окружавшие его лица, в особенности родственники, не принадлежали к числу людей, которые могли бы

Констанций.
С серебряной монеты.

служить ему примером христианских добродетелей. Лицемерие, коварство, взаимная вражда и даже убийства позорили императорский двор того времени, и надо считать каким-то чудом, что Юлиан остался в живых. Безрассудные ссоры честолюбивых и властолюбивых духовных лиц внушили Юлиану омерзение и отвращение к христианскому духовенству.

С другой стороны, причиной неприязни Юлиана к христианству было тщеславие, с которым он хотел вновь воскресить отжившее свой век язычество. Тотчас по своем вступлении в управление государством Юлиан приказал восстановить храмы, воздвигнуть алтари и приносить на них жертвы языческим богам по древним обычаям. Он сам совершал жертвоприношения богам с величайшей пышностью. Хотя Юлиан и не преследовал христиан огнем и мечом, но обращался с ними, как с «назаряями» и «галилеянами», с величайшим презрением, лишил их всех должностей и достоинств и запретил христианским риторам и грамматикам заниматься преподаванием классической литературы. Он хотел этим лишить христиан всякой возможности к высшему развитию и тем самым низвести их на более низкую ступень в умственном отношении.

*Юлиан.
С античной статуи.*

В своей слепой, пристрастной ненависти Юлиан не постыдился призвать к себе на помощь в борьбе с христианством даже иудеев в качестве союзников. Он освободил иудеев от податей и налогов и разрешил им возобновить храм в Иерусалиме. И иудеи тотчас же приступили к делу, но прежде чем они успели возвести новые стены храма, судьба императора уже свершилась. По словам святителя Афанасия, он был лишь «набежавшим облаком», которое не замедлило растаять от лучей христианского солнца.

Со свойственным ему честолюбием Юлиан горел страстным желанием приобрести воинскую славу. Надлежало смирить гордого Сапора II, царя новоперсов, и отнять у него его завоевания в Месопотамии. В начале 363 года Юлиан вторгнулся из Антиохии в Сирию. Начало похода сопровождалось успехом. Многие крепости, и в числе их Перизабор и Могамальха, были взяты приступом, и победоносный император дошел уже до укрепленной царской столицы Ктезифона. Город этот, окруженный крепкими стенами и занятый бесчисленными стрелками, всадниками и целыми сотнями боевых слонов, насмеялся над всеми приступами. Недовольный Юлиан напра-

вился к северу и стал все дальше и дальше углубляться в Персию. Но изменники-проводники завели войско в местность, лишенную воды и продовольствия. Вследствие этого пришлось решиться на отступление. Оно оказалось роковым. Когда римское войско проходило лесистыми горами, оно внезапно подверглось нападению неприятеля со всех сторон. В пылу боя Юлиан снял с себя панцирь. В эту самую минуту неприятельский дротик вонзился ему в бок, и он, умирая, упал с лошади. По свидетельству христианских писателей, Юлиан сам вытащил дротик из раны и, бросив к небу полную горсть вытекавшей из раны крови, с горечью воскликнул: *Tandem vicisti, Galilaeae!* (Итак, Ты победил, Галилеянин!) Осиротевшее войско сражалось с мужеством отчаяния и отбросило назад неприятеля. Оно выбрало из среды своей нового императора, начальника дворцовой стражи Иовиана, человека незначительного, но достойного уважения. Предводительствуемое Иовианом войско с величайшими трудностями добралось до Тигра. Но перейти эту реку Иовиану не удалось, и для того, чтобы по крайней мере спасти себе жизнь, он вынужден был заключить с великим царем унижительный мир.

С трагической смертью Юлиана рушились и все его замыслы. Они разбились о действительное положение вещей, которому его смелый ум напрасно старался противодействовать. Преемник Юлиана Иовиан (363—364) отменил указы своего предшественника, восстановил вновь христианство во всех его прежних правах, но вместе с тем терпел и язычество. Впрочем, последнее продолжало печально владеть последние дни своего существования до тех пор, пока при Феодосии не было уничтожено с корнем. Самую упорную привязанность к старой вере в богов выказывало сельское население, откуда произошло, что слово *pagani* (поселяне) получило значение «язычников».

Иовиан.
С медной монеты.

Преемник Иовиана, Валентиниан (364—375), искусный полководец, чтобы облегчить бремя правления, взял к себе в соправители для Востока своего младшего брата Валента. Сам Валентиниан оставил в своем управлении Илирию, Италию и Галлию. Границы империи на Рейне и в Британии находились в величайшей опасности. Но Валентиниан охранял их мощной рукой. Его полководец Иовин разбил алеманнов в сражении при Шалоне на Марне (в 366 году); сам император, сопровождаемый своим молодым сыном Грацианом, перешел с сильным войском через Рейн, разбил (в 368 году) алеманнов при Солицини (или Сумалощенна, близ нынешнего Роттенбурга) на Неккаре. В Британии и Африке полководец Валентиниана Феодосий вновь утвердил римское владычество.

В это же время на нижнем Дунае квады, раздраженные изменническим убийством их царя Габиния, совершили опустошительное вторжение в пределы Римской империи. Валентиниан поспешно заключил мир с алеманнами и лично поспешил на Дунай. При Брегеции (ны-

*Валентиниан.
С античной монеты.*

*Грациан.
С античной монеты.*

нешнем Пресбурге) он расположился на зимние квартиры с тем, чтобы с наступлением следующего года начать военные действия. Сюда явились к Валентиниану послы квадов и просили его о пощаде. Вовремя этих переговоров Валентиниан пришел в такой гнев, что с ним сделал-

*Валентиниан II.
С античной монеты.*

*Максим.
С античной монеты.*

ся удар и он упал мертвым. Валентиниану в качестве правителя Запада наследовал его сын, кроткий и высоконравственный Грациан (375—383). Он проживал частью в Трире, частью в Париже. При необузданной склонности к охоте на диких зверей Грациан пренебрегал своими обязанностями правителя. Войско, недовольное таким поведением Грациана, выбрало в императоры испанца М а к с и м а. Грациан хотел бежать к своему сводному брату Валентиниану в Милан, но на дороге был настигнут и умерщвлен неприятельскими всадниками в Лугдунуме (в Лионе). Но и Максим (383—388) был разбит Феодосием при С и с ц и и на Саве и умерщвлен солдатами в Аквилее. Теперь на Западе на престол вступил юный Валентиниан II.

II

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ И ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

(375—591 гг. после Р. Х.)

1. Гунны. Валент и вестготы. Феодосий Великий

(375—395 гг. после Р. Х.).

Во время правления Валента на Востоке одряхлевшее здание Римской империи испытало такой удар, что последствия его привели империю к постепенному падению. Удар этот нанесли гунны, народ финско-монгольского происхождения. Они вышли из глубины Азии, из родины своей, степей пустыни Гоби, прошли «Вратами народов» между Уральскими горами и Каспийским морем в Европу и перешли Волгу. То было началом чрезвычайного, всеобщего, имевшего громадное по своим последствиям значение, движения германских племен, которое называется **переселением народов**. Продолжаясь двести лет, переселение это совершенно изменило политическую карту Европы, так как на месте Западной Римской империи возникли основанные германскими племенами совершенно новые государства, из которых одни просуществовали короткое, другие более продолжительное время.

Современные историки Аммиан Марцеллин и гот Иордан (Иорнанд) описывают гуннов следующим образом.

Гунны страшно дики и по наружности отвратительны. Они имеют крепкие, мускулистые члены и толстую шею. Вся фигура их настолько груба и нескладна, что их можно принять за двуногих животных или за те грубо вытесанные столбы, которыми подпирают мостовые перила. У детей тотчас после их рождения на щеках делают глубокие надрезы для того, чтобы при помощи сплошных рубцов уничтожить вырастание волос, вследствие чего гунны до самой старости остаются безбородыми и крайне безобразными. При такой отвратительной, отталкивающей наружности они настолько дики, что не имеют потребности ни в огне, ни в приготовлении пищи. Пищу их составляют корни диких растений и полусырое мясо первого попавшегося животного, которое они кладут вместо седла на спину лошади и распаривают его скорой ездой. Жилищами гунны пользуются лишь в случае крайней необходимости; они боятся их как могил мертвецов и, постоянно странствуя по горам и долинам, с самой колыбели приучаются переносить и стужу, и

голод, и жажду. Одежду гунны носят или полотняную, или сшитую из кож лесных мышей, голову покрывают высокой шапкой, а ноги — козьими шкурами. Грубо сшитая обувь стесняет их походку, почему они мало способны к пешему бою; но зато, как бы сросшись со своими крепкими, хотя на вид и невзрачными лошадьми, они отправляют на них все свои дела. Сидя на лошади, гунн покупает и продает, ест и пьет и, что может показаться невероятным фокусом, склонившись на шею быстрого скакуна, предается глубокому сну; даже, если по какому-нибудь важному делу собирается совет, то и на нем он участвует верхом на коне. Битву гунны начинают отвратительным воем; затем с быстротой молнии бросаются они на неприятеля, в то же мгновение умышленно рассыпаются в разные стороны, также быстро вновь возвращаются, без всякого порядка поражают здесь и там, и прежде чем их заметят, благодаря невероятной быстроте нападают уже на вал или начинают опустошать неприятельский лагерь. Издали гунны сражаются дротиками, острия которых с редким искусством обделаны костью; на близком же расстоянии они дерутся саблями и в то самое мгновение, когда неприятель старается отклонить удар, накидывают на него аркан и с силой увлекают его за собой. У гуннов никто не обрабатывает землю и не касается плуга; все они, не имея ни

*Валент.
С античной монеты.*

постоянного местопребывания, ни родины, ни законов, ни обязательных обычаев, подобно беглецам, постоянно ведут бродячую, странническую жизнь. Женщины у гуннов живут на телегах и на них ткут свои грубые одежды и воспитывают своих детей. Ни один гунн не в состоянии ответить на вопрос, где он находится. Гунны не соблюдают верности в договорах и, подобно неразумным животным, вряд ли даже имеют какое-либо понятие о правде и несправедливости. Без всякой причины и цели они способны предаваться самым неистовым образом своим страстям и выказывают непостоянство при малейшей надежде, сулящей им что-либо новое. Гунны до такой степени изменчивы и вспыльчивы, что они способны в один и тот же день, без малейшей обиды их, покинуть своих союзников и точно также без всяких рассуждений вновь примириться с ними.

При своем переселении на запад гунны прежде всего столкнулись с аланами между Доном и Волгой. Аланы частью были прогнаны, частью принуждены были пристать к гуннам. Затем гунны напали на ост- и вестготов. Готский король Германрих был разбит страшным неприятелем и сам лишил себя жизни. Те из остготов, которые не были еще покорены гуннами, направились в Паннонию; вестготы же, предводимые Фридигерном, отправили послов к императору Валенту

и просили его, не может ли он дать им поля и земли и в благодарность за это предлагали охранять границы империи. Валент, принадлежа, как и сами готы, к арианству, дал им позволение поселиться в Мизии. Тогда около 200 000 воинственных вестготов с женами и детьми перешли через Дунай. Но римские сановники Лупицин и Максим обошлись с пришельцами самым бесчеловечным образом. Их принуждали покупать по непомерным ценам съестные припасы и притом часто самого худшего качества. Сначала готы, за неимением наличных денег, платили одеждой, коврами, оружием и другими ценными предметами. Но затем, когда у них истощились все средства, то для утоления голода они даже вынуждены были продавать в рабство своих детей. Когда же в довершение всего Лупицин, пригласив готских князей на обед в Марциополю, обнаружил попытку коварно убить их, то раздражение за нанесенное оскорбление разразилось всеобщим восстанием. Тогда Лупицин поспешно собрал все свои войска, но был разбит и должен был бежать. Дыша мщением, готы двинулись во Фракию, страшно опустошая все на пути своем. Император Валент выступил против них со всем своим войском, но потерпел совершенное поражение при Адрианополе (в 378 году). Две трети римского войска пало на поле битвы; сам Валент, скрывшийся было в хижине простого поселянина, был окружен неприятелями; они подошли к хижине, и Валент погиб в пламени мучительной смертью.

Западноримский император Грациан явился со своими вспомогательными войсками слишком поздно и не мог уже предотвратить ужасного бедствия. Получив известие о смерти своего дяди, Грациан назначил своего полководца Феодосия императором восточных стран. Феодосий, как Траян и Адриан, был родом испанец и, подобно обоим этим государям, отличался сильным характером. С осмотрительностью, но твердостью вел он оборонительную войну против готов. Вместо того, чтобы вступать в открытый бой, он ограничивался удерживаем за собой таких городов, о крепкие стены которых постоянно разбивалась дикая храбрость варваров. В то же время, пользуясь раздорами между отдельными племенами, он завязывал сношения то с тем, то с другим предводителем и даже убедил некоторых из них перейти в римскую службу.

По смерти Фридригерна, самого опасного из готских предводителей, благоразумному Феодосию удалось заключить мирный договор, по которому вестготы за известное ежегодное денежное вознаграждение и наделение их земельными участками во Фракии и Мизии обязывались помогать ему своими войсками. С их помощью Феодосий после умер-

Феодосий.
С античной монеты.

швления Валентиниана II (в 392 году), победил при Аквилее появившихся на западе искателей императорского престола, слабого ротора Евгения и храброго франка Арбогаста, и затем сделался единовластителем всей Римской империи (в 394 году). По утверждении своем на императорском престоле Феодосий издал самые строгие постановления с целью окончательного искоренения язычества. Капища были закрыты и большей частью разрушены, жертвоприношения богам отменены, последователи древней языческой религии объявлены преступниками и беспощадно преследуемы.

Тем не менее смертельная борьба с язычеством продолжалась еще целое столетие. Теперь преследуемые обратились в преследователей. Таким образом положение вещей совершенно изменилось. Как велики были в это время значение христианской церкви и могущество епископов, выразилось поразительным образом при следующем случае. Будучи раздражен за убийство в Фессалониках императорского военачальника и некоторых других должностных лиц, Феодосий под предлогом приглашения на игры приказал собрать в цирк 7000 жителей этого города, окружить их солдатами и всех изрубить. Когда некоторое время спустя император пожелал войти в одну из церквей Милана, то к нему навстречу вышел епископ Амвросий и воспретил входить в церковь, так как руки его были обгажены кровью. В благородном смирении склонился Феодосий перед приговором епископа и наложил на себя восьмимесячное церковное покаяние.

2. Продолжение разделения Римской империи.

Гонорий и Аркадий. Стилихон и Аларих.

Вестготское государство

Перед своей кончиной Феодосий разделил Римскую империю между двумя своими сыновьями Аркадием и Гонорием, причем первому из них достался Восток (называвшийся также Греческой или Византийской империей), а последнему — Запад (Западно-Римская империя). С этого времени обе империи навсегда остались между собой разделенными. В качестве опекунов и руководителей политической находились: при 18-летнем Аркадии честолюбивый и корыстолюбивый галл Руфин, а при 11-летнем Гонории — опытный, благоразумный и храбрый вандал Стилихон. В скором времени Руфин своим корыстолюбием навлек на себя всеобщую ненависть и, по всем вероятностям, по поручению Стилихона был умерщвлен предводителем находившихся в римской службе готов, Гайной. Но Стилихон ошибался, считая себя настолько сильным, что надеялся захватить в свои руки и управление Восточной империей. При Аркадии появился уже новый любимец, обер-камергер Евтропий, который сумел снискать его расположение и питал к Стилихону самые неприязненные чувства. Вследствие таких взаимных враждебных отношений Стилихон и Ев-

ропий вместо того, чтобы, ввиду общей опасности, которою угрожали варвары, помогать друг другу, только злорадствовали или оставались равнодушными, когда один из них находился в затруднении и крайности и даже каждый из них подстрекал варваров к вторжению в государство своего соседа.

Когда Аркадий перестал выплачивать вестготам обещанное им ежегодное денежное вознаграждение, то они под предводительством своего короля Алариха выступили из равнин Мизии и Фракии, которые

Гонорий.
С античной монеты.

были совершенно истощены постоянными войнами, и двинулись далее на юг, в греческие области. Не встречая ни малейшего сопротивления, вестготы, опустошая все огнем и мечом на пути своем, дошли до Афин. Этому городу удалось получить пощаду лишь благодаря огромному денежному выкупу. Затем вестготы проникли через

Аркадий.
С античной монеты.

Истм в Пелопоннес. Коринф, Аргос и Спарта были разрушены, все следы цивилизации были уничтожены дикими воинами. Тогда Стилихон поспешил с флотом в Грецию. Он высадился со своим войском близ Коринфа, пошел за Аларихом и настиг его в окрестностях крепости Олимпии. Стилихону удалось уже окружить короля варваров, когда Алариху, заметившему небрежность своего противника, удалось неожиданным нападением прорвать неприятельские линии и тем открыть себе путь к отступлению в Эпир.

Здесь нарушитель мира был поражен изумлением, получив известие, что византийский двор провозгласил его *dux Illiriae*, то есть верховным правителем Иллирии. Так далеко зашли советники слабого Аркадия в своей слепой мстительности к ненавистному им Стилихону. Аларих понял этот намек и решил тотчас же обратить свое оружие против Италии. Но Стилихон, войско которого состояло также большей частью из варваров, разбил Алариха при Полленции, а затем и при Вероне (в 403 году). Аларих отступил в Иллирию. Немошный духом и телом Гонорий, чтобы навсегда обезопасить себя от нападений варваров, перенес свою резиденцию из Милана в сильно укрепленную Равенну и влачил здесь свои дни в печальной бездеятельности, между тем как в это время Стилихон успешно отражал возобновившиеся

Аларих.
С камеи.

вторжения германских полчищ. Бургунды, свебы, аланы и вандалы под предводительством короля Радагаиса (Ратигер), в числе около 200 000 человек, вторглись через Тирольские Альпы в Верхнюю Италию и Этрурию (в 405 году). Смерть, грабежи и опустошение обозначали их путь. Но их дальнейшее победоносное наступление остановилось пред крепостью Флоренцией. Все старания их овладеть крепкими стенами этого города оказались безуспешными.

Между тем явился Стилихон и рассеял дикие орды при Фезуле (в 406 году). Радагаис был взят в плен и казнен; отряд его телохранителей, состоявший из 12 000 отборных воинов, перешел на службу к Стилихону. Остатки войска Радагаиса бежали назад через Альпийские проходы на Рейн, разрушили города Вормс, Шпейер, Страсбург, Базель, вторгнулись в Галлию и прошли ее, страшно опустошая все на пути своем. Таким образом Галлия была для римлян почти совершенно потеряна. То же самое случилось и с Испанией. Дикие полчища германцев овладели Пиренейскими проходами, вторгнулись в богато одаренные равнины Испании и внесли и в нее смерть, пожары и опустошение. Затем германцы уселись на постоянное жительство в обезлюженной стране. Свебы поселились в нынешней Галиции, аланы — в Португалии, вандалы — в Андалузии (Вандалиция). Бургунды поселились на верхнем Рейне и в Восточной Галлии, обратили Вормс в свою столицу и распространили свое государство до Средиземного моря.

Стилихон не был в состоянии предотвратить потерю обеих провинций. Он был всецело поглощен заботами об охранении Италии и об обеспечении своего собственного положения, которое благодаря проискам его завистников, в особенности Олимпия и Сара, было крайне затруднительно. Он заключил с Аларихом договор, которым было постановлено, что король готов взамен дани в 4000 фунтов золота и достоинства префекта империи обязывается помогать Стилихону или, по крайней мере, соблюдать нейтралитет при ниспровержении с престола семилетнего Феодосия II, который в 408 году наследовал своему бессильному отцу, Аркадию.

По случаю этого договора придворные Гонория заподозрили Стилихона в желании его с помощью Алариха доставить своему сыну Евхерию императорский престол. Вследствие этого Гонорий, сделавшись недоверчивым, приказал умертвить в Павии своего способнейшего министра и полководца Стилихона со всеми его приверженцами и друзьями и отказался от уплаты ежегодной дани Алариху. Тогда Аларих явился пред Римом (в 408 году) и окружил его. Съестные припасы из-за многочисленности населения вскоре истощились, и так как всякая надежда на спасение была потеряна, то горькая нужда принудила вступить в переговоры. Чтобы склонить готского короля к смягчению его требований, отправленное к Алариху для ведения с ним переговоров римское посольство старалось подействовать на короля угрозами и обратит его внимание на огромное и опытное в военном деле население

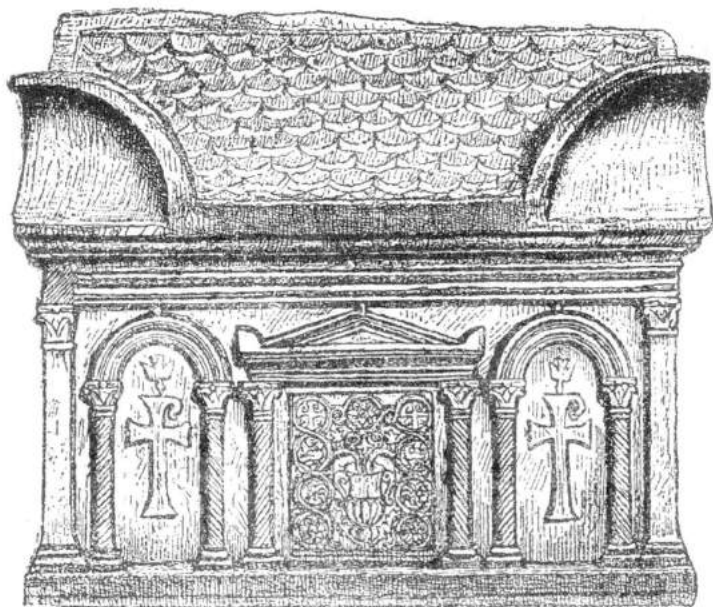
столицы. Но гот с язвительной насмешкой возразил: «Чем гуще трава, тем легче косить ее». Аларих соглашался снять осаду лишь в том случае, если ему выплатят 5000 фунтов золота и 30 000 фунтов серебра, выдают все драгоценные одежды и товары и всех рабов германского происхождения. Когда же послы спросили: «Что же ты хочешь затем нам оставить!», Аларих отвечал: «Жизнь».

После того, как эти требования были исполнены, Аларих отступил в равнины Тосканы и вступил в переговоры с равеннским двором. Но Гонорий под влиянием Олимпия отверг все предложения Алариха. Тогда Аларих вторично явился пред Римом и провозгласил городского префекта Аттала императором. Но когда и это не подействовало, Аларих взяв приступом Рим и предал его разграблению (в 410 году). Все произведения искусства были уничтожены в необузданном опьянении грубыми варварами, при этом, однако, Аларих пощадил церкви и священную утварь. После пятидневного неистовства готское войско, обремененное богатой добычей, выступило в Кампанию. Там Аларих умер 34 лет от роду и был погребен на дне реки Бузентины близ Козенцы. Для того, чтобы никто не мог узнать места последнего упокоения героя, пленные, которые отводили реку и рыли могилу, были убиты.

Свойственник Алариха А т а у л ь ф, наследовав его королевскую власть, за обещание руки Пластидии, прекрасной сестры Гонория, возобновил переговоры с равеннским двором. За возведение в достоинство римского главного военачальника Атаульф обязывался вновь завоевать Галлию для императора. С этой целью он вступил с своими готами в южную Галлию, завоевал всю страну между Роной и Пиренеями, отпраздновал в 414 году в Нарбонне свою свадьбу с Пластидией, перешел затем Пиренеи и покорил также северо-восточную Испанию. В Барселоне Атаульф был умерщвлен (в 415 году) Дубием, прежним союзником Сара. Теперь во главе вестготов стал В а л л и я (415—419). Он прошел Испанию до южных берегов, но очутился здесь в весьма затруднительном положении вследствие недостатка в жизненных припасах. В это время против Валлии выступил со значительным войском полководец Гонория К о н с т а н ц и й. Вследствие этого Валлия согласился на договор с Гонорием и вступил в римскую службу. Сделавшись римским

*Пластидия.
С двухстворчатого складня
из слоновой кости в Монце.*

*Саркофаг Атаульфа.
В церкви Св. Лаврентия в Милане.*

военачальником, Валлия успешно воевал с поселившимися в Испании германскими народами и подчинил римской власти почти весь полуостров. В награду за это Валлия получил провинцию Аквитанию между Гаронной и Лоарой вплоть до берегов Средиземного моря. Преемник Валлии Теодорих сделал Толозу (Тулуза) своей резиденцией.

3. Вандальское государство при Гейзерихе. Англосаксы в Британии. Атилла

Гонорий умер от водянки в 423 году. Сестра его, Плацидия, вышедшая после смерти Атаульфа вторично замуж за полководца Констанция и родившая ему двух детей: Гонорию и Валентиниана, предъявила теперь права на престол Западной Римской империи в пользу своего сына Валентиниана. По устранении тайного секретаря Иоанна, который овладел было престолом на некоторое время, сын Плацидии вступил на императорский престол под именем Валентиниана III (425—455). Во время его несовершеннолетия государством правила Плацидия при помощи своего любимца Аэция. Этот коварный и хитрый царедворец оклеветал наместника Африки Бонифация, которому он завидовал за его богатую провинцию, будто тот замышляет заговор, и благодаря этому добился его отзыва. В то же

самое время Аэций под видом дружбы предостерегал Бонифация о мнимых преследованиях, которые будто бы подготовил ему императорский двор. Бонифаций дался в обман и, чтобы предупредить угрожающую опасность, возстал и вызвал к себе на помощь из Испании вандалов. Они явились под предводительством своего короля Гейзериха, но не в качестве союзников, а как завоеватели (в 429 году). Вандалы предались разрушению городов, опустошениям и убийствам. Хотя Бонифаций и выступил против них, но был два раза разбит в открытом сражении и принужден искать спасения в крепости Гиппо Регии¹. В течение 14 месяцев защищал Бонифаций этот город, а затем отплыл с остатками жителей и отдался во власть Платидии. Платидия, которая между тем узнала о вероломных действиях Аэция, благосклонно приняла Бонифация. Теперь Бонифаций выступил против Аэция и хотя победил его, но сам был смертельно ранен (в 431 году). Аэций бежал к королю гуннов, Ругиле.

Вандалы основали в Северной Африке государство со столицей Карфагеном. Отсюда они завоевали часть Сицилии и Балеарские острова, подчинили своей власти северные берега Африки от Триполи до Гибралтарского пролива и, сделавшись морскими разбойниками, беспокоили почти все Средиземное море до тех пор, пока полководец восточного римского императора Юстиниана I Велизарий не нанес им такое решительное и окончательное поражение (в 534 году), что даже само имя «вандалы» исчезло со страниц истории.

Во время смут последних столетий Британия была почти совсем оставлена римскими войсками и порвала всякую связь с римским государством. Таким беспомощным положением бриттов воспользовались дикие обитатели Каледонии, пикты и скотты, для своих разбой-

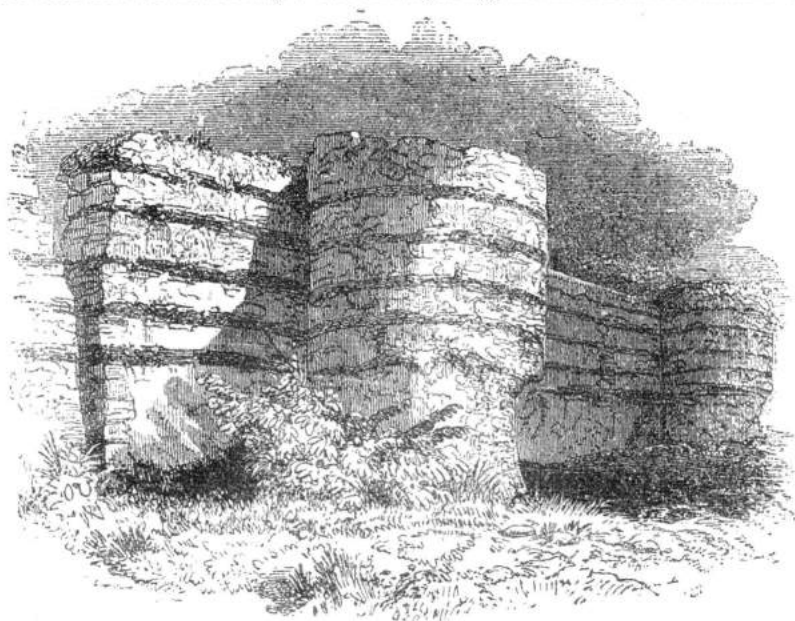

Аэций.

С двухстворчатого складня из слоновой кости в Монце.

¹ Во время осады умер знаменитый епископ и отец церкви. Августин (в 431 году). После бурно проведенной молодости он исправился благодаря влиянию своей благородной и благочестивой матери Моник. Особенно прославился его спор с британским монахом Пелагием, который отвергал первородный грех и вместе с тем проповедовал, что всякий человек, будучи по природе непорочным, в состоянии выбирать между добром и злом. Со своей стороны, Августин в учении о неисповедимом произволении Божиим (по понятию апостола Павла в Послании его к римлянам, гл. I—II) заходил так далеко, что доказывал предопределение (неизменное предназначение) человека на вечное блаженство или осуждение.

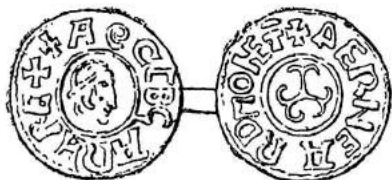
нических вторжений. Пограничный вал представлял недостаточную защиту, почему князь бриттов Бортигерн призвал к себе на помощь англов и саксов, которые до того времени также совершали хищнические набеги на южную часть острова, рассчитывая тем самым из-

Римский пограничный вал в Британии.

бавиться хотя от одного из этих противников. На помощь к Бортигерну перешли саксы, англы, юты и фризы и, по свидетельству преданий, под предводительством Хенгиста и Хорзы, отбросили каледонцев, но в качестве завоевателей сами овладели страной и основали Хептархию, то есть семь маленьких королевств: Кент, Сассекс, Вессекс, Эссекс, Нортумберланд, Остангельн, Мерсию (в 449 году). Часть туземных жителей в горах Валлиса и Корнваллиса в течение нескольких столетий все еще продолжали отстаивать свою независимость. Многие бежали на населенный уже с давних времен бриттами гальский полуостров Арморикю, который с этих пор стал называться «Бретанью», то есть Малой Британией. Король Вессекса Эгберт соединил (в 827 году) семь королевств в одно и впервые начал именоваться королем страны англов (Англии).

В своем переселении на запад гунны остановились на равнинах нижнего Дуная и Тейсы. Король Аттила соединил под своим

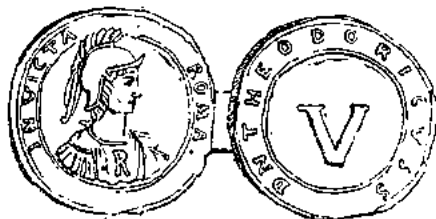

Монета короля Эгберта.

скипетром все гуннские племена и покорил также окрестные народы: гепидов, лонгобардов, аваров, остготов, херулов, ругиев, турнилингов. Таким образом государство Атиллы распространялось от Дуная до Волги. «Когда он воткнул свой меч в землю, — говорит один древний историк, — то задрожали 100 народов и сами Рим и Константинополь содрогнулись в своем основании». Сам Атила называл себя «Годегизилем», то есть Бичом Божиим; в древнегерманских героических сказаниях (например в песне о Нибелунгах) он называется Этцелем (т. е. бич) Атила был маленького роста, имел большую голову, впалые глаза, смотревшие гордо, широкую грудь, обладал большой телесной силой; осанка и походка его были повелительны. Беспощадный с врагами, он был милостив по отношению покорявшихся ему и просивших его о помощи. Образ жизни Атиллы был самый простой. Во время пиров гостям подавали золотую и серебряную посуду; сам же он ел на деревянной. В мирное время, сидя перед своим деревянным дворцом на обширном дворе, Атила беспристрастно творил суд и расправу, а на войне сам водил в бой свои народы.

Император Восточно-Римской империи Феодосий II купил своему государству перемирие тем, что назначил короля гуннов римским полководцем и обязался выплачивать ему ежегодную дань в количестве 350 фунтов золота. Равеннский двор выказал меньшую покор-

ность. Валентиниан III возлагал свои надежды на воинский талант вновь вошедшего в милость Аэция и на помощь вестготов и аланов. Раздраженный отказом в своих требованиях и подстрекаемый вандалским королем Гейзерихом, который опасался мшнения вестготского короля

Монета Теодориха.

Теодориха, Атила решил вторгнуться в западноримские провинции. Во главе 700 000 человек Атила перешел через Дунай, направился вдоль Рейна и разрушил Вормс, столицу бургундов, Шпейер, Стасбург, Трир, Мец и Аррас. Он уже угрожал Генабуму (Орлеан), когда к нему навстречу выступили Аэций и Теодорих во главе сильного войска, составленного из римлян, вестготов, бургундов, аланов и салических франков. Тогда Атила снял осаду Генабума и отступил к Шалону на Марне. На Каталаунских полях близ Шалона (точнее при Мюрее, в окрестностях Труа) Аэций и Теодорих бросились на короля гуннов и после страшной борьбы нанесли ему решительное поражение (в 451 году). Атила отступил через Рейн в Паннонию. Отсюда он возобновил свои требования и в особенности настаивал на выдаче ему Гонории, сестры Валентиниана, которая, будучи заключена в монастырь, тайно предлагала ему свою руку вместе с назначенными ей в приданое провинциями. Когда требования Атиллы

вновь были отвергнуты, он направился в Верхнюю Италию и взял приступом Аквиллею, Верону, Кремону и Милан. Устрашенные жители Венеции бежали на острова (лагуны) Адриатического моря близ устья Эча, поселились на них и тем положили основание позднейшему городу на островах, В е н е ц и и.

Валентиниан покинул Равенну и бежал в Рим. Аттила разбил свой стан на берегах реки Минчио и Гардского озера и уже замыслил идти на вечный город, как вдруг он неожиданно отступил назад. По рассказам одних, римское посольство с епископом Львом I во главе убедило его к отступлению своими представлениями и огромным денежным выкупом. Гораздо правдоподобнее следует предположить, что свойственные этой болотистой местности заразительные болезни произвели сильное опустошение в рядах многочисленной конницы Атиллы, и это обстоятельство могло привести его к благоразумному решению обратиться против вновь наступавшего на него Аэция. Принудив вступить с собою в брак прекрасную Ильдику, дочь одного из разбитых им бургундских королей, Аттила умер в день своей свадьбы, по показаниям одних, от кровотечения, а по показаниям других, от руки своей собственной супруги, которая желала отомстить за позор, нанесенный ей и ее народу. Со смертью Атиллы распалось и царство гуннов. Отдельные племена, которые были соединены лишь его личной властью, сделались теперь независимыми. Г е п и д ы под предводительством Ардариха, поселились в Дакии, остготы под предводительством отважных братьев Валамира, Феодомира и Видемира — в Паннонии; западнее от них водворились ругии и херулы, а в нынешней Моравии и Силезии — лонгобарды. Остатки гуннов отступили к Волге и потерялись здесь среди кочующих племен.

4. Окончательное падение Западной Римской империи.

Ромул Августул. Одоакр

(476 г.)

Мужественного Аэция, спасителя столь сильно угрожаемой Западной империи, постигла участь Стилихона. Злонамеренный любимец Ираклий возбудил в императоре Валентиниане подозрения, будто Аэций стремится завладеть короной, и император заколол его своей собственной рукой. Но и сам Валентиниан по наущению сенатора Петрония Максима, жену которого он обесчестил, пал под ударами кинжалов двух слуг Аэция. Теперь императором был провозглашен П е т р о н и й М а к с и м (в 455 году). Когда Петроний Максим принудил Е в д о к с и ю, вдову Валентиниана, вступить с ним в брак, то Евдоксия, чтобы отомстить за себя, призвала к себе на помощь вандалов. Гейзерих явился с флотом в Остию, овладел Римом и, не тронувшись просьбами епископа Льва, в течение четырнадцати дней предавался там грабежу и опустошениям. Между тем Максим был умерщвлен

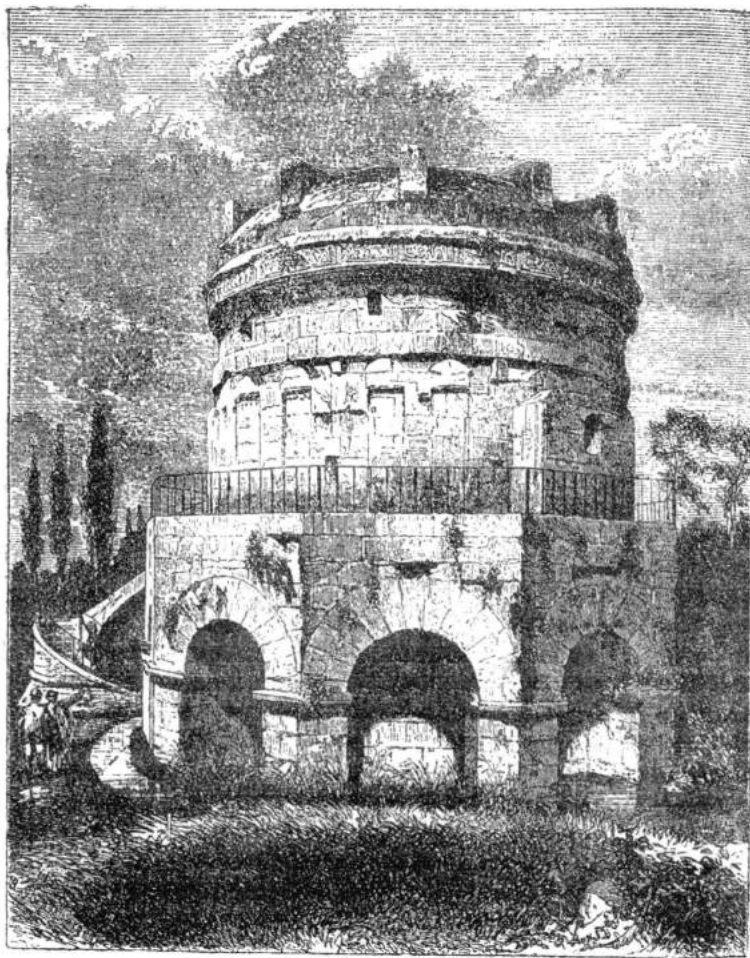
черню. Затем, уводя с собой несколько тысяч благородных римлян и римлянок, в числе которых находилась и сама Евдоксия с двумя дочерьми, Евдоксией и Плацидией, и отягченные богатыми сокровищами, вандалы вернулись в Африку. Что касается Рима, то он был предоставлен ими своей судьбе.

После кратковременного правления галльского вельможи **А в и т а** (455—456) власть в Риме захватил в свои руки храбрый и хитрый верховный полководец германских наемных войск **Р и ц и м е р**. Он возводил на престол одного императора за другим по своему произволу. По его собственному приказанию был умерщвлен солдатами вошедший на императорский престол его тесть **А н ф и м и й** (467—472). Но сорок дней спустя умер от заразной болезни и сам могущественный свев. После трехлетних смут **Рицимеру** наследовал паннонский главный военачальник **О р е с т** и, захватив власть в свои руки, передал предложенное ему императорское достоинство своему сыну, **Р о м у л у** **Августулу** **М о м и л л у** (475—476). Когда **Ромул Августул** отверг настойчивые требования германских наемников об увеличении им жалованья и уступки им третьей части Италии, то они возмутились под предводительством **О д о а к р а** (**Одовакар**), верховного полководца херулов и ругиев. Они осадили **Ореста** в **Павии**, овладели городом и убили **Ореста**. Затем мятежники направились к **Равенне**. **Ромул Августул**, не пытаясь сопротивляться, отрекся от престола, за что и получил для постоянного жительства прелестную виллу у гавани **Байи**, в которой некогда жил **Л у к у л л**, и ежегодное содержание в 3600 рублей золотом. **Одоакр** по соглашению с восточно-римским императором **Зеноном**, который выговорил себе исключительное право называться «**Августом**», принял титул **п а т р и ц и я**. Соблюдая лишь формальную подчиненность **Зенону**, **Одоакр** в действительности управлял итальянской епархией совершенно самостоятельно, как король (476—493).

Таким образом, благодаря германским племенам совершилось окончательное падение Западной Римской империи. Что же касается Восточно-Римской (**Византийской**, или **Греческой**) империи, то она просуществовала до 1453 года и в этом году пала под ударами турок.

5. Остготы в Италии. **Теодорих Великий.** **Велизарий и Нарзее** (489—555 гг.)

После тринадцатилетнего благоразумного и справедливого управления Италией **Одоакр** был вытеснен более сильным завоевателем. Когда **Одоакр** вознамерился распространить свою власть на Восток и уже завоевал только что основанное между Дунаем и Савой государство ругиев во время правления короля их **Фелефея**, то сын взятого в плен короля, **Фридрих**, призвал на помощь остготов, живших в **Паннонии**. Король остготов **Теодорих** охотно принял это приглаше-

Надгробный памятник Теодориха в Равенне.

ние, а византийский император Зенон, границам которого непрерывно угрожал этот воинственный народ, был рад избавиться от такого опасного соседа и, сверх того, втайне надеялся, с унижением самовольно распоряжавшегося Одоакра, снова восстановить в Италии свою собственную власть. Таким образом остготы с женами и детьми вступили в области реки По. Одоакр поспешил остготам навстречу, но был разбит в трех сражениях на Сонци и (Изонцо), на Атезисе (Эч) и на Адде и вынужден был отступить в крепкую Равенну. Почти три года защищал Одоакр этот город, пока голод не принудил его к сдаче. Одоакр покорился и несколько дней спустя был умерщвлен Теодорихом собственноручно во время одного пира (в 493 году).

Хотя византийский император Анастасий и признал Теодориха «королем Италии», но намерен был непременно сохранить свою верховную власть над Италией. Само собою разумеется, что остгот весьма мало заботился об этой формальной зависимости от византийского двора и действовал совершенно по собственному своему произволу. Из своих столиц, Равенны и Вероны¹ Теодорих, кроме Италии и Сицилии, повелевал Иллирией, Далмацией, Рецией и Норикой, Паннонией, а впоследствии и Провансом. В его 33-летнее правление Италия, совершенно истощенная продолжительной и бурной грозой, вновь пришла в цветущее состояние. Разрушенные города были вновь отстроены, земледелие, торговля и ремесла, науки и искусства вновь были призваны к жизни. Было введено благоустроенное управление, водворилось правосудие. Всеобщая безопасность настолько упрочилась, что говорили, будто в Италии можно было без всякого опасения оставлять свой кошелек в поле. Однако Теодориху не удалось слить остготов и римлян в одно общее, тесно сплоченное государство. Римляне не могли примириться с мыслью находиться под управлением варваров, которые присвоили себе исключительное право владеть оружием, а им предоставили роль беззащитных любимцев. Точно также образовалось различие в языке, нравах, местном и привнесённом праве; главным же образом непреодолимую преграду между обеими народностями составляла религия. Остготы были ариане, а римляне исповедывали католическое учение. Вследствие этого самому Теодориху приходилось испытывать различные недоброжелательства от византийского двора, который действовал под влиянием местного итальянского духовенства. Вследствие возникших по этим причинам несогласий Теодорих по одному лишь пустому подозрению на двух благородных ученых римлян, сенаторов Боефия и Симмаха, в том, что они находились в предательской переписке с византийским императором Юстином I (518—527) приказал казнить их и пролитием неповинной крови запятнал свое достославное правление.

Теодорих оставил Остготское государство своему внуку семилетнему Аталариху, сыну своей дочери Амалазунты. После преждевременной смерти Аталариха умная и высокообразованная Амалазунта вышла замуж за своего двоюродного брата Теодата, но только с тем условием, чтобы он удовольствовался одним королевским титулом, а самое королевскую власть предоставил бы ей. Но Теодат несколько недель спустя отделался убийством от Амалазунты, которая обращалась с презрением с своим слабым и бесчестным супругом. Под предлогом отомщения за это злодеяние Юстиниан I, преемник Юстина, послал своего полководца Велизария, разрушителя Вandalьского царства, завоевать для византий-

¹ Отсюда происходит его название в древнегерманских преданиях — Дитерих Вёрнский.

ского двора и Италию (в 536 году). Велизарий явился в Италию лишь с 7000 человек, покорил всю Сицилию и овладел всеми городами Нижней Италии. Готы, раздраженные бездеятельностью и неспособностью Теодата, умертвили его и провозгласили королем храброго Витигеса.

В то время как Витигес выжидал в Равенне прибытия новых войск из Галлии и Дунайских областей, Велизарий направился на Рим, занятый 4000 готов. Рим отворил Велизарию свои ворота, так как принадлежавшие к католическому исповеданию жители города ненавидели готов-ариян. Витигес в свою очередь подступил к Риму, но после годичной осады должен был отступить, и с помощью 10 000 бургундов завоевал Милан. Велизарий своей храбростью и воинским талантом внушил к себе такое уважение готам, что они предложили ему королевскую корону. Велизарий притворно на это согласился, вследствие чего готы отворили ему ворота Равенны. При этом Витигес попал пленным в руки Велизария. Но среди своего победного шествия Велизарий был отозван вследствие зависти злонамеренных царедворцев, окружавших императора (в 540 году). Велизарий повиновался. Его отправили против новоперсов, которые под предводительством Козру Нусгирвана угрожали на Евфрате границам империи. Но когда готы под предводительством своего короля Тотилы вновь завоевали почти всю Италию, в то время как неспособные византийские полководцы Иоанн, Бесс, Цустин и Киприан отступили в крепости, то Юстиниан вторично послал в Италию Велизария (544—545), но на этот раз дал ему так мало войска и денег, что Велизарий не был в состоянии предпринять против Тотилы каких либо решительных действий. Хотя Велизарий и занял снова Рим, но не мог отважиться на открытое сражение. Тогда он просил о своем отзыве. На место Велизария заступил любимец императора Нарзес, который по своим воинским дарованиям равнялся Велизария, но далеко превосходил его в политическом искусстве. С значительным отборным войском, состоявшим из лангобардов, херулов и персов, и кроме того снабженный богатыми денежными средствами, Нарзес явился в Италию. При Тагине (между Анконой и Перуджией) он разбил короля Тотилу (в 552 году). Тотила пал, и его преемник Тей был также убит в кровопролитном сражении при Везувии (в 553 г.). Спасшиеся от поражения 7000 человек целый год держались еще в горном замке Кампсе, в Саниниуме. Затем готы сдались на условии, что им будет пошажена жизнь. Нарзес приказал отправить их в Константинополь.

На Волтурне Нарзес разбил спешивших к остготам на помощь алеманнских герцогов Лейтара и Вуцеллина (в 554 году); здесь было уничтожено 7000 алеманнов и франков. В течение двадцати лет оказывали остготы геройское сопротивление. Италия, цветущее состояние которой за это время было совершенно уничтожено, сделалась теперь византийской провинцией, и Нарзес был назначен экзархом (наместником); своей резиденцией он избрал Равенну.

6. Албоин. Лангобардское королевство (568—774 гг. после Р. Х.)

В течение тринадцати лет Нарзес управлял Италией со свойственными ему твердостью и благоразумием. Между тем его покровитель Юстиниан I, при котором Византийская империя переживала самую блестящую эпоху своего существования, (525—567) умер. При новом дворе первенствующее значение получила императрица София, супруга Юстина II. Жалобы и, без сомнения, небезосновательные, на корыстолюбие Нарзеса были приняты ею с доверием. Она убедила своего супруга отозвать лично несимпатичного ей экарха и, как рассказывают, приказала словесно передать тщедушному телом Нарзесу, что теперь ему следует снова вернуться в девичью к прялке, а военное дело предоставить мужчинам. На это Нарзес возразил, что он спрядет императрице такую нитку, которую она не сможет размотать во всю свою жизнь. Он поспешно послал лонгобардам, жившим в то время в Паннонии, приглашение переселиться из их бедной страны в благословенную Италию. Лонгобарды первоначально жили на средней Эльбе, затем переселились в Моравию, а по уходе остготов завладели Паннонией. Отсюда в союзе с обитавшими на нижнем Дунае аварами, разбойническим народом монгольского происхождения, лонгобарды вели борьбу с воинственным народом, гепидами, которые жили в нынешней Семиградии и Венгрии. Многолетние распри эти закончились решительным сражением, в котором король гепидов Кунимунд был убит вместе с храбрейшими своими воинами. В награду за свое содействие авары получили в свое владение плодородные земли по обоим берегам Тейсы и Дуная вплоть до Виндобоны (Вена).

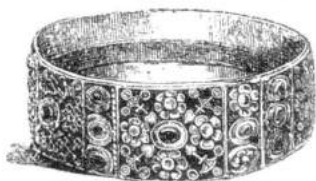
Король лонгобардов Албоин охотно последовал приглашению Нарзеса. С женами и детьми, с рогатым скотом и со всем домашним имуществом лонгобарды переправились через Юлийские Альпы и вторглись в Верхнюю Италию. Forum Julii (ныне Фриауль), Аквилея, Верона и Милан достались в их

руки без малейшего вооруженного сопротивления. Некоторые отдельные отряды лонгобардов победоносно проникли до Неаполя, Капуи и Тарента. Главная же часть войска была задержана осадой Павии. Этот сильно укрепленный город сопротивлялся целых три года, но наконец вынужден был к сдаче голодом. В безмолвном отчаянии ожидали жи-

*Лонгобарды.
Воин. Король.*

тели своей участи, так как Албоин поклялся не пощадить ни пола, ни возраста. Но когда при въезде лошадь Албоина споткнулась и сбросила его, то один из окружавших его священников объяснил это падение, как знамение, которым Бог хотел указать свой гнев Албоину за его клятву. Это объяснение так подействовало на короля, что он оказал пощаду. Теперь П а в и я была возведена в столицу Л о н г о б а р д с к о г о к о р о л е в с т в а, которое обнимало собой Верхнюю Италию и Тоскану, герцогства Сполето и Веневет в Средней и Южной Италии и герцогство Фриауль в Восточной. За византийцами остались Равеннский экзархат, герцогство Рим, береговая полоса от устья По до Анконы, Генуя с окрестностями и острова Сицилия, Сардиния и Корсика. С местными жителями лонгобарды поступили не так кротко, как то сделали остготы. Многочисленные лонгобардские герцоги силой завладели земельными угодьями, и, кроме того, побежденные обязаны были отдавать лонгобардам третью часть своей жатвы.

Железная корона.

Но в скором времени был положен конец правлению Албоина. Он погиб от руки убийцы. Во время одной попойки Албоин заставил свою супругу Р о з а м у н д у, дочь короля гепидов Кунимунда, пить из кубка, сделанного по его приказанию и по скифскому обычаю из черепа ее отца. Розамунда, войдя в соглашение с Хельмигом, шитоносцем короля, приказала одному сильному во-

ину Передею умертвить Албоина во время послеобеденного сна. Однако Розамунда и Хельмиг должны были бежать от мщения раздраженных лонгобардов. Они бежали в Равенну и нашли приют у тамошнего византийского экзарха, Флавия Лонгина. Когда Флавий Лонгин стал помогать руке Розамунды, то она подала своему любовнику Хельмигу яд. Но Хельмиг тотчас же почувствовал действие питья и имел еще настолько силы, что, обнажив меч, силой принудил злодейку выпить остаток яда.

Из преемников Албоина следует еще упомянуть о жестоком К л е ф е (572—573) и благородном О т а р е (584—590). Супруга последнего Теодолинда, байоварская¹ принцесса, после преждевременной смерти Отара отдала свою руку одному из лонгобардских герцогов, Агилульфу Туринскому (в 591 году). Будучи последовательницей учения Афанасия, Теодолинда старалась отклонить лонгобардов от арианства, чего ей и удалось достигнуть. Она построила собор в Монце, в котором с этих пор хранилась «железная корона» лонгобардских королей².

Лонгобардское королевство существовало до 774 года; в этом году последний его король, Дезидерий, был низвергнут с престола франкским королем Карлом Великим.

¹ Байовары (баварцы) состояли из маркоманнов, готов и лонгобардов и жили между Лехом и Энном.

² Корона эта в действительности была золотая, но с внутренней стороны была скреплена железным кольцом, сделанным, по преданию, из одного из гвоздей, которыми был пригвожден к кресту Иисус Христос.

III

НАЧАЛО СРЕДНИХ ВЕКОВ. ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРИ МЕРОВИНГАХ И КАРОЛИНГАХ. МАГОМЕТ

(481—911)

1. Франкское государство. Хлодвиг и Меровинги

(481—762)

Часть прежней римской провинции Галлии, страну между Сеной, Маасом и Луарой, после падения Западной Римской империи удержал за собой наместник Сиагриий и занял в ней совершенно независимое положение. Чтобы низвергнуть его, восстали салические франки, обитавшие между Маасом, Шельдой и Соммой. Во главе их стал король Хлодвиг, из легендарного рода Меровея, родоначальника названных по его имени Меровингов¹. Сиагриий был побежден при Соассоне (Suessiones) и казнен после того, как был выдан вестготским королем Аларихом II, не желавшим ссориться с опасным соседом. После этого франки обратили в свою собственность всю страну до Лоары (Лигер), которая составляла пограничную черту с вестготами. Затем Хлодвиг обратил свои жадные взоры на плодородные равнины Бургундского королевства. Для того, чтобы получить предлог вмешаться в тамошние распри, он потребовал себе в супруги племянницу короля Гундобальда Клотильду, отца которой, Гильпериха, убил Гундобальд. Клотильда вышла замуж за Хлодвига и ее пламеннейшим желанием было обратить своего супруга в христианство, но все ее усилия не имели успеха.

В это время воинственные алеманны, обитавшие по обоим берегам верхнего и среднего Рейна вплоть до самого Леха, напали на рипуарского короля Зигберта. Зигберт обратился за помощью к Хлодвигу. Во главе всего франкского войска выступил Хлодвиг против алеманнов. При Цюльпихе (Тольбиак), на юго-запад от Кельна, а по мнению новейших историков, еще южнее, произошло сражение. Столкновение было ужасно. Находясь в таком затруднительном положении, Хлодвиг дал обет сделаться христианином, если Бог христиан поможет ему одержать победу. Под конец битвы Хлодвигу удалось одержать перевес, и он обратил неприятельские полчища в бегство. Северная часть Алеманнии от реки Ремса до Майна была уступлена франкам для посе-

¹ По мнению других, меровинги означают «приморских жителей»; Хлодвиг (Хлодовех) = Людовик.

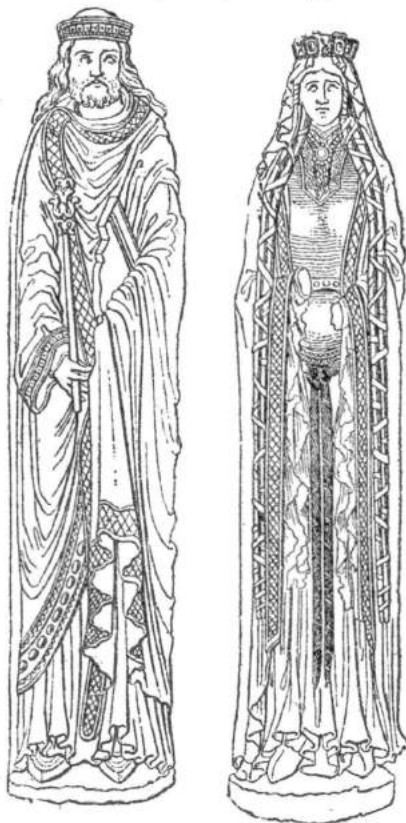
ления; из числа прежних местных жителей многие выселились в Норик; юго-восточная же часть Алеманнии избежала франкского владычества лишь благодаря тому, что отдалась под защиту остготского короля Теодориха. Возвратившись в Ремс (Remi), Хлодвиг с 3000 своих союзников и со своей сестрой Авдофледой принял крещение от епископа Ремигия. Купель, в которую Хлодвиг во время обряда крещения три

раза погружался, еще и в настоящее время показывают в кафедральном соборе в Реймсе.

Тогдашний папа Анастасий выказал свою радость франкскому королю по случаю обращения его в христианство и назвал его «христианнейшим» королем, тем более, что он был крещен по католическому исповеданию, к которому принадлежала и Клотильда, между тем как почти все остальные князья Запада были арианами. С этих пор все римское население Галлии перешло на сторону Хлодвиг и всегда относилось враждебно к арианским бургундам и вестготам. Впрочем Хлодвиг по-прежнему остался грубым и жестоким варваром и для удовлетворения своего властолюбия не отступал ни перед какими постыдными средствами, не только перед лицемерием и коварством, но даже и перед убийством.

Покорив своей власти бриттов в Арморике (Бретань), Хлодвиг выступил против Гундобальда и разбил его при Дижоне (в 500 году) благодаря тому, что в этом сражении Гундобальда покинул

на произвол судьбы его вероломный брат Годегизель. Гундобальд бежал в Авиньон. Здесь он храбро защищался против Хлодвиг и только утомил его, что ценой дани купил себе мир. Но лишь только Хлодвиг удалился, как Гундобальд напал на вероломного Годегизеля и убил его в одной церкви в Виенне, в которой тот искал спасения. С этих пор Гундобальд правил из Лугдунума (Лион) бургундским королевством до своей смерти (в 516 году); Хлодвиг же перенес свою резиденцию в Лютетию (Париж).

*Хлодвиг и его супруга Клотильда.
Статуи у входных дверей церкви
в Корбейле.*

Но честолюбие и властолюбие Хлодвига не могли быть вполне удовлетворены, пока вестготы владели югом Галлии. Однажды он обратился к собранию франков со следующим лицемерным предложением: «Мне крайне досадно, что эти еретики (ариане) владеют прекраснейшей частью Галлии. Пойдем на них с Божией помощью и присвоим себе эту землю!» Франки с восторгом приветствовали слова

Конная статуя Хлодвига.

У главного входа Страсбургского собора, работы Эрвина Штейнбаха.

своего короля. Гундобальд и Зигеберт позволили своим войскам примкнуть к Хлодвигу, и таким образом началась война (в 507 году). Еще перед своим отъездом из Парижа, своей королевской резиденции, Хлодвиг дал обет в случае счастливого возвращения воздвигнуть в честь Св. Апостолов церковь на том самом месте, где упадет брошенная им секира Франциска. Аларих II ожидал нападения при Бонгле (Булонь на Клайне близ Пуатье). Хотя вестготы и храбро сражались, но франки далеко превосходили их в военном искусстве и одержали победу. Аларих II бросился в самую жестокую сечу, и здесь Хлодвиг собст-

венноручно свалил его с боевого коня. После этой победы Хлодвиг овладел Аквитанией. Зимой 507 года он провел в Бордо; в следующую весну Хлодвиг покорил Тулузу и овладел там богатыми сокровищами. Но дальнейшим его предприятиям воспрепятствовал остготский король Теодорих Великий, зять Алариха. Полководец Теодориха Иббас разбил франков и бургундов при Арле, и таким образом за вестготами осталась, по крайней мере, область Лангедок со столицей Нарбонной.

Но еще не все племена франков были подвластны скипетру Хлодвигу. Хлодвиг в особенности желал подчинить своей власти рипуарских франков. Для этого, он, нисколько не задумываясь, приказал

Франкские воины.

умертвить многих их князей, например: Карариха, Рагнахара и Ригномера. Как коварно поступал при этом Хлодвиг, выказалось самым очевидным образом в поступке его с Рагнахаром. Хлодвиг подкупил некоторых вельмож из числа приближенных Рагнахара, подарив им вызолоченную медную посуду, которую он выдал за золотую. После этого Рагнахар был вероломно покинут своими людьми. Схваченный во время бегства, он вместе со своим братом Рихаром был приведен связанный к Хлодвигу. «Как мог ты, — встретил его победитель с притворным гневом, — до такой степени унижить наш род, что позволил связать себя?» С этими словами Хлодвиг одним ударом поверг Рагнахара на землю. Затем, обратившись к Рихару, он продолжал: «А ты, негодяй, если бы заступился за брата, то он наверное не был бы связан». С этими

словами Хлодвиг одним ударом своей секиры положил на месте и Рихара; на жалобы же тех, кого он обманул своими поддельными подарками, Хлодвиг возразил: «Кто изменяет своему господину, тот не заслуживает лучшего золота, и вы должны еще благодарить меня за то, что я оставляю вам жизнь».

Наконец дошла очередь и до престарелого Зигеберта в Кёльне. Хлодвиг предложил сыну Зигеберта Хлодерику убить своего старого отца. Хлодерих исполнил это, но вскоре затем был сам поражен секирой одним из послов Хлодвиги. Со смертью Хлодериха род королей рипуарских франков пресекся. Тогда появился Хлодвиг и предложил осиротевшему единоплеменному народу присоединиться к нему. Собранный народ громкими радостными кликами приветствовал нового короля, поднял Хлодвиги, по франкскому обычаю, на шит и обнес его три раза по кругу, чтобы всякий мог его видеть. «Богу угодно было, — наивно прибавляет при этом епископ Григорий Турский, бытописатель франков, — ежедневно покоряя под ножи ему врагов его за то, что он с чистым сердцем обращался к Богу и творил то, что приятно было Ему видеть». Вскоре затем Хлодвиг умер в Париже и был погребен в церкви Святых Апостолов, которую он приказал построить (в 511 году). Византийский император Анастасий, чтобы утвердить свою верховную власть над соединенными провинциями старой Римской империи, возвел Хлодвиги в достоинство патриция и наименовал его проконсулом. Хлодвиг принял титул, который заключал в себе признание его завоеваний, но нисколько не заботился о своем верховном повелителе.

По смерти Хлодвиги четыре его сына разделили между собой государство: старший Теодорих избрал своей королевской резиденцией Мец, Хлодомир — Орлеан, Хильдеберт — Париж, а младший Клотар — Суассон. Совокупными и единодушными усилиями они привели в исполнение задуманный еще Хлодвиги план покорения бургундов. После многолетней войны (523—534) бургунды, состоявшие под начальством короля Гундомара, были разбиты, и Бургундия соединилась с Франкским королевством. Вестготы были разбиты при Нарбонне и удержали за собой из своей приморской области лишь немногие города. Братья также завоевали и королевство тюрингов, заключавшее в себе большую часть Средней Германии, но присоединили к Франкскому королевству лишь ее южную часть, между Майном и Дунаем, северную же часть предоставили саксам в благодарность за оказанную ими военную помощь. Король тюрингов Германфрид был заманен коварным Теодорихом в Цюльпих и там во время разговора, который они вели между собой на городской стене, был сброшен с нее в глубокий ров, где он от падения и умер. Южная Алеманния была включена в состав франкского королевства. С своей стороны и байовары, находившиеся под управлением рода Агиллофингов, были принуждены вступить в зависимые отношения к Франкскому королевству.

Клотар I пережил своих трех братьев и соединил под своей властью все франкское королевство, которое простиралось от Пиренеев до Энна и Унструта (558—561). После смерти короля остготов Теодориха и Прованса, в свою очередь, сделался добычей франков. Но после смерти Клотара Франкское королевство снова разделилось и оставалось та-

*Клотар I.
Статуя в церкви
St. Germain de Prés
в Париже.*

ким почти всегда. Теперь в нем можно было различать три части: Австразию, т. е. восточные области со столицей Мецом, Нейстрию, т. е. западные области с Парижем, Орлеаном и Суассоном и Бургундию с Шалоном на Саоне. Во время правления сыновей Клотара: Хильпериха Нейстрийского, Зигберта Австразийского и Гунтрама Бургундского история франков представляет дикий хаос братоубийственных войн и самых ужасных злодеяний, в которых две женщины с дьявольскими характерами: Брунгильда Австразийская и Фредегунда Нейстрийская играют мрачную роль.

С этого времени почти все франкские короли становятся в нравственном и умственном отношении все более и более неспособными людьми, которые несколько не заботятся об управлении, почему и обозначаются именем *gois fainents*, т. е. королями ленивцами. Рядом с такими слабосильными личностями выросло влияние их придворных сановников, как светских, так и духовных, которое под конец и одержало перевес над монархической властью. Из придворных сановников с самого начала получил первенствующее значение палатный мер (домоправитель, главный управитель дома, королевский дворцовый управитель), которому главным образом были переданы высший надзор за устройством двора, управление коронными именьями и раздача ленов. С течением времени к палатному меру перешло начальство над войсками, а под конец и вся правительственная власть, так что из первого слуги (министра) и советника короля он сделался в действительности самим королем. Дело зашло

так далеко, что назначение палатного мэра зависело уже далее не от короля, а производилось избранием вельмож.

Положение палатного мэра было теснейшим образом связано с существовавшим у франков ленным обычаем (феодалным устройством). В качестве завоевателей Галлии франкские короли смотрели как на прежние государственные земли, так и на частные земельные угодья как на свою собственность, которой они могли распо-

лагать по своему собственному усмотрению. Только некоторую и при том самую незначительную часть земель оставили они за прежними собственниками. Прежде всех и, само собою разумеется, лучшие поместья взял король, как предводитель войска, т. е. почти все земли, которые принадлежали князьям и вельможам. Затем дошла очередь до дружинников, из которых каждый получил на свою долю участок земли в качестве аллода (свободное наследственное имение) (*beneficium*) за военную службу и с обязательством нести службу и на будущее время.

Но для того, чтобы теснее и непосредственнее привязать к своей особе тех из своих дружинников, которые отличались своим происхождением или заслугами, и образовать из них надежную опору трона, король жаловал своим слугам свои собственные имения (домены) для пользования с них доходами, но при этом удерживал за собой право восстанавливать во всякое время свое право собственности и право отбирать таковые имения в свою пользу. Получившие, таким образом, свои лены, которые могли быть от них отобраны, назывались *ленными людьми* или *вассалами*, а подобное ленное поместье *феодом* (*feudum*, отсюда феодальное устройство). Соблазненные столь большими преимуществами благороднейшие и лучшие представители нации устремились на службу короля. Эта служба, которую каждый вассал был безусловно обязан нести во всякое время, могла быть двоякого рода, а именно: военная служба или придворная. Состоявших на придворной службе называли «министериялами». Важнейшими придворными сановниками были: камергер (хранитель сокровищ), маршал (смотритель за лошадьми и прислугой), *стольник* (смотритель за дворцовым столом), *канцелярий* (канцлер, великий хранитель печати, заготовлявший королевские грамоты). Над всеми ими стоял в некотором роде вице-король, *majordomus* (палатный мер, великий гофмейстер). Знатные вассалы, или «коронные вассалы», к которым причислялись также и епископы, часто, в свою очередь, раздавали части своих ленов другим и также в качестве ленов. Таким образом произошли «второстепенные лены» и «второстепенные вассалы». *Ленный владетель* назывался *сеньором* (отсюда *seigneur*). Когда для раздачи не осталось уже никаких земель, то в лен обращалась всякая собственность, всякое право,

*Франкский ленный владетель.
Из Библии Св. Мартина
Турского.*

приносящее какой-либо доход (например, право выгона, охоты и рыбной ловли), доходы с рудников и лесов, налоги и всякого рода пошлины например, торговые и провозные (транзит) пошлины с доходных должностей и званий. Ленная система, это основание средневекового рыцарства, сделалось господствующей и отличительной государственной формой всех Средних веков, а благодаря ей королевство обратилось в ленную монархию. Для Германского государства ленная система оказалась пагубным учреждением, так как вместе с постоянно возрастающим могуществом сильных вассалов она вела к неизбежному последствию — к ослаблению монархической власти.

2. Франки под управлением палатных мэров.

Пипин Геристальский и Карл Мартелл.

(687—741 гг. после Р. Х.)

Первоначально каждый из трех франкских дворов имел своего особенного палатного мера. Они нередко враждовали между собой. Наконец австрийский палатный мэр П и п и н Г е р и с т а л ь с к и й¹ (близ Люттиха) победил нейстрийского и бургундского палатных мером при Т е с т р и на С о м м е (в 687 году) и заключил с ними договор, по которому он хотя и оставил за Меровингом Теодорихом королевский титул, но сам был признан палатным мером всех трех королевств. После этого Пипин Геристальский принял титул «герцога и князя франков» и обратил звание палатного мера в наследственное право своего рода. Пипин держал бразды правления сильной рукой и как внутри, так и вне государства водворил спокойствие и порядок. Ему наследовал в 714 году его сын К а р л М а р т е л л, то есть Молот (прозванный так за всесокрушающую храбрость). После многолетней борьбы со своими противниками, нейстрийцами и фризами, он также сделался единым палатным мэром Франкского государства (с 720 года), в то время как Меровинги Клотар III и Теодорих II владели печальное существование в качестве лишь номинальных королей.

В то самое время, как Карл Мартелл был занят покорением отпавших байваров и фризов, западному христианству угрожал страшный враг. Под предводительством восточного наместника Испании А б д е р р а х м а н а в Южную Францию вторгнулись арабы в числе 400 000 человек, разбили Эвда, герцога Аквитанского и, сопровождая свой путь опустошениями, убийствами и пожарами, дошли до Луары. Тогда, собрав во-

¹ Вот родословная каролингских палатных мэров:

Арнульф, епископ Мецский и его брат Пипин Ланденский, палатный мер Дагоберта I.

Анзегизиль, женатый на дочери Пипина Бегге.

Пипин Геристальский, умер в 714 году.

Карл Мартелл, то есть Молот.

Пипин Малый (Короткий), с 752 года король франков, с него начинается династия каролингских королей.

круг себя все франкские дружины и призван на помощь союзные народы, Карл Мартелл бросился навстречу арабам. На равнине между Туром и Пуатье произошла (в 732 году) страшная битва, которая должна была решить победу или поражение христианства в Европе. В течение семи дней дрались с одной стороны франки с величайшим воодушевлением, с другой — арабы с самым диким фанатизмом. Наконец телесной силе и лучшему вооружению франков, сражавшихся большими боевыми мечами, удалось одержать в рукопашной схватке верх над легко вооруженными полчищами сарацинских всадников и стрелков. Многие тысячи арабов и в их числе сам Абдеррахман пали на поле битвы. В беспорядочном бегстве поспешили остальные арабы в свой стан, чтобы спасти захваченные в добычу сокровища. В следующую ночь они отступили к югу. Когда же впоследствии арабы совершили вторичное вторжение в Франкское государство и проникли даже до озера Лемана (Женевское озеро), то Карл разбил их при Авиньоне и Нарбонне (в 738 году). Тогда арабы, пользуясь сопротивлением вестготов франкскому владычеству, удерживали за собой крепкую Нарбонну и провинцию Септиманию (ныне Лангедок) до тех пор, пока сын Карла, Пипин Короткий, в союзе с вестготским князем Анземундом не завоевал Нарбонны и не оттеснил непрошенных чуждых пришельцев за Пиренейские горы.

*Карл Мартелл.
Статуя на могильном
памятнике.*

3. Пипин Короткий (741—768 гг. после Р. Х.).

Поражение арабов прежде всего означало спасение христианства от нашествия магометан, но вместе с тем последствием его было также и упрочение Франкского государства. Упорствовавшие до сих пор в своем сопротивлении, в особенности бургундские и вестготские графы, присоединились теперь к могущественному Карлу Мартеллу. Внутренние противники, светские и духовные вельможи, бароны и епископы принуждены были смириться пред волей всесильного властелина. Всякого, кто противился, ожидало немедленное отрешение от занимаемой им должности, денежный штраф или же изгнание. Карл повсюду назначал в качестве сановников и графов надежных и преданных ему людей. Упорных епископов он лишал их аббатств и монасты-

рей и раздавал эти последние своим дружинникам. Таким образом Карл Мартелл создал надежную опору своей власти. Но едва он умер (741 г.), как вследствие пагубного разделения власти между двумя его сыновьями, Карломаном и Пипином, наступило ее ослабление. Карломан получил восточную, а Пипин западную часть государства. Третьему своему сыну от второго брака по имени Гриппон Карл Мартелл отказал лишь незначительное владение. Вследствие этого Гриппон всю свою жизнь провел в восстаниях и заговорах и умер насильственной смертью. В качестве призрачного короля оба брата возвели на престол Меровинга Хильдериха III.

Герцоги алеманнов, байоваров и аквитанов снова восстали против франкского владычества. В течение многих лет свирепствовала опустошительная война одновременно на берегах Гарроны, Дуная и

*Пипин Короткий.
С изображения на печати.*

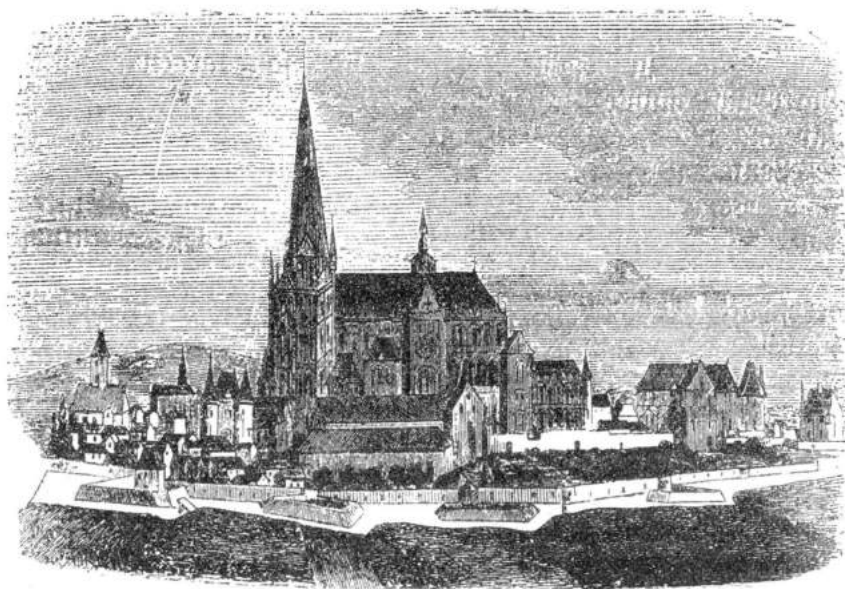

*Карломан.
С изображения на печати.*

Леха (742—746). Наконец Гунольд, сын Эвда, был покорен; алеманны, состоявшие под предводительством герцога Теобальда, подверглись при Канштате со стороны Карломана вероломному нападению и были большей частью изрублены (в 746 году). Герцогское достоинство было уничтожено, и управление страной было передано двум графам. Баварцы, предводимые герцогом Одилом, потерпели на Лехе решительное поражение, и сам Одил был взят в плен. Но миролюбивый Карломан утомился от военных тревожений и передал свое звание палатного мэра в руки своего более энергичного брата (в 747 году). Сам Карломан поступил монахом в монастырь Монте-Кассино, в котором и умер после семи лет жизни, преисполненной самого строгого покаяния.

Пипин Короткий¹ сделался теперь единым палатным мером и не замедлил воспользоваться своим могущественным положением. Он совершил то, на что не отваживался его отец: смело овладел королевской короной. Пипин был уверен в согласии на это светских вельмож.

¹ Пипин был мал ростом, но очень силен. Во время одной травли зверей он одним ударом поразил льва, а другим отрубил голову быку.

Вид древнего аббатства Сен-Дени.

Но этот решительный поступок не мог обойтись без освящения духовным верховным главой христианства, папой. Поэтому Пипин обратился в Рим со следующим запросом: кто более заслуживает называться «королем», тот ли, кто занимает престол и ничего не делает, или тот, кто имеет в своих руках власть и несет на плечах своих всю тягость управления? Ответ папы Захарии вполне согласовался с тем, чего желал и что предвидел Пипин. Папа давно уже заботился о сильном покровителе своего престола и был убежден, что найдет его в лице повелителя франков. Епископ Вюрцбургский и аббат Сен-Дени Фульрад передали этот ответ Пипину, и он тотчас же (в 752 году) заставил в Соассоне дворянство и духовенство присягнуть себе, как королю франков. В числе епископов, совершивших помазание Пипина на царство, находился и Бонифаций, архиепископ Майнцский. Хильдерику III обрезали его длинные волосы и объявили ему о лишении престола. «Последний Меровинг» провел остаток дней своих в монастыре Св. Андомара, близ Сент-Омера. Теперь начала возвышаться новая королевская династия — Каролингов.

Король Пипин нашел скоро случай доказать папскому престолу на деле свою благодарность за признание его королем. Лонгобардский король Аистульф задумал завоевать всю Италию. В 751 г. была взята Равенна и отнята у византийцев. Затем Аистульф пошел на Рим. В это время престол св. Петра занимал Стефан III. После того как все представления и просьбы были отвергнуты упорным лонгобардом, папа об-

ратился к Пипину за помощью. Он лично отправился к королю франков. Пипин обещал ему свое содействие, но в вознаграждение за помощь просил, чтобы папа освятил торжественным помазанием его на царство и признал за ним и сыновьями его законное, исключительное и наследственное право на франкскую королевскую корону. Франкские вельможи утвердили своим согласием это предложение в государственном собрании в Кь е р с и; помазание на царство было совершенно в аббатстве Сен-Дени (в 754 году).

Весной 755 года Пипин в сопровождении Стефана и во главе сильного войска перешел Альпы и осадил Аистульфа в его столице Павии. Аистульф вынужден был дать обязательство отказаться от завоеваний и оставить Римскую область неприкосновенной. Но едва удалился Пипин, как Аистульф вторично стал угрожать Риму. Пипин вновь поспешил на помощь к папе, разбил Аистульфа при Сузе и вновь осадил его в Павии (в 756 году). Теперь он заставил Аистульфа признать над собой верховную власть франкского короля и платить ему ежегодную дань. В обеспечение от нарушения слова Аистульф должен был выдать многих заложников. Равеннский экзархат и области Болоньи и Феррары, равно как и Пентаполис, то есть пять городов: Анкону, Синиаггию, Фано, Пезаро и Римини, через аббата Фульрада Пипин принес в дар святому панскому престолу. Этот дар П и п и н а (donatio Pipini) послужил основанием светской власти папства и позднейшей Ц е р к о в н о й о б л а с т и. Однако подлинность совершенной Пипином дарственной записи возбуждает к себе некоторое сомнение.

Аистульф умер в том же году вследствие падения с лошади. Его преемник Д е з и д е р и й, будучи обязан своим восшествием на престол, помимо своего соперника Рахиса, влиянию папы и аббата Фульрада, со всей готовностью признал состоявшееся договорное соглашение и присоединил к Папской области остававшиеся еще свободными земельные участки и города Фавенцию, Имолу, Ауксим и др. Он также не выказал сопротивления и тогда, когда герцоги Сполетский и Беневентский отпали от него и провозгласили себя ленными князьями папы.

4. Распространение христианства во Франкском королевстве. Бонифаций

Карл Мартелл возвел Франкское государство на степень средоточия западного христианства и в этом отношении проложил путь своим преемникам. Пипин Короткий был слишком проникательный политик, чтобы не сообразить, насколько покровительство интересам церкви и духовенства должно быть выгодно для его честолюбивой династии. С другой стороны, папа и подчиненное ему духовенство действовали в пользу франкской королевской власти, так как они нуждались в ее силах против лангобардов, византийцев и магометан. Под защитой

франкских палатных мэров из рода Пипина Ланденского христианские просветители могли невозбранно совершать свое дело, несмотря даже на то, что некоторые из них, зайдя слишком далеко в языческие страны, должны были поплатиться жизнью за свою отвагу. Христианские просветители явились из дальней Ирландии, которая была обращена в христианство в пятом столетии трудами святого Патрика, или же из Англии, в которую папа Григорий I Великий в шестом столетии отправил 40 миссионеров с аббатом Августином во главе. В седьмом столетии из Ирландии вышел миссионер Колумбан (умер в 615 году) с двенадцатью товарищами, в числе которых находились Галл и Магноальд. Колумбан проповедывал на берегах Боденского озера, но в 613 году, будучи изгнан языческим герцогом Кунцом Швабским, направился в Италию. Со своей стороны Галл (умер в 646 году) основал в пустыне на речке Штейнахе монастырь св. Галлена, Зигеберт основал Дизентийское аббатство, Пирмин — Рейхенаусский монастырь на одном из островов Боденского озера, а Фридолин — Сепингенский монастырь.

Около этого же времени в Алеманнии уже существовали епископства в Страсбурге, Базеле, Констанце, Куре и несколько позднее в Аугсбурге. Баварцы были обращены в христианство святым Эммераном, проповедывавшим в Регенбургской области, и святым Рупертом, положившим основание Зальцбургскому монастырю. К Зальцбургу принадлежали монастыри Бенедикт-Бёрский, Вессобрунский, Эттингенский. Фрейзингское епископство было основано франкским миссионером Корбинианом; к нему впоследствии принадлежали аббатства Тегернзейское, Альтенмюнстерское и Шлирзейское и др. В Восточной Франции и Тюрингии, в области Вюрцбурга и Ронских гор проповедывал святой Киллан. Первые попытки к христианской проповеди у фризов с большим успехом совершил ирландский миссионер Виллиброрд (умер в 739 году) с одиннадцатью товарищами.

По своему значению всех вышепоименованных миссионеров превзошел англосакс Винфрид, получивший при пострижении имя Бонифация (то есть благодетеля). Этот «апостол германцев» родился в 680 году в Вессексе. Он скоро покинул свой монастырь, чтобы посвятить себя под руководством Виллиброрда миссионерской деятельности. Но предварительно Бонифаций отправился в Рим и испросил благословения папы Григория II на святое дело. В течение трех лет Бонифаций действовал в Фрисландии в качестве помощника Виллиброрда. Затем он вновь отправился в Рим, чтобы отдать отчет о своей деятельности и получить дальнейшие указания. Прозорливый папа сразу увидал, какую пользу он может извлечь для своих властолюбивых планов из этого деятельного, одушевленного своим призванием и поэтому послушного человека, который желал прославиться лишь в качестве слуги апостольского престола. Григорий заставил Бонифация поклясться на гробнице апостола Петра в верности римской церкви и папе,

назначил его папским миссионером и легатом с титулом епископа и дал ему рекомендательные письма к Карлу Мартеллу, к франкскому духовенству и к тюрингенским вельможам, из которых многие приняли уже крещение.

На юге Франкского государства Бонифаций встретил со стороны епископов и аббатов далеко не безусловное признание своего нового достоинства и весьма мало расположения сделаться, подобно ему, подчиненными римскому епископу, начавшему уже давно играть роль

Архиепископ в паллиуме (омофоре).

главы церкви. Поэтому он обратился к восточным франкам, тюрингенцам и гессенцам. В гессенской области, близ Гейсмара, он срубил дуб, который был посвящен богу грома Тору и пользовался всеобщим почитанием. Народ верил, что после такого оскорбления священного дерева из него потечет кровь, а нечестивец будет убит молнией. Но когда ни того, ни другого не случилось, то народ отступился от своих богов и принял христианство. Из дерева этого дуба в окрестностях Фридислара (Фрицлар) была выстроена часовня.

Преемник Григория II Григорий III (в 731 году) наградил старания своего преданного слуги посылкой паллиума (мантис, омофора), который служил знаком архиепископского достоинства. В сане архиепископа Бонифаций был облечен полномочием именем папы устроить дела христианской церкви в Германии и притом с правом

назначать епископов. В то же время пала разослал окружные послания к франкским епископам и к епископам соседних народов, в которых он увещевал их признать Бонифация своим главой и папским представителем, являться в назначаемые им собрания и не терпеть в своей среде тех священников, которые будут ему противодействовать. Первой страной, в которой была установлена прочная связь между разрозненными христианскими общинами и которая получила церковное устройство, была Бавария. С согласия герцога Одила Бонифаций разделил Баварское герцогство на четыре епархии: Зальцбургскую, Пассаускую, Фрейзингскую и Регенсбургскую, епископов которых он сам рукоположил. Подобно Баварии, Бонифаций устроил церкви в Восточной Франции, Гессене и Тюрингии. Здесь он установил четыре епископства: Вюрцбургское, Бурабургское, Эрфуртское и Эйхштадтское и назначил в них епископами преданных ему людей, которые были утверждены в своих достоинствах самим папой. Но важнейшим делом Бонифация было основание им Фульдского монастыря (в 744 году). Один из учеников Бонифация, Штурм, был первым его аббатом. Впоследствии монастырь этот сделался не только одним из богатейших по своим имениям и доходам в Германии, но, подобно Сент-Галленскому и Рейхенаусскому монастырям, стал рассадником средневекового образования и средоточием немецкого трудолюбия и учености.

Однако Бонифаций полагал, что он тогда только достигнет своей высшей цели, когда приведет в подчинение римского папского престола западно-франкское духовенство. Для этого после больших хлопот он убедил палатного мера Пипина созвать в Соассоне (в 744 году) государственное собрание, на которое также должны были явиться и епископы, аббаты и местное духовенство. На этом собрании было установлено положение церкви в государстве, были определены доходы духовенства и правила для образа жизни духовных лиц; в особенности же им предписано было строго соблюдать безбрачие. Последствием всех этих переговоров, несмотря на первоначальное сопротивление со стороны многих духовных лиц, было признание главенства римского папского престола. *Таким образом, произошли непосредственно подчиненные отношения к папству Франкской, а впоследствии и Немецкой церковей.*

В 748 году Бонифаций был возведен в должность Майнцского архиепископа, причем город этот был объявлен первой метрополией Германии, почетное место, которое до тех пор занимал Кёльн. Бонифацию были подчинены епископства Тонгернское, Кёльнское, Вормское, Шлейерское и Утрехтское. Но Бонифаций никак не мог решиться избрать какое-либо место для продолжительного пребывания. Поэтому он избрал себе в лице своего ученика Лулла помощника и соепископа. В то время как сам Бонифаций был занят рассмотрением дел в синодах (собрания духовенства) и посещением церквей, Лулл обязан был отправлять должность архиепископа в Майнце. Будучи уже

в самых преклонных летах, Бонифаций, не знавший усталости, решил-ся вновь обратиться к миссионерской деятельности между ф р и з а м и. Но в окрестностях Боккума он был убит дикой толпой в отомщение за разрушение их языческих алтарей и идолов (в 755 году). Тело Бонифация было погребено в Фульдском монастыре.

5. Магомет и калифы

В то время как христианство все больше и больше распространялось на Западе, Восток был потрясен в самом своем основании новой появившейся религией арабского пророка Магомета, так называемым исламом (то есть правоверной покорностью воле Божией). Аравийский полуостров, превосходящий по своему протяжению в три раза Германию, был известен грекам и римлянам лишь в северной своей части — «Каменистой» Аравии, во внутреннюю же ее часть с песчаными пустынями и скудно орошенными степями не проникал еще ни один завоеватель. Александр Великий, равно как и римляне, проходили лишь мимо, не осмеливаясь углубляться в страну. На этих необозримых равнинах еще и в настоящее время обитают кочующие пастушеские племена бедуинов. Единственное их богатство составляют верблюды и лошадь. Располагаясь лагерем вокруг колодезев и источников, они пасут свои стада коз и овец. О государственном слиянии у них не может быть и речи. Отдельные племена живут отдельно друг от друга под властью эмиров и шейхов (племенных и родовых начальников). Обитатели же городов в плодородных прибрежных равнинах, в особенности в юго-западной части полуострова, которую древние называли «Счастливой Аравией» и в которой произрастают благородные плоды — гранаты, винные ягоды, финики, кофе и ладаноносный можжевельник — напротив, занимались морской и караванной торговлей по всем направлениям.

Арабы почитают своим родоначальником Измаила, сына Авраама от Агари. Свой народный характер, свои добродетели и недостатки, свои учреждения и обычаи они сохранили и до настоящего времени. Арабы храбры, гостеприимны, великодушны к побежденным, горды своей свободой, но в то же время отличаются хищничеством, жестокости и мстительны. Ужасен был обычай кровавой мести, которая сохранялась у них до появления Магомета. В силу требования чести надлежало мстить убийцам убитых родственников, и эта борьба должна была продолжаться до тех пор, пока число убитых с обеих сторон не достигало одинакового количества. Благодаря этому обычаю истреблялись целые роды.

Из среды этого народа вышел Магомет (то есть многопрославленный). Он родился в 571 году в Мекке и по отцу своему Абдаллаху происходил из рода Хашем. Род этот был обедневшей отраслью богатого и одного из знатнейших родов Кореишитов. Этот род имел над-

зор за национальной святыней, священным храмом Каабаой, заключающим в себе почитаемый божественным черный аэролит, который архангел Гавриил принес родоначальнику арабов, Измаилу. Абдаллах, умирая, оставил сыну своему лишь пять верблюдов и одного раба. По смерти отца Магомета взял к себе его дядя, Абу Талейб, в Мекку, научил его торговле и посылал с своими караванами в Сирию, Месопотамию и Палестину. От своей превосходной матери, Амины, Магомет наследовал блистательные умственные способности и добродетели, а от своего

*Арабы.
Weiss. Kostumkunde.*

отца необыкновенную мужественную красоту. Около 25 лет от роду Магомет поступил на службу к одной богатой купеческой вдове, Хадидже, и совершал поездки по ее торговым делам. Осторожность и честность Магомета заслужили ему расположение Хадиджи, и она предложила ему свою руку. Благодаря этому браку Магомет приобрел умную и верную подругу жизни и получил в свое распоряжение значительные средства.

После десятилетней супружеской жизни Магомет внезапно удалился в уединение и поселился в пещере горы Хара близ Мекки. Здесь он предался религиозному созерцанию; размышления его были направлены на разрешение вопроса, каким образом мог бы он освободить свой народ от идолопоклонства — поклонения звездам и почитания фетишей (разных камней и деревьев) и поднять его на более высокую ступень нравственного развития. Во время своих путешествий Маго-

мет основательно изучил веру как иудеев, так и христиан. Таким образом он пришел к мысли выбрать из иудейской и христианской религий все для него подходящее и основать новую религию. В своем пылком воображении он дошел до всевозможного рода галлюцинаций и даже уверовал в то, что будто архангел Гавриил сошел к нему и открыл, что Бог избрал его своим посланником и орудием.

Магомета постигла участь всех пророков: он не имел успеха в своем отечестве. Когда Магомет в 614 году выступил со своим учением в Мекке, то подвергся насмешкам, оскорблениям и презрению. Жесточайшими врагами Магомета оказались его собственные родственники, Корейшиты, руководимые Абу-Сосианом, которые боялись за свое знатное положение и за свои доходные преимущества. Тем не менее ему удалось мало-помалу привлечь на свою сторону некоторое число людей из низших классов народа, так как он принял под свое покровительство бедных и слабых, а в речах своих старался обзудывать суровость, скупость, гордость и высокомерие знатных жителей Мекки. Корейшиты, заметив возрастание числа верующих в новое учение, начали преследовать их как безбожников и подвергать их опале и изгнанию. Изгнанники, спасаясь от ярости своих врагов, укрылись в неприступных горных ущельях, где только благодаря поддержке своих тайных друзей, которые приносили им жизненные припасы, поддерживали свое существование. Наконец, после трех лет изгнание было отменено, и Магомет возвратился со своими приверженцами в Мекку. Но когда умер Абу-Тaleb, его старый друг и покровитель, начались снова преследования, и Магомет подвергся опасности быть убитым. Вследствие этого он со своим другом Абу-Бекром бежал в Медину, где учение его нашло уже ревностных приверженцев. Это бегство (Геджра) сделалось впоследствии исходным пунктом магометанской эры (летосчисления), которое ведет свое начало с 16 июля 622 года.

В Медине Магомет нашел много верующих. Он был здесь принят с воодушевлением. Теперь Магомет собрал вокруг себя всех своих приверженцев, между которыми в особенности выдавались Абу-Бекр, Хамза, Али и Омар, и начал готовиться к походу с целью отомстить Мекке. Внезапно появился Магомет во главе 10 000 хорошо вооруженных воинов перед воротами Мекки (в 630 году). Абу-Сознан, глава Корейшитов, сдался, и Магомет великодушно помиловал своих врагов. Народ принял ислам и объявил свое согласие признать Магомета пророком и князем. Но теперь с Магометом произошла сразу великая перемена. Между тем как до сих пор первой строго предписываемой им заповедью было соблюдать кротость в слове и деле, теперь он повелевал силой распространять новую религию, а неверующих истреблять огнем и мечом. Борьбу за распространение ислама Магомет провозгласил святым долгом; погибающим в борьбе за новую веру он обещал величайшие наслаждения в раю, а отступавшим от нее угрожал позорной смертью, которой они не могли избежать. Затем Магомет прошел всю

Аравию и пригласил все племена признать ислам. Кто сопротивлялся, того принуждали принимать новое учение силой оружия. Однако ранее, чем Магомету удалось осуществить свой план, ввести ислам также в Сирии и в Византийской империи, его постигла смерть (в 632 году). Могила Магомета находится в мечети в Медине и, подобно Каабе в Мекке, сделалась святым местом, куда стекаются на поклонение все мусульмане, то есть верующие.

Как было объяснено уже выше, ислам является смесью языческих, иудейских и христианских элементов. Главное основание его учения гласит: «Аллах есть Бог и Магомет пророк Его». Этот е д и н ы й Бог явился через пророков Авраама, Моисея и Иисуса, но всего полнее и совершеннее через Магомета. На том свете добродетель будет вознаграждена, а порок наказан. Это основное учение и вытекающую из него мораль содержит в себе К о р а н, священная книга ислама. В Коране в пестрой смеси заключаются догматы веры, проповеди, рассказы, легенды (сказочные повествования), законы, гимны, молитвы. Важнейшие постановления Корана суть следующие: верующий должен ежедневно творить пять раз молитву, совершать частые омовения своего тела, по возможности часто поститься, в течение же всего месяца Рамазана не вкушать пищи от восхода до заката солнца; он не должен пить никакого вина и есть свиного мяса. Многоженство (полигамия) разрешается; каждому верующему дозволено было иметь четырех законных жен. Верующий должен обращаться со всеми животными кротко, к рабам относиться сострадательно, к вдовам и старикам, к бедным и несчастным проявлять благодеяния. «Молитва, — говорится в Коране, — приводит нас на половину дороги к Богу, пост поставляет у входа на небо, милостыня же отверзает двери его». Но главная заповедь Корана гласит: «Сражайся с неверующими до тех пор, пока ислам не сделается единой религией!» Для того же, чтобы поборники веры не страшились смерти, Магомет установил ф а т а л з м, то есть учение о неизбежном р о к е (fatum, по-арабски к и с м е т). Согласно этому учению, продолжительность жизни каждого отдельного человека предопределена уже заранее неизменным решением Бога, и каждый человек должен умереть в назначенный ему для того день, и притом безразлично, будет ли он находиться у себя дома или где-либо в ином месте, хотя бы в самом пылу боя. «Где бы ты ни был, — говорится в Коране, — смерть всюду тебя настигнет, хотя бы ты укрылся за крепкими замками». Вследствие этого мусульмане с непоколебимой верой в Бога отправлялись на священную войну и с безмолвным равнодушием переносили все тягости, раны, лишения и даже смерть.

Хотя ислам по своему религиозному и нравственному содержанию стоит далеко ниже христианства, тем не менее он указывал на значительный успех арабского народа в отношении его прежней религии. Магомет был благодетелем своего отечества, потому что соединил в одну большую, братскую, веровавшую в единого Бога нацию рассеянных и разделенных на бесчисленные племена арабов, которые до него посто-

янно находились между собой в самых неприязненных отношениях. Взамен самоуправства, своеволия и личной расправы Магомет установил непреложное право. В особенности Магомет ограничил право кровавой мести, которое до него распространялось на отдаленнейших родственников, а теперь лиц, виновных в кровомщении, судьи признавали убийцами. Варварский обычай, который разрешал отцу убивать детей женского пола при их рождении, был воспрещен только Кораном. Равным образом Коран установил законный предел для неограниченной до того времени полигамии. Но наряду с этими благодетельными постановлениями большим темным пятном является унижение женщины, которая Кораном признается не равноправной мужчине, а почти его рабой. И это пятно, оставаясь на нравственном учении Магомета, омрачает его хорошие стороны¹.

Послушные заповеди пророка, калифы (то есть преемники) распространили новую религию огнем и мечом. Абу - Бекр (632—634), тесть пророка, вел счастливые войны с византийцами и новоперсами и завоевал часть Сирии. Омар (634—644) окончательно завоевал Сирию и Палестину. Затем Омар победил новоперсидских полководцев Рустема и Фейрузана при Кадезии и Негавенде и покорил большую часть новоперсидского государства. Полководец Омара Амру внес свое оружие даже в Египет и завоевал Александрию. При этом Амру спросил Омара, как должен он поступить со знаменитой александрийской библиотекой. Омар отвечал: «Если книги согласуются с Кораном, то они бесполезны, ибо излишни; если же они не согласуются с ним, то вредны и должны быть уничтожены». Тогда Амру приказал сжечь библиотеку — и в течение шести месяцев общественные бани в городе топили драгоценными свитками папирусов и пергаментов. Впрочем, рассказ этот внушает к себе слишком мало доверия, чтобы мы могли признать его достоверным. Не подлежит никакому сомнению, что большая и самая драгоценная часть библиотеки была уничтожена еще во время Александрийской войны. Выросший постепенно из палаток и постоянных жилищ мусульман город Каир сделался столицей Египта.

Калиф Отман (644—656) сверг с престола последнего царя новоперсов сассанида Иездейерда и соединил его государство с арабским (в 651 году). Но когда Отман начал возвышать членов своей собственной семьи, Омейядов, раздачей им высших государственных должностей и бесчисленных сокровищ из государственной казны, то произошло повсеместное неудовольствие. Неудовольствие это еще сильнее раздул Али, зять Магомета, муж Фатимы, любимой дочери пророка. По ее требованию Отман был умерщвлен. Али (656—661), хотя и победил своего соперника, Моавию, сына Абу-Созиана, в так называемой «битве верблюда»² и взял в плен свою опаснейшую непри-

¹ Вейль. История мусульманских народов.

² Она была названа так потому, что Аиша воодушевляла войска к бою, сидя на верблюде и сдалась лишь после того, когда ее верблюду были подрезаны жилы.

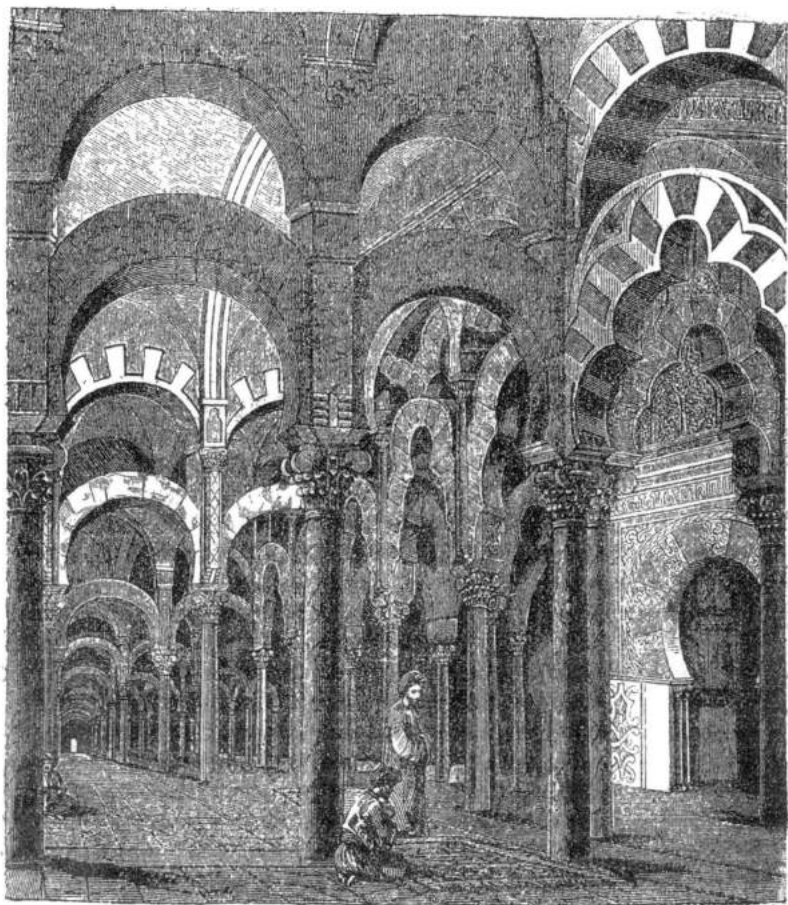
ятельницу, А и ш у, любимую жену Магомета (в 657 году), но не добился всеобщего признания калифом и вскоре затем был умерщвлен фанатиком Абдеррахманом во время утренней молитвы в мечети в Мекке. Род Алидов распространился через сына Али Хуссейна. Но при попытке утвердить за собой калифат Хуссейн (в 680 году) был разбит полководцем Шомаром, посланным против него Иезидом I, сыном Моавии (679—683).

Борьба между Алидами и Омейядами привела к большому расколу среди верующих. Образовалось две религиозные партии: шииты и сунниты. Первая из этих партий, к которой в настоящее время принадлежат между прочим персы, почитают Али и его потомков единственными законными калифами, а Коран единственным истинным учением о вере и образе жизни. Седьмым потомком из рода Али был Измаил, а двенадцатым Магомет Святой. Последний, по верованию шиитов, не умер и когда-нибудь в образе истинного Махди (Мессия) восстанет из своего подземного убежища и снова выведет свой народ из мрака на путь истины. Сунниты, к которым принадлежат турки, напротив, в порядке святости признают Али лишь после Абу-Бекра, Омара и Огмана и на ряду с Кораном почитают также и сунну (изустные предания).

При калифе Моавии I (661—680) роду Омейядов (661—750) удалось достигнуть верховной власти. Моавия перенес свою резиденцию в Дамаск. Отсюда он сильно притеснял Византийскую империю, которая со времени смерти могущественного императора Ираклия (в 641 году) находилась в печальном и бессильном положении. Моавия неоднократно осаждал Константинополь, который своим спасением был обязан, с одной стороны, своей крепкой позиции, а с другой — разрушительному действию так называемого греческого огня¹.

После смерти могущественного Моавии наступила эпоха внутренних смут. Между Алидами и Омейядами свирепствовала жестокая междоусобная война, и когда Абд-Альмелик (685—705) завладел калифатом в Дамаске, то арабийское государство дошло до полнейшей анархии. Со страшной энергией разбил Абд-Альмелик своих противников, а с помощью своего полководца Музы завоевал северную Африку. При сыне Абд-Альмелика Валиде I (705—715) завоевания тотчас же возобновились в больших размерах. Как раз в это время в Испании Родриг свергнул с престола вестготского короля Витицу. Тогда сыновья Витицы призвали к себе на помощь против похитителя престола арабов из северной Африки. Наместник Муза отправил к ним морем подчиненного ему полководца Тарика. Тарик во главе 12 000 воинственных арабов и берберов переплыл пролив, отделяющий Африку от Испании. Он высадился у мыса Кальпа, который в его честь

¹ Один сирийский грек по имени Калиник изобрел особенную смесь из удобовозгораемых веществ. Брошенный на неприятельский корабль, состав этот не мог быть потушен и продолжал гореть даже под водой. Изобретение это скоро было утрачено. Описанное действие его похоже на действие нынешних нитроглицерина и динамита.

Внутренний вид мечети в Кордове.

получил название Джебельтарик (то есть гора Тарика), ныне Гибралтар. На равнинах близ Херес-де-ла-Фронтера вестготы, предводимые королем Родригом, потерпели решительное поражение (в 711 году). Родриг во время бегства утонул в реке. В своем быстром победоносном походе Тарик овладел важнейшими городами вестготского королевства и между ними Кордовой и Толедо. Но вслед за этим Тарик был отозван завидовавшим его славе Музой. Когда же Тарик не послушался его приказания, то был смещен Музой, и ему пришлось долгие годы томиться в темнице. После этого Муза простер завоевание Испании до Пиренеев и всю покоренную страну сложил к ногам калифа (в 713 году). Таким образом судьба Испании была решена на долгое время. Напротив, попытка мусульман покорить своей власти и Франкское государство разбилась о железную преграду, которую противопоставил

их дальнейшему наступлению франкский палатный мэр Карл Мартелл. Только в северо-западной части Испании, в гористых Галиции и Астурии удалось удержаться храбрейшим из вестготов.

Между тем в самом арабийском государстве внутренние смуты начали принимать все большие и большие размеры. Восстания, заговоры и междоусобные войны беспорядочно следовали одни за другими. Преемники Али и в особенности потомки Аббаса, дяди пророка, раздували раздоры и ненависть против дома Омейядов. В Куфе водрузил свое знамя глава Аббасидов Абд - Алла - Абуль - Аббас и на реке Цабе, недалеко от развалин Ниневии, победил омейядского калифа, Мервана II (в 750 году). Место Омейядов заступили теперь Аббасиды. Аббасиды убийствами избавили себя от сторонников низвергнутой с престола фамилии калифов. Под предлогом полного прощения и желания возратить им все частное имущество дядя Абул Аббаса, кровожадный Абд Алла, пригласил всех омейядских князей в Багдад и во время пира приказал их всех схватить и посадить на кол. Лишь немногим членам из дома Омейядов удалось избежать преследований и в том числе Абд е р а х м а н у, внуку Моавии I. Он бежал к берберам в Северную Африку и основал с их помощью калифат в Кордове (в 756 году). Этот независимый калифат при Абдеррахмане III (912—961) и при его сыне Хакеме I (961—976) достиг высшего процветания в науках и искусствах. В Кордове был основан университет, в котором преподавали математику (алгебру), астрономию, химию и медицину. Еще и в настоящее время красноречивыми памятниками арабской архитектуры являются роскошные дворцы в Кордове, Севилье и Гренаде (Альгамбра).

С бесчеловечной жестокостью утвердился на захваченном престоле Абул Аббас, за что и получил прозвание «Кровопроливца», но вскоре умер (в 754 году). Равным образом возбудил к себе ненависть своею жестокостью его брат Абу Да й а ф а р М а н с у р (754—775). Он перенес столицу калифов в Багдад (в 762 году) и укрепил этот город высокой и прочной двойной стеной. Знаменитейшим из его преемников является Гарун Аль - Рашид (786—809), современник Карла Великого. Его царствование было провозглашено арабами блестящей эпохой калифатства, и историки, поэты, а в особенности сказочники не уставали повествовать о блистательных подвигах его любви к правосудию, о его великодушии и щедрости к поэтам и ученым, о блеске его двора и великолепии его резиденции. Однако картина эта совершенно противоречит истории, которая представляет его нам кровожадным и алчным деспотом. Со смертью Гарун Аль-Рашида государство калифов вследствие неспособности, изнеженности и роскошного образа жизни его повелителей пало со своей могущественной высоты. Единство в калифате прекратилось в 909 году. Фатимиды (потомки Фатимы) сделали независимыми в Тунисе и Фесе и в 975 году завоевали Египет, где в городе Каире и основали калифат. Около 1000 года Г а с н а в и д ы основали в Восточной Персии свой собствен-

ный калифат. Испания с утверждением в ней самостоятельных эмиров также была навсегда потеряна для Аббасидов. Сама личность калифа отошла на задний план, когда аббасид Ради (934—940) призвал к себе сельджука (турок) Ибн Райека в качестве «Эмир-аль-Омра», то есть князя над князьями, для главного начальствования над своими войсками, а сам между тем ограничился заведыванием церковных дел. Таким образом сельджукские военачальники присвоили себе высшие светские должности. Воинственные сельджуки, победоносно проникнувшие из Турана, сделались под конец наследниками всех стран, которые были собраны в одно государство Багдадским калифатом.

6. Карл Великий (768—814 гг. после Р. Х.)

Пипин, почувствовав приближение смерти, призвал в Сен-Дени вельмож Франкского государства и с их согласия разделил государство между двумя своими сыновьями, Карлом и Карломаном (в 768 году). Карл получил северную половину государства, а Карломан —

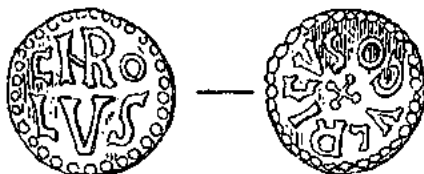
южную. Карломан умер в 771 году, и с этого времени Карл стал единовластителем Франкского государства. Это было удивительным предопределением, что именно в это время во главе Франкского государства выступил муж с такой железной силой воли, с такой неутомимой деятельностью, одаренный такими выдающимися мудростью и добродетелями и с умом, направленным ко всему возвышенному. Только человеку с такими необыкновенными дарованиями и душевными качествами могло удасться сплотить обширные страны, части которых были соединены между собой лишь поверхностным образом, в прочное

единое государство, в плотный организм, вывести германские племена из их дикого природного состояния и возвести их на более высокую степень образования и духовного развития.

Уже самая внешность Карла изобличала повелителя. Его мужественный стан в соединении с прекрасной соразмерностью членов, величественная осанка, большие блестящие глаза, мужественно твердая походка приковывали к нему внимание и расположение людей с первого же взгляда. Никогда плоть не останавливала деятельности духа; в течение более чем 30-летнего царствования он ни разу не был болен, несмотря на то, что никогда не шадил себя.

Печать Карла
Великого.

Монета Карла Великого.

Карл постоянно был занят государственными делами; часто ночью вставал он по четыре, по пяти раз со своей постели и обращался к своим работам; даже во время одевания он разговаривал о делах со своими советниками или же принимал тяжущихся, которые обращались к нему за разрешением своих спорных дел. В тесном кругу своих близких Карл был счастлив; он строго придерживался своего скромного образа

Карл Великий.

С мозаичной картины в Латеране в Риме.

жизни, сам надзирал за управлением своих имений и хуторов и давал подробные и точные предписания о пивоварении, виноделии, пчеловодстве, рыбоводстве и плодоводстве. Одежда Карла была национальная; он носил полотняную рубашку, сотканную и сшитую его собственными дочерьми. Поверх рубашки он надевал фуфайку, опоясанную шелковым кушаком, на ногах носил чулки и башмаки, зимой он прикрывал плечи и грудь накидкой из шкуры выдры. Верхнюю одежду Карла составлял плащ; он был всегда опоясан мечом, портупея и рукоятка которого были украшены золотом и серебром, а при торжествен-

ных случаях драгоценными камнями. Иноземное платье было ненавистно Карлу, и только два раза в Риме, по просьбам пап Адриана и Льва, надевал он на себя римскую одежду. Конечно, в этот век борьбы между грубостью и образованием и на характере Карла отразились следы древнегерманского варварства и были порой причиной его строгого и даже жестокого обращения. Но эти недостатки не могли исказить лучезарного героического образа Карла, и как древние, так и новые историки рисуют нам его образ с любовью и уважением¹.

Карл Великий не любил войн, и несмотря на это в течение его царствования ему редко приходилось выпускать свой меч из рук. Ему пришлось выполнить великую задачу — подчинить своему скипетру различные народности, которые оказывали ему упорное сопротивление, и смирить опасных соседей, которыми он был окружен со всех сторон, обуздать грубые силы началами образования, религии и права и таким образом установить прочную, продолжительную государственную связь между подвластными ему народами.

Сильнейшую борьбу Карл вел с саксами. С продолжительными и короткими промежутками она продолжалась 32 года (772—804). Саксы распались на четыре племени: вестфальцев на Зиге, Руре, Липпе и Эмсе, остфальцев между Везером и Эльбой, энгров по обоим берегам Везера и пордальбингов между Нижней Эльбой и Эйдером. Саксы жили независимыми народными общинами под управлением выборных старшин. В случае войны их племена соединяли свои войска под начальством герцогов. Саксы с необыкновенным упорством придерживались своих древнегерманских богов и поэтому ненавидели христиан-франков, в которых видели лишь отступников, отрекшихся от отечественной религии и стародавних обычаев. Саксы беспрестанно производили вторжения и разбойнические набеги на франкскую область. В 772 году Карл созвал в Диденгофене «Майское собрание»². На этом собрании вельможами Карла был одобрен поход против саксов, и Карл при Вормсе перешел Рейн. Проникнув довольно далеко в страну саксов, достигли Эресбурга, города бога войны Эра. Поблизости этого города находился Ирминсул (Ирменов столб). По указанию одних, то был столб или гигантское дерево, которое, по верованиям сакского народа, поддерживало вселенную; по показанию же других, то была статуя Арминия. Карл приказал взять город приступом и разрушить национальную святыню.

Саксы преклонились перед могущественным превосходством франкского короля, выдали заложников и обещали соблюдать мир и не производить вторжений в области Карла. Но едва Карл был отозван в Италию сражаться против лонгобардов, как саксы вновь взялись за

¹ Между современниками Карла его биограф Эингард (Эгингард), в числе новейших — Гизебрехт, у которых почерпнуто вышеупомянутое описание.

² Прежде были так называемые «Мартовские поля», то есть собрания вельмож, соединенные со смотром войск, в марте месяце. Карл ради лучшей погоды перенес их на май месяц.

оружие (в 774 г.). Их отважный предводитель Видукинд вновь овладел Эресбургом, прогнал франкские гарнизоны, вторгнулся в Гессен, опустошил его и разрушил Фритшлар. Тогда Карл поспешно явился из Италии в 775 году и вновь покорил остфальцев, энгров и вестфальцев. Когда же он снова вернулся в Италию, то саксы в третий раз возобновили борьбу за свою свободу. В 776 году Карл снова вернулся в землю саксов и построил в их стране опорные замки. Затем Карл созвал в Падерборне сейм, на который пригласил сакских дворян. Они поклялись в покорности и обещались не препятствовать более христианским проповедникам. Однако Видукинд не явился на сейм, а бежал к датчанам.

В то время как Карл был занят с арабами в Испании, Видукинд устроил новое восстание (в 779 г.). На этот раз саксы проникли до Дейтца и Кобленца, опустошали Тюрингию и Гессен и прогнали фульдских монахов из их монастыря. Карл снова покорил саксов и старался теперь введением франкского военного и судебного устройства, разделением страны на графства между франкскими вельможами и сакскими дворянами, присягнувшими ему в верности, создать спокойствие и порядок, а водворением христианских священников привести упорный народ к восприятию христианского учения. Но Карл снова увидел, что он горько обманулся в своих ожиданиях. Состоявшее под предводительством Гейлона, Адалгиза и Ворафа франкское войско, в состав которого входил и один сакский отряд, должно было наказать хищных сорбов, одно вендское племя, обитавшее между Заалой, Эльбой и Гавелем, за их вторжение во Франкское государство.

Но войско это при горе Зюнтеле (на Везере) подверглось нападению Видукинда и было почти совершенно уничтожено (782 г.) Сакский отряд во время битвы перешел к своим соотечественникам и вместе с ними сражался против франков. Горя мщением, Карл выступил в поход с значительным войском к Везеру и потребовал выдачи изменников. Они были выданы в числе 4500 человек, но Видукинда между ними не было. Карл беспощадно приказал казнить всех 4500 человек в один день в Вердене на Аллере. В то же время было обнародовано строжайшее запрещение употребления языческого богослужения.

Видукинд.
Изображение на могиальном
памятнике.

Но эти жестокие меры возбудили ярость угнетенного народа в высшей степени. Он восстал на отчаянную борьбу за свою свободу и за свою веру. При Детмольде произошло нерешительное сражение, но на Гаэе, при Оснабрюке саксы потерпели решительное поражение (в 783 году). Теперь все покорилося франкскому королю, и даже Видукин и его союзник Аббон отказались от безнадежного сопротивления. Они явились в Аттиньи (в Шампани) к Карлу, присягнули ему в верности и позволили окрестить себя. Их примеру в течение следующих лет последовал и весь сакский народ. Однако Карлу пришлось вести еще некоторое время войну с отдельными племенами саксов. Настоящий мир наступил лишь тогда, когда Карл переселил 10 000 сакских семейств в другие области государства, а в стране саксов основал франкские колонии (в 804 г.). В стране саксов было основано шесть епископских кафедр: в Миндене, Оснабрюке, Вердене, Бремене, Падерборне и Мюнстере. Впоследствии к ним прибавились епископства в Гишельсгейме и Гальберштадте. Все эти восемь епископств были подчинены митрополитам Кёльнскому и Майнцкому.

Затем Карл перенес свое оружие еще далее. Он выступил в поход против датского короля Готфрида, который проник до Эльбы и поработил бывших в союзе с Карлом абодритов (в нынешнем Мекленбурге). Готфрид был побежден и принужден отступить за Эйдер. Равным образом и славяне, напавшие на восточные границы государства, почувствовали на себе силу могущества Карла. Одни из них были чувствительно наказаны, другие покорены и германизированы. С целью обеспечения от вторжений славян Карл основал марки, то есть пограничные области с укрепленными пунктами, например, сорабскую марку с городом Галле (против сорбов и вильцов), тюрингскую с городами Мерзебургом и Эрфуртом, среднелыбскую с городом Магдебургом и сакскую с городом Бардевиком.

Во время продолжительной, вехенной с переменным счастьем религиозной войны с саксами, как замечено было уже выше, происходили и многие другие войны. Прежде всего Карлу пришлось вести войну с лангобардским королем Децидерием. Поводом к этой войне послужило то обстоятельство, что Карл отослал обратно свою жену Дезидерату, дочь Дезидерия, по всем вероятностям, за ее бесплодность, к отцу и женился на дочери швабского герцога Хильдегарде. Желая отомстить за нанесенное оскорбление, Дезидерий потребовал от папы Адриана (с 772 года), чтобы он помазал франкскими королями двух юных сыновей Карломана, вдова которого, Гиберга, проживала при дворе Дезидерия. Таким образом Дезидерий надеялся подготовить своему бесцеремонному зятю значительные затруднения и получить возможность вызвать раздоры в Франкском государстве. Но Адриан отказался содействовать этому замыслу. Тогда Дезидерий вторгнулся в Папскую область и стал даже угрожать столице, Риму. Папа обратился за помощью к Карлу.

Таким образом Карлу совершенно нехотелось заниматься делами Италии: их надлежало разрешить самым энергичным образом. Карл в 774 году перешел Альпы, завоевал Верону, но мог принудить к сдаче столицу Павию лишь после долгой осады и то только голодом. Дезидерий был лишен престола и окончил свои дни в одном франкском монастыре (по всем вероятностям, в Корвее). Карл принудил присягнуть себе лангобардских герцогов, присоединил Лангобардское государство к Франкскому государству (в 774 г.) и наименовал себя «королем лангобардов». Управление страной было передано франкским графам, как это было принято за правило и в других областях государства. Однако Лангобардское государство удержало за собой некоторую самостоятельность и, в противоположность другим завоеванным странам, находилось в свободной связи с Франкским государством. Еще прежде падения Павии Карл посетил папу в Риме (на Пасху 774 года). Здесь он был принят самым почетным образом и утвердил за папой земли, полученные им в дар от Пипина.

На сейме в Падерборне (в 777 году) явились аравийские вельможи из Испании с эмиром Гуссейном Сарагосским во главе. Они просили помощи против теснившего их омейяда Абдеррахмана кордовского, причем объявили, что желают признать над собой верховную власть Карла. Карл перешел Пиренеи, завоевал Пампелуну и Сарагоссу, восстановил изгнанного эмира, но вследствие возобновившейся войны с саксами вынужден был поспешно отступить. На обратном походе через Пиренейские долины в Ронсевальском ущелье аррьергард Карла подвергся нападению хищных басков и был уничтожен почти до последнего человека. При этом погиб легендарный герой Р о л а н д (Руоланд). Находясь в крайности, говорится в песне о Роланде священника Конрада около 1170 года, Роланд затрубил в свой рог Олифант и притом с такой силой, что у него на шее лопнула жила. Карл, находившийся от Роланда в восьми милях расстояния, услышал звук рога, но явился слишком поздно, чтобы спасти Роланда. После поражения, нанесенного франкскому оружию, Абдеррахману было уже легко вновь покорить своей власти всю страну до подножия Пиренеев. Только после войн 800—811 годов франкам удалось в царствование сына Карла, Людвига, покорить Испанию до Эбро, овладеть городами Барцелоной, Тарагоной и Тортозой и присоединить к Франкскому государству всю эту страну под именем «Испанской Марки».

В 788 году Карлу пришлось умирять непокорного вассала, герцога Т а с с и л о баварского, зятя свергнутого с престола лангобардского короля Дезидерия. Так как Тассило воспротивился явиться с своим войском на службу к Карлу, то был потребован на государственный сейм в Вормс, должен был здесь принести присягу в верности и дать обязательство поставить заложников. Но когда вскоре после этого Тассило заключил союз с хищными а в а р а м и, которые жили в нынешней Венгрии и проникли до Инна, то Карл призвал его на сейм в Ингельхейм. Здесь гордый потомок Агилолфингов за нарушение своей

верности был приговорен к смерти. Однако смертный приговор не был приведен в исполнение. Карл удовольствовался тем, что послал Тассило в один монастырь, в котором тот и оставался до своей смерти. Бавария была присоединена к Франкскому государству, герцогское достоинство было в ней уничтожено, а управление ею было передано франкским графам.

Следующую затем войну Карл вел против союзников Тассило, а в а р о в (в 791—799 годах). Карл победоносно прошел до Рааба. Отозванный назад возобновившимся снова восстанием саксов Карл передал продолжение войны своему сыну П и п и н у. Пипин взял приступом «становища»¹ хана (князя) и захватил в добычу все деньги и все сокровища из золота и серебра, которые были собраны в них целыми веками во время набегов аваров на Византийскую империю. Страна между Энном и Раабом под именем аварской марки была присоединена к Франкскому государству. В ней были поселены немецкие и в особенности баварские колонисты, а епископство Зальцбургское было назначено центром для христианского населения этих областей и возведено на степень митрополии. Владычество и имя аваров, которые в это же время подверглись нападению и со стороны болгар, вскоре затем совершенно исчезли.

Теперь Франкское государство обнимало собой огромное пространство земель между Эбро и Раабом, и между Эйдером, и Гарнглиано (близ Гайеты). Между тем в Риме произошла важная перемена. В 795 году умер пана Адриан. Против его преемника Л ь в а III, родственника Адриана, образовался заговор, во главе которого стоял племянник Адриана Пасхалий. В 797 году, во время одной процессии, заговорщики открыто напали на улице на Льва III и подвергли его таким насилиям, что он полумертвый был унесен с площади. Казалось, он был ослеплен и лишился языка. Однако он поправился и бежал к Карлу, который как раз в это время проживал в Падерборне. Карл дал Льву сильное прикрытие, с которым тот и отправился назад в Рим. Туда же последовал за ним и сам король в конце ноября 799 года. После торжественного въезда Карл произвел суд над Пасхалием и его соучастниками. Они были приговорены к смерти, но по ходатайству папы были наказаны лишь изгнанием. Когда Карл в праздник Рождества Христова в соборе Св. Петра преклонил колени перед алтарем и стал творить свою молитву, то папа Лев III возложил ему на голову корону римского императора².

¹ «Становищами» назывались крестообразной формы устроенные из земли и обнесенные плотным частоколом башенки (бастионы), которые вместе с тем служили и резиденциями хана.

² Грегориус, историк города Рима, считает такое описание столь многозначительного события, какое дает нам Эингард, современник и биограф Карла, невероятным. Он скорее предполагает, что «коронованию предшествовало формальное решение высшего собрания всех князей церкви, духовенства, римского дворянства и римского народа».

Многочисленная толпа, состоявшая преимущественно из жителей южных областей, разразилась громким восторгом. Раздался крик: *Carolo augusto a Deo coronato, magno et pacifico imperatori Romanorum vita et victoria!* (Карлу Августу, Богом венчанному, великому и миротворному императору римлян, многая лета и на враги одоление!). Таким образом было восстановлено в христианской форме достоинство римского императора. Значение этого торжественного акта должно было заключаться в следующем: Карл, став императором, являлся светским верховным главой всего римско-германского христианства и вместе с тем покровителем церкви. В этой церкви папа получал значение высшего епископа, духовного верховного главы и в качестве этого последнего являлся хранителем христианских устройств и порядка. Обе власти, государство и церковь, с этого времени должны были, взаимно ограничивая друг друга, единодушно и совместно действовать на благо человечества. В качестве епископа государства, папа, однако, был подчинен императору и был обязан ему верностью. Без соизволения императора не мог быть назначен ни один папа. Отныне в качестве заместителя императора в Риме должен был иметь пребывание и пользоваться в нем высшей законодательной властью императорский посол (*missus* или *legatus*). С другой стороны, лишь после коронования папой, совершаемого «во имя Бога», император получал утверждение в своей власти и освящение своего достоинства. Позднейшая история покажет нам, как эти, вначале мирные, отношения обеих властей вследствие вторжения одной из них в область другой привели их к самым пагубным столкновениям.

Как ни велики были воинские успехи Карла, но он стоит еще выше как законодатель и государственный муж, воспитавший свой народ и возведший его на более высокую степень образования. После уничтожения отдельных национальных герцогств, опасность которых для королевской власти он мог узнать во время борьбы с Тассило, Карл разделил всю империю на небольшие волости, названные «округами». Во главе этих округов он поставил пожизненных или сменяемых управителей, которые носили титул «графов». Обязанность их заключалась в отправлении правосудия и в сборе войск. Пограничные области, или «марки», обладание которыми не могло еще считаться вполне обеспеченным, управлялись «маркграфами»; на их обязанности лежало защищать вооруженной силой границы против неприятельских соседей, а с другими народами завязывать мирные отношения. Чтоб иметь возможность проверять деятельность графов и насколько они исполняют свою обязанность, установлены были так называемые послы (*missi regis*). Они по поручению короля объезжали то тот, то другой округ и следили за тем, чтобы везде соблюдалась справедливость, был бы сохранен государственный и церковный порядок и аккуратно взимались доходы государства и церкви. Как графы являлись сановниками императора в мирских областях, так таковыми же лицами в областях церковных являлись епископы, которые

назначались императором, а паллиум получали от папы; епископы имели надзор за церквями, школами и за общественной нравственностью.

Древнее франкское судопроизводство с его бесчеловечными наказаниями (ослеплением, изувечением, мучительными пытками) Карл по возможности старался смягчить. Смертная казнь назначалась лишь за трусость и государственную измену; всякий проступок и всякое преступление, даже убийство, могли быть искупаемы денежным штрафом, который назывался в и р о й. Кровная месть и жестокое самоуправство разрешались тем, что для их удовлетворения обращались к Б о ж ь е м у с у д у (ордалии). При этом исходили из твердого убеждения, что Бог несомненными признаками обнаружит, кто прав и кто виноват. Были в употреблении преимущественно три вида Божьего суда. Первый заключался в е д и н о б о р с т в е. Кто был побеждаем, тот признавался виновным. Вторым видом Божьего суда было и с п ы т а н и е к о т л о м. Обвиняемый должен был вынуть из котла, наполненного кипящей водой, какой-либо предмет. При и с п ы т а н и и о г н е м он должен был взять в руку раскаленное железо или же пройти по нему. Тот, кто оставался при этом невредимым, считался невинным. В других случаях правда доказывалась присяжными свидетелями, так называемыми «присяжными помощниками», число которых бывало от двух до 72.

Каждый год весной (в мае месяце), как об этом вкратце было упомянуто уже выше, созывались государственные собрания, главным образом для подготовки военных предприятий, а также и для обсуждения вопросов о законодательстве и правосудии, или же об устройстве церковных дел, почему на эти собрания приглашались также епископы, аббаты и прочее духовенство. Здесь Карл выслушивал желания своих духовных и светских сановников и народа. Совместно выработанные на этих собраниях решения, получившие название «капитулярий» (от разделения на капитулы — главы) обращались в государственные законы и получали силу и действие на всем пространстве государства.

Попечение о духовных интересах составляло особенный предмет заботливости Карла. Он собрал при своем дворе ученейших людей своего времени: англосакского монаха А л к у и н а, лонгобардского историка П а в л а В а р н е ф р и д а (Павел Диакон), своего позднейшего биографа Э и н г а р д а (Эгингарда) и грамматика П е т р а П и з а н с к о г о. В сотрудничестве с ними Карл посвятил себя обработке грубого еще немецкого языка и записыванию и собиранию древних героических песен и героических былин. На образование способного духовенства было обращено особенное внимание Карла. Церковные училища и монастырские школы должны были сделаться рассадниками знания и культуры. С этой целью Карл приказал вызвать ученых из Италии и Британии, которые должны были просвещать учением и примером франкское духовенство. Карл заботился также и о школьном преподавании. Повсюду, в особенности при монастырях, он

устраивал народные школы. Духовенству Карл ставил в обязанность прежде самому основательно образоваться и затем уже в качестве учителей приниматься за образование народа. Рассказывают, что Карл лично неоднократно посещал школы. Однажды он сам экзаменовал учеников и затем поставил хороших и прилежных по правую от себя сторону, а дурных и ленивых — по левую. Случилось, что к числу последних принадлежали почти одни только сыновья из знатных семейств. Карл сначала обратился к прилежным детям из низшего сословия и сказал: «Меня сердечно радует, что вы делаете такие хорошие успехи. Продолжайте также и старайтесь преуспевать! Вы преследуете истинное ваше благо и в свое время не преминете получить от меня награду. Вы же, — и тут он, гневный, обратился к стоявшим по левую сторону, — вы, сыновья благородных, вы, баловни, считаете себя богатыми и важными и воображаете, что наука не нужна для вас; вы — ленивые и негодные мальчишки; сказываю вам, — и при этом он с угрозой поднял свою правую руку, — видит Бог, что ваше дворянство и ваши смазливые лица для меня ничего не значат, и не ждите от меня добра, если не загладите нынешней своей лености усердным прилежанием».

Свое живое участие к искусству Карл выказал тем, что призвал к себе и т а л ь я н с к и х музыкантов и архитекторов. Первые из них должны были вытеснить варварское пение франков, которое походило на «вой диких зверей или на стук телеги по бревенчатой мостовой»; последние же построили ему в романском стиле его многочисленные церкви, монастыри, замки и дворцы, преимущественно в его «пфальцах», то есть любимых резиденциях: в Аахене, Ингельхейме, Нимвегене.

Из трех сыновей Карла два самых способных, Карл и Пипин, умерли еще при жизни отца. Внука своего Бернгарда, сына Пипина, Карл сделал королем Италии, а своего третьего сына, слабого Л ю д о в и к а, в 813 году на государственном сейме в Аахене он венчал королевской короной. Карл умер на 71-м году своей жизни в Аахене и был погребен в тамошней Мариинской церкви (в 814 году). В полном императорском облачении, в короне и с мечом, с Евангелием в золотом переплете на коленях, с частицей животворящего Креста на голове, с золотой котомкой у бедра, восседал он прямо на своем мраморном престоле. Таким нашел его император Оттон III, когда в 1000 году приказал открыть могилу героя.

7. Людовик Благочестивый. Вердунский и Мёрзенский договоры (814—870 гг.)

Людовик Благочестивый, человек доброжелательный и ученый, но слабый характером, никоим образом не выказал себя достойным сыном своего великого отца. У него за редкими проблесками твердости следовали проявления величайшей слабости. Под конец

Людовик сделался почти бесхарактерным орудием в руках как духовенства, в отношении к которому он выказывал расточительную щедрость, так и своих прочих советников, старавшихся обращать в свою пользу его неопытность и незнание людей. Едва Людовик был коронован папой Стефаном IV в Реймсе римским императором, как некоторые из окружавших его высших духовных сановников внушили ему мысль предпринять раздел государства между своими сыновьями.

*Людовик Благочестивый.
С изображения
на печати.*

Людовик, не подозревая, что ослабление королевской власти послужит усилению влияния духовенства, согласился с этим планом, и таким образом в 817 году старший сын Лотарь был наименован соправителем, Людовик был сделан королем Баварии, а Пипин остался королем Аквитании. Относительно же положения Бернгарда не было постановлено никакого решения. Но так как Бернгард счел себя умаленным перед младшим Лотарем, то он возмутился. Хотя Бернгард скоро и подчинился, но, несмотря на изъявленную им покорность, был приговорен к смерти и по приказанию Людовика ослеплен и от этого увечья умер (в 818 году).

После смерти своей супруги Ирменгарды Людовик женился на Юдифи, прекрасной, но честолюбивой и далеко превосходившей его по своим умственным способностям дочери баварского графа Вельфа. От этого второго брака Людовика родился Карл Лысый (в 823 году). Юдифь в интересах своего сына сумела убедить супруга совершить новый раздел государства. Шестилетнему Карлу по повелению Людовика было предоставлено герцогство Алеманния (в 826 году). Последствием этого было восстание трех сыновей от первого брака против их отца. Они выступили против него в поле, и уже войска обеих сторон стояли друг против друга на Красном поле (Rotfeld), в окрестностях Кольмара (в 833 году).

В числе окружавших Лотаря находился папа Григорий IV который прибыл к нему с целью посредничества. Во время переговоров, происходивших в лагере императора, солдаты целыми толпами стали переходить на сторону его сыновей. Поэтому поле это было прозвано «Лживым полем». Тогда Людовик безусловно отдался в руки своих сыновей. Лотарь повез своего отца, как пленника, в Соассон и заключил его там в монастырь Св. Медарда. Перед многочисленным собранием духовных и светских вельмож Людовик, преклонив колени на власянице, должен был прочесть вслух список своих прегрешений. Обесславленный и униженный, таким образом, он на будущее время объявлялся неспособным к ношению оружия и вместе с тем к управлению государством. Но такое позорное обращение возбудило неудовольствие народа и других двух братьев Лотаря. Людовик освободил своего

отца, который содержался в это время в Сен-Дени (вблизи Парижа) и снова восстановил его на престоле (в 834 году). После смерти Пипина в 838 году слабый император позволил Юдифи вновь склонить себя на третий раздел. Людовик должен был удержать за собой только Баварию, остальное же должны были разделить между собою Лотарь и Карл Лысый. Это возбудило неудовольствие Людовика, и он взялся за оружие. Но прежде чем дело дошло до вооруженного столк-

Лотарь.

С изображения в Евангелии в Париже.

новения между отцом и сыном, Людовик Благочестивый умер от печали на одном из островов Рейна, близ Ингельгейма (в 840 году).

Так как теперь властолюбивый Лотарь пожелал присоединить к себе все Франкское государство, то Людовик и Карл Лысый заключили между собою союз и разбили Лотаря при Фонтенелле (близ Оксерра) в 841 году. Но на этом война не кончилась, а продолжалась еще в течение двух лет без решительных последствий. В Страсбурге оба брата возобновили свой союз. В присутствии войск обеих сторон они покля-

*Карл Лысый.
С миниатюры.*

лись на немецком и романском языках в обоюдной дружбе и верности. Ввиду превосходства их сил Лотарь отступил обратно в Бургундию. Отсюда он отправил посольство с предложением мировой сделки, и таким образом был заключен <M%20Вердунский договор о разделе (Vigodunum) в 843 году. Согласно этому договору, Людовик получил Восточную Франконию, то есть Германию, откуда он получил прозвание «Немецкого». Восточная Франкония заключала в себе все области на правом берегу Рейна до восточной границы, то есть Баварию, Алеманнию, Восточную Франконию, Саксонию и, кроме того, некоторые округа на левом берегу Рейна, а именно епископства Майнцское, Вормское и Шпейерское. Карл Лысый получил Западную Франко-

нию (Францию), то есть Аквитанию, Септиманию, Нейстрию, северную часть Бургундии и Испанскую область. Лотарь получил среднюю часть Франкского государства, то есть довольно широкие полосы между Роной, Саоной и Маасом, с одной стороны, и Альпами и Рейном — с другой (Лотарингию и большую часть Бургундии), сверх того, Фрисландию и Лонгобардское государство вместе с титулом императора.

Род Лотаря скоро угас. Сам Лотарь в 855 году удалился в монастырь Прюм в Эйфельгебирге. Его старший сын Людовик II получил только императорское достоинство и Италию, второй — Лотарь II — Среднюю Франконию и Фрисландию, а младший Карл — Прованс и Бургундию. Когда два последних умерли бездетными, то Людовик II не был в состоянии воспрепятствовать Людовику Немецкому и Карлу Лысому поделить между собой оставшееся после его братьев наследство. Раздел этот произошел в силу договора в Мёрзене на Маасе (в 870 году). Карл Лысый удержал за собой лежавшие на левом берегу Мааса и Мозеля и на правом берегу Роны части государства Лотаря, а Людовик Немецкий — Восточную Лотарингию вместе с Эльзасом и Фрисландией. Таким образом города Утрехт, Аахен, Мец, Трир, Кёльн, Страсбург и Базель перешли на немецкую сторону, а Лион, Безансон, Вьенн, Туль, Вердюн, Камбре — на французскую.

Со времени установления договоров в Вердюне и Мёрзене начинается самостоятельное развитие, с одной стороны, немецкой, а с другой — французской национальностей. Внешнее выражение этой перемены заключается в образовании обоих языков, немецкого и французского. С этого времени Германия и Франция остаются навсегда разделенными между собой, так как весьма непродолжительное соединение их под скипетром Карла Толстого (884—887) не может быть принимаемо во внимание.

8. Германия под управлением Каролингов

(842—911 гг.)

С Людовиком Немецким (843—876) начинается ряд немецких Каролингов, а с Карлом Лысым — ряд французских Каролингов. В Германии Каролинги правили до 911, а во Франции до 987 года, а в этом последнем году с Гуго Капетом на французский престол восходят Капетинги.

Людовику Немецкому приходилось напрягать все усилия, чтобы охранять себя от страшного врага, который в это время посетил почти всю Западную Европу. То были норманны (люди севера, викинги), северогерманские племена, которые предпринимали свои разбойничьи набеги из Дании и со Скандинавского полуострова. Предводимые своими отважными князьями, которых они называли «морскими королями», норманны проникали на своих легких судах,

сидевших весьма мелко, в устья рек и подымались по ним вверх по течению; Кёльн, Трир, Париж, Орлеан чувствительно пострадали во время их опустошительных набегов, Гамбург же был ими совершенно разрушен.

Когда император Людовик II умер в 875 году, не оставив после себя наследников, то Людовик Немецкий и Карл Лысый заспорили об императорском достоинстве и Лонгобардском королевстве. Людовик Немецкий, как старший, имел ближайшее право на императорское достоинство, но Карл Лысый быстро двинулся со своим войском на Рим

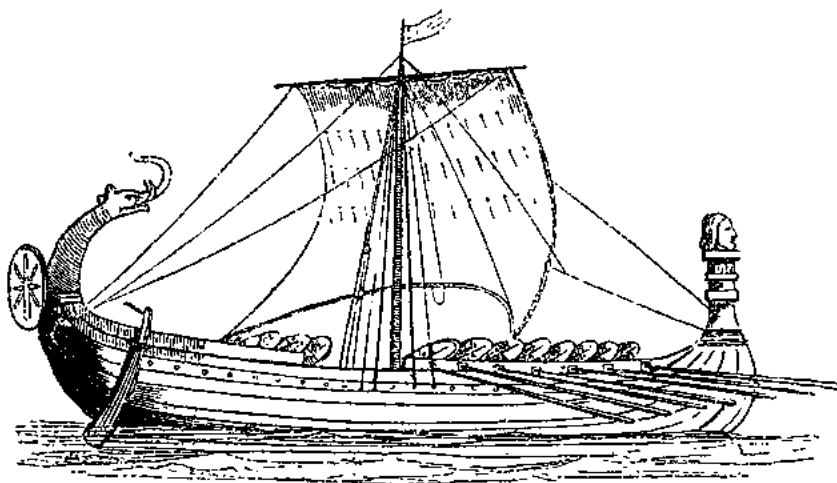
*Людовик Немецкий.
С изображения на печати.*

и заставил папу Иоанна VIII короновать себя. Благодаря такому соперничеству между братьями папа получил решающее значение в деле обладания императорской короной и привлек к мысли располагать ею в качестве верховного сюзерена. Избранный лонгобардскими вельможами в лонгобардские короли, Карл Лысый вознамерился после смерти Людовика Немецкого (в 876 году) отнять у его сыновей немецкие области, лежавшие на левом берегу Рейна, но был разбит при Андернахе одним из этих сыновей, младшим Людовиком. Людовик Немецкий перед своей смертью разделил Германское государство между сво-

ими тремя сыновьями. Но двое старших из них, Карломанн и Людовик, скоро умерли, и таким образом переживший обоих своих братьев Карл Толстый получил все германское государство (в 882 году) вместе с завоеванным его братом Карломанном Лонгобардским государством (или королевством Италией), а от папы императорскую корону. А так как из рода Карла Лысого оставался в живых один лишь пятилетний его внук Карл Простой, то Карл Толстый был провозглашен французскими вельможами и королем Франции (в 884 году).

Таким образом, вся монархия Карла Великого, за исключением Бургундии¹, соединилась еще раз в одних руках. Но Карл Толстый оказался совершенно недостойным оказанного ему доверия. Вместо того, чтобы с мечом в руках сражаться с разбойничьими шайками норманнов, он предпочел умиротворять их золотом и уступкой земель. Благодаря этому Карл Толстый возбудил к себе презрение по эту и по ту сторону Рейна. Французы выбрали в свои короли храброго графа Одо Парижского (887—898), который спас город Париж от сильно

¹ Только Бургундия во время правления графа Бозо Вьеннского и графа Рудольфа сумела сделаться независимой. В 879 году Бозо сделался королем Нижней Бургундии, которая включала в себе Прованс, Дофинэ и часть Лангедока с городами Лионом, Греноблем, Нимом и Арлем; Рудольф сделался королем Верхней Бургундии (Западная Швейцария, Франшконтэ и Савойя) с городами Безансоном, Лозанной, Женевою. Сын Рудольфа, Рудольф II, в 933 году соединил обе Бургундии в Арелатское королевство, столицей которого был Арль (Arelate).

*Норманнский корабль.
Реставрация.*

притеснявших его норманнов; после же его смерти они позволили вступить на французский престол вышеупомянутому Карлу Простому (898—929). За ним следовали Каролинги Людовик IV, Лотарь III и Людовик V. После смерти последнего (в 987 году) королевский титул принял Гуго Капет, граф Парижский и герцог Франсийский, и добился своего признания со стороны вассалов. С ним начинается династия Капетингов, от которых происходят Бурбоны. Германцы на государственном сейме в Форхгейме (в 887 году) объявили Карла Толстого низложенным с престола и возвели на престол храброго герцога Арнульфа Каринтийского — сына Карломанна и племянника Карла Толстого (887—899). Арнульф совершенно разбил при Лёвене на Диле внушавших до тех пор всеобщий страх норманнов (в 891 году). Он также счастливо сражался с славянским королем Моравии и Богемии, Святополком (Свентиборьд), но при этом допустил большую ошибку, призвав, к несчастью, к себе на помощь против моравов и богемцев дикий кочевой народ венгров (magyar, следует выговаривать маджары или мадьары). Венгры в самом непродолжительном времени не замедлили обратиться из союзников в самых лютых врагов Германского государства. Венгры, как и гунны, на которых они походили и наружностью, и нравами, вторглись в Европу из Азии. Они поселились на обширных равнинах реки Тейсы и предпринимали отсюда свои разбойничьи набеги на запад.

*Карл Толстый.
С изображения
на печати.*

*Арнульф Каринтийский.
С изображения на печати.*

*Людовик Дитя.
С изображения на печати.*

Арнульф сначала не имел большого успеха в войне с Святополком, так как тот постоянно оставался в своих сильных укреплениях; но после скорой смерти Святополка Моравское государство распалось. Богемия подчинилась королю Арнульфу; мадьяры заняли всю страну между Дунаем и Тейсой (Тиссой) и проникли до Эннса. Арнульф совершил два похода в Италию, в которой два герцога спорили между собой из-за лонгобардской короны, был коронован в Риме папой императором и умер в 899 году в Регенсбурге.

Светские и духовные вельможи Германии избрали 21 января 900 года в Форхгейме сына Арнульфа, шестилетнего Людовика (Дитя) королем Германии. Управление государством в качестве опекуна малолетнего короля принял на себя архиепископ Гаттон Майнцский. Королевская власть утратила почти всякое свое значение. Государство было бессильно против ежегодно повторявшихся разбойничьих вторжений со стороны мадьяр. Начиная с 900 года Бавария несколько раз, а в 906 году также Саксония и Тюрингия, Франкония и Швабия подверглись опустошению, и ты-

сячи беззащитных жителей были уведены в плен. Внутри же государства царили расстройство и беспорядок; вельможи беспрепятственно враждовали между собой. Королевская власть пала так низко, что от нее осталась одна тень. Светские и духовные вассалы распоряжались по своему произволу в своих владениях, увеличивали их по своему собственному усмотрению и постепенно достигли по отношению к королю независимого положения. Скоро дело зашло так далеко, что прежние герцогства, уничтоженные Карлом Великим, вновь возникли, как например в Саксонии, Франконии, Баварии, Швабии и Лотарингии. Людовик умер на 18-м году своей жизни, и с ним утало прямое мужское поколение Каролингов в Германии (в 911 году).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	5
Предания о первобытных временах	8
1. Еврейские предания	8
2. Греческие предания	10

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ПЕРИОДЫ

(от начала времен до Кира)

I. Древние египтяне	15
1. Древнейшая история египтян	20
2. Религия, государственное устройство, искусства и гражданская жизнь в Древнем Египте	32
II. Евреи (израильтяне, иудеи)	40
1. Моисей	40
2. Ханаан и его соседи: финикийцы, сирийцы, ассирийцы и вавилоняне	47
III. Древние вавилоняне и древние ассирийцы	54
Культура халдеев и ассирийцев	56
IV. Иисус Навин и судии	62
1. Иеффай	63
2. Сампсон	64
3. Самуил (1109 г. до Р. Х.)	68
V. Теократическая монархия	71
Саул, Давид и Соломон (1055—953 гг. до Р. Х.)	71
VI. Разделение царства Иудейского	80
VII. Царства Израильское и Иудейское до падения первого из них (953—721 гг. до Р. Х.)	82
VIII. Падение Ассирийского царства. Царства Ново-Вавилонское и Мидийское.	87
IX. Падение царства Иудейского	90
X. Арийцы	95
1. Иранские арийцы, или Зендский народ	95
2. Индийские арийцы, или Индусы	97

XI. Мидийское царство при Астиаге	108
XII. Кир — основатель Персидской монархии	109
1. Юность Кира, конец царства Мидийского	109
2. Падение царства Лидийского при Крезе. (540 г. до Р. Х.)	116
3. Падение царства Ново-Вавилонского. Смерть Кира	125
XIII. Псамметих I и последние фараоны. (655—345 гг. до Р. Х.)	132
XIV. Греки	
1. Начало греческих государств	136
2. Героический период греческой истории	140
1) Главные герои и их подвиги	140
2) Общие предприятия героического периода	148
Фиванские войны, Лабдакиды, или Сказание об Эдипе	148
Поход аргонавтов	152
Троянская война	154
Сцены из «Илиады»	159
Прощание Гектора с Андромахой	167
Возвращение греков по разорении Трои	179
Сцены из Одиссеи	182
а) Одиссей в царстве теней.	182
б) Одиссей у феаков	184
в) Женихи Пенелопы.	189
г) Поездка Телемака в Пилос и Спарту	190
д) Одиссей на родине	195
3. Переселение дорян. Колонии. (1100 г. до Р. Х.)	203
4. Государственная реформа Ликурга в Спарте. (Около 800 г. до Р. Х.)	205
5. Первая и вторая Мессенские войны. (730—710 гг. и 645—630 гг.)	217
6. Солон — законодатель афинский. (594 г. до Р. Х.)	222
7. Пизистрат. (560—510 гг. до Р. Х.)	230
8. Дельфийский оракул. Союз Амфикионов. Общественные игры	233
9. Духовная жизнь греков: религия, искусства и науки	239
XV. Римляне	
1. Коренное население Италии	258
2. Основание Рима. Ромул. (753 г. до Р. Х.)	259
3. Нума Помпилий. (715—672 гг. до Р. Х.)	265
4. Тулл Гостилий. (672—640 гг. до Р. Х.)	269
5. Анк Марций. (644—616 гг. до Р. Х.)	272
6. Тарквиний Приск. (616—578 гг. до Р. Х.)	273
7. Сервий Туллий. (578—534 гг. до Р. Х.)	276

ТРЕТИЙ ПЕРИОД (от Кира до Александра)

I. Персидское государство	285
1. Камбиз и Лже-Смердис. (529—522 гг. до Р. Х.)	285
1) Персидское государство при Камбизе	285

2. Дарий, сын Гистаспа. (521—485 гг. до Р. Х.)	289
3. Государственное устройство и состояние духовного развития Персидской монархии при Дарии	298
II. Греция.	304
1. Состояние Греции перед Персидской войной; изгнание Пизистратидов; Клисфен; Афины — демократическая республика	304
2. Восстание ионян в Малой Азии. (504 г. до Р. Х.).	309
3. Первый и второй походы Дария против греков. Битва при Марафоне. (493—490 гг. до Р. Х.).	313
4. Мильтиад, Фемистокл и Аристид. (489—488 гг. до Р. Х.).	319
5. Поход Ксеркса	321
а) Поход через Геллеспонт, Фракию и Македонию. (489—481 гг. до Р. Х.).	321
б) Фермопилы, Артемизия и Саламин. (481 г. до Р. Х.)	323
в) Платей и Микале. (479 г. до Р. Х.).	335
6. Война сицилийских греков с карфагенянами. Гелон. (480 г. до Р. Х.)	342
7. Фемистокл, Павзаний, Аристид. Господство афинян на море. (478—477 гг. до Р. Х.)	344
8. Правление Кимона. Победа при Евримедоне. (473—469 гг. до Р. Х.)	353
9. Перикл. Третья Мессенская война. Падение Кимона. (464—401 гг. до Р. Х.)	356
10. Борьба между Спартой и Афинами. Сражение при Танагре. Смерть Кимона. (456—449 гг. до Р. Х.)	359
11. Величие Афин в управление Перикла. (450—431 гг. до Р. Х.)	362
12. Военные действия Афин до начала Пелопоннесской войны. (450—431 гг. до Р. Х.)	367
13. Пелопоннесская война. (431—404 гг. до Р. Х.)	369
а) Начало войны. Чума в Афинах. Никиев мир. (431—421 гг. до Р. Х.).	369
б) Алкивиад. События до Сицилийской экспедиции. (422—415 гг. до Р. Х.).	380
в) Сицилийская экспедиция афинян. (415—413 гг. до Р. Х.)	382
г) Военные действия Афин и внутренние смуты в них до возвращения Алкивиада. (413—408 гг. до Р. Х.)	388
д) Лизандр; сражение при Эгос-Потамосе. Падение Афин. (407—404 гг. до Р. Х.).	395
14. Гегемония Спарты. Грозное правление «тридцати» в Афинах. Фразибул	400
15. Умственная жизнь греков в цветущий период их истории	403
16. Сократ и его последователи	411
17. Поход Кира Младшего против Артаксеркса Кунакса. Отступление десяти тысяч греков. (401 г. до Р. Х.)	418
18. Борьба Спарты с Персией. Агезилай и Тиссаферн. (400—394 гг. до Р. Х.)	422

19. Коринфская война. Смерть Лизандра. Конон. Анталкидов мир. (397—398 гг. до Р. Х.)	424
20. Фиванская гегемония. Пелопид. Эпаминонд. Левктра, Мантиния. (379—362 гг. до Р. Х.)	428
21. Филипп Македонский. Демосфен. Священная война. Херонея. (389—336 гг. до Р. Х.)	441
22. Александр Македонский. (336—323 гг. до Р. Х.)	458
а) Юность. — Разрушение Фив. (356—335 гг. до Р. Х.)	458
б) Александр в Малой Азии. Граник и Исса. (334—333 гг. до Р. Х.)	460
в) Александр в Тире и Египте. (332—331 гг. до Р. Х.)	467
г) Битва при Гавгамеле. Вавилон и Персеполь. (Ноябрь 331 г. до Р. Х.)	469
д) Смерть Дария. Александр в Северо-Восточной Персии. Филот и Клит. (330—328 гг. до Р. Х.)	470
е) Александр в Индии. (327—326 гг. до Р. Х.)	473
ж) Возвращение и смерть Александра. (326—323 гг. до Р. Х.)	476
23. Сиракузы. Два Дионисия. Дион. Тимолеон. Агафокл.	480
III. Римская история	485
1. Тарквиний Гордый. Уничтожение в Риме царской власти. (534—610 гг. до Р. Х.)	485
2. Заговор в Риме и новое государственное устройство	489
3. Война с изгнанными Тарквиниями. Порсена. (509—496 гг. до Р. Х.)	494
4. Удаление возмущившихся плебеев на Священную гору. Учреждение народных трибунов. Кориолан. (494—491 гг. до Р. Х.)	498
5. Первый закон о полях. Закон Терентилия Арсы. Децемвиры. (480—450 гг. до Р. Х.)	501
6. Законы Валерия и Горация. Канулей. Военные трибуны с консульской властью. (448—444 гг. до Р. Х.)	505
7. Завоевание города Вейев. Камилл. (405—396 гг. до Р. Х.)	507
8. Галлы в Риме. Камилл. (390 г. до Р. Х.)	510
9. Манлий Капитолин. Борьба за государственные должности. Законы Лициния. (385—366 гг. до Р. Х.)	513

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД (от Александра до Августа)

Обзор.	519
I. Времена Диадхов, то есть преемников Александра Великого. (323—301 гг. до Р. Х.)	521
1. Битва при Кранноне. Борьба полководцев Александра Великого; сражение при Ипсе	521
2. Димитрий Полиоркет	527
3. Египет под властью Птолемеев. (323—30 гг. до Р. Х.)	530

4. Сирия при Селевкидах. (301—64 гг. до Р. Х.)	533
5. Македония и Греция после смерти Александра. Ахейский и Этолийский союзы. (323—168 гг. до Р. Х.)	538
6. Спарта при Агисе III и Клеомене III. (244—220 гг. до Р. Х.)	542
7. Науки и искусства в македоно-эллино-александрийский период	544
II. Римляне	551
1. Первая Самнитская война. (343—341 гг. до Р. Х.)	551
2. Латинская война. (340—337 гг. до Р. Х.)	557
3. Вторая Самнитская война. (325—305 гг. до Р. Х.)	562
4. Третья Самнитская война. (298—290 гг. до Р. Х.)	567
5. Война с Тарентом и Пирром. (282—272 гг. до Р. Х.)	569
6. Первая Пуническая война. (264—241 гг. до Р. Х.)	577
1) Карфаген и Рим	577
2) Борьба в Сицилии	580
3) Морская победа Дуилия при Милах	582
4) Регул в Африке.	585
5) Продолжение борьбы в Сицилии. Гамилькар Барка	586
6) Сражение при Эгатских островах. Сицилия — первая римская провинция	588
7) События между первой и второй Пуническими войнами	590
7. Вторая Пуническая война, или Война с Ганнибалом. (218—201 гг. до Р. Х.)	593
1) Завоевание Сагунта и поход в Италию. (219—218 гг. до Р. Х.)	593
2) Тичина, Требия, Тразименское озеро и Канны. (218—216 гг. до Р. Х.)	597
3) Ганнибал в Нижней Италии. Война в Испании. Марцелл в Сиракузах	604
4) Газдрубал на Сене. Возвращение Тарента. Смерть Марцелла	610
5) П. Корнелий Сципион в Испании и Африке. Битва при Заме. Мир	615
8. Первая Македонская война. Римляне в Греции. (200—197 гг. до Р. Х.)	620
9. Война с Антиохом Сирийским. Смерть Ганнибала. (193—189 гг. до Р. Х.)	625
10. Вторая Македонская война: Персей, Эмилий Павел. Пидна. (171—168 гг. до Р. Х.)	632
11. Антиох Епифан	644
12. Третья Пуническая война. Разрушение Карфагена. (149—146 до Р. Х.)	646
13. Присоединение Македонии и Греции. Разрушение Коринфа. (146 г. до Р. Х.)	652
14. Присоединение Испании. Разрушение Нуманции. (151—133 гг. до Р. Х.)	659
15. Военное искусство римлян.	663
16. Духовное и общественное развитие Рима	671

17. Волнения Гракхов. (133—121 гг. до Р. Х.)	675
18. Война с Югуртой. (111—106 гг. до Р. Х.)	680
19. Кимвры и тевтоны. (113—101 гг. до Р. Х.)	686
20. Марий и демагоги Сатурнин и Главция. (100 г. до Р. Х.)	689
21. Реформы, предложенные М. Ливием Друзом. Союзническая, или Марсийская война. (91—88 гг. до Р. Х.)	691
22. Митридат VI Эвпатор. (130—63 гг. до Р. Х.)	693
23. Первая гражданская война. Марий и Сулла. (88 г. до Р. Х.)	696
24. Первая война с Митридатом. (87—84 гг. до Р. Х.)	698
25. Л. Корнелий Цинна. Смерть Мария. (87—85 гг. до Р. Х.)	700
26. Возвращение и грозное правление Суллы; перемены в государ- ственном устройстве; удаление и смерть Суллы. (83—78 гг. до Р. Х.)	702
27. Смуты после смерти Суллы; Лепид (78—77 гг. до Р. Х.); Серторий (80—72 гг. до Р. Х.); Спартак (73—71 гг. до Р. Х.)	709
28. Война с морскими разбойниками. (67 г. до Р. Х.)	713
29. Лукулл; вторая война с Митридатом. Помпей. (74—67 гг. до Р. Х.)	715
30. Помпей в Азии. (67—62 гг. до Р. Х.)	720
31. Заговор Катилины. (63 г. до Р. Х.)	725
32. М. Туллий Цицерон. (Род. в 106, ум. в 43 году до Р. Х.)	729
33. Первый триумвират. (60 г. до Р. Х.)	734
34. Гай Юлий Цезарь. (Род. в 100 (99 ?) г., ум. в 44 году до Р. Х.)	736
35. Цезарь в Галлии. (58—51 гг. до Р. Х.)	743
36. Клодий. Возвращение Цицерона. Съезд триумвиров в Лукке. (58—55 гг. до Р. Х.)	752
37. Смерть Красса в Сирии. (Июнь 53 г. до Р. Х.)	755
38. Накануне Второй гражданской войны. (19 г. до Р. Х.)	757
39. Вторая гражданская война. (49—45 гг. до Р. Х.)	762
40. Цезарь — диктатор. Законы Юлия Цезаря. Его смерть. (45—44 гг. до Р. Х.)	778
41. Октавиан. — Мутиненская война. — Второй триумвират. (44 и 43 гг. до Р. Х.)	785
42. Филиппы. — Антоний в Азии. (42—41 гг. до Р. Х.)	792
43. Перузианская война. Секст Помпей. Лепид. (41—36 гг. до Р. Х.)	795
44. Антоний и парфяне. Третья гражданская война. (36—30 гг. до Р. Х.)	798
III. Рим при императорах	
1. Походы Августа против германцев. Домашняя жизнь Августа. Его смерть. (30 г. до Р. Х. — 14 г. после Р. Х.)	804
2. Состояние государства при Августе. Золотой век римской литературы	811
3. Иудеи. Иисус Христов	815

ПЯТЫЙ ПЕРИОД (от Августа до Каролингов)

I. Римские императоры до Константина и его ближайших преемников. (14—388 гг. после Р. X.)	823
1. Тиберий. Калигула. Клавдий. Нерон. (14—68 гг. после Р. X.)	823
2. Гальба. — Отон. — Вителлий (68—69 гг. после Р. X.). Веспасиан (69—79 гг. после Р. X.)	836
3. Тит (79—81 гг. после Р. X.). Домициан (81—96 гг. после Р. X.).	842
4. Императоры второго столетия после Р. X.	847
5. Императоры третьего столетия	855
6. Константин — единовластитель. (325—337 гг. после Р. X.).	865
7. Христианство до четвертого столетия.	868
8. Преемники Константина до переселения народов. (337—375 гг. после Р. X)	878
II. Переселение народов и падение Западной Римской Империи. (375—591 гг. после Р. X.)	883
1. Гунны. Валент и вестготы. Феодосий Великий. (375—395 гг. после Р. X.).	883
2. Продолжение разделения Римской империи. Гонорий и Аркадий. Стилихон и Аларих. Вестготское государство	886
3. Вandalское государство при Гейзерихе. Англосаксы в Британии. Аттила.	890
4. Окончательное падение Западной Римской Империи. Ромул Августул. Одоакр. (476 г.)	894
5. Остготы в Италии. Теодорих Великий. Велизарий и Нарзее. (489—555 гг.)	895
6. Албоин. Лангобардское королевство. (568—774 гг. после Р. X.)	899
III. Начало Средних веков. Франкское государство при Меровингах и Каролингах. Магомет. (481—911)	901
1. Франкское государство. Хлодвиг и Меровинги. (481—762).	901
2. Франки под управлением палатных мэров. Пипин Геристальский и Карл Мартелл. (687—741 гг. после Р. X.)	908
3. Пипин Короткий. (741—768 гг. после Р. X.)	909
4. Распространение христианства во Франкском королевстве. Бонифаций	912
5. Магомет и калифы	916
6. Карл Великий. (768—814 гг. после Р. X.)	924
7. Людовик Благочестивый. Вердунский и Мёрзенский договоры. (814—870 гг.)	933
8. Германия под управлением Каролингов. (842—911 гг.).	937

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии
«Полное издание в одном томе»
присылать по адресу:
125565, Москва, а/я 4,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»
или по e-mail: тун@armada.ru
Информацию об издательстве и книгах
можно получить на нашем сайте в Интернете:
<http://www.armada.ru>*

Литературно-художественное издание

Полное издание в одном томе

Карл Беккер
ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ
ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ

Заведующий редакцией
В. Н. Маршавин

Ответственный редактор
Е. Г. Басова

Художественный редактор
Л. В. Меркулова

Технический редактор
А. А. Еришова

Корректор
Н. А. Карелина

Компьютерная верстка
П. Э. Кутепова

Подписано в печать 08.10.12. Формат 60х90/16.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 60,00. Тираж 5000 экз.
Изд. № 6486. Заказ № 4205100

ООО «Издательство АЛЬФА-КНИГА»
125565, Москва, а/я 4; ул. Расковой, д. 20

Отпечатано с готовых файлов заказчика в филиале
«НИЖПОЛИГРАФ» ОАО «Первая Образцовая типография»
603950, г. Нижний Новгород, ГСП - 123, ул. Варварская, 32.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА представляет серии

«ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ» и «ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ»

- Н. КАРАМЗИН** История Государства Российского.
Полное издание в одном томе
- ДЖ. ВАЗАРИ** ... Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих.
Полное издание в одном томе
- А. АФАНАСЬЕВ** Народные русские сказки.
Полное издание в одном томе
- Ф. ГРЕГОРОВИУС** История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия).
Полное издание в одном томе
- ПЛУТАРХ** Сравнительные жизнеописания.
Полное издание в одном томе
- Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ** Христос и Антихрист.
Полное издание в одном томе
- А. ЛОПУХИН** Библейская история Ветхого и Нового Заветов.
Полное издание в одном томе
- Ж. ВЕРН** История великих путешествий.
Полное издание в одном томе
- Ф. ГРЕГОРОВИУС** История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). *Полное издание в одном томе*
- А. ДЮМА** Королева Марго. Графиня де Монсоро. Сорок пять.
(Трилогия о Генрихе Наваррском). *Полное издание в одном томе*
- А. ДЮМА** Три мушкетера. Двадцать лет спустя. Виконт де Бражелон.
(Трилогия о мушкетерах). *Полное издание в двух томах*
- М. ПРУСТ** В поисках утраченного времени.
Полное издание в двух томах
- В. КЛЮЧЕВСКИЙ** Курс русской истории.
Полное издание в одном томе
- Ж. САНД** Консуэло. Графиня Рудольштадт. (Дилогия).
Полное издание в одном томе
- А. ДЮМА** Граф Монте-Кристо.
Полное иллюстрированное издание в одном томе
- А. СОЛЖЕНИЦЫН** Архипелаг ГУЛАГ.
Полное издание в одном томе
- Ж. ВЕРН** Дети капитана Гранта. Двадцать тысяч лье под водой. Таинственный остров.
(Трилогия). *Полное иллюстрированное издание в одном томе*
- М. МОНТЕНЬ** Опыты.
Полное издание в одном томе
- АРАБСКИЕ СКАЗКИ** Книга тысячи и одной ночи.
Полное издание в двух томах
- А. РЫБАКОВ** Дети Арбата. Страх. Прах и пепел. (Трилогия).
Полное издание в одном томе
- Н. КОСТОМАРОВ** Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей.
Полное издание в одном томе
- А. ДЮМА** Жозеф Бальзамо.
Полное издание в одном томе
- О. ШПЕНГЛЕР** Закат Западного мира.
Полное издание в одном томе
- С. ВИТТЕ** Воспоминания.
Полное издание в одном томе

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА представляет серию

«ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ» и «ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ»

- Э. СЮ Агасфер.
Полное издание в одном томе
- М. ТВЕН Янки из Коннектикута при дворе короля Артура. Принц и нищий.
Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна.
Том Сойер за границей. Том Сойер — сыщик. (Шесть романов и повестей).
Полное иллюстрированное издание в одном томе
- Ю. GERMAN Россия молодая.
Полное издание в одном томе
- Ф. КУПЕР Зверобой. Последний из могикиан. Следопыт. Пионеры. Прерия.
(Пенталогия). *Полное издание в одном томе*
- А. ДЮМА История знаменитых преступлений.
Полное издание в одном томе
- Л. РАКОВСКИЙ Генералиссимус Суворов. Адмирал Ушаков. Кутузов.
(Исторические романы). *Полное издание в одном томе*
- В. КОСТЫЛЕВ Иван Грозный. (Исторический роман в трех книгах).
Полное издание в одном томе
- В. ЯЗВИЦКИЙ Иван III – государь всея Руси.
Полное издание в одном томе
- А. ДЮМА Три мушкетера. Двадцать лет спустя. (Два романа).
Полное иллюстрированное издание в одном томе
- Ж. ВЕРН Вокруг света за 80 дней. Пятнадцатилетний капитан.
Жангада. Михаил Строгов. Плавающий город. (Пять романов).
Полное иллюстрированное издание в одном томе
- Ю. ТЫНЯНОВ Кюкля. Смерть Вазир-Мухтара. Пушкин. (Исторические романы)
Полное издание в одном томе
- И. ФЛАВИЙ Иудейские древности. Иудейская война. Против Алиона.
Полное издание в одном томе
- Р. СТИВЕНСОН Остров сокровищ. Черная стрела. Похищенный.
Катриона. Владелец Баллантрэ. Павильон на холме.
Странная история доктора Джекила и мистера Хайда.
Полное иллюстрированное издание в одном томе
- А. САХАРОВ Воспоминания
Полное издание в одном томе
- В. КРЕСТОВСКИЙ Петербургские трущобы.
Полное издание в одном томе
- А. ДЮМА Людовик XIV и его век.
Полное издание в одном томе
- К. МАЙ Верная Рука. (Трилогия).
Полное иллюстрированное издание в одном томе
- Л. БУССЕНАР Приключения парижанина. (Трилогия).
Полное иллюстрированное издание в одном томе
- В. СКОТТ Айвенго. Квентин Дорвард.
Полное иллюстрированное издание в одном томе
- ГОМЕР Илиада. Одиссея.
Н. Кун. Что рассказывали древние греки о своих богах и героях.
Полное издание в одном томе

Издание серии продолжается

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА представляет серии

«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ» и «ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ»

- А. КОНАН ДОЙЛ** Полное собрание произведений о Шерлоке Холмсе в одном томе
- Г. Х. АНДЕРСЕН** Полное собрание сказок и историй в одном томе
- Г. К. ЧЕСТЕРТОН** Полное собрание произведений об отце Брауне в одном томе
- М. ЦВЕТАЕВА** Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе
- У. ШЕКСПИР** Полное собрание сочинений в одном томе
- А. ПУШКИН** Полное собрание сочинений в одном томе
- М. БУЛГАКОВ** Полное собрание романов, повестей, рассказов в одном томе
- О. УАЙЛЬД** Полное собрание прозы и драматургии в одном томе
- Р. КИПЛИНГ** Полное собрание рассказов для детей в одном томе
- Ф. КАФКА** Полное собрание сочинений в одном томе
- Б. ПАСТЕРНАК** Полное собрание поэзии и прозы в одном томе
- А. АХМАТОВА** Полное собрание поэзии и прозы в одном томе
- Н. ГОГОЛЬ** Полное собрание сочинений в одном томе
- Ф. ДОСТОЕВСКИЙ** Полное собрание романов в двух томах
- МОЛЬЕР** Полное собрание сочинений в одном томе
- Л. ТОЛСТОЙ** Полное собрание романов и повестей в двух томах
- БРАТЯ ГРИММ** Полное собрание сказок и легенд в одном томе
- А. ЧЕХОВ** Полное собрание повестей, рассказов и юморесок в двух томах
- М. ЛЕРМОНТОВ** Полное собрание сочинений в одном томе
- А. КУПРИН** Полное собрание романов и повестей в одном томе
- С. ЕСЕНИН** Полное собрание сочинений в одном томе
- И. ИЛЬФ, Е. ПЕТРОВ** Полное собрание сочинений в одном томе
- Э. А. ПО** Полное собрание сочинений в одном томе
- О. МАНДЕЛЬШТАМ** Полное собрание поэзии и прозы в одном томе
- ЭЗОП, ЛАФОНТЕН, КРЫЛОВ** Полное собрание басен в одном томе
- М. БУЛГАКОВ** Полное собрание пьес, фельетонов и очерков в одном томе
- Ф. ДОСТОЕВСКИЙ** Полное собрание повестей и рассказов в одном томе

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА представляет серии

«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ» и «ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ»

- А. ЧЕХОВ Полное собрание пьес в одном томе
Ги де Мопассан Полное собрание романов, повестей и новелл в двух томах
Л. ТОЛСТОЙ Полное собрание рассказов и пьес в одном томе
А. КУПРИН Полное собрание рассказов в одном томе
Г. СЕНКЕВИЧ Полное собрание исторических романов в двух томах
Г. КЭРРОЛЛ..... Полное иллюстрированное собрание сочинений в одном томе
Г. ФЛОБЕР Полное собрание сочинений в одном томе
А. БЕЛЫЙ Полное собрание сочинений в двух томах
Э. Т. А. ГОФМАН Полное собрание сочинений в двух томах
В. ВЫСОЦКИЙ Собрание сочинений в одном томе
А. К. ТОЛСТОЙ Полное собрание сочинений в одном томе
Е. ШВАРЦ Полное собрание сочинений в одном томе
Е. ЗАМЯТИН Полное собрание сочинений в одном томе
Н. ГУМИЛЕВ Полное собрание сочинений в одном томе
В. МАЯКОВСКИЙ Полное собрание стихотворений, поэм и пьес в одном томе
К. БАЛЬМОНТ..... Полное собрание поэзии и прозы в одном томе
Н. НЕКРАСОВ Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе
Б. АХМАДУЛИНА Полное собрание сочинений в одном томе
Ф. СОЛОГУБ Полное собрание романов в одном томе
А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе

Издание серии продолжается

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА
представляет серию
ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

А. ДЮМА

Граф Монте-Кристо

А. ДЮМА

Три мушкетера. Двадцать лет спустя
(*Два романа*)

М. ТВЕН

Янки из Коннектикута при дворе короля Артура. Принц и нищий.
Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна
Том Сойер за границей. Том Сойер – сыщик
(*Шесть романов и повестей*)

Ж. ВЕРН

Дети капитана Гранта. Двадцать тысяч лье под водой. Таинственный остров
(*Трилогия*)

Ж. ВЕРН

Вокруг света за 80 дней. Пятнадцатилетний капитан. Жангада Михаил
Строгов. Плавающий остров (*Пять романов*)

Р.А. СТИВЕНСОН

Остров сокровищ. Черная стрела. Похищенный Катриона
Владелец Баллантрэ. Павильон на холме
Странная история доктора Джекила и мистера Хайда

К. МАЙ

Верная Рука
(*Трилогия*)

А. БУССЕНАР

Приключения парижанина
(*Трилогия*)

В. СКОТТ

Айвенго
Квентин Дорвард

«ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА»
представляет
**ПОПУЛЯРНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ**
в серии

«**ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ**»

Валерий
ЯЗВИЦКИЙ
ИВАН III –
ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

Валентин
КОСТЫЛЕВ
ИВАН ГРОЗНЫЙ

Юрий
ГЕРМАН
РОССИЯ МОЛОДАЯ

Леонтий
РАКОВСКИЙ
ГЕНЕРАЛИССИМУС СУВОРОВ
АДМИРАЛ УШАКОВ
КУТУЗОВ

Юрий
ТЫНЯНОВ
КЮХЛЯ
СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА
ПУШКИН

Издательство АЛЬФА-КНИГА представляет серию

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Вышли следующие книги серии:

Марк Твен

ЯНКИ ИЗ КОННЕКТИКУТА ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

Полный цикл из 221 рисунка американского иллюстратора Дениэла Бэрда.

Марк Твен

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА

Полный цикл из 336 рисунков Тру Вильямса и Эдварда Кэмбла.

Артур Конан Дойл

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА. ЗАПИСКИ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

В настоящее издание вошли два сборника рассказов о Шерлоке Холмсе.

Впервые в России полный комплект из 201 рисунка самого известного иллюстратора холмсианы — Сидни Пэйджета, сделанный им для журнала «Стрэнд».

Артур Конан Дойл

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Впервые в России полный комплект из 155 рисунков самого известного иллюстратора холмсианы — Сидни Пэйджета, сделанный им для журнала «Стрэнд».

Артур Конан Дойл

ПОДВИГИ БРИГАДИРА ЖЕРАРА. ПРИКЛЮЧЕНИЯ БРИГАДИРА ЖЕРАРА

Впервые в России рассказы сопровождаются 132 иллюстрациями Уильяма Уоллена, Сидни Пэйджета и Гилберта Холидея, с которыми они выходили при жизни Артура Конан Дойла в номерах журнала «Стрэнд».

Вальтер Скотт

АЙВЕНГО

В книге полностью публикуется цикл из 156 иллюстраций, которые выполнили известные художники — Ф.-Т. Ликс, Ад. Мари, Эд. Риу и А. Скотт для парижского издания 1880 г.

Вальтер Скотт

КВЕНТИН ДОРВАРД

Впервые в России полностью публикуется цикл из 156 иллюстраций, которые выполнили известные художники — Конт, Делор, Мари, Пий, Пеллисер, Сабатье и Тэйлор для парижского издания 1881 г.

Вальтер Скотт

ТАЛИСМАН, ИЛИ РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ В ПАЛЕСТИНЕ

В настоящем издании впервые в России полностью публикуется цикл из 73 иллюстраций, которые выполнили известные французские художники — А. де Ришмон и А. де Пэри для парижского издания 1892 г.

Фенимор Купер

ПИОНЕРЫ, ИЛИ У ИСТОКОВ САСКУИХАННЫ

Впервые в России публикуется полный комплект из 152 иллюстраций лучшего иллюстратора Купера — польского художника Михала Эльви́ро Андриолли.

Фенимор Купер

ПРЕРИЯ

Впервые в России публикуется полный комплект из 134 иллюстраций лучшего иллюстратора Купера — польского художника Михала Эльви́ро Андриолли.

Фенимор Купер

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Полный комплект из 137 иллюстраций лучшего иллюстратора Купера — польского художника Михала Эльви́ро Андриолли.

Льюис Кэрролл

СИЛЬВИЯ И БРУНО

Публикуется с 92 иллюстрациями художника и иллюстратора Гарри Фарнисса

Издательство АЛЬФА-КНИГА представляет серию

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Вышли следующие книги серии:

Фенимор Купер

ШПИОН, ИЛИ ПОВЕСТЬ О НЕЙТРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Настоящее издание впервые в России включает в себя полный комплект из 154 рисунков польского художника Михала Эльвиرو Андриолли.

Рафаэлло Джованьоли

СПАРТАК

Впервые в России публикуются 102 иллюстрации, сделанные к этому произведению известным итальянским художником-баталистом Николо Санези (1818 — 1889).

Луи Жаколио

ГРАБИТЕЛИ МОРЕЙ

Настоящее издание впервые в России включает в себя полный комплект из 74 иллюстраций известного художника-иллюстратора Шарля Клериса.

Генрик Сенкевич

КАМО ГРЯДЕШИ

Издание проиллюстрировано 173 рисунками известного польского художника Яна Стыки и 55 рисунками итальянского мастера Адриано Минарди.

Александр Дюма

ТРИ МУШКЕТЕРА

В настоящем издании воспроизводятся все 250 иллюстраций известного французского художника Мориса Лелуара, выполненные им для юбилейного парижского издания 1894 года и по праву считающиеся лучшими иллюстрациями к этому роману.

Александр Дюма

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В издании воспроизводятся 278 иллюстраций известных французских художников Жан-Адольфа Боса и Феликса Филиппоте.

Александр Дюма

КОРОЛЕВА МАРГО

В издании воспроизводятся 145 иллюстраций художников Лампоси и Лансело.

Жюль Верн

ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА

Полный комплект из 175 иллюстраций художника Эдуарда Риу.

Луи Буссенар

ПОХИТИТЕЛИ БРИЛЛИАНТОВ

Полный комплект из 76 иллюстраций Фера.

Луи Буссенар

КАПИТАН СОРВИ-ГОЛОВА. ЛЕДЯНОЙ АД

Полный комплект из 83 иллюстраций известных художников Клериса и Лежэ.

Луи Жаколио

В ТРУЩОБАХ ИНДИИ

Полный комплект из 83 иллюстраций художника Анри Каstellи.

Жюль Верн

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ЛЬЕ ПОД ВОДОЙ

Полный комплект из 111 иллюстраций художников Невилля и Риу.

Роберт Льюис Стивенсон

ОСТРОВ СОКРОВИЩ, ЧЕРНАЯ СТРЕЛА. Д-Р ДЖЕКИЛ И М-Р ХАЙД

Полный комплект из 156 иллюстраций художников У. Пэйджета, Л. Рида, Ж. Ру, Н. К. Уайета, Г. М. Пэйджета, Ч. Р. Макаули, Н. Кривова.

*Более полную информацию о серии можно получить на сайте
Издательства АЛЬФА-КНИГА по адресу www.armada.ru*

Издательство АЛЬФА-КНИГА представляет
лучшие произведения классиков, огромный объем иллюстраций,
высокое полиграфическое качество, приемлемая цена книги
в серии

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

полный
комплект

175 рисунков

художника Эдуарда Риу
в книге

«Морская почта» доставила письмо. В брюхе убитой акулы найдена бутылка с просьбой о помощи. Но есть проблема: координаты размыло водой. Известна лишь широта, где ждет подмоги попавший в беду отважный капитан. Но... когда нужно спасти человека, любые препятствия ничтожны. Что может противостоять отваге, решительности и знанию? Высокие горы? Дикие животные? Бурное море? Дикари-людоеды? Люди, настоящие люди, могут преодолеть любые препятствия, чтобы помочь вновь обрести отца детям отважного капитана Гранта.

Один из самых известных романов Жюль Верна.

Цена книги на нашем сайте
<http://shop.armada.ru> 220 рублей

Издательство АЛЬФА-КНИГА представляет
лучшие произведения классиков, огромный объем иллюстраций,
высокое полиграфическое качество, приемлемая цена книги
в серии

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

полный
комплект

101 рисунок

художников Альфонса де Невилля и Леона Бенз
в книге

Как победить в споре? Естественно — доказать свою точку зрения! Герои великого французского писателя Жюль Верна умеют отстаивать свои взгляды. Филеас Фог, джентльмен и путешественник, поспорил, что может обогнуть земной шар всего за восемьдесят дней, и, пережив невероятные приключения, доказал это на практике! А гениальный изобретатель Робур, поспоривший с целым лондонским клубом аэронавтов о преимуществах аппаратов тяжелее воздуха над воздушными шарами, предпочитает, чтобы приключения переживали его оппоненты. Впрочем, ему самому тоже скучать не придется.

Два всемирно известных романа Жюль Верна.

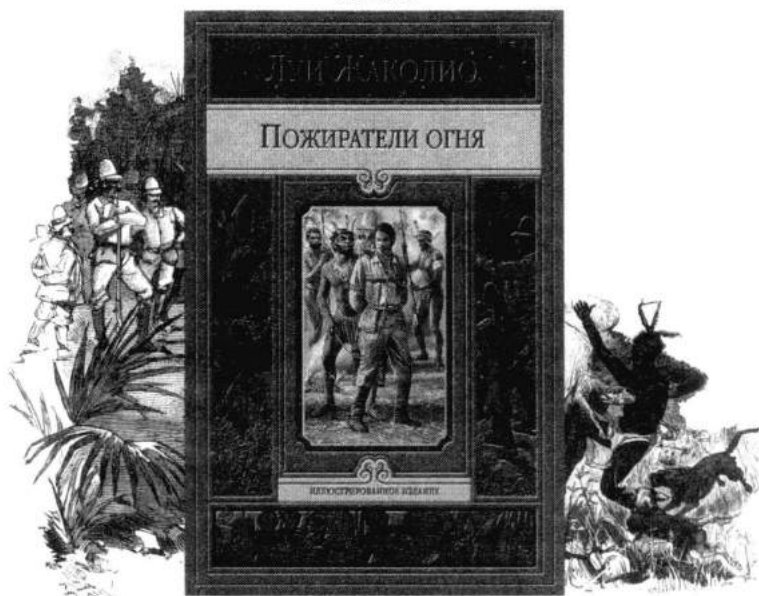
Цена книги на нашем сайте
<http://shop.armada.ru/> 220 рублей

Издательство АЛЬФА-КНИГА представляет
лучшие произведения классиков, огромный объем иллюстраций,
высокое полиграфическое качество, приемлемая цена книги
в серии

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

ВПЕРВЫЕ В РОССИИ **108** рисунков
ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ

известного художника А. Пэри
в книге

Казалось бы, что может помешать безоблачному счастью двух любящих людей — французского дипломата и русской княжны из вполне благополучных семей? Но, сами того не ведая, они нарушают планы таинственного общества Невидимых, уже определившего им разлуку и смерть. Невидимые уничтожают все, что может преградить им путь к всемирному господству. Однако благородство, верная дружба и отвага людей, вступивших в борьбу с ними, станут той силой, что сотворит чудо и истребит врагов. Захватывающие события романа разворачиваются в России и во Франции, в Америке и в Австралии. Опасные приключения, войны аборигенов, чудеса техники, австралийский буш и уральские степи создают яркий фон для проявления отваги и мужества героев.

Цена книги на нашем сайте
<http://shop.armada.ru/> 220 рублей

ISBN 978-5-9922-1300-3

9 785992 213003